This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Гравировано у Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

Digitized by Google

Дозволено цензурою С. П.Б. 2. Мая 1895 г. Печ. въ артистическомъ зав. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяч. № 1.

СОЧИНЕ

Д. В. ГРИГ

въ 12-

Digitized by Google

Digitized by Google

Печать артистическомъ зав. А.Ф. Маркса. Ср. Подъяч. № 1.

Grigorovich.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Д. В. ГРИГОРОВИЧА

въ 12 томахъ.

3-е, вновь пересмотрѣнное и исправленное авторомъ изданіе.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1896.

Digitized by Google

891.78
G86
P6
v.1-2

Дозволено цензурою. СПБ. 22 ноября 1895 г.

Типографія **А. Ф. МАРКСА**, Средняя Подъяческая, д. № 1.

Digitized by Google

Май 1896 г.

СОЧИНЕНІЯ

Д. В. Григоровича.

I.

Digitized by Google

наго ощущенія. Форточка отворяется, пятакъ или грошъ, завернутый въ бумажку, падаетъ къ ногамъ его въ награду за труды; но часто, весьма часто, истощивъ напрасно свой репертуаръ, онъ медленно удаляется, грустный, унылый, не произнося ни жалобы, ни ропота. Онъ ужъ давно привыкъ къ такой жизни.—Какая бы на улицѣ ни стояла погода, знойный жаръ, дождь, трескучій морозъ, вы его увидите въ томъ же костюмѣ, съ тою же шарманкою на спинѣ,—и все для того, чтобъ получить мѣдный грошъ, а иногда и „надлежащее распеканье“ отъ дворника, присланнаго какимъ-нибудь регистраторомъ, вернувшимся изъ департамента и послѣ сытнаго обѣда расположившимся лихо всхрапнуть. Часто шарманка кормитъ цѣлое семейство, и тогда можете себѣ представить, сколько ужасныхъ чувствъ волнуютъ горемыку при каждомъ тщетномъ покушеніи растрогать большею частію несострадательную къ нему публику. Изъ всѣхъ ремеслъ, изъ всѣхъ возможныхъ способовъ, употребляемыхъ народомъ для добыванія хлѣба, самое жалкое, самое неопредѣленное, есть ремесло шарманщика. Нѣтъ ремесленника, который пріобрѣталъ бы копейку, не имѣя въ виду явнаго барыша: полунищая баба въ грязномъ салонѣ, покрытомъ заплатками сверху до низу, продающая на Сѣнной площади вареный картофель, прикрываемый, для сохраненія въ немъ надлежащей теплоты, извѣстнымъ способомъ, то-есть безъ помощи чего-нибудь посторонняго, кромѣ тряпья, составляющаго ея исподнее платье,—приглашая гг. инвалидовъ и мужиковъ „на картофель, на горячій, служба, служба! на карто, на карто... кавалеръ, на горячій, на карто, на карто...“ и та даже совершенно увѣрена, что вернется домой съ доброю краюхой хлѣба, достаточной величины, чтобы накормить двухъ-трехъ пострѣлятъ мужескаго или женскаго пола, что очень часто трудно бываетъ разобрать, если судить по одной одеждѣ. Шарманщикъ же, спускаясь изъ-подъ кровли пяти-этажнаго дома или подымаясь изъ своего подвала, рѣдко бываетъ увѣренъ, доставитъ ли ему скудный его промыселъ кусокъ хлѣба, соберетъ ли онъ столько денегъ, чтобы въ концѣ мѣсяца заплатить за квартиру,—большею частію уголъ, нанимаемый имъ у той же торговки картофелемъ, которая за неисправный платежъ будетъ въ правѣ прогнать его со двора. Вникнувъ хорошенько въ нравственную сторону этого человѣка, находишь, что подъ грубою его оболочкою скрывается очень часто доброе начало—

совѣсть. Онъ могъ бы, какъ другіе бѣдняки, просить подаяніе; что̀ останавливаетъ его? Къ чему таскаетъ онъ цѣлый день на спинѣ шарманку, лишаетъ себя свободы, убиваетъ цѣлые мѣсяцы на дрессировку собаченокъ, или изощряетъ свое терпѣніе, чтобы выучить обезьяну дѣлать разныя штуки? Что̀ же вынуждаетъ его на такіе подвиги, если не чувство, говорящее ему, что добывать хлѣбъ подаяніемъ или плутовствомъ безчестно? Я не хочу здѣсь представлять шарманщика идеаломъ добродѣтели; еще менѣе расположенъ я доказывать, что добродѣтель составляетъ въ наше время исключительный удѣлъ шарманщиковъ и что, слѣдовательно, вы должны запастись шарманкою и отправиться съ нею по улицамъ, если считаете себя добродѣтельнымъ; далекъ я также отъ мысли разсчитывать на ваше состраданіе, представляя шарманщика злополучнѣйшимъ изъ людей. Нѣтъ, я хочу только сказать, что̀ въ шарманщикѣ, въ его частной и въ общественной, уличной жизни многое достойно вниманія. И если вы со мною согласны, то мнѣ нечего и просить васъ читать далѣе: вы это сдѣлаете сами... Я намѣренъ заняться своимъ героемъ со всѣмъ подобающимъ усердіемъ...

II.

Разряды шарманщиковъ.

Трудно опредѣлить происхожденіе слова „шарманщикъ“; тѣмъ болѣе трудно, что оно, кажется, родилось на Руси и обязано жизнію простолюдью. Называть незнакомое лицо или предметъ безъ основанія, часто даже безъ очевиднаго смысла, хотя подчасъ и характеристически мѣтко, свойственно русскому человѣку, который, какъ вы знаете, „за словомъ въ карманъ не полѣзетъ“; недосугъ ему затрудняться въ причинахъ, почему и какъ, а тутъ же, экспромтомъ, отпуститъ онъ иногда такое, что послѣ думаешь, думаешь, и все-таки не придумаешь, почему выразился онъ такъ, а не иначе, назвалъ органъ шарманкой, а не оглоблей, что было бы для него все равно... Если бъ я принадлежалъ къ числу почтенныхъ мужей, называющихъ себя корнесловами, то по поводу происхожденія слова шарманка предложилъ бы вамъ множество остроумныхъ догадокъ. „Всего вѣроятнѣе, сказалъ бы я,—что первоначальное слово было: ширманка и произошло отъ ширмъ, изъ-за которыхъ Пучинелла (Петрушка), донынѣ почти всегдашній

спутникъ шарманщика, звонкимъ своимъ голосомъ призываетъ зѣвакъ и любопытныхъ. Такое предположеніе, присовокупилъ бы я съ большею увѣренностію, тѣмъ болѣе основательно, что первые, появившіеся у насъ органы были неразлучны съ кукольною комедіей, существующею съ незапамятныхъ временъ въ Италіи". Но такъ какъ и безъ того въ продолженіе разсказа я не отчаиваюсь вамъ наскучить, то, оставивъ въ покоѣ происхожденіе слова, перехожу къ самому шарманщику. Съ перваго взгляда кажется, что всѣ шарманщики составляютъ одно цѣлое, одинъ классъ уличныхъ промышленниковъ; но въ сущности подлежатъ они безчисленнымъ разрядамъ, рѣзко отдѣляющимся другъ отъ друга, какъ занятіями, такъ и духомъ національности. Шарманщики въ Петербургѣ вообще бываютъ трехъ различныхъ происхожденій: итальянцы, нѣмцы и русскіе. Между ними итальянцы занимаютъ первое мѣсто. Они неоспоримые основатели промысла, составляющаго у нихъ самобытную отрасль ремесленности, тогда какъ русскіе и нѣмцы не болѣе, какъ послѣдователи, которые хватаются за шарманку, какъ за якорь спасенія отъ голодной смерти, или по неспособности, чаще по неохотѣ къ другому, болѣе дѣльному ремеслу.—Шарманщики рѣдко начинаютъ свое поприще съ инструментомъ, отъ котораго получили названіе; ручной органъ или, какъ принято называть, шарманка, есть уже слѣдствіе улучшеннаго состоянія.—Тюлень, заключенный въ ящикѣ и показываемый толпѣ съ обычнымъ присловьемъ: „посмотрите, господа, на звѣря морского", высокій ящикъ, покрытый зеленымъ сукномъ, съ какимъ-то дребезжаніемъ вмѣсто музыки, называемый у шарманщиковъ „фортепьяно англезе", віола съ безконечнымъ скрипомъ и плясомъ хозяина и, наконецъ, флейта или кларнетъ—вотъ средства, съ какими впервые дебютируетъ шарманщикъ на своей обширной и богатой разнообразными декораціями сценѣ—на улицахъ.—Послѣ уже, спустя два или три года, достигаетъ онъ счастливѣйшаго дня (если только до того времени не нашелъ другого средства добывать хлѣбъ), блистающаго на блѣдномъ его горизонтѣ, какъ блудящій огонекъ,—вожделѣннаго и прекраснаго дня, въ который на скопленныя деньги покупаетъ онъ шарманку.—Съ этимъ пріобрѣтеніемъ осуществляетъ онъ всѣ надежды, всѣ мечты, и, взваливъ на спину свое сокровище, думаетъ только о томъ, какъ бы обратить на себя вниманіе и получить возмездіе за всѣ

Digitized by Google

пропавшіе труды. То аккомпанируетъ онъ вальсъ Ланнера свистками и трелями, то присоединяетъ къ себѣ двухъ маленькихъ дѣтей, нанятыхъ у бѣдной трубочистихи или прачки, и заставляетъ ихъ выплясывать безсмысленный танецъ своего изобрѣтенія; то, если представляется счастливый случай, мѣняетъ тощую свою шарманку на другую, несравненно меньшую, но представляющую почтеннѣйшей публикѣ съ одной стороны презанимательное зрѣлище: Наполеона въ синемъ фракѣ и треугольной шляпѣ, вертящагося вокругъ безносыхъ дамъ, съ ногъ до головы облѣпленныхъ фольгою.—Если владѣлецъ этого сокровища итальянецъ, то онъ непремѣнно вступитъ съ вами въ разговоръ и, объясняя значеніе каждой куклы порознь, не утерпитъ, чтобъ не выбранить хорошенько Наполеона и Богъ вѣсть почему кружащихся съ нимъ австрійскихъ дамъ. Если ему снова случается накопить нѣсколько денегъ, желанія его простираются тогда еще далѣе: онъ покупаетъ высокій органъ съ блестящими жестяными трубами, мѣдными бляхами, золотыми кистями, горделиво качающійся на зеленой телѣжкѣ, везомой бурою клячею. И дѣйствительно, такое пріобрѣтеніе достойно всѣхъ пожертвованій: во-первыхъ, органъ не приходится носить, слѣдовательно, менѣе труда; во-вторыхъ, его можно возить по дачамъ, гдѣ, какъ извѣстно, люди какъ-то добрѣе, самые солидные отцы семейства наклоннѣе къ невиннымъ буколическимъ удовольствіямъ, пріѣхавшіе гулять особенно расположены тратить деньги, а главное—много дѣтей, которыя вообще большіе любители кукольной комедіи и шарманки; все это имѣетъ значительно благодѣтельное вліяніе на доходъ шарманщика, въ особенности, если онъ обладаетъ умѣньемъ занять хорошую позицію и задать серенаду кстати.—Не всѣмъ, однако, улыбается фортуна; есть бѣдняки, до глубокой старости осужденные наигрывать одну и ту же арію на кларнетѣ, или выплясывать трепака по уличному паркету, устланному булыжникомъ, аккомпанируя себѣ віолою.

Впрочемъ, такъ начинаютъ карьеру свою одни только „мѣщане“ этого класса промышленниковъ; „аристократія“ вступаетъ на нее съ бо́льшимъ достоинствомъ.

Шарманщики-аристократы рѣдко ходятъ поодиночкѣ, но большею частью компаніею; одинъ несетъ богатую шарманку, увѣнчанную бубенчиками, другой—обезьяну въ гусарскомъ платьѣ и тирольской шляпѣ, третій—ширмы и

Digitized by Google

ящикъ, наполненный куклами, одѣтыми въ разноцвѣтное тряпье, испещренное блестками; шествіе закрываетъ старый осѣдланный пудель, служащій гусару въ тирольской шлянѣ вмѣсто лошади. Другіе блуждаютъ цѣлымъ оркестромъ; третьи присоединяютъ къ себѣ гаера, который на дырявомъ коврѣ дѣлаетъ salto mortale при завываніи шарманки; романсы съ аккомпаньеманомъ арфы, ученыя собаки, двѣ или три скрипки и кларнетъ, разыгрывающіе вѣчно одинъ и тотъ же галопъ—все это показываетъ уже нѣкоторымъ образомъ зажиточность хозяевъ и высоко ставитъ ихъ надъ многочисленнымъ классомъ „мѣщанства“. Впрочемъ, и здѣсь, какъ всюду, разница сглаживается деньгами. Скромною жизнью, шарманщику-мѣщанину случается накопить маленькую сумму и тогда „аристократія“ (живущая несравненно богаче, семействомъ, и если впадающая иногда въ крайнюю нищету, то единственно по духу спекуляціи, чрезвычайно, какъ увидимъ ниже, въ ней развитому) спускается съ своихъ подмостковъ и, какъ бы движимая добрымъ чувствомъ, сближается съ прежнимъ отверженцемъ, принимаетъ его въ компанію, или, если денегъ у него не окажется болѣе, чѣмъ предполагалось, привязываетъ его къ себѣ и еще прочнѣйшими узами—узами родства. Нужно замѣтить, что деньги—единственное условіе сближенія между двумя этими разрядами, вѣчно враждующими...

III.

Итальянскіе шарманщики.

Происхожденіе ихъ чрезвычайно темно; большею частью получаютъ они жизнь подъ деревянною полуразвалившеюся кровлею хижины, живописно расположенной въ Апеннинскихъ горахъ, переименованныхъ ими въ monte Pegpi. Родители ихъ—полунищіе горцы, исполняющіе, за недостаткомъ земли, или по сродной всѣмъ итальянцамъ лѣности, скромную должность пастуховъ. Не имѣя достаточно хлѣба, чтобъ кормить часто многочисленное семейство, они отдаютъ дѣтей своихъ старому шарманщику, вернувшемуся на родину и вынужденному спустя нѣсколько времени снова приняться за шарманку и блуждать по бѣлому свѣту. Такимъ образомъ, мальчикъ покидаетъ родной кровъ, отца, мать и, ввѣрившись судьбѣ, спускается съ своихъ горъ, надѣясь когда-нибудь увидѣть ихъ снова.

Digitized by Google

Швейцарія, Тироль, Франція, Германія — вездѣ наигрываетъ онъ пять или шесть пѣсенъ, составляющихъ весь репертуаръ его; нѣтъ ни одного городка, бурга, селенія, которое не слышало бы ихъ по нѣскольку разъ. Наконецъ, доходятъ до него слухи, что гдѣ-то на сѣверѣ, въ Россіи, собратья его рѣдки, что тамъ можетъ онъ получить вѣрный барышъ: туда! а Pietroborgo! восклицаетъ бѣднякъ, и предпринимаетъ трудный походъ. Его не обманули: трудность дороги дѣйствительно вознаграждается грошами, довольно щедро выбрасываемыми на дворы и улицы. Иногда направляетъ онъ путь свой не прямо къ столицѣ, но обходитъ сначала провинціи, посѣщаетъ города, ярмарки, деревни и, скопивъ нѣсколько денегъ, является въ столицу, гдѣ нанимаетъ работниковъ изъ своего званія.— Мало-по-малу, съ прибылью денегъ, итальянецъ отстаетъ отъ бродячей жизни, заводитъ кругъ знакомства съ отечественниками-ремесленниками, гаерами, канатными плясунами, фигурщиками, носящими вѣчнаго амура съ сложенными на́крестъ руками, кошку, болтающую вправо и влѣво головою, Наполеона, окрашеннаго розовой краской, всѣхъ возможныхъ формъ, видовъ и несходствъ, и, наконецъ, женится на дочери одного изъ своихъ пріятелей. Заведшись такимъ образомъ хозяйствомъ, итальянскіе шарманщики неизвѣстно почему избираютъ жилище въ Подьяческихъ и Мѣщанской. Маленькій двухъэтажный деревянный домъ, выкрашенный всегдашнею зеленогрязною краскою и возвышающійся въ углу темнаго двора, служитъ имъ убѣжищемъ. Наружность такого рода строеній облѣплена обыкновенно галлереей, на которую съ трудомъ взбираешься по шаткой лѣстницѣ, украшенной по угламъ (у каждой двери) кадкою, на поверхности которой плаваютъ яичныя скорлупы, рыбій пузырь и нѣсколько угольевъ; вообще лѣстницы эти, не считая уже спиртуознаго запаха (общей принадлежности всѣхъ петербургскихъ черныхъ лѣстницъ), показываютъ совершенное неуваженіе хозяевъ къ тѣмъ, которымъ суждено спускаться и подниматься по нимъ. Квартира шарманщика почти всегда находится въ концѣ такой галлереи, по причинѣ дешевизны, и состоитъ изъ двухъ комнатъ, сдѣланныхъ изъ одной.

Если вы хотите имѣть о ней точное понятіе, то потрудитесь нагнуться и войти въ первую комнату. Первый предметъ, на которомъ остановятся ваши взоры, отума-

ненные слезою (по причинѣ спиртуозности лѣстницы), будетъ неимовѣрной величины русская печь, покрытая копотью и обвѣшанная лохмотьями, составляющими гардеробъ хозяевъ; стѣны и потолокъ усѣяны тѣми пріятными насѣкомыми, которыя пользуются честію носить названіе, одинаковое съ извѣстнымъ европейскимъ народомъ. (Я выразился бы и проще; но боюсь людей, не привыкшихъ „сморкаться“ тамъ, гдѣ есть возможность „обойтись посредствомъ платка“)... Стѣны эти окружены длинными скамьями, на которыхъ въ разныхъ, чрезвычайно неграціозныхъ положеніяхъ лежатъ работники—русскіе, нѣмцы, итальянцы, нанятые хозяиномъ, какимъ-нибудь signor Charlotto Bonissy. Посреди комнаты стоятъ ящики съ соломою, и три или четыре обезьяны не перестаютъ въ нихъ возиться и пищать самымъ непріятнымъ дискантомъ; нѣсколько ширмъ, коробокъ съ куклами, мѣшковъ съ мукою и макаронами разбросано по разнымъ угламъ; кадка съ помоями издаетъ изъ-подъ печки особенно непріятный запахъ; дымъ, вiясь изъ коротенькихъ деревянныхъ трубокъ (необходимой принадлежности русскихъ работниковъ), наполняетъ освобожденное отъ хлама пространство; говоръ, хохотъ, пискъ обезьянъ, лай собакъ, визгъ дѣтей—заглушаютъ храпѣнье нѣсколькихъ шарманщиковъ, сверхъестественно согнувшихся на печкѣ, на лавкахъ и на полу. Наконецъ, одно маленькое окно пропускаетъ въ комнату нѣсколько лучей свѣта, и то не всегда, потому что если въ компаніи есть хоть одинъ русскій человѣкъ, то стекла непремѣнно залѣплены разными фигурками, съ извѣстнымъ искусствомъ вырѣзанными изъ сахарной бумаги, между которыми козелъ съ необыкновенно большими рогами и бородою прежде всѣхъ бросается въ глаза. Вторая комната представляетъ совершенно противоположное зрѣлище; тутъ тотчасъ замѣтно присутствіе женщинъ. Не только чистота и порядокъ составляютъ отличительное ея свойство, но даже замѣтно нѣкоторое притязаніе на роскошь: стѣнные часы огромнаго размѣра, годные для любой башни, съ привѣшенными вмѣсто гирь кирпичами; на окнахъ горшки съ жиденькими растеніями, занавѣски, комодъ, столъ съ блистающимъ самоваромъ, широкая постель, наконецъ, шарманки различныхъ величинъ и свойствъ, въ рядъ расположенныя вдоль стѣны—показываютъ присутствіе самого хозяина. Едва часы пробили восемь, какъ все народонаселеніе квартиры пробуждается, опоражни-

Digitized by Google

ваетъ чашку щей или макаронъ и, взваливъ на плечи каждый свою принадлежность, спускается на улицу, гдѣ, раздѣлившись на партіи, принимаетъ разныя направленія. Главный промыселъ итальянцевъ — кукольная комедія. Разумѣется, та, которая доставляетъ на нашихъ дворахъ столько удовольствія подмастерьямъ въ нестрядинныхъ халатахъ, мамкамъ и дѣтямъ, а подчасъ и взрослымъ, не похожа на ту, которую вывезъ онъ изъ своего отечества. Обрусѣвшій итальянецъ перевелъ ее какъ могъ на словахъ русскому своему работнику, какому-нибудь забулдыгѣ, прошедшему сквозь огонь и воду, обладающему необыкновенною способностью врать не запинаясь и приправлять вранье свое прибаутками,—и тотъ уже переобразовалъ ее по-своему. Нигдѣ характера народнаго русскаго юмора такъ сильно не проявляется, какъ въ передѣлкахъ такого рода; нигдѣ такъ рѣзко не выказывается бѣднякъ, на фуфу заработывающій копейку. Въ діалогахъ Пучинелла русскаго произведенія и соотвѣтствующихъ ему персонажей, въ ихъ дѣйствіяхъ, въ самомъ расположеніи комедіи, ими представляемой, вы тотчасъ найдете сродство съ тѣми русскими пѣснями, въ которыхъ слова набраны только для риѳмы и не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ риѳмы, съ тѣми сказками, гдѣ все дѣлается по щучьему велѣнью и ни въ чемъ разсказчикъ ни себѣ, ни слушателямъ не отдаетъ отчета. Напримѣръ, при всѣхъ моихъ стараніяхъ, я никакъ не могъ добится, почему въ извѣстной уличной комедіи, особенно любимой народомъ, является лицо, совершенно постороннее дѣйствію, ни съ которой стороны, повидимому, не нужное,—лицо, извѣстное подъ именемъ „Петрушки“, безъ котораго, какъ вы знаете, не обходится ни одно уличное представленіе? Или, по какой причинѣ, прежде нежели (въ той же комедіи) чортъ — чрезвычайно похожій на козла — долженъ увлечь Пучинелла, являются на сцену два арапа, играющіе палкою и прерывающіе дѣйствіе?—для чего?.. Попробуйте добиться у шарманщика! — „Нѣтъ-съ, ужъ оно такъ, прежде-съ арапы, а ужъ послѣ чортъ уноситъ Пучинелла, ужъ такъ водится, такъ быть слѣдуетъ“,—отвѣчаетъ онъ, оставивъ васъ въ совершенномъ недоумѣніи насчетъ появленія Петрушки и обоихъ араповъ.

Впрочемъ, кукольная комедія не есть еще единственный ресурсъ итальянскаго шарманщика; учёныя обезьяны, уличный гаеръ составляютъ также исключительную его

Digitized by Google

принадлежность и кромѣ того жена и дочери (разумѣется, если таковыя есть налицо) не мало способствуютъ къ благосостоянію дома. Выражаясь такъ, я хочу сказать только, что мать выливаетъ изъ воска херувимчиковъ, разыгрывающихъ на вербахъ не маловажную роль, а дочери, хорошенькія итальяночки съ продолговатыми личиками, шьютъ по заказу платья, или раскрашиваютъ модныя картинки и верхушки помадныхъ бачокъ. Вообще, итальянскіе шарманщики не представляютъ намъ толпу безпутныхъ бродягъ, но, напротивъ того, картину скромныхъ и тихихъ ремесленниковъ. Они чрезвычайно любятъ свое ремесло и считаютъ его благороднымъ искусствомъ, художествомъ; я никогда не забуду, какъ разъ одинъ изъ нихъ, на вопросъ мой: „каково идутъ дѣла его въ Петербургѣ?“ отвѣчалъ мнѣ ломанымъ французскимъ языкомъ: „Oh! mon signore, nous povero artisto pas bien vivere à Pietroborgo; à Pietroborgo on n'aime pas beaucoup les artisto... le publiko ne pas aimer la musica, signore..!“ Страсть къ благородному искусству часто простирается до того, что итальянецъ проводитъ цѣлые мѣсяцы на улучшеніе шарманки; онъ облѣпливаетъ ее разными фигурками, украшеніями, прикрѣпляетъ къ сторонамъ ея треугольникъ, бубенчики, тарелки, турецкій барабанъ, навѣшиваетъ колокольчики и, приведя все въ движеніе веревочкою, привязанною къ ногѣ, самодовольно посматриваетъ на своихъ собратій, воображая себя обладателемъ восьмого чуда въ мірѣ.—Помѣщикъ, показывающій вновь выстроенный домъ свой, не пропуская малѣйшей подробности, и хвастающій даже устройствомъ тѣхъ мѣстъ, куда никто не заходитъ безъ настоятельной нужды, не такъ старается вырвать у васъ похвалу, какъ шарманщикъ, только что купившій шарманку. Онъ нѣсколько разъ откроетъ ее, развинтитъ, попроситъ васъ посмотрѣть внутренность, пощупать, погладить, повертѣть ручкою, наконецъ, опредѣлить ея цѣнность, и все для того только, чтобы не уронить въ вашемъ мнѣніи себя и горемычное ремесло свое.

Имѣя столько средствъ къ наживанію денегъ, итальянскіе шарманщики легко могли бы, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, вернуться въ свои горы, обезпеченные на всю жизнь, но природное влеченіе къ деньгамъ и спекуляціямъ часто ввергаетъ ихъ снова въ нищенское состояніе. То фабрика гипсовыхъ фигуръ, какъ извѣстно, раскупающихся плохо и за безцѣнокъ; то постройка балагана на

Digitized by Google

Адмиралтейской площади, гдѣ показываютъ ученыхъ обезьянъ, китайскія тѣни, кукольную комедію,—что все въ общей сложности представляетъ хозяину болѣе издержекъ, нежели барыша, то, наконецъ, попытка основать какое-нибуть ремесленное заведеніе—одно изъ такихъ предпріятій, рано ли, поздно ли, разоряетъ бѣднаго труженика въ пухъ и снова вынуждаетъ бродить по улицамъ съ шарманкою, собирать по грошу и кормить семейство кускомъ черстваго хлѣба, добываемаго трудомъ и потомъ.

IV.

Русскіе и нѣмецкіе шарманщики.

Хотя шарманка рѣдко бываетъ удѣломъ нѣмцевъ, все-таки сходство промысла даетъ имъ мѣсто въ общемъ классѣ, нами описываемомъ.

Нѣмецкіе шарманщики бываютъ двухъ родовъ. Одни приходятъ къ намъ изъ Швейцаріи, Тироля, Германіи и промышляютъ съ самаго дѣтства, другіе образовались въ Петербургѣ слѣдствіемъ какихъ-нибудь жизненныхъ переворотовъ. Вообще, частный бытъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ представляетъ большого интереса. Они живутъ [illegible] на Сѣнной и Гороховой въ самомъ жалкомъ и незавидномъ положеніи. Ужъ въ томъ отчасти ихъ натура виновата. Итальянецъ, напримѣръ, преданъ своему ремеслу душой и тѣломъ; онъ оборотливъ, смѣтливъ, хитеръ, веселъ и веселостію своею завлекаетъ, интересуетъ, электризуетъ свою публику. Нѣмецъ—сущая флегма; онъ вялъ, небреженъ и не возбуждаетъ никакого участія въ русскомъ человѣкѣ, который любитъ, чтобъ его тѣшили, не жалѣя усилій. Онъ никогда не старается васъ позабавить, произвести на васъ пріятное впечатлѣніе; напротивъ, вся его цѣль—надоѣсть кому-нибудь одною и тою же скучною аріею и получить деньги отъ выведеннаго изъ терпѣнія обывателя, съ условіемъ оставить его въ покоѣ.

Вотъ политика нѣмецкаго шарманщика, не всегда приносящая денежный результатъ. Впрочемъ, средства ихъ промысла довольно многочисленны: органъ, издающій пискливые звуки—„По всей деревнѣ Катенька“, сопровождаемые заунывнымъ аккомпаниментомъ хозяина; арфа, на которой обыкновенно играетъ сухощавая нѣмка въ огромнымъ чепцѣ и черной шали, нѣмка съ лоснящимся краснымъ лицомъ и необыкновенно острымъ носомъ,—въ

Digitized by Google

то время, какъ мужъ ея выдѣлываетъ на своей скрипкѣ быстрыя варіаціи; ученыя собаки, прыгающія на заднихъ лапахъ, подъ музыку знаменитой поѣздки Мальбруга въ походъ, и боязливо посматривающія на плечистаго хозяина, вооруженнаго бичомъ, годнымъ для слона; віола съ приплясываніемъ и присвистываніемъ маленькаго тирольца, одѣтаго въ національный костюмъ; наконецъ, бродячіе оркестры, состоящіе или исключительно изъ однихъ тромбоновъ, оглушающихъ скромныхъ жителей дворовъ, или изъ двухъ-трехъ скрипокъ да кларнета. Кромѣ того, подобно итальянцамъ, нѣмцы-шарманщики имѣютъ еще частные промыслы: приготовляютъ зажигательныя спички, курительныя свѣчи, порошки, воспитываютъ щенковъ, которыхъ, по окончаніи курса, передаютъ инвалиду съ раздутой губой, а инвалидъ сбываетъ ихъ чувствительнымъ томнымъ барынямъ, носящимъ букли и ридикюль, или чиновникамъ, отцамъ семейства, любящимъ дѣлать сюрпризы дочерямъ и не находящимъ для такого употребленія ничего лучше мохнатыхъ болонокъ или курносыхъ мопсовъ.

Нѣмецкихъ шарманщиковъ въ Петербургѣ не много; большею частью они не долго остаются въ этомъ званіи, нисколько не соотвѣтствующемъ ихъ характеру.

Выгнанный хозяиномъ безродный подмастерье, закутившійся лакей, приказчикъ, пожертвовавшій хозяйскими деньгами пристрастію къ орлянкѣ, свайкѣ и картамъ, а иногда и бѣднякъ, лишенный мѣста несправедливымъ баріномъ, составляютъ незначительную часть русскихъ шарманщиковъ, ежедневно шлифующихъ петербургскіе тротуары. Непреодолимое влеченіе оставлять послѣдній грошъ въ заведеніи подъ фирмою: „съ распивочной“, рано или поздно, заставляетъ его обратиться къ итальянцу, содержащему шарманщиковъ. Правда, и русскіе шарманщики живутъ иногда въ независимости отъ итальянца-хозяина, но ужъ не иначе, какъ компаніею; рѣдко, весьма рѣдко, кто-нибудь изъ нихъ отдѣляется отъ толпы и живетъ одинъ съ своимъ органомъ; ему нужно непремѣнно „компанство“, товарищи; онъ вообще склоненъ къ общественной жизни. Селятся они на Петербургской сторонѣ, въ скромной лачужкѣ, обнесенной съ трехъ сторонъ огородами; четвертая же, какъ водится, смотритъ въ узкій переулокъ, въ перспективѣ котораго возвышается пестрая будка. Въ этихъ жилищахъ выказывается вполнѣ харак-

Digitized by Google

теръ почтенныхъ нашихъ соотечественниковъ, народныхъ виртуозовъ, со всею ихъ безпечностью. Хотя горе (часто залетающее къ русскому шарманщику) приводитъ его иногда въ такое положеніе, что хоть ложись да умирай съ голоду, но, несмотря на то, въ немъ, какъ и въ каждомъ русскомъ простолюдинѣ, не угасаетъ стремленіе къ „художеству“. Онъ непремѣнно оклеиваетъ стѣны свои лачуги любопытными картинками: „Торжество Мардохея“, „Аманъ у ногъ своей любовницы“, „Мужики Долбило и Гвоздило, побивающіе французовъ“, „Видъ города Сызрани“ (такого рода пейзажи состоятъ обыкновенно изъ маленькихъ пригорковъ въ видѣ сахарныхъ головокъ, расположенныхъ одинъ на другомъ, съ травкою на каждой вершинкѣ и увѣнчанныхъ рядомъ кривыхъ куполовъ), „Портной въ страхѣ“ и тому подобныя созданія отечественной фантазіи рѣзко выдаются красными, пунцовыми и желтыми пятнами на закопченыхъ стѣнахъ. Рядомъ съ изображеніемъ какого-нибудь фельдмаршала, занимающаго съ лошадью все поле картины, вы увидите верхушку помадной банки съ надписью: „а ла віолетъ“, или надъ трогательною сценою, погребеніе кота мышами, тотчасъ же прилѣпленъ портретъ Кизляръ-аги.

Нѣтъ ничего безпечнѣе русскаго шарманщика; онъ никогда не заботится о слѣдующемъ днѣ, и если случается ему перехватить кой-какія деньжонки, обезпечивающія его на нѣсколько дней, онъ не замедлитъ пригласить товарищей въ ближайшій „кафе-ресторанъ“, гдѣ за сходную цѣну можно получить пиво, селедку и чай. Какъ неаполитанскій лазарони, онъ не будетъ работать, если денегъ, добытыхъ утромъ, достаточно на вечеръ: нашатавшись досыта, нашъ виртуозъ возвращается домой и, если усталость не клонитъ его на жиденькій тюфякъ, служащій ему постелью, онъ предается мирнымъ занятіямъ, сроднымъ мягкой его душѣ: слушаетъ, какъ одинъ изъ его товарищей, грамотей труппы, читаетъ добытыя на толкучкѣ брошюрки. Его въ особенности восхищаютъ книги: „Жизнь нѣкотораго Аввакумовскаго Скитника, въ брынскихъ лѣсахъ жительствовавшаго, и курьезный разговоръ души его при переѣздѣ черезъ рѣку Стиксъ“, „Анекдоты Балакирева“, „Похожденіе Ваньки Каина со всѣми его сысками, розысками и сумасбродною свадьбою“, „Исторія о храбромъ рыцарѣ Францылѣ Венцыанѣ и прекрасной королевѣ Ренцывенѣ“, „Козелъ бунтовщикъ, или Машина свадьба“, — сочиненіе удивительное,

Digitized by Google

въ эпиграфъ которому прилажено: „всѣ сочиненія теперь въ пыли, а это только-что взято изъ были“; „Кандрашка Булавинъ“, „Вредъ отъ пьянства“—книги, въ особенности послѣдняя, чрезвычайно назидательныя, но приносящія какъ читателямъ, такъ и слушателямъ мало существенной пользы.

Къ удивленію, въ публикѣ, русскій шарманщикъ какъ-то не общежителенъ, онъ мало обращаетъ вниманія на своихъ слушателей, всегда почти пасмуренъ, недоволенъ собою, развѣ завлечетъ его дружескій ударъ по плечу знакомаго кучера съ привѣтствіемъ: „эхъ, братъ Ванюха!!!“

V.

Уличный гаеръ.

Чердакъ одного изъ огромныхъ домовъ, окружающихъ Сѣнную площадь, служитъ обыкновенно мѣстомъ его рожденія. Какая-нибудь прачка, горничная третьяго разряда, обманутая лакеемъ, раздѣляющимъ любовь свою между кабакомъ и махоркою, причина появленія на свѣтъ будущаго уличнаго гаера. Первый взглядъ, брошенный новорожденнымъ на полухмельного отца своего, бываетъ часто послѣднимъ взглядомъ; непостоянный, вскорѣ послѣ рожденія на свѣтъ залога любви, бросаетъ свою подругу и чердакъ, съ твердымъ намѣреніемъ разыграть роль Ловеласа въ другихъ, болѣе удобныхъ мѣстахъ. Бѣдная женщина остается такимъ образомъ одна въ своемъ жилищѣ, гдѣ спартанецъ не нашелъ бы лишней роскоши. Убѣдившись въ невѣрности своего любезнаго, она тотчасъ же принимается за работу; чувство матери придаетъ ей новыя силы и вскорѣ вознаграждаетъ потерянное время. Между тѣмъ малютка растетъ; онъ уже бѣгаетъ по комнатѣ, лепечетъ несвязныя слова и ѣстъ уголья и глину, заимствуя ихъ у печки—шалость, за которую мать имѣетъ причины не слишкомъ строго взыскивать. Птичка покидаетъ гнѣздо, едва почувствуетъ свои силы, и летитъ далеко въ небо, купаясь въ синевѣ его, или спускается въ кущу пахучей липовой рощи, оглашая громкимъ чиликаньемъ песчаный берегъ близъ-журчащей рѣчки; точно такъ же и герой нашъ оставляетъ родной чердакъ, почувствовавъ себя въ силахъ помощію рукъ и ногъ спуститься по грязной лѣстницѣ на улицу. Воспитаніе его окончено; природа была первымъ его наставникомъ, время довершитъ остальное. Тро-

Digitized by Google

туары и мостовая, давно пожираемые жаднымъ его взоромъ съ чердака, гдѣ получилъ онъ существованіе, появляясь ему теперь въ полномъ блескѣ, представляютъ тысячу развлеченій и удовольствій. Толпы такихъ же, какъ онъ, мальчишекъ, шарманщики, кукольная комедія, бабки, лотки, уставленные апельсинами и пряниками, солдаты, проходящіе по площади съ музыкою впереди — все это до такой степени очаровываетъ молодое его воображеніе, что онъ готовъ лучше цѣлыя сутки просидѣть на улицѣ подъ дождемъ, любуясь на воду, извергаемую жолобомъ, нежели идти домой. Но извѣстно всякому, даже не читавшему дѣтскихъ прописей, что счастіе скоротечно и исполнено треволненій. Едва минуло мальчугану восемь лѣтъ, какъ заботливая мать уже думаетъ о томъ, какъ бы доставить ему честное хлѣбное ремесло. То вталкиваетъ его въ общую колею уличной промышленности, привѣсивъ ему на шею деревянный ящикъ, наполненный спичками, снабдивъ его тросточками, сургучомъ, зелеными яблоками, или, если есть кой-какія средства, избираетъ своему дѣтищу болѣе прочное ремесло, поручая его богатому мастеровому. Натянувъ на плечи толстый полосатый халатъ, мальчикъ становится подмастерьемъ. Хотя халатъ можетъ помѣстить въ широкихъ полахъ своихъ трехъ такихъ молодцовъ, но подмастерье, уже вкусившій разъ свободы, чувствуетъ его тѣснымъ и, по возможности, старается стрясти съ себя это иго. Избалованные мальчишки-товарищи скоро увлекаютъ новичка; каждое воскресенье отправляются они на Крестовскій на цѣлый день, гдѣ проявляется впервые идея о кутежѣ. Съ пряниковъ и кедровыхъ орѣховъ переходитъ на трубку, съ трубки на вино; бѣднякъ, увлеченный болѣе и болѣе, дѣлается негодяемъ и кончаетъ обыкновенно карьеру свою у хозяина воровствомъ или побѣгомъ.

Выгнанный хозяиномъ или бѣжавшій отъ него, онъ случайно сталкивается съ содержателемъ труппы кочующихъ фигляровъ; мать ли его стираетъ бѣлье на эту труппу, или онъ самъ заводитъ знакомство, однимъ словомъ, бывшій подмастерье дѣлается членомъ труппы, въ качествѣ портного или сапожника, съ назначеніемъ перекраивать извѣстныя лохмотья или приставлять подметки. Но званіе это, вмѣсто того, чтобъ доставить ему кусокъ хлѣба, дѣлается источникомъ всѣхъ его бѣдъ и несчастій. Фигляры, волтижоры, канатные плясуны являются предъ нимъ господами, героями; страждущее самолюбіе не даетъ

Digitized by Google

ему покоя ни днемъ, ни ночью; ему грезится бархатный камзолъ, шитый блестками, рукоплесканія, дружба и радушіе фигляровъ, вмѣсто презрѣнія, и онъ рѣшается, во что бы то ни стало, достигнуть высокой для него цѣли. Хитрый хозяинъ, подмѣтивъ эту слабость и не имѣя особеннаго желанія платить своему работнику, предлагаетъ ему, вмѣсто денегъ, услуги; бѣднякъ съ восторгомъ принимаетъ предложеніе и ввѣряетъ свои члены бичу и палкѣ хозяина.

Тутъ наступаетъ для него трудная школа, и если онъ до конца выдерживаетъ ее, то по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ удостоивается пріема въ компанію. Разумѣется, претензіи его на жалованье считаются дерзостію и потому онъ немедленно переходитъ въ другую труппу уже дѣйствующимъ лицомъ, съ правомъ быть выставленнымъ на афишѣ. Въ этихъ труппахъ герой нашъ обязанъ выполнять всѣ возможныя „амплуа“ по благоусмотрѣнію антрепренера, какого-нибудь г. Каспара, Вейнерта, Добрандини и т. д. Начиная съ обязанности ламповщика и кончая почетнымъ званіямъ волтижора, переходитъ онъ всѣ состоянія: поочередно является передъ почтеннѣйшей публикой клоуномъ, Кассандромъ, паяцомъ, чортомъ, глотаетъ шпаги, зажженный ленъ, подымаетъ гири, играетъ въ пантомимахъ, кончающихся обыкновенно тѣмъ, что всѣ дѣйствующія лица, безъ исключенія, исчезаютъ въ исполинской пасти холстяного чорта; дѣятельность его иногда баснословна: онъ въ одно и то же представленіе сзываетъ зрителей, продаетъ билеты на входъ, дѣлаетъ salto mortale, танцуетъ на канатѣ, перепрыгиваетъ помощію трамплина чрезъ двѣнадцать солдатъ, танцуетъ на лошади, играетъ какую-нибудь роль въ слѣдующей за симъ пантомимѣ и часто довершаетъ представленіе колѣнцемъ изъ русской пляски, отхваченнымъ съ примадонною труппы. Но не продолжительна блестящая эпоха его жизни; когда масленая, а затѣмъ и святая недѣли миновали, онъ вынужденъ безчестить (такъ выражается гаеръ) благородное ремесло свое, вступивъ гаеромъ къ богатому шарманщику, съ условіемъ получать по двадцати пяти копеекъ мѣди съ рубля, добытаго на дворахъ и улицахъ.

Должно замѣтить, что уличный гаеръ всегда почти русскій; балаганные его товарищи, будучи иностранцами, тотчасъ же по истеченіи праздниковъ уѣзжаютъ за границу, оставивъ его на произволъ судьбы. Спустясь съ своихъ подмостковъ на худощавый коверъ, бывшій Геркулесъ

Digitized by Google

показываетъ намъ свое искусство при завываніи шарманки и гудѣніи тамбурина. Бо̀льшую часть года уличный гаеръ проводитъ у шарманщиковъ, и это время составляетъ несчастнѣйшую часть его жизни.

Деньги, получаемыя на улицахъ, едва достаточны на содержаніе, а такъ какъ онъ любитъ послѣ дневныхъ трудовъ посибаритствовать, то нажитое въ балаганѣ мало-по-малу исчезаетъ въ заведеніяхъ. Съ каждымъ днемъ положеніе его становится хуже и хуже; къ концу года остается у него одно платье, и онъ уже, по русскому обычаю, сбирается угостить товарищей на послѣдній камзолъ, шитый блестками, какъ является хозяинъ балагана и завербовываетъ его на слѣдующіе праздники. Безъ этого прощай и камзолъ, и человѣкъ, все бы погибло! Несмотря на скудную жизнь уличнаго гаера у шарманщика, онъ не унываетъ духомъ, и хотя наружность его пасмурна, смотритъ онъ исподлобья и всегда ворчитъ, но это продолжается только до минуты, когда онъ входитъ на дворъ, намѣреваясь дать представленіе. Въ то время, какъ одинъ изъ его товарищей разстилаетъ на мостовой тощій коверъ, служащій ему ареною, гаеръ гордо посматриваетъ на толпу, сбѣжавшуюся смотрѣть на него. Взгляните, съ какою самодовольною улыбкою сбрасываетъ онъ съ себя длиннополый сюртукъ, скрывающій пунцовый камзолъ и широкіе бѣлые шаровары. Бубенъ и шарманка играютъ интродукцію, гаеръ встряхиваетъ курчавою головою, отходитъ нѣсколько шаговъ назадъ и, разбѣжавшись, становится на руки; salto mortale слѣдуютъ одно за другимъ, публика рукоплещетъ, гроши сыплются изъ оконъ, но гаеръ ничего этого не примѣчаетъ; у него давно на носу стулъ, на которомъ сидитъ маленькая дѣвочка, взятая изъ толпы... Унылые звуки „Лучинушки“ возвѣщаютъ конецъ представленія; гаеръ надѣваетъ снова сюртукъ, нахлобучиваетъ на взъерошенные свои волосы избитую шляпу и покидаетъ дворъ, преслѣдуемый тою же публикою, еще долго не покидающею его.

Не всѣ уличные гаеры случайно попадаютъ въ тяжкое свое ремесло; есть такіе, которые посвящаются ему съ самаго дѣтства. Дѣти стараго фигляра или гаера, они поневолѣ должны идти по стопамъ отца и обыкновенно кончаютъ жизнь или на этомъ поприщѣ, или отъ неудачнаго salto mortale. Положеніе ихъ самое несчастное; отъ колыбели до гроба обречены они неимовѣрнымъ трудамъ,

не имѣя другого способа кормить себя, такъ какъ гаеръ по призванію имѣетъ всегда время отказаться отъ гаерства, коль скоро почувствуетъ его тягостнымъ. Часто случается, что, проведши нѣсколько лѣтъ въ этомъ званіи, онъ возвращается къ прежнему ремеслу своему, и вы не мало удивитесь, увидѣвъ того самаго гаера, которымъ восхищались на дворѣ, который такъ ловко ходилъ на рукахъ, держалъ на носу стулъ и повертывалъ на мизинцѣ тамбуринъ, съ шиломъ или ножницами въ рукахъ.

VI.

Публика шарманщика.

Въ осенній вечеръ, около семи часовъ, партія шарманщиковъ поворотила съ грязнаго канала въ узкій переулокъ, обставленный высокими домами. Шарманщики замѣтно устали. Одинъ изъ нихъ, высокій мужчина флегматической наружности, лѣниво повертывалъ ручкою органа и едва передвигалъ ноги; другой, навьюченный ширмами, бубномъ и складными козлами, казалось, пересталъ уже и думать объ усталости; только рыжій мальчикъ съ ящикомъ куколъ нимало не терялъ энергіи.

Шарманщики, кажется, намѣреваются войти въ ворота одного знакомаго и прибыльнаго дома.

Такъ! нѣтъ сомнѣнія! Комедія будетъ! Они вошли на дворъ, вотъ уже заиграли какой-то вальсъ и раздался пронзительный крикъ Пучинелла. Оборванный мальчишка, который до того времени спокойно сидѣлъ на тумбочкѣ, игралъ камешкомъ и дразнилъ сестру съ двумя маленькими ребятишками на рукахъ, вдругъ вскочилъ, сдѣлалъ братьямъ еще гримасу и, перескочивъ чрезъ всю группу, сломя голову бросился на дворъ. Будочникъ, стоявшій тутъ же, съ прилѣпленною къ стѣнѣ будкою, снисходительно улыбнулся и понюхалъ березинскаго. Два солдата, занятые весьма интереснымъ разговоромъ, замѣтивъ вошедшихъ въ домъ шарманщиковъ, остановились, съ минуту оставались въ нерѣшимости и, наконецъ, вошли.

Баба, съ необыкновенно-краснымъ лицомъ и вѣникомъ подъ мышкою, послѣдовала ихъ примѣру; однимъ словомъ, эффектъ былъ произведенъ.

Отчего же бы и намъ не зайти? Дворъ широкъ и просторенъ; на него выходитъ до сотни оконъ. Посреди двора уже поставлены ширмы; флегматическій носитель

Digitized by Google

шарманки успѣлъ уже уставить свою ношу на складныя козла и игралъ интродукцію. Представленіе не могло замедлиться, потому что на публику нельзя было жаловаться: она сбѣгалась со всѣхъ сторонъ. Но шарманщикъ не переставалъ оглядывать окна, изъ которыхъ начинали высовываться головы любопытныхъ, естественно ожидая отъ нихъ болѣе, чѣмъ отъ толпы сгруппировавшихся вокругъ него зѣвакъ.

Крикъ Пучинелла раздается въ другой и третій разъ, верхніе этажи населяются, оживляются, кучи самыхъ разнообразныхъ головъ перевѣшиваются на подоконники; виденъ и чиновникъ въ пестромъ халатѣ, красной ермолкѣ и съ трубкою въ зубахъ; рядомъ съ нимъ артель работниковъ заняла цѣлыя шесть оконъ сряду; хорошенькая женщина и болонка помѣстились на сафьянной подушкѣ, брошенной на окно; кое-гдѣ выглянуло нѣсколько размалеванныхъ лицъ, обратившихъ на мгновеніе общее вниманіе.

Чиновникъ Ѳедосей Ермолаевичъ, весьма почтенный человѣкъ, занимавшій выгодное мѣсто и котораго самъ директоръ однажды потрепалъ по плечу, также былъ пробужденъ послѣ обѣденнаго отдыха призывными криками Пучинелла.

— Терешка! что̀ это, братецъ, тамъ такое? закричалъ Ѳедосей Ермолаевичъ, зѣвая и потягиваясь.

— Шарманщики, сударь, отвѣчалъ Терешка, дѣлая движеніе рукою и головою къ окошку.

— Да какъ же это они, братецъ... того?..

Но тутъ новый крикъ Пучинелла совершенно разбудилъ Ѳедосея Ермолаевича; онъ потянулся еще разъ, всталъ съ постели и заспанными глазами посмотрѣлъ на дворъ.

— Папенька, то, то, то, они вотъ все, вотъ такъ, вотъ все играютъ? спросилъ маленькій Ермолай Ѳедосеевичъ, таща всѣми силами отца къ окну. Ребенокъ гнусилъ, произнося послѣднія слова нараспѣвъ, что, впрочемъ, нисколько не мѣшало ему быть любопытнымъ и подавать большія надежды.

— Шарманщикъ, душечка...

— Нѣтъ, нѣтъ, то, вотъ они, вотъ такъ, вотъ все играютъ? продолжалъ ребенокъ, требуя непремѣнно объясненія.

— Шарманщикъ, душечка...

— Нѣтъ, нѣтъ, то, они все такъ...

Но и мы, не находя отвѣтъ Ѳедосея Ермолаевича удовле-

творительнымъ, спустимся лучше внизъ вмѣстѣ съ нянькою, торопливо выносившею пискливаго ребенка, который не давалъ ей покоя цѣлые три часа.

Комедія должна начаться сію минуту, публикѣ некуда уже было помѣститься. Два солдата, долго колебавшіеся вмѣшаться въ толпу, стояли теперь на первомъ планѣ; ихъ плотно окружала орда мастеровыхъ въ изодранныхъ армякахъ, съ выпачканными сажею лицами; мамки, няньки, кормилицы съ ребятишками всѣхъ сортовъ и возрастовъ пестрѣли въ толпѣ яркими сарафанами; денщикъ, возвращаясь съ четверкою вакштафа, которую съ нетерпѣніемъ ожидалъ вновь произведенный прапорщикъ, казалось, позабылъ своего господина; босоногая дѣвчонка, остриженная въ кружокъ, стояла въ какомъ-то безсмысленномъ созерцаніи, держа въ рукахъ корзинку съ копеечными сухарями; толстый баринъ въ очкахъ, вышедшій подышать свѣжимъ воздухомъ, раздѣлялъ общее нетерпѣніе; трое писарей съ лихими ухватками подшучивали надъ шарманщикомъ, который перемѣнилъ уже два мотива и съ самой недовольной миной переходилъ на третій; съ улицы подходила безпрестанно толпа всякаго сброда; даже два моншера остановились у входа воротъ, завернувъ ногу назадъ и картинно упершись на тросточку.

Толпа волновалась и шумѣла; всѣ ожидали, всѣ требовали представленія; одинъ только знакомый намъ мальчишка бѣгалъ кругомъ, какъ гончая собака, обнюхивалъ каждаго, высовывалъ языкъ всѣмъ, кто ему не нравился, щипалъ исподтишка дѣтей и, протянувъ руку, готовился стащить пятый сухарь у дѣвочки, какъ вдругъ надъ шарманкою показался Пучинелла. Пучинелла принятъ съ восторгомъ; характеромъ онъ чудакъ, крикливъ, шумливъ, забіяка, однимъ словомъ, обладаетъ всѣми достоинствами, располагающими къ нему его публику.

— „Здравствуйте, господа! самъ пришелъ сюда, васъ повеселить, да себѣ что-нибудь въ карманъ положить!“ такъ начинаетъ Пучинелла.

Его привѣтствіе замѣтно понравилось; солдатъ подошелъ поближе, мальчишка сдѣлалъ гримасу, одинъ изъ мастеровыхъ почесалъ затылокъ и сказалъ: „ишь ты!“ тогда какъ другой, его товарищъ, схватившись за бока, заливался уже во все горло. Но вотъ хохотъ утихаетъ; Пучинелла спрашиваетъ музыканта; взоры всѣхъ обращаются на его флегматическаго товарища.

Digitized by Google

— А что тебѣ угодно, г. Пучинелла? отвѣчаетъ шарманщикъ.

Пучинелла проситъ его сыграть „По улицѣ мостовой“; музыкантъ торгуется: да что съ тебя, мусью? 25 рублей ассигнаціями!

Пучинелла. Да я и отъ роду не видалъ 25 рублей, а по-моему полтора рубля шесть гривенъ.

Музыкантъ. Ну, хорошо, мусью Пучинелла, мы съ тобою разсчитаемся. Сказавъ это, онъ принимается вертѣть ручкою органа.

Звуки „По улицѣ мостовой“ находятъ теплое сочувствіе въ сердцахъ зрителей: дюжій парень шевелитъ плечами, раздаются прищелкиваніе, притоптываніе.

Но вотъ надъ ширмами является новое лицо: капитанъ-исправникъ; ему нуженъ человѣкъ въ услуженіе; музыкантъ рекомендуетъ мусью Пучинелла.

— Что вамъ угодно, ваше высокоблагородіе? спрашиваетъ Пучинелла.

— Что ты очень хорошій человѣкъ, не желаешь ли идти ко мнѣ въ услуженіе?

Пучинелла торгуется; онъ неизвѣстно почему не довѣряетъ ласкамъ капитана-исправника; публика живо входитъ въ его интересы.

Капитанъ-исправникъ. Экой, братецъ, ты со мною торгуешься! много ли, мало ли, ты станешь обижаться.

Пучинелла. Не то, чтобы обижаться, а всѣми силами стану стараться!

Капитанъ-исправникъ. У меня, братецъ, жалованье очень хорошее, кушанье отличное, пудъ мякины да полъ-четверика гнилой рябины, а если сходишь къ мамзель Катеринѣ и отнесешь ей записку, то получишь 25 рублей награжденія.

Пучинелла. Очень хорошо, ваше благородіе, я не только записку снесу, но и ее приведу сюда.

Публика смѣется довѣрчивому Пучинелла, который побѣжалъ за мамзель Катериною. Вотъ является и она сама на сцену, танцуетъ съ капитаномъ-исправникомъ и уходитъ. Толпа слушаетъ разиня ротъ, у нѣкоторыхъ уже потекли слюнки.

Новыя затѣи: Пучинелла хочетъ жениться; музыкантъ предлагаетъ ему невѣсту; въ зрителяхъ совершенный восторгъ отъ девяносто-девяти-лѣтней Матрены Ивановны, которая живетъ „въ Семеновскомъ полку, на уголку, въ

пятой ротѣ, на Козьемъ-Болотѣ". Хотя Пучинелла и отказывается отъ такой невѣсты, но все-таки по свойственному ему любопытству стучитъ у ширмъ и зоветъ нареченную. Вмѣсто Матрены Ивановны, выскакиваетъ собака, хватаетъ его за носъ и теребитъ что̀ есть мочи.

Публика приходитъ въ неистовый восторгъ: „тащи его, тащи... такъ, такъ, тащи его, тащи, тащи!.." раздается со всѣхъ сторонъ; Пучинелла валится на край ширмъ и самымъ жалобнымъ голосомъ призываетъ доктора, не забывая, однако, спросить, сколько будетъ сто̀ить визитъ.

Является докторъ, исцѣляетъ Пучинелла и въ благодарность получаетъ отъ него оплеуху.

За такое нарушеніе порядка и общественнаго спокойствія, исполненный справедливаго негодованія капитанъ-исправникъ отдаетъ Пучинелла въ солдаты.

— Ну-ка, становись, мусью, говоритъ капралъ, вооружая его палкою,—слушай! на кра-улъ!

По исполнительной командѣ, Пучинелла начинаетъ душить своего наставника вправо и влѣво, къ величайшему изумленію зрителей. Ясно, что такого рода буянъ, сумасбродъ, безбожникъ, не можетъ болѣе существовать на свѣтѣ; мѣры нѣтъ его наказанію: человѣческая власть не въ состояніи унять его, и потому самъ адъ изрыгаетъ чорта, чтобы уничтожить преступника.

Комедія кончается; Петрушка, лицо неразгаданное, миѳическое, неумѣстнымъ появленіемъ своимъ не спасаетъ Пучинелла отъ роковой развязки, и только возбуждаетъ въ зрителяхъ недоумѣніе. Неунывающій Пучинелла садится верхомъ на чорта (необыкновенно похожаго на козла), но чортъ не слушается: всадникъ зоветъ Петрушку на помощь, но уже поздно: приговоръ изреченъ, и Пучинелла погибаетъ образомъ весьма достойнымъ сожалѣнія, то-есть исчезаетъ за ширмами.

Раздается финальная арія, представленіе кончилось. Публика чрезвычайно довольна, но когда шарманщикъ взялъ бубенъ, завертѣлъ его на мизинцѣ и сталъ обходить зрителей, толпа замѣтно стала рѣдѣть. Первыми дезертёрами оказались два солдата и баба съ вѣникомъ подъ мышкою; ревъ дѣтей, на минуту умолкнувшій, возобновился съ бо̀льшей силой и заставилъ мамокъ поскорѣе удалиться; словомъ, изъ толпы утекали поминутно. Къ совершенному отчаянію шарманщика, даже и самъ толстый господинъ въ очкахъ, остановившійся послушать комедію,

посмотрѣлъ на бубенъ, подносимый ему шарманщикомъ, какъ бы не понимая, чего хотѣлось просителю; съ горя, шарманщикъ обратился къ ложамъ, то-есть къ окнамъ, въ которыхъ все еще торчали головы любопытныхъ; наконецъ, одинъ пятакъ упалъ, звеня и прыгая, на мостовую, за нимъ другой, потомъ третій, брошенный собственноручно сыномъ Ѳедосея Ермолаевича, которому папенька вручилъ его съ наставленіемъ: „брось ему, душенька, въ бубенъ“.

— Нѣтъ, нѣтъ, то, то, они вотъ, такъ вотъ все играютъ? твердилъ упрямый мальчишка...

Пятакъ какъ-то неловко упалъ между камнями; тутъ чиновникъ въ красной ермолкѣ, не давшій рѣшительно ничего и болѣе другихъ хлопотавшій о начатіи комедіи, принялъ необыкновенное участіе въ судьбѣ шарманщика.

— Направо, направо, кричалъ онъ, указывая ему пальцемъ на то мѣсто, куда упалъ пятакъ.— Еще правѣе... эхъ, братецъ! не туда! говорятъ тебѣ, правѣе.

— Направо, теперь еще немножко назадъ, слышался голосъ изъ другого окошка.

„Эхъ вы“, думалъ шарманщикъ, нагибаясь, чтобы поднять деньги, „хлопотать-то ваше дѣло, на то вы мастера, а вотъ какъ самому положить что-нибудь, такъ нѣтъ... эхъ! житье, житье!“

Шарманку сняли, и подъ звуки плачевной музыки она тронулась съ мѣста; толпа расходилась; чѣмъ бы, кажется, и все должно было кончиться, но тутъ случилось обстоятельство, котораго пропустить невозможно. Дождь, накрапывавшій еще до окончанія комедіи и непримѣчаемый увлекшеюся публикой, полилъ какъ изъ ведра; чиновникъ въ очкахъ, по благоразумному своему обыкновенію въ такихъ случаяхъ, полѣзъ въ карманъ, чтобы вытащить оттуда платокъ и обернуть имъ еще новую шляпу, какъ къ совершенному своему изумленію, вмѣсто платка, вытащилъ чью-то руку, уже прежде нырнувшую туда за платкомъ.

Чиновникъ обернулся, но мальчишка, нашъ старый знакомый (это былъ онъ), однимъ движеніемъ руки вырвался изъ тисковъ оскорбленнаго чиновника, ринулся впередъ и исчезъ въ толпѣ.

— „Держи! держи!“ закричалъ чиновникъ; „держи! держи!“ раздалось повсюду, „держи!“ закричали мастеровые.

Дворъ опустѣлъ до единаго; одинъ только мужикъ, вос-

Digitized by Google

торженно хохотавшій отъ самаго начала до развязки, остался на прежнемъ мѣстѣ; улыбка удовольствія еще не покидала лица его; онъ осмотрѣлся кругомъ, взглянулъ на то мѣсто, гдѣ стояла шарманка, не забылъ посмотрѣть на окна, которыя запирались отъ проливного дождя и, сдѣлавъ недовольную мину, отправился къ воротамъ.

Подъ воротами онъ встрѣтилъ бѣдную собачонку, дрожавшую отъ холода и прижимавшуюся къ стѣнкѣ. Мужикъ остановился, посмотрѣлъ на нее пристально, нагнулся къ ней какъ можно ближе и произнесъ: „озябла!..“ послѣ чего тотчасъ же покинулъ дворъ, весьма довольный собою.

VII.

Заключеніе.

Случалось ли вамъ идти когда-нибудь осенью поздно вечеромъ по отдаленнымъ петербургскимъ улицамъ?

Высокія стѣны домовъ, изрѣдка освѣщенныя тусклымъ блескомъ фонарей, кажутся еще чернѣе неба; мѣстами, зданія и сѣрыя тучи сливаются въ одну массу и огоньки въ окнахъ блестятъ, какъ движущіяся звѣздочки; дождь съ однообразнымъ шумомъ падаетъ на кровли и мостовую; холодный вѣтеръ дуетъ съ силою и, забиваясь въ ворота, стонетъ жалобно; улицы пусты, кое-гдѣ плетется развѣ запоздалый пѣшеходъ, или тащится извозчикъ-ночникъ, проклиная ненастье; но скоро все утихаетъ, изрѣдка только слышатся продолжительный свистъ на каланчѣ, или скрипъ барки, качаемой порывами вѣтра, и снова все погружается въ безмолвіе.

Погода всегда имѣетъ сильное вліяніе на расположеніе духа, и вамъ какъ-то невольно становится грустно. Постепенно одна за другою приходятъ на умъ давно забытыя горести; одно печальное, неотрадное наполняетъ душу и невыразимая тоска овладѣваетъ всѣмъ существомъ вашимъ...

Вы входите въ глухой, темный переулокъ; сердце ваше сжимается еще сильнѣе прежняго. Высокіе заборы исчезаютъ въ темнотѣ; полуразвалившіяся лачужки безъ признака жизни, все пусто, ни живой души, развѣ пробѣжитъ мокрая собачонка, фыркая и чутко обнюхивая, въ тщетной надеждѣ напасть на слѣдъ потеряннаго хозяина... Вдругъ посреди безмолвія и тишины раздается шарманка; звуки „Лучинушки“ касаются слуха вашего, и фигура шарманщика быстро проходитъ мимо

Digitized by Google

Вы какъ-будто ожили, сердце ваше сильно забилось, грусть мгновенно исчезаетъ, и вы бодро достигаете дома. Но не скоро унылые звуки „Лучинушки“ перестанутъ носиться надъ вами; долго еще станетъ мелькать жалкая фигура шарманщика, встрѣтившаяся съ вами въ темномъ переулкѣ поздно ночью, и вы невольно подумаете: можетъ быть, въ эту самую минуту продрогшій отъ холода, усталый, томимый голодомъ, одинокій, среди безжизненной природы, вспоминалъ онъ родныя горы, старуху-мать, оливу, виноградъ, черноокую свою подругу, и невольно спросите вы: для чего, какимъ вѣтромъ занесенъ онъ Богъ знаетъ куда, на чужбину, гдѣ ни слова ласковаго, ни улыбки привѣтливой, гдѣ, вставши утромъ, не знаетъ онъ, чѣмъ окончится день, гдѣ ему холодно, тяжело...

1843 г.

Digitized by Google

СОСѢДКА.

(повѣсть.)

Второго августа 1844 года, въ 12 часовъ пополудни, молодой человѣкъ, весьма недурной наружности, въ сѣромъ пальто и новомодной шляпѣ, вошелъ на дворъ одного изъ самыхъ высокихъ домовъ Щербакова переулка. Онъ случайно прочелъ на ярлыкѣ, прилѣпленномъ къ воротамъ дома, слѣдующее: „*Здѣсь оддается комната сатапленіемъ и прислугою въ 4-мъ этаже, спросить золотильщика Василья Ермилова Габкова*“. Осмотрясь на стороны, молодой человѣкъ подошелъ къ низенькой подвальной двери съ надписью „дворникъ“ и постучался. Не получивъ, однако, никакого отвѣта, онъ обратился къ мальчику, возившему по двору башмакъ.

— Послушай, миленькій, сказалъ онъ,—не знаешь ли, гдѣ дворникъ?

Мальчишка остановился, поглядѣлъ на него минуты двѣ молча, потомъ ударилъ себя по икрамъ кнутикомъ и снова пустился вскачь.

— Чортъ бы побралъ проклятыхъ этихъ дворниковъ: никогда не добьешься толку! произнесъ юноша и схватился за звонокъ первой попавшейся на глаза двери.

— Вамъ кого надо? спросила сухощавая, длинная женщина въ чепцѣ и кацавейкѣ.

— Позвольте узнать, не здѣсь ли отдается квартира?

— Что̀ это вы, батюшка! какая тутъ квартира! что приходите стучаться!.. Спросили бы прежде у дворника...

— Не нашелъ его...

— Ну, такъ подождали бы... Такъ дѣлать не приходится.

Digitized by Google

Сказавъ это, старуха безъ дальнихъ объясненій захлопнула ему подъ носъ дверью. Молодой человѣкъ былъ въ весьма затруднительномъ положеніи, понятномъ развѣ тѣмъ только изъ злополучныхъ обывателей Петербурга, которые сами вынуждены отыскивать себѣ квартиры. Положеніе его было тѣмъ болѣе непріятно, что изъ оконъ начали высовываться головы любопытныхъ. Онъ готовился уже вернуться подъ ворота, съ твердымъ намѣреніемъ отыскать другое жилье, какъ кто-то изъ зрителей крикнулъ ему: „Да вамъ кого надо?“

— Въ этомъ домѣ, кажется, квартира отдается?..

— Такъ давно бы сказали!.. Пожалуйте сюда... вотъ здѣсь, здѣсь, все прямо по лѣстницѣ, первая дверь направо.

— Слава тебѣ Господи! произнесъ молодой человѣкъ, слѣдуя по указанію голоса. „Ну, лѣстница еще не дурна!“ думалъ онъ. „Кажется, и фонарь горитъ по ночамъ... Нѣсколько дурной запахъ... впрочемъ, это еще не большая бѣда: на старой квартирѣ было гораздо хуже“.

Онъ постучался у двери. Изъ нея выглянула неуклюжая, непомѣрно толстая кормилица, съ ребенкомъ на рукахъ, который кричалъ во всю мочь.

— Здѣсь живетъ золотильщикъ?

— Какого нашли золотильщика!.. никакого нѣтъ золотильщика...

— Ахъ, Боже мой! мнѣ именно показали внизу, что здѣсь квартируетъ Василій Ермиловъ.

— Такъ вы бы такъ и сказали!.. Здѣсь, батюшка, ступайте налѣво-то...

Молодой человѣкъ поблагодарилъ и постучался налѣво.

— Кого вамъ угодно? произнесъ басомъ мужчина въ очкахъ и въ халатѣ.

— Извините... не здѣсь ли отдается комната?

— Здѣсь, здѣсь! извольте только подождать: я сейчасъ вынесу ключъ... вотъ и дверь квартиры.

— Да это чудо! почти вскрикнулъ юноша.—Отдѣльный входъ! Признаюсь, вотъ была бы находка!.. Боюсь только, дорого запроситъ. Надо еще заплатить за нынѣшній мѣсяцъ сапожнику... Ну, да посмотримъ: можетъ и хватитъ.

— Извольте войти, сказалъ басъ, отворяя двери и вводя молодого человѣка въ небольшую продолговатую комнату о двухъ окнахъ, выходившихъ на улицу. — Вотъ квартира... и жили все хорошіе люди: повивальная бабушка

Digitized by Google

одна простояла три года сряду... дочку выдала замужъ, такъ съѣхала... чиновникъ также жилъ—годъ что ли-то, да мы сами этому отказали: пилъ больно—мы такихъ не держимъ... у насъ все хорошіе люди живутъ; также мамзель какая-то переѣхала было и хорошо платила, да тоже держать не стали: шумливая такая! Бывало, всю ночь спать не даетъ—пиръ подыметъ, содомъ...

— Скажите же, сколько они вамъ платили?

— Вотъ видите ли, батюшка, у насъ крайняя цѣна: я вамъ доложу, менѣе 20 рублей комната эта никогда не хаживала; а насчетъ ухода будьте благонадежны, лучше нигдѣ не найдете. Зимою, доложу вамъ, баня, сущая баня! и выйти не захотите... Вотъ, извольте видѣть, и лежаночка есть...

— Да, квартира, дѣйствительно, недурна; но все-таки, послушайте, право, слишкомъ дорого...

— Ужъ вы насчетъ того будьте спокойны: сколько ни жило о сю пору жильцовъ, всѣ, всѣ, сударь, оставались довольны.

— Не можете ли хоть сколько-нибудь уступить?

— Да вамъ, позвольте спросить, какъ — самоварчикъ будетъ свой или хозяйскій? и сапоги также чистить надо будетъ?

— Конечно, и сапоги... Вы согласитесь, мнѣ самому... это нѣкоторымъ образомъ...

— Такъ извольте посудить теперь, можно ли взять дешевле: вѣдь у насъ также своя работа идетъ...

— Кто же у васъ прислуживаетъ?

— Я или, если угодно, хозяйка моя... будьте благонадежны, останетесь довольны; полы будемъ мыть каждую недѣлю,—все будетъ въ исправности.

— Хорошо, я оставлю за собою квартиру, только, пожалуйста, чтобъ все было, какъ вы говорите.

— Ахъ, сударь! какіе вы, право! ужъ будьте благонадежны. Намъ не впервые жильцовъ держать: слава Господу Богу! перебывало много...

— Что жъ, задатокъ вамъ надо?

— Сами изволите знать—порядокъ.

— Вотъ вамъ покуда пять рублей; больше, право, не могу.

— Покорно благодаримъ; а позвольте узнать, сударь, какъ васъ звать по имени и отчеству?

— Петръ Ивановичъ.

Digitized by Google

— А фамилія какъ? позвольте спросить.

— Ласточкинъ.

— А когда, сударь, переѣзжаете къ намъ?

— Сегодня же; я даже думаю, никакъ не позже шестого часа. Покуда прощайте. Мнѣ нужно еще кое-что приготовить.

— Мое почтеніе! дай вамъ Богъ всякаго благополучія! отвѣчалъ золотильщикъ Василій Ермиловъ, отворяя дверь и выпуская новаго жильца своего на лѣстницу. — Будьте благонадежны, продолжалъ онъ, — останетесь, останетесь довольны!

Часа два спустя послѣ найма квартиры, на тотъ же дворъ въѣхали съ шумомъ длинныя дроги ломового извозчика, навьюченныя мебелью и пожитками Петра Иваныча Ласточкина. Самъ онъ слѣдовалъ за ними на дрожкахъ, тщательно прикрывая фалдами своего пальто чайникъ, два стакана и нѣсколько блюдечекъ. Не должно удивляться быстротѣ, съ какою переселился Петръ Иванычъ изъ одной квартиры на другую: движимаго имущества у него было не Богъ знаетъ сколько; если хотите, можно даже пересчитать его по порядку: диванъ, обвернутый нѣсколько поистертымъ, полинявшимъ ситцемъ съ разводами, комодъ, четыре стула, изъ которыхъ два врядъ ли даже могли носить это названіе: на каждомъ недоставало двухъ ножекъ; письменный небольшой столикъ краснаго дерева, двѣ подушки, завязанныя въ простыню, вольтеровскія кресла, обитыя красною байкою, ощеливавшею мѣстами рогожу и паклю, два чубука, жестяная сахарница, сапожная щетка и, упомянутые выше, чайникъ, стаканы и блюдечки.

Когда Ласточкинъ въѣхалъ на дворъ, имъ снова овладѣло непріятное чувство. Изъ всѣхъ почти оконъ торчали головы и глядѣли на его пожитки. Петру Иванычу было тѣмъ болѣе досадно, что въ числѣ любопытныхъ находилось нѣсколько хорошенькихъ женщинъ. — „Какъ это“ — думалъ онъ, стараясь прикутать чайникъ и блюдечки — „ахъ, какъ это непріятно!.. Чего онѣ не видали... и угораздила же меня нелегкая взять съ собою проклятую эту посуду!.. Ну, какъ я теперь встану?..“ Положеніе Петра Иваныча было, дѣйствительно, очень непріятно; онъ желалъ въ эту минуту провалиться сквозь землю.

— Что жъ, баринъ, не слѣзаете? сказалъ извозчикъ.— Вы не рядились, что ждать станете.

Digitized by Google

— Сейчасъ, братецъ, погоди... Послушай, дворникъ! дворникъ!.. Ахъ, Боже мой, его опять нѣтъ!.. Любезный, сказалъ онъ ломовому, — послушай, позови сюда моего хозяина... ступай все прямо по лѣстницѣ, первая дверь налѣво.

Число зрителей въ окнахъ увеличивалось. Петръ Иванычъ сидѣлъ какъ на иголкахъ. Онъ уже задумывалъ было сунуть какъ-нибудь подъ дрожки чайникъ и стаканы; но, къ счастью, подоспѣлъ Василій Ермиловъ и предупредилъ несчастіе. Петръ Иванычъ осторожно подалъ ему изъ-подъ фалды посуду, сказавъ шопотомъ: „пожалуйста, чтобъ не видали“, на что Василій Ермиловъ отвѣчалъ ему: „ничего-съ, будьте благонадежны!“ и вслѣдъ затѣмъ, къ общему соблазну, сунулъ чайникъ подъ мышку. Петръ Иванычъ побагровѣлъ и, чтобы поправиться, поспѣшилъ вынуть изъ кармана довольно красивенькій кошелекъ.

— Вотъ тебѣ, братецъ! громко произнесъ онъ, подавая извозчику плату. — Ты, правда, хорошо везъ—вотъ тебѣ еще двугривенный... надо, надо прибавить.

Петръ Иванычъ всыпалъ деньги въ кошелекъ и, какъ бы вовсе не замѣчая устремленныхъ на него взоровъ обывателей, бросилъ его съ невыразимою безпечностью на дно своей шляпы; послѣ чего обратился онъ къ ломовому:

— Вотъ видишь ли, братецъ, ты привезъ мебель для кухни, теперь поѣдешь за другою. Ступай сюда, любезный, я покажу тебѣ, куда носить.

Когда ломовой очутился на лѣстницѣ, Петръ Иванычъ продолжалъ: „Снеси-ка все это покуда наверхъ, а за другою мебелью съѣздишь завтра—я пришлю за тобою—теперь уже поздно“. Ласточкинъ вступилъ въ новое свое жилище не безъ особеннаго удовольствія и немедленно приступилъ къ его устройству. Когда мебель была внесена, онъ расплатился съ извозчикомъ весьма сухо, такъ что тотъ почесалъ за ухомъ и сказалъ: „эхъ, баринъ!“ на что Петръ Иванычъ, конечно, ничего не отвѣтилъ и обратился только къ хозяину съ просьбою не безпокоиться болѣе, увѣряя его, что самъ все хорошо уладитъ и устроитъ.

— Вы, сударь, извольте постучать въ стѣнку, вотъ въ это самое мѣсто, когда вамъ будетъ чего угодно—водицы или самоварчика—такъ я тотчасъ же и приду къ вамъ.

— Хорошо, хорошо.

Digitized by Google

ь полурастворен-
въ съ недоумѣ-
ольно ясно, что
адежны: можно

стницѣ, и осо-
Петра Иваныча.
на что же это
и освободиться
руешь!.. Это,

олжая мять
налъ!.. Ахъ!
въ состояніи
ра... хорошо,
Петя! нѣтъ...

гочкина по-

ь, пошелъ...

кая Ласточ-
а я... ахъ,

не сюда...
мѣсто для

Представь
й женихъ
акъ тутъ
лажденія,
ъ рѣши-
Макси-
романсъ
Гриневу:
ъ спѣла

Digitized by Google

силъ одинъ конецъ его горкою изъ тщательно взбитыхъ подушекъ и съ бо̀льшимъ еще удовольствіемъ набросилъ на все это пестрое камчатное одѣяло, только что купленное имъ на Щукиномъ дворѣ. Когда все было готово и ничего не оставалось украшать и убирать, Петръ Иванычъ придвинулъ къ столу вольтеровскія кресла, подперъ недостающую ножку толстымъ томомъ „теоріи изящнаго“, стоившей когда-то большихъ пожертвованій, но переплетъ которой сгорѣлъ несчастнымъ случаемъ; потомъ Петръ Иванычъ набилъ трубку, закурилъ ее, опустился въ кресла и, окинувъ самодовольнымъ взоромъ комнату, произнесъ:

— А что? вѣдь, ей-Богу, не дурно! Право, многіе позавидовали бы моей горенкѣ. Кто что̀ ни говори, а отъ жильцовъ всегда лучше нанимать; по крайней мѣрѣ, самъ себѣ господинъ — знать не хочешь этихъ Филекъ и Ѳомокъ. Ей-Богу, славно!.. У! какъ расходится Воробевъ, когда увидитъ все это!.. Ахъ, да, я и забылъ: онъ вѣдь обѣщался сегодня придти помочь мнѣ переѣхать... сумасшедшая головушка! Вѣрно въ Александринскомъ театрѣ. Радъ, что получилъ вчера жалованье — пошелъ теперь транжирить. Чортъ знаетъ, что̀ это за человѣкъ—рѣшительно безъ всякаго характера!.. Мнѣ кажется, однако, продолжалъ онъ, оглядывая письменный столикъ, — мнѣ сдается, если бъ вотъ эту раковину положить на „Донъ-Кихота Ламаншскаго“, оно вышло бы лучше... да, дѣйствительно... а бронзовую собачку поставлю сюда... Наконецъ-то удалось перебраться изъ проклятой этой Коломны! Какая же разница: здѣсь просто раздолье. Невскій подъ бокомъ, сто̀итъ только пройти Троицкую улицу; наконецъ и та еще выгода, что находишься почти въ центрѣ города: Излеръ, Казанскій соборъ, Милютины лавки—рукой подать. Вотъ развѣ насчетъ прекраснаго пола не такъ привольно... Ну, да авось! я уже замѣтилъ кой-кого на дворѣ...

Петръ Иванычъ былъ внезапно прерванъ посреди своихъ размышленій страшнымъ шумомъ, поднявшимся на лѣстницѣ.

— Такъ! такъ! вскрикнулъ онъ, — это непремѣнно Воробевъ. Не можетъ никакъ безъ скандала!.. Чего добраго, подумаютъ еще и Богъ знаетъ кто сюда переѣхалъ... Рѣшительно компрометируетъ!

Петръ Иванычъ бросился къ двери; но не успѣлъ онъ сдѣлать двухъ шаговъ, какъ она съ трескомъ растворя-

Digitized by Google

лась, и въ комнату влетѣлъ Воробевъ. Въ полурастворенныхъ дверяхъ показался Василій Ермиловъ съ недоумѣвающею миною, выражавшею, однако, довольно ясно, что „если-де васъ безпокоятъ, то будьте благонадежны: можно и выпроводить гостя".

Шумъ, произведенный Воробевымъ на лѣстницѣ, и особенно появленіе хозяина сильно сконфузили Петра Иваныча.

— Помилуй, братецъ! что̀ ты дѣлаешь? на что̀ же это похоже? сказалъ онъ, стараясь всѣми силами освободиться изъ объятій Воробева.—Ты меня компрометируешь!.. Это, братъ, просто...

— Душа, душа! кричалъ Воробевъ, продолжая мять Ласточкина. — Прости, братъ! ей-Богу, не зналъ!.. Ахъ! если бъ ты могъ постичь, если бъ ты только въ состояніи былъ постигать... Да, вотъ новая твоя квартира... хорошо, хорошо... и окно на улицу и лежанка... Петя! Петя! нѣтъ... да что̀ тутъ! просто невыразимо...

И Воробевъ не переставалъ осыпать Ласточкина поцѣлуями.

— Полно, пусти меня! говорилъ тотъ,—оставь, пошелъ... какъ это несносно!.. сядь, пожалуйста!..

— Квартира чудо! сказалъ Воробевъ, выпуская Ласточкина, — прелесть! и книжечки и все это... а я... ахъ, если бъ ты зналъ!..

— Сними шляпу, поставь ее... нѣтъ, нѣтъ, не сюда... поставь на лежанку: я нарочно назначилъ это мѣсто для шляпъ... Ну, разсказывай, что̀ такое?

— Да ты спроси прежде, гдѣ былъ...

— Вѣрно, въ театрѣ?

— Въ Александріи, братъ, въ Александріи!.. Представь себѣ: *Отецъ и дочь*, *Хороша и дурна*, *Харьковскій женихъ* и *Суматоха въ Щербаковомъ переулкѣ!*.. Ну, какъ тутъ устоять?.. Синюшку отдалъ; но зато сколько наслажденія, сколько, братъ, новыхъ впечатлѣній! Мартыновъ рѣшительно на этотъ разъ превзошелъ самого себя; а Максимовъ... Ахъ, если бъ ты слышалъ, какъ пропѣла романсъ Самойлова — съ ума сойти! Скажу тебѣ и про Гриневу: мила, мила до безконечности! Съ какимъ чувствомъ спѣла она послѣдній куплетъ: „*Но зеркало душѣ не говоритъ*!"

Воробевъ сдѣлалъ руладу.

— Вѣрю, вѣрю! перебилъ Ласточкинъ. — Но чѣмъ же проживешь, братъ, до перваго числа сентября, а? Опять будешь сидѣть на ячменномъ кофе?..

Digitized by Google

— Э, полно! что̀ ячменный кофе! что̀ деньги! для меня они просто — фу! Мнѣ, братъ, давай театръ — я жажду театра; а тамъ хоть трава не расти!.. То-есть, если бъ ты только зналъ, что̀ со мною было!.. Театръ полнымъ-полнёшенекъ; Василій Андреевичъ Каратыгинъ былъ превосходенъ въ „Отцѣ и дочери“! Когда онъ произнесъ: *„И въ хаосѣ разрушеннаго міра гробницу дочери найду!“* весь театръ зарыдалъ; дамы такъ вотъ и заливаются... такъ и заливаются, я тебѣ говорю; стонъ, плачъ, рыданіе, скрежетъ зубовъ,—ну, просто съ ума сойти!

— Да, дѣйствительно, я помню и самъ—не могъ удержаться отъ слезъ; но это было въ „Королѣ Лирѣ“.

— „Отецъ и дочь“, право, также очень хорошо. Знаешь ли, Ласточкинъ, произнесъ Воробевъ, вскакивая со своего стула,—я открою тебѣ все, что̀ лежитъ у меня на сердцѣ. Я давно хотѣлъ это сдѣлать, но все еще какъ-то не рѣшался; а теперь... да, Ласточкинъ, теперь уже это дѣло рѣшенное... Послушай—я махну въ актеры!..

— Что̀ ты, что̀ ты! образумься!.. экъ куда метнулъ!..

— А что жъ? Не лучше ли, по-твоему, корпѣть надъ бумагами да получать нахлобучки?.. Нѣтъ, Ласточкинъ, актеръ вещь великая!.. Сцена, лампы, публика сидитъ, актрисочки хорошенькія, ты съ ними со всѣми на ты... любовь, кулисы, громъ рукоплесканій, дрожь передъ поднятіемъ занавѣсы, а тутъ смотришь — бухнула увертюра: промъ, промъ, та, та, та... Вышелъ на сцену... „браво! браво!“ махнулъ рукой—*„спускайте львовъ!“* и пошла писать!.. Потомъ кончилъ роль, спустился въ кресла; всѣ взоры устремлены на одного тебя... хорошенькія женщины—ш-ш-ш-ш!.. Посмотрите, Воробевъ вонъ—вонъ сидитъ Воробевъ! а ты, усталый, блѣдный, полный еще минувшаго волненія, поглядываешь небрежно на сцену, гдѣ какой-нибудь водевилишко откалываютъ... Ахъ, не говори! лучше этого я, братъ, ничего не знаю... Ей-Богу, махну на сцену!

— Ты, просто, съ ума сошелъ!.. Оно, конечно, не дурно; но чтобъ быть актеромъ, надо имѣть, братъ, талантъ. Ты думаешь, вышелъ только, да крикнулъ: „спускайте львовъ!“ такъ тебя сейчасъ и закидаютъ букетами, какъ какого-нибудь Рубини...

— Конечно, безъ таланта ничего быть не можетъ... Ну, что жъ! если не въ драму, такъ въ водевиль пойду—мнѣ все равно. Экая штука—спѣть куплетъ! Кто жъ не

Digitized by Google

споетъ куплета... я тебя спрашиваю, кто не споетъ куплета?

— Иванъ, ты увлекаешься, ей-Богу, увлекаешься!..

— Не говори мнѣ этого. Ты вѣдь не знаешь, способенъ ли я, или нѣтъ?.. Ну! послушай, однако, Петя, я голоденъ. Есть у тебя чай?

— Какъ не быть: слава Богу, не конецъ мѣсяца. Я нарочно не пилъ: думалъ, что ты придешь...

— Душка моя! поцѣлуй ты меня... Ахъ, Петя! а все-таки махну въ актеры!..

За чаемъ разговоръ вертѣлся около того же предмета.

— Послушай, Петя, сказалъ Воробевъ, когда подносъ съ чайникомъ и стаканами былъ вынесенъ Василіемъ Ермиловымъ изъ комнаты,—послушай, ты вѣдь меня любишь?

— Что за вздоръ!..

— Нѣтъ, отвѣчай прямо, любишь или нѣтъ?

— Ну, люблю.

— Въ такомъ случаѣ доставь мнѣ одно удовольствіе... душечка, сдѣлай это для меня!

— Что такое?

— Ты знаешь мотивъ: „*Здравствуй кумъ ты мой любезный, здравствуй кумушка моя?*“

— Знаю.

— Возьми вотъ эту линейку и дѣлай такъ, какъ будто разыгрываешь ею, а я, между тѣмъ, отваляю куплетецъ.

— Что за пустяки!..

— Ну, если ты меня хоть сколько-нибудь любишь...

И Воробевъ, не дожидаясь отвѣта, усадилъ Петра Иваныча на концѣ комнаты противъ двери.

— Что жъ изъ этого будетъ? твердилъ тотъ,—что изъ этого будетъ?

— Видишь ли, я спрячусь за дверь, а ты, между прочимъ, сыграешь ритурнель; но, смотри, какъ только вбѣгу въ комнату, тотчасъ же и начинай.

Иванъ Иванычъ Воробевъ надѣлъ шляпу и вышелъ на лѣстницу.

Петръ Иванычъ Ласточкинъ началъ. Въ новой квартирѣ произошла тогда довольно странная сцена.

Воробевъ вбѣжалъ сломя голову въ комнату, растопырилъ руки и запѣлъ сиповатымъ голосомъ слова извѣстнаго куплета, между тѣмъ какъ его пріятель подтягивалъ сурдиною, подражая цѣлому оркестру. Куплетъ уже благополучно близился къ концу, какъ вдругъ за стѣною послы-

Digitized by Google

шалось также чье-то пѣніе. Пріятели наши остановились. Тоненькій голосокъ продолжалъ:

По листочкамъ онъ шумитъ,
По кусточкамъ шелеститъ.

Петръ Иванычъ и Воробевъ посмотрѣли другъ на друга съ недоумѣніемъ.

— Что это? сказалъ первый, бросая свою импровизированную скрипку на полъ,—кажется, женскій голосъ!

— Еще бы, и прехорошенькій!.. Слушай, Петя, слушай!..

Голосъ продолжалъ:

Ты не бойся, моя радость,
Не грусти, моя краса!
Не найдутъ тебя злодѣи,
Не отыщутъ твой пріютъ...

— Какъ бы не такъ! воскликнулъ Воробевъ. — Петя, сдѣлаемъ, братъ, штуку.

— Что?

— Погоди, я спою ей.

— Постой! Какъ это можно! Вѣдь я только что переѣхалъ: ты не на шутку можешь меня компрометировать.

Но замѣчаніе Петра Иваныча пришло слишкомъ поздно: Воробевъ затянулъ:

Онъ несетъ дѣвицѣ вѣсточку
Отъ сердечнаго дружка!

Каково было изумленіе пріятелей, когда за стѣною послышались хохотъ и вслѣдъ затѣмъ новая пѣсня. Воробевъ бросился къ стѣнѣ и постучалъ пальцемъ; ему отвѣтили тѣмъ же.

— Полно, полно! говорилъ Ласточкинъ, удерживая друга, который начиналъ уже горячиться и барабанилъ что̀ есть мочи въ стѣну.

— Сосѣдка! кричалъ Воробевъ,—а, сосѣдка!

— Что? послышалось за стѣною.

— Вы чудо! вы ангелъ! вы прелесть! кричалъ Воробевъ.

— Перестань, ради Бога! что̀ ты дѣлаешь?

— Ничего. Сосѣдка! а, сосѣдка!

— Что̀ вамъ угодно?

— Слышите ли? вы божество, вы неземное, небесное явленіе.

— Перестань, сдѣлай милость, перестань!

— Сосѣдка!

— Бога ради, не кричите, послышалось за стѣною, — молчите... лучше послѣ... завтра...

Digitized by Google

У сосѣдки раздался мужской голосъ.

— Что ты на это скажешь, а? вымолвилъ Воробевъ, складывая накрестъ руки,—каково! и вѣрно какая-нибудь хорошенькая!

— Ну, вотъ ужъ и хорошенькая! Да кто жъ тебѣ сказалъ, что она хорошенькая?

— Кто бы тамъ ни говорилъ—пари держу.

— Э, полно! что за пустяки!

Поболтавъ еще нѣсколько времени, пріятели наши разстались; за стѣною Василья Ермилова стукнула *полночь*.

Мысль о хорошенькой сосѣдкѣ встревожила не на шутку нашихъ пріятелей. Едва успѣлъ уйти Воробевъ, какъ уже Ласточкинъ очутился у стѣны и прилѣпилъ къ ней ухо. „Экая досада“, думалъ онъ, „что все это случилось именно въ то время, какъ былъ Воробевъ! Я знаю, онъ начнетъ теперь бѣгать, кричать, суетиться и испортитъ только дѣло... затѣетъ волокитство... Нѣтъ! да что жъ это такое, что я, въ самомъ дѣлѣ, байбакъ, что ли, какой? Она принадлежитъ мнѣ по всей справедливости, и мы посмотримъ...“ Размышляя такимъ образомъ, Петръ Иванычъ не отнималъ уха отъ стѣны: онъ надѣялся, что вотъ-вотъ услышитъ голосъ сосѣдки, и задумывалъ уже, какъ бы затѣять съ нею разговоръ. Онъ хотѣлъ, по благоразумному обыкновенію своему, сдѣлать все это скромно, потихоньку, такъ, чтобы не запугать сосѣдку и, между тѣмъ, чтобы не слишкомъ компрометировать самого себя; но тщетны были его ожиданія: за стѣною, какъ на зло, царствовало безмолвіе, изрѣдка развѣ прерываемое густымъ смѣхомъ мужчины. Петръ Ивановичъ начиналъ уже чувствовать что-то въ родѣ досады: онъ ревновалъ хорошенькую сосѣдку. Кончилось тѣмъ, что въ третьемъ часу ночи, Ласточкинъ окончательно въ нее влюбился. Воображеніе рисовало ему очаровательную женщину, которая, не далѣе, какъ за тоненькою стѣною, покоилась въ великолѣпномъ аристократическомъ будуарѣ, посреди роскоши и благоуханій (Петръ Иванычъ никакъ не соображалъ въ эту минуту, что сосѣдка жила въ Щербаковомъ переулкѣ и, вдобавокъ, въ четвертомъ этажѣ). Временами воображеніе уносило мечтательнаго юношу Богъ знаетъ въ какія страны. Онъ видѣлъ себя обладателемъ прелестной сосѣдки; дверь пробита въ стѣнѣ; его комната съ комнатою сосѣдки составляютъ одну квартиру. Оба они нѣсколько стѣснены въ денежныхъ обстоятельствахъ; но лю-

Digitized by Google

бовь, самая нѣжная, самая страстная любовь вознаграждаетъ ихъ за все. У Петра Иваныча залогъ любви: Петръ Иванычъ отецъ! Возлюбленная его шьетъ для ребенка платье, тогда какъ онъ глядитъ на нее глазами, полными слезъ. Ночь. Петръ Иванычъ возвращается домой продрогшій! и промокшій! онъ звонитъ у дверей скромнаго своего жилища. Ему отворяетъ *она*. Въ комнатѣ тепло, шипитъ самоваръ... малютка спитъ сладкимъ сномъ. Но грубый голосъ мужчины, раздававшійся за стѣною сосѣдки, снова возвращалъ его къ горькой дѣйствительности. Ласточкинъ проклиналъ тогда глупыя мечты свои, но все-таки не отнималъ уха отъ стѣны. Сонъ побѣдилъ, наконецъ, волненіе и безпокойство Ласточкина. Онъ свернулся на диванъ и заснулъ, не забывъ напередъ перебрать въ головѣ всѣ возможные планы къ обладанію сосѣдки.

Со своей стороны, Воробевъ безпокоился не менѣе Ласточкина. Онъ также повертывался съ боку на бокъ, и мысль о хорошенькой сосѣдкѣ Ласточкина точно такъ же не давала ему заснуть. Онъ успѣлъ уже сообразить всѣ возможные способы похищенія и обольщенія. „Досадно только то“, думалъ онъ, „что все это произошло на квартирѣ Ласточкина. Ничего, однако, прибавилъ онъ тутъ же,—ничего... главное, умѣть повести дѣло... прекрасно! чудо! вскрикнулъ онъ, дѣлая salto mortale на кровати!— Напишу письмо, завтра же напишу, снесу его дворнику того дома, суну гривенникъ,—и дѣло въ шляпѣ!.. Именно вотъ такъ и начну: „сударыня!..“ Нѣтъ, лучше: „я васъ люблю давно, люблю страстно, безпредѣльно“... Кажется, это уже слишкомъ... лучше: „я къ вамъ пишу“... я, однако, гдѣ-то читалъ подобное начало... кажется, у Пушкина... Рѣшено!.. Моя дерзость, конечно, удивляетъ васъ, сударыня; но, зная заранѣе ангельскую доброту вашу, я рѣшился выразить все то, что уже давно... да!... все, что уже давно... давно...“ — И Воробевъ заснулъ подъ вліяніемъ счастливаго успѣха будущаго своего предпріятія.

Не мѣшаетъ воспользоваться сномъ обоихъ пріятелей, чтобы нѣсколько короче ознакомить съ ними читателя.

Ласточкинъ и Воробевъ, безспорно, самые добрые ребята изъ всего круга чиновной молодежи; каждому изъ нихъ не болѣе двадцати лѣтъ. Они не бѣдные, но родители ихъ, добрые провинціалы, опасаясь соблазна, которому подвергается юноша съ деньгами въ Петербургѣ, по ихъ мнѣнію, отличающемуся отъ Содома и Гомора

Digitized by Google

только прозвищемъ, опредѣлили имъ ежемѣсячную сумму, достаточную для одной необходимости. Ласточкинъ и Воробевъ поэтому частехонько бывали въ самомъ затруднительномъ положеніи. Первый, какъ уже извѣстно, питалъ въ душѣ непреодолимое влеченіе къ хорошенькимъ вещицамъ, второй—къ Александринскому театру. Какъ тотъ, такъ и другой непрочь были сверхъ этого пообѣдать у Излера, прокатиться въ омнибусѣ на Крестовскій, навязать на шею новенькій платочекъ отъ Чуркина, блеснуть на Невскомъ въ лакированныхъ сапожкахъ Целя или пофинтить новыми перчатками Фроманто, и т. д.,—словомъ, любили то, что всѣ любятъ. Дѣло, однако, въ томъ, что, покутивъ въ первый день полученія денегъ у Излера, на другой день шли они въ ресторанъ Балабина, на третій въ *Отель-дю-Норъ*, а на четвертый отправлялись рука объ руку на Владимірскую, въ домъ Фридерикса, и закупали каждый по семи фунтовъ ячменнаго кофе, чтобы обезпечить себя на слѣдующіе двадцать пять дней отъ голодной смерти. Какъ пивался у нихъ этотъ ячменный кофе—дѣло извѣстное: онъ замѣнялъ все—и завтракъ, и обѣдъ, и ужинъ. Два стакана утромъ и 10 сухарей въ 8 или 9 часовъ вечера, смотря по благоусмотрѣнію. Но не унывали Ласточкинъ съ Воробевымъ и въ тяжкія времена жизни; то одинъ забѣжитъ къ другому, то другой; вѣчно какой-нибудь веселый анекдотъ, вѣчно смѣхъ и хохотъ. Пріятели жили когда-то вмѣстѣ, но такъ какъ у Воробева находилось несмѣтное количество знакомыхъ, которые то и дѣло являлись пить чай и кофе, то оба они рѣшились разстаться для общей пользы. Дружба ихъ не потерпѣла, однако, нимало отъ подобнаго разрыва, и, какъ уже говорено было, не проходило дня, гдѣ бы не видались Ласточкинъ и Воробевъ.

На другое утро послѣ описанныхъ нами событій, Воробевъ всталъ раньше обыкновеннаго и тотчасъ же принялся сочинять письмо. Вотъ что̀ написалъ онъ:

„Я не осмѣлился бы писать къ вамъ, сударыня, если бъ не зналъ заранѣе, что ангельская доброта ваша проститъ мнѣ мою дерзость. Какъ! неужели схоронить навсегда въ сердцѣ всѣ чувства, которыя волнуютъ его?.. О! это было бы невыносимо! Нѣтъ, я не въ состояніи пережить такую муку!.. Узнайте же, сударыня, мою тайну: я васъ люблю!.. да, люблю давно, безпредѣльно! одного слова вашего довольно, чтобы заставить меня рѣшиться на все, даже на

Digitized by Google

преступленіе... Вы не знаете человѣка, который пишетъ къ вамъ эти строки, быть-можетъ, никогда даже не удостоивали бросить на него презрительнаго взгляда; но онъ!.. онъ давно слѣдитъ за вами, ловитъ каждое ваше движеніе, каждый взглядъ, усыпаетъ горячими поцѣлуями стопы божественныхъ ножекъ вашихъ — словомъ, любитъ васъ, какъ только можетъ любить человѣкъ!.. Простите мнѣ, умоляю васъ, сударыня — я несчастливъ! Этого достаточно, чтобы возбудить въ васъ сострадательность и симпатію... я страдаю, голова моя горитъ, все вертится и кружится передо мною... О! повѣрьте, я очень, очень несчастливъ!.. Прощайте...

P. S. Надѣюсь, что письмо это останется между нами. Сожгите его".

— Нечего сказать, околесина порядочная! произнесъ Воробевъ, отирая потъ, выступившій на лбу.—Ну, да зато эффектно! Я почти увѣренъ, что изъ-за него что-нибудь да выйдетъ.

Иванъ Иванычъ одѣлся съ необыкновенною поспѣшностію, хлебнулъ чаю ради третьяго числа и отправился къ дому, гдѣ жилъ Ласточкинъ. Онъ вступилъ подъ ворота и постучался къ дворнику

— Что надо? спросилъ тотъ, потирая ладонью заспанные глаза свои.

— Видишь ли, любезный, отвѣчалъ Воробевъ, трепля его по плечу,—хочется дать тебѣ на водку... возьми, вотъ тебѣ двугривенный... будетъ и больше, смотри только, дѣлай все то, что̀ скажу

— Слушаю, ваше благородіе, за нами дѣло не станетъ.

— Вотъ видишь ли, любезный: вчера переѣхалъ сюда чиновникъ.

— Переѣхалъ.

— Такъ вотъ отдай это письмо... не ему, а сосѣдкѣ его, что живетъ съ нимъ стѣна объ стѣну, по той же лѣстницѣ... понимаешь?

— Какъ не понять!..

— Отдай же ей это письмо, да смотри, братъ, отдай въ руки... Понимаешь?..

— Понимаю, сударь... намъ не впервые приходится.

— Ну, хорошо, а ужъ насчетъ того еще будетъ... я денегъ не жалѣю! Ступай...

Воробевъ только что сбирался выйти изъ воротъ на

Digitized by Google

улицу, какъ кто-то ухватилъ его за руку. Онъ оглянулся: это былъ Ласточкинъ...

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Да вотъ, братъ, думалъ до департамента завернуть къ тебѣ... А ты куда такъ рано поднялся?

— Надо обдѣлать кой-какія дѣлишки...

— Пойдемъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, Воробевъ, мнѣ надо быть одному; я иду къ знакомому...

— Къ какому знакомому?

— Ахъ, Господи! да такъ, дѣло завязалось. Прощай. Увидимся въ департаментѣ.

— Прощай...

Ласточкинъ повернулъ изъ Троицкой улицы въ Щербаковъ переулокъ и рысцою пустился къ Чернышеву мосту. Ступивъ на мостъ, онъ оглянулся назадъ и, увѣрившись, что Воробевъ за нимъ не слѣдовалъ, направился прямо черезъ площадь къ Апраксину двору.

— Послушай, служивый, сказалъ онъ инвалиду, увѣшанному съ головы до ногъ разными жилетами, брюками, сюртуками и лохмотьями, — гдѣ здѣсь желѣзныя лавки?

— А вотъ, ваше благородіе, какъ пройдете Разгуляй, такъ ступайте все прямо по Тряпичной линіи; тутъ будетъ вамъ другая площадь—Разваляй—прямо такъ вотъ и упретесь въ желѣзные ряды...

— Спасибо, братецъ, спасибо!.. Разваляй, Разгуляй? бормоталъ Петръ Иванычъ, переступая по грязному Разгуляю,—а какъ не достану, вотъ будетъ штука!.. очень можетъ статься, что и не достану.

Ласточкинъ увидѣлъ, наконецъ, желѣзные ряды и, подойдя къ нимъ, принялся шарить въ грудахъ заржавленныхъ скобокъ, ключей, замковъ, гвоздей, подпилокъ и крючковъ.

— Что покупаете? спросилъ купецъ.

— Вотъ видишь ли, любезный, мнѣ бы нуженъ былъ...

— Чего-съ?

— Желѣзный, если бъ можно было, самый большой... я не знаю, какъ это.

— Да вамъ чего угодно?

— Большой, самый большой... буравъ.

Купецъ посмотрѣлъ на него подозрительно.

— А вамъ для какой потребности? сказалъ онъ.

— Я возьму вотъ этотъ, произнесъ Петръ Иванычъ,

Digitized by Google

вынимая изъ хлама необыковенной толщины и длины буравъ.—Что̀ стоитъ?

— Полтинникъ. Меньше нельзя взять.

— Помилуй, какъ это можно!

— Сами видите, тутъ два фунта желѣза пошло. Если не вѣрите, можно прикинуть на вѣсы. Меньше не возьмемъ.

— Бери четвертакъ.

— Нельзя-съ.

— Ну, такъ у меня вотъ тутъ есть знакомый купецъ. Я пойду къ нему: у него всѣ эти вещи несравненно дешевле...

— Извольте, извольте... что̀ съ вами дѣлать!.. для почину отдаю.

Петръ Иванычъ засунулъ буравъ въ задній карманъ вицмундира и побѣжалъ въ департаментъ.

Первый человѣкъ, на котораго наткнулся Ласточкинъ въ департаментѣ, былъ Воробевъ. Недовольное лицо послѣдняго, его вытянутая физіономія сильно поразили Петра Иваныча.

— Что̀ съ тобою? спросилъ онъ.

— Да что, братецъ, отвѣчалъ тотъ, — хочу выйти въ отставку.

— Вотъ еще новенькое! Съ тобою, вѣрно, случилась какая-нибудь непріятность?

— Просто житья нѣтъ! Андрей Андреичъ не даетъ мнѣ покоя. Вотъ и сегодня, не успѣлъ я явиться въ департаментъ, какъ уже получилъ острастку. Я не знаю, право, чего онъ отъ меня хочетъ!

— Да ты врешь, Ваня! ужъ вѣрно, онъ недаромъ распекъ тебя. Я знаю, Андрей Андреичъ шутить не любитъ, но безъ причины не станетъ нападать на человѣка. Ты что-нибудь да сдѣлалъ.

— Что̀ я сдѣлалъ... ровно ничего.

— Ей Богу, врешь!

— Говорю тебѣ, ничего особеннаго. Я сидѣлъ вотъ здѣсь и писалъ; тоска такая... ну, и запѣлъ куплетъ. Въ эту самую минуту вошелъ Андрей Андреичъ. Что жъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, думаетъ, не могу я развѣ составить себѣ другой карьеры!

— Вотъ еще вздоръ! Полно! перемелется, все мука̀ будетъ.

— Да, перемелется! хорошо тебѣ это говорить. Ахъ, кстати: ну, что̀ твоя сосѣдка?

Digitized by Google

— А, право, не знаю. Я забылъ даже, что она существуетъ на свѣтѣ.

— Ну, что, не пѣла послѣ того, какъ я ушелъ вчера?

— Нѣтъ, не пѣла.

— И не стучала въ стѣну?

— Нѣтъ, не стучала.

— Послушай, Петя: я забѣгу къ тебѣ вечеркомъ.

— Нѣтъ, меня сегодня не будетъ дома: я отправлюсь къ одному... знакомому.

— Откуда у тебя вдругъ явились знакомые?

— Такъ, братъ! нужно.. дѣла...

— Ну, завтра утромъ забѣгу.

— Хорошо.

Время, тянувшееся всегда до нельзя долго въ департаментѣ, показалось на этотъ разъ нашимъ пріятелямъ еще длиннѣе обыкновеннаго. Наконецъ-то пробили столь ожидаемые четыре часа, и чиновники стремглавъ понеслись вонъ изъ присутственнаго мѣста.

Главною цѣлью Петра Иваныча, послѣ того, какъ онъ съѣлъ у Балабина рубленую котлетку, было достичь скорѣе дома. Войдя въ комнату, онъ тотчасъ же заперъ ее внутри, послѣ чего подошелъ къ завѣтной стѣнѣ и приложилъ къ ней ухо. „Странно!“ вымолвилъ онъ, „хоть бы признакъ существованія; хоть бы послышались кашель или стукъ, а то ровно ничего... Впрочемъ, все къ лучшему; хорошо даже, если бъ ея вовсе не было въ эту минуту дома: чего добраго—замѣтитъ, услышитъ... Ну, теперь къ дѣлу, къ дѣлу!“

Петръ Иванычъ разоблачился, взялъ въ руки буравъ, подошелъ къ стѣнѣ и, не безъ особеннаго волненія и біенія сердца, принялся сверлить ее. Работа продолжалась долго, потъ градомъ катился съ лица Ласточкина. Наконецъ труды его увѣнчались успѣхомъ: буравъ пошелъ свободнѣе. Петръ Иванычъ выпулъ его тогда и съ жадностью бросился смотрѣть въ дырочку.

— Боже мой! вскрикнулъ онъ,—что жъ я надѣлалъ!.. не туда попалъ!.. мимо! Экая, право, досада! ничего не видно...

Ласточкинъ былъ въ отчаяніи; онъ долго ходилъ по комнатѣ, перебирая въ головѣ всѣ возможныя средства, какъ бы увидѣть сосѣдку, и, наконецъ, рѣшилъ, что всего лучше просверлить вторую дырочку, только несравненно ниже первой. Онъ снова было вооружился буравомъ, какъ вдругъ у двери его кто-то постучался.

Digitized by Google

Петръ Иванычъ бросилъ инструментъ свой подъ диванъ, прикрылъ отверстіе въ стѣнѣ стуломъ и отперъ дверь.

Въ комнату вошла пожилая женщина,—что-то въ родѣ кухарки.

— Что тебѣ надо? спросилъ отрывисто Ласточкинъ.

— Меня, батюшка, прислала къ тебѣ барышня.

— Какая барышня?

— А вотъ, что живетъ съ тобой стѣна-то объ стѣну... Ольга Михайловна.

— Какъ!..

— Ты, батюшка, изволилъ вишь потѣшаться — стѣнку свою долбилъ... да и попалъ ей шильцомъ-то въ самый комодъ... Въ комодъ-то еще ничего... а то вѣдь пропоролъ ей капотъ стеганый, который лежалъ въ комодѣ-то...

— Какъ, душенька,—быть не можетъ!.. это, вѣрно, кто-нибудь другой... Впрочемъ, люди мои вотъ тутъ приколачивали что-то: такъ это, вѣрно, они, бездѣльники... ахъ, Боже мой! Скажи, пожалуйста, Ольгѣ Михайловнѣ, что я на колѣняхъ прошу у ней прощенья... что самъ приду извиняться... она очень сердится?..

— Сердится-то она не сердится, а сказала: ступай, говоритъ, къ чиновнику, да скажи ему, что такъ, молъ, не дѣлаютъ... капотъ-то вѣдь 80 рублевъ стоитъ...

— Послушай, душенька, вотъ тебѣ... возьми, сказалъ Ласточкинъ, суя ей въ руку гривенникъ,—только уговори Ольгу Михайловну, чтобъ она не сердилась... скажи ей, что я добрый... ты видишь, какъ я живу... скажи ей, что самъ приду просить прощенья...

— Вотъ и Ольга Михайловна наша также такая добрая: иной разъ въ стиркѣ порвешь юбку—всякъ случается—а она, моя кормилица, ничего... такая, право, добродушная!

— Что она, какъ... живетъ одна?

— Одна, кормилецъ... и никогда словомъ дурнымъ не промолвитъ.

— Скажи же ей, душенька, все, что я тебѣ говорилъ... а за мною ужъ худо не будетъ; ты заходи только сюда почаще.

— Спасибо тебѣ, батюшка!.. Прощайте, кормилецъ!.. Заходите къ намъ...

— Непремѣнно, такъ-таки и скажи своей барышнѣ, что чиновникъ... молодой, въ такомъ горѣ... сейчасъ, говоритъ, самъ пойду на колѣняхъ просить прощенія... и живетъ, скажи, хорошо, а ужъ за мной худа не будетъ... денежки-то водятся...

Digitized by Google

„Вотъ случай!“ подумалъ Ласточкинъ.—„Ну, признаюсь, я этого не ожидалъ... сама судьба принимаетъ во мнѣ участіе! Сію же минуту отправлюсь туда... учтивость даже этого требуетъ.“—Петръ Иванычъ подошелъ къ зеркалу.—„Извините, сударыня!“ произнесъ онъ, шаркнувъ ножкой.—„Я... я, право...“ Ну, да тамъ найду, что сказать... Непріятно, однакожъ, что я испортилъ ей капотъ... Эхъ, если бъ были деньги!.. Надо, однако, торопиться... Что жъ я надѣну? сюртукъ или фракъ?.. Надѣну сюртукъ: Воробевъ, говоритъ, что онъ дивно на мнѣ сидитъ; косынку повяжу черную съ красными горошинками... выпущу воротнички: они какъ-то лучше обрисовываютъ лицо... Эхъ, жаль, что негдѣ завиться! Женщины любятъ курчавыхъ: это, по ихъ мнѣнію, обличаетъ въ мужчинѣ страстную натуру... Пушкинъ и Байронъ были курчавые...“ Принарядясь, какъ можно лучше, Петръ Иванычъ подошелъ еще разъ къ зеркалу и наговорилъ, смотрясь въ него, столько любезностей воображаемой Ольгѣ Михайловнѣ, что даже самъ удивился своему краснорѣчію; онъ приноровился даже, какъ приличнѣе будетъ ему изъясняться въ любви, если представится къ тому случай, и рѣшилъ, что всего лучше броситься на колѣни и поцѣловать руки. Съ такими-то мыслями подошелъ онъ къ дверямъ сосѣдки.

Но Ласточкинъ былъ, какъ говорится, молодецъ только на словахъ: при видѣ колокольчика Ольги Михайловны, имъ тотчасъ же овладѣла робость, такъ что онъ не осмѣлился даже къ нему прикоснуться. „А что, если вдругъ разсердится“, подумалъ онъ,—„да закричитъ, да велитъ кухаркѣ позвать дворника... затѣетъ скандалъ? Впрочемъ, что жъ такое? я исполняю долгъ учтиваго человѣка... Несчастный случай, г. квартальный: люди мои попали гвоздемъ въ комодъ этой госпожи... и я... Но что жъ, въ самомъ дѣлѣ, такое?.. ужъ будто изъ этого должно непремѣнно что-нибудь выйти? Она, кажется, изъ всего видно, порядочная женщина... и кухарка даже говоритъ, что добрая... Э! ничего!..“

Ласточкинъ постучался въ дверь: изъ нея выглянула знакомая кухарка.

— Послушай, душенька, произнесъ нерѣшительнымъ тономъ Петръ Иванычъ,—нѣтъ ли у васъ моего хозяина? Богъ знаетъ, куда это онъ запропастился... никто не можетъ отыскать...

Digitized by Google

— Онъ къ намъ не ходитъ, кормилецъ, никогда и не хаживалъ.

— Послушай... ну, что же, Ольга Михайловна все еще не перестала на меня сердиться?

— А она, моя голубушка и забыла давно; ишь себѣ распѣваетъ, словно пташка!

Петръ Иванычъ, въ самомъ дѣлѣ, услышалъ звуки гитары и пѣсню: *„Гусаръ, на саблю опираясь, въ глубокой горести стоялъ“*. У него сердце такъ и застучало.

— Нянька! нянька! кто тамъ? послышалось въ комнатѣ.

— Ну, услышала, сказала кухарка,—да вы, батюшка, пожалуйте въ горницу... Чего же вы стоите?.. Ничего-съ, пожалуйте!..

— Нѣтъ, такъ... впрочемъ, отчего же.. я не прочь... И Петръ Иванычъ бочкомъ вошелъ въ комнату сосѣдки, не забывъ напередъ взбить себѣ волосы.

Комната, въ которую вступилъ Ласточкинъ, была довольно мило убрана и нисколько не соотвѣтствовала грязному выходу и кухнѣ.

Петръ Иванычъ смутился.

— Извините... сударыня, произнесъ онъ, — я, право, думалъ...

— Ахъ! вскрикнула Ольга Михайловна, вскакивая съ дивана и бросая гитару,—какъ вы меня испугали!..

— Сударыня, я, право... самый несчастный случай... люди у меня такой непріятный народъ... мнѣ сказывали, вы изволите сердиться... вамъ попали гвоздемъ въ комодъ и испортили платье. Вы не повѣрите, какъ мнѣ это непріятно, и я готовъ сдѣлать все на свѣтѣ, чтобы только загладить свою вину...

— Помилуйте, это ничего-съ... Скажите, это вы вчера такъ стучали въ стѣну?

— Вчера? спросилъ съ изумленіемъ Ласточкинъ.

— Да, вчера. Полноте, полноте! ужъ будто не знаете... Ахъ, какіе вы притворщики!

— Извините, сударыня... это мои пріятели. Вчера они собрались ко мнѣ на новоселье... знаете, молодежь — выпили шампанскаго... подняли шумъ...

— Ахъ, какія страсти!.. А кто же пѣлъ такъ прекрасно?..

— Это одинъ пѣвецъ изъ театра... Мы также, Ольга Михайловна, имѣли удовольствіе слышать вашъ голосокъ, произнесъ съ улыбкою Петръ Иванычъ, — и, признаюсь,

Digitized by Google

были въ восторгѣ... всѣ, сколько насъ ни находилось, съ ума сошли...

— Ахъ, какіе вы насмѣшники! какъ же вамъ не стыдно подслушивать?

— Что жъ такое, Ольга Михайловна: это очень простительно; слышишь за стѣною прекрасный голосъ... Вы, кажется, пѣли изъ „Аскольдовой Могилы", именно: „Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ". Вотъ, видите ли, я все помню... все...

— Вы ошибаетесь: это совсѣмъ не я пѣла.

— Нѣтъ, Ольга Михайловна, позвольте вамъ сказать... что это вы... ужъ я знаю...

— А вотъ ей-Богу же не я.

Петръ Иванычъ не спускалъ глазъ съ сосѣдки, стараясь придать своему лицу самое пріятное выраженіе. Онъ пускалъ въ ходъ всѣ тѣ маленькія хитрости, къ которымъ прибѣгаютъ въ его положеніи: то улыбался такъ, чтобы имѣть случай выказать свои зубы, то встряхивалъ волосами, то, наконецъ, вытягивалъ ногу, обутую въ узкій сапогъ, то игралъ краешками своего сюртука и пропускалъ въ петли тонкіе свои пальцы,—словомъ изощрялъ всѣ свои силы, чтобы плѣнить сосѣдку. Ольга Михайловна, съ своей стороны, была вполнѣ достойна вниманія Ласточкина. Она принадлежала къ числу тѣхъ пухленькихъ, свѣженькихъ женщинъ, на которыхъ невольно заглядываешься, когда встрѣчаешься съ ними на улицѣ, хотя на каждомъ шагу попадаются лица гораздо правильнѣе и красивѣе.

Вздернутый кверху носикъ—признакъ веселости и бойкости, живые черные глаза, не остающіеся ни минуты въ покоѣ, крупныя, но прелестно сформированныя губки, свѣтлокаштановые волосы, зачесанные просто, но со вкусомъ,—все это шло къ ней, какъ нельзя больше.

— Ай, страсти! сказала Ольга Михайловна. — Что это вы такъ страшно на меня смотрите?

— Ольга Михайловна! Ольга Михайловна! началъ было Ласточкинъ, прикладывая руку къ сердцу, но тутъ же осѣкся и продолжалъ:—вы не повѣрите, какъ напоминаете мнѣ одну знакомую даму...

— Неужели у васъ есть знакомыя, которыя такъ дурны собою?

— Дурны! вы говорите: дурны!.. о! Ольга Михайловна! она считается одною изъ первыхъ красавицъ въ городѣ!

— Въ такомъ случаѣ, я не могу быть на нее похожа: я знаю, что я очень дурна собою...

Digitized by Google

— Позвольте вамъ сказать, что вы говорите теперь рѣшительно противъ себя.

— Ахъ! дерзкій мужчина! воскликнула Ольга Михайловна.

Разговоръ оживился. Петръ Иванычъ болѣе и болѣе горячился: онъ начиналъ уже понимать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло... Во-первыхъ, Ольга Михайловна сказала ему, что у нея былъ какой-то *дяденька*; потомъ дяденька этотъ получилъ названіе *папаши*, потомъ *папашеньки*, а, наконецъ, всѣ эти родственныя прозвища уступили скромному наименованію Андрея Андреича.

Какъ ни былъ неопытенъ Ласточкинъ, однакожъ, онъ очень хорошо зналъ, что̀ значатъ *дяденьки и папашеньки*, когда дѣло идетъ о дочкахъ и племянницахъ, которыя живутъ однѣ-одинешеньки, въ квартирахъ съ комфортомъ, со старою *нянькою* и шестиструнною гитарою.

Откуда ни возьмись, тотчасъ же появились у нашего героя прыть, бодрость и смѣлость. Онъ разсыпался словно бѣсъ передъ заутреней, разсказывалъ кучу анекдотовъ, острилъ, — словомъ, былъ любезенъ какъ нельзя больше. Ольга Михайловна хохотала и, казалось, была очень, очень довольна сосѣдомъ.

Но когда пробило на стѣнныхъ часахъ семь, она привстала съ дивана и съ видимымъ смущеніемъ сказала новому своему знакомому:

— Ахъ, Боже мой!.. ради Бога, уйдите... вамъ теперь, право, нельзя у меня оставаться!.. Пожалуйста, уйдите поскорѣе, я васъ прошу!.. приходите лучше завтра... завтра я буду дома; а теперь, право, никакъ нельзя... Ради Бога, уйдите скорѣе!..

Петръ Иванычъ смекнулъ въ чемъ дѣло, и потому заблагоразсудилъ какъ можно скорѣе раскланяться, не позабывая при выходѣ сунуть кухаркѣ еще гривенникъ.

На другой день, въ шестомъ часу вечера, Ласточкинъ сидѣлъ уже у сосѣдки.

Въ тотъ же день, почти въ тотъ же часъ, Воробевъ сидѣлъ въ трактирѣ Балабина, ѣлъ котлетку и слушалъ органъ.

„Каково я выдержалъ характеръ!“ думалъ онъ.—„А? терплю со вчерашняго утра!.. Вѣдь очень можетъ-быть, что сосѣдка Ласточкина благосклонно приняла мое письмо и только ожидаетъ автора... ей-Богу что жъ тутъ му-

Digitized by Google

дренаго?.. Случались же такія продѣлки, да еще и не разъ. Пойду-ка теперь къ подъѣзду Александринскаго театра: посмотрю, какъ будутъ высаживать актрисъ. Смерть люблю глядѣть на нихъ въ частной ихъ жизни... Досадно только, что капельдинеровъ всегда тьма-тьмущая: и подойти-то близко къ каретѣ нельзя; а то бы этакъ подлетѣлъ—хлопъ! да и высадилъ бы какую-нибудь хористку... о! славно было бы!.. Ну, а какъ смеркнется, такъ отправлюсь къ дворнику Ласточкина... что-то онъ скажетъ?"

Какъ задумано, такъ и сдѣлано: въ семь часовъ Воробевъ стоялъ передъ дворникомъ.

— Что, братъ, письмо отдалъ?

— Ну, баринъ, лучше бы вы и не приносили его—бѣда! отвѣчалъ дворникъ, почесывая затылокъ.

— Какъ!.. какая бѣда?.. что такое?..

— Ишь барышня-то разсерчала больно... ужъ я и самъ не радъ, что пошелъ...

— Что жъ она сказала?

— А что сказала... вѣстимо, что сказала... обругала. Хозяину, говоритъ, скажу. Ужъ я и самъ-то не радъ, что васъ, сударь, послушалъ...

— Гм! да ты мнѣ, братецъ, скажи, пожалуйста, что, какъ она... такъ... живетъ одна... или съ кѣмъ-нибудь... ну, понимаешь?

— Живетъ-то она одна... одна живетъ...

— Ну, понимаешь... этакъ гости бываютъ или знакомые? ты мнѣ все говори... все...

— Ходитъ какой-то баринъ; а Богъ его знаетъ, какъ онъ ей приходится...

— Старъ?

— Не то, чтобы гораздо старъ... а ходитъ часто... часто ходитъ...

— Да, гм! ну, хорошо...

— Вы, баринъ, хошь за хлопоты-то что-нибудь пожалуйте.

— Какъ же, какъ же! вотъ я завтра зайду...

— Хоть изъ милости на чаекъ пожалуйте...

— Говорю, завтра дамъ! что жъ тебѣ еще?

Воробевъ вышелъ на улицу, дошелъ до Пяти Угловъ и остановился.

„А что въ самомъ дѣлѣ", подумалъ онъ, „должно быть какая-нибудь швея изъ магазина, петербургская лореточка; а можетъ-быть... э! ничего! попытка не бѣда!.. Пойду-ка

Digitized by Google

прямо къ ней, позвоню и спрошу, не здѣсь ли живетъ поручикъ... ну, хоть поручикъ Ивановъ, а тамъ, что будетъ, то будетъ!"

Спустя нѣсколько минутъ, Воробевъ протягивалъ уже руку, чтобы позвонить у двери сосѣдки.

Между тѣмъ, другой нашъ пріятель, Петръ Иванычъ Ласточкинъ, сидѣлъ спокойно на диванѣ рядышкомъ съ Ольгой Михайловной и цѣловалъ у ней ручку. Въ эту самую минуту въ кухнѣ зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Боже мой! кто это? воскликнула Ольга Михайловна, поспѣшно вставая и поправляясь. — Ахъ! спрячьтесь, спрячьтесь скорѣе... сюда, сюда!

И, не дожидаясь отвѣта, она втолкнула смущеннаго Петра Иваныча въ сосѣднюю комнату. Въ комнатѣ было совершенно темно.

Ласточкинъ затесался въ самый уголъ. Онъ былъ ни живъ, ни мертвъ. Ольга Михайловна вбѣжала въ кухню. Воробевъ вырвался изъ рукъ кухарки и бросился къ ней.

— Извините, сударыня!.. Не здѣсь ли живетъ поручикъ Ивановъ?.. Ваша кухарка такая...

— Что это вы съ ума сошли? Ступайте отсюда!.. Какой поручикъ... кого вамъ надо?.. Здѣсь нѣтъ никого...

— Послушайте, сударыня, продолжалъ Воробевъ, входя силою въ первую комнату,—я давно скрывался... послушайте... вы получили письмо... это я писалъ... ради Бога, послушайте... я васъ люблю... вы этого, конечно... не замѣчали... но повѣрьте... я вамъ сейчасъ же все разскажу...

Въ эту минуту кухарка, сломя голову, влетѣла въ комнату и произнесла дрожащимъ голосомъ:

— Барышня... барышня... бѣда... охъ! баринъ идетъ...

— Ахъ! я пропала! сказала Ольга Михайловна, отчаянно всплеснувъ руками.—Это Андрей Андреичъ!.. Что вы надѣлали?.. Бѣгите скорѣй... Нѣтъ, нѣтъ!... спрячьтесь...

— Какой Андрей Андреичъ?

— Андрей Андреичъ! могла только отвѣчать сосѣдка, вталкивая Воробева въ комнату къ Ласточкину.

Въ кухнѣ раздался звонокъ.

Ольга Михайловна сѣла въ кресла и взяла гитару.

Минуту спустя вошелъ, или, лучше сказать, ввалился толстый господинъ въ очкахъ и въ шубѣ.

— Здравствуй, Оля! произнесъ онъ. — Ты меня, душенька, небось не ждала сегодня?.. Я и самъ-то не думалъ тебя видѣть; да жена въ театръ уѣхала, такъ нѣ одно-

Digitized by Google

му-то скучненько стало... Давай же скорѣй чаю... ей, Мавра! а Мавра!.. Что это? вымолвилъ толстякъ, указывая на шляпу Ласточкина, которую второпяхъ забыла спрятать Ольга Михайловна.—Чья это шляпа?.. Да у тебя кто-то здѣсь есть? а?..

— Нѣтъ, Андрей Андреичъ... право, никого нѣту! отвѣчала сквозь слезы трепещущая Ольга Михайловна.

— Какъ никого нѣту?.. А вотъ мы сейчасъ узнаемъ... Гей ты, каналья!.. свѣчку сюда!.. свѣчку!..

Толстякъ, не дождавшись огня, бросился въ комнату, гдѣ сидѣли пріятели.

— Кто здѣсь? крикнулъ онъ, стуча палкою объ полъ,— кто здѣсь?..

Воробевъ опустился на-земь и легъ въ растяжку; Ласточкинъ обмеръ. Оба они узнали знакомый имъ голосъ.

— Кто здѣсь, спрашиваю я? продолжалъ Андрей Андреичъ, горячась болѣе и болѣе.

У Ласточкина зарябило въ глазахъ. Онъ отшатнулся отъ стѣны, подошелъ на цыпочкахъ къ Андрею Андреичу, наклонился къ нему на ухо и произнесъ едва внятнымъ голосомъ:

— Андрей Андреичъ... это я... это я-съ, Андрей Андреичъ!...

Бѣдняжка думалъ смягчить начальника признаніемъ.

Внесли свѣчку.

— А! вымолвилъ Андрей Андреичъ, — такъ это ты?.. Ну, хорошо... И подъ столомъ еще одинъ... А! такъ это вы, господа?.. Вылѣзайте, Воробевъ... что же вы лежите?..

— Я, право, Андрей Андреичъ... нечаянно зашелъ... думалъ...

— Ну, хорошо... мы это послѣ разберемъ... послѣ... я съ вами раздѣлаюсь...

Сказавъ это, Андрей Андреичъ вышелъ изъ комнаты, не удостоивъ даже мимоходомъ бросить взглядъ на Ольгу Михайловну, лежавшую безъ чувствъ на диванѣ; слышно только было на кухнѣ что-то въ родѣ оплеухи и вслѣдъ затѣмъ вопль Мавры.

Эпилогъ.

Сказываютъ, будто Ласточкинъ, вскорѣ послѣ этого происшествія, отыскалъ себѣ новое жилище и долго не пускалъ къ себѣ Воробева; поговариваютъ даже, будто оба они перешли въ другое вѣдомство, гдѣ, впрочемъ, повезло имъ несравненно лучше прежняго.

Digitized by Google

ЛОТЕРЕЙНЫЙ БАЛЪ.

(РАЗСКАЗЪ).

Въ Петербургѣ (не говоря уже о другихъ городахъ Россіи) съ наступленіемъ 17-го сентября происходитъ несравненно болѣе движенія, нежели въ остальные обыкновенные дни. Кареты безпрерывно сталкиваются у входа магазиновъ; особы разнаго рода, и даже лица, вовсе не имѣющія въ себѣ ничего особеннаго, выходятъ бо́льшею частью изъ кондитерскихъ, неся подъ мышкою узлы и корзины; модныя и игрушечныя лавки опустошаются; въ залахъ Англійскаго магазина и A la Renommée нѣтъ рѣшительно про́хода; въ Милютиныхъ—давка и тѣснота; не только на улицахъ, но и въ каждомъ почти домѣ движеніе на этотъ разъ возрастаетъ съ неимовѣрною силою. Тутъ натираютъ паркетъ; тамъ, противъ обыкновенія, привѣшиваютъ гардины; въ другомъ мѣстѣ, также вопреки установленному порядку, сальныя свѣчи замѣняются стеариновыми; въ третьемъ, къ обычнымъ двумъ или тремъ ломбернымъ столамъ, разставляемымъ, съ нѣмецкою аккуратностью, каждый вечеръ, присоединяютъ еще два или три; словомъ, подъ каждою почти кровлею происходитъ бѣготня, суматоха, преобразованіе...

Вамъ, можетъ-быть, покажется весьма страннымъ, почему именно все это дѣлается 17-го сентября. Помилуйте! да какъ же можетъ быть иначе? Сами посудите: у того жена—Софья, у другого двѣ дочери—Вѣра и Любовь; у третьяго сестра—Надежда; у четвертаго свояченица—Агаѳоклея (къ счастью, это случается всего рѣже), и, наконецъ, пятаго судьба надѣлила всѣмъ вмѣстѣ—Вѣрою, Любовью, Надеждою, Агаѳоклеею и Софьею: какъ же можетъ быть иначе?.. Но вся эта кутерьма, отно-

сительно говоря, ничего не можетъ значить въ сравненіи съ тою, которая происходила въ этотъ день, прошлаго года, на Петербургской сторонѣ, въ домѣ коллежскаго секретаря Ѳомы Ѳомича Крутобрюшкова.

Представьте: судьба, это судьба, не обращающая даже рѣшительно никакого вниманія на чины, а слѣдовательно и соотвѣтствующее имъ жалованье, надѣлила его женою и тремя дочерьми.

Предвидя горестное свое положеніе и издержки, которыя навлекутъ ему ежегодныя празднованія дочернихъ именинъ (ибо это по сю пору считается у насъ священнѣйшимъ долгомъ), Ѳома Ѳомичъ далъ дѣтямъ своимъ имена святыхъ, празднуемыхъ въ одинъ и тотъ же день. Впрочемъ, такъ поступаютъ люди и не находившіеся въ положеніи Крутобрюшкова; я даже увѣренъ, что цѣль ихъ въ такомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ болѣе экономическую идею, нежели удовольствіе изображать семейство аллегорически, то-есть крестомъ, якоремъ и пылающимъ сердцемъ. Именины не произвели бы въ домѣ Ѳомы Ѳомича особеннаго переворота, и отпраздновались бы, по обыкновенію, тихо и скромно, если бъ почтенному чиновнику не пришло въ голову, мѣсяца за два до описываемаго нами событія, затѣять лотерею. Разумѣется, идея эта, равно какъ и всякая другая, родилась въ головѣ коллежскаго секретаря не слѣдствіемъ мышленія, а случайно; вотъ какимъ образомъ это было:

Старшій братъ его, содержавшій между третьею и четвертою линіями Васильевскаго острова лавочку, гдѣ продавались разныя старинныя вещи, какъ-то: мебель, жесть, *картины* и книги, умеръ вдругъ скоропостижно, оставивъ ему по завѣщанію все свое имущество. Ѳома Ѳомичъ имѣлъ столько твердости характера, что, несмотря на грусть, тяготившую его душу, на другой же день послѣ горестнаго событія приступилъ къ распродажѣ полученнаго наслѣдства. Однако нѣкоторыя вещи были пощажены; Ѳома Ѳомичъ, наслышавшійся отъ добрыхъ людей о необыкновенныхъ выгодахъ дѣлать лотереи, положилъ ими воспользоваться и испытать счастье. Дѣйствительно, не прошло одного мѣсяца, какъ совѣты пріятелей оказались основательными и осуществили мечты его даже сверхъ ожиданія. Билеты разбирались съ неимовѣрною быстротою. Не взирая на то, что бо́льшая часть билетовъ была уже взята, Крутобрюшковъ, безъ сомнѣ-

Digitized by Google

нія, отложилъ бы розыгрышъ до другого раза, продолжая дѣйствовать такимъ образомъ до безконечности, какъ это дѣлаютъ весьма многіе, даже весьма почтенные люди, если бъ одно важное обстоятельство не препятствовало ему въ этомъ.

Случилось какъ-то Ѳомѣ Ѳомичу сѣсть въ департаментѣ подлѣ совѣтника, Александра Петровича Цвиркуляева; совѣтникъ, сохранявшій во всѣхъ случаяхъ жизни необыкновенную важность, неизвѣстно почему, на этотъ разъ не могъ скрыть хорошаго своего расположенія и былъ чрезвычайно въ духѣ.

Движимый какимъ-то необыкновеннымъ чувствомъ умиленія, рождающимся у каждаго, которому удастся сѣсть подлѣ старшаго въ добрый часъ, Крутобрюшковъ не могъ утерпѣть, чтобы не сообщить ему своего намѣренія. Александръ Петровичъ, желая показать себя вполнѣ снисходительнымъ начальникомъ, не только одобрилъ предпріятіе подчиненнаго, но даже взялъ два билета, тутъ же обѣщавъ присутствовать при розыгрышѣ.

Какъ видите, не было возможности отложить лотереи, и Ѳома Ѳомичъ, во избѣжаніе лишнихъ издержекъ, назначилъ розыгрышъ въ день именинъ жены и дочекъ. Но прежде, нежели приступимъ къ описанію приготовленій для вечера, слѣдуетъ короче познакомить читателя съ лицами, разыгрывающими на немъ главную роль.

Ѳома Ѳомичъ Крутобрюшковъ — человѣкъ небольшого роста, довольно толстый, съ необыкновенно-краснымъ лицомъ и гладкою лысиною. Въ наружности его нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, развѣ только то, что онъ совершенно лишенъ бровей, отчего лицо его принимаетъ какое-то сладко-медовое, временами даже приторное выраженіе. Онъ чрезвычайно богомоленъ, исправенъ къ службѣ, въ которой состоитъ уже тринадцать лѣтъ, хорошій отецъ семейства, плохо знаетъ грамотѣ и необыкновенно склоненъ къ спекуляціи. Супруга его (Софья Ивановна)—средней полноты женщина, совершенный pendant мужу, за исключеніемъ бровей, которыя у ней, какъ нарочно, чрезвычайно густы и черны. Сосѣдки увѣряютъ, будто она большая сплетница, но я приписываю это мнѣніе болѣе зависти, возбужденной тѣмъ, что Софья Ивановна кума одного гарнизоннаго майора, нежели справедливости. Г-жа Крутобрюшкова чрезвычайно горячая женщина и часто употребляетъ во зло дарованныя ей отъ природы

Digitized by Google

физическія силы (въ этомъ сознается иногда и самъ Ѳома Ѳомичъ). Дочерей держитъ она въ ежовыхъ рукавицахъ, управляетъ рѣшительно всѣмъ домомъ и стряпаетъ на кухнѣ, когда къ обѣду назначена кулебяка—блюдо, прославившее ее въ околоткѣ. Одна изъ отличительныхъ чертъ Софьи Ивановны—память; въ этомъ отношеніи она до того счастлива, что помнитъ наизусть весь календарь; спросите вы у ней хоть день Мамельфы, Евпсихія и Евтихія, и она тотчасъ же безошибочно отвѣтитъ вамъ, въ какіе именно дни празднуется Мамельфа, Евтихій и Евпсихій. Софья Ивановна большая охотница приглашать гостей; иную зоветъ на чай, другую на вотрушку, третью на яичницу, хотя обыкновенно, по истеченіи визита, ругаетъ ихъ наповалъ и увѣряетъ, что ее объѣдаютъ, по московской привычкѣ хлѣбосольства. Все это не мѣшаетъ, однако, г-жѣ Крутобрюшковой быть весьма хорошею хозяйкою и доброю супругою. Что-жъ касается до дочерей Ѳомы Ѳомича, одно казанское стихотвореніе избавитъ насъ отъ описанія ихъ наружности:

Одна изъ нихъ, Вѣра, брюнетка,
Другая, Любинька, кокетка,
А третья, Наденька, блондинъ;
Всѣхъ лучше же изъ нихъ блондинъ!

И дѣйствительно, Наденька, младшая дочь почтеннаго чиновника, отличается отъ сестеръ довольно хорошенькимъ личикомъ, возбуждающимъ зависть Вѣры и Любви. Любочка, старшая изъ нихъ, перешла уже за предѣлы невѣсты; ей около двадцати-семи лѣтъ; но это обстоятельство еще болѣе возбуждаетъ въ ней желаніе нравиться и кокетничать. Съ нею случилось много романическихъ приключеній, между которыми одно достойно быть поименовано. Она влюбилась разъ въ какого-то коллежскаго регистратора, посѣщавшаго довольно часто ихъ домъ; регистраторъ подавалъ большія надежды сдѣлаться ея супругомъ; но потомъ оказалось, что онъ дѣлалъ это только такъ, для препровожденія времени, въ особенности послѣ того, какъ онъ женился на купчихѣ. Любовь Ѳоминична, въ порывѣ отчаянія и ревности, хотѣла сначала броситься въ Малую Невку, но къ счастью ограничилась отправленіемъ къ измѣннику письма слѣдующаго содержанія:

„Стыдитесь што вы меня обманули, не только передъ вами и передъ Богомъ честь моя дорога, Богъ накажитъ

Digitized by Google

васъ какъ вы могли это сдѣлать... Ахъ несносно, за добро слышать зло, я записку вашу прочитала и въ обморокъ упала легче бы вы испесталета убили меня я не мучилась бы... ахъ, ахъ я страдаю отвасъ съ добростью души Богъ накажитъ жестоко меня обижать Богъ стабой умираю аттаски ахъ ахъ злодей...“

Изливъ такимъ образомъ свое отчаяніе, Любовь Ѳоминична, какъ бы въ отмщеніе вѣроломному любовнику, стала безъ разбора кокетничать со всѣми его пріятелями; но такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не примѣчалъ ея авансовъ, то по сію еще пору она находится въ дѣвическомъ званіи.

Вѣрочка—совершенная противоположность сестры; она чрезвычайно застѣнчива и сентиментальна. Чувствительность у нея также доходитъ до высшей степени. Бьетъ ли на дворѣ пѣтухъ курицу—она плачетъ; не удастся ей продѣть нитку въ иголочную скважинку — опять плачетъ; случится ли ей уронить тарелку или разорвать фартукъ— новыя слезы; словомъ, она готова плакать во всякое время и во всякій часъ. У Вѣрочки подъ головами всегда хранится какой-нибудь мрачный романъ, въ родѣ: „Любовь негра или черный, какихъ мало бѣлыхъ“, или тому подобная книга. Любочка находитъ неизъяснимое наслажденіе дразнить Вѣрочку, называя ее „зюзей“. Наденька совершенный ребенокъ и безпрерывно поетъ: „Вдругъ взбрунтило фортепьяно,—ууу—летай тоска моя!“, и т. д.

Всѣ три безъ исключенія страстныя охотницы наряжаться и гулять по Гостиному двору.

Чтобы дополнить картину семейнаго счастья коллежскаго секретаря, необходимо познакомить читателя съ Савишной, состоящею у него (выраженіе чисто департаментское) въ должности кухарки. Савишна, какъ и всѣ русскія бабы, занимающіяся кухмистерскимъ искусствомъ, не можетъ похвастать лишнею чистоплотностью. Особенною смѣтливостью также не обладаетъ, ибо только-что привезена изъ Калуги, мѣста ея рожденія. Савишна терпѣть не можетъ стирать пыль; она никакъ даже не можетъ понять, къ чему это дѣлается, и говоритъ, когда принуждаетъ ее къ тому Софья Ивановна: „Чтобъ тебѣ лопнуть... право! да ты хоть стирай ее сколько хошь, а завтра же набѣжитъ ея, окаянной, вдвое больше“. Любовь, Вѣру и Наденьку называетъ она молоденькими барышнями и въ свободное [illegible]четъ имъ довольно удачно въ карты.

Digitized by Google

17-го сентября семейство коллежскаго секретаря поднялось несравненно ранѣе обыкновеннаго. Послѣ обычныхъ поздравленій, и послѣ того, какъ Савишна поднесла Софьѣ Ивановнѣ двухъ-съ-полтинный крендель, оно расположилось вокругъ кипящаго самовара и принялось пить чай.

— Ну, матушка, вотъ и добрались мы до твоихъ именинъ, сказалъ Ѳома Ѳомичъ, хлебнувъ чаю.—Ну, что, Надя (она была его любимица), я чай, ты рада, что сегодня будутъ гости? Да ужъ, я думаю, и всѣмъ-то вамъ цѣлыя двѣ недѣли только и мерещилось, а?..

— Поговоримъ-ка лучше о дѣлѣ, отвѣчала серьёзнымъ тономъ Софья Ивановна, — вѣдь шутка ли, я думаю, сколько народу наберется... Куда-то мы ихъ помѣстимъ, подумай хорошенько... всего двѣ комнаты...

— Что-жъ дѣлать!.. Кромѣ своихъ должны пріѣхать и тѣ, которые взяли билеты на лотерею... я и самъ думалъ, что квартирка-то будетъ малешенька, ну, да авось не всѣ будутъ...

— Какъ бы не такъ! Эхъ ты, простофиля, простофиля! Не знаешь развѣ, что они только и ждутъ, какъ бы поѣсть да попить на чужой счетъ.

— Оно все такъ, Софья Ивановна, ну, да, авось, Богъ дастъ, какъ-нибудь... Постой! Надо посмотрѣть, сколько еще остается невзятыхъ билетовъ.

Сказавъ это, Ѳома Ѳомичъ подбѣжалъ къ комоду, открылъ его и вынулъ изъ второго ящика снизу листъ бумаги, на которомъ были означены выигрыши и нумера. Онъ зналъ списокъ наизусть давнымъ-давно, равно какъ и всѣ члены семейства, но дѣлалъ это потому, что находилъ большое удовольствіе любоваться имъ, во-первыхъ, какъ собственною своею *придумочкою*, а во-вторыхъ, какъ порукою за изрядное количество цѣлковыхъ.

Вотъ что въ сотый разъ прочелъ коллежскій секретарь:

„Разыгрывается дружеская лотерея, съ баломъ, музыкою, танцами и ужиномъ и разными забавами. Предметы:

„1. Кольцо бриліантовое.

„2. Часы серебряные англицкіе.

„3. Золотая цѣпочка съ ключикомъ.

„4. Фортепіаны обоктавахъ.

„5. Большая пенковая трубка въ серебряной оправѣ и большой власиной чубукъ.

„6. Ящикъ изъ Италіи, съ дамскими вещами, какъ-ножницы, наперстокъ, игольникъ, продивательная иго

Digitized by Google

двѣ перламутровыя мотовки и зеркаломъ. Цѣна билету одинъ рубль серебромъ".

Внизу, гдѣ означены были номера, знакомые и пріятели Ѳомы Ѳомича расписались каждый противъ избраннаго имъ билета. Маленькіе крестики, наставленные аккуратнымъ хозяиномъ съ лѣвой стороны нѣкоторыхъ билетовъ, означали, что они взяты за наличныя деньги, словомъ, все было какъ слѣдуетъ. Одно только въ спискѣ могло показаться страннымъ человѣку, чуждому мелкаго чиновничьяго круга,—то, что бо́льшая часть чиновниковъ не выставили на немъ своихъ фамилій, но вмѣсто ихъ листъ былъ испещренъ разными аллегорическими надписями; напримѣръ, противъ восьмого номера было написано: *счастливецъ*; въ другомъ мѣстѣ, вѣроятно какой-нибудь забавникъ, или такъ-называемый „душа департаментскаго общества", довольно тщательно вырисовалъ: *адье монъ шеръ ами*; въ третьемъ фамилія была замѣнена, неизвѣстно по какимъ причинамъ, слѣдующими словами: *мое почтеніе*, и т. д.

Ѳома Ѳомичъ, казалось, былъ чрезвычайно доволенъ такими любезностями и продолжалъ читать: „Конецъ сихъ билетовъ, коллежскій секретарь Ѳома Крутобрюшковъ, 1844-го года, августа 17-го".

— Одинъ только Михайло Михайловичъ Желчный не взялъ билета, сказалъ онъ, окончивъ чтеніе. — „Нѣтъ, говоритъ, знаемъ мы эти лотереи, да и притомъ, сколько ни бралъ билетовъ, никогда не выигрывалъ, такъ ужъ и закаялся". Скряга, знаетъ только таскаться по гостямъ да наушничать.

— Ужъ я его когда-нибудь да отдѣлаю по-своему... Перечти-ка, кто да кто будетъ, вѣдь надо приготовить кое-что...

— Будетъ, во-первыхъ, Александръ Петровичъ Цвиркуляевъ, совѣтникъ нашъ... онъ взялъ два билета... Пожалуйста, Люба, не забудь ему первому подавать яблочки, закуску и все, что ни есть... Да и всѣ-то вы старайтесь какъ можно болѣе угождать ему... Потомъ будетъ еще Вакхъ Онуфріевичъ...

— Ахъ, Ѳоша, онъ и у насъ напьется, пожалуй, какъ на крестинахъ у Ивана Ивановича Масляникова.

— Ну, во избѣжаніе этого, распорядись такъ, чтобы каждому пришлось не болѣе одного *пуншика*... Еще пріѣдутъ: Меѳодій Карпычъ, коллежскій асессоръ, Акула Герасимовичъ Ершовъ, экзекуторъ, кума Арина Петровна—

Digitized by Google

ну, да это своя,—Сила Мамонтовичъ съ супругою... Иванъ Ивановичъ Масляниковъ...

— Да самъ ты посуди, Ѳома Ѳомичъ, ну, чѣмъ мы ихъ накормимъ? Шутка ли, почти весь департаментъ... самъ посуди...

— Нельзя иначе, матушка, вѣдь зато лотерея, не даромъ же ихъ угощаемъ... Будутъ еще: Волосковъ, помощникъ столоначальника, Владиміръ Макаровичъ Семяничкинъ съ супругою... Наталья Кузьминична... Я бишь и позабылъ Ивана Ивановича Елкина... прекрасный молодой человѣкъ, на хорошемъ счету у начальства, жалованье-то такое, что... вотъ женихъ Любочкѣ...

— Ну, ужъ, хорошъ вашъ Елкинъ, отвѣчала отрывисто и грубо старшая дочь Крутобрюшкова,—да я лучше повѣшусь, чѣмъ пойду за такого елистратишку...

— На тебя никакъ не угодишь! И чѣмъ Елкинъ не женихъ тебѣ, право, не понимаю! Чтобы только не измѣнилъ Аполлонъ Игнатьевичъ; онъ обѣщался непремѣнно пріѣхать побрянчать на фортепьянахъ, да Богъ его знаетъ, неравно, намъ на бѣду, выпьетъ, такъ и поминай какъ звали... Ну, смотрите же, дѣти, продолжалъ Ѳома Ѳомичъ,—ради Христа будьте обходительнѣе съ гостьми, въ особенности съ нашимъ совѣтникомъ; человѣкъ онъ старшій, можетъ, при случаѣ, оказать покровительство.

— Да, есть чѣмъ намъ взять, сказала Любочка, толкнувъ чашку, — хоть бы сшили намъ новыя платья, а то какъ какія-нибудь салопницы...

— Что такое?.. Мать хуже тебя, что ли, а?.. Сказывай, хуже тебя мать, что въ старомъ капотѣ ходитъ, да переворачиваетъ его каждые два года?.. Хуже тебя сестра-то, что ли, а?.. произнесла вдругъ Софья Ивановна, подступая къ дочери.

— Полно... Сонюшка... оставь ее... И для такого дня... сказалъ Ѳома Ѳомичъ, удерживая длань супруги, готовившуюся опуститься на дочернія плечи (мы уже говорили, что Софья Ивановна любила прибѣгать къ сильнымъ мѣрамъ).

— Нѣтъ, нѣтъ, хуже тебя мать, что ли?..

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ раскричались! завопила Любочка.—Пусть онѣ себѣ, дуры, слушаются васъ, а я и знать-то не хочу!

— Ги, ги, ги... жалобно запищала Вѣрочка.—Какъ она смѣетъ называть насъ дурами...

Digitized by Google

Любовь Ѳоминична вышла въ другую комнату, сильно хлопнувъ дверью. Вскорѣ послышался ужасный вой, который какъ бы мгновенно водворилъ спокойствіе въ остальныхъ членахъ семейства. Софья Ивановна, привыкнувшая къ подобнымъ сценамъ, налила себѣ новую чашку чаю; Вѣрочка перестала хныкать; Ѳома Ѳомичъ развалился на диванѣ.

— Ну, мать моя, сказалъ онъ,—ты ужъ тамъ распорядись, какъ знаешь, насчетъ покупокъ, а я покуда съ дѣтьми приберу все къ мѣсту, нельзя же такъ оставить. Вотъ тебѣ двѣ красненькія, продолжалъ супругъ, вынимая деньги изъ кожанаго замасленнаго бумажника,— больше, право, не могу...

— Я думаю, будетъ довольно... Да, бишь, не лучше ли записать, что надо купить, неравно позабуду... Встань же, что ты развалился, время ли отдыхать...

Ѳома Ѳомичъ всталъ, придвинулъ къ себѣ баночку съ чернилами и началъ писать подъ диктовку:

„Полфунта чаю, бутылку рома, два фунта винныхъ ягодъ и пастилокъ, Надѣ башмаки, пять лимоновъ, стеариновыхъ свѣчъ восемь штукъ...“

— Маменька, купите пожалуйста помады, только розовой,—перебила Наденька.

— Да... ну, запиши: „помады розовой, шнурокъ черный, двѣ желтыя ленты, восемь фунтовъ телятины...“

— Этакъ ты пожалуй весь Петербургъ вздумаешь закупить... Помилуй, Софья Ивановна, да и денегъ не хватитъ... на что, примѣрно, телятина, на кой чортъ телятина?..

— Ужъ ты сдѣлай такую милость, не мѣшайся не въ свое дѣло, а знай только пиши...

— Ей-Богу, Софья Ивановна, телятина совершенно лишнее... а вотъ по-моему купи лучше икорки, свѣжей, хорошей икорки... это будетъ лучше да и дешевле...

— Ну, хорошо, хорошо, запиши...

— „Икорки...“ Ну, теперь, кажется, все... съ Богомъ, а мы займемся дѣломъ; пора! скоро уже десять часовъ, а еще ничего не готово.

Софья Ивановна надѣла салопъ, завязала въ платокъ списокъ и ассигнаціи и, сопровождаемая Савишною, вскорѣ отправилась на ванькѣ въ городъ.

Трудъ, предпринятый почтеннымъ отцомъ семейства, былъ тѣмъ болѣе тяжелъ, что самое расположеніе квар-

Digitized by Google

тиры было весьма неудобно. Во-первыхъ, она имѣла общій недостатокъ всѣхъ петербургскихъ, а именно начиналась кухней; изъ кухни тянулся узенькій коридоръ, дѣлавшійся рѣшительно непроходимымъ чрезъ двухспальную постель обоихъ супруговъ, которую не было никакой возможности помѣстить въ другое мѣсто, такъ что попасть въ слѣдующую за коридоромъ комнату можно не иначе, какъ пробравшись бочкомъ или, если кому излишняя дородность не позволяла это сдѣлать, перескочивъ чрезъ нее; впрочемъ, при дородности и этотъ способъ не могъ быть употребляемъ въ дѣйствіе. За коридоромъ находились двѣ комнаты; первая изъ нихъ служила гостиною и залою, вторая—спальнею Вѣрочки, Наденьки и Любочки.

Ѳома Ѳомичъ, не взирая на всѣ затрудненія, не падалъ однако духомъ (таково было его обыкновеніе). Посреди первой комнаты поставилъ онъ фортепьяны, какъ главный предметъ и выигрышъ лотереи; на нихъ весьма красиво лежали остальные выигрыши, между которыми отличались: ящикъ изъ Италіи и баснословной величины пѣнковая трубка, горделиво возвышавшаяся на пестрой тарелкѣ. Кругомъ были разставлены стулья и два дивана, обитые хотя старенькой, но красивенькой клеенкой; стѣны сѣромолочнаго цвѣта пестрѣли картинами, между которыми портретъ директора департамента, гдѣ служилъ Крутобрюшковъ (необходимая принадлежность каждаго *ищущаго* чиновника), и какой-то ландшафтъ, писанный масляными красками и почернѣвшій до того, что едва можно было различить на немъ небо отъ земли, были болѣе другихъ достойны вниманія. Противъ одного изъ диванов Ѳома Ѳомичъ поставилъ круглый столикъ, купленный имъ въ старые годы по оказіи. Стѣнные часы остались на старомъ мѣстѣ подлѣ окна. Убранство второй комнаты требовало еще бо́льшихъ хлопотъ; Любочка рѣшительно отказывалась сдвинуться съ мѣста, несмотря на увѣщанія отца и Вѣрочкины слезы. Наконецъ, кое-какъ уговорили ее, и спальня трехъ дѣвушекъ приняла также довольно благообразный видъ. Она была назначена для играющихъ въ карты.

Ѳома Ѳомичъ и дочери его не успѣли еще совершенно устроиться, какъ въ комнату вошла кума Арина Петровна съ изрядной величины кренделемъ (общепринятымъ приношеніемъ кухарокъ, кумушекъ, старушекъ, которымъ оказали какое-нибудь пособіе, и ключницъ).

Digitized by Google

— Здравствуй, Ѳома Ѳомичъ, здравствуйте, дѣвушки, сказала она, ставя свою ношу на столикъ, — поздравляю васъ всѣхъ отъ чистаго сердца, дай вамъ Господь Богъ (тутъ она перекрестилась) всякаго счастія, благополучія, да хорошихъ женищковъ. (Арина Петровна поочередно поцѣловала дѣвушекъ). Ну, а гдѣ же жена-то твоя? сказала она, перемѣнивъ вдругъ интонацію, — я чай, за покупками, да за хлопотами; дай ей Богъ дешево отдѣлаться, рыбка нынче стала куда какъ дорога; проклятые купчишки деруть безъ всякой совѣсти.

— Да, ужъ нечего говорить, матушка, стоитъ мнѣ на порядкахъ вся эта кутерьма, сказалъ Ѳома Ѳомичъ, нѣсколько недовольный неумѣстнымъ посѣщеніемъ кумы, а главное, извѣстіемъ о дороговизнѣ провизіи.—Благодарю покорно, что не забыли и зашли навѣстить насъ...

— Какое забыть! я вотъ и кренделекъ принесла вамъ; думаю себѣ: авось пригодится, взяла да и купила... чай, много гостей будетъ у васъ вечеромъ?

— Да, матушка Арина Петровна, не мало... не мало... присядьте же, что жъ вы стоите...

— Нѣтъ, благодарствуй, я только такъ на минуточку забѣжала, чтобы поздравить васъ... знаю, и безъ меня много вамъ хлопотъ... а вотъ вечеркомъ такъ приду...

— Непремѣнно... мы васъ ожидаемъ...

Послѣ новыхъ лобызаній, Арина Петровна вышла, сопровождаемая крестницею (Наденькою), и семейство Крутобрюшкова снова принялось за работу. Все уже было готово, когда возвратилась Софья Ивановна, увѣшанная узлами и кулечками; окинувъ взоромъ комнаты, она осталась весьма довольна ихъ видомъ; одно только смущало ее — это двухспальная постель, такъ неумѣстно раздвинувшаяся поперекъ коридора. Пообѣдавъ наскоро, какъ говорятъ, чѣмъ Богъ послалъ, семейство коллежскаго секретаря приступило къ собственному своему преобразованію.

Въ восьмомъ часу лѣстница Крутобрюшковыхъ освѣтилась сальными огарками, тщательно сберегаемыми экономною хозяйкою дома. Огарки эти были весьма искусно вставлены въ огромныя рѣпы, посреди которыхъ самъ Ѳома Ѳомичъ просверлилъ дыры; на подъѣздѣ горѣли двѣ плошки; въ комнатахъ на каждомъ почти столѣ возвышались на высокихъ подсвѣчникахъ *стеариновыя* свѣчи; судя по иллюминаціи, балъ обѣщ[illegible]колѣпнымъ.

Digitized by Google

Ѳома Ѳомичъ, въ бѣломъ галстукѣ и новомъ вицъ-мундирѣ, бѣгалъ изъ одной комнаты въ другую, безпрерывно поправляя то какую-нибудь мебель, то свѣчку, плохо повинующуюся дрожащимъ его пальцамъ (Ѳома Ѳомичъ былъ въ сильномъ волненіи); то, наконецъ, обращался къ дочерямъ, умоляя ихъ окончить какъ можно скорѣе туалетъ.

Софья Ивановна уже давно была на кухнѣ; стараніями заботливой хозяйки воздвигнулись на тарелкахъ груды винныхъ ягодъ, пастилокъ, крымскихъ яблокъ (принадлежность всякаго рода баловъ, вечеровъ и пикниковъ), разрѣзанныхъ пополамъ; бутерброды также занимали не послѣднее мѣсто. Шеренги стакановъ, покуда пустыхъ, вытягивались на комодѣ кухни, готовые принять въ свою пустоту тотъ благотворный нектаръ, который чиновникъ окрестилъ названіемъ „пунштика“. Несмотря на такого рода занятія, Софья Ивановна находила время присматривать за Савишной, мѣсившей на сундукѣ кулебяку (столы всѣ до единаго были заняты).

— Ну, смотри же, Савишна, сказала Софья Ивановна,— дѣлай такъ, какъ я тебѣ сказывала: гостямъ мужескаго пола подавай пунштъ, а женщинамъ чай; да не забудь: не наливать по второму стакану, пока сама не скажу... Эхъ! кулебяку-то не поджарь...

— Слушаю-съ, Софья Ивановна, не обмолвлюсь...

— То-то же, да нарѣжь ее... Нѣтъ, нѣтъ, я сама это сдѣлаю... ты только знай подавай, когда я прикажу.

— Слушаю-съ, Софья Ивановна... Нешто гостевъ-то много буде?..

— Да, да, чортъ бы ихъ взялъ, прости Господи,— не мало...

— Что же это они не ѣдутъ, Софья Ивановна? произнесъ Ѳома Ѳомичъ, входя на кухню,—скоро девятый часъ...

— Успѣютъ еще... Ну, а что Люба, Надя, готовы? я чай, время бы примазаться...

— Нѣтъ еще, я не мало говорилъ имъ: вотъ застанутъ васъ гости; а онѣ то косыночку, то булавочку... просто бѣда мнѣ съ ними да и только.

— Постой, вотъ я ихъ потороплю!

Сказавъ это, Софья Ивановна направилась въ гостиную, гдѣ именинницы снаряжались къ балу.

— Что, скоро ли вы? Люба! долго ли ты станешь еще жеманиться передъ зеркаломъ?

Digitized by Google

— Господи! и одѣться-то не дадутъ! салопницами, вы хотите, чтобы мы показались, что ли?.. ужъ безъ того Богъ знаетъ на что̀ похожи...

— А вотъ, поговори-ка у меня еще...

Въ эту самую минуту въ кухнѣ послышался шумъ, и Софья Ивановна, не докончивъ рѣчи, опрометью бросилась въ коридоръ. Вѣра, Люба и Надя въ одну секунду спрятали подъ диванъ помаду, зеркальце, гребни, и стали, какъ бы ни въ чемъ не бывало, у дверей. Когда хозяйка дома вошла въ кухню, Ѳома Ѳомичъ снималъ уже лисій салопъ съ плечъ Натальи Васильевны Семяничкиной, пріѣхавшей съ мужемъ и двумя дочерьми, Анфисою и Ашинькой.

— Здравствуйте, любезнѣйшая Софья Ивановна, сказала Семяничкина, страстная охотница разыгрывать роль свѣтской женщины, — вотъ и мы къ вамъ! Поздравляю съ именинами и именинницами... дѣтокъ своихъ привезла.

— Да-съ, и своихъ дѣтокъ привезли къ вамъ, робко произнесъ Владиміръ Макаровичъ Семяничкинъ.

— Ахъ! сколько, я думаю, вамъ хлопотъ, милая Софья Ивановна! Ужъ я говорила сегодня мужу: надобно быть такой хозяйкой, какъ Софья Ивановна, чтобы успѣть приготовить все для такого множества гостей...

— Да-съ, жена говорила-съ... снова пробормоталъ Семяничкинъ.

— Пожалуйте въ комнату... Наталья Васильевна... Владиміръ Макаровичъ... Анфиса Владиміровна... прошу покорно...

— Владиміръ Макаровичъ, прошу покорно, сказалъ Ѳома Ѳомичъ, приглашая гостя рукою.

Семейство Семяничкиныхъ тронулось. Впереди всѣхъ выступала Наталья Васильевна, разодѣтая, какъ говорится, въ пухъ, въ желтыхъ лентахъ и чрезвычайно похожая въ этомъ нарядѣ на индійское божество; позади ея шли обѣ барышни, весьма недурной наружности; шествіе закрывалъ робкій Семяничкинъ, жиденькій, маленькій, желтенькій, въ мѣшковатомъ, какъ-то неловко сидящемъ вицъ-мундирѣ и съ вѣчно-слезившимся лѣвымъ глазомъ. Миновавъ Ѳермопильское ущелье (узкое пространство между стѣною и кроватью), Семяничкины благополучно достигли гостиной, гдѣ ожидали ихъ дочери Крутобрюшкова.

Но едва Софья Ивановна успѣла усадить гостей на диванъ и начать съ ними интересный разговоръ о доро-

Digitized by Google

говизнѣ квартиры и ея теплотѣ, удобствахъ и неудобствахъ, какъ въ кухнѣ послышался снова шумъ, и голосъ Ѳомы Ѳомича возвѣстилъ прибытіе новыхъ гостей. Софья Ивановна почла за необходимое поспѣшить къ нимъ навстрѣчу. На этотъ разъ, взорамъ ея предсталъ бухгалтеръ Сила Мамонтовичъ Бусловъ. Кряхтя и пыхтя, снималъ онъ съ себя лѣтнее пальто (Силѣ Мамонтовичу иногда не было холодно, и потому онъ не считалъ нужнымъ носить въ зимнее время другой одежды); толстые пальцы его, чрезвычайно похожіе на моркови, никакъ не повиновались своему хозяину и, казалось, болѣе и болѣе топырились. Освободившись, наконецъ, отъ пальто, тучный бухгалтеръ пожалъ сначала руку Ѳомѣ Ѳомичу и потомъ уже обратился къ Софьѣ Ивановнѣ:

— Радъ душевно, сударыня, имѣть случай лично поздравить васъ съ именинами, равно какъ почтеннѣйшаго нашего Ѳому Ѳомича... вотъ и жену привезъ съ собою и дочь... прошу любить и жаловать...

Съ этими словами, онъ отодвинулся въ сторону и представилъ Софьѣ Ивановнѣ худощавую какъ щепка женщину, съ взбитою прическою и до того накрахмаленнымъ платьемъ, что въ случаѣ надобности оно могло служить убѣжищемъ и самому Силѣ Мамонтовичу; съ своей стороны, г-жа Буслова представила дочь, молодую дѣвушку лѣтъ девятнадцати. Послѣ обычныхъ привѣтствій и лобызаній, дамы отправились въ гостиную, гдѣ запахъ *воздичной* сдѣлался еще болѣе ощутителенъ.

— Софья Ивановна, сказала Семяничкина, вставая съ дивана,—я еще не видала выигрышей: что, они всѣ тутъ?

— Всѣ, Наталья Васильевна; посмотрите, какой прекрасный рабочій ящичекъ, просто объяденье, и настоящей французской работы.

— Да, ящичекъ очень хорошенькій... Что бы тебѣ хотѣлось выиграть, Анфиса? продолжала Семяничкина, обращаясь къ дочери, когда вышла хозяйка,—ящикъ для рукодѣлья или фортепьяны? небось фортепьяны-то очень хочется?..

— Нѣтъ, маменька, мнѣ нравится болѣе кольцо брильянтовое.

— А я желала бы лучше выиграть золотую цѣпочку съ ключикомъ, сказала Ашинька.

— А я такъ просто думаю, прибавила Наталья Васильевна вполголоса, — что-нибудь ничего не достанется

Digitized by Google

ужъ вѣрно сами хозяева прибрали себѣ лучшіе билеты... вотъ вы увидите... Владиміръ Макаровичъ, куда же ты забился? сидитъ себѣ въ углу и на выигрыши даже посмотрѣть не хочетъ!

Необходимо здѣсь замѣтить, что г. Семяничкинъ имѣетъ маленькую слабость тотчасъ засыпать, куда бы только его ни посадили; кромѣ этого, переходъ отъ бдѣнія ко сну у него такъ быстръ, что не успѣешь повернуться, какъ уже онъ закрылъ глаза и испускаетъ маленькій носовой свистъ. Онъ все спалъ, такъ что настоящая жизнь грезилась ему какъ во снѣ. Голосъ супруги (единственное средство, выводящее Владиміра Макаровича изъ летаргіи) мгновенно пробудилъ его.

— Что-съ... Наталья Васильевна? произнесъ онъ, подходя къ женѣ.

— Ну, а тебѣ что бы хотѣлось выиграть? спросила она,—небось часы?

— Часы, Наталья Васильевна...

— Ну, и отъ фортепьянъ бы не отказался?

— Пѣнковая трубочка больно хороша, Наталья Васильевна...

— Ну, ужъ, нашелъ что сказать! пѣнковая... трубка!.. да я и даромъ не возьму ее... а вотъ кабы рабочій ящикъ... ну, это другое дѣло...

— Да, рабочій ящикъ... лучше...

Щепкообразная жена и дочь Силы Мамонтовича не принимали рѣшительно никакого участія въ лотереѣ и какъ вкопанныя сидѣли на одномъ мѣстѣ. Вскорѣ, тяжкіе вздохи, раздавшіеся въ коридорѣ, возвѣстили, что толстый бухгалтеръ силится пройти между постелью и стѣною; но, къ общему удивленію, онъ не замедлилъ явиться въ гостиную. Пока почтенный этотъ мужъ, страстный любитель музыки, театровъ и вообще изящнаго, какъ-то: расписныхъ московскихъ табакерокъ, оружія и статуэтокъ, продающихся на улицахъ, распространялся съ дамами объ удовольствіяхъ, доставляемыхъ ему такого рода предметами, квартира Крутобрюшкова наполнилась народомъ.

Одинъ за другимъ появлялись: Вакхъ Онуфріевичъ Петерка, извѣстная уже читателю кума Арина Петровна, состоящій въ должности помощника бухгалтера Аристархъ Виссаріоновичъ, у котораго глаза были необыкновенно похожи на глаза болонки, которую баловница-барыня кормитъ мясомъ, то-есть тонул[illegible]ъ-то бруснич-

Digitized by Google

номъ вареньи. Въ гостиной Ѳомы Ѳомича становилось уже тѣсно, когда явились Иванъ Ивановичъ Масляниковъ съ малолѣтнимъ сыномъ своимъ Ванюшею, Михайло Михайловичъ Желчный, чиновникъ въ отставкѣ, и Аполлонъ Игнатьевичъ, тотъ самый, который долженъ былъ играть на фортепьянахъ. Особенно появленіе послѣдняго чрезвычайно обрадовало и успокоило Ѳому Ѳомича.

— Ѳома Ѳомичъ! а Ѳома Ѳомичъ! что же, братецъ, скоро ли лотерея? спросилъ Михайло Михайловичъ Желчный, когда общество поусѣлось.

— Ожидаемъ только Александра Петровича... нашего совѣтника!..

— Какъ! и онъ будетъ... Ба! ба! ба!.. да я этого и не зналъ, произнесъ Сила Мамонтовичъ, обтирая потъ, капавшій у него съ носа.—У тебя, какъ я вижу, Ѳома Ѳомичъ, балъ не на шутку...

— Даже Александръ Петровичъ самъ два билета взялъ...

— Какъ! и два билета взялъ? ну, братъ, молодецъ!

— Вѣрно какъ-нибудь да самъ подсунулъ, сказалъ Желчный на ухо Акулѣ Герасимовичу Ершову, состоящему въ должности экзекутора.

— Акула Герасимовичъ, мое вамъ нижайшее почтеніе, произнесъ Ѳома Ѳомичъ, подходя къ нему, — благодарю за посѣщеніе...

— Очень радъ... не стоитъ благодарности...

— Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ, продожалъ Крутобрюшковъ, увидя Масляникова съ Ванюшею, — сколько лѣтъ, сколько зимъ... какъ вы въ своемъ здоровьѣ?

— Вашими молитвами, почтеннѣйшій Ѳома Ѳомичъ.

— Здравствуй, Ваня... да какой онъ у васъ умница...

— Душенька, поцѣлуй же дяденьку, сказалъ Иванъ Ивановичъ, гладя по головкѣ сына.

— А который годокъ?

— Да въ день Фрола и Лавра шестой пошелъ.

— Шестой!.. Зовутъ, Иванъ Ивановичъ... извините... Ѳома Ѳомичъ вышелъ въ коридоръ.

— Тятенька... тятенька... что вотъ это такое? спросилъ Ванюша, показывая на фортепьяно.

— А это музыка, душенька... вотъ что играютъ.

— Музыка... а это что такое, продолжалъ ребенокъ, вскарабкавшись на фортепьяно и трогая трубку, часы и ящикъ изъ Италіи.

Digitized by Google

— Не тронь, не тронь, душенька, неравно раскокаешь... это трубка.

— Трубка!

— Скажите, пожалуйста, Иванъ Ивановичъ, какъ здоровье вашей супруги? спросила Софья Ивановна.

— Благодарю покорно, вашими молитвами... надѣюсь, что скоро будетъ всему конецъ.

— Какъ, развѣ она еще не родила?

— Нѣтъ, но на этихъ дняхъ...

— Ѳома Ѳомичъ! Софья Ивановна! что же лотерея? произнесли нѣсколько голосовъ.

— Сію минуту, господа, сію минуту; повремените немного... я думаю, тотчасъ пріѣдетъ Александръ Петровичъ; согласитесь, что безъ него нельзя же...

— Да и не устроено у тебя, кажется, еще ничего насчетъ билетовъ, сказала кума Арина Петровна.

— Все готово, только не ѣдетъ Александръ Петровичъ...

— А кто станетъ вынимать билеты?

— Кто-нибудь, все равно.

— Нѣтъ, Ѳома Ѳомичъ, надобно, чтобы непремѣнно вынималъ ихъ ребенокъ... это вездѣ такъ водится... произнесъ Михайло Михайловичъ Желчный, находившій неизъяснимое удовольствіе ставить всѣхъ въ затруднительное положеніе...

— Да, разумѣется, продолжалъ Сила Мамонтовичъ.— Разумѣется, долженъ вынимать билеты ребенокъ... это, такъ сказать, эмблема невинности, ангелъ Божій...

— Въ такомъ случаѣ, Иванъ Ивановичъ одолжитъ намъ своего Ваничку.

— Очень радъ, очень пріятно... Ваня, Ваня, хочешь вынимать лотерею?

— Качу... лотерею...

— Какой миленькій ребенокъ, сказала Наталья Васильевна, подходя къ Масляникову съ дочерьми Крутобрюшкова.—А который годокъ?

— Въ день Фрола и Лавра шестой-съ пошелъ...

— Поцѣлуй меня, душенька, продолжала г-жа Семяничкина.

— Поцѣлуй же тётеньку...

Иванъ Ивановичъ былъ чрезвычайно доволенъ, что гости Ѳомы Ѳомича принимаютъ такое живое участіе въ его сынѣ; онъ посадилъ его къ себѣ на колѣни.

Digitized by Google

— Ну, что, плутишка, ты кого больше любишь: мамашу или папашу?

— Ма...ма и папашу.

— Ахъ, какой умница! поцѣлуй меня, душенька! какой умный мальчикъ! какъ это сейчасъ видно въ ребенкѣ, что будетъ умницей! произнесли вдругъ въ толпѣ, окружившей Ивана Ивановича.

Масляниковъ былъ внѣ себя отъ радости, и, чтобъ еще болѣе похвастать передъ гостьми остроуміемъ Ванюши, спросилъ его:

— Ну, а кого бы ты хотѣлъ, пузырь ты этакой, чтобы родила маменька: братца или сестрицу?

— Ла... ла, лашадку, бойко отвѣчалъ Ванюша.

Толпа захохотала. Иванъ Ивановичъ, не ожидавшій такого отвѣта, сконфузился такъ, что опустилъ сына на полъ и началъ безъ всякой причины шарить у себя въ карманѣ. Въ самую эту минуту въ дверяхъ показался совѣтникъ Александръ Петровичъ Цвиркуляевъ, а вслѣдъ за нимъ и хозяинъ дома. Поклонившись довольно важно, Александръ Петровичъ какимъ-то принужденнымъ тономъ сказалъ Ѳомѣ Ѳомичу:

— Представь же меня твоей женѣ... я хочу съ нею познакомиться.

— Софья Ивановна... Софь... вотъ я... Александръ Петровичъ... и Крутобрюшковъ толкалъ впередъ жену и дочерей.

— Да онѣ у тебя, братецъ, еще молоденькія, произнесъ совѣтникъ, съ нѣкоторою нѣжностью, тряся Наденьку, безъ церемоніи, за подбородокъ. — Ну, а что же лотерея?

— Сію минуту, Александръ Петровичъ, сію минуту..

Все общество окружило фортепьяно; Михайло Михайловичъ Желчный и экзекуторъ старались болѣе другихъ стать на виду совѣтника. Ванюша, къ совершенному удовольствію отца, былъ посаженъ на фортепьяно, между рабочимъ ящикомъ и пѣнковою трубкой, все еще лежащею на тарелкѣ, съ назначеніемъ вынимать пустыя бумажки или выигрыши. Нумера говорила Анфиса Владиміровна, старшая дочь г-жи Семяничкиной. Лотерея началась.

Два только лица не приняли участія въ розыгрышѣ лотереи: чувствительная Вѣра Ѳоминична и Дмитрій Алексѣевичъ Волосковъ, уже съ давнихъ поръ чувствовавшій къ ней непреодолимое влеченіе. Они отошли въ сторону

Digitized by Google

и предались молчанію, прерываемому только тяжкими вздохами: такъ проявлялась у нихъ любовь.

Между тѣмъ, въ другомъ концѣ комнаты, совершенно противоположныя чувства волновали толпу. При каждомъ нумерѣ, вынимаемомъ Анфисою Владиміровною, и въ особенности каждый разъ, какъ маленькій Ванюша развертывалъ бумажку съ выигрышемъ или пустую, она сильно напирала на фортепьяно, томимая ожиданіемъ.

— Нумеръ девятый! произнесла Анфиса Владиміровна.

— Лопнулъ! сказалъ, радостно улыбнувшись, Михайло Михайловичъ.

— Нумеръ пятнадцатый!

— Лопнулъ!

— А! чортъ побери! сказалъ Акула Герасимовичъ Ершовъ.—Проигралъ! Впрочемъ, я это зналъ навѣрное; еще сегодня говорилъ Михайлу Александровичу Поплевину, что навѣрное проиграю... ужъ такая звѣзда!

— Я докладывалъ вамъ, шепнулъ ему на ухо Желчный,—что тутъ должна быть фальшь, непремѣнно фальшь... вотъ посмотрите, если совѣтникъ что-нибудь да не выиграетъ.

— Нумеръ двадцать-первый!

— Лопнулъ!

— Девяносто-седьмой!

— Лопнулъ!

— Третій!

— Лопнулъ!

— Первый!

Наталья Васильевна обомлѣла. Это былъ ея нумеръ. Иванъ Ивановичъ, неразлучный съ сыномъ, помогъ ему развернуть бумажку и, видя что-то писанное, прочелъ: „Пѣнковая трубка, въ серебряной оправѣ, и большой власиной...“

— Ну, такъ и знала!.. что бы выиграть рабочій ящикъ... а все Владиміръ Макаровичъ!

Но отвѣта не было; должно быть, г. Семяничкинъ куда-нибудь да прислонился. Лотерея продолжалась.

— Нумеръ тринадцатый!

— Лопнулъ!

— Пятьдесятъ-шестой!

— Лопнулъ!

— Сотый!

Иванъ Ивановичъ прочелъ [illegible] Италіи“.

Digitized by Google

— Какъ, я выигралъ? спросилъ съ самодовольною улыбкой совѣтникъ.—Ну, признаюсь, не ожидалъ.

— Честь имѣемъ поздравить, сказали въ одно время Ершовъ и Желчный.

— Прикажете, Александръ Петровичъ, принести вамъ на домъ, или угодно будетъ самимъ взять выигрышъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же, я лучше самъ возьму его, отвѣчалъ совѣтникъ.

— Я говорилъ, что фальшь! шепнулъ Михайло Михайловичъ экзекутору.

— Теперь самъ это очень хорошо вижу.

Вскорѣ лотерея кончилась; фортепьяно досталось какому-то чиновнику, не присутствующему на вечерѣ; остальныя вещи почти всѣ снова перешли въ руки хозяина дома. Александръ Петровичъ, несмотря на увѣщанія Софьи Ивановны и Ѳомы Ѳомича выкушать хоть одну чашечку чая, уѣхалъ тотчасъ же послѣ розыгрыша со своимъ ящикомъ, отговариваясь дѣлами. Ванюша тоже разстался съ обществомъ и былъ уложенъ заботливымъ отцомъ и Наденькою на двухспальную постель. Остальныя лица разбрелись по комнатамъ, разсуждая о превратности счастія и капризахъ судьбы.

Послѣ отъѣзда Александра Петровича, Крутобрюшковъ сдѣлался какъ-то развязнѣе; онъ бѣгалъ отъ одного пріятеля къ другому съ картами въ рукахъ, упрашивая ихъ составить партію.

— Скажите пожалуйста, почтеннѣйшій Акула Герасимовичъ, сказалъ вполголоса Михайло Михайловичъ,—насъ вѣрно пригласили сюда съ тѣмъ, чтобы уморить съ голода... ну ужъ вечеринка!.. А еще написано: „съ угощеніемъ и разными забавами!“ Хороши забавы, когда ѣсть не даютъ...

— Да, я самъ что-то проголодался...

— Ну, слава Богу, кажется, несутъ пунштикъ...

Дѣйствительно, изъ коридора показалась Савишна, съ огромнымъ подносомъ въ рукахъ, уставленнымъ стаканами и чашками; за нею шла Наденька, неся, съ потупленнымъ взоромъ, корзину съ сухарями и ломтиками бѣлаго хлѣба. Гости окружили подносъ.

— Ну, пунштикъ, продолжалъ Михайло Михайловичъ на ухо экзекутору,—только слава, что пунштикъ... просто, какой-то жиденькій чаишка... э-хе-хе...

— Я думаю, можно подлить туда немного, знаете, того... ромашки...

Digitized by Google

— Послушай, милая, какъ тебя зовутъ?

— Савишна-съ.

— Знаешь ли, Савишна, нельзя ли какъ-нибудь подлить въ наши стаканы ромцу, а?

— Нѣтъ, Софья Ивановна и то заругалась, говоритъ: много налила...

— Что ты врешь, дурища ты этакая! вскричала Софья Ивановна, лицо которой побагровѣло отъ досады.—Извините-съ, Михайло Михайловичъ, глупая баба, только-что изъ деревни сію минуту... пожалуйте вашъ стаканъ...

— Деревенская простота-съ, замѣтилъ Михайло Михайловичъ, злобно улыбаясь.—Ахъ ты, Савишна, Савишна! вчерашняя-давишня! продолжалъ онъ, глядя на смутившуюся бабу.

Наталья Васильевна Семяничкина, ея дочь, кума Арина Петровна, дочери Крутобрюшкова и Иванъ Ивановичъ, расположившіеся на диванѣ и стульяхъ около круглаго столика, со вниманіемъ слушали Силу Мамонтовича Буслова, выхвалявшаго не безъ особеннаго краснорѣчія почтамтскихъ и жуковскихъ пѣвчихъ. Онъ увѣрялъ, что послѣдніе поютъ какъ-то „фостонически“, и собственно потому предпочиталъ ихъ первымъ.

Во время этого разговора, въ гостиную Крутобрюшковыхъ вошла вдова Пелагея Кузьминична Кувыркова, съ двумя дочками и сыномъ, молодымъ человѣкомъ, чрезвычайно вертлявымъ, съ тщательно завитымъ хохолкомъ. Во всѣхъ своихъ движеніяхъ обнаруживалъ онъ претензію на ловкаго молодого человѣка. Онъ былъ въ коричневомъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами, голубомъ галстукѣ, лиловомъ жилетѣ и резинчатыхъ брюкахъ, которыми, казалось, былъ чрезвычайно доволенъ, ибо поминутно гладилъ ихъ ладонью, вытянувъ напередъ ногу. Пелагея Кузьминична подвела дочекъ къ хозяйкѣ дома; молодой Кувырковъ поочередно сталъ подходить къ ручкамъ всѣхъ барынь, безъ исключенія.

— Ахъ! какъ жаль, любезная Пелагея Кузьминична, что вы не поспѣли къ лотереѣ.

— Что-жъ дѣлать, милая Софья Ивановна, не было никакой возможности... Но гдѣ же вашъ Ѳома Ѳомичъ?..

— Засѣлъ, по обыкновенію, съ пріятелями въ карты... Позвольте представить вамъ пріятельницу мою, Наталью Васильевну Семяничкину.

— Очень пріятно... прошу по

Digitized by Google

Дамы поцѣловались. Въ это время, Петръ Петровичъ (такъ звали молодого Кувыркова) успѣлъ уже наговорить кучу любезностей и пріобрѣлъ общее расположеніе. Онъ стоялъ теперь противъ Любови Ѳоминичны, умоляя ее танцовать съ нимъ первую французскую кадриль.

— Пелагея Кузьминична, пожалуйте... чаю, сказала Софья Ивановна, указывая ей на подносъ, носимый Савишною,—барышни, не угодно ли вамъ?.. Петръ Петровичъ!.. не прикажете ли чаю?..

— Нѣтъ-съ, покорно благодарю, мнѣ здѣсь гораздо пріятнѣе всякаго чая... тѣмъ болѣе, что имѣю удовольствіе разговаривать съ вашею дочкою.

— Какой онъ у васъ, право, Пелагея Кузьминична... гдѣ только барышни, такъ вотъ и льнетъ...

— Да ужъ не говорите, такой ферлакуръ, что просто бѣда...

— Что-жъ, перебила Наталья Васильевна,—для молодого человѣка это очень хорошо, это даже необходимо, и я нахожу, что вашъ сынъ вполнѣ свѣтскій и образованный молодой человѣкъ.

Аполлонъ Игнатьевичъ, чиновникъ чрезвычайно великаго роста, худощавый, одѣтый въ вицъ-мундиръ свѣтло-зеленаго цвѣта, сѣлъ за фортепьяно. Звуки: „ну, Карлуша, не робѣй“ возвѣстили начало бала; кавалеры засуетились подлѣ своихъ дамъ, остальныя лица прижались къ стѣнкамъ. Начались танцы.

Между тѣмъ, во второй комнатѣ игра становилась горячѣе и горячѣе; Вакхъ Онуфріевичъ, который, вопреки приказаніямъ, даннымъ Софьею Ивановной кухаркѣ, подавать гостямъ не болѣе одного стакана пунша, успѣлъ какимъ-то способомъ подхватить пару, горячился не въ примѣръ другимъ.

— Нѣтъ, братецъ ты мой, какъ хочешь, кричалъ онъ Акулѣ Герасимовичу, ударяя кулакомъ по столу, — а не смѣй сбрасывать трефовой дамы; этого, братъ, ты не смѣй!..

— Во-первыхъ, я не ты, сердито отвѣчалъ ему экзекуторъ,—а во-вторыхъ, не имѣя чести васъ знать лично, я спрашиваю васъ, м. г., по какому праву вы осмѣливаетесь здѣсь кричать?..

— Что? что?..

— Полноте, господа! Вакхъ Онуфріевичъ, какъ тебѣ не стыдно! сказалъ Ѳома Ѳ[illegible] эка бѣда, что Акула

Digitized by Google

Герасимовичъ сбросилъ трефульку, а тебѣ бы козырнуть, да козырнуть! и дѣло бы съ концомъ.

Не знаю, чѣмъ бы окончилось все это, если бъ звуки первой французской кадрили, шарканье танцующихъ, и въ особенности неистовыя притопыванія молодого Кувыркова, не возбудили въ игрокахъ желанія посмотрѣть, что происходило въ гостиной. Дѣйствительно, было чѣмъ полюбоваться: Петръ Петровичъ, танцующій съ Любовію Ѳоминичною, казалось, хотѣлъ на этотъ разъ превзойти самого себя. То съ какимъ-то страстнымъ томленіемъ провожалъ онъ свою даму глазами; то вдругъ вскидывался въ сторону и сѣменилъ ногами чрезвычайно быстро; когда дамѣ его слѣдовало дѣлать балансе, онъ преклонялъ предъ нею одно колѣно, махалъ по воздуху платкомъ и улыбался такъ, что сама Любочка невольно должна была потуплять глаза. Были и другія лица, достойныя вниманія, какъ, напримѣръ, Волосковъ и еще какой-то молодой чиновникъ въ черномъ фракѣ, танцующій съ дочерью Силы Мамонтовича, и который употреблялъ всѣ свои усилія, чтобы обратить на себя вниманіе, но они рѣшительно исчезали передъ удалью Петра Петровича.

— Ну, ужъ признаюсь, сударыня, вашъ сынъ такъ танцуетъ, сказалъ толстый бухгалтеръ Пелагеѣ Кузьминичнѣ,—что я и сказать не умѣю... и гдѣ это онъ такъ ловко навострился?..

— Мой Петинька еще по сію пору не покидаетъ уроковъ... каждую субботу аккуратно посѣщаетъ онъ танцъ-классы.

— А должно быть тамъ очень хорошо учатъ, въ этихъ танцъ-классахъ?

— Онъ говоритъ, что нигдѣ такъ нельзя научиться танцамъ... кромѣ этого, общество, *компанія*, все это тамъ такъ хорошо, благовоспитанно...

— Конечно, сказала Наталья Васильевна, — для молодого человѣка съ образованіемъ это много значитъ, въ особенности, если тамъ, какъ вы говорите, общество, внушающее ему блескъ, лоскъ, этакъ, знаете, необходимый... лессе-алле...

Тутъ дама запуталась, или, какъ говоритъ Гоголь, зарапортовалась.

— А позвольте узнать, сударыня, сколько тамъ платятъ, иль это такъ, приглашеніе какое-нибудь? продолжалъ разспрашивать простодушный бухгалтеръ.

Digitized by Google

— О, нѣтъ-съ, платятъ такъ же, какъ и въ клубѣ Соединеннаго Общества, отвѣчала не менѣе простодушная Пелагея Кузьминична. — Только не знаю, сколько... да вотъ... Петинька, Петинька! сколько ты платишь въ танцъ-классѣ за урокъ?

— Цѣлковый! звонко закричалъ молодой Кувырковъ, дѣлая антраша.

— Скажите, пожалуйста, да это просто кладъ.

— Ужъ не говорите...

Кадрили шли одна за другой и прерывались только Софьею Ивановной и Савишной, разносившими гостямъ (какъ бы нарочно во время танцевъ) яблоки, пастилу и винныя ягоды. Одушевленіе танцующихъ возрастало съ каждымъ часомъ; даже Дмитрій Алексѣевичъ Волосковъ, танцовавшій во все время бала съ Вѣрочкою и не сказавшій ей ни единаго слова, рѣшился, наконецъ, начать разговоръ.

— Какія вы бѣленькія... сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ и потупляя взоръ.

— Ахъ, что вы говорите-съ! я совсѣмъ не бѣленькая.

— Нѣтъ-съ, вы, право, очень бѣленькія...

— Нѣтъ-съ, совсѣмъ напротивъ того-съ...

Впрочемъ, ихъ разговоръ не былъ продолжителенъ; они въ одно время сконфузились и снова замолчали.

Самъ Иванъ Ивановичъ Масляниковъ не могъ утерпѣть, чтобы не присоединиться къ танцующимъ; онъ пригласилъ младшую дочь г-жи Семяничкиной и пустился въ плясъ. Скачки и прыжки молодого Кувыркова все болѣе и болѣе приковывали общее вниманіе; но когда дѣло дошло до мазурки и онъ пустился въ первой парѣ съ Наденькой, не только раздались восклицанія, но даже въ нѣкоторыхъ концахъ залы послышались рукоплесканія.

„Ахъ, Боже мой, какое счастіе имѣть такого сына! Какой прекрасный молодой человѣкъ! Какая ловкость!“ слышалось со всѣхъ сторонъ.

Пелагея Кузьминична была внѣ себя отъ радости и материнской гордости. Толпа болѣе и болѣе окружала танцующихъ. Кувырковъ болѣе и болѣе горячился; вдругъ, въ ту самую минуту, какъ онъ сталъ посреди залы, чтобы выкинуть какую-то штуку, панталоны его, которые для большаго эффекта были резинчатые, на этотъ разъ измѣнили ему: штрипка лопнула, и молодой Кувырковъ очутился посреди гостиной съ обнаженною ногой!..

Digitized by Google

Кто опишетъ дѣйствіе, произведенное этимъ несчастнымъ обстоятельствомъ на гостей Крутобрюшкова? Чья кисть въ состояніи будетъ изобразить фигуру Петра Петровича, принужденнаго показать всему обществу натуральную красоту ноги своей? Мазурка остановилась, страшный хохотъ раздался повсюду (Михайло Михайловичъ хохоталъ громче всѣхъ); барышни съ визгомъ закрыли лицо руками; Пелагея Кузьминична не могла устоять противу такого крутого переворота судьбы, — съ нею сдѣлалось дурно; словомъ, смятеніе было неописанное. Кувырковъ, прикрывъ кое-какъ ногу платкомъ, побѣжалъ, сломя голову, въ кухню, сбилъ съ ногъ Савишну, которая, въ свою очередь, опрокинула на полъ подносъ уже съ готовыми бутербродами, и, не взирая на послѣдствія побѣга, направился домой.

Какъ бы то ни было, обстоятельство это сильно подѣйствовало на общее удовольствіе. Пелагея Кузьминична, несмотря ни на какія увѣщанія, не согласилась остаться на вечерѣ послѣ случившагося съ возлюбленнымъ ея сыномъ скандала и тотчасъ же уѣхала. Игравшіе въ карты и прерванные посреди партіи общимъ смятеніемъ, не изъявили большого желанія продолжать игру, тѣмъ болѣе, что Вакхъ Онуфріевичъ снова бурлилъ, грозя экзекутору уничтожить его, если онъ осмѣлится еще разъ сбросить пиковую осьмерку. Аполлонъ Игнатьевичъ также не изъявилъ особеннаго желанія продолжать играть на фортепьяно и отговаривался усталостію,—словомъ, все способствовало къ прекращенію увеселенія.

Рѣшили, что пора было перекусить. Не станемъ здѣсь распространяться объ ужинѣ; скажемъ только, что кулебяка, въ особенности бутерброды, были найдены чрезвычайно вкусными и заслужили Софьѣ Ивановнѣ лестныя похвалы отъ всѣхъ, за исключеніемъ Михайла Михайловича Желчнаго, который и тутъ не могъ утерпѣть, чтобы не сказать на ухо экзекутору, что кулебяка слишкомъ поджарена, а на бутербродахъ, вмѣсто пармезана, насыпана пыль. Икорка также была весьма кстати; но Ѳома Ѳомичъ отчаивался, видя, сколько ошибся въ расчетѣ, замѣнивъ ею телятину, ибо, возбуждая жажду, она заставляла гостей безпрерывно прибѣгать къ напиткамъ, которыхъ не осталось ни единой капельки. Вакхъ Онуфріевичъ, во время закуски, до того прикладывался къ разнымъ водкамъ, что, [illegible] толга, чести, приличія,

Digitized by Google

снялъ съ себя вицъ-мундиръ и, не взирая на присутствіе барышень, наговорилъ кучу неблагопристойностей, за что и былъ выведенъ подъ-руки на улицу. Вскорѣ послѣ этого гости стали мало-по-малу приготовляться къ отъѣзду. Первыми дезертерами оказались Семяничкины.

— Ну, прощайте, душенька, Софья Ивановна, благодарствуйте за хлѣбъ за соль, да смотрите же, не позабывайте насъ... Ашинька, ты трубку не позабыла?

— Нѣтъ-съ, маменька, она у меня.

— Ну, хорошо, а гдѣ же Владиміръ Макаровичъ? Владиміръ Макаровичъ!..

Но Владиміръ Макаровичъ не откликался; въ комнатахъ его не было. Стали искать. Перешарили рѣшительно всѣ комнаты; Семяничкина нѣтъ какъ нѣтъ. Ѳома Ѳомичъ бѣгалъ взадъ и впередъ изъ гостиной въ кухню, изъ кухни въ гостиную, заглядывалъ даже подъ столы и диваны: Семяничкинъ все-таки не отыскивался. Все общество принимало живѣйшее участіе въ пропажѣ чиновника. Наталья Васильевна была въ ужасномъ волненіи: Анфиса и Ашинька плакали. Наконецъ, Михайло Михайловичъ Желчный шепнулъ что-то на ухо Ѳомѣ Ѳомичу, а хозяинъ дома произнесъ, улыбнувшись:

— А вотъ я сію минуту приведу его, не безпокойтесь...

Вскорѣ явился онъ, держа за руку Владиміра Макаровича, у котораго были заспанные глаза и платье въ чрезвычайномъ безпорядкѣ.

— Ахъ, Боже мой! вскричала Наталья Васильевна, краснѣя,—гдѣ же онъ былъ? гдѣ?..

— Владиміръ Макаровичъ... пошелъ... ну, да и заснулъ...

— Нѣтъ... я... такъ немножко-съ... я ничего-съ... я ничего-съ...

— Какова на дворѣ погодка? спросилъ, улыбаясь, Михайло Михайловичъ у Семяничкина.

Всѣ захохотали.

— Покорно благодарю-съ... холодно... пробормоталъ Владиміръ Макаровичъ, робко озираясь во всѣ стороны и не находя мѣста, куда бы спрятаться.

— Прощайте же, Софья Ивановна, сказала Наталья Васильевна.—Ѳома Ѳомичъ, мое почтеніе... Вотъ я тебѣ задамъ послѣ... дурачина!.. срамить меня здѣсь вздумалъ... погоди!.. продолжала она на ухо мужу, въ то время, какъ пробиралась съ нимъ по коридору.

Digitized by Google

— Я, ей-Богу... Наталья Васильевна... ничего... такъ... только...

— Вотъ я тебѣ ничего... дай только пріѣхать... прощайте, любезная Софья Ивановна... прощайте...

Ѳома Ѳомичъ взялъ въ кухнѣ свѣчку, чтобъ проводить гостей, потому что, отыскивая въ сѣняхъ Семяничкина, нашелъ огарки сгорѣвшими; вмѣсто нихъ на лѣстницѣ валялись однѣ только рѣпы.

— Мое почтеніе, Наталья Васильевна...

— Прощайте, Ѳома Ѳомичъ... не простудитесь.

Владиміръ Макаровичъ ничего не сказалъ, потому что былъ ни живъ, ни мертвъ, въ ожиданіи грозы, обѣщанной ему дражайшею его половиною.

Михайло Михайловичъ и Акула Герасимовичъ не замедлили проститься съ Крутобрюшковыми, и первый не переставалъ ругать наповалъ экзезутору всѣхъ и каждаго во все продолженіе дороги. Напрасно Ѳома Ѳомичъ уговаривалъ Силу Мамонтовича остаться еще на часочекъ и поиграть въ преферансъ, но и Сила Мамонтовичъ послѣдовалъ общему примѣру и отказался отъ приглашенія. Пока все общество занято было отъѣздомъ, и хозяева дома находились въ кухнѣ, Дмитрій Алексѣевичъ Волосковъ остановилъ Вѣрочку у окна гостиной, твердо рѣшившись на этотъ разъ сдѣлать ей формальное изъясненіе въ любви.

— Нѣтъ, вы меня теперь позабудете, говорилъ онъ, переминая въ рукахъ шляпу, — Вѣра Ѳоминична, вы не захотите даже и вспомнить...

— Ахъ, перестаньте...

— Нѣтъ, я никакъ не могу перестать... я... вы... вы построили на сердцахъ любящихъ васъ людей... храмъ вѣчныхъ мученій...

— Нѣтъ, напротивъ того-съ... вы меня обижаете...

— Нѣтъ, Вѣра Ѳоминична... я васъ не могу, я не смѣю обижать... я всю жизнь желалъ бы остаться съ вами... я теперь одинъ... безъ васъ я готовъ умереть...

— Я также одна останусь... и... когда вы уѣдете... радужныхъ цвѣтовъ будетъ очень мало...

Богъ знаетъ, до чего бы дошелъ діалогъ влюбленныхъ, если бъ кума Арина Петровна не явилась въ гостиную отыскивать Вѣру, съ которою непремѣнно хотѣла проститься. Молодой Волосковъ долженъ былъ поневолѣ разстаться со своей влюбленной. Не прошло четверти часа, какъ квартира Крутобрюшко[illegible]ла; одинъ только

Digitized by Google

Иванъ Ивановичъ Масляниковъ никакъ не могъ управиться съ Ванюшею, который какъ-то послѣ сна былъ вовсе не любезенъ и, не взирая на ласки и увѣщанія Софьи Ивановны, безмилосердно тузилъ отца въ правую щеку. Всѣ разошлись и разъѣхались съ полными карманами и ридикюлями пересудовъ и весьма остроумныхъ замѣчаній насчетъ бала и домочадцевъ Ѳомы Ѳомича Крутобрюшкова. Что жъ дѣлать! вездѣ такъ водится: на томъ свѣтъ стоитъ.

Что жъ касается до Софьи Ивановны, то она, проговоривъ послѣднее сладенькое прощанье послѣднему гостю, за которымъ затворилась дверь, мгновенно перемѣнила интонацію и накинулась на простодушную Савишну.

— Отличилась, родимая; срѣзала ты мою головушку!.. да съ чего ты одурѣла, болванъ, деревенщина ты этакая?..

Тутъ Софья Ивановна, начавшая было распекать кухарку съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства, стала вдругъ, какъ выражался ея мужъ, *угощать* ее такими отборными словами, что мы не рѣшаемся передать ихъ бумагѣ. Савишна задремала, стоя передъ своей барыней, и прослушавъ наставленіе, чуть не повалилась отъ сна.

Самъ Ѳома Ѳомичъ едва держался на ногахъ; впрочемъ, онъ еще довольно долго ходилъ по комнатѣ; не совсѣмъ обыденныя мысли мелькали въ головѣ его. Ѳому Ѳомича мучилъ демонъ самолюбія и честолюбія. Онъ совершенно былъ увѣренъ, что много выигралъ своимъ баломъ. Одно то, что отъ пунштика перепились, чрезвычайно утѣшало его, какъ хозяина. Онъ завтра же въ департаментѣ, весьма ловко и скромно, въ одушевленномъ мѣстѣ своего разсказа о вчерашнемъ торжествѣ, могъ вставить Вакха Онуфріевича, человѣка почтеннаго, но совершенно лишившагося благоразумнаго управленія своими способностями отъ радушнаго угощенія и хлѣбосольства хозяина. Такимъ образомъ, Ѳома Ѳомичъ за двадцать рублей могъ прослыть хлѣбосоломъ, да наконецъ и то, что ящикъ изъ Италіи достался совѣтнику.—„Это все кстати, думалъ Крутобрюшковъ,—оно хоть и ничего на дѣлѣ-то; можетъ быть, ящикъ-то изъ Италіи ему совсѣмъ и не нуженъ, можетъ быть, завтра же пожертвуетъ имъ въ пользу Авдотьи Семеновны, или другимъ какимъ образомъ распорядится; но все-таки этимъ ящикомъ я успѣлъ найти въ человѣкѣ, угодить. Я умѣлъ забѣжать кстати; оно хорошо, оно пригодится; кстати забѣжать всегда пригодится“... И Ѳома

Digitized by Google

Ѳомичъ заснулъ съ мыслями о томъ, на что пригодится иногда забѣжать кстати.

Съ своей стороны, Софья Ивановна сначала думала о пунштикѣ, потомъ мысли ея весьма постепенно перешли къ лентамъ на чепцѣ Натальи Васильевны и восьми фунтамъ телятины, замѣненнымъ икрою; потомъ еще постепеннѣе перешли они къ Ванюшѣ, тузящему въ правую щеку своего папеньку, и новымъ башмакамъ Нади; далѣе занялась она дороговизною дровъ и полтинникомъ, сданнымъ ей когда-то какимъ-то купчикомъ недурной наружности, у котораго былъ разодранный рукавъ... она долго и заботливо думала о кренделѣ кумушки Арины Петровны и наконецъ съ удовольствіемъ остановилась на дородствѣ Силы Мамонтовича...

Вѣрочка долго мечтала о Волосковѣ; мысли ея также переходили въ разныя стороны, но однако все вертѣлись вокругъ любимаго предмета. Что жъ касается до Любы и Нади, то онѣ просто заснули. Вообще всѣ три были очень довольны, что попрыгали.

Но Савишна была недовольна; во-первыхъ, потому, что Михайло Михайловичъ Желчный сказалъ ей, что она вчерашняя-давишня, тогда какъ всему свѣту извѣстно, что она ужъ бабій вѣкъ доживала; во-вторыхъ, что сильно заругалась хозяйка. Неизвѣстно, на чемъ еще бродили ея мысли; но достовѣрно извѣстно въ этой совершенно правдивой исторіи, что Савишна долго потягивалась, много зѣвала и нѣсколько разъ приподнималась съ кровати, чтобы прикрикнуть на голодную кошку, съ какимъ-то остервенѣніемъ глодавшую кость:

— Брысь, ты окаянная!..

1874 г.

Digitized by Google

ДЕРЕВНЯ.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Далеко въ глухой сторонушкѣ
Вырастала тонка бѣлая береза,
Что тонка береза, кудрепата,
Гдѣ не грѣетъ ее солнышко, ни мѣсяцъ,
И не частыя звѣзды усыпаютъ;
Только крупными дождями уливаетъ,
Еще буйными вѣтрами поддуваетъ.

Русская народная пьсня.

Въ одномъ богатомъ селеніи, весьма значительномъ по количеству земли и числу душъ, въ грязной, смрадной избѣ на скотномъ дворѣ, у скотницы родилась дочь. Это обстоятельство, въ сущности весьма незначительное, имѣло, однако, слѣдствіемъ то, что больная и хилая родильница, не бывъ въ состояніи вынести мученій, а можетъ быть и просто отъ недостатка бабки (что очень часто случается въ деревняхъ), испустила послѣдній вздохъ вскорѣ послѣ перваго крика своей малютки.

Рожденіе дѣвочки было ознаменовано бранью бабъ и новой скотницы, товарки умершей, дѣлившихъ съ свойственнымъ имъ безкорыстіемъ обношенные, дырявые пожитки ея. Ребенокъ, брошенный на произволъ судьбы (окружающія были заняты дѣломъ болѣе важнымъ), безъ сомнѣнія, не замедлилъ бы послѣдовать за своими родителями (и, конечно, не могъ бы сдѣлать ничего лучшаго), если бъ одно изъ великодушныхъ существъ, наполнявшихъ избу,

Digitized by Google

не приняло въ немъ участія и не сунуло ему какъ-то случайно попавшійся подъ руку рожокъ. Услуга пришлась очень кстати и была, можно сказать, настоящею причиною, опредѣлившею судьбу младенца, которая до того времени весьма нерѣшительно колыхала его между жизнью и смертью. Дѣлежъ, совершаемый по всѣмъ законамъ справедливости между однокашницами бывшей скотницы, не успокоилъ, однако, шумнаго ихъ сборища; хотя тётка Ѳекла и уступила скотницѣ Домнѣ полосатую понёву покойницы за ея изношенные коты (главную причину криковъ и размирья); хотя завистливая Домна перестала кричать на Голиндуху, завладѣвшую повязкою и чулками умершей, но наступившая тишина продолжалась не долго и была только предвѣстницею новой бури.

Теперь, каждая изъ этихъ достойныхъ женщинъ съ жаромъ принялась защищать права свои въ разсужденіи того, на чью горькую долю долженъ достаться ребенокъ, какъ будто на зло имъ родившійся. Но сколько ни спорили горемычныя, ничего не могли рѣшить (чувство справедливости было въ нихъ сильно), и потому положили съ общаго голоса предоставить все судьбѣ и бросить жребій— способъ, какъ извѣстно, рѣшающій въ деревняхъ всякаго рода недоразумѣнія. Жребій, въ благодарность за такое довѣріе, не замедлилъ, по обыкновенію, показать собою примѣръ безукоризненнаго безпристрастія и справедливости: сиротка пришлась на долю скотницы, которая, не въ примѣръ другимъ бабамъ, была надѣлена полдюжиною собственныхъ своихъ чадъ.

Домна (такъ звали новую скотницу), хотя баба норова твердаго, или, лучше сказать, ничѣмъ невозмутимаго, не могла, однако, вынести равнодушно опредѣленія судьбы, и тутъ же, зная напередъ, сколько безполезно роптать на нее, внятно проголосила, что жутко будетъ проклятому пострѣлу, невѣсть какъ несправедливо навязавшемуся ей на шею.

Маленькая „Акулина“ (такимъ именемъ окрестили малютку) сдѣлалась на скотномъ дворѣ съ перваго же дня своего существованія предметомъ всеобщаго нерасположенія.

Да и какая въ самомъ дѣлѣ нужда была бабамъ знать, былъ ли младенецъ виною своей докучливости? Довольно того, что онъ досаждалъ имъ поминутно. „Добро бы своя была“, говорили онѣ: „добро бы ро[illegible] не вѣсть по

Digitized by Google

какого лѣшаго смотришь за нею; словно отъ бездѣлья.“ Но хуже всего приходилось терпѣть сироткѣ отъ самой скотницы. Нельзя сказать, чтобъ Домна была женщина злая и жестокая; но день бывалъ у ней неровенъ: иной разъ словечка поперекъ не скажетъ, что бы ни случилось; въ другое время словно дурь какая найдетъ на нее; староста ли заругается или подерется, дѣло ли какое не спорится въ домѣ — осерчаетъ вдругъ и пойдетъ ѣсть и колотить сиротку. Соромъ такимъ лается на нее, что хоть вонъ изъ избы бѣги; все припомнитъ, ничего не пропуститъ; усопшую мать не оставитъ даже въ покоѣ, и, при каждомъ ударѣ, такого наговоритъ дочери на покойницу, чего и вовсе не бывало.

Впрочемъ, необходимо сказать въ оправданіе Домны, что въ грубомъ обхожденіи и побояхъ, которыми угощала она свою питомицу, скрывалась иногда весьма уважительная, добрая цѣль. Въ доказательство можно привести собственныя слова ея. Однажды жена управляющаго застала Домну на гумнѣ въ ту самую минуту, когда она безмилосердно тузила Акулю. „За что бьешь ты, дурища, дѣвчонку?“ спросила жена управляющаго.—Да вины-то за нею нѣту, матушка Ольга Тимоѳеевна, отвѣтила Домна, — а такъ, для будущности пригодится.—Если найдутся люди, которые, по свойственному имъ человѣколюбію или сострадательности, не захотятъ видѣть въ этомъ добраго намѣренія, а припишутъ нападки на сиротку частію жестокости скотницы, то смѣю увѣрить ихъ, что даже и тогда нельзя вполнѣ обвинять ее.

Страсть къ „битью, подзатыльникамъ, пинкамъ, нахлобучникамъ, затрещинамъ“ и вообще всякимъ подобнымъ способамъ полированія крови не послѣдняя страсть въ простомъ человѣкѣ. Ужъ врожденная ли она, или развилась чрезъ круговую поруку — Богъ ее вѣдаетъ; вѣрнѣе, что чрезъ круговую поруку...

Въ одномъ только можно было упрекнуть Домну, именно въ излишнемъ пристрастіи, которое уже черезчуръ ясно обнаружила она къ собственнымъ своимъ дѣтямъ. Можно даже сказать, что слѣпая эта любовь часто заглушала въ ней чувство справедливости и всякаго рода добрыя намѣренія, оправдывавшія почти всегда пинки и побои, которыми надѣляла она сиротку. Случалось ли ребятамъ напроказить: разбить горшокъ или выпить втихомолку сливки — разгн[illegible] Домна накидывалась обыч-

новенно на Акульку, видя въ ней если не виновницу, то по крайней мѣрѣ главную зачинщицу; забредетъ ли свинья въ барскій палисадникъ, и за свинью отвѣчала бѣдняжка. Когда мужъ скотницы, проживавшій по оброку въ сосѣдней деревнѣ на миткалевой фабрикѣ, возвращался домой въ нетрезвомъ видѣ (что приключалось нерѣдко), всегда почти старалась Домна натолкнуть на него сиротку, чтобъ отклонить отъ себя и дѣтей своихъ первые порывы его дурного расположенія—словомъ, все, что только могло случиться непріятнаго въ домашнемъ быту скотнаго двора, — все вызывало побои на безотвѣтную Акульку. Внѣ этихъ отношеній съ жителями избы, сиротка проводила дѣтство свое, какъ и всѣ остальныя дѣти села, въ совершенномъ забвеніи и пренебреженіи. Слово „авось“ играетъ у насъ, какъ извѣстно, и понынѣ весьма важную роль и прикладывается русскимъ мужикомъ не только къ собственному его житью-бытью, но даже къ житью-бытью дѣтей его. Самый нѣжный отецъ, самая заботливая мать съ невыразимою безпечностью предоставляютъ свое дѣтище на волю судьбы, нисколько не думая даже о физическомъ развитіи ребенка, которое считается у нихъ главнымъ и въ то же время единственнымъ, ибо ни о какомъ другомъ и мысль не заходитъ имъ въ голову. Не успѣетъ еще ребенокъ освободиться отъ пеленъ, какъ уже поручаютъ его сестрѣ, дѣвчонкѣ лѣтъ четырехъ или пяти, которая няньчится съ нимъ по-своему, т.-е. мнетъ и теребитъ его во сколько хватаетъ силенки, а иногда такъ пристукнетъ, что и черезъ двадцать лѣтъ отзовется.

Мать ли плетется съ коромысломъ на рѣку стирать бѣлье — и дочка тащится вслѣдъ за нею вмѣстѣ съ драгоцѣнною своею ношею; развлеченная какимъ-нибудь камешкомъ или травкою, она вдругъ покидаетъ питомца на крутомъ берегу, или на скользкомъ плотѣ... Бѣгутъ ли подъ вечеръ ребята навстрѣчу несущемуся съ поля стаду—нѣжная головка младенца уже непремѣнно мелькаетъ въ рѣзвой, шумливой толпѣ; когда наступаетъ сырая, холодная осень, сколько разъ бѣдняжка, брошенный на собственный произволъ, заползаетъ на середину улицы, покрытой топкою грязью и лужами, и платится за такое удовольствіе злыми недугами и смертію! А весною, когда отецъ и мать, поднявшись съ разсвѣтомъ, уходятъ въ далекое поле на работу и оставляютъ его одного-одинехонька вмѣстѣ съ хилою и дряхлою старушонкой-бабушкой,

Digitized by Google

столько же нуждающейся въ присмотрѣ, сколько и трехлѣтніе внучата ея,— о! тогда, выскочивъ изъ избы, несется онъ съ воплемъ и крикомъ вслѣдъ за ними, мчится во всю прыть маленькихъ своихъ ножекъ по взбороненной пашнѣ, по жёсткому, колючему валежнику; рубашонка его разрывается на части о пни и кустарники, а онъ бѣжитъ, бѣжитъ, чтобъ прижаться скорѣе къ матери... и вотъ, сбивается запыхавшійся, усталый ребенокъ съ дороги; онъ со страхомъ озирается кругомъ: всюду темень лѣсная, все глухо, дико; а вотъ уже и ночь скоро застигнетъ его... онъ мечется во всѣ стороны, и все далѣе и далѣе уходитъ въ чащу бора, гдѣ Богъ вѣсть что съ нимъ будетъ... Поминутно слышишь, что тамъ-то утонулъ ребенокъ въ ушатѣ, что тутъ-то забодалъ его быкъ, или проѣхала черезъ него отцовская телѣга, что сынъ десятскаго отморозилъ себѣ ногу, а трехлѣтняя внучка старостихи разрѣзала серпомъ щеку двухлѣтней сестрѣ своей, и тому подобное.

Конечно, крестьянская натура крѣпка, и если ребенокъ уцѣлѣетъ, то къ зрѣлому возрасту онъ превращается почти всегда въ дюжаго и плечистаго парня съ желѣзнымъ здоровьемъ, или въ свѣжую, красную дѣвку, во стократъ здоровѣе иной барышни, съ колыбели воспитанной въ нѣгѣ и роскоши; но вѣдь не всякому посчастливится уцѣлѣть: сколько ихъ и гибнетъ! сколько остается на всю жизнь уродами! Трудно найти деревню, гдѣ бы не было жертвы безпечности родителей; калѣки, слѣпые, глухіе и всякіе увѣчные и юродивые, служащіе обыкновенно предметомъ грубыхъ насмѣшекъ и даже общаго презрѣнія,—въ деревняхъ сплошь да рядомъ! Притомъ, между крестьянскими дѣтьми нерѣдко встрѣчаются нѣжныя натуры, которыя, если и выдерживаютъ дѣтство, зато сохраняютъ во всемъ существѣ своемъ пагубные слѣды его надолго — на всю жизнь.

Обремененные наслѣдственными недугами, больные и слабые, они считаются въ родной семьѣ за лишнюю тягость, и съ первыхъ лѣтъ до того дня, когда оканчиваютъ тихое, бездѣйственное поприще свое на землѣ въ какомъ-нибудь темномъ углу избы, испытываютъ одно только горе, приправляемое ропотомъ окружающихъ и горькимъ сознаніемъ собственной своей безполезности.

Къ счастію, Акулина не принадлежала къ послѣдней категоріи, и Домна могла употреблять ее съ пользою въ

Digitized by Google

многочисленныхъ занятіяхъ скотнаго двора. Едва сиротѣ минулъ седьмой годъ, тотчасъ же приставила она ее смотрѣть за барскими гусями и утками.

II.

Какъ чужіе-то отецъ съ матерью
Безжалостливы уродилися:
Безъ огня у нихъ сердце разгорается,
Безъ смолы у нихъ гнѣвъ раскипается;
Насижусь-то я у нихъ, бѣдная,
По конецъ стола дубоваго,
Нагляжусь-то я, наплачуся.

Русская пѣсня.

Осень. На дворѣ холодно; частый дождь превратилъ улицу въ грязную лужу; густой туманъ затянулъ село, и едва виднѣются, сквозь мутную сквознину его, ветхія лачуги и обнаженныя нивы. Рѣзкій вѣтеръ раскачиваетъ ворота и мечетъ по полянѣ съ какимъ-то заунывнымъ, болѣзненно-хватающимъ за сердце воемъ груды пожелтѣвшихъ листьевъ. Улица пуста, — ни живой души. Сизый дымокъ, вьющійся изъ низенькихъ трубъ избушекъ, свидѣтельствуетъ, что никого нѣтъ въ разбродѣ, что всѣ хозяева дома и расправляютъ на горячей печкѣ продрогшіе члены. Все живущее прячется кто куда можетъ, лишь бы укрыться отъ холода и ненастья. Куры и голуби пріютились на своихъ жердочкахъ подъ навѣсомъ, завернувъ голову подъ тепленькое крылышко; воробей забился въ мягкое гнѣздо свое; даже неугомонныя шафки и жучки комкомъ свернулись подъ телѣгами. Каждому готовъ пріютъ, каждому и хорошо, и тепло...

Изба скотницы Домны жарко-на-жарко натоплена; вся семья дома; даже теленокъ, котораго откармливаютъ для барскаго стола, привязанъ заботливою Домною къ печкѣ и опустился на мокрую свою солому. Двое парнишекъ ея, вмѣстѣ съ бабушкою и любимою кошкою, давно забрались на полати. Другіе два шумно возятся подъ лавками. Дождь стучитъ въ узкія стекла оконъ, вѣтеръ свищетъ на дворѣ и улицѣ, и по временамъ все стихаетъ въ избѣ, прислушиваясь къ дребезжащему, протяжному вою. Одной только Акули что-то не видно: ее послали на рѣку стеречь утокъ.

Возвращается она наконецъ къ обѣду домой. Издали виднѣется ей почернѣвшая отъ воды лачуга, но сиротка не спѣшитъ укрыться отъ холода подъ теплую ея кровлю;

Digitized by Google

она со страхомъ и смущеніемъ приближается къ ней. Дѣло въ томъ, что одного утёнка унесло теченіемъ рѣки въ колесо мельницы.

Между тѣмъ, какъ подходила она къ дому, на скотномъ дворѣ какъ нарочно затѣялся жаркій споръ между Домною и Голиндухою. Здѣсь дѣло было уже вотъ въ чемъ: кто-то изъ ребятъ скотницы стянулъ лапоть Голиндухи, прислоненный къ печкѣ для просушки, и, привязавъ къ нему бичевку, сталъ возить его по полу. Голиндуха, занимавшаяся въ то время выпариваніемъ квасной кадушки, неоднократно кричала на ребенка, приказывая ему тотчасъ же поставить обувь на прежнее мѣсто; ребенокъ не слушался и, какъ бы на зло, началъ колотить лаптемъ во всѣ углы избы. Выведенная наконецъ изъ терпѣнія, баба бросила работу, отвѣсила озарнику добрую затрещину и, вырвавъ обувь, положила ее на печку.

Домна, все видѣвшая и еще прежде чѣмъ-то раздосадованная, не вынесла выходки Голиндухи.

— Куда лапоть-то поганый свой ставишь? сказала она, выглянувъ вдругъ изъ-за перегородки,—мѣста ему, небось, нѣту?.. Эка нашлась какая прыткая... словно барыня,'— драться еще вздумала...

— А что, невидаль что ли какая?.. барскія дѣти-то твои, что-ль? Вѣстимо бить стану, коли балуются...

— А ну-тка, сунься...

— Тебя, небось, послушалась?..

— Ахъ ты, собака этакая...

— Сама съѣшь...

— Чтобъ тебѣ подавиться лаптями-то...

— Эй, Домна, не доводи до грѣха; у тебя уста, у меня другія.

— Плевать мнѣ... А вотъ только тронь еще разъ Ванюшку, такъ посмотришь...

— Да ты въ самомъ-то дѣлѣ, что ты тычешь мнѣ своими ребятами-то?..

— А ты что?..

— Да...

— Побирушка проклятая!.. и мать-то твоя чужой хлѣбъ весь вѣкъ ѣла, да и тебя-то Христа-ради кормятъ, да еще артачится, да туда же лѣзетъ... Ахъ ты, песъ бездомный! нутка-сь, сунься, тронь, тронь...

Домна и Голиндуха, съ раскраснѣвшимися лицами, выду-

Digitized by Google

пившимися глазами и поднятыми кулаками, подступали уже другъ къ другу, когда въ избу вбѣжала вдругъ Машка, старшая дочь скотницы.

— Мамка! мамка! голосила дѣвочка, — глядь, глядь... Акулька-то одного утенка загнала... одного утенка нѣтути.

— Какъ! вскричала изступленная Домна, мгновенно обращая свою ярость на только-что вошедшую сиротку. — Ахъ, ты проклятая! сталось тебѣ неслюбно смотрѣть за ними?.. Постой, вотъ я те поразогрѣю...

И она пошла на помертвѣвшую отъ страха дѣвчонку съ готовыми кулаками.

Страхъ, въ которомъ держала скотница свою питомицу, часто даже исчезалъ въ ребенкѣ отъ избытка горя. Такъ случалось почти всякій разъ, когда Домна, смягчившись послѣ взрыва необузданной ярости, начинала ласкать и нѣжить собственныхъ дѣтей своихъ. Громко раздавались тогда за печуркою рыданія и всхлипыванія одинокой, заброшенной дѣвочки...

Много слезъ и горя стоило также Акулинѣ новое назначеніе, опредѣленное ей скотницею. Выгоняя утромъ гусиное стадо, проходила ли она по улицѣ—всюду встрѣчались веселые ребятишки, беззаботно игравшіе подъ навѣсами и на дорогѣ, всюду слышались ихъ веселыя пѣсни, крики; одна она должна была проходить мимо, не смѣя присоединиться къ нимъ и раздѣлить общую радость. А ужъ какъ страшно-то было ей, боязливой дѣвочкѣ, напуганной разными дивами, проводить цѣлые дни одной-одинёшенькой, далеко отъ села, въ какомъ-нибудь глухомъ болотѣ или темномъ лѣсу! Въ первое время, она часто не могла вынести своего одиночества, и, бросивъ тутъ же гусиное стадо свое, возвращалась одна на скотный дворъ, позабывая и побои скотницы, и все, что могло ожидать ее за такой своевольный поступокъ.

Кромѣ этого, сколько приходилось терпѣть безотвѣтному ребенку въ самомъ домѣ. Вернется, бывало, вмѣстѣ со стадомъ въ избу—на дворѣ стужа смертная, вся она окоченѣла отъ холода,—ноги едва движутся; рубашонка забрызгана сверху до низу грязью и еле-еле держится на посинѣвшихъ плечахъ; ѣсть хочется; чѣмъ бы скорѣе пообѣдать, закутаться, да на печку, а тутъ какъ разъ подвернется Домна, разгнѣванная какимъ-нибудь побочнымъ обстоятельствомъ, снова ушлетъ ее куда вздумается, или, наконецъ, броситъ ей въ сердцахъ кусок[illegible]тьба, тогда

Digitized by Google

какъ другіе всѣ, спустившись съ полатей, располагаются вокругъ стола съ дымящимися щами и кашею.

Забьется Акуля въ любимый уголокъ свой у печки, между лукошками и соромъ, закроетъ личико исхудавшими пальчиками и тихо, тихо плачетъ. Но прошелъ годъ, другой, и свыклась Акулька со своей тяжкою долею. Какое-то даже радостное чувство наполняло грудь дѣвочки, когда, вставъ вмѣстѣ съ зарею, ранымъ-рано, вооружась хворостиною, выгоняла она за околицу свое стадо. Теперь, уже не ожидая намека, спѣшила она убраться со своими гусями и утками въ поле, лишь бы только скорѣе вырваться изъ избы. Какъ птичка встрепенется она тогда; все измѣнялось въ ней; движенія дѣлались развязнѣе, станъ выпрямлялся, — словомъ, трудно было узнать въ сироткѣ одну и ту же дѣвочку. Робкій и жалкій видъ, такъ рѣзко отличавшій ее дома отъ прочихъ дѣтей, какъ бы мгновенно исчезалъ. Бывало даже, на Акулю находилъ въ эти минуты вдругъ какой-то припадокъ веселости, рѣзвости.

Она особенно любила загонять свое стадо въ густую осиновую рощу, находящуюся почти на самой границѣ земель, принадлежащихъ селу. Ей невыразимо легко, весело, привольно было просиживать тутъ съ утра до вечера. Тутъ только запуганный, забитый ребенокъ чувствовалъ себя на свободѣ.

Передъ нею широко стлался зеленый лугъ; медленно и плавно расхаживали по немъ бѣлые какъ снѣгъ гуси; селезни и пестрыя утки, подвернувъ голову подъ сизое крылышко, лежали тамъ и сямъ неподвижными группами. Далѣе сверкала рѣка со своими обрывистыми берегами, обросшими лопухомъ и кустарниками, изъ которыхъ мѣстами выбивались длинные, сухіе стебли дикаго щавеля и торчали фіолетовыя верхушки колючаго репейника. За рѣкою виднѣлось черное, взбороненное поле; далѣе, вправо, мѣстность подымалась горою. По главнымъ ея отлогостямъ, изрѣзаннымъ промоинами и проточинами, разрастался постепенно все выше и выше сосновый лѣсокъ; мѣстами рыжее, высохшее дерево, вырванное съ корнемъ весеннею водою, перекидывалось черезъ оврагъ висячимъ мостомъ. Влѣво тянулось пространное болото; камышъ, кочки и черные кустарники покрывали его на всемъ протяженіи; по временамъ цѣлыя вереницы дикихъ утокъ съ крикомъ поднимались изъ густой травы и носились надъ водою.

Digitized by Google

Тамъ и сямъ синѣвшая холмистая даль перемежалась снова серебристыми блестками рѣки.

Безконечная сѣрѣющая даль, въ которой двигались почти незамѣтными точками телѣга, или спутанная лошадь, постепенно синѣла, синѣла, и, наконецъ, все болѣе и болѣе суживавшіеся планы ея сливались мутною линіею со сквознотою голубого неба.

Но природа нимало не плѣняла деревенской дѣвочки; невѣдомо пріятное чувство, подъ вліяніемъ котораго находилась она, было въ ней совершенно безотчетно. Случайно ли избрала она себѣ эту точку зрѣнія, лучшую по всей окрестности, или инстинктивно почувствовала обаятельную ея прелесть—неизвѣстно; дѣло въ томъ, что она постоянно просиживала тутъ съ разсвѣта до зари.

Развѣ выводили ее изъ раздумья однообразное кукованье кукушки, крикъ иволги или коршуна, который, распластавъ широкія крылья свои, вдругъ, откуда ни возьмись, кружась и вертясь, появлялся надъ испуганнымъ ея стадомъ. Акуля вскакивала тогда, блѣдное личико ея покрывалось яркимъ румянцемъ; она начинала бѣгать и суетиться, хмурила сердито узенькія свои брови и, размахивая по сторонамъ длинною хворостиною, казалось, готовилась съ самоотверженіемъ защищать слабыхъ своихъ питомцевъ.

Наступалъ вечеръ. Поля, лощина, лугъ, обращенные росою и туманомъ въ безконечныя озера, мало-по-малу исчезали во мглѣ ночи; звѣзды острымъ своимъ блескомъ отражались въ почернѣвшей рѣкѣ, сосновый лѣсъ умолкалъ, наступала мертвая тишина, и Акуля снова направлялась къ околицѣ, слѣдя съ какою-то неребяческою грустью за стаями галокъ, несшихся на ночлегъ въ теплыя, родныя гнѣзда.

Съ возрастомъ, по мѣрѣ того, какъ сиротка становилась разумнѣе, постоянное это одиночество обратилось не только въ привычку, но сдѣлалось для нея потребностію. Оно было единственнымъ средствомъ, избавлявшимъ ее отъ побоевъ скотницы и толчковъ встрѣчнаго и поперечнаго. Всеобщее отчужденіе, которое испытывала она со стороны окружающихъ, какъ круглая сирота, и которое съ нѣкоторыхъ поръ какъ-то особенно тяготило ее, также не мало способствовало подобному расположенію.

Digitized by Google

III.

Вьюги зимнія,
Вьюги шумныя,
Напѣвали намъ
Пѣсни чудныя!

Наводили сны,
Сны волшебные,
Уносили въ край
Заколдованный!

Кольцовъ.

Постоянное отдаленіе Акули отъ жителей скотнаго двора и одинокая жизнь производили на ея дѣтство сильное вліяніе. Прежде еще, когда неотлучно оставалась она при людяхъ, приластится, бывало, къ тому, къ другому, или вымолвитъ ласковое слово, не взирая на толчки, которыми часто отвѣчали ей на ласки; теперь же, едва успѣетъ вернуться съ поля, какъ тотчасъ забьется въ самый темный уголъ, молчитъ, не шевельнется даже, боясь обратить на себя вниманіе. Каждый разъ, когда достойные всякаго состраданія гуси, продрогнувъ отъ холода, располагали идти во-свояси, а слѣдовательно доставляли и сироткѣ случай погрѣться, она входила въ избу съ какимъ-то страхомъ, смущеніемъ, трепетомъ — чувствами, проявлявшимися прежде не иначе, какъ вслѣдствіе приключавшагося съ нею несчастія.

Ребенокъ одичалъ, наконецъ, до того, что разъ, безъ особенной причины, цѣлыя трое сутокъ кряду не возвращался домой со своимъ стадомъ;—голодъ только могъ вынудить его покинуть поля и рощу.

Первое зазимье и морозы возвращали, однако, волею-неволею полуодичалую сиротку на скотный дворъ.

Въ это время года, когда всѣ, отъ мала до велика, не исключая даже домашнихъ животныхъ, столпляются вмѣстѣ подъ одною и тою же кровлею — она снова сближалась нѣсколько съ семействомъ скотницы.

Зимою образъ жизни въ избѣ какъ-то всегда собираетъ разбредшихся поселянъ воедино.

Многочисленность семьи, тѣсное, неудобное помѣщеніе, работа, дѣлающаяся въ эту пору болѣе общею, домашнею—все это, вынуждая каждаго входить тѣснѣе въ отношенія другого, невольно сродняетъ ихъ между собою.

Хотя Акуля дѣйствительно сблизилась зимою съ жи-

Digitized by Google

телями скотнаго двора, однако, сближеніе это у ней было болѣе внѣшнее, нежели нравственное.

Робкій и тихій нравъ дѣвочки, притомъ постоянно грубое обхожденіе, которому она подвергалась — все это должно было отталкивать ее отъ задушевныхъ съ ними сношеній.

Одни разсказы и каляканье, на которые годъ тому назадъ не обращала она ни малѣйшаго вниманія, и которые теперь, съ двѣнадцатилѣтнимъ возрастомъ, какъ-то особенно начали возбуждать любопытство, присоединяли иногда ее къ общему кругу.

Въ длинные зимніе вечера изба скотницы Домны, какъ почетной гражданки села, наполнялась сосѣдками и кумушками, заходившими покалякать о томъ, о семъ, о дѣлахъ того или другого.

Усядутся, бывало, въ кружокъ, кто на лавкѣ, кто попросту—на-земь, каждая съ какимъ-нибудь дѣломъ, прялкою, гребнемъ или коклюшками, и пойдутъ, и пойдутъ точить лясы, да баить про иное бывалое время.

Сначала всѣ сидятъ молча — никто не рѣшается перекинуться словомъ. Въ избѣ стихнетъ. Веретёна гудятъ, трещитъ лучина, сверчокъ скрипитъ за подполицею, или тишина прерывается плачемъ котораго-нибудь изъ малолѣтнихъ ребятъ скотницы, проснувшагося внезапно на полатяхъ отъ тяжкаго сновидѣнія.

Но потомъ, мало-по-малу, гости оживляются, все въ избѣ принимаетъ участіе въ розсказняхъ, и каждый въ свою очередь старается вставить красное словцо. Даже девяностолѣтняя мать Домны измѣняетъ вѣчно лежачему своему положенію и, свѣсясь съ печки, прислушивается однимъ ухомъ къ диковиннымъ разсказамъ сосѣдокъ.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣчи становятся бойчѣе и бойчѣе. То Кондратьевна, старуха бывалая, слывшая по деревнѣ лѣкаркою и исходившая на вѣку своемъ много—въ Кіевъ на богомолье и въ разные другіе города,— приковываетъ вниманіе слушателей; то тетка Арина, баба также не менѣе прыткая и которая, какъ говорили ея товарки, „изъ семи печей хлѣбы ѣдала“, строчитъ сказку свою узорчатую; то, наконецъ, громкій оглушающій хохотъ раздается вслѣдъ за прибаутками другой, не менѣе торопливой кумы. Много разныхъ разностей говорилось на засидкахъ у Домны. Бабій языкъ, какъ извѣстно, и смирно лежитъ, а ужъ какъ пойдетъ вертѣться, какъ придетъ ему пора, —

Digitized by Google

такъ что̀ твои три топора,— и рубитъ, и колетъ, и лыки деретъ! Примѣрно, хоть тетка Арина, ужъ какъ начнетъ раздобаривать, такъ нагородитъ такого, что и ввѣкъ рѣчи ея въ забыть нейдутъ. Иной разъ такъ настращаетъ, что всѣ только и знаютъ — крестятся, да исподлобья на стороны поглядываютъ; про дѣвокъ и говорить нечего: мертвецы-мертвецами сидятъ — хоть въ гробъ клади! Куда мастерица была всякое диво размазать. Да вотъ, разъ рѣчь зашла о томъ, что значитъ въ добрый часъ молвить, а что въ худой; такъ она такое приплела, что сколько ни слушало народу — такъ вотъ и повскакало съ лавокъ.

„Вотъ“, говоритъ, „бываютъ такія неразумныя бабы изъ нашего брата, что за пустое корятъ, да хаятъ дѣтей своихъ самыми недобрыми словами, „анаѳема“ скажутъ, или „провались ты“, или „возьми тебя, нечистый“. Оно кажется—ничего, анъ глядь—и во вредъ ребенку ложится такое злое слово; долго ли накликать бѣду!

„Такъ-то прилучилось у насъ съ Дарьею, снохою Григорья. Пришла она съ поля, сердечная; устамши что ли была, или другое что, Господь ее вѣдаетъ, только и завались она прямо на полати. Мальчишка-то у ней дома въ люлькѣ лежалъ; вотъ, какъ словно на зло, расплакался на ту пору. Зачала Дарья унимать его. Унимала, унимала—нѣтъ, реветъ себѣ знай; куда осерчала наша Дарья; встать вѣстимо не хочется — поясницу больно поразломило,—тутъ недобрый стихъ и найди на нее: „непутный“, говоритъ, „возьми тебя нечистая сила“. Парнишка какъ будто къ слову такому вдругъ и затихъ; Дарья обрадовалась, повернулась на другой бокъ, подкинула подъ себя мужнину овчину, да и завалилась спать. И молитвы даже не сотворила она надъ младенцомъ послѣ такого слова— ужъ такъ, вѣрно, дрема взяла ее, сердечную.

„А слово-то, видно, сказано было не въ добрый часъ.

„Спитъ Дарья. Вдругъ стало ей что-то неладно; такъ вотъ къ самому сердцу и подступаетъ, инда въ потъ кинуло. Она обернулась отъ стѣны къ люлькѣ, взглянула въ полглаза на ребенка, — смотритъ... подполица разступилась на-двое, и отколь ни возьмись, выходитъ большущая женщина, вся въ бѣломъ закутана... вышла, да прямо къ люлькѣ, и протягиваетъ руки къ парнишкѣ, норовитъ взять его...

„Дарья испугалась, незнать куда и сонъ дѣвался; и

Digitized by Google

вскрикнуть-то ей хочется, не можетъ, вся словно окочен-нѣла; а бѣлая женщина все ближе да ближе протяги-ваетъ руки... видитъ Дарья, что достала она парнишку-то, да и взяла къ себѣ на руки...

„Мѣсяцъ въ ту пору вышелъ и свѣтитъ къ ней въ избу — словно днемъ, — виднымъ-виднёшенько.

„Вспомнила Дарья свой великій грѣхъ; такъ въ головѣ все и завозилось у ней; какъ взвизгнетъ!.. Врагъ его знаетъ, какъ это сталося, — все сгинуло разомъ; Дарья вскочила съ полатей, да прямо къ люлькѣ; глядь—а парнишка-то лежитъ себѣ мертвешенекъ; головка просунута въ веревку, на которой виситъ люлька, и ручонками-то ухватился за нее; весь посинѣлъ — знать, ужъ нечистая сила больно вздосадовала на Дарью, да и удавила его. Вздули лучину,—и такъ и сякъ, и туда и сюда, и отецъ-то прибѣжалъ, и всѣ-то въ домѣ, кто былъ, подскочили — нѣтъ, ничѣмъ не помогли. Какъ ни убивалася Дарья, да видно не на шутку стряхнулось на нее горе — пришлось хоронить парнишку!“

Акуля болѣе всего напрягала вниманіе, когда рѣчь за-ходила о томъ, какимъ образомъ умерла у нихъ въ селѣ Мавра, жена бывшаго пьяницы-понамаря—повѣствованіе, безъ котораго не проходила ни одна засидка, и которое тѣмъ болѣе возбуждало любопытство сиротки, что сама она не разъ видѣла понамариху въ полѣ и встрѣчалась прежде съ нею часто на улицѣ. Кончину Мавры объяс-няли слѣдующимъ образомъ:

Однажды понамариха отправилась было за грибами въ дремучій боръ (котораго, между прочимъ, вовсе и не было въ селѣ или окрестностяхъ). Не успѣла она поднять трехъ рыжиковъ, вдругъ слышится ей, что кто-то перекликается между деревьями. Вотъ она и стала прислушиваться: все словно какъ будто опять стихло, листъ не шелыхался. Мавра снова стала искать грибы, набрала ихъ безъ ма-лаго до верху котомки, да идетъ на дорогу, чтобъ ско-рѣе къ дому; анъ не тутъ-то было. Лѣшій и перекинься ей поперекъ пути... Ходила, ходила понамариха, плу-тала, плутала: куда ни ступитъ, кустъ да трава, а про-селка-то и не видать, словно сгинулъ; а ауканье-то въ лѣсу все сильнѣе да сильнѣе... Что далѣе было, то невѣ-домо; а вотъ на другой день ранымъ-рано, съ раз-свѣтомъ, Гаврюшка-конторщикъ, возвращаясь изъ го-рода съ барскими письмами, видитъ [illegible] межѣ бѣ-

Digitized by Google

лѣется что-то: пень не пень, камень не камень; глядь, анъ Мавра-то и лежитъ навзничь; и руки посинѣли, и тѣло-то все избито, и понёва разодрана... Думалъ, думалъ Гаврюшка, да дѣлать, видно, нечего было; не оставитъ же такъ тѣла христіанскаго на съѣденіе волкамъ: онъ взвалилъ его на телѣгу, да и привезъ въ село прямо къ мужу. Мавра очнулась только къ вечеру, да будто языкъ у нея отнялся, слова не молвитъ. Понамарь былъ въ ту пору буявый, навеселѣ: давай выпытывать по-свойски жену. Ужъ онъ ее колотилъ, колотилъ, билъ, билъ куда ни попало, въ голову, и въ грудь, и въ спину, лишь бы не мимо; Мавра все ни гу-гу; а на третій-то день глядь и душу отдала—померла, родимая; знать ужъ такъ суждено ей было, сердечной, али сама въ чемъ виновата была, что подпустила къ себѣ нечистую силу. Вѣстимо, коли душа чиста, такъ и злой духъ тебя не тронетъ.

Далѣе, словоохотливая разсказчица распространялась обыкновенно о томъ, какъ вообще мертвецы ненавидятъ живыхъ людей за то, что послѣдніе остаются на землѣ какъ бы взамѣнъ ихъ и пользуются всѣми мірскими благами и удовольствіями. Она присовокупляла тутъ же въ доказательство справедливости словъ своихъ, что всѣмъ извѣстный кузнецъ Дронъ вскорѣ послѣ смерти сталъ являться въ селѣ, пугалъ всѣхъ, и что кума Татьяна сама, своими глазами видѣла его разъ за барскимъ овиномъ.

Акулина притаивала дыханіе, и сердце ея стучало сильно, сильно, когда Кондратьевна, старая лѣкарка, подтверждала все это, увѣряя даже, что Дронъ, злобствовавшій на нее еще при жизни, дѣйствительно являлся въ селѣ, бывалъ у ней въ избѣ, переходилъ изъ окна въ окно, изъ воротъ въ ворота, шарилъ по всѣмъ угламъ и аккуратно выпивалъ у ней каждую ночь въ погребѣ сливки. Она разсказала, что вскорѣ послѣ того, какъ пали у нея двѣ коровы, рыжонка и бѣлянка, кузнецъ Дронъ пересталъ таскаться по деревнѣ, и объясняла чудо тѣмъ, что братъ тогдашняго старосты, Силантій, раздосадованный, вѣроятно, ночными проказами кузнеца и желая въ конецъ отвадить бѣду, раскопалъ его могилу, положилъ тѣло грѣшника ничкомъ и вбилъ ему въ спину длинный-предлинный осиновый колъ.

Слушая всѣ эти чудеса, Акуля едва отъ страха переводила духъ; то замирало въ ней сердце, то билось сильно, и не разъ въ вечеръ личико ея покрывалось холоднымъ

Digitized by Google

потомъ. По временамъ, ослабѣвавшій свѣтъ лучины вдругъ угасалъ отъ невниманія присутствующихъ, развлекаемыхъ интересными повѣствованіями и разсказами, и тогда бѣдному ребенку казалось, что вотъ-вотъ выглядываетъ изъ-за печурки домовой, или, какъ называютъ его въ простонародьи, „хозяинъ“, или всматривается въ нее огненными глазами какое-то рогатое, безобразное чудовище; все въ избѣ принимало въ глазахъ ея страшные образы, пробуждавшіе въ ней дрожь. Засидки бабъ длились иногда за полночь. Истомленная Акуля, несмотря на возрастающее любопытство и усилія избавиться отъ дремоты, болѣе и болѣе покорялась, однако, ея вліянію; русая головка ея медленно склонялась на плечо, глаза смыкались, и она засыпала, наконецъ, крѣпкимъ сномъ. Часто слухъ ея какъ будто прояснялся, между тѣмъ, какъ вся она оставалась въ томъ разслабленномъ состояніи, похожемъ на летаргію, и внятно слышались ей тогда отрывистыя рѣчи гостей скотницы, долго еще за полночь толковавшихъ о дѣяніяхъ одноглазаго лѣшаго, чужого домового, моргуньи-русалки, вѣдьмы кіевской и сестры ея муромской, бабы-яги костяной ноги и птицы-гаганы...

Всѣ эти диковины, которыя съ такимъ любопытствомъ выслушивала Акуля въ продолженіе зимы, сильно распаляли ея воображеніе. Но робкій нравъ ребенка, притомъ всегдашній гнетъ, подъ вліяніемъ котораго находился онъ, и, вдобавокъ, грубыя насмѣшки, съ которыми встрѣчены первыя его попытки высказать окружающимъ все, что лежало на сердцѣ, невольно заставили его хоронить въ себѣ самомъ свои впечатлѣнія и не выбрасывать ихъ наружу. Такое сосредоточиваніе въ себѣ своихъ мыслей и ощущеній, какого бы они ни были свойства, должно было развить разсудокъ дѣвочки несравненно скорѣе, нежели бы это могло случиться при другихъ обстоятельствахъ. Впрочемъ, въ жизни сиротки являлись случаи, когда она разомъ высказывала все, что по цѣлымъ мѣсяцамъ мало-по-малу накоплялось въ головѣ ея. Это бывало не иначе, однако, какъ когда удавалось ей попасть въ кружокъ людей совершенно стороннихъ, не принадлежащихъ даже къ вотчинѣ.

Калики и побирушки перехожія, заносимыя иногда Богъ знаетъ какимъ вѣтромъ въ ихъ деревню, чаще всего доставляли Акулѣ подобные случаи.

Когда двѣ или три такія старушонки, преслѣдуемыя

Digitized by Google

съ остервенѣніемъ по всей улицѣ воемъ и лаемъ собакъ, останавливались передъ окнами скотнаго двора, затягивая тощимъ голосомъ обычную свою стихеру:

„Семь, семь кралей
Семь кесарей,
Пошли, пришли поклониться
Христу-Спасителю...
Подайте, отцы родные, милостинку,
Во имя Христово..."

Акулѣ уже не сидѣлось на мѣстѣ, такъ ее и подмывало. Всегда почти находила она случай выбѣжать вонъ изъ избы. Она пряталась сначала въ куриный хлѣвъ, чтобъ отстранить подозрѣнія скотницы, потомъ потихоньку проползала въ узкое отверстіе между плетнемъ и землею и вырывалась на свободу. Она пускалась тогда во всю прыть по заднимъ дворамъ, перескакивала гряды капусты и огурцовъ, огибала огороды, господскую ригу и, наконецъ, вся впопыхахъ останавливалась за околицею. Тутъ Акуля, прислонившись къ старой высокой рябинѣ, съ трепетомъ ожидала минуты, когда нищенки выйдутъ изъ села. Осмотрѣвшись кругомъ и убѣдившись, что никто не слѣдуетъ за нею, рѣшалась она присоединиться къ нимъ. Тогда между каликами и Акулею завязывался разговоръ. Тѣ, какъ водится, начинали съ разспросовъ о томъ, есть ли въ селѣ баринъ, строгъ ли съ мужиками, есть ли барыня и барченки, о томъ, кто староста, старъ ли, молодъ ли онъ; потомъ мало-по-малу объясняли Акулѣ, что вотъ-де онѣ ходятъ изъ села въ село, собираютъ хлѣбецъ да копеечки во имя Христово, заходятъ въ монастыри, бываютъ далече, въ Кіевѣ и Іерусалимѣ, на богомольѣ, и что, наконецъ, жутко приходится имъ иногда жить на бѣломъ свѣтѣ. Акуля внимательно слѣдила за каждымъ словомъ старушекъ: ей такъ рѣдко удавалось слышать ласковую рѣчь! И вотъ, обрадовавшись случаю, она разспрашивала ихъ и о Іерусалимѣ, и о городахъ, и о томъ, такъ ли живутъ тамъ, какъ въ селѣ, есть ли также церковь и будетъ ли она въ вышину равняться съ большимъ вязомъ, разросшимся вонъ тамъ, далече-далече у нихъ на погостѣ и т. д. Разспросамъ не было конца.

Сиротка вспомнила наконецъ, что зашла далеко; села не было видно; побои и ругательства тотчасъ же мелькали въ головѣ ея. Скрѣпивъ сердце, она прощалась со своими спутницами и снова пускалась во всю прыть по дорогѣ

Digitized by Google

Между тѣмъ, сколько новыхъ впечатлѣній волновали душу бѣднаго ребенка! Какъ часто останавливалась она въ нерѣшимости, сама не зная, бѣжать ли ей впередъ, къ дому, или назадъ вернуться и не разлучаться болѣе съ добрыми каликами-перехожими... Но страхъ бралъ обыкновенно верхъ, и сиротка принималась снова бѣжать къ старой рябинѣ, осѣнявшей околицу села.

Трудно сказать, о чемъ могла думать тогда деревенская дѣвочка, но дѣло, однако, въ томъ, что при постоянномъ одиночествѣ и самозабвеніи, разсудокъ ея не могъ никоимъ образомъ оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи...

IV.

Такъ и рвется душа
Изъ груди молодой!
Хочетъ воли она,
Хочетъ жизни другой!
Кольцовъ.

Мужъ Домны, являвшійся домой только по праздникамъ, неизвѣстно отчего оставилъ вдругъ миткалевую фабрику, на которой работалъ нѣсколько лѣтъ сряду, и переселился съ своимъ станомъ къ женѣ на скотный дворъ.

Обстоятельство это сильно озадачило Домну: она предвидѣла всѣ хлопоты и заботы, которыя упадутъ на нее съ такою перемѣною.

Карпъ началъ съ того, что потребовалъ себѣ помощницу; потомъ, волею-неволею, должны были уступить ему чуть ли не половину избы, безъ того уже загроможденную корчагами, лагунами, крынками, кадками и лукошками; далѣе, предчувствія Домны также не обманули ее: Карпъ на слѣдующій же день натянулся сивухи, должно-быть, припасенной имъ заранѣе, и задалъ таску всѣмъ, кто только попадался ему на глаза: досталось и самой хозяйкѣ дома. А отвадить бѣду, избѣжать всѣхъ этихъ непріятностей, не было возможности, ибо, какъ выражалась сама скотница, Карпъ не терпѣлъ ни въ чемъ супротивности. „Ладно“, говорила она бабамъ, упрекавшимъ ее въ слабости: „поди-тка, сунься перечить ему, такъ, кажись, только и жилъ; закажу другу-недругу“. Домна не упала, однако, духомъ; она какъ можно скорѣе, чтобъ только усадить мужа за работу, назначила [illegible]цу. Такая завидная доля, разумѣется, могла [illegible]е, какъ

Digitized by Google

на Акулину, дѣвку самую безотвѣтную, смирную и притомъ болѣе другихъ пріученную къ повиновенію.

Карпъ былъ мужикъ крутой и несговорчивый. Нѣкоторые барыши, получаемые имъ сверхъ оброка, и разгульная фабричная жизнь сдѣлали изъ него, особенно въ послѣднее время, горькаго пьяницу и еще болѣе расположили къ буйству. И трезвый-то никому добромъ не промолвитъ,—лается, словно собака, а какъ почнетъ пить—такъ лучше бѣги изъ дому вонъ. Самъ сознавался Карпъ, что бывалъ во хмелю куда неугомоненъ. Ужъ чего ни дѣлали съ нимъ: и знахаря-то призывали заговорить его противъ хмеля, и Кондратьевна не разъ изощряла свои знанія въ лѣкарскомъ дѣлѣ, и управляющій сѣкалъ Карпа, больно сѣкалъ, — нѣтъ, встряхнетъ, бывало, Карпъ забубенною, непутною своей головушкой, когда окончится экзекуція, да вымолвитъ: „Покорно благодарю, Андрей Андреевичъ, что дурака учить изволите“, и снова принимается за косушку. Ничто не помогало!

Съ первыхъ же дней, житья отъ него въ домѣ не стало; заходитъ ли кто изъ сосѣдей или сосѣдокъ въ избу—подымались брань, ссоры, перѣдко кончавшіяся даже дракой, такъ что вскорѣ никто и не сталъ заглядывать къ скотницѣ. Сама она, подверженная безпрерывно буйнымъ выходкамъ мужа, сдѣлалась какъ-то еще сварливѣе, заносчивѣе, и съ бо̀льшимъ еще остервенѣніемъ взъѣлась на все окружающее.

Трудно выразить отчаяніе горемычной сиротки; новое назначеніе не только лишало ее свободы, но даже неотлучно подчиняло Карпу, къ которому еще сызмала чувствовала она особенный страхъ.

Вначалѣ старалась она всѣми силами угождать ему; но усердіе ея оставалось рѣшительно незамѣченнымъ. Иногда, безъ всякой причины (и это случалось всего чаще) приходилось терпѣть; нитка ли порвется, защемитъ ли Карпъ челнокомъ палецъ, или просто случится повздорить ему съ женою — колотитъ ее, благо она подъ рукою! Молча покорилась, наконецъ, бѣдная дѣвушка горькой своей участи. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Акулина, какъ бы наканунѣ своего заточенія, не переставала тосковать по прежней своей беззаботной одинокой жизни. Съ наступленіемъ лѣта, изба и ея жители становились сироткѣ еще нестерпимѣе. Все оживало вокругъ нея, все какъ будто радовалось. Едва заблистаютъ первые лучи солнца въ

Digitized by Google

окнахъ избы, зазолотятся свѣжія, подернутыя росою поля и раздастся звонкое чиликанье воробьевъ на кровлѣ, всѣ, отъ мала до велика, спѣшили вырваться изъ душной избы. Бабы шли въ огороды, ребята и дѣвки цѣлыми ватагами отправлялись въ только что опушившійся лѣсъ за первыми ягодами—одна она не смѣла шевельнуться съ мѣста и должна была сиднемъ сидѣть за пряжею и шпулями. Къ вечеру или обѣду вернутся веселыя толпы на домъ, натащатъ полную избу вѣнковъ да молодыхъ вѣтвей; разольется по всей избѣ запахъ свѣжей зелени... Сколько грусти ложилось тогда на душу сиротки, сколько тайныхъ, никому неизвѣстныхъ страданій тѣснило ее, бѣдную!..

Иногда удавалось Акулинѣ вырваться подъ какимъ-нибудь предлогомъ на минуту изъ дому; не нарадуется, бывало, своему счастью, не утерпитъ—выбѣжитъ за ворота, и грусть какъ бы исчезнетъ и тоска сойдетъ съ сердца.

И вправду, хорошъ и упоителенъ Божій день въ ведряное, теплое лѣто; какое ликованіе во всей природѣ, во всемъ мірѣ! все трепещетъ жизнью, все проникнуто ею; каждая травка, каждое растеніе издаетъ какой-то шелестъ, сливающійся въ стройную, нѣжную гармонію; все, на что устремляются взоры, наполняетъ душу радостнымъ, непостижимо-прекраснымъ чувствомъ. Съ жадностью вдыхала Акулина въ расширявшуюся грудь свою пахучія струи воздуха, приносимыя съ поля; всматривалась она тогда въ зеленѣющій лугъ, забрызганный пестрыми цвѣтами, въ эту рощу, гдѣ беззаботно, счастливо даже, просиживала она когда-то по цѣлымъ днямъ, съ красной утренней зари до минуты, когда послѣдніе блѣдные лучи заходящаго солнца исчезали за сельскимъ погостомъ. Но непродолжительны были такія минуты: какъ разъ грубый голосъ Карпа возвращалъ ее къ горькой дѣйствительности. Скрѣпя сердце, подходила она къ воротамъ; а между тѣмъ вдалекѣ, по улицѣ, съ веселыми пѣснями и кликами неслись купаться цѣлые рои молодыхъ дѣвокъ: всѣ, кто только былъ молодъ изъ нихъ по деревнѣ, спѣшили присоединиться къ веселой толпѣ, и одна только Акулина-сиротинка утирала слезу, да спѣшила запереть за собою дверь тѣсной, душной лачуги...

Бываютъ случаи въ жизни человѣка,—къ какому бы ни принадлежалъ онъ классу общества,—которые хотя и кажутся съ перваго взгляда ничтожными, нестоящими вниманія, но со всѣмъ тѣмъ они [illegible]ютъ судьбу его,

Digitized by Google

или же производятъ въ немъ сильные перевороты нравственные. Иногда такъ нечувствительно бываетъ ихъ дѣйствіе, что само лицо, на которое они стряхиваются, не замѣчаетъ его.

Разъ какъ-то (это было въ самую страдную пору лѣта) бо̀льшая часть жителей села Кузьминскаго отправилась въ сосѣднюю деревню праздновать, какъ водится между сосѣдями, приходскій праздникъ. На всемъ скотномъ дворѣ осталась одна только Акулина. День былъ невыносимо зноенъ; душно было ей сидѣть подъ навѣсами, и она вышла за ворота. Деревня словно вымерла, все было тихо, нигдѣ живой души. Акулина перелѣзла чрезъ околицу и почти машинально своротила на проселокъ, огибавшій безконечное поле ржи, только-что золотившейся отъ цвѣта. Солнце горѣло высоко и знойно. Потъ градомъ катился по исхудавшимъ щекамъ сиротки, а между тѣмъ она все шла да шла впередъ, влекомая какимъ-то страннымъ чувствомъ. Въ полѣ, въ рощѣ, въ воздухѣ царствовало безмолвіе; ничто не шелыхалось, не отзывалось жизнію; кузнечикъ пріутихъ и не трещалъ въ тѣсной травѣ; даже гибкіе, длинные стебли дикаго чеснока, съ ихъ тучною верхушкою, стояли неподвижно на закраинѣ дороги. Густой паръ подымался отъ земли и растеній, и душно было въ переливающихся струяхъ воздуха.

Акулина миновала поле и почти незамѣтно очутилась близъ церкви, на погостѣ. Вырытая свѣжая яма, на которую она случайно набрела, вывела ее изъ раздумья. Дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ сиротки; ей стало страшно; безотчетное чувство, котораго, впрочемъ, никакъ, никогда не могла она побѣдить въ себѣ, обдало ее холодомъ. Акулина бросилась бѣжать. Она уже была на самомъ почти концѣ кладбища, и вдругъ какъ вкопанная остановилась передъ одною зарослею могилкою едва выглядывавшею изъ-за плетня, ограждавшаго церковь. Акулина вспомнила, что давно, много лѣтъ назадъ, на Ѳсминой недѣлѣ, во время поминокъ, кто-то сказалъ ей, что тутъ погребена ея мать.

Была ли она задолго еще передъ тѣмъ подъ вліяніемъ грустнаго чувства, тяготило ли ее, болѣе чѣмъ когда-нибудь, одиночество, или была другая какая причина, но только вся жизнь, всѣ горести, вся судьба ея прояснились, пробудились и разомъ отозвались въ ея сердцѣ; въ эту минуту, съ мыслью о матери, какъ бы впервые со-

Digitized by Google

знала она всю горечь тяжкой своей доли. Она долго стояла въ какомъ-то оцѣпенѣніи; слезы ручьями текли по блѣднымъ щекамъ ея и капали на руки, на грудь, на рубашку... Наконецъ, горе Акулины разразилось и какъ бы сломило ее... болѣзненное рыданіе вырвалось изъ груди; она грохнулась грудью на тощую могилку и, судорожно обхвативъ ее руками, осталась на ней безъ движенія...

Вечерѣло. Домна, вмѣстѣ съ ребятами и работниками, возвратилась домой послѣ сосѣдней пирушки. Входя въ избу, крайне удивлены были они, не видя Акулины, ибо ни на дворѣ, ни подлѣ амбаровъ, ни даже подъ навѣсами, ее также не встрѣчали. Изба была пуста. Только куры, какъ видно, уже влетѣвшія давно въ растворенныя настежь двери, бѣгали по столамъ и лавкамъ. Скотница и работницы начали шарить по всѣмъ угламъ избы, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, услышали за печкою вздохи. Домна взгромоздилась на ушатъ и чуть не вскрикнула отъ изумленія. Акулина, закутавъ голову овчиннымъ тулупомъ и какъ-то сверхъестественно скомкавшись, лежала навзничь въ тѣсномъ, неуклюжемъ углу между печкою и стѣною. Это обстоятельство тѣмъ болѣе удивило Домну, что никогда не случалось ей видѣть, чтобъ съ сироткою было что-нибудь подобное.

Скотница подошла ближе и стала толкать ее что̀ есть мочи. Ея старанія оставались, однако, безъ всякаго дѣйствія. Удивленіе присутствующихъ возрастало съ каждою минутой. Домна, выведенная, наконецъ, изъ терпѣнія, вытащила Акулину на середину пола, прислонила ее къ скамьѣ и раскутала ей голову.

— Что̀ буркулы-то выпучила? сказала она, принимаясь снова тормошить дѣвку,—столбнякъ нашелъ, что ли? Ну, чего смотришь, какъ шальная какая?.. встань, говорятъ тебѣ... эхъ-ма! ишь какъ̀ реветъ, полоумная... словно махонькая какая... право-ну... Ахъ ты, дура, дура!.. вишь, какъ рубашку вымочила слезами-то своими глупыми... Пошла, просушись... скотина ты этакая... право-ну...

Акулина, очнувшись совершенно, вскочила съ земли, закрыла лицо руками и, какъ угорѣлая, качаясь изъ угла въ уголъ, потащилась вонъ изъ избы.

Нѣсколько дней спустя послѣ этой сцены, обыватели скотнаго двора замѣтили большую перемѣну въ сироткѣ. „Что̀ съ ней? Эка расторопная [illegible] стала!“ говорили они: „отколѣ прыть взялась? [illegible] вымолвитъ,—а

Digitized by Google

работаетъ, куды противъ прежняго,—словно пріохотилась къ дѣлу". Они единогласно утверждали, что впрокъ пошли дѣвкѣ побои, что наконецъ-то обратили они ее на путь истинный. И дѣйствительно, что-то странное произошло во всемъ существѣ Акулины.

Дѣйствія и движенія ея стали обозначать болѣе сознанія и обдуманности, нежели случайности; она какъ бы разомъ обрѣла и силу воли, и твердость характера. Преимущества, которыми пользовались передъ нею остальные жители избы и которые прежде, можно сказать, были единственнымъ источникомъ ея огорченій,— перестали возмущать ее. Она, казалось, поняла настоящее свое положеніе.

Акулина замѣтнѣе стала отдѣляться отъ общаго круга жившихъ съ нею людей, и одна изъ самыхъ главныхъ заботъ ея состояла уже въ томъ, чтобъ безукоризненнымъ, точнымъ исполненіемъ работы и обязанностей отклонять отъ себя всякаго рода отношенія, которыя могли бы возникнуть между ними и ею въ противныхъ обстоятельствахъ.

Внутреннее отчужденіе, чувствуемое ею еще съ дѣтства къ Домнѣ, проявилось теперь сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь: въ этомъ, впрочемъ, она рѣшительно не могла дать себѣ яснаго отчета. Замѣчательны также были старанія Акулины скрывать отъ окружавшихъ впечатлѣнія, производимыя на нее ихъ насмѣшками и оскорбленіями. Когда уже черезчуръ переполнялось сердце горемъ, она старалась всегда почти скрыться изъ вида; затискается куданибудь подальше, въ амбаръ, или самую скрытную клѣть, и тамъ уже даетъ полную волю слезамъ своимъ. И въ эти-то горькія минуты стала представляться Акулинѣ съ нѣкоторыхъ поръ возможность иной, лучшей жизни; передъ нею являлся съ раздирающею сердце ясностью родной кровъ, родная семья, и посреди всего этого мать, добрая мать, которую невыразимо сильно любила она... Грустны, грустны казались ей тогда сиротство и одиночество!

Мало-по-малу бѣдная дѣвка рѣшительно перестала принимать нравственно участіе во всемъ томъ, что̀ дѣлалось вокругъ нея: происходило ли то на скотномъ дворѣ, въ селѣ, или сосѣдствѣ—ей было все равно.

Digitized by Google

V.

„Господинъ что плотникъ,—что захочетъ, то и вырубитъ".

Русская простонародная пословица.

Прошло три года. Въ жизни деревенской, какъ извѣстно, переворотовъ немного: все та же изба, то же поле изъ двухъ, много-много изъ трехъ нивъ; тѣ же вѣчно неизмѣнныя заботы и суеты. На скотномъ дворѣ точно такъ же не могло произойти никакихъ особенныхъ перемѣнъ. Дни и мѣсяцы протянулись обычнымъ своимъ порядкомъ, не принося ни радостей, ни горя, за исключеніемъ развѣ рѣдкихъ, незначительныхъ потасовокъ, которыми награждалъ Карпъ того или другого, когда находила на него дурь рвать лишнюю косушку съ сватомъ или кумомъ. Акулина просиживала подлѣ хозяина за станкомъ съ пряжею и мотками, а бабы попрежнему не переставали дивиться ея грусти и неотвязчивому раздумью. Конечно, этимъ только и ограничивалось ихъ участіе; каждая готова была раздобаривать вдоволь, между тѣмъ, какъ ни одна не подошла бы къ сироткѣ, не сказала бы ей: что съ тобою? о чемъ кручинишься? о чемъ тоскуешь?.. Впрочемъ, такое равнодушіе относится собственно къ работницамъ, лицамъ, совершенно стороннимъ; что-жъ касается Домны — она, невѣдомо почему, съ нѣкоторыхъ поръ стала принимать необыкновенное участіе въ судьбѣ своей питомицы. Она безпрерывно повторяла сосѣдкамъ, что Акульку пора бы и замужъ, хоть бы въ другое какое село отдать, что ли; что Акулька уже давно на возрастѣ, давно въ порѣ и только сохнетъ какъ порошинка.

Несмотря, однако, на всю справедливость подобныхъ замѣчаній, свахи и не думали заглядывать на скотный дворъ, и если та или другая кумушка, исправлявшая на деревнѣ такую должность, завертывала въ избу скотницы, то это случалось не иначе, какъ въ качествѣ простой гостьи или сосѣдки. Никому на умъ не приходила сиротка-невѣста: ея какъ будто не было, какъ будто вовсе не существовала она на свѣтѣ.

И протекла бы молодость Акулины, протекла бы до конца печальная жизнь ея такъ же тихо, безъ треволненій и переворотовъ, если бъ въ селѣ Кузьминскомъ не случилось одного обстоятельства, разомъ измѣнившаго всю судьбу ея.

Digitized by Google

Пріѣхалъ баринъ.

Баринъ этотъ, отлучавшійся лѣтомъ изъ Петербурга не иначе, какъ куда-нибудь на воды, за границу, конечно, и на этотъ разъ предпочелъ бы чужіе края скучной своей деревнѣ, если бъ управляющій, собравшись, наконецъ, съ духомъ, не рѣшился доложить ему о плохомъ состояніи финансовъ и вообще о постепенномъ уменьшеніи доходовъ съ имѣній. Извѣстіе это, какъ слѣдуетъ, привело барина въ глубокое огорченіе.

Все обрушилось на управляющаго. Считая доклады его чистою ложью, подозрѣвая его въ плутняхъ и мошенничествѣ (такъ водится обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ), рѣшился онъ самъ объѣздить многочисленныя свои помѣстья, чтобъ убѣдиться лично въ ихъ разстройствѣ.

Ему уже, правда, давно приходила мысль заглянуть туда хоть разъ, посмотрѣть, все ли шло тамъ должнымъ порядкомъ, да какъ-то все не удавалось: то, какъ на зло, одолѣютъ ревматизмы, и надо было покориться волѣ врача, предписавшаго непремѣнную поѣздку въ Баденъ или Карлсбадъ, а оттуда въ Парижъ, гдѣ, по словамъ врача, только и можно было ожидать окончательнаго выздоровленія; то опять являлись какія-нибудь домашнія обстоятельства: жена родила, или общество, въ которомъ баринъ былъ однимъ изъ любезнѣйшихъ членовъ, переселялось почти на все лѣто въ Петергофъ, или на Каменный Островъ, на дачи; или же просто не случалось вдругъ, ни съ того, ни съ сего, денегъ у нашего барина. Съ кѣмъ не бываетъ подобныхъ грѣховъ въ настоящее время?

Твердо рѣшившись на этотъ разъ пожертвовать двумятремя мѣсяцами весны и лѣта, баринъ поспѣшилъ сообщить свой планъ молодой супругѣ. Та, несмотря на трогательныя филантропическія цѣли, подъ предлогомъ которыхъ супругъ старался расположить ее къ скучной поѣздкѣ, хотя несравненно болѣе симпатизировала дачѣ на Каменномъ Островѣ, однако, послѣ многихъ толковъ и нѣжныхъ убѣжденій, кончила тѣмъ, что согласилась на предложеніе.

Такъ какъ поѣздка эта все же нѣкоторымъ образомъ была вынужденною со стороны супруговъ, то положено было вознаградить себя, по крайней мѣрѣ, всѣмъ, что только могла доставить пріятнаго сельская жизнь. На этомъ основаніи, избрали они для своего мѣстопребыванія

Digitized by Google

село Кузьминское, какъ самое богатое, привольное, живописное и притомъ заключающее въ себѣ довольно комфортабельный господскій домъ.

Хотя разсказчикъ этой повѣсти чувствуетъ неизъяснимое наслажденіе говорить о просвѣщенныхъ, образованныхъ и принадлежащихъ къ высшему классу людяхъ; хотя онъ вполнѣ убѣжденъ, что самъ читатель несравненно болѣе интересуется ими, нежели грубыми, грязными и вдобавокъ еще глупыми мужиками и бабами, однакожъ, онъ перейдетъ скорѣе къ послѣднимъ, какъ лицамъ, составляющимъ, увы! главный предметъ его повѣствованія.

Онъ, къ глубочайшему своему прискорбію, не имѣетъ здѣсь достаточно времени и мѣста, чтобъ войти въ подробности касательно пріѣзда помѣщика, первыхъ его дѣйствій и распоряженій; ни слова не скажетъ о домашнемъ его бытѣ, а прямо перескочитъ на то мѣсто, гдѣ помѣщикъ выступаетъ уже какъ дѣйствующее лицо разсказа.

Прошли цѣлые два длинные-длинные мѣсяца. Баринъ и барыня давно соскучились и думали только, какъ бы поскорѣе вырваться изъ Кузьминскаго и уѣхать въ Петербургъ.

Полные такихъ мыслей, сидѣли они однажды утромъ на балконѣ, передъ палисадникомъ. День былъ прекрасный; легкій вѣтерокъ колыхалъ полосатую маркизу балкона и навѣвалъ прохладу; палисадникъ, облитый горячими лучами полуденнаго солнца, блисталъ всею своею красою.

Но помѣщикъ, которому приглядѣлись даже берега Рейна, Тироль и Италія, не обращалъ рѣшительно никакого вниманія на все это. Онъ машинально глядѣлъ на скучную, сухую мѣстность, разстилавшуюся за садомъ.

— Посмотри, сказалъ онъ, наконецъ, женѣ, указывая пальцемъ на пыльную дорогу, — какъ ошибаемся мы, думая, что ужъ русскій простолюдинъ непремѣнно долженъ быть дюжій и здоровый: взгляни хоть вонъ на эту дѣвку... вонъ, вонъ, что идетъ по дорогѣ съ коромысломъ, еле-еле въ ней душонка держится... какая худая и желтая!

— Знаешь ли, Jean, несмотря на то, она довольно интересна.

— Да, пожалуй, если хочешь... Но воля твоя... elle a l'air bien bête... Постой, я подзову ее сюда...

Digitized by Google

— Ну, вотъ еще; Богъ съ ней!

— Ничего; я ужасно люблю говорить съ ними; ты не повѣришь, ma bonne, какъ люди эти бываютъ иногда забавны! Эй, дѣвка! дѣвка! закричалъ баринъ, — подойди сюда!

Дѣвка до того была занята своими ведрами, что не только не слышала голоса барина, но, казалось, даже совсѣмъ позабыла, что шла мимо господскаго дома.

— Эй, дѣвка! дѣвка! продолжалъ кричать помѣщикъ.

Она подняла голову.

Первое движеніе ея ясно обнаруживало намѣреніе бросить тутъ же, на мѣстѣ, ведра и коромысло и пуститься въ бѣгство; но разсудивъ, вѣроятно, что уже было поздно, ибо всего оставалось нѣсколько шаговъ до балкона, гдѣ сидѣли господа, она поспѣшила отвѣсить низкій-пренизкій поклонъ.

— Подойди сюда, милая, не бойся.

Дѣвушка подошла, съ видимымъ страхомъ и смущеніемъ.

— Ты чья? спросилъ баринъ.

— Домнина... едва внятно прошептала она.

— Кто такая Домна?

— Скотница.

— Что же, она тебѣ, мать, что ли?

— Нѣтъ.

— А мать гдѣ?

— Померла.

— Ну, а отецъ-то живъ?

— Померъ.

— Ты, значитъ, круглая сирота?

— Да...

— Не бойся, продолжалъ баринъ, — ну, чего же ты испугалась? А сколько тебѣ лѣтъ?

— Не знаю.

— Какъ тебя звать?

— Акулиной.

— Ну, что же, Акулина, тебѣ, я чай, замужъ пора? Небось, замужъ-то хочется? а?

Акулина стояла какъ вкопанная и только переминала красными руками своими пестрядинную свою юбку.

— Ну, отвѣчай же, когда спрашиваютъ тебя господа... Чего боишься? Говори: замужъ хочешь?

Акулина не прерывала молчанія.

Digitized by Google

— Je vous avais bien dit, qu'elle était stupide, произнесъ баринъ, обращаясь къ женѣ.

— Mais aussi vous lui faites des questions... Cette pauvre fille! отвѣчала супруга.

— Ну, ступай, сказалъ онъ, слегка улыбнувшись,—ступай, Акулина; Богъ съ тобою... Знаешь ли, ma bonne amie, продолжалъ онъ, когда сиротка скрылась изъ вида,—сдѣлаемъ доброе дѣло: пристроимъ бѣдную эту дѣвку къ мѣсту, выдадимъ ее замужъ...

— Ахъ! и въ самомъ дѣлѣ! мнѣ давно хочется посмотрѣть на деревенскую свадьбу; говорятъ, обрядъ этотъ у нихъ чрезвычайно оригиналенъ...

— О, удивительно! Я непремѣнно доставлю тебѣ это удовольствіе, и завтра же прикажу старостѣ навести справки...

Но на другой день, какъ на зло, пріѣхало къ нимъ нѣсколько сосѣдей, и баринъ, вмѣсто того, чтобъ приказать старостѣ навести справки о деревенскихъ женихахъ, отправилъ его въ городъ для закупки разныхъ съѣстныхъ припасовъ, провизіи и шампанскаго.

Нѣсколько дней прошло въ пирахъ и охотѣ.

Сосѣди, наконецъ, разъѣхались.

Въ скоромъ времени, самъ владѣтель села Кузьминскаго сталъ приготовляться въ дорогу. За всѣми этими хлопотами, онъ, конечно, не могъ не забыть сиротки и, безъ сомнѣнія, вернулся бы въ Петербургъ, не вспомнивъ даже о намѣреніи пристроить бѣдную сиротку, если бъ одинъ, совершенно неожиданный случай, не навелъ его опять на прежнюю мысль. Доложили, что мужички пришли и просятъ позволенія лично поговорить съ его милостью. Баринъ отправился въ прихожую, гдѣ крестьяне въ молчаніи ожидали его появленія.

Старый кузнецъ Силантій, его жена, братъ и старшій сынъ, парень превзродный, рыжій, какъ кумачъ, полинявшій на солнцѣ, вооруженные, какъ водится, яйцами, медомъ, короваемъ и пѣтухомъ, повалились на полъ, едва завидѣли господина.

— Встаньте, встаньте! проговорилъ съ достоинствомъ помѣщикъ,—вы знаете, я этого не люблю... встаньте, говорятъ вамъ...

Семейство кузнеца, медленно и какъ бы нехотя, приподнялось съ пола.

Одна жена Силантія противилась исполнить приказаніе

Digitized by Google

и съ замѣтнымъ упрямствомъ продолжала валяться по землѣ, такъ что баринъ вынужденъ былъ на нее наконецъ вскрикнуть.

— Что вамъ надо? спросилъ помѣщикъ.

— Вотъ, батюшка, началъ Силантій, — не побрезгай, отецъ ты нашъ... Вы, вы отцы наши, мы ваши дѣти, прійми хлѣбъ-соль.

— Какіе вы глупые, право; сколько разъ говорено было не носить ко мнѣ ничего!.. Ну, куда мнѣ все это?

— Ужъ такъ водится у насъ, батюшка Иванъ Гаврилычъ, не обидь насъ, кормилецъ...

— Ну, ну... отдайте людямъ.

Вручивъ принесенное близъ стоявшимъ лакеямъ, старый кузнецъ снова повалился на-земь и, какъ бы почувствовавъ себя теперь облегченнымъ отъ огромной тяжести, сказалъ гораздо развязнѣе и бойчѣе прежняго:

— Къ твоей милости пришли, Иванъ Гаврилычъ.

— Что такое?

— Заставь, батюшка, за себя вѣчно Богу молить...

— Ну, ну, ну...

— Да вотъ, отецъ ты нашъ... парню-то моему не то двадцатый годокъ пошелъ, не то болѣе, такъ пришли просить твоей милости, не пожалуешь ли ему невѣсты?...

— Пускай, братецъ, парень твой выберетъ себѣ какую ему угодно невѣсту... изъ любка любую выбираетъ; я не прочь, отнюдь не прочь.

— Дѣло-то, батюшка, Иванъ Гаврилычъ, такое приспѣло, что вотъ что хошь дѣлай: нѣтъ на деревнѣ у насъ ни одной дѣвки, да и полно, и не знать куда это подѣвались онѣ... мы на тебя и надѣялись, отецъ нашъ... Заставь вѣчно Бога молить...

— Откуда же мнѣ взять невѣсту, братецъ, когда самъ ты говоришь, что ихъ нѣтъ у насъ?

— Дѣло знамое; оно вѣстимо такъ, батюшка... Да мы чаяли, буде твоей милости заугодно буде... вотъ въ сосѣднемъ-то селѣ—Посыпкино... такъ ему кличка,—вотъ есть дѣвка, добрая, куда какая... Лѣтось еще, батюшка, Иванъ Гаврилычъ, смотрѣли мы ее и сваху засылали, да отецъ съ матерью дорого больно просятъ... а дѣвка знатная, спорая... Вотъ, батюшка, мы на ту пору и понадѣялись на тебя, чаяли, буде Господь Богъ дастъ, пожалуешь ты къ намъ, да не будетъ ли твоей милости... не заплатишь ли выводного за дѣвку... а ужъ онъ, Иванъ Гаврилычъ,

Digitized by Google

куда парень гораздый, на всяко дѣло такой, что и!.. Батюшка! сдѣлай божеску милость, не откажи намъ...

— Постой, постой! прервалъ баринъ,—какъ же, братецъ, говоришь ты: нѣтъ у насъ невѣстъ... постой... да я знаю одну... Эй! кликнуть старосту.

Староста, стоявшій въ это время за дверью и по обыкновенію своему, или, лучше сказать, по обыкновенію всѣхъ старостъ, не пропустившій ни единаго слова изъ того, что̀ говорилось между мужиками и бариномъ, не замедлилъ явится въ переднюю.

— Что, Демьянъ, есть у насъ въ Кузьминскомъ невѣста?

— Есть, батюшка, Иванъ Гаврилычъ.

— Гдѣ?.. Въ какой семьѣ?

— Вотъ, сударь, примѣрно хошь на скотномъ дворѣ у скотницы есть работница...

— Ахъ, да, да! я и забылъ... какъ, бишь, ее зовутъ-то?

— Акулиною, сударь.

— Да, Акулина, Акулина...

Кузнецъ и жена его замѣтно смутились; баринъ продолжалъ:

— Такъ что же ты врешь, Силантій, а? что-жъ ты приходишь меня безпокоить по пустякамъ!

— Помилуй, отецъ ты нашъ! сказалъ Силантій; голосъ его дрожалъ и понизился цѣлою октавою, не то, что вначалѣ, гдѣ онъ думалъ, что баринъ-де не смекаетъ ничего въ крестьянскомъ дѣлѣ, и что, слѣдовательно, легко будетъ обмишурить, надуть такого барина.—Помилуй, продолжалъ онъ,—не обижай ты насъ, кормилецъ. Вы... вы вѣдь отцы наши, мы ваши дѣти.. батюшка, Иванъ Гаврилычъ; какая же то невѣста?

— Что-жъ?

— Сирота, батюшка, бездомная, и дѣвка-то совсѣмъ хворая.. Опричь того, батюшка, позволь слово молвить, больно ломлива, куды ломлива! умаешься съ нею... Ни на какую работу негодна... рубахи состебать не сможетъ... А я-то старъ сталъ, да и старуха моя тожъ... переставились, батюшка... Вѣстимо, мы твои, Иванъ Гаврилычъ, изъ воли твоей выступить не можемъ, а просимъ только твоей милости, не прочь ты ее моему парню.

— Ахъ ты, старый дуралей! сказалъ баринъ, сердито топнувъ ногою, — если ужъ сирота, такъ по-твоему ей и въ дѣвкахъ оставаться, а для олуха твоего сына искать невѣстъ у сосѣдей... Что ты [illegible] рясы-то при-

Digitized by Google

шелъ плесть?.. а?.. Староста! дѣвка эта дурного поведенія, что ли?

— Кажись, ничего не слыхать про нее на деревнѣ... дѣвка хорошая.

Нѣтъ сомнѣнія, что староста жилъ не въ ладу съ кузнецомъ Силантіемъ.

— Такъ что-жъ ты? а?..

— Не гнѣвись...

— Молчать!.. Слушай, Силантій! сейчасъ же, сію-жъ минуту сватай Акулину за твоего сына... слышишь ли?.

— Слушаю, батюшка, Иванъ Гаврилычъ...

— Отправляйся же на скотный дворъ... Смотри, братъ... да чтобъ свадьбу сыграть у меня въ нынѣшнее же воскресенье... Вотъ еще вздоръ выдумалъ, если сирота, такъ и пренебрегать ею... а?..

Старуха Силантія не выдержала. Съ плачемъ и воплемъ бросилась она обнимать ноги своего господина.

— Батюшка! вопила баба, — отецъ ты нашъ! не губи парня-то... Дѣвка совсѣмъ негодная, кормилецъ; на всей деревнѣ просвѣту намъ съ нею не дадутъ, кажинный чураться насъ станетъ; чѣмъ погрѣшили мы передъ тобою, касатикъ ты нашъ?.. Весь свѣтъ осуду на насъ положитъ за такую ахаверницу...

— Что ты врешь, глупая баба? Встань, встань, говорятъ тебѣ... Пошла вонъ... А ты, Силантій, понялъ мой приказъ? Ну, чтобъ все было исполнено, да живо, слышишь ли?

— Слушаю, батюшка, Иванъ Гаврилычъ, отвѣчалъ кузнецъ, кланяясь въ поясъ.

— Ну, ступай же! продолжалъ баринъ;—ахъ, да! я и забылъ... Силантій!..

Кузнецъ вернулся въ переднюю.

— Тебѣ говорилъ Петръ Ивановъ осмотрѣть коляску? тамъ, кажется, шина лопнула.

— Сказывалъ, Иванъ Гаврилычъ.

— Ну, такъ распорядись же какъ можно лучше; я ѣду во вторникъ на будущей недѣлѣ... ступай!..

Когда дверь передней затворилась за кузнецомъ, Иванъ Гавриловичъ отправился во внутренніе покои. Проходя мимо большой залы, выходившей боковымъ фасомъ на улицу, онъ подошелъ къ окну. Ему пришла вдругъ, совершенно безсознательно, мысль взглянуть на мину, которую сдѣлаетъ Силантій, получивъ отъ него такое неожиданное приказаніе касательно свадьбы сына.

Digitized by Google

Иванъ Гавриловичъ, къ крайнему своему удивленію, замѣтилъ, что всѣ члены семейства кузнеца шли понуря голову и являя во всѣхъ своихъ движеніяхъ признаки величайшаго неудовольствія.

— Что ты здѣсь дѣлаешь, Jean? что тебя такъ занимаетъ? сказала барыня, подкравшись къ нему на цыпочкахъ и повиснувъ совершенно неожиданно на шею своему мужу.

Иванъ Гавриловичъ молча указалъ ей на удалявшихся мужиковъ, покачалъ сначала головою и пожалъ плечами...

VI.

Что безъ вѣтра, что безъ вихоря
Воротички отворилися.
Какъ въѣзжалъ на широкій дворъ
Свѣтъ Григорій, господинъ,
Свѣтъ Силантичъ, сударь.
Увидѣла Акулина, душа,
Закричала громкимъ голосомъ:
Сберегите вы, матушки, меня!
Вотъ идетъ погубитель мой!..

Русская пѣсня.

Быстро летитъ время! Не успѣли мужички села Кузьминскаго и двухъ разъ сходить на барщину послѣ описанной нами сцены, какъ глядь — ужъ и воскресенье наступило. Въ этотъ день, какъ вообще во всѣ праздничные дни, деревня замѣтно оживлялась.

Только-что раздались первые удары благовѣста, во всѣхъ концахъ улицы загремѣли щеколды, заскрипѣли ворота и прикалитки, и жители забѣгали, засуетились.

Кто выходитъ изъ дома и, крестясь, остановился посреди улицы, на лужайкѣ, противъ бадьи, съ намѣреніемъ выждать жену или свата; кто прямо шелъ къ околицѣ. Изъ оконъ безпрестанно зачали высовываться головы. „Эй! тётка Ѳеклуха! погоди маненько! пойдемъ вмѣстѣ: дай управиться—куда те несетъ!..“ или: „Кума, а кума! Авдотья, а Авдотья! выжди у коноплей... ишь только заблаговѣстили...“ Бабы, которыя позажиточнѣе, въ высокихъ „кичкахъ“, обшитыхъ блестками и позументомъ съ низаными подзатыльниками, въ пестрыхъ котахъ и яркихъ полосатыхъ исподницахъ, или, кто побѣднѣе, по-просту повязавъ голову писаннымъ алымъ платкомъ, врозь концы, да натянувъ на плечи мужнинъ сѣ[illegible], потянулись

Digitized by Google

вдоль усадьбы, блистая на солнцѣ, какъ разолоченные пряники и коврижки. Мѣрно и плавно выступали за ними мужья и парни. Толпы дѣвчонокъ и мальчишекъ неслись, какъ стаи воробьевъ, то сбиваясь въ кучку, то снова разбиваясь вразсыпную, оглушая всю улицу своимъ визгомъ и крикомъ. Пестрая ватага изъ женщинъ, мужиковъ и ребятъ тянулась за околицу движущеюся узорчатою каймою, огибала безконечное поле ржи, исчезала потомъ за косогоромъ, пропадала вовсе, и уже спустя не малое время появлялась какъ сверкающее пятно на бѣлѣвшей вдалекѣ церковной паперти.

Дорога къ церкви мало-по-малу пустѣла; кое-гдѣ развѣ проѣзжала телѣга, наполненная приходскими мужиками, или ковыляла, подпираясь клюкою, дряхлая старушонка, съ трудомъ поспѣвавшая за рѣзвою внучкою, которой страхъ хотѣлось послушать вблизи звонкій благовѣстъ.

Въ селѣ уже давно водворился покой. Возъ заѣзжаго купца-торгаша съ краснымъ товаромъ, запонками, намистьями, варешками, стеклярусомъ, тавлинками со слюдою, свертками кумача, остановившійся у высокаго колодца, оживлялъ одинъ опустѣвшую улицу.

Посреди движенія, произведеннаго въ Кузьминскомъ благовѣстомъ, оставались двѣ только избы, которыхъ обыватели, казалось, не хотѣли принимать участія въ общей суматохѣ. Одна изъ такихъ избъ принадлежала кузнецу Силантію, другая скотницѣ Домнѣ. Судя по нѣкоторымъ наружнымъ признакамъ, какъ въ той, такъ и въ другой должно было происходить что-нибудь да особенное.

Не взирая на пору и время, труба въ избѣ Силантія дымилась сильно, и въ поднятыхъ окнахъ блистала широкимъ пламенемъ жарко топившаяся печь. Кромѣ того, на подоконникахъ появлялись безпрестанно доски, унизанныя вотрушками, гибанцами, пирогами, или выставлялись горшки и золоченыя липовыя чашки съ киселемъ, саломатою, холодничкомъ и кашею.

Вторая изба, хотя не представляла ничего подобнаго, однако тишина (какъ извѣстно, весьма несвойственная мирному этому крову) могла служить яснымъ доказательствомъ, что и у Домны дѣло также шло не обычнымъ порядкомъ.

И дѣйствительно, то, что происходило въ избѣ скотницы, отнюдь не принадлежало къ числу сценъ обыденныхъ.

Толпа бабъ, разныхъ кумушекъ, тётокъ, золовокъ и

Digitized by Google

свояченицъ, окружала Акулину. Сиротка сидѣла на лавочкѣ посередь избы, съ повязкою на головѣ, въ новой бѣлой рубашкѣ, въ новыхъ котахъ и разливалась-плакала. Собравшіяся вокругъ бабы, казалось, истощили все свое краснорѣчіе, чтобъ утѣшить ее.

— Не плачь, говорила какая-то краснощекая старуха,— ну, о чемъ плакать-то? слезами не поможешь... знать ужъ Господу Богу такъ угодно... Да и то грѣхъ сказать: Григорій парень ловкій, о чемъ кручинишься? дѣвка ты добрая, обиждать тебя ему не зачѣмъ, а коли по случай горе прикатитъ, коли жустрить начнетъ... такъ и тутъ что?.. Богъ видитъ, кто кого обидитъ...

— Вѣстимо, Богъ до грѣха не допуститъ, перебила Домна.—Полно тебѣ, Акулька, рюмить-то; приставь голову къ плечамъ. И вправду Савельевна слово молвила, за что, за какую надобу мужу ѣсть тебя, коли ты по добру съ нимъ жить станешь?.. Не любъ онъ тебѣ? не по сердцу пришелся, небось?.. Да вѣдь, глупая, неразумная дѣвка! вспомни-ка, вѣдь ни отца, ни матери-то нѣтъ у тебя, вѣдь сирота ты бездомная, и добро еще баринъ вступился за тебя, а то бы весь вѣкъ свой въ дѣвкахъ промаячилась. Полно... полно же тебѣ...

— Эхъ, бабы, бабы! подхватила третья, не прерывавшая еще ни разу молчанія, — ну, что вы ее словами-то закидываете?.. нешто она развѣ не знала замужняго житья? хоть на тебя, небось, Домна, было ей время наглядѣться, а ты же еще и уговариваешь ее... Эхъ! знамая пѣсня: чужую бѣду руками разведу, а къ своей такъ ума не приложу... вѣкъ съ мужемъ-то изжить, не поле перейти... она, чай, сама это вѣдаетъ...

— А развѣ всѣмъ быть такимъ, какъ твой Борисъ? небось, не за добраго человѣка она идетъ, что ли?.. Григорій забубенный развѣ какой парень?.. Полно же, Акулька! въ семью идешь ты богатую... У Силантія-то въ домѣ всякаго жита по лопатѣ... чего рюмишься?.. Коли ужъ быть тебѣ за Григорьемъ, такъ ступай; что вой, что не вой—все одно.

— И то правда, подхватила какая-то близъ стоявшая кума,—вѣстимо, полно грустить... Не надсаживай, Акулина, своего здоровьица некрѣпкаго попустому... брось кручину; авось Богъ милостивъ...

Но всѣ эти увѣщанія, въ сущности способныя убѣдить каждаго здравомыслящаго человѣка, что-то плохо дѣйствовали на Акулину.

Digitized by Google

Она была безутѣшна.

— Эка, право, дѣвка-то чудная какая! думали бабы,— какъ узнала ономнясь, что велѣно замужъ идти, такъ ничего, слезинки не выронила, словно еще обрадовалась; да и всѣ-то остальные дни, Богъ ее вѣдаетъ, нимало не кручинилась. Ужъ на что Домна, кажись, не больно ее жалуетъ, а третя дня, какъ запѣли дѣвки пѣсни, да зачали расплетать ей косу, такъ и та благимъ матомъ завыла, да и всѣхъ-то насъ нешто слеза прошибла, а ей одной нипочемъ—словно, право, каменное сердце у человѣка тогда было. Ну, думали, обрадовалась больно, сердечная, анъ не тутъ-то было: вотъ теперь, въ самый-то день свадьбы отколь и горе привалило... ревetъ и не уймешь еще... что бы за притча примѣрно такая?..

Бабы рѣшительно становились втупикъ; имъ невдомекъ было поведеніе Акулины. Недоумѣніе кумушекъ возрастало, главное, отъ того, что горе невѣсты послѣдовало внезапно послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ ею съ самымъ невозмутимымъ равнодушіемъ. Дѣло въ томъ, что ни одна изъ нихъ не замѣчала,—конечно, и не могла замѣтить,—тѣхъ тонкихъ признаковъ душевной скорби, того нѣмого отчаянія (единственныхъ выраженій истиннаго горя), которые, между прочимъ, сильно обозначались во все то время въ каждой чертѣ лица, въ каждомъ движеніи сиротки.

Извѣстіе о разговорѣ барина съ мужиками повергло ее въ такое отчаяніе, что если бъ не надежда перемѣнить дѣло, не выходить замужъ, она кончила бы, безъ сомнѣнія, чѣмъ-нибудь трагическимъ.

Надежда, вкравшись разъ въ душу Акулины, укрѣпила ее. Она ждала только удобнаго случая, чтобъ броситься къ ногамъ барина. Полная увѣренности въ томъ, что онъ не откажетъ ей своею милостью, она принялась караулить Ивана Гавриловича.

Но странно, необъяснимо странно было, что каждый разъ, какъ показывался баринъ, ее охватывала такая робость, такой страхъ овладѣвалъ всѣмъ существомъ ея, что она не смѣла даже шевельнуться, боясь обратить на себя его вниманіе.

Необходимо здѣсь замѣтить, что чувство это было въ ней совершенно безсознательно, ибо Иванъ Гавриловичъ былъ, какъ уже извѣстно, человѣкъ добрый, благонамѣренный, и отнюдь не давалъ своимъ подчиненнымъ по-

Digitized by Google

вода трепетать въ его присутствіи. Приписать опять чувство это врожденной робости Акулины, тому, что она была загнана, забита и запугана, или „идеѣ“, которую составляютъ себѣ о власти вообще всѣ люди, рѣдко находящіеся съ нею въ соприкосновеніи и потому самому присвоивающіе ей какое-то черезчуръ страшное значеніе,— было бы здѣсь неумѣстно, ибо отчаяніе бѣдной дѣвки могло не только побѣдить въ ней пустые эти страхи, но легко даже могло вызвать ее на дѣло несравненно болѣе смѣлое и отважное. А между тѣмъ, гдѣ бы ни встрѣтилась Акулина съ бариномъ, рѣшимость въ ту жъ минуту ее покидала; затаивъ дыханіе, дрожа, какъ осиновый листъ, пропускала она его мимо, давъ себѣ слово въ слѣдующій же разъ безъ обиняковъ броситься въ ноги къ нему и прямо разсказать, въ чемъ дѣло. Но много разъ на день являлись такіе случаи и тысячу разъ результатъ выходилъ одинъ и тотъ же; мало того, въ рѣшительную минуту Акулина мирилась даже съ горькою своею долею.

А баринъ тѣмъ временемъ шелъ себѣ спокойно, слегка покуривая сигару, безпечно поглядывая на стороны и не подозрѣвая даже, чтобъ за сосѣднимъ плетнемъ или обвалившеюся перегородкою могло происходить что-либо подобное.

Надежда не покидала, однако, Акулину; еще наканунѣ своей свадьбы всю ночь провела она на колѣняхъ, умоляя святыхъ угодниковъ защитить ее, укрѣпить ее духомъ. Но какъ на бѣду, въ воскресенье утромъ Иванъ Гавриловичъ ни разу не вышелъ изъ хоромъ, и Акулина, выжидавшая его за сараемъ, могла только видѣть, какъ коляска помчала его вмѣстѣ съ барынею по дорогѣ въ церковь.

Тутъ, въ виду исчезнувшей надежды, гибели неминуемой и неизбѣжной, почувствовала она, что не въ силахъ бороться долѣе съ своимъ горемъ; сердце ея перестало биться, глаза подернулись темною пеленою и, какъ подрубленная молодая береза, покатилась бѣдная на землю.

Случайно натолкнулась на нее баба; ее принесли въ избу, привели въ чувство, и, какъ мы видѣли, не мало заботились успокоить. Мало-по-малу, бабы начали достигать своей цѣли; невѣста уже нѣсколько подавалась на ихъ краснорѣчивыя убѣжденія, какъ вдругъ крики: „ѣдутъ! ѣдутъ!“, раздавшіеся со всѣхъ концовъ избы, снова испортили все дѣло.

Digitized by Google

Пока Домна (посаженая мать сиротки), сосѣдки и кумушки суетились вокругъ невѣсты, ворота съ надворья скрипнули, и на дворѣ послышался шумъ, говоръ и звукъ бубенчиковъ, свидѣтельствовавшіе о пріѣздѣ жениха.

Вскорѣ Пахомка (старшій сынъ скотницы и дружка невѣсты) появился на порогѣ; за нимъ, крестясь и кланяясь, вошли по порядку женихъ, его отецъ, мать, дружка и родственники. Всѣ они казались не слишкомъ-то радостными; одинъ дружка жениха скалилъ зубы, подмигивалъ близъ стоявшимъ бабамъ, да весело встряхивалъ курчавою своею головою.

Послѣ обычныхъ привѣтствій какъ съ той, такъ и съ другой стороны, Григорія и Акулину поставили на колѣни на разостланный дружками на полу зипунъ. Домна взяла тогда образъ и подошла къ нимъ; начался обрядъ благословенія.

Акулина какъ бы успокоилась, и только судорожно стиснутыя губы и смертная блѣдность лица свидѣтельствовали, что не все еще стихло въ груди ея; но потомъ, когда дружка невѣсты произнесъ: „Отцы, батюшки, мамки, мамушки и всѣ добрые сосѣдушки, благословите молодого нашего отрока въ путь-дорогу, въ чистое поле, въ зеленые луга, подъ восточную сторону, подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ часты звѣзды, къ Божьему храму, къ колокольному звону“, и особенно послѣ того, какъ присутствующіе отвѣтили: „Богъ благословитъ!“ все какъ бы разомъ, окончательно въ ней замерло и захолонуло. Она машинально, съ отсутствіемъ всякаго чувства и мысли влѣзла въ повозку и усѣлась подлѣ жениха своего.

Поѣздъ тронулся.

Обѣдня только что кончилась, когда свадебныя повозки остановились передъ церковью. Иванъ Гавриловичъ, его супруга и еще кой-какіе помѣщики того же прихода стояли на паперти.

Первые, какъ жители столицы, съ замѣтнымъ любопытствомъ ожидали начала брачной церемоніи добрыхъ мужичковъ.

Такъ какъ невѣста была круглая сирота, то, по принятому обыкновенію въ подобныхъ случаяхъ, ей слѣдовало еще отправиться до вѣнца на кладбище, чтобы помолиться надъ могилою родителей, или, какъ выражаются въ простонародьи, „поплакать голосомъ“.

Едва начался обрядъ вѣнчанья, какъ супруга Ивана

Digitized by Google

Гавриловича почувствовала уже тоску и сильный позывъ къ зѣвотѣ; крестьянская свадьба, заинтересовавшая ее дня три тому назадъ, казалась ей весьма скучнымъ удовольствіемъ; невѣста была глупа и выглядывала настоящимъ уродомъ, женихъ и того хуже,—словомъ, она изъявила желаніе какъ можно скорѣе ѣхать домой. Иванъ Гавриловичъ, раздѣлявшій съ женою однѣ и тѣ же мысли, не замедлилъ сѣсть въ коляску, пригласивъ напередъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ сосѣдей.

Вскорѣ всѣ обыватели Кузьминскаго вернулись домой, и улица села снова загремѣла и оживилась.

Мужики Ивана Гавриловича были народъ исправный, молодцы въ работѣ и не лѣнивцы; но грѣха таить нечего, любили попировать въ денечекъ Господень. Приволье было на то большое: въ пяти верстахъ находился уѣздный городъ **... да что въ пяти! въ двухъ всего, дядя Кирила такой держалъ кабакъ, что не нужно даже было и уѣзднаго города для ихъ благополучія. Ужъ зато какъ настанетъ праздникъ, такъ просто любо смотрѣть: крикъ, потасовки, плясъ, пѣсни, ну, словомъ, такая гульня пойдетъ по всей улицѣ, что безъ малаго верстъ на десять слышно.

Но на этотъ разъ,—конечно, говоря относительно,—во всей деревнѣ не было такого раздолья, какъ въ одной избѣ кузнеца Силантія; немудрено: сыновей женить вѣдь не Богъ знаетъ сколько разъ въ жизни прилучится, а у Силантія, какъ вѣдомо, всего-то былъ одинъ. Несмотря на то, что старику больно не по нраву приходилась невѣста, однако онъ, повидимому, не хотѣлъ изъ-за нея ударить лицомъ въ грязь, и свадьбу рѣшился сыграть на славу.

И то сказать, угощенье затѣялось лихое! что душѣ угодно, всего было вдоволь. Василиса и Дарья — сестры кузнеца, старыя дѣвки, и старухи его только и дѣлали, что таскали изъ печи на столъ разныя яства; мисы щей, киселя гороховаго, киселя овсянаго, холодничка и каши, большущія чашки, наполненныя до верху пирогами съ морковью, пирогами съ кашею, вотрушками прѣсными и сдобными и всякими другими, поочередно появлялись передъ многочисленными гостями. О напиткахъ и говорить нечего: штофики съ сивухою, настойками, болѣе или менѣе подслащенными медомъ, погуливали изъ рукъ въ руки безъ устали; что же касается до сусла и браги, онѣ про-

Digitized by Google

сто стояли въ большихъ ведрахъ близъ каждаго стола, гостю стоило только нагнуться, чтобъ черпать. Силантій, казалось, совсѣмъ распоясался и чествовалъ гостей своихъ не на шутку. Много оставались довольны и гости; отовсюду неслись крики и привѣтствія радушному хозяину. Мало-по-малу и самъ онъ расходился.

Онъ сидѣлъ, обнявшись, съ кумомъ Иваномъ и сватомъ Гаврилою и безпрестанно подносилъ имъ то изъ одного штофика, то изъ другого. „Сватъ Гаврило! еще стаканчикъ, ну, чего отнѣкиваешься?.. пей!“ — Такъ и быть, отвѣчалъ сватъ Гаврило, глаза котораго уже казались плавающими въ маслѣ,—такъ и быть, обижу свою душу, согрѣшу, выпью... „Кумъ, а кумъ! безъ опаски пей, чего боишься?..“ — Спасибо-те на ласковомъ словѣ, Силантій Васильевичъ, много довольны безъ того... много благодарствуемъ...—„Молодая!.. что же ты!..“ кричалъ Силантій, обращаясь къ Акулинѣ, которая молча и неподвижно сидѣла на мѣстѣ и, несмотря на увѣщанія сосѣдокъ, не выпивала своего стакана. „Эй! Гришка! что жъ! оба словно пни сидите... сноха! что не пьешь?.. аль оглохла?.. Экіе дурни!.. да поцѣлуйтесь же... небось при людяхъ-то не любо... Тётка Арина, еще винца... милости просимъ, не побрезгай... дядя Пахомъ! во здравіе молодымъ!.. Кумъ Иванъ... ты... ты... вѣдь братъ мнѣ, родной... ну, и пей!.. Левонъ Трифонычъ! а ты что прикорнулъ? небось, неси въ ворота, гдѣ усъ да борода!.. Кума! Домна Карповна, дай тебѣ Господь Богъ много лѣтъ здравствовать и дѣткамъ твоимъ всяческа благополучія отъ Царя небеснаго... Да... Эй! во саду ли въ огородѣ... эй, братцы!.. ну!..“

Гамъ, чваканье, стукъ ложекъ, неистовые крики подымались все сильнѣе да сильнѣе; вскорѣ послышались они не только въ сѣняхъ, но даже на дворѣ, подъ корытами и колодами, куда успѣли забраться, неизвѣстно какимъ образомъ, нѣкоторые изъ гостей Силантія.

Какъ ни весело было, однако, пирушкѣ долженъ же быть конецъ. Ужъ вечерѣло, когда стали расходиться. Кто, придерживаясь къ плетню, побрелъ къ себѣ домой; кто помощію рукъ и ногъ сосѣдей и своихъ собственныхъ карабкался вонъ, самъ не зная куда; кто присоединился къ общей массѣ народа, толкавшейся съ пѣснями передъ барскими хоромами.

Силантій, молодые и домашніе его послѣдовали примѣру послѣднихъ. Тутъ веселье было уже совсѣмъ другого рода.

Digitized by Google

У самаго палисадника вертѣлись хороводы, словно немазанныя колеса какія, съ ихъ несвязною и нескончаемою пѣснью; въ другомъ мѣстѣ толпа окружала молодого парня, который, по желанію Ивана Гавриловича, выплясывалъ съ бабой трепака. Заломивъ высокую свою шапку въ три деньги, запрокинувъ голову, выдѣлывалъ онъ съ самою серьезною миною свои па, между тѣмъ какъ господскіе люди разносили обступившимъ его подносы съ штофами пѣнника и ломтиками хлѣба; ребятишки и дѣвчонки бѣгали кругомъ балкона и съ визгомъ кидались на-земь каждый разъ, какъ баринъ или барыня бросали въ нихъ пригоршню жемковъ и орѣховъ. Старики и старухи также имѣли свою долю въ общемъ весельи: они стояли у рѣшётки и тѣшились, глядя на забаву.

Разгулявшіеся гости Силантія еще болѣе оживили толпу; окружили молодыхъ, втискали ихъ силою въ хороводъ, — и пошла потѣха еще лучше прежней. Иванъ Гавриловичъ и супруга его казались на этотъ разъ очень довольными; они спустились съ балкона и подошли къ хороводу.

— Что же она у тебя не весела, Силантій?.. сказалъ Иванъ Гавриловичъ, указывая ему на Акулину.

— А вотъ вишь ты, отецъ нашъ... она... молодая... а вотъ парень-то мой... Вы вѣдь отцы наши, мы ваши дѣти... батюшка, Иванъ Гаврилычъ... много благодарны... Вотъ-те, ей-ей, много благодарны... не погнѣвись ты на насъ... мы вѣдь слуги твои...

— Ну, хорошо, хорошо, прибавилъ баринъ, видя, что Силантій едва держится на ногахъ,—хорошо, ступай...

Долго продолжалось въ этотъ день веселье въ селѣ Кузьминскомъ. Ужъ давно сѣло солнце, уже давно полночь наступила, на небѣ однѣ лишь звѣздочки межъ собою переглядывались, да мѣсяцъ, словно красная дѣвка, смотрѣлъ во всѣ глаза, — а все еще не умолкали пѣсни и треньканье балалайки, и долго-долго потомъ, послѣ того, какъ все ужъ стихло и смолкло, не переставали еще кое-гдѣ мелькать въ окнахъ огоньки, свидѣтельствовавшіе, что хозяйкамъ не мало стоило труда уложить мужей, вернувшихся со свадебной пирушки кузнеца Силантія.

Digitized by Google

VII.

. . . . . .
Ахъ, раскройся, мать сыра земля,
Поглоти меня, несчастную!!..

Русская пѣсня.

Еще солнышко вихра не думало выставлять, какъ уже Григорій, мужъ Акулины, выбрался изъ коморы, куда наканунѣ положили его съ женою, и ушелъ въ поле. Само собою разумѣется, что такое усердіе не могло проявиться въ немъ безъ особенной причины; онъ навѣрняка объ эту пору думалъ поймать сосѣдей, взявшихъ съ нѣкотораго времени повадку пускать лошадей своихъ на его гречиху и овесъ. „Добро“, молвилъ онъ, украдкою приближаясь къ своимъ нивамъ: „добро! вы, чай, мыслите: бабится Григорій съ женою, да лыка не вяжетъ со вчерашняго похмелья? Погодите-тка, дружки! я вамъ покажу свата Кузьму... Недаромъ съ весны скалю зубы-то... постой...“ Но Григорій, должно быть, несъ чистую напраслину на сосѣдей своихъ, ибо сколько ни обходилъ поля, сколько ни высматривалъ его, нигдѣ не было замѣтно ни истоптаннаго мѣста, ни даже слѣда конскаго или человѣчьяго: овесъ и гречиха были невредимы. Бодро, словно ратники въ строю, торчали мощные ихъ стебли; одинъ только вѣтеръ, потянувшій къ разсвѣту, бугрилъ и колыхалъ злачныя ихъ верхушки. „Ишь, лѣшіе!“ сказалъ онъ, оглянувъ еще разъ поле: „какъ баринъ-то здѣсь, такъ, небось, и дорогу узнали... по чужому, знать, не шляндаете... не то, что прежде... Ахъ, кабы попался кто изъ васъ, мошенниковъ... во, какъ бы оттаскалъ!.. да еще и къ барину бы свелъ...“ Ободривъ себя такими мыслями, Григорій повернулся спиною къ полю и отправился по межѣ къ проселку. Ступивъ на проселокъ, онъ остановился, поглазѣлъ направо и налѣво, почесалъ затылокъ, потомъ оба бока и спину. „А что?“ подумалъ онъ: „вѣдь вотъ коли все прямо по дорогѣ идти, такъ вѣстимо оно будетъ дальше... въ поляхъ-то, чай, еще никого нѣтъ!.. Э!..“

Григорій махнулъ рукой и безъ дальнихъ разсужденій пошелъ отхватывать по сосѣдней ржи. Ужъ начали было мелькать передъ нимъ верхушки ветлъ, ограждавшихъ барскій садъ, мелькнула вдалекѣ и колокольня, какъ вдругъ рожь съ одной стороны [illegible] ч отколѣ ни возь-

Digitized by Google

мись, выглянула сначала одна шапка, потомъ другая и третья; не успѣлъ Григорій присѣсть на-земь, какъ уже увидѣлъ себя окруженнаго тремя мужиками.

— Э-ге-ге!.. такъ это, братъ, ты? вскричалъ самый дюжій изъ нихъ, въ которомъ Григорій узналъ дядю Сысоя.—Такъ вотъ оно какъ! Нѣтъ, знай, не отбояришься... не пущайте его, ребята...

Петруха Бездомный и Ѳедосъ Простоволосый пододвинулись.

— Что словно черти обступили?.. что надо?..

— Небось, чужое-то не свое—не жаль...

— Да ты чего лѣзешь?.. нешто твое?

— А то чье же?..

— Ну, твое, такъ твое... и чортъ съ тобою!..

— Вотъ мы те покажемъ чорта...

— А что ты мнѣ покажешь?..

— Да... а помнишь, какъ лѣтось батька твой поймалъ на своихъ горохахъ мою кобылу, да слупилъ цѣлковый-рубль?.. этого ты не помнишь?

— А что мнѣ помнить?..

— То-то, воронье пугало! теперь и тебѣ не уйти...

— Да чего те надо? лѣшій!

— Э, братъ! ты еще куражишься... Хватай его, ребята!..

Мужики бросились на Григорья; тотъ, парень азартный, изворотливый, видя, что дѣло дошло до кулаковъ, мигомъ вывернулся, засучилъ рукавъ, и дядя Сысой не успѣлъ отскочить, какъ уже получилъ затрещину и облился кровью. „А! такъ вяжи-жъ его, ребята! вяжи его, разбойника!“ закричали что было мочи мужики, ужъ не на шутку принимаясь комкать Григорья. Тутъ сила перемогла его: дядя Сысой, Ѳедосъ и Петруха связали его кушаками, не потерпя даже на этотъ разъ малѣйшаго ущерба, развѣ только, что гречиха перваго была рѣшительно вся вымята во время возни, — а она вѣдь все же чего-нибудь да стоила, ибо у Сысоя, его жены и дѣтей всего-то было засѣяно ею полнивы.

— Тащи его, братцы, прямо къ барину, тащи!.. кричалъ дядя Сысой, размазывая себѣ какъ бы невзначай скулы кровью и, вѣроятно, желая тѣмъ произвести большій эффектъ передъ бариномъ, — тамъ те покажутъ, собакѣ, какъ драться... тащи... тащи!..

— Что взялъ? говорилъ Петр[illegible]чный, — не хо-

Digitized by Google

тѣлъ по добру ладить... вотъ те бока-то вылущатъ... погоди...

— А! мошенникъ! продолжалъ дядя Сысой, не забывая мазнуть себя по носу,—я-жъ покажу!.. розбойникъ! тащи... тащи, ребята... тащи его!..

— Что, братъ Гришка, подхватывалъ Петруха,—якшаться съ нами небось не хотѣлъ: и такіе молъ, и сякіе, и на свадьбу не звалъ... гнушаться знать только твое дѣло; а вотъ вѣдь прикрутили же мы тебя... Погоди-тка! баринъ за это, небось, спасибо не скажетъ: тамъ, братъ, какъ разъ угостятъ изъ двухъ полѣнцевъ яичницей... спину-то разтрафаретятъ...

— А что, дядя Сысой, молвилъ Ѳедосъ,—вѣстимо, чай, жутко ему будетъ?.. такъ вышарятъ... и!.. и!.. и!.. Господи упаси!..

Разсуждая такимъ образомъ, мужики замѣтно придвинулись къ околицѣ; тутъ Григорій, не показавшій во все время смущенія или робости, сталъ вдругъ крѣпиться и упираться ногами. Дядя Сысой, замѣтивъ это, перемигнулся съ Петрухой и, какъ бы почувствовавъ приливъ вдохновенія, произнесъ:

— Стой, ребята! стой!.. Гришка! вотъ те Христосъ, отдерутъ, не на животъ, а на смерть отдерутъ... Слушай! Ну... хошь, аль не хошь?

— Ну что?.. ну, хочу...

— Братцы! уговоръ лучше денегъ, продолжалъ тѣмъ же восторженнымъ тономъ дядя Сысой,—Богъ съ нимъ... обидѣлъ онъ меня... ужъ вотъ какъ обидѣлъ... ну, да плевать... выпустимъ его...

— Выпустите, братцы! ну за что вы меня тащите? выпустите! ей-Богу скажу спасибо...

— Э-ге!.. даромъ кафтанъ-то у те сѣръ, а умъ-то вѣрно не лукавый съѣлъ... ишь чего! а ты думаешь спасибо, да и отбоярился?

— Чего жъ вамъ еще?..

— Что больно дешево?.. нѣтъ... ты, братъ, вотъ что... Ну, да что съ тобою толковать! давай цѣлковый!

— А отколѣ возьму его?..

— Не хошь?.. тащи его, ребята, тащи!..

— Гришка, полно тебѣ артачиться! сказалъ Петруха,—хуже будетъ, шкурою вѣдь заплатишь... вотъ-те Христосъ, такого срама нахлебаешься, что и!..

— Толкомъ говорятъ тебѣ, откуда мнѣ взять его?.. ну...

— Врешь, чортовъ сынъ! у васъ съ бачкой денегъ много... недаромъ всю деревню вчерась угощали... Ну, хошь что ли, говори?

— Ей-Богу, дядя Сысой, провалиться мнѣ сквозь землю, если есть такія деньги...

— Э! ну, чортъ съ тобой! давай полтинникъ.

— Да нѣту, тебѣ, чай, говорятъ!

— Нѣту?.. ну, такъ тащи его, ребята... тащи, тащи, тащи!..

— Погодите... дядя Сысой... стойте... дайте вымолвить слово... пять алтынъ, по-моему, бери!

— Экъ, ловокъ больно! Нѣтъ, этимъ обиды, братъ, не вышибешь... Тащи его знай, ребята, тащи.,.

— Ну, двугривенный... Вотъ какъ Богъ святъ, больше нѣтъ ни полушки!..

— Ребята! крикнулъ снова дядя Сысой,—была не была! возьмемъ съ него двугривенный, да могарычи въ придачу... Идетъ, что ли?..

— Отсохни руки и ноги, если у меня есть больше,— всего двугривенный...

— О! еще скалдырничаетъ... Такъ ты не хочешь?

— Не замай его, дядя Сысой, самъ на послѣдяхъ спокается...

— Вѣстимо! вымолвилъ Ѳедосъ.

— Чортъ же бы васъ подралъ! сказалъ Григорій,—ну, развязывай руки-то, что-ль...

— Двугривенникъ и могарычи—слышишь?

— Ну, слышу!

— Идетъ?

— Ну, идетъ!

— Развязывай его, ребята! Давно бы такъ: кобениться еще вздумалъ... эхъ, жила, жила!..

— Да куда мы пойдемъ-то?..

— Вѣстимо куда! рѣка, чай, не больно далече...

— Къ свату Кирилѣ, что ли?

— А то куда же? сегодня, кажись, еще базаръ...

— И то, ребята...

— Ступайте, братцы! сказалъ Ѳедосъ.

— А ты что?

— Я не пойду...

— Да куда-те приспичило, на барщину развѣ гонятъ, чортъ?

— Свой паръ, дядя Сысой, не паханъ стоитъ...

Digitized by Google

— А у одного тебя не пахань онъ, что ли? Простоитъ вёдро, спахаешь...

— Вѣстимо простоитъ вёдро; давно ли былъ дождь?..

— Полно, кумъ, пойдемъ!

— Идемте, что ли?

— Идемте...

— Погодите, куда васъ несетъ?

— А что?

— Обогнуть, чай, надо дорогу...

— А пёсъ велитъ намъ идти по ней?.. сказалъ дядя Сысой.

— А то какъ же?

— Что тутъ долго болтать... вотъ такъ все прямо и пойдемъ... полемъ, какъ разъ на рѣку выйдемъ...

— Э! полемъ! а рожь, не видишь?

— Э! рожь... Что, ребята, чего стали?

— Оно вѣстимо короче, дядя Сысой, полемъ-то, чай, выйдешь на забродное...

— Ну, такъ что?

— А овсы господскіе...

— Овсы господскіе! а какой лѣшій увидитъ насъ? день, что ли? ишь только свѣтаетъ. И много помнемъ мы, небось, овсовъ-то господскихъ... Да ну, ступайте, что ли!

— Пойдемте, братцы!

— Пойдемте!..

И всѣ четверо свернули съ дороги.

Дядя Сысой не ошибся; избранная имъ дорога сокращала путь по крайней мѣрѣ цѣлыми десятью минутами, что, впрочемъ, въ ожиданіи могарыча, не было бездѣлицей. Вскорѣ путники наши миновали барскій овесъ, разстилавшійся за нимъ ельникъ, и вышли на берегъ.

Солнце только что показалось изъ-за темныхъ горъ, ограждавшихъ противоположную сторону рѣки; ровная, тихая, какъ золотое зеркало, сверкала она въ крутыхъ берегахъ, покрытыхъ еще тѣнью, и развѣ гдѣ-гдѣ мелькали по ней, словно зазубрины, рыбачьи лодки, слегка окаймленныя огненными искрами восхода. Песчаный берегъ, по которому ступали мужички, незамѣтнымъ, ровнымъ почти склономъ погружался въ воду. Внизу, у самой подошвы его, возвышалась сѣрая высокая изба, обнесенная съ одной стороны плетнемъ, съ другой сушившимся бреднемъ. На дощатой, заплѣснѣвѣвшей кровлѣ этого зданія возносился длинный шестъ съ пучкомъ соломы и елка,

Digitized by Google

столь знакомая жителямъ Кузьминскаго и вообще всему околотку. Кругомъ по песку валялись безъ всякаго порядка обручи и торчали порожнія бочки, брошенныя, вѣроятно, хозяиномъ для просушки.

Несмотря на раннюю пору, передъ крылечкомъ зданія уже толкалось не мало народа, и товарищамъ дяди Сысоя надо было выждать прежде, нежели войти подъ гостепріимный кровъ.

Тутъ стояли мужики съ возами, мельники изъ сосѣднихъ деревень съ мукою и рожью, высовывались кое-гдѣ даже бабы; виденъ былъ и купчикъ съ своею бородкою, и коновалъ съ своими блестящими на ременномъ поясѣ доспѣхами, но болѣе всѣхъ бросался въ глаза долговязый рыжій понамарь съ его широкою шапкою, забрызганною восковыми крапинами, который, взгромоздившись Богъ вѣсть для чего на высокій возъ свой, выглядывалъ оттуда настоящею каланчою.

На порогѣ кабака находился самъ хозяинъ; это былъ дюжій, жирный мужчина съ черною, какъ смоль, бородою и волосами, одѣтый въ красную рубаху съ синими ластовицами и въ широкіе плисовые шаровары. Онъ безпрерывно заговаривалъ съ тѣмъ или другимъ, а иногда просто, подмигнувъ кому-нибудь въ толпѣ, покрикивалъ: „Эй, парень! а что жъ хлебнуть-то? ась?.. Э-ге-ге, братъ! да ты, какъ я вижу, алтынникъ!“

Григорій, дядя Сысой и другіе вошли, наконецъ, въ кабакъ и, не снимая шапокъ, какъ это принято въ такихъ мѣстахъ, усѣлись рядышкомъ въ углу на лавкѣ. Внутренность избы не представляла ничего особенно новаго и замѣчательнаго. Тотъ же порядокъ, какъ и во всѣхъ кабакахъ, усѣивающихъ большія и малыя дороги, пристани, базарныя сходки и прирѣчья обширной Россіи. Тѣ же закопченыя сосновыя бревна, та же печь исполинскаго размѣра съ полатями и выступами. Въ одномъ углу— бочка съ прицѣпленнымъ къ краю ковшомъ, въ другомъ— конторка, устроенная изъ досокъ, положенныхъ на козла; на ней штофы, полуштофы, косушки и стаканы, расположенные шеренгами съ необыкновенною симметріею, какъ-то странно бросающеюся въ глаза посреди окружающаго хлама и безпорядка. У самыхъ дверей на лавкѣ пыхтѣлъ и шипѣлъ неуклюжій самоваръ (сватъ Кирила также держалъ чай и закуску); подлѣ него подымалась цѣлая груда позеленѣвшихъ, поистертыхъ сухарей и баранокъ; —далѣе

Digitized by Google

тянулся косвенный, наподобіе бюро, прилавокъ, покрытый чашками, мисками и блюдами съ разною потребою для крестьянскаго брюха.

На безлюдье нельзя было жаловаться; мало того, что изба была полнымъ-полнешенька, въ дверяхъ безпрестанно появлялись новыя лица, такъ что самъ Кирила едва поспѣвалъ управляться.—„Маюкончику на гривенничекъ,—трое пьютъ!“ кричалъ мельникъ, вводя двухъ мужиковъ, купившихъ у него муки. — „Эй, дядя Кирила, давай перемѣну!“—„Аль рыбу-то поснѣдали? что больно скоро?“—„Малый, косушку!“—„Эй, цѣловальникъ! а цѣловальникъ! или Максимъ, что ли, какъ те звать! — полуштофъ на одного—вотъ и деньги“... Но Кирилѣ не въ диковинку были такія хлопоты; онъ не упускалъ даже случая перекинуться словомъ то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ гостей своихъ. — „Эй, Ванюха! что рыло-то не мочишь?.. полно тебѣ глазѣть по сторонамъ-то; спроси—дадутъ... чего прикорнулъ?“—Да что, братъ, денегъ нѣту. — „Ой ли? аль всѣ пропилъ?“—Пропилъ не пропилъ, а былъ грѣхъ!.. — „Давно ли? Вотъ то-то оно и вышло: мужикъ простоволосъ годъ не пьетъ, два не пьетъ, а какъ бѣсъ прорветъ, такъ и все пропьетъ!“ —Эй, Трифонъ, опохмелиться чай надо, — чего зѣваешь? коли алтынъ не хватаетъ, такъ муки чай привезъ?—„И то привезъ“.—Ну, давай ее сюда! Что будешь дѣлать? надо уважить кума... тащи!—„Да ты сколько даешь?“—Вѣстимо, ни твоей, ни своей души обижать не стану.—„А сколько?“—Ты пудъ, а я косушку.—„Э! косушку! что больно тороватъ?“ —Ну, не одну, такъ двѣ.—„Давай!“—Э! ге, ге, ге!.. Дороѳей, а Дороѳей! что, братъ, пріунылъ? аль кручина какая запала? — „Да что, братъ Кирила! бѣда прилучилась, за свою же кобылу приплатился“.—Какъ такъ?—„А вотъ какъ: увели у меня на прошлой недѣлѣ кобылу“. — Не гнѣдую ли?— „Нѣтъ, саврасую. Я и туда, и сюда,—и слѣдъ простылъ, что ты будешь дѣлать?.. Захожу къ свату Ивану, а тотъ и надоумилъ меня: ступай, говоритъ, въ Пурлово,—знаешь Пурлово? говоритъ онъ мнѣ, — это сватъ-то Иванъ говоритъ. Знаю, говорю, Пурлово, какъ не знать! — Ну, такъ коли знаешь, такъ ступай, отыщи тамъ Онисима-коновала; я знаю, говоритъ сватъ Иванъ: это его ребята балуютъ. — Что ты станешь дѣлать? бѣда, да и только; взялъ красную, прихожу. Ну, что? говоритъ.—Да вотъ, молъ, кобыла саврасая пропала; такъ не поможешь ли бѣдѣ?—Какъ не

Digitized by Google

помочь, говоритъ, ступай въ осинникъ на завалишинскій выгонъ, знаешь завалишинскій выгонъ?—Знаю, говорю.— Ну, когда такъ, такъ и кобылу свою найдешь: она тамъ траву вишь щиплетъ.—Отдалъ деньги, прихожу: и вправду стоитъ моя кобыла!.. Такъ вотъ какая прилучилась бѣда,— красную ни за что, ни про что отдалъ.—„О, братъ! добро еще красную, видали и больше; счастливъ, что дешево отбоярился“.—Такая, право, бѣда! Хорошо, что деньги были, а то просто и кобылу поминай, какъ звали... право ну!—„Что деньги, братъ, не боги, дядя Дороѳей, да видно много милуютъ“.

Каляканье не мѣшало, однако, нашимъ мужичкамъ пропускать чарку за чаркою; вскорѣ почувствовали они сами, что уже сильно нагрузились. Всего страннѣе въ этомъ дѣлѣ было то, что мирный и тихій Ѳедосъ проявилъ такую прыть и смѣлость, что многихъ трудовъ стоило Григорію и Сысою удержать его, чтобъ онъ не вцѣпился въ бороду долговязому понамарю, къ которому получилъ онъ, ни съ того ни съ сего, непреодолимую ненависть. Наконецъ, кое-какъ угомонили они его и уложили подъ навѣсомъ подлѣ Петрухи, давно заснувшаго сномъ богатырскимъ. Расплатившись, какъ слѣдуетъ, наши пріятели (я говорю: пріятели, ибо дядя Сысой и Григорій шли теперь обнявшись крѣпко-накрѣпко и не переставали лобызать другъ друга въ усъ и бороду) вышли изъ кабака и, какъ ни покачивались на стороны, благополучно достигли дороги. Неизвѣстно, о чемъ толковали они; разумѣется, много было всякихъ сердечныхъ изліяній какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Дядя Сысой и Григорій пойдутъ-пойдутъ, да и остановятся,— остановятся, да обнимутся.— „Во какъ люблю, Гриша!.. Ей-Бо... право“...— Больно ты мнѣ полюбился, дядя Сысой... Во... те... Христ... и опять продолжаютъ путь тѣмъ же порядкомъ.

Но счастіе скоротечно; вскорѣ очутились они посреди улицы и волею-неволею должны были разстаться.

Нерѣдко попадаются дни въ жизни человѣка, которые какъ бы исключительно пользуются правомъ надѣлять его непріятностями и неудачами. Точно такой же день, должно быть, палъ на долю Григорью, ибо не успѣлъ онъ отворить ворота, какъ уже непріятно былъ пораженъ крикомъ и бранью, раздававшимися у него въ домѣ. Григорій остановился, обтеръ рукавомъ потъ, канавшій съ лица, и сталъ прислушиваться; такъ! голосили Дарья и

Digitized by Google

Василиса, но на кого?—Богъ ихъ вѣдаетъ!— Онъ поднялся по шаткому крылечку, выходившему на дворъ, и вступилъ въ избу. Василиса и Дарья стояли, каждая по концамъ стола, съ поднятыми кулаками; передъ ними близъ окна сидѣла Акулина; она, казалось, не старалась скрывать своего горя и, закрывъ лицо руками, рыдала на всю избу... Слезы ручьями струились между сухощавыми, грязными ея пальцами. Зрителемъ этой сцены была старуха, мать Григорія; свѣсивъ съ печи сѣдую голову, какъ-то безсмысленно глядѣла она на все, происходившее передъ ея глазами.

— Чего горланите?.. Что еще?—ну?.. закричалъ Григорій, бросая съ сердцемъ кушакъ и шапку наземь.

— Да, то же, что вотъ навязалъ намъ на старости лѣтъ дьявола... Поditка самъ теперь и ломайся съ нимъ! отвѣчала Василиса, указывая костлявою своею рукою на Акулину.

— Да, подхватила Дарья, вся дрожа отъ злобы, — не боюсь, и руки-то понадсодишь—сунься только...

— Покою не даетъ, проклятая, продолжала Василиса,— воетъ знай себѣ на всю избу. Послали было за хворостиной печь истопить, прошляндала безъ малаго все утро... велѣли хлѣбы замѣсить—куды-те!.. ничего не смыслитъ— голоситъ себѣ, да еще: пойду, говоритъ, къ барину...

Василисѣ и Дарьѣ, по извѣстнымъ причинамъ, болѣе, нежели остальной роднѣ, ненавистна была женитьба Григорія; тетки, какъ видно изъ словъ ихъ, рѣшились даже прибѣгать въ иныхъ случаяхъ къ клеветѣ, чтобъ только навлекать на Акулину гнѣвъ мужа, парня, какъ вѣдали онѣ, крутого и буйнаго.

— Да, подхватила Дарья, приступая къ племяннику,— къ барину, говоритъ, пойду... онъ, говоритъ...

Но Григорію и этого было довольно; онъ оттолкнулъ тетку и подошелъ къ женѣ.

— Что, окаянная? произнесъ хмельной Григорій, страшно поваживая очами,— что? артачиться еще вздумала, а?

— Да, какъ бы не такъ! голосила Василиса, — много возьмешь словами.

— Вѣстимо, что ей даешь потачку... развѣ не видишь, она съ умысломъ воетъ? думаетъ: услышитъ...

— Э! толковать еще тутъ! бормоталъ сквозь зубы Григорій, хватая Акулину за волосы и повергая ее однимъ движеніемъ руки на полъ...

Digitized by Google

— Вотъ такъ-то! сказала Дарья. — Да здѣсь не замай ее, Гриша; стащи лучше въ сѣни... неравно еще горшки побьешь...

Бѣшенство, казалось, обуяло Григорія; тутъ все разомъ завозилось въ головѣ его: и неволя, съ которою онъ женился, и постороннія непріятности, и хмель, происшествіе утра,—кровь путала его; сначала долго возилъ онъ бѣдную женщину взадъ и впередъ по избѣ, самъ не замѣчая, что безпрерывно стукался по угламъ и прилавкамъ, и, наконецъ, потащилъ ее вонъ...

— Эй, черти! послышалось тогда въ сѣничкахъ,—чего расходились? Эй! Григорій, Гришка, а Гришка! произнесъ тѣмъ же голосомъ сѣдой какъ лунь мужикъ, входя въ избу. — Э! э! э!.. эхва! какъ рано пошло размирье-то! вчера свадьбу играли, а сегодня, глядишь, и побои... эхва!.. Что?.. аль балуетъ?.. пѣстуй, пѣстуй ее, пусть-де знаетъ мужа; оно добро...

— Чего, лѣшій, надо?.. проваливай, проваливай... чортъ, дьяволъ, собака!..

Это обстоятельство, казалось, еще больше остервенило Григорія, и Богъ знаетъ, что̀ могло бы случиться съ Акулиною, если бъ въ ту самую минуту не раздалось въ дверяхъ звонкаго хохота и вслѣдъ затѣмъ не явился бы на порогѣ Никаноръ Никаноровичъ, барскій ловчій.

Василиса и Дарья мгновенно исчезли за печуркою; Григорій тотчасъ же выпрямился, стряхнулся и подошелъ къ нему.

— Добро здравствовать, Никаноръ Никанорычъ, произнесъ онъ,—зачѣмъ пожаловали?

— Охъ!.. дай, братъ, Христа ради, душеньку отвести... о!.. о!.. Ай-да молодые!.. чѣмъ бы цѣловаться, а они лупятъ другъ друга. Эхъ, вы, простой народецъ!.. хе, хе, хе...

— Балуется больно, Никаноръ Никанорычъ.

— И куды, кормилецъ ты нашъ, ломлива! и не вѣдаетъ Господь, что̀ за баба такая... сказала Василиса, показывая голову изъ своей прятки.

— Ну, ну... ну, а я вотъ что̀: баринъ васъ зачѣмъ-то спрашиваетъ... Эй, тётка!.. вынь-ка крыночку молочка,— смерть хочется... Не могу сказать зачѣмъ, а только приказалъ кликнуть вмѣстѣ съ женою... Что-жъ ты, тётка, коли молока нѣтъ, такъ простокваши давай—не скупись... ну!

Григорій бросился, сломя голову, вонъ изъ избы; тётка не замедлила послѣдовать его

Digitized by Google

Пока почетный гражданинъ барской дворни хлебалъ простоквашу, въ каморѣ и въ сѣняхъ происходила страшная суматоха.

— Зачѣмъ это баринъ-то кличетъ?

— Что такое прилучилось?..

— Эхъ, нелегкая его дергаетъ!..

— А вотъ что: хочетъ, видно, на молодыхъ поглядѣть...

— Что, что?.. Ну, ты... рожу-то всплесни водой...

— Рубаху-то новую вынь. Долго, что ли, чортова дочь, возиться станешь?.. У! какъ пойду...

— Гриша, я чай, полотенце надо для поклона?..

— Давай, тётка Дарья... хошь свое давай... Ишь, лѣшій! ничего не принесъ!..

— Вотъ ты покажи у меня только видъ какой, только поморщься... я съ те живой тогда сдеру шкуру...

— Все, что ли?

— Кажись, все...

— Ну, ступай!

Григорій и Акулина вышли изъ воротъ и вскорѣ очутились въ барской передней.

— Поздравляю васъ! сказалъ Иванъ Гавриловичъ, подходя къ молодымъ вмѣстѣ съ женою.—Поздравляю! Смотрите же, живите ладно, согласно, не ссорьтесь.

— Mon Dieu, qu'elle a l'air malheureuse!.. сказала барыня.

— Comment! vous ne saviez pas que chez eux la jeune mariée doit pleurer pendant une semaine? mais c'est de rigueur...

— Вотъ, возьмите, продолжалъ онъ, подавая Григорію бѣленькую бумажку,—это вамъ жалуетъ барыня... Мирно у меня жить, дружно... Ты во всемъ слушайся мужа своего... работай... Ну—Богъ съ вами, ступайте.

Дорогою молодые повстрѣчались съ Никаноромъ Никаноровичемъ.

— Зачѣмъ баринъ-то звалъ?

— Да вотъ пожаловалъ, вишь, денегъ...

— Покажи... Ахъ, ты чортъ этакой!.. Вашему, знать, брату, мужику, только и счастіе... Намъ, небось, никогда не перепадаетъ... Э! поди тутъ, разбери: иной и службой не выслужитъ, а то другой шуткой вышутитъ... А что, братъ, Григорій, вѣдь угостить надо, ей-Богу надо... Погоди, мы придемъ спрыснуть.

Digitized by Google

— Приходите.

— Сегодня и придемъ... а?..

— Ну, хоть сегодня... а что?

— Да завтра, чѣмъ свѣтъ, мы уѣзжаемъ въ Питеръ съ бариномъ; такъ тутъ не до того... Смотри же, жди насъ...

— Добро...

Утро и полдень протекли тихо и смирно въ избѣ Григорія, и если-бъ не визитъ Никанора Никаноровича и еще двухъ лакеевъ, которые подняли ввечеру изрядную суматоху, можно было бы сказать, что водворившаяся такъ внезапно тишина не прерывалась ни разу и въ остальную часть дня.

VIII.

Тяжелѣй горы,
Темнѣй полночи
Легла на сердце
Дума черная!

Кольцовъ.

Но семейство Силантія не могло прожить долѣе одного дня въ ладу и согласіи; знать ужъ подъ такою непокойною звѣздою родились почтенные члены, его составлявшіе. Съ слѣдующею же зарею пошли опять свалки да перепалки. Нечего и говорить, что Акулина была главнымъ ихъ предлогомъ. Трогательныя убѣжденія Ивана Гавриловича, при послѣднемъ свиданіи его съ Григоріемъ, казалось, произвели на послѣдняго то же дѣйствіе, что къ стѣнѣ горохъ,—ни болѣе, ни менѣе.

Но прежде, нежели приступлю къ дальнѣйшему описанію житья-бытья горемычной моей героини, не мѣшаетъ короче ознакомить читателя съ новой ея роднею. Это будетъ недолго; она состоитъ всего-на-все изъ четырехъ главныхъ лицъ: Дарьи, Василисы, старухи жены Силантія и Григорія. Первыя двѣ уже нѣкоторымъ образомъ извѣстны читателю изъ первой главы; прибавить нечего, развѣ то, что онѣ считались еще съ самыхъ незапамятныхъ временъ ехиднѣйшими дѣвками околотка.

Мать Григорія была не менѣе ихъ несносна, въ другомъ только отношеніи. Брюзгливая, хворая, она никому не давала покоя своими жалобами, слезами и безпрестаннымъ хныканьемъ; старуха вѣчно представляла изъ себя какую-то несчастную, обиженную, и не переставала плакаться на судьбу свою, хотя не имѣла къ тому никакого

Digitized by Google

повода. Она постоянно проводила время лежа на печкѣ; измѣняла своему положенію, залѣзая иногда въ самую печку, когда ужъ не въ мочь подступало къ поясницѣ. Въ этомъ, да въ оханьи состояла вся дѣятельность ея жизни. „Хоть бы прибралъ ее Господь... ну ее... всѣмъ тягость только; провались она совсѣмъ...“ говаривали частенько тётки; но Господь, видно, ихъ не слушалъ: старуха жила, наполняя попрежнему домъ жалобами и канюченьемъ.

Силантія не зачѣмъ присчитывать къ семьѣ; подобно бо́льшей части крестьянъ Ивана Гавриловича, онъ работалъ по оброку и являлся домой изъ Озерокъ, деревни въ тридцати верстахъ отъ Кузьминскаго, не иначе, какъ только въ большіе праздники или же въ дни торжественные, какъ-то: свадьбы, мірскія сходки, крестины и тому подобное. Остается, значитъ, сказать нѣсколько словъ о его сынѣ.

Григорій принадлежалъ сполна къ числу тѣхъ молодцовъ, которыхъ въ простонародьи именуютъ „забубенными головушками“. Статься можетъ, онъ не удостоился бы такого прозвища, если бъ судьбѣ угодно было надѣлить Силантія не однимъ дѣтищемъ, а цѣлою дюжиною.

Сызмала еще во всемъ давали ему потачку. Залѣзалъ ли Гришка въ сосѣдній огородъ, травилъ ли кошекъ, топилъ ли собакъ (утѣхи, къ которымъ съ первыхъ лѣтъ обнаруживалъ онъ большую склонность),—все сходило ему съ рукъ, какъ съ гуся вода: „Что̀ съ него взять?“ говорилъ Силантій.—„Малехонекъ еще, ничего не смыслитъ; побалуется, побалуется, да и перестанетъ...“ Если случалось сосѣду поймать парнишку въ какой-нибудь проказѣ и постегать его, Силантій тотчасъ же заводилъ съ сосѣдомъ ссору, брань, часто оканчивавшуюся дракой, не помышляя даже о томъ, происходило ли то въ глазахъ озорника-сына. „Скинь-ка шапку, да постучи-ка себя въ голову-то, не пуста-ль она“, твердили Силантію,—„что ты его добру-то не наставишь?.. Пёсъ ли въ немъ будетъ, коли такимъ вырастетъ“.—А тебѣ что? отвѣчалъ обыкновенно кузнецъ.—Знай своихъ; про то мое дѣло вѣдать, будетъ ли въ немъ прокъ; небось, не хуже твоихъ выйдетъ.—Шаловливость молодого парня могла бы, конечно, пройти съ лѣтами и не возбудить въ немъ болѣе дурныхъ наклонностей, если бъ къ зрѣлому возрасту не доконала его окончательно фабричная жизнь. Въ большихъ деревняхъ и селахъ средней Россіи, надѣленной, какъ

Digitized by Google

извѣстно, не слишкомъ-то плодородною почвою, мужики искони занимаются ткачествомъ. Занятіе это даетъ имъ возможность замѣнять иногда съ лихвою недоимки хлѣба и частые неурожаи.

Силантій, какъ оброчный крестьянинъ, а слѣдовательно наблюдавшій только за собственными своими барышами, почелъ выгоднѣйшимъ отослать сына въ сосѣднюю деревню на фабрику, а для обработки тощей, плохо удобренной земли своей нанялъ батрака.

Нѣтъ сомнѣнія, что Григорію было гораздо привольнѣе щелкать челнокомъ въ теплой, просторной избѣ, посреди многочисленнаго общества такихъ же, какъ и онъ, лихихъ ребятъ, чѣмъ тащиться въ зной и дождь за тяжелою сохою. Дѣло, однако, въ томъ, что пролетныя эти головушки развили въ немъ окончательно дурныя сѣмена, посѣянныя еще смолоду. Вскорѣ Григорій не замедлилъ отличиться въ разныхъ продѣлкахъ, стоившихъ ему не разъ прогулокъ къ становому и управляющему. Одна изъ такихъ продѣлокъ достойна даже особеннаго замѣчанія. Разъ какъ-то Григорій и другой фабричный повстрѣчались на дорогѣ съ огородникомъ, везшимъ на базаръ арбузы. Огородникъ спалъ мертвецки на своемъ возу. Молодцамъ приглянулся такой случай истинною находкою. Они смекнули поживу и не долго затруднялись, какъ спроворить дѣло. Григорій мигомъ очутился подъ возомъ съ ножомъ въ рукахъ и принялся прорѣзывать отверстіе въ лубочномъ днѣ телѣги. Проползши такимъ образомъ на карачкахъ съ версту, онъ благополучно довершилъ зачатое предпріятіе. По мѣрѣ того, какъ арбузы сыпались одинъ за другимъ, товарищъ Григорія скатывалъ ихъ въ небольшую лощинку, огибавшую дорогу. Бѣдный огородникъ, должно быть, хлебнулъ лишнее, ибо спалъ такъ крѣпко, что доѣхалъ до базара, не замѣтивъ пропажи. Между тѣмъ, молодцы успѣли притащить изъ села телѣгу, навьючить на нее добычу и тронуться въ путь. Они не откладывали дѣлъ своихъ въ долгій ящикъ, и потому рѣшили немедленно ѣхать на базаръ, не сообразивъ въ первомъ пылу удачи, что такая поспѣшность могла какъ разъ накликать имъ бѣду. Такъ и случилось. Григорій наткнулся на мужичковъ Кузьминскаго; пошли толки, намёки, пересуды; каждому казался товаръ подозрительнымъ. Въ Кузьминскомъ не было огородовъ. Тутъ, какъ на бѣду, пронеслись слухи, что обокрали на дорогѣ огородника;

Digitized by Google

вскорѣ самъ онъ явился налицо. Тотчасъ и свѣдали дѣло. Молодцовъ схватили, скрутили по рукамъ и по ногамъ и повели къ засѣдателю, присутствующему на базарѣ для наблюденія порядка; засѣдатель, отпотчивавъ, какъ водится, добрымъ порядкомъ, отправилъ ихъ къ становому. Невѣдомо, что произошло у послѣдняго; достовѣрно только то, что изъ рукъ его такъ же трудно выпутаться, какъ изъ рукъ перваго. Пришлось поплатиться спиною.

Ко всѣмъ дурнымъ наклонностямъ, которыми такъ щедро снабдила Григорія фабричная жизнь, она поселила въ немъ еще расположеніе къ ерофеичу—средству, безъ котораго никакъ не обходится простолюдинъ, успѣвшій уже нащупать въ сапогахъ своихъ лишніе гроши. Словомъ, Григорій былъ изрядным негодяемъ, когда отецъ вызвалъ его на пашню. Не понаторѣвшись смолоду въ трудностяхъ полевыхъ работъ, бывъ притомъ лѣнтяемъ по натурѣ, Григорій вышелъ никуда негоднымъ мужикомъ. „Не покой пашни, коли мужикъ оставилъ пашни“, говоритъ пословица; и дѣйствительно, вмѣсто пользы, принесъ онъ въ домъ одно размирье, ибо только и дѣлалъ, что ссорился да ругался съ матерью и тетками.

Акулина, переступивъ изъ дома скотницы Домны въ семью кузнеца, попала, какъ говорится, изъ огня да въ полымя. Есть люди, которымъ какъ бы предназначено судьбою цѣлую жизнь мыкать горе. Мы уже видѣли, что бѣдная женщина сильно не приходилась по нраву новой роднѣ своей; неволя, съ какою попала она замужъ за Григорія, имѣвшаго въ виду другую, богатую, „здоровенную“ бабу, была одною изъ главныхъ причинъ всеобщей къ ней ненависти. А вѣдь стоитъ только запасть въ душу человѣка невѣжественнаго предубѣжденію, стоитъ только разъ напитаться ей злобою,—и уже ничѣмъ, никакими доводами и убѣжденіями, никакими силами не вытеребишь ихъ оттуда. И сострадательность, и всякое другое побужденіе пошло тогда къ чорту: все черствѣетъ въ ней и притупляется; овладѣвшее ею разъ чувство какъ бы все болѣе и болѣе укрѣпляется и, укрѣпляясь, глушитъ въ ней остальное. Первый день замужества Акулины, казалось, вполнѣ выразилъ всю ея жизнь, все, что ожидало ее въ будущемъ. Хотя такіе побыты и доходили до сосѣдей, но никто, однако, не обнаруживалъ явнаго къ ней участія; каждый изъ нихъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что, правда, худо бабѣ у мужа, а какъ безъ мужа, такъ и того было бы хуже.

Digitized by Google

Зато вся деревня единодушно далась диву, когда пронесся слухъ, что Акулина, вмѣсто того, чтобъ умереть родами (чего ожидали сосѣдки, вѣдавшія домашнее житье-бытье ея), родила Григорію дочку, да еще, какъ разсказывалъ понамарь, такую крѣпенькую, что самъ батюшка на крестинахъ не мало нахвалился.

Если ужъ младенецъ такъ приглянулся попу и понамарю, то чѣмъ же долженъ былъ онъ казаться бѣдной матери? Акулина какъ бы ожила; что-то похожее даже на радость мелькнуло въ глазахъ, знавшихъ прежде однѣ только слезы, и на печальномъ лицѣ ея показалась небывалая дотолѣ улыбка. Она не обращала уже теперь никакого вниманія на оскорбленія Василисы и Дарьи; ей нипочемъ были и побои Григорья, и распри всего семейства. Все, что вложено было въ ней чувства, все сосредоточивалось на миломъ ея младенцѣ, — далѣе она ничего не видѣла, ко всему казалась равнодушною, безчувственною. Но это-то равнодушіе и запропастило въ конецъ голову бѣдной бабы. Григорій не могъ сносить его. Онъ приходилъ въ бѣшенство, видя, что слова и побои не дѣйствовали болѣе на робкую и покорную жену; словомъ, жизнь Акулины стала еще хуже прежней.

Встрѣчаются иногда люди съ характеромъ кроткимъ и нѣжнымъ въ такой степени, что существованіе ихъ кажется какъ-то неполнымъ, неопредѣленнымъ, врядъ ли способнымъ даже проявиться безъ подпоры или вліянія другого, болѣе мощнаго и твердаго характера. Имъ не чужды самыя сильныя страсти, порывы самые пламенные и энергическіе; но все это закрыто въ нихъ подъ непроницаемою пеленою какой-то робости и застѣнчивости, которая мѣшаетъ имъ выказываться наружу и только глушитъ ихъ. Оба эти чувства у иныхъ такъ сильны, что ни воспитаніе, ни положеніе въ обществѣ, ни даже самое общество не въ состояніи ихъ исторгнуть. Жизнь такого рода людей можетъ пройти, не взирая ни на какія обстоятельства, такъ же тихо и спокойно, какъ песокъ стеклянныхъ часовъ. Все способенъ вынести и претерпѣть такой человѣкъ; терпѣніе и смиреніе кажутся его удѣломъ, его назначеніемъ.

Но являются случаи, гдѣ то же самое робкое существо, повидимому, лишенное воли и силы, проявляетъ вдругъ твердость воли, какою одарены только рѣдкія, на диво сплоченныя натуры. Такъ бываетъ, когда доведутъ до

Digitized by Google

предѣла вложенныя ему въ душу кротость и терпѣніе. Всѣ силы, тратившіяся понемногу на пути жизни, оставшись въ немъ непочатыми, нетронутыми, какъ бы заодно пробуждаются тогда и возстаютъ всею своею массою.

Акулинѣ пришло не въ мочь терпѣть долѣе. Видя, что ни покорность, ни труды, ни смиреніе—ничто не дѣйствовало, она рѣшилась идти наперекоръ не только мужу, но даже всей роднѣ своей, передъ которой незадолго еще такъ трепетала. Замѣтивъ, что злоба ихъ усилилась отъ равнодушія, съ какимъ старалась она выносить ее, Акулина употребила все свое стараніе, чтобъ казаться еще спокойнѣе и равнодушнѣе. Мало того: она дала себѣ клятвенное обѣщаніе хранить молчаніе со всѣми домашними, и никогда ни въ какомъ случаѣ, хотя бы такая рѣшимость могла стоить ей жизни, не произносить передъ ними ни единаго слова. Она какъ бы вдругъ онѣмѣла.

IX.

Ахъ, не жаль-то мнѣ роду, племени,
Не жаль-то мнѣ родимой сторонушки:
Мнѣ жаль-то малое дитятко;
Останется дитятко, малешенько,
Малешенько дитятко, глупешенько.
Натерпится холода и голода.

Русская пѣсня.

Ахъ, ты гнутое деревцо, черемушка,
Куда клонишься, туда склонишься!

Тоже.

Прошло четыре года...

Кому бы случилось видѣть Акулину прежде, въ первые дни ея замужества, тотъ, конечно, нашелъ бы въ ней, по прошествіи этихъ четырехъ лѣтъ, большую перемѣну. Иной врядъ ли даже могъ бы узнать ее. Она казалась состарѣвшеюся цѣлыми десятью годами. Оставалась только сухая, отцвѣтшая кожа да страшно выглядывавшія кости. Блѣдное лицо, изнуренное тяжкою жизнью и безвременьемъ, покрылось морщинами; скулы сильно выступили подъ мутными, впалыми глазами, и вообще по всей физіономіи проскальзывала какая-то ноющая, неотразимая грусть, виднѣлось что-то столь печальное и унылое, что нельзя почти было отыскать въ ней и тѣни былого. Поступь ея стала медленна; идучи, она безпрерывно останавливалась, прикладывала тощую свою руку къ груди, и вслѣдъ за

Digitized by Google

тѣмъ слышался тяжелый, жестокій, долго непрерывавшійся кашель. Она видимо чахла.

Съ нѣкоторыхъ поръ чаще стали посылать Акулину на рѣку, выбирая для этого, какъ бы невзначай, сырую и ненастную погоду; замѣтно сваливались на нее самыя трудныя и утомительныя хозяйственныя работы; при всемъ томъ, Василиса и Дарья не упускали случая раззадоривать Григорія разными побытами, зная напередъ, что злоба его неминуемо должна была вымещаться на плечахъ безотвѣтной Акулины. Послѣднее обстоятельство было тѣмъ менѣе затруднительно для тетокъ, что Григорій, выпивавшій прежде стаканъ-другой безъ всякаго позыва, такъ только, ради компанства, успѣлъ въ эти четыре года уже свыкнуться, сдружиться окончательно съ ерофеичемъ,—пилъ мертвую и частехонько бывалъ пьянъ какъ стелька. Утѣшительная сторона всего этого была, по крайней мѣрѣ, та, что старанія тетокъ оказались не безполезными. Акулина занемогла не на шутку. Въ первое время, врядъ ли даже предстояла ей надежда отдѣлаться отъ смерти.

Разсказывать обстоятельно все то, что̀ претерпѣла она въ продолженіе болѣзни, по-моему лишнее: читателю и безъ того легко смекнуть, каково ей было лежать въ душной каморѣ подъ неутомимымъ надзоромъ и ухаживаніемъ Василисы и Дарьи.

Неизвѣстно какъ, откуда и чрезъ какія добродѣтельныя уста, но только состояніе Акулины вскорѣ дошло до слуха жены управляющаго. Къ счастію, послѣдняя была женщина добрая, простая; она поспѣшила къ ней на помощь.

Слѣдствіемъ ли лѣкарственныхъ разныхъ снадобій, которыми поили больную, или просто помогла сама натура, но Акулинѣ стало, однако, гораздо легче. Мало-по-малу, она начала даже поправляться, къ несказанной досадѣ домашнихъ, желавшихъ ей отъ всей души царствія небеснаго и иной лучшей жизни. Имъ вѣдомо было болѣе, нежели кому другому, все, что̀ терпѣла горемыка на бѣломъ свѣтѣ. Сострадательность ихъ не замедлила вскорѣ обнаружиться въ полной своей силѣ. Распространяться не стану, ограничусь описаніемъ одного случая, который выразитъ нетерпѣливость тетокъ надѣлить племянницу лучшею долею, въ чемъ, какъ увидитъ читтаель, онѣ вполнѣ успѣли.

Акулина не одумалась еще послѣ болѣзни и находи-

Digitized by Google

лась въ томъ неопредѣленномъ состояніи, когда самъ врачъ не можетъ рѣшить: жизнь или смерть сулитъ судьба паціенту. Она едва передвигала ноги.

Осень, или, какъ выражаются въ простонародьи, листопадъ, приближался на пѣгой своей кобылѣ къ концу. Деревья обнажились. Мѣстами по улицѣ и дворамъ сверкала гололедица; воздухъ становился сухъ и холоденъ.

Въ такой-то день, послѣ обѣденнаго времени, къ Григорью явился староста. По очереди слѣдовало кому-нибудь изъ домашнихъ его идти досушивать чечевицу,—ибо подступила пора сѣять.

Въ выборѣ затруднялись недолго; что̀ думать: Акулина и такъ провалялась цѣлые два мѣсяца; къ тому же, Василиса и Дарья формально объявили, что имъ недосугъ, что и безъ того работаютъ за всѣхъ, и не пойдутъ,—приходи хоть самъ управляющій. Перекорять теткамъ было дѣло мудреное, притомъ отнюдь не касалось старосты: ему все одно, тотъ ли, другой ли, — былъ бы исполненъ наказъ, а тамъ пусть себѣ требесятъ бабы сколько имъ взгодно; въ домашніе дрязги никому входить не приходится.

Акулина молча поплелась вонъ изъ избы вмѣстѣ съ маленькою своею Дунькою. Никогда, ни въ какомъ случаѣ не разлучалась съ нею Акулина. Самъ ребенокъ, казалось, искалъ этого: гдѣ только ни встрѣчалась мать, тамъ ужъ непремѣнно виднѣлась и дочка. Стояла ли стужа, шелъ ли дождь, пекло ли солнце—всюду тащилась дѣвчонка, цѣпляясь то съ той, то съ другой стороны за поняву матери. И такъ, взявъ Дуньку за руку (она не въ силахъ еще была поднять ее на руки, какъ имѣла обыкновеніе), Акулина вступила на просторный дворъ и усѣлась передъ цыновками, на которыхъ сушилась чечевица.

Но не въ добрый, знать, часъ вышла хозяйка Григорія. Началось съ того, что она упустила изъ вида курицу, забѣжавшую на одну изъ цыновокъ, и управляющій, проходившій въ то время мимо, загнулъ ей крѣпкое словцо; потомъ стряхнулось на нее и другое горе: она почувствовала вдругъ, что не можетъ шевельнуться, ибо всѣ члены и особенно ноги тряслись, какъ въ лихорадкѣ, отъ прохватившей ихъ насквозь стужи.

Акулина поспѣшила закутать въ дырявый жупанъ Дуньку и усадить ее такъ, чтобъ не застудился младенецъ; сама же кой-какъ ср[illegible]ми подъ поняву да

Digitized by Google

прикуталась въ сорочку: другого одѣянія на ней не было (она никогда не имѣла кожуха или тепленькаго овчиннаго тулупчика). И то даже, въ чемъ вышла она, глядѣло какъ-то непригоже: всюду и на спинѣ, и на плечахъ виднѣлись прорѣхи, которыя то и дѣло ощеливали кость да посинѣвшее отъ холода тѣло.

Увѣрившись еще разъ въ томъ, что Дуньку не прошибала дрожь, Акулина принялась глядѣть на дворъ.

Но печальная картина разстилалась передъ нею.

Дощатый заборъ, ограждавшій почти весь дворъ, мѣстами покривился на бокъ, мѣстами совсѣмъ повалился и выказывалъ то поблекшій кустарникъ, то потемнѣвшія купы полыни съ отощавшими стеблями и верхушками; съ одной стороны тянулся непрерывный рядъ сизыхъ, однообразныхъ амбаровъ и конюшенъ съ высокими кровлями, осѣненными круглыми окнами, изъ которыхъ торчало хлопьями сѣрое дикое сѣно. Далѣе возносились надъ заборомъ скирды убраннаго хлѣба, покрытые блѣдною соломой; между ровными ихъ рядами виднѣлась рѣчка какого-то синяго, мутнаго цвѣта, за нею стлалось неоглядное, словно пустырь, поле; на немъ ни сохи, ни птицы,— чернѣла одна только гладко взбороненная почва. Остальную часть двора занимали барскій садъ и палисадникъ съ выглядывавшими изъ-за нихъ бельведерами и крышками флигелей. Листья съ деревъ осыпались и темными грудами лежали въ аллеяхъ и близъ ограды. Кое-гдѣ мелькала развѣ березка съ сохранившеюся на ней зеленью, казавшеюся издалека какъ бы забрызганной золотистою рыжеватою охрою. Сучья, стволы растеній, кровли и всѣ окрестные предметы какъ-то рѣзко, бойко вырѣзывались на блѣдномъ, почти бѣломъ небѣ, что придавало картинѣ видъ холодный и суровый. Воздухъ былъ неподвиженъ, сухъ и прохватывалъ члены нестерпимымъознобомъ.

Время отъ времени раздумье Акулины прерывалось, проходящими мимо, конюхомъ или дворовою бабою; застывшая земля издавала какой-то металлическій звукъ подъ ихъ стопами, и далеко отдавались шаги въ опустѣвшемъ пространствѣ. Иной разъ она поднимала голову и смотрѣла пристально въ ясное, блѣдное небо; тамъ, въ безпредѣльной вышинѣ, проносились къ востоку длинныя вереницы дикихъ журавлей и жалобнымъ, чуть внятнымъ крикомъ своимъ возмущали на мигъ безжизненность, всюду

Digitized by Google

царствовавшую. Невѣдомо, какія мысли занимали тогда Акулину; сердце не лукошко, не прошибешь окошко, говоритъ русская пословица. Она недвижно сидѣла на своемъ мѣстѣ, по временамъ вздрагивала, тяжело, тяжело покашливала, да поглядывала на свою дочку, — и только... Впрочемъ, изъ этого слѣдуетъ, что бабѣ было холодно, что болѣла у нея слабая грудь, а наконецъ и то, что ее безпокоило состояніе собственнаго ребенка,—чувство весьма обыкновенное, понятное каждому.

Раздумье Акулины было внезапно прервано чьимъ-то знакомымъ голосомъ; она обернулась.

Передъ нею стояла жена управляющаго.

— Какъ! Акулина! сказала она съ замѣтнымъ удивленіемъ.—Зачѣмъ ты здѣсь?.. вѣдь я же говорила твоимъ, чтобъ не выпускать тебя раньше трехъ недѣль... Какъ это можно!.. Кто послалъ тебя?..

— Староста...

— Староста! Ахъ, онъ бездѣльникъ!.. да чего же смотрѣли твои-то?.. а? Мужа развѣ не было дома?..

Акулина молчала.

Жена управляющаго повторила вопросъ.

Акулина не прерывала молчанія.

— Развѣ ты чувствуешь себя лучше?.. Ну, что? гдѣ теперь болитъ?

— Тутъ... все тутъ, произнесла хрипло Акулина, прикладывая окоченѣвшіе пальцы къ тощей, посинѣвшей груди своей; вслѣдъ за тѣмъ послышался длинный, прерывистый кашель.

— Ай, ай!.. нѣтъ, нѣтъ, сиди-ка дома. Какъ это можно! говорила жена управляющаго, глядя на Акулину пристально и съ какимъ-то жалостнымъ выраженіемъ въ лицѣ. — А! да какая у тебя тутъ хорошенькая дѣвочка! продолжала она, указывая на Дуньку и думая тѣмъ развеселить больную,—она, кажись, дочка тебѣ?.. То-то; молика лучше Бога, чтобъ далъ тебѣ здоровье, да сохранилъ тебя для нея... Вишь славненькая какая, просто чудо!..

Она подошла къ ребенку и погладила его по головѣ.

Рыданіе, раздирающее, ужасное, вырвалось тогда изъ груди Акулины; слезы градомъ брызнули изъ погасавшихъ очей ея и она упала въ ноги доброй барыни...

— Что ты?.. что ты?.. что съ тобою?.. говорила та, силясь приподнять бабу.—Успокойся, милая! о чемъ кручиниться?.. Богъ дастъ, здорова будешь... перестань...

Google

— Матушка!.. матушка... ты... вѣдь ты одна... одна приголубила мою сиротку... И она снова повалилась въ ноги доброй барыни. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Жена управляющаго каждодневно навѣдывалась въ избу Григорія. Истинно-добрая женщина эта употребляла всѣ свои силы, всѣ свои слабыя познанія въ медицинѣ, чтобъ только помочь Акулинѣ. Она не жалѣла времени. Но было уже поздно: ничего не помогало. Больной часъ-отъ-часу становилось хуже да хуже.

Наступившая зима, морозы, растворяемыя безпрерывно на холодъ двери, противъ которыхъ лежала Акулина, сильно къ тому способствовали. Наконецъ ей совсѣмъ стало не въ мочь. Григорій сходилъ за попомъ. Послѣ обычнаго обряда, отецъ Петръ объявилъ присутствующимъ, что Божьей воли не пересилить, а больной врядъ ли оставалось пережить ночь. Ее такъ и оставили.

Въ избѣ смеркалось. Кругомъ все было тихо; извнѣ слышались иногда трескъ мороза да отдаленный лай собаки. Деревня засыпала... Василиса и Дарья молча сидѣли близъ печки; Григорій лежалъ развалившись на скамьѣ. Въ углу противъ него покоилась Акулина; близъ нея, свернувшись комочкомъ, спала Дунька. Стоны больной, смолкнувшіе на время, вдругъ прервали воцарившуюся тишину. Вздули огня и подошли къ ней.

— Что тебѣ?.. аль прихватило?.. сказала Дарья.

Но Акулина ничего не отвѣчала и только вперила угасавшія очи на мужа; долго смотрѣла она на него и наконецъ произнесла прерывающимся голосомъ: „Григорій“... Василиса и Дарья перемигнулись и вышли на дворъ.

— Ну, что?.. отвѣчалъ тотъ, подходя ближе къ женѣ...

— Григорій!.. продолжала Акулина тѣмъ же замирающимъ голосомъ,—Григорій... Григорій... у нея не хватало силъ сказать больше.

— Ну, слышу; что же надо?

Она положила руку на спавшаго возлѣ нея ребенка и произнесла протяжно:

— Не бей... ея... не бей... за что!?

Видно было, что она хотѣла что-то еще сказать, но рѣчь ея стала уже мѣшаться и вышла нескладна; мало-по-малу звуки ея голоса слабѣли, слабѣ[illegible]мъ стихли; смут-

Digitized by Google

ные, полуоткрытые глаза не сходили, однако, съ мужа и какъ бы силились договорить все остальное; наконецъ и тѣ начали смежаться... Григорій взглянулъ на нее еще разъ, потомъ подошелъ къ полатямъ, снялъ съ шеста кожухъ, набросилъ его на плечи и вышелъ изъ избы.

Дарья и Василиса попались ему въ сѣничкахъ.

— Ну, что? произнесли тетки почти въ одно и то же время.

— Отходитъ, отвѣчалъ Григорій, натягивая узкій рукавъ на мощную свою руку.

Когда онѣ вступили въ избу, Акулины уже не было на свѣтѣ.

На другой день, рано утромъ, отецъ Петръ явился къ Григорію въ сопровожденіи дьячка, чтобъ совершить панихиду надъ грѣшнымъ тѣломъ жены его. Когда панихида была окончена, тѣло Акулины снесли въ каморку, гдѣ назначено ему было пролежать еще до похоронъ.

...Вьюга не утихала; рѣзкій морозный вѣтеръ не переставалъ наметывать груды снѣга и, казалось, еще усиливался съ каждымъ часомъ; но Григорію нипочемъ была стужа и вьялица: онъ никакъ не соглашался отложить похоронъ. Не мало твердили ему домашніе: „Выжди немного; ишь какая посыпала погода, зги не видно. Эй, въ сугробѣ засядешь!..“ Григорій не слушался и норовилъ лишь, какъ бы скорѣе спровадить покойницу. По колѣни въ снѣгу, онъ уже припрягалъ тощую клячу въ оглоблямъ розвальней, на которыхъ лежалъ длинный, живьемъ сколоченный гробъ Акулины. Василиса и Дарья глядѣли съ крылечка на его приготовленія. Изъ избы слышались время отъ времени чьи-то стоны и вопли...

— Что не уймете пострѣла-то? сказалъ наконецъ Григорій,—ишь какъ воетъ...

— И то въ каморку заперли, не унимается, отвѣчала Дарья...

Когда все было готово, кляча взнуздана, а гробъ привязанъ веревками къ розвальнямъ, Григорій замоталъ поводья къ перекладинѣ навѣса и поплелся въ избу. Вступивъ въ нее, онъ снялъ съ полки небольшой штофъ, заткнутый грязною ветошью, и принялся цѣдить изъ него себѣ въ горло; натянувшись вдоволь, онъ поспѣшилъ возвратиться къ дѣлу.

— Что ты, Гриша, пораскраснѣлся? замѣтила Василиса, не покидавшая съ сестрою прежняго своего мѣста,—выпилъ что ли для куража?..

Digitized by Google

— Маленько было, отвѣчалъ тотъ,—ну, отворяйте же ворота...

Онъ приладился на край гроба, нахлобучивъ на глаза шапку, гаркнулъ: „эй вы, поваливай!!“ махнулъ вожжами и понесся по улицѣ.

Вьюга злилась попрежнему, дорогу заметало, цѣлыя горы снѣга разсыпались ему на голову. Григорій, ошеломленный виномъ, ни на что не обращалъ вниманія и зналъ только хлесталъ и стегалъ несчастную свою клячу, которая то и дѣло вязла въ оврагахъ... Вдругъ, посреди завыванія вѣтра и шума мятелицы, ему послышались крики; онъ оглянулся: въ мутныхъ волнахъ, между сугробами бѣжала сломя голову Дунька. Григорій приподнялся на облучкѣ и погрозилъ ей. „Пошла, пострѣлъ, домой... пошла домой!.. замерзнешь! пошла домой!“ кричалъ онъ, принимаясь съ бо̀льшимъ еще остервенѣніемъ колотить свою клячу. Хмель, благо морозно было, успѣлъ ужъ обуять его; удары сыпались за ударами, лошадь несла его во всю мочь; изрѣдка оборачивался Григорій назадъ... „Пошла домой, пострѣлъ!.. пошла домой!“ горланилъ онъ; но ребенокъ не переставалъ бѣжать за нимъ съ тѣмъ же крикомъ и воплемъ. „Пошла домой! вотъ я те... окаянную!“ продолжалъ отецъ. Дунька все бѣжала да бѣжала...

А вьюга, между тѣмъ, становилась все сильнѣе да сильнѣе; снѣжные вихри и ледяной вѣтеръ преслѣдовали младенца и забивались ему подъ худенькую его рубашонку и обдавали его посинѣвшія ножки, и повергали его въ сугробы... но онъ все бѣжалъ, все бѣжалъ... вьюга все усиливалась да усиливалась, вой вѣтра становился слышнѣе и слышнѣе; то взрывалъ онъ снѣжные хребты и яростно крутилъ ихъ въ замутившемся небѣ, то гналъ передъ собою необозримую тучу снѣга и, казалось, силился затопить въ немъ поля, лѣса и все Кузьминское со всѣми его жителями, амбарами, угодьями и господскими хоромами...

1846 г.

Digitized by Google

АНТОНЪ-ГОРЕМЫКА.

(повѣсть).

Живи, коли можется;
Помирай, коли хочется.
(Народная пословица).

I.

Дядя и племянникъ.

Въ самой глухой, отдаленной чащѣ „Троскинскаго" осинника работалъ мужикъ; онъ держалъ обѣими руками топоръ и рубилъ съ плеча высокіе кусты хвороста, глушившіе въ этомъ мѣстѣ лѣсъ непроходимою засѣкой. Наступала пора зимняя, холодная; мужикъ припасалъ топливо. Шагахъ въ пяти отъ него стояла высокая телѣга, припряженная къ сытенькой пѣгой кляченкѣ; поодаль, вправо, сквозь обнаженные сучья деревъ, виднѣлся полунагой мальчишка, карабкавшійся на вершину старой осины, увѣнчанную галочьими гнѣздами. Судя по опавшему лицу мужика, сгорбившейся спинѣ и потухшимъ сѣрымъ глазамъ, смѣло можно было дать ему 50 или даже 55 лѣтъ отъ роду; онъ былъ высокъ ростомъ, бѣденъ грудью, сухощавъ, съ рѣдкою блѣдно-желтою бородою, въ которой нерѣдко проглядывала сѣдина, и такими же волосами. Одежда на немъ соотвѣтствовала какъ нельзя болѣе его наружности: все было до крайности дрябло и ветхо, отъ низенькой мѣховой шапки до коротенькаго овчиннаго полушубка, подпоясаннаго лыковой тесьмою. Стужа была сильная; несмотря на то, потъ обильными ручьями катился по лицу мужика; работа, казалось, приходилась ему по сердцу.

Digitized by Google

Кругомъ въ лѣсу царствовала тишина мертвая; на всемъ лежала печать глубокой, суровой осени: листья съ деревъ попадали и влажными грудами устилали застывавшую землю; всюду чернѣлись голые стволы деревъ, мѣстами выглядывали изъ-за нихъ красноватые кусты вербы и жимолости. Въ сторонѣ, яма съ стоячею водою покрывалась изумрудною плѣсенью: по ней уже не скользилъ водяной паукъ, не отдавалось кваканья зеленой лягушки; торчали одни лишь мшистые сучья, облѣпленные слизистою тиной, и гнилой, недавно свалившійся стволъ березы, перепутанный поблекшимъ лопушникомъ и длинными косматыми травами. Вдалекѣ, ни птичьяго голоска, ни пѣсни возвращающагося съ пашни батрака, ни блеянія пасущагося на пару стада; кромѣ однообразнаго стука топора нашего мужичка ничто не возмущало спокойствія печальнаго лѣса.

...Время отъ времени за лѣсомъ подымался пронзительный вой вѣтра; онъ рвался съ какимъ-то свирѣпымъ отчаяніемъ по замирающимъ полямъ, гудѣлъ въ глубокихъ колеяхъ проселка, подымалъ цѣлыя тучи листьевъ и сучьевъ, носилъ и крутилъ ихъ въ воздухѣ вмѣстѣ съ попадавшимися навстрѣчу галками и, взметнувшись, наконецъ, яростнымъ, шипящимъ вихремъ, ударялъ въ тощую грудь осинника... И мужикъ прерывалъ тогда работу. Онъ опускалъ топоръ и обращался къ мальчику, сидѣвшему на осинѣ:

— Эй, Ванюшка! ишь куда забрался! того и гляди вѣтромъ снесетъ, ступай на-земь!..

— Незамай, дядя Антонъ, откликался парнишка,—небось не снесетъ!

Дядя Антонъ, успокоенный каждый разъ такимъ увѣщаніемъ, бралъ топоръ, нахлобучивалъ поглубже на глаза шапку и снова принимался за работу. Такъ повторялось неоднократно, пока, наконецъ, возъ не наполнился до верху хворостомъ. Вниманіе мужика исключительно обратилось тогда къ племяннику; его упорное неповиновеніе какъ бы впервые пришло ему въ голову, и онъ не на шутку разсердился.

— Ахъ ты, баловень! закричалъ онъ, стукая обухомъ топора въ осину,—долго ли говорить тебѣ? слѣзай! вотъ я-те, озорника, поартачишься у меня, погоди!..

— А вотъ же не слѣзу, коли такъ, отвѣчалъ мальчуганъ, взбираясь все выше и выше.

Digitized by Google

— Не слѣзешь?.. ладно же, оставайся одинъ въ лѣсу, пусть-те ѣдятъ волки... проклятаго!..

Угроза, казалось, подѣйствовала на ребенка; онъ обхватилъ ручонками коренастый стволъ дерева, приготовляясь спуститься на-земь при первой попыткѣ дяди исполнить обѣщаніе.

— А бить станешь? вымолвилъ онъ, наклонивъ изъ-за вѣтки кудрявую свою головку и глядя пристально на дядю.

— Ну, ну, слѣзай, знай слѣзай...

— Взаправду, не станешь?..

— Говорятъ не стану, ступай скорѣй!

Ванюшка спустился сажени на двѣ и опять повисъ на сучкѣ.

— И на лошадь, дядя Антонъ, посадишь?

— Ладно, ладно, ступай только.

— Не обманешь?

— Экой пострѣлъ, прости Господи! говорю, посажу,— чего еще?

Послѣднее обстоятельство окончательно успокоило парнишку; съ быстротою и ловкостью бѣлки проскользнулъ онъ между верхними сучьями и въ одно мгновеніе ока очутился на землѣ подлѣ дяди.

Вскорѣ возъ, навьюченный красноватымъ и сизымъ хворостомъ, медленно выѣзжалъ изъ лѣсу, скрипя и покачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ бы изловчаясь сбросить съ себя при первомъ косогорѣ лишнюю тяжесть. Ванюшка сидѣлъ верхомъ на пѣгашкѣ; онъ былъ вполнѣ счастливъ. Русыя его кудряшки, развѣваясь по вѣтру, открывали поминутно круглое свѣжее личико, сіяющее восторгомъ. Антонъ шелъ подлѣ, запустивъ одну руку за пазуху, другой упираясь въ оглоблю. Проколесивши добрый часъ по глинистымъ кочковатымъ полямъ, стлавшимся за лѣсомъ, путники наши выѣхали наконецъ на проселокъ и немного погодя услышали отдаленный шумъ мельницы. Возъ приближался къ „троскинской“ лощинѣ. Незамѣтная издалека и терявшаяся въ волнистыхъ линіяхъ мѣстности, лощина эта принимала вблизи довольно широкіе размѣры: на днѣ ея, поросшемъ конятникомъ и ветельникомъ, заваленномъ плитнякомъ и громадными угловатыми каменьями, шумѣла и пѣнилась рѣка; вмѣсто моста, черезъ нее перекидывалась узкая плотина, упиравшаяся однимъ концомъ въ старую водяную мельницу. Съ той стороны, откуда приближалась телѣга, мельница осво-

Digitized by Google

бождалась совершенно отъ ветлъ, ограждавшихъ ее съ другихъ трехъ частей, такъ что амбары, клѣти, дворъ, толчея, навѣсы виднѣлись какъ на ладони. Шлюзы были опущены; всѣ три постава работали безъ устали; главное зданіе, обдаваемое съ одного бока бѣлою шипящею пѣной, тряслось словно въ лихорадкѣ; мука покрывавшая его кровлю, сыпалась въ воду и крутилась въ воздухѣ. Гулъ былъ страшный. Прежде чѣмъ спуститься съ уступистой кручи на берегъ, Антонъ остановилъ лошадь и указалъ племяннику на мельницу.

— Поглядь-кась, Ваня, не видать ли гдѣ мельника?

— Аксентія Семеныча? спросилъ ребенокъ.

— Экой дурень! нешто у насъ окромѣ него другой какой есть...

— Нѣтъ, дядя Антонъ, нѣту... а кто-то стоитъ... вонъ въ бѣлой-то рубахѣ... вонъ, вонъ руками-то размахиваетъ!..

— Ладно, не будь только онъ; того и смотри, съ ярманки вернется, встрѣнется да денегъ станетъ просить, бѣда! охъ-хо, хо! Ну, Ванюха, трогай да, смотри, не больно круто спущай!..

Миновавъ благополучно шаткую плотину, пѣгашка взнесла возъ на противоположный берегъ, поднялась на косогоръ и пріостановилась; она вздохнула свободнѣе и замотала хвостомъ, что̀ дѣлала обыкновенно, когда была довольна. Дорога опять пошла ровная и гладкая. Когда соломенная кровля мельницы съ осѣнявшими ее скворешницею и ветлами скрылась за горою, передъ глазами нашихъ мужичковъ снова открылась необозримая гладь полей, мѣстами окутанная длинными полосами тумана, мѣстами сливающаяся съ осеннимъ облачнымъ небомъ, и снова ни былинки, ни живого голоса, одна мертвая дорога потянулась передъ ними. Наконецъ, вправо началъ показываться господскій домъ, ближе—и вотъ онъ весь выглянулъ словно изъ земли. Все въ немъ обозначало не только отсутствіе хозяина, но даже давнее запустѣніе: ставни заколочены наглухо; нѣкоторые изъ нихъ, сорванные вѣтромъ, качались на одной петлѣ или валялись подлѣ треснувшаго и обвалившагося основанія; краска на кровлѣ, смытая кое-гдѣ дождемъ, обнаруживала гниль и червоточину; стекла въ покосившейся вышкѣ почти всѣ были выбиты; обветшалая наружность этого зданія, или, лучше сказать, этой развалины, облѣплялась повсюду неровными рядами ласточьихъ гнѣздъ; они вид-

Digitized by Google

нѣлись въ темныхъ углахъ, вдоль жолоба, подъ карнизами. Казалось, однѣ ласточки не покидали стараго барскаго дома и оживляли его своимъ временнымъ присутствіемъ, когда темныя купы акацій и липъ, окружавшія домъ, покрывались густою зеленью; въ палисадникѣ передъ балкономъ алѣли макъ, піонъ, и сквозь глушившую ихъ траву высовывала длинную верхушку свою стройная мальва, Богъ вѣсть какимъ-то страннымъ случаемъ сохранившаяся посреди всеобщаго запустѣнія; но теперь даже и ласточекъ не было; домъ глядѣлъ печально и уныло изъ-за черныхъ безлиственныхъ деревъ, поблекшихъ кустарниковъ и травы, прибитой послѣдними ливнями къ сырой землѣ дорожекъ.

Проходя мимо, Антонъ не замедлилъ, однако, снять шапку; такъ прошелъ онъ вдоль стараго сада, флигелей, пчельника, пока, наконецъ, не поровнялся съ помѣщичьими ригою и овиномъ. Тутъ онъ не только надѣлъ шапку, но даже остановился: за плотнымъ заборомъ возносилось такое несмѣтное множество скирдъ убраннаго хлѣба, что невольно разбѣгались глаза и вчужѣ забирала зависть. Уже нѣсколько лѣтъ сряду стояли онѣ такимъ образомъ неприкосновенными, непочатыми, приглашая каждаго любоваться ими вдоволь. Поговаривали въ околоткѣ, будто огромнымъ этимъ запасамъ хлѣба суждено было выжидать здѣсь благопріятной и счастливой минуты всеобщаго неурожая въ губерніи, на что, какъ утверждали, были у владѣльца ихъ свои особыя соображенія, не совсѣмъ чуждыя корысти; но слухамъ, извѣстно, вѣрить нельзя: чего не выдумаютъ! Дѣло въ томъ, что чѣмъ далѣе глядѣлъ нашъ мужикъ на скирды, тѣмъ болѣе потуплялъ голову, и, наконецъ, Господь знаетъ отчего, совсѣмъ загрустилъ. Раздумье одолѣло его такъ сильно, что онъ сталъ даже пропускать безъ вниманія груды хвороста, валившіяся у него съ воза, тогда какъ прежде тщательно собиралъ сторонніе вѣточки, попадавшіяся на окрайнѣ дороги.

Между тѣмъ деревня все еще не показывалась. Темныя тучи, сгустившіяся надъ нею, окутывали ее сизой непроницаемой тѣнью; струйки бѣлаго дыма, косвенно поднимавшіяся въ сизомъ горизонтѣ, давали, однако, знать о близости избушекъ. Прежде всего попалась на пути маленькая кузница съ дюжимъ кузнецомъ Вавилою на порогѣ, который, привѣтливо кивнувъ Антону голо-

Digitized by Google

вою, вымолвилъ: „отколѣ?“, и на отвѣтъ: „а изъ осинника“, зѣвнулъ, перекрестивъ ротъ; тамъ глянули высокіе „магазеи“, за ними крестьянскіе густые огороды, а тамъ потянулось и самое село Троскино, расположенное по скату лощины. Толпа чумазыхъ ребятишекъ, игравшихъ въ бабки, стояла на улицѣ подлѣ колодца. Они, казалось, нимало не замѣчали стужи и еще менѣе заботились о томъ, что барахтались, словно утки, въ грязи по колѣни; между ними находилось нѣсколько дѣвчонокъ съ грудными младенцами на рукахъ. Семи или восьмилѣтнія нянюшки дули въ кулаки, перескакивали съ одной ножки на другую, когда уже черезчуръ забиралъ ихъ холодъ, но все-таки не покидали веселаго сборища; нѣкоторыя изъ нихъ, свернувшись комочкомъ подъ отцовскимъ кожухомъ, молча и неподвижно глядѣли на игравшихъ.

Проѣзжая мимо, Ванюшка, начинавшій было корчиться отъ стужи на своей клячѣ, вдругъ вытянулся, пріосанился и крикнулъ, во сколько хватило силенки: „Эй! пошли прочь!.. раздавлю!.. ишь лошадь ѣдетъ...“ Толпа дала дорогу, окидывая сѣдока завистливыми взглядами. Одна дѣвчонка, рыженькая, курносая, взъерошенная и вдобавокъ еще хромая, пустилась догонять возъ, прыгая и вертясь на одной ножкѣ.

— Дядя Антонъ, дядя Антонъ, посади на возъ! кричала она.—Посади, голубчикъ, на возъ... золотой, посади, право-ну посади!..

— Пошла прочь, вымолвилъ Антонъ, грозя хворостиной,—чего привязалась! Вотъ я-те!..

Дѣвчонка остановилась, дала ему проѣхать нѣсколько шаговъ и потомъ снова поскакала; только теперь, какъ бы на зло, она коверкалась и ломалась несравненно болѣе, кричала звончѣе, приступала настойчивѣе, пока, наконецъ, выбившись изъ силъ, поневолѣ должна была отказаться отъ своего преслѣдованія, но и тутъ не упустила случая высунуть Антону языкъ и поднять рубашонку.

Изба Антона стояла у самой околицы и завершала собой правую линію села, выдавшуюся въ этомъ мѣстѣ нѣсколько впередъ. Она бросалась въ глаза своею ветхостью: одинъ бокъ ея, примыкавшій къ околицѣ, почти сгнилъ до тла, отчего остальная часть зданія покачнулась и сѣла на ту сторону. Кровля, отъ тяжести давившей ее когда-то соломы, приняла совершенно другое направленіе; она сполз-

Digitized by Google

ла напередъ и грозила ежеминутнымъ паденіемъ. Трубы не было; ее замѣнялъ глиняный горшокъ съ выбитымъ дномъ для дыму. Деревянный пѣтушокъ, красовавшійся вѣроятно въ лучшія времена на макушкѣ крыши, принялъ также свое направленіе во время всеобщаго обвала и уныло свѣсился влѣво. Единственное оконце, заткнутое лохмотьями и обмазанное кругомъ глиною, глядѣло невыразимо кисло. Изба со всѣхъ сторонъ подпиралась сучковатыми плахами, уподоблявшими ее согбенному старику-нищему, наступившему на костыли свои; словомъ, все на ней, какъ говорится, было и валко, и шатко, и на сторону. Невыразимо тяжело и грустно становилось на сердцѣ, глядя на это жилище; даже Степанъ Бичуга, сосѣдъ вообще равнодушный ко всему житейскому, за исключеніемъ одной развѣ косушки, и тотъ не проходилъ мимо безъ того, чтобы не оглянуть Антонову избенку со всѣхъ сторонъ и не покачать заботливо лысою головою.

Несмотря на то, хозяева лачужки замѣтно ускоряли шагъ, и лица ихъ, по мѣрѣ приближенія къ ней, просвѣтлялись привѣтливой улыбкой. Ванюшка никакъ даже не могъ удержаться, чтобы не крикнуть въ порывѣ восторга нѣсколько разъ сряду: „Дядя Антонъ, домой пріѣхали! Ишь, дядя Антонъ, ишь, домъ-то, вонъ онъ!.. вонъ онъ какой!..“ При въѣздѣ на дворъ навстрѣчу имъ выбѣжала дѣвочка лѣтъ шести; она хлопала въ ладоши, хохотала, бѣгала вокругъ телѣги и, не зная какъ бы лучше выразить свою радость, ухватилась ручонками за полы Антонова полушубка и повисла на немъ; мужикъ взялъ ее на руки, указалъ ей пальцемъ на возъ, лукаво вытащилъ изъ средины его красный прутикъ вербы, подалъ его ребенку и, погладивъ его еще разъ по головѣ, снова пустилъ на свободу. Дѣвочка была въ неописанномъ восторгѣ отъ роскошнаго подарка.

— Ну, Ваня, будетъ! Слѣзай-ка съ лошади да ступай скорѣе съ сестренкой въ избу, на печку, сказалъ дядя.— Небось оба поѣсть хотите?

— Дядя Антонъ, голубчикъ, золотой ты мой! дай распрячь лошадку, я опосля поѣмъ, кричалъ мальчишка.

— И то замерзъ совсѣмъ, куды-те справиться!

— Ничаво, дядя, голубчикъ, ничаво, право-слово ничаво... Ты, Аксюшка, ступай въ избу, ишь озябла ты... а я приду.

Не все же понукать да драться: дядя покорился; вскорѣ всѣ трое взошли на крылечко, а оттуда и въ избу.

Digitized by Google

II.
Голышъ.

Хозяйка Антона была не одна: противъ краснаго угла избы, почернѣвшаго такъ, что едва можно было различить въ немъ икону, сидѣла гостья, старуха лѣтъ пятидесяти. Свѣтъ изъ единственнаго свѣтлаго оконца падалъ прямо на нее. Сморщенное, желтоватое лицо старухи, осѣненное космами сѣдыхъ волосъ, кой-какъ скомканныхъ подъ клѣтчатый платокъ, ея каріе глаза, смотрѣвшіе изъ впадинъ своихъ зорко и проницательно, острый тоненькій носъ, выдавшійся подбородокъ, лохмотья и клюка,—все это напоминало какъ нельзя лучше сказочную бабу-ягу или по крайней мѣрѣ деревенскую колдунью-знахарку. Но въ сущности ничего этого не было: старуха принадлежала просто-напросто къ тѣмъ жалкимъ побирушкамъ, безъ семьи, роду и племени, которыя таскаются изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, и кормятся мірскимъ подаяніемъ, или, какъ выражаются въ простонародьи, „грызутъ окна".

— Здорово, Архаровна, произнесъ Антонъ, видимо недовольный присутствіемъ гостьи.

— Здравствуй, кормилецъ ты мой, отвѣчала, вздыхая, старуха, и тотчасъ же наклонила голову и явила во всей своей наружности признаки величайшей немощи и скорби.

— Что-те давно не видать въ нашей сторонѣ, замѣтилъ мужикъ съ явной ироніей, — мы ужъ думали, ты и вовсе не пожалуешь...

— Асинька?..

— Аль оглохла, старая?

— Не слышу, кормилецъ...

— Что-те давно не видать? крикнулъ Антонъ.

— Пришла по хлѣбушко, родимый ты мой, простонала она жалобно,—не дадутъ ли на старость люди добрые...

— Да, что говорить, продолжалъ мужикъ, пристально на нее глядя,—что говорить, хлѣбца-то небось и всякому хочется... иной вотъ и не такъ чтобы больно нуждается, а глядишь, туда же канючитъ, словно и взаправду съ голоду...

— Съ голоду, касатикъ, о-охъ! съ голоду, отвѣчала она, принимая послѣднее слово какъ исключительно до нея относящееся.—На старости лѣтъ куды-те горько, и помереть такъ негдѣ...

Digitized by Google

— И-ихъ, бабка, кажись, ужъ ты много больно берешь бѣдности на свою душу, вымолвилъ съ досадою хозяинъ,— ишь вонъ сказываютъ, будто ты даромъ что ходишь въ оборвашахъ да христарадничаешь, а богаче любого изъ нашего брата... нагдысь орѣшкинскіе ребята говорили, у тебя вишь и залежныя денежки водятся... правда, что ли?..

Онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Ась?.. не слышу, родимый, произнесла недвижно старуха.

— Да полно, такъ ли? погоди, дай-ка разуться, авось тогда услышишь.

Сказавъ это, Антонъ подошелъ къ печкѣ и сталъ раздѣваться. Слова его, казалось, однако произвели на глухую старушонку не совсѣмъ обыкновенное дѣйствіе; лицо ея какъ бы внезапно оживилось, глаза, которые держала она постоянно опущенными, быстро поднялись и окинули избу. Хозяинъ подошелъ къ ней и сѣлъ на лавочку; лицо Архаровны выражало попрежнему скорбь и уныніе.

— Что ты баялъ, кормилецъ?

Антонъ повторилъ побирушкѣ слухи, носившіеся о ней на деревнѣ.

— И-и-и! проговорила она, качая сѣдою головою,— нивѣсть чего не скажутъ злые люди, на злую рѣчь слово купится...

— А что имъ, прибыль что ли какая?.. ишь ты сколько лѣтъ слоняешься по бѣлу свѣту да окна грызешь! куды дѣвать деньги,—вѣстимо, хоронишь про черный день...

— Въ чужой рукѣ ломоть великъ, касатикъ, ину пору и хлѣбушка нѣтути, не токма что денегъ, по міру пойдешь, тѣстомъ возьмешь... охъ-хо-хо!..

— Ладно, толкуй, отвѣчалъ смягчаясь Антонъ,—ну, да что тутъ, я только такъ къ слову молвилъ; если и водятся деньжонки, такъ извѣстно, кому до того дѣло... Варвара! чего нахохлилась? собери обѣдъ, смерть есть хоцца, да, чай, и ребята проголодались.

Это обращалось къ хозяйкѣ дома, невзрачной бабенкѣ, молчаливо сидѣвшей въ углу на скамейкѣ поодаль отъ старухи. Она не принимала до сихъ поръ никакого участія въ разговорѣ и только изрѣдка поглядывала на мужа. Услыша слова его, она повернула къ нему изнуренное, блѣдное лицо свое, вздохнула и сказала:

— Чего я тебѣ дамъ, Антонушка... охъ, ничего-то у насъ нѣту...

Digitized by Google

— Кажись, намедни лучку осталось?

— Нѣтъ, не осталось, — нагдысь ребята весь поѣли... И она снова вздохнула.

— Ну, давай хлѣба, кваску... да полно тебѣ деньденьской хохлиться-то... инда тоска беретъ на тебя глядя...

Варвара поднялась, сняла съ полки чашку, нацѣдила въ кувшинчикъ кваску, потомъ вынула изъ столоваго ящика остатокъ ржаного коровая, искалѣченную солоницу, ножъ, и молча уставила все это передъ мужемъ. Послѣ чего она тотчасъ же усѣлась на прежнее свое мѣсто, скрестила руки и стала смотрѣть на него съ какимъ-то притупленнымъ вниманіемъ.

— Эй, ребятишки! крикнулъ Антонъ,—вы и взаправду завалились на печку,—ступайте сюда... а у меня тюря-то славная какая... э! постойте-ка, вотъ я ее всю съѣмъ... слѣзайте скорѣе съ печки... Ну, а ты, бабка, что жъ, продолжалъ онъ голосомъ, въ которомъ не замѣтно уже было и тѣни досады, — аль съ хозяйкой надломила хлѣбушка?—чего отнѣкиваешься, рѣжь да ѣшь, коли подкладываютъ, бери ложку,—садись,—человѣкъ изъ ѣды живетъ, что съѣшь, то и поживешь.

— Спасибо, отецъ родной, и то хозяюшка твоя накормила, дай ей Господь Богъ много лѣтъ здравствовать...

Въ это время Аксюшка подбѣжала къ дядѣ, всползла къ нему на колѣни и обняла смуглую его шею тоненькими своими ручонками.

— Эка дѣвчонка-то у меня баловливая какая, бабушка, вымолвилъ мужикъ, цѣлуя ребенка.—Эка озорливая дѣвчонка-то, продолжалъ онъ, гладя ее по головкѣ.—Сядь-ка ты сюда, плутъ-дѣвка, сядь-ка поближе къ своему дядькѣ-то да поѣшь... ну, а Ванюшка гдѣ?..

— А онъ, дядя Антонъ, на улицу ушелъ къ ребятамъ.

— Ишь, пострѣлъ какой, прости Господи, только и норовитъ, какъ бы ему изъ дому прочь; погоди, Аксюшка, дай ему вернуться, вотъ мы ему съ тобой шею-то накостыляемъ... Слышь, бабка, озорника-тъ мой отъ дому все отбивается.

— А Господь съ нимъ, незамай его, молвила Архаровна,—пущай его балуетъ пока невеличекъ...

— Какой невеличекъ!.. поглядѣла бы ты на него: парнишка куды на смыслѣ, такой-то шустрый, рѣзвый, все разумѣетъ, даромъ отъ земли не видать; да я вѣдь посмѣялся, я не потачливъ, что грѣ[illegible]а бить не

Digitized by Google

бью... оба они дороги мнѣ больно, бабка, даромъ не родные, во-какъ, продолжалъ онъ, лаская Аксюшку,—во! не будь ихъ, такъ, кажись, и мнѣ и хозяйкѣ моей скорѣе бы жизнь опостыла; съ ними все какъ бы маленечко повеселѣе, право-ну!

— Вѣстимо, они теперь махочки, смыслу нѣтъ, а какъ подрастутъ, такъ тебѣ же спасибо скажутъ, родимый, за добро твое...

— Э! бабка, было бы имъ ладно, а тамъ что̀ останется отъ моей бѣдности, то и имъ достанется...

— Что жъ, родимый, спросила вдругъ старуха,—братъ небось вѣсточку посылаетъ?..

— Нѣтъ, съ той самой поры, какъ въ солдаты взяли, ни слуху, ни духу; и жена и мужъ,—словно оба сгинули; мы лѣтось еще посылали къ нимъ грамотку, да денегъ полтинничекъ; послѣдній отдали; ну, думали, авось что и провѣдаемъ, никакого отвѣту: живы ли, здоровы ли,—Господь ихъ вѣдаетъ. Прошлый годъ солдаты у насъ стояли, ужъ мы не мало понавѣдывались; не знаемъ, говорятъ, такого,—что̀ станешь дѣлать... Ну, а ты, старуха, кажись, сказывала намъ, также не вѣдаешь ничего про сына-то своего съ того времени, какъ въ некруты пошелъ...

— Нѣтъ, родимый, ничего не вѣдаю, произнесла жалобно старуха и отвернулась...

Антонъ и жена его принялись утѣшать побирушку.

— Да, началъ мужикъ, — на старости лѣтъ, вѣстимо, одной-то горько: неравно помрешь и похоронить-то некому.

— Охъ, некому, кормилецъ, родимый ты мой, некому...

— А вотъ намъ, коли молвить правду, не больно тошно, что брата нѣту: кабы да при теперешнемъ житьѣ, такъ съ нимъ не наплакаться стать; что грѣха таить, пути въ немъ не было, мужикъ былъ плошный, неработящій, хмельнымъ дѣломъ почалъ-было напослѣдяхъ-то заниматься; вѣстимо, какого ужъ тутъ ждать добра, что ужъ это за человѣкъ, коли да у родного брата захребетникомъ жилъ,—вотъ развѣ бабу его такъ жаль: славная была баба, смирная, работящая... ну, да видно во всемъ Богъ... на то Его есть воля... охъ-хо-хо...

Антонъ прислонилъ ложку къ закраинѣ чашки, уперся спиною въ стѣну и пересталъ ѣсть; долго сидѣлъ онъ такимъ образомъ, пригорюнясь и не произнося ни слова. Только изрѣдка ласкалъ онъ Аксюшку, которая, положивъ русую головку свою на грудь дяди, забавлялась мѣднымъ

Digitized by Google

крестикомъ, висѣвшимъ у него за пазухой. Мало-по-малу добродушное, кроткое лицо мужика нахмурилось; вытянувшіяся черты его уже ясно показывали, что временная веселость и спокойствіе исчезли въ душѣ бѣдняка; въ нихъ четко проглядывало какое-то заботливое, тревожное чувство, котораго, повидимому, старался онъ не обнаруживать передъ женою, потому что то и дѣло поглядывалъ на нее искоса. Наконецъ, Антонъ облокотился на столъ, взглянулъ еще разъ на жену и сказалъ старухѣ голосомъ, который ясно показывалъ, что онъ приготовлялся вымолвить ей совсѣмъ другое:

— Вотъ, бабушка, такъ началъ мужикъ, — было времечко, живалъ вѣдь и я не хуже другихъ,—въ амбарѣ-то бывало всего насторожено въ волюшку; хлѣбъ-то, бабушка, родился самъ-шестъ да самъ-сёмъ, три коровы стояли въ клѣти, двѣ лошади,—продавалъ, почитай, что кажинную зиму, мало что на 60 рублевъ одной ржицы, да гороху рублевъ на 10, а теперь до того дошелъ, что радешенекъ, радешенекъ, коли сухого хлѣбушка поснѣдаешь... тѣмъ только и пробавляешься, когда вотъ покойникъ какой на селѣ, такъ позовутъ псалтырь почитать надъ нимъ... все гривенку, другую дадутъ люди...

Онъ оглянулся на Варвару; та сидѣла, закрывъ лицо руками и нѣсколько отвернувшись отъ него; замѣтивъ, что слезы струились между ея пальцами, Антонъ замялся.

— Да, подхватилъ онъ громче прежняго,—да, бабушка, такъ во како дѣло-то,—во оно дѣло-то какое... а ты все на свою долю плачешься, того молъ нѣтъ, да того не хватаетъ... а вотъ мы и тутъ съ хозяйкой не унываемъ (онъ посмотрѣлъ на Варвару), не гнѣвимъ Господа Бога... грѣшно! знать ужъ на то такая Его воля; супротивъ ея не станешь...

— О-о-охъ, вѣстимо, кормилецъ ты мой, Богъ далъ, Богъ и взялъ...

— Да, не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь, сказалъ мужикъ, стараясь принять веселый видъ,—день дню розь; пивалъ пьяно да ѣлъ сладко, а теперь возьмешь вотъ такъ-то хлѣбушка, подольешь кваску, — ничаво, думаешь, посоля схлебается! по комъ бѣда не ходила!.. Эхъ! Варвара, полно тебѣ право; ну, что ты себя понапрасну убиваешь; говорю, полно, горю не пособишь, право-ну не пособишь...

— Вѣстимо, касатка, отозвалась с[illegible]ѣку только

Digitized by Google

убавишь себѣ... охъ, что̀ ваша бѣдность! у васъ хошь вотъ поплакать-то есть гдѣ... а вотъ у меня, горькой сироты, такъ и поплакать-то негдѣ...

— Ну, въ томъ не больно велика утѣха; что вой, что не вой—все одно—живи, коли можется, помирай, коли хочется... Э! старушка, горько жить на бѣломъ свѣтѣ нашему брату!..

— О-о-охъ, горько, родимый, такъ-то горько, что и сказать мудрено...

Варвара быстро приподнялась и вышла изъ избы.

— Вотъ, сказалъ Антонъ, посмотрѣвъ на дверь,—онато, бабушка, крушитъ меня добре слезами-те своими; вишь баба плошная, квелая... долго ли до грѣха!.. теперь безъ нея, скажу тебѣ по душѣ... по душѣ скажу... куды!.. пропали мы съ нею и съ ребятенками, совсѣмъ пропали!.. вотъ вѣдь и хлѣбушко, что̀ ѣшь, и тотъ—сказать горько—у Стегнѣя сосѣда вымолилъ! спасибо еще, что помогъ... охъ... а такое ли было житье-то мое...

— Сказываютъ, замѣтила Архаровна, повидимому не принимавшая до сихъ поръ никакого почти участія въ томъ, что̀ говорилъ Антонъ,—сказываютъ, Стегнѣй-то богатъ добре!..

— Богатъ-то онъ богатъ... да вѣдь иной и богатый хуже нашего брата голыша...

— Мнѣ, кормилецъ, Савельевна говорила, что у него три лошади... да и медку вишь, сказываютъ, продавалъ по осень... и денегъ-то, чай, много...

— Ну, Господь съ нимъ, отвѣчалъ откровенно Антонъ,—я тебѣ про свое горе говорю... эхъ, доля моя, доля!.. вотъ, почитай, пятый годъ такъ бьюсь, и что ни день, то плоше да плоше...

— Все небось управляющій, касатикъ, не жалуетъ?

— Не жалуетъ?.. охъ! это бы еще ништо; кого онъ жалуетъ? живутъ же люди... нѣтъ, онъ злодѣй мнѣ напался, весь мой вѣкъ заѣдаетъ! съ бѣла свѣта долой гонитъ!—а что наше дѣло, вѣстимо, какое, терпишь да терпишь; мы вѣдь на то и родились, бабушка!.. да!.. Вотъ хоть теперь,—пришло время подушныя платить, гдѣ я ихъ возьму? отколѣ? онъ же разорилъ меня да пустилъ по міру, а стращаетъ теперь: въ солдаты, говоритъ, да на поселенье сошлю, не погляжу, говоритъ, что у-те жена есть, вонъ онъ что̀ толкуетъ... Охъ, бабка, бабка, кабы былъ одинъ я, ну бы еще ништо, одна голова не бѣдна,

Digitized by Google

а то съ ними-то что̀ станется?.. Да... прогнѣвилъ, знать, я чѣмъ Господа Бога!..

Вошла Варвара, — мужъ замолчалъ. Почти въ то же время въ воротахъ послышался стукъ. Антонъ подошелъ къ свѣтлому оконцу, выходившему на дворъ, и крикнулъ:

— Кто тамъ?

Отклика не было.

— Кто тамъ? повторилъ мужикъ, поднявъ окно.

— Это я, дядя Антонъ, отозвался тоненькій серебристый голосокъ въ сѣняхъ, и въ избу вбѣжала дѣвочка лѣтъ двѣнадцати.

На блѣдномъ, чрезвычайно продолговатомъ личикѣ этого ребенка и вообще во всей его наружности было что-то такое, что невольно обращало на себя вниманіе; этотъ тоненькій носъ съ легкимъ, едва примѣтнымъ погибомъ на серединѣ, узенькія губы, пріятно загнутыя по угламъ, чистый, правильный очеркъ головы, нѣжныя черты прозрачнаго личика и тоненькіе тщедушные члены отличали его сразу отъ извѣстнаго уже типа коренастыхъ, грубо обточенныхъ дѣтей крестьянскихъ. Особенно поражали въ ней эти черные, выразительные глаза, которымъ необыкновенная блѣдность и худоба щекъ придавали еще болѣе блеску и величины. Черные волосы смоляного отлива, небрежно обстриженные когда-то въ кружокъ, разсыпались неровными прядями вокругъ ея нѣжной, утиной шейки. Одежда ея отличалась также отъ крестьянской. Она состояла изъ неуклюжаго платья синей домотканной полосушки, прорваннаго на локтяхъ, съ заплатками изъ бѣлой холстины,— платья, которое снизу едва прикрывало босыя ноги дѣвочки до колѣнъ; вверху отъ шеи до перехвата оно ниспадало угловатыми, широкими складками, обтягивало и обтирало ей грудь и плечи. Дѣвочка остановилась посередь избы, раскрывъ губы и прижимая грудь ручонками: она едва переводила духъ отъ усталости. Между тѣмъ хозяинъ и хозяйка подошли къ ней.

— Что̀ ты, Фатимушка? спросилъ первый съ замѣтнымъ смущеніемъ,—а? не хочешь ли тюрьки, на поди...

—. Нѣтъ, дядя Антонъ, нѣтъ, Никита Ѳедорычъ прислалъ... отвѣчалъ скороговоркою ребенокъ, приправляя каждое слово быстрыми, живыми движеніями рукъ, — приказалъ кликнуть тебя,—ступай скорѣй,—самъ наказывалъ...

И она откинула назадъ голову, чтобы поправить волосы, которые заслонили ей лицо.

Digitized by Google

Варвара присѣла на скамейку и зарыдала на всю избу. У Антона захолонуло въ сердцѣ.

— Ну! вскричалъ онъ, отчаянно ударяя себя кулаками объ полы,—пришла бѣда, отворяй ворота! вѣрно опять за подушными! Полно тебѣ, Варвара, душу мнѣ только мутишь слезами-те... Эко дѣло... эко дѣло... какъ тутъ быть!..

Смущеніе бѣднаго мужика было такъ велико, что онъ нѣсколько времени ходилъ какъ угорѣлый по избѣ, заглядывалъ безъ всякой нужды во всѣ углы, поправлялъ то крышку кадки, то солоницу, то кочергу, и, наконецъ, вышелъ изъ дому, позабывъ даже накинуть на плечи полушубокъ. Вой Варвары сопровождалъ его до самой улицы. Вступивъ на барскій дворъ, гдѣ находился старый флигель, помѣщавшій контору и квартиру управляющаго, Антонъ увидѣлъ Никиту Ѳедорыча, который уже ожидалъ его на порогѣ. Приближаясь къ крыльцу, мужикъ почувствовалъ, что колѣни его тряслись и дыханіе спиралось у него въ горлѣ: ознобъ прошибалъ его до костей. Опустивъ голову, подошелъ онъ медленнымъ, робкимъ шагомъ къ управляющему. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, т.-е. отъ 40 до 50, средней полноты и средняго роста; шарообразная голова его, покрытая бѣлокурыми волосами съ просѣдью, обстриженными ниже чѣмъ подъ гребенку, прикрѣплялась почти непосредственно къ плечамъ, что дѣлало Никиту Ѳедорыча издалека весьма похожимъ на бульдога. Къ этому сходству не мало также способствовали густыя черныя брови, сѣрые глаза на выкатѣ, широкія калмыцкія скулы, пышный трехъярусный подбородокъ и коротенькія ноги наподобіе обруча, или, какъ говорится, „кибитки“. Несмотря на всѣ эти мелочные недостатки, которые между прочимъ не представляли въ общемъ ничего особенно отвратительнаго, фигура управляющаго нимало не теряла важности и той спокойной гордости, сіяющей всегда въ чертахъ человѣка, сознающаго въ себѣ чувство собственнаго достоинства. Фигура его имѣла, напротивъ того, какую-то пріятную соразмѣрность, стройность даже, и была чрезвычайно характерна. Но если всмотрѣться хорошенько, нельзя было не прочесть въ этихъ сѣрыхъ, бойкихъ глазахъ, въ этой толстой круглой головѣ, важно закинутой назадъ, въ этихъ толстыхъ раздувшихся губахъ что-то столь наглое, дерзкое и подлое, что невольно на[illegible] любимца-камер-

Digitized by Google

динера, или дворецкаго, или вообще члена многочисленной семьи мерзавцевъ богатой избалованной дворни или аристократической передней. Въ настоящую минуту на немъ былъ сѣрый нанковый однобортный архалукъ, подбитый мерлушками и застегнутый до верху, пестрая шерстяная ермолка и синіе, непомѣрно широкіе шаровары. Изъ верхней петли архалука висѣла толстая золотая цѣпочка съ ключикомъ для часовъ. Онъ стоялъ въ дверяхъ, растопыривъ ноги, запустивъ одну руку въ карманъ шароваръ, другою поддерживалъ длинный чубукъ, изъ котораго, казалось, высасывалъ вмѣстѣ съ дымомъ все болѣе и болѣе чувство собственнаго достоинства.

— Что-жъ ты, шутить что ли думаешь? сказалъ онъ Антону.—Всѣ внесли подушныя, ты одинъ ухомъ не ведешь, каналья! а? говорилъ я тебѣ, а? сказывай, говорилъ или не говорилъ—худо будетъ?..

И управляющій закинулъ еще выше голову.

— Сказывали, Никита Ѳедорычъ...

— Ну!

— Докладывалъ вашей милости, отвѣчалъ мужикъ, потупляя голову,—какъ будетъ угодно... у меня подушныхъ нѣтъ... взять неоткуда... извольте дѣлать со мною что угодно: на то есть власть ваша... напишите барину, пущай наказать прикажетъ, а мнѣ взять, какъ передъ Богомъ, неоткудова...

— Ахъ ты плутъ, бестія этакая... изъ-за тебя стану я безпокоить барина... васъ только сѣки, да подушныхъ не бери... ну, да что тутъ толковать... не міру платить за тебя... знаю я васъ, мошенниковъ... Лошадь жива?..

Антонъ обомлѣлъ; дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ; онъ быстро взглянулъ на Никиту Ѳедорыча и произнесъ дрожащимъ голосомъ:

— Никита Ѳедорычъ! никакъ ужъ ты и совсѣмъ погубить меня хочешь?..

— Что?

— Никита Ѳедорычъ! батюшка! продолжалъ мужикъ,—пожалѣй хоть ребятенокъ-то махонькихъ... и то почитай пустилъ ты насъ по-міру...

— А вотъ, потолкуй-ка еще у меня, потолкуй, перебилъ управляющій, дѣлая движеніе впередъ,—я тебя погублю! завтра же веди лошадь въ городъ на ярманку, теперь пора зимняя, лошади не надо, произнесъ онъ лукаво,—да смотри, не будетъ у меня черезъ два дня по-

Digitized by Google

душныхъ въ конторѣ, такъ я не погляжу, что ты женатъ,—лобъ забрею; я и такъ миловалъ тебя, мерзавца!..

— Никита Ѳедорычъ, а, Никита Ѳедорычъ, сказалъ Антонъ, едва удерживаясь отъ слезъ,—батюшка!..

И онъ повалился въ ноги.

— Э! меня этимъ не разжалобишь, пошелъ! чтобъ было, какъ приказываю, вотъ и все! Ступай! прибавилъ онъ, топнувъ ногой.

— Что-жъ у меня-то останется, говорилъ отчаянно мужикъ,—какъ послѣднюю-то лошаденку продамъ?.. и такъ по-міру, почитай...

— Ну, ну, ну... разговаривай, разговаривай... кабы не ярманка, такъ я бы не такъ еще съ тобой раздѣлался...

Въ это время дверь изъ квартиры управляющаго растворилась; изъ нея выглянуло вполовину желтое женское лицо, перевязанное бѣлою косынкой.

— Никита Ѳедорычъ, а, Никита Ѳедорычъ! крикнула женщина пискливо, — ступай чай пить; что тебя не дождешься, ступай скорѣе...

Управляющій повернулся въ ту сторону и, не дожидаясь дальнѣйшихъ возраженій мужика, поспѣшилъ къ самовару.

Домогаться милости Никиты Ѳедорыча было дѣломъ совершенно лишнимъ; по крайней мѣрѣ въ этомъ нимало не сомнѣвались троскинскіе крестьяне; Антонъ зналъ это еще лучше другихъ. Медленно покинулъ онъ дворъ и вышелъ на улицу. Сумерки, или „сутисочки“, какъ называютъ ихъ въ деревнѣ, начинали уже ложиться на землю; блѣдныя дымчатыя полосы тумана тамъ и сямъ окутывали поля и распускались по окрестности; въ воздухѣ замѣтно похолодѣло. Антонъ, самъ не зная почему, не пошелъ по улицѣ, а, обогнувъ ближнія за флигелемъ избы и крестьянскіе огороды, поплелся задами . . . .

. . . . . .

Приближаясь къ крайнимъ амбарамъ села, т.-е, тѣмъ, которые стояли уже подлѣ околицы, Антонъ увидѣлъ, совершенно неожиданно, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, клѣтчатый платокъ, висѣвшій на кустѣ репейника. Это обстоятельство и, вдобавокъ, измятые и сломанные стволы растеній, показывавшіе, что на томъ самомъ мѣстѣ кто-то своротилъ съ дороги въ рощу, чрезвычайно удивило его. Онъ невольно забылъ на минуту свое горе; поосмотрѣвшись кругомъ, пошелъ онъ къ кустамъ, снялъ

Digitized by Google

платокъ и началъ пристально разсматривать. Не доискавшись, разумѣется, ничего, Антонъ бережно свернулъ его, сунулъ за пазуху и пошелъ далѣе. Но не успѣлъ онъ сдѣлать двухъ шаговъ, какъ увидѣлъ бѣгущихъ навстрѣчу сосѣдей, Степана Бичугу и старшаго сына его Пантелѣя. Оба казались сильно встревоженными; они бѣжали сломя голову по дорогѣ, безъ шапки, безъ полушубка и сильно размахивая въ воздухѣ руками. Поровнявшись съ Антономъ, они остановились.

— Сватъ! сказалъ ему торопливо Степанъ,—не встрѣлъ ли кого на дорогѣ?.. а?..

— Нѣтъ... сватъ... никого... отвѣчалъ Антонъ.

— Это дѣло... и никого не видалъ?

— Никого...

— Эко дѣло! что̀ за чортъ!.. вскричалъ Степанъ,—бабы, вишь, ленъ мяли... слышатъ, какъ словно кто шевелится въ клѣти... онѣ глядь... анъ человѣкъ сидитъ... да какъ пырснетъ вонъ... э! ты дьяволъ! что̀ за притча... онѣ кричатъ... хвать... анъ трехъ куръ какъ не бывало!.. онѣ къ намъ... мы съ Петрухой бѣгомъ... нагонять! бѣгали, бѣгали, никого... что̀ за лѣшій... Ты, сватъ, никого не встрѣлъ?..

— Никого, отвѣчалъ удивленный Антонъ, — хоть бы живого человѣка встрѣлъ... а вотъ кусты... больно вымяты...

Мужички покинули сосѣда и снова пустились въ погоню по дорогѣ...

Такое обстоятельство не могло не привлечь вниманія Антона; въ Троскинѣ, и особенно съ нѣкоторыхъ поръ, только и слуху было, что о разныхъ проказахъ: то уводили лошадей, то подползали въ клѣти и каморы, выбирали деньжонки, холсты и всякое домашнее снадобье. Поговаривали даже, будто въ сосѣднемъ селѣ Орѣшковѣ, мужикъ Дормидонъ, идучи по лѣсу, наткнулся на двухъ бродягъ, которые наказывали ему передать ихъ старостѣ, чтобъ берегъ лошадей, не то уведутъ, и что, несмотря на всѣ принятыя предосторожности, лошадей все-таки увели въ первую ночную сторожку. Все это разомъ прихлынуло въ голову Антона; онъ невольно забылъ на мгновеніе свое горе. Сумерки уже совсѣмъ омрачили небо, когда онъ вступилъ къ себѣ въ избу. Тутъ все уже давнымъ-давно успокоилось. Варвара, свѣсивъ голову на столъ и обнявъ обѣими руками остатокъ коровая, спала

Digitized by Google

крѣпко-накрѣпко; свѣтъ отъ догоравшей лучины отражался лишь въ углу на иконѣ; остальная часть избы исчезла въ темнотѣ; гдѣ-гдѣ блистала кочерга или другая домашняя утварь; съ печки слышалось едва внятное легкое храпѣнье обоихъ ребятишекъ. Антонъ поправилъ лучину, оглянулъ кругомъ стѣны и сѣлъ подлѣ жены на лавочку. Движеніе это мгновенно пробудило Варвару.

— Ну, что, Антонушка? сказала она, отводя отъ лица волосы и придвигаясь проворно къ мужу,—зачѣмъ звалъ тебя злодѣй-то нашъ?.. да что-жъ ты не баешь? прибавила она, нетерпѣливо дергая его за полу.

— Что тутъ баять, отрывисто отвѣчалъ мужъ; онъ тяжело вздохнулъ и, какъ бы собравшись съ духомъ, промолвилъ: — велѣлъ пѣгашку вести... на ярманку!.. ненадоть ее, говоритъ... теперь дѣло зимнее: проживешь безъ лошади... Ну, вотъ, сказалъ тебѣ сдуру, а ты... эхъ, Варюха, Варюха! полно тебѣ рюмиться-то, вѣдь говорю, слезами-те пуще мутишь мнѣ душу! Эка ты право неразумная баба какая... нешто горю этимъ пособишь?.. знать, погрѣшилъ я право чѣмъ передъ Господомъ Богомъ!..

— Касатикъ ты мой! говорила, рыдая, баба,—нешто я о своемъ горѣ убиваюсь... охъ, рожоной ты мой... мнѣ на тебя смотрѣть-то горько... ишь заѣлъ онъ тебя... злодѣй, совсѣмъ... какъ погляжу я на тебя... индо сердечушко изнываетъ... и не тотъ ты сталъ... охъ... И тутъ она, опустившись на лавку, затянула нараспѣвъ: — охъ, горькая наша долюшка... и пошла-то я за тебя горькой сиротинушкой, на бѣду-то на кручину лютую...

— Послушай, Варюха, а Варюха... слушай, что я тебѣ скажу, твердилъ мужикъ, силясь приподнять ее,—не убивайся такъ-то, наше дѣло еще не пропащее, вотъ, ономнясь встрѣтился мнѣ Ѳедотовъ изъ Выселокъ, сказывалъ... сулилъ, что коли молъ хошь, Антонъ, я тебя возьму въ работники... пять десятковъ въ годъ вишь даетъ... не убивайся, пойду въ работники, отпрошусь на оброкъ...

— Охъ, не верти меня, родимый; я все провѣдала: у Ѳедотова давнешенько батракъ нанялся... охъ, горькая, горькая наша-то долюшка...

И баба снова повалилась на лавку, залилась пуще прежняго слезами.

— Эхъ я дурень! вскричалъ мужикъ.—Эй, Варюха, я

Digitized by Google

бишь и забылъ, вотъ поглядь-кось, поглядь—ишь какую штуку поднялъ я на дорогѣ... погляди...—Сказавъ это, онъ выложилъ на столъ платокъ, стараясь утѣшить бабу.— Иду по задамъ, гляжу, никого нѣтъ, а онъ вотъ виситъ на кустѣ, какъ словно зацѣпился...

— Родной ты мой, да вѣдь это знать старуха обронила...

— Какая старуха?

— Да вотъ нищенка-то, что къ намъ заходила...

— Ой-ли?.. Полно, такъ ли, Варвара?.. Не обмолвилась ли ты съ просонья?

— Что ты, касатикъ! Я сама видѣла, какъ она, сердешная, платокъ-отъ повязывала.

— Тутъ, Варюха, мотри, что-то непутное, вымолвилъ Антонъ раздумчиво,—старуха-то... Э! То-то люди сказываютъ, будто и вчастую заставали ее за такими дѣлами. И какъ это она скоро улизнула... Нѣтъ, не пущай ты ее къ намъ, долго ли до грѣха!.. Гость и немного гоститъ, да много видитъ; ишь, я было сдуру-то разговорился съ нею, а кто ее знаетъ, можетъ и взаправду зло какое замышляетъ... въ чужой разумъ не влѣзешь... Я давно запримѣтилъ, она только и норовитъ, какъ бы вывѣдать, что у насъ въ деревнѣ дѣлается... У кого вишь сколько скота, лошадокъ, какъ живетъ... Вотъ и нынче про Стегнѣя Борисова тоже вывѣдывала, до всего ей дѣло! Э, нѣтъ, не пущай ее къ намъ въ избу, ни за что не пущай, Господи упаси!..

— Ея платокъ, точно ея, замѣтила Варвара, утирая слезы,—вотъ и прорѣха на самой серединкѣ.

— То-то, отвѣчалъ мужикъ, заботливо качая головою,— ишь на старости лѣтъ какой грѣхъ принимаетъ на свою душу, и безстыжая вѣдь какая! Такъ вотъ и лѣзетъ, а поглядишь, словно и взаправду нищенка... Недаромъ говорятъ, у ней деньга-то водится, да... о-охъ!..

Антонъ помолился передъ иконою, разулся и, вздохнувъ нѣсколько разъ сряду, полѣзъ къ ребятишкамъ на печку. Варвара затушила лучину и послѣдовала за мужемъ. Вскорѣ все затихло въ избѣ. Неизвѣстно, однако, скоро ли заснулъ бѣдный ея хозяинъ; быть-можетъ онъ даже вовсе не смыкалъ глазъ...

Вѣрно только то, что не спалъ сверчокъ; унылая пѣснь его потянулась мѣрно и тихо, потомъ стала чаще, звончѣе, наконецъ мало-по-малу заглушила храпѣнье ребятишекъ и наполнила собою избушку.

Digitized by Google

III.

Дорога.

Въ избушкѣ царствовалъ еще глубокій, непроницаемый мракъ, когда Антонъ приподнялъ потихоньку голову и началъ прислушиваться... Убѣдившись, что жена и ребята крѣпко-накрѣпко спали, онъ осторожно, чуть дыша, спустился съ печи и сталъ приготовляться въ дорогу. Отыскать ощупью полушубокъ и шапку, намотать наскоро въ потемкахъ онучи, отрѣзать краюху хлѣба, завернуть ее въ тряпицу и засунуть за пазуху—мужику дѣло привычное. Онъ перекрестился наобумъ передъ угломъ, гдѣ стояла икона, и выбрался на крыльцо. Заря еще не занималась; на дворѣ только-что проглядывали первыя повиднушки. Антонъ приперъ какъ можно плотнѣе дверь изъ крылечка въ избу.

— Ну, теперь спите вволю, вымолвилъ онъ,—Господь съ вами, спите... Слезами-те только душу мутите, а мнѣ и безъ нихъ куда тошно...

Онъ вошелъ въ клѣть, гдѣ стояла пѣгашка. Почуявъ хозяина, она тотчасъ же повернула къ нему кудластую свою голову, насторожила уши и замотала хвостомъ.

— Ну, пѣгашка, полно, полно-те хвостомъ-то вилять, произнесъ мужичокъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ,—небось изъ дому-то не хочешь? Ступай-ка, ступай, не кобенься; супротивъ воли и люди идутъ, не токмо что ты... Ступай; знать и тебѣ пришла пора дѣлить хозяйское горе...

Антонъ взнуздалъ ее и вывелъ на дворъ. Бѣдная кляча словно предугадывала свою участь: всегда смирная и покорная, она въ этотъ разъ фыркала, упорно мотала головою и безпрестанно озиралась на стороны, какъ бы прощаясь навсегда съ дворомъ и клѣтью, посреди которыхъ взросла и вскормилась. Антонъ также глядѣлъ на дряблую избушку свою; Богъ вѣсть о чемъ онъ думалъ: чужая голова—темный лѣсъ. Наконецъ, махнулъ онъ рукой, взялъ лошадь подъ уздцы и вышелъ на улицу. Онъ сѣлъ на лошадь. Но пѣгашка никакъ не хотѣла идти къ околицѣ, куда направлялъ ее Антонъ; несмотря на всѣ усилія его, она пустилась сначала вскачь къ колодцу, потомъ дала кругъ по всей улицѣ и все-таки остановилась у избушки. Видя, что сила не беретъ, хозяинъ при-

Digitized by Google

нужденъ былъ слѣзть на-земь, снова взять ее подъ уздцы и вывелъ за околицу. Ворота заскрипѣли и затворились. Темнота уже замѣтно разсѣялась; но не ясный, ведряный день обѣщало утро; тамъ, съ востока, не багрянилось небо, не ложились алыя, золотистыя полосы свѣта, предвѣстницы теплаго солнышка; небо было сѣро, пасмурно; сизыя тучи облегали его отовсюду, суля ненастье и сиверку.

Дорога отъ околицы шла въ гору; по мѣрѣ того, какъ Антонъ подымался, мѣстность, окружавшая деревню, постепенно ограждалась возвышенностями и принимала видъ лощины. Тамъ, словно изъ земли, выступали поминутно— то крестьянскій овинъ съ пригнувшеюся къ нему рябиною, то новый дощатый заборъ, то часть барскаго сада, о существованіи которыхъ нельзя было и подозрѣвать съ улицы. Мало-по-малу показалась рѣчка съ угловатыми своими загибами, потомъ ветлы и кровля мельницы, еще выше—потянулись поля съ знакомымъ осинникомъ, потомъ снова все это попряталось одно за другимъ; вотъ уже исчезли мельница, господскій домъ, село, а вотъ и избушка Антона начала уходить за горою... Хозяинъ ея еще разъ обернулся въ ту сторону, прищурился, протеръ глаза и вдругъ хлеснулъ пѣгашку и пустился рысцою по дорогѣ. Миновавъ троскинскія земли, Антонъ притянулъ поводья и поѣхалъ шагомъ. Гора уже давнымъ-давно закрыла собою дорогу села; во всѣ стороны на необозримый кругозоръ открывались черныя поля, смоченныя дождями; рѣдко-рѣдко мелькала вдалекѣ полоса сосноваго лѣса или деревушка; дорога то и дѣло перемежалась проселками.

Антонъ давно уже не ѣзжалъ въ городъ. Никита Ѳедорычъ не любилъ отпускать часто мужиковъ изъ деревни; особенно строго держался онъ этого правила съ тѣми изъ нихъ, съ которыми находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ. По его мнѣнію, не отпустить мужика въ городъ считалось хорошею и вмѣстѣ съ тѣмъ очень дѣйствительной мѣрой наказанія. Такъ напримѣръ, накоплялось ли гороху у мужичка—гдѣ бы свезти его на базаръ, благо цѣна красна, анъ нѣтъ: какъ ни бьется, сердечный, Никита Ѳедорычъ ни за что не отпуститъ; подумаетъ крестьянинъ: плетью обуха не перешибешь, да и продастъ горохъ сосѣду за сущій безцѣнокъ,—не лежать же стать житу, да гнить въ закромѣ. Другому Господь

Digitized by Google

Богъ залишнюю телушку послалъ; вотъ и бредетъ онъ къ управляющему: „Деньги, молъ, понадобились, батюшка, соблаговолите отпустить въ городъ кой-что продать; надо, вишь, обзавестись тѣмъ да другимъ по хозяйству".—„Ахъ ты, такой-сякой, молвитъ ему управляющій,—небось какъ соты-то ломалъ прошлую осень, такъ не принесъ мнѣ медку? Сиди-ка дома; все бы вамъ только шляться..."—Что, думаетъ проситель,—господъ нашихъ нѣтути, а онъ у насъ сила, не стать перечить, зарѣжетъ телку да и поснѣдаетъ ее съ Божьею помощью. Такъ же точно было и съ Антономъ, если еще не хуже.

Но теперь дѣло въ томъ, что на 16-й или 17-й верстѣ нашъ мужикъ рѣшительно сталъ втупикъ; очнувшись внезапно отъ раздумья, которое овладѣло имъ съ того самаго времени, какъ покинулъ онъ Троскино, Антонъ никакъ не могъ припомнить ни мѣста, гдѣ находился, ни даже сколько верстъ оставалось приблизительно до города. Онъ только и помнилъ, что проѣхалъ Кіясавку и Выселки да свернулъ влѣво отъ Екиматовской слободы. На пѣгашку же положиться не было никакой возможности; Антонъ зналъ, что, будучи лошадью незамѣтною, т.-е. лишенною способности припоминать дорогу, она могла очень легко завезти его Богъ вѣсть куда. Онъ задумывалъ было свернуть въ сторону, къ виднѣвшейся влѣво за перелѣскомъ деревушкѣ, когда одинъ совершенно неожиданный случай навелъ его снова на путь истинный. Оглядывая мѣстность, онъ увидѣлъ на распутьи полуразвалившійся деревянный крестъ, водруженный въ небольшой бугорокъ.

— Эхва, у меня изъ памяти-то вышла могилка дяди Андрея! воскликнулъ онъ, снимая шляпу и крестясь набожно.—Дорога-то вотъ тутъ же и сворачиваетъ въ городъ... на Закуряево... Эхъ, совсѣмъ запамятовалъ, чуть было съ пути не сбился!

Дорогою Антонъ невольно принялся припоминать происшествіе, связывавшееся съ дядею Андреемъ.

Года три тому назадъ, на этомъ самомъ распутьи стояла мазанка, принадлежавшая монастырскому сборщику, одинокому старичку. Рѣдкій изъ окрестныхъ жителей не зналъ его; бывало, кто бы ни плелся, кто бы ни ѣхалъ въ городъ, мужикъ ли, баба ли, сѣдой старичишка тутъ какъ тутъ, стоитъ на порогѣ да потряхиваетъ своей книжонкой, къ которой привязанъ колокольчикъ. И рѣдкій

Digitized by Google

говорилъ ему: „Богъ подастъ!“ рѣдкій не отдавалъ ему копеечку на построеніе Господняго храма. Всѣ попривыкли къ нему съ самаго дѣтства. И вдругъ не стало дяди Андрея, какъ словно никогда его здѣсь и не бывало. Толковали, толковали мужички окрестные и, наконецъ, вотъ что̀ узнали. Однажды въ самую глухую зимнюю полночь входятъ къ Андрею два незнакомые человѣка, скручиваютъ его по рукамъ и по ногамъ и требуютъ денегъ. Долго допытывались они, — стоитъ на одномъ старикъ: три гроша всего вишь у него, остальные вечоръ въ монастырь отослалъ, а больше, видитъ Богъ, нѣтути! Они пуще пытать. Ужъ онъ имъ молился, молился, нѣтъ! уходили-таки старика обухомъ и сами принялись искать. Какъ перешарили все до ниточки, тутъ только и спохватились, что даромъ потеряли человѣка: въ тряпицѣ за печью всего-на-все было три гроша. Наѣхали со всѣхъ сторонъ земскіе да понятые, закопали дядю Андрея на самомъ распутьи, мазанку снесли на другую дорогу, ибо никто не соглашался поселиться въ ней, а на ея мѣстѣ воздвигли крестикъ, тотъ самый, что̀ такъ часто напоминалъ мужичкамъ дорогу въ городъ.

Антонъ не успѣлъ еще перебрать въ головѣ всѣ подробности этого происшествія, надѣлавшаго въ свое время много шуму въ околоткѣ, какъ увидѣлъ вдалекѣ телѣгу, которая медленно приближалась къ нему навстрѣчу. Сначала показалось ему, будто въ ней никого не было, но потомъ, когда она поровнялась, онъ разглядѣлъ на днѣ ея мужика, лежавшаго въ растяжку. Антонъ несказанно обрадовался.

— Эй! послушай, братъ, крикнулъ онъ, — а примѣрно далеко ли отсель до столбовой дороги?

Тотъ, къ кому обращался вопросъ, лѣниво и какъ бы нехотя приподнялъ голову, подперся локтемъ, поглядѣлъ пристально на Антона, зѣвнулъ протяжно и, не отвѣчая ни слова, улегся въ телѣгу.

— Эй, сватъ, эй! крикнулъ Антонъ, — что жъ ты? эй, далече ли до столбовой?..

Мужикъ снова приподнялъ голову, поглядѣлъ на Антона, опять зѣвнулъ и, опять не отвѣтивъ ни слова, опустился на дно своей телѣги; только на этотъ разъ онъ хлеснулъ лошадь, которая мигомъ унесла его изъ виду.

Антонъ опять остался одинъ-одинёшенекъ посреди полей: пѣгашка плетется дробнымъ шажкомъ, а онъ то и

Digitized by Google

дѣло посматриваетъ вправо да влѣво, то прищурится, то раскроетъ глаза, принимая каждый пень, каждую кочку за живого человѣка. И вотъ снова чудится ему, что кто-то ѣдетъ навстрѣчу. Глядитъ, и впрямь несется телѣжка; вороная лошадь въ наборной шлеѣ съ мѣдными бляхами, на облучкѣ подскакиваетъ не то мѣщанинъ, не то помѣщикъ, а только не мужикъ: на немъ картузъ и синій кафтанъ. На этотъ разъ однако встрѣча, казалось, не порадовала нашего мужичка; онъ круто осадилъ пѣгашку, смутился, сдѣлалъ даже движеніе, ясно выражавшее намѣреніе кинуться въ сторону, но тотчасъ же остановился; было поздно; Антонъ узналъ въ синемъ кафтанѣ троскинскаго мельника, котораго такъ усердно избѣгалъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Мельникъ остановился; Антонъ слѣзъ съ лошади.

— Здравствуй, Аксентій Семенычъ! произнесъ онъ, переминая въ рукахъ шапку.

— Здорово, братъ, куда?

— Въ городъ, Аксентій Семенычъ, лошадь продавать... подушныхъ платить нечѣмъ; такая-то бѣда сталась со мною...

— Ну, а мнѣ-то когда заплатишь? я, кажись, и то не мало ждалъ...

Антонъ замялся.

— То-то, братъ, продолжалъ мельникъ, перемѣнивъ тонъ, — вѣдь такъ промежъ добрыхъ людей дѣлать не приходится; лѣтомъ еще осталось получить съ тебя за помолъ, а ты съ той поры и глазъ не кажешь; сулилъ отдать ко Второму Спасу, а я хоть бы грошъ отъ тебя видѣлъ... такъ дѣлать не показано вашему брату... на то есть правота: какъ разъ пойду въ контору... я давно запримѣтилъ, ты отъ меня отлыниваешь...

— А что мнѣ отъ тебя отлынивать... нешто я коли отлынивалъ...

— Видно такъ.

— Ину пору и радъ бы отдалъ, да коли нечѣмъ; самъ вѣдаешь, отколѣ скоро-то взять нашему брату хрестьянину... былъ нынче недородъ, съ корки на корку, почитай, что весь годъ перемогались... Аксентій Семенычъ... тутъ вотъ подушныя еще платить надо...

— Про то не мое дѣло вѣдать... вамъ подушныя платить, а мнѣ небось по міру идтить... дѣлай какъ быть слѣдно, знай честь, счетомъ взялъ, счетомъ и отдавай; что тутъ баить...

Digitized by Google

— Что ты опасаешься?.. сказалъ Антонъ, смягчая по возможности голосъ. — Развѣ я отнѣкиваюсь отъ долга, говорю, отдамъ, обожди маненько, твое дѣло не пропащее, право, скажу спасибо...

— На какой мнѣ лѣшій твое спасибо? изъ него шубы-то не сошьешь...

— Кажись, Аксентій Семенычъ, мнѣ не впервые съ тобою вѣдаться.

— Точно не впервые, что говорить; зачѣмъ же молоть-то на чужой мельницѣ? ась?

— На Емельяновкѣ-то?

— А хоть бы и на Емельяновкѣ...

— Сходнѣе, Аксентій Семенычъ...

— Какъ сходнѣе?.. за восемнадцать-то верстъ сходнѣе?..

— Оно, что баить, далече, да на Емельяновкѣ-то за помолъ берутъ съ насъ хлѣбомъ, а ты вишь требуешь деньгами... да еще пятакъ съ воза набавилъ... самъ поразсуди, откуда ихъ взять... наше дѣло знамо какое...

— Ладно, ладно... ну, а зачѣмъ же подзадоривалъ Ѳедосѣя да Ивана Галку ѣздить на Емельяновку?..

— Да когда я ихъ подзадоривалъ?.. что ты?..

— А то кто же? Ты первый изъ троскинскихъ поѣхалъ...

— Знать, сами провѣдали...

— Сами провѣдали! То-то, шишковато больно говоришь; ты говори, да не ври, не вечоръ я родился,—что, думаешь, не знаю!

— Чтобъ мнѣ вѣкъ отъ добрыхъ людей добра не видать, Аксентій Семенычъ, коли я имъ хошь слово какое сказалъ...

— Ладно, братъ, толкуй дьяковой кобылѣ; я думалъ по чести вести съ тобой дѣло, а ты вотъ на что пустился! другихъ еще сталъ подзадоривать... Ладно же, вскричалъ мельникъ, мгновенно разгорячаясь, — коли такъ, отколѣ хошь возьми, а деньги мои подай! подай мои деньги!.. не то прямо пойду въ контору... Никита Ѳедорычъ не свой братъ... какъ разъ шкуру-то вылущитъ! погоди, я-жъ те покажу!

Сказавъ это, мельникъ дернулъ вожжи и поѣхалъ далѣе. Смущеніе и досада, овладѣвшія Антономъ при этой встрѣчѣ, уступили мѣсто тяжкому горю. Обстоятельство это показывало ему въ самыхъ рѣзкихъ и сокрушительныхъ чертахъ и безъ того уже горькую его долю. Онъ

Digitized by Google

уже не глазѣлъ теперь по сторонамъ; понуривъ голову, смотрѣлъ онъ печально на бѣжавшую подъ его ногами дорогу, и не разъ тяжкій вздохъ вырывался изъ груди бѣднаго мужика. Такимъ-то образомъ, самъ почти не замѣчая этого, выѣхалъ онъ на большую дорогу. Тутъ Антонъ невольно долженъ былъ оставить свои думы и заботиться исключительно о настоящемъ своемъ положеніи.

Дорога, размытая осенними ливнями, обратилась въ сплошную топь; стадо воловъ, которыхъ прогоняютъ обыкновенно безъ разбора, гдѣ ни попало, замѣсили ее и дѣлали рѣшительно непроходимою; стоило только зазѣваться разъ, чтобы окончательно посадить и лошадь и возъ, или самому завязнуть. Сколько ни оглядывался Антонъ, не замѣчалъ ни верстъ, ни вала, ни ветелокъ, которые обозначили бы границу: просто-попросту, тянулось необозримое поле посреди другихъ полей и болотъ; вся разница состояла только въ томъ, что тутъ по всѣмъ направленіямъ виднѣлись глубокія ямы, котловины, „чертороі“, свидѣтельствовавшіе безпрестанно, что здѣсь засѣлъ возъ или лошадь; это были единственные признаки столбовой дороги. Мѣстами, впрочемъ, замѣтны были слѣды чьего-то заботливаго попеченія: цѣлыя груды хвороста и мелкаго лѣса воздвигались, какъ бы предохраняя путника отъ трясины или топи; но путники, въ числѣ ихъ, разумѣется, и Антонъ, старались по возможности объѣзжать ихъ; даже кляча послѣдняго съ необыкновенною тщательностью обходила эти поправки, догадываясь, вѣроятно, глупымъ своимъ инстинктомъ, что тутъ-то легче всего сломить ногу или шею.

Спустя немного времени, Антонъ встрѣтилъ длинную вереницу бабъ въ бѣлыхъ платкахъ и такихъ же балахонахъ, дѣлавшихъ ихъ владѣлицъ издали похожими на привидѣнія. Онѣ тянулись одна за одной гуськомъ по дорогѣ. У каждой была клюка и берестовая котомка съ прицѣпленною къ ней парою лаптей за плечами. Всѣ отъ первой до послѣдней шли босикомъ.

— А что, бабушка, вы небось изъ города? спросилъ Антонъ у старушки, сгорбленной и едва передвигавшей отъ стужи ноги.

— Изъ города, касатикъ.

— Что, много небось на ярманкѣ нашего брата съ лошадьми?...

Digitized by Google

— А не знаю, кормилецъ, отвѣчала она, кланяясь,— кто ихъ знаетъ: мы не здѣшнія...

— Да вы отколѣ?

— Сдалече, родимый: мы каширскія... идемъ въ Воронежъ на богомолье...

— По своей охотѣ... идете? спросилъ разсѣянно мужикъ.

— По своей.

Антонъ вздохнулъ и почесалъ затылокъ.

— Э! произнесъ онъ, махнувъ рукою.

— О чемъ спрашиваешь, касатикъ? сказала другая богомолка, помоложе первой.

— Далече ли до города? вымолвилъ онъ отрывисто.

— А сколько? продолжала она, обращаясь къ третьей. — Тётка Арина, сколько до города? верстъ десятокъ станетъ?...

— Что ты, отвѣчала нерѣшительно Арина, — много, много, коли пятокъ...

Не дожидаясь спора, который безъ сомнѣнія долженъ былъ возникнуть вслѣдствіе этого недоразумѣнія между бабами, Антонъ поѣхалъ далѣе; отъѣхавъ версты двѣ, онъ услышалъ пѣсню и немного погодя различилъ двухъ человѣкъ, которые шли по закраинѣ дороги и, какъ казалось, направлялись къ сторонѣ города. Вскорѣ онъ нагналъ ихъ. Это были два молодые парня веселой и безпечной наружности. Одинъ изъ нихъ, тотъ, который казался постарѣе, былъ съ черною какъ смоль бородою, такими же глазами и волосами; бѣлокурая бородка другого только-что начинала пробиваться.

Мѣщанскій картузъ съ козырькомъ, обвитый внизу у залома лентой, изъ-подъ которой торчали корешки павлиньихъ перьевъ, украшалъ голову каждаго изъ нихъ, спустившись съ макушки на бекрень; бѣлые какъ мѣлъ полушубки съ иголочки составляли ихъ одежду, отличавшуюся вообще какимъ-то особеннымъ щегольствомъ. Смазные сапоги съ алою сафьянною оторочкою болтались у нихъ за плечами; коротенькая трубочка, оправленная мѣдью, дымилась въ губахъ того и другого. Не успѣлъ поровняться съ ними Антонъ, какъ уже оба они остановились, и черный крикнулъ ему, оскаливъ свои бѣлые какъ кипень зубы:

— Здорово, братъ, крестьянинъ! эй! не берешь ли попутчиковъ? Посади насъ на лошадь, мы бы съ тебя дешево взяли...

Digitized by Google

— Нѣтъ, братцы, спасибо... и одного-то насилу везетъ.. нехотя отшутился Антонъ.

— А мы ей-Богу дешево бы съ тебя взяли. Сѣвка! сколько даешь?

Сѣвка вынулъ изо рта чубучокъ, отплюнулъ сажени на три и залился звонкимъ хохотомъ.

— А что, братцы, много ли еще осталось до города?

— Да вотъ какъ, отвѣчалъ безъ запинки черный:-- пойдешь — близко думаешь, а придешь—скажешь дорога дальняя!...

— Полно вамъ чудить, ребята, произнесъ мужикъ,—э! онъ махнулъ рукой,—ишь лошадь совсѣмъ умаялась..

— Что̀ съ тобой станешь дѣлать... изволь скажу.. мотри только... чуръ не обгоняй, спроси у Сѣвки, онъ те скажетъ...

— Какъ разъ пять верстъ, сказалъ Сѣвка.

— Что ты! экъ махнулъ! вскричалъ черный, — пять!... и въ десять не вопрешь! что̀ больно близко?...

— Анъ пять!

— Анъ десять!

— Анъ пять!

— Анъ десять!

— Врешь! экъ ты, Матюшка, спорить гораздъ; сейчасъ за горою будетъ село Бубрино, а отъ него всего четыре версты до заставы...

— Эка шалава, пра шалава, отвѣчалъ ему на это Матюшка потихоньку, — нешто не видишь, я хотѣлъ было мужика повертѣть... пра шалава...

Сѣвка снова залился смѣхомъ.

— Отколѣ тебя Богъ несетъ, Христовъ человѣкъ? началъ Матюшка.

— Мы изъ троскинскихъ... знаете село Троскино?... отвѣчалъ со вздохомъ Антонъ...

— Ну, вѣстимо, какъ не знать.

— А вы, братцы, отколѣ?

— Отколѣ? а изъ сельца Дубиновки, слободы Хворостиновки, вотчины Колотиловки, отвѣчалъ серьезно черный.

— Ишь черти балясники! вымолвилъ Антонъ.

— Аль не вѣришь? продолжалъ Матюшка,—ей-Богу правда; а коли знать хочешь, такъ по деревнямъ шлялись, зипуны да понявы шили... Эй, землякъ, нѣтъ ли табачку: смерть нюхать хоцца.

— Нѣтъ, нѣту... ну, а примѣрно какая ваша служба?

— А вотъ какая: пришелъ въ деревню, брякнулъ дубиной въ окно: „эй вы, тётки, бабы, дѣвки да хозяева съ чечеревятами, нѣтъ ли шитва?“, а нѣтъ шитва, такъ бражки подавай удалому Кондрашкѣ!...

— Стало вы портные?

— Портные, ребята удалые!... Эй, Сѣвка, что жъ ты прикорнулъ, собачья голова, аль сноху нажилъ? ну, запѣвай: „Эй вдоль по улицѣ, да мимо кузницы“... ну!...

И оба затянули лихую забубенную пѣсню. Антонъ слушалъ, слушалъ и не могъ надивиться удали молодцовъ.

— Что, много оброку платите? спросилъ онъ задумчиво, когда пѣсня была окончена и парни закурили свои трубки.

— Ровно ничего, отвѣчали они въ одинъ голосъ.

— Какъ такъ?..

— Да такъ же: мы, братъ, вольные, живемъ не тужимъ, никому не служимъ!..

Тутъ Матюшка приложилъ коренастую ладонь къ правой щекѣ своей и запѣлъ тоненькимъ, пронзительнымъ дискантомъ:

Ты зачѣмъ, зачѣмъ, мальчишка,
Съ своей родины бѣжалъ?
Никого ты не послушалъ
Кромѣ сердца своего...

Вскорѣ всѣ три путника достигли высокой избы, осѣненной елкой и скворешницей, стоявшей на окрайнѣ дороги при поворотѣ на проселокъ, и остановились.

— Вотъ мы шутя, а алтынъ на сороковину отмахнули, сказалъ Матюшка Антону. — Ну, что жъ, слѣзай, пора духу перехватить; вотъ гляди и казенная аптека передъ нами...

— Нѣтъ, спасибо, братцы, отвѣчалъ тотъ, — ира, спасибо, прибавилъ онъ, озираясь на стороны и почесывая затылокъ.

— Э, полно мірякомъ-то прикидываться, пойдемъ, сорвемъ косуху при спопутности...

— Неколи... вамъ дѣло досужное, а мнѣ въ городъ пора...

Антонъ вздохнулъ.

— Ну вотъ еще, поспѣешь.

— Денегъ нѣту.

— Эка бѣда, ступай оставь что-нибудь въ закладѣ, какъ назадъ поѣдешь, отдашь...

Видно было, что нашъ мужикъ сильно колебался; нако-

Digitized by Google

нецъ онъ собрался съ духомъ и сказалъ рѣшительно: „ей-Богу, не пойду!“

— Что жъ ты глотку опозорить боишься, что ли? не пьешь?..

— Пить-то пью... эхъ, нѣтъ, не пойду!..

Антонъ повернулъ лошадь къ городу.

— Ну, да чортъ-те дери... эй, землякъ, выпей хошь для міру... хошь для міру-то выпей...

— Господь съ вами, сказалъ Антонъ, пуская рысью пѣгашку.

— Экой чортъ! кричали ему вслѣдъ молодцы,—прямая шалава!.. погоди, обронилъ хвостъ у лошади... эй!.. цапля!..

Но Антонъ ничего не слышалъ; онъ давно уже былъ за горою. Погода, между тѣмъ, какъ-будто собиралась разгуляться; свинцовое небо прояснилось; это дѣлалось особенно замѣтнымъ вправо отъ дороги къ селу Бабурину. Бѣлый господскій домъ и церковь, расположенные на горѣ, вдругъ ярко засіяли посреди темныхъ, покрытыхъ еще густою тѣнью деревъ и избушекъ; въ свою очередь сверкнуло за ними дальнее озеро; съ каждою минутой выскакивали изъ мрака новые предметы: то вѣтряная мельница съ быстро вращающимися крыльями, то клочокъ озими, который какъ бы мгновенно загорался; правда, слѣва все еще клубились сизые хребты тучъ и мѣстами косая полоса ливня сливала сумрачное небо съ отдаленнымъ горизонтомъ; но вотъ и тамъ мало-по-малу начало свѣтлѣть... Сквозь туманную мглу просіяла пестрая радуга, ярче,—и вотъ она обогнула собою половину неба; лучъ солнца, неожиданно пробившись сквозь облако, заигралъ въ бороздахъ, налитыхъ водою, и вскорѣ вся окрестность освѣтилась бѣлымъ свѣтомъ осенняго солнышка. Въ то же время и самая дорога какъ бы немножко повеселѣла. Чѣмъ ближе придвигалась она къ городу, тѣмъ болѣе было замѣтно на ней оживленія. Нерѣдко начинали уже попадаться тучные, укутанные веретьями возы съ мукою, рожью, огурцами, горшками и разными другими хозяйственными принадлежностями. Коегдѣ встрѣчались бабы, тащившія за веревку хилую, костлявую коровенку съ высохшимъ выменемъ, которую, вѣроятно въ награду за ревностную службу многихъ лѣтъ, влачили продавать кошатникамъ на шкуру. Изъ проселковъ то и дѣло сворачивали телѣги, наполненныя мужи-

Digitized by Google

ками и бабами, горланившими пѣсни. Нарядныя поярковыя шляпы, кафтаны и сапоги у мужчинъ, алые повойники и коты пестрые у женщинъ давали знать о происходившей въ городѣ ярмаркѣ. Проѣхавъ еще версты двѣ, Антонъ увидѣлъ длинную безконечную фуру съ высокимъ верхомъ, покрытымъ войлокомъ; на передкѣ сидѣлъ нахохлившись сѣдой сутуловатый старикъ и правилъ изнуренною, едва переводившею духъ тройкою; подлѣ него на палкѣ, воткнутой въ облучокъ, развѣвался по воздуху пышный пучокъ ковыля. Изъ кузова, завѣшаннаго коекакъ рогожею, высовывалось нѣсколько ногъ, смуглыхъ, черныхъ, а между ними виднѣлась кудластая, взъерошенная голова, державшая во рту трубку съ мѣдною оковкою. Изъ фуры слышался живой разговоръ на какомъ-то странномъ, дикомъ языкѣ. Къ задней части экипажа, переплетенной веревками, была привязана цѣлая дюжина разношерстныхъ лошадей, тавреныхъ по бедрамъ. Словомъ, по всему узнать можно было цыганъ-барышниковъ. Далѣе попался слѣпой нищій, упиравшійся одной рукой на сучковатую палку, другою на плечо худощаваго, оборваннаго мальчика, съ трудомъ вытаскивавшаго изнуренныя больныя ноги изъ грязи. Оба они, какъ видно, также поспѣшали на ярмарку въ надеждѣ выгодной добычи. Наконецъ-то заблистали вдалекѣ маковки церквей, глянули кровли, зданія, а тамъ выставилась изъ-за горизонта и вся гора, по скату которой расползался городъ. На песчаныхъ отмеляхъ широкой рѣки, огибавшей гору, бѣлѣлся монастырь; паромъ, нагруженный подводами, медленно спускался по теченію рѣки; на берегу чернѣлось множество народу, возовъ, лошадей. Шумъ слышался еще издали.

Сердце почему-то сильно забилось въ груди Антона, когда онъ подъѣхалъ къ заставѣ. Онъ словно впервые почувствовалъ себя на чужбинѣ и безотчетно вспомнилъ о женѣ и ребятишкахъ. Вслѣдъ затѣмъ пришелъ ему въ голову Никита Ѳедорычъ, горькая доля, ожидавшая семью въ случаѣ неудачи, потомъ встрѣча съ мельникомъ... Онъ быстро соскочилъ съ пѣгашки и, приблизившись къ мужику, торговавшему ободьями, спросилъ отрывисто, какъ бы проѣхать короче на конную. Получивъ отвѣтъ, Антонъ вступилъ за заставу и вскорѣ, подобно зерну, попавшемуся разъ подъ порхающій жерновъ, былъ затертъ толпою и исчезъ вмѣстѣ съ своей клячей.

Digitized by Google

IV.

Ярмарка.

Городишко, гдѣ происходитъ ярмарка, принадлежалъ къ самымъ ничтожнымъ уѣзднымъ городамъ губерніи. Глядя на него въ обыкновенное время, нельзя даже подумать, чтобъ онъ могъ служить цѣлью какой бы то ни было поѣздки; онъ являлся скорѣе на пути какъ *средство* ѣхать далѣе; куда ни глянешь: колеса, деготь, оглобли, кузницы, баранки,—и только; такъ развѣ перехватить кой-чего на скорую руку, подмазать колеса, сѣсть и снова въ дорогу. Но въ ярмарочную пору, и особенно осенью, онъ принималъ такую оживленную, разнообразную наружность, что трудно даже было узнать его. И не мудрено: сколько ни находится въ околоткѣ мужичковъ съ залежными гривнами и пятаками, съ припасенными про случай ржицею, гречею, мукою и сѣномъ, всѣ окрестные купцы, барышники, мѣщане, промышленники всякаго рода и сброда,—все стекалось сюда, кто для барышей и дѣла, а кто, какъ водится, погулять, поглазѣть да мошну повытрясти. Впрочемъ, и то сказать надо: есть на что посмотрѣть, есть что и купить въ „коренную ярмарку“ *). Сколько однихъ навѣсовъ, ятокъ, стоекъ, шатровъ понаставлено, не только на площадкѣ, но даже по всѣмъ переулкамъ, закоулкамъ, по всему скату горы, вплоть до самаго берега! И чего ужъ нѣтъ-то подъ ними, какого надо еще добра и товара? Тутъ пестрыми группами возносятся кубышки, крыночки, ложки кленовыя, бураки берестовые, чашки липовыя золоченыя суздальскія, жбанчики и лагунчики березовые, горшки, и горшки-то все какіе—муравленые коломенскіе! Тамъ цѣлыя горы жемковъ, стручьевъ, орѣховъ, мякушекъ, сластей паточныхъ-медовыхъ, пряниковъ, писанныхъ сусальнымъ золотцомъ... Здѣсь мечутся въ глаза яркою рябизною своею полосушки, набойки, холстинки, миткали всякіе... А сколько платковъ, и сизыхъ, и желтыхъ, и алыхъ, съ разводами и городочками, развѣваются по воздуху! Сколько александровки, кумачу, ситцевъ московскихъ, стеклярусу!.. А сколько костромского товару: запонокъ, серегъ оловянныхъ подъ фольгою и тавлинокъ подъ слюдою!—кажись на весь бы свѣтъ съ залишкомъ стало.

*) Такъ называются вообще въ [illegible]сіи осеннія ярмарки.

Digitized by Google

Поглядите-ка теперь, сколько, посреди всего этого, народу движется, толкается и суетится! какая давка, тѣснота! То прихлынутъ въ одну сторону, то въ другую, а то и опять сперлись всѣ на одномъ мѣстѣ,—хоть растаскивай! Крикъ, шумъ, разнородные голоса и восклицанія, звонъ желѣза, вой, блеянье, топотъ, ржаніе, хлопанье по рукамъ, и все это сливается въ какой-то общій, нестройный гамъ, изъ котораго выхватываешь однѣ только отрывчатыя, несвязныя рѣчи... Прислушайтесь: „Ой, батюшки, давятъ! Ой, голубчики, давятъ!“ пронзительно взвизгиваетъ толстая мѣщанка въ мухояровой душегрѣйкѣ на заячьемъ мѣху. „Ой, родимые, отпустите! Проклятый,—чего лѣзешь!..“ и вслѣдъ затѣмъ раздается подлѣ густой басъ: „А сама чего топыришься... Ну, ну, не больно пихайся, я и самъ гораздъ...“ — „Ахъ ты, такой-сякой, общипанецъ...“ Но тутъ голосъ мѣщанки покрывается разсыпчатымъ дребезжаньемъ торговка: „Купчиха! голубушка! на баранки, на баранки, сама пекла! На сайку, на горячу, сама пекла, на сайку...“—„По лукъ, по лукъ!“ слышится вслѣдъ за этимъ. „Э! лачи грай! тамаръ у Девелъ, течурасса манъ!“ (э! добрая лошадь, убей меня Богъ, укралъ бы). — „Авенъ, авенъ-те кинасъ!“ (пойдемте торговать!) кричатъ въ отдаленіи цыгане.—„Что покупаете? Ситцы-съ, канифасы, нанки, выбойки!.. у насъ брали, пожалуйте!..“— „Эхъ, солнышко садится, а у меня въ мошнѣ ничего не шевелится!“ раздается гдѣ-то въ сторонѣ.—„Иванъ Трофимычъ! Иванъ Трофимычъ! гдѣ, вы говорили, гребенки продаютъ?.. Ой! ой! давятъ!.. Иванъ Трофимычъ, не отставайте!“ и толпа дворовыхъ дѣвокъ, разряженныхъ въ пухъ и въ прахъ, кидается сломя голову къ высокому лакею со встрепанной манишкой.—„Сюда, сюда, Анна Андреевна, не опасайтесь-съ, ничего-съ... Марѳа Васильевна, не отставайте, городъ помѣщенье большое-съ, долго ли потеряться...“— „По клюкву, по ягодку по клюкву!“—„Помилуй, Христовъ ты человѣкъ, самъ гляди, нынѣшнее!“—„Черно больно...“— „Како черно, гдѣ оно черно? Ну, гдѣ? Сѣно что̀ ни есть свѣжее, звонкое сѣно, духовитое...“ — „Спиридонычъ, а Спиридонычъ! купи дѣвкѣ-те коты-те, ишь воетъ, ажно душу деретъ“. Звуки гармоники и удалая пѣсня заглушаютъ на мгновеніе всѣ голоса. „Сѣвка, а, Сѣвка! припремъ-ка вонъ ту купчиху-то, что̀ больно топырится...“— „И то, и то, напирай сильнѣе, Митюха, ну, не робѣй!“— „Ой, батюшки, давятъ! Ой. [illegible]ы, давятъ!“ снова

Digitized by Google

вопіетъ на всю ярмарку мѣщанка въ душегрѣйкѣ на заячьемъ мѣху.—„Ишь, чортова кукла, какъ воетъ; а, ну-кась, Сѣвка, катнемъ-ка еще...“—„Ну, чортъ съ ней! Знаешь что, Матюшка, пойдемъ-ка, братъ, на конную, нашлялись здѣсь въ волюшку...“—„На нашу долюшку! Ну, Сѣвка, пойдемъ... Эй, стой! Вонъ, кажись, сцѣпились,—драка; ступай сюда!“ — Долговязый, бѣлокурый парень стоитъ, оскаливъ зубы, передъ сѣдымъ старикомъ, увѣшаннымъ кнутами, варежками, кушаками, который ругается на всѣ бока и чуть не лѣзетъ парню въ бороду.

— Эй, дядя, чему оскаляешься, али радъ, что дожилъ до лысины? Что таришь парня-то? крикнулъ Матюшка.

— Вѣстимо, что у васъ? что? раздалось въ сдвинувшейся толпѣ.

— Братцы! прохрипѣлъ старикъ, — онъ мошенникъ, хлыновецъ окаянный!.. почитай, что вотъ съ самаго утра прикидывается у меня къ кушаку; торгуетъ, торгуетъ, а словно на-смѣхъ, ничего не покупаетъ... Ахъ, ты, въ стеклянночной-те разбей!.. Ахъ, ты!..

— Господа, а, господа, полно вамъ! говоритъ городовой польскаго происхожденія, инвалидъ съ подбитымъ глазомъ, выступая впередъ и толкая ссорившихся.—Полно, господа, начальство узнаетъ, ей-Богу начальство... Полно... вонъ (онъ указалъ на острогъ) туда какъ разъ на вольный хлѣбъ посадятъ... Полно, господа!..

— Эки дьяволы, право! произнесъ Матюшка, отходя прочь.—Хошь бы маленько-то почесали другъ друга, а то ишь чего испужались... Ну, лѣшій съ ними! Пойдемъ, братъ Симіонъ, на конную, ишь солнце того смотри сядетъ!

Конная площадь составляетъ главную точку ярмарочной промышленности. Тамъ, правда, не встрѣтишь ни офеней, увѣшанныхъ лубочными картинами, шелкомъ-сырцомъ, съ ящиками, набитыми гребешками, запонками, зеркальцами, ни мирныхъ покупателей—бабъ съ задумчивыми ихъ сожителями; рѣже попадаются красныя дѣвки, осанистыя, сытыя, съ стеклярусными на лбу поднизями; тутъ, по обѣимъ сторонамъ широкой луговины, сбился сплошною массою народъ, по большей части шумливый, задорный, крикливый, охочій погулять или уже подгулявшій. Одна сторона поля загромождена возами сѣна, дегтемъ, ободьями, лѣсомъ, колесами; также торгуютъ тутъ коровами и всякимъ скотомъ; другая почти вплот-

Digitized by Google

ную заставлена ятками, харчевнями, кабаками и навѣсами со всякимъ харчемъ и снѣдью. Здѣсь-то тѣснятся кружки играющихъ въ свайку и орлянку, разгуливаютъ шумными ватагами пѣсельники, хлыновцы, барышники и цыгане. По полю, тамъ и сямъ, носятся всадники, пробующіе лошадей, или летятъ иноходцы въ бѣговыхъ дрожкахъ и легонькихъ телѣжкахъ. Кое-гдѣ виднѣются группы конскихъ любителей, продавцовъ и покупателей.

Пріятели—портной Матюшка и товарищъ его Сѣвка—не успѣли еще продраться сквозь толпу, составлявшую ограду площади, какъ первый закричалъ что̀ есть мочи:

— Эй, Сѣвка! поглядь-кась, никакъ вонъ тотъ самый мужикъ, что встрѣлся съ нами на дорогѣ... Ну, такъ, такъ, онъ и есть... вонъ и пѣгая его кляча.. Должнобыть не продалъ... Эй, Старбей! продолжалъ онъ, обращаясь къ Антону.—Какъ-те звать, добрый человѣкъ?.. Знакомый, аль знать не хочешь?.. Ну, что̀, какъ Богъ милуетъ?..

— Здравствуйте, братцы, вымолвилъ Антонъ, подходя къ портнымъ вмѣстѣ съ другими двумя мужиками.

Новые товарищи Антона были приземистые, рыженькіе люди, очень похожіе другъ на друга; у обоихъ остроконечныя красныя бородки и плутовскіе сѣрые глазки; синій дырявый армякъ, опоясанный ремнемъ, вокругъ котораго болтались доспѣхи коновала, баранья черная шапка и высокіе сапоги составляли одежду того и другого.

— Что не веселъ, словно мышь на крупу надулся, ась? произнесъ Матюшка насмѣшливо.

— Како тутъ веселье, отвѣчалъ печально Антонъ, разсѣянно глядя въ поле.

— Что-жъ, опять небось алтынъ не хватаетъ?.. Знамо, безъ денегъ въ городъ—самъ себѣ ворогъ; жаль, братъ, прохарчились мы больно, а то бы, вотъ-те Христосъ, помогли, ей-Богу, хоть тысячу рублевъ, такъ сейчасъ бы повѣрили... А то вишь на косуху не осталось, словно быкъ какой языкомъ слизнулъ... право...

Въ толпѣ раздался хохотъ. Въ это время къ Антону подошли два мужика; мука, обсыпавшая ихъ шапки и кафтаны, давала тотчасъ же знать, что это были мельники.

— Послушай, братецъ ты мой, сказалъ старшій изъ двухъ, — что-жъ, говори послѣднее слово; продашь лошадь-то, али нѣтъ?..

Рыженькіе пріятели перемигнулись между собою, дер-

Digitized by Google

нули Антона потихоньку сзади и сказали шопотомъ: „Мотри, землякъ, не отдавай, надуть хотятъ, не отдавай!“

— Да побойся хоть ты Бога-то, отвѣчалъ Антонъ мельнику,—побойся Бога; Христовъ ты человѣкъ, аль нѣтъ? ну, что ты меня вертишь, словно махонькаго; ишь за каку цѣну хочешь лошадь купить...

— Оставь его, дядя Кондратъ, отозвался съ сердцемъ товарищъ мельника,—оставь, говорю; съ нимъ и самъ сатана возившись упарится; вишь, какъ онъ кобенится, часовъ пять и то бились, лошадь того не стоитъ; пойдемъ, авось нападемъ на другую, здѣсь ихъ много...

— Вѣстимо, отвѣчали въ одно время рыженькіе, — знамо, свѣтъ не клиномъ сошелся; ступайте, вы лошадь найдете, а мы покупщика.

Старый мельникъ, казалось, съ сожалѣніемъ разставался съ мыслію пріобрѣсти пѣгашку; онъ еще разъ обошелъ вокругъ нея, потомъ пощупалъ ей ноги, подергалъ за гриву, качнулъ головой и пошелъ прочь.

— Ишь, ловкіе какіе, произнесъ одинъ изъ рыженькихъ, — чего захотѣли, „атусбешъ“ *), то бишь... 35 рублей за лошадь даютъ... да за эвдаку животину и 70 мало...

— Эй, землякъ, давай, я лошадь-то куплю! снова закричалъ Матюшка, — не грусти; что голову повѣсилъ? сколько спросилъ? сколько хошь, столько и дамъ: чуръ, мотри, твои могарычи, а деньги за лошадь, какъ помру.

— Чего вы привязались ко мнѣ? ну, чего вамъ отъ меня надыть? сказалъ съ сердцемъ Антонъ и сдѣлалъ шагъ впередъ. По всему видно было, что бѣдняга уже давнымъ-давно вышелъ изъ себя и выжидалъ только случая выместить на комъ-нибудь свою досаду.

Сѣвка и Матюшка сдѣлали видъ, какъ будто испугались, и отскочили назадъ; толпа, расположенная къ нимъ прибаутками, которыя разсыпалъ Матюшка, заслонила ихъ и разразилась громкимъ, продолжительнымъ хохотомъ. Ободренный этимъ, Матюшка высунулъ впередъ черную, кудрявую свою голову и заоралъ во все горло:

— Гей! землякъ всѣхъ избилъ въ одинъ синякъ!.. братцы, ребята, это вишь, нашъ бурмистръ, ишь какой мигачъ, во всемъ подъ стать пѣгой своей кобылѣ, молодецъ къ молодцу... воронъ вишь пріѣхалъ на ней обгонять... Эй, эй! Ѳалалей, мотри, мотри, хвостъ-атъ у клячи

*) 35 рублей, на языкѣ конскихъ барышниковъ и конокрадовъ.

Digitized by Google

оторвалси, ей-Богу, право, оторвалси... эй, го... го... го... го...

Антонъ въ это время слѣдовалъ за рыженькими своими пріятелями, которые почти противъ воли тащили его на другой конецъ поля. Къ нимъ тотчасъ же подскочили три цыгана.

— Что, добрый человѣкъ, лошадь твоя?

— Моя.

— Продаешь?

— Мотри, не продавай, снова шепнули Антону рыженькіе,—народъ бѣдовый, какъ разъ завертятъ.

— Продаю, отвѣчалъ нерѣшительно Антонъ и въ то же время поглядѣлъ съ безпокойствомъ на пріятелей.

Тогда одинъ изъ цыганъ, дюжій, рослый мужчина въ оборванныхъ плисовыхъ шароварахъ и синемъ длинномъ балахонѣ съ цвѣтными полотняными заплатами, подбѣжалъ къ пѣгашкѣ, раздвинулъ ей губы, потомъ поочередно поднялъ ей одну ногу за другой и, ударивъ ее въ бокъ сапогомъ, какъ бы для окончательнаго испытанія, сказалъ товарищамъ:

— „Лачи грай, янъ таранчинасъ, шпалъ, ды герой лачи!“ (Добрый конь, давайте, братцы, торговать, смотри: ноги хороши больно).

— „Мычынавъ курано“ (какъ будто старенька), отвѣчали тѣ,—„а нанано — пробине, пробине“ (а все попробуемъ).

И всѣ трое принялись осматривать лошадь. Разумѣется, удары въ бокъ, какъ необходимѣйшее условіе въ такомъ дѣлѣ, не заставили себя дожидаться.

— Что̀ сто̀итъ? спросилъ первый цыганъ.

— 70 рублевъ, отвѣчали равнодушно и какъ бы изъ милости рыженькіе спутники Антона, отводя его въ сторону и принимаясь нашептывать ему на-ухо.

Цыгане засмѣялись.

— „А саранда рубли круугъ, де гаджо лове ватопашъ, сытуте лове?“ (А сорокъ рублей сто̀итъ, да мужикъ отдастъ за половину; деньги у васъ есть?) сказалъ первый.

— „Сы“ (есть), отвѣчали тѣ.

— „Лачи“ (ладно). Ну, братцы, и ты, добрый человѣкъ, продолжалъ тотъ, указывая на лошадь съ видомъ недовольнымъ, — дорого больно просишь; конь-то больно изъѣзженъ, старъ; вотъ и ребята то же говорятъ...

— Да чуть ли еще не съ поровомъ, подхватилъ цы-

ганъ, глядя пѣгашкѣ въ зубы, — ишь, верхній-то рядъ впередъ выпучился... а ты 70 рублевъ просишь... нѣтъ, ты скажи намъ цѣну по душѣ; нынче, братъ, не то время,—кормъ коня дороже... по душѣ скажи...

— Сколько же по-вашему? спросилъ Антонъ.

— Да что̀ тутъ долго толковать, мы въ деньгахъ не постоимъ, надо поглядѣть сперва ходу, какъ бѣжитъ... былъ бы конь добрый, цѣну дадимъ не обидную... веди!

Рыженькіе отвели Антона въ сторону.

— Экой ты, братъ... мотри, не поддавайся... не купятъ, право слово, не купятъ, попусту только загоняешь лошадь и самъ измаешься... говоримъ, найдемъ завтра покупщика... есть у насъ на примѣтѣ... вотъ ужъ ты сколько разъ водилъ, не купили, и теперь не купятъ, не такой народъ; тебѣ, чай, не первинка... твердили они ему...

— Спасибо, родные, за доброе, ласковое ваше слово, да вишь дѣло-то мое захожее.

— Вотъ по той причинѣ мы-те и толкуемъ, на волоку и по волоку—надо дѣло разсуждать.

— Господь ихъ вѣдаетъ, можетъ и по честности станутъ цѣну давать; мнѣ, братцы, така-то право тоска пришла, что хошь бы сбыть ее съ рукъ скорѣй.

— Пожалуй, ступай себѣ; а только, право, попусту сходишь.

Антонъ взялъ пѣгашку подъ уздцы и, сопровождаемый цыганами, повелъ ее къ сторонѣ харчевенъ, откуда долженъ былъ, по обыкновенію, начаться бѣгъ. Рыженькіе пошли за ними. Пройдя шаговъ двадцать, они проворно обернулись назадъ и подали знакъ двумъ другимъ мужикамъ, стоявшимъ въ отдаленіи съ лошадьми, чтобы слѣдовали за ними; тѣ тотчасъ же тронулись съ мѣста и начали огибать поле; никто не замѣтилъ этихъ продѣлокъ, тѣмъ менѣе Антонъ. Видно было по всему, что онъ уже совсѣмъ упалъ духомъ; день пропалъ задаромъ: лошадь не продана, самъ онъ измучился, измаялся, проголодался; вдобавокъ, каждый разъ, какъ являлся новый покупщикъ и дѣло, повидимому, уже ладилось, имъ овладѣвало неизъяснимо тягостное чувство: ему становилось все жалче и жалче лошаденку, такъ жаль, что въ эту минуту онъ готовъ былъ вернуться въ Троскино и перенести все отъ Никиты Ѳедорыча, чтобы только не разлучаться съ нею; но теперь, почему-то, заболѣло еще пуще по ней сердце; предчувствіе ли какого, или что дг

Digitized by Google

гое, только слезы такъ вотъ и прошибали рѣсницы, и многихъ усилій стоило бѣдному Антону, чтобы не зарыдать вслухъ.

— „Эхъ, каманъ чорасъ грай, томаръ у Девелъ чорасъ ме!“ (Эхъ, вотъ бы укралъ лошадь, убей меня Богъ, укралъ бы!) сказалъ кто-то изъ цыганъ, когда пришли на мѣсто.

Тутъ стояли уже нѣсколько человѣкъ съ лошадьми; между ними находились и тѣ, которымъ подали знакъ рыженькіе.

— Ну, братъ, хозяинъ, садись на коня, вымолвилъ первый цыганъ Антону,—поглядимъ, какъ-то онъ у тебя побѣжитъ... садись!..

Антонъ медленно подошелъ къ пѣгашкѣ, уперся локтями ей въ спину, потомъ болтнулъ въ воздухѣ длинными, неуклюжими своими ногами и началъ на нее карабкаться; послѣ многихъ усилій съ его стороны, смѣха и прибаутокъ со стороны окружающихъ, онъ, наконецъ, сѣлъ и вытянулъ поводья. Толпа, состоящая преимущественно изъ барышниковъ, придвинулась, и кто молча, кто съ разными замѣчаніями, окружили всадника-мужика. Въ числѣ этихъ замѣчаній не нашлось, какъ водится, ни одного, которое бы не противорѣчило другому; тотъ утверждалъ, что конь „вислобокой“, другой, напротивъ того, спорилъ, что онъ добрый, третій бился объ закладъ, что „двужильный“, четвертый увѣрялъ, что пѣгая лошадь ни болѣе, ни менѣе, какъ „стогодовалая“, и такъ далѣе; разумѣется, мнѣнія эти никому изъ нихъ не были особенно дороги, и часто тотъ, кто утверждалъ одно, спустя минуту, а иногда и того менѣе, стоялъ уже за мнѣніе своего противника.

— Ну, теперь пущай ее... пущай! закричало нѣсколько голосовъ, и толпа ринулась въ сторону.

Но усталая, измученная и голодная пѣгашка на тотъ разъ, къ довершенію всѣхъ несчастій Антона, рѣшительно отказывалась повиноваться пруканью и понуканью своего хозяина; она уперлась передними ногами въ землю, сурово потупила голову и не двигалась съ мѣста.

— Конь съ норовомъ... анъ нѣтъ... анъ да... о! чего смотрите, черти!.. она, вишь, умаялась; дай ей вздохнуть, вздохнуть дай!.. слышалось отовсюду.

А Антонъ между тѣмъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы раззадорить пѣгашку: онъ то подавался впередъ къ ней

Digitized by Google

на шею, то спускался почти на самый хвостъ, то болталъ вдоль боковъ ногами, то размахивалъ уздечкой и руками; нѣтъ, ничего не помогало: пѣгашка все-таки не подавалась.

— Э...ге...ге...ге! замѣтилъ цыганъ, — да она, братъ, видно у тебя опоена, видно на кнутѣ только и ѣдетъ.

Антонъ удвоилъ усилія; потъ выступилъ у него на лбу.

— Ну, ну, бормоталъ онъ, метаясь на лошади, какъ угорѣлый,—ну, дружокъ! ну, дурачокъ!.. э!.. ну... эка животина... ну... ну... э!..

— Эй, братъ!.. ребята! да вы проведите ее.

— Нѣтъ, зачѣмъ проводить... оставь... она и сама пойдетъ... дайте ей вздохнуть...

— А долго будетъ она такъ-то стоять? сказалъ кто-то, и безъ дальнихъ разсужденій, подбѣжавъ къ лошади, ударилъ ее такъ сильно въ брюхо, что самъ Антонъ чуть было не слетѣлъ на-земь.

Толпа захохотала, а пѣгашка тѣмъ временемъ брыкнула, взвизгнула и понеслась по полю.

— Э! взяла, взяла! э! пошла, пошла, пошла! гей! гей! го-го-го! послышалось со всѣхъ сторонъ.

Одинъ изъ зрителей пришелъ въ такой „азартъ“, что тутъ же снялъ съ себя кожухъ и, размахивая имъ съ какимъ-то особеннымъ остервенѣніемъ по воздуху, пустился догонять лошадь.

— Ишь, прямо съ копыта пошла, хорошо пошла, произнесъ цыганъ, обращаясь къ толпѣ.

— Николко, „проста лашукръ“,—вѣдь хорошо бѣжитъ.

— „Урняла, целдари урняла!“ знатно скачетъ! отвѣчали тѣ въ одинъ голосъ, глядя ей вслѣдъ, и закричали Антону: — эй! пусти ее во весь духъ, пусти, небось... „дыкло, дыкло!“ посмотримъ!

Рыженькіе, казалось, того только и ждали, чтобы отъѣхалъ Антонъ; они подошли къ двумъ мужикамъ-товарищамъ и переговорили.

Когда Антонъ вернулся назадъ, они уже стояли на прежнемъ своемъ мѣстѣ, а товарищи ихъ пододвинулись со своими лошадьми къ цыганамъ.

— Ну, вотъ что, братъ, сказалъ первый цыганъ Антону,—70 рублевъ деньги большія, дать нельзя, это пустое, а 40 бери; хошь, такъ хошь, а не хошь, такъ какъ хошь; по рукамъ, что ли? долго толковать не станемъ.

Антонъ поглядѣлъ нерѣшительно на рыженькихъ. Тѣ замотали головами.

Digitized by Google

— Нѣтъ, сказалъ онъ печально,—нельзя, несходно...

— Братцы, что вамъ лошадь, что ли, надо? заговорили тотчасъ пріятели рыженькихъ, — пойдемте, поглядите у насъ... ужъ такого-то подведемъ жеребчика, спасибо скажете... что вы съ нимъ какъ бьетесь, ишь ломается, и добро было бы изъ чего... ишь, вона, вона какъ ноги-то подогнула... пойдемте съ нами, вонъ стоятъ наши лошади... бойкія лошади! супротивъ нашихъ ни одна здѣсь не вытянетъ, не токмо что эта...

— А чего вы лѣзете! перебилъ одинъ изъ близъ стоявшихъ мужиковъ, — нешто это дѣло отбивать? экіе безстыжіе, совѣсти нѣтъ; вишь онъ продаетъ, а вы лѣзете; завидно, что ли?... право, безстыжіе...

— А чортъ ли велитъ ему отмалчиваться? коли продаешь, такъ продавай, что кобенишься? да! что буркулыто выпучилъ, словно пятерыхъ проглотилъ да шестымъ поперхнулся... отдавай за 40... небось несходно?.. отдавай, чего надсѣдаешься...

— Нѣтъ, за 40 не отдамъ.

— Твоя воля, конь твой, отвѣчалъ цыганъ, — ну, слушай послѣднее слово: 40 рублевъ и могарычи... хошь?

— Что̀ мнѣ могарычи! на кой мнѣ ихъ лѣшій!..

— Узду въ придачу!

— И узды не надыть.

— Эхъ, вы, ребята, словоохотливые какіе, право, начали опять тѣ,—видите, не хочетъ продавать—и только; и что это вы разгасились такъ на эвту лошадь? мотрите, того и гляди, хвостъ откинетъ, а вы 40 даете; пойдемте, вамъ такого рысачка за сорокъ-то отвалимъ, знатнаго, статнаго... четырехлѣтку... какъ передъ Богомъ, четырехлѣтку...

— „Соле саракиресса, накамылъ тебыкнелъ, авенъ, пшалы, не каманъ“, ну, что̀ съ нимъ взаправду толковать? пойдемте, братцы; не хочетъ. Ну, прощай, добрый человѣкъ, сказалъ первый цыганъ.— „Авенъ, авенъ, пшалы“, пойдемте, пойдемте, братцы.

Рыженькіе тотчасъ же повели Антона въ другую сторону.

— Ну, вотъ, говорили мы тебѣ... какъ бишь те звать?

— Антономъ.

— Э! да у меня, братъ, свояка зовутъ Антономъ. Ну, вѣдь говорили мы тебѣ, не ходи, не продашь лошади за настоящую цѣну; э! захот[illegible] продать цыгану! го-

Digitized by Google

ворятъ, завтра такого-то покупщика найдемъ, барина; 80 рублевъ какъ разъ дастъ... я знаю... Балай, а, Балай, знаешь, на кого я мѣчу?..

Балай кивнулъ головою, искоса поглядѣлъ на Антона и значительно подмигнулъ товарищу.

— Спасибо, братцы, за ваши добрыя рѣчи, отвѣчалъ мужикъ, уныло потупляя голову, — да вишь дѣло-то мое захожее; куды я теперь пойду? ночь на дворѣ.

— Куды пойдешь! объ эвтомъ, землякъ, не сумлѣвайся... а мы-то на что жъ?.. вотъ братъ пойдетъ домой въ деревню, а я остаюсь здѣсь; пожалуй, коли хочешь, пойдемъ вмѣстѣ, я тебѣ покажу, гдѣ заночевать.

— У меня, братцы, вѣдь денегъ нѣту... вотъ бѣда какая! думалъ лошадь продать, такъ...

— Эхва, бѣда какая! мало ли у кого не бываетъ денегъ, не ночуютъ же въ полѣ... я тебя поведу къ такому хозяину, который въ долгъ повѣритъ: объ утро, какъ пойдешь, знамо, оставь что-нибудь въ закладъ, до денегъ, полушубокъ или кушакъ, придешь, разсчитаешься; у насъ завсегда такъ-то водится...

— Когда ваше такое доброе слово, отвѣчалъ Антонъ,— пойдемте, братцы; авось, Господь милостивъ, завтра удастся продать лошаденку...

— Не сумлѣвайся, братъ Антонъ, говорю, покупщикъ у насъ есть знатный для тебя на примѣтѣ; ты вишь больно намъ полюбился, мужикъ-атъ добре простой, не приквельный... хотимъ удружить тебѣ... Богъ приведетъ, встрѣнемся, спасибо скажешь...

И всѣ трое покинули площадь. Только что своротили они въ переулокъ, какъ Балай распрощался съ Антономъ и, перемигнувшись еще разъ съ товарищемъ, исчезъ въ толпѣ.

V.

Ночлегъ.

„Охъ, горе, мое горе, кручинное житье!“ думалъ Антонъ, слѣдуя медленнымъ, нетвердымъ шагомъ за товарищемъ.—„День прошелъ, да видно до насъ не дошелъ, ишь вечеряетъ, а лошаденка все съ рукъ не сошла; что станешь дѣлать!.. нѣтъ, знать, такъ ужъ Господу Богу угодно... погрѣшился я чѣмъ передъ Нимъ... охо, хо... Дома-то, дома у меня, я чай, ждутъ, сердешные, не до-

Digitized by Google

ждутся; не наболится у родимыхъ сердечушко... Правда, напался человѣкъ добрый, сулилъ покупщика хорошаго, да это когда еще, завтра!.. Заночевать вишь пришлось въ чужой сторонѣ промежъ чужихъ людей, денегъ ни полушки, а дѣло захожее... Ну, а какъ завтра да опять не выйдетъ на мою долю счастья, лошади опять не продашь, а только пуще бѣдъ наживешь, и съ тѣмъ домой вернешься... Никита просвѣту не дастъ тогда, долой съ бѣла свѣта сгонитъ, совсѣмъ бѣда! пропадаемъ ни за что и я, и Варюха, да и ребятенки-то тожъ... охо... хо, горе мое, горе, кручинное житье!..“

День между тѣмъ зримо клонился къ вечеру; солнце сѣло; золотистые хребты тучъ, блѣднѣя на дальнемъ горизонтѣ, давали знать, что скоро и совсѣмъ наступятъ сумерки. Подошва горы, плоскіе песчаные берега, монастырь и отмели окутались уже тѣнью; одна только рѣка, отражавшая круглыя облака, обагренныя послѣдними вспышками заката, вырѣзывались въ тѣни алой сверкающей полосою. Осенній вѣтеръ повѣялъ холодомъ и зашипѣлъ въ колеяхъ дороги. Время отъ времени онъ измѣнялъ свое направленіе, и тогда слышались съ рѣки отрывистые крики народа, толпившагося на берегу и ожидавшаго парома, который чуть видимою точкой чернѣлся на болѣе и болѣе блѣднѣвшей поверхности воды, влача за собою огненную, искристую полосу свѣта. Шумъ ярмарки умолкалъ; толпа въ городѣ постепенно рѣдѣла; скидывались ятки, запирались лари, лавки; купцы и покупатели расходились во всѣ стороны, и все тише да тише становилось на улицахъ, на площади, между рядами телѣгъ, подводъ, укутанныхъ и увязанныхъ на ночь въ рогожи. Внизъ по горѣ тишина дѣлалась еще замѣтнѣе; тутъ исчезли уже почти всѣ признаки ярмарки: кое-гдѣ развѣ попадался возъ непроданнаго сѣна и его хозяинъ, недовольное лицо котораго оживлялось всякій разъ, какъ кто-нибудь проходилъ мимо, или встрѣчалась ватага подгулявшихъ мужиковъ и бабъ, которые, обнявшись крѣпко-накрѣпко, брели, покачиваясь изъ стороны въ сторону и горланя несвязную пѣсню.

Антонъ и рыженькій его товарищъ достигли уже подошвы горы, когда на одномъ изъ поворотовъ дороги должны были остановиться по случаю стеченія народа. Они подошли ближе. На самомъ крутомъ уступѣ лежалъ замертво пьяный мужикъ; [illegible] ѣдая какъ лунь,

Digitized by Google

скатилась на дорогу, ноги оставались на возвышеніи; коротенькая шея старика налилась кровью, лицо посинѣло... Присутствующіе, которыхъ было очень много, не помышляли, однакожъ, поднимать его; иные, проходя мимо, замѣчали только: „экъ его раздуло!“ или: „ишь-те какъ нализался!“ Бо̀льшая часть зрителей не дѣлали впрочемъ никакихъ замѣчаній; они глядѣли на него съ какимъ-то притупленнымъ любопытствомъ, почесывали затылки и качали головами, какъ бы въ душѣ соболѣзнуя о злополучномъ землячкѣ; но помощи никто рѣшительно не подавалъ, никто даже не трогался съ мѣста. Антонъ принадлежалъ должно быть къ послѣдней категоріи; онъ постоялъ, покачалъ головою и готовился уже кликнуть своего товарища; но въ эту самую минуту изъ толпы выскочилъ полный, кудрявый дѣтина въ синемъ кафтанѣ и съ радостнымъ восклицаніемъ бросился обнимать его.

— Эхва!.. Антонъ! какъ тебя Богъ милуетъ? по добру ли, по здорову? вотъ не чаяли встрѣтиться...

— Здорово, Митроха, вымолвилъ Антонъ, ошеломленный нѣсколько неожиданнымъ привѣтствіемъ,—какъ можешь...

Они обнялись и поцѣловались. Встрѣча эта сильно озадачила рыженькаго; онъ суетливо подошелъ къ Антону, дернулъ его за полу и шепнулъ: „землякъ, пора до фатеры, поздно, того и гляди мѣста не станетъ“...

— Шутка, дѣло какое! продолжалъ Митроха,—почитай что цѣлый годъ не видались; ну, что, братъ Антонъ, какъ тебя перевертываетъ? какъ поживаешь съ хозяйкою и съ ребятишками?..

— Охъ, лучше и не спрашивай, плоше моего житья, кажись, на свѣтѣ нѣтъ... мое житье самое послѣднее...

— Неужто все Никита проклятый досаждаетъ?..

— Да, отвѣчалъ печально Антонъ,—да; вотъ и теперь, пришелъ, братъ, сюда послѣднюю лошадь продавать,—велѣлъ!.. не знаю, что̀ и будетъ; совсѣмъ, знать, пришло мое разоренье...

— Ой ли? ну, братъ, жаль, больно жаль мнѣ тебя!.. а я, братъ, на фабрикѣ-то пооперился маненько; живу верстахъ въ трехъ отсель на миткалевой фабрикѣ... и хозяинъ такой-то, право, добрый достался, не въ обидѣ живешь... Ну, разскажи-ка, братецъ ты мой, какъ поживаютъ Стегнѣй съ женою? онъ вѣдь своякъ мнѣ...

— А что̀ имъ дѣлается,—хлѣбушка есть, живутъ ладно по милости Господней.

Digitized by Google

— Новую избу, говорятъ, поставили?

— Поставили.

— Такъ; ну, братъ Антонъ, гдѣ жъ ты остановился здѣсь?

— Вотъ тутъ... близехонько, отвѣчалъ скороговоркою рыженькій,—у самаго перевоза на постояломъ...

— Дай ему Господь Богъ здоровья, продолжалъ Антонъ, указывая земляку на рыженькаго,—встрѣлся добрый человѣкъ... хочетъ провести на ночлегъ.

— Пойдемъ, Антонъ, сказалъ тотъ,—пора, не опоздать бы намъ, народу не подошло бы много съ ярманки...

— Ну, ладно, подхватилъ Митроха,—я къ тебѣ завтра зайду на фатеру... какъ Богъ святъ, зайду; ты, я чай, не больно рано пойдешь на ярманку... а мы до того времени перемолвимъ слово, покалякаемъ про своихъ... такъ-то, братъ, я тебѣ радъ, Антонъ, право, словно родному... инда эвдакъ сердце радуется, какъ случай приведетъ съ землякомъ повидаться... Ну, прощай, братъ, и мнѣ пора ко двору, а завтра непремѣнно зайду...

— Прощай, Митроха, заходи же мотри...

— Ладно, ладно...

— Ну, братецъ, куда же намъ теперь идти? спросилъ Антонъ, когда землякъ исчезъ за поворотомъ.

— Сойдемъ внизъ, а тамъ пойдемъ все по берегу, все по берегу, до самыхъ кузницъ.

— Далече?

— Эко, ты наладилъ одно: далече да далече? видишь перевозъ?

— Вижу...

— Ну, коли видишь, такъ ладно; тутъ какъ разъ будетъ тебѣ и постоялый дворъ... онъ прямо стоитъ за кузнями...

Движенія, походка, лицо товарища Антона мгновенно измѣнились: теперь все уже показывало въ немъ человѣка довольнаго, даже торжествующаго; сѣренькіе плутовскіе глазки его насмѣшливо суживались и поочередно устремлялись то на мужика, то на пѣгашку; онъ сталъ разговорчивѣе; но въ рѣчахъ его уже не было той заботливости, той вкрадчивости, съ какими прежде подъѣзжалъ онъ къ Антону. Все произошло, однако, такъ, какъ говорилъ рыженькій: вскорѣ они достигли перевоза, тамъ поднялись по скользкому грязному берегу и вышли на пустынное поле, огражденное съ одной сто[illegible] черныхъ,

Digitized by Google

мрачныхъ кузницъ, которыя неровною линіею спускались почти къ самой водѣ.

Миновавъ кузницы, рыженькій молча указалъ Антону на высокую избу, одиноко стоявшую на дорогѣ и окруженную длинными навѣсами. Тѣмъ временемъ, какъ они къ ней приближались, ночь окончательно обхватила небо и окрестности. Мѣсяцъ вышелъ изъ-за тучъ и весело проглянулъ на небѣ. Антонъ обернулся назадъ и бросилъ взглядъ къ сторонѣ города; тамъ все уже стихло; рѣдко, рѣдко долетала отдаленная пѣсня или протяжное понуканье запоздалаго мужика, торопившаго лошадь. Гдѣ-то, въ сторонѣ, далеко-далеко, за рѣкою слышался стукъ въ чугунную доску деревенскаго караульщика. Онъ увидѣлъ рѣку, исчезавшую послѣ многихъ изгибовъ въ темнотѣ, крутые берега, отдѣлявшіеся отъ нея бѣлымъ туманомъ, и черныя тучи, облегавшія кругомъ горизонтъ. Луна скрылась; воцарился глубокій, непроницаемый мракъ; подходя къ избѣ, Антонъ едва-едва различилъ подводы, стоявшія у воротъ. Шумный говоръ и свѣтъ, выходившій длинною полосою изъ окна, давали знать, что на постояломъ дворѣ было довольно народу.

— Ну, вотъ и пришли, сказалъ рыженькій Антону, — веди лошадь въ ворота; ладно; ставь ее вотъ сюда, подъ навѣсъ, да пойдемъ ужинать...

— Послушай, добрый человѣкъ, произнесъ Антонъ, оглядывая съ безпокойствомъ постоялый дворъ и навѣсы,—послушай, мотри, не было бы лиха... не обидѣли бы меня... не увели бы лошаденки; я слышалъ, народъ у васъ въ городахъ на это дѣло добре податливъ...

— Эхъ, ты! воскликнулъ тотъ, ударивъ мужика по плечу,—прямой ты, братъ, деревенщина, пра, деревенщина; борода у те выросла, а ума не вынесла; ну, статочно ли дѣло? самъ поразсуди, кому тутъ увести? вѣдь здѣсь дворникъ есть, ворота на ночь запираютъ; здѣсь не деревня, какъ ты думаешь. Знамо дѣло, долго ли до грѣха, коли не смотрѣть, на то вишь и дворъ держатъ, а ты думаешь для чего?..

— Оно такъ, отвѣчалъ мужикъ, продолжая озираться на стороны,—вѣстимо такъ, а все словно думается...

— Что говорить, началъ рыжій, перемѣнивъ вдругъ насмѣшливый тонъ на серьезный, — кто противъ того? животину водить, не разиней ходить, это всякій знаетъ... полно, землякъ, полно; а ты взаправду опасаешься, что ли?..

Digitized by Google

— Какъ передъ Богомъ, боюсь... добрый человѣкъ.

— Ну, коли такъ, привяжи ее пока здѣсь къ столбу, а потомъ приходи сюда спать; я и самъ съ тобою лягу... пойдемъ выпьемъ по чаркѣ винца, смерть прозябъ... а тамъ подкинемъ соломы да всхрапнемъ... ладно, что ли?..

— Ладно, коли твоя добрая душа будетъ...

— Привязалъ?

— Привязалъ...

— Мотри, привязывай крѣпче, чтобъ не отвязалась неравно да не ушла...

— Нѣтъ, не уйдетъ...

— Пойдемъ.

Изба, въ которую рыженькій ввелъ Антона, была просторна; по крайней мѣрѣ такъ показалась она послѣднему при тускломъ свѣтѣ сальнаго огарка, горѣвшаго на столѣ въ желѣзномъ корявомъ подсвѣчникѣ; одинъ конецъ перегородки, раздѣлявшей ее на двѣ части, упирался въ исполинскую печь съ уступами, стремешками и запечьями, другой служилъ подпорою широкимъ полатямъ, съ которыхъ свѣшивались чьи-то длинныя босыя ноги и овчина. За столомъ, подъ образами, сидѣли четыре человѣка и ужинали; подлѣ нихъ хлопотала хозяйка, рябая, встрепанная, заспанная баба.

— Хлѣбъ да соль, братцы, вымолвилъ рыженькій, запирая дверь,—здравствуй, хозяйка!

— Хлѣбъ да соль, проговорилъ въ свою очередь Антонъ, крестясь передъ образами.

— Спасибо, отозвались сидѣвшіе мужики.

— Вамъ постоять, что ли? грубо спросила дворничиха.

— И то тебя вишь не обходимъ, вотъ и товарища привелъ... ну, а хозяинъ гдѣ?

— Кто тамъ?.. послышалось сверху, и въ то же время длинныя ноги, висѣвшія съ полатей, перевернулись и показали, что принадлежащее имъ туловище перевалилось на спину.

— Что тамъ развалился, чортъ? закричала сиповатымъ голосомъ хозяйка,—ступай! вишь народъ подошелъ...

На полатяхъ послышалась зѣвота.

— О-о-о! Господи, Господи, о-о! бормоталъ хозяинъ, сползая по стремешкамъ печи внизъ.—А! воскликнулъ онъ, останавливаясь,—а! здорово, рыжая борода!

Рыженькій подалъ ему изъ-за спины Антона выразительный знакъ рукою. Хозяинъ тотчасъ же замолчалъ; за-

Digitized by Google

кинувъ обѣ руки за шею, онъ потянулся, зѣвнулъ и продолжалъ лѣниво:

— Экъ вы поздно какъ таскаетесь, люди спать давно полеглись; ну, а мужичокъ съ тобой пришелъ?

— Со мной.

— Лошадь есть?

— Есть.

— Сѣнца надыть, что ли? спросилъ хозяинъ Антона,— у меня сѣно знатное...

— Нѣтъ, отвѣчалъ простодушно Антонъ, — сѣна не надо, я лошадь-то продавать привелъ: и такъ простоитъ, сердешная...

— Твоя на то воля... ужинать небось станете?

— Давай!..

— Такая-то бѣда у меня... малаго своего отослалъ въ Зименки... до сихъ поръ не вернулся; самъ за все и про все, говорилъ хозяинъ, слѣзая на-земь.

— А почемъ ужинъ? разсѣянно спросилъ рыженькій.

— Извѣстно, что тутъ толковать, лишняго не беремъ, что въ людяхъ, то и у насъ: шесть гривенъ съ хлѣбомъ.

— Ладно... Эй, хозяйка! собирай скорѣй, смерть проголодались.

— Вамъ чего? щей плехнуть, аль гороху вальнуть, аль лепеху съ сѣменемъ? спросила хозяйка.

— Давай что ни есть... Хозяинъ, а хозяинъ, нѣтъ ли, братъ, винца?

— Какъ не быть... вамъ сколько?

— Что, Антонъ, голову-те повѣсилъ, вино есть, аль не слышишь? выпьемъ, говорю, завтра знатный будетъ день. Хозяинъ, давай штофъ!..

Когда дворникъ вышелъ, рыженькій повертѣлся еще нѣсколько минутъ подлѣ печки и шмыгнулъ въ двери. Это было сдѣлано такъ ловко, что Антонъ ничего не замѣтилъ; онъ снялъ съ себя полушубокъ, повѣсилъ его на шестокъ, помолился Богу, сѣлъ за столъ и въ ожиданіи ужина принялся разсматривать новыхъ своихъ товарищей. Двое изъ нихъ, немного погодя, встали, перекрестились и молча улеглись на нары, занимавшія цѣлую стѣну избы. Антонъ увидѣлъ, что тутъ спало еще нѣсколько человѣкъ мужиковъ. Изъ оставшихся двухъ за столомъ, одинъ особенно привлекъ вниманіе нашего мужика. Это былъ толстенькій, кругленькій человѣкъ, съ черною окладистой бородкой, плоскими маслистыми волосами, падавшими длин-

ными космами по обѣимъ сторонамъ одутловатаго, багроваго лица, отличавшагося необыкновеннымъ добродушіемъ; передъ нимъ на столѣ стояла огромная чашка каши, деревянный кружокъ съ рубленой говядиной и хрящомъ и миска съ лапшою; онъ уписывалъ все это, прикладываясь попеременно то къ тому, то къ другому съ такимъ рвеніемъ, что потъ катился съ него крупными горошинами; слышно даже было, какъ у него за ушами пищало. Антонъ первый прервалъ молчаніе.

— Вы отколѣ? спросилъ онъ.

Мужикъ встряхнулъ головою, устремилъ на него оловянные глаза и, проглотивъ кашу, мѣшавшую ему закрыть ротъ, отвѣчалъ:

— Сдалече: ростовскіе.

— Господскіе?

— Барскіе...

— Больша вотчина?

— Большая...

Тутъ хозяйка поставила передъ нимъ чашку тертаго гороху; мужичокъ принялся за него съ тѣмъ же ничѣмъ несокрушимымъ аппетитомъ и уже ничего не отвѣчалъ на вопросы Антона. Скоро вернулся рыженькій съ штофомъ вина, сѣлъ подлѣ товарища, и оба принялись ужинать. Немного погодя явился и самъ хозяинъ.

— А ты ѣхать собрался, что ли? спросилъ онъ у мужичка, сидѣвшаго рядомъ съ ярославцемъ.

— Да, мнѣ пора, отвѣчалъ тотъ, подтягивая кушакъ,— до свѣту надо быть дома.

Антонъ мгновенно поднялъ голову, поглядѣлъ на него, вздохнулъ и пересталъ ѣсть. Хозяинъ снялъ съ полки счеты и подошелъ къ отъѣзжавшему вмѣстѣ съ хозяйкой.

— Щи хлябалъ?

— Хлябалъ.

— Кашу ѣлъ?

— Ѣлъ.

— Масло лилъ?

— Лилъ.

— Сорокъ копеекъ, произнесъ отрывисто хозяинъ, щелкнувъ костями.

Мужикъ расплатился, помолился передъ образами и, поклонившись на всѣ четыре стороны, вышелъ изъ избы. Въ то время толстоватый ярославецъ успѣлъ уже опорожнить дочиста чашку тертаго [illegible]чъ немедленно

Digitized by Google

приподнялся съ лавки, снялъ съ шеста кожухъ, развалилъ его подлѣ спавшаго уже товарища и улегся; почти въ ту жъ минуту изба наполнилась его густымъ, протяжнымъ храпѣньемъ. Дворничиха полѣзла на печь. Въ избѣ остались бодрствующими рыженькій, Антонъ и хозяинъ.

— Хозяинъ! началъ первый, прислушавшись прежде къ шуму телѣги отъѣхавшаго мужика,—подсядь-ка, братъ, къ намъ, не спѣсивься; вотъ у меня товарищъ-атъ что-то больно пріунылъ, ѣсть не ѣстъ и пить не пьетъ; что ты станешь съ нимъ дѣлать...

— Ой ли? произнесъ хозяинъ, подходя къ столу,—ну, давай... какъ бишь звать-то тебя?.. Пантелеемъ, что ли?

— Антономъ...

— Давай, братъ Антонъ, я выпью... да ты-то что? э! полно, чего кобенишься, пра, выпей, вино у меня знатное, хошь пригубь...

Антонъ выпилъ.

— Не то, братцы, на разумѣ у меня; такъ развѣ со стужи, произнесъ онъ, крякнувъ и обтирая бороду.

— Пей, не робѣй, вскрикнулъ рыженькій, перемигиваясь съ хозяиномъ... Нука-сь, братъ, со стужи-то еще стаканчикъ...

— Спасибо... много доволенъ...

— Э! что за спасибо! пей сколько душа приметъ... знамо, первая чарка коломъ, вторая соколомъ, а третью и самъ позовешь; пей; душа мѣру, братъ, знаетъ... а тамъ и спать пойдемъ...

— Подъ навѣсъ? спросилъ Антонъ, глаза котораго начинали уже разгораться.

— Вѣстимо, что подъ навѣсъ... вотъ добрый хозяинъ и соломки дастъ... да пей же, братъ, пей безъ опаски... хлѣбъ ѣшь?

— Ѣмъ.

— Ну, а развѣ вино не тотъ же хлѣбъ! маненько только пожиже будетъ... валяй! Ну, экой, право, приквельной какой, долго думать, тому же быть...

— Для-ча не выпить, когда добрый человѣкъ подноситъ, подхватилъ хозяинъ. — Отъ эвтого, братъ Антонъ, зла не будетъ... пей за столомъ, говорятъ добрые люди, да не пей, мотри, только за угломъ...

Антонъ выпилъ еще стаканъ.

— Братцы! произнесъ онъ вяло и принимаясь тереть лицо, лобъ и щеки, съ которыхъ катился крупными кап-

лями потъ.—Братцы, пра, пора... вотъ-те Христосъ... домой пора бы. Варвара-то... э! Варвара... братцы...

— Погоди... поспѣешь еще... отвѣчалъ рыженькій, наливая еще стаканъ,—вотъ выпей напередъ, выпей, слышь, послѣдній выпей... на стужу идешь...

— Пейте скорѣе, ребята, и мнѣ пора спать... чай, полночь давно на дворѣ... вымолвилъ хозяинъ, зѣвая и потягиваясь.

Антонъ осушилъ стаканъ бычкомъ и почти въ ту же минуту повалился какъ снопъ на лавку...

— Спитъ? спросилъ поспѣшно хозяинъ у рыженькаго, который уже нагнулся къ Антону и слушалъ.

— Хоть колъ на головѣ теши, не услышитъ! отвѣчалъ тотъ, выпрямляясь и махнувъ рукою.

Оба засмѣялись. Рыженькій подошелъ къ столу, выпилъ оставшуюся въ штофѣ водку, взялъ шапку и сталъ поочередно оглядывать спавшихъ на нарахъ; убѣдившись хорошенько, что всѣ спали, онъ задулъ свѣчу и вышелъ изъ избы вмѣстѣ съ хозяиномъ...

VI.

Пѣгашка.

Время подходило уже къ самому разсвѣту, когда толстоватый ярославецъ былъ внезапно пробужденъ шумомъ въ избѣ. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ столъ опрокинутымъ; изъ-подъ него выползалъ на корячкахъ Антонъ, крестясь и нашептывая: „Господи благослови, Господи помилуй, съ нами крестная сила...“

— Что, братъ, съ тобою?.. Эй, что ты? спросилъ мужичокъ, соскакивая съ нара и принимаясь трепать Антона по плечу. — Экъ ты меня испужалъ; словно „комуха“ *), такъ вотъ и трясетъ меня всего...

— Господи благослови... охъ!.. насилу отлегло... выговорилъ Антонъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, — ишь, какой сонъ пригрезился... а ничего, ровно ничего не припомню... только добре что-то страшно... такъ вотъ къ самому сердцу и подступило; спасибо, родной, что подсобилъ подняться... Пойду-ка... охъ, Господи, благослови! пойду погляжу на лошаденку свою... стоитъ ли она, сердешная...

Антонъ снова перекрестился и поспѣшно вышелъ изъ избы. Мужикъ сѣлъ на нары и началъ мотать онучи.

*) Лихорадка по-ярославски.

Digitized by Google

Шумъ, произведенный Антономъ, разбудилъ не одного толстоватаго ярославца; съ полатей послышались зѣвота, оханье, потягиванье; нѣсколько босыхъ ногъ свѣсилось также съ печки. Вдругъ на дворѣ раздался такой пронзительный крикъ, что всѣ ноги разомъ вздрогнули и повскакали на-земь вмѣстѣ съ туловищами. Въ эту самую минуту дверь распахнулась настежь и въ избу вбѣжалъ сломя голову Антонъ... Лицо его было блѣдно, какъ известь, волосы стояли дыбомъ, руки и ноги дрожали, губы шевелились безъ звука; онъ стоялъ посередь избы и глядѣлъ на всѣхъ страшными, блуждающими глазами.

— Что тамъ? отозвалась хозяйка, просовывая голову между перекладинами полатей.

— Что ты?.. эй, сватъ!.. мужичокъ... дурманомъ прихватило, что ли?.. Экъ его разобрало... заговорили въ одно время мужики, окружая Антона.

— Что ты всѣхъ баламутишь? произнесъ грубо хозяинъ, оттолкнувъ перваго стоявшаго передъ нимъ мужика и хватая Антона за рубаху.—Да ну, говори!.. что буркулыто выпучилъ...

— Увели!.. могъ только вскрикнуть Антонъ. — Лошаденку... ей-Богу... кобылку пѣгую увели!..

— Ой ли?.. братцы... ишь, что́ баитъ... долго ли до грѣха... э! э! э!..

И всѣ, сколько въ избѣ ни было народу, не исключая даже Антона и самого хозяина, всѣ полетѣли стремглавъ на дворъ. Антонъ бросился къ тому мѣсту, куда привязалъ вечоръ пѣгашку, и, не произнося слова, указалъ на него дрожащими руками... оно было пусто; у столба болталась одна лишь веревка...

— Взаправду увели лошадь! ишь вотъ, вотъ и веревкато разрѣзана, ножомъ разрѣзана... и... и... и... слышалось отовсюду.

Антонъ ухватился обѣими руками за волосы и зарыдалъ на весь дворъ.

— Братцы, говорилъ бѣдный мужикъ задыхающимся голосомъ, — братцы! что вы со мною сдѣлали?.. куды я пойду теперь?.. Братцы, если въ васъ душа есть, отдайте мнѣ мою лошаденку... куды она вамъ?.. ребятишки вишь у меня махонькіе... пропадемъ мы безъ нея совсѣмъ... братцы, въ Христа вы не вѣруете!..

Ничто не совершается такъ внезапно и быстро, какъ переходы внутреннихъ [illegible]ній въ простомъ народѣ

добро рядъ-объ-рядъ съ лихомъ, и часто одно вѣнчается другимъ почти мгновенно. Почти всѣ присутствующіе, принявшіе было горе Антона со смѣхомъ, теперь вдругъ какъ бы сообща приняли въ немъ живѣйшее участіе; нашлись даже такіе, которые кинулись къ хозяину съ зардѣвшими, какъ кумачъ, щеками, со сверкающими глазами и сжатыми кулаками. Толстоватый ярославецъ горячился пуще всѣхъ.

— Ты, хозяинъ, чего глядѣлъ! вскричалъ онъ, подступая къ нему.—Развѣ такъ дѣлаютъ добрые люди? нешто у *тіе* постоялый дворъ, чтобы лошадей уводили?.. нѣтъ, ты сказывай намъ теперь, куда задѣвалъ его лошадь, сказывай!..

— Да ты-то, тіе, тіе... охлестышъ ярославскій, пузатый, возразилъ не менѣе запальчиво хозяинъ,—мотри, не больно пузырься... что ко мнѣ приступаешь? Мотри, не на таковскаго наскочилъ!..

— Вѣстимо, вѣстимо, заговорили въ толпѣ,—онъ тебѣ дѣло баитъ; самъ ты, мотри, не скаль зубы-те! нешто вы на то дворы держите? этакъ у всѣхъ насъ пожалуй уведутъ лошадей, а ты небось останешься безъ отвѣта...

— Да что вы, ребята, отвѣчалъ хозяинъ, стараясь задобрить толпу,—что вы взаправду: развѣ я вамъ сторожъ какой дался! Мое дѣло пустить на дворъ, да отпустить что потребуется... А кто ему велѣлъ, продолжалъ онъ, указывая на Антона, — не спать здѣсь... Ишь онъ всю ночь напролетъ пропилъ съ такимъ же видно безшабашнымъ, какъ самъ; онъ его и привелъ... а вы съ меня отвѣта хотите...

— Братцы! закричалъ Антонъ, отчаянно размахивая руками, — братцы, будьте отцы родные... онъ, онъ же и поилъ меня... вотъ какъ передъ Богомъ, онъ, и тотъ парень ему вишь знакомый... спросите хошь у кого... во Христа ты видно не вѣруешь!..

— Ребята, вымолвилъ ярославецъ,—я самъ видѣлъ, какъ онъ вечоръ поилъ его... право слово, видѣлъ...

— А нешто я отнѣкиваюсь? Пилъ съ ними; да, позвалъ меня товарищъ, самъ подносилъ; ну и пилъ...

— Да ты его знаешь... того рыженькаго-то? Что прикидываешься!

— А отколь мнѣ знать его? Эка лѣшій! Нешто у меня здѣсь мало всякаго народу перебываетъ! такъ мнѣ всѣхъ и знать... я его впервинку и въ глаза-то вижу... да что

Digitized by Google

вы его, братцы, слушаете? можетъ лошадь-то у него крадена была... вы бы напередъ эвто-то развѣдали.

— Братцы, кобылка, какъ передъ Господомъ Богомъ, девятый годъ у меня стоитъ... спросите у кого хотите...

— Да, ишь ловокъ больно! А у кого они спросятъ? Экой прыткой какой! замѣтилъ хозяинъ.

— Что мнѣ теперь дѣлать? Что дѣлать, братцы? воскликнулъ снова бѣдный мужикъ, ломая руки.

— Слушай, братъ, какъ бишь тебя?..

— Антонъ, родимый... какъ передъ Господомъ Богомъ, Антонъ.

— Ну, хорошо; слушай, Антонъ, сказалъ ярославецъ, выступая впередъ,—коли такъ, вотъ что ты сдѣлай: бѣги прямо въ судъ, никого не слушай, ступай какъ есть въ судъ; ладно; сколько у те денегъ-то?..

— Ни полушки нѣтути, касатикъ, то-то и горе мое; кабы деньги были, такъ разѣ сталъ бы продавать послѣднюю лошаденку... Нужда!..

— Какъ! у тебя денегъ нѣту? возразилъ хозяинъ, разгорячаясь. — Ахъ ты, мошенникъ! такъ какъ же ты приходишь на постой?.. ты, видно, надуть меня хотѣлъ... Братцы! вотъ вы за него стояли, меня еще тазать зачали было... вишь онъ какой! онъ-то и есть мошенникъ...

— Тебѣ, я чай, сказывалъ рыженькій... ахъ онъ... Господи! чѣмъ погрѣшился я передъ Тобою? произнесъ Антонъ, едва-едва держась на ногахъ.

— Да, теперь отвертываться да на другого сваливать станешь... Ахъ ты бездѣльникъ! да я самъ пойду въ судъ, самъ потащу тебя къ городничему; мнѣ и приказные-то всѣ люди знакомые, и становой!..

— Полно, хозяинъ, ты, можетъ, напраслину на него взводишь, ишь онъ какой мужикъ-атъ простой, куды ему чудить! и самъ, чай, не радъ, бѣдный; можетъ, и самъ онъ не вѣдалъ, съ какимъ спознался человѣкомъ... послышалось въ толпѣ.

Но хозяинъ и слышать не хотѣлъ; сколько ни говорили ему, сколько ни увѣщевалъ его толстоватый ярославецъ, принимавшій, повидимому, несчастіе Антона къ сердцу, онъ стоялъ на одномъ. Наконецъ, всѣ присутствующіе бросили дворника, осыпавъ его напередъ градомъ ругательствъ, и снова обратились къ Антону, который сидѣлъ теперь посередь двора на перекладинѣ колодца и, закрывъ лицо руками, всхлипывалъ пуще прежняго.

Digitized by Google

— Слушай, братъ Антонъ, началъ одинъ изъ нихъ, — не печалься добре; гореваньемъ лошади не наживешь; твоему горю можно еще пособить; этако дѣло не вперинку случается; слушай: ступай-ка ты прямо, вотъ такъ-таки прямо и бѣги въ Заболотье... знаешь Заболотье?..

— Нѣтъ, кормилецъ, не знаю: я не здѣшній.

— Ну, да нешто... ступай все прямо по большой дорогѣ; на десятой верстѣ, мотри, не забудь — на десятой, сверни вправо, да тамъ спросишь... Какъ придешь въ Заболотье-то, понавѣдайся къ Ильюшкѣ Степняку... тамъ тебѣ всякой укажетъ...

— Полно, кумъ, что баишь пустое! Ну, зачѣмъ пойдетъ онъ въ Заболотье? тутъ вотъ можетъ статься и ближе найдешь свою лошадь... Послушай, братъ Антонъ, ступай помимо всѣхъ въ Спасъ-на-Журавли, отсель всего верстъ двадцать станетъ... я знаю, тамъ споконъ вѣка водятся мошенники... тамъ нагдысь еще накрыли коноводовъ... ступай туда...

— А какъ туда пройти-то, касатикъ?..

— Какъ выйдешь за заставу, бери прямо по проселку влѣво; тамъ тебѣ будетъ село Завалье; какъ пройдешь Завалье-то, спроси Селезневъ колодезь...

— Эка, а Кокино-то и забылъ... замѣтилъ кто-то.

— Да, какъ пройдешь Завалье, спроси Кокинску слободу; обмолвился было маненько, ну, да нешто... а изъ Селезнева колодца пройдешь прямо въ Спасъ-на-Журавли... вотчина будетъ такая большая...

— Дядя Михѣка, а, дядя Михѣка, перебилъ высокій и плѣшивый мужикъ, придвигаясь медленно къ говорившему.

— Ну, что?

— А вотъ послушай ты меня, старика, что я тебѣ скажу...

— Ну...

— Право слово, ему податнѣе будетъ сходить въ Котлы... вотъ какъ Богъ святъ податнѣе... Антонъ, право слово, ступай въ Котлы; оно, что говорить, маненько подалѣе будетъ, да зато, братъ, вѣрнѣе; вотъ у насъ намедни у мужичка увели куцаго мерина, и меринъ-атъ, такой-то знатный, важнѣющій, сказывали, въ Котлахъ вишь нашли...

— Э! эка ты, проворный какой! ну куда ты его за семьдесятъ-то верстъ посылаешь

Digitized by Google

— А что? пойдетъ и за двѣсти, коли лошади не отыщетъ, отвѣтилъ тотъ съ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія.

— Полно, Антонъ, ступай, говорю, въ Спасъ-на-Журавли; тамъ какъ разъ покончишь дѣло...

— И то ступай въ Спасъ-на-Журавли! закричали многіе,—въ Спасъ-на-Журавли ступай!

— Да, какъ бы не такъ, возразилъ сурово хозяинъ,— я небось такъ вотъ и отпущу его вамъ въ угоду... онъ у меня пилъ, ѣлъ, а я его задаромъ отпущу; коли такъ, нут-кась, ты хорохорился за него пуще всѣхъ, ну-кась заплати... что?.. а! нелюбо?..

— Что?..

— А вотъ то-то,—теперь что? что?..

— Что̀ мнѣ тебѣ дать... сказалъ Антонъ, поспѣшно вставая,—бери, что хочешь, бери, не держи только...

— Давай полушубокъ!

— Бери, Господь съ тобою...

— Такъ-то сходнѣе; придешь опять — отдамъ, не то пришли изъ деревни девять гривенъ... за постой да за ужинъ...

— Ахъ, ты алочный человѣкъ! пра, алочный! жалости въ тіе нѣтъ... сказалъ ярославецъ.—Ишь на дворѣ стужа какая... того и смотри, дождь еще пойдетъ... ишь засивѣрило, кругомъ обложило; ну, какъ пойдетъ онъ безъ одежды-то? ему изъ воротъ такъ и то выйти холодно...

— А мнѣ что, онъ пилъ, ѣлъ...

— Тебѣ что̀! эхъ ты...

— Да ты-то что! ну, отдай ему свой полушубокъ, коли жалѣешь...

— А я въ чемъ пойду?

— Ну, вотъ то-то и есть; и всякой хлопочетъ, себѣ добра хочетъ...

— Куда же мнѣ идти теперь? перебилъ Антонъ, отдавая полушубокъ хозяину.

— Ступай въ Спасъ-на-Журавли! закричало нѣсколько голосовъ.

— Какъ выйдешь за заставу, бери прямо по проселку вправо... не забудь, Завалье, такъ Кокино...

— Спасибо... отцы мои... спасибо... бормоталъ Антонъ, выбѣгая безъ оглядки на улицу.

— Ступай все прямо... ступай!.. кричали ему вслѣдъ мужики, выходя также за ворота,—ступай, авось лошадь найдешь...

Digitized by Google

— А врядъ ему найти, замѣтилъ кто-то, когда Антонъ былъ уже довольно далеко,—вѣдь денегъ у него нѣту...

— Ой ли? и то, и то... гдѣ жъ тутъ найти! попусту только измается, сердешный...

— Ну, да пущай его поищетъ, авось, какъ-нибудь и набредетъ на слѣдъ... безъ денегъ вѣстимо плохо... да во всемъ милость Божія...

— Дядя Ѳедосѣй, найдетъ онъ лошадь, аль нѣтъ?

— Какъ тутъ найдешь, чорта съ два найдешь; слышь, денегъ нѣту... напрасно набѣгается...

Въ это время Антонъ остановился у берега и крикнулъ:

— А куды пройти къ заставѣ?

— Ступай, ступай все прямо по горѣ, мимо острога... ступай на гору, ступай вверхъ по горѣ... отвѣчали мужички въ одинъ голосъ...

И долго еще продолжали они такимъ образомъ кричать ему вслѣдъ; Антона и вовсе не было видно; уже давнымъ-давно закрыла его гора, а они все еще стояли на прежнемъ мѣстѣ, не переставая кричать и размахивать на всѣ стороны руками.

VII.

Розсказни.

Наконецъ-то, мало-по-малу, мужички успокоились; кто сѣлъ на лавочку подлѣ воротъ, а кто на заваленку. Пошли толки да пересуды о случившемся. Хозяинъ присоединился къ нимъ, какъ-будто ни въ чемъ не бывало; сначала, однако, не принималъ онъ ни малѣйшаго участія въ розсказняхъ, сидѣлъ молча, время отъ времени расправлялъ на рукахъ полушубокъ Антона, высматривая на немъ дырья и заплаты, наконецъ, свернулъ его, подложилъ подъ себя и сѣлъ ближе, потомъ слово за словомъ вмѣшался незамѣтно въ разговоръ, тамъ уже и заспорилъ. Кончилось тѣмъ, что не болѣе какъ черезъ полчаса всѣ присутствующіе, не выключая и тѣхъ, которые болѣе другихъ бранили дворника, согласились съ нимъ во всемъ и чуть ли даже не обвинили кругомъ бѣднаго Антона. Самъ толстоватый ярославецъ, принявшій было такъ горячо сторону обиженнаго, и тотъ началъ понемногу подаваться...

— Знамо, что̀ говорить, сказалъ онъ примирительнымъ тономъ хозяину,—кто его знаетъ, что̀ онъ за человѣкъ?

Digitized by Google

въ чужой разумъ не влѣзешь... да вѣдь развѣ я тебя тазалъ когда?.. когда я тебя тазалъ?.. я къ слову только молвилъ къ полушубку; мужика-то жаль добре стало... ишь стужа... а я тебя не тазалъ, за что мнѣ тебя тазать?..

— Извѣстно, братецъ ты мой, надо настоящимъ дѣломъ разсуждать, отозвался сѣдой старикъ,—за что ему на тебя злобу имѣть, за что? (Онъ указалъ хозяину на ярославца.)— Онъ ему не сватъ, не братъ... можетъ статься, такъ, слово какое въ проносъ сказалъ, а ты на себя взялъ; что про то говорить, можетъ, и взаправду конь-то у него краденый, почемъ намъ знать? Иной съ виду-то такимъ-то мірякомъ прикидывается, а поглядишь—бядовый! воръ какой али мошенникъ...

— Какъ не быть! всякъ случается, братецъ ты мой, началъ опять ярославецъ,—ты не серчай... Вотъ примѣрно, прибавилъ онъ послѣ молчка,—у насъ по сосѣдству, верстахъ эвтакъ въ пяти, и того не станетъ, жилъ вольной мужикъ, и парень у него, сынъ, ужъ такой-то былъ знатный, смирный, работящій, что говорить, на все и про все парень!.. Съ достаткомъ и люди-те были... Объ лѣто хаживали вишь они по околотку, и у нашего барина были, крыши да дома красили, тѣмъ и пробавлялись; а въ зимнее дѣло, либо въ осенину ходили по болотамъ, дичину всякую да зайцевъ стрѣляли; кругомъ ихъ такія-то все болота, и, и, и! страсти Господни! пѣшу не пройтить! вотъ какія болота! Ну, хорошо; и говорю, мужички богатые были, не то примѣрно голыши какіе... Къ нимъ господа ѣзжали, и нашъ баринъ бывалъ, другой день поохотиться пріѣдетъ, знамо, дѣло барское, ину пору позабавиться... Старикъ-атъ куды, сказываютъ, гораздъ былъ знать мѣста, гдѣ дичина водилась; куда бывало поѣдетъ, руками загребай; вотъ по эвтой-то причинѣ господа-то... да, ну, хорошо. Молодякъ, сынъ-атъ, слышите, братцы, такой-то парень былъ, что, кажись, во всѣмъ уѣздѣ супротивъ ни одному не вытянуть... куды смирный, такой-то смирный... хорошо, вотъ на бяду, спознаться ему съ солдаткой изъ Комарева; знамо, дѣло молодое! а ужъ она такая-то забубенная, озорная баба, бяда! Ну, хорошо, стакнулись, согласились, живутъ, то-есть, выходитъ примѣрно, по согласью живутъ. Вотъ, братцы, разъ этакъ подъ утро пріѣзжаютъ къ нимъ три купца: также поохотиться, видно, захотѣли; ну, хорошо; парнюха-то и выгляди у одного изъ нихъ невзначай книжку съ деньгами;

Digitized by Google

должно быть они съ ярманки или базара какого къ нимъ завернули; разгорѣлось у него сердце; а парень, говорю, смирный, что ни-на-есть смирнѣющій; скажи онъ сдуру солдаткѣ-то про эвти деньги, а та и пошла его подзадоривать, пуще да и пуще, возьми да возьми: никто, молъ, Петруха, не узнаетъ... А какой не узнаетъ! гдѣ ужъ тутъ не узнать...

— Какъ не узнать!.. вона дѣло-то какое... э! э! ишь, проклятая!.. ишь, чего захотѣла... э!.. заговорили въ одно время слушатели, качая головами.

— Ну, хорошо, продолжалъ ярославецъ,—какъ начала она его такъ-то подзадоривать, а парень, знамо, глупый, дѣло молодое, и польстись на такое ея слово; она же, вишь, самъ онъ опосля разсказывалъ, штофъ вина ему принесла для куража, а можетъ статься и другое что въ штофѣ-то было, кто ихъ знаетъ! туманъ какой, что ли! Ну, поснѣдали купцы, запалили ружья, да и пошли въ лѣсъ; взяли съ собой и парня, Петруху-то; ну, хорошо. Вотъ, братцы вы мои, и залучи онъ того, съ деньгами, въ трущобу, вѣстимо ради охоты... Пришли. Какъ закричитъ Петруха-то на зайца, тотъ сердешный купецъ и кинулся; какъ кинулси-то онъ, а Петруха-то тѣмъ временемъ, какъ потрафитъ, да какъ стрѣльнетъ ему въ спину, такъ, сказывали, лоскомъ и положилъ купца, за разъ потерялъ человѣка...

— Э!.. о!.. воно оно... ишь!.. эка грѣхъ какой!.. отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Ну, хорошо, продолжалъ ярославецъ,—самъ, братцы, сказывалъ опосля Петруха... самому, говоритъ, такъ-то стало жалко, ужасти, говоритъ, какъ жалко, за что, говоритъ, потерялъ я его; а какъ сначала-то обернулся купецъ-атъ, говорилъ Петруха, въ ту пору ничего, такъ вотъ сердце инда закипѣло у меня, въ глазахъ замитусило... и не знать, что сталось такое... знать ужъ кровь его попутала... Ну, хорошо, какъ повалился купецъ, Петруха по порядку, какъ слѣдно, взялъ у него деньги, закопалъ ихъ въ землю, да и зачалъ кричать, словно на помощь, примѣрно, зоветъ, кричитъ: застрѣлился да застрѣлился! Стало ужъ такъ недобрый какой обошелъ его; пришли два другіе купца; прибѣжали, спрашиваютъ Петруху... а тотъ и замялся, сробѣлъ, сердешной... Осмотрѣли они купца, видятъ, что спина у него опалена; глядятъ, дѣло не ладно, обшарили—и денегъ нѣтути; такъ

Digitized by Google

да сякъ, взяли они Петруху, тогда самъ вишь дался, въ неправдѣ-то Богъ, знамо, запинаетъ, скрутили да въ острогъ и посадили; въ нашемъ острогѣ и сидѣлъ... Такъ вотъ, братцы, како дѣло вышло, а парень, говорю, что ни-на-есть смирнѣющій, хорошій парень, ловкій такой...

— Ну, а чѣмъ же, братъ, дѣло-то покончилось? спросили нѣсколько человѣкъ.

— Дѣло-то чѣмъ покончилось?.. а вотъ чѣмъ: сидитъ такъ-то годъ цѣлый Петруха въ острогѣ... ладно; а отецъ, старикъ-атъ, тѣмъ временемъ хлопотать да хлопотать, много и денегъ передавалъ, сказываютъ... ну, совсѣмъ-было и дѣло-то уладилъ, анъ вышло и Богъ знаетъ какъ худо. Солдатка-то Петрухина повадилась опять-вишь къ нему таскаться; ужъ какъ угодила она, лѣшій ее знаетъ, а только въ острогъ къ нему таскалась. Ходила, ходила, да и вывѣдай отъ него, недобрая мать, про деньги-то! простой былъ парень: онъ сдуру-то и повѣдай ей то мѣсто, куды закопалъ ихъ; извѣстно, можетъ, думалъ пропадутъ задаромъ, такъ пусть же лучше ей достанутся; хорошо; какъ получила она себѣ деньги, и пошла дурить, то-есть чего ужъ ни дѣлала! что ни день, бывало, платки у нея, да шелки, прикрасы всякія, то-есть цвѣту такого нѣтъ въ полѣ, какіе наряды носила, вотъ какъ! Знамо, бабье дѣло: чѣмъ бы деньги-то приберечь, припрятать, а она гремитъ ихъ на весь свѣтъ... Что то за диво? думали въ Комаревѣ. Отколь валитъ такое у Матрешки? таракали, таракали, хвать да хвать, спросы да разспросы, туда-сюда, да и довѣдались: все разсказала, гдѣ взяла, откуда и какъ достались... Дѣло и спознали... тутъ, какъ ужъ потомъ ни бился старикъ-отецъ, ничего не сдѣлалъ; денегъ-то, знамо, ужъ не было у него въ ту пору, всѣ растуторилъ, роздалъ, кому слѣдуетъ... такъ и осталось... Заковали Петрушку въ кандалы и погнали въ Сибирь... Я помню, какъ и отправляли-то его, сердешнаго, довелось видѣть... народу-то!.. и, и, и!.. видимо-невидимо... право, такъ инда жаль его стало: парень добре хорошій былъ...

— Ну, а отецъ что?

— Да, сказываютъ, прошлу зиму померъ...

— Ишь оно дѣло-то какое; какой грѣхъ на душу принялъ: польстился на деньги, замѣтилъ старикъ.—А что, братцы, онъ вѣдь это не спроста? помереть мнѣ на этомъ мѣстѣ, коли спроста...

Digitized by Google

— Знамо, что не спроста, подхватилъ другой глубокомысленно,—надо настоящимъ дѣломъ разсуждать; развѣ по своей волѣ напуститъ на себя человѣкъ тако лихоимство? шуточно ли дѣло, человѣка убить! лукавый попуталъ!..

Во время этого разговора къ воротамъ постоялаго двора подъѣхала телѣга; въ ней сидѣли два мужика: одинъ молодой, парень лѣтъ восемнадцати, другой — старикъ. Послѣдній, казалось, успѣлъ уже ни-свѣтъ-ни-заря заглянуть подъ елку и былъ сильно навеселѣ.

— Ребята! эй, молодцы! кричалъ онъ еще издали, размахивая въ воздухѣ шапкою, — хозяинъ! можно постоять до ярманки?

— Ступайте, откликнулся хозяинъ, — на то и дворъ держимъ, ступайте...

Онъ отворилъ ворота и ввелъ пріѣзжихъ подъ навѣсъ.

Вскорѣ хмельной старичишка и молодой парень, сопровождаемые хозяиномъ, подсѣли къ разговаривающимъ.

— Про что вы тутъ толмачите, молодцы? спросилъ старикашка, оглядывая общество своими узенькими смѣющимися глазками; тутъ приподнялъ онъ шапку и, показавъ обществу багровую свою лысину, окаймленную бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, посадилъ ее залихватски набекрень.

Присутствующіе разразились громкимъ единодушнымъ смѣхомъ.

— Ишь, балагуръ, старикъ какой! ай да молодецъ! а нуткась, тряхни-ка стариной! у! у!.. посыпалось со всѣхъ сторонъ.

— Ой ли? произнесъ старикъ, подпираясь въ бока и пускаясь въ плясъ,—ой ли? аль не видали?..

— Полно, батюшка, сказалъ сердито молодой парень, удерживая его,—экъ на старости лѣтъ дуришь, принесъ свою бороду на посмѣшище городу; полно...

— А что жъ, отвѣчалъ тотъ, силясь вырваться изъ рукъ сына. — Ахъ ты такой-сякой... я жъ те, незамай... пфу!.. да ну те къ нечистому, плюньте на него, ребятушки... давайте сядемте-ка... разсказывай ты, рыжая борода, о чемъ вы тутъ таракаете?..

— А вишь, нынѣшнюю ночь увели отсель у мужичка лошадь... отвѣчалъ кто-то, думая вызвать этимъ извѣстіемъ хмельного старичка на потѣху.

— Эхва! увели... ну, а гдѣ жъ онъ самъ-атъ? въ кабачищѣ, чай, косуху рветъ съ горя?..

Digitized by Google

— Да, какъ же, въ кабакѣ... побѣжалъ вишь ее разыскивать...

— Эй, Ванюха, чортова кукла! вскричалъ старичишка, обращаясь мгновенно къ сыну, который, казалось, очень былъ недоволенъ штуками отца,—мотри, ужъ не тотъ ли это мужикъ... Вотъ, ребятушки, продолжалъ онъ, оскаливая свои беззубыя десны и заливаясь хриплымъ смѣхомъ,—не будетъ тому больно давно, повстрѣчали мы за заставой мужичка... такой-то чудной... такъ вотъ и бѣжитъ и бѣжитъ по полямъ, словно лѣшій его гонитъ... Поглядь-ка, говорю, Ванюша, никакъ мужикъ бѣжитъ по пашнѣ.—И то, говоритъ, бѣжитъ... Поглядѣли... бѣжитъ, такъ-то бѣжитъ, и, и, и! и давай кричать: эй, погоди, постой!.. Куды-те, дуетъ себѣ, не докличешься!.. ужъ такой-то, право, мужикъ любопытный! пра, любопытный!.. должно быть онъ...

— Онъ, онъ и есть... онъ... отозвалось нѣсколько голосовъ.

Старикъ ухватился подъ бока, и все туловище его закачалось отъ хриплаго прерывистаго хохота. Тутъ разговоръ сдѣлался общимъ; нѣсколько человѣкъ, увлеченные сочувствіемъ къ старичку-балагуру, тотчасъ же принялись разсказывать ему въ одинъ голосъ всѣ подробности происшествія ночи.

Между тѣмъ занялось утро; окрестности мало-по-малу пробудились; по скату горы снова потянулись подводы, забѣлѣли палатки, запестрѣлъ народъ. Паромъ, нагруженный возами и мужиками, задвигался по рѣкѣ, противуположный берегъ которой заслонялся совершенно сѣрымъ мутнымъ туманомъ; въ кузницахъ, подлѣ постоялаго двора, загудѣли мѣха, зазвенѣло желѣзо. Ярмарка снова начиналась, кому на горе, а кому и на радость. Въ самое короткое время дворъ наполнился постояльцами, пріѣзжавшими изъ зарѣчья; кое-кто изъ пѣшеходовъ подходилъ и со стороны города. Послѣдніе располагались кучками подлѣ воротъ и вокругъ избы; въ числѣ ихъ особенно много было бабъ-проходимокъ, богомолокъ, нищихъ. Между послѣдними нельзя было не замѣтить Архаровны. Она, повидимому, не принадлежала ни къ какой кучкѣ и одиноко бродила туда и сюда. Никто изъ присутствующихъ не зналъ побирушки; но одна ея одежда, состоящая на этотъ разъ исключительно изъ лохмотьевъ, связанныхъ узлами и укутывавшихъ ее съ головы до

Digitized by Google

ногъ, такъ что снаружи выглядывало только сморщенное, темное лицо старухи и нѣсколько пучковъ сѣрыхъ, желтоватыхъ волосъ, въ состояніи ужъ была обратить на себя всеобщее вниманіе. Къ тому также не мало способствовали: сапоги вмѣсто лаптей, непомѣрно длинная, суковатая клюка, а наконецъ и широкая сума, набитая вплотную и которую Архаровна держала на сгорбленной спинѣ своей такъ же свободно, какъ любой бурлакъ. Три молодые парня, стоявшіе у воротъ, были первые, которые ее замѣтили.—„Ишь, сказалъ одинъ,—вотъ такъ старуха; ну, ужъ, баба-яга, подлинно, что баба-яга".—„Да, подхватилъ другой,—повстрѣчаться съ такой-то ночью, такъ испужаешься; подумаешь, нечистаго встрѣтилъ..."—„Ишь, старая, старая, продолжалъ насмѣшливо третій,—а шутка каку штуку наворошила себѣ на спину... и нашему брату не подъ моготу..."

Архаровна подошла, припадая съ одной ноги на другую, къ окну избы, постучалась легонько по рамкѣ клюкою и произнесла жалобно нараспѣвъ: „Кормилицы наши, батюшки, подайте милостинку во имя Христо-о-во..."—Окно отворилось, изъ него высунулось рябое лицо дворничихи.—„Богъ подастъ, много васъ здѣсь шляндаетъ... ступай-ка, ступай..." сказала она грубо и безъ дальнихъ разсужденій захлопнула окно. — Архаровна перекрестилась, потупила голову и подошла тѣмъ же точно порядкомъ, припадая и прихрамывая, къ толпѣ, стоявшей у воротъ.

— Что, бабушка, сказалъ одинъ изъ молодыхъ парней, ударяя ее по плечу,—умирать пора!..

— Ась, касатикъ!..

— Умирать пора, что шляешься...

— По хлѣбушко, кормилецъ, хлѣбушка нѣтути...

— А вонъ это что у тебя въ мѣшкѣ? ишь туго больно набито, замѣтилъ онъ, подходя ближе и протягивая руку, чтобы пощупать суму; но старуха проворно повернулась къ нему лицомъ и никакъ не допустила его до этого.

Другой молодой парень, стоявшій поблизости, ловко подскочилъ въ это время къ ней сзади, и та не успѣла обернуться, какъ уже онъ обхватилъ мѣшокъ обѣими руками и закричалъ, надрываясь отъ смѣха:

— Старуха, мотри, эй, крупа-то высыпалась... право, на днѣ прорѣха... дорогой, того и гляди, всю раструсишь...

— Оставь!.. каку тутъ еще крупу нашелъ... бормотала

Digitized by Google

сердито Архаровна, стараясь высвободить мѣшокъ изъ рукъ парня,—экой пропастный, полно, оставь...

Но парень однимъ поворотомъ руки бросилъ суму наземь, повернулъ старуху и указалъ ей на прорѣху, изъ которой въ самомъ дѣлѣ сыпалась тоненькою струею крупа.

— Ахти!.. батюшки!.. крикнула старуха, расталкивая собравшихся зѣвакъ и поспѣшно нагибаясь,—ой, касатики мои... вотъ люди добрые подали крупицы на мою бѣдность... да и та растерялась... охъ...

И она заплакала.

— Знать, много ты бѣдна, сказалъ иронически парень, — что цѣлый мѣшокъ наворочали тебѣ люди-то добрые... эки добрые, право; у нихъ крупа-то видно, что скорлупа... Да что ты пихаешься, тетенька? небось, не возьму, не съѣмъ, продолжалъ онъ, удерживая одною рукою Архаровну, другою развертывая суму.—Ишь, ребята... эй, поглядите, какова нищенка... вона чего припасла... вонъ въ кулечкѣ говядинка... э! э!.. эхва, штофъ винца въ тряпицѣ... два! братцы! два штофа, и сала кусокъ, э! а вотъ и кулекъ съ крупою... жаль только, тетка, прорвался онъ у тебя маленько... ай да побирушка! да полно, ужъ не живешь ли ты доикомъ... Чай, на ярманкѣ накупила по хозяйству... что жъ, въ гости-то позовешь насъ, что ли?.. да полно, ну, чего пузыришься, ишь огрызается какъ! говорятъ, не съѣдимъ, не тронемъ, поглядѣть только хотѣлось...

И онъ обхватилъ ее еще крѣпче руками.

— Ишь, взаправду, чего набрала, замѣтилъ старикъ, подбираясь къ мѣшку, — а еще милостинку собираешь... эхъ, ты... жидовина... да тебѣ, старой, эвтаго и въ годъ не съѣсть...

Всѣ эти замѣчанія, хохотъ, насмѣшки толпы, обступившей парня и нищенку, остервенили до нельзя Архаровну; куда дѣвались ея несчастный видъ и обычное смиреніе! она ругалась теперь на всѣ бока, билась, скрежетала зубами и казалась настоящей вѣдьмой; разумѣется, чѣмъ долѣе длилась эта сцена, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе раздавался хохотъ, тѣмъ тѣснѣе становился кружокъ зрителей... Наконецъ, кто-то ринулся изъ толпы къ парню и, ухвативъ его за плечи, крикнулъ, что было силы:

— Эй, Петруха, мотри, укуситъ... пусти!..

Парень отскочилъ; толпа завыла еще громче, услышавъ страшныя ругательства, старуха начала осы-

пать ее. Наконецъ, Архаровна встала: повязка сползла съ головы ея, сѣдые волосы разсыпались въ безпорядкѣ по лохмотьямъ; лицо ея, искривленное бѣшенствомъ, стало вдругъ такъ отвратительно, что нѣкоторые отступили даже назадъ. Она подобрала, не оправляясь, всѣ свои покупки въ суму, взяла ее въ обѣ руки, забросила съ необыкновенною легкостью на плечи и, осыпавъ еще разъ толпу проклятіями, поплелась твердымъ шагомъ къ городу. Все это исполнено было такъ неожиданно, что всѣ опѣшили отъ удивленія; густой оглушительный хохотъ раздался уже тогда въ толпѣ, когда старуха совсѣмъ исчезла изъ виду...

Хмельной старичишка, пріѣхавшій съ молодымъ парнемъ, готовился было начать разсказъ о встрѣчѣ своей съ Антономъ какому-то мельнику (что дѣлалъ онъ безъ исключенія всякій разъ, какъ на сцену появлялось новое лицо), когда къ кружку ихъ подошелъ человѣкъ высокаго роста, щегольски одѣтый; все въ немъ съ перваго разу показывало зажиточнаго фабричнаго мужика. На немъ была розовая ситцевая рубаха, подпоясанная низехонько пестрымъ гаруснымъ шнуркомъ, съ привѣшеннымъ къ нему за ремешокъ мѣднымъ гребнемъ; на плечахъ его наброшенъ былъ съ невыразимою небрежностью длинный-предлинный синій кафтанъ со сборами и схватцами. Зеленыя замшевыя рукавицы, отороченныя красной кожей, высокая шляпа, утыканная алыми цвѣтами съ кулича, и клѣтчатый бумажный платокъ, который тащилъ онъ по землѣ, довершали его нарядъ.

— Здравствуйте, братцы, произнесъ онъ, приподымая легонько шляпу,—вотъ что, не здѣсь ли остановился троскинскій мужичокъ Антонъ?... Онъ сюда лошадь пріѣхалъ продавать... лошаденка у него пѣгая, маленько съ изъянцемъ... Обѣщался я его провѣдать, да никакъ не найду; по всему низовью прошелъ, ни на одномъ постояломъ дворѣ нѣту...

— А какой онъ изъ виду? спросилъ кто-то.

— Такой сухолядый, долговязый, лѣтъ ему подъ пятьдесятъ... съ просѣдью...

— Э! э! э!... раздалось въ толпѣ,—да ужъ не тотъ ли, братцы?..

— Съ кѣмъ я повстрѣчался на дорогѣ? подхватилъ хмельной старичишка,—говорю, мотри, Ванюха, мужикъ бѣжитъ... И то, говоритъ...

Digitized by Google

— Ну, братъ, живо перебилъ третій,—съ нимъ неспорое дѣло попритчилось...

— Что ты? какое дѣло?..

— Да зѣвуна далъ: у него кобылку-то подтибрили, увели; нынче ночью и увели...

— Неужто правда? вскричалъ фабричный, ударяя объ полы руками.

— Не встать мнѣ съ этого мѣста... спроси хошь у ребятъ, вотъ-те Христосъ—правда...

— Да кто жъ это? какъ?...

— А Богъ ихъ знаетъ, увели да и все тутъ!

— Гдѣ жъ онъ, самъ-отъ?

— Разыскивать побѣжалъ лошадь... маненько, братъ, и не захватилъ ты его...

— Я встрѣлся съ нимъ на дорогѣ, началъ было снова старичишка,—бѣжитъ, бѣжитъ, такой-то, право, мужикъ любопытный!..

— Эко дѣло! э! произнесъ съ истиннымъ участіемъ фабричный,—да разскажите же, братцы, какъ бѣда-то случилась.

Всѣ разомъ принялись кричать, разсказывать; хозяинъ перекричалъ, однако, другихъ и съ разными прибавленіями, оправдывавшими его кругомъ, разсказалъ парню обо всемъ случившемся.

— Ну, пропалъ! совсѣмъ запропастилъ сердяга свою голову, твердилъ тотъ, хмурясь и почесывая съ досадою затылокъ,—теперь, хоть смерть принять ему, все одно.

— А что, онъ тебѣ братъ, али сродственникъ какой?

— Нѣтъ, не сродственникъ: землякъ; да больно жаль мнѣ его, пуще брата... то есть вотъ какъ жаль!.. мужикъ-то такой добрый, славный, смирный!.. Его совсѣмъ, какъ есть, заѣстъ теперь управляющій... эка, право, горемычная его доля... да что толковать, совсѣмъ онъ пропалъ безъ лошади...

— Знамо, въ крестьянскомъ житьѣ лошадь дѣло великое: есть она—ладно, нѣтъ—ну, вѣстимо, плохо.

— А какой мужикъ-то, продолжалъ землякъ Антона, садясь на лавочку и грустливо качая головою, — какой мужикъ! охъ, жаль мнѣ его...

— А мы, братъ, не посѣтуй, признаться, чаяли, вотъ и хозяинъ говорилъ, будто онъ человѣкъ недобрый какой... И Господь знаетъ, отчего это намъ на разумъ пришло.

Digitized by Google

— Хоть вѣрьте, хоть нѣтъ, я не про то его хвалю, что землякъ онъ мнѣ... да вотъ, братцы, спросите... Съ этими словами указалъ онъ на мужика въ красной александринской рубахѣ, подходившаго къ ихъ кружку, — знаешь, Пантюха, крикнулъ онъ ему, когда тотъ могъ слышать,—знаешь, бѣда какая... подь скорѣй сюда...

— Ну что?

— Вѣдь у нашего Антона лошадь-то увели.

— Ой ли?

— Ей-Богу, правда, вотъ здѣсь и молодцы всѣ знаютъ... а я думалъ, братъ, на радость привести тебя къ землячку, эка бѣда!..

И онъ повторилъ Пантюхѣ все слышанное имъ отъ дворника.

— Ну, пропалъ, совсѣмъ пропалъ мужикъ, произнесъ тотъ послѣ нѣкотораго молчанія, — нивѣсть что̀ съ нимъ станется. Никита заѣстъ его... эка, право, мужикъ-атъ этотъ лихобойный, безсчастный!..

— Да кто у васъ Никита-то?

— Управляющій...

— Что жъ ему заѣдать его? вѣдь лошадь не господская, мужицкая...

— А то, что онъ послалъ его продавать ее... податей заплатить нечѣмъ...

— Э! вотъ оно что... Стало, мужикъ добре бѣдный!..

— Какой бѣдный! совсѣмъ разоренный; а все черезъ него же, управляющаго... этакого-то Господь послалъ намъ звѣря...

— Драчливъ, что ли?

— Такой-то колотырникъ, такъ-то дерется, у-у-у!.. бяда! отвѣчалъ Пантюха, махнувъ рукой и садясь на лавку подлѣ товарища,—и не то, чтобы за дѣло; за дѣло бы еще ничто, пущай себѣ; а то просто, здорово живешь, казнитъ нашего брата...

— Что и нашъ, вѣрно, перебилъ ярославецъ, молчавшій все это время, — у насъ вотчина-то большая, управляющій-то изъ нѣмцевъ, такой же вотъ бядовый! ни Богу, ни людямъ, ни намъ, мужикамъ... смерть! Разъ вотъ какъ-то иду я, и, признаться, не запримѣтилъ, шапку ему не снялъ; ну, хорошо; какъ подошелъ онъ ко мнѣ, да какъ хватитъ меня вотъ въ эвто само мѣсто; ну, хорошо; я ему и скажи въ сердцахъ-то: Карлъ Ивановичъ, за что молъ ты дерешься? какъ онъ, братцы, хлыстъ меня въ другую;

ну, хорошо; я опять: Бога молъ не боишься ты, Карлъ Иванычъ... Какъ почелъ таскать, такъ я инда и свѣта не взвидѣлъ, такой-то здоровенный, даромъ что нѣмецъ... А спроси, за что билъ, я чай, и самъ не знаетъ; такое знать ужъ у него сердце... ретивъ, больно ретивъ...

— Поди жъ ты, иной баринъ не такъ спѣсивъ: мужичка жалѣетъ...

— Эти-то, что изъ нашего брата, да еще изъ нѣмцевъ—хуже, замѣтилъ старикъ,—особливо, какъ господа дадутъ имъ волю, да сами не живутъ въ вотчинѣ; бяда! того и смотри, начудятъ такого, что ввѣкъ поминать станешь... не изъ тучки, сказывали намъ старики наши, громъ гремитъ: изъ навозной кучки!.. Скажи, братъ, на милость, за что жъ управляющій-то вашъ зло возымѣлъ такое на землячка... Антономъ звать, что ли?

— Думаетъ, онъ понесъ на него жалобу барину въ Питеръ...

— А, вотъ что! э! ишь!.. послышалось въ толпѣ, которая все плотнѣе и плотнѣе окружала разговаривающихъ.

— А жалобу-то не онъ совсѣмъ и понесъ... коли на прямыя денежки отрѣзать, по душѣ сказать. Она пошла отъ всего міра... онъ виновнымъ только остался...

— Какъ такъ?

— Да вотъ какъ... Старый баринъ нашъ померъ, тому лѣтъ пять будетъ; Никита и остался у насъ управляющимъ. По настоящему дѣлу ему не слѣдъ было бы; да такъ ужъ старый баринъ пожелалъ... онъ, вишь, выдалъ за него при живности своей свою любовницу; ее-то онъ жаловалъ, она и упросила...

— Стало, любилъ ее баринъ?

— А такъ-то любилъ, что и сказать мудрено... у нихъ вишь дочка была... она и теперь у матери, да только въ загонѣ больно: отецъ, Никита-то, ее добре не любитъ... Ну, какъ остался онъ у насъ такъ-то старшимъ послѣ смерти барина, и пошелъ тяготить насъ всѣхъ... и такая-то жисть стала, что, кажись, бѣжалъ бы лучше: при баринѣ было намъ такъ-то хорошо, знамо, попривыкли, а тутъ пошли побранки да побои, только и знаешь... а какъ разлютуется... бѣда! бьетъ, колотитъ, бывало, и бабъ и мужиковъ, обижательство всякое творитъ...

— Ну, а молодые-то господа?

— Молодые господа наши, сынъ да дочь, въ Питерѣ живутъ... мы ихъ николи и въ глаза-то не видали... въ-

Digitized by Google

стимо, братцы, кабы они здѣсь жили или понавѣдывались, примѣрно, хошь на время, такъ ина была бы причина... у насъ господа по отцу, добрые, хорошіе, грѣхъ сказать, чтобы зла кому пожелали, дай имъ Господь за то много лѣтъ здравствовать! Вотъ мой братъ былъ въ Питерѣ и говоритъ: господа важные!.. Да гдѣ жъ имъ самимъ до всего доходить? вотчинъ у нихъ много, и то сказать, всѣхъ не объѣздишь; живутъ они въ Питенбурхѣ, — господа! они рады бы, можетъ статься, особливо баринъ, въ чемъ помочь мужикамъ своимъ, да вишь отъ нихъ все шито да крыто; имъ сказываютъ: то хорошо, другое хорошо, знатно молъ жить вашимъ крестьянамъ, ну, и ладно, они тому и вѣрятъ, а господа хорошіе, грѣхъ сказать; кабы они видали, примѣрно, что мужики въ обидѣ живутъ отъ управляющаго да нужду всяческу терпятъ, такъ, вѣстимо, того бы не попустили... Управляющему, знамо, какое до насъ дѣло? нешто мы его? дана ему власть надъ нами, и творитъ, что ему задумается; норовитъ, какъ бы послѣднее оттянуть отъ мужичка... И добро бы, братцы, человѣкъ какой былъ, самъ господинъ али какого дворянскаго роду, что ли; все бы, кажись, не такъ обидно терпѣть, а то вѣдь самъ такой же сермяжникъ, ходитъ только въ барскомъ кафтанѣ да бороду бреетъ... а господа души, вишь, въ немъ не чаютъ, они нашего мужицкаго дѣла не разумѣютъ, все сполняютъ, что ему только поволится... Ну, какъ почалъ онъ такъ-то обижать насъ, видимъ, плохо; вотъ вся деревня наша и сговорилась написать жалобу молодому барину въ Питеръ; время было къ самому розговѣнью... а сговорившись-то и собрались такъ-то ночью въ ригу, всѣ до единаго вросхмель, какъ теперь помнится, а рига такая-то большая, за барскимъ садомъ стоитъ... былъ съ нами и Антонъ...

При этомъ имени въ толпѣ произошло движеніе, нѣкоторые изъ слушателей наклонились еще ближе къ разсказчику, и почти въ одно и то же время со всѣхъ концовъ послышалось: „ну, ну!“

— Онъ, нужно сказать, продолжалъ фабричный, — изо всего нашего Троскина одинъ только грамотѣ-то и зналъ... ужъ это всегда, коли грамоту написать али псалтырь почитать надъ покойникомъ, его, бывало, и зовутъ... ну, его и засадили; пиши, говорятъ, да пиши; подложили бумагу, онъ и написалъ, спроворили [illegible] хорошо, послали въ Питеръ, никто и не прот[illegible]омъ было ба-

Digitized by Google

бамъ не сказывать, и дѣло-то, думали, споро, анъ вышло не такъ...

У нашего управляющаго, Никиты Ѳедорыча, въ Питерѣ есть братъ, такой же нравный; ходитъ онъ за бариномъ; ну, вѣстимо, что говорить, сила! и другіе-то люди изъ тамошнихъ всѣ ему сродни, заодно; какъ пришло наше письмо туда, извѣстно, не прямо къ барину: къ людямъ сначала попало; швацаръ какой-то, свѣдали мы опосля, принялъ; барину онъ ужъ какъ-то тамъ передаетъ... у меня братъ въ Питирбургѣ-то у господъ бывалъ... въ одной, говоритъ, прихожей только-то народу, и-и-и... знамо, гдѣ ужъ тутъ дойти? народъ все проворный, не то, что нашъ братъ, деревенскій; ну, братцы, какъ получили они себѣ письмо, должно быть и смекнули, съ кой сторонки... бумага али другое что не ладно было; а только догадались—возьми они его, утаи отъ барина, да и довѣдайся, что въ немъ писано... а мы, вишь, писали, что управляющій и бьетъ-то насъ беззаконно, и всякое обижательство творитъ. Они видятъ, плохо пришло Никитѣ, возьми, да и отошли письмо-то назадъ къ нему, да еще и свое приписали... Вотъ разъ призываетъ насъ такъ-то управляющій, этому года четыре будетъ, эвтакъ объ утро, такой-то осерчалый, сердитый... а намъ невдомекъ, и въ мысляхъ не держали, чтой-то за дѣло... „Ахъ, молъ, вы такіе да сякіе; я васъ, говоритъ, посвойски! я жъ вамъ задамъ! Кто, говоритъ, писалъ на меня жалобу?“ да какъ закричитъ... такъ вотъ по закожью-то словно морозомъ проняло: знамо, не свой братъ, подитка, сладь съ нимъ; маненько мы поплошали тогда, сробѣли; ну, а какъ видимъ, дѣло-то больно плохо подступило, не сдобровать, доконаетъ!.. всѣ въ одинъ голосъ Антона и назвали; своя-то шкура дороже; думали, тутъ того и гляди пропадешь за всѣхъ... Ну, вѣстимо, пришло Антону куды какъ жутко; ужъ чего-то онъ съ нимъ, съ сердешнымъ, ни дѣлалъ, какъ ни казнилъ, Господь одинъ знаетъ. Былъ у Антона братъ, Ермолай, женатый парень, того въ первое рекрутство записалъ, а Антона на барщину да на барщину безъ отмѣны... Землица-то у него, какъ и у всѣхъ насъ, плохая была; ну, вѣстимо, какъ рукъ не стало на нее, не осилилъ, и вовсе не пошло на ней родиться... тутъ, вишь, братнина семья на рукахъ осталась, двое махонькихъ ребятенковъ, не въ подмогу, а все въ изъянъ да въ изъянъ...

— Знамо, ужъ какая тутъ подмога—баба съ ребятен-

Digitized by Google

ками... сказалъ, вздыхая, толстоватый ярославецъ; — эка, мужикъ бѣдный, право...

— Это еще не все, братцы, продолжалъ фабричный, постепенно воодушевляясь,—куды! онъ въ отместку ему и землю-то у него ту отнялъ...

— Какъ, и землю отнялъ, землю? крикнули многіе.

— Да, отнялъ, и вырѣзалъ ему что ни на есть плошную во всей вотчинѣ: суглинокъ... Хлѣба у Антона съ перваго же года и не стало... а жилъ онъ, нужно сказать, прежде не хуже другихъ... Была у него при покойномъ баринѣ добрая „кулига“ *) сѣна, и той не оставилъ ему Никита: жирно больно живешь, говоритъ... Видитъ Антонъ, нечѣмъ кормить скотинку, а нужда пришла, крайность; онъ и давай продавать, сердешный, то лошадку, то корову, то овцу... И что бы вы думали? и тутъ-таки донялъ его Никита: не пущаетъ его въ городъ, да и полно; что ты станешь дѣлать? Продавай, говоритъ, въ деревнѣ... Извѣстно, какой ужъ тутъ торгъ, мужички же неимущіе, денегъ нѣту, отдавать сталъ за безцѣнокъ. Пришло Антону день ото дня плоше да плоше; вѣстимо, мужичокъ не грибокъ: не растетъ подъ дождёкъ... долго ли разорить его? Такъ-таки совсѣмъ и разорилъ его, довелъ дотолѣва, что не осталось у него въ домѣ ни полщепочки, живетъ какъ бы день къ вечеру, и голодную собаку нечѣмъ стало изъ-подъ лавки выманить...

— Знамо, какое ужъ тутъ житье! Проти жара и камень треснетъ.

— Я чай, самъ-то ужъ не радъ, что грамотѣ гораздъ.

— Эхъ! Богъ правду-то видитъ, да, видно, не скоро ее сказываетъ! замѣтилъ кто-то въ свой чередъ.

— И такой-то человѣкъ этотъ Никита, сказалъ фабричный,—что хоть бы разъ забылъ свою злобу. Вотъ нагдысь сказывалъ мнѣ нашъ же мужикъ, приходитъ къ нему нынѣшнюю весну Антонъ попросить осину—избенку поправить; ужъ онъ его корилъ, корилъ, все даже припомнилъ... опричь того и осины не далъ... Вѣстимо, одно въ одно; до того дошелъ теперь Антонъ, что хошь ступай сумой тряси, то-есть совсѣмъ, какъ есть, сгибъ человѣкъ... Ужъ такъ-то, право, жаль мнѣ его...

— Какъ же не жаль, началъ опять ярославецъ.—Охохо!.. Ты же, братъ, говоришь, мужикъ-атъ добрый...

---

*) „Кулига“—частица, участокъ.

Digitized by Google

— Ужъ такой-то добрый... простой... Бывало, какъ жилъ-то хорошо, всякаго готовъ уважить, простыня-мужикъ... Черезъ простоту свою да доброту и пострадалъ болѣе... Добрая была душа...

— Охъ, что-то теперь съ нимъ станется?.. Вѣдь лошадь, ты, братъ, говоришь, у него была послѣдняя?..

— Послѣдняя...

— Вотъ то-то... мерзлой рожѣ да мятель въ глаза... Плохо ему... и врядъ ему найти...

— Гдѣ, гдѣ теперь найти! И Господь знаетъ, куды загнали лошадь...

— Право, кабы зналъ, пособилъ бы ему, ей-Богу бы пособилъ, сказалъ ярославецъ.—Послушай, братъ, хозяинъ, полно тебѣ жидоморничать; ну, что ты съ него возьмешь, ей-Богу грѣхъ тебѣ будетъ, отдай ему полушубокъ... Э! Не видалъ что ли полушубка ты крестьянскаго?.. Слышишь, мужикъ бѣдный, неимущій... Право, отдай; этимъ, братъ, не разживешься; пра, отдай!..

Оба фабричные и бо́льшая часть присутствующихъ изъявили то же мнѣніе. Хозяинъ отмалчивался. Сухощавое лицо его выражало совершенное невниманіе къ тому, что говорили вокругъ него; ни одна черта не обозначила малѣйшаго внутренняго движенія. Наконецъ, онъ медленно приподнялся съ своего мѣста, погладилъ бороду, произнесъ съ озабоченнымъ видомъ: пустите-ка, братцы... подошелъ къ воротамъ, окинулъ взоромъ небо, которое начинало уже посылать крупныя капли дождя, и, бросивъ полушубокъ Антона къ себѣ на плечи, вошелъ въ избу. Брань и ругательства сопровождали его.

Холодный осенній дождь—„забойный“, какъ называютъ его поселяне, полилъ сильнѣе и сильнѣе. Въ одно мгновеніе вся окрестность задернулась непроницаемою его сѣтью и огласилась шумомъ потоковъ, которые со всѣхъ сторонъ покатились, клубясь и журча, въ рѣкѣ. Мужички поднялись съ лавки и подошли къ воротамъ.

— Вотъ тебѣ и ярманка, сказалъ толстый мельникъ, выставляя свои сапоги подъ жолобъ.—Ишь какое Господь посылаетъ ненастье... Хорошо еще, что я не поторопился: того и гляди, муку бы вымочилъ...

— Ишь, дядя Трифонъ, погляди-ка, какъ народъ-то бѣжитъ по горѣ, произнесъ молодой парень, схватившись за бока,—вонъ, вонъ, по горѣ... Небось дождемъ-то знатно пронимаетъ...

Digitized by Google

— Что за напасть, братцы, такая, вотъ почитай мѣсяцъ цѣлый, какъ дождь льетъ безперечь... Теперь того и гляди морозъ, долго ли до бѣды, какъ разъ озими обледенѣютъ... вымочки пойдутъ...

— Да, погрѣшились, знать, передъ Господомъ Богомъ: и прошлаго года было куды съ хлѣбами-те плохо, а какъ нынѣшній пойдетъ такой же, такъ и совсѣмъ бяда...

— Что-то теперь съ землячкомъ твоимъ станетъ, гдѣ-то онъ, сердешный? сказалъ ярославецъ, подходя къ одному изъ фабричныхъ, прислонившемуся къ завалинкѣ.—Вотъ ему куды, чай, какъ плохо: ишь чичеръ, сиверца пошла какая...

— А что сталось, перебилъ сѣдой старикашка, проходя въ это время мимо,—бѣжитъ себѣ да бѣжитъ, какъ когда я его встрѣлъ... такъ вотъ и дуетъ, чай... Такой-то мужикъ любопытный...

— Пошелъ, старый, не тебя спрашиваютъ... Эхъ, жаль мнѣ его, ужъ такъ-то, право, жаль! прибавилъ фабричный, обращаясь къ ростовцу.

— И полушубка-то на немъ нѣтъ... у хозяина, у подлой души, за долгъ оставилъ... Чай, такъ-то иззябъ, сердешный...

— Какъ не прозябнуть! Ишь какая пошла погода, все хуже да хуже, индо въ дрожь кинуло... И вѣтрено какъ стало... такъ съ ногъ и ломитъ...

— Чай промокъ?

— Какъ не промокнуть! Говорятъ, въ одной рубахѣ пошелъ, аль не слышишь?..

— Ишь, кругомъ, братцы, какъ есть обложило, надолго, знать, будетъ дождь.

— Пойдемте въ избу... и здѣсь донимать начинаетъ... смерть... Ишь золко добре...

И толпа повалила грѣться.

VIII.

Никита Ѳедорычъ.

Несмотря на раннюю пору и сильный морозный вѣтеръ, обращавшій лужи въ гололедь, троскинскій управляющій, Никита Ѳедорычъ, былъ уже давно на ногахъ. Исполненный благодарности къ молодымъ господамъ своимъ, которые такъ слѣпо довѣряли его честности свое состояніе, такъ безусловно поручали ему страшную обузу управле-

Digitized by Google

нія полуразореннаго имѣнія, онъ старался всѣми силами, если не вполнѣ оправдать ихъ довѣріе, то по крайней мѣрѣ не употреблять его во зло. И могъ ли онъ въ такомъ случаѣ щадить свои силы и здоровье? Долженъ ли былъ потакать той гнусной лѣни, которая, Богъ вѣсть за что и почему, досталась въ удѣлъ русскому человѣку?.. Съ обязанностью управляющаго соединяется всегда столько хлопотъ, труда, попеченій, отвѣтственности!.. Нѣтъ, Никита Ѳедорычъ не могъ дѣйствовать иначе. Если бъ даже находился онъ при другихъ обстоятельствахъ, то-есть не пользовался бы такимъ безграничнымъ довѣріемъ господъ, или былъ поставленъ судьбою самъ на ихъ мѣсто, и тогда, въ этомъ можно смѣло ручаться, нимало не утратилъ бы ни благороднаго своего рвенія, ни дѣятельности, ни той ничѣмъ несокрушимой энергіи, которая такъ рѣзко обозначалась въ его сѣрыхъ, блистающихъ глазахъ; онъ слишкомъ глубоко сознавалъ всю важность такой должности, онъ какъ будто нарочно рожденъ былъ для нея.

Имѣть подъ надзоромъ нѣсколько сотъ бѣдныхъ крестьянскихъ семействъ, входить въ мельчайшія ихъ отношенія, чуять сердцемъ ихъ потребности и нужды, обладать возможностью, иногда словомъ или даже движеніемъ, обращать ихъ частыя горести въ радость, довольствоваться умѣренно ихъ трудами, всегда готовыми къ услугамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать за ихъ благополучіемъ, спокойствіемъ,—словомъ, быть для нихъ, бѣдныхъ и безотвѣтныхъ, отцомъ и благодѣтелемъ,—вотъ какая доля досталась Никитѣ Ѳедорычу! вотъ чему онъ такъ горячо могъ сочувствовать и сердцемъ, и головою. И, Боже, какъ былъ счастливъ троскинскій управляющій! Какъ легко довелось ему стать въ положеніе такого человѣка! Есть люди, которые съ дѣтства готовятся для какого-нибудь назначенія, работаютъ денно и нощно, истощаютъ всѣ силы и средства свои и все-таки не достигаютъ того, чтобы обнаружить свои труды и мысли на дѣлѣ, тогда какъ онъ... Стоило только Аннушкѣ, теперешней супругѣ управляющаго, замолвить слово старому барину—и уже Никита Ѳедорычъ стоитъ лицомъ къ лицу съ своей задушевной цѣлью и дѣйствуетъ. Впрочемъ, сказываютъ, все это случилось передъ самою кончиною барина.

Итакъ, Никита Ѳедорычъ, несмотря на раннюю пору

Digitized by Google

и стужу, былъ уже на ногахъ. Онъ успѣлъ побывать на скотномъ дворѣ, заглянулъ въ клѣть, гдѣ стояли три тучныя коровы, принадлежавшія супругѣ его, Аннѣ Андреевнѣ,—посмотрѣлъ, достаточно ли у нихъ мѣсива, погладилъ ихъ, — потомъ прикрикнулъ на старую скотницу Θеклу, хлопотавшую подлѣ тощихъ барскихъ телокъ, жевавшихъ по какому-то странному вкусу, имъ только свойственному, отлежалую солому. Далѣе заглянулъ онъ въ ригу, гдѣ нѣсколько мужиковъ обмолачивали господскую рожь. Исполнивъ это, Никита Θедорычъ направился къ собственному своему „огородишку“, какъ называлъ онъ его, то-есть огромному пространству отлично удобренной и обработанной земли, на которомъ виднѣлись въ изобиліи яблони, груши, ленъ, ульи, и гдѣ рѣпа, морковь, лукъ и капуста терпѣли крайнюю обиду, ибо служили только жалкимъ украшеніемъ. Тутъ онъ совсѣмъ захлопотался съ мужиками, которые окутывали ему на зиму яблони и обносили огородъ плотнымъ заборомъ и канавой. „Экой проклятый народъ, твердилъ онъ, размахивая толстыми своими руками,—лѣнтяй на лѣнтяѣ; только вотъ и на умѣ, какъ бы отхватать скорѣе свои нивы, завалиться на печку, да дрыхнуть безъ просыпу... до чужого дѣла ему и нуждушки нѣтъ... бестія народъ, лѣнтяй народъ, плутъ народъ!“

Время, вотъ видите ли, подходило къ морозамъ; Никита Θедорычъ нарочно нагналъ всю барщину, думая живѣе отдѣлаться съ своимъ огородомъ, чтобы потомъ, сообща, дружнѣе, всѣмъ міромъ, приняться за господскую молотьбу; но міръ почему-то медленно и нехотя подвигалъ дѣло, и это обстоятельство приводило бѣднаго управляющаго въ такое справедливое негодованіе. Пожуривъ, какъ водится, лѣнтяевъ, снабдивъ ихъ при случаѣ полезными совѣтами и поучительными истинами, Никита Θедорычъ поплелся черезъ пустынный барскій дворъ, прямо къ конторѣ. Но даже и здѣсь не дали ему покоя. Не успѣлъ онъ сдѣлать двухъ шаговъ, какъ Анна Андреевна высунула изъ окна больное, желтое лицо свое, перевязанное бѣлою косынкой по случаю вѣчнаго флюса, и прокричала пискливымъ, недовольнымъ голосомъ: „Никита Θедорычъ, а, Никита Θедорычъ, ступай чай пить! что это тебя, право, не дождешься; да ступай же скорѣе... полно тебѣ переваливаться!..“

— Иду, иду, барыня, успѣешь еще... иду... проговорилъ заботливый супругъ.

Digitized by Google

Тутъ замахнулся онъ было въ разсѣянности на пѣтуха, взгромоздившагося на сосѣдній заборъ и неожиданно продравшаго горло, но, къ счастію, спохватился заблаговременно: пѣтухъ былъ его собственный; онъ кашлянулъ, плюнулъ и, окинувъ еще разъ дворъ, вошелъ къ себѣ въ сѣни.

Квартира его занимала часть стараго флигеля, построеннаго, какъ водилось въ прежніе годы, для помѣщенія гостей, имѣющихъ обыкновеніе пріѣзжать въ провинціи на недѣлю, а иногда и болѣе, нимало не заботясь о томъ, пріятно ли это или нѣтъ хозяину. Но теперь не оставалось и тѣни тѣхъ крошечныхъ, уютныхъ комнатокъ съ ситцевымъ диванчикомъ, постелью, загроможденною перинами, умывальникомъ подлѣ окна, съ вѣчно висѣвшимъ надъ нимъ пестрымъ полотенцемъ — узаконеннымъ годичнымъ приношеніемъ трудолюбивыхъ деревенскихъ бабъ. Слѣды комнатокъ обозначались лишь на внутренней стѣнѣ всего зданія желтоватыми полосами отъ перегородокъ, замѣненныхъ двумя капитальными стѣнами, съ сѣнечками посерединѣ, раздѣлявшими флигель на двѣ равныя половины. Надъ дверьми одной стороны сѣней висѣла черная доска, съ надписью: „Контора“; надъ дверьми другой не было никакой надписи,—да и не надо было: всякій зналъ хорошо, что тутъ жилъ Никита Ѳедорычъ. Нельзя пропустить безъ вниманія промежутка между двумя этими половинами, то-есть сѣнечекъ; онѣ также имѣли свое особое назначеніе, хотя также не видно было никакой надписи: здѣсь, въ лѣтнее время, Никита Ѳедорычъ производилъ судъ, или, лучше сказать, расправу надъ провинившимися крестьянами, порученными его надзору, съ истинно безукоризненной справедливостью.

Квартира управляющаго состояла изъ темной прихожей, въ то же время кухни, и трехъ большихъ свѣтлыхъ комнатъ. Въ первой изъ нихъ, какъ прежде другихъ бросающейся въ глаза, хозяинъ и хозяйка старались завсегда соблюдать чистоту и порядокъ. Предметы роскоши также имѣли здѣсь мѣсто. Въ самомъ свѣтломъ и видномъ углу блисталъ ярко вычищенный образъ въ богатой серебряной ризѣ, которымъ покойный баринъ, въ качествѣ посажёнаго отца, благословилъ жену бывшаго своего камердинера; подлѣ него, на старинной рѣзной горкѣ, находился разрозненный фарфоровый сервизъ, или, лучше сказать, нѣсколько разрозненныхъ сервизовъ, вѣроятно,

Digitized by Google

тоже подаренныхъ въ разныхъ случаяхъ старымъ бариномъ смазливой Аннѣ Андреевнѣ. Въ остальныхъ углахъ и вдоль стѣнъ были установлены въ рядъ разнокалиберные, разнохарактерные диваны, кресла, стулья, иные изъ краснаго дерева съ позолотою, другіе обтянутые полинявшимъ штофомъ, которыми владѣлъ Никита Ѳедорычъ, должно быть, вслѣдствіе духовнаго завѣщанія, послѣ барина, или чрезъ излишнюю къ нему благосклонность покойника. Двѣ другія комнаты были почти вплотную заставлены пожитками, перинами, холстинами, сундуками и всякимъ другимъ добромъ обоихъ супруговъ, не выключая, разумѣется, и широкой двуспальной постели, величественно возносившейся поперекъ дверей. Но туда изъ постороннихъ никто не заглядывалъ; Никита Ѳедорычъ почему-то не допускалъ этого, а слѣдовательно и намъ нѣтъ до нихъ никакой надобности.

— У-уфъ! матушка Анна Андреевна, умаялся совсѣмъ съ этимъ проклятымъ народомъ, произнесъ Никита Ѳедорычъ, садясь къ окну въ широкія старинныя кресла.—Ну, барыня-сударыня, продолжалъ онъ, — наливай-ка теперь чайку... смотри, покрѣпче только, позаористѣе... Эй, ты, ваша милость, троскинскій бурмистръ, поди-ка, братъ, сюда... сказалъ онъ, обращаясь къ необыкновенно толстому, неуклюжему ребенку лѣтъ пяти, сидѣвшему въ углу подъ стѣнными часами и таскавшему по полу котенка, связаннаго веревочкою за заднія ноги.—Экой плутъ, зачѣмъ привязалъ котенка? брось его, того и гляди, глаза еще выцарапаетъ...

Ребенокъ, страдавшій англійскою болѣзнію, согнувшей ему дугой ноги, всталъ на четвереньки, поднялся, кряхтя и покрякивая, на ноги и, переваливаясь какъ селезень, подошелъ къ отцу.

— Ну, ну, скажи-ка ты мнѣ, молодецъ, продолжалъ тотъ, гладя его съ самодовольной миной по головѣ, — я, бишь, забылъ, какія деньги ты больше-то любишь, бумажки или серебро?..

Это былъ всегдашній, любимый вопросъ, который Никита Ѳедорычъ задавалъ сыну по нѣсколько разъ въ день.

— Бумажки! отвѣчалъ отдуваясь ребенокъ.

— Ха, ха, ха!.. Ну, а отчего бы ты скорѣе взялъ бумажки?

— Легче носить! отвѣчалъ троскинскій бурмистръ такимъ голосомъ, который ясно показывалъ, что уже ему надоѣло повторять одно и то же.

Digitized by Google

— Ха, ха, ха!.. Ну, ну, поди къ матери, она тебѣ сахарку дастъ; пряничка ѣлъ сегодня?

— Нѣтъ, сказалъ ребенокъ, глядя исподлобья на мать.

— Врешь, ѣлъ, канашка, ѣлъ... плутяга...

— Полно тебѣ его баловать, Никита Ѳедорычъ; что это ты, въ самомъ дѣлѣ, балуешь его, подхватила Анна Андреевна,—что изъ него будетъ... и теперь никакъ не сладишь...

— Ну, ну... пошла, барыня, вымолвилъ мужъ, громко прихлебывая чай,—будетъ онъ у меня погляди-ка какой молодецъ... ха, ха, ха!.. Ваня, шепнулъ онъ ему, подмигивая на сахарницу,—возьми потихоньку,—ишь она тебѣ не даетъ... Ну, матушка, Анна Андреевна, продолжалъ онъ громко, — видѣлъ я сегодня нашихъ коровокъ; ну, ужъ коровы, нечего сказать, коровы!..

— Мнѣ кажется только, замѣтила супруга, — Ѳекла стала что-то нерадѣть за ними... ты бы хоть разочекъ постращалъ ее, Никита Ѳедорычъ... даромъ что ей 60 лѣтъ, такая-то мерзавка, право...

— Небось, матушка, плохо смотрѣть не станетъ: еще сегодня задалъ ей порядочную баню... Ну, видѣлъ также, какъ нашъ огородишко огораживали... велѣлъ я канавкой обнести: надежнѣе; неравно корова забредетъ или овца... съ этимъ народцемъ никакъ не убережешься... я опять говорилъ имъ: какъ только поймаю корову, овцу, или лошадь, себѣ беру,—плачь не плачь, себѣ беру, не пущай; и вѣдь сколько уже разъ случалась такая оказія; боятся, боятся недѣлю, другую, а потомъ, глядишь, и опять... ну, да ужъ я справлюсь... налей-ка еще чайку...

— Мнѣ говорила наша попадья, что ярманка была очень хорошая, начала Анна Андреевна, — и дешево, говоритъ, очень дешево продавали всякій скотъ... вотъ ты обѣщалъ тогда купить еще корову, жаль, что прозѣвали, а все черезъ тебя, Никита Ѳедорычъ, все черезъ тебя... впрочемъ, ты вѣдь скоро въ городъ пошлешь, такъ тогда еще можно будетъ.

— Нѣтъ, я въ городъ не скоро пошлю, отвѣчалъ, какъ можно равнодушнѣе, супругъ.

— Какъ! а оброкъ-то барской когда жъ пошлешь на почту? возразила та сердито.

— Онъ еще не собранъ; да хоть бы и весь былъ, торопиться нечего, подождутъ! Братъ Терентій Ѳедорычъ пишетъ, что барину теперь не нужны деньги... Этакъ

Digitized by Google

станешь посылать-то безъ разбору—такъ, чего добраго,—напляшешься съ ними; повадятся: давай да давай... я вѣдь знаю нашего молодца: вотъ Терентій Ѳедорычъ пишетъ, что онъ опять сталъ ѣздить на игру; какъ напишетъ, что проигрался, да къ горлу пристало, тутъ ему и деньги будутъ, а раньше не пошлю, хоть онъ себѣ тамъ тресни въ Петербургѣ-то! Меня не учить, барыня-сударыня; я вѣдь знаю, какъ съ ними справляться, съ господами-то: „нѣтъ у меня денегъ", написалъ ему, да и баста! „паръ, молъ, сударь, не запаханъ, овсы не засѣяны, греча перепрѣла", вотъ тебѣ и все; покричитъ, покричитъ, да и перестанетъ; развѣ они дѣло разумѣютъ; имъ что гречъ, что овесъ, что пшеница—все одно, а про чечевицу и не спрашивай... имъ вотъ только шуры-муры, рюши да трюши, да знай денежекъ посылай; на это они лакомки... Вотъ съ ними такъ куды мастера справляться; э! матушка, знаю я ихъ, голубчиковъ, не въ первый разъ вести съ ними дѣло... вотъ потому-то и оброку не пошлю... незачѣмъ!..

— Такъ-то ты всегда, проговорила, ворча, хозяйка. — Когда это до нашего добра, такъ ты всегда кобенишься... денегъ небось жаль на корову... оттого и въ городъ не посылаешь...

— Да, жаль, жаль! оттого и не посылаю...

— Жаль, то-то... а отъ кого и въ люди-то пошелъ? отъ кого ихъ добылъ, деньги-то...

— Ну, ну... пошла, барыня... э! смерть не люблю!..

Тутъ, безъ сомнѣнія, возникла бы одна изъ тѣхъ маленькихъ домашнихъ сценъ, которыя были такъ противны Никитѣ Ѳедорычу, если бъ въ комнату не вошла знакомая уже намъ Фатимка. Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, при случаѣ, что лицо этой дѣвочки поражало сходствомъ съ лицомъ жены управляющаго, и особенно дѣлалось это замѣтнымъ тогда, когда та и другая находились вмѣстѣ; сходство между ними было такъ же разительно, какъ между одутловатымъ лицомъ самого Никиты Ѳедорыча и наружностью троскинскаго бурмистра. Тѣ же черты, несмотря на разницу лѣтъ и всегдашній флюсъ Анны Андреевны, который сильно вытягивалъ ихъ; разница состояла исключительно въ однихъ лишь глазахъ: у жены управляющаго были они сѣры и тусклы, у Фатимки—черны какъ уголья и сыпали искры. Впрочемъ, сходство между ними должно было приписывать одной [illegible] природы, ибо

Digitized by Google

Фатимка, или, какъ называли ее въ деревнѣ, „Горюшка“, никакимъ образомъ не приходилась сродни Никитѣ Ѳедорычу.

— Ну, что? спросилъ онъ ее.

— Мельникъ-съ пришелъ... отвѣчала она робко.

— Ахъ, я бишь совсѣмъ забылъ... да, да... скажи, что сію минуту выйду въ контору.

— Что тамъ еще? отозвалась Анна Андреевна.

— Должно-быть, матушка, насчетъ помочи... сказалъ супругъ смягченнымъ голосомъ,—мужиковъ пришелъ просить на подмогу...

Никита Ѳедорычъ хлопотливо покрылъ недопитый стаканъ валявшимся поблизости календаремъ, искоса поглядѣлъ на жену, хлопотавшую подлѣ самовара, потомъ, какъ бы черезъ силу, ворча и потягиваясь, отправился въ контору. Косвенный взглядъ этотъ и суетливость не ускользнули, однако, отъ Анны Андреевны, подозрительно слѣдившей за всѣми его движеніями; только что дверь въ комнату захлопнулась, она проворно подошла къ сыну и, гладя его по головкѣ, сказала ему вкрадчивымъ, нѣжнымъ голосомъ:

— Ванюша... ты умница?..

— Умница.

— Сахару хочешь... голубчикъ?..

— Хацу.

— Ну, слушай, душенька, я тебѣ дамъ много, много сахару, ступай, потихоньку,—смотри же, потихоньку,—къ тятькѣ, посмотри, не дастъ ли ему чего-нибудь мельникъ... ступай, голубчикъ... а мамка много, много дастъ сахарку за то... да смотри только не сказывай тятькѣ, а посмотри, да и приходи скорѣе ко мнѣ... а я ужъ тебѣ сахару приготовлю...

— Ты обманешь...

— Нѣтъ, душенька, вотъ посмотри... я сюда сахарокъ положу... какъ придешь, такъ и возьми его...

— Ты мало положила... еще...

— Экой... ну, вотъ еще кусочекъ...

— А еще положи...

— Довольно, душечка: брюшко заболитъ...

— Нѣтъ, еще... еще, а то не пойду, закричалъ ребенокъ, топая ногою.

— Ну, ну... на вотъ тебѣ еще два куска... отвѣчала мать, боязливо взглянувъ — ступай же теперь

Digitized by Google

Ванюшка сползъ со стула и потащился изъ комнаты, оборачиваясь безпрестанно къ матери, которая одной рукой указывала ему на порогъ, другою на кучку сахару. .

. . . . . .

— Здравствуй, братъ, Аксеній, сказалъ управляющій, подходя къ мельнику и глядя ему пристально въ глаза.

— Здравствуйте, батюшка Никита Ѳедорычъ, отвѣчалъ тотъ, низко кланяясь.

— Что скажешь? а?..

— Да къ вашей милости, батюшка, пришелъ.

— Ну, ну, ну... проговорилъ заботливо управляющій и сѣлъ на лавочку.

— Что, батюшка Никита Ѳедорычъ, началъ мельникъ, переминаясь, но со всѣмъ тѣмъ бросая плутовскіе взгляды на собесѣдника каждый разъ, какъ тотъ опускалъ голову, моргалъ или поворачивался въ другую сторону, — признаться сказать... вы меня маненько обиждаете...

— Какъ такъ?

— Да какъ же, батюшка: прошлаго года, какъ я поступилъ къ вамъ на мельницу, такъ вы тогда, по нашему уговору, изволили сверхъ комплекта получить съ меня 250 рублевъ; это у насъ было по уговору, чтобъ согнать стараго мельника... я про эвти деньги не смѣю прекословить, много благодаренъ вашей милости; а ужъ насчетъ того... сдѣлайте божескую милость, сбавьте съ меня за... вино.

— Э! ге, ге, ге... такъ вы вотъ зачѣмъ, батюшка, изволили пожаловать! произнесъ управляющій тономъ человѣка, возмутившагося неблагодарностію другого. — Э! я тебѣ позволилъ держать вино на мельницѣ, беру съ тебя сотню рублишковъ, а ты и тутъ недоволенъ, и этого много... Да ты знаешь ли, рыжая борода, что за это бѣда! вино не позволено продавать нигдѣ, кромѣ кабаковъ, а ужъ я такъ только, по добротѣ своей, допустилъ это тебѣ, а ты и тутъ корячишься... Еще нынѣшнею весною допустилъ тебя положить съ нашихъ мужиковъ лишній пятакъ съ воза, и это ты, видно, тоже забылъ, а? забылъ, что ли?..

— Нѣтъ, батюшка, Никита Ѳедорычъ, мы много благодарны вашей милости за твою ласку ко мнѣ... да только извольте разсудить, если бъ, примѣрно, было такое дѣло на другой мельницѣ, въ Ломтевкѣ или на Емельяновкѣ, такъ я бы слова не сказалъ, не п[illegible] тревожить

Digitized by Google

изъ-за эвтаго... тамъ, изволите ли видѣть, батюшка, мѣсто-то приточное, по большей части народъ-то бываетъ вольный, богатый, до вина-то охочій; а вотъ здѣсь, у насъ, такъ не то: мужики бѣдные, плохонькіе... винца-то купить не на что... а мнѣ-то и не приходится, батюшка, Никита Ѳедорычъ...

— Ахъ, ты, бестія, бестія! говорилъ управляющій, качая головою,—ну, что ты мнѣ пришелъ турусы-то плесть? а? Выгодъ тебѣ нѣтъ!.. Ахъ, ты, борода жидовская!.. Да хочешь, я тебѣ по пальцамъ насчитаю двадцать человѣкъ изъ троскинскихъ мужиковъ, которые безъ просыпу пьянствуютъ?..

— Что говорить... батюшка, есть пьющіе... да только супротивъ Емельяновки-то того... а я вашей милости, пожалуй, перечить не стану, готовъ заплатить... да только, право, маненько какъ будто обидно станетъ...

— Полно тебѣ, старая харя, возразилъ смѣясь Никита Ѳедорычъ,—меня, братъ, не проведешь; да ну, принесъ, что ли, деньги-то?..

— Есть, батюшка, отвѣчалъ тотъ охорашиваясь.

— То-то, выгоды тебѣ вѣрно нѣтъ; вотъ оно что; винотo почемъ берешь?

— Да по десяти съ полтиной, батюшка-съ.

— А сколько воды-то подливаешь? спросилъ лукаво управляющій.

Мельникъ улыбнулся, почесалъ голову и поклонился.

— Давай-ка, давай; что толковать... продолжалъ Никита Ѳедорычъ, вставая и подходя ближе къ мельнику.

Тотъ вынулъ изъ-за пазухи тряпицу, въ которой были деньги, и сталъ считать. Въ это время дверь конторы скрипнула. Никита Ѳедорычъ дернулъ мельника, набросилъ на деньги его шапку и выбѣжалъ въ сѣни. Вскорѣ вернулся онъ, однако, совсѣмъ успокоенный; за дверью никого не оказалось.

— Вотъ такъ-то лучше, говорилъ онъ, кладя деньги въ карманъ,—а насчетъ дарового лѣса я ужъ писалъ барину... сказывалъ, что плотину сшибло паводкомъ; онъ непремѣнно пришлетъ разрѣшеніе выдать... ну, доволенъ, что ли, борода?..

— Благодарствуйте, батюшка Никита Ѳедорычъ, готовъ и впредь служить вашей милости, какъ угодно...

— Ну, то-то же, смотри у меня...

— Никита Ѳедорычъ, произнесъ мельникъ, взявшись за шапку,—къ вамъ еще просьбица есть...

Digitized by Google

— Что такое?

— Да вотъ, батюшка, у васъ здѣсь мужичокъ находится, Антономъ звать; прикажите ему отдать мнѣ деньги; съ самой весны почитай мололъ онъ у меня, по сю-пору не отдаетъ; да еще встрѣлся я какъ-то съ нимъ, на ярманку вы его, что ли, посылать изволили, такъ еще грубіянить зачалъ, какъ я ему напомнилъ... ужъ такой-то мужикъ пропастный... батюшка...

— А!.. хорошо, хорошо, вымолвилъ съ разстановкою управляющій,—я этого еще не зналъ... ну, да ужъ заодно, не миновать ему поселенія! поплатится, каналья, поплатится за все... Эй, Фатимка!.. произнесъ онъ, отворяя дверь.

Фатимка прибѣжала.

— Ступай сейчасъ въ крайнюю избу, къ Антону, скажи, чтобы шелъ сюда...

— Да онъ еще не возвращался съ ярманки, возразилъ мельникъ,—я уже заходилъ къ нему...

— Какъ! и нынче еще не возвращался! вчера и третьяго дня тоже! ну, да ничего, тѣмъ лучше; ступай, да смотри ты, бѣгомъ у меня, зови сюда жену его; я жъ имъ покажу!

Фатимка побѣжала.

— А ты, Аксентій, ступай пока домой, я съ нимъ раздѣлаюсь.

Въ сѣняхъ Никита Ѳедорычъ встрѣтилъ Ванюшу, который сосалъ пальцы, выпачканные сахаромъ.

— А нуткась, бурмистръ, сказалъ отецъ, подымая сына на руки,—хошь ли быть троскинскимъ управляющимъ?

— Кацу, живо отвѣчалъ мальчишка.

— Ха, ха, ха!.. ну, а что бы ты сталъ тогда дѣлать?..

— А вотъ... вотъ... высѣкъ бы Михешку кузнецова...

— Ха, ха, ха! ай да бурмистръ... ну, а за что бы ты его высѣкъ?

— У него, отвѣчалъ Ваня гнусливо,—у него вишь бабка свинчатка есть... онъ мнѣ ее не даетъ...

— Ха, ха, ха... пойдемъ, пойдемъ, разскажи-ка это матери... Анна Андреевна, а, Анна Андреевна! послушай-ка, что говоритъ нашъ молодчикъ... ха, ха, ха!.. ну-ка, Ваня, скажи же мамкѣ, за что бы ты высѣкъ Михешку-то кузнецова...

Но, къ крайнему удивленію Никиты Ѳедорыча, жена его не обнаружила на тотъ разъ ни м[illegible] удивленія

Digitized by Google

къ необыкновенной остротѣ любимаго чада; она сердито поправила косынку, перевязывавшую больную щеку, и сухо сказала супругу:

— Полно пустяки-то врать!.. зачѣмъ приходилъ къ тебѣ нынче мельникъ?

— Эка тебѣ, барыня-сударыня, приспичило! плотина повредилась—такъ мужичковъ просилъ... вѣдь я тебѣ уже сказывалъ...

— Ахъ, ты, безсовѣстный! безсовѣстный! закричала она, всплеснувъ яростно руками,—такъ-то ты? обманывать меня хочешь? Ты думаешь, что я не узнаю, что онъ тебѣ денегъ далъ?.. ты отъ меня прячешь, подлая душа! Развѣ забылъ ты, черезъ кого въ люди пошелъ... черезъ кого нажился?.. кто тебя человѣкомъ сдѣлалъ!..

— Что ты орешь, вѣдьма! вскричалъ въ свою очередь Никита Ѳедорычъ, дѣлая нѣсколько шаговъ къ женѣ,— молчи! теперь стараго барина нѣтъ, я тебѣ властитель, я тебѣ мужъ! шутить не стану; смотри ты у меня! Да, получилъ деньги, не показалъ тебѣ, не хотѣлъ говорить, да и не дамъ ни полушки, вотъ тебѣ и знай... да не кричать!

— Разбойникъ! завопила жалобно Анна Андреевна, ложась на диванъ и ударяясь выть,—ты меня погубить хочешь! зарѣзать, обокрасть... Не жена я тебѣ, холопу проклятому!

— Варвара пришла-съ... произнесла Фатимка, войдя въ комнату.

Услыша вопли Анны Андревны, она быстро обернулась въ ту сторону; видно было по первому ея движенію, что она хотѣла къ ней броситься, но взглядъ Никиты Ѳедорыча тотчасъ же осадилъ ее назадъ; она опустила глаза, въ которыхъ заблистали слезы, и проворно выбѣжала въ сѣни. Управляющій вышелъ изъ комнаты, сильно хлопнувъ дверью. Трепещущая отъ страха, Варвара стояла въ сѣняхъ и, закрывъ лицо разодраннымъ рукавомъ рубахи, тяжело всхлипывала. Услышавъ шаги Никиты Ѳедорыча, она мгновенно открыла лицо свое, на которомъ изображались слѣды глубокаго отчаянія, простерла руки и съ крикомъ повалилась къ нему въ ноги.

— Батюшка! батюшка!.. не погуби! твердила она, рыдая и орошая грязный полъ и сапоги управляющаго потоками слезъ,—не погуби... насъ... сиротъ горемычныхъ...

— Ступай-ка сюда, сюда! произнесъ Никита Ѳедорычъ, топнувъ ногою.

Digitized by Google

Онъ указалъ ей на контору. Оба вошли. Фатимка, притаившись въ темномъ углу сѣней, глядѣла съ какимъ-то страхомъ на всю эту сцену; но только что скрылась Варвара, она, какъ котенокъ, выпрыгнула изъ своей прятки, подбрела къ дверямъ конторы, легла на-земь и приложила глаза къ скважинѣ. Каждый разъ, какъ голосъ Никиты Ѳедорыча раздавался громче, блѣдное личико ребенка судорожно двигалось; на немъ то и дѣло пробѣгали слѣды сильнаго внутренняго волненія; наконецъ, все тѣло ея разомъ вздрогнуло; она отскочила назадъ, изъ глазъ ея брызнули въ три ручья слезы; ухватившись ручонками за грудь, чтобы перевести дыханіе, которое давило ей горло, она еще разъ окинула сѣни съ видомъ отчаянія, опустила руки и со всѣхъ ногъ кинулась на дворъ. Такъ обогнула она флигель, потомъ опять перелѣзла черезъ заборъ и, очутившись въ крестьянскихъ огородахъ, пустилась все прямо, по задамъ деревни. У крайнихъ избъ, за ригами, между обвалившимися плетнями стояла толпа дѣвчонокъ и ребятишекъ; завидя ее, всѣ въ одинъ голосъ принялись кричать: „Горюшка идетъ! Горюшка! Горюшка!“ Тутъ Фатимка, какъ бы собравшись съ послѣдними силами, пустилась какъ стрѣла и, размахивая отчаянно ручонками, прокричала задыхающимся голосомъ:

— Бѣда съ Варварой! бьютъ! бьютъ!!

Въ то самое мгновеніе въ толпѣ раздался дѣтскій вопль и слова: „ой мамка! мамка, мамка!“ Въ то же время изъ среды ребятишекъ выбѣжала рыженькая, хромая дѣвочка, уже знакомая читателю, и поскакала навстрѣчу Фатимкѣ, вертясь на одной ножкѣ и пронзительно взвизгивая: „Горюшка! Горюшка!..“

— Полно тебѣ, Анютка: услышатъ! проговорила та, удерживая ее за руку и торопливо подбѣгая къ Аксюшкѣ и Ванюшкѣ, племянникамъ Антона, которые ревѣли въ два кулака.—Ну, Ваня,—ну, Аксюшка, продолжала она, обхвативъ ихъ ручонками, — бѣда! бѣда пришла теткѣ Варварѣ... бѣда! „быкъ-отъ“ и дядю вашего хочетъ вишь куды-то отправить... я все, все слышала... все въ щелочку глядѣла... не кричите, неравно услышатъ... право услышатъ...

Все это проговорила она съ необыкновеннымъ одушевленіемъ; ея блѣдныя щечки разгорѣлись, она живо при каждомъ словѣ размахивала ру[illegible] прерывно попра-

Digitized by Google

вляя длинныя пряди черныхъ своихъ волосъ, которые то и дѣло падали ей на лицо. Аксюшка положила свой кулачокъ въ ротъ и, удерживая всхлипыванія, еще пуще зарыдала.

— Ой, дядя Антонъ, дядя Антонъ, бормоталъ, заливаясь, Ванюшка,—куда ты ушелъ?.. онъ бы не далъ бить тетку Варвару...

— Вотъ что! сказала вдругъ Фатимка, выпрямляясь и становясь посередь толпы,—вотъ что! Ваня, Аксюшка, всѣ, всѣ... побѣжимте туда... берите всѣ камни, швырнемъ ему въ окно, я покажу, въ какое... мы его испужаемъ! кто изъ васъ мѣтокъ?..

— Я! я! я! закричало нѣсколько тоненькихъ голосковъ, и множество худенькихъ ручонокъ замахали въ воздухѣ.

— Я! я! Горюшка, я! звончѣе всѣхъ визжала хромая Анютка, принимаясь снова кривляться вокругъ Фатимки.

— Полно тебѣ, дура! эка безстыжая!.. молчи!..

— Я пойду! я мѣтокъ! вскричалъ Ванюшка, торопливо утирая слезы,—я пойду!..

И онъ бросился уже подымать камень; но камень пришелся не по силамъ; Ванюша залился снова слезами.

— Ничего, Ваня, ничего, продолжала съ тѣмъ же волненіемъ Фатимка,—побѣжимте скорѣе... тамъ много камней у забора... скорѣе, скорѣе, а то будетъ поздно... ложитесь всѣ ползкомъ на-земь, а не то увидитъ; скорѣе, скорѣе...

Хромая Анютка принялась было опять за свои прыжки, но на тотъ разъ со всѣхъ сторонъ посыпались на нее брань и ругательства; она поневолѣ легла на-земь и ползкомъ потащилась за всѣми вдоль плетня на брюхѣ... А между тѣмъ Никита Ѳедорычъ давнымъ-давно отпустилъ жену Антона. Бабы, глядѣвшія изъ оконъ и видѣвшія, какъ прошла она мимо деревни, перестали даже толковать объ этомъ предметѣ и перешли уже совсѣмъ къ другому.—Никита Ѳедорычъ одинъ-одинёшенекъ расхаживалъ теперь вдоль и поперекъ по конторѣ, заложивъ руки назадъ, опустивъ голову; казалось, онъ погруженъ былъ въ горькое, тревожное раздумье. Сцена, которую сдѣлала ему Анна Андреевна, возмущала его кроткую душу. Наконецъ онъ какъ будто бы принялъ какое-то твердое намѣреніе, ударилъ себя руками по поламъ архалука, закинулъ голову назадъ и направился къ двери. Въ эту самую минуту верхнее слуховое окно конторы зазвенѣло, разлетѣлось

Digitized by Google

вдребезги, и нѣсколько увѣсистыхъ камней упало ему чуть-чуть не на носъ. Никита Ѳедорычъ обомлѣлъ; съ минуту стоялъ онъ какъ вкопанный на одномъ мѣстѣ, потомъ со всѣхъ ногъ кинулся въ сѣни и, метаясь изъ угла въ уголъ какъ угорѣлый, закричалъ, что было мочи:

— Эй! кто здѣсь? Степанъ! Дормидонъ! эй, Фатимка!. эй, черти!..

Никто не отвѣчалъ. Никита Ѳедорычъ остановился и сталъ прислушиваться... Волненіе его мало-по-малу утихло, когда онъ убѣдился, что кругомъ его никого не было. Онъ осторожно вышелъ изъ сѣней, еще осторожнѣе обогнулъ флигель и не безъ особеннаго смущенія, похожаго отчасти на страхъ, поглядѣлъ черезъ заборъ. Но каково же было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ собственное чадо.

— А, такъ это ты, пострѣлъ! закричалъ онъ, грозя сыну.—Погоди! я тебя выучу бить стекла!.. ступай сюда!..

— Нѣтъ, тятенька, нѣтъ, отвѣчалъ троскинскій бурмистръ, подбѣгая къ отцу,—это ребятишки... сейчасъ убѣжали... я ихъ видѣлъ...

— Какіе ребятишки?

— Деревенскіе-съ... я знаю, кто камень-то бросилъ, тятенька... это не я-съ... не я-съ.

— Ну?

— Это, тятенька-съ... какъ бишь его?.. Ванюшка... Антоновъ... не я, тятенька... я самъ видѣлъ...

— А!.. ну, хорошо, э! э! э!.. да это того самаго... э!.. хорошо, я съ нимъ тотчасъ же раздѣлаюсь... пойдемъ, Ванюша, холодно тебѣ...

Сказавъ это, Никита Ѳедорычъ перекинулъ черезъ плетень толстыя свои руки, обхватилъ ими сына, поднялъ его на плечи и съ торжествующимъ видомъ направился къ дому.

IX.

Возвращеніе.

...Трое сутокъ бѣгалъ Антонъ, разыскивая повсюду свою кляченку; все было напрасно: она не отыскалась. Въ горѣ своемъ не замѣчалъ онъ студенаго дождя, ливщаго ему на голову съ того самаго времени, какъ покинулъ онъ городъ, ни усталости, ни холоду, ни голоду... Безъ полушубка, безъ кушака и шапки, потерянныхъ гдѣ-то ночью, метался онъ какъ угорѣлый изъ деревни

Digitized by Google

въ деревню, разспрашивая у встрѣчнаго и поперечнаго о своей пѣгой кобылкѣ. Никто ничего не зналъ; никто даже не далъ ему разумнаго отвѣта. Кто молча отворачивался за недосугомъ, кто равнодушно отсылалъ его дальше, а кто попросту отзывался смѣшкомъ на его оторопѣвшія, нескладныя рѣчи. Впрочемъ, и то сказать надо, что если бъ Антону посчастливилось даже отыскать конокрада, послѣдствія были бы не лучше. У него не было денегъ. Мужички, провожавшіе его за ворота постоялаго двора, были совершенно правы, рѣшивъ въ одинъ голосъ, „что не найти-де ему лошади, коли алтынъ нѣтути, попусту только измается, сердешный...“

Полный нѣмого отчаянія, которое, постепенно возрастая въ немъ, жгло ему сердце и туманило голову, Антонъ бросилъ наконецъ свои поиски и направился къ дому. Когда онъ ступилъ на троскинскія земли, была глухая, поздняя ночь, одна изъ тѣхъ ненастныхъ осеннихъ ночей, въ которыя и подъ теплымъ кровомъ и близъ родимаго очага становится почему-то тяжелю и грустно. Льдяной порывистый вѣтеръ рѣзалъ Антону лицо и поминутно посылалъ ему на голову потоки студеной воды, которая струилась по его изнуреннымъ членамъ; бѣднякъ то и дѣло попадалъ въ глубокія котловины, налитыя водою, или вязнулъ въ глинистой почвѣ полей, размытой ливнемъ. Густой туманъ усиливалъ мракъ ночи; въ двухъ шагахъ зги не было видно, такъ что иногда ощупью приходилось отыскивать дорогу. Когда вѣтеръ проносился мимо и протяжное его завываніе на минуту смолкало, окрестность наполнялась неровнымъ шумомъ падающаго дождя и глухимъ журчаніемъ потоковъ, катившихся по проселкамъ. Казалось, не было уголка на бѣломъ свѣтѣ, гдѣ бы въ это время могло свѣтить солнышко и согрѣвать человѣка. Съ каждымъ шагомъ впередъ, все темнѣй и темнѣй становилось въ душѣ мужика. Вскорѣ почувствовалъ онъ подъ ногами покатость горы, по которой дней пять тому назадъ подымался на пѣгашкѣ; смутно и какъ бы сквозь сонъ мелькнуло въ головѣ его это воспоминаніе. Откинувъ дрожавшими руками мокрые волосы отъ лица, вперилъ онъ тогда помутившійся взоръ къ селу и значительно прибавилъ шагу.

Такимъ образомъ, спустя нѣсколько времени, очутился онъ посередь улицы. Но здѣсь было такъ же мрачно, какъ въ полѣ: темнота ночи сливала всѣ предметы въ одну

Digitized by Google

неопредѣленную, черную массу; слышно только было, какъ шипѣла вода, скатываясь съ соломенныхъ кровель на мокрую землю. Вытянувъ шею впередъ, Антонъ продолжалъ идти, ускоряя все болѣе и болѣе шагъ... Вдругъ, посреди завыванія непогоды, раздалась рѣзкая, звонкая стукотня въ чугунную доску... Сердце мужика вздрогнуло. Онъ остановился какъ вкопанный и поднялъ голову: передъ нимъ возносился старый флигель, вмѣщавшій контору и квартиру управляющаго. Пока онъ силился припомнить, какимъ случаемъ попалъ сюда, въ сторонѣ послышались шаги, и почти въ ту жъ минуту грубый, сиповатый голосъ прокричалъ: „кто тутъ?“ Голосъ показался Антону чей-то знакомый; онъ невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Какого тутъ дьявола еще носитъ? Кто тутъ?.. произнесъ тотъ же голосъ ближе, и Антонъ увидѣлъ передъ собою двухъ человѣкъ съ дубинками.

— Что ты, лѣшій, не откликаешься? повторилъ громче прежняго одинъ изъ караульщиковъ, стукая дубинкою по грязи.—Аль оглохъ? Слышь, тебя спрашиваютъ!..

Антонъ молчалъ, потирая руками мокрую свою голову.

— Стой! закричали въ одинъ голосъ караульщики и кинулись на него.

Тотъ безъ всякаго сопротивленія дался имъ въ руки.

— Управляющій... дома?.. спросилъ онъ глухо.

Но едва успѣлъ онъ произнести это, какъ одинъ изъ мужиковъ тотчасъ же выпустилъ его и засмѣявшись сказалъ товарищу:

— Дядя Дороѳей... поглядь-ка, да вѣдь это нашъ Антонъ!

— Ой ли?..

— Вотъ-те Христосъ... отсохни руки и ноги...

— Эй, сватъ! крикнулъ Дороѳей, также выпуская Антона и принимаясь его ощупывать,—какого лѣшаго тебѣ здѣсь надыть?.. Что съ тобой?.. Аль съ ума спятилъ?.. Безъ шапки, въ такую-то погоду... какого тебѣ управляющаго?.. Изъ города, что ли, ты?..

— Изъ города... проговорилъ Антонъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Эхва!.. такъ ты теперь-то управляющаго хватился!.. Ну, братъ, раненько! Погоди, вотъ тебѣ ужотко еще будетъ... Экъ его, какъ накатился... Ѳедька, знать выпимши добре, ишь лыка не вяжетъ... Что те нелегкая дернула,

Digitized by Google

продолжалъ Дороѳей, толкая Антона подъ бокъ,—а тутъ-то безъ тебя что̀ было... и-и-и...

— Что̀?..

— Да, теперь небось что̀?.. что̀?.. Ишь у тебя языкъ-отъ словно полѣно въ грязи вязнетъ... а еще спрашиваешь—что̀? Поди-тка домой, тамъ те скажутъ—что̀! Никита-то нынче въ обѣдъ хозяйку твою призывалъ... и-и-и... Ишь, дьяволъ, обрадовался городу, словно голодный Кирюха—пудовой краюхѣ... приставь голову-то къ плечамъ, старый чортъ! Ступай домой, что̀ на дождѣ-то стоишь...

— Эхъ, фаля! вотъ, погоди, погоди; что-то еще завтра будетъ тѣбѣ?.. Да что жъ ты ничего не баишь, аль совсѣмъ те ошеломило?!.. Антонъ, а Антонъ! сватъ!..

— А?..

Дороѳей и Ѳедька залились во все горло.

— Слышь, что ли, произнесъ первый, дергая его за руку,—полно тебѣ зубъ-то объ зубъ щелкать; ступай домой, ира, ступай домой, слышь, что̀ те говорятъ?..

Но Антонъ уже ничего не слышалъ. Съ остервенѣніемъ оттолкнулъ онъ наконецъ караульщиковъ и кинулся стремглавъ къ сторонѣ околицы.

— Антонъ! эй, Антонъ! кричали ему вслѣдъ мужики.—Экой лѣшій! Что̀ съ нимъ, право, попритчилось?..

— А что̀ попритчилось, примолвилъ Дороѳей,—запилъ! вотъ те и все тутъ; экой право чортъ.. должно-быть деньги-то всѣ кончилъ... Поди жъ ты, Ѳедюха, а кажись прежде за нимъ такого дѣла не важивалось; управляющаго, слышь, захотѣлось ему ночью... знать ужъ больно онъ его донимаетъ... ну, да пойдемъ, Ѳедюха: я индо весь промокъ... такъ-то стыть-погода пошла...

— Пойдемъ, дядя Дороѳей... Постучимъ еще въ доску... да завалимся спать... смерть иззябъ...

Немного погодя, рѣзкіе, звучные удары въ чугунную доску далеко разнеслись по окрестности, заглушая на минуту завываніе вѣтра и шумъ бури, которая, казалось, усиливалась часъ отъ часу. Антонъ между тѣмъ продолжалъ бѣжать, какъ полоумный. Поровнявшись съ первыми избушками, онъ круто своротилъ къ огородамъ и пустился задами деревни. Тутъ шагъ его сдѣлался тверже и медленнѣе. Когда онъ приближался къ тому мѣсту, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ поднялъ платокъ, ему вдругъ почудилось, что кто-то мелькнулъ мимо него поперекъ дороги. Онъ остановился и оглянулся въ ту сторону. Въ

Digitized by Google

эту самую минуту сильный порывъ вѣтра раздвоилъ тучу, и блѣднымъ свѣтомъ озарилась та часть поля. Антонъ явственно различилъ тогда въ бѣломъ пятнѣ неба, надъ поверхностью межи профиль старухи. Согнувшись въ три погибели, она ковыляла, размахивая сучковатою своею клюкою, которой, казалось, ощупывала дорогу... Антонъ тотчасъ же узналъ Архаровну. Всѣ розсказни и слухи о богатствѣ ея разомъ прихлынули ему въ голову; ему пришло въ голову, что она можетъ пособить ему. Секунду спустя кинулся онъ вслѣдъ за побирушкой, нѣсколькими прыжками нагналъ ее, и крикнулъ задыхающимся голосомъ:

— Помоги, коли хочешь спасти душу христіанскую отъ грѣха—дай денегъ!

— Касатикъ! касатикъ! могла только проворчать побирушка,—Христосъ съ тобой... ой... да это... ты, родной... Антонъ Прохорычъ... какія у меня деньги!.. Христосъ съ тобой!..

— У тебя есть!.. Всѣ сказываютъ! прибавилъ онъ.

— Что̀ съ тобой дѣлать, завопила старуха, — вишь ты какой странный... аль руку на себя поднять хочешь, что ли, прости Господи!—деньги... у меня въ березничкѣ... въ кубышкѣ... зарыты...

— Веди туда!.. крикнулъ мужикъ,—веди!.. скорѣе...

Старуха оправилась, поспѣшно подняла клюку; онъ уцѣпился ей за полу, и оба быстрыми шагами пустились по дорогѣ къ рощѣ.

Пока еще тянулся проселокъ, они шли ходко, но какъ только старуха свернула на пашню, Антонъ началъ уже съ трудомъ поспѣвать за ней; ночь стала опять черна, и дождь, ослабѣвшій было на время, полилъ вдругъ съ такой силой, что онъ едва могъ различать черты своей спутницы. Глинистая почва пашни прилипала къ ихъ ногамъ тяжелыми комками и еще болѣе затрудняла путь; время отъ времени они останавливались перевести духъ. Наконецъ, старуха свела его въ глубокую межу, на днѣ которой бѣжалъ, журча и клубясь, дождевой стокъ; съ обѣихъ сторонъ поднимались черныя, головастыя дуплы ветелъ; мѣстами тянулись сплошною стѣною высокіе кустарники; коегдѣ бѣлый стволъ березы выглядывалъ изъ-за нихъ какъ привидѣніе, протягивая впередъ свои угловатыя худощавыя вѣтви. Дорога часъ отъ часу становилась затруднительнѣе; ноги поминутно встрѣчали камни или скользили въ тинѣ;

Digitized by Google

иногда цѣлыя груды сучьевъ, сломанныхъ вѣтромъ, заслоняли межу. Подобно несмѣтному легіону духовъ, вѣтеръ проносился съ одного маху по вершинамъ деревъ, срывая милліоны листьевъ и сучьевъ; потомъ вдругъ, какъ бы встрѣтивъ въ сторонѣ препятствіе, возвращался съ удвоенною силой назадъ, покрывая землю глыбами смоченныхъ листьевъ. Тогда грохотъ бури смолкалъ на мивуту и снова слышалось журчаніе потоковъ и однообразный шумъ дождя, который падалъ полосами на деревья и скатывался на дорогу.

— Ой, погоди, касатикъ, дай вздохнуть... надыть еще въ оврагъ спущаться, сказала старуха.

Антонъ молча остановился. Немного погодя, они, въ самомъ дѣлѣ, начали спускаться по крутому каменистому скату въ оврагъ. Очутившись на днѣ, Антонъ поднялъ глаза къ верху; окраины пропасти вырѣзывались такъ высоко на небѣ, что едва можно было различить ихъ очертаніе. Нѣсколько разъ Антону приводилось проползать подъ стволами деревъ, опрокинутыми тамъ и сямъ поперекъ пропасти, загроможденной повсюду камнями; старуха, повидимому, хорошо знала дорогу; она ни разу не оступилась, не споткнулась, несмотря на то, что шла бодрѣе прежняго и уже не упиралась болѣе своею клюкою. Затесавшись, наконецъ, вмѣстѣ съ Антономъ въ густую чащу кустарниковъ, изъ которой выходъ казался невѣроятнымъ, она неожиданно остановилась, рванулась впередъ и закричала хриплымъ своимъ голосомъ:

— Ребятушки! сюда, родимые!..

Одуматься не успѣлъ Антонъ, какъ уже почувствовалъ себя въ рукахъ двухъ дюжихъ молодцовъ. Движимый инстинктивнымъ чувствомъ самоохраненія, онъ бросился было впередъ, но желѣзныя руки, обхватившія его, предупредили это намѣреніе и тотчасъ же осадили назадъ.

— Куда? сказалъ одинъ изъ нихъ, — куда? небось, не уйдешь, и здѣсь подождешь?..

— Ермолаюшка, касатикъ, заговорила старуха, — погоди, незамай его... родимый, вѣдь это братъ твой, Антонъ; охъ! рожоный, ужъ такой-то, право, колотырный... пристаетъ вишь, пособи ему, дай ему денегъ.

Услыша это, Ермолай отступилъ назадъ и крикнулъ: „Антошка, ты ли?..“ Но такъ какъ Антонъ не отвѣчалъ, онъ быстро подошелъ къ нему, взялъ его обѣими руками

Digitized by Google

за плечи, глянулъ ему въ лицо и потомъ, упершись кулаками въ бока, залился дребезжащимъ смѣхомъ.

— Антошка! чортъ! какимъ-те лѣшимъ принесло сюда?.. Петруха, пусти его, небось, не уйдетъ: онъ съ родни!..

Петруха пристально посмотрѣлъ въ лицо мужику и тотчасъ же выпустилъ его, промолвивъ, однако, грубо товарищу:

— Что-жъ что онъ братъ тебѣ... коли пришелъ вывѣдать... такъ все одно ему...

— Да что-жъ ты ничего не говоришь, словно пень? продолжалъ Ермолай, обращаясь къ брату, который не двигался съ мѣста. — Зачѣмъ пожаловалъ сюда, чего-те отъ насъ надо?.. да говори же, дьяволъ! аль взаправду глотку-то заколотили тебѣ на деревнѣ?..

— Дай ему опомниться, касатикъ ты мой, видно запужался больно, подхватила старуха, нагибаясь и кладя что-то на-земь,—вотъ иду я такъ-то, родной, ихъ ихняго Троскина...

— Ну, что? спросили въ одно время Петръ и Ермолай.

— Да вотъ, отвѣчала она, понизивъ голосъ,—двѣ курочки у мужичка сволочила... Ну, вотъ такъ-то, продолжала она громко, — иду я, а онъ, окаянный, какъ кинется ко мнѣ: денегъ, говоритъ, давай!.. такой-то пропастный!..

— Э! ге-ге... такъ ты, видно, горемыка! воскликнулъ Ермолай.—Что, братъ, знать не по вкусу пришли дубовы-то пироги съ березовымъ масломъ?.. Да что-жъ ты взаправду ничего не говоришь? ай не радъ, что встрѣлся?..

— Радъ не радъ, произнесъ другой, подходя къ мужику,—тебѣ отсель не выдти...

— Братцы, началъ вдругъ Антонъ, какъ бы пробудившись отъ сна,—мнѣ денегъ надо, денегъ!.. Лошадь увели намедни... послѣднюю лошадь... оброку платить нечѣмъ, прибавилъ онъ черезъ силу.

— Такъ ли?.. Слыхалъ я про эвто, да...

— Такъ, родной, перебила старуха,—по міру, почитай, пустилъ его управитель-то...

— Ну, а ребята мои живы? спросилъ Ермолай.

— Живы... да ѣсть нечего, отвѣчалъ мрачно Антонъ,— пособите, братцы, хошь сколько-нибудь дайте денегъ! промолвилъ онъ голосомъ отчаянія.

— Мы вѣдь недавно, всего, кажись, три недѣли сюда подоспѣли... Вотъ парнюхѣ ст[illegible] хотѣлось про-

Digitized by Google

вѣдать... да мѣсто вышло податно, такъ и остались зимовать... а то бы я навѣстилъ тебя... на ребятокъ поглядѣть хотѣлось, мать-то ихъ добре померла... такъ что-жъ ты, Антонушка?.. Къ намъ, что ли?..

— Послѣднюю лошадь увели, началъ снова Антонъ,— подушныхъ платить нечѣмъ... денегъ мнѣ надо...

— Эхъ-ма! пособить-то те можно, да вотъ вишь какое дѣло,—деньги-то у насъ не то что свои, не то что чужія. Онѣ у насъ теперь въ карманѣ, такъ стало наши. А вотъ маленько прежь сего ихъ держалъ у себя за пазухою купецъ, ѣхавшій съ ярманки; мы къ нему, знашь, тово: подѣлись, дескать, добрый человѣкъ! Онъ на насъ съ крикомъ, мы погрозили порядкомъ, деньги-то съ бумажникомъ онъ намъ и швырнулъ въ лицо, а самъ давай Богъ ноги... Ну, ты теперь нашъ, все узналъ; помочь-то тебѣ мы поможемъ, да только ни гу-гу, а то вѣдь бѣда! Купецъ-то ночью насъ не разглядѣлъ, да и лыжи отсюдова навострилъ далеко, такъ никто не узнаетъ, коли ты не проболтаешься. Мы теперь зайдемъ въ кабакъ вмѣстѣ, недалеко отсюдова, а тамъ дадимъ тебѣ на разживу, да разойдемся на разныя стороны. А что ты, Антошка, бывалъ у Бориски-рыжака, пивалъ у него когда?

— Нѣтъ.

— Ну, стало, не знаетъ тебя рыжій?

— Не знаетъ.

— Ну, и ладно, идемъ... А ты, матушка, здѣсь оставайся!

— Вѣстимо, родной... васъ поджидать стану... мотри только, касатикъ, его-то отъ себя не пущайте...

— Небось, не уйдетъ! отвѣчалъ тотъ.—Ну, идемте, ребята... мотри же, Антонушка, опростоволосишься, вотъ-те Христосъ, поминай какъ звали!..

Бродяги допили штофъ, подняли къ верху дубинки и, сказавъ еще что-то шопотомъ старухѣ, пропустили Антона впередъ и начали выбираться изъ оврага.

Кабакъ, куда направлялись они, стоялъ одиноко на распутьи, между столбовой дорогой и глубокимъ, узкимъ проселкомъ; сдѣлавъ два или три поворота, проселокъ исчезалъ посреди черныхъ, кочковатыхъ полей и пустырей, разстилавшихся во всѣ стороны на неоглядное пространство. Ни одно деревцо не оживляло ихъ; обнаженнѣе, глуше этого мѣста трудно было сыскать во всей окрестности.

Digitized by Google

Зданіе кабака соотвѣтствовало, какъ нельзя лучше, печальной мѣстности, его окружавшей: оно состояло изъ старинной двухъэтажной избы съ высокою кровлей, исполосованной по всѣмъ направленіямъ темно-зеленымъ мохомъ и длинными щелями. На верхушкѣ ея торчала откосо рыжая, изсохшая сосенка; худощавыя, изсохшія вѣтви ея, казалось, звали на помощь. Стѣны избы были черны и мрачны; промежутки между бревнами, сѣро-грязноватаго цвѣта, показывали, что мохъ уже давнымъ-давно истлѣлъ. Новенькое сосновое крылечко, прилаженное ко входу избы, еще болѣе выказывало ея ветхость. Его гладенькіе, вылущенные столбики, бѣлый, лоснящійся навѣсъ съ вычурами, тоненькія перила такъ рѣзко бросались въ глаза своимъ контрастомъ съ остальною частью кабака, что невольно напоминали уродливое сочетаніе безобразнаго старика съ свѣженькой молодой дѣвушкою. Зданіе, подобно многимъ въ этомъ родѣ, было окружено съ трехъ сторонъ навѣсами, дававшими тотчасъ же знать, что радушіе хозяина не ограничивалось одною лишь косушкой: тутъ находился и постоялый дворъ; польза соединялась, слѣдовательно, съ пріятнымъ. Такимъ образомъ проходимцу или извозчику предстояло чрезъ это истинно благодѣтельное соединеніе выпить вмѣсто одной косушки, уже необходимой для подкрѣпленія силъ, еще двѣ лишнія: одну, какъ водится, послѣ ужина, другую при разставаньи подъ утро.

По мѣрѣ того, какъ темнота ночи разсѣивалась, черная профиль высокой кровли кабака и сосны, усѣянной заночевавшими на ней галками, вырѣзывалась рѣзче и рѣзче на сѣроватомъ, пасмурномъ небѣ. Кругомъ тишина была мертвая. Несмотря, однакожъ, на ранній разсвѣтъ, въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа, пока еще смутно мелькавшемъ сквозь полосы тумана, свѣтился огонекъ. Послѣ нѣкотораго вниманія можно даже было довольно четко различить длинную тѣнь человѣка, ходившаго взадъ и впередъ по избѣ. Вскорѣ тѣнь эта скрылась. На крылечкѣ показался тогда высокій мужчина въ длинноломъ кафтанѣ на лисьемъ мѣху. Сначала нагнулся онъ на перила и, приложивъ ладонь ко лбу въ видѣ зонтика, долго глядѣлъ на большую дорогу; потомъ, сдѣлавъ нетерпѣливое движеніе, незнакомецъ сошелъ внизъ. Видно было, однако, что и здѣсь остался онъ недовольнымъ; простоявъ еще нѣсколько времени, махнулъ онъ, наконецъ, съ до-

Digitized by Google

садою рукой и опять поднялся на крылечко. Находясь, должно быть, подъ вліяніемъ нетерпѣливаго ожиданія и не довѣряя вѣроятно своей зоркости въ первыхъ двухъ попыткахъ, онъ сѣлъ на ступеньки, подперся ладонью и снова принялся глядѣть въ туманную мглу, окутывавшую мѣстность.

Но вотъ уже потянулся туманъ въ вышину, глубокія колеи дороги, налитыя водою, отразили восходъ, а онъ все еще не покидалъ своего мѣста и не сводилъ глазъ съ дороги. Пахнетъ ли вѣтерокъ по влажной землѣ, пронесется ли въ воздухѣ стая галокъ, — онъ быстро подымаетъ голову, прислушивается. Терпѣніе его, казалось, наконецъ истощилось: онъ вскочилъ на ноги и проворно вошелъ въ сѣни кабака. Тутъ попрежнему увидѣлъ онъ рыжаго цѣловальника, лежавшаго навзничь между двумя бочками, устланными рогожей; въ углу, на полу, храпѣли два мужика и мальчикъ лѣтъ 13-ти, батракъ хозяина. Дверь налѣво въ кабакъ была заперта на замокъ. Человѣкъ въ длинномъ кафтанѣ прошелъ поспѣшно сѣни и вступилъ въ избу направо. Онъ, повидимому, былъ чѣмъ-то сильно встревоженъ. Слабый свѣтъ догоравшей свѣчки, смѣшиваясь съ бѣлымъ свѣтомъ утра, набрасывалъ синевато-тусклый отблескъ на лица нѣсколькихъ мужиковъ, спавшихъ на нарахъ. На лавкѣ, подлѣ стола, покрытаго скудными остатками крестьянскаго ужина, сидѣлъ, опустивъ голову на грудь, бородатый человѣкъ, котораго по одеждѣ легко можно было принять за купца. Опершись одною рукой на столъ, другою на лавочку, онъ храпѣлъ на всю избу. Незнакомецъ прямо подошелъ къ нему и дернулъ его за руку; потерявъ равновѣсіе, купецъ свалился на лавку и захрапѣлъ еще громче.

— Матвѣй Трофимычъ, сказалъ съ досадою незнакомецъ, принимаясь будить его,—Матвѣй Трофимычъ! проснись, эй!.. до сна ли теперь? Да встань же... ну...

— Мм... а что, братъ пріѣхалъ? отозвался купецъ, торопливо протирая глаза.

— Какой пріѣхалъ! Слышь, Матвѣй Трофимычъ... мнѣ все думается, не бѣда ли какая случилась съ братомъ...

— Гм! произнесъ Матвѣй Трофимычъ, приподнимаясь,— давно бы надо здѣсь быть... вечоръ еще... сколько бишь, сказывалъ онъ, верстъ отъ города до Марина?

— Да никакъ 20 или 22, говорилъ...

— Эхъ, напрасно, право, мы съ нимъ тогда не по-

ѣхали, получка денегъ не Богъ знаетъ сколько взяла бы времени!.. Да дѣлать нечего, подождемъ еще, авось подъѣдетъ...

— Мнѣ все думается, не прилучилось бы съ нимъ бѣды какой... поѣхалъ онъ съ деньгами... долго ли до грѣха... такъ индо сердце не на мѣстѣ... Слышалъ ты, мужики вечоръ разсказывали, здѣсь и вчастую бываетъ неладно... одинъ изъ Ростова, помнишь, такой дюжій, говорилъ, вишь, изъ постоялаго двора, да еще въ ярманку, вотъ гдѣ мы были-то, у мужичка увели лошадь.

— Ой ли?..

— То-то, Матвѣй Трофимычъ, ты спалъ, а я слышалъ...

— Авось, Богъ милостивъ... охъ-хе-хе...

Въ то время въ избу вошелъ цѣловальникъ; закинувъ коренастыя руки свои назадъ за шею, онъ протяжно зѣвнулъ и сказалъ, потягиваясь:

— А что, не пріѣзжалъ еще вашъ товарищъ?..

— Нѣтъ, братъ, не ѣдетъ да и полно, отвѣчалъ высокій,—я ужъ поджидалъ, поджидалъ, глаза высмотрѣлъ... побаиваемся мы, не случилось ли съ нимъ бѣды какой... ѣхалъ ночью, при деньгахъ... на грѣхъ мастера нѣтъ...

— Что случится... запоздалъ, должно быть...

— У васъ вотъ, говорятъ, на дорогахъ-то шалятъ больно... вотъ объ эвтомъ-то мы и сумлѣваемся...

— Что говорить, случалось, всяко бываетъ; да ужъ что-то давно не слыхать; намедни вотъ, сказываютъ, бабу вишь каку-то обобрали... а то не слыхать... кажись, смирно стало...

— О-охъ, бѣда, да и только... ужъ не съѣздить ли мнѣ въ Марино... далече отселева станетъ?

— Верстъ 17 безъ малаго... да вы не ѣздите... обождите... Господь милостивъ... о!.. о!.. (цѣловальникъ зѣвнулъ). — Эй, Пахомка! что ты, косой чортъ... крикнулъ онъ, выходя въ сѣни и толкнувъ подъ бокъ ногою мальчика,—вставай, пора продрать буркалы-те... время кабакъ отпирать... день на дворѣ...

Матвѣй Трофимычъ сѣлъ снова на лавочку и задремалъ; товарищъ его вышелъ на крылечко и снова принялся глядѣть на дорогу.

Вскорѣ кабакъ ожилъ. Зазвенѣли склянки, зашумѣлъ народъ, все пришло въ движеніе. Работница-стряпуха затопила печь, мужики завозились подъ навѣсами, и немного погодя послышались уже громкія восклицанія и

Digitized by Google

удалая пѣсня. Человѣкъ въ длинноломъ кафтанѣ продолжалъ глядѣть съ тѣмъ же притупленнымъ вниманіемъ на дорогу. Вдругъ онъ поднялся, взбѣжалъ на крыльцо и вытянулъ впередъ шею, какъ бы силясь приблизиться къ увидѣнному имъ вдалекѣ предмету. Но лицо его, обнаружившее радость, мгновенно нахмурилось; обманутый ожиданіемъ, онъ печально отошелъ назадъ. На дорогѣ показались три пѣшихъ человѣка.

Когда подошли они ближе, купецъ невольно обратилъ на нихъ вниманіе. Двое изъ нихъ были покрыты грязными лохмотьями, лица ихъ были тощи и изнурены; щетинистые, взъерошенные брови и бакены придавали имъ видъ суровый, дикій. Наружность третьяго путника особенно поразила купца. Это былъ высокій, сгорбленный мужикъ лѣтъ шестидесяти, покрытый сѣдиною, съ лицомъ известковаго, болѣзненнаго цвѣта, онъ какъ будто удученъ былъ какимъ-то сильнымъ недугомъ. Голова его нѣсколько висѣла на бокъ; огромныя коренастыя руки старика какъ-то безжизненно болтались, при каждомъ шагѣ, вдоль угловатыхъ костлявыхъ ногъ, перепутанныхъ разодранными онучами, покрытыми грязью. Онъ, казалось, совершенно безчувственъ былъ къ стужѣ, которая багровила ему грудь и плечи, едва прикрытыя лохмотьями крестьянской рубашки. Приблизившись къ кабаку, товарищи старика оглянулись сначала на всѣ стороны, потомъ взяли его подъ руки и поспѣшно вошли въ кабакъ, не взглянувъ даже на сидѣвшаго незнакомца. Купецъ, поглядѣвъ еще нѣсколько минутъ на дорогу, тоже вошелъ въ кабакъ. Въ головѣ его невольно мелькнуло какое-то подозрѣніе...

Бо́льшая часть мужиковъ, заночевавшихъ у цѣловальника, находилась уже тутъ; нѣкоторые изъ нихъ стояли посередь избы и о чемъ-то горячо спорили, другіе сидѣли на лавочкѣ за большимъ столомъ. Въ углу подлѣ сороковой бочки, уставленной разнокалиберными мѣдными воронками, за небольшимъ столикомъ сидѣли по обѣимъ сторонамъ Антона братъ его Ермолай и Петрушка. Передъ ними стояли штофъ и стаканы. Ермолай, положивъ локти на столъ и запустивъ ладони въ черные свои волосы, глядѣлъ безпечно въ окно; но усилія, съ какими расширялъ онъ глаза, безпрерывное движеніе мускуловъ на узенькомъ лбу его и легкое наклоненіе головы свидѣтельствовали, что онъ жадно прислушивался къ тому,

Digitized by Google

что говорилось вокругъ. Антонъ и другой его товарищъ сидѣли насупясь и молчали. Немного спустя, цѣловальникъ подошелъ къ купцу.

— Ну, что? сказалъ онъ,—видно, братъ-отъ не ѣдетъ...

— Нѣтъ, не ѣдетъ, отвѣчалъ тотъ, бросивъ косвенный взглядъ на уголъ, гдѣ сидѣли бродяги, — я ужъ, право, думаю, бѣда случилась... онъ былъ при деньгахъ... поѣхалъ ночью...

Движеніе Ермолая и товарища его, который быстро поднялъ голову, не ускользнуло отъ купца; сердце его колотило такъ сильно, что онъ нѣсколько секундъ не могъ произнести слова; оправившись, онъ продолжалъ, однако, стараясь принять по возможности спокойный видъ:

— Ты же, братъ, разсказывалъ, что у васъ здѣсь какую-то бабу обобрали на дорогѣ... точно, мѣсто глухое... чего добраго, ограбятъ еще...

Рѣчь замерла у него на устахъ; взглядъ, брошенный Ермолаемъ на дверь и на товарищей, усиливалъ въ немъ подозрѣніе; все говорило ему, что тутъ крылось что-то недоброе. Онъ какъ бы нехотя приподнялся съ своего мѣста и, толкнувъ локтемъ цѣловальника, вышелъ съ нимъ въ сѣни.

— Слушай, братъ хозяинъ, сказалъ онъ торопливо,— мнѣ сдается, бѣда прилучилась... видалъ этихъ трехъ, что сидятъ въ углу подлѣ бочки?..

— Какъ же... а что?..

— Сдѣлай милость, продолжалъ купецъ убѣдительнымъ голосомъ,—ради Господа Бога, не пущай ты ихъ, развѣдаемъ сперва, что они за люди... тебѣ будетъ не въ обиду... ишь они какими недобрыми людьми выглядятъ... И тотъ, что съ ними, старикъ-атъ... въ одной рубахѣ... точно, право, бродяги какіе... не пущай ты ихъ... я пойду разбужу товарища... мнѣ, право, сдается, они...

И купецъ, не докончивъ рѣчи, опрометью кинулся въ избу. Цѣловальникъ, страстный охотникъ до всякихъ свалокъ и разбирательствъ и которому уже не впервые случалось накрывать у себя въ заведеніи мошенниковъ, тотчасъ же принялъ озабоченный видъ, пріободрился и, кашлянувъ значительно, вошелъ въ кабакъ. Ермолай и его товарищи успѣли опорожнить въ то время штофъ и сбирались въ [illegible]

— Хозяин[illegible]ъ, подходя бодро къ цѣловальнику,—что с[illegible]

Digitized by Google

— Штофъ, что ли? спросилъ тотъ, окидывая взоромъ столъ и Антона, сидѣвшаго недвижно, какъ и прежде.

— Да, братъ, штофъ, отвѣчалъ Ермолай, надѣвая одною рукою шапку, другою подавая красную ассигнацію.—Эхъ, жаль, время не терпитъ, а то бы знатную у тебя выпивку задали.

— А вамъ нешто къ спѣху... продолжалъ рыжій Борисъ, которому красная бумажка показалась что-то подозрительною въ рукахъ такого оборванца.—Вы отколь?..

— А мы, братъ, сдалече, копальщики, идемъ съ заработокъ... домой, отвѣчалъ, нимало не смущаясь, Ермолай и въ то же время подалъ знакъ Петру, указавъ на брата.

Но замѣтивъ усилія, съ какими Петръ приподнималъ Антона на ноги, цѣловальникъ спросилъ:

— А что это у васъ товарищъ-атъ... кажись, разнемогся...

— Да... на дорогѣ изъ Тулы... что-то животы подвело... отвѣчалъ Петръ, подбираясь съ Антономъ къ двери.

— Хозяинъ, давай-ка скорѣй сдачу... сказалъ Ермолай нетерпѣливо.

Но купецъ, сопровождаемый нѣсколькими мужиками, загородилъ имъ дорогу. Въ числѣ мужиковъ находился и ростовецъ, тотъ самый, что встрѣтился съ Антономъ на ярмаркѣ. Увидя его, онъ растопырилъ руки и произнесъ радостно:

— А! здорово, братъ, какъ тіе Богъ милуетъ... Вотъ не чаялъ встрѣтить! ну что, нашелъ лошадь?

Антонъ вздрогнулъ.

— Развѣ ты его знаешь? спросилъ удивленный купецъ.

— Какъ же! отвѣчалъ ростовецъ, подходя ближе къ Антону,—да вѣдь это, братцы, тотъ самый мужичокъ, что сказывалъ я вамъ вечоръ, у кого лошадь-то увели... ну, братъ... ужъ какъ же твой землякъ-то убивалси!..

Нѣсколько мужиковъ встали съ своихъ мѣстъ и подошли съ участіемъ къ Антону.

— Мы на другой день нашли его лошадь... отвѣчалъ оторопѣвъ Петръ,—насилу откупились...

— Ой ли?..

— Да тебѣ-то что?.. сказалъ Ермолай, толкнувъ плечомъ ярославца и силясь пробиться къ двери. Видно было, что ему становилось уже неловко.

— Ты, братъ, мотри [illegible]айся, не къ тебѣ слоидетъ...

Digitized by Google

— Стой, молодецъ! произнесъ вдругъ цѣловальникъ, удерживая бродягу. — Какъ же ты говорилъ мнѣ, вы съ заработокъ шли... а вотъ онъ его видѣлъ (тутъ Борисъ указалъ на ростовца и потомъ на Антона) съ лошадью на ярманкѣ... и сказывалъ, мужикъ пахатный... помнится, еще изъ ближайшей деревни...

— Какъ же, изъ Троскина какого-то, замѣтилъ ростовецъ.

— Что жъ ты бабушку путаешь? воскликнулъ Борисъ, подступая къ Ермолаю.—Какой же онъ копальщикъ?..

— Да чего тебѣ отъ насъ надо? крикнулъ Ермолай, врываясь силою въ двери.

— Нѣтъ, погоди... постой... эй, ребята! не пущайте его... сказывай прежде, что̀ вы за люди...

— Разбойники, разбойники!.. завопилъ неожиданно купецъ, выхватывая изъ рукъ Ермолая зеленыя замшевыя рукавицы, которыя тотъ не подумалъ второпяхъ спрятать. — Братцы! вяжи ихъ! братнины рукавицы!.. знать они его ограбили... крути ихъ!..

— Эй... держи!.. вяжи!.. держи!.. раздалось со всѣхъ сторонъ въ кабакѣ, и толпа мужиковъ обступила бродягъ.

— Чего вы, дьяволы! ну что, кричалъ Ермолай, становясь въ оборонительное положеніе,—ну, что̀ вамъ надо?..

— Откуда у тебя рукавицы, разбойникъ?.. произнесъ купецъ, хватая его за грудь.

— На дорогѣ нашелъ!..

— Врешь, собачій сынъ!.. сказалъ цѣловальникъ, вытаскивая въ эту самую минуту изъ-за пазухи Ермолая замшевый бумажникъ.—А это что?..

Не прошло минуты, какъ уже Ермолай лежалъ въ сѣняхъ, связанный по рукамъ и по ногамъ; Петрушку также выводили изъ кабака; проходя мимо товарища, онъ сказалъ дрожащимъ, прерывающимся голосомъ:

— Братцы... отпустите меня... за что вы меня тащите... это вотъ онъ съ своимъ братомъ... мужикъ тотъ... сѣдой-то... обобрали купца... отпустите!..

— Какъ! убили! завопилъ купецъ, вбѣгая въ сѣни.— Обобрали!.. И онъ кинулся какъ полоумный вонъ изъ избы.

— Эй, цѣловальникъ! хозяинъ! закричалъ Матвѣй Трофимычъ рыжему Борису, все еще хлопотавшему подлѣ Ермолая,—посылай скорѣй въ ихъ вотчину... въ накладѣ не будешь... скорѣй парня на лошади посылай въ ихъ деревню за десятскимъ... за управляющимъ... да ну, братъ, проворнѣй!..

Digitized by Google

Пока прикручивали Петра, въ дверяхъ кабака послышался страшный шумъ; въ то же время, на порогѣ показалось нѣсколько мужиковъ, державшихъ Антона; ухвативъ старика, кто за что успѣлъ, они тащили его по полу съ такою яростью, что даже не замѣчали, какъ голова несчастнаго, висѣвшая на бокъ, стукалась о-земь. Глаза Антона были закрыты, и только судорожное вздрагиваніе вѣкъ и лба свидѣтельствовало о его жизни. Сквозь стиснутые зубы и на блѣдныхъ губахъ его проступала кровь. Толстоватый ярославецъ, казалось, болѣе другихъ былъ въ бѣшенствѣ; онъ не переставалъ осыпать его ударами.

— Вяжи его, разбойника... вяжи!.. кричалъ онъ хриплымъ голосомъ. — Вишь, надулъ... мошенникъ... надулъ, собака... а я-то, волкъ меня съѣшь, еще плакалъ-было надъ нимъ... тащи его!.. разбойника!.. вяжи его! вяжи!..

— Эй, Степка! бери скорѣй лошадь, валяй въ Троскино село, сказалъ цѣловальникъ вбѣжавшему дворнику,— ступай прямо къ управляющему, зови его сюда... да скажи, чтобъ слалъ народу, разбойниковъ вишь поймали изъ ихъ вотчины...

Тотъ опрометью кинулся подъ навѣсы. Немного погодя, Степка мчался что̀ есть духу по дорогѣ въ Троскино. Рыжій Борисъ, Матвѣй Трофимычъ и еще нѣсколько человѣкъ изъ мужиковъ стояли между тѣмъ на крылечкѣ, махали руками и кричали ему вслѣдъ:

— Ступай, не стой... мотри, скорѣй... зови управляющаго, зови народъ... погоняй, не стой!..

X.

Заключеніе.

Недѣлю спустя послѣ происшествія въ кабакѣ, на улицѣ села Троскина толкалась почти вся деревня; каждый, и малый и взрослый, хотѣлъ присутствовать при отправленіи разбойниковъ. Пестрая толпа изъ мужиковъ, бабъ, дѣвокъ, ребятъ и даже младенцевъ, которыхъ заботливыя матери побаивались оставить однихъ-одинешенькихъ въ качкахъ, окружала съ шумомъ и говоромъ двѣ подводы, запряженныя парою тощихъ деревенскихъ клячъ. Въ телѣгахъ покуда никого еще не было. Прислонившись къ одной изъ нихъ, стояли другъ подлѣ дружки два сѣдые старика въ рыжеватыхъ коротенькихъ полушубкахъ, туго подтянутыхъ ремнемъ; мѣдныя восьмиугольныя бляхи, при-

шитыя къ правой сторонѣ груди каждаго изъ нихъ, и обритыя бороды давали знать, что это были не кто иные, какъ наемные сотскіе изъ стана. Оба дружелюбно разговаривали съ молодымъ парнемъ, которому, въ качествѣ хозяина очередной подводы, слѣдовало везти конвойныхъ до ближняго острога. Поодаль отъ этой группы находился служивый этапной команды; опершись на ружье и повернувшись спиною къ хозяину другой телѣги, малому лѣтъ 16, — онъ то и дѣло поглаживалъ щетинистый усъ свой и вслѣдъ затѣмъ лукаво подмигивалъ близъ стоявшимъ бабамъ. По другую сторону подводъ сидѣли, прислонившись на ось, кузнецъ Вавила и его помощникъ. Послѣдній расположился на кожаномъ мѣшкѣ, изъ котораго выглядывали желѣзные кольца и молоты; онъ свирѣпо почесывалъ затылокъ и, закинувъ голову назадъ, всматривался почему-то очень пристально въ небо, покрытое густыми бѣловатыми тучами. Къ нимъ-то толпа и напирала сильнѣе всего. Каждый старался просунуть голову, чтобы только хоть вскользь да поглядѣть на новыя березовыя колодки, лежавшія грудой у ногъ Вавилы. Высокій, плѣшивый старикъ, стоявшій впереди другихъ, не утерпѣлъ даже, чтобы не прикоснуться къ нимъ нѣсколько разъ ногою.

— Эки штуки!.. произнесъ онъ наконецъ, проворно отдергивая ногу.

— А чего надо? сказалъ сурово Вавила.—Не видалъ, что ли?..

— Нѣтъ, не приводилось, отвѣчалъ тотъ съ сожалѣніемъ,—занятно больно...

— А что, дядя Вавила, я чай, куды тяжелы станутъ? спросила, въ свою очередь, красная какъ макъ и востроносая какъ птица, баба, вытягивая впередъ длинную костлявую свою шею.

— Вѣстимо, тяжелы... попробуй... отвѣчалъ кузнецъ.

— Ну, ты что лѣзешь... нешто не видала? Пошла, вотъ какъ двину!.. вымолвилъ высокій плѣшивый старикъ, выжимая востроносую бабу изъ толпы и снова устремляя круглые свои глаза на колодки—предметъ всеобщаго любопытства.

— Гдѣ ты ихъ срубилъ, дядя Вавила, въ осинникѣ, что ли? вымолвила румяная, курносая дѣвка, повязанная желтымъ платкомъ, высунувъ голову изъ-за плечъ сгорбленной, сморщенной ста

Digitized by Google

— А тебѣ на-што?..

— Эхъ, я чай, побредетъ теперь нашъ Антонъ, замѣтилъ кто-то далѣе.—Вотъ привелось, на старости лѣтъ, надѣть сапожки съ какой оторочкою...

— Подѣломъ ему, мошеннику!.. А развѣ кто велѣлъ ему, на старости лѣтъ, принять такой грѣхъ на душу... Шуточное дѣло, человѣка обобрать!..

— Да, братцы, не думали, не гадали про него, началъ опять другой.—Дались мы диву: чтой-то у насъ за воры повелись: того обобрали, да другого; вотъ намедни у Стегнѣя все полотно вытащили... а это знать все они чудили... Антонъ-отъ видно и подсоблялъ имъ такія дѣла править.... Знамо, окромя своего некому провѣдать, у кого что̀ есть...

— Подѣломъ ему, мошеннику, подѣломъ... Что вы его, разбойника, жалѣете, братцы...

— Тетка Ѳедосья, была ты ономнясь на улицѣ, какъ провели ту побирушку-то, что къ намъ въ деревню шлялась?

— Нѣтъ, матушка, не привелось видѣть; вѣдь она, сказываютъ, мать тому бѣдному-то?

— Мать... Трифонъ Борисовъ баилъ, ужъ такая-то, говоритъ, злыдная, нивѣсть какая злыдная; руку, говоритъ, чуть было не прикусила ему, какъ вязать-то ее зачали.

— Что̀ ты?

— Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, коли не сказывалъ... Вотъ, тетка Ѳедосья, и на умѣ ни разу не было, чтобы она была таковская... Поглядѣть, бывало, смирная, смирная... еще и хлѣбушки подашь ей, бывало...

Словомъ, всюду въ толпѣ, окружавшей подводы, раздавались толки и пересуды. Но вдругъ толпа зашумѣла громче, и со всѣхъ сторонъ раздались голоса:—„ведутъ! ведутъ!“

На противоположномъ концѣ улицы показались тогда Ермолай, Петръ, Архаровна и Антонъ; впереди ихъ выступалъ съ озабоченнымъ, но важнымъ видомъ Никита Ѳедорычъ, провожаемый сотскими и старостами; по обѣимъ сторонамъ осужденныхъ шли нѣсколько человѣкъ этапныхъ солдатъ въ полной походной формѣ, съ ружьемъ и ранцемъ; позади ихъ валила толпа народу. Между нею и Антономъ, который шелъ позади товарищей, тащилась, переваливаясь съ ноги на ногу и припадая безпрестанно

Digitized by Google

на колѣни, Варвара, сопровождаемая Ванюшею и его сестрою, ревѣвшими на всю деревню. Въ сторонѣ отъ всѣхъ бѣжала, то тискаясь, то разсыпаясь, пискливая ватага дѣвчонокъ и ребятишекъ. Рыженькая хромая дѣвочка, прыгая на одной ножкѣ и коверкаясь какъ бѣсенокъ, опережала всѣхъ.

— Пошли прочь! крикнулъ сердито Никита Ѳедорычъ, расталкивая мужиковъ и бабъ, тѣснившихся вокругъ телѣгъ.—Чего стали?.. Пошли, говорю. Ну, ты, вставай, да набей-ка имъ колодки, мошенникамъ. А вы смотрите, братцы, продолжалъ онъ, обращаясь ласково къ старикамъ, сотскимъ и солдатамъ,—не зѣвайте, держите ухо востро!

Никита Ѳедорычъ отошелъ нѣсколько въ сторону.

Вавила приступилъ немедленно къ исполненію приказанія. Въ толпѣ воцарилось глубокое молчаніе, такъ что съ одного конца улицы въ другой можно было ясно разслышать удары молотка, которымъ кузнецъ набивалъ колодки.

— Эхъ, братъ, Вавила, произнесъ бойко Ермолай, подставляя ногу,—вотъ гдѣ привелось свидѣться!.. Помнишь, кумъ, какъ пивали вмѣстѣ? Лихой, братъ, былъ ты парнюха!

— Садись, мошенникъ! сказалъ ему Никита Ѳедорычъ,—садись! Вотъ погоди-ка, тебѣ покажутъ парнюху.

Ермолай, съ помощью сотскихъ, взгромоздился на телѣгу подлѣ Архаровны и Петра. Когда очередь пришла Антону, и Вавила, усадивъ его на ось телѣги, ударилъ въ первый разъ по колодкѣ, посреди смолкнувшей толпы раздался вдругъ такой пронзительный крикъ, что всѣ невольно вздрогнули; почти въ то же мгновеніе къ ногамъ Антона бросилась Варвара; мужики впихнули за ней Ваню и Аксюшу. Понява Варвары распадалась лохмотьями; волосы ея, выпачканные грязью, обсыпали ей спутанными комками лицо и плечи, еле-еле прикрытыя дырявою рубахой. Въ безпамятствѣ своемъ она ухватилась обѣими руками за ноги мужа, силясь сорвать съ нихъ колодки.

— Отецъ ты нашъ... отецъ, батюшка... Ой, родные, спасите... вы меня... не пущайте его, родного сиротинушку, на кручину лютую... На кого-то, отецъ, оставишь ты насъ, горемычныхъ!..

Далѣе ничего нельзя было разобрать: протяжное рыда-

Digitized by Google

ніе заглушило ея несвязную рѣчь. Ваня и сестра его стояли неподвижно подлѣ дяди и обливались слезами.

— Эй, братцы! закричалъ снова Ермолай.—Мотрите, по старой дружбѣ, не давайте моихъ ребятъ въ обиду, они непричастны!.. Эй, вы, дѣвки, и юбки-голубки, сорочки-бѣлобочки, присовокупилъ онъ, подмигивая глядѣвшимъ изъ толпы дѣвкамъ,—мотрите, будьте имъ отцами!..

Антонъ, сидѣвшій по сю пору съ видомъ совершеннаго онѣмѣнія, медленно приподнялъ голову, и слезы закапали у него градомъ.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но только махнулъ рукой и обтеръ обшлагомъ сермяги глаза.

— Ну, сажай его! сказалъ Никита Ѳедорычъ, указывая сотскимъ на Антона.—А вы-то что-жъ стоите?.. Садись, да бери вожжи; что рты-то разинули!.. Эй, вы, старосты, оттащите ее... было ей время напрощаться съ своимъ разбойникомъ... Отведите ее... Ну!..

— Батюшка! вскричала Варвара, судорожно протягивая руки къ мужу.—Ба...тю...шка!.. Охъ, Антонушка!.. Охъ!..

И баба грохнулась со всѣхъ ногъ на-земь.

— Эхма! тетка Варвара, началъ опять Ермолай, взмостясь на перекладину телѣги.—Полно! его не разжалобишь (онъ указалъ на Никиту Ѳедорыча): ишь онъ какъ пузо-то выставилъ...

— Трогай! закричалъ сердито Никита Ѳедорычъ, махнувъ рукою мужикамъ, усѣвшимся на облучки подводъ.

Они ударили по лошадямъ, присвистнули, и телѣги покатились.

Толпа кинулась вслѣдъ за ними; впереди всѣхъ, подлѣ самыхъ колесъ, скакала, вертясь и коверкаясь на одной ножкѣ, рыжая, хромая Анютка.

— Прощайте, ребята, прощайте! кричалъ Ермолай, размахивая въ воздухѣ шапкой.—Не поминайте лихомъ! Прощайте, братцы, прощайте, насъ не забывайте!

. . . . . .

Телѣги приближались къ околицѣ. Въ это время бѣлыя густыя тучи, висѣвшія такъ неподвижно на небѣ, какъ бы разомъ тронулись, и пушистыя хлопья перваго снѣга повалили, кружась и вертясь, на землю. Вмигъ забѣлѣла улица Троскина, кровли избушекъ, старый колодецъ, а наконецъ и поля, разстилавшіяся далеко-далеко вокругъ всей вотчины; холодный вѣтеръ дунулъ сильнѣе, и снѣжная сѣть заколыхалась, какъ тяжелое необъятное покры-

Digitized by Google

вало. Никита Ѳедорычъ закутался плотнѣе въ свой архалукъ и обернулся къ околицѣ; но ничего уже не увидѣлъ управляющій; даже крайнія избы села едва замѣтно мелькали сквозь пушистыя хлопья валившаго отовсюду снѣга.

— Эки мошенники! произнесъ онъ, отряхиваясь и продолжая путь.—Вѣдь вотъ говорилъ же я, что вся семья такая... Недаромъ не жалѣлъ я ихъ, разбойниковъ... Ну, слава Богу, насилу-то, наконецъ, отдѣлался!.. Экъ, подумаешь, право, заварили дѣло какое... съ однимъ судомъ недѣлю цѣлую почитай провозились... Ну, да ладно... Теперь, по крайней мѣрѣ, и въ поминѣ ихъ не будетъ!..

Размышляя такимъ образомъ, Никита Ѳедорычъ не замѣтилъ, какъ подошелъ къ конторѣ. Голосъ Анны Андреевны мгновенно вывелъ его изъ задумчивости.

— Никита Ѳедорычъ, а, Никита Ѳедорычъ, ступай чай пить! прокричала она, высовывая изъ форточки желтое лицо свое, перевязанное бѣлой косынкой.—Ступай чай пить, полно тебѣ переваливаться-то!..

— Иду, иду, барыня-сударыня, отвѣчалъ супругъ съ достоинствомъ, и вошелъ въ сѣни стараго флигеля, не замѣтивъ Фатимки, которая стояла за дверьми и, закрывъ лицо ручонками, о чемъ-то разливалась-плакала.

1847 г.

Digitized by Google

БОБЫЛЬ.

(РАЗСКАЗЪ.)

Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка,
Съ нимъ я вѣкъ не разберусь!.
Пушкинъ.

Темная осенняя ночь давнымъ-давно окутала сельцо Комково. Погода стояла бурная, ненастная: мелкій дождь падалъ пополамъ съ снѣгомъ; холодный вѣтеръ гудѣлъ протяжно въ отдаленныхъ поляхъ и равнинахъ... Но буря, слякоть и темнота нимало не вредили приходскому празднику въ сельцѣ Комковѣ, и гулянка, которой годъ цѣлый ждали обыватели, была въ полномъ своемъ разгарѣ. На улицѣ толпилась тьма народу. Со всѣхъ сторонъ слышались нестройныя пѣсни, восклицанія, говоръ, хохотъ; правда, время отъ времени ихъ заглушалъ суровый голосъ бури, которая съ ревомъ и свистомъ пробѣгала по обвалившимся плетнямъ и лачугамъ, но тѣмъ не менѣе пѣсни и крики раздавались громче и громче, когда вѣтеръ проносился мимо и буря на минуту стихала. Почти въ каждой избушкѣ свѣтились огоньки, и длинная нить ихъ, отражавшаяся багровыми полосами въ лужахъ, давала знать, что и внутри домовъ точно такъ же продолжалась пирушка. Словомъ, жители Комкова веселились и гуляли на славу.

Но тогда какъ веселье такъ единодушно обнаруживалось съ одного конца деревни до другого, въ домѣ самой помѣщицы было что-то особенно спокойно и тихо. Распутица ли помѣшала сос[illegible]каться по обыкновенію

Digitized by Google

къ Марьѣ Петровнѣ, ненастье ли, или другое что, а только она сидѣла этотъ разъ почти безъ гостей. Общество составляли всего-на-все—бѣдная вдова, поручица Степанида Артемьевна, проживавшая въ домѣ третій годъ въ качествѣ „приживалки“, и еще ближайшая сосѣдка Марьи Петровны, Софья Ивановна, или просто „Иваниха“, какъ называли ее крестьяне. Всѣ три дамы расположились въ небольшой уютной комнаткѣ, выходившей на улицу.

Въ углу, подлѣ незавѣшеннаго окна сидѣла особнячкомъ Степанида Артемьевна и вязала чулокъ; противъ нея на столикѣ стояло все нужное для чаю. Огромный неуклюжій самоваръ изъ красной мѣди, занимавшій чуть ли не половину стола, пыхтѣлъ и отдувался, какъ толстякъ, обремененный тяжкою ношей, въ знойное время; изъ него валили, клубясь и журча, густыя струи сѣраго пара, то направляясь на сосѣднее окно и обдавая его крупными каплями, то вдругъ обращаясь косою полосой на сальный огарокъ, находившійся тутъ же, между чайникомъ и чашками.

При такомъ неожиданномъ нападеніи со стороны сосѣда, огарокъ бросалъ еще болѣе сомнительный свѣтъ на поручицу, женщину съ наружностью жесткой и деревянной, одѣтую, какъ вообще всѣ вдовствующія поручицы-приживалки, въ глубокій трауръ. Другія двѣ дамы сидѣли поодаль отъ окна, у лежанки. Красное пламя жарко топившейся печки не только позволяло различать ихъ лица, но даже обозначало на стѣнѣ длинные, угловатые профили собесѣдницъ. Одна изъ нихъ, хозяйка дома, была подслѣповатая, маленькая старушонка, съ лицомъ кроткимъ и добродушнымъ, напоминавшимъ скорѣе однакожъ безотвѣтную простоту, чѣмъ первыя два качества. На ней былъ черный поношенный платокъ, черный ситцевый капотъ съ бѣлыми крапинами и жиденькій чепецъ съ темными лентами, находившимися постоянно въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, вопреки неподвижности самой владѣлицы; это происходило оттого, что головка старухи, и безъ того уже слабая, приняла дурную привычку трястись съ тѣхъ поръ, какъ разъ ночью испугали Марью Петровну, объявивъ ей, что въ Комковѣ загорѣлась баня. Наружность Софьи Ивановны представляла самую рѣзкую противоположность съ наружностью ея сосѣдки. Ясно, что эти крутыя, багровыя щеки, готовыя лопнуть каждую минуту вмѣстѣ съ сѣрыми глазами на выкатѣ, этотъ узень-

Digitized by Google

кій лобъ, сплюснутый носъ и черные волосы безъ просѣди, несмотря на пятидесятый годъ, могли только принадлежать бойкой и энергической женщинѣ. Всѣ три дамы хранили глубокое молчаніе. Тишина въ комнатѣ прерывалась лишь трескомъ и щелканьемъ печки, метавшей на полъ искры, и пискливымъ напѣвомъ самовара, которому вторило иногда недовольное ворчанье собачонки, лежавшей на диванѣ, за спиною помѣщицы. Извнѣ слышался отдаленный гулъ толпы, бродившей по улицѣ; время отъ времени, гулъ этотъ какъ будто приближался и, смѣшавшись внезапно съ свирѣпымъ завываніемъ вѣтра и шумомъ дождя, посылаемаго въ окна, производилъ такой грохотъ, что даже канарейка, сидѣвшая нахохлившись въ клѣткѣ надъ головою поручицы, вздрагивала, высовывала изъ-подъ крылышка голову и начинала отряхиваться.

— Цыцъ, Розка, говорила тогда Марья Петровна, обращаясь къ собачкѣ, которая принималась неистово лаять,— цыцъ! Господи благослови, продолжала она,—съ ума они сошли, что ли? того и смотри, деревню сожгутъ... Степанида Артемьевна, посмотрите, матушка, въ окно, ужъ не случилось ли чего?..

Тутъ Марья Петровна поворачивала съ безпокойствомъ худощавое лицо свое къ окошку и крестилась съ особенною выдержкою.

— Не видно ничего-съ, отвѣчала приживалка, обтирая рукою мутное стекло, — все окно до верху занесло снѣгомъ-съ.

— Эхъ, матушка, Марья Петровна, охота же вамъ, право, допускать такія буйства, произнесла Софья Ивановна грубымъ голосомъ, соотвѣтствовавшимъ какъ нельзя лучше ея дубовой наружности,—смотрите, когда-нибудь наживете себѣ бѣду съ вашею добротой; ужъ когда-нибудь да сожгутъ вамъ ваше Комково ваши же мужики!..

— Пресвятая Богородица, Божья Матерь, св. Сергій угодникъ... охъ!.. моя Анюточка покойница (царство ей небесное!) къ нему прикладывалась... простонала жалобно хозяйка, возводя очи къ потолку и принимаясь снова креститься.

— Да, конечно, сожгутъ вамъ деревню, продолжала сосѣдка,—если станете попускать такія буйства и безчинства; время же стоитъ почти всякій разъ въ этотъ день, какъ нарочно, вѣтреное; разумѣется, дѣло осеннее, долго ли до бѣды!

Digitized by Google

— Охъ! да что жъ мнѣ дѣлать-то съ ними, Софья Ивановна?..

— Какъ что дѣлать, матушка? вотъ славно! Да кто же здѣсь госпожа? Сказали: не хочу, не смѣть, молъ, вамъ буйствовать! да и постращать хорошенько, вотъ и будетъ все въ порядкѣ; а то, право, долго ли этакъ до грѣха... слышите сами, какой вѣтеръ?.. слышите?..

Софья Ивановна наклонила на-бокъ голову, Марья Петровна и поручица послѣдовали ея примѣру.

Пронзительный вѣтеръ люто завывалъ вокругъ всего дома, потрясая ставни и выступы; дождь стучалъ неумолимо, то глухо ниспадая на кровлю, то барабаня по окнамъ.

— Охъ, сколько, я думаю, Софья Ивановна, бездомныхъ-то сироточекъ идутъ теперь по міру въ такую-то погодушку, промолвила послѣ молчка Марья Петровна, — и пристанища-то у нихъ, бѣдненькихъ, нѣту...

— А вамъ бы ихъ, небось, всѣхъ къ себѣ заманить хотѣлось? Много ихъ, матушка, Марья Петровна,—на всѣхъ богадѣльни въ вашемъ Комковѣ не построишь, да и капиталу-то недостанетъ. Знаете ли, чѣмъ намъ объ эвтомъ сумлѣваться, погадайте-ка лучше опять въ карточки...

Слова эти произвели магическое дѣйствіе на старушку; лицо ея, обыкновенно безжизненное, осмыслилось вдругъ выраженіемъ живѣйшаго участія; даже что-то въ родѣ улыбки показалось на изсохшихъ губахъ ея. Нужно замѣтить, что она слыла во всемъ околоткѣ мастерицею гадать въ карты, и въ этомъ сосредоточивалась вся дѣятельность, все самолюбіе доброй Марьи Петровны. Она съ самодовольною улыбочкой взяла со стола замасленную колоду, стасовала ее и, тряхнувъ быстрѣе обыкновеннаго головкой, сказала поручицѣ:

— Степанида Артемьевна, поставьте-ка, голубушка, къ намъ огарокъ, да присядьте сами сюда.

Приживалка зажгла однакоже другую свѣчку, поставила ее передъ помѣщицею и, не отвѣчая ни слова, усѣлась на прежнее свое мѣсто. Профили старухъ еще значительнѣе вытянулись и расширились на стѣнѣ: голова Софьи Ивановны приняла видъ исполинской тыквы; носъ Марьи Петровны вытянулся и заострился такъ немилосердно, что досягнулъ до чайнаго стола, такъ что при малѣйшемъ движеніи пламени, казалось, онъ клевалъ прямо въ сахарницу, а иногда зацѣплялъ даже за чепецъ поручицы, принявшейся снова за свой чулокъ.

Digitized by Google

— Вамъ, Софья Ивановна, я знаю, вѣрно на червонную даму... вы всегда на нее загадываете? спросила старушка, утвердительно кивая головою.

— Ну, хорошо, ставьте хоть на червонную, отвѣчала та, придвигаясь ближе.

— Ужъ какъ хорошо выходитъ, говорила помѣщица, между тѣмъ какъ худощавые ея пальцы такъ вотъ и бѣгали по столу, — ужъ какъ хорошо... интересъ, да, отъ трефоваго короля получите большой интересъ... постойте, что это? Да, продолжала она, задумчиво потирая лобъ,— препятствуетъ какая-то бѣлокурая дама, довольно пожилая...

— Гм! бѣлокурая! кто же однакожъ?.. ну, что же еще?

— Письмо получите изъ дальней дороги, вѣсти, вотъ видите ли, дорога?.. постойте... вотъ тутъ какъ будто болѣзнь, но небольшая, такъ, простуда какая-нибудь легонькая... но вообще все очень, очень хорошо; интересъ, большой интересъ отъ трефоваго короля получите...

— Марья Петровна, Софья Ивановна, перебила сухо поручица, — не будете больше кушать чаю? я прикажу снести самоваръ...

— Погодите, Степанида Артемьевна, можетъ Софьѣ Ивановнѣ угодно будетъ выкушать еще чашечку...

— Нѣтъ, матушка, благодарствуйте, я ужъ и такъ по горлышко... больше не могу...

Въ эту самую минуту на улицѣ раздался такой неистовый грохотъ, что всѣ три дамы разомъ вздрогнули. Почти въ то же время, подлѣ окна, гдѣ сидѣла приживалка, послышался протяжный вой собаки; онъ начался тихо, но потомъ, по мѣрѣ возвращавшейся тишины, вой этотъ поднялся громче и громче, пока, наконецъ, не замеръ съ послѣднимъ завываніемъ вѣтра. Собачка, лежавшая на диванѣ, на этотъ разъ не удовольствовалась ворчаньемъ: она проворно спрыгнула на-земь, вскочила на окно и принялась визжать и лаять, царапая стекла какъ бѣшеная.

— Цыцъ, Розка! цыцъ, Розка! болѣзненно простонала испуганная Марья Петровна, — охъ! что это въ самомъ дѣлѣ? слышите, душенька, Софья Ивановна, какъ на дворѣ собака-то воетъ, и вѣдь не въ первый разъ, ужъ не къ покойнику ли?..

— Ну, вотъ еще, возразила ея собесѣдница, — у васъ все на умѣ такое... просто воетъ себѣ собака.

— Охъ, начала снова Марья Петровна, крестясь и воз-

Digitized by Google

водя очи къ потолку, — Божья Матерь, св. Сергій угодникъ, моя Анюточка покойница (царство ей небесное!) къ нему прикладывалась... Степанида Артемьевна, да отгоните же Розку, ишь какъ она мечется, того и смотри, окно прошибетъ.

Поручица бросила съ сердцемъ чулокъ, крикнула на собачонку и, бормоча что-то сквозь зубы, вышла вонъ. Минуту спустя, въ комнатку вошла высокая, рябоватая, бѣлобрысая дѣвка; она подошла къ самовару и стала убирать чашки.

— Палашка, сказала помѣщица, — какая у васъ тамъ собака воетъ? весь вечеръ покою не даетъ...

— Змѣйка, сударыня, отвѣчала Палашка, глядя исподлобья,—у ней щенятъ вечоръ покидали въ рѣку... такъ должно быть и воетъ... Мы ее отгоняли отъ крыльца, да никакъ не сладишь съ проклятой-съ.

— Охъ ужъ мнѣ эта собака! Представьте, какой случай съ ней былъ нынѣшнимъ лѣтомъ: взбѣсилась да Ѳетискѣ, кучерову сыну, всю икру искусала... ужъ какъ же она меня тогда напугала, сказать вамъ не могу...

— Чѣмъ же вы его вылѣчили, Марья Петровна?

— Обыкновенно чѣмъ, всегдашнее мое средство: сначала мышьякомъ присыпала... а потомъ давала ему пить по три раза въ день подорожникова листочка...

— Напрасно вы это дѣлали, только лишняя потрата вамъ... Если хотите, я вамъ скажу другое средство... и гораздо дешевле; мнѣ передала его по секрету одна дама... да я, ужъ такъ и быть, не утаю отъ васъ, для милаго дружка и сережка изъ ушка... вы же много больныхъ лѣчите, вамъ оно пригодится.

— Ахъ, матушка, Софья Ивановна, ужъ какъ же вы меня много обяжете... вы не повѣрите, сколько мнѣ стоятъ эти лѣкарства; повѣрите ли, вѣдь изъ чужихъ деревень приходятъ; разумѣется, больной принесетъ изъ благодарности то яичекъ, то рыбки, то медку, да Господь съ ними, я вѣдь ничего не беру, народъ бѣдный, а денежки-то все идутъ да идутъ...

— Вотъ то-то и есть, перебила сосѣдка,—слушайте же, что я вамъ скажу. Тутъ она придвинулась еще ближе и примолвила съ таинственнымъ видомъ:—Какъ у васъ придется еще такой случай: укуситъ кого-нибудь бѣшеная собака, вы возьмите просто [illegible]ба, такъ-таки просто-напросто корку хлѣба [illegible]а ней чернилами,

Digitized by Google

или все равно, чѣмъ хотите, три слова: „Озія, Азія и Ельзозія“, да и дайте больному-то съѣсть эту корку-то: все какъ рукой сниметъ.

— Неужели правда? воскликнула помѣщица, всплеснувъ руками.

— Да вотъ какъ, отвѣчала скороговоркою Софья Ивановна,—та, которая передала мнѣ этотъ секретъ, сказывала, что пятерыхъ сряду вылѣчила этимъ средствомъ.

— Ахъ, матушка, какъ же я вамъ благодарна; сами знаете, мышьякъ дорого стоитъ, да еще и не скоро достанешь его... ужъ такъ-то я вамъ благодарна, такъ благодарна...

— Очень рада, Марья Петровна, очень рада... ну, а такъ какъ долгъ платежомъ красенъ, говорятъ добрые люди, и у меня также найдется къ вамъ просьбица...

— Что такое?..

— Вотъ что: вы картофель нынче сѣяли?

— Сѣяла, Софья Ивановна, и такой-то крупный уродился, благодареніе Царю небесному...

— Въ такомъ случаѣ попрошу я у васъ безъ зазрѣнія совѣсти, просто безъ зазрѣнія совѣсти, мѣрочку на мою долю; я не сѣяла.

Софья Ивановна проговорила все это съ той пріятной шутливостью, подъ видомъ которой люди, думающіе бить навѣрняка, дѣлаютъ самыя нахальныя просьбы. Помѣщица съ радостію изъявила готовность пособить горю сосѣдки.

— Экая память, право, у меня, вымолвила она послѣ минуты раздумья, — вотъ вѣдь я ужъ и забыла, что вы мнѣ сказали... что бишь писать-то надо такое... зо... за... за... какъ бишь это?..

— Азія-съ, Озія-съ и Ельзозія-съ... отвѣчала сосѣдка наилюбезнѣйшимъ образомъ,—да вамъ бы лучше записать на бумажкѣ...

— Да, да, и то правда... Степанида Артемьевна, сказала она входившей въ это время поручицѣ,—дайте, матушка, чернильницу и календарь...

Исполнивъ просьбу, приживалка сердито сняла со свѣчки, пошевелила узенькими своими губами и сѣла къ окну. Помѣщица записала рецептъ и, какъ бы утомленная такою продолжительною работой, прислонилась къ спинкѣ дивана. Въ маленькой комнаткѣ вновь воцарилось глубокое молчаніе, прерываемое попрежнему ворчаньемъ Розки, шумомъ бури, а иногда пѣснями и криками гулявшихъ комковцевъ.

Digitized by Google

Минутъ двадцать спустя, въ комнату вошла рябая Палашка, сопровождаемая скотницею Θеклой. Послѣдняя выступила съ озабоченнымъ видомъ впередъ и, поклонившись барынѣ въ поясъ, возвѣстила, что пришелъ какой-то старикъ на скотный дворъ, пришелъ да и сѣлъ на порогъ, стонетъ да охаетъ, да госпожу видѣть проситъ.

— Ужъ такъ плохъ, матушка-барыня, такъ плохъ, присовокупила скотница, качая головою,—лица на немъ, сударыня, нѣтути; и ничего-то не молвитъ, только-что охаетъ, такъ-то охаетъ, что бѣда-съ; больно хилъ, сударыня; побоялась я оставить его до завтра, народу въ избѣ нѣтъ, на праздникъ всѣ ушли... я и пришла доложить вашей милости...

— Пресвятая Богородица, заступница наша! произнесла послѣ тяжкаго вздоха помѣщица,—охъ, должно быть больной какой-нибудь, бѣдняжушка! Сейчасъ, Θекла, сейчасъ иду, подожди меня въ „аптекѣ“...

— Что это вы, Марья Петровна, воскликнула Софья Ивановна, удерживая ее за руку, — ужъ не хотите ли идти въ такую пору, въ такое ненастье на скотный дворъ? помилуйте, Христосъ съ вами! что̀ это вы дѣлаете?..

— Нѣтъ, отпустите меня, душенька Софья Ивановна, возразила старушка,—у меня и сердце не на мѣстѣ...

— Такъ вотъ нѣтъ же, не отпущу.

— Нѣтъ, отпустите, душенька, право, сердце не на мѣстѣ; пойду погляжу... можетъ, помощь нужна скорая...

— Ну, вотъ, ужъ и скорая,—да не умретъ, не бойтесь; должно быть у васъ же на деревнѣ употчивали его, дѣло праздничное, вотъ и все тутъ...

— Нѣтъ, все равно, душенька Софья Ивановна, а я пойду къ нему, все спокойнѣе на сердцѣ-то будетъ.

Сказавъ это, старушка поспѣшно вступила въ комнату еще меньшаго размѣра, увѣшанную съ потолка до полу пучечками сушившихся травъ. Тутъ также находился старинный, вычурный шкапъ; сквозь стекла его можно было различить легіоны пузырьковъ, баночекъ, скляночекъ и ярлыковъ, — это была „аптека“ помѣщицы. Марья Петровна немедля натащила на ноги теплыя валенки, закуталась въ старый салопъ на заячьемъ мѣху, намотала на шею платокъ и, сопровождаемая Θеклою, державшею фонарь, отправилась на скотный дворъ.

— Сюда, сюда-съ пожалуйте, матушка-барыня, твердила Θекла, поддерживая одною рукою барыню, другою

Digitized by Google

освѣщая ей дорогу, — не оступитесь, матушка-барыня, извольте вотъ сюда пожаловать, ишь лужи какія...

— Св. Сергій угодникъ, твердила жалобно Марья Петровна, шлепая по грязи,—охъ! чуть было не оступилась...

— Съ нами всѣ святые! присовокупила скотница, удвоивая старанія, — долго ли до бѣды... ишь вѣтеръ какой, такъ съ ногъ вотъ и ломитъ... да и снѣгъ-то глаза залѣпляетъ... пожалуйте сюда-съ... здѣсь будетъ посуше...

Вскорѣ своротили онѣ за домъ. Скотница направила фонарь прямо по долони черезъ длинный барскій дворъ, и обѣ пустились по этому направленію.

Съ улицы все еще слышались крики и пѣсни неугомонныхъ комковцевъ; тамъ и сямъ за заборами сквозь темноту мерцали огоньки, показывавшіе, что пирушка и не думала умолкать.

Наконецъ, Ѳекла подвела свою госпожу къ скотному двору—мрачной избѣ, обнесенной съ трехъ сторонъ навѣсами. Посовѣтовавъ Марьѣ Петровнѣ нѣ трогаться съ мѣста, чтобы не быть вымоченной дождемъ, шумно ниспадавшимъ съ навѣсовъ, баба уставила фонарь въ грязь и приблизилась къ зданію; тутъ она неожиданно загремѣла щеколдой, отворила узенькую дверцу, снова подняла фонарь и осторожно ввела барыню въ большія черныя сѣни, гдѣ вмѣсто пола служила твердо убитая земля.

— Не оступитесь, матушка-барыня, говорила Ѳекла,— онъ тутъ того и смотри гдѣ-нибудь да на полу валяется; какъ пошла-то я къ вашей милости, лежалъ онъ на порогѣ...

Въ сѣняхъ, однакожъ, никого не было, и помѣщица, ступая осторожно въ багровомъ кругу свѣта, бросаемаго фонаремъ, вошла въ избу. Совершенная тишина царствовала повсюду; въ избѣ было темно, хоть глазъ выколи; острый запахъ дыма свидѣтельствовалъ, что лучина незадолго угасла. Когда фонарь освѣтилъ жилище Ѳеклы, взоры помѣщицы встрѣтили прежде всего однѣ голыя бревенчатыя стѣны и уголъ закопченой высокой печки; но потомъ, когда она обратила глаза назадъ, ей представилась въ тѣни чья-то фигура, полу-лежачая, полу-сидячая на полу, покрытомъ рѣдкой соломой.

— Посвѣти поближе, Ѳекла, вымолвила смущеннымъ голосомъ помѣщица, принимаясь креститься подъ салопомъ.

Ѳекла вынула изъ фонаря оплывшую свѣчку и поднесла ее почти къ самому полу. Марья Петровна явственно

Digitized by Google

увидѣла тогда, при желтоватомъ, трепетномъ свѣтѣ огарка, длинный, костлявый образъ старика лѣтъ восьмидесяти. Продолговатое, правильное лицо его, обрамленное рѣденькими сѣроватыми волосами, мягкими какъ пухъ, склонялось на узенькую сухощавую грудь, еле-еле прикрытую дырявой рубахой, изъ которой выглядывали также тщедушные плечи и локти. Рубашка была мокра до послѣдней ниточки; казалось, всѣ члены старика съеживались подъ ней какъ осенніе листья, прохваченные морозомъ. Черная тѣнь, спускаясь отъ сухого подбородка прямо на середину груди, скользила по ней угловатою, глубокою извилиной и выказывала еще рѣзче ея худобу и впадины; но, несмотря на нѣкоторую рѣзкость, придаваемую чертамъ этого человѣка его чрезмѣрною худобою и грубыми пятнами свѣта и тѣни, лицо его сохраняло выраженіе самое кроткое и тихое; даже запекшіяся, побѣлѣвшія губы дышали тѣмъ невыразимымъ добродушіемъ, которое какъ бы просвѣчивалось во всей его наружности. Старикъ, какъ уже сказано, лежалъ на полу; костлявое туловище его, слегка приподнятое локтемъ правой руки, бросало густую тѣнь на стѣну и лавку, въ которую упирались его длинныя ноги, перепутанныя онучами. Лѣвая рука бѣдняка безжизненно покоилась на жиденькой холстяной сумѣ въ заплатахъ и поношенной шапкѣ. Послѣдніе два предмета обозначали на полу слѣды воды, которою были пропитаны.

Страдальческая наружность бѣдняка, возбуждавшая невольное сочувствіе, успокоила мало-по-малу Марью Петровну. Она нагнулась и сдѣлала шагъ впередъ. Старикъ, узнавъ въ ней тотчасъ же барыню, хотѣлъ было привстать; но усиліе его оказалось безполезнымъ, и онъ снова опустился на локоть. Поднявъ дрожащую руку на грудь, онъ устремилъ на нее мутные глаза свои и сказалъ съ сильною одышкою:

— Простите, матушка... встать-то не смогу никакъ... не взыщите... сударыня... силой-то больно плохъ сталъ...

— Не надо, не надо, торопливо проговорила Марья Петровна, — ничего, лежи, старичокъ... лежи; что съ тобою? чѣмъ ты боленъ?

Старикъ опять попробовалъ было приподняться, закашлялся и вымолвилъ, останавливаясь почти на каждомъ словѣ:

— Грудь одолѣла... ломитъ все... матушка... ходить не

Digitized by Google

даетъ... Одышка тяготитъ больно меня... Ужъ пятый мѣсяцъ такъ-то бьюсь съ ней... сударыня...

— Что-жъ ты застудилъ ее, что ли?

— Нѣтъ, матушка, продолжалъ бѣднякъ, опуская въ изнеможеніи голову,—не застудилъ ее... зашибъ добре...

— Э, да какъ же это случилось?

— Я кровельщикъ... сударыня; у насъ въ вотчинѣ... мельницу вѣтряную ставили... Народъ-то все молодой... меня и послали... кровлю свести вишь понадобилось... Время-то... ненастное стояло... по веснѣ было, матушка... Я и скатись съ нея... да вотъ грудью-то и упалъ на бревна... Охъ!.. Съ той поры такъ-то вотъ все и бьюсь... съ ней...

— Э-э-э, старичокъ, перебила Марья Петровна, жалостливо качая головой,—да тебѣ бы тогда надо было кровь пустить или сходить тотчасъ же въ городъ къ лѣкарю...

— Былъ, матушка, отвѣчалъ старикъ ослабѣвшимъ голосомъ,—да не приняли... Мѣста вишь въ ту пору не было... О...охъ!..

Усилія, какія употреблялъ бѣднякъ, чтобы говорить съ помѣщицей, казалось, превышали его силы; едва произнесъ онъ послѣднее слово, какъ звукъ уже замеръ на устахъ его, одышка и хриплый кашель, которому конца не было, совсѣмъ одолѣли старика. Внезапно лицо его искривилось, руки брякнули о-земь, и онъ покатился на солому.

— Воды! Ѳекла, скорѣй воды! завопила Марья Петровна, мотаясь какъ угорѣлая.—Господи, Боже мой! Заступница наша, Пресвятая Богородица... Скорѣй, Ѳекла, спрысни ему лицо... Господи, что̀ съ нимъ такое?

— Охъ, матушка-барыня, твердила не менѣе испуганная скотница, поливая безъ милосердія голову старика студеной водой,—съ нимъ это не впервые... какъ только пришелъ онъ сюда, тоже вотъ такое попритчилось... Охъ! чего добраго, помретъ еще пожалуй... Спросить бы его, барыня, откуда онъ... все бы, кажись, не такъ опасливо... Эка бѣда какая!..

Въ это время старикъ глубоко вздохнулъ, открылъ глаза и медленно началъ приподниматься; онъ какъ будто совѣстился оставаться въ такомъ положеніи при барынѣ.

— Откуда ты, старичокъ? спросила Марья Петровна, тряся головой сильнѣе обыкновеннаго.

Digitized by Google

Старикъ тотчасъ же замѣтилъ выраженіе безпокойства на лицѣ барыни; онъ вѣроятно также понялъ причину ея опасеній и вмѣстѣ съ тѣмъ все, что ему угрожало въ такомъ случаѣ. Стараясь по возможности придать лицу своему бодрое и спокойное выраженіе, онъ произнесъ съ меньшею, однако, противъ прежняго твердостью:

— Вотъ, матушка... какъ словно теперь полегче стало... Со мной такъ-то бываетъ... Оно ничего, сударыня... ничего... не откажите только своею милостію... не гоните меня безъ помощи, какъ другіе. (Тутъ онъ устремилъ на нее умоляющій, влажный взоръ). Оно ничего, матушка, прошло, ты не бойся... на силы-то больно я понадѣялся... прошелъ добре много, сударыня...

— Да ты откуда? спросила Марья Петровна.

— Я-то? простоналъ старикъ.

— Да, изъ какихъ ты мѣстъ?

— Издалече... верстъ за девяносто...

— Чьихъ господъ?

— Бакушиной... Анастасіи Семеновны... матушка...

— Э-э-э, перебила Марья Петровна, потряхивая головой, — экой ты какой, старичокъ, право! да тебѣ бы лучше подождать въ городѣ, пока мѣсто въ больницѣ не очистилось...

— Я и самъ думалъ, сударыня, замѣтилъ старикъ,— да сказали: долго придется такъ-то ждать... Я и пошелъ опять въ деревню...

— Оно бы лучше было, хоть въ деревнѣ бы дождался... въ больницѣ тебя бы навѣрное вылѣчили...

— Не у кого было, сударыня, жить въ деревнѣ-то, отвѣчалъ со вздохомъ бѣднякъ, — землицы и избенки нѣту у меня, матушка... Я по старости съ пашни-то уже девятый годъ снятъ... затяглымъ считаюсь... семьи нѣтъ, одинокій...

— У кого же ты жилъ?

— Да у своего же мужичка... на хлѣбахъ... Подсоблялъ ему кое-что править... пока Господь силъ не отнялъ... Онъ меня и кормилъ, матушка... Ну, какъ силъ-то не стало, случилася со мной бѣда-то, расшибся, пришелъ ему въ тяготу... Онъ кормить-то и не сталъ меня... Вѣстимо, въ чужихъ людяхъ даромъ хлѣба не дадутъ...

— Такъ неужто ужъ у тебя никого нѣтъ изъ родни въ деревнѣ?..

— Есть, матушка... дочка ес[illegible]лъ онъ, ожи-

Digitized by Google

влялась,—да только не въ деревнѣ у насъ... За садовникомъ она, въ 30 верстахъ отселева живетъ... Къ ней-то я, сударыня, и пошелъ, и лѣто почитай все у нея прожилъ... да также, сударыня, люди они бѣдные, прибавилъ онъ послѣ вздоха,—въ тягость я имъ пришелся... Они-то не сказывали, да вижу самъ, невмоготу имъ стало кормить меня, старика... я и пошелъ побираться... Вотъ въ Запольи ономнясь провѣдалъ я про твою милость... и пришелъ къ тебѣ... да видно черезъ силу шелъ-то, время холодное, ненастье такое... мнѣ хуже и стало... Не оставь, матушка, меня своею милостью... вѣкъ буду за тебя молить Бога; мнѣ у тебя здѣсь такъ-то хорошо... изба теплая... совсѣмъ обогрѣюсь... не оставь... родимая...

— Погоди, погоди, бѣдный старичокъ, погоди, сказала Марья Петровна,—отдохни здѣсь, сейчасъ пришлю тебѣ лѣкарства... Напьешься горяченькаго, и груди легче станетъ... и мази также пришлю тебѣ...

Старикъ не отвѣчалъ ни слова, но взглядъ, брошенный имъ на барыню, передавалъ его благодарность лучше всякой рѣчи. Марья Петровна и Ѳекла, успѣвшая уже въ это время воткнуть огарокъ въ фонарь, вышли изъ избы.

. . . . . .

— Ну, что у васъ тамъ такое случилось? спросила Софья Ивановна, встрѣчая сосѣдку въ аптекѣ.—Что это за старикъ?

— Охъ, душенька, Софья Ивановна, лучше и не спрашивайте! могла только проговорить помѣщица. — Охъ! представьте, продолжала она, разводя руками,—какой-то старикъ, старый-старый, пришелъ за девяносто верстъ въ эту погоду, и ужъ чуть-то живехонекъ... Грудь расшибъ, бѣдненькій, съ мельницы упалъ... Охъ! не знаю, право, чѣмъ бы ему помочь... бузины развѣ съ шалфеемъ сварить... пусть напьется горяченькаго, оно мягчитъ, а потомъ велю Палашкѣ натереть ему грудь оподельдокомъ... какъ вы думаете?

— Смотрите, Марья Петровна, не нажить бы вамъ бѣдъ съ вашими лѣченьями! Сами же вы говорите, что старикъ этотъ чуть живехонекъ... Ну, а какъ онъ вдругъ да отдастъ у васъ Богу душу, умретъ, что вы думаете? Знаете ли, какое это дѣло? Да тутъ отъ суда не отдѣлаешься. Развѣ не слышали, какихъ хлопотъ нажилъ себѣ чрезъ такой же точно случай Егоръ Ивановичъ Рѣ-

Digitized by Google

дечкинъ третьяго года?.. Христосъ съ вами, Марья Петровна, что̀ вы дѣлаете?..

— Охъ, Софья Ивановна, не пугайте меня, душенька, у меня и такъ сердце не на мѣстѣ! воскликнула въ страхѣ старуха. — Палашка! Палашка! поди сюда, дура, взлѣзь поскорѣй на стулъ, да сними вонъ съ того шестка два пучечка травы... Ну, бѣги теперь въ кухню, спроси мѣдный чайникъ у Прасковьи и неси его въ ту комнату... Что̀, печка еще топится?

— Топится.

— Ну, хорошо; такъ бѣги же, смотри, скорѣй... Напою его, Софья Ивановна, тепленькой бузиной, авось Господь не попуститъ такой бѣды...

Минуту спустя, Марья Петровна сидѣла передъ печкой, заставляя рябую Палашку мѣшать цѣлебныя трàвы и въ то же время твердя молитвы. Софья Ивановна, вмѣстѣ съ поручицей, все еще вязавшей чулокъ, расположилась подлѣ нея. Первая не переставала повторять сосѣдкѣ свои опасенія, подтверждая ихъ каждый разъ случаемъ съ Егоромъ Ивановичемъ Рѣдечкинымъ.

А между тѣмъ буря попрежнему свирѣпствовала на улицѣ, вѣтеръ жалобно завывалъ вокругъ всего дома и дождь безмилосердно барабанилъ въ окна; заунывный голосъ Змѣйки также иногда раздавался за окномъ, вторя мрачному напѣву бурной, осенней ночи... Вода въ чайникѣ начинала уже закипать, когда въ комнату неожиданно вбѣжала Ѳекла; комки мокраго снѣгу, покрывавшіе голову и плечи бабы, свидѣтельствовали, что она не подумала даже второпяхъ отряхнуться и обчиститься въ сѣняхъ; лицо ея изображало сильную тревогу. Марья Петровна, увидя ее, раскрыла ротъ, глаза, и осталась какъ окаменѣлая въ этомъ положеніи; Софья Ивановна одна не растерялась.

— Что̀ ты? спросила она, поднимаясь на ноги.—Вѣрно что-нибудь случилось?..

— Бѣда, матушка-барыня! проговорила скотница, размахивая руками и посылая при этомъ случаѣ брызги воды на обѣихъ старухъ.—Старикъ-атъ никакъ совсѣмъ отходитъ!..

— Божья Матерь, св. Сергій угодникъ... простонала наконецъ помѣщица.

— Ну, Марья Петровна, не говорила ли я вамъ, что это будетъ? произнесла торжественно сосѣдка.

Digitized by Google

— Охъ, что-жъ мнѣ съ нимъ дѣлать?

— А вотъ что, вымолвила опять Софья Ивановна, энергически махнувъ рукой,—по-моему, просто-напросто, прикажите-ка скорѣй отвезти его на дорогу, да пусть идетъ себѣ умирать куда хочетъ!..

— Вѣстимо, матушка-барыня, возразила Ѳекла, поливая барыню, какъ изъ лейки, — оно что̀ про то говорить, время ненастное, да все же лучше отослать его до грѣха...

— Видите, Марья Петровна, перебила сосѣдка, — вамъ даже это говоритъ простая мужичка... что̀ вы дѣлаете? Помилосердуйте... послушайте меня... я вамъ добра желаю... Посудите сами, время праздничное, подумаютъ еще, какъ слѣдствіе затѣется, что его здѣсь и убили у васъ; прикажите его, говорю вамъ, отвезти скорѣе. Богъ съ нимъ, своя рубашка ближе...

Марья Петровна минуту цѣлую ничего не могла отвѣчать; глаза ея были устремлены на лампадку, висѣвшую въ углу передъ образомъ, и, казалось, все существо ея переселилось мысленно на кончикъ свѣтильни. Наконецъ, она обратила добродушное лицо свое къ Ѳеклѣ и сказала болѣе твердымъ голосомъ:

— Бѣги скорѣй къ старостѣ, скажи ему, чтобы велѣлъ запрячь телѣжку, да отвезъ бы старичка куда ему надо... охъ! Да вели ему дать, бѣдненькому, пирожка на дорогу... Постой, вотъ я волью въ посудинку бузины... пусть прежде напьется хорошенько горяченькаго... Палашка! Вынь ей также бѣлый хлѣбецъ изъ кладовой... а ты, Ѳекла, ступай сюда (тутъ она ввела бабу въ „аптеку“), на̀ тебѣ мазь, скажи ему, чтобъ натиралъ грудь утромъ и вечеромъ... Охъ! Съ нами крестная сила!.. Ну, ступай, ступай... Господь съ тобою!..

Получивъ что̀ слѣдовало, Ѳекла заблагоразсудила напередъ всего забѣжать домой и поглядѣть на старика. Она увидѣла его распростертаго, какъ прежде, на полу, безъ малѣйшаго признака жизни.

Замѣтивъ, однакожъ, послѣ внимательнаго разсмотрѣнія, легкое колебаніе рубашки на груди страдальца, она перекрестилась, поставила фонарь и ношу свою на окно и сломя голову кинулась къ старостѣ.

Изба Демьяна была полна народу, и прежде чѣмъ Ѳекла достигла „краснаго угла“, гдѣ дребезжалъ, какъ струна бойкаго шерстобита, голосъ старостихи, она должна была

Digitized by Google

протискаться сквозь густую толпу бабъ, дѣвокъ, ребятъ, мужиковъ. Хозяйка дома, краснощекая, румяная баба, стояла противъ дюжаго, багроваго мельника, кланялась ему низменно и упрашивала откушать еще пирожка; она не обращала ровно никакого вниманія на то, что столъ передъ мельникомъ былъ покрытъ грудами съѣстного; еще менѣе заботилась старостиха о томъ, что кусочки лепешекъ, пироговъ и коровая, за неимѣніемъ другого мѣста, покоились гуськомъ на колѣняхъ именитаго гостя; она только кланялась, да приговаривала:

— Да пожалуйце, да покорнѣйще прошу, да откушайце...

На что гость отвѣчалъ, отдуваясь какъ быкъ:

— Много довольны... не обезсудьте... очень довольны...

— Да пожалуйце, продолжала хозяйка,—да хоть скушайце кусочекъ... вы мало чего получаете... изъ-подъ себя кусочекъ выкушайце...

— Много довольны, отвѣчалъ опять тотъ,—и такъ передо мной копной-съ наворочено...

Когда Ѳекла объявила во всеуслышаніе причину своего посѣщенія, въ избѣ поднялся такой страшный шумъ, что съ минуту можно было думать, что она разрушается до основанія; въ сѣняхъ послышалась давка, визгъ, пискотня... Не успѣла одуматься хозяйка, какъ уже изба ея опустѣла, остался только мельникъ; благодаря радушному пріему, одинъ онъ не въ силахъ былъ послѣдовать общему примѣру.

— Ахти, матушка! вскричала старостиха, всплеснувъ руками. — А вѣдь мужа-то нѣту дома... знать, загулялъ гдѣ... постой, я побѣгу за нимъ... поди ты, дѣло-то какое!..

Не дожидаясь приготовленій старостихи, Ѳекла стремглавъ понеслась домой. Она до того была занята своимъ дѣломъ, что на поворотѣ улицы не замѣтила двухъ пьяныхъ мужиковъ, лежавшихъ въ лужѣ поперекъ дороги, и чуть не шлепнулась черезъ нихъ со всего размаху; услыша неожиданно голосъ старосты, она подбѣжала къ одному изъ нихъ и, толкая его, принялась-было передавать ему приказаніе барыни; но тщетны были ея старанія: Демьянъ ничего и слышать не хотѣлъ. Обнявъ крѣпко-накрѣпко свата своего Стегнѣя, онъ только лобызалъ его въ бороду, повторяя: „Сенька, Сенька, запой! запой!..“ вслѣдствіе чего сватъ раскрывалъ ротъ наибезобразнѣйшимъ образомъ, испуская сиплый, раздирающій звукъ,—только то и было.

Digitized by Google

Видя, что толку не доищешься, Θекла поспѣшно подобрала подолъ и продолжала путь. Народъ, извѣщенный случаемъ, валилъ на скотный дворъ со всѣхъ сторонъ и успѣлъ уже натискаться въ избу вплоть до самыхъ сѣнечекъ. Никто, однакожъ, изъ толпы, окружавшей бѣдняка, не трогался съ мѣста; всѣ глядѣли на него, вылупивъ глаза, съ какимъ-то притупленнымъ любопытствомъ, и только глухой ропотъ пробѣгалъ иногда съ одного конца избы до другого. Старикъ лежалъ попрежнему на соломѣ; ему какъ будто опять отлегло. Ошеломленный шумомъ, смотрѣлъ онъ въ недоумѣніи на толпу, его окружавшую. Казалось, тяжкое предчувствіе того, что̀ должно было случиться, начинало уже, мало-по-малу, забираться въ его душу; но когда Θекла, продравшись къ нему, тряхнула его за руку и сказала: „а что, старикъ, тебѣ, кажись, опять легче стало? Вставай!“ все разомъ прояснилось передъ нимъ. Судорожный трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ его жиламъ. Онъ не сказалъ, однакожъ, ни слова. Медленно, съ неимовѣрными усиліями, приподнялся онъ, съ помощію рукъ, на колѣни, и только раздирающій вздохъ отвѣтилъ на шумъ толпы, поднимавшійся все сильнѣй и сильнѣй.

— Постой, дядя, я те помогу привстать-то, вымолвилъ, наконецъ, дюжій мужикъ, выступая впередъ и пропуская коренастую руку подъ плечо больного.—Митроха, примолвилъ онъ, толкнувъ локтемъ молодого парня, — подсоби! Чего стоишь, ротъ-то разинулъ?

Старика поставили кой-какъ на ноги. Кружокъ значительно расширился.

— Вотъ что, старикъ, начала Θекла, заглядывая ему пристально въ лицо, — ступай-ка ты лучше отъ насъ съ Богомъ, мы те проводимъ, а то пришелъ ты, Господь тебя знаетъ, отколѣ... неравно еще бѣда съ тобой случится, всѣмъ намъ хлопотъ наживешь... ступай, до грѣха...

— Вѣстимо, перебила какая-то близъ стоявшая старушка, обращаясь къ бобылю,—погляди-ка, касатикъ, на себя, вѣдь на тебѣ лица нѣтъ, родимый, того и смотри, Богу душу отдашь.

— И то, замѣтилъ дюжій мужикъ, все еще поддерживавшій старика, — ишь уже ноги-то какъ трясутся... и всего инда дрожь пронимаетъ... ступай-ка лучше отъ насъ до бѣды... ты помрешь, тебѣ что, а намъ отъ суда-то житья не будетъ, дѣло знамое: ишь у те какъ глаза-то посоловѣли... ступай, дядя [illegible] насъ, пра, ступай...

Digitized by Google

— Да что вы съ нимъ больно кобянитесь, послышался чей-то голосъ,—ведите его, и все тутъ; чего ждете? небось хотите, чтобъ померъ, да всѣмъ бѣду накликалъ!..

— Погодите! закричала Ѳекла. — Барыня велѣла ему дать мази на грудь... Старикъ, гдѣ у тебя сума-то? Старикъ!..

— Ась?

— Мѣшокъ гдѣ?

— А!..

— Здѣсь, здѣсь! закричало нѣсколько голосовъ, и въ то же время множество рукъ протянулось къ Ѳеклѣ съ сумою.

— Погодите, продолжала Ѳекла,—барыня велѣла еще положить туда хлѣбъ бѣлый, да лѣкарство; ну, дядюшка, а посудинка гдѣ твоя?.. Эй, тётки, крикнула она, — за вами, кажись, на окнѣ посудинка стоитъ... Да что вы тискаетесь, черти, словно угорѣлые, чего не видали? Эки безстыжіе какіе!.. (При этомъ Ѳекла начала угощать подзатыльниками дѣвчонокъ и мальчишекъ, карабкавшихся подъ ея ногами).

— Кажись, все теперь, прибавила она, торопливо надѣвая мѣшокъ на плечи старика и нахлобучивая ему на глаза шапку. — Ну, теперь Господь съ тобой, дядюшка!.. Ступай отъ насъ!..

Старикъ медленно поднялъ костлявыя сухія руки свои къ головѣ и стащилъ шапку; послѣ этого правая рука его еще медленнѣе поднялась кверху, и трепещущая, невѣрная кисть ея прильнула къ страдальческому челу, потомъ къ груди, и робко сотворила крестное знаменіе.

Ѳекла снова помогла ему надѣть шапку; тогда дюжій мужикъ толкнулъ еще разъ Митроху, и, приподнявъ старика подъ руки, повелъ его вонъ изъ избы. Опустивъ голову, бѣднякъ безмолвно протащился въ сѣни, преслѣдуемый шумною толпой, которая чуть не сшибала съ ногъ его вожаковъ, ругавшихся на всѣ бока; но когда его вывели на улицу, когда неумолимый дождь началъ снова колотить его въ бока и спину, когда студеныя лохмотья рубашки, раздуваемыя свирѣпымъ вѣтромъ, начали хлестать въ его изнуренную грудь, старикъ поднялъ голову и помертвѣлыя уста его невнятно прошептали о пощадѣ; но яростное завываніе бури заглушало слова страдальца, и его повлекли прямо къ околицѣ.

Вскорѣ не стало старика въ сельцѣ Комковѣ, и толпа,

Digitized by Google

его провожавшая, снова загуляла на славу; и долго потомъ громкіе крики веселившагося народа раздавались на улицѣ, долго еще слышались во всѣхъ ея концахъ звонкія залихватскія пѣсни, говоръ и дружный, безпечный хохотъ, пока, наконецъ, глубокая полночь не прогнала хмельныхъ обывателей въ теплыя избы, на полати и печи. Все понемногу стихло и смолкло. Одинъ лишь свирѣпый вѣтеръ, пробѣгая по кровлямъ и заборамъ, подымалъ свой пронзительный голосъ въ тишинѣ ночи, да изрѣдка вторило ему, съ барскаго двора, протяжное завываніе Змѣйки, которую не могли никакъ отогнать караульщики...

. . . . . .

На другой день утромъ Софья Ивановна собралась ѣхать домой. Не взирая ни на какія убѣжденія со стороны Марьи Петровны, упрашивавшей Христомъ-Богомъ сосѣдку погостить еще денечекъ, она осталась непоколебимою въ своемъ намѣреніи. Дѣлать было нечего; велѣно было рябой Палашкѣ приказать кучеру запрячь каурую кобылу. Къ полудню старинныя дрожки Марьи Петровны бойко подкатили къ крыльцу, при чемъ рыжій Степка, сидѣвшій кучеромъ (отецъ злополучнаго Ѳетиски находился еще въ разслабленномъ состояніи послѣ вчерашняго праздника), поглядѣлъ на дворовыхъ, столпившихся у застольной, какъ бы похваляясь передъ ними своею удалью. Когда обѣщанный кулечекъ съ картофелемъ былъ привязанъ бѣлобрысою Палашкой къ экипажу, Софья Ивановна, закутанная съ головы до ногъ, стала усаживаться на дрожки, поддерживаемая лакеемъ Ѳедоромъ, у котораго все лицо, отъ стужи ли, или отъ чего другого, было покрыто синяками. Марья Петровна, стоявшая съ поручицей-приживалкой на крыльцѣ, готовилась уже спуститься внизъ, чтобы въ послѣдній разъ поцѣловать дорогую сосѣдку, какъ въ это самое время, откуда ни возьмись, появился передъ нею староста. На лицѣ Демьяна не было и слѣда вчерашней гулянки; оно выражало однѣ лишь тяжкія заботы.

— Что ты, Демьянъ? спросила помѣщица.

— Да къ вашей милости, матушка Марья Петровна, отвѣчалъ онъ съ поклономъ, — вечоръ, матушка, приходилъ сюда хворый мужикъ, такъ вы его отослать приказали... Ну, слава Богу, сударыня, что отдѣлались мы отъ него... такую было бѣду заварилъ.

— Что такое? вымолвила съ безпокойствомъ старушка.

Digitized by Google

— Да что, матушка Марья Петровна, сюда пріѣхалъ на мельницу мужикъ изъ Орѣшкова, сказывалъ, старика-то вишь нашли у нихъ нынче къ разсвѣту, на межѣ, мертваго... Пошли, говоритъ, ихніе ребята за кольями, а онъ, сударыня, и лежитъ подлѣ самой-то межи, въ канавкѣ, словно, говоритъ, живой... подлѣ него мѣшокъ, шапка... сказывалъ мужикъ тотъ; къ нимъ и становой вишь пріѣхалъ... така-то, говоритъ, бѣда завязалась...

Софья Ивановна всплеснула руками и подпрыгнула на дрожкахъ; Марья Петровна прослезилась и подняла очи къ небу; одна лишь поручица прослушала все это съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ.

— Божія Матерь, св. Сергій угодникъ... Охъ! простонала, наконецъ, Марья Петровна.

Головка ея тряслась сильнѣе обыкновеннаго, и теплыя благодарственныя слезы текли по изсохшимъ ея щекамъ.

— Вотъ то-то, произнесла ей сосѣдка, размахивая руками,—теперь, небось, сами, Марья Петровна, благодарите Бога, а вчера, помните ли? и слушать меня не хотѣли... ну, не предупреждала ли я васъ, а? а вы еще хотѣли оставить его у себя... ну, да слава Царю небесному, что это дѣло такъ благополучно для васъ окончилось, очень рада... Прощайте, душенька Марья Петровна, благодарю за хлѣбъ за соль, да къ намъ въ Закуряево скорѣй пріѣзжайте погадать въ карточки... Прощайте!..

И дрожки укатились, унося съ собою помѣщицу, добрую мѣру картофеля и цѣлый коробъ новостей, которыя Софья Ивановна поспѣшитъ сообщить другой своей благодѣтельницѣ, куда и приказываетъ немедля направить путь рыжему Степкѣ.

1847 г.

Digitized by Google

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ СУСЛИКОВЪ.

(повѣсть.)

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, городъ Б*** находился въ страшномъ волненіи. Одинъ изъ самыхъ богатыхъ обывателей этого города, Алкивіадъ Степанычъ Кулындинъ, получилъ извѣстіе, что одно довольно значительное лицо, приходящееся ему нѣсколько сродни, проѣздомъ остановится у него въ домѣ. Супруга Алкивіада Степаныча, Софья Кириловна, тотчасъ же приказала заложить карету и поспѣшила сообщить новость пріятельницамъ; тѣ, разумѣется, точно такимъ же порядкомъ передали ее своимъ, а тѣ опять-таки своимъ. Самъ Алкивіадъ Степанычъ, не медля ни минуты, далъ знать о событіи мѣстному начальству, которое, въ свою очередь, передало вѣсть женамъ, тѣ опять другимъ пріятельницамъ, такъ что въ самое короткое время весь городъ узналъ о неожиданной новости. Все засуетилось. Со всѣхъ сторонъ показались озабоченныя лица; у мужчинъ заботливость эта, неизвѣстно почему, выразилась вдругъ значительнымъ пожиманіемъ бровей и обращеніемъ губъ въ трубу; у дамъ обозначилась она радостными улыбками и той суетливостью, какая предвѣщаетъ всегда появленіе чего-нибудь необыкновеннаго, торжественнаго. Но не въ томъ дѣло; уже во всѣхъ концахъ города гремѣли коляски, рыдваны, дрожки, тарантасы, разлюли; многочисленные экипажи

Digitized by Google

направлялись, однакожъ, сколько извѣстно, преимущественно къ двумъ только пунктамъ: тѣ, въ которыхъ сидѣли мужчины, стремглавъ летѣли къ подъѣзду Алкивіада Степаныча; другіе, занятые дамами, направились къ голубому домику, украшенному надписью: „Госпожа Трутру изъ Парижа, Modes“, съ прибавленіемъ внизу русскими буквами: „Нувоте“. Не мѣшаетъ замѣтить, что Софья Кириловна, въ разговорахъ съ пріятельницами, намекнула вскользь о балѣ, который думаетъ дать ея мужъ, въ честь дорогого родственника. Въ то время, когда каждый занимался своимъ дѣломъ, мѣстное начальство съѣзжалось къ Кулындинымъ, а жены осаждали г-жу Трутру, городъ Б***, забытый всѣми, рѣшился показать, что онъ не хуже другихъ и, въ случаѣ надобности, можетъ точно такъ же пригладить свою будничную наружность и пощеголять передъ гостемъ: улицы вдругъ очистились, обвалившіеся заборы отнеслись на задворья, домостилась площадь, ворота окрасились свѣжею масляною краской, и съ такою тщательностью, что даже не было никакой возможности отогнать отъ нихъ собакъ, привлекаемыхъ вѣроятно столько же искусствомъ маляра, сколько необыкновенною свѣжестью колеровъ. Городъ Б***, украсивъ, такимъ образомъ, свои главныя улицы (объ остальныхъ онъ и не заботился), перещеголялъ даже многихъ обывателей мужескаго пола, которые, несмотря на парадный видъ, очень походили на вымоченныхъ курицъ. Появленіе дорогого посѣтителя возбуждало такое любопытство, что одинъ толстенькій, коротенькій обыватель, съ крутымъ брюшкомъ и круглою головой, помѣстился у самой заставы, чтобы только прежде другихъ посмотрѣть ему въ лицо; онъ то и дѣло щурилъ масляные свои глазки по направленію къ большой дорогѣ, подымался на цыпочки и, приложивъ жирную ладонь ко лбу, въ видѣ зонтика, удвоивалъ вниманіе, каждый разъ, какъ въ той сторонѣ показывалась пыль...

Пріѣздъ родственника Кулындиныхъ подѣйствовалъ, однакожъ, сильнѣе всего на Николая Платоныча Сабанѣева. Лицо его отразило почти въ одно и то же время всѣ разнохарактерныя выраженія, какія только неожиданная вѣсть могла разбросать на лица остальныхъ обывателей города. Онъ то улыбался, то сердито хмурилъ густыя свои брови, то вдругъ опять самодовольная улыбка появлялась на губахъ его; онъ [illegible]ъ съ озабо-

Digitized by Google

ченнымъ видомъ взадъ и впередъ по кабинету, трепалъ себя немилосерднѣйшимъ образомъ за высокіе воротнички (въ то время носили еще высокіе воротнички), взъерошивалъ волосы и радостно потомъ потиралъ руки. Николай Платонычъ, точно такъ же какъ пріятель его Алкивіадъ Степанычъ,—обыватель города Б***, обыватель съ достаткомъ, съ вѣсомъ. Сверхъ того, онъ былъ еще и содержателемъ театра. Нечего упоминать, что полу-нищіе антрепренеры, таскающіеся по ярмаркамъ и уѣздамъ съ оборванною труппою, такъ же походили на него, какъ актеръ, представляющій Цезаря на сценѣ, похожъ на настоящаго Цезаря. Николай Платонычъ не только не имѣлъ въ виду гнусной корысти, но даже охотно жертвовалъ каждый годъ изъ своего кармана на улучшеніе и содержаніе театра, который въ самомъ дѣлѣ представлялъ всѣ совершенства, какихъ только можно ожидать въ провинціи. Особенно оркестръ обращалъ на себя вниманіе г. Сабанѣева. Николай Платонычъ былъ самъ музыкантъ, меломанъ въ душѣ и даже композиторъ по призванію,— главная причина, заставившая его, какъ утверждали многіе, взяться за управленіе театромъ. Что онъ такое компоновалъ, опредѣлить трудно, потому что кромѣ огромной оперы, надъ которой трудился онъ неусыпно десять лѣтъ сряду въ своемъ кабинетѣ, изъ-подъ пера его вышли двѣ только пьесы, маршъ и русская пѣсня; но, во всякомъ случаѣ, избранное общество города Б*** очень хорошо дѣлало, сохраняя высокое мнѣніе о его талантѣ и музыкальныхъ познаніяхъ. Уже одна наружность Николая Платоныча свидѣтельствовала если не совсѣмъ геніальнаго человѣка, то ужъ, конечно, натуру необыкновенную. Маленькая, подвижная фигурка, какъ будто разбитая когда-то вдребезги и склеенная потомъ неопытнымъ мастеромъ, увѣнчивалась огромною головой, казавшеюся втрое еще больше отъ сѣрыхъ, сухихъ волосъ, встрепанныхъ самымъ неистовымъ образомъ; лицо Николая Платоныча, свойства желчнаго, представляло одни только глубокія впадины и выступы; между послѣдними особенно отличались энергическій носъ, загнутый клювомъ, и четырехугольный подбородокъ, рѣдко выбритый; одну изъ самыхъ рѣзкихъ особенностей композитора составляла небрежность туалета. Николай Платонычъ находился вѣчно въ какомъ-то волненіи: глядишь—сѣлъ; не успѣешь отвернуться—какъ уже быстро расхаживаетъ по комнатѣ,

Digitized by Google

покручивая головой, взъерошивая волосы и мурлыча что-то подъ носъ. Сухощавые, но жилистые и крѣпкіе его члены подергивались безпрерывно судорожными движеніями; онъ никогда не оставался въ покоѣ; взглянувъ на него, дѣйствительно можно было повѣрить, что въ немъ, какъ самъ онъ утверждалъ, сидѣла цѣлая дюжина огнедышащихъ горъ. Николай Платонычъ говорилъ разбитымъ, надорваннымъ голосомъ; но это потому, что онъ никакъ не могъ побѣдить въ себѣ горячку и спорилъ до упаду съ встрѣчнымъ и поперечнымъ о музыкѣ и своихъ произведеніяхъ, несмотря на ежедневную клятву обращаться съ такимъ предметомъ къ однѣмъ дамамъ. Г. Сабанѣевъ не бѣгаетъ дамскаго общества; напротивъ того, присутствіе прекраснаго пола какъ-то вдохновляетъ, воодушевляетъ композитора; между женщинами и артистами существуетъ уже издавна сродство: однѣ нѣжныя, мягкія души способны понимать другъ друга. Не всѣ, однакожъ, согласятся съ этимъ: одна молоденькая дама не раздѣляла общаго сочувствія къ Николаю Платонычу; она увѣряла даже, будто русская пѣсня и маршъ знакомы ей еще съ дѣтства и не принадлежатъ его генію; но это несправедливо; и Николай Платонычъ былъ въ правѣ продолжать отзываться о ней дурно, несмотря на то, что уже прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, и молоденькая дама успѣла съ того времени родить сына и опредѣлить его въ пансіонъ; впрочемъ, дама была музыкантша: это объясняетъ лучше другого ея вражду къ композитору. Пора, однакожъ, объяснить, какимъ образомъ, при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, повидимому, совершенно частныхъ, пріѣздъ гостя такъ сильно могъ подѣйствовать на директора театра. Нѣсколько мѣсяцевъ до начала разсказа, въ гостиныхъ города Б*** распространился слухъ, что Николай Платонычъ подводитъ къ концу свою оперу и рѣшился наконецъ подарить Б*** общество нѣсколькими выдержками; но слухи, подтвержденные самимъ авторомъ, почему-то не состоялись; слышно только было, что репетиціи дѣлались каждый день, и оркестръ, управляемый старымъ капельмейстеромъ Сусликовымъ, просиживалъ съ утра до вечера въ театрѣ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Алкивіадъ Степанычъ не получилъ вѣсти о прибытіи въ Б*** своего родственника. Нечего распространяться о томъ, какъ обрадовался Николай Платонычъ случаю, позволяющему показать постороннему лицу, да

Digitized by Google

еще значительному, театръ во всемъ его блескѣ; что же въ самомъ дѣлѣ могло быть выгоднѣе для славы провинціальнаго театра выдержекъ изъ совершенно новой, оригинальной оперы, написанной притомъ самимъ директоромъ? Онъ распорядился отлично: изъ выдержекъ составился цѣлый дивертиссементъ, съ хорами, танцами и пѣніемъ. Судя по репетиціямъ, дивертиссементъ подавалъ надежду пройти очень удовлетворительно. Съ этой стороны Николай Платонычъ былъ совершенно спокоенъ. Съ другой стороны (и что очень естественно), его терзало то тревожное чувство, которое суждено испытывать каждому артисту, выставляющему на судъ публики свое произведеніе, даже и тогда, когда существуетъ твердая увѣренность въ его успѣхѣ и достоинствѣ.

Въ такомъ-то неопредѣленномъ состояніи духа Николай Платонычъ сѣлъ въ карету и поѣхалъ на репетицію.

II.

Репетиція еще не начиналась. На слабо-освѣщенной сценѣ толпилась уже почти вся труппа. Подлѣ оборванныхъ кулисъ, на лавочкѣ, изображающей лодку, сидѣло нѣсколько женщинъ, вязавшихъ чулокъ; кое-гдѣ, въ потемкахъ, въ глубинѣ театра, между холстяными полосами, представляющими швейцарскую долину, слонялись изъ угла въ уголъ хористы, актеры и статисты. На темномъ этомъ полѣ четко обозначалась фигурка молоденькой сухощавой женщины, освѣщенная сбоку лампою; на ней было коротенькое танцовальное платье; ухватившись одною рукой за кулису, она мѣрно размахивала лѣвою ногой и упражнялась въ батманахъ; неподалеку отъ нея стоялъ, вывернувъ носки и приложивъ пятку къ пяткѣ, человѣкъ лѣтъ тридцати, коренастый, съ завитками на головѣ, въ бѣлой холстяной куртцѣ и такихъ же панталонахъ; онъ плавно разводилъ руками и, сгибая колѣни, дѣлалъ пліе за пліе. Между ними, какъ маятникъ, ходилъ взадъ и впередъ черезъ всю сцену толстый трагикъ труппы, съ синеватымъ, отекшимъ лицомъ, посреди котораго высовывался носъ, похожій на пузырекъ съ бакаломъ; вся краска съ широкаго лица его постепенно сходила къ этому носу, который въ самомъ дѣлѣ былъ такъ красенъ, что, казалось, какъ будто кровь всего тѣла устремилась туда и разъ навсегда остановилась въ немъ. Заложивъ обѣ руки за спину, закинувъ назадъ голову, онъ поминутно

Digitized by Google

останавливался, подымалъ опухшіе глаза свои къ холстянымъ облакамъ, болтавшимся на потолкѣ, издавая раздирающія восклицанія, явно относившіяся къ роли, потому что никто не обращалъ на нихъ вниманія. На переднемъ планѣ сцены, подлѣ темнаго оркестра, изъ котораго выглядывали глянцовитыя лысины и головы музыкантовъ, ярко освѣщенныя свѣчками, прикрытыми колпаками, сидѣла на позлащенномъ картонномъ стулѣ примадонна въ шляпкѣ и бархатномъ бурнусѣ; подлѣ нея увивался вертлявый режиссеръ съ гладко-прилизанными волосами и такою лоснящеюся физіономіей, какъ будто ее только что вымазали постнымъ масломъ. Говоръ, шушуканье и хохотъ, слышавшіеся со всѣхъ сторонъ, перебивались иногда бранью бородатыхъ мужиковъ, тащившихъ съ крикомъ и гамомъ лѣсъ или гору; иногда вся сцена, отъ колосниковъ до преисподней, наполнялась яростными, сухими раскатами грома, который машинистъ приводилъ въ движеніе ради пробы; съ другой стороны внезапно раздавались удары молотковъ или слышался пронзительный свистъ искусственнаго вѣтра; были минуты, гдѣ весь этотъ шумъ, смѣшиваясь съ говоромъ, пискомъ, визгомъ, дополняемый звуками инструментовъ, которые настраивали въ оркестрѣ, производилъ такую кутерьму, что примадонна затыкала уши и топала ногою, при чемъ режиссеръ бѣгалъ по сценѣ, хлопалъ въ ладоши и кричалъ: „Тише! тише!..“

Въ одну изъ такихъ минутъ послышалось вдругъ шиканье, и кто-то неистово крикнулъ изъ-за кулисъ:

— Николай Платонычъ! Николай Платонычъ!

Все разомъ смолкло.

— Позвать Сусликова! произнесъ почти въ то же время разбитый, хриплый голосъ, и содержатель театра, взъерошивая себѣ волосы, торопливо вошелъ на сцену.

Всѣ присутствующіе, кромѣ примадонны, повскакали съ своихъ мѣстъ и поклонились.

— Здравствуйте, здравствуйте, говорилъ Николай Платонычъ, направляясь прямо къ примадоннѣ,—здравствуйте, Глафира Львовна. Ну, матушка, новости! Всѣ сюда, всѣ! продолжалъ онъ, становясь спиною къ оркестру и нетерпѣливо махая рукою.—Горковенко, собрать всѣхъ ко мнѣ!

Режиссеръ засуетился; вмигъ труппа окружила Сабанѣева; даже коренастый господинъ, въ бѣлой курточкѣ, съ завитками на головѣ, пересталъ упражняться въ „пліе“

Digitized by Google

и, помощью вывороченныхъ, гусиныхъ ногъ своихъ, сталъ подбираться къ общей группѣ.

— Сегодня спектакля не будетъ, началъ содержатель театра, обращаясь, однакожъ, къ одной примадоннѣ, — завтра идетъ полный дивертиссементъ изъ моей оперы, тотъ самый, который мы репетировали: сначала третій нумеръ, потомъ хоръ Вятичей и Радимичей и русская арія Миловиды. (Тутъ онъ самодовольно покрутилъ головою, и, наклонившись къ Глафирѣ Львовнѣ, пошепталъ ей что-то на ухо).—Горковенко! выставить крупными буквами на завтрашней афишѣ имя Глафиры Львовны, да составить скорѣй афишу; пьесы оставь, какія были назначены; главное—надо успѣть еще разъ прорепетировать дивертиссементъ. Смотрите же, продолжалъ онъ, повертываясь наконецъ лицомъ къ труппѣ,—не плошать у меня завтра, особенно ты, смотри! У-у-у!.. (Тутъ онъ съ нѣкоторою строгостью посмотрѣлъ на трагика съ пузыремъ бакана вмѣсто носа, который стоялъ потупя голову и глядѣлъ исподлобья).—А что жъ Сусликовъ? Горковенко, скоро ли?..

Горковенко метнулся за кулисы, но чуть было не шлепнулся со всего размаху, столкнувшись съ Сусликовымъ, который въ страшныхъ попыхахъ бѣжалъ на сцену. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, средняго росту, сухощавый, жиденькій, кисленькій, вида самаго кроткаго, смирнаго, отчасти немного даже глуповатаго; крошечное лицо его, усыпанное красными и синими жилками, скорѣе склонялось книзу, чѣмъ закидывалось кверху; сѣренькіе глаза, лишенные рѣсницъ, постоянно слезившіеся, заслонялись большими круглыми очками въ оловянной оправѣ, скрѣпленной кое-гдѣ черными нитками. Широкая лысина, сливающаяся непосредственно съ низенькимъ лбомъ и обнажавшая все темя, вплоть до того мѣста, гдѣ затылокъ упирался въ воротникъ сюртука, обрамлялась съ боковъ жиденькими пучечками сѣдыхъ волосъ, зачесываемыхъ обыкновенно Сусликовымъ на самую лысину справа налѣво. Одежду его составляли ветхій бумажный галстукъ, полосатый жилетъ, упорно подбиравшійся къ подбородку, и классическій длиннополый сюртукъ гороховаго цвѣта, сдѣлавшійся уже почему-то неизбѣжной принадлежностью всѣхъ старыхъ театральныхъ музыкантовъ. Оправивш немного послѣ ошибки съ Горковенкой, Сусликовъ п жалъ къ Сабанѣеву и, сложивъ по обыкновенію с обѣ ладони къ животу, -три-погибели.

Digitized by Google

— Куда это ты вѣчно забѣжишь, что тебя собаками надо отыскивать? Гдѣ ты былъ до сихъ поръ? спросилъ Николай Платонычъ, закидывая руки назадъ.

— Я-съ, насчетъ... все... маленечко... Николай Платонычъ, началъ было Сусликовъ, да замялся и окончилъ оправданіе новымъ поклономъ.

— Ну, ну, хорошо, хорошо, перебилъ содержатель театра. — Все пьешь! заключилъ онъ, насупивъ брови. — Завтра идетъ дивертиссементъ; чтобъ все у тебя было исправно. Смотри, Сусликовъ: я знаю, кто тебя подбиваетъ, прибавилъ онъ, грозя пальцемъ трагику, который тотчасъ же принялъ мрачный видъ, — все ли у тебя въ оркестрѣ какъ слѣдуетъ, а?..

— Все-съ, возразилъ Сусликовъ,—вотъ только, Николай Платонычъ, гобойчикъ развѣ...

— Что такое? живо перебилъ содержатель театра.

— Да захворалъ какъ словно маленечко...

— Что жъ ты мнѣ прежде не сказалъ этого? а? а? ну, что жъ ты стоишь? надо поскорѣй дать знать Алкивіаду Степанычу и просить, чтобъ онъ одолжилъ своего гобоиста на завтра. — Куда? куда-а-а? погоди, послѣ, теперь надо пройти дивертиссементъ... я самъ пошлю потомъ: ступай! да живо настроить оркестръ!

Николай Платонычъ говорилъ „ты“ всѣмъ артистамъ безъ различія; но тыканье его отнюдь не было грубо и оскорбительно; напротивъ того, въ немъ заключалось что-то нѣжное, отеческое, способное скорѣй размягчать, чѣмъ оскорблять сердце того, къ кому оно относилось. Черезъ нѣсколько минутъ лысина Сусликова показалась посрединѣ оркестра, и началась репетиція. Прежде всего пошла русская арія Миловиды, главная пьеса дивертиссемента.

— Тише! Сусликовъ, тише! кричала, топая ногами, Глафира Львовна, когда не хватало у ней голоса, чтобы покрыть весь оркестръ.

— Тише же, тише, вы! повторялъ примирительнымъ тономъ авторъ, самодовольно проводя ладонью по волосамъ.—Тра, та, та, та!..

Тутъ онъ ударялъ въ тактъ ладошами, и, когда оркестръ начиналъ играть, принимался снова расхаживать по сценѣ, закинувъ назадъ руки.

— Громче, громче! Что это, я просто пѣть не могу! Громче, говорятъ! отчаянно кр[illegible] примадонна каж-

Digitized by Google

дый разъ, какъ обрывалась у ней нота, и она чувствовала, что не дотянетъ ея до конца.

— Ну, громче же, громче! подхватывалъ композиторъ.

Наступила очередь танцовщицы.

— Скорѣе! скорѣе! кричала она, опасаясь кончить пируэтъ прежде музыки,—скорѣй! Тише теперь, тише! продолжала она, становясь въ аттитюдъ, въ которомъ выгодно выказывались ея плечи.

Затѣмъ послѣдовала казацкая пляска, исполненная танцовщицей и тѣмъ самымъ господиномъ съ вывернутыми ногами и завитками на головѣ, который упражнялся въ „пліе“; потомъ дѣло дошло до комическаго танцора Розанцева, который долженъ былъ пройти свой знаменитый англійскій комическій па подъ названіемъ „horn pipre“; затѣмъ выступили впередъ хористы, и началась проба еще одной выдержки изъ оперы директора: хоръ Вятичей и Радимичей; но тутъ уже самъ авторъ принужденъ былъ нѣсколько разъ останавливать оркестръ, чтобы мылить капельмейстеру голову. Николай Платонычъ былъ, впрочемъ, очень доволенъ выполненіемъ своихъ выдержекъ, и если задавалъ Сусликову острастки, такъ единственно на томъ же основаніи, какъ одна баба, нѣжная мать, наказывала сына изъ убѣжденія, что побои-то для будущности пригодятся. Едва кончилась репетиція, появился Горковенко съ составленною афишею.

— Хорошо, сказалъ Николай Платонычъ, пробѣгая глазами. — А зачѣмъ же въ драмѣ назначенъ Переславскій вмѣсто Мускатицкаго, а? Выставить опять Мускатицкаго, да впередъ не умничать!

— Никакъ нельзя-съ, отвѣчалъ Горковенко.

— Что такое? Какъ нельзя?

— Никакъ не управишься, Николай Платонычъ; Мускатицкій даже на сцену сойти не могъ, мы водой его отливали въ уборной, насилу очнулся-съ...

— Позвать его сюда, притащить, пьяницу! о-о-о!.. твердилъ Николай Платонычъ, быстро расхаживая по сценѣ.

Спустя минуту, привели перваго любовника труппы, Мускатицкаго, высокаго, худощаваго, какъ щепку, человѣка съ неимовѣрно длинными бѣлобрысыми волосами, пропитанными водою и прилипавшими къ его лицу и шеѣ; на немъ было жиденькое прорванное твиновое пальто, составлявшее, впрочемъ, всегдашній и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный домашній гардеробъ перваго любовника.

Увидя передъ собою содержателя театра, Мускатицкій опустилъ глаза свои, тусклые какъ у вареной рыбы, и горько зарыдалъ, повторяя посреди всхлипываній, что его обидѣли.

— Спустить его подъ сцену, сказалъ Николай Платонычъ Горковенкѣ, — да сію жъ минуту снять съ него сапоги, чтобъ не убѣжалъ, а къ завтрашнему спектаклю все-таки выставить его на афишѣ... Ступайте!..

Сдѣлавъ такое распоряженіе, Николай Платонычъ снабдилъ еще кой-какими замѣчаніями артистовъ, пожалъ руку Глафирѣ Львовнѣ, далъ еще разъ поучительное наставленіе Сусликову, мимоходомъ погрозилъ трагику и, взъерошивая себѣ волосы, покинулъ, наконецъ, театръ, очень довольный своими выдержками. Вскорѣ сцена опустѣла; остались одинъ только первый любовникъ Мускатицкій, котораго жалобные вопли глухо раздавались подъ поломъ, да Сусликовъ, убиравшій въ оркестрѣ ноты. Наконецъ и капельмейстеръ вышелъ на подъѣздъ. Яркій солнечный свѣтъ такъ ошеломилъ его послѣ закулисныхъ потемокъ, что онъ невольно ухватился за лицо руками, при чемъ толстыя тетради нотъ, находившіяся у него подъ-мышкою, шлепнулись на-земь. Сусликовъ проворно раскрылъ глаза и, къ величайшему удивленію, увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя Анику Ѳедоровича Громилова, трагика труппы, того самаго, которому такъ часто грозилъ директоръ. Закинувъ одинъ конецъ шинели за плечо и драпируясь въ него наподобіе римскихъ трибуновъ, онъ мрачно глядѣлъ на афишу, возвѣщавшую о представленіи, только что отмѣненномъ директоромъ. Шумъ упавшихъ нотъ заставилъ его оглянуться въ ту сторону. Увидѣвъ капельмейстера, трагикъ подозвалъ его къ себѣ величественнымъ жестомъ. Сусликовъ поспѣшно подобралъ ноты и приблизился съ видомъ крайне оторопѣвшаго человѣка.

— Сюда, Семенъ, сюда, ко мнѣ! закричалъ трагикъ, хватая его обѣими руками за воротникъ сюртука и дергая такъ сильно, что тотъ едва держался на ногахъ. — Смотри (тутъ онъ указалъ ему на афишу), — видишь, опять она! опять ея имя напечатано выше моего, да еще крупными буквами! Тараторка проклятая! Ты слышалъ, какъ „онъ“ приказалъ Горковенкѣ напечатать ея имя еще повиднѣе... мало ей! Сюда ждутъ, вишь, важнаго человѣка, такъ боится, чтобъ не пропустилъ ея... Чай, опять раздастъ

Digitized by Google

„онъ“ цвѣтовъ да вѣнковъ своимъ людямъ, да велитъ имъ хлопать ей, что̀ есть мо̀чи... Глафира Цвѣтошникова! Эка диковинка! я небось и постарше ея, всѣ первыя роли играю въ трагедіяхъ, драмахъ, мелодрамахъ, комедіяхъ, да не выставляютъ Громилова крупными буквами, не бросаютъ вѣнковъ... Имячко-то Громилова почище ея, Громилова всѣ театры видали, всѣ! Да ничего! пусть ее выставляютъ, пусть! Громиловъ себя покажетъ! Громилову только обидно... „Но твердъ, изъ глазъ нѣтъ слезъ, изъ устъ не слышенъ стонъ!..“

Тутъ трагикъ оттолкнулъ далеко капельмейстера, ударилъ себя кулакомъ въ грудь и снова принялъ мрачный видъ.

— Охо-хошиньки, повторялъ Сусликовъ, обтирая безпрерывно лобъ, лицо и лысину клѣтчатымъ дырявымъ платкомъ.

— Семенъ, дай понюшку! отрывисто сказалъ трагикъ.

Сусликовъ пошарилъ въ карманѣ, поскрипѣлъ табакеркою и поспѣшно подалъ ее Громилову.

— Да, будь у меня деньги, продолжалъ Аника Ѳедорычъ,—я бъ имъ показалъ, какъ понукать Громиловымъ, я бъ имъ... Семенъ! прибавилъ онъ, величественно махнувъ рукой, — ступай за мной!..

— Куда жъ это мы такъ пойдемъ-то, Аника Ѳедорычъ? вымолвилъ капельмейстеръ, боязливо оглядываясь на стороны.

— Ступай за мной! торжественно заключилъ трагикъ, направляясь прямо къ трактиру, котораго вывѣска, съ надписью „Trakteur“, блистала въ отдаленіи.

— Аника Ѳедорычъ, миленькій, постой, Аника Ѳедорычъ, погоди, что̀ я скажу тебѣ... повторялъ Сусликовъ, стараясь всѣми силами удержать трагика за полы шинели.

— Ну, что?..

— Аника Ѳедорычъ... маленечко какъ будто ужъ поздноватенько... едва внятно произнесъ капельмейстеръ,—милый человѣкъ, погоди, что̀ я тебѣ скажу... домой пора...

— Полно врать, ступай за мной!..

— Охъ... да что жъ она-то, Арина-то Минаевна-то...

— А, такъ ты опять сталъ бояться ея? сказалъ Громиловъ, презрительно оглядывая Сусликова съ головы до ногъ. — Гдѣ она? подай мнѣ ее сюда!.. Ахъ ты! что жъ ты, мужъ что ли? али нѣтъ? а? Она тебя бьетъ, а ты ея боишься... Ахъ ты, тряпка ты этакая... Семенъ! за мной... идемъ!..

Digitized by Google

Идемъ на путь, предназначенный славой!..

Идемъ!.. И кто жъ, Семенъ, велѣлъ тебѣ жениться на этакомъ уродѣ?.. Нѣтъ!..

Не Гименей тамъ былъ, Мегера тамъ была!..

Ступай за мной!..

Трагикъ держалъ Сусликова за рукавъ; Сусликовъ уже не противился и ковылялъ за нимъ какъ школьникъ, котораго учитель поймалъ въ шалостяхъ и ведетъ сѣчь.

— Я тебя выучу, какъ бояться Арины Минаевны, повторилъ трагикъ, сжимая все крѣпче и крѣпче обшлагъ гороховаго сюртука,—ты у меня забудешь Арину Минаевну...

— Слабый человѣкъ, слабый человѣкъ, бормоталъ сквозь зубы капельмейстеръ,—охо... хошиньки... хохошиньки...

Наконецъ, они подошли къ трактиру.

— Ступай впередъ! сказалъ трагикъ, вталкивая Сусликова въ двери, несмотря на всѣ усилія послѣдняго, упиравшагося руками и ногами.

Четверть часа спустя, пріятели вышли изъ трактира и тутъ же на порогѣ разстались; путь каждаго изъ нихъ лежалъ въ противоположную сторону. Оставшись одинъ, Сусликовъ вздохнулъ свободнѣе и началъ оглядываться во всѣ стороны. Кругомъ все было тихо, нигдѣ живой души, и только глухое дребезжанье дрожекъ обывателей города Б***, возвращавшихся, кто отъ Алкивіада Степаныча, кто отъ г-жи Трутру, раздавалось въ отдаленіи на главныхъ улицахъ. Капельмейстеръ приладилъ подъ-мышку ноты, обтеръ лицо и лысину, значительно раскраснѣвшіяся, потомъ поскрипѣлъ табакеркою и, окинувъ еще разъ глазами площадь, направился неровнымъ, колыхливымъ шагомъ къ дому.

III.

Если Сусликова прозывали тряпкой, и онъ въ самомъ дѣлѣ оправдывалъ такую кличку, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы въ немъ не было природнаго дарованія, точно такъ же, какъ не слѣдуетъ и того, что дарованіе это наслѣдовалъ онъ отъ отца своего Игнатія Сусликова, игравшаго въ свое время на контръ-басѣ. Смѣло можно утверждать, что дарованіе, какое бы оно ни было, явленіе совершенно случайное въ родѣ Сусликовыхъ. Трудно сыскать человѣка, который [illegible] я бы въ такихъ враждебныхъ отношеніяхъ [illegible] какъ покойный Игна-

Digitized by Google

тій Сусликовъ, отецъ Семена Сусликова. Прежде чѣмъ сдѣлаться контръ-басистомъ, Игнатій Сусликовъ слылъ въ цѣломъ околоткѣ за самаго страстнаго охотника. Да вдругъ какъ-то его баринъ произнесъ: „въ контръ-басы!“ — и сталъ съ тѣхъ поръ Игнатій Сусликовъ контръ-басистомъ.

Но съ сыномъ Сусликова было совсѣмъ другое; замѣтивъ въ немъ сызмала склонность къ музыкѣ (кто замѣтилъ и почему, неизвѣстно), ему дали скрипку (почему именно скрипку, также неизвѣстно) и принялись не на шутку учить музыкѣ. Отъ шестнадцати до двадцати пяти лѣтъ, его жизнь не обозначалась ровно ничѣмъ замѣчательнымъ, кромѣ развѣ, что изъ Сеньки онъ преобразовался въ Семена, изъ Семена въ Семена Игнатьича, да и то съ такою постепенностію, что право не стоитъ и упоминать объ этомъ. Когда умеръ отецъ его, онъ уже изрядно дѣлалъ piccicato, а когда скончался хозяинъ оркестра, Сусликовъ состоялъ первою скрипкою въ капеллѣ. Онъ и еще три музыканта согласились тогда отправиться въ О*** попытать счастіе... Они дали концертъ, но счастье ихъ обмануло, и скоро концертисты разсѣялись Богъ вѣсть куда, за исключеніемъ Сусликова, попавшаго въ оркестръ къ одному знатному барину. Жизнь Сусликова была бы самая счастливая, если бъ онъ только сумѣлъ ею воспользоваться; капельмейстеръ этого оркестра, старикъ лѣтъ 80, по прозванью Матвѣй Гусликовъ, принялъ его подъ свое покровительство; разумѣется, это досталось ему не даромъ. Не знаю, съ чего вспало на умъ Сусликову сочинить кадриль. Старый капельмейстеръ, узнавъ объ этомъ, взялъ кадриль и при первомъ торжественномъ случаѣ разыгралъ ее передъ бариномъ. „Это что-то опять новенькое?“ сказалъ баринъ капельмейстеру,—„хорошо, хорошо, продолжай!“ Капельмейстеръ всталъ и, выразивъ на лицѣ своемъ добродушную улыбку, почтительно поклонился. Съ тѣхъ поръ, какъ только являлся торжественный случай: именины, обѣдъ, съѣздъ, старый капельмейстеръ поручалъ Сусликову написать кадриль, матрадуру, монимаску, курантъ,—словомъ, все, что требовалось. Сусликовъ писалъ, баринъ хвалилъ, а старый капельмейстеръ кланялся съ обычною добродушною улыбкой. Справедливость требовала же, наконецъ, чтобы старый капельмейстеръ получалъ какое-нибудь вознагражденіе за покровительство, оказываемое имъ молодому музыканту; смѣшно

Digitized by Google

было возставать противъ этого; но грубой натурѣ Сусликова недоступны были такія тонкія отношенія; онъ не замедлилъ отплатить благодѣтелю самою черною неблагодарностію. Разъ какъ-то Гусликовъ поручилъ Сусликову написать экосезъ къ балу, назначенному въ день именинъ барина. Экосезъ былъ оконченъ съ умысломъ въ день самаго бала. Добродушный старикъ попросилъ Сусликова сдѣлать пробу и заранѣе потиралъ себѣ руки. Но когда вечеромъ онъ взялъ смычокъ и оркестръ грянулъ экосезъ, всѣ присутствующіе разразились такимъ неистовымъ хохотомъ, какого вѣрно не слышно было со временъ богатырскихъ. Вмѣсто экосеза Сусликовъ нарочно наплелъ такую белиберду, такъ перепуталъ звуки инструментовъ, что самъ, наконецъ, не выдержалъ и покатился со смѣху подъ самымъ носомъ своего благодѣтеля. Но шутка стоила ему дорого. Гусликовъ такъ возненавидѣлъ Сусликова, что принялся гнать его безпощадно; музыканты, подчиненные Гусликову, движимые чувствомъ справедливаго негодованія къ неблагодарному, начали вторить своему капельмейстеру; Сусликова гнали, гнали, и такъ гнали, что онъ долженъ былъ искать себѣ другого мѣста. Но Сусликовъ родился подъ счастливою звѣздою. Онъ вскорѣ попалъ въ оркестръ одного довольно значительнаго провинціальнаго театра. Въ этомъ театрѣ, однакожъ, какъ на зло, всѣ капельмейстеры и даже музыканты были композиторы, и уже достаточно было имъ узнать, что новый собратъ сочинилъ матрадуру, чтобы не дать ему ходу и сбыть его какъ можно скорѣе съ рукъ. Такъ и случилось. Сусликову пришлось плохо, денегъ ни гроша; онъ уже задумывалъ было покончить съ музыкою навсегда, да къ счастію выручилъ содержатель другого театра, пріѣхавшій вербовать свѣжую труппу. Дѣло сладилось скоро, и Сусликовъ отправился съ нимъ въ качествѣ первой скрипки и капельмейстера. Несмотря на непостоянство и шаткость провинціальныхъ театровъ вообще, Сусликовъ ухитрился, однакожъ, такъ, что провелъ на своемъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ сряду съ самымъ невозмутимымъ спокойствіемъ. На сороковомъ году отъ рожденія (эпоха, въ которую началъ онъ носить очки и завелъ табакерку со скрипомъ) счастье стало сильно измѣнять ему. Это обстоятельство значительно подѣйствовало на капельмейстера; привыкнувъ опираться весь свой вѣкъ на фортуну, какъ на костыль, онъ вдругъ ослабѣлъ какъ ребенокъ, смиреніе, кротость и уступчи-

Digitized by Google

вость сдѣлались отличительными чертами его характера. Онъ вдался въ чудачество и, что всего хуже, не только не умѣлъ поддержать къ себѣ уваженія товарищей, но даже заслужилъ отъ нихъ названіе „плюгаваго капельмейстера“, — кличка, оставшаяся за нимъ вплоть до той минуты, когда бросили послѣднюю горсть земли въ его могилу.

Никто, разумѣется, не понималъ настоящей причины, внезапно измѣнившей капельмейстера; всякій объяснялъ ее по-своему. Причина заключалась въ слѣдующемъ: Сусликовъ нанималъ квартиру у одной бездѣтной вдовы одного провинціальнаго трагика; вдова эта, олицетворявшая какъ нельзя лучше всѣмъ извѣстную Бобелину и не уступавшая въ энергіи и силѣ духа сказочной героинѣ, воспользовалась могучими своими качествами, чтобы взять въ руки Сусликова, и дѣлала изъ него по произволу то верхъ, то подкладку. Ослабѣвшій Сусликовъ боялся ея какъ огня и съ каждымъ днемъ поддавался ей сильнѣе и сильнѣе. Такая покорность объясняется только вліяніемъ боа на птицу или животное: боа пользуется обыкновенно своимъ вліяніемъ и поглощаетъ свою жертву; энергическая хозяйка Сусликова поступила иначе: она вышла за него замужъ. Какъ рѣшился Сусликовъ на такой отважный поступокъ, объяснить трудно. Со стороны выгодъ какихъ-нибудь не представлялось ему ровно ничего. Онъ жилъ у ней нѣсколько лѣтъ сряду жильцомъ самымъ горемычнымъ,—женившись, остался неизмѣнно въ положеніи того же самаго жильца, въ той же самой комнаткѣ, подъ тѣмъ же строгимъ надзоромъ Арины Минаевны; а, впрочемъ, Богъ его знаетъ, разныя бываютъ причины, почему иногда люди женятся; я зналъ, напримѣръ, одного человѣка, женившагося потому только, что его крайне соблазнилъ парадный обѣдъ, который долженъ былъ сопровождать свадьбу; мысль быть распорядителемъ на томъ обѣдѣ, первымъ лицомъ—словомъ, играть роль, заставила его закрыть глаза на пятидесятилѣтнюю невѣсту; другой сочетался бракомъ вслѣдствіе купленной имъ по оказіи за дешевую цѣну двухспальной кровати.

Что жъ касается до Арины Минаевны, цѣль ея очевидна: Семенъ Игнатьичъ получалъ четыреста рублей ассигнаціями въ годъ, и хотя она и прежде еще, до свадьбы, распоряжалась этими деньгами какъ хотѣла, но все-таки пріятнѣе было ей глядѣть на нихъ какъ на за-

Digitized by Google

конную, неотъемлемую собственность. „Ну, а какъ сгонятъ его вонъ — думала предусмотрительная Арина Минаевна, — какъ обанкрутится содержатель театра, онъ съѣдетъ съ квартиры, поступитъ на другое мѣсто, я-то что тогда?“ Арина Минаевна имѣла права болѣе, чѣмъ какая-нибудь другая женщина, искать положительнаго обезпеченія; покойный трагикъ оставилъ всего-на-все три цѣлковыхъ долгу въ трактирѣ, которые въ свое время стоили ей много слезъ и горя. Арина Минаевна пробавлялась кой-какъ своими трудами: то уладитъ свадебку честную, то съѣздитъ къ благодѣтельнымъ помѣщицамъ уѣзда попросить бѣдной вдовѣ на бѣдность; да вѣдь горекъ такой хлѣбъ; хорошо еще если подадутъ его; случалось попадать и на жесткое, каменное сердце; пріѣдетъ къ помѣщицѣ и плачетъ-то надъ нею, заливается, и жалѣетъ-то ее всячески, и хвалитъ-то, да съ тѣмъ и уѣдетъ, всѣ труды пропали... вотъ это-то каково?..

Чтобы окончательно оправдать Арину Минаевну, стоитъ только сказать, что она не обманулась, и предусмотрительность ея вовсе была не лишняя. Не прошло и года послѣ ея брака, какъ содержатель театра дѣйствительно обанкрутился и Сусликовъ лишился своего мѣста. Арина Минаевна тотчасъ же запаслась рекомендательными письмами, взвалила домашній скарбъ и мужа на подводу и поѣхала въ другую губернію. Она бѣгала, хлопотала, плакалась, забѣгала и кончила все-таки тѣмъ, что нашла Семену Игнатьичу мѣсто въ другомъ театрѣ. Тутъ только понялъ Сусликовъ, что Арина Минаевна ему необходима, и уже съ той минуты окончательно покорился ей во всемъ. Такимъ образомъ провели они нѣсколько лѣтъ, таскаясь изъ театра въ театръ, пока, наконецъ, Арина Минаевна не заѣхала со своею подводою, рухлядью и мужемъ въ городъ Б***, гдѣ и опредѣлила послѣдняго къ Николаю Платонычу. Никогда еще положеніе Сусликова не было такъ благополучно обставлено. Даже то, что причиняло обыкновенныя невзгоды капельмейстеру, именно способность сочинить на скорую руку матрадуру или монимаску, обратилось здѣсь ему въ пользу. Николай Платонычъ особенно благоволилъ къ нему. Расположеніе это приняло вскорѣ такіе широкіе размѣры, что композиторъ строжайше запретилъ Сусликову обнаруживать кому бы то ни было о своей авторской способности, опасаясь вѣроятно, чтобы подобное извѣстіе не [illegible] противъ него дру-

Digitized by Google

гихъ музыкантовъ города Б***, какъ нарочно, людей самыхъ завистливыхъ и самолюбивыхъ. Вотъ именно около этого-то времени и появились въ свѣтъ выдержки изъ оперы Николая Платоныча (это приводится здѣсь исключительно для исторической вѣрности). Впрочемъ, что жъ скрывать: Николай Платонычъ, пожалуй, если хотите, и прибѣгалъ иногда къ помощи Сусликова; но нужно опять принять въ соображеніе, какъ это дѣлалось: „Позвать Сусликова!“ крикнетъ обыкновенно содержатель театра. Придетъ Сусликовъ. „Ну, братъ,—говоритъ ему Николай Платонычъ покровительственнымъ тономъ (замѣтьте, покровительственнымъ, а отнюдь не повелительнымъ),—подойди сюда, а вотъ я опять написалъ кое-что... а?.. возьми-ка да перепиши... у меня, ты знаешь, рука неразборчива; перепиши же, да смотри не дай маху, не ошибись... ну, понимаешь... если встрѣтишь тамъ какой-нибудь промахъ или пропускъ — такъ поправь; всего не досмотришь: да смотри, никому не говорить, что, молъ, Николай Платонычъ написалъ новую пьесу: я держу это покуда въ секретѣ; ступай!“ Сусликовъ прикладывалъ по обыкновенію обѣ ладони къ животу, низенько кланялся, бралъ ноты и шелъ домой, очень довольный ласкою и милостями г. Сабанѣева. При всемъ томъ, онъ сумѣлъ-таки насолить себѣ. Ни съ того, ни съ сего, связался онъ съ Аникою Ѳедорычемъ Громиловымъ, извѣстнымъ трагикомъ и еще болѣе извѣстнымъ пьянчужкой. Самъ нечистый, казалось, завидуя его счастью, натолкнулъ его на этого безшабашнаго человѣка. Ужъ одно то, что дурной примѣръ пагубно дѣйствовалъ на старика; но, принявъ еще въ расчетъ его робость и слабость, сообщество съ Громиловымъ легко могло погубить окончательно капельмейстера. Дѣло шло, однакожъ, до сихъ поръ довольно ладно; Николай Платонычъ глядѣлъ на проказы капельмейстера сквозь пальцы, Сусликовъ былъ счастливъ и доволенъ и вѣроятно прожилъ бы въ такомъ завидномъ состояніи до глубочайшей старости, если бъ не случилось одного обстоятельства, которое сразу подкосило все его существованіе.

IV.

Приближаясь къ дому, сѣренькой лачужкѣ о двухъ окнахъ и крылечкѣ, выглядывающихъ на улицу и пятившихся недоброжелательно другъ отъ друга, Сусликовъ вытянулъ впередъ шею и, повернувшись нѣсколько боч-

Digitized by Google

комъ, сталъ прислушиваться; такимъ образомъ добрался онъ до самыхъ оконъ, осторожно заглянулъ въ каждое изъ нихъ и, наконецъ, юркнулъ въ сѣни. Повсюду царствовала мертвая тишина, прерываемая только жужжаніемъ мухъ. Сусликовъ бодро вступилъ въ слѣдующую комнату, но въ ту же минуту отшатнулся въ уголъ и сталъ какъ вкопанный: на постели, заваленной пуховиками и перинами, лежала Арина Минаевна. Огромное ея туловище, закутанное въ черный коленкоровый капотъ, почти исчезало въ перинахъ; однѣ лишь ноги, запрятанныя въ сѣрые шерстяные чулки, да голова съ черными встрепанными волосами, прикрытыми чернымъ же чепчикомъ, выглядывали наружу. Въ комнатѣ стояла жара нестерпимая: два окна на дворъ были заколочены наглухо, несмотря на знойное лѣто. Арина Минаевна тяжело дышала, и по широкому, красному лицу ея струились ручьи, какъ по самовару, когда утекаетъ кипящая въ немъ вода. Семенъ Игнатьичъ вскорѣ, однакожъ, оправился; подогнувъ колѣни и съежившись въ три погибели, онъ началъ подбираться на цыпочкахъ къ двери, останавливаясь при каждомъ скрипѣ и шорохѣ и не упуская изъ виду несмѣтныхъ полчищъ мухъ, осаждавшихъ лицо Арины Минаевны такъ же усердно, какъ морскія птицы спинку кита, случайно высунувшуюся изъ воды. Сусликовъ пробрался, наконецъ, въ кухню; но тутъ онъ уже смѣлѣе подошелъ къ сундуку, на которомъ спала кухарка.

— Дарьюшка, Дарьюшка, шепталъ Сусликовъ, толкая ее легонько подъ бокъ, — вставай, голубушка... вставай!..

— Асинька?.. о! о! о!.. а! да это ты, кормилецъ, вымолвила Дарья, сбрасывая босыя ноги на полъ и принимаясь тереть глаза, или „кукситься“, какъ выражаются въ простонародьи,—ахъ мой касатикъ, рожоный ты мой, что жъ тебѣ, чай покушать небось надыть?..

— Да, Дарьюшка... я нынче еще не обѣдалъ... поѣсть бы маленько чего-нибудь...

— Охъ ты, болѣзный ты мой, умаялся, чай, на службѣто на своей... что жъ бы тебѣ таково... Арина-то Минаевна почитай что сама все поѣла... ужъ такъ-то, касатикъ ты мой, ссерчала сегодня...

Сусликовъ проворно оглянулся назадъ.

— А мнѣ бы чего-нибудь кисленькаго... вымолвилъ онъ, бросая еще разъ украдкою глаза къ двери.

— Охъ, ты, рожоный ты мой... да кисленькаго-то ка-

Digitized by Google

жись, у насъ нѣтути... киселику нынче не готовили, а вотъ огурчики соленые да похлебочка осталась... покушай на здоровье.

— Ничего, Дарьюшка, ты только потихонечку; все равно, дай хоть солененькаго... да только потихохоньку, не буди...

— Охъ, ты, рожоный, ненаглядный ты мой, твердила Дарья, роясь въ темномъ шкапу, наполненномъ мухами, какъ улей пчелами. — А вотъ и пирожка съ капусткой нашла... сейчасъ соберу на столъ. Ты, чай, здѣсь въ кухонкѣ покушаешь?..

— Здѣсь, все равно, сказалъ Сусликовъ, снимая сюртукъ и усаживаясь къ окну противъ березоваго дощатаго стола.

Нужно замѣтить, что хозяйственная часть въ домѣ Сусликова находилась въ крайнемъ запустѣніи и безпорядкѣ. Арина Минаевна, проживавшая день-деньской у благодѣтельницъ или бѣгавшая по дѣламъ сватовства, не имѣла времени заняться этимъ предметомъ. Все было поручено старой Дарьѣ, простой деревенской бабусѣ, поступившей къ ней въ батрачки за два съ полтиной въ годъ и справшей рѣшительно съ утра до вечера на своемъ сундукѣ.

— Рожоный ты мой, да ты хошь пирожка-то еще прикушай, говорила Дарья, нарѣзывал ломоть за ломтемъ,— чай голоденъ, болѣзный ты мой...

— Нѣтъ, спасибо, а вотъ кабы теперь кваску бы Дарьюшка, произнесъ Сусликовъ, когда все уже исчезло со стола (старикъ любилъ плотно покушать), и онъ уже готовился снять очки, чтобы всхрапнуть часочекъ, какъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ послышался громкій кашель и вслѣдъ за тѣмъ раздались по всему дому шаги Арины Минаевны. Дарья и Сусликовъ заметались какъ угорѣлые; послѣдній кинулся къ двери, но въ ту самую минуту на порогѣ показалась Арина Минаевна, и онъ остался пригвожденнымъ къ полу, съ открытымъ ртомъ, въ которомъ виднѣлся еще кусокъ пирогъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете, а? прохрипѣла Арина Минаевна, быстро окидывая заспанными глазами кухню.— Гдѣ ты по сю пору шлялся, а? присовокупила она, мгновенно обращаясь къ мужу и сердито хмуря густыя съ просѣдью брови.

— Ей-Богу... а вотъ же ей-Богу... Арина Минаевна, былъ на репетиціи... отвѣчалъ Сусликовъ съ увѣренностію, разводя руками, но такъ однакожъ, чтобы, въ случаѣ надобности, защитить ими свою лысину.

Digitized by Google

— Врешь, врешь, круто перебила жена,—я давно встрѣтила этого поганца Горковенку... ты опять шлялся, а? прибавила она, дѣлая шагъ впередъ.

— Ужъ я ли, я ли шляюсь, Арина Минаевна, произнесъ Сусликовъ, забиваясь въ уголъ и стараясь принять видъ самого ничтожнаго, незначительнаго существа.

— Опять ты у меня по трактирамъ пошелъ! продолжала Арина Минаевна.—Погоди же, разбойникъ ты этакой... вотъ я тебѣ покажу...

— А вотъ же, ей-Богу, не былъ... ей-Богу, сказалъ супругъ, высовываясь изъ угла,—отсохни руки и ноги, коли былъ... Грѣшно тебѣ, Арина Минаевна, Бога ты не боишься... (Тутъ Сусликовъ быстро подогнулъ колѣни, прикрылъ лысину обѣими руками и окончательно исчезъ за душегрѣйкою Дарьи, болтавшеюся на гвоздикѣ).

— Ужъ попадись только въ руки этотъ плутъ Громиловъ, окаянный, разбойникъ этакой... я ему покажу, какъ подбивать людей да водить по трактирамъ!..

— Ей-Богу, Арина Минаевна, не былъ, повторялъ Сусликовъ, высовывая опять голову,—маковой росинки во рту не было...

Арина Минаевна была въ тотъ день очень не въ-духѣ. Во-первыхъ, купецъ Рыжиковъ, которому она сватала дочь купца Севрюгина, повздорилъ съ отцомъ невѣсты за роспись приданаго, требуя отъ него настоятельно лисьей шубы, означенной въ росписи, и отъ которой Севрюгинъ начиналъ отнѣкиваться,—свадьба разошлась, и слѣдовательно труды свахи пропали задаромъ; во-вторыхъ, Арина Минаевна, забѣжавшая послѣ такой неудачи къ одной молоденькой дамѣ, провела битыхъ три часа, восхищаясь ея красотою и платьемъ, только что принесеннымъ отъ г-жи Трутру для бала, назначеннаго въ честь гостя Кулындиныхъ, не получивъ за то ровно никакого вознагражденія. Арина Минаевна осталась безъ гроша, и это обстоятельство тѣмъ болѣе возбуждало въ ней желчь, что до полученія мужнина жалованья надо было ждать цѣлый мѣсяцъ. Куда дѣвала Арина Минаевна столько денегъ, не извѣстно. Не знаю также, до чего возросло бы неудовольствіе грозной супруги, если бы не раздался въ сѣняхъ стукъ и вслѣдъ за нимъ не послышался голосъ: „Кто здѣсь?.. дома, что ли?...“

Въ дверяхъ показалась долговязая фигура съ сѣрыми глазами, въ сѣрой фуражкѣ и сѣ[illegible]йной шинели

Digitized by Google

съ краснымъ стоячимъ воротникомъ и такими же красными полосами на капюшонѣ.

— Чего вамъ надо? спросила наотрѣзъ Арина Минаевна.

— А надо, что Алкивіадъ Степанычъ Кулындинъ требуетъ къ себѣ музыканта, что при театрѣ.

— Зачѣмъ?

— Вотъ еще зачѣмъ? а я почему знаю зачѣмъ? требуетъ, приказалъ позвать, то-есть, чтобъ сейчасъ же шелъ, нужно оченно скоро...

— Скажите, батюшка, сію молъ минуту придетъ, отвѣчала Арина Минаевна, бросаясь впопыхахъ къ мужу, — сію минуту... Что жъ ты, чушка ты этакая, копаешься? ворчала она, подталкивая Сусликова, который схватывался за лысину и подгибалъ колѣни каждый разъ, какъ только супруга приближалась. — Ступай скорѣй! А ты, разиня, чего бурколы-то свои глупые кажешь? потри ему сапоги. Ну, ну, скорѣй! неравно еще помощь какую оказать хочетъ тебѣ, дураку... а коли за чѣмъ другимъ зоветъ, такъ самъ проси у него... ну, ступай! ступай!..

Черезъ нѣсколько минутъ Сусликовъ ковылялъ по улицѣ, провожаемый глазами Дарьи, которая стояла на крылечкѣ и, скрестивъ руки на крутую грудь свою, повторяла жалобнымъ голосомъ: „ахъ ты, рожоный, болѣзный ты мой, и отдохнуть-то тебѣ, сердешному, не дадутъ... ненаглядный соколикъ!“

Вскорѣ Сусликовъ очутился подлѣ дома Алкивіада Степаныча Кулындина и не замедлилъ войти въ переднюю. Въ передней толкалось множество лакеевъ; тутъ находились всякаго рода люди. Но Сусликовъ не оторопѣлъ, какъ нужно было ожидать; онъ поспѣшно поскрипѣлъ табакеркою и учтиво предложилъ каждому изъ нихъ понюшку. Тонкая политичность капельмейстера, разумѣется, не могла пройти даромъ въ такомъ образованномъ обществѣ; кто-то изъ нихъ взялся даже доложить о немъ барину.

Когда Сусликовъ вошелъ въ залу, его чуть не сшибли съ ногъ шутъ и шутовка, или, правильнѣе сказать, дуракъ и дура, выпрыгнувшіе неожиданно изъ-за двери и принявшіеся трепать его за полы сюртука. Капельмейстеръ согнулъ уже колѣни и прикрылъ руками лысину, какъ передъ Ариной Минаевной, но дѣло вско-
нилось: шутъ и шутовка потребовали табаку.
поскрипѣлъ табакерко- -лъ исполнити

Digitized by Google

бу. Тогда дура, наряженная въ бѣлый суконный балахонъ, испещренный красными кругами, треугольниками и фигурками, побѣжала впередъ, какъ бы расчищая дорогу, а дуракъ, приподнявъ свой халатъ изъ цвѣтныхъ лоскутковъ, пустился плясать вокругъ Сусликова, ударяя при каждомъ колѣнцѣ пяткою въ полъ и напѣвая въ тактъ:

Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ?
На Фонтанкѣ воду пилъ и т. д.

Сусликовъ вступилъ въ кабинетъ, сопровождаемый ими.

— Василиса пришла! произнесла дура, вытягиваясь передъ бариномъ и дѣлая самую серьезною мину, какъ будто докладывая о вошедшемъ.

— Пошла, пошла, фефелка, пошла, дура, сказалъ съ добродушною улыбкою Алкивіадъ Степанычъ.—Здравствуй Сусликовъ; подойди сюда, милый мой...

Алкивіадъ Степанычъ, человѣкъ высокаго роста, худощавый, пріятной наружности, въ золотыхъ очкахъ, съ мягкими рѣденькими черными волосами, но такъ гладко прилизанными, что можно было безъ большого затрудненія пересчитать всѣ выступы и впадины на его черепѣ, что̀, безъ сомнѣнія, доставило бы большое удовольствіе не только Галлю, но и вообще всякому другому френологу. Алкивіадъ Степанычъ изъясняется мягко и плавно; въ его голосѣ есть что-то такое, невольно располагающее въ его пользу.

— А я вотъ зачѣмъ позвалъ тебя, милый мой, началъ онъ.—Я ожидаю съ минуты на минуту своего родственника... завтра у меня балъ... Пошелъ прочь, Эська, пошелъ, дуракъ, присовокупилъ онъ, обращаясь къ шуту, который, просунувъ рыжую, выстриженную въ кружокъ голову, подъ руку Сусликова, показалъ ему языкъ, что́ крайне смутило капельмейстера.—Да, такъ у меня завтра балъ... Можешь ли ты, милый мой, написать мнѣ польскій?

— Какъ же, сударь... только бы Николай Платонычъ... отвѣчалъ переминаясь капельмейстеръ.

Но тутъ Эська схватилъ Сусликова за плечи и, повертывая имъ какъ волчкомъ, запѣлъ съ приплясомъ:

Ой котокъ, котокъ, котокъ,
Что жъ ты ходишь безъ чулокъ...

— Пошелъ прочь, Эська! экой дуракъ! пошелъ вонъ! Фефела! прогони своего жениха... пошли въ залу... Ну, такъ ты можешь написать мнѣ къ завтраму польскій?

Digitized by Google

— Какъ же, можно-съ... вотъ только развѣ Николай Платонычъ... повторилъ Сусликовъ.

— Знаю, знаю, перебилъ Алкивіадъ Степанычъ, — да онъ и безъ того очень занятъ, ему некогда... я нарочно не просилъ Николая Платоныча, онъ бы не отказалъ мнѣ; да видишь ли, дѣло къ спѣху, а я слышалъ, у тебя къ этому большой навыкъ; главное, чтобъ поспѣло къ завтраму вечеру; такъ можешь ли взять на себя такую работу?

— Можно сударь... если ваша милость...

— И къ завтраму будетъ готово?

— Какъ же, сударь.

— Навѣрное?

— Слушаю-съ; можно даже къ вечеру, если угодно, и репетичку сдѣлать.

— И прекрасно! ну, а ужъ ты мною останешься доволенъ.

Сусликовъ приложилъ руки къ животу, поклонился и повернулся, чтобы выйти.

— Погоди, милый мой, сказалъ Алкивіадъ Степанычъ, удерживая его за руку, — я позабылъ сказать тебѣ, что все это должно оставаться въ тайнѣ до завтрашняго вечера, чтобы никто не зналъ объ этомъ; это сюрпризъ... слышишь?.. Устрой такъ, чтобы даже музыканты до репетиціи не знали.

— Слушаю-съ...

— Ну, хорошо, милый мой, принимайся сейчасъ же за работу, чтобъ не опоздать,—это главное; ступай, милый мой, прощай!

Сусликовъ вышелъ въ залу, но опять-таки попалъ въ руки Фефелы и Эськи, которые, вмѣсто ласкъ, принялись на этотъ разъ преслѣдовать его съ гикомъ и визгомъ вплоть до самой передней. Наконецъ капельмейстеръ выбрался на улицу.

— Ну, что, зачѣмъ тебя призывали? спросила Арина Минаевна, выбѣгая къ нему навстрѣчу.

— А насчетъ музыкантовъ, отвѣчалъ запинаясь Сусликовъ,—завтра, вишь, балъ тамъ, просилъ поуправиться съ оркестромъ.

— Что-жъ онъ тебѣ далъ?

— Посулилъ, Арина Минаевна; говоритъ: не забуду, доволенъ останешься.

— А тебѣ бы, дураку, попросить да поклониться.

— Не смѣлъ, Арина Минаевна.

Digitized by Google

— Э, дуракъ, дуракъ! ну, что—чай, при тебѣ небось говорили—что̀ сказывали, а? ждутъ, чай, гостя?..

— Ништо, Арина Минаевна, ждутъ-таки.

— Ну, а въ домѣ ничего не видалъ? чай, суматоха идетъ, а?

— Два какіе-то, ништо, Арина Минаевна, такъ-то прыскаютъ.

— Какіе два?

— Скоморошенные, кажись, какіе-то...

— Эхъ, ты, дуракъ, дуракъ!

Арина Минаевна поспѣшно набросила на плечи траурный платокъ и побѣжала со двора. Сусликовъ снялъ сюртукъ, приладился къ окну, поставилъ чернильницу, нотную бумагу, и вскорѣ весь домикъ наполнился визжаніемъ скрипки, прерываемымъ иногда скрипомъ пера, которымъ Сусликовъ довольно быстро водилъ по бумагѣ, выставляя крючки и закавычки. Дарья, любившая засыпать подъ шумокъ скрипки своего болѣзнаго хозяина, приподымалась однакожъ довольно часто съ своего сундука и, отворивъ осторожно дверь, произносила вполголоса, жалобно качая головою:

— Рожоный ты мой... Охъ, болѣзный, соколикъ ты нашъ, вишь, какъ умаялся, касатикъ, и вздохнуть-то тебѣ не дадутъ, моему батюшкѣ...

Проговоривъ все это, она снова запирала дверь и отправлялась на сундукъ.

Сусликову тѣмъ болѣе удобно было заниматься, что жена не ночевала дома. Арина Минаевна провела ночь у одной вдовы, оплакивавшей мужа, скончавшагося десять лѣтъ тому назадъ, и единственное утѣшеніе которой составляла старая моська, кормимая пилюлями изъ прѣснаго тѣста, нарочно для нея изготовляемыми.

Весь слѣдующій день прошелъ для Сусликова въ занятіяхъ. Онъ не отрывался отъ своего дѣла ни на минуту; онъ не замѣтилъ даже, какъ мимо его оконъ пролетали дрожки и линейки, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на общую городскую суматоху, возвѣщавшую о пріѣздѣ ожидаемаго гостя въ городъ Б***. Къ вечеру только, часу въ четвертомъ, капельмейстеръ вышелъ изъ дому, неся подъ полою только что оконченный польскій. Все прошло какъ нельзя лучше; Алкивіадъ Степанычъ остался до того доволенъ музыкою Сусликова, что тутъ же вынулъ изъ бумажника двѣ [illegible]ч подалъ ихъ ка-

Digitized by Google

пельмейстеру, подтвердивъ ему явиться тотчасъ же по окончаніи спектакля на балъ для управленія оркестромъ и польскимъ.

V.

Зала театра была полнешенька. Все, что̀ слыло въ городѣ лучшимъ, собралось сюда въ тотъ знаменитый вечеръ. Даже въ мѣстахъ за креслами и въ райкѣ сидѣли не бѣдняки. Первые ряды были заняты мѣстнымъ начальствомъ и ремонтерами, тамошними театралами. Нечего упоминать, что избранная публика съѣхалась не для какихъ-нибудь драмъ или водевилей, которыхъ всѣ болѣе или менѣе видѣли нѣсколько разъ; даже самый дивертиссементъ Николая Платоныча служилъ, кажется, однимъ только предлогомъ. Всеобщее вниманіе исключительно обращалось къ пріѣзжему, сидѣвшему налѣво, въ ложѣ бель-этажа, принадлежавшей Алкивіаду Степанычу Кулындину,—обстоятельство, возбудившее въ разныхъ концахъ залы нѣсколько ѣдкихъ эпиграммъ и замѣчаній со стороны самыхъ искреннихъ пріятельницъ Софьи Кириловны Кулындиной и ея супруга, который въ самомъ дѣлѣ принялъ почему-то уже слишкомъ надменную и оскорбительную позу, хотя и не переставалъ улыбаться. Взоры всѣхъ все-таки съ жадностью устремлялись на извѣстную ложу; одна пожилая дама, въ зеленомъ платьѣ съ розовыми бантами, уподоблявшими ее издали тучному кусту, усѣянному пышными розами, пріѣхавшая въ театръ съ тремя жиденькими дочерьми, была такъ очарована наружностью гостя, что не давала дочкамъ глядѣть на сцену и, подталкивая поочередно каждую изъ нихъ сзади, повторяла безпрестанно:

— Инна, держись прямѣе!.. Ринна, куда глядишь!.. Пинна, смотри налѣво!..

При чемъ Инна, Ринна и Пинна вытягивались въ струнку и, кокетливо суживая глазки, бросали томные взгляды на ложу Кулындиныхъ. Тишина въ залѣ не прерывалась; зрители хранили благоговѣйное молчаніе, такъ что, если бъ вниманіе публики было обращено на актеровъ, никто не проронилъ бы слова изъ драмы, которая разыгрывалась на сценѣ. Признаюсь, въ этомъ случаѣ можно сожалѣть о присутствіи родственника Кулындиныхъ, потому что драма дѣйствительно достойна вниманія,—уже одно то,

Digitized by Google

что главная роль считалась лучшею въ репертуарѣ Громилова. Вотъ ея содержаніе:

Одинъ молодой человѣкъ (Аника Ѳедорычъ) и одна молодая дѣвушка (Курочкина) страстно любятъ другъ друга; ложный другъ Громилова (Мускатицкій) влюбленъ также въ эту дѣвушку. Онъ похищаетъ ее противъ воли изъ дому родителей и увлекаетъ несчастную на корабль. Громиловъ преслѣдуетъ ихъ на другомъ кораблѣ. Буря посреди океана. Корабли сшибаются, разбиваются вдребезги, и часть обоихъ экипажей бросается на плотъ, нарочно приготовленный для непредвидѣннаго случая. На плоту сталкиваются: ложный другъ Мускатицкій, Громиловъ и Курочкина. Страшная сцена, заглушаемая ревомъ бури, свистомъ вѣтра и раскатами грома. Мало-по-малу всѣ умираютъ съ голоду. Громъ поражаетъ злодѣя Мускатицкаго. Остаются въ живыхъ одни лишь несчастные любовники. Но голодъ томитъ ихъ; они уже четырнадцать дней безъ пищи; Громиловъ, въ забытьи и ярости, рѣшается, наконецъ, съѣсть свою возлюбленную, которая, жалобно скрестивъ ослабѣвшія руки на грудь, умоляетъ о пощадѣ, припоминая ему, въ трогательныхъ выраженіяхъ, то время, когда они рвали фіалки у берега ручья. Но освирѣпѣвшій Громиловъ уже ничего не слышитъ, и жертва погибаетъ. Утоливъ голодъ, несчастный любовникъ (и въ этой-то сценѣ особенно хорошъ Аника Ѳедорычъ) начинаетъ мало-по-малу приходить въ себя: онъ катается по плоту, терзаемый угрызеніями совѣсти, и рѣшается лишить себя жизни, какъ вдругъ показывается шлюпка. Но Громиловъ сошелъ уже съ ума. Пьеса кончается тѣмъ, что Громиловъ бродитъ по лѣсу, отыскивая повсюду гробницу милой; но вдругъ появляется прислуга изъ дома умалишенныхъ, вооруженная факелами. Громиловъ хватается за сердце, вновь обрѣтаетъ разсудокъ. Но поздно: силы его слабѣютъ, онъ падаетъ въ изнеможеніи и испускаетъ послѣдній вздохъ посреди живописной группы прислужниковъ, потрясающихъ факелами.

Тишина въ залѣ прерывалась, однакожъ, каждый разъ, когда заѣзжій гость, желая поощрить актера или оказать учтивость Николаю Платонычу, съ которымъ его только что познакомили, хлопалъ въ ладоши,—потому что тогда вся публика, отъ райка до заднихъ рядовъ, принималась также хлопать, движимая вѣроятно тѣми самыми чувствами, какія воо[illegible]ч гостя.

Digitized by Google

Николай Платонычъ, находившійся въ это время за кулисами, не переставалъ, однакожъ, трепать себя за волосы и, казалось, былъ въ сильномъ волненіи. Черезъ полчаса какіе-нибудь долженъ былъ начаться дивертиссементъ. Онъ поминутно посылалъ въ оркестръ за Сусликовымъ.

— Все ли у тебя исправно? въ сотый разъ спрашивалъ Николай Платонычъ.—Смотри, не забылъ ли чего-нибудь? Сейчасъ начнется дивертиссементъ,—помни, что я тебѣ говорилъ: какъ только Глафира Львовна оборвется или не дотянетъ ноты, fortissimo всѣмъ оркестромъ! Да и не слишкомъ зачащивай, когда танцовщица начнетъ свой па,—дай ей три такта, три такта... слышалъ? Смотри же, держать ухо востро; ступай!..

Волненіе Николая Платоныча возрастало съ каждою минутой; временами оно принимало даже видъ нѣкоторой досады; это особенно случалось, когда громкія рукоплесканія раздавались въ честь Громилова, Мускатицкаго и дѣвицы Курочкиной.—Наконецъ начался дивертиссементъ. По мѣрѣ того, какъ русская арія Глафиры Львовны приходила къ концу, не нарушивъ ни разу молчанія, досада г. Сабанѣева начинала обнаруживаться сильнѣе и сильнѣе.—„Охрипла! робѣетъ! твердилъ Николай Платонычъ.—Сорвалась нота,—э! Проклятый Сусликовъ не подтянулъ: „fortissimo, fortissimo!“ кричалъ онъ въ оркестръ, прикладывая къ губамъ обѣ ладони въ видѣ трубы. „Опять опоздалъ,—э! ну, брр... прр! ну, пошло все къ сатанѣ!.. Вотъ что надѣлали, негодяи!“ присовокупилъ онъ, пожимая плечами и ударяя кулакомъ по колѣнямъ.—Начался хоръ Радимичей и Вятичей; но хору суждено было претерпѣть ту же неудачу. И въ самомъ дѣлѣ, охота же была Николаю Платонычу исключительно писать ученую музыку, доступную однимъ лишь высокимъ знатокамъ и цѣнителямъ искусства. Николай Платонычъ ходилъ уже какъ угорѣлый, проклиная артистовъ и неловкаго капельмейстера. Какъ на зло, случилось, что при первомъ появленіи танцовщицы и господина съ вывернутыми ногами рукоплесканія заглушали оркестръ; г. Сабанѣевъ заскрежеталъ зубами; но когда г. Розанцевъ началъ свой комическій англійскій па подъ названіемъ horn-pipe, и публика, потерявъ всякое воздержаніе, разразилась единодушнымъ восторженнымъ браво, отъ котораго дрогнули самыя стѣны театра, гнѣвъ окончательно обуялъ компо-

Digitized by Google

зитора; даже режиссеръ Горковенко и еще нѣсколько человѣкъ, одѣтыхъ испанскими грандами, стоявшіе поблизости, попрятались въ самые темные углы кулисъ.— „Позвать Сусликова! Сусликова сюда!..“ могъ только прокричать Николай Платонычъ, подстрекаемый, какъ нарочно, крикомъ толпы, вызвавшей Розанцева за комическій horn-pipe... Должно полагать, однакожъ, что вызовами занимался въ это время раекъ, потому что главная публика спѣшила уже давнымъ-давно на балъ къ Кулындинымъ.

Домъ Алкивіада Степаныча представлялъ самое великолѣпное зрѣлище: плошки, шкалики, фонари снаружи по карнизамъ и на подъѣздѣ, цвѣты и ковры на парадной лѣстницѣ, вездѣ лакеи въ богатыхъ парадныхъ ливреяхъ; по комнатамъ, усыпаннымъ сотнями свѣчей, носятся струи самыхъ тонкихъ куреній. Свѣтъ главной залы, обращенной окнами на парадный дворъ, былъ такъ ярокъ, что позволялъ даже различать лица горожанокъ и купчихъ, стекавшихся толпами къ рѣшёткѣ двора, чтобы поглазѣть на праздникъ. Танцы еще не начинались. Въ залахъ, наполнявшихся народомъ, слышался покуда отрывчатый глухой говоръ и шелестъ туго накрахмаленныхъ платьевъ. Дорогой гость, держа подъ руку хозяйку дома, стоялъ посрединѣ залы, подъ самою люстрою; его окружали значительныя лица города; остальныя, менѣе значительныя лица, бродили взадъ и впередъ, бросая томные, но болѣе завистливые взгляды на эту группу. Пожилая дама въ зеленомъ платьѣ съ розовыми бантами, окончательно очарованная наружностью величаваго гостя и желавшая, вѣроятно, чтобы дочки раздѣляли ея чувство, не переставала подталкивать Инну, Ринну и Пинну, приглашая ихъ всматриваться въ него какъ можно пристальнѣе. Всѣ казались, однакожъ, очень довольными и веселыми. Мраченъ былъ одинъ только Николай Платонычъ, пріѣхавшій послѣ другихъ. Онъ, пожалуй, также улыбался, но это были скорѣе тѣни улыбокъ, да и то появлявшіяся не иначе, какъ когда гость поворачивался въ его сторону. Въ такомъ многочисленномъ собраніи никто, разумѣется, не замѣчалъ мрачнаго лица директора; да и кому въ эту минуту было до него дѣло, кромѣ развѣ Сусликова, который, судя по времени, долженъ уже былъ стоять гдѣ-нибудь въ оркестрѣ.

— Послушай, Николай Платонычъ, я отыскиваю тебя

Digitized by Google

повсюду, я уже думалъ, что ты не пріѣхалъ, сказалъ хозяинъ дома, неожиданно подлетая къ директору.—У меня къ тебѣ просьба: позволь твоему капельмейстеру управлять оркестромъ... Представь, онъ увидѣлъ тебя и, хоть зарѣжь его, не хочетъ; умора! Ну, братъ, нечего сказать, задалъ же ты ему страху, прибавилъ онъ шутливо, трепля его за руку.

— Пожалуй, любезнѣйшій, сколько хочешь... Ты знаешь, я ни въ чемъ тебѣ не отказываю... пусть управляетъ... пусть управляетъ...

— Нужно тебѣ сказать, у меня сюрпризъ, — это по твоей части,—новый польскій... чудо!

— Чей? спросилъ Николай Платонычъ, судорожно ухвативъ себя за воротнички.

— Твоего Сусликова, отвѣчалъ ему на ухо Алкивіадъ Степанычъ.—Ну, братъ, просто талантъ, я нарочно не говорилъ тебѣ, хотѣлъ сдѣлать сюрпризъ: ну, mon cher, и ты таки удивилъ насъ всѣхъ нынче... спектакль твой— charmant, charmant! присовокупилъ хозяинъ дома, повернувшись на каблукѣ и пославъ композитору поцѣлуй рукою.

Но композиторъ уже ничего не слышалъ и не видѣлъ; онъ судорожно взъерошилъ себѣ волосы и въ одинъ мигъ очутился подлѣ оркестра. Горячій потъ прохватилъ его насквозь, когда, по знаку Алкивіада Степаныча, Сусликовъ появился вдругъ на возвышеніи передъ музыкантами, и польскій грянулъ всѣмъ оркестромъ. Все вокругъ засуетилось, и вскорѣ пестрая вереница изъ дамъ и кавалеровъ, предводительствуемая гостемъ и хозяйкою дома, потянулась зигзагами по залѣ. — „Charmant! прекрасно, превосходно! славный польскій!“ послышалось внезапно отовсюду. Содержатель театра вздрогнулъ. Если бъ только Сусликовъ взглянулъ въ эту минуту на Николая Платоныча, онъ вѣрно выронилъ бы смычокъ и далъ тягу,— но, къ счастію, этого не случилось. Сусликовъ уже ничего не видѣлъ передъ собою. По мѣрѣ того, какъ польскій приближался къ концу, группы передъ оркестромъ умножались и похвалы раздавались сильнѣе и громче,—лицо старика разгоралось, оживлялось, колѣни его выпрямлялись, тщедушная, согнутая фигурка его какъ будто вырастала и закидывалась назадъ; онъ быстро размахивалъ на всѣ стороны смычкомъ, моталъ головою, топалъ ногою; жиденькіе волосы, прилизанные на лысинѣ, взбились кверху и колыхались, какъ степной ковыль, раздуваемый вѣтромъ...

Digitized by Google

— Charmant! прекрасно! отличный польскій! ай да Сусликовъ! кричали отовсюду.

Воодушевленіе капельмейстера возрастало... Но вдругъ онъ опустилъ смычокъ, склонилъ лысину на сторону и дрожащею отъ волненія рукою положилъ скрипку: польскій кончился.

— Прекрасный польскій! очень, о-о-очень хорошій, сказалъ въ свою очередь гость, останавливаясь передъ оркестромъ подлѣ самого директора (гость, нужно замѣтить, былъ въ полномъ убѣжденіи, что польскій сочиненъ Николаемъ Платонычемъ, о которомъ наслышался уже какъ о музыкантѣ).—Алкивіадъ Степанычъ! продолжалъ пріѣзжій, обращаясь къ хозяину дома, который подошелъ къ нему съ видомъ счастливѣйшаго человѣка,—скажи, пожалуйста, откуда этотъ польскій? Я никогда его не слыхалъ. Это должно быть что-то новенькое! Очень, о-о-очень хорошо...

— Это сочиненіе капельмейстера изъ оркестра г. Сабанѣева, отвѣчалъ съ сіяющимъ отъ восторга лицомъ г. Кулындинъ, подводя содержателя театра къ своему родственнику.

— Неужели! воскликнулъ тотъ.—Поздравляю васъ, милостивый государь, съ такимъ прекраснымъ пріобрѣтеніемъ. Это просто находка, присовокупилъ онъ, пожимая руку композитора, съ котораго градомъ катилъ потъ,— вы обладаете, какъ я вижу, прекрасными талантами, и я вамъ вполнѣ завидую... Нельзя ли мнѣ какъ-нибудь доставить этотъ польскій?.. Вы бы меня очень обязали... я большой охотникъ до музыки...

— Мнѣ будетъ очень пріятно, пробормоталъ сквозь зубы Николай Платонычъ, не упуская случая кивнуть Сусликову, который стоялъ ни живъ, ни мертвъ, за своимъ пульпитромъ.

— У меня тоже свой оркестръ, продолжалъ гость,—но, признаюсь вамъ, далеко отъ такого капельмейстера...

— Вы дѣлаете мнѣ много чести, пробормоталъ, краснѣя до ушей, Николай Платонычъ, и въ то же время подалъ знакъ Сусликову, чтобы тотъ сошелъ внизъ.

Николай Платонычъ подавалъ эти знаки такъ искусно, что гость и окружающіе видѣли однѣ только пріятныя улыбки на лицѣ Сабанѣева, тогда какъ Сусликовъ встрѣчалъ каждый разъ грозно сдвинутыя брови и вздрагивающія губы. Раскланявшись съ гостемъ, Николай Платонычъ бросился въ уголъ подлѣ оркестра, гдѣ ожидалъ его капельмейстеръ. Что говорилъ онъ ему, неизвѣстно;

Digitized by Google

издали, впрочемъ, судя по фигурѣ Сусликова и выраженію его лица, казалось, какъ будто Николай Платонычъ извѣщалъ его о скоропостижной кончинѣ отца и матери.

Въ то время пріѣзжій, сопровождаемый многочисленною своею свитою, успѣлъ уже отойти на средину залы; мѣсто Сусликова въ оркестрѣ занялъ домашній капельмейстеръ Алкивіада Степаныча; черезъ нѣсколько минутъ заиграли первую французскую кадриль, и балъ начался.

Но Николаю Платонычу было уже не до праздника; напрасно предлагали ему сѣсть въ преферансъ или остаться до ужина: онъ наотрѣзъ отказался. „Что съ тобою, Николай Платонычъ? Не боленъ ли ты? Не случилось ли чего?“ спрашивали вокругъ пріятели. „Ну, братъ, поздравляемъ тебя! Вотъ не ожидали! Каковъ Сусликовъ, а? Кто бы могъ думать?.. Талантъ, просто талантъ!“ говорили другіе. Николай Платонычъ ровно ничего не отвѣчалъ, хмурилъ только брови, дергалъ себя за воротнички, взъерошивалъ волосы и думалъ, какъ бы скорѣе выбраться вонъ. Съ своей стороны, Сусликовъ спѣшилъ также домой. Мысли его были въ страшномъ безпорядкѣ. „Дома ли Арина Минаевна?“ могъ только произнести капельмейстеръ, когда Дарья вышла на его стукъ съ фонаремъ въ рукахъ.

— Нѣтути ея, рожоный ты мой, не приходила; да что съ тобой, касатикъ? Али что прилучилось недоброе?..

— Охъ-хохошиньки... хохошиньки... бѣда наша, Дарьюшка, отвѣчалъ Сусликовъ, заботливо потирая лысину.— Не сказывай только Аринѣ Минаевнѣ, прибавилъ онъ умоляющимъ голосомъ.

Далѣе Сусликовъ ничего не объяснилъ старой Дарьѣ, сколько она ни допытывалась. Собравъ черновые листы польскаго, онъ пустился со всѣхъ ногъ къ Николаю Платонычу. Вручивъ бумаги камердинеру, онъ такъ же поспѣшно возвратился домой, спросилъ опять: „дома ли Арина Минаевна?“ и получивъ отрицательный отвѣтъ, казалось, нѣсколько успокоился.

На другой день, часу въ двѣнадцатомъ, Николай Платонычъ явился къ родственнику Кулындиныхъ съ польскимъ, исправленнымъ имъ въ продолженіе ночи. Гость былъ любезенъ до крайности, осыпалъ его похвалами и, въ довершеніе, объявилъ, что польскій уже есть у него, ибо Алкивіадъ Степанычъ, не далѣе часа тому назадъ, принесъ ему эту пьесу въ оригиналѣ, оставленномъ вч послѣ бала на пульпитрѣ.

Digitized by Google

Это, повидимому ничтожное, обстоятельство произвело однакожъ очень важныя послѣдствія. „Позвать Суликова!“ были первыя слова, произнесенныя содержателемъ театра по возвращеніи его домой. Слова эти были такъ произнесены, что лакей, къ которому обращено было приказаніе, исполнилъ его на-рысяхъ, и не болѣе какъ черезъ пять минутъ явился самъ Сусликовъ.

Какого рода совѣщаніе происходило между Николаемъ Платонычемъ и Семеномъ Игнатьичемъ, опредѣлить въ точности трудно; должно предполагать однакожъ, что объясненіе было горячее, потому что первый любовникъ, Мускатицкій, котораго также приказалъ позвать Сабанѣевъ для какихъ-то переговоровъ, услышавъ частичку разговора, никакъ не рѣшился войти въ кабинетъ и стоялъ за дверью, пронимаемый попеременно ознобомъ и жаромъ, какъ будто его обдавали то кипяткомъ, то студеной водой.

Свидѣтельство Сусликова ровно ничего не объясняло изъ того, что происходило между нимъ и директоромъ. Когда разспрашивали его объ этомъ, онъ только прикрывалъ рукою лысину да подгибалъ поспѣшно колѣни, и больше ничего.

VI.

Къ вечеру того же дня, въ городѣ узнали, что капельмейстеръ Сусликовъ отставленъ отъ своей должности, а на мѣсто его назначенъ кларнетистъ, дальній родственникъ извѣстной примадонны, Глафиры Львовны Цвѣтошниковой. По поводу этого родства и поспѣшности, съ какою исполнялось Николаемъ Платонычемъ все, чего требовала Глафира Львовна, было, разумѣется, много толковъ.

Каждый легко вообразитъ, какое впечатлѣніе произвело на Арину Минаевну извѣстіе объ изгнаніи мужа. Распространяться о томъ, что произошло въ ея домѣ, чѣмъ обнаружились первыя ея движенія, лишнее; вторымъ ея дѣломъ было кинуться къ Николаю Платонычу. Но композиторъ не дослушалъ ея слезной рѣчи, повернулся къ просительницѣ спиною, взъерошилъ волосы, дернулъ себя за воротнички и приказалъ немедленно выйти ей вонъ. Затѣмъ Арина Минаевна пустилась со всѣхъ ногъ къ Алкивіаду Степанычу. Алкивіадъ Степанычъ, выслушавъ внимательно въ чемъ дѣло, попросилъ ее подождать, сѣлъ въ коляску и полетѣлъ прямо къ Николаю Платонычу. Не прошло и четверти часа, какъ онъ снова вернулся назадъ; но, вмѣ-

Digitized by Google

сто утѣшительныхъ извѣстій, г. Кулындинъ объявилъ наотрѣзъ Аринѣ Минаевнѣ, что ровно ничего не можетъ для нея сдѣлать, что Николай Платонычъ грубый человѣкъ, съ которымъ хочетъ онъ прервать всякаго рода сношенія, что онъ прежде не зналъ этого, что съ этого же дня нога его не будетъ въ домѣ Сабанѣевыхъ и, наоборотъ, что онъ очень сожалѣетъ о невозможности опредѣлить Сусликова въ свой собственный оркестръ, за неимѣніемъ въ немъ на время никакой надобности, и такъ далѣе; словомъ, повергъ Арину Минаевну въ совершенное отчаяніе. Но кто представитъ себѣ весь ужасъ злосчастной женщины, когда, вернувшись домой, она услышала отъ Дарьи, какъ Сусликовъ пропалъ изъ дому, а съ нимъ вмѣстѣ и Аника Ѳедорычъ Громиловъ, какъ захватили они съ собою скрипку, ноты, баночку съ канифолью, и какъ послѣ всего этого рожоный и болѣзный Семенъ Игнатьичъ сулилъ ей три двугривенныхъ, если только она согласится поступить къ трагику кухаркой.

Арина Минаевна съ плачемъ и воплемъ бросилась къ благодѣтельницамъ, прося защиты и помощи, но на этотъ разъ никто не слушалъ ее. Ужъ весь городъ, не выключая и самихъ благодѣтельницъ, былъ исключительно занятъ ссорою Николая Платоныча и Алкивіада Степаныча. Въ самое короткое время образовались двѣ партіи—одна за Сабанѣевыхъ, другая за Кулындиныхъ; партіи эти, предводительствуемыя большею частію благодѣтельницами, объявили вскорѣ войну; пошли споры, толки, пересуды, и Богъ вѣсть чѣмъ бы все это кончилось, если бъ мужья, наскученные такою дребеденью, не махнули рукой и не разъѣхались кому куда пришлось. Тогда только, посреди возникшей тишины, вспомнили стараго Сусликова и его супругу; но тутъ толковъ не много было и партій рѣшительно никакихъ не возникло; всѣ единодушно утверждали, что Сусликовъ пьетъ запоемъ, а Арина Минаевна—бѣдная женщина, достойная всякаго состраданія и лучшей участи. Послѣднее заключеніе справедливо, но первое, къ несчастію, еще справедливѣе.

Въ такомъ-то положеніи находились дѣла, какъ вдругъ Алкивіадъ Степанычъ получилъ письмо отъ дорогого своего родственника, въ которомъ тотъ убѣдительно просилъ его переманить какъ-нибудь къ нему въ оркестръ капельмейстера Сусликова. Хотя Алкивіадъ Степанычъ былъ человѣкъ извѣстный своею обходительностію и кротостію,

Digitized by Google

однакожъ мысль сдѣлать что-нибудь въ пику своему врагу Николаю Платонычу такъ обрадовала его, что онъ тотчасъ же приказалъ позвать къ себѣ стараго капельмейстера. Обстоятельства Сусликова, нужно замѣтить, находились въ это время въ самомъ жалкомъ состояніи. Уже двѣ двадцатипятирублевыя ассигнаціи, пожалованныя ему за польскій, приходили къ концу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самая дружба Аники Ѳедорыча что-то начинала ослабѣвать; уже старикъ приходилъ въ отчаяніе и думалъ прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ, обратиться снова къ Аринѣ Минаевнѣ, когда неожиданно позвали его къ Кулындину. Увидѣвъ передъ собою капельмейстера, Алкивіадъ Степанычъ отступилъ шагъ назадъ, скрестилъ руки на грудь и покачалъ головою.

— Ай, ай, ай! произнесъ онъ, оглядывая старика съ головы до ногъ,—значитъ, милый мой, мнѣ правду про тебя говорили... тсссс... ай, ай... стыдись, милый мой, стыдись, посмотри, на кого похожъ теперь...

Сусликовъ дѣйствительно много перемѣнился: лицо его осунулось, похудѣло, спина согнулась, волосы не были приглажены по обыкновенію на лысинѣ справа налѣво, а торчали туда и сюда, какъ послѣ сна; отъ жилета и гороховаго сюртука оставались одни лишь лохмотья...

— Тсссссс... продолжалъ Алкивіадъ Степанычъ,—жаль, жаль, вѣдь ты, милый мой, артистъ, художникъ, тсссс... вѣдь тебѣ только что по-настоящему открывается дорога. Знаешь ли, что: мой родственникъ, тотъ самый, который хвалилъ твое новое сочиненіе, проситъ опредѣлить тебя къ нему въ оркестръ капельмейстеромъ... а ты такъ дурно ведешь себя, пьешь все... стыдись, милый мой. Знаешь ли, что родственникъ мой показывалъ твой польскій артистамъ и музыкантамъ, лучшимъ музыкантамъ: всѣ утверждаютъ, что у тебя есть талантъ, что ты можешь выйти далеко... а ты еще пьешь, милый мой... тсссс... стыдись...

Сусликовъ ничего не отвѣчалъ; онъ стоялъ понуря лысую свою голову и только переминалъ дрожащими руками лохмотья бумажнаго платка.

— Ну, милый мой, присовокупилъ Алкивіадъ Степанычъ,—надѣюсь, что ты исправишься... не такъ ли? Подумай, вѣдь ты артистъ, милый мой, художникъ, человѣкъ съ дарованіемъ... какъ же это можно пить! тсссс... (тутъ г. Кулындинъ опять-таки замоталъ головою). Нужно тебѣ сказать, прибавилъ [illegible]го родственникъ мой

Digitized by Google

даетъ тебѣ двѣ тысячи рублей въ годъ жалованья, ты будешь жить въ его домѣ, на его глазахъ; подумай объ этомъ; вѣдь если ты станешь продолжать вести себя такимъ образомъ, ты лишишься своего мѣста, а что жъ тогда?.. тссс...

Сообщивъ Сусликову еще кой-какія замѣчанія касательно новаго мѣста, снабдивъ его добрыми наставленіями, Алкивіадъ Степанычъ, тронутый вѣроятно жалкимъ видомъ гороховаго сюртука, сунулъ ему въ руку ассигнацію и приказалъ немедленно готовиться въ дорогу. На радостяхъ Сусликовъ, можетъ-быть, и отправился бы въ ближайшее заведеніе, но, къ счастью, намѣреніе его предупредили. Камердинеръ Алкивіада Степаныча, согласно отданному заранѣе наставленію, передалъ его изъ рукъ въ руки Аринѣ Минаевнѣ, которая, извѣщенная уже обо всемъ, ожидала блуднаго своего супруга въ передней. Находясь въ трезвомъ состояніи и бывъ слѣдовательно слабъ духомъ, Сусликовъ не противился и, прикрывъ лысину, подогнувъ колѣни, тотчасъ же послѣдовалъ за дражайшею половиной... Нѣсколько дней спустя послѣ того, изъ воротъ сѣренькаго домика съ крылечкомъ, гдѣ жилъ старый капельмейстеръ, выѣхала телѣга, навьюченная кулечками, перинами, горшками и всякимъ домашнимъ скарбомъ и рухлядью. Главное мѣсто подводы занимала Арина Минаевна. Толстая голова ея была укутана чернымъ шерстянымъ платкомъ, по-дорожному. Подлѣ нея, ближе къ козламъ, между кулемъ картофеля и футляромъ скрипки, робко высовывалась голова Сусликова. Воротникъ гороховаго сюртука, приподнятый кверху, позволялъ, однакожъ, различить лицо старика, изображавшее глубокую тоску. На облучкѣ, рядомъ съ извозчикомъ, сидѣла, обернувшись передомъ къ хозяевамъ, Дарья. Телѣга подвигалась молча, никѣмъ почти незамѣченная, посреди пыльныхъ улицъ города Б***; на всемъ пути отъ дома до заставы попались два-три лица, выглянувшія изъ оконъ между горшками съ бальзаминомъ, да и тѣ такія заспанныя и недовольныя, что Сусликовъ невольно отвернулся. У заставы подвода остановилась. Дарья медленно слѣзла на-земь. Началось прощанье. Все совершалось какъ нельзя спокойнѣе. Но когда Арина Минаевна отдала приказаніе ѣхать и телѣга тронулась, Дарья, оставшаяся одна-одинешенька, выронила изъ рукъ узелокъ, въ которомъ хранились ея пожитки, присѣла на тумбочку и разразилась

Digitized by Google

такимъ воплемъ, что стоявшій поблизости ея таможенный досмотрщикъ почелъ необходимымъ сказать ей: „чего ты глотку-то дерешь? отваливай! здѣсь не мѣсто...“

Дѣлать было нечего; Дарья встала, взвалила узелокъ на плечи и направилась къ городу, не переставая, однакожъ, оборачиваться поминутно къ дорогѣ, гдѣ клубилось косое облако пыли, относимое вѣтромъ...

Легко, очень легко, могло статься, что Сусликовъ, несмотря на то, что ему было скоро шестьдесятъ, и глаза его начинали слѣпнуть, довершилъ бы свою музыкальную карьеру чѣмъ-нибудь достопримѣчательнымъ и оправдалъ бы надежды Алкивіада Степаныча Кулындина, если бы только счастливая звѣзда его, утомленная, вѣроятно, напутствовать такого недостойнаго любимца, не закатилась преждевременно. Сусликову должно быть ужъ на роду написано было получать не болѣе 500 рублей жалованья и проживать смирненько, скромненько, въ глухой неизвѣстности, подъ блюстительнымъ окомъ Арины Минаевны. Дѣло въ томъ, что Семенъ Игнатьичъ не доѣхалъ до мѣста назначенія. На третьей или четвертой станціи отъ города Б***, онъ почувствовалъ сильный жаръ и попросилъ чего-нибудь кисленькаго, чтобы утолить жажду. Къ несчастью, въ гостиницѣ нашлось все, что̀ угодно, кромѣ того, что̀ спрашивалъ проѣзжающій. Арина Минаевна уложила мужа въ подводу и поѣхала далѣе. На пятой станціи стало ему хуже, на шестой—еще хуже; на седьмой—онъ слегъ въ постель шурина, станціоннаго смотрителя, полежалъ часъ, другой, вздохнулъ, попросилъ еще разъ чего-нибудь кисленькаго и отдалъ Богу грѣшную свою душу...

Что жъ касается до Арины Минаевны, она живетъ осю-пору, и какъ еще живетъ! толстѣетъ и добрѣетъ съ каждымъ часомъ; да впрочемъ, что̀ ей дѣлается? Она разъѣзжаетъ по уѣздамъ отъ одной помѣщицы къ другой: гдѣ день погоститъ, гдѣ два, гдѣ и цѣлую недѣльку. Тутъ выпроситъ медку, тамъ крупицы, здѣсь курочку, въ другомъ мѣстѣ поднесутъ рюмочку, въ третьемъ предложатъ очередную подводку да проводника доѣхать до ближайшаго сосѣда. И вотъ, Арина Минаевна садится и ѣдетъ себѣ по извилистому, кочковатому проселку, покрякивая да подталкивая своего вожатаго. Подъѣзжаетъ она, голубушка, къ барскому дому, вываливается кряхтя изъ телѣги, спрашиваетъ повелительно помѣщика или помѣщицу и прямо вваливается въ

Digitized by Google

— Здравствуйте, сударыня или сударь, говоритъ Арина Минаевна, смягчая по возможности свой сиплый, баситый голосъ,—здравствуйте, честь имѣю рекомендоваться,—была прежде жена музыканта—капельмейстера, а теперь—просто Арина Минаевна...

— Позвольте узнать, спрашиваютъ обыкновенно хозяева,—что вамъ угодно?

— Всякое даяніе благо... всякое даяніе благо... не поможете ли чѣмъ бездѣтной одинокой вдовѣ?.. отвѣчаетъ Арина Минаевна, слегка приподнимаясь съ мѣста и устремляя сѣрые глаза свои на хозяевъ.

Она всѣмъ беретъ, чѣмъ угодно; и удивительное дѣло, какъ проворно исчезаетъ въ ея рукахъ всякое подаяніе! вотъ, кажется, только что взяла цѣлковый, глядишь, глядишь пристально—и уже нѣтъ его, между тѣмъ какъ ея пальцы, толстые и жирные, кажется, вовсе не созданы для фокусовъ. Послѣ подаянія, радушные хозяева предлагаютъ бѣдной вдовѣ откушать съ ними чѣмъ Богъ послалъ; но Арина Минаевна имѣетъ обыкновеніе отказываться, увѣряя, что только-что отобѣдала у губернаторши.

— Велите-ка лучше, милостивая государыня, присовокупляетъ вдова,—истопить мнѣ баньку...

Послѣ баньки, которую Арина Минаевна между прочимъ считаетъ первымъ наслажденіемъ, она проситъ, чтобъ ей отрекомендовали кого-нибудь изъ ближайшихъ сосѣдей, и обращается обыкновенно съ этою просьбою къ людямъ.

— Да ты мнѣ, братецъ, не толкуй, говоритъ она съ нѣкоторымъ жаромъ,—не разсказывай про тѣхъ, у кого въ семи дворахъ одинъ топоръ; говори про тѣхъ, которые могутъ мнѣ помощь оказать... понимаешь?..

Разспросивъ подробно, какъ и куда слѣдуетъ ѣхать, Арина Минаевна какъ бы вдругъ перемѣняетъ намѣреніе и проситъ у хозяевъ позволенія заночевать. Такимъ образомъ, заночевываетъ она, сердечная, ночь, другую, третью, пока, наконецъ, хозяинъ или хозяйка, приведенные въ отчаяніе опустошительною гостьею, не предлагаютъ ей очередную подводу. Тогда Арина Минаевна Сусликова, нимало не обидясь, прощается съ хозяевами, укладываетъ свои узелки съ подаяніемъ, вваливается, кряхтя и ворча, въ телѣгу и снова отправляется въ путь.

1848 г.

Digitized by Google

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА.

(повѣсть.)

Охъ, весною да безпольице,
Лѣтомъ тяжкія работушки,
Осенью да бездорожьице,
Зимой—зимушка студеная.

Простонародная пѣсня.

I.

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной!
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ!

Кольцовъ.

Заря только что занималась... Туманныя полосы, въ которыхъ тонули луга и пашни, начинали, однакожъ, алѣть и расходиться; и только холмистыя поля, заслонявшія восходъ, оставались покрыты черною, холодною тѣнью.

Солнце далеко не показывалось надъ ними.

А между тѣмъ, на смугломъ хребтѣ ихъ, обозначавшемся все рѣзче и рѣзче въ загоравшемся горизонтѣ, уже давнымъ-давно трудился пахарь. Угловатая профиль дряхлаго его туловища, согбеннаго годами и заботой, четко вырѣзывалась въ чистомъ, прозрачномъ небѣ, вмѣстѣ съ профилью старой клячи, тащившей соху; вытянувъ длинную, кудластую шею свою, усиленно подогнувъ переднія ноги, она также трудилась, взрывая жёсткую, неблаго-

Digitized by Google

дарную почву; подлѣ бѣжалъ, спотыкаясь, жеребенокъ „сосунчикъ“, упорно прижимавшійся къ костлявымъ бокамъ ея своими жиденькими членами, покрытыми сѣрымъ пухомъ. За сохою слѣдила, то подымаясь на воздухъ, то припадая къ землѣ, цѣлая стая сизыхъ и бѣлыхъ полевыхъ голубей, искавшихъ завтракъ въ засвѣжо раскрытой бороздѣ, которую проводилъ пахарь.

По мѣрѣ того, какъ горизонтъ становился ярче и ярче, въ поляхъ и особенно въ лощинѣ, лежавшей по ту сторону горы и обращенной къ солнцу, все постепенно оживало и наполнялось звуками. Робкій голосъ овсянки и пѣночки откликнулся уже гдѣ-то на проталинкѣ; легкій вѣтерокъ пахнулъ сильнѣе, принося жирный запахъ только что вспаханной нивы; тамъ, изъ-за темной кочки, тяжело взмахнулъ крыльями грачъ, первая хлѣбная птица, и высоко поднялся въ сверкающемъ небѣ; лощина, потопленная золотыми лучами восхода, вскорѣ представила самую жизненную картину: по всѣмъ направленіямъ, вдали и вблизи, показались пахари съ ихъ лошадьми, тащившими сохи и бороны, которыя подпрыгивали на кочкахъ, влача за собою косматые пучки травъ, захваченныхъ зубцами. Отдаленные крики: „возлѣ, возлѣ!“ или „ближе, ближе!“, которыми пахарь возбуждаетъ рвеніе лошади, заставляя ее, въ то же время, держаться прямого направленія сосѣдней борозды, внятно раздавались въ чистомъ воздухѣ; слѣва лощина замыкалась длинною березовою рощей, усыпанной только что распускавшимися почками. Милліоны голосовъ подымались оттуда: все вокругъ радовалось и улыбалось теплому весеннему утру...

Но старый пахарь, преданный весь своей работѣ, казалось, ничего не замѣчалъ; онъ выступалъ за сохою тѣмъ же медленнымъ, ровнымъ шагомъ, кладя борозду подлѣ борозды и постепенно спускаясь въ лощину. Это былъ мужикъ, уже согнутый и покрытый морщинами; лѣта его опредѣлить было, однакожъ, трудно; есть время, гдѣ почти невозможно это сдѣлать; труды и забота рано кладутъ на лица поселянъ печать загрубѣлости, истомы и старости. Судя, впрочемъ, по широкой лысинѣ и сѣдымъ волосамъ, спускавшимся длинными прядями по обѣимъ сторонамъ щекъ, ему можно было дать лѣтъ пятьдесятъ слишкомъ; онъ былъ небольшого роста, сухощавъ, костлявъ, но еще здоровъ и плотенъ; худенькое лицо его, покрытое с
и красными жилками, [illegible]ось къ землѣ, его

Digitized by Google

лицѣ—особенность, нимало, однакожъ, не отнимавшая у него выраженія добродушія и какой-то ясности, которая просвѣчивалась во всѣхъ чертахъ; маленькіе сѣрые глазки, окруженные красными, больными вѣками, безпрерывно суживались, что̀ постоянно придавало лицу старика видъ веселый и улыбающійся.

Итакъ, онъ усердно работалъ, не обращая ни на что вниманія; изрѣдка лишь остановится, понюхаетъ табачку изъ берестовой тавлинки, спрятанной за пазухой, или вдругъ повернется спиною къ рощѣ и, приложивъ ладонь къ глазамъ, чтобы защитить ихъ отъ свѣта, пристально поглядитъ въ безкрайное поле, гдѣ пашетъ сынъ, — и снова за соху.

Солнце не на шутку начало уже припекать лысину его, когда онъ остановился, наконецъ, у межи и рѣшительно отеръ поръ. Взглянувъ тогда украдкою на сына, онъ дернулъ вожжами, своротилъ соху и пошелъ къ нему навстрѣчу. Достигнувъ куста орѣшника, на которомъ висѣли двѣ сермяги, старикъ бросилъ вожжи и принялся выжидать сына, успѣвшаго въ это время сдѣлать еще конецъ и возвращавшагося къ кусту.

Сыну было всего лѣтъ восемнадцать; дѣтина былъ рослый, свѣжій, здоровый, съ русыми кудрями, падавшими скобками вдоль полныхъ щекъ, подернутыхъ первымъ пухомъ.

— Ну, что̀, Петрушка, умаялся? спросилъ старикъ, когда тотъ подошелъ къ нему валкимъ шагомъ.

— Ничего, батюшка, отвѣчалъ парень, тряхнувъ волосами и въ то же время отирая рукавомъ рубахи лобъ и щеки.

— То-то, продолжалъ, подтрунивая, отецъ, — зналъ только, о сю пору, челночкомъ на фабрикѣ пощелкивать... Э! небось, пашенка не свой братъ: какъ разъ упа̀ритъ! Ладно, выѣхали до зари, хошь росой маленько землицу-то посмочило, а то бы не такъ еще уломался; ишь какъ ее, нашу матушку, присушило... смерть!.. Ну, чего жъ стоишь? Распрягай лошадей: пусть ихъ подберутъ травки, пока мы отдохнемъ да пообѣдаемъ... Ухъ, какъ упыхался! Рубаху-то хоть выжми.

Они молча распрягли лошадей, пустили ихъ на паръ и снова сошлись къ кусту орѣшника; старикъ вынулъ изъ-подъ него плетеную берестовую котомку, выложилъ поочередно передъ сыномъ полновѣсный сукрой хлѣба,

Digitized by Google

черный глиняный горшокъ, заткнутый ветошью, тряпицу съ солью, и оба дружно принялись за обѣдъ.

— Эхъ! кабы да къ эвтому лучку теперь либо огурчика! вотъ дѣло было бы ладно, замѣтилъ старикъ, между тѣмъ какъ сынъ, несмотря на такія прихоти, усердно вонзалъ бѣлые какъ кипень зубы въ ломоть чернаго хлѣба.— Да авось-либо Господь насъ не оставитъ, продолжалъ отецъ, жадно прихлебывая изъ кувшина,—прошлый годъ, и то великъ больно разстрой вышелъ, ничѣмъ-ничего не уродилось... Неужто и нынче не создастъ намъ Господь хлѣбушка!..

— Съ чего бы, кажись, батюшка, быть нынѣ недороду? простодушно вымолвилъ парень,—ишь какія стоятъ вёдра! За прошлую вёсну, помнится, объ эту пору дождику переводу не было.

— Точно, годъ былъ мочливый, отвѣчалъ отецъ, заботливо качая головою, — на нашу землицу не угодишь: песокъ да глина; до пахоты пошелъ дождь: землю смочило, и пахать сподручно; спахалъ, вёдра надыть для сѣва, ждать время не приходится; старики говорятъ: „сѣй въ золу да въ пору!“ И то сказать надо: упустишь сутки въ весну, въ осень недѣлей не нагонишь... Посѣялъ— опять надо просить у Бога дождичка, да и то въ уровень: пошелъ забойный — забьетъ, того и смотри, зернышко въ землю! Тамъ, поздній сѣвъ, овсы да гречиха—опять надыть тепло да вёдра; старики сказываютъ, овесъ надо сѣять, когда голая нога не стынетъ на пашнѣ и листъ какъ есть развернется; тамъ опять подмочить его надо, какъ заборонишь... никакъ не угодишь! Много дождя— разступилась наша пашенка словно кисель; мало—пошла трескаться, камень-камнемъ!.. Вотъ теперь ужъ какъ бы по-настоящему дождя-то надо, присовокупилъ онъ со вздохомъ,—совсѣмъ одолѣли вёдра, тепло такое стоитъ, того и смотри, засушь; ничему нѣтъ росту; вонъ, посмотри, озими-то какія голодныя: словно варомъ ихъ поварило (онъ выразительно протянулъ жилистую свою руку на сосѣднюю ниву, покрытую рѣденькими зеленоватыми отпрысками),—давно пора бы птицѣ въ нихъ хорониться, а ихъ отъ земли не видать... Эхъ, кабы на нихъ да нашу матушку, тучку, онѣ бы сейчасъ какъ есть вздохнули; росой только и пробавляются... По всему сдается, и нынче быть сухменному лѣту; утренники студеные стоятъ, а день весь солнышко припекаетъ словно лѣтомъ... шутка,

Digitized by Google

съ самаго Еремѣя-запрягальника почитай дождя-то не было... Ишь, какъ паритъ, словно въ жнитво, продолжалъ онъ, проводя ладонью по лысинѣ, — ну, Петруха, сытъ, что ли?

— Сытъ, батюшка.

— И слава Господу Богу... Эхма! прибавилъ онъ, ставъ на колѣни и тряхнувъ шутливо сына по плечу,—была бы у насъ мука, напекли бъ мы съ тобою пироговъ, да горе, что не дается!... Ну, я чай, послѣ работы и вздохнуть не грѣхъ...

Сказавъ это, старикъ запряталъ въ котомку остатокъ обѣда, бодро поднялся на ноги, посмотрѣлъ, гдѣ лошади, и, перекрестившись на востокъ, развалился подъ кустомъ, подложивъ руку подъ голову и прикрывъ лицо шапкою. Сынъ не замедлилъ послѣдовать его примѣру, и вскорѣ оба заснули сладкимъ сномъ, подъ шумокъ насѣкомыхъ, которыя жужжали и кружились надъ ихъ головами...

II.

Заодно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

Кольцовъ.

Солнце далеко перешло половину неба, когда Петръ разстался съ отцомъ и вновь очутился одинъ-одинёшенекъ посреди полей. Несмотря на усердіе и готовность, съ какою принимался онъ за работу, легко было замѣтить, однакожъ, что мысли его частенько отрывались отъ сохи и уносились Богъ знаетъ куда; борозда шла тогда косѣе, кляча тащила лѣнивѣе, а наконецъ и вовсе останавливалась; и каждый разъ спохватится нашъ молодякъ, проворно подыметъ голову, дернетъ вожжами, а тамъ, смотришь, опять зазѣвался, повѣсилъ не вѣсть зачѣмъ голову, и снова пошла косить борозда подъ сошникомъ.

Уже передвоилъ онъ съ грѣхомъ пополамъ половину нивы, когда разъ, поднявъ голову, увидѣлъ вдалекѣ, на дорогѣ, извивавшейся посреди пашенъ, какъ будто что-то бѣлѣлось. Онъ невольно остановилъ лошадь и сталъ вглядываться; вскорѣ зоркій глазъ его различилъ бабу, которая несла что-то на спинѣ и, какъ казалось, направлялась прямо въ его сторону. Живой человѣкъ въ полѣ не диковинка! Но какъ бы тамъ ни было, появленіе бабы,

Digitized by Google

повидимому, сильно запугало парня; щеки его загорѣлись, что кумачъ, онъ поспѣшно поворотилъ соху, такъ чтобы проходившая мимо баба не могла его узнать, и, нагнувъ голову, принялся за работу.

Къ несчастію, дорога прилегала прямо къ его нивѣ; трудно было послѣ этого, чтобы проходившій по ней своякъ и особенно баба, завидя молодого парня, рѣшилась пройти мимо, не перекинувшись словомъ.

Такъ и случилось. Поровнявшись съ нивой, баба остановилась, сбросила съ плечъ свертокъ холста и принялась ждать, пока парень вернется къ дорогѣ.

Бабенка была еще моложавая; въ одеждѣ ея замѣтно было болѣе щегольства, чѣмъ у простой крестьянки. Несмотря на будни, изъ-подъ коротенькой понёвы выглядывали узорчатые, строченые коты, надѣтые на босую ногу; широкую грудь перехватывалъ темный ситцевый передникъ съ большими желтыми разводами; на головѣ пестрѣлъ яркій писанный платокъ, широкіе концы котораго падали на плечи рубашки, вышитыя краснымъ и синимъ гарусомъ. Свѣжее лицо ея было красно и лоснилось на солнцѣ какъ сафьянъ; черные маслистые глазки, увѣнчанные двумя сходившимися дугами черныхъ бровей, бѣгали какъ у мышенка и, вмѣстѣ съ вздернутымъ, раздвоеннымъ на концѣ носомъ, придавали ея физіономіи что-то бойкое, наглое, игривое, — свойство, особенно послѣднее, имѣющее, какъ извѣстно, силу полонять сердца мигачей фабричныхъ, служивыхъ и подгородныхъ гулливыхъ мѣщанъ.

— Здравствуй, Петруша, сказала она заманчиво, когда парень остановилъ передъ ней соху и неловко приподнялъ шапку,—какъ поживаешь?..

— Ничего, ладно.... отвѣчалъ Петръ, нагибаясь къ подсошнику, чтобы скрыть свою неловкость.

— Что больно спесивъ сталъ? продолжала бабенка, подбочениваясь и потряхивая головою.

— А что мнѣ спесивиться! А нешто... я ничего... сказалъ Петръ, разглаживая волосы.

— Какъ ничего! Въ одномъ селѣ живемъ, а хоть бы слово сказалъ... и на улицѣ-то не подойдешь... не стать бы, кажись, тебѣ со мною спесивиться...

— Рази меня на то отецъ вызвалъ на пашню, возразилъ Петръ запинаясь, — сама, чай, знаешь, здѣсь не на фабрикѣ работа, да и время-то рабочее.

Digitized by Google

— Вотъ то-то, теперь работа! перебила она поддразнивая,—ты думаешь, я не знаю...

— Что ты знаешь! подхватилъ онъ, плохо скрывая смущеніе.

— Ишь какой! ловокъ больно, думаешь люди-то глупѣе тебя...

— Да что ты знаешь?

— А вотъ знаю же! знаю! произнесла бабенка съ нѣкоторой досадой, — совокъ да не ловокъ: прежде и тово, и сево... а на деревню пришелъ, и глядѣть не хочешь...

— Чего тебѣ-то отъ меня надо? съ сердцемъ спросилъ Петръ.

— Чего? проговорила, переминаясь, бабенка,—чего? а! такъ ты вотъ какъ! заключила она, какъ бы не зная уже, что отвѣчать.—Ладно же, ладно, не впервые намъ съ тобой встрѣчаться!.. я те припомню!

— Ладно, припоминай сколько хочешь: я тебя не боюсь...

— Ой ли?.. Ну, хорошо, бойся и не бойся, припомнишь, припомнишь! вымолвила она, взваливая на плечи свертокъ холста. — Припомнишь! прибавила она, обернувшись еще разъ и останавливаясь посреди проселка.

— Ладно, ладно, ступай своей дорогой, сказалъ Петръ, погоняя лошадь.

— И пойду... что ты думаешь, не пойду; а вотъ пойду же, пойду... думаешь, больно мнѣ нужно! много васъ шушеры, лохмотниковъ окаянныхъ!..

— Ступай, ступай!..

— Не спрошусь тебя! прокричала она, яростно размахивая руками и снова останавливаясь.

На этотъ разъ Петръ ничего уже не отвѣчалъ, повернулся къ ней спиной и тронулъ вожжами.

Встрѣча съ краснощекой бабенкой, казалось, еще сильнѣе закручинила молодого пахаря.

И было, впрочемъ, изъ чего.

Въ бытность Петра на фабрикѣ, передъ тѣмъ, какъ отправиться ему къ отцу, лукавый натолкнулъ его на солдатку Домну (такъ звали бабенку). Оба, какъ на зло, были изъ одной деревни. Домна, баба вострая, которой вчастую приходилось бражничать съ фабричными ребятами, подсѣла къ нему и, благо парень въ ту пору былъ простоватъ, давай вертѣть имъ какъ покромкой. Только и бѣды-то всей было, что Петръ занялъ у хозяина двугривенный, да потрунили день-другой

Digitized by Google

парни. Недѣли двѣ спустя послѣ этого, наступила Святая, и Петръ, по уговору, распрощался съ хозяиномъ фабрики и пошелъ на лѣто къ отцу, въ сосѣднюю деревню, откуда была также и Домна.

Гдѣ ужъ и быть веселью, какъ не на Святой! Знамое дѣло, въ деревнѣ не каждый день праздникъ. Пошли хороводы да пѣсни. Дѣвки понадѣли пестрые платки, парни красныя рубахи съ синими ластовицами, схватились за руки, и началось раздолье. Глядѣлъ такъ-то Петрушка, глядѣлъ на старостину дочку, да мысли къ ней и припали. Полюбить развѣ долго? Разъ взглянулъ, другой взглянулъ, поговорилъ въ третій, въ хороводѣ прошелъ, и дѣлу конецъ; запала зазнобушка, бродятъ по ней мысли день и ночь, что брага молодая, незаквашенная! Забылъ Петрушка и фабрику, и парней фабричныхъ, и Домну-солдатку. И дѣвка-то, кажись, старостина-то дочка, не прочь была отъ парня. Прошла Святая, — стоятъ оба на заваленкѣ, каждый на своей, да переглядываются промежъ себя, ни дать, ни взять—звѣздочки перекатныя на синемъ небѣ, когда на немъ ни облачка. Проходитъ еще недѣля, и вдругъ, откуда ни возьмись, къ рабочему времени и Домна перебралась въ деревню. Бѣды тутъ большой опять-таки для Петра не было, да парень-то больно былъ новый, тихій: боялся, не наягозила бы чего тараторливая баба. Начнетъ болтать, сплететъ не вѣсть что, а тамъ, глядь, и Парашка перестанетъ съ нимъ кланяться. Вотъ почему такъ усердно избѣгалъ онъ встрѣчи съ солдаткой и смутился, когда столкнулся съ нею глазъ-на-глазъ въ полѣ.

Раздумье, овладѣвшее имъ, было такъ сильно, что онъ не замѣтилъ даже, какъ подъѣхалъ къ нему отецъ.

— Порѣшилъ, что ли, нивку-то? спросилъ старикъ, пристально оглядывая поле.

— Послѣднюю борозду провожу, батюшка, оторопѣвъ, отвѣчалъ сынъ.

— Эхъ, рѣдко запахалъ вонъ тотъ клинъ! э! э!.. а еще домкомъ собираешься жить; говорилъ: не тормози руки, вымолвилъ старикъ, уперши ладони въ бока и слегка подсмѣиваясь надъ парнемъ, съ котораго валилъ потъ.

— Никакъ не осилишь, батюшка: ишь какая сушь...

— Ладно, ладно... хорошо еще, до свѣту выѣхали: успѣли передвоить... Пойдемъ домой, солнышко садится, старуха-то наша ждетъ, я чай, не дождется...

Digitized by Google

Они перекинули на плечи сермяги, перевернули сохи сошникомъ кверху и выбрались на дорогу.

Скаты полей начинали уже покрываться огненнымъ заревомъ заката; сизая, зубчатая тѣнь отъ рощи, куда тянулась дорога, постепенно захватывала окрестность; съ востока небо заволакивалось тучами; въ воздухѣ замѣтно холодѣло.

Вскорѣ наши мужички достигли опушки рощи и, немного погодя, скрылись между деревьями, успѣвшими уже окончательно распуститься въ продолженіе дня. Тутъ Петръ оставилъ свою лошадь позади, приблизился къ отцу, и оба пошли рядышкомъ.

Все вокругъ дышало той весенней прохладой и сыростью, долго еще не покидающей лѣса, гдѣ, несмотря на засушь равнинъ, часто подъ грудами прошлогоднихъ листьевъ, рядомъ съ новой травкой, дотаиваетъ втихомолку пластъ рыхлаго, темнаго снѣгу. Съ обѣихъ сторонъ проселка, врѣзаннаго глубоко въ землю и исполосованнаго корнями, тѣснились кусты вербы, орѣшника, жимолости; ихъ красные и голубоватые прутья, лишенные еще зелени, ярко пестрѣли надъ черною, влажною почвой. Мѣстами на глинистую окраину проселка свѣшивался крутой бугоръ мху, изъ-подъ котораго сочилась вода, падавшая капля за каплей въ ближнюю колею, заваленную сучьями и покрытую плѣсенью. Кое-гдѣ между бѣлѣвшими стволами березъ прорѣзывалась лужайка, охваченная золотымъ лучомъ солнца; жиденькая ея травка пестрѣла сквозившимися листами ландышей и фіалокъ, которые разливали тонкій запахъ въ сыромъ вечернемъ воздухѣ. По мѣрѣ того какъ Петръ и отецъ его забирались далѣе, кругомъ дѣлалось тише и тише, такъ что постукиваніе бороны, прыгавшей по корнямъ, одно раздавалось въ рощѣ.

— Эхъ, какъ холодкомъ-то хорошо идти, словно жерновъ съ плечъ снялся! началъ старикъ, снимая шапку.— Что это за весна, право, кажись я такой и не запомню... Бѣда, коли долго будетъ такъ-то стоять, куда тяжко будетъ: ничего не уродится!.. придется: ни вонъ, ни въ избу!.. Нашъ оброкъ не то, чтобъ непосильный, что Бога гнѣвить! — а все внести его надо по осень; пятьдесятъ рублевъ деньги большія въ такіе годы... Вотъ вѣдь и женить тебя пора, Петруха; — что глаза-то на меня уставилъ! вѣстимо пора...

Digitized by Google

Онъ взглянулъ на сына и невольно усмѣхнулся, видя, какъ тотъ осадилъ тотчасъ же назадъ и замялся.

— Самъ вѣдаешь, продолжалъ отецъ, поглаживая лысину и стараясь принять заботливое выраженіе, — старъ я сталъ, одинъ работы не осилю, да и старуха наша одна съ домомъ не управится; братишки еще махонькіе: что въ нихъ!.. Тебѣ съ Миколы восемнадцатый годъ пошелъ; я на то тебя изъ фабрики на пашню и вызвалъ... а ты думаешь зачѣмъ?.. Время старикамъ подсоблять... Ума вотъ только не приложу, присовокупилъ старикъ, искоса поглядывая на сына, который шелъ, понуря голову, — кого бы въ снохи взять; въ своей деревнѣ одна Карпова Парашка на выданьи... да та не по насъ... отецъ артачится добре много: не отдаетъ даромъ, знай, молъ, старосту!.. Вотъ развѣ изъ чужой какой вотчины засватать...

— Слушай, батюшка, что я тебѣ скажу, вымолвилъ Петръ, запинаясь и обращая къ отцу зардѣвшее лицо свое, — я, кажись, о сю пору ни тебѣ, ни матери ни въ чемъ не перечилъ и впредь изъ твоей воли не выступлю... только ты, батюшка, не неволь меня въ эвтомъ дѣлѣ...

— А развѣ я тебя неволю? экой дурень! къ слову только пришлось, отвѣчалъ старикъ, поглядывая на сына смѣющимися своими глазками.—Въ семьѣ и каша гуще, пора, молъ, парнюху женить,—вотъ что!.. А и то сказать: батрака, что ли, подрядилъ ты за меня старика, я вотъ про что толкую...

— Я нешто отнѣкивался когда отъ работы? сказалъ Петръ, едва скрывая досаду, — нешто пенялъ я на васъ? Дѣлай со мною что хочешь, твоя воля; а изъ чужой деревни не возьму за себя дѣвку... лучше смерть принять!..

— А что жъ такъ? спросилъ старикъ, ухмыляясь въ бороду.

— А вотъ что, возразилъ парень съ рѣшимостью, — окромя Карповой Парашки никого за себя не возьму!..

— А что, развѣ полюбилась?.. Ишь разгасился какъ! сказалъ отецъ, давъ на этотъ разъ полную волю своему смѣху.—Эхъ, вы! вамъ бы только была взрачная да осанистая! А что въ нихъ, въ сухопарыхъ-те, ну, хошь бы въ Карповой Паранькѣ? Съ лица-то ея не воду намъ пить!.. Ну, ну, что голову-то повѣсилъ, полюбилась, так

Digitized by Google

полюбилась, я не перечу, коли ты ей любъ; она дѣвка не гуляща — что̀ худое говорить — дѣвка сытая, хорошая дѣвка; да вѣдь я жъ те говорю, Карпъ даромъ ее не отдаетъ...

— Такъ что жъ, батюшка, рази у насъ рукъ не стало? Годъ только что начался, время много до осени...

— Эхъ! голова-то у те, видно, только для шапки и сдѣлана... дурень, дурень! Слышь, говорятъ тебѣ: отецъ восемьдесятъ рублевъ за нее выкупу проситъ, а у насъ въ домѣ алтына нѣту; послѣднія деньги, что̀ были, за корову отдали... малолѣтокъ ты, что ли? Вишь весна какая: завтра Егорья, а травы отъ земли не видать,—чего ужъ тутъ ждать по осени...

— Да что ты, батюшка, загадываешь, — время раннее, можетъ, еще уродитъ намъ Господь, — самъ говорилъ ты намедни, ласточки рано прилетѣли... И то сказать, станъ у меня теперь поставили: все штуку хошь одну миткалю вытку; вотъ-те и тридцать рублевъ лишку...

— Лишку! Эхва! а оброкъ забылъ?.. Пятьдесятъ рублевъ одного оброку...

— Погоди, батюшка, братишки малы, малы, а все въ лѣто шпуль намотаютъ рублей на тринадцать; да корова къ осени отелится... я чай, въ городѣ-то все рублевъ десятокъ дадутъ за телка...

— Ладно, ну-ткась, перебилъ отецъ, выставляя лѣвую руку впередъ и принимаясь загибать правою палецъ за пальцемъ,—считай: тридцать рублевъ, да тринадцать, да еще десять,—сколько, по-твоему, выходитъ?..

— Пятьдесятъ три рубля, съ запинкою отвѣчалъ парень.

— То-то же, отдашь оброкъ,—три рублишка и останется тебѣ на свадьбу...

— Я чай, ржицы-то продашь хоть на сколько-нибудь, вымолвилъ Петръ нетвердымъ голосомъ.

— На это считать спозаранку нечего: что̀ еще Богъ дастъ.

— А сѣно-то! воскликнулъ парень, какъ бы спохватившись.

— Экой ловкій какой! Ну, а какъ дожди пойдутъ къ Петрову дню, да подмочитъ его на покосѣ... тогда что̀?

— Да что̀ ты взаправду, батюшка, все къ худому загадываешь! съ сердцемъ пр[illegible]етръ.

Digitized by Google

— Ну, Петруха, знать, больно полюбилась тебѣ Карпова Парашка, заключилъ отецъ, заливаясь смѣхомъ, крутя головою и ударяя ладонями по поламъ. — Дѣлай, какъ знаешь, присовокупилъ онъ серьезнѣе, — приневоливать не стану, а только коли годъ выйдетъ плохой, да денегъ на оброкъ въ обрѣзъ хватитъ—не видать тебѣ ея, какъ ушей своихъ.

Между тѣмъ, какъ они такъ разсуждали, деревья постепенно рѣдѣли, и вдругъ на крутомъ изгибѣ проселка оба очутились прямо противъ заходящаго солнца, лучи котораго потопляли въ этомъ мѣстѣ расщелину рощи. Вскорѣ передъ ними открылся широкій лугъ, спускавшійся пакатомъ къ деревнѣ.

— Погляди, Петруха, радостно воскликнулъ старикъ, указывая на востокъ, окутанный сизою тучей, — никакъ замолаживать начинаетъ!.. Эхъ, кабы Господь дождичка послалъ... Господи! прибавилъ онъ, снимая шапку и крестясь набожно на востокъ, — создай намъ тихую воду и теплую росу!..

Петрушка снялъ шапку и также перекрестился.

— Ну, вотъ, Петруха, плакались мы съ тобой, произнесъ старикъ, лицо котораго вмигъ повеселѣло, — вотъ, можетъ статься, и благодать небесная!.. Ишь какъ небото съ той стороны позаволакиваетъ!.. Дай то, Господи!.. пойдетъ дождь—не о чемъ будетъ кручиниться,—сватай тогда любую невѣсту; тебѣ Парашка, а намъ, старикамъ, покой да хлѣбъ святой... Пойдемъ скорѣй домой; я чай, на деревнѣ не нарадуются!.. иди дружнѣй...

Въ радости, старикъ не замѣчалъ, какъ сынъ поминутно отставалъ, снималъ шапку, глядѣлъ пристально на приближавшуюся тучу и крестился, произнося шопотомъ: „создай, Господи, тихую воду и теплую росу“...

Лугъ, по которому змѣился теперь проселокъ, ограничивался слѣва крестьянскими капустниками, околицей и задами деревни—амбарами, ригами и клѣтушками, перехваченными плетнями, надъ которыми кое-гдѣ высились столѣтнія ветлы, усѣянныя гнѣздами; справа лугъ замыкался песчаными берегами рѣки и холмистыми полями. На одномъ изъ загибовъ рѣки, далеко-далеко, новая, только что выстроенная мельница показывала изъ-за ветлъ свою новую тесовую кровлю, охваченную солнцемъ.

Вскорѣ старикъ и сынъ его остановились у околицы.

Digitized by Google

III.

Дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ ленъ,
Поливай ведромъ!..

Простонародная пѣсня.

Улица была уже окутана тѣнью, и только макушки крышъ, обращенныя къ закату, горѣли какъ вылитыя изъ золота. Почти у каждой заваленки, загроможденной сохами и боронами, толпился народъ. Ребятишки носились взапуски вокругъ часовни и окружавшихъ ее березокъ; топанье лошадей, пущенныхъ безъ путъ на улицу, скрипъ воротъ, крикъ дѣтей, пронзительный визгъ бадьи, которую безпрестанно подымали и опускали у водопоя, наполняли деревню веселымъ гамомъ.

Петръ и отецъ подъѣхали къ кривой избенкѣ и остановились передъ воротами; распрягши лошадей, они загремѣли щеколдой и вступили на топкій, узенькій дворъ, обнесенный кругомъ сплошнымъ соломеннымъ навѣсомъ, бросавшимъ густую тѣнь, въ которой мелькали телѣга, сломанное колесо, ободья, корыто, оглобли. Полдесятка куръ отозвались тотчасъ же звонкимъ кудахтаньемъ со своихъ жердочекъ. Изъ самаго темнаго угла двора, загороженнаго плетнемъ, внезапно раздалось протяжное мычанье, послѣ котораго надъ плетнемъ показалась бѣлая голова коровы.

Старикъ, не останавливаясь ни на минуту, пошелъ къ клѣти, не взглянувъ даже на овецъ и барана, которые, вытуливъ на него глаза свои, казалось, чего-то ждали, и принялся оглядывать корову. Увидя себя предметомъ такого вниманія, животное—съ радости, вѣроятно,—дунуло такъ сильно мокрыми своими ноздрями въ корыто, куда нагнулся было хозяинъ, что тутъ же напустило ему въ лицо цѣлое облако отрубей и пыли.

— Эхъ! Христосъ съ тобой! вымолвилъ онъ, протирая глаза и отступая шагъ назадъ.—Знать, соскучилась стоять? Погоди, погоди, завтра на травку выпустятъ... Эй, Петруха! подь-ка сюда, прибавилъ онъ, обращаясь къ сыну, который развѣшивалъ хомуты... Старуха наша хоть и не велитъ похваляться, а надо сказать правду, — погляди-ка,—знатная животина [illegible]мъ; на всемъ селѣ

Digitized by Google

другой такой не найдешь, — ей-Богу, правда; ишь утробистая какая! присовокупилъ онъ, трепля ее самодовольно по ребрамъ.

— Демьянычъ! а, Демьянычъ! что те тамъ надыть!.. чего не видалъ! послышался полусердитый, дребезжащій голосъ на другомъ концѣ навѣса.

Старикъ проворно заслонилъ плетень и, вынырнувъ изъ-подъ клѣти вмѣстѣ съ сыномъ, очутился въ нѣсколькихъ шагахъ противъ жены, — крошечной старушки со вдавленными плечами и грудью, которая торопливо пробиралась по кирпичикамъ и полѣньямъ, разбросаннымъ для хода по двору, отъ крылечка до навѣса.

Поступь ея и движенія отличались необыкновенною суетливостью и прыткостью; худенькое желтоватое лицо, сморщенное преждевременно пареньемъ въ плечахъ, работой, зноемъ и всякими другими невзгодами, наполовину только выглядывало изъ-подъ синяго прорваннаго платка, небрежно окутывавшаго голову; сразу можно было узнать въ ней тѣхъ хлопотушекъ-домохозяекъ, охотницъ до мелочного порядка, вѣчно суетящихся, вѣчно бѣгающихъ отъ печурки до каморы, отъ каморы до клѣти, самоуправно распоряжающихся всѣмъ домомъ и наполняющихъ его ворчаньемъ, стоящимъ, впрочемъ, лучше иной ласки.

— Ну, что ты, старый дурень, прости Господи, глаза-то уставилъ! проговорила она скороговоркою, приправляя каждое слово быстрымъ движеніемъ головы и рукъ и едва сохраняя равновѣсіе на полѣнѣ, вертѣвшемся подъ ногами,—небось, извести захотѣлось животину-то?.. Стоитъ себѣ, старый дурень, да похваливаетъ. Стоитъ да похваливаетъ, продолжала она, горячась болѣе и болѣе и наступая на мужа, который стоялъ, почесывая затылокъ и ухмыляясь въ бороду,—небось, много у тебя коровъ-то?.. хочется, видно, чтобъ она издохла, какъ у Стегнѣя... тьфу!..

Тутъ старуха плюнула съ сердцемъ чрезъ правую руку на-земь, какъ это водится обыкновенно, чтобъ отвести вліяніе дурного глаза, и тотчасъ же, измѣнивъ недовольный голосъ, обратилась къ сыну:

— Охъ! касатикъ ты мой... что не веселъ, родной? аль больно измаялся?.. поди въ избу, болѣзный, поди, киселику поснѣдай... ишь отецъ-то словно чужакъ тебѣ достался... ступай, кормилецъ... Ну, чего буркулы-те уставилъ? стоитъ да глядитъ! прибавила она, гнѣвно обращаясь къ мужу.

Digitized by Google

— Ладно, ладно, иду, отвѣчалъ тотъ, посмѣиваясь, — эхъ, кабы хозяйка намъ молочка вынула, Петруха.. Я чай, сказали бы мы ей спасибо... ась?..

— Да, есть у меня молоко, нарочно такъ вотъ и припасла про васъ, какъ же!.. Ступай-ка, вороты-те отопри лучше, ишь ребята стучатъ...

Заботливость оказалась, однакожъ, лишнею: ворота протяжно скрипнули, и на дворъ вбѣжали два мальчика, лѣтъ по десяти. На одномъ была лишь прорванная рубашонка; руками, вынутыми изъ рукавовъ, болталъ онъ за пазухой, наполненной бабками, и глядѣлъ исподлобья; другой, смуглый, кудрявый, держалъ между пальцами какое-то подобіе утки изъ муравленой глины, которую не выпускалъ изо рта, издавая такіе пронзительные звуки, что куры, усѣвшіяся было на жердочкѣ, поскакали внизъ и забѣгали, какъ угорѣлыя, по двору.

— Тятька! закричали въ одинъ голосъ парнишки, — пусти насъ на водопой...

Демьянъ, не слушая возраженій своей старухи, начавшей было браниться за баловство, посадилъ ребятъ на лошадь, отворилъ ворота, выпустилъ ихъ на улицу и пошелъ въ избу за Петромъ, который стоялъ уже на крылечкѣ и умывалъ лицо изъ горшечка съ четырьмя горлышками, болтавшагося на перекладинкѣ противъ двери. Минуту спустя, старуха вошла за ними въ избу, таща горшокъ молока подъ полою.

— На, касатикъ, покушай, съ Богомъ, сказала она, ставя передъ сыномъ, подлѣ деревянной солоницы, наполненной комками соли, огромную чашку съ киселемъ, — въ полѣ-то, я чай, проголодался, сердечный...

— Ну, старуха, засушь какая! напасть да и только, началъ Демьянъ, опрокидывая послѣ каждаго глотка ложку къ закраинѣ чашки, — коли Господь не создастъ нынче дождичка, быть опять недороду...

Прошло нѣсколько минутъ молчанія, послѣ которыхъ старуха украдкою взглянула на мужа, отошла къ перегородкѣ, отдѣлявшей избу отъ печи, и кивнула ему оттуда пальцемъ.

— Демьянычъ, подь-ка сюда... вымолвила она.

Старикъ опрокинулъ ложку, всталъ изъ-за стола и пошелъ за перегородку.

— Быть дождю, таинственно шепнула она ему на ухо, — я, касатикъ ты мой, ономнясь въ колодезь-то мошку подсыпала...

Digitized by Google

Старикъ недовѣрчиво покачалъ головою, сѣлъ къ столу и продолжалъ ужинать.

— Старуха, а, старуха?..

— Ну, что еще? спросила она быстро, высовывая голову.

— Кисель-то какой у тебя нынче знатный. Вотъ такъ ужъ кисель... продолжалъ онъ, усмѣхаясь,— густъ только что-то... я чаялъ, ты молочкомъ его поразбавишь... эй, ссуди молочкомъ! право, спасибо скажемъ.—Петруха, проси у матери,—чего зѣваешь...

— Да что ты, одурѣлъ нынче, что ли? прости Господи! ишь его!.. Ну, ну, на тебѣ, на, ѣшь! на, на!.. проговорила она, смягчая постепенно голосъ и ставя на столъ горшокъ съ молокомъ.

— Ай-да хозяйка! вотъ такъ уважила! ну, разсказывай, что дома дѣлала?

— А что дѣлала, вѣстимо что, не баклуши била...

— Понавѣдывался кто въ избу?

— Вѣстимо, ворчала она, суетясь у печки, — свѣтъ не безъ добрыхъ людей?

— Кто жъ былъ?

— Кто! кто!.. а тебѣ что! были, да и полно. — Дарья была!

— Ой ли! ну что, отступилась отъ нея лихоманка?

— Да, какъ бы не такъ, отступится! тутъ не вѣсть еще какъ другой-то болѣсти не приступитъ... совсѣмъ извелась, сердечная.

— А что?

— Вѣстимо что: во тоскѣ да во кручинѣ живетъ, одни побои да понуканья только и видитъ. Тутъ и безъ лихой болѣсти не проживешь. Мужъ пьяница, охаверникъ, — чтобъ ему, собакѣ, на томъ свѣтѣ... тьфу! Парнишечка-то въ послѣднее время больно измаялъ ее: грыжа у него показалась; ночь за нимъ ходитъ, не смигнетъ: болѣзная такая; день отъ мужа некуда голову приклонить. Охъ, вѣстимо, все бы притерпѣлось, какъ бы не онъ, охаверникъ проклятый! Сохнетъ, бездольная, словно порошинка; радарада, коли хлѣбушка корочку слезами-те горькими смочитъ; изо-дня-въ-день плоше да плоше, убивается кажиной день, горькая; право, такъ-то жаль бабенку; смирная такая... А все отъ недобраго глаза сухота-то припала; все эта вѣдьма Домна, все она, проклятая!

— Да полно, старуха, такъ ли? мало ли что говорятъ бабы; она, можетъ, и въ мысляхъ не держала...

Digitized by Google

— Вотъ еще разсказывать сталъ! заговорила съ жаромъ старуха,—бабы, я чай, видѣли, какъ она, проклятая, идетъ, идетъ за ней, нагнулась, недобрая, взяла изъ-подъ ея слѣда земли да и бросила по вѣтру; она давно на нее злобу имѣла... Она и мальчишку-то сглазила... Подошла объ самое заговѣнье. Дарья стоитъ, такъ-то, лиха не чая, и держитъ его. „Экой, говоритъ, у те брюхастый парнишка!“ Съ той самой поры съ нимъ и попритчилось: сухота припала; я еще надоумила съ уголька спрыснуть, а то бы совсѣмъ померъ... Бабы, я чай, сами видѣли; что имъ врать-то? Давно бы пора ее изъ деревни выгнать: пускай идетъ къ своему Никанору на фабрику, пусть тамъ и безчинствуетъ съ нимъ...

— Э-ге-ге! никакъ дождичекъ не на шутку сбирается: ишь какъ заволокло, неожиданно перебилъ старикъ, нагибаясь къ окну,— дай-то Господи! Петруха, пойдемъ на улицу: я чай, весь народъ туда валитъ порадоваться Божьей милости; пойдемъ, старуха, и ты...

Едва успѣли всѣ трое вступить въ сѣни, какъ яростный ударъ грома прокатился надъ избою.

— Демьянычъ, Демьянычъ! кричала старуха, крестясь и метаясь какъ угорѣлая,—тащи скорѣй лопату на дворъ... гдѣ она?.. вонъ, вонъ, въ углу... тащи ее скорѣй на дворъ: оборони, помилуй, бѣда прилучится; громъ упадетъ на крышу... А что, касатикъ, впервые нынче громъ-то? спросила она шопотомъ у мужа, когда тотъ вынесъ лопату.

— Впервые; а что?

— Слава тебѣ, Господи, что въ скоромный день... а то бы во весь годъ, какъ есть, коровы не стали давать молочка...

Тутъ она вышла на крылечко и набожно перекрестилась.

Громъ между тѣмъ прокатился во второй и третій разъ, и когда старики присоединились къ сыну, который стоялъ уже на заваленкѣ и глазѣлъ на народъ, толкавшійся подъ каждыми воротами, крупныя капли запрыгали на пыльной дорогѣ, и вскорѣ дождь полилъ какъ изъ ведра.

— Создай, Господи, тихую воду и теплую росу, говорили послѣ каждаго громового удара Демьянъ и его старуха, крестясь на небо.

Со всѣхъ сторонъ, сквозь густое покрывало дождя, мелькали руки, которыя подымались и творили крестное зна-

меніе; многіе выходили даже на середину улицы, заглянуть, надолго ли обложило небо. Заваленки и подворотни наполнялись мужиками, бабами, ребятами; даже дряхлыя старушки-бабушки, много дней не сходившія съ печи, и тѣ показались въ толпѣ съ грудными внучками на рукахъ. Посреди шума и хлестанья ливня слышались отовсюду радостныя восклицанія; мальчишки и дѣвчонки бѣгали какъ угорѣлые по лужамъ, хлопая въ ладоши и припѣвая съ крикомъ и визгомъ:

Дождь, дождь,
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ ленъ,
Поливай ведромъ!..

Ночь уже окинула непроницаемою пеленою деревню; уже давнымъ-давно наступило время отдыха; улицы и заваленки давно были пусты; но долго еще изъ крошечныхъ оконъ избушекъ дѣды высовывали на дождикъ костлявыя руки и сѣдыя головы, и долго изъ конца въ конецъ раздавались посреди смолкавшаго ливня восклицанія: „Создай, Господи, тихую воду и теплую росу!..“

IV.

Ужъ и нѣтъ такихъ людей,
Какъ фабричныхъ мигачей!
Они пьютъ, ѣдятъ готово,
Носятъ стеганое!..

Простонародная пѣсня.

Въ деревнѣ прежде всѣхъ пробудился пастухъ, шестидесятилѣтній старикъ, безъ роду и племени, нанимавшійся обыкновенно въ околоткѣ на лѣто пасти стадо. Нагнувшись къ крошечному волоковому окну и увидавъ, что на дворѣ уже свѣтлѣетъ, онъ началъ поспѣшно мотать онучи; одѣвшись, старикъ подошелъ къ темному углу мазанки и принялся будить мальчика лѣтъ десяти, худенькаго, тщедушнаго; это былъ его батракъ. Старикъ нанималъ его у полунищаго, вдоваго мужика, обремененнаго многочисленною семьею. Мальчикъ, дрожавшій отъ предразсвѣтнаго холода подъ лохмотьями и соломой, очутился скоро на ногахъ. Запрятавъ тогда въ кузовокъ свертокъ лыкъ, кочедыкъ и колодку, перебросивъ черезъ плечо начатыя лаптишки и длинный смоляной кнутъ, старикъ взялъ съ

Digitized by Google

полки рожокъ, свитый изъ бересты, и, сопровождаемый тщедушнымъ мальчикомъ, вышелъ изъ мазанки.

Утро было чисто и ясно; на небѣ ни облачка; свѣжій вѣтерокъ распространялъ въ воздухѣ запахъ полей и луговъ, промоченныхъ насквозь вчерашнимъ дождикомъ. Заря занималась.

Пастухъ сталъ спиною къ околицѣ, перекрестился, оглянулъ деревню и заигралъ въ рожокъ; послѣ двухъ, трехъ колѣнъ, онъ медленно пошелъ по серединѣ улицы, сопровождаемый мальчикомъ, тяжело переступавшимъ по влажной дорогѣ, чернѣвшей между яркими полосами травы, съ которой начинали сверкать и дробиться дождевыя капли. Старикъ не успѣлъ пройти половины улицы, какъ уже всѣ хозяйки встрепенулись и засуетились.

— Вставай, вставай! кричала жена Демьяна, дергая мужа и Петра, спавшихъ подъ овчинами на полатяхъ,— на дворѣ совсѣмъ бѣлехонько! Вставайте, касатики, ишь пастухъ скотину сзываетъ! Вставай, Демьянычъ! рази не вѣдаешь — нонѣ Егорья, стадо впервые въ поле выгоняютъ.

И, успокоенная тѣмъ, что оба свѣсили ноги съ полатей, она обратилась къ малолѣткамъ, лежавшимъ на лавкѣ.

— Подь, я умою тебя, болѣзный, нашептывала она, подымая младшаго.—Ваня, подь, батюшка, ко мнѣ... Ну, полно же, полно, продолжала она, видя, что оба жмурили глаза и тянулись на лавку,—а я пирожка дамъ съ кашкой; слышь, слышь, какъ пастухъ-то играетъ? ступайте скорѣй на улицу. Она насильно стащила ребятишекъ съ лавки, вынесла ихъ на крылечко и начала спрыскивать водою. Почти въ то же время на крылечкѣ показался Демьянъ; онъ окинулъ сонливыми глазами дворъ и какъ бы невзначай направился прямо къ клѣти, гдѣ стояла корова.

— Демьянычъ! куда ты? закричала старуха, бросая ребятъ и кидаясь вслѣдъ за мужемъ.—Ну, чего ты лѣзешь къ ней, въ самомъ-то дѣлѣ? Ступай лошадей лучше напой; народъ давно на улицѣ, добрые люди въ поле собираются.

Видно было, что ей страхъ хотѣлось выпроводить мужа изъ своихъ владѣній.

Когда онъ вышелъ вмѣстѣ съ Петромъ, она сунула парнишкамъ по куску чернаго пирога съ кашей и точно такъ же выгнала ихъ на улицу.

Digitized by Google

Оставшись одна, старушка тщательно заперла ворота и побѣжала въ избу; тамъ сняла она изъ-за иконы пыльный пучокъ вербы, вынула изъ него вѣтку и, вернувшись на дворъ, обмахнула ею нѣсколько разъ корову. Во время этой церемоніи она не переставала нашептывать ей что-то на ухо; сморщенное лицо старушки сохраняло самое строгое выраженіе. Наконецъ, она положила вербу подъ ворота, открыла ихъ настежь и принялась гнать корову изъ клѣти, соблюдая при этомъ, чтобы животное перешло не иначе изъ двора на улицу, какъ черезъ вербу.

Пастухъ все еще игралъ на рожкѣ; но уже за нимъ, вмѣсто блѣднаго мальчика, слѣдовала теперь толпа крикливыхъ ребятъ и дѣвчонокъ. На дворѣ совсѣмъ разсвѣло; первые лучи солнца играли на рѣзныхъ и соломенныхъ макушкахъ избъ, придавая какую-то особенную чистоту и ясность окрестности, деревьямъ и воздуху. Со всѣхъ сторонъ показывался народъ; всѣ скопились на середину улицы, къ колодцу, гдѣ остановился старый пастухъ и куда отовсюду сгоняли стадо.

— Тетка Арина, а тетка Арина, возьми парнишку, возьми его на руки! Ишь подъ ноги лѣзетъ: того и смотри, быкъ запыряетъ! кричала солдатка Домна, просовывая впередъ красное лицо свое и махая руками.—Куда лѣзешь? пострѣлъ! вотъ я те... у-у... какъ пойду!..

— Бабы, касатки! пропустите Дарью, совсѣмъ путь заслонили! Дайте ей пройти, раздалось на другомъ концѣ кружка, густѣвшаго вокругъ стада.

— Ступай, ступай, заговорило въ одно время нѣсколько бабъ, давая дорогу двумъ шаршавымъ овцамъ и худощавой женщинѣ съ изнывшимъ лицомъ, державшей въ одной рукѣ грудного младенца съ изсохшими ножками, въ другой—жиденькій прутъ вербы.

— Эхъ, знатная у те корова-то какая, сватъ! вымолвилъ долговязый рыжій мужикъ, обращаясь къ Демьяну, успѣвшему напоить лошадей и присоединиться къ толпѣ.

— И деньги зато хороши, отвѣчалъ Демьянъ, самодовольно поглядывая то на присутствующихъ, то на корову,—не даромъ досталось.

— Ну, чего не видали! возразила съ сердцемъ жена его, проворно подбѣгая къ разговаривавшимъ.—Тьфу, пострѣлы! прибавила она, отплевывая черезъ правую руку.

Въ толпѣ послышался хохотъ.

— Что ты ругаешься, тетка! Твое же добро хвалятъ,

а ты коришь да хаишь, подала голосъ Домна, просовывая голову къ старухѣ.—Вѣстимо, противъ твоей коровы на всей деревнѣ не сыщешь: ишь, гладкая какая!

— А ты чего лѣзешь? запальчиво возразила старушка.— Эхъ, ты, ты!

— Да ты что ругаешься?.. Ишь какъ ее куражится.

— Вѣстимо чего... твоя похвальба хуже всякой брани! Я чай, всѣ добрые люди то же скажутъ; ты вонъ и Дарью-то испортила и парнишка ея сглазила...

— Ахъ ты, загуменная карга! Это ты всѣмъ ворожишь да лихость всяку напущаешь, затрещала солдатка, порываясь впередъ. — Ишь распесивилась какъ! жирны больно стали!.. словно барскаго помету, тронуть нельзя, такъ и шипитъ на каждое слово, какъ желѣзо каленое, когда на него плюешь... вотъ что!..

— Ахъ ты, окаянная ты этакая!.. И отца, и мать-то твою всѣ знали: такіе же были лиходѣи... шла бы лучше въ Бабурино село на фабрику къ своимъ полюбовникамъ, чѣмъ здѣсь всѣхъ баламутить!.. вотъ что!.. съѣшь!..

— Сама съѣшь!..

Хохотъ усиливался; толпа притиснулась къ ссорившимся. Богъ знаетъ, до чего бы дошла ссора, если бъ въ эту самую минуту всеобщее вниманіе не отклонилось появленіемъ Никанора Иваныча, фабриканта, который подъѣхалъ на своемъ возѣ. Возъ былъ до верху навьюченъ мотками бумаги и пряжи, такъ что напереди только оставалось мѣсто для хозяина, правившаго толстой саврасой кобылой.

Никаноръ Иванычъ игралъ сильную роль между мужиками того уѣзда; хотя онъ былъ такой же сермяжникъ, какъ и они, однакожъ, онъ держалъ ихъ всѣхъ въ своихъ рукахъ. Не было такой семьи, изъ которой хоть одинъ человѣкъ не работалъ бы на его фабрикѣ; кромѣ этого, онъ раздавалъ еще работу на домъ; сверхъ всего, онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ банкира между поселянами. Приходила ли кому нужда прикупить лѣску, подходилъ ли годъ къ исходу и не хватало хлѣба, пала ли лошадь передъ рабочею порою, хозяинъ волею-неволею бредетъ въ Бабурино на фабрику.

— Такъ и такъ, молъ, Никаноръ Иванычъ, ссуди, кормилецъ, деньжонками; бѣда стряхнулась на меня, не оставь...

— А на что тебѣ?

Digitized by Google

— Да такъ и такъ, батюшка, вò какое дѣло вышло... а ужъ насчетъ заработки за себя не постоимъ, къ сроку представимъ.

— Ты когда взялъ основу?.. Съ перваго Спаса, что ли?.. Такъ, ладно... ну, чтобъ была къ Рождеству готова, съ тѣмъ и даю деньги.

И бьется, колотится мужикъ, чтобы поспѣла вò-время непосильная работа и въ конецъ не утратить кредита Никанора Иваныча въ тугую пору.

Никаноръ Иванычъ зналъ, слѣдовательно, болѣе или менѣе обстоятельства каждаго мужика и, разумѣется, кто себѣ врагъ, пользовался частенько этимъ знаніемъ. Онъ пріобрѣталъ также не мало вѣсу своею ученостью; кромѣ того, что мужики видѣли его каждое воскресенье на клиросѣ, подтягивающаго басомъ дьячку и понамарю, онъ частенько выходилъ читать апостола. Никаноръ Иванычъ носилъ синій кафтанъ въ-распашку; рубаха была на немъ всегда ситцевая; на поясѣ его болтался мѣдный гребешокъ, хотя, правда, немного было на головѣ его что̀ расчесывать. Вмѣсто лаптей, надѣвалъ онъ сапоги съ каблуками, унизанными гвоздями съ четырехгранными головками. „Купецъ, купецъ, да и полно!“ говорили всегда мужики, когда фабрикантъ проѣзжалъ по улицѣ въ телѣжкѣ или выходилъ подбоченясь на рѣзное крылечко фабрики. И, въ самомъ дѣлѣ, онъ во многомъ походилъ на купца: выпивалъ по самовару кипятку въ сутки; избу свою, оклеенную внутри лубочными картинками, называлъ горницею; водился охотнѣе съ уѣздною знатью, мельниками, купцами и дворовыми людьми; съ мужиками же кумился не иначе, какъ съ богатыми, или когда приходила въ комъ нужда. Впрочемъ, былъ исправный плательщикъ, надо отдать справедливость; счеты и книги держалъ въ хорошемъ порядкѣ, велъ себя вообще гладко и чинно; въ одномъ развѣ можно упрекнуть его: рѣзовъ былъ насчетъ волокитства, сильно даже рѣзовъ; но гдѣ жъ сыскать человѣка безъ лиха?

— Что̀ у васъ за сходка? Чего расходились? шутливо повторялъ Никаноръ Иванычъ, продираясь сквозь толпу и показывая каждому свое пухлое лицо, оканчивающееся тучной бородой.

— Бабы поругались за корову! отвѣчали отовсюду мужики и парни, осклабляя зубы.

— Какія бабы? за какую корову?

Digitized by Google

— Домна, солдатка, съ Демьяновой женой.

— Э-ге-гей, тетки! что̀ горло-то дерете! изъ чего у васъ вышло? спросилъ фабрикантъ, протискиваясь къ двумъ бабамъ.

— Ничего, батюшка, ничего, свое дѣло! вымолвила съ сердцемъ Демьянова старуха.

— Здорово, братъ, Демьянъ, продолжалъ Никаноръ Иванычъ, обращаясь къ Демьяну, который уговаривалъ жену.—Изъ какой коровы у нихъ вышло?.. Не изъ твоей ли? покажи ка мнѣ ее... я наслышанъ отъ людей, хороша больно животина...

— Вотъ она, вотъ смотри, отвѣчалъ мужикъ, раскланиваясь съ фабрикантомъ.

— Э-ге-ге... и взаправду корова добрая, произнесъ тотъ, оглядывая ее со всѣхъ сторонъ и значительно сжимая губы,—гдѣ это ты поддѣдюлилъ ее?.. славная, славная, нечего сказать...

— На Любинской ярмаркѣ, отвѣчалъ Демьянъ, самодовольно потряхивая головою и не замѣчая жены, которая, заслыша рѣчь о коровѣ, бросила солдатку и присоединилась къ мужу.

— Много молока даетъ? спросилъ фабрикантъ, продолжая ощупывать животное.

— Не знаемъ еще, Никаноръ Иванычъ: стояла все на мякинѣ; сдается, сила будетъ, какъ травку начнетъ подбирать...

— Гм! А дорого далъ?

— А какъ бы сказать, началъ Демьянъ и остановился, взглянувъ на жену, которая мигала и трясла головою.

— Нешто она полюбилась тебѣ, Никаноръ Иванычъ?

— Славная корова! ай да Демьянъ!..

— Животина знатная, Никаноръ Иванычъ, ишь ребрыте выпучила, утробистая животина! заговорило разомъ нѣсколько мужиковъ и бабъ, обрадованныхъ случаю подать свое мнѣніе.

— Ну, вотъ вѣдь и всѣ добрые люди говорятъ! неожиданно прокричала Домна, становясь на цыпочки и просовывая раздвоенный носъ свой,—а ты ругаться зачала... эхъ ты!.. добро еще свой языкъ безъ костей...

— А тебя спрашиваютъ! молчи, молчи... начала было Демьянова хозяйка.

— Полно, полно вамъ, бабы, экія какія! Ужъ подлинно: бабье сердце, что глиняный горшокъ: вынешь изъ печки,

Digitized by Google

онъ пуще шипитъ... По-моему вотъ что, Демьянъ, вымолвилъ Никаноръ Иванычъ примирительно-шутливымъ голосомъ,—чѣмъ вамъ ссориться, продайте-ка лучше мнѣ корову-то, право-ну, по рукамъ, что ли?..

— А ты что даешь, Никаноръ Иванычъ?

— А сколько просишь?

— Мало не возьму, самимъ нужда, затѣмъ и купили...

Тутъ старуха придвинулась совсѣмъ къ мужу и начала дергать его за полы.

— Знамое дѣло, сказалъ фабрикантъ,—на то и я покупаю, что нужда.

— Ну, хорошо, мы тебѣ продадимъ, а сами съ чѣмъ останемся?

— Слушай, Демьянъ, уговоръ лучше денегъ: я тебѣ свою корову дамъ,—слышь; что возьмешь въ придачу?

— А что намъ въ твоей коровѣ! Все одно, что есть она, что нѣту; я и сорока рублевъ не возьму въ придачу...

— Ну, нѣтъ, смышленъ больно, перебилъ фабрикантъ, лукаво подмигивая. — Я чай, и за всю-то столько не далъ... сердито больно просишь...

— Нѣтъ, Никаноръ Иванычъ, я вовсе не продаю ея. Самимъ нужно, животина-то больно хороша выпала.

— Эй, продай, Демьянъ, полно тебѣ ломаться...

— Нѣтъ, Никаноръ Иванычъ, не продаю.

— Ну, возьми двадцать рубликовъ и корову мою въ придачу...

— Ненадыть и сорока.

— Продай, говорю...

— Нѣтъ, ей-же-ей, не продамъ, упрямо заключилъ мужикъ, отдергивая руку жены, которая закрутилась вокругъ его полы.

— Бери тридцать рублевъ въ придачу, послѣднее слово.

— Ненадыть.

— Вотъ, поди жъ, сладь съ нимъ! возразилъ съ досадою фабрикантъ, обращаясь къ окружавшимъ.

— Коровенка-то хороша больно, Никаноръ Иванычъ...

— И вы туда же, эхъ вы!.. Эй, уважь, Демьянъ, мотри, чтобъ опосля не каяться...

— Не продаю! отвѣчалъ Демьянъ, махнувъ рѣшительно рукой.

— Ну, какъ знаешь, такъ и дѣлай. Жаль, жаль, да и Богъ съ тобой, произнесъ фабрикантъ, хмуря лобъ, — самъ придешь просить о чемъ-нибудь...

Digitized by Google

— Да нешто я въ чемъ причастенъ, Никаноръ Иванычъ, отвѣчалъ смѣясь Демьянъ,—что тебѣ полюбилась моя корова; мы ее не на продажу купили; взякій за свое добро стоитъ...

Въ то время, когда они разсуждали такимъ образомъ, стадо постепенно прибывало между пестрыми рядами густо столпившагося народа; каждая хозяйка пригоняла сюда вербой послѣднюю овцу свою; въ рукахъ каждой виднѣлась вотрушка, или лепешка, или нѣсколько яицъ, которыми, по принятому обыкновенію, обдѣляютъ, въ день Егорья, пастуха, какъ бы для того, чтобы задобрить его къ хорошему уходу за скотиной.

— Пора, сказалъ пастухъ, уложивъ приношенія въ мѣшокъ и взваливъ его на худенькія плечи мальчика,— вишь, солнышко какъ высоко...

— Съ Богомъ! Съ Богомъ! зашумѣло отовсюду.

Толпа разступилась надвое, и стадо ринулось съ ревомъ и блеяньемъ къ околицѣ, преслѣдуемое ребятишками, которые бѣжали, размахивая вербами, вырванными почти насильно изъ рукъ матерей.

— Эй, бабы, несите скорѣе шпули да приходите разбирать бумагу... мнѣ недосугъ! закричалъ Никаноръ Иванычъ, поворачиваясь спиною къ Демьяну, который тотчасъ же поплелся съ хозяйкой домой.

Минуту спустя, подлѣ воза Никанора Иваныча осталась одна только Домна; улица, за минуту кипѣвшая народомъ, почти опустѣла; кой-гдѣ виднѣлись мальчишки, бѣгавшіе взапуски, да мужики, хлопотавшіе у воротъ подлѣ сохи и собиравшіеся въ поле. Домна оглянулась на стороны и подошла ближе къ фабриканту.

— Здравствуй, Домнушка; что тебя давно не видать? началъ Никаноръ Иванычъ, охорашиваясь. — Хоть на Святой заглянула бы на фабрику; аль распрогнѣвалась, сударка?..

— Да, какъ же, есть мнѣ время, отвѣчала она заискивающимъ голосомъ,—къ тому же и ловки вы больно...

— А что?

— Да то же... забылъ что ли?

— Видитъ Богъ, не помню...

— То-то... А кто посулилъ сафьяновые башмаки? сказала она, показывая ему рядъ бѣлыхъ зубовъ.

— Эка баба! проговорилъ вполголоса фабрикантъ.— Развѣ ты изъ одной корысти къ намъ хаживала?.. Вишь,

Digitized by Google

всѣ вы, видно, здѣсь корыстью забрались, словно жиды какіе, право-ну...

— Да, жиды, извѣстно, жиды, вымолвила Домна, наклоняя на бокъ голову и поддразнивая фабриканта.

— Разумѣется, одинъ за корову заломилъ чуть не сотенку, другая дошла до Бабурина, три версты всего, а сафьянные башмачки... вынь да положь... А что, въ самомъ дѣлѣ, Домнушка, безъ ссоры, не знаешь ли, сколько далъ Демьянъ за корову?.. больно она мнѣ полюбилась...

— Пожалуй, скажу; а что̀ дашь?..

— Ну, вотъ!.. Да я, коли захочу, безо всего навѣдаюсь: я чай, не ты одна знаешь.

— А вотъ же никто, ей-Богу, никто не знаетъ, заговорила торопливо солдатка.—Я знаю, какъ и корову-то достать... прибавила она, понизивъ голосъ и осматриваясь вокругъ.

— Ой-ли?

— Провалиться мнѣ на эвтомъ мѣстѣ, отсохни руки и и ноги, чтобъ мнѣ...

— Ладно, ладно... Ну, слушай, Домна, уговоръ лучше денегъ: когда правду скажешь, будутъ тебѣ башмаки, что посулилъ, да еще въ придачу платокъ набивной куплю, ей-Богу, куплю.

— Обманешь...

— Ну, вотъ.

— Побожись.

— Ей-Богу, куплю.

— Знаешь Петрушку Демьянова? начала Домна, подходя еще ближе.

— Какъ не знать! Я чай, не хуже твоего, перебилъ Никаноръ Иванычъ, лукаво подмигивая солдаткѣ,—пять лѣтъ у меня на фабрикѣ работалъ; а что̀?

— Ему полюбилась Карпова Парашка; отецъ и мать, старая вѣдьма, не прочь женить его, да только Карпъ-то восемьдесятъ рублевъ проситъ выкупу... Имъ, знаешь, невдомекъ это было, они и польстились на корову, да сорокъ рублевъ, послѣднія что были, и отдали; приходится ждать имъ съ невѣстой до осени... А ужъ такъ-то хочется имъ породниться съ Карпомъ: вѣстимо, староста свой братъ будетъ тогда. Ты, Никаноръ Иванычъ, запужай ихъ только своимъ племянникомъ Игнаткой: скажи, что сватаешь его за Карпову Парашку; на деревнѣ и то объ эвтомъ толкуютъ бабы; денегъ-то, восьмидесяти руб-

Digitized by Google

левъ, Демьяну по осени взять неоткуда будетъ: знамо, оброкъ, то, другое. Ты Петрушкинъ миткаль не возьми, съ нихъ спеси-то и убудетъ; а ты тогда и приступи къ къ нему: либо Парашку уступишь, либо корова твоя будетъ, особливо коли денегъ еще посулишь... Корову купишь, а тамъ все засылай къ Карпу сватовъ, все одно; тебѣ сходно за восемьдесятъ рублевъ взять дѣвку... что на Демьяна тебѣ глядѣть, своя рубаха ближе; коли хочешь, я сама тебѣ посватаю...

— Ладно, ладно, перебилъ Никаноръ Иванычъ, самодовольно разглаживая бороду. — Ай-да Домна! Съ печи летитъ, семьдесятъ-семь думъ задумываетъ! Ну, ужъ уважила, прибавилъ онъ, тряхнувъ головой,—видитъ Богъ, не даромъ побожился — корова моя, тебѣ башмаки и платокъ...

— Вотъ еще что сказалъ! сердито воскликнула солдатка.—Нѣтъ, башмаки давай, какъ было по уговору, къ Троицыну дню.

— Тише, глупая; аль не видишь, бабы идутъ... никакъ вонъ и Демьянова старуха идетъ... чего боишься? отдамъ, коли побожился.

Домна повернула за другую сторону воза.

— Вотъ, кормилецъ, прими коклюшки, сказала старуха Демьяна, подавая ему связку,—парнишки мои намотали...

Никаноръ Иванычъ взялъ, сосчиталъ коклюшки, отмѣтилъ ихъ на биркѣ, противъ Демьянова дома, и подалъ старухѣ взамѣнъ три мотка бумаги.

— Эй, старуха, не скупись, вымолвилъ онъ,—скажи мужу, чтобъ уступилъ корову...

— Э-э-э, касатикъ, отвѣчала старуха, накидывая на себя плаксивый, жалкенькій видъ, съ какимъ обыкновенно бабы обращаются къ сильному человѣку,—что ты на нее больно позарился? Сами радешеньки, что купили животинку-то; не знать, какъ ужъ и ради-то ей... какъ это она полюбилась тебѣ, родной? что въ ней? не больно видущая, зазорная... все народъ наговорилъ тебѣ...

Тутъ къ возу приступило нѣсколько бабъ, и старуха, пользуясь этимъ случаемъ, взяла мотки подъ мышку и направилась въ избу. У воротъ нашла она Петра и мужа, которые запрягли уже лошадей въ сохи и собирались ѣхать въ поле.

— Ну, что, далъ небось мотковъ? а я чаялъ, онъ, въ отместку, поартачится пробавлять насъ работой... ишь

Digitized by Google

глаза-то у него стали больно велики: что завидитъ, подавай ему... Куда буяровать сталъ, настоящая гуфара!..

— Мотри, Демьянычъ, бѣды какой бы не вышло... охъ...

— Ну, вотъ, какая бѣда... Э! полно, старуха, гореваньемъ не пособишь, хоша и было бы о чемъ... Ну, Петрушка, пора: вишь солнышко гдѣ?.. Вотъ пахать такъ, уже нечего сказать, ладно нынче будетъ, прибавилъ онъ, весело оглядывая черныя поля, стлавшіяся вправо отъ околицы.

Старикъ нахлобучилъ на глаза шапку, взялъ вожжи и, сопровождаемый сыномъ, побрелъ за лошадью.

— Господь съ вами, родные! проговорила со вздохомъ старуха, когда оба очутились уже за околицей.

Затѣмъ перекрестила она нѣсколько разъ воздухъ, къ той сторонѣ, куда поѣхали пахари, повернулась ко двору и, согнувшись въ три погибели, торопливо поплелась въ избу.

V.

Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.

Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрипитъ музыка.

Кольцовъ.

...Было около полудня. Солнце пекло невыносимо; въ воздухѣ становилось жарко и душно, какъ въ раскаленной печкѣ. Поля и окрестность обозначались въ отдаленіи какими-то движущимися, волнующимися очертаніями; кой-гдѣ развѣ, подъ воротами да навѣсами, бросавшими синевато-сквозныя тѣни, можно было найти убѣжище отъ зноя.

Въ деревнѣ царствуетъ тишина мертвая.

Въ иное время, въ тотъ же полдень, когда все отдыхаетъ отъ утреннихъ трудовъ, встрѣтишь хоть толпу мальчишекъ, играющихъ у колодца, или старушонку, разстилающую холсты на лужайкѣ, или послышатся мѣрные удары валька съ ближайшаго плота; теперь все пусто, собака не пробѣжитъ по пыльной улицѣ... Пора стоитъ рабочая, страдная пора, какъ называютъ ее въ

Digitized by Google

деревняхъ. Теперь и старушки, и дѣтки ихъ, и даже животныя, все живмя живетъ въ полѣ. Вотъ почему такъ тихо въ деревнѣ, и кромѣ неугомонныхъ воробьевъ, перелетающихъ иногда цѣлыми стаями отъ одного конопляника къ другому, ничего не встрѣтишь на улицѣ.

Но вотъ, однакожъ, посреди тишины протяжно заскрипѣли чьи-то ворота... Секунду спустя, изъ-подъ густой тѣни показалась Дарья. Она тащила на спинѣ люльку, или зыбочку; въ рукахъ ея виднѣлись сѣрый глиняный кувшинъ и коровай, завернутый въ полотенце. Черты изнывшаго лица ея, казалось, еще болѣе вытянулись съ весны; загаръ какъ бы вовсе не касался блѣдныхъ щекъ бабы. Она медленно добрела до конца деревни, сняла невыразимо бережно зыбочку съ плечъ, тихо поставила ее на-земь и отворила околицу.

Путь къ полямъ лежалъ, какъ уже извѣстно, черезъ лугъ, поднимавшійся накатомъ къ рощѣ. Дорога только-что начиналась, а между тѣмъ крупныя капли пота выступали на сухощавомъ лбу и впалыхъ щекахъ Дарьи; но усталость и тяжесть ноши не измѣняли нимало кроткаго выраженія лица; при малѣйшемъ шорохѣ или крикѣ изъ зыбки, она выпрямлялась, поворачивала назадъ голову и безпокойно разглядывала блѣдное личико младенца, подернутое потомъ и казавшееся еще блѣднѣе въ желтоватой тѣни, бросаемой толстой холстиной.

Очутившись у опушки рощи, Дарья пріободрилась, отерла потъ, оглянула кувшинчикъ, поправила зыбку и пошла скорѣе. Лѣсъ погруженъ былъ въ какую-то сладкую дрему; каждая вѣтка лѣниво отдыхала въ тишинѣ и зноѣ; листъ не шелыхался; все было тихо и вмѣстѣ съ тѣмъ полно таинственной жизни. Кой-гдѣ лопнетъ стручокъ, сбрасывающій сѣмя; прожужжитъ насѣкомое въ жирной травѣ, опутывающей мшистые корни; тамъ, изъ-подъ темной груды слѣпившихся листьевъ, тяжело ломится мухоморъ, и алая шапка его, облитая лучомъ, случайно прорѣзавшимъ тучную листву, ярко сверкаетъ посреди лиловыхъ колокольчиковъ, бузины и кашки, покрытыхъ синей тѣнью; прокричитъ иволга, — и снова тишина...

Дарья остановилась, придержала люльку и стала внимательно прислушиваться: вдалекѣ, на другомъ концѣ рощи, раздался съ перекликами голосъ кукушки; но не успѣла

Digitized by Google

она сосчитать и одного разу, какъ пѣніе смолкло и лѣсъ погрузился въ молчаніе... Движеніе неотразимой тоски промелькнуло на блѣдномъ лицѣ бабы: она легонько приподняла холстяное покрывало, взглянула на младенца, который спалъ, скрестивъ худенькія ручонки, и грустно покачала головой.

Мало-по-малу стали открываться поля и лощина. Тутъ все дышало жизнью. По обѣимъ сторонамъ проселка желтѣли нивы, усѣянныя золотыми копнами; все обозначало кончаніе жатвы; изъ рѣдкаго кустарника не торчали пучки колосьевъ, прицѣпившихся во время возки; кой-гдѣ между гладко скошенными нивами попадались клинья еще нетронутаго хлѣба; бѣлыя рубашки жницъ мелькали въ нихъ, какъ сѣдые барашки на волнующемся морѣ; то тутъ, то тамъ выглядывало смуглое, полное личико, осѣненное васильками, подымалась обнаженная рука съ пучкомъ длинныхъ колосьевъ, сверкалъ серпъ на солнцѣ. Насѣкомыя, оживленныя зноемъ, носились роями въ синемъ небѣ, производя отдаленную музыку, которая, казалось, еще сильнѣе давала чувствовать жизненность окрестности. Всюду между рядами копенъ подымались высокія телѣги, навьюченныя снопами; подлѣ бродили распряженныя лошади; въ прозрачномъ полусвѣтѣ, бросаемомъ подводами, отдыхали, развалившись, ребята, бабы и мужики, съ ихъ дюжими, плотными работниками.

Несвязный говоръ поселянъ, кой-гдѣ начатая пѣсня, трескъ кузнечика, голосъ жаворонка, серебряное ржаніе жеребенка въ отдаленіи,—все это, сливаясь вмѣстѣ, придавало полямъ какое-то приволье, жизнь, что-то чарующее, манящее въ эту тѣнь подводъ, въ эту желтую, тучную рожь, испещренную цвѣтами и лѣниво клонившуюся къ землѣ.

Дарьѣ слѣдовало пройти всю лощину, чтобы достичь мужа, которому несла она обѣдъ. Усталость ея была, однакожъ, такъ велика, что она рѣшилась присѣсть и отдохнуть, какъ скоро поровняется съ нивой Демьяна, до которой оставалось уже не больно далеко. Немного погодя, ей послышались знакомые голоса, и вскорѣ увидѣла она ветлу, а изъ-за нея головы Демьяна, его жены и Петра.

Расположившись въ глубокой межевой ямѣ, заросшей вьющимся ежевичникомъ, бузиной и шиповникомъ, всѣ трое мирно оканчивали свой обѣдъ. Жиденькая тѣнь ветлы

Digitized by Google

предохраняла отъ зноя только головы стариковъ и туловища двухъ ребятишекъ, которые спали навзничь, заложивъ обѣ руки за голову и выставивъ на солнце ноги. На колѣняхъ у Демьяна была старинная липовая чашка, наполненная обломками хлѣба, лукомъ и квасомъ; подлѣ него, прижавшись бочкомъ къ плетеному кошелю, лежала старуха, державшая въ одной рукѣ кувшинчикъ, въ другой кленовую ложку; немного поодаль сидѣлъ Петръ. Положивъ голову между ладонями и уперши локти въ колѣни, онъ не раздѣлялъ, казалось, трапезы: ложка его лежала подлѣ на травѣ.

Когда Дарья подошла къ ветелкѣ, ей послышалось, что старики увѣщевали въ чемъ-то сына.

— Хлѣбъ да соль, тихо сказала она, останавливаясь на закраинѣ ямы.

— А, Дарьюшка! спасибо тебѣ, спасибо!.. вымолвилъ Демьянъ, опрокидывая ложку.—Изъ деревни, что ли? мужу обѣдъ несешь?..

— Здравствуй, касатка, перебила старуха, ставя въ траву кувшинчикъ и приподымаясь на локтѣ, — подь къ намъ; я чай, измаялась, полемъ-то идучи; подь, вздохни...

— Спасибо, тетушка, я здѣсь посижу, отвѣчала Дарья, отирая потъ,—мнѣ недосугъ, боюсь запоздать.

— Все одно, болѣзная, что тебѣ на солнышкѣ-то печись, право, подь къ намъ, не запоздаешь.

— Вѣстимо, ничего, примолвилъ Демьянъ,—твой мужъ упустилъ работу... вотъ Петруху посылали мы къ ручью за водою, самъ видѣлъ: много еще у него непожатаго хлѣба; я чай, работаетъ себѣ, все къ вечеру поспѣть хочетъ... останься съ нами безъ опаски, къ тому не всѣ еще и обѣдаютъ, рано...

Побѣжденная частію зноемъ, частію лаской, Дарья потихонечку спустилась подлѣ Петра, который молча далъ ей дорогу, и, бережно уложивъ зыбочку въ траву, усѣлась подлѣ стариковъ. Поднявъ глаза, она увидѣла надъ собою однѣ лишь окраины межевой ямы, глухо заросшія травою, синее небо и верхушку ветлы.

— Ты, касатка, поближе къ намъ сядь отъ солнышка, сказала старуха.—Что, спитъ? прибавила она, прикладывая сморщенную ладонь къ люлькѣ.

— Спитъ...

— Эй, Дарьюшка! произнесъ Демьянъ, подавая ей краю-

Digitized by Google

ху съ отрѣзаннымъ ломтемъ, въ которомъ виднѣлись разрѣзанныя на-двое зёрна, — не хочешь ли надломить съ нами хлѣбца святого? Хлѣбецъ мягкій, нынѣшній; отвѣдай; ты, я чай, нынѣшняго-то еще не пробовала; всего третьяго дня помолотились...

— Нѣтъ, спасибо, родные, отвѣчала Дарья, качая головою,—что-то не хочется.

— Можетъ, тебѣ тюрька наша приглянулась?.. на, бери ложку...

— Нѣтъ, благодарствуй, родной, повторила она, продолжая качать головою.

— Что такъ? аль у васъ опять не вѣсть что съ мужемъ вышло?.. Вѣстимо, недобрый человѣкъ, что говорить, съ нимъ живучи много бѣды напринимаешься. Эхъ! жаль мнѣ тебя: баба-то ты больно покорливая... была бы моя сила, ей-ей, не пожалѣлъ бы его!..

Дарья закрыла лицо ладонями и продолжала качать головою.

— И-и-и... полно, полно, касатушка, заговорила старуха, замѣтивъ слезы между сухощавыми пальцами бабы,— гореваньемъ не пособишь, не убивайся такъ-то понапрасну, не томи себя тоскою; полно, прибавила она, отводя ей руку отъ лица.

— Вѣстимо, гореваньемъ бѣдѣ не пособишь, перебилъ Демьянъ, не зная уже, что бы такое ввернуть въ утѣшенье.

— Полно, касатка, по комъ бѣда-бѣдовая не ходила, продолжала старуха, махая мужу, чтобъ онъ замолчалъ,—я не къ слезамъ говорю тебѣ; авось создастъ Господь, выйдетъ тебѣ перемѣна; добръ отецъ до дѣтей, добръ и Богъ до людей! Какіе еще твои года!.. Вотъ Господь утѣху послалъ тебѣ, присовокупила она, указывая на люльку, — не убивай такъ-то, Дарья, своего здоровьица некрѣпкаго...

— О-о-охъ! говорила, рыдая, Дарья, — я о немъ-то и сокрушаюсь... сдается мнѣ, не жить ему, тетушка...

— И-ихъ, полно, болѣзная! во всемъ святая власть Божья... не попуститъ Онъ тебѣ такого горя... за что?

— Вѣстимо... Э! чего не было, смекай да подумывай, а будетъ, не будетъ—темный человѣкъ,—не распознаешь, началъ было Демьянъ.

— У кого нѣту своей кручины, перебила старуха, отстраняя руку мужа,—у всякаго свое,—въ лѣсу не безъ

Digitized by Google

звѣря, въ людяхъ не безъ лиха, касатушка; вотъ и мы: жили-жили, лиха не чая, а привелось горя отвѣдать, — накликали бѣду...

— Да, Дарьюшка, привелось и намъ почесать затылокъ, вымолвилъ Демьянъ, — бѣда не больно, чтобы велика... Мы Господомъ Богомъ оченно довольны и, встаючи и ложаючи, благодаримъ Его; а все худо... Полно рюмить; послушай, что я тебѣ скажу, сами нынче только провѣдали: спасибо еще сватъ Гаврило навелъ...

Тутъ Петръ, сидѣвшій во все время неподвижно, легъ грудью на-земь и, уперевъ раскраснѣвшееся лицо въ шапку, прикинулся спящимъ.

Дарья медленно подняла заплаканные глаза свои и устремила ихъ сначала на парня, потомъ на обоихъ стариковъ.

— Да, подкузьмилъ насъ Никаноръ Иванычъ, чтобъ ему вѣкъ отъ добрыхъ людей добраго слова не слыхать, началъ Демьянъ.

— Слышь,—лихорадица истрепи его, окаяннаго!—племянника своего за Карпову Парашку хочетъ засватывать, перебила съ жаромъ старуха, — самъ вишь Гаврилѣ сказывалъ. А все на зло, ей-Богу, на зло, родная, продолжала она, разгорячаясь болѣе и болѣе,—видитъ Богъ, и въ мысляхъ прежде не держалъ; провѣдалъ онъ, что мы мѣтили на дѣвку, да въ отместку, что корову ему не продали, и хочетъ у насъ отбить ее... Вотъ како горе пало на насъ... а мы, признаться, на дѣвку-то больно позарились: дѣвка хороша; гдѣ искать, и сами теперь не знаемъ; изъ своей деревни все лучше: знаешь, кого берешь въ домъ...

— Онъ, можетъ, еще отступится отъ нея... проговорила Дарья, взглядывая украдкою на Петра.

— А лихъ его знаетъ! возразилъ Демьянъ, — сватовъ, вишь, засылать хочетъ, сказывалъ Гаврило, — такой-то пропастный... сто рублевъ бы правилъ съ того, кто родилъ его недобраго...

На этомъ мѣстѣ Демьянъ и всѣ присутствующіе были прерваны громкимъ говоромъ, раздавшимся надъ ихъ головами.

Поднявъ глаза, они увидѣли нѣсколькихъ мужиковъ и бабъ съ вилами и косами на плечахъ, остановившихся у закраины ямы.

— Вишь куда зата[illegible]рово, сватъ Демьянъ!

Digitized by Google

здравствуй, тетка! э, Дарья, ты какъ здѣсь? я, чай, вамъ податно тутъ отдыхать-то въ холодкѣ?.. заговорили они въ одно время.

— Здорово, братцы! куда? отозвался Демьянъ, привставъ на ноги.

— Порѣшили, сватъ, свой хлѣбъ,—идемъ къ Карпу,—звалъ на помочь, хочетъ заразъ убрать нынче послѣдній снопъ съ поля... А ты какъ, сватъ,—убрался?

— Нѣтъ еще; сдается, нынче совсѣмъ покончимъ...

— Богъ помочь!..

— Спасибо, братцы!..

Жнецы и жницы встряхнули косами и, распрощавшись съ Демьяномъ и его хозяйкой, пошли полемъ, затянувъ веселую пѣсню.

— Пора и намъ, сказалъ Демьянъ, взглянувъ на солнце,—вставай, Петруха; эй, ребята, полно вамъ... ишь развалились, и слышать не хотятъ,—вотъ то-то: ступай работать—брюхо болитъ,—ступай кисель ѣсть... а гдѣ моя большая ложка?.. прытки больно... Ну, ну! полно валяться, ночью отдохнете...

— И мнѣ пора, вымолвила Дарья, припадая къ зыбочкѣ,—пособи, тетушка, поднять на плечи...

— Изволь, родная.

Дарья взвалила на спину люльку, взяла кувшинчикъ и коровай и, сопровождаемая семьею Демьяна, уже вооруженною серпами и граблями, выбралась на проселокъ.

— Смотри только, касатка, сказала старуха, отводя въ сторону молодую бабу,—не разславляй никому, что я тебѣ повѣдала про наше горе; огласка пуще всего...

— И, тетушка, кому мнѣ разсказывать! отвѣчала она, выразивъ печальную улыбку.

— Ну, то-то... я затѣмъ тебѣ и сказывала, касатка, что ты не станешь разносить по деревнѣ,—ты баба смирная, не смутьянка какая... прощай, болѣзная, Господь съ тобою...

Старушка кивнула ей головою, повернулась къ полю и, бормоча что-то сквозь зубы, поплелась за мужемъ и Петромъ, которые шли какъ-то невесело другъ подлѣ дружки, поглядывая иногда на двухъ ребятишекъ, беззаботно прыгавшихъ между копнами.

Вскорѣ маленькая семейка достигла своихъ подводъ и принялась дожинать остающуюся рожь, не разгибая спины.

Digitized by Google

VI.

Въ селѣ, весной, при мѣсяцѣ,
Спокойно спитъ крещеный міръ;
Вдоль улицы нашъ молодецъ
Идетъ самъ-другъ съ сосѣдкою;
Промежъ себя ведутъ они
О чемъ-то рѣчь хорошую.

Кольцовъ.

Уже вечерѣло, когда принялись они накладывать послѣдніе снопы.

— Готово? спросилъ Демьянъ, затягивая конецъ веревки, которую перекинулъ ему сынъ черезъ возъ, навьюченный до верху.

— Готово.

— Съ Богомъ! да смотри, Петруха, какъ станемъ изъ рощи спускаться, поддерживай лѣвый бокъ; трогай! пора, пойдемъ, старуха... Эй, ребята! полно вамъ баловать съ жеребенкомъ; домой! ишь всѣ убираются съ поля...

И, въ самомъ дѣлѣ, по всѣмъ концамъ необозримой лощины тянулись высокіе возы съ рожью; за ними брели толпы поселянъ въ бѣлыхъ рубашкахъ, съ граблями и косами на плечахъ. Солнце медленно спускалось за рощу, обливая поля, народъ, подводы, всю окрестность пурпуровымъ свѣтомъ; огненное небо было чисто и ясно; несмѣтные рои комаровъ и мошекъ кружились въ тепломъ, тихомъ воздухѣ. По всей лощинѣ неслась звонкая пѣснь, начинавшаяся у рощи, куда отовсюду стекались бабы и дѣвки. Пѣсня съ каждою минутой раздавалась громче и громче. Толпа, собравшаяся у рощи, видимо сгущалась вокругъ возовъ, которые постепенно останавливались одинъ за другимъ.

— Ай да дѣвки! какъ знатно пѣсни играютъ!.. воскликнулъ Демьянъ, выравниваясь съ толпою и останавливаясь подлѣ возовъ, которые захватывали весь проселокъ.

— Дѣлать, знать, нечего: ишь орутъ, словно шальныя какія... проворчала старуха.

— Э-ге-ге! Да онѣ, должно быть, не снопъ ли наряжаютъ, продолжалъ Демьянъ, придерживая лошадь и вытягивая впередъ шею.

— Ну, чего ты, дурень, остановился? Ступай, ступай... что глаза-то выпучилъ, словно баранъ на гумно... эка невидаль какая! сказала старуха, недовольное расположеніе которой, казалось, усиливало[illegible] на часъ.

Digitized by Google

— А тебѣ что?.. Петруха, полно ее слушать, старую, пойдемъ, поглядимъ, произнесъ Демьянъ, заглядывая въ густую толпу.—Ребятишки! Э! Да они ужъ тамъ,—ай-да молодцы! Пойдемъ, Петруха!..

И, не обращая вниманія на брань жены—такъ сильно забирало его любопытство,—онъ привязалъ вожжи къ возу и протискался въ народъ вмѣстѣ съ сыномъ.

Посреди кружка, пестрѣвшаго шитыми рубахами, платками, передниками, стоялъ высокій возъ съ рожью, перетянутый крестъ-накрестъ веревками и запряженный двумя лошадьми. Подлѣ него нѣсколько разряженныхъ бабъ и дѣвокъ съ визгомъ и хохотомъ возились вокругъ тучнаго снопа: кто повязывалъ его макушку платкомъ, кто натягивалъ на него рубаху. Это былъ „именинникъ", какъ называютъ въ простонародьи снопъ, связанный изъ послѣднихъ пучковъ ржи, собранныхъ въ полѣ.

Пѣсни оглушали присутствующихъ.

— Экія чудныя! твердилъ Демьянъ, надрываясь со смѣху. — Петрушка, глядь, словно бабу сдѣлали, ей-ей, бабу, ни дать, ни взять, бабу... ай да дѣвки!

Но Петръ уже ни на что не обращалъ вниманія; потупя голову, онъ исподлобья, словно прикованный, глядѣлъ на старостину дочку, виднѣвшуюся съ того мѣста въ толпѣ дѣвокъ.

— Кому садиться на возъ? Дѣвки, ступайте всѣ сюда! кричала солдатка Домна, суетясь съ огромнымъ вѣнкомъ, сплетеннымъ изъ колосьевъ, цвѣтовъ и травы.—Кому на возъ? Выходите... чего заспесивились? Бабы, погодите пѣсни играть, изъ-за васъ ничего не слышно.

— Ступайте, дѣвки... что жъ вы, эй! Пора, не ночи здѣсь ждать, заговорило нѣсколько голосовъ.

— Ну, чего прячетесь? Экія! продолжала Домна. — Э, коли спесивитесь, пустите меня: я сяду... никто не хочетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, Карпову Парашку пустите, Карпову Парашку на возъ къ имениннику! отозвалось разомъ нѣсколько тоненькихъ голосковъ.

И почти въ ту же минуту дѣвки съ крикомъ вытащили на середину кружка стройную, осанистую дѣвушку въ синемъ сарафанѣ, съ алымъ платкомъ на головѣ, обхватывавшемъ кругленькое, загорѣлое личико съ карими глазами и длинными рѣсницами. У Петрухи заколохнуло на сердцѣ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, дѣвки, пустите меня, я не хочу, пусть Домна сядетъ, говорила Параша, выбиваясь изъ рукъ подругъ, которыя тащили ее силою къ возу.

— Садись, садись! закричалъ весь кружокъ.—Садись... чего артачишься! Изъ-за тебя дѣло стоитъ... полно тебѣ ломаться... Домна, надѣвай ей вѣнокъ на голову; тащите именинника на возъ; тащи его, ну, дружнѣй! Держи его, держи, мотри, крѣпче, Парашка, не то свалится на косогорѣ, держи, не урони! кричали отовсюду, махая руками дѣвушкѣ, которая усаживалась на макушкѣ воза, придерживая одной рукой пестрый вѣнокъ надъ румянымъ своимъ личикомъ, другою—наряженный снопъ.

— Ну, трогай, что ли, съ Богомъ, съ Богомъ! О-о-о!..

И возъ, поскрипывая и покачиваясь изъ стороны въ сторону, покатился по проселку; впереди его, словно лебединое стадо, плавно выступали бабы, парни и дѣвки, съ граблями, вилами и косами, сверкавшими какъ золото на заходящемъ солнцѣ; громкая пѣснь ихъ, посреди которой мѣрно звякали удары въ обломокъ косы, далеко огласила окрестность. По сторонамъ бѣжали, хлопая въ ладоши, съ приплясомъ и кривляньемъ, ватаги мальчишекъ и дѣвчонокъ, размахивая пучками цвѣтовъ и колосьевъ; позади, за другими возами, тащились, припадая съ ноги на ногу, отцы, сѣдые старики-дѣды и люди степенные.

Смуглыя лица ихъ, покрытыя пóтомъ и морщинами, сіяли довольствомъ и радостью.

И какъ не порадоваться! Недаромъ молвится: мужичокъ пашетъ плачучи, а жнетъ скачучи! Забота теперь какъ съ плечъ долой; хлѣбца святого уродилось въ волюшку. Онъ станетъ дешевле; э, гдѣ жъ теперь заботушка? Ужъ не объ умолотѣ ли, когда изъ-за каждаго гумна, надъ плетнями, перевитыми хмелемъ и трàвами, глядятъ, словно Божьи гости, ряды остроконечныхъ скирдъ-кормилицъ! И вотъ, прислушиваясь однимъ ухомъ къ размашистой пѣснѣ, другимъ къ веселому скрипу тяжелыхъ телѣгъ, навьюченныхъ снопами, ведутъ они мирную рѣчь свою о жатвѣ, покосахъ и засѣвахъ...

А между тѣмъ въ это время старуха Демьяна была уже давно дома. Недовольное расположеніе духа, казалось, все еще не покидало желтоватаго лица старушонки; она поминутно выбѣгала за ворота, заглядывала на улицу, съ сердцемъ отмахивалась отъ жуковъ, которые то и дѣло

Digitized by Google

ударяли ее со всего размаху по лицу, и вновь высовывалась заботливо на улицу. Но не пѣсни приближающихся жницъ, ни поѣздъ „именинника“, начинавшій показываться изъ рощи, были тому причиной. Старушка не обращала на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Она глядѣла въ другую сторону, къ высокому берегу рѣки, надъ которымъ начинало клубиться облако пыли. Наконецъ, старушка отворила настежь ворота и побрела къ нему навстрѣчу. Вскорѣ облако, охваченное солнцемъ, расширилось и сквозь золотую ткань пыли показались рогатыя головы, послышалось мычанье; ближе — мелькнули изъ-за него старый пастухъ съ связкою лаптей и худенькій мальчикъ съ котомкой; еще ближе—и все стадо съ ревомъ и грохотомъ ринулось на мостъ. Лицо старушки прояснилось, когда она увидѣла впереди всѣхъ бѣлую свою корову.

— Аль времечко выглядываешь, тетка? спросилъ пастухъ.

— Да, родной, завтра посушить конопли хотѣли, слава те Господи!

— Да, будутъ вёдра, произнесъ старикъ, — бѣлая корова впереди всѣхъ бѣжала; ужъ такая-то она у тебя, тетка, прыткая, никакъ не угоняешься за нею, здорова больно.

Старушонка поспѣшила отплюнуться, а старикъ тѣмъ временемъ кинулся сломя голову за стадомъ, которое смѣшалось и сбилось, набѣжавъ прямешенько на поѣздъ „именинника“, въѣзжавшій на улицу изъ противоположнаго конца деревни.

Крики, пѣсни, ревъ, блеянье,—все это разомъ смѣшалось вмѣстѣ. Много трудовъ стоило старушкѣ отыскать посреди этой кутерьмы мужа; еще труднѣе было ей добраться до Петра, который, затесавшись въ самую середину толпы, шелъ, вздернувъ голову кверху, ничего не слышалъ и не отнималъ глазъ отъ Парашки. Наконецъ, кой-какъ, съ помощію толчковъ и брани, она потащила ихъ домой, заставила убрать воза и усадила за ужинъ.

Въ деревнѣ становилось, однакожъ, тише и тише: хозяйки разогнали стадо по дворамъ; мужья и дѣды, утомленные знойнымъ трудовымъ днемъ, покидали одинъ за другимъ улицу; кой-гдѣ на заваленкахъ оставались лишь парни да дѣвки, но и тѣ, впрочемъ, скоро разбрелись, такъ что, когда сумерки окутали деревню, серебряный мѣсяцъ, выкатившійся изъ-за рощи, освѣтилъ уже совсѣмъ пустую улицу.

Digitized by Google

Все спало.

. . . . . .

— Что ты, Петруха? вымолвилъ Демьянъ, вскидываясь внезапно отъ сна.

— Ничего, батюшка, отвѣчалъ тотъ, проворно подбирая ноги, которыя свѣсилъ было съ полатей.

Прислушавшись къ храпѣнью отца, раздавшемуся почти вслѣдъ за пробужденіемъ, онъ потихонечку началъ спускаться по стремешкамъ съ полатей, останавливаясь при каждомъ шорохѣ, и, наконецъ, выбрался на крылечко. Вся забота состояла теперь въ томъ, чтобы отворить заднія ворота въ огородъ, перелѣзть черезъ плетень и выбраться на зады безъ малѣйшаго шума. Къ счастію, все прошло какъ нельзя лучше; собака не шевельнулась. Очутившись въ густой тѣни, бросаемой крестьянскими гумнами, Петръ попалъ на тропинку, вьющуюся между глухо разросшеюся крапивой, и пошелъ еще бережнѣе. Онъ зналъ, что многіе изъ мужиковъ спали теперь въ ригахъ. Встрепенется ли заснувшая птица, крикнетъ ли коростель въ болотной осокѣ, Петръ уже припадетъ въ траву, пришипится словно куропатка, когда всматривается въ нее огненный глазъ легавой собаки.

Такимъ образомъ достигъ онъ рѣчки, обогнулъ берегъ и очутился на-задахъ другой половины деревни.

— Что̀ за диво! Тамъ темно, хоть глазъ выколи,— здѣсь словно днемъ: виднымъ-виднешенько, прошепталъ Петръ, взглянувъ на мѣсяцъ, который обливалъ съ этой стороны поля и гумно голубовато-серебрянымъ свѣтомъ.

Ночь была чудная! Звѣздное небо казалось еще необъятнѣе и шире. Теплый воздухъ былъ такъ тихъ, что малѣйшій звукъ въ отдаленіи, сухое дребезжанье телѣги, катившейся Богъ вѣсть гдѣ, по пыльной дорогѣ, говоръ запоздалыхъ жнецовъ за рощей—доходили четко и ясно, какъ будто все это происходило у околицы.

Но Петръ уже ничего не замѣчалъ; затаивъ дыханіе, стоялъ онъ передъ высокимъ плетнемъ, изъ-за котораго выглядывалъ черною бахромою конопляникъ старосты.

Взобравшись кой-какъ на плетень, Петръ оглянулся на стороны; въ сторонѣ послышался шорохъ... Онъ рухнулся сломя-голову въ конопляникъ, закрылъ глаза и не двинулъ ни однимъ членомъ.

— Петруша, ты? произнесъ шопотомъ чей-то голосъ.

Петръ поднялъ голову и увидѣлъ шагахъ въ трехъ Па-

Digitized by Google

рашу, которая шла къ нему, отслоняя одной рукой стволы конопле́й, другою боязливо указывая ему на кровлю отцовской избы. Мѣсяцъ свѣтилъ ей прямо въ лицо.

— Молчи, молчи, говорила она, удерживая парня, который, не обращая ни на что вниманія, кинулся къ ней навстрѣчу, — отецъ спитъ въ каморкѣ,—смерть страшно: того и смотри, услышитъ...

Они молча прошли нѣсколько шаговъ и остановились подъ высокой рябиной, которая окутывала черною тѣнью плетень и часть конопляника.

— Ну, что, Параша, ты, я чай, все... слышала? спросилъ несовсѣмъ твердымъ голосомъ парень.

— Слышала, Петруша... не знаю, что̀ и дѣлать, отвѣчала она, опуская руки.

— Какъ не знаешь? живо подхватилъ парень.—Стало, тебѣ все одно! Я изъ-за горести свѣта не вижу, отбился отъ сна, отъ ѣды, а тебѣ все одно...

— Что жъ мнѣ дѣлать, коли отецъ приневоливать станетъ... Вотъ ты какой... Петруша, прибавила она съ упрекомъ, — чѣмъ бы пожалѣть меня, горькую... а отъ тебя только и слышишь попреки...

— Полно, перестань, Параша, живо подхватилъ Петръ,— не серчай на меня; я и самъ не знаю, что̀ со мною попритчилось; не тоскуй такъ-то, у меня и безъ того все сердечко изныло... Вотъ послушай, что̀ я тебѣ скажу, продолжалъ онъ, робко взявъ ее за руку,—слышь, что ли, Параша?

— Слышу, отвѣчала она, прижимаясь къ парню и стараясь улыбнуться.

— Ты говоришь: отецъ приневолитъ; нѣтъ, не приневолитъ, когда ты просить станешь... Что онъ тебѣ за злодѣй! Ты у него всего одна, какъ перстъ...

— Да что жъ я ему скажу?

— Любъ я тебѣ, Параша? спросилъ неожиданно Петръ, взглядывая ей въ лицо.

— Кажись, пуще отца родного и матери, Петруша! отвѣчала она, наклоняясь къ парню.

— Ты бухнись имъ въ ноги, продолжалъ онъ, обнимая дѣвушку, — скажи: родные вы, молъ, мои, я одна у васъ, вы одни у меня, не губите вы меня, дайте хоть пожить маненько на бѣломъ свѣтѣ, чтобъ знала я, что̀ за радость жить съ вами; буду служить вамъ вмѣсто батрачки, все стану работать и ни охну, ни застону!.. Сдѣ-

Digitized by Google

лай, только повременили бы они до осени да слова не давали Никанору; выгадай только времечко; а ужъ я охулки на руки не положу; поколь мочь и сила будутъ, стану работать, да денегъ наживать къ той порѣ; сама ты вѣдаешь: мать моя не прочь отъ этого дѣла; она намъ подсобитъ уломать отца.

— Ему-то что идти противъ нашего счастія? возразила Параша.—Нешто я въ чемъ не по нраву пришлась ему?..

— Ну, вотъ поди жъ ты? сказалъ Петръ, досадливо тряхнувъ головою.—Сколько разъ говорилъ, что ты дѣвка хорошая, какъ передъ Богомъ!.. Да заартачился продать Никанору корову; слово за словомъ, повздорили, нѣтъ да нѣтъ, изъ этого-то и дѣло все вышло... Никаноръ на зло ему хочетъ сватать за тебя Игнатку... теперь вишь отнѣкивается брать у меня работу; да это куда бы ни шло: я снесу въ Емельяновку—тамъ возьмутъ; денегъ на выкупъ станетъ.

— Ну, а коли отецъ твой не послушаетъ матери: поартачится продать Никанору корову, а тотъ зашлетъ сватовъ?

— Нѣтъ, уломаемъ... Господь не попуститъ такого грѣха.

— А ну, какъ не уломаешь... тогда что?..

— Тогда... если ты пойдешь за Игнатку, прощай, Параша! прощай навѣки!.. пойду изъ деревни куда глаза глядятъ, загублю свою голову...

— Нѣтъ, Петруша, чтобъ мнѣ свѣта Божьяго не видать,—не пойду ни за кого окромѣ тебя; лучше весь вѣкъ въ дѣвкахъ просижу по тебѣ плачучи...

Въ сторонѣ послышался легкій шорохъ. Оба притаились за рябину.

— Слышь, Петруша?.. шепнула она, робко озираясь и дрожа какъ осиновый листъ.

— Слышу... никакъ собака... не бойся...

— Охъ, нѣтъ, не отецъ ли... Смерть боюсь, Петруша, ступай лучше... ступай скорѣй... неравно еще застанетъ...

— Не бойся, ничего, говорилъ парень, прижимая ее къ себѣ крѣпко-накрѣпко.

— Нѣтъ, оставь, оставь, шептала она, упираясь, что есть мочи, руками въ грудь парня,—застанетъ, осерчаетъ такъ, что слова мои въ прокъ не пойдутъ... экой ты какой!.. пусти!

Она вырвалась изъ рукъ его, нагнула голову и пустилась безъ оглядки.

Digitized by Google

— Прощай, Параша, шепнулъ Петръ, выглядывая изъ-за плетня, черезъ который успѣлъ уже перемахнуть.

— Кто тамъ? послышался въ эту минуту хриплый голосъ изъ каморы.

Петръ не дослышалъ далѣе; онъ летѣлъ уже стрѣлою по задамъ, придерживаясь къ плетнямъ, чтобы оставаться въ тѣни, которую начинали бросать теперь и съ этой стороны крестьянскія гумны.

— Экъ его, старый хрычъ, чуткой какой! вымолвилъ онъ, останавливаясь у берега, чтобы перевести духъ.— Ладно, выходи теперь изъ каморы,—много возьмешь!.. Э, э! вонъ ужъ мѣсяцъ-то гдѣ, прибавилъ онъ, оглядывая синее небо, начинавшее блѣднѣть на востокѣ;—мы и не примѣтили времечка; должно быть, скоро свѣтать начнетъ... не хватились бы дома!..

Сказавъ это, онъ снова пустился въ дорогу и, немного погодя, очутился въ отцовскомъ огородѣ, между тѣсными рядами капусты, огурцовъ, луку и картофеля, залитыхъ серебрянымъ свѣтомъ мѣсяца, тихо катившаго по синему звѣздному небу.

VII.

Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.

Кольцовъ.

— Экіе холода пошли! въ избѣ донимать стало!.. говорилъ Демьянъ, выходя ранымъ-рано на крылечко и кутаясь въ кожухъ, наброшенный на плечи.—Жаль, запоздали мы добре съ капустой, того и смотри прохватило ее нынче морозомъ, прибавилъ онъ, спускаясь на дворъ, покрытый застывшею грязью. Онъ направился прямо къ огороду, но, проходя мимо клѣти, не утерпѣлъ-таки, чтобы не остановиться передъ коровой, предметомъ столькихъ толковъ и зависти.

Кромѣ пятка овецъ, барана и коровы, въ клѣти находился еще новый жилецъ — рыжая телочка съ бѣлыми отмѣтинами на лбу и бокахъ, которую не переставала облизывать Демьянова любимица. Мужикъ поглядѣлъ сначала на мать, потрепалъ ее по ребрамъ, потомъ приласкалъ дочку и, усмѣхнувшись самодовольно, пошелъ къ заднимъ воротамъ, не переставая ухмыляться въ бороду.

Вступивъ въ огородъ, онъ не безъ сожалѣнія увидѣлъ

Digitized by Google

побѣлѣвшіе ряды капусты, поднялъ голову — и остановился, пораженный страннымъ зрѣлищемъ. Огромная старинная ветла, глядѣвшая изъ-за сосѣдняго плетня, была усѣяна вся, снизу до верху, ласточками; даже плетень и кровля сосѣдняго амбара были покрыты ими такъ, что казались совершенно черными. Демьянъ притаился за уголь и сталъ глядѣть. Ласточки слетались отовсюду цѣлыми стаями; мало-по-малу онѣ усѣлись и успокоились: мертвое молчаніе воцарилось между ними; такъ прошло нѣсколько минутъ — и вдругъ всѣ, сколько ихъ ни было, защебетали въ одно время, замахали крылышками и разомъ понеслись къ югу, наполнивъ воздухъ своимъ крикомъ.

— Что̀ за диковина! произнесъ Демьянъ, слѣдя съ недоумѣніемъ за темнымъ облакомъ ласточекъ, постепенно уменьшавшимся въ сѣромъ небѣ, — ужъ не къ отлету ли въ теплую сторону собрались онѣ сюда?.. А можетъ статься и то правда: время позднее, заключилъ онъ, возвращаясь на дворъ.

Онъ отвязалъ лошадей, отворилъ переднія ворота и, пропустивъ уздечки въ лѣвую руку, вышелъ на улицу.

Было еще очень рано. Сѣрое, туманное небо, разливавшее грустный свѣтъ на окрестность, свидѣтельствовало однакожъ, что солнце показалось надъ горизонтомъ. Все вокругъ безмолвствовало. Казалось, какъ будто все живущее уже давно попряталось отъ стужи въ избенки, подъ теплыя овчины и кожухи; у черныхъ заваленокъ, перепутанныхъ поблекшею, косматою травою, не было видно ни сохи, ни бороны, ни телѣги; вся дѣятельность обозначалась возвышавшимся кой-гдѣ у воротъ ворохомъ хвороста, да дымкомъ, который начиналъ тянуться сизою струйкой изъ двухъ трубъ, прикрытыхъ горшечками.

Демьянъ достигалъ уже конца деревни, когда до слуха его неожиданно коснулись глухіе стоны и вопли. Онъ сталъ прислушиваться. Вопли выходили изъ крошечной избенки, объ одномъ волоковомъ окнѣ, перекосившейся на одну сторону и глядѣвшей невыразимо печально.

Демьянъ вспомнилъ тогда, что наканунѣ у Дарьи умеръ ребенокъ. Движимый любопытствомъ, онъ подошелъ къ избѣ и приложилъ бороду къ окну, стараясь разглядѣть, что̀ тамъ происходило. Ничего, однакожъ, не увидѣлъ мужикъ; темно и мрачно было въ избушкѣ; глухія причитанья Дарьи, сопровождаемыя рыданіями, одни наполняли бѣдную, полуобвалившуюся лачужку.

Digitized by Google

— Дитятко мое! милка моя! плакала она нараспѣвъ.— Охъ! горе мое, горькое горюшко... И нѣтъ уже дитятка моего! нѣтъ бѣлаго селезня!.. Кого мнѣ прибаюкать на плечѣ моемъ? Бывало, забуду истому злую, нагнусь, возьму тебя на руки... Дитятко мое! надежда моя! Егорушка! бѣлянушка!.. охъ, прости Господи, горе мое, оторвалось мое сердце, осиротѣла грудь моя и молочко твое присохнетъ; пуста теперь твоя зыбочка! охъ, горе мое, горе мое! забуду, что пуста она, твоя зыбочка, и стану качать ее, тебя вспоминаючи!..

— Полно, касатушка, полно, сердечная, не убивайся такъ-то, грѣшно передъ Господомъ... повторялъ вслѣдъ за тѣмъ чей-то ласковый голосъ.

— Э! старуха моя ужъ тамъ! вымолвилъ Демьянъ, отходя прочь,—такъ, такъ, вотъ и вёдра наши стоятъ у воротъ.—Должно быть за водой шла, да завернула провѣдать горюшицу, присовокупилъ онъ, направляясь къ рѣкѣ, сверкавшей какъ темное лезвеё стали въ почернѣвшихъ берегахъ.—Эхъ, жаль бабу-то! добрая, смирная баба такая... Да что̀ станешь дѣлать! не стоятъ знать у ней робяты... вотъ ужъ третьяго на моей памяти хоронить... жаль, право, жаль!..

Напоивъ лошадей, Демьянъ подобралъ уздечки и началъ подыматься по скату берега.

Навстрѣчу ему попалась жена съ коромысломъ и ведрами на плечахъ; желтое ворчливое лицо ея было на этотъ разъ кротко и спокойно.

— Погоди меня, Демьянычъ, я воды зачерпну, пойдемъ вмѣстѣ, сказала она, проводя рукавомъ по лицу.

Мужикъ остановился, поглядѣлъ ей вслѣдъ и почесалъ затылокъ. Немного погодя, старушка, переваливаясь съ ноги на ногу подъ тяжелыми вёдрами, нагнала мужа, и они пошли рядышкомъ.

— Эхъ, бабу-то жаль, ишь какъ ее убивается! вымолвилъ Демьянъ, взглядывая на избенку Дарьи, изъ которой все еще раздавались стенанія и голошенье.

— О-о-охъ! горькая-то наша долюшка! произнесла старуха, кротко опуская голову. — Охъ! скоро и мнѣ, горемычной, приведетъ Господь такъ-то плакаться...

Тутъ она остановилась, устремила съ мольбою заплаканные глаза на мужа и сказала съ упрекомъ:

— Демьянычъ, а Демьянычъ, полно тебѣ артачиться!..

Демьянъ также остановился, поднялъ голову къ сѣрому

небу, гдѣ тянулась длинная вереница журавлей, и сдѣлалъ видъ, какъ будто ничего не слышитъ.

— Демьянычъ, аль сердца въ тебѣ нѣтути? продолжала старуха, ставя на-земь вёдра и скрестивъ руки.—Опостыли мы тебѣ, что ли?.. Всю осень, почитай, плачусь надъ тобой; полно тебѣ спесивиться: продай ты ее...

— Чтой-то за диво, какъ они низко летятъ нынче... пробормоталъ мужикъ, не отрывая глазъ отъ журавлей.

— Демьянычъ, а Демьянычъ... загубить ты насъ хочешь, что ли? чѣмъ погрѣшились мы передъ тобою?.. взмилуйся, касатикъ... продолжала старуха, дергая его за рукавъ кожуха.

— Эхъ-ма! вотъ привязалась... вымолвилъ Демьянъ полушутливо, полусердито. — Ну, чего тебѣ? Чего вёдра-то поставила?.. пойдемъ!..

— Не пойду, касатикъ... охъ, не сойду съ эвтаго мѣста, пока не отойдетъ у меня сердце... Батюшка, родной ты мой, отецъ ты нашъ, Демьянъ Васильичъ, сказала старуха и вдругъ ударилась съ воплемъ ему въ ноги.

— Что ты, дура-голова, ишь нашла гдѣ мѣсто... при людяхъ-то... аль срама нахлебаться хошь? вставай, говорятъ... одурь взяла тебя, что ли?

— Охъ, нѣтъ, кормилецъ, не встану... охъ, не встану... силушки моей нѣтути; не встану, пока не взмилуешься... Что она тебѣ полюбилась? напустилъ, знать, на тебя лихой человѣкъ, выманилъ лестію изъ тебя душу... Самъ ты, родной, въ Спожинки горевалъ объ эвтомъ горѣ... а теперь твои же рѣчи въ-забыть пошли!..

Демьянъ, видя, что дѣлать было съ ней нечего, плюнулъ на сторону и пошелъ скорыми шагами къ дому. Но не успѣлъ онъ запереть воротъ, какъ уже старуха нагнала его.

— Демьянычъ, аль взаправду души въ тебѣ нѣтути! воскликнула она, ставя опять ведра на-земь, — аль опостыло тебѣ родное дѣтище? Отшатнись ты отъ нея, Господь съ нею! неужто окромѣ ея другой не найдемъ...

— Отвяжись ты отъ меня, Христа-ради! ну, чего тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, отъ меня надыть? сказалъ Демьянъ такимъ голосомъ, какъ будто о-сю пору невдогадъ ему было, о чемъ говорила старуха, и между тѣмъ не переставая взглядывать украдкою на корову, которая, показавъ надъ плетнемъ бѣлую свою голову, отозвалась протяжнымъ мычаньемъ.

Digitized by Google

— Слышь, слышь, касатикъ, завопила старуха, живо размахивая руками.—Слышь, она сама чуетъ смерть свою, сама просится со двора вонъ... Кормилецъ, нынче и листъ-то ишь его какъ поздно не спадаетъ съ дерева: по всему, быть мору. Вотъ, родной, чтобъ мнѣ нечистый пригрезился, если воронъ не перелетѣлъ нашъ дворъ намедни... ужъ такъ-то каркаетъ! Она сама чуетъ свою погибель; что тебѣ въ ней прибыли, коли она хвостъ откинетъ, коли сгинетъ у насъ весь скотъ до послѣдней шерстинки, да ничегохонько не останется?..

Демьянъ покосился на корову и почесалъ затылокъ.

— Демьянъ Васильичъ, кормилецъ ты нашъ, не губи парня-то... за что? Продай ты ее Никанору! вопила жена, обливаясь слезами и снова бросаясь обнимать ноги мужа.

— Да, теперь продай; а не ты ли весной сама меня отговаривала... привередлива больно стала, вотъ что!..

— О-охъ! вотъ то-то, отецъ родной, глупая-то дурость наша, охъ! отчаянно простонала старуха.

— А куда я пойду продавать? сказалъ Демьянъ, немного смягчаясь, — ну, куда?.. онъ самъ теперь ее не возьметъ...

— Охъ, возьметъ, кормилецъ, право возьметъ; онъ самъ намедни сказывалъ свату Стегнѣю, что возьметъ...

— Да какъ же пойду я съ нею въ Бабурино... самъ не хотѣлъ, а теперь буду навязываться...

— Нѣтъ, касатикъ, не надыть ходить... я о томъ и молю тебя нынче, что Никаноръ пріѣдетъ сегодня объ утро раздавать пряжу... Полно тебѣ спесивиться... слышь, слышь, вотъ такъ-то ни ночью, ни днемъ покою ему нѣтути, присовокупила она, указывая выразительно на избу, изъ которой раздавались удары челнока и шумъ стана. —Совсѣмъ извелся парнюха... думаетъ работой пособить, тебя умилостивить, батюшка Демьянъ Васильичъ— совсѣмъ какъ есть присушила его дѣвка-то... охъ, пожалѣй ты его, не табашникъ онъ какой у тебя, загубитъ парень свою голову, не прими грѣха на свою душу! Господи! святые угодники! неужто корова жалчѣе ему родного дѣтища!..

Демьянъ хотѣлъ-было что-то сказать, но въ эту минуту на крылечкѣ показался Петръ, и старикъ замялся.

Круглыя, полныя щеки парня, въ самомъ дѣлѣ, немножко осунулись съ лѣта; онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго. Увидя старуху-мать на колѣняхъ передъ отцомъ,

Digitized by Google

Петръ сдѣлалъ движеніе впередъ, но старикъ предупредилъ его.

— Подь сюда, Петруха, сказалъ онъ, принимая свой повседневный, шутливый голосъ и устремляя то на парня, то на жену свои смѣющіеся, узенькіе глазки.— Вотъ старуха наша привязалась ко мнѣ: продай да продай корову Никанору... Что̀ ты объ этомъ промолвишь?

— Что жъ, батюшка, отвѣчалъ запинаясь Петръ, — продай...

— Ой ли? смѣясь возразилъ отецъ.

— Вѣстимо, батюшка, не одна она на свѣтѣ... нонѣ, слава Богу, годъ хорошій... къ веснѣ я заработаю еще деньжонокъ,—купимъ другую...

— Э! не сули лапти сшить, не дравши лыкъ! этакъ, пожалуй, про васъ не напасешься,—сегодня купи, а завтра продай... Мякины нынче вволю, зачѣмъ ее продавать, пущай ее постоитъ, потрата не больно велика...

— Ты самъ знаешь, зачѣмъ мы тебя въ этомъ утруждаемъ, сказалъ Петръ, переводя духъ на каждомъ словѣ.

— Погоди, мы вотъ у кого спросимъ, произнесъ Демьянъ, обращаясь шутливо къ двумъ парнишкамъ, которые вбѣжали на дворъ, махая посинѣвшими отъ стужи руками,— оба вы что-то хитро больно говорите... Что̀ они скажутъ, тому и быть... Ну, ребятишки, продать корову, аль нѣтъ?

— Продай, продай, касатикъ! прокричала старуха, кидаясь къ мужу.

— Продай, продай! закричали вслѣдъ за матерью ребята, сами еще не смекая хорошенько, о чемъ шло дѣло.

— Продай, батюшка, прибавилъ Петръ,—день и ночь буду за тебя Бога молить...

— Продай, продай, тятька! кричали мальчуганы, цѣпляясь за отцовскій кожухъ.

Демьянъ тряхнулъ головою, нахмурилъ брови и, не сказавъ ни слова, пошелъ къ клѣти; очутившись подлѣ коровы, онъ принялся ее снова осматривать; ребята, жена и Петръ послѣдовали за нимъ и не отнимали отъ него глазъ. Мало-по-малу веселое выраженіе на лицѣ мужика уступило мѣсто нерѣшительному и, наконецъ, упрямому и недовольному.

Петръ былъ какъ на угольяхъ и вертѣлъ рукавомъ рубахи; старуха стояла какъ стопочка, жалостливо повѣсивъ голову и скрестивъ руки. Въ самую эту минуту за воротами послышался женскій, дребезжащій голосъ:

Digitized by Google

— Тетка Анна, а тетка Анна! ступай вынеси мотки да коклюшки: фабрикантъ пріѣхалъ.

Демьянъ нахмурилъ еще сильнѣе сѣдыя свои брови.

Сердце Петра и старухи болѣзненно, тоскливо сжималось.

— Демьянъ Васильичъ!.. начала было жена.

Но Демьянъ не дослушалъ ее; онъ вышелъ изъ клѣти, поднялъ голову къ сѣрому небу, откуда слышались отдаленные крики, и произнесъ съ разстановкою:

— Опять, никакъ, журавли летятъ... да, точно, вонъ, вонъ... Что это какъ они нынче низко летятъ... быть, стало, студеному времени...

— Батюшка, Демьянъ Васильичъ, полно тебѣ умомъ-то раскидывать, завопила старуха, снова бросаясь ему въ ноги,—когда я тебя въ чемъ утруждала, али просила? батюшка, кормилецъ, взмилуйся надъ роднымъ дѣтищемъ!..

— Батюшка, продай ее взаправду, рѣшился, наконецъ, поддакнуть парень,—самъ вѣдаешь, какую мы терпимъ изъ-за нея помѣху... вѣдь вотъ Никаноръ и работы моей не беретъ... куда я съ ней пойду?..

Демьянъ медленно надѣлъ кожухъ въ рукава, нахлобучилъ на глаза шапку и молча вышелъ на улицу.

Вся семья побѣжала за нимъ.

Сѣренькій осенній день окончательно смѣнилъ туманное утро. Холодный воздухъ былъ сухъ и прозраченъ: какъ-то особенно ясно обозначались въ немъ теперь темныя кровли избушекъ съ ихъ пѣтушками и коньками на макушкахъ; рѣзче вырѣзывались фіолетовые прутья обнаженныхъ березъ, тронутыхъ еще кое-гдѣ красными и желтыми листьями; даже поля и нивы, стлавшіяся въ отдаленьи, очерчивались чистыми, опредѣлительными линіями. Мѣстами въ воздухѣ тянулись длинныя, бѣлыя волокна тенетника, признакъ долгой, студеной осени, или „листопада“, какъ говорятъ поселяне.

Въ самой деревнѣ какъ будто повеселѣло. Теперь изъ каждой почти избушки возносилась кверху сизая струйка дыма; кой-гдѣ, въ окнахъ, сверкалъ огонекъ жарко топившейся печи. Ребятишки, закутанные кто въ отцовскій полушубокъ, тащившійся наполовину по землѣ, кто въ бабушкинъ зипунъ, толкались подлѣ заваленокъ. Съ задовъ слышались мѣрные удары цѣпа или шумъ вѣявшейся ржи, которая падала на гладко убитый токъ. По всѣмъ концамъ деревни виднѣлись бабы съ мотками бѣлой пряжи

Digitized by Google

и связками шпуль за плечами, сходившіяся къ колодцу, куда, по обыкновенію, присталъ съ своимъ возомъ Никаноръ Иванычъ.

Его уже окружала порядочная ватага. Никаноръ Иванычъ, казалось, на этотъ разъ былъ очень въ духѣ. Хохотъ его и прибаутки далеко слышались вокругъ.

— Эй вы, любки-голубки! поворачивайтесь скорѣй: мнѣ недосугъ съ вами валандаться... Сколько у тебя шпулей?.. ну, эхъ ты, немогузнайка! давай... разъ, два, три... такъ, присовокупилъ онъ, вырѣзывая одинаковое число на биркѣ.—Здорово, Гаврило! ну что ,какъ умолотъ у васъ?

— Да ништо, грѣшно Бога гнѣвить, самъ-сёмъ уродилось, Никаноръ Иванычъ.

— Вотъ то-то, а вы все плачетесь, охъ вы, колосовички-грѣчишнички! А! здорово, сватъ Демьянъ! продолжалъ онъ, обращаясь къ мужику, который протискивался въ кружокъ съ видомъ совершеннаго равнодушія,—ну, что, какъ живешь-можешь?

— Ничего, отвѣчалъ Демьянъ,—живы по Божьей милости...

— Батюшка, Никаноръ Иванычъ, купи у насъ корову! неожиданно воскликнула старуха, просовывая изъ толпы голову.

Демьянъ обернулся, нахмурилъ брови и сердито почесалъ локоть.

— Э, тетка, и ты здѣсь? изволь, куплю, вымолвилъ фабрикантъ, устремляя на Демьяна свои сѣрые на выкатѣ глаза.

— Что ты ее слушаешь, Никаноръ Иванычъ, произнесъ мужикъ,—баба съ вѣтру вретъ, что вспало ей на языкъ, то и несетъ.

— А развѣ ты не продашь? спросилъ Никаноръ.

Демьянъ посмотрѣлъ на Петра, который стоялъ поодаль, и замялся. На парнѣ лица не было.

— Я, признаться, не то, чтобы больно позарился на нее, продолжалъ фабрикантъ, укладывая мотки,—а, пожалуй, купить куплю, если продашь.

— Купи, касатикъ, подала снова голосъ старуха,—ей-Богу, купи!..

— Дешево больно даешь, промолвилъ запинаясь Демьянъ.

— Да ты сколько просишь?.. я почемъ знаю.

Демьянъ почувствовалъ, что кто-то дергалъ его за рукавъ.

Digitized by Google

— А сколько! сколько сами заплатили, за столько и отдадимъ, отвѣчалъ онъ понатужась.

— Сорокъ рублевъ?

— Да.

— Экой!.. гм! гм! ишь его тугой какой!.. надо еще знать, стоитъ ли цѣны; можетъ, она въ лѣто у тебя похирѣла...

— Можетъ такъ, а можетъ и нѣтъ, пробормоталъ недовольно Демьянъ.

— Нѣтъ, кормилецъ, ей-Богу, нѣтъ! возразила съ жаромъ старуха, просовываясь впередъ и размахивая руками,—кажись, еще добротнѣе стала... люди не нахвалятся, спроси кого хошь.

— Надо поглядѣть, сказалъ фабрикантъ, — продавать, такъ лицомъ: веди ее сюда.

Старуха и Петръ, духомъ, безъ оглядки пустились домой. Минуту спустя, толпа дала дорогу коровѣ, парню и старухѣ. Похвалы и восклицанія посыпались отовсюду. Фабрикантъ принялся осматривать животное, пожимая значительно губами и встряхивая головою. Петръ и старуха не пропускали ни одного изъ его движеній и поминутно бросали взгляды на Демьяна, который стоялъ въ сторонѣ и пасмурно косился то на корову, то на присутствующихъ.

— Что говорить, животина хорошая, сказалъ, наконецъ, фабрикантъ, выпрямляясь и поправляя шапку.—Ну, такъ какъ же, Демьянъ?.. тридцать пять по-моему; какое твое послѣднее слово?.. Берешь, что ли?..

Демьянъ молчалъ.

— Что жъ ты ничего не говоришь? ась?

Демьянъ поглядѣлъ сначала украдкою на сына, потомъ на жену и вдругъ совершенно неожиданно расправилъ морщины на лбу, махнулъ рукой и воскликнулъ:

— Э! ну, Господь съ тобой... бери, такъ и быть!

— Отдаешь?

— Отдаю! отвѣчалъ Демьянъ, вторично махнувъ рукой.

Петръ едва устоялъ на ногахъ.

Старуха перекрестилась.

— Давно бы такъ, сказалъ Никаноръ Иванычъ, ударяя его по плечу,—вашъ братъ всегда бываетъ смышленъ, да только опосля; а то корячился, корячился, словно взаправду во всемъ уѣздѣ у одного тебя была корова...

— Вотъ то-то, батюшка, глупая-то дурость наша, ска-

Digitized by Google

зала старуха, сама уже не помня на-радостяхъ, что говоритъ.

— Я, братъ, признаться, посерчалъ маленечко на тебя за твою спесь, перебилъ фабрикантъ, обращаясь къ Демьяну,—ну, да теперь подался ты, и дѣлу конецъ; какъ, думаю себѣ, сорокъ рублевъ далъ всего, а проситъ столько же, да еще корову въ придачу...

— Да ты какъ провѣдалъ, что я сорокъ рублевъ за нее далъ? спросилъ Демьянъ.

— А, признаться, Домна-солдатка проболталась; грѣшенъ и я: посулилъ ей за то платокъ.

— Эка пропастная баба, пробормоталъ мужикъ,— счастье ея, что она теперь на фабрикѣ у тебя, я бъ ей припомнилъ...

— Ну, Петруха, подхватилъ Никаноръ Иванычъ, обращаясь къ парню, который и смѣялся, и чуть не плакалъ съ радости,—Гаврило сказывалъ, ты на Емельяновку хочешь миткаль нести... На кой тебѣ лѣшій туда таскаться, коли ближе есть, гдѣ сбыть его съ рукъ.—Давай его мнѣ, намъ никакъ не впервые дѣло вести... завтра же и приходи на фабрику, заодно: и миткаль сдашь, и деньги за корову возьмешь... такъ, что ли?..

— Такъ, Никаноръ Иванычъ, отвѣчалъ Петръ, встряхивая волосами,—я завсегда готовъ на тебя работать, если...

— Знаю, знаю, ладно, перебилъ фабрикантъ, лукаво подмигивая ему лѣвымъ глазомъ.—Что, Демьянъ, голову-то повѣсилъ, аль корову жаль!..

— Э! произнесъ Демьянъ, взглядывая на корову и почесывая затылокъ. Онъ больше ничего не сказалъ.

— Ну, ступай, ступай, бѣлянка, говорилъ фабрикантъ, привязывая корову къ телѣгѣ, — вотъ тебѣ новый хозяинъ... эхъ, хорошая корова!.. у меня же бѣлая шерсть ко двору...

Повторивъ Петру, чтобъ приходилъ завтра въ Бабурино, Никаноръ Иванычъ раскланялся съ толпою, сѣлъ на возъ и тронулъ вожжами.

Демьянъ стоялъ молча на одномъ мѣстѣ и не переставалъ слѣдить за коровой, которая то и дѣло поворачивала назадъ, къ деревнѣ, голову. Наконецъ, когда возъ фабриканта завернулъ къ берегу и коровы не стало видно, мужикъ провелъ ладонью по лысинѣ, махнулъ отчаянно рукою и произнесъ, обратившись къ старухѣ, стоявшей рядомъ съ Петромъ:

Digitized by Google

— Эхъ, все ты, старая!.. ужъ такъ-то жаль коровенку! такъ жаль!.. славная такая была... ну, да Богъ съ вами, пойдемъ въ избу, прибавилъ онъ, надѣвая шапку,—авось, повеселѣе станетъ....

Они уже подходили къ воротамъ, когда въ толпѣ, расходившейся послѣ отъѣзда фабриканта, послышался шумъ, и внезапно раздались восклицанія:

— Дарья, Дарья!.. похороны!.

Всѣ трое остановились и обернулись назадъ.

Изъ воротъ маленькой перекосившейся избушки выѣзжала телѣга, запряженная хилой, костлявой кляченкой. На телѣжкѣ, уперши лицо и грудь въ солому, лежала Дарья; русые ея волосы, смоченные слезами, разсыпались въ безпорядкѣ изъ-подъ темнаго, худого платка. Впереди подводы шелъ съ открытою головою рыжій, приземистый мужикъ суроваго вида; онъ держалъ въ одной рукѣ уздечку лошади, въ другой—маленькій гробикъ, живьемъ сколоченный изъ досокъ.

Телѣжка медленно подвигалась къ околицѣ.

Вокругъ, въ толпѣ, уже окончательно разсѣявшейся по улицѣ, все какъ бы стихло. Каждый крестился и молча давалъ дорогу.

Дарьи почти не было видно; изрѣдка лишь сѣрый зипунъ, покрывавшій ея спину, показывался надъ соломой; вслѣдъ за тѣмъ слышалось раздирающее рыданіе, и снова все стихало, кромѣ шаговъ лошади, звонко отдававшихся на застывшей землѣ.

У околицы нѣсколько бабъ ввязались-было провожать телѣжку, но скоро отстали за недосугомъ.

Немного погодя, и телѣжка, и мужикъ, и кляча исчезли за косогоромъ.

— Э... хе, хе, жаль бабу, сказалъ со вздохомъ Демьянъ,—ну, да какъ быть! такъ, знать, Господомъ Богомъ положено... Полно, старуха, продолжалъ онъ, повертываясь къ женѣ, которая утирала лицо рукавомъ рубахи,—тебѣ-то, я чай, горевать не о чемъ: поставила-таки на своемъ... продалъ корову... потѣшилъ... Ну, чего хлюпаешь?.. Дарьѣ этимъ не пособишь... знамо дѣло, однимъ горе, другимъ радость, оно такъ-то споконъ вѣку ведется... Теперь о другомъ думать надыть: вотъ этого шалыгана поженить пришла, видно, пора... Пойдемте обѣдать, переговоримъ, тамъ за шапку да къ Карпу, понавѣдаюсь, что-то онъ скажетъ, а тамъ честнымъ пиркомъ,

Digitized by Google

да и за свадебку!.. Пойдемте обѣдать... ну, хе, хе! а все на сердцѣ у меня какъ словно камнемъ лежитъ коровенка-то: смерть жалко, добре хороша была животина... Ну, ужъ, Петруха, я тебѣ это припомню!..

Сказавъ это, Демьянъ нахлобучилъ шапку и, сопровождаемый старухой, поднялся на крылечко.

Когда они обернулись, Петра уже не было. Въ радостяхъ летѣлъ онъ какъ угорѣлый въ старостинъ коноплянникъ.

VIII.

Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ

Кольцовъ.

Мятель, поднявшаяся въ ночь, утихла. Вѣтеръ падалъ съ каждой минутой, разбивая хребты сизыхъ тучъ, заслонявшіе небо. Быстро бѣжавшія тучи открывали то тутъ, то тамъ мутно-желтоватыя пятна. Свѣтлѣй и свѣтлѣй становилась окрестность; вдругъ вѣтеръ вянулъ сильнѣе, и, откуда ни возьмись, глянуло солнышко... Мигомъ все приняло другой видъ. Ослѣпительной бѣлизной окинулась улица; еще ярче сверкнули на темномъ небѣ занесенныя снѣгомъ избушки съ ихъ бѣлыми кровлями и рѣзными подоконниками, увѣшанными ледяными сосульками, сіявшими какъ алмазы. Разомъ все оживилось. Заскрипѣли ворота и прикалитки. На улицѣ показалась баба, закутанная такъ, что наружу выглядывали одинъ красный носъ да посинѣвшія отъ стужи руки, которыми поддерживала она валекъ и коромысло. За нею, изъ разныхъ концовъ, выползли ребятишки, едва тащившіе въ мягкихъ сугробахъ отцовскіе полушубки; немного погодя, сбились они въ кучку; составился кружокъ; появилось рѣшето, облитое льдомъ, съ привязанною къ боку веревкой; въ него усѣлась дѣвчонка, еле-еле дышавшая изъ-подъ взгроможденнаго на нее кожуха; толпа схватилась за веревку, раздался крикъ, и вотъ уже понеслась она, только снѣгъ столбомъ да вѣтеръ съ морозомъ навстрѣчу.

Почти въ то же время, въ другомъ концѣ деревни,

Digitized by Google

остановились широкія пошевни, запряженныя вороной кудластой клячей, подлѣ которой бѣжалъ долговязый жеребенокъ. Изъ саней вылѣзъ Демьянъ. Прежде всего онъ отряхнулъ кожухъ и шапку, провелъ варежками по напудренной инеемъ бородѣ и наконецъ принялся отворять околицу. Затѣмъ онъ взялъ лошадь подъ-уздцы и пошелъ шагомъ по улицѣ.

— Ну, должно быть, въ городѣ-то мятелица была не гораздо пуще здѣшней,—ишь какіе намела сугробы! произнесъ Демьянъ, останавливаясь въ недоумѣніи передъ своими воротами.

Онъ отгребъ кой-какъ снѣгъ, въѣхалъ на дворъ, вынулъ изъ пошевенъ кусокъ мерзлой говядины, потомъ узелокъ, завязанный въ клѣтчатый платокъ, и, не распрягая лошади, вступилъ въ сѣни. Тутъ мужикъ принялся шарить по всѣмъ угламъ, отыскалъ плетушку, куда сажаютъ куръ на яйца, сунулъ въ нее украдкою узелокъ и повернулся къ двери, обрамленной сѣдой бахромой мерзлаго пара. Дверь скрипнула, и Демьянъ, похлопывая лаптями и рукавицами, весело вошелъ въ избу.

— Здравствуй, родной! что такъ поздно? вымолвила старуха, выглядывая сначала изъ-за печурки и тутъ же выбѣгая къ нему навстрѣчу.

— Здорово, хозяйка! произнесъ Демьянъ, отряхаясь съ головы до ногъ.—Спрашиваешь: поздно зачѣмъ?.. А выѣхалъ я изъ города чѣмъ свѣтъ, да така-то мятель, вьюга поднялась, зги не видно; со мной, какъ на зло, ввязался жеребенокъ; что станешь дѣлать!.. вернулся назадъ, обождалъ... Ну, да теперь недосугъ мнѣ съ тобой калякать. На, возьми, присовокупилъ онъ, подавая ей говядину,— подкинь ее въ щи, да ступай скорѣй ко мнѣ.

— Ахъ, ты, Господи! намедни барана зарѣзали, а онъ вишь чего... говядину покупать задумалъ! аль денегъ тебѣ дѣвать некуда, куры у те ихъ не клюютъ, что ли? заворчала старуха.

— Ну, вотъ, лиха бѣда! Щи послаще зато будутъ! возразилъ смѣясь Демьянъ.

Замѣтно было по всему, что онъ находился въ отличномъ расположеніи духа.

— Ну, а молодые-то наши гдѣ? спросилъ мужикъ, озираясь на стороны.

— Вѣстимо, не сидѣть имъ безъ дѣла, ворчала жена, роясь подлѣ горшковъ,—на гумно пошли... молотятъ...

Digitized by Google

— Ладно, ладно, ступай сюда, продолжалъ мужъ, торопливо сбрасывая съ себя верхнюю одежду и развѣшивая ее на станъ, занимавшій чуть не половину избы.

Онъ подошелъ къ столу, вынулъ изъ-за пазухи длинный кожаный кошель и бережно высыпалъ на скатерть казну свою, состоящую изъ замасленной, истасканной пятидесятирублевой ассигнаціи и нѣсколькихъ просверленныхъ, истертыхъ гривенниковъ и пятиалтынныхъ, между которыми виднѣлся орѣхъ-двойчатка, положенный туда, вѣроятно, для счастья и прибыли.

— На-ка, возьми ее, хозяйка, да подшей хорошенько тряпицей, сказалъ онъ, подавая женѣ ассигнацію,—а то, чего добраго, и въ конторѣ ее не примутъ, ишь какая истрепанная,—опять въ городъ придется ѣхать, здѣсь не размѣняешь. Садись скорѣй.

Въ то время, какъ старушка примостилась къ окну съ иголкою и тряпьемъ, Демьянъ натянулъ на плечи полушубокъ, подпоясался новымъ кушакомъ и снялъ съ шестка новую шапку, подаренную ему молодою.

— Готово?.. давай! время идти... Да вотъ что: неравно заноздаю тамъ, вели Петрухѣ, какъ вернется, убрать лошадь: она стоитъ, сердечная, нераспряженная, сказалъ Демьянъ, торопливо завертывая ассигнацію и направляясь къ двери.

Онъ вышелъ на улицу и побрелъ частымъ шагомъ въ контору. Въ конторѣ пробылъ онъ еще долѣе, чѣмъ думалъ, хотя явился ранѣе многихъ другихъ. Народу толкалось множество; наступилъ послѣдній срокъ взноса оброка; каждому слѣдовало получить расписку; къ тому же и годъ подходилъ къ исходу, — предметовъ для розсказней нашлось множество. Демьянъ заболтался и кончилъ тѣмъ, что вышелъ изъ послѣднихъ.

Несмотря, однакожъ, на то, радость и довольство сіяли во всѣхъ чертахъ мужика, когда онъ вновь очутился на улицѣ.

Трудовой годъ, слава Господу Богу, минулъ благополучно; оброкъ внесенъ сполна; въ домишкѣ осталось еще рублишковъ съ тридцать про случай; и хлѣбушко есть, и гречишка есть, и сына-то поженилъ; хозяйка молодая, сноха выпалась не вздорная какая, а лихая, работящая бабенка,—да смирная, смирная, что водой не замутитъ,—чего же больше... и какъ взаправду не порадоваться?..

Душа Демьяна плавала словно въ маслѣ; подбоченясь,

Digitized by Google

шелъ онъ по улицѣ, не переставая ухмыляться въ бороду и посматривая то въ ту сторону улицы, то въ другую.

И вокругъ все какъ-то улыбалось ему.

Весело глядѣла сіявшая на солнцѣ улица; весело улыбались охваченныя свѣтомъ избушки, съ ихъ рѣзными подоконниками, увѣшанными ярко горѣвшими сосульками... Демьяну было такъ легко, такъ весело на сердцѣ, что, встрѣтивъ гурьбу ребятишекъ съ рѣшетомъ и сидѣвшею въ немъ дѣвчонкою, онъ никакъ не могъ утерпѣть: захлопалъ въ ладоши и крикнулъ, притопывая ногами:—„Эхъ, терехъ-техъ-техъ!—у-ту-ту!—погоняй, не стой!..“ Въ другой разъ, уже у самаго дома, онъ, ни съ того, ни съ сего, снялъ шапку и гаркнулъ: „здорово, сватъ!“ какому-то мужику, который, по дальности разстоянія, не могъ слышать привѣтствія.

Войдя въ сѣнички, онъ покосился на плетушку: тутъ ли она,—и, натопавшись вволю, отворилъ дверь избы.

Запахъ жирныхъ щей съ говядиной порадовалъ Демьяна не мало; да и все вокругъ какъ-то радовало.

Золотой лучъ солнца, проникая въ окно, игралъ на полу и, захвативъ на пути часть стола и лавки, отражался на потемнѣвшей мѣдной ризѣ старой иконы.

На лавочкѣ, подлѣ окна, сидѣла Параша, повязанная по-бабьему; противъ нея торчалъ кленовый, высокій гребень съ бѣлымъ пучкомъ льну, изъ котораго тянула она лѣвою рукою длинную, дрожащую нитку; въ другой рукѣ ея гудѣло, подпрыгивая, веретено, которымъ игралъ пестрый котенокъ; шуму веретена отвѣчало мѣрное пощелкиваніе челнока стана, за которымъ сидѣлъ Петръ. Подлѣ него, на полу, два маленькіе брата возились шумно съ полѣномъ, обращеннымъ, помощію привязанной къ концу мочалки, въ бо́рзую лошадь. Изъ-за перегородки раздавался веселый трескъ печки и торопливое бѣганье старушки-хозяйки, прерываемое то звяканьемъ кочерги или ухвата, то шипѣніемъ горшка.

Въ избѣ было тепло и даже жарко.

— Э-ге-ге! Да они ужъ дома всѣ!.. Здорово, сношенька, какъ живешь-можешь? Здорово, Петруха... Эй, парнишки, что къ отцу не идете? говорилъ Демьянъ, останавливаясь посередь избы и обращая поочередно къ каждому смѣющееся лицо свое. — А я въ городѣ былъ... така-то давка на базарѣ, насилу телушку продалъ.

Заслыша рѣчь о горо́дѣ, мальчики бросили полѣно, подобрались къ отцу и начали къ нему ластиться.

Digitized by Google

— Петруха, глядь, глядь, а!.. произнесъ Демьянъ, лукаво подмигивая ему на ребятъ. — Вишь, лакомки какіе! думали, разъ привезъ гостинца, такъ и кажиный такъ будетъ!.. Ну, что, аль не вѣрите?.. Взаправду ничего нынче не привезъ...

— Привезъ! привезъ! кричали мальчики, цѣпляясь ему за полы.

— Ой ли! слышь, вѣры еще неймутъ, а? Эки прыткіе!.. А развѣ вы мнѣ денегъ дали? Откуда я ихъ возьму!

— Парнишки выпустили изъ рукъ полу и тотчасъ же надули губы. Демьянъ покосился на Парашу, которая остановила веретено и глядѣла смѣясь на мальчиковъ, потомъ покосился на Петра и, какъ бы ни въ чемъ не бывало, вышелъ изъ избы въ сѣни, плотно заперевъ за собой дверь.

Онъ вынулъ изъ узелка синій набивной платокъ, спряталъ его за пазуху и, закрывъ узелъ, снова вернулся въ избу.

— Ну, такъ ужъ и быть, подьте сюда, шалыганы! крикнулъ Демьянъ мальчикамъ, жалобно толковавшимъ о чемъ-то за печуркой съ матерью. — Стойте! экъ ихъ! чуть съ ногъ не сбили... погодите... меньшой садись на край... слыхали это?.. Ну, сношенька наша любезная, присовокупилъ мужикъ, подавая ей черные коты, отороченные красными и желтыми городочками,—вотъ тебѣ гостинецъ... не побрезгай, просимъ носить да насъ миловать.

Тутъ Демьянъ поцѣловался трижды съ Парашей.

— Ну, ребятёнки, вотъ и вамъ!.. Любо, что ли?.. сказалъ Демьянъ, подавая каждому пряничный конекъ, съ сусальнымъ золотомъ, и дѣлая видъ, какъ бы не замѣчалъ старухи, которая не переставала коситься украдкою на мужа изъ-за своихъ горшковъ.—Хозяйка, подь сюда!.. Ну, родная, тебѣ, знать, не на счастье везъ гостинецъ; и Господь это знаетъ, какъ случилось... кажись, въ томъ же узлѣ былъ, и крѣпко какъ связывалъ его, — глядь, анъ нѣту, не знать, куда дѣвался! должно быть обронилъ его на дорогѣ... Не посерчай, благо, не забылъ и тебя,—купилъ. Что ты станешь дѣлать! Далъ зѣвуна, обронилъ, да и полно!

Далѣе Демьянъ не могъ держаться; онъ нагнулся къ сморщенному лицу старушки, ударилъ себя ладонями по колѣнямъ и залился громкимъ смѣхомъ.

— Ну, чего ты, дурен[illegible] Что те разбираетъ...

Digitized by Google

ишь, ему бы все смѣшки да смѣшки; деньги только понапрасну разсорилъ... знать, много ихъ у тебя... чего... Эхъ, дурень, прости Господи, право, дурень, хоть бы на старости-то лѣтъ людей посрамился...

Она не договорила далѣе; Демьянъ вынулъ изъ-за пазухи платокъ, тряхнулъ имъ по воздуху, набросилъ его на голову своей старухи и, схватившись за бока, бросился на лавку, заливаясь еще пуще прежняго.

Всѣ, сколько ни было въ избѣ, послѣдовали его примѣру.

— Ну, хозяйка, на радостяхъ-то шевелись, не лѣнись, поворачивайся! что̀ есть въ печи, на столъ мечи, чего нѣтъ, побожись,—давай скорѣй обѣдать! смерть проголодался, да и всѣ-то вы, я чай, ждали... Эхъ, щи-то, щи какъ попахиваютъ, только слюнки текутъ!..

Немного погодя, старуха поставила на столъ горшокъ шипящихъ щей съ пылу; Параша роздала ложки, нарѣзала хлѣба, и вся семья, перекрестившись передъ образомъ, усѣлась обѣдать.

— Ну, вотъ, родные, и оброкъ внесли сполна, и годъ, благодареніе Царю небесному, перемогли благополучно, произнесъ Демьянъ, жадно прихлебывая горячихъ щей,— а по веснѣ сдавалось мнѣ, не быть такому добру, да видно, не земля родитъ, а годъ... Помнишь, Петруха, какъ сумлѣвались мы, идучи березникомъ? Что̀ говорить, наша доля заботная!.. Не то радоваться стать, не то плакать. То по дождю болитъ сердце,—станетъ засушь... пропадешь, думаешь; то мало его, — опять бѣда; то града боишься, то за скотинку намучаешься вволюшку... Только вотъ въ зиму и отведешь душу, вздохнешь, особливо, какъ уродитъ Господь всякаго жита, да всего насторожено про случай... Лиха бѣда помолотиться да хворостинки припасти, а тамъ лежи себѣ на печкѣ да обжигайся, пока не заиграли овражки, не пошла капель съ кровель, да не шликнетъ жавороночекъ на проталинкѣ; а тамъ опять пошелъ крестить нивку да почесывать затылокъ, глядя на тучку али на солнышко!.. Нѣтъ, нынче грѣшно говорить, годъ вышелъ хорошій; не знаю, какъ-то Господь пошлетъ будущій...

— Надо, кажись, быть хорошему, касатикъ, возразила старуха,—въ сочельникъ вышла я за ворота, гляжу такъ-то: небо синее, синее, звѣздамъ перечету нѣтъ, такъ и горятъ, словно угольки какіе...

— Давай Богъ; чего много просить! Былъ бы такой,

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Д. В. ГРИГОРОВИЧА

ВЪ 12 ТОМАХЪ.

3-е, вновь пересмотрѣнное и исправленное авторомъ изданіе.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1896.

Digitized by Google

какъ нынѣшній: много довольны были бы Господомъ Богомъ! Вотъ, прибавилъ онъ, шутливо трепля по плечу Парашу,—и молодую хозяюшку нынче нажили! Мотри, сношенька наша любезная, живи такъ, чтобы намъ старикамъ не каяться!.. а тебѣ жить въ любви съ парнемъ нашимъ, не маяться!... такъ, что ли, Петруха?..

Петръ усмѣхнулся и поглядѣлъ на жену, которая, опустивъ глаза, зардѣла, что макъ алый.

— Ну, теперь, я чай, и вздохнуть пора: смерть умаялся съ дороги; печь-то добре горяча; ай да хозяйки — уважили! произнесъ Демьянъ, выходя изъ-за стола.

Онъ перекрестился, снялъ съ шестка кожухъ и полѣзъ на печь порасправить старыя косточки.

Немного погодя, въ потемнѣвшей избушкѣ сверкнула лучинка; снова загудѣло веретено, снова раздалось мѣрное пощелкиваніе челнока; старушка подсѣла къ Парашѣ, ребятишки присоединились къ нимъ вмѣстѣ съ котенкомъ—и полились тихія рѣчи, подъ шумомъ веретена и прялки, которою управляла подслѣповатая хозяйка. Время отъ времени все смолкало въ избушкѣ, каждый, и малый, и большой, прислушивались чуткимъ ухомъ къ треску мороза, который стучалъ въ углы и ворота,—и снова гудѣло веретено, снова продолжались мирныя рѣчи...

Быстро проходитъ зимній вечеръ за лучиной: ребятишки уже давно прикорнули подъ образами на лавкѣ; старушка, начинавшая кивать головою, отправилась на печку; Петръ и Параша взмостились на теплыя полати; лучина угасла; и вскорѣ все смолкло въ избушкѣ Демьяна.

Одинъ лишь сверчокъ-полунощникъ тянулъ дребезжащую пѣсню свою... тише, тише... вдругъ остановится, прислушается къ мурлыканью котенка, свернувшагося клубочкомъ подъ печуркой... и снова трещитъ неугомонная пѣснь его всю ночь, вплоть до самаго свѣта...

1848 г.

Digitized by Google

Оглавленіе I тома.

	стр.
Петербургскіе шарманщики. Разсказъ	5
Сосѣдка. Повѣсть	30
Лотерейный балъ. Разсказъ	56
Деревня. Разсказъ	85
Антонъ-Горемыка. Повѣсть	149
Бобыль. Разсказъ	257
Капельмейстеръ Сусликовъ. Повѣсть	277
Четыре времени года. Повѣсть	314

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

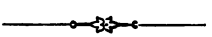
СОЧИНЕНІЙ

Д. В. ГРИГОРОВИЧА

ВЪ 12 ТОМАХЪ.

3-е, вновь пересмотрѣнное и исправленное авторомъ изданіе.

ТОМЪ ВТОРОЙ.



Приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1896

Digitized by Google

Дозволено цензурою. СПБ. 3 января 1896 г.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, д. № 1.

Digitized by Google

СОЧИНЕНІЯ

Д. В. Григоровича.

II.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОХОЖДЕНІЯ НАКАТОВА,

ИЛИ

НЕДОЛГОЕ БОГАТСТВО.

(повѣсть).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Завтракъ.

Въ одномъ изъ лучшихъ петербургскихъ кафе-ресторановъ сошлось однажды утромъ нѣсколько молодыхъ людей, знакомыхъ между собою. Это произошло совершенно случайно: въ кафе находилась общая столовая; каждый явился туда по одиночкѣ, и уже потомъ усѣлись они вмѣстѣ за круглымъ столомъ подлѣ окна и принялись завтракать.

Ихъ было четверо.

Трое были одѣты по послѣдней модѣ; одинъ особенно отличался изысканностью своего туалета; все, начиная съ бѣлья, цѣпочки часовъ съ пучкомъ золотыхъ печатокъ и бездѣлушекъ тонкой работы и отличнаго выбора, длинныхъ ногтей, обточенныхъ въ видѣ миндалины, безукоризненнаго пробора, и кончая ботинками, обтянутыми темными штиблетами, показывало первостатейнаго франта. То былъ человѣкъ лѣтъ двадцати семи или восьми, съ продолговатымъ лицомъ, правильными чертами, прямымъ носомъ, черными какъ смоль усами и волосами, согласовавшимися какъ нельзя лучше съ его смуглой физіономіей. Неподвижная правильн[illegible]я, и особенно глаза,

темные, выдавшіеся, но лишенные всякой жизни и блеска, медленно, какъ бы нехотя обращавшіеся отъ одного предмета къ другому, обличали въ немъ натуру апатическую, ледяную, отжившую, что, повидимому, сильно должно было противорѣчить мнѣнію, которымъ вообще пользуются брюнеты. Наружность второго представляла совершенную противоположность: она принадлежала молодому человѣку средняго роста, нѣжному, бѣлокурому, розовому какъ амуръ съ вербы, съ кругленькимъ миніатюрнымъ носикомъ и пурпуровыми губами, которыя держалъ онъ постоянно раскрытыми, какъ спящій младенецъ, вѣроятно, для того, чтобы каждый могъ любоваться его зубами. Со всѣмъ тѣмъ, выраженіе этого лица носило на себѣ такой положительный отпечатокъ глупости и тупоумія, что, казалось, всѣ помыслы красавца сосредоточивались исключительно на томъ, чтобы не смять воротниковъ рубашки и не пропустить случая показать зубы. Въ его движеніяхъ проглядывала какъ нельзя болѣе изящная небрежность, составляющая отличительную и вмѣстѣ съ тѣмъ— увы! — слишкомъ часто единственную принадлежность свѣтскаго человѣка.

Онъ сидѣлъ неподвижно, изрѣдка развѣ опускалъ голову или подымалъ руки и оглядывалъ розовые свои ногти или кончикъ сапога. — Сосѣдъ его, двадцати-двухъ-лѣтній юноша, какъ будто вылитъ былъ въ ту же форму, да только раскрашенъ другими красками. Онъ былъ брюнетъ. Въ остальномъ — никакой разницы: то же овечье выраженіе лица, тѣ же гладенькіе приторно-молочные пріемы. Недаромъ звали ихъ въ кругу товарищей сіамскими близнецами. Четвертому было уже лѣтъ подъ тридцать; вдавленныя угловатыя черты, измятая кожа зеленовато-желтаго отлива ясно свидѣтельствовали, что онъ уже хорошо „пожуировалъ жизнью“, какъ говорится, и воспользовался молодостью; подлѣ глазъ, окруженныхъ темною каймою, начинали показываться морщины, въ видѣ гусиныхъ лапокъ; густыя брови, сходившіяся угломъ у самой переносицы, дѣлали лицо его жесткимъ и нахмуреннымъ, чему также не мало способствовали синій угловатый подбородокъ и рѣзко обозначенные мускулы щекъ. Въ одеждѣ его замѣтно было менѣе изысканности—недостатокъ, очевидно, зависѣвшій скорѣе отъ плохихъ обстоятельствъ, чѣмъ отъ собственной его воли: шарфъ, жилетъ и сюртукъ показывали мѣстами застарѣлость и ветхость.—Небрежно

прислонившись къ мягкой спинкѣ дивана и положивъ обѣ ноги на сосѣдній стулъ, онъ держалъ въ одной рукѣ закуренную сигару, въ другой рюмку коньяку, которую безпрестанно подносилъ къ губамъ, при чемъ голова его опрокидывалась каждый разъ назадъ, а сѣрые наглые глаза, тонувшіе въ красномъ воспаленномъ бѣлкѣ, закатывались подъ лобъ.

Въ столовой находился еще одинъ молодой человѣкъ; но, потому ли что онъ не принадлежалъ къ обществу четырехъ собесѣдниковъ, или отношенія его къ нимъ ограничивались шапочнымъ знакомствомъ, или, наконецъ, не были вовсе съ нимъ знакомы, только онъ сидѣлъ за особымъ столомъ у другого окна. Онъ былъ очень молодъ — лѣтъ девятнадцати, много-много двадцати. Крошечное лицо юноши, покрытое золотушными пятнами, мѣстами изрытое оспою, мѣстами лоснящееся какъ гостинодворскій атласъ, поминутно кривлялось, гримасничало, передергивалось судорожными движеніями; если прибавить къ этому огромный ротъ и рядъ крошечныхъ, гнилыхъ, осыпавшихся зубовъ, физіономію эту можно удачно сравнить съ тарелкою устрицъ, пролежавшихъ нѣсколько часовъ на солнцѣ. Все бы это куда ни шло—мало ли какія попадаются наружности! — если бъ не проглядывало въ юношѣ претензій плѣнять и нравиться; жиденькіе бѣлокурые волосы, бѣловато-грязнаго цвѣта, были тщательно раздушены, завиты и расчесаны по обѣимъ сторонамъ пурпуроваго пробора, прохваченнаго чуть не до самой кости отъ излишняго старанія; на ушахъ, щекахъ и шероховатой шеѣ замѣтны были слѣды пудры; жиденькая, скользкая фигурка эта, одѣтая безъ вкуса, но съ невыразимою щепетильностью, отличалась необыкновенною юркостью и вертлявостью; ему никакъ не сидѣлось на мѣстѣ: то опрокинется въ кресло, то идетъ бокомъ, то другимъ, то подожметъ ноги, то приставитъ стеклышко къ глазу и прильнетъ къ окну, то опять повернется лицомъ къ столовой; щурившіеся глазки его не покидали стола, гдѣ завтракали молодые люди. Каждый разъ, какъ кто-нибудь изъ нихъ повертывался въ его сторону, вертлявость юноши доходила до своего предѣла; краска разливалась по лицу его съ такою силою, что осыпала, казалось, пудру; пошлая улыбка появлялась на губахъ его, — онъ замиралъ отъ восхищенія. Онъ глядѣлъ на нихъ съ какимъ-то непреодолимымъ умиленіемъ, съ востор-

Digitized by Google

женнымъ подобострастіемъ, какъ сталъ бы глядѣть развѣ молодой безбородый художникъ на Торвальдсена или Канову.

Разговоръ за столомъ, гдѣ сидѣли молодые люди, тянулся вяло, неровно и принужденно, несмотря на нѣсколько опорожненныхъ бутылокъ шампанскаго, стоявшихъ передъ ними; онъ поминутно то вдругъ разгорался, то снова затихалъ, точь-въ-точь какъ подмоченная или плохо набитая фузея.

— Скажи, пожалуйста, Бѣлостоцкій, ты все знаешь, вымолвилъ, послѣ молчанія, лежавшій на диванѣ, обращая сонливые глаза къ смуглому господину, отличавшемуся изяществомъ одежды.—Какую тамъ лошадь купилъ Берестовъ?

— Караковую, отвѣчалъ тотъ, обрѣзывая сигару, съ видомъ доктора, дѣлающаго трудную операцію,— добрый конь!

— Охъ! идеальный конь! восторженно крикнулъ бѣлокурый красавецъ,—чудо! какія ноги, холка,—объѣденье!..

— Поэтическая лошадь! перебилъ съ жаромъ его близнецъ, не сказавшій еще слова въ продолженіе всего завтрака.

— Ну, пошли фантазировать, замѣтилъ лежавшій на диванѣ, — я знаю эту лошадь: особеннаго въ ней ничего нѣтъ, конь какъ конь; надо взять въ соображеніе деньги...

— Что жъ тебѣ въ ней не нравится? идеалъ! просто, идеалъ! за такую лошадь можно все дать—цѣны ей нѣтъ!.. кричали оба красавца.

— Да что не нравится, продолжалъ тотъ полунасмѣшливо,—огня нѣтъ, породы не видно...

— Черницкій правъ, господа, возразилъ глубокомысленно Бѣлостоцкій,— у этой лошади никакой нѣтъ опредѣленной породы... картина, мертвая картина... фантазіи подъ сѣдломъ нѣтъ!

Тутъ молодые люди даже воодушевились, и разговоръ сдѣлался снова на нѣсколько минутъ общимъ: предметъ, какъ видно, коснулся живой струнки всѣхъ присутствующихъ.

— Чего бы не далъ, чтобы помѣрять на бѣгу моего рысака съ рысакомъ Берестова! сказалъ бѣлокурый красавецъ.— Послушайте, господа, Сережа — тутъ обратился онъ къ своему близнецу--представьте себѣ, въ послѣдній разъ на бѣгу какой случай вышелъ: пустился я съ За-

Digitized by Google

вальскимъ—вы знаете его вороного рысака? ну того, что зовутъ Муфти—вѣдь огонь, неправда ли? говорю моему Петрушкѣ: выдержи, не давай сначала ходу; пустились; вдругъ на поворотѣ мой рысакъ споткнулся; кричу: стой! думаю ногу сломалъ... какъ бы вы думали? обогналъ-таки Завальскаго!..

— Да-съ, это было удивительно; я присутствовалъ при этой сценѣ, нѣжно пробормоталъ юноша съ изумрудными зубами, привставъ съ мѣста и выразивъ на лицѣ гнилую свою улыбку. Но такъ-какъ никто не обратилъ на него вниманія, онъ проворно вставилъ въ лѣвый глазъ стеклышко, болтавшееся на жилетѣ, и разсѣянно принялся глядѣть на улицу.

— Ну, спросилъ Бѣлостоцкій, закуривая сигару, — а какъ скакала вчера тройка князя Петра?

— Лѣвая пристяжная все дѣло испортила: запуталась въ постромки... какъ онъ бѣсился!

— Я думаю, станешь бѣситься, замѣтилъ Бѣлостоцкій,— послѣднія деньги убилъ на эту тройку...

— Извините меня, господа, pardon, messieurs... что я васъ безпокою: позвольте мнѣ „l'Illustration"; вы, кажется, не читаете, сказалъ картаво юноша съ гнилыми зубами, выпуская стеклышко изъ глаза и подходя къ столу, гдѣ завтракали.

— Нѣтъ, не читаемъ, возьмите.

Бѣлостоцкій отнялъ локоть.

— Экой надоѣдала, пробормоталъ лежавшій на диванѣ, хлебнувъ коньяку и показавъ при этомъ красные бѣлки свои.—Скажи, пожалуйста, Бѣлостоцкій, что это за франтъ? прибавилъ онъ, когда юноша усѣлся на свое мѣсто.

— Нѣкто Гвоздиковъ, отвѣчалъ тотъ, понизивъ голосъ.

— Ты съ нимъ знакомъ?

— Да, такъ... а что?

Черницкій пожалъ плечами.

— Дивлюсь, братецъ, тебѣ... охота знаться со всякимъ, одна рожа бррр... и чего онъ безпрестанно къ намъ лѣзетъ... нельзя ли какъ-нибудь его выпроводить, присовокупилъ онъ, бросивъ презрительный взглядъ юношѣ, который воспользовался этимъ случаемъ, чтобы улыбнуться ему пріятнѣйшимъ образомъ.

Всѣ засмѣялись. Въ эту самую минуту въ дверяхъ столовой показался еще одинъ господинъ. Увидя предъ со-

Digitized by Google

бою компанію, онъ закинулъ кверху обѣ руки и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, закричалъ:

— Ба! вотъ сюрпризъ! вы здѣсь? какими судьбами...

— А! Бондаревскій! здравствуй! откуда ты? радостно отозвались присутствующіе.

Бондаревскому лѣтъ двадцать шесть; черты его неправильны и некрасивы, но въ общемъ представляютъ очень пріятную и оживленную наружность; длинные бѣлокурые, слегка вьющіеся волосы падаютъ ему безпрестанно на глаза, что̀ заставляетъ его неистово закидывать назадъ голову; голосъ его пронзителенъ, хохотъ несмолкаемъ; онъ говоритъ такъ громко, какъ будто рѣчь его постоянно обращается къ глухимъ; въ его бѣлыхъ, лукавыхъ глазахъ и подвижной физіономіи сохранилось еще что-то школьническое, безпокойное, задорное.

— Здравствуй, Бѣлостоцкій! лордъ Черницкій, наше вамъ наиглубочайшее, сказалъ онъ, ударивъ въ ладонь господину, лежавшему на диванѣ, — кого я вижу! наши милые сіамскіе близнецы... Сережа! Лушкевичъ! нѣтъ, да что же это, наконецъ, такое? и вы не на скачкѣ?—Ну, душенька, что̀ подѣлываютъ твои саврасыя кобылки и жеребчики, продолжалъ онъ, трепля по животу бѣлокураго красавца,—а, а, а!.. m-r Гвоздиковъ! (Бондаревскій придалъ своему лицу самое серьезное выраженіе) не говорю объ удовольствіи, какое доставляетъ мнѣ ваше присутствіе... какъ ваше драгоцѣнное здравіе?..

Черницкій пожалъ плечами и отвернулся.

— Ахъ, да, Черницкій, подхватилъ Бондаревскій,—ты знаешь, про тебя сію минуту сострилъ Похвостовъ; онъ сравниваетъ твою семейную жизнь, твое супружеское счастіе съ Исаакіевскимъ мостомъ: то-и-дѣло, говоритъ, разводятъ тебя съ женою да опять сводятъ...

— Кончится тѣмъ, что я когда-нибудь... а тебѣ, братецъ, очень глупо повторять всякій вздоръ...

— А тебѣ еще глупѣе сердиться... э... ге, ге, да вы, какъ я вижу, сибаритствуете здѣсь не па-шутку: трюфели... такъ, узнаю въ этомъ нашего друга Черницкаго... скажи мнѣ, какъ ты ѣшь, и я скажу, кто ты таковъ... вотъ въ самомъ-дѣлѣ истинно-то порядочные люди... Ба! да у васъ тутъ и пирогъ страсбургскій, браво, бра...а...аво! продолжалъ Бондаревскій, посылая въ ротъ огромный кусокъ пирога.—Ну, господа, какую я штуку выкинулъ

Digitized by Google

третьяго дня съ Накатовымъ,—чудо! заключилъ онъ, наливая лафиту.

— Pardon, messieurs, неожиданно перебилъ Гвоздиковъ, вскакивая съ своего мѣста, — извините, что я васъ все безпокою... позвольте мнѣ огня...

Бѣлостоцкій молча, не поворачиваясь къ нему лицомъ, подалъ ему закуренную сигару.

— Что за ска...атина, шепнулъ Черницкій на ухо Бондаревскому, презрительно кивая на Гвоздикова.

— М-г Гвоздиковъ, крикнулъ Бондаревскій, — послушайте, вотъ г. Черницкій очень желаетъ съ вами познакомиться; позвольте мнѣ вамъ его представить...

— Ахъ! М-г Черницкій! enchanté... очень пріятно, произнесъ юноша, подлетая къ дивану и протягивая ему обѣ руки,—я давно желалъ...

— И я тоже... сухо отвѣчалъ Черницкій, подавая ему указательный палецъ.

Станъ юноши съ изумрудными зубами заколыхался какъ стебелекъ; онъ явно обнаружилъ желаніе сѣсть подлѣ новаго своего знакомаго, но тотъ предупредилъ намѣреніе, положивъ ноги на стулъ и повернувшись какъ можно скорѣе лицомъ къ товарищамъ.

— Ну, такъ слушайте же, господа, началъ Бондаревскій, кусая губы и откидывая назадъ волосы, — какую штуку сыгралъ я съ Накатовымъ...

— Опять! смѣясь, сказалъ Бѣлостоцкій,—хоть бы подождалъ, право, немного, а то не далъ ему опомниться съ дороги... вѣдь, кажется, нѣтъ еще недѣли, какъ онъ пріѣхалъ изъ деревни... мнѣ, наконецъ, жаль его...

— Какъ жаль! за что? знаешь ли ты, онъ счастливѣйшій изъ смертныхъ въ эту минуту; я его только-что встрѣтилъ на Невскомъ, онъ ногъ подъ собой не слышитъ... Эхъ, досадно, что не успѣлъ поговорить съ нимъ: въ это время, нужно замѣтить, разсыпался я передъ Кларой Петровной... каково, господа, у нея опять новая карета!..

— И пара сѣрыхъ въ яблокахъ! да пара-то еще какая,—объяденье! замѣтилъ Лушкевичъ.

— Идеальная пара! воскликнулъ Сережа.

— Кстати, Лушкевичъ, она велѣла тебя разбранить: скажите ему, говоритъ, совсѣмъ забылъ меня! счастливчикъ! Я потомъ бросился-было догонять Накатова — и слѣдъ простылъ... Я вамъ говорю, ногъ подъ собой не

Digitized by Google

слышитъ: такъ счастливъ! Кто-нибудь изъ васъ видѣлъ его послѣ пріѣзда?

— Нѣтъ...

— Я его видѣлъ, господа, воскликнулъ Гвоздиковъ, радостно вскакивая съ своего мѣста.

— А, вы его видѣли! сказалъ насмѣшливо Бондаревскій и, не давъ ему произнести слова, тотчасъ же обратился къ товарищамъ, — какъ перемѣнился Накатовъ, господа, потолстѣлъ, раздулся,—умора!..

— По крайней мѣрѣ, поумнѣлъ ли хоть сколько-нибудь? спросилъ Бѣлостоцкій.

— Какой! отвѣчалъ, захохотавъ и махая руками, Бондаревскій, — ни на волосъ... Я штуку сыгралъ съ нимъ для опыта...

— Да что жъ ты сдѣлалъ?

— Вотъ что: это было третьяго дня; сижу я у Берестова, слово за словомъ, зашла рѣчь какъ-то о Накатовѣ; сошлись все старые товарищи, стали перебирать всѣ продѣлки съ нимъ; давай, думаю, припомню старое время: взялъ листокъ бумажки да и написалъ ему billet-doux отъ знатной дамы; стиль — régence, бумажка — атласъ, то-есть такой poulet состряпалъ, что твоя маркиза...

— Неужели же онъ не пойметъ, въ чемъ дѣло... надо быть совсѣмъ дуракомъ, глубокомысленно замѣтилъ Лушкевичъ.

— Разумѣется, надо быть дуракомъ, повторилъ, смѣясь, Сережа.

— Что вы говорите! вы, стало, не знаете молодца... вѣдь ужъ это не первый разъ...

— Разумѣется, Накатовъ догадается, сказалъ Бѣлостоцкій.

— Конечно, можно, братецъ, быть набитымъ дуракомъ, какъ Накатовъ, но всему есть предѣлъ: конечно, онъ не повѣритъ, вымолвилъ Черницкій, прихлебывая коньяку и опрокидывая назадъ голову.

— Я предлагаю пари! закричалъ Бондаревскій,—бьюсь объ закладъ сколько угодно, что Накатовъ принялъ все это за чистую монету; ты, Черницкій, послѣ этого, просто, не знаешь этого человѣка... вотъ спроси у Бѣлостоцкаго, что̀ мы съ нимъ дѣлывали... Да вотъ, разъ, этому два года назадъ — помнишь ли, Бѣлостоцкій, исторію съ старой графиней?—представьте, я и Берестовъ пишемъ къ нему письмо отъ какой-то старой вымышленной графини; въ

Digitized by Google

письмѣ говорилось, что она видѣла его въ театрѣ и съ тѣхъ поръ не ѣстъ и не пьетъ отъ любви къ нему, что завтра пришлетъ карету и будетъ ждать его у себя; въ концѣ изложены, какъ водится, всѣ опасности, которымъ подвергается женщина въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ; она умоляетъ его ѣхать съ завязанными глазами... Нашъ Накатовъ въ восторгѣ; душится, помадится, суетится, — умора!.. На другой день, Берестовъ и Высицкій одѣваются лакеями, достали откуда-то старыя ливреи, наклеили усы, бакены,—словомъ, отлично; наняли извозчичью карету; я сѣлъ кучеромъ; часу въ десятомъ ночи ѣдемъ къ Накатову. Накатовъ еле-дышитъ, прыщетъ себя лаваномъ, выпиваетъ стаканъ за стаканомъ воды со льдомъ,—въ такомъ тревожномъ волненіи, что даже разсказать нельзя; Берестовъ и Высицкій подсаживаютъ его въ карету, завязываютъ ему глаза... Нужно было видѣть въ эту минуту рожу Накатова! Я глядѣлъ съ козелъ въ переднія стекла. Главное то, что вѣдь ничего не замѣтилъ; впрочемъ, и роли были отлично сыграны. Я ударилъ по лошадямъ, а за нами между тѣмъ ѣхали наши сани; ну, вотъ ѣдемъ, ѣдемъ... да и завезли его на Крестовскій, на самую середину, въ сугробы... представьте, двѣнадцатый часъ ночи, глушь, снѣгъ по колѣни, морозу градусовъ 20, по крайней мѣрѣ... лошади стали, я поскорѣй съ козелъ, Берестовъ и Высицкій съ запятокъ да въ сани, летимъ, что̀ есть духу, домой... Ждетъ нашъ Накатовъ, стужа его пронимаетъ, онъ выглянулъ изъ дверецъ, кругомъ глушь, мятель, а нужно замѣтить, трусъ онъ страшный... Что̀ съ нимъ далѣе было, какъ онъ провелъ ночь, можно себѣ вообразить! дѣло въ томъ, что утромъ привезъ его домой дворникъ какой-то дачи... такъ что же вы хотите послѣ этого? И вѣдь это не послѣдняя штука, мы ее повторяли не разъ, да только, разумѣется, съ варіантами... онъ влюбчивъ какъ не знаю кто... Ахъ, да, въ другой разъ, назначили мы ему свиданье ночью лѣтомъ въ саду; онъ явился, а мы бросились его грабить, какъ будто воры... вотъ была потѣха...

— Согласитесь, однакожъ, Бондаревскій, что все это было крайне глупо, замѣтилъ Бѣлостоцкій, — вѣдь часто шутки ваши выходили изъ границъ...

— Разумѣется, кто говоритъ противъ этого... да послушай, однакожъ, вѣдь Накатовъ такой человѣкъ, что нельзя поступать съ нимъ иначе, онъ самъ какъ бы на-

Digitized by Google

бивается быть шутомъ, есть такіе люди... нѣтъ такого маленькаго кружка, гдѣ бы не было своего Накатова... они начинаютъ свою карьеру съ дѣтства... Повѣрь, Накатовъ былъ, есть и всегда будетъ „пластрономъ“, шутомъ, куда бы ни попалъ: ужъ такой человѣкъ!.. Да, господа, шутите-ка съ нимъ, однакожъ; вѣдь вотъ того и смотри милліонеромъ будетъ.

— Чего добраго: у бабки его, говорятъ, болѣе ста тысячъ годового дохода... и денегъ, я думаю, бездна; старуха семидесяти или восьмидесяти лѣтъ, скряга, двѣнадцать лѣтъ сидитъ взаперти да копитъ; наслѣдниковъ кромѣ Накатова никого.

— Не знаю, правда ли, господа, сказалъ Бондаревскій,— мнѣ сказывали, что будто она съ ума сошла!

— Какъ! что ты?

— Да, мнѣ говорилъ докторъ, знакомый съ ея домашнимъ докторомъ; на-дняхъ у нихъ былъ консиліумъ. Ай да Накатовъ! ну, думаю, вотъ будетъ потѣха; сто тысячъ доходу, какъ бы я хотѣлъ поглядѣть на него...

— Слушать даже досадно, перебилъ Черницкій, бросая на столъ салфетку,—и ему сто тысячъ доходу... эхе, хе! да, впрочемъ, что жъ мудренаго! дуракамъ всегда счастье, прибавилъ онъ, допивая коньякъ и опрокидываясь на диванъ.

Бондаревскій толкнулъ ногою Бѣлостоцкаго и насмѣшливо подмигнулъ на Черницкаго.

Шумъ, раздавшійся въ это время за дверью, заставилъ всѣхъ обернуться въ ту сторону; слышно было, что кто-то силился войти въ столовую, но, не зная, вѣроятно, что дверь отворялась внутрь, толкалъ ее что было мочи снаружи; наконецъ, дверь отворилась, и въ комнату влетѣлъ, пыхтя и отдуваясь, Накатовъ...

II.

Душа общества.

На видъ Накатову уже лѣтъ тридцать; росту онъ средняго, толстенькій, коренастый, съ коротенькими неуклюжими ногами; лицо его круглое, какъ полный мѣсяцъ, багровое, какъ махровый піонъ, сохраняетъ постоянно выраженіе какого-то глупаго испуга и тупого недоумѣнія. Глаза его сѣры, водянисты и на выкатѣ; рѣденькіе, бѣлокурые волосы, сквозь которые сильно начинаетъ прогля-

Digitized by Google

дывать красноватое темя, завиты съ такою тщательностью, что выдаютъ еще рѣзче грубыя очертанія его лица, сдѣланнаго какъ бы топоромъ. Круглую свою голову держитъ онъ назадъ, что, вмѣстѣ съ толстыми, раздутыми щеками и губами, придаетъ его фигурѣ какую-то комическую важность. На Накатовѣ черный сюртукъ, застегнутый до-верху; воротнички рубашки никакъ не могутъ держаться прямо, по причинѣ одутловости щекъ, которыя порываются перевалиться за край галстука.

— Накатовъ! вотъ легокъ на поминѣ! мы только-что о тебѣ говорили, mon cher! Quand on parle du soleil, on en voit les rayons! закричали всѣ, не исключая даже Гвоздикова, который точно такъ же лѣзъ къ Накатову, бормоча сквозь изумрудные свои зубы, — m-r Накатовъ, enchanté!.. и т. д.

— Здравствуй, любезный, произнесъ, наконецъ, Черницкій, протягивая Накатову руку и давъ ему время подойти къ дивану.

— Здравствуйте, господа, повторилъ Накатовъ, перебѣгая отъ одного къ другому и пожимая имъ поочередно руки,—какъ ваше здоровье? сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались, продолжалъ онъ, пыхтя и отдуваясь, какъ будто пробѣжалъ нѣсколько верстъ, не отставая ни на шагъ отъ рысака Берестова.

— Скажи, пожалуйста, душа общества, началъ Бондаревскій,—куда ты скрылся нынче на Невскомъ?.. Я разговаривалъ съ Кларой Петровной...

— Видѣлъ, братецъ, видѣлъ! воскликнулъ Накатовъ,— чудо что за женщина! точно графиня какая-нибудь... этакое великолѣпіе!..

— О! злодѣй!.. слышите ли, господа? каковъ! а?..

— Да, нѣтъ, ты не... пожалуйста, Бондаревскій... ради Бога, братецъ, познакомь меня съ нею... я, вѣдь, просто, братецъ, амуре... ей-Богу, амуре...

— Что тутъ представлять... человѣкъ своего счастья не видитъ! она сама не далѣе какъ сегодня просила меня объ этомъ... спроси вотъ всѣхъ ихъ, если не вѣришь...

— Что ты! произнесъ Накатовъ, крутя головою и поправляя галстукъ.

— Ей-Богу... да что тебѣ Клара Петровна! знаемъ, братъ, полно; ты вѣдь ничего только не говоришь. Замѣчаете ли вы, господа, что-то особенное въ глазахъ и на лицѣ Накатова: радость не радость, а такъ что-то та-

Digitized by Google

кое, продолжалъ Бондаревскій, перемигиваясь съ товарищами, — о! пари держу, что что-нибудь да есть у него; вотъ человѣкъ не успѣлъ пріѣхать, какъ уже и того...

Накатовъ захохоталъ во все горло и, оглянувъ общество, дружески ударилъ Бондаревскаго по плечу.

— Полно, полно, хохочи сколько хочешь, не надуешь, любезный; я еще на Невскомъ замѣтилъ, что съ тобою случилось какое-нибудь происшествіе; полно, Накатовъ, право, глупо. Ну, что жъ такое, если и есть въ самомъ дѣлѣ интрижка! разскажи намъ... эка бѣда... да полно глядѣться въ зеркало, садись и разсказывай...

— Да нѣтъ же, ей-Богу, у меня нѣтъ ничего такого, возразилъ Накатовъ такимъ тономъ, который ясно обнаруживалъ цѣль подтвердить подозрѣнія пріятелей.

Сказавъ это, онъ отошелъ отъ зеркала и, оглянувъ еще разъ все общество, бросился въ кресло и залился звонкимъ смѣхомъ.

— Глупо, братъ, право, глупо, повторилъ Бондаревскій, дѣлая серьезную мину,—право, глупо!

— Разумѣется, смѣясь, перебилъ Бѣлостоцкій,— этимъ ты никого не удивишь, и, наконецъ, самъ знаешь, мы болтать не станемъ... съ какой стати!.. мало ли что бываетъ! кому какое дѣло...

— Я вамъ даю честное мое слово, m-r Накатовъ, что буду молчать! неожиданно воскликнулъ Гвоздиковъ, вскакивая съ мѣста и подавая руку Накатову.

— Браво! m-r Гвоздиковъ, браво! ну и всѣ мы обѣщаемъ то же, крикнулъ Бондаревскій, толкнувъ ногою Бѣлостоцкаго,—господа, не такъ ли? вы даете слово Накатову?..

— Да нѣтъ же, братецъ, этого нельзя, перебилъ Накатовъ, удерживая его за руку,—это такое дѣло... это не какая-нибудь... вы думаете... это вѣдь не то... ну, право же нельзя никакъ...

— Вотъ удивилъ! мы, братецъ, увѣрены, что ты не придешь въ восторгъ, не перемѣнится у тебя лицо, если бъ дѣло шло о какой-нибудь магазинщицѣ... эку штуку сказалъ! Мы бы тогда и просить тебя не стали: очень любопытно, — интрижка съ модисткой!.. одолжилъ, нечего сказать!.. перестань, Накатовъ, еще разъ даемъ тебѣ слово... ну, разсказывай...

— Послушайте, господа, если вы только разболтаете, такъ это просто будетъ... низко съ вашей стороны, рѣшительно вымолвилъ Накатовъ.

Digitized by Google

— Послушай, любезный, за кого же ты насъ считаешь, сказалъ Бондаревскій, принимая раздосадованный видъ и въ то же время закусывая губы, чтобы не лопнуть со смѣху, — хорошо шутить, когда дѣло идетъ о какой-нибудь модисткѣ, какъ я говорилъ, но тутъ совсѣмъ другое, и если мы дали честное слово, мнѣ кажется, ты можешь быть спокоенъ...

Самодовольная улыбка снова засіяла на толстыхъ губахъ Накатова; онъ окинулъ торжествующимъ взглядомъ присутствующихъ и, приложивъ пальцы къ губамъ и приподнявъ брови, сказалъ таинственно:

— То-есть, господа, такая штука, что просто объѣденье...

Тутъ приложилъ онъ снова пальцы къ губамъ, давъ имъ напередъ форму трубы, и выразительно чмокнулъ.

— Что ты?.. вскричали всѣ, едва удерживаясь отъ смѣху.

— Ей-Богу! съ ума сойти, то-есть ручки, ножки... это, это... это просто! одѣта какъ! вездѣ батистъ, кружева, то-есть съ ума сойти... какъ мила, любезна, воспитана, говоритъ по-французски какъ француженка, по-англійски, по-испански... ну, словомъ...

— Да ты-то какъ съ ней объяснялся? вѣдь ты не говоришь по-французски, и еще менѣе по-испански, сколько намъ извѣстно, замѣтилъ Бѣлостоцкій.

— Полно, перебилъ Бондаревскій, толкая его локтемъ, — ну, разумѣется, они говорили по-русски, теперь шикъ такой... да не въ томъ дѣло... Ну, что же, Накатовъ... ахъ, голубчикъ, голубчикъ, вотъ люблю, онъ меня въ восторгъ приводитъ; вотъ то-то, господа, мы бьемся, бьемся—и все ничего, а онъ... нѣтъ, я, просто, не могу...

Тутъ Бондаревскій бросился обнимать Накатова, надрываясь со смѣху.

— Ну, такъ что жъ, очень хорошенькая? спросили въ одно время Лушкевичъ и Сережа.

— Такая, что я никогда и не видывалъ... зубы, глаза—чудо!

— Ахъ, какъ это должно быть пріятно... какъ вы счастливы, m-r Накатовъ, замѣтилъ Гвоздиковъ, кривляясь и вертясь на своемъ стулѣ.

— Да, могу сказать, пріятно-таки, отвѣчалъ Накатовъ, — да и любопытнѣе всего то, господа, что всѣ вы очень хорошо ее знаете, прибавилъ онъ, опрокидываясь на спинку креселъ и самодовольно засовывая руки въ карманъ.

Digitized by Google

— Быть не можетъ!

— Серьезно, она даже очень часто бываетъ въ одномъ домѣ на балахъ, гдѣ вы бываете...

— Ай да Накатовъ! каковъ! сказалъ Бѣлостоцкій.

— Сдѣлай милость, не перебивай его, возразилъ Бондаревскій, — дай ему разсказать, какъ все это было: это самое интересное, я страхъ люблю подробности въ такихъ похожденіяхъ... ну, ну... разскажи, какъ это затѣялось у васъ, гдѣ началось, какимъ образомъ ты съ нею познакомился... Вотъ счастье! ну, ужъ я думаю зато сколько хлопотъ тебѣ это стоило; я знаю, эти дамы...

— Вотъ то-то, что хлопотъ никакихъ не стоило, отвѣчалъ тотъ, хитро улыбаясь, — она сама все дѣло начала и уладила... Третьяго дня получаю я записку... бумажка какъ пленочка, запахъ необыкновенный, сейчасъ видно откуда... развертываю: женская рука; читаю: приглашаютъ меня 12 числа, то-есть вчера вечеромъ, въ Пассажъ, ровно въ восемь часовъ... мужъ, говоритъ, за границей, разсказываетъ, что видѣла меня тамъ-то и тамъ-то, что знаетъ давно... и все это такъ тонко, такъ мило... Стукнуло восемь часовъ,—я въ Пассажъ...

— Какъ же ты ее узналъ?

— Она писала, что будетъ въ синей бархатной шубѣ и розовой шляпкѣ, спохватился краснѣя Накатовъ, — ну, вотъ я и хожу по Пассажу, гляжу, синяя шуба... я за ней, она наверхъ, я туда же... ну, вижу, господа, прелесть женщина!.. я подхожу къ ней, она беретъ, какъ бы не замѣчая меня, билетъ, да прямо хлопъ въ діораму, или, какъ бишь—косморaму... я все смѣшиваю...

— Все равно...

— Я, разумѣется, беру билетъ и за ней, подхожу, кланяюсь, она также... слово за словомъ, разговорились... чудная женщина! восхитительная!

— Эге-ге, братъ, такъ только-то? закричалъ Бондаревскій, опуская голову,—ну, а я думалъ...

Накатовъ разразился неистовымъ хохотомъ.

— Что? спросили въ одинъ голосъ присутствующіе.

Накатовъ кивнулъ головой и захохоталъ пуще прежняго.

— Неужели?..

Накатовъ всталъ съ мѣста и, раздувая щеки, началъ ходить по комнатѣ.

— Да вы бы спросили, что было послѣ, вымолвилъ онъ, наконецъ, останавливаясь [illegible]ъ столомъ и снова запу-

Digitized by Google

ская въ карманы руки. — Да-съ, нечего сказать, чудная женщина, продолжалъ онъ, какъ бы воодушевляясь, —какъ живетъ! какое великолѣпіе!.. Домъ блистательный!

— Такъ ты былъ у нея въ домѣ?

— Разумѣется, братецъ, вчера же; она уѣхала изъ Пассажа, а мнѣ приказала дожидаться на панели у ея дома; вотъ я и вхожу; слышу, бьетъ десять часовъ; минуту спустя, подходитъ ко мнѣ женщина въ шубѣ и шляпкѣ: „вы—говоритъ—г. Накатовъ?“ да такая хорошенькая— это была ея горничная— „васъ ждутъ, говоритъ, пожалуйте“, я за нею... ну, знаете, сердце-то у меня такъ вотъ бррр... брр... куда мы шли, съ лѣстницы на лѣстницу, вездѣ ковры, прелесть...

— Да это ни дать, ни взять изъ „Тысячи и одной ночи“...

— Ужъ я вамъ говорю... вводитъ она меня, наконецъ, въ небольшую комнату, темно: „подождите“, говоритъ... я ее за талію... „какъ, говоритъ, можно, что вы!..“

Неистовый хохотъ прервалъ на этомъ мѣстѣ Накатова; даже Черницкій покинулъ свою величественную, презрительную осанку и присоединилъ свой голосъ.

— Чего вы смѣетесь? вымолвилъ Накатовъ, выпрямляясь и отдувая щеки, — вы думаете, я вру... ей-Богу, нѣтъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Бѣлостоцкій, крѣпясь изо всей мочи, — вовсе нѣтъ, продолжай; господа, дайте же ему кончить... это въ самомъ дѣлѣ становится очень любопытнымъ...

— Довольно, довольно! о! о! о! могъ только произнести Бондаревскій, надрываясь со смѣху и махая обѣими руками.

Толстое лицо Накатова побагровѣло, какъ только-что очищенная свекла; онъ остановился и съ недоумѣніемъ глядѣлъ на присутствующихъ. Хохотъ усилился.

— Да позвольте же, наконецъ, господа, началъ Накатовъ, стараясь ободриться, но въ сущности смущаясь болѣе и болѣе,—если вы не вѣрите, я покажу вамъ ея записку, и скажу вамъ ея домъ...

— Давай записку! вскрикнулъ Бондаревскій. — Теперь слушай, Накатовъ, продолжалъ онъ съ комическою нѣжностью,—душенька, ну, признайся, что ты все это совралъ.

— Какъ! что? Ей-Богу, я тебѣ докажу; господа, я вамъ докажу, возразилъ Накатовъ обиженнымъ тономъ.

Digitized by Google

— Экой безстыдникъ, произнесъ вполголоса Черницкій, пожимая плечами и отворачиваясь въ сторону.

— Полно, душенька, перестань... прошу тебя еще разъ, сознайся, что совралъ, продолжалъ Бондаревскій, обхватывая его руками.

— Оставь меня!.. ты, братецъ... сдѣлай милость... ты всегда...

— Что́ за бѣда, ну, совралъ такъ совралъ... вѣдь улика налицо...

— Какая улика?..

— А письмо...

— Да сдѣлай милость, читай его...

— Что̀ тутъ читать!.. Господа, кто хочетъ держать пари, что Накатовъ совралъ отъ слова до слова?..

— Господа! держите пари! сдѣлайте милость, перебилъ Накатовъ, пыхтя какъ самоваръ.

— Господа! сказалъ Бондаревскій, бросаясь на диванъ и поднимая записку кверху, — вы видѣли, я не читалъ ее... на задней страничкѣ звѣздочка и крестикъ... ну, Накатовъ, что̀ ты на это скажешь?..

— Дай ее сюда! дай! горячо подхватилъ Накатовъ, вырывая записку и кладя ее на столъ,—посмотримъ...

Присутствующіе нагнулись къ запискѣ.

— Ну, гдѣ же звѣздочка... а? а? гдѣ?.. продолжалъ онъ, закрывая очень неловко то мѣсто пальцемъ, — гдѣ? гдѣ? продолжалъ онъ, теряясь окончательно.

— А, что? что? воскликнулъ Бондаревскій, надрывая письмо и указывая на звѣздочку и крестикъ.

Раздался снова хохотъ.

— Господа, возразилъ запальчиво Накатовъ, — я не знаю, что̀ все это значитъ... Бондаревскій... просто, я не могу понять.

— А дѣло очень просто: вѣдь письмо-то писалъ я!..

— Вздоръ! я получилъ его отъ дамы по городской почтѣ.

— Въ этомъ никто не сомнѣвается, душечка: не посылать же своего человѣка... ну, такъ какъ же, Накатовъ,— хорошенькая, а?.. и по-испански говоритъ, и горничную, злодѣй, за талію взялъ... каковъ... а!.. сказалъ Бондаревскій, схватываясь за бока.

Тутъ хохотъ охватилъ съ новою силою все общество.

Пользуясь этимъ случаемъ, Накатовъ бросился сломя голову къ шинели, накинулъ ее кой-какъ на плечи, нахлобучилъ шляпу и, яростно хлопнувъ дверью, вышелъ

Digitized by Google

изъ столовой, преслѣдуемый рукоплесканіями пріятелей.

— Однакожъ, скоро четыре часа, господа, сказалъ Бѣлостоцкій, когда общество немножко успокоилось,— пора, или вы, можетъ, хотите здѣсь остаться до обѣда?

— Нѣтъ, нѣтъ! отозвались всѣ въ одинъ голосъ.

— Ну, такъ идите же... Экая досада! продолжалъ Бѣлостоцкій, раскладывая бумажникъ,—Сережа, не можешь ли размѣнять мнѣ сто цѣлковыхъ?..

— У меня, кажется, нѣту...

— Позвольте, у меня есть, m-r Бѣлостоцкій, живо перебилъ Гвоздиковъ, поспѣшно выкладывая на столъ пачку ассигнацій,—сколько вамъ? сто рублей, m-r Бѣлостоцкій?.. Voici пятьдесятъ, voici восемьдесятъ и сто... enchanté de vous obliger...

Недовольное лицо Черницкаго, выразившее въ началѣ этой выходки нѣкоторое удивленіе, внезапно прояснилось; презрительная улыбка, постоянно обращавшаяся къ господину съ изумрудными зубами, значительно смягчилась; все это такъ быстро промелькнуло въ черствыхъ чертахъ его, что никто изъ присутствующихъ ничего не замѣтилъ.

— Скажите, пожалуйста, m-r Гвоздиковъ, сказалъ онъ съ натянутою небрежностію, — вамъ не родственникъ ли Платонъ Степанычъ Гвоздиковъ, саратовскій помѣщикъ?..

— Какъ же-съ, онъ мнѣ дядя, отвѣчалъ тотъ, вспыхнувъ отъ восхищенія.

— Неужели? онъ мнѣ очень знакомъ, продолжалъ Черницкій, стараясь придать болѣе нѣжности своему голосу,— очень радъ съ вами познакомиться.

Тутъ привсталъ онъ съ дивана и протянулъ руку, которую Гвоздиковъ горячо обхватилъ обѣими руками, при чемъ жиденькое его туловище заходило и задвигалось, какъ будто въ спинномъ хребтѣ очутилась у него стальная проволока.

Бондаревскій и Бѣлостоцкій перекинулись насмѣшливымъ взглядомъ и встали изъ-за стола.

Лушкевичъ и Сережа тотчасъ же послѣдовали ихъ примѣру.

— Ну, а ты, Черницкій, раздумалъ идти съ нами? спросилъ Бѣлостоцкій, надѣвая пальто.

— Да, я еще посижу или, лучше сказать, полежу, отвѣчалъ тотъ, разваливаясь на диванѣ.

— Въ такомъ случаѣ, прощай! сухо сказалъ Бондаревскій.—Желаю тебѣ всякаго благополучія, прибавилъ онъ,

ударяя на послѣднія слова и еще разъ переглядываясь съ Бѣлостоцкимъ, который стоялъ уже у двери со шляпою на головѣ. — Прощайте, m-r Гвоздиковъ, присовокупилъ онъ, кусая губы,— ну, господа, идемте!..

Сказавъ это, онъ насунулъ на брови шляпу и, повернувшись на каблукѣ, послѣдовалъ за товарищами. Въ столовой кафе-ресторана остались только Черницкій да Гвоздиковъ.

— А! такъ вы племянникъ Платона Степаныча! протяжно произнесъ Черницкій послѣ нѣкотораго молчанія,— онъ показалъ Гвоздикову на сосѣдній стулъ. — Скажите, какъ же мы прежде не встрѣчались! это тѣмъ болѣе странно, что у насъ общіе знакомые: вы вѣдь, кажется, хорошо знакомы съ тѣми господами?..

— Какъ же-съ, m-r Черницкій, сказалъ Гвоздиковъ, замирая отъ восхищенія, — я съ ними пріятель, то-есть въ особенности съ m-r Бѣлостоцкимъ и Бондаревскимъ; я давно хотѣлъ сойтись съ вами, да все какъ-то не случалось.

— Отчего же они не сдѣлали этого прежде? произнесъ Черницкій съ преувеличенною досадой, — впрочемъ, они не знали, что вашъ дядюшка мнѣ пріятель.

— Я даже просилъ ихъ, умолялъ объ этомъ.

— Да, они добрые ребята; но, скажите, вы давно получали письма отъ Платона Степаныча?

— Недѣлю только, съ умиленіемъ пролепеталъ Гвоздиковъ.

— Здоровъ?

— Какъ же-съ. — Гвоздиковъ хотѣлъ уже прибавить: „кланяется вамъ“, да кстати спохватился.

— А, такъ онъ здоровъ... Гм!..

Тутъ Черницкій снова опрокинулся на диванъ и, повернувъ голову къ окну, произнесъ, хмуря съ неудовольствіемъ брови:

— Кажется, снѣгъ идетъ?..

— Да-съ, ужасная погода, и снѣгъ, и вѣтеръ.

— Экая досада! продолжалъ Черницкій, зѣвая и потягиваясь.—Что это... о-о-о!..

— А развѣ вы должны куда-нибудь ѣхать? спросилъ Гвоздиковъ.

— Да, къ несчастію, возразилъ Черницкій, бросивъ украдкою глаза на своего собесѣдника.—Вотъ, продолжалъ онъ, вынимая изъ кармана измятую повѣстку и

Digitized by Google

бросая ее презрительно на столъ, — получилъ сегодня, надо ѣхать на почту... о-о-о!.. Такая досада... Скажите пожалуйста, что̀ можетъ быть гнуснѣе такой погоды? о-о-о!—(Тутъ Черницкій закинулъ обѣ руки за голову и лѣниво вытянулся на диванѣ).—Такъ ѣхать не хочется, что, право, дорого бы далъ тому, кто рѣшился бы избавить меня отъ этой комиссіи... о-о-о!.. Да дѣлать нечего... что̀ значитъ лѣнь-то: деньги нужны, а версты проѣхать не хочется.—(Черницкій усмѣхнулся и снова посмотрѣлъ на Гвоздикова).—Смѣшно и глупо, присовокупилъ онъ, перемежая слова зѣвотою и потягиваніемъ,—вотъ вѣдь сколько денегъ... а повѣрите ли—право, смѣшно—нѣтъ даже столько въ карманѣ, чтобы нанять коляску и съѣздить за ними на почту... о-о-о! Да что̀ прикажете дѣлать, ужъ жизнь такая...

— Помилуйте, m-r Черницкій, вымолвилъ Гвоздиковъ, поспѣшно подходя къ нему,—сдѣлайте милость, не ѣздите: вѣтеръ, снѣгъ... Я васъ прошу объ этомъ... я буду въ восхищеніи, если вы позволите мнѣ избавить васъ отъ этого...

— О-о-о!.. нѣтъ, какъ это можно! что вы!.. что вы!.. А, впрочемъ, признаюсь вамъ, не только не хочется ѣхать на почту, но даже лѣнь подняться съ мѣста... о-о-о!

— О! я это очень хорошо понимаю... Угодно ли, я васъ избавлю отъ этого? я буду, право, очень счастливъ...

— Какъ! вы хотите дать мнѣ денегъ? ха-ха-ха!..

— Извините, m-r Черницкій... я думалъ...

— Нѣтъ, что-жъ такое?.. я вамъ благодаренъ, да только... о-о-о!.. у васъ, можетъ быть, съ собою только необходимое...

— Нѣтъ-съ, ей-Богу! радостно воскликнулъ юноша, выкладывая деньги,—берите сколько угодно, я очень радъ...

— Ну, хорошо, шутливымъ тономъ сказалъ Черницкій,—такъ и быть, я буду вашимъ должникомъ...

— Сколько вамъ угодно?

— Дайте мнѣ цѣлковыхъ... ну, хоть тридцать... завтра я вамъ пришлю... о-о-о!..

Тутъ зѣвота, казалось, окончательно одолѣла Черницкаго.

— Помилуйте, что такое?. все равно, когда хотите, отвѣчалъ Гвоздиковъ, подавая ему деньги.

— Mercі... Mercі... вы, право, сдѣлали большое одолженье; какъ не хотѣлось ѣхать! Кому охота тащиться въ такую погоду?.. Пожалуйста, не забывайте же меня, загляните когда-нибудь, прибавилъ онъ, бормоча невнятно послѣднія слова.—О-о-о!.. вы куда отсюда?

Digitized by Google

— Самъ не знаю-съ, отвѣчалъ юноша, глядя ему въ глаза и обнаруживая готовность слѣдовать за новымъ знакомымъ, пожалуй, хоть на край свѣта.

— А я, ужъ такъ и быть, поѣду къ Берестову: онъ звалъ меня сегодня обѣдать, присовокупилъ Черницкій, вставая очень свободно съ дивана и небрежно засовывая деньги въ карманъ жилета. — Вы отсюда направо или налѣво?..

— Направо, нерѣшительно пробормоталъ юноша, — я васъ провожу, если хотите...

— Жаль, а я налѣво... очень жаль... Итакъ, до свиданія... надѣюсь, вы меня не забудете, когда будетъ у васъ время; часа не могу назначить, но все равно... пожалуйста безъ церемоній, говорилъ Черницкій, завертываясь въ шубу.—Мегсі, тегсі, еще разъ... Выйдемте вмѣстѣ хоть по крайней мѣрѣ изъ кафе...

Гвоздиковъ кинулся къ пальто, взялъ шляпу, вставилъ въ лѣвый глазъ стеклышко и, восхищенный тѣмъ, что имѣлъ счастіе сблизиться съ m-r Черницкимъ, побѣжалъ впередъ, предупреждая его у каждой двери и показывая встрѣчному и поперечному свои изумрудные зубы.

III.

Накатовъ.

Накатовъ вышелъ изъ кафе въ самомъ недовольномъ расположеніи духа. Онъ, нужно замѣтить, никогда не отличался особенною находчивостью: всякая нечаянность, острота или насмѣшка производили на него дѣйствіе дурмана, опьянѣнія; онъ багровѣлъ, пыхтѣлъ, выкатывалъ глаза и, спустя только нѣсколько времени послѣ пораженія, сообразивъ все случившееся, пріискивалъ въ шарообразной головѣ своей приличныя возраженія. Но возраженія эти, являвшіяся какъ горчица послѣ обѣда, ни къ чему уже не служили; они приводили въ такой восторгъ самого Накатова, что чувство самодовольствія тутъ же заглушало въ немъ окончательно враждебное чувство, какъ бы ни было оно сильно. Накатовъ, разумѣется, не сознавалъ въ себѣ недостатка находчивости, и когда кто-нибудь изъ пріятелей убѣждалъ его въ противномъ, онъ увѣрялъ, что беретъ роль безотвѣтнаго съ умысломъ, для избѣжанія скандала и исторіи.

— Ты знаешь, какъ я горячъ, говорилъ онъ обыкно-

Digitized by Google

венно.—Я себя знаю; стоитъ только начать, какъ разъ можетъ выйти бѣда, несчастіе... Лучше отстать, пропадай они!..

Накатовъ не былъ злопамятенъ. Все, что̀ ни приводилось терпѣть ему, скользило по немъ такъ же легко, какъ если бъ вздумали въ носорога стрѣлять огуречными сѣмечками. Происходила ли такая добродѣтель отъ природнаго его добродушія, или отъ привычки получать щелчки, рѣшить трудно,—вѣрнѣе, однакожъ, что отъ привычки. Онъ возбуждалъ еще всеобщій хохотъ, когда покойная матушка—рàжая помѣщица—привезла его первый разъ въ пансіонъ, и учитель ввелъ его въ классъ; издѣвались и подсмѣивались надъ нимъ, когда ходилъ онъ въ кургузомъ синемъ фрачкѣ съ огромными свѣтлыми пуговицами и откидными воротничками изъ дома-тканой холстинки; смѣялись надъ нимъ и послѣ выпуска, когда онъ брилъ бороду и отпустилъ бакены по совѣту одного изъ товарищей; довольно было самаго ничтожнаго случая, чтобы возбудить на его счетъ кучу анекдотовъ; эти анекдоты передавались изъ класса въ классъ, переиначивались, сплетались, преувеличивались и преслѣдовали Накатова какъ кошмаръ. Хохоту, казалось, суждено было никогда не смолкать и всюду напутствовать нашего героя, тѣмъ болѣе, что онъ какъ будто очень охотно ему поддавался.

На этотъ разъ досада, вскипѣвшая въ могучей груди его и отражавшаяся багровымъ заревомъ на его пухлыхъ дрожащихъ щекахъ, была бы, вѣроятно, продолжительнѣе, если бъ не случилось одного обстоятельства, которое тотчасъ смягчило его сердце.

Спустившись на тротуаръ Невскаго проспекта, онъ увидѣлъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, очень порядочно одѣтыхъ, которые остановились передъ санями; кто восхищался наборной упряжью, кто щегольской одеждой кучера, кто санями, обшитыми малиновымъ трипомъ, кто лошадью — сѣрымъ жеребцомъ отличной породы. Увидя своего барина, кучеръ пріосанился, выткнулъ вожжи и повернулся къ нему съ вопрошающимъ видомъ; вниманіе присутствующихъ также обратилось къ Накатову, который тотчасъ же закинулъ назадъ голову, раздулъ щеки и выставилъ грудь впередъ. Все это было дѣломъ секунды.

— Ермолай! крикнулъ онъ, задыхаясь отъ удовольствія,— за мной!..

Digitized by Google

На Невскомъ гуляло множество народу; дамы попадались безпрестанно; и такъ какъ Накатовъ не пропускалъ ни одной, чтобы не улыбнуться и не придать лицу своему выраженія пріятной беззаботности,—вскорѣ улыбка окончательно установилась на губахъ его. На Полицейскомъ мосту онъ, казалось, уже совсѣмъ позабылъ происшествіе въ кофейной. Увидя передъ собою группу дамъ, Накатовъ поспѣшно обогналъ ихъ, махнулъ кучеру и, выждавъ минуту, когда дамы поровнялись съ нимъ, бросился въ сани, пригнулся нѣсколько на-бокъ и крикнулъ: „пошелъ!“, не забывъ при этомъ покоситься на тротуаръ, чтобы увѣриться, произвели ли эффектъ его лошадь и сани.

Сани ѣхали теперь по другой сторонѣ улицы, ближе къ Казанскому собору; публики, какъ извѣстно, тутъ не очень много; Накатовъ наклонился къ кучеру, но такъ однакожъ, чтобы нельзя было подумать, что онъ съ нимъ разговариваетъ.

— Что̀ за народъ стоялъ подлѣ саней, когда я вышелъ изъ кондитерской?..

— Господа-съ! Спрашивали, чья лошадь...

— Ты, однакожъ, дуракъ, не поворачивайся ко мнѣ, дѣлай, какъ будто не говоришь... Ну, что жъ ты, сказалъ?

— Сказалъ-съ...

— Что жъ они?

— Оченно, говорятъ, хороша-съ.

— Ты сказалъ имъ, что она заплачена три тысячи?..

— Сказывалъ-съ...

— Что жъ они?..

Въ эту самую минуту карета Клары Петровны, о которой говорилъ Бондаревскій, пронеслась мимо. Накатовъ откинулся назадъ, выставилъ грудь, раздулъ щеки и шепнулъ кучеру:

— Живо обогнать вонъ ту карету,—трогай! трогай! отпусти вожжи, молодцомъ смотри, валяй!..

И, стрѣлою пролетѣвъ мимо Клары Петровны, велѣлъ онъ убавить шагу, чтобы дать ей время обогнать его снова. Преслѣдованіе это, примѣченное, разумѣется, Кларой Петровной, продлилось бы вѣроятно до конца Невскаго, если бъ въ одну изъ тѣхъ минутъ, какъ Накатовъ выравнивался съ каретой, глаза его не встрѣтили Бондаревскаго и остальную компанію, идущихъ по тротуару, прямо къ нему навстрѣчу. Накатовъ закутался въ воротникъ и велѣлъ прибавить [illegible]акъ на зло, улицу

Digitized by Google

переѣзжалъ обозъ; санямъ его нельзя было двинуться ни взадъ, ни впередъ; въ то время, какъ онъ посылалъ тысячу проклятій кучеру и Невскому проспекту, неподалеку раздался громкій хохотъ. Онъ невольно высунулся изъ воротника и увидѣлъ шагахъ въ десяти карету Клары Петровны, окруженную Бондаревскимъ, Бѣлостоцкимъ и другими пріятелями, которые, какъ только показалъ онъ лицо свое, залились еще звонче прежняго. Клара Петровна высунула изъ дверецъ хорошенькую свою голову и, казалось, не уступала имъ. Это окончательно взорвало Накатова. Онъ повернулся къ нимъ спиною, прикрылся воротникомъ, и громовымъ голосомъ, отъ котораго вздрогнули близъ-стоявшія лошади, приказалъ повернуть назадъ. Минуту спустя, онъ летѣлъ домой, изрыгая тысячу проклятій пріятелямъ и даже цѣлому Петербургу.

Квартира Накатова состояла изъ трехъ или четырехъ комнатъ; и ужъ никто не захотѣлъ бы вѣрить, чтобъ господинъ, носившійся по Невскому на сѣромъ жеребцѣ, въ саняхъ, обшитыхъ малиновымъ трипомъ, съ шелковыми бахромами, могъ довольствоваться такимъ жилищемъ.

Отсутствіе вкуса и чистоты, смѣшанное съ какою-то отталкивающею безалаберщиной, отражалось на всемъ, куда только обращались глаза; закопченыя стѣны, немытый полъ, оборванная мебель, то сбитая въ кучку, то разбросанная въ безпорядкѣ, придавали квартирѣ Накатова наружность самую безобразную и нечистоплотную. Накатовъ, между тѣмъ, получалъ тысячъ восемь или девять годового доходу съ имѣнья, оставшагося ему послѣ матери; кромѣ того, онъ не упускалъ случая, какъ водится, приращать къ этой суммѣ, занимая то здѣсь, то тамъ,—словомъ, всюду, гдѣ только добрые люди давали подъ расписку. Въ этомъ случаѣ Накатовъ дѣйствовалъ однакожъ основательнѣе многихъ своихъ знакомыхъ: онъ разсчитывалъ на достояніе бабушки, которое, рано или поздно, должно было попасть въ его руки. Бабушка не давала, однакожъ, гроша своему племяннику и даже не пускала его къ себѣ. Ея скупость извѣстна была всему городу; уже нѣсколько лѣтъ не выходила она изъ своей спальни, никого не хотѣла видѣть, никого не принимала, кромѣ домашняго доктора, жившаго лѣтъ двадцать въ домѣ. Итакъ, получая порядочныя деньги, Накатовъ могъ бы жить благообразнѣе; но, какъ весьма многіе изъ его круга, онъ ставилъ весь свой point d'honneur въ сѣромъ

Digitized by Google

жеребцѣ, да еще въ гнѣдомъ рысакѣ, охотно принося имъ въ жертву остальныя, необходимѣйшія удобства жизни. Половъ не мыли въ квартирѣ Накатова, но зато каждый годъ сани его обивались новымъ трипомъ, подновлялись сбруи, покупались полсти съ медвѣдемъ и безъ медвѣдя... На домъ къ нему никто не ѣздилъ,—нужно же было, по крайней мѣрѣ, производить эффектъ хоть на улицѣ. Къ тому же самъ онъ не жилъ почти никогда дома. День свой проводилъ Накатовъ, разъѣзжая то на сѣромъ жеребцѣ, то на гнѣдомъ рысакѣ отъ одного пріятеля къ другому, или, просто, по Невскому, отдавая визиты то въ одну кофейню, то въ другую; обѣдалъ онъ не иначе, какъ въ пять или даже въ шесть часовъ, и какъ бы ни былъ голоденъ, не уступилъ бы четверти часа изъ опасенія прослыть человѣкомъ дурного тона. Всѣ помыслы Накатова, цѣль его жизни стремились къ тому только, чтобы прослыть джентльменомъ. Такъ сильно было въ немъ это желаніе, что онъ не пропускалъ ни одного бѣга, хотя часто страхъ хотѣлось ему пройтись въ это время молодцомъ по Невскому; ни за что не рѣшился бы взять въ руки трубку въ присутствіи пріятелей, и хотя табакъ Жукова далеко предпочиталъ всѣмъ возможнымъ сигарамъ, однакожъ курилъ послѣднія, морщась и посылая ихъ къ нечистому. Послѣ обѣда ѣхалъ онъ въ театръ, если только шелъ балетъ или опера; Накатовъ любилъ до страсти Александринскій театръ, но, скрѣпя сердце, лишалъ себя этого удовольствія въ пользу балета или оперы, потому что, во-первыхъ, послѣднее слыло mauvais-genre,—а во-вторыхъ, онъ бился изо-всей мочи, чтобы попасть въ кружокъ театраловъ. Изъ театра летѣлъ онъ къ пріятелямъ или на балъ къ какой-нибудь француженкѣ-спекулянткѣ, потомъ ужиналъ и, наконецъ, въ пять или шесть часовъ утра являлся домой; въ два или три часа пополудни пробуждался, подавали ему сѣраго жеребца или гнѣдого рысака, и снова начинался день. Нельзя было бы придумать бо́льшаго наказанія Накатову, какъ засадить его хоть на однѣ сутки дома. Онъ такъ рѣдко бывалъ у себя, что, узнавъ по наслышкѣ объ эффектѣ, который производитъ въ большомъ свѣтѣ романъ графини Дашъ, не могъ въ цѣлый годъ дочитать предисловія.

Что жъ мудренаго, послѣ всего этого, если Накатовъ, пролежавъ минуты двѣ на диванѣ, почувствовалъ уже тоску смертную и сильный позывъ къ зѣвотѣ.

Digitized by Google

— Человѣкъ! крикнулъ онъ, закидывая лѣвую руку за голову.

Явился лакей, крупный, небритый человѣкъ, въ бѣломъ засаленномъ галстукѣ, сѣрой курточкѣ съ гербовыми пуговицами и въ жокейскихъ сапогахъ съ желтыми отворотами.

— Развѣ я тебя звалъ?.. сказалъ Накатовъ.—Ты кто такой?..

— Громъ-съ... сударь...

— Грумъ, грумъ! Сколько разъ надо тебя учить... перебилъ Накатовъ.—Ступай, позови Евсѣя.

Вошелъ Евсѣй.

— Не приходилъ еще Гаврила Петровъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Сходи въ конюшню, посмотри, распрягъ ли Ермолай Рубина, да позвать ко мнѣ Пахома; скажи ему, чтобъ надѣлъ новый армякъ, подпоясался новымъ кушакомъ и пришелъ показаться...

Человѣкъ вышелъ; Накатовъ перевалился на спину. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ человѣкъ лѣтъ тридцати, съ рѣденькою рыжеватой бородкой, бритымъ затылкомъ и бѣльмомъ на лѣвомъ глазу. На немъ былъ синій кучерской армякъ, подпоясанный позументовымъ кушакомъ.

— Здравствуй, Пахомъ, сказалъ Накатовъ, оглядывая его съ головы до ногъ,—повернись назадъ, такъ, ладно... ну, хорошо... смотри, только беречь у меня. Ну, что, былъ нынче на конной?..

— Былъ-съ.

— Какія лошади? разсказывай...

— Да всякія есть-съ... Вотъ одна, такъ ужъ нечего сказать, Борисъ Борисычъ... побѣжитъ — сто рубликовъ надбавить не жаль... съ ней обогналъ бы кого угодно...

— Такъ обогналъ бы? вымолвилъ Накатовъ, чрезвычайно довольный восторженною выходкою кучера.

— Обогналъ бы, Борисъ Борисычъ, ей-Богу бы обогналъ...

— Ну, что жъ, Пахомъ, доволенъ ты Петербургомъ? спросилъ Накатовъ, едва удерживаясь отъ смѣху.

— Что въ немъ, Борисъ Борисычъ, въ Петербургѣ-то... слава только, что столиція... въ деревнѣ лучше: возьмешь Побѣждая да Стрѣлку, бывало, да поохотиться пойдешь... ату ево, ату ево!..

Digitized by Google

— Ха-ха-ха! Ну, ну, попорскай, попорскай! сказалъ Накатовъ, надрываясь со смѣху.

Пахомъ подошелъ къ окну и приложилъ къ губамъ ладони въ видѣ трубы.

— Ну, ну, попорскай, попорскай... ну, твердилъ Накатовъ, катаясь по дивану.

— Ату ево... ату ево... ту, ту, у-у... началъ Пахомъ, косясь на Евсѣя и Ермолая, которые выглядывали изъ-за дверей и также помирали со смѣху.—Ату ево! эхъ, тарахъ-тахъ! ату ево... ату, у-у...

— Ну, довольно! сказалъ Накатовъ, ухватываясь за бока, чтобы перевести духъ,—ступай! Евсѣй, трубку!..

Не мѣшаетъ замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ Накатовъ побывалъ въ деревнѣ, гдѣ проводилъ онъ время, гоняясь за зайцами, Пахомъ, напутствовавшій его всюду и старавшійся поддѣлаться подъ шутовскую, скоморошью стать, сдѣлался для него лицомъ необходимымъ. На этомъ основаніи Накатовъ привезъ его въ Петербургъ, заставляя его въ свободное время то попорскать, то разсказать какой-нибудь забавный анекдотъ. Прежде роль Пахома занималъ Евсѣй, который отлично представлялъ, какъ писаря отдаютъ честь проходящимъ офицерамъ, что въ свое время доставляло точно такъ же Накатову поводъ помирать со смѣху.

Закуривъ трубку, Накатовъ зѣвнулъ нѣсколько разъ сряду, взялъ со стола романъ графини Дашъ, перевернулъ двѣ-три странички, снова зѣвнулъ и, наконецъ, закрылъ глаза.

Скрипъ двери пробудилъ его.

— А! Гаврила Петровъ! вымолвилъ Накатовъ, обращаясь къ сѣдому, подслѣповатому старику, обстриженному подъ гребенку; на немъ былъ коричневый фракъ со свѣтлыми пуговицами и длинный жилетъ, украшенный бисерною цѣпочкою съ печатками изъ сердолика. Гаврила Петровъ, служившій камердинеромъ покойному отцу Накатова, остался въ той же должности при сынѣ, котораго выводилъ и выносилъ на рукахъ своихъ. Онъ бережно подошелъ къ дивану, гдѣ лежалъ баринъ, и, скрестивъ руки на груди, сказалъ ему съ упрекомъ:

— Борисъ Борисычъ!..

— Ну, что еще? спросилъ тотъ.—Гдѣ ты до сихъ поръ таскался?...

— Э, э-эхъ, вотъ у васъ только это на умѣ... э-хе-хе...

Digitized by Google

продолжалъ тѣмъ же тономъ старикъ,—вотъ вы, батюшка, изволите почивать здѣсь, а не знаете, какія дѣла у насъ дѣлаются... ну, что бы вамъ приказать запрячь рысачка, да съѣздить къ барынѣ, бабушкѣ вашей Пелагеѣ Антоновнѣ; вѣдь вотъ почитай, что два года вы къ ней глазъ не кажете... Ей-Богу, право, велѣли бы запрячь рысачка, да съѣздили, Борисъ Борисычъ...

— Развѣ съ ней случилось что-нибудь, съ этой старой каргой? спросилъ Накатовъ, умышленно дѣлая удареніе на послѣднія слова.

— Господи, Боже милостивый! Творецъ милосердый! воскликнулъ Гаврила Петровъ, опустивъ голову и поднявъ объ руки,—что это вы, сударь... побоялись бы Бога...

— А что такое? смѣясь, перебилъ Накатовъ.

— Да то же, сударь, что барыня-бабушка ваша не оченно здоровы... а вы изволите такъ-то грѣшить противъ нихъ... меня и въ домъ-то насилу допустили...

— Разсказывай, разсказывай... что жъ тамъ такое еще,—умираетъ?..

— Христосъ съ вами! что вы, что вы, батюшка... Сказывала мнѣ ключница Аграфена Кирилловна, прибавилъ старикъ, понизивъ голосъ и приближаясь къ барину,—что вечоръ недоброе случилось съ бабушкой: я разспрашивать... да Христіянъ Христіянычъ подоспѣлъ; я съ тѣмъ и ушелъ; вамъ бы, право, лучше понавѣдаться... поѣзжайте, батюшка, не равно что-нибудь такое случится...

— Ну, а что, Гаврила Петровъ, если вдругъ бабушка умретъ! воскликнулъ Накатовъ, вскакивая съ дивана и ударивъ по плечу камердинера;—а, а! вѣдь наслѣдникъ-то я! сто тысячъ доходу, брррратецъ! да денегъ сколько, я думаю! тринадцать лѣтъ копила! а? что на это скажешь?..

Каждый разъ, когда мысль эта приходила Накатову, голова его закидывалась еще болѣе назадъ; онъ запускалъ руки въ карманы и съ неописаннымъ волненіемъ принимался расхаживать по комнатѣ, не упуская однакожъ случая останавливаться при каждомъ поворотѣ передъ зеркаломъ, чтобы взбить волосы и оглянуть себя самодовольно съ головы до ногъ.

— Такъ что жъ ты скажешь на это? а? повторилъ Накатовъ, ударивъ еще разъ по плечу камердинера.

Вмѣсто отвѣта, Гаврила Петровъ, понуривъ еще сильнѣе голову, пропустилъ пальцы одной руки между паль-

Digitized by Google

цами другой и, повертывая съ необыкновенной быстротою однимъ большимъ пальцемъ вокругъ другого, погрузился, казалось, въ горькія размышленія.

— Ну, братъ, Габріель, воскликнулъ тотъ, какъ бы вдохновляясь,—смотри только, какъ мы зажуируемъ! держись только, прощайся тогда, старичина ты этакая, съ твоимъ фракомъ... Вкачу тебѣ сюда вотъ этакое жабо! (Тутъ Накатовъ на аршинъ показалъ отъ груди). Надѣну на тебя голубой фракъ съ галунами, гербы на воротникѣ вотъ такіе! (Тутъ опять отодвинулъ онъ руку на аршинъ одну отъ другой). Жилетъ прошу у меня мѣнять тогда каждый день; шелковые чулки рублей во сто, коротенькіе бархатные панталоны, галуны!.. молодцомъ подтяну!.. сдѣлаю тебя мажордомомъ! крикнулъ Накатовъ въ какомъ-то азартѣ.—Ты знаешь ли, что̀ такое мажордомъ?.. это все равно, что управляющій въ домѣ, глава надъ всѣми людьми, надъ конюшнями... Что жъ, ты радъ будешь? заключилъ онъ, принявъ недоумѣніе на лицѣ старика за изъявленіе глубочайшаго восхищенія.

— Гдѣ ужъ, батюшка, Борисъ Борисычъ, вымолвилъ, наконецъ, Гаврила Петровъ, разводя руками, — старъ я сталъ...

— Ну, не хочешь, такъ оставлю тебя при своей особѣ... будешь только докладывать да сидѣть и грѣться въ прихожей у камина... вездѣ будутъ камины у насъ, вездѣ!.. лихо заживемъ!.. Что это? произнесъ Накатовъ,—кажется, позвонили? ступай скорѣй... если за деньгами, скажи, что дома нѣтъ... а если неравно бабушкинъ докторъ, проси скорѣе...

Старикъ вышелъ.

Накатовъ, собравшійся-было выкинуть на воздухѣ какую-то штуку, услыша голосъ доктора, принялъ тотчасъ же степенную наружность, нахмурилъ брови, схватилъ романъ графини Дашъ и бросился на диванъ.

— Здравствуйте, почтеннѣйшій Христіянъ Христіянычъ, сказалъ Накатовъ, стараясь проявить въ голосѣ какъ можно больше густоты и въ то же время спокойствія,— какъ это вы вошли, я не слыхалъ... какъ ваше здоровье? очень радъ васъ видѣть...

Докторъ, сморщенный, искоробившійся старикашка, вмѣсто отвѣта поставилъ въ уголъ сучковатую свою палку, крякнулъ, сѣлъ на диванъ, понюхалъ табаку, крякнулъ еще разъ и произнесъ вполголоса:

Digitized by Google

— Ну, Борисъ Борисычъ, я къ вамъ пришелъ за очень, очень важнымъ дѣломъ...

— Что такое? вы меня пугаете, почтеннѣйшій Христіянъ Христіянычъ, не случилось ли чего съ бабушкой?

— Да, я вамъ скажу, очень, очень не хорошо съ Пелагеей Антоновной...

Тутъ докторъ заботливо покрутилъ рыжимъ мочалистымъ парикомъ, изъ-подъ котораго торчали рѣденькіе сѣдые волоса, которые казались наклеенными на вымокшій пергаментъ; вслѣдъ за тѣмъ онъ снова крякнулъ и снова покачалъ головою.

— Вы меня терзаете, докторъ! воскликнулъ Накатовъ, придавая лицу испуганное выраженіе, что̀ дѣлало его въ эту минуту крайне глупымъ.

— Да, Борисъ Борисычъ, продолжалъ Христіянъ Христіянычъ, потирая сучковатыя свои колѣни,—такъ плохо, что я и самъ не знаю какъ быть...

— Ради Бога, что такое? какое-нибудь несчастіе?

— Да, для вашей бабушки, но не для васъ!..

Послѣдовала пауза; докторъ не отрывалъ глазъ отъ Накатова, лицо котораго, вопреки усилій сдѣлать его печальнымъ, вздрагивало отъ восторга.

— Ваша бабушка... съ ума сошла! заключилъ докторъ, разводя руками и опустивъ голову почти до колѣнъ?

— Что̀ вы говорите? произнесъ Накатовъ, вскочивъ со стула.

— Да, я это говорю, она... съ ума сошла, совсѣмъ съ ума сошла!..

— Нѣтъ, я просто ничего не понимаю... Что все это значитъ? говорилъ Накатовъ, у котораго дѣйствительно помутилось въ глазахъ и вся внутренность перевернулась какъ бы вверхъ дномъ.

— Ну, это дѣло вотъ какое, сказалъ Христіянъ Христіянычъ,—вы самый близкій родственникъ Пелагеѣ Антоновнѣ.

— Какъ же, Христіянъ Христіянычъ, я это знаю, перебилъ Накатовъ, едва держась на ногахъ.

— Вы ея наслѣдникъ...

— Но почему же!.. я ей-Богу, то-есть, я думалъ такъ... а впрочемъ... Ей-Богу, не знаю... произнесъ Накатовъ, порываясь броситься на шею Христіяну Христіянычу.

— Ну, какъ вамъ не знать этого, продолжалъ старикъ,—вы ея наслѣдникъ и въ качествѣ его будете на-

Digitized by Google

значены опекуномъ вашей бабушки, какъ ближайшій ея родственникъ...

— Не можетъ быть! какъ! какимъ образомъ... ха-ха-ха!.. вотъ забавно... перебилъ Накатовъ, не понимая рѣшительно, что̀ съ нимъ дѣлается.

— Какъ не можетъ быть! я за этимъ дѣломъ пришелъ сюда... вы должны сейчасъ же ѣхать къ Пелагеѣ Антоновнѣ; вы ее совсѣмъ забыли...

— Ей-Богу, почтеннѣйшій, добрый Христіянъ Христіяничъ, клянусь вамъ!.. бабушка сама не хотѣла, чтобы я къ ней ѣздилъ... я... я...

— Ну, хорошо, хорошо, это не мое дѣло...

— Ахъ, Боже мой, какое несчастіе! Ахъ, ахъ! повторялъ Накатовъ, закрывая поминутно лицо руками, чтобъ удобнѣе скрыть радость, сіявшую во всѣхъ чертахъ его.— Но скажите же, ради Бога, какъ это случилось? отчего? Ахъ, Боже мой! Боже мой! Ахъ!..

— Очень странно случилось, продолжалъ докторъ, качая головой,—такого случая я еще не видывалъ; недѣли три тому назадъ съ нею былъ припадокъ, я собралъ консиліумъ, ну, и слава Богу все прошло хорошо; я былъ совсѣмъ спокоенъ, какъ вдругъ вчера вечеромъ прибѣгаетъ ко мнѣ ключница бабушки, Агаѳья—вы знаете, та, что̀ при ней всегда,—и говоритъ, что Пелагея Антоновна сказала, будто не можетъ обѣдать, потому что она еще маленькое дитя и ей нуженъ рожокъ или кормилица... Я, знаете, вовсе не ожидалъ этого, не понимаю, что̀ все это значитъ... Какъ? какое дитя? спрашиваю Агаѳью. Да, такъ же дитя, говоритъ она,—маленькое дитя, вотъ которое только-что родилось. Я поскорѣе бѣгу туда... вхожу... Пелагея Антоновна точно такъ же увѣряетъ меня, что она дитя, и проситъ купить ей рожокъ или привести кормилицу,—вотъ какое обстоятельство!..

— Что вы говорите?..

— Да; я за докторами, собрали консиліумъ, посвѣтовались, начали ее разспрашивать, она все свое: купите ей куклу, купите рожокъ; совсѣмъ съ ума сошла; я ужъ сдѣлалъ кой-какія распоряженія; надо потакать ей во всемъ: это единственное средство; положеніе не совсѣмъ еще безнадежно...

Накатовъ почувствовалъ холодъ во всѣхъ членахъ...

— А, впрочемъ, я сильно сомнѣваюсь, продолжалъ докторъ со вздохомъ,—въ ея лѣта случаи выздоровленія рѣдки...

Digitized by Google

Накатова бросило въ жаръ.

— Какъ же, какъ же, докторъ, пробормоталъ онъ, поспѣшно вскакивая съ мѣста,—подождите меня, я сію секунду одѣнусь... эй, Гаврила! Евсѣй! эй! скорѣе одѣваться!..

Накатовъ долго метался какъ угорѣлый изъ угла въ уголъ и, наконецъ, съ помощію Гаврилы Петрова, который казался растеряннымъ не менѣе своего барина, одѣлся и подбѣжалъ къ доктору.

— Ѣдемте, ѣдемте, мой почтенный, мой добрый Христіянъ Христіянычъ, говорилъ Накатовъ, застегивая дрожащими руками сюртукъ,—экое несчастіе! ахъ!..

— Ну, для васъ, я думаю, не совсѣмъ несчастіе: Пелагея Антоновна очень богата, отвѣчалъ Христіянъ Христіянычъ, ковыляя за Накатовымъ, который летѣлъ стремглавъ на улицу.

IV.

Эксцентрическая бабушка.

...Они сѣли въ сани. Происшествіе съ бабушкой сильно поразило Накатова. Мысли его мѣшались; бархатная мебель, лежачія рессоры, блистательные обѣды, швейцаръ, мажордомы, грумы, ливреи сталкивались и вертѣлись въ головѣ его. Онъ принималъ тогда величественную осанку, исполненную чувства собственнаго достоинства, и торжествующимъ, орлинымъ взоромъ оглядывалъ весь людъ, катившій или шлепавшій мимо него по улицамъ; ему казалось, что весь городъ знаетъ его въ лицо, смотритъ ему въ глаза, слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ, и, полный такихъ счастливыхъ мыслей, еще выше задиралъ голову, еще яростнѣе раздувалъ багровыя свои щеки, и безъ того уже готовыя лопнуть каждую минуту. То вдругъ страшное безпокойство охватывало какъ ледяною корою всю внутренность нашего героя, и поза его, изъ величественной и гордой, дѣлалась самою жалкой и комической; онъ припоминалъ нѣкоторыя успокоительныя слова доктора, — слова, мгновенно бросавшія его изъ воображаемаго блеска и великолѣпія въ настоящее положеніе, казавшееся ему въ эту минуту уже невыносимымъ. Обдаваемый попеременно то жаромъ, то ознобомъ, смотря по ходу мыслей, онъ то и дѣло обращался къ доктору, осыпая его вопросами; но Христіянъ Христіянычъ, занятый своими соб-

Digitized by Google

ственными соображеніями, уходилъ еще глубже въ красный вязаный шарфъ и только неопредѣленными звуками отвѣчалъ встревоженному наслѣднику. Наконецъ, они въѣхали въ ворота широкаго двора... Мрачно смотрѣлъ запущенный дворъ; стѣны неопредѣленно-грязнаго цвѣта, на которыхъ всѣ четыре времени года усердно обозначали слѣды свои, окружали его со всѣхъ сторонъ; окна были до половины занесены снѣгомъ, часто спускавшимся цѣлыми глыбами съ кровли и покрившихся двухъ-трехъ крылечекъ. На широкомъ гранитномъ подъѣздѣ, кой-какъ выметенномъ и посыпанномъ пескомъ, два огромные льва высовывали свои обезображенныя, безносыя головы изъ грязнаго снѣгу и сора, горою возвышавшагося по обоимъ спускамъ лѣстницы. Такъ смотрѣло все это непривѣтливо и холодно, что даже тяжелой, невпечатлительной натурѣ Накатова стало неловко. Но когда сухощавый, сгорбившійся швейцаръ, съ слезливой физіономіей и краснымъ носомъ, выпачканнымъ табакомъ, отворилъ двери, и вся прислуга, состоящая по крайней мѣрѣ изъ пятнадцати грязныхъ, небритыхъ лакеевъ, бросилась наперерывъ снимать съ него шубу, низко и безпрестанно кланяясь,— непріятное впечатлѣніе, овладѣвшее Накатовымъ, мигомъ исчезло. Онъ окинулъ самодовольно грязную колоннаду, окружавшую прихожую, потомъ обратился къ прислугѣ, замѣтилъ что-то насчетъ безпорядка и запущенія, и, бросивъ еще разъ украдкою глаза на позлащенную булаву швейцара, стоявшую въ углу, величественно сталъ подыматься по парадной лѣстницѣ, устланной вмѣсто ковра мягкимъ слоемъ пыли.

Оторопѣвшая прислуга оставила безъ всякаго вниманія доктора, который, барахтаясь въ своей шубѣ и шарфѣ, напоминалъ какъ нельзя болѣе несчастнаго Лаокоона, перепутаннаго змѣями; онъ нагналъ уже Накатова въ парадныхъ комнатахъ.

Комнаты эти, занимавшія весь этажъ и убранныя, какъ видно было по всему, въ екатерининское время, представляли въ настоящее очень печальное зрѣлище. Штофные порыжѣвшіе обои висѣли по стѣнамъ безобразными лохмотьями; полинялыя шелковыя и ковровыя гардины и занавѣси, мѣстами съѣденныя молью, мѣстами отягченныя пылью, падали густыми, тяжелыми складками по обѣимъ сторонамъ мрачныхъ высокихъ оконъ; продолговатыя тусклыя зеркала въ рѣзныхъ [illegible]хъ рамахъ, почернѣвъ-

Digitized by Google

шихъ отъ времени, смутно и неопредѣленно отражали сѣдые чехлы, покрывавшіе мебель, и нѣсколько люстръ съ граненными стеклышками, блиставшими чуть видными звѣздами на темномъ, закопченомъ потолкѣ. Несмотря на то, что бабушка Накатова не выходила болѣе тринадцати лѣтъ изъ своей спальни, въ домѣ было однакожъ довольно обывателей, чтобы присмотрѣть за порядкомъ.

Кромѣ двадцати лакеевъ, занимавшихъ весь нижній этажъ и спавшихъ безъ просыпу одну половину дня, употребляя другую на игру въ дурачки замасленными картами, въ верхнемъ этажѣ находилось болѣе десятка приживалокъ—старыхъ дѣвъ, вдовъ, прапорщицъ, утратившихъ мужей на полѣ брани и носившихъ, въ подтвержденіе этого, черные ситцевые капоты и бѣлые чепцы; но какъ первымъ, такъ и вторымъ много было и безъ того дѣла. Къ этому же, благодѣтельница, старая барыня, любившая слушать розсказни и вѣсти бѣдныхъ вдовъ и сиротъ, рѣшительно затыкала уши и гнала вонъ всѣхъ, кто заикался о предметахъ, требовавшихъ издержекъ. Одинъ развѣ Христіянъ Христіянычъ осмѣливался иногда подымать голосъ, да и тотъ бо̀льшею частію сѣялъ на безплодную почву. Онъ также жилъ въ домѣ скорѣе въ качествѣ простого приживальщика, чѣмъ врача, и мирно проводилъ дни свои, обклеивая картонныя коробочки съ сюрпризами, которыя постоянно, въ продолженіе двадцати лѣтъ, подносилъ Пелагеѣ Антоновнѣ. Христіянъ Христіянычъ, не пользовавшійся большою извѣстностію въ медицинѣ и жаловавшійся въ продолженіе всей своей жизни на судьбу, какъ будто находившую какое-то особенное удовольствіе лишать его практики, былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что съ одной стороны не видѣлъ большого труда развернуть „Друга здравія“ Тиссота, когда старуха была больна, — съ другой—ему представлялась надежда не быть забытымъ въ ея завѣщаніи. Пелагея Антоновна слѣпо довѣряла свое здоровье Христіяну Христіянычу, вмѣняя ему въ непремѣнную обязанность являться каждое утро. Докторъ принималъ озабоченный видъ, покрякивалъ, щупалъ ей пульсъ, качалъ головою, снова покрякивалъ и, набивая носъ табакомъ, произносилъ съ разстановкою, глядя внимательно на языкъ паціентки: „Легкій жаръ... но, впрочемъ, ничего; весь организмъ въ порядкѣ; вамъ нужно больше покоя, отдохновенья, почтенная Пелагея Антоновна, какъ можно

больше отдохновенья...“—Плохо, отвѣчала обыкновенно старуха,—плохо, батюшка, вотъ уже и встать одна не могу, и вижу нехорошо; ухаживать-то надо за мной какъ за малымъ ребенкомъ. Все чаще и чаще повторяла она эту фразу и въ одинъ ненастный зимній день въ самомъ дѣлѣ потребовала няньку. Христіянъ Христіянычъ задумался, крякнулъ и покачалъ головою; на другой день старушка объявила, что ѣсть еще не можетъ какъ большіе люди, и просила купить рожокъ; Христіянъ Христіянычъ снова задумался, снова крякнулъ и прибѣгнулъ къ Тиссоту; но такъ какъ въ Тиссотѣ не отыскалось ни одного изъ пунктовъ, подходящихъ къ состоянію Пелагеи Антоновны, почтенный врачъ рѣшился собрать консиліумъ. Консиліумъ задумывался еще усерднѣе Христіяна Христіяныча и рѣшилъ, чтобы ни въ чемъ не противорѣчили больной, благо были на то средства. Христіянъ Христіянычъ совсѣмъ было успокоился и началъ даже клеить какую-то коробочку, какъ вдругъ, недѣли три спустя послѣ консиліума, старушка рѣшительно объявила себя новорожденнымъ младенцемъ, велѣла себя спеленать и привести кормилицу. Тутъ Христіянъ Христіянычъ рѣшился наконецъ отправиться къ Накатову, ближайшему ея родственнику и законному наслѣднику...

Законный наслѣдникъ успѣлъ уже однакожъ пройти почти всѣ парадныя комнаты, сопровождаемый докторомъ. Въ послѣдней комнатѣ, предшествовавшей бабушкиной спальнѣ, Накатовъ встрѣтилъ трехъ вдовствующихъ приживалокъ, которыя, завидя его, поспѣшно вынули изъ ридикюлей нарочно приготовленные чистые платки и приложили ихъ къ глазамъ. Накатовъ остановился; старухи отняли платки и почтительно поклонились.

— Батюшка! вымолвила одна изъ нихъ, здоровенная, широкоплечая баба, годная скорѣе колоть дрова, чѣмъ проливать слезы.—Батюшка, благодѣтели вы наши...

— О-о... о-хъ!.. благодѣтели вы наши... повторили тѣмъ же тономъ остальныя двѣ, кланяясь чуть не въ поясъ.

— Да, большое несчастіе, заботливо вымолвилъ Накатовъ, воображавшій, что рѣчь идетъ о его бабушкѣ. — Будьте увѣрены, я употреблю всѣ старанія, чтобы успокоить бабушку...

— Батюшка! начала опять первая старуха, прерывая рѣчь рыданіями и какъ бы выжимая изъ себя слезы, — наслѣдуйте добродѣтелямъ вашей бабеньки: не оставьте

Digitized by Google

насъ, несчастныхъ, горькихъ сиротъ... Богъ наградитъ васъ...

— Будьте увѣрены, сударыня, я справедливъ... и... и вполнѣ умѣю цѣнить достоинства, произнесъ Накатовъ, пыжась какъ индѣйскій пѣтухъ. — Но мнѣ хотѣлось бы видѣть бабушку. Это, кажется, дверь въ ея спальню? прибавилъ онъ, направляясь къ низенькой двери, завѣшенной ковромъ.

— Здѣсь-съ... пожалуйте... но только онѣ изволили започивать, бойко произнесла атлетическая старуха, забѣгая подобострастно впередъ и приглашая всѣхъ стать на-цыпочки.

Спальня состояла изъ небольшой, но очень высокой комнаты, такъ что потолокъ терялся въ неопредѣленномъ мракѣ. Полъ, устланный ковромъ, изображалъ какую-то сцену изъ миѳологіи. Стѣны были обиты съ трехъ сторонъ темнымъ лакированнымъ деревомъ; четвертая стѣна была почти цѣликомъ занята рѣзнымъ кіотомъ изъ чернаго дерева, покрытымъ дорогими образами, въ золотыхъ и серебряныхъ окладахъ, съ висѣвшими повсюду яичками всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и размѣровъ. Углы комнаты заставлены были старинною мебелью: гдѣ выглядывалъ брюхастый бюро, выложенный слоновою костью и перламутромъ,—на немъ обломанная японская ваза и севрскій сервизъ; въ другомъ мѣстѣ сверкали сквозь пыль высокіе вычурные канделябры; тамъ возвышались въ безпорядкѣ сундуки и ларцы, обшитые сафьяномъ и кожей, шерстью вверхъ; подлѣ нихъ на пальмовомъ шесткѣ сидѣлъ встрепанный какаду, который, заслыша шумъ, тотчасъ же встрепенулся, поднялъ желтый свой хохолъ и нагнулъ на бокъ голову. Посрединѣ комнаты, между всей этой рухлядью, стояла постель Пелагеи Антоновны, примыкавшая однимъ концомъ къ мягкому тюфячку, на которомъ ворочалось полдюжины старыхъ, сѣдыхъ мосекъ.

Свѣтъ изъ единственнаго окна, до половины завѣшеннаго зеленою тафтяною сторою, падалъ, благодаря усердію благотворимыхъ, прямо на сморщенное, желтоватое лицо ея, окруженное волнистыми оборками чепчика; глядя на съежившееся, крошечное туловище старушки, стянутое пеленками, казалось, что тутъ лежалъ скорѣе обрубокъ, кусокъ человѣка, чѣмъ цѣлый человѣкъ. Сонъ старухи былъ тихъ и спокоенъ, какъ сонъ младенца; изрѣдка только ея бѣлыя губы, оттѣненныя сѣдоватыми волосам

двигались, то вдавливаясь, то снова выступая. По обѣимъ сторонамъ ея, на бѣлой постели, разсыпались игрушки.

У изголовья сидѣла колоссальная, жирная кормилица въ красномъ кокошникѣ и сарафанѣ, туго перетянутомъ подъ мышками и порывавшемся каждую минуту лопнуть напереди. Увидя вошедшихъ, она привстала, разинула ротъ, въ которомъ оказался кусокъ лепешки, выкатила оловянные глаза и, какъ бы вдругъ запугавшись, схватила валявшійся подлѣ картонный арлекинъ, повернулась къ спящей старухѣ и принялась дергать за ниточку, при чемъ всѣ члены куклы пришли въ страшное движеніе.

— Тссс... тсс... произнесъ Христіянъ Христіянычъ, махнувъ рукой.

Накатовъ смотрѣлъ на бабушку съ неописаннымъ волненіемъ; сердце его никогда еще не билось такъ сильно; сколько блестящихъ надеждъ осуществляли для него эти безсмысленныя черты!..

— Ну, пойдемте отсюда, сказалъ докторъ, трогая его за руку.—Она спитъ—это хорошій признакъ; не надо ее тревожить...

Они вышли въ комнату, гдѣ Накатовъ былъ встрѣченъ тремя приживалками. Но уже теперь вмѣсто трехъ ихъ было около десятка. Комната мигомъ наполнилась стонами и оханьемъ. Каждая пробивалась впередъ, стараясь, повидимому, всѣми силами попасть въ лучъ зрѣнія Накатова и врѣзать черствыя черты свои въ его тучную, затекшую жиромъ память.

— Что̀, спросилъ докторъ, обращаясь къ ключницѣ, которая только что появилась, — никакихъ перемѣнъ не было послѣ меня съ Пелагеей Антоновной?..

Но ключница вмѣсто отвѣта бросилась къ Накатову и, прильнувъ къ его рукѣ, залилась горючими слезами.

Докторъ повторилъ вопросъ.

— Нѣтъ, ничего не было... о-охъ... охъ... батюшка ты нашъ, Борисъ Борисычъ, начала ключница, цѣпляясь ему за фалды.

— Э! Агаѳья Кирилловна, полноте, какъ вамъ не стыдно безпокоить, сказалъ Христіянъ Христіянычъ, качая головой и подмигивая лѣвымъ глазомъ на Накатова.

— Батюшка! милостивый государь! закричали въ одинъ голосъ всѣ старухи, бросая свирѣпые взгляды на доктора.—Батюшка, не оставьте насъ, бѣдныхъ сиротъ... на-

Digitized by Google

слѣдуйте добродѣтелямъ вашей бабеньки... Богъ васъ не оставитъ...

— Будьте увѣрены... я справедливъ, я очень справедливъ, съ достоинствомъ проговорилъ Накатовъ. — Повѣрьте, я... я вполнѣ умѣю цѣнить добродѣтель и достоинство, прибавилъ онъ рѣшительно, уже не зная, что̀ дѣлать. — Ну, докторъ, пойдемте; мнѣ нужно поговорить съ вами; прощайте!..

— Прощайте, батюшка... дай вамъ Богъ всего... охъ... о-о-охъ!!..

— Ну, докторъ, какое ваше окончательное мнѣніе насчетъ бабушки? спросилъ Накатовъ взволнованнымъ голосомъ.

Докторъ задумался, крякнулъ, понюхалъ табаку и покачалъ головою.

— Право, не могу вамъ ничего сказать... должно думать, судя по ея лѣтамъ и быстрому ходу болѣзни, что она неизлѣчима... а впрочемъ, бывали случаи излѣченія... особенно часто бываетъ, что болѣзнь превращается въ періодическую... годъ здорова, другой, а тамъ опять припадокъ... такъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ Тиссотъ...

Накатовъ обомлѣлъ: слово „періодическую“ поразило его; оно накидывало черную тѣнь на мечты его, опрокидывало частью лучшія надежды; онъ хотѣлъ бы навсегда уничтожить роковое слово.—„Э! была не была! подумалъ онъ тутъ же. — Періодическая, такъ періодическая; все равно, хоть на время, да наслажусь, по крайней мѣрѣ, жизнью, пожуирую на славу!..“ Онъ весело распрощался съ докторомъ, объявилъ, что пріѣдетъ завтра же заняться дѣлами, и началъ спускаться съ лѣстницы, упрашивая старика оставить его одного.

Вся дворня ожидала его въ передней.

Швейцару, какъ престарѣлому и почтенному лицу, уступлено было право подать ему шубу. Онъ стоялъ, растопыривъ руки, какъ подломанная вѣшалка, и, вцѣпившись обѣими руками въ воротникъ, моргалъ отъ восхищенія.

— Что это? спросилъ Накатовъ, останавливаясь на послѣдней ступени и хмуря брови. — Развѣ это твое дѣло, любезный? На это есть другіе люди. Твоя обязанность стоять вотъ здѣсь съ булавой, а не шубы подавать... Васъ здѣсь распустили! продолжалъ онъ, надѣвая шубу и вздрагивая отъ чувства собственнаго достоинства,—дѣлаете что хотите? Погодите! я заведу другой порядокъ!

Digitized by Google

Швейцаръ вытянулся по швамъ и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

Остальные люди, стоявшіе въ почтительномъ разстояніи, невольно сдѣлали то же самое.

V.

Старые знакомцы.

Есть люди, для существованія которыхъ Невскій проспектъ рѣшительно необходимъ;—это фактъ. Пребывать тутъ съ двухъ до четырехъ часовъ пополудни такая же точно потребность для нихъ, какъ обѣдъ или ужинъ. Такихъ людей въ Петербургѣ очень много. У иныхъ такая потребность образовалась вслѣдствіе привычки, безъ всякой другой цѣли въ основаніи, кромѣ моціона. Къ нимъ большею частью принадлежатъ такъ-называемые „мышиные жеребчики“, т.-е. гладенькіе, свѣжіе, еще не отцвѣтшіе старички, сохранившіе любовь къ туалету, голубымъ и розовымъ галстучкамъ, завиткамъ на головѣ (или, правильнѣе сказать: на парикѣ), цѣпочкамъ, духамъ, лакированнымъ ботинкамъ и т. д... Эти мышиные жеребчики всегда почти холостяки, съ круглымъ, независимымъ состояніемъ, дозволяющимъ имъ носить тучныя енотовыя шубы, перемѣнять каждый день жилеты, накупать разныхъ благовонныхъ помадъ для окраски волосъ (также на парикѣ) и проч., которымъ нужно, во что бы то ни стало, проморить червячка до обѣда въ клубѣ или собраніи, гдѣ они непремѣнные члены. Другіе являются на Невскій на людей поглядѣть, а главное—себя показать прекрасному полу, до котораго они большіе охотники; послѣдніе, люди молодые, jeunesse dorée, особенно многочисленны. Для третьихъ, наконецъ, людей возраста и состоянія неопредѣленныхъ, прогулка по Невскому отъ двухъ до четырехъ часовъ передъ обѣдомъ заключаетъ цѣли болѣе положительныя. Они уже напередъ знаютъ, что встрѣтятъ тамъ такого-то или такую-то, и всегда почти бьютъ навѣрняка. Здѣсь отдаютъ они должностные визиты, любезничаютъ съ дамами, и, пользуясь удобнымъ случаемъ, повѣряютъ ихъ дочкамъ, но чаще имъ самимъ, такія вещи, которыя неудобно было сообщить въ гостиной, при постороннихъ. Нужно ли учтиво намекнуть о долгѣ, пригласить на обѣдъ, нужно ли самому быть приглашеннымъ, условиться ли насчетъ встрѣчи въ театрѣ [illegible]алѣ, предста-

Digitized by Google

вляется ли необходимость повидаться съ знакомымъ, котораго хотѣлось бы позвать неожиданно на ландскнехтъ, давно уже задуманный и обдуманный,—всему этому, при извѣстной сноровкѣ, Невскій проспектъ представляетъ самый удобный случай. Къ числу послѣднихъ господъ принадлежалъ Бѣлостоцкій. Впрочемъ, много было у него еще и другихъ особенностей; самая главная состояла уже въ томъ, что онъ проживалъ огромныя деньги, не получая ровно никакихъ положительныхъ, извѣстныхъ доходовъ. Какъ онъ это дѣлалъ? рѣшить никто не могъ; даже самъ Бондаревскій, ближайшій знакомый Бѣлостоцкаго, и тотъ, когда спрашивали его объ источникѣ богатства петербургскаго Монте-Кристо (такъ звали Бѣлостоцкаго), пожималъ только плечами. Квартира его слыла между молодежью одною изъ самыхъ великолѣпныхъ; проигрывалъ онъ часто большіе куши; на конюшнѣ держалъ постоянно до двѣнадцати лошадей, высокой цѣны; нанималъ француза повара, задавалъ отличные обѣды, лѣтомъ жилъ на дачѣ съ широкими лѣстницами и галлереями, наполненными цвѣтами; одѣвался со всею изящною изысканностью лондонскаго денди; распространялся ли слухъ о какой-нибудь новости въ области модъ, Бѣлостоцкій первый пускалъ ее въ ходъ, и всѣ старались подражать ему; и—странное дѣло!—никогда не выѣзжая изъ Петербурга, онъ умѣлъ всегда оставлять за собою записныхъ франтовъ, являвшихся изъ-за границы съ самыми свѣжими запасами и новостями по части туалета; имъ управляло какое-то внутреннее, инстинктивное чутье во всемъ; онъ словно предугадывалъ изобрѣтенія законодательнаго вкуса. Всякое дѣло приходилось у него какъ-то кстати; никогда не замѣтно было никакого промаха. Загадочное существованіе Бѣлостоцкаго подстрекало въ высшей степени любопытство молодежи, принадлежавшей одному кругу съ нимъ; каждый бился добраться до источника и рѣшить задачу. Главнымъ поводомъ этому служила зависть, возбуждаемая успѣхами Бѣлостоцкаго между прекраснымъ поломъ. Покажется ли какая-нибудь хорошенькая француженка, толпа поклонниковъ надсѣдается, чтобы попасть къ ней въ милость, — все тщетно; являлся Бѣлостоцкій, обнаруживалъ передъ ней въ половину подобострастія,—смотришь, не прошло и недѣли, какъ уже француженка разъѣзжаетъ въ его каретѣ, а тамъ распространялся слухъ, что Бѣлостоцкій успѣлъ подписать ей вексель.

Digitized by Google

великолѣпно отдѣлалъ квартиру. Иные объясняли источникъ его богатства сильною игрою; на дѣлѣ оказывалось однакожъ, что каждый зналъ наперечетъ суммы, проигранныя Бѣлостоцкимъ, тогда какъ никто никогда не слыхалъ о значительномъ выигрышѣ; другіе утверждали, что онъ барышничаетъ лошадьми и въ большомъ масштабѣ, что, впрочемъ, также не было основательно, ибо, сколько извѣстно, такимъ промысломъ нельзя нажить много денегъ; третьи положительно утверждали, что Бѣлостоцкій живетъ въ долгъ, и объясняли его безграничный кредитъ необыкновенною изворотливостью, умѣньемъ обращаться съ кредиторами. Они приводили въ примѣръ одного старика, который будто самъ разсказывалъ, что, несмотря на крайность въ деньгахъ, не имѣлъ духу выпросить у него долга,—что каждый разъ, какъ придешь къ Бѣлостоцкому, говорилъ старикъ (что̀ дѣлается обыкновенно рано утромъ, когда кромѣ кредиторовъ никто не отдаетъ визитовъ), онъ бросается съ восторгомъ на шею, радостно пожимаетъ руки, усаживаетъ подлѣ себя на бархатное кресло, прикажетъ подать завтракъ, шампанскаго, то потреплетъ за подбородокъ (буде кредиторъ простого происхожденія), то въ глазъ поцѣлуетъ, то разсмѣшитъ, то разжалобитъ, ну, словомъ, такъ завертитъ, что вотъ, кажется, и хотѣлось бы заикнуться о деньгахъ, да языкъ не поворачивается, и клянешь его въ душѣ, а благодаришь на словахъ; съ тѣмъ и уйдешь. Но и эти слухи не возбуждали довѣрія: можно было прожить такимъ образомъ годъ, много-много два, но не семь, или восемь, какъ жилъ Бѣлостоцкій. Четвертые распространяли, наконецъ, на его счетъ самые невыгодные слухи, забывая, что француженки, которыя не переводились у Бѣлостоцкаго, служили яснымъ противорѣчіемъ и въ конецъ должны были разрушать возможность такого рода предположеній. Мало-по-малу толки совсѣмъ смолкли, и хотя многіе изъ его пріятелей, собираясь къ нему на обѣдъ, не пропускали еще случая значительно подмигивать на какой-нибудь вновь появившійся предметъ роскоши, однакожъ это нисколько не мѣшало имъ вслѣдъ за тѣмъ дружески пожимать ему руку и всячески стараться поддерживать съ нимъ дружбу. Но дѣло въ томъ, что Бѣлостоцкій никогда ни съ кѣмъ не сближался особенно: онъ былъ со всѣми одинаково привѣтливъ, радушенъ, одолжителенъ. Къ нему ѣздило народу; обще-

Digitized by Google

ство было самое смѣшанное: у него можно было встрѣтить и льва, и онагра, и безбородаго юношу, неизвѣстнаго происхожденія, какъ, напримѣръ, Гвоздикова, и коннозаводчика, и афериста, и актера, — словомъ, кого угодно, лишь бы, разумѣется, наружность была, какъ говорится, не слишкомъ контрабандная. Въ большинствѣ знакомыхъ Бѣлостоцкій слылъ отличнымъ малымъ и бонвиваномъ,— мнѣніе, которое онъ вполнѣ оправдывалъ на дѣлѣ. Мудрено ли послѣ того, что Бѣлостоцкаго зналъ почти весь городъ? Онъ бился однажды объ закладъ, что на пути отъ Полицейскаго моста до Аничкина встрѣтитъ пятьдесятъ знакомыхъ—и не дойдя до Казанскаго собора успѣлъ уже поклониться восемьдесятъ четыре раза . . . . .

. . . . . .

Мѣсяцъ спустя послѣ сцены въ кафе-ресторанѣ, часу во второмъ передъ обѣдомъ, Бѣлостоцкій отправился навѣстить кой-кого изъ пріятелей: но ни одного изъ нихъ, какъ нарочно, не было дома; не зная, чѣмъ убить остатокъ утра, онъ велѣлъ каретѣ остановиться на Невскомъ проспектѣ и пошелъ пѣшкомъ. Погода стояла самая дурная; снѣгъ валилъ хлопьями, пронзительный вѣтеръ жалобно завывалъ между вывѣсками и наводилъ хандру смертельную. Когда погода ясная, съ вѣтромъ легко помириться, какъ бы онъ ни былъ силенъ,—и особенно на Невскомъ проспектѣ. Онъ, правда, знобитъ точно такъ же носъ и щеки, но зато вознаграждаетъ поминутно пѣшехода, открывая передъ нимъ то узенькую ножку, обутую соблазнительной ботинкой, то тонкій, бѣлый какъ снѣгъ чулокъ, то обрисовываетъ стройную, волнистую талію, ловко перехваченную шалью... Но въ дурную погоду, какъ теперь, когда на улицѣ никого не было, кромѣ извозчиковъ да охтенокъ, вѣтеръ не могъ быть очень пріятенъ. Бѣлостоцкій былъ того же мнѣнія и задумывалъ уже войти въ кафе, когда, поднявъ неожиданно глаза, увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ зрѣлище, которое тотчасъ же приковало его вниманіе.

Почти по серединѣ улицы ѣхала извозчичья коляска съ опущеннымъ верхомъ; въ ней сидѣлъ Черницкій, облѣпленный снѣгомъ; за коляской ѣхала другая коляска, также извозчичья, но порожнякомъ; за нею тянулось гуськомъ трое пустыхъ саней; владѣтели этихъ экипажей, лихачи-извозчики, съ замѣтнымъ безпокойствомъ заглядывали поминутно впередъ, гдѣ сидѣлъ Черницкій, и время

Digitized by Google

отъ времени перекликались съ кучеромъ передней коляски. Черницкій между тѣмъ то опускалъ ноги на дно экипажа, такъ что наружу выглядывала его шляпа и конецъ красно-сизаго, полуотмороженнаго носа, то выпрямлялся, высовывался впередъ и съ ужасомъ озирался на всѣ стороны.

Въ одну изъ такихъ минутъ онъ увидѣлъ Бѣлостоцкаго и пришелъ въ такой восторгъ, что чуть-было не выпрыгнулъ вовсе изъ коляски.

— Стой! стой! держи ближе къ панели; ближе! закричалъ онъ кучеру.—Эй, Бѣлостоцкій! mon cher! погоди, мнѣ нужно сказать тебѣ два слова!..

— Что, братецъ, съ тобою? спросилъ Бѣлостоцкій, когда тотъ очутился подлѣ него на тротуарѣ.—Сначала мнѣ показалось, что ты кого-нибудь хоронишь, да потомъ гляжу, гроба нѣтъ... что за чудо, думаю...

— Полно шутить!.. пренепріятная, братецъ, исторія, отвѣчалъ, переминаясь и морщась, Черницкій, — сдѣлай милость, выручи...

— Охотно, да объясни мнѣ напередъ, что значитъ это шествіе!..

— Э! братецъ, негодяи! просто-таки негодяи! отвѣчалъ Черницкій, бросая презрительные взгляды извозчикамъ, которые впивались въ него глазами.—Я имъ говорю: подождите до перваго числа (ты знаешь, какъ я аккуратенъ), такъ нѣтъ же, нѣтъ; нельзя выѣхать или выйти спокойно: отбою нѣтъ... Вотъ и сегодня... поѣхалъ я къ зятю... жена у меня, братецъ, больна, взялъ коляску — гляжу, одинъ присталъ: заплатите да заплатите; за нимъ другой, тамъ третій,—ну, просто срамъ... если бы не ты, я право не зналъ бы, что мнѣ дѣлать... просто, братецъ, негодяи... сдѣлай милость, mon cher, выручи!..

— Сколько жъ имъ нужно?

— Дай... ну, хоть цѣлковыхъ двадцать!.. сказалъ Черницкій по-французски, принимая небрежную позу и презрительно оглядывая извозчиковъ. — Сегодня же ихъ отдамъ тебѣ... кстати мы вѣдь вмѣстѣ обѣдаемъ нынче у Накатова; часамъ къ пяти у меня будутъ деньги...

— Хорошо, хорошо! но пойдемъ въ кафе; здѣсь, на улицѣ, какъ-то неловко...

— Пойдемъ, пойдемъ!.. я же прозябъ! бррр... спасибо, mon cher!.. Тутъ обратился онъ къ извозчикамъ и приказалъ дожидаться.

Digitized by Google

Они вошли въ кафе.

Черницкій былъ также во многихъ отношеніяхъ человѣкъ достойный замѣчанія.

Сначала, въ юности, онъ подавалъ большія надежды сдѣлаться вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ, и, вѣроятно, оправдалъ бы ихъ, если бъ вдругъ не овладѣла имъ лѣнь, да такая, что, ставъ въ низшемъ классѣ первымъ ученикомъ, очутился въ верхнемъ на задней скамейкѣ, послѣднимъ; къ тому, какъ объяснилось потомъ, мало-по-малу особенно способствовало общество богатыхъ школьниковъ, куда попалъ Черницкій. Зная наперед, что ожидало ихъ впереди, эти богатые товарищи пренебрегали трудомъ, предпочитая ему сладкое отдохновеніе на заднихъ скамейкахъ. Черницкому никто, должно быть, не потрудился объяснить, что у него не было никакого состоянія, и, полный счастливаго невѣдѣнія, онъ слѣдовалъ соблазнительному примѣру. Къ тому же, онъ сызмала еще обнаруживалъ большую склонность къ хорошему обѣду и щегольской одеждѣ, охотнѣе дружился съ тѣми, которые были подостаточнѣе, чувствовалъ непобѣдимое влеченіе сближаться съ товарищемъ хорошей фамиліи и, нужно отдать ему справедливость, обладалъ необыкновенною для его лѣтъ способностью втереться куда угодно, войти въ дружбу, и даже сдѣлаться необходимымъ. Разумѣется, жизнь на чужой счетъ какъ ни легка, однакожъ представляетъ свои неудобства: самолюбіе Черницкаго (а у него было его очень много) частенько получало страшные щелчки. Тогда Черницкій, съ негодованіемъ и злобой, разваливался на диванъ, закуривалъ гаванскую сигару (а для этого стоило только протянуть руку, ибо онъ постоянно проживалъ то у одного изъ богатыхъ товарищей, то у другого) и принималъ рѣшительное намѣреніе найти мѣсто, но такое, однакожъ, гдѣ бы можно было получать большой окладъ и какъ можно меньше работы; такого мѣста, разумѣется, трудно было сыскать, особенно лежа на диванѣ. Но въ это время досада Черницкаго успѣвала уже пройти, и онъ снова погружался въ сладкое бездѣйствіе, добровольно подвергая свое самолюбіе новымъ щелчкамъ.

Тонкіе обѣды вошли въ такую привычку Черницкому, сдѣлались подъ конецъ такою сильною потребностью, что онъ уже началъ нѣкоторымъ образомъ хладнокровно примиряться съ щелчками, и если случалось, что самолюбіе его страдало, онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что въ душѣ

Digitized by Google

зираетъ невѣждъ и смѣется надъ ними. Послѣдняго однакожъ никто не замѣчалъ. Мало-по-малу онъ пересталъ вовсе мечтать о мѣстѣ. Когда уже чрезчуръ приходилось горько, мысли его принимали совсѣмъ другой оборотъ. Онъ ломалъ голову, придумывая средства, какъ бы вдругъ пріобрѣсти большія деньги, или по крайней мѣрѣ заключить такія связи, чтобъ сравняться со степенью, на которой стояла бо́льшая часть его товарищей. Случай скоро представился. Въ него влюбилась одна бѣдная княжна; отецъ княжны, человѣкъ чрезвычайно слабый и добрый, не смѣя противиться волѣ дочери, подписалъ ей въ приданое послѣднее состояніе—тысячъ восемьдесятъ, и отдалъ ее Черницкому. Черницкій тотчасъ обзавелся отличной парой вороныхъ рысаковъ, навѣшалъ шелковыя портьеры, купилъ ящикъ лучшихъ гаванскихъ сигаръ, шесть ящиковъ шампанскаго, бархатныя, шитыя серебромъ туфли—и завалился на кушетку; вставалъ онъ для того только, чтобы идти обѣдать или написать на розовой атласной бумагѣ, издававшей самый тонкій запахъ, приглашеніе на трюфели или страсбургскій пирогъ. Все бы это прекрасно было, да горе въ томъ, что не успѣлъ еще Черницкій докурить до конца ящикъ сигаръ, какъ уже онъ и жена его очутились безъ гроша денегъ. Прошелъ годъ, у Черницкаго родился сынъ, которому отецъ положилъ на зубокъ тысячъ пятнадцать долгу. Нѣсколько лѣтъ спустя, оказалось вчетверо больше дѣтей и на столько же разъ больше долгу. Имъ овладѣла хандра; онъ озлобился на всѣхъ и на все; часть обвиненій пала на жену, которая, въ свою очередь, во всемъ рѣшительно обвиняла мужа. Старый князь помогалъ имъ, сколько могъ; наконецъ и помогать стало нечѣмъ. Кредиторы осадили со всѣхъ сторонъ Черницкаго, но, къ счастью, не послѣдовало большой бѣды; онъ успѣлъ во-время сыскать себѣ мѣсто. Всѣ эти обстоятельства нисколько однакожъ не охладили въ немъ пристрастія къ трюфелямъ, страсбургскимъ пирогамъ, тонкимъ обѣдамъ и винамъ. Дѣло не новое: чѣмъ человѣкъ извѣстнаго круга бѣднѣе, тѣмъ соблазнительнѣе представляются ему всѣ прелести комфорта и роскоши, тѣмъ мучительнѣе чувствуетъ онъ ихъ недостатокъ, особенно если попробовалъ того и другого. Черницкій, на этотъ разъ уже съ горя, бросился снова въ кругъ богатой молодежи, къ которой такъ привыкъ еще сызмала. Но, потому ли, что онъ утрачивалъ съ лѣ-

Digitized by Google

тами свою любезность и веселость, его не встрѣтили уже съ прежнимъ радушіемъ.

Онъ увидѣлъ тогда, что въ этомъ обществѣ не существуетъ задушевныхъ связей, — что тамъ прошлое не имѣетъ никакого значенія, и довольно одного мѣсяца разлуки, чтобъ изъ самаго искренняго, необходимаго пріятеля сдѣлаться совершенно постороннимъ и ненужнымъ,— что тамъ приглашаютъ на обѣды и готовы платить сколько угодно за карту, единственно для того только, чтобы не обѣдать одному, а посреди веселой компаніи, и т. д. Черницкаго однакожъ не отвергли: онъ умѣлъ отлично разрѣзать индѣйку, былъ большой знатокъ въ винахъ, съ необыкновеннымъ вкусомъ и гастрономическимъ знаніемъ умѣлъ составить обѣденную карту, зналъ отъ доски до доски Brillat-Savarin и Petit Carême,—словомъ, былъ необходимъ очень многимъ. Онъ принялъ на себя роль мизантропа, человѣка желчнаго, но разсудительнаго, исполненнаго чувства собственнаго достоинства, и въ этомъ видѣ являлся на всѣ обѣды. Но такъ какъ денегъ уже не было у него вовсе, а чувство собственнаго достоинства не позволяло постоянно обѣдать на чужой счетъ,— пошли съ новою силой маленькіе займы, которые въ образованномъ мірѣ считаются одолженіями, не стоящими чтобъ о нихъ напоминали и много безпокоились. Но со всѣмъ тѣмъ, такъ какъ каждый считаетъ только себя одного въ правѣ терять память въ подобныхъ случаяхъ— кредитъ Черницкаго скоро подорвался. Когда случилось это несчастіе, онъ сталъ прибѣгать къ жалованью, такъ что очень часто въ то время, какъ онъ отправлялся къ Дюссо или Сенъ-Жоржу, его жена, сопровождаемая четырьмя дѣтьми, кухаркой, горничной и даже домашней собакой, шли обѣдать, чѣмъ Богъ послалъ, на Петербургскую сторону, къ старому князю...

Полчаса спустя послѣ сцены съ извозчиками, Бѣлостоцкій разстался съ Черницкимъ, сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ Пассажъ.

VI.

Въ Пассажѣ.

Бѣлостоцкій поднялся на лѣстницу и вошелъ въ кафе Пассажа. У прилавка тѣснилось, по обыкновенію, множество народа. Спиною къ мѣдному шкафику, гдѣ хранятся

Digitized by Google

теплые пирожки, стоялъ Бондаревскій съ блюдечкомъ въ одной рукѣ и рюмкой въ другой; его окружало нѣсколько молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ находились сіамскіе близнецы—Сережа и Лушкевичъ.

— А, Бѣлостоцкій! закричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Здравствуй, братецъ, сказалъ Бондаревскій, кладя въ ротъ кусокъ пирога,—а я только что... постой... гм, гм... чуть было не подавился... я только что хотѣлъ ѣхать къ тебѣ; ты, конечно, не забылъ, что мы сегодня обѣдаемъ у моего друга Накатова?

— Скорѣе нужно тебѣ сдѣлать этотъ вопросъ, смѣясь, отвѣчалъ Бѣлостоцкій,—глядя, какъ ты объѣдаешься пирогами, легко предположить, что память объ обѣдѣ исчезла изъ твоей головы, по крайней мѣрѣ на сегодняшній день...

— Э! любезный, на это не смотри: мой желудокъ, что̀ бездонная бочка... А! m-r Гвоздиковъ! Какая счастливая звѣзда привела васъ сюда?..

Гвоздиковъ, бившійся въ продолженіе этой сцены изо всей мочи, чтобы попасть на глаза Бондаревскому или его пріятелямъ, заколыхался какъ былинка, бормоча сквозь зубы: „Enchanté, m-r Бондаревскій... здравствуйте, господа... la santé, m-r Бѣлостоцкій?..“ затѣмъ поспѣшилъ онъ подать руку каждому изъ нихъ.

— Ухъ! какъ вы больно жмете! ухъ! я не думалъ, Гвоздиковъ, чтобъ вы были такъ сильны; вы, просто, атлетъ! вскричалъ Бондаревскій, щелкая пальцами,—ухъ, за это слѣдуетъ вознаградить себя еще пирожкомъ... совѣтую и вамъ, Гвоздиковъ, сдѣлать то же самое за труды ваши... Бѣлостоцкій, пироги, право, отличные... хоть бы твоему повару... попробуй...

— И мнѣ также пирожокъ! пробормоталъ Гвоздиковъ, не зная ужъ чѣмъ поправить свое смущеніе.

— Господа, сказалъ Бондаревскій,—я готовъ, пойдемте пошляться въ Пассажъ...

— Пойдемте, возразилъ Бѣлостоцкій,—я давно тамъ не былъ.

— Позвольте, господа, и мнѣ съ вами, робко произнесъ Гвоздиковъ, вытягивая голову и стараясь улыбнуться какъ можно пріятнѣе.

— А пирогъ вашъ? спросилъ Бондаревскій.

— Нѣтъ-съ, я вѣдь это такъ только... отъ нечего дѣлать... pour la compagnie, отвѣчалъ юноша съ изумрудными зубами, торопливо ставя б[illegible]

Digitized by Google

Молодые люди вышли изъ кафе въ Пассажъ.

Гвоздиковъ не чувствовалъ ногъ подъ собою отъ восхищенія; онъ безпрестанно забѣгалъ то съ одной стороны, то съ другой, желая показать, что знакомъ не съ однимъ человѣкомъ хорошаго тона, что всѣ ему равно знакомы.

— Ну, Бѣлостоцкій, какой насъ ожидаетъ спектакль сегодня,— чудо! началъ Бондаревскій.—Да и всѣмъ вамъ объявляю, господа, будетъ весело! представьте себѣ Накатова богачомъ, окруженнаго великолѣпіемъ... умора!

— Ужъ будто такое великолѣпіе? спросилъ Бѣлостоцкій.

— Помилуй, братецъ; квартира графа Боржинскаго,— чего же больше...

— Да въ самомъ ли дѣлѣ получилъ онъ такое богатое наслѣдство? Мнѣ что-то, право, не вѣрится...

— Чего же тутъ не вѣрить! состояніе его бабушки очень извѣстно; говорятъ, болѣе ста тысячъ годового дохода...

— Я даже слышалъ гораздо болѣе, господа, замѣтилъ Гвоздиковъ, забѣгая впередъ, — мнѣ говорили навѣрное: двѣсти тысячъ... кромѣ этого, у его бабушки, я самъ это очень хорошо знаю, было нѣсколько милліоновъ...

— Ну, я не думаю! произнесъ Бондаревскій, насмѣшливо глядя ему въ глаза.

— Я вамъ даю честное слово, сказалъ Гвоздиковъ, краснѣя до ушей.

— Я все-таки не понимаю, какъ онъ успѣлъ такъ скоро устроиться?..

— Въ одинъ-то мѣсяцъ! Вотъ прекрасно! То ли еще можно надѣлать въ мѣсяцъ съ деньгами... Къ тому же квартира Боржинскаго была уже отдѣлана, стоило только нанять людей да купить лошадей...

— А лошади, господа, у Накатова отличныя, перебилъ Сережа,—я видѣлъ, тамъ есть одинъ жеребецъ караковой масти—чудо! идеальная лошадь!..

— Нѣтъ, видѣлъ ли ты у него вороную кобылу, которую купилъ онъ у Аникѣева? Вотъ лошадь, такъ лошадь, нечего сказать, замѣтилъ Лушкевичъ.

— Что̀ лошади, господа! воскликнулъ Бондаревскій.— Лучшее пріобрѣтеніе Накатова—поваръ.

— Ахъ, да, отличный поваръ! сорвалось какъ-то неожиданно съ языка Гвоздикова.

Digitized by Google

— Вы развѣ обѣдали у Накатова? живо спросилъ Бондаревскій.

— Да... нѣтъ-съ, то-есть я только завтракалъ... пробормоталъ юноша съ изумрудными зубами, поспѣшно вставляя въ лѣвый глазъ стеклышко и принимаясь разсѣянно оглядывать магазины.

— Куда вы, господа? Сережа, куда? спросилъ Бондаревскій, обращаясь къ красавцамъ, которые повернули было назадъ. — А! понимаю, желаю успѣха! продолжалъ онъ, лукаво подмигивая на окно моднаго магазина, куда, казалось, направлялись молодые люди.

— Эти господа вѣрно къ Пальмирѣ, замѣтилъ Гвоздиковъ.—Ахъ! какая милая женщина эта Пальмира!.. Вы ее знаете, m-r Бѣлостоцкій?.. нѣтъ?.. хотите, я васъ познакомлю... это мой другъ...

— Ужъ по крайней мѣрѣ не разочаровывайте же насъ заранѣе... описаніемъ, сказалъ Бѣлостоцкій.—Что это, братецъ, какъ онъ начинаетъ надоѣдать, прибавилъ онъ, наклонившись къ Бондаревскому.

— Вы куда, m-r Гвоздиковъ? спросилъ тотъ, останавливаясь внезапно посреди Пассажа.

— Я... прямо-съ... отвѣчалъ юноша нерѣшительно.

— Въ такомъ случаѣ до свиданія... Мы идемъ наверхъ...

— Впрочемъ, мнѣ все равно, я вѣдь это только такъ, спохватился Гвоздиковъ,—я также пойду наверхъ; тамъ какъ-то прохладнѣе.

Бѣлостоцкій и Бондаревскій, не отвѣчая ему, повернули назадъ и пошли прямо. Но не успѣли они сдѣлать пяти шаговъ, какъ уже Гвоздиковъ нагналъ ихъ и, силясь попасть въ ногу съ Бѣлостоцкимъ, сказалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, наверху скучно съ тѣхъ поръ, какъ выѣхала вафельщица. Она была очень хорошенькая... Вы знали ее, господа?

— Экой неотвязчивый! пробормоталъ Бѣлостоцкій.

— Кого ты бранишь? спросилъ Бондаревскій, глядя на Гвоздикова и едва удерживаясь отъ смѣху.

— Вотъ этого господина, отвѣчалъ Бѣлостоцкій, указывая глазами на шедшаго по близости толстяка,—онъ лишаетъ насъ удовольствія идти въ рядъ съ господиномъ Гвоздиковымъ.

Жиденькій станъ Гвоздикова заколыхался; онъ проворно приложилъ руку къ шляпѣ и, пробравшись бочкомъ между

толстякомъ и Бѣлостоцкимъ, заботливо притиснулся къ плечу послѣдняго.

Бондаревскій разразился хохотомъ.

— Полно, братецъ, смѣяться, сказалъ Бѣлостоцкій, повертываясь спиною къ Гвоздикову, — скажи-ка лучше, что ты завтра дѣлаешь... не хочешь ли у меня обѣдать?

— Чудесно! я даже объ этомъ думалъ.

— Вы вѣдь, кажется, живете въ Милліонной, m-r Бѣлостоцкій? нѣжно спросилъ Гвоздиковъ.

— Да-съ; а что?

— Если вы позволите... мнѣ было бы очень пріятно... прибавилъ онъ, корчась, улыбаясь и колыхаясь въ одно и то же время.

Бѣлостоцкій сухо поклонился.

— Вы въ которомъ часу обѣдаете обыкновенно, m-r Бѣлостоцкій? продолжалъ разспрашивать Гвоздиковъ, щуря глазки и стараясь придать своей физіономіи самое пріятное выраженіе.

— Какъ случится, отвѣчалъ тотъ,—меня можно застать каждый день въ десять часовъ утра.

Сказавъ это, онъ взялъ Бондаревскаго подъ руку и ускореннымъ шагомъ пошелъ впередъ.

Гвоздиковъ побѣжалъ за ними.

Въ ту минуту, какъ они настигали сіамскихъ близнецовъ, рисовавшихся передъ окномъ Пальмиры, головка которой мелькала между висѣвшими за стекломъ манжетками, кружевами и пелеринками, двери Пассажа растворились и на порогѣ появился Накатовъ. Въ его движеніяхъ замѣтна была большая перемѣна, онъ выступалъ медленнѣе, положительнѣе, пыхтѣлъ, какъ будто платье во всѣхъ частяхъ было ему узко, и безпрестанно сморкался въ батистовый платокъ, вѣроятно, чтобы показать великолѣпный брильянтовый перстень на указательномъ пальцѣ; онъ дѣлалъ это такъ ловко, что каждый, взглянувшій на перстень, долженъ былъ также замѣтить шитые гербы, увѣнчанные короной на углахъ платка. Увидя пріятелей, онъ сунулъ какъ можно скорѣе платокъ въ карманъ бекешки и пошелъ къ нимъ навстрѣчу; веселая улыбка смѣнила величавое выраженіе, которое всячески старался онъ натянуть на круглое лицо свое.

— Здравствуйте, господа, произнесъ онъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ,—очень рады васъ видѣть.

Digitized by Google

Присутствующіе поочередно подали ему руку, сохраняя, по возможности, комически-почтительный видъ.

— Господа, началъ Накатовъ, слегка поклонившись,— вы не хотѣли сдѣлать мнѣ чести посѣтить меня въ хижинѣ, надѣюсь, не откажете навѣстить въ палатахъ... Вы, я думаю, не забыли, что обѣдаете у меня сегодня?.. и, какъ бы испугавшись того, чтобъ не подумали, что онъ слишкомъ уже дорожитъ посѣщеніемъ, отступилъ шагъ назадъ, поднялъ голову и продолжалъ:—Впрочемъ, господа, если вамъ что̀ непріятно, я не напрашиваюсь... Тутъ Накатовъ опустилъ голову, принялъ самую смиренную наружность и, слегка пожимая плечами, прибавилъ:—Согласитесь сами... имѣя маленькое, такъ только крошечное состояніе... но независимое впрочемъ... смѣшно было бы...

— Вотъ вздоръ какой!..

— Полно, что̀ за пустяки...

— Помилуй, братецъ, что̀ ты врешь! перебилъ смѣясь, Бондаревскій,—мы очень рады бывать у тебя и не позже нынѣшняго обѣда докажемъ, какъ охотно пользуемся твоимъ дружескимъ приглашеніемъ...

Слова Бондаревскаго возвратили Накатову нормальное состояніе духа. Онъ повеселѣлъ, и лицо его прояснилось.

— Скажи, душа моя, спросилъ Бондаревскій,—правда ли, говорятъ, что бабушка оставила тебѣ нѣсколько милліоновъ?

Краска удовольствія показалась даже на бѣлкахъ Накатова.

— Ну, милліоны, не милліоны... но такъ себѣ... пробормоталъ онъ, засмѣявшись.—Кто жъ это говоритъ?..

— Да, вотъ m-r Гвоздиковъ сообщилъ намъ сегодня эту новость...

Накатовъ приложилъ руку къ шляпѣ и потомъ, какъ бы въ разсѣянности, опустилъ ее прямо въ руку Гвоздикова; но пожатіе его было такъ сильно, вѣроятно также по разсѣянности, что юноша невольно вскрикнулъ и поднялъ лѣвую ногу.

— Ахъ, Боже мой, у меня совсѣмъ изъ головы вышло! воскликнулъ Накатовъ.—Извините меня, Гвоздиковъ, къ тому же мой мажордомъ не зналъ вашей квартиры... пожалуйста не забывайте меня... да вотъ приходите сегодня обѣдать съ этими господами...

Гвоздиковъ чуть не плакалъ отъ радости.

Digitized by Google

— Что жъ вы тутъ остановились, господа? пойдемте гулять по Пассажу, промолвилъ Накатовъ, охорашиваясь.

— Какъ, развѣ ты не видишь, что насъ сюда привлекаетъ? отвѣчалъ Бондаревскій, указывая глазами на окно моднаго магазина.— Посмотри, какая хорошенькая француженка...

— Гдѣ? какая, какая француженка? закричалъ Накатовъ, повертываясь во всѣ стороны.

— Пальмира! отвѣчали въ одинъ голосъ сіамскіе близнецы.

— Какъ! Какая Пальмира?.. ахъ, вижу, чудо! чудо! заговорилъ Накатовъ, окончательно забывая свое достоинство.

— Ну, влюбился...

— Господа, сказалъ радостно Гвоздиковъ,—позвольте мнѣ васъ съ нею познакомить?.. это мой другъ... я тамъ очень хорошо знакомъ... m-r Накатовъ и m-r Бѣлостоцкій... Messieurs... пойдемте къ ней... она будетъ очень рада...

— Ахъ, сдѣлайте милость, познакомьте! познакомьте! воскликнулъ Накатовъ, то пожимая руку Гвоздикова, то порываясь къ окну.

Гвоздиковъ торопливо отворилъ стеклянную дверь, и толпа ввалилась въ узенькій магазинъ модистки.

Первое движеніе хорошенькой француженки не обнаружило однакожъ той радости, которую обѣщалъ Гвоздиковъ.

— Qu'est ce que cela veut dire? Que voulez-vous, messieurs?.. сказала она, подходя къ конторкѣ и устремляя поочередно строгіе глазки свои на вошедшихъ.

— Гвоздиковъ, что жъ вы прячетесь?.. произнесли въ одно время Бѣлостоцкій и Бондаревскій по-французски.— Представьте же насъ m-lle Пальмирѣ...

Гвоздиковъ, казалось, искалъ только случая ускользнуть отъ взглядовъ француженки; но такъ какъ дѣлать уже было нечего, онъ пробормоталъ что-то сквозь зубы, выступилъ впередъ и, переминая въ рукахъ шляпу, поклонился Пальмирѣ.

— Какъ! вы опять здѣсь? Милостивый государь, воскликнула она, окинувъ его съ головы до ногъ съ явнымъ неудовольствіемъ, — какъ вы смѣли войти ко мнѣ? мало того, что вы торчите по цѣлымъ часамъ у моего окна, такъ что собираете всегда вокругъ ватагу, мало того, что приходите надоѣдать мнѣ каждый день, вы вздумали еще

Digitized by Google

водить вашихъ пріятелей... Я вамъ уже сказала, чтобы вы не смѣли входить ко мнѣ...

— Mais... m-lle Palmyre... пролепеталъ Гвоздиковъ страдальчески смущеннымъ голосомъ.

— Извольте выйти вонъ! крикнула Пальмира, указывая ему на дверь.

— Mais... m-lle Palmyre... снова повторилъ юноша, замирая отъ стыда и страха.

— N'osez pas prononcer mon nom!.. sortez, m-r, sortez!..

— Mais... m-lle Palmyre... простоналъ Гвоздиковъ сквозь слезы.

— Sortez vous dis-je!

Тутъ Пальмира топнула ножкой, вышла изъ-за прилавка и отворила дверь.

Гвоздиковъ понурилъ голову и какъ собачонка, надъ которой держатъ кнутъ, поплелъ изъ магазина, произнося едва внятно: „Mais m-lle Palmyre...“ Далѣе нельзя было ничего разслышать: дверь магазина захлопнулась за несчастнымъ Гвоздиковымъ.

— Если вы пришли сюда изъ любопытства, господа, весело начала Пальмира, оглядывая ихъ кокетливо,— вамъ, кажется, ничего больше не останется здѣсь дѣлать...

— Бога ради, извините насъ, m-lle Palmyre, началъ Бондаревскій,—мы никогда не рѣшились бы васъ безпокоить, если бъ не этотъ господинъ: онъ увѣрилъ насъ, что хорошо съ вами знакомъ, и взялся насъ представить...

— Comment! ce petit monsieur-là?

Тутъ Пальмира залилась громкимъ хохотомъ, что привело въ совершенный восторгъ Накатова, не переставшаго бросать на модистку нѣжныхъ медовыхъ взглядовъ и повторять: „чудо! прелесть! смерть люблю француженокъ!..“

— Какъ! продолжала Пальмира,—онъ имѣлъ наглость увѣрять васъ, что знакомъ со мною... о! вы должны были заключить очень дурно о моемъ вкусѣ... ха, ха, ха!.. Да знаете ли, что се petit monsieur такъ надоѣлъ мнѣ, что я каждый разъ гоню его вонъ...

— О, нѣтъ... нѣтъ... совершенно напротивъ: мы имѣемъ отличное мнѣніе о вашемъ вкусѣ, замѣтилъ Накатовъ, пыжась какъ индѣйскій пѣтухъ и закатывая глаза подъ лобъ.

Пальмира посмотрѣла на него, закусила губы и продолжала:

Digitized by Google

— Во-первыхъ, нужно вамъ сказать, господа, что я вовсе не знаю этого маленькаго господина; знаю только, что у него очень скверные зубы, глупое лицо, и что самъ онъ еще глупѣе своей наружности... Онъ пришелъ разъ ко мнѣ и для знакомства принялся, ни съ того ни съ сего, повѣрять свои сердечныя тайны: что онъ влюбленъ въ какую-то актрису, что сочинилъ для нея пьесу, что хочетъ на ней жениться, что препятствуютъ ему родители, которые, какъ увѣряетъ, богачи и аристократы... et que sais-je encore... ah! bah! какое мнѣ дѣло! я это ему очень хорошо объяснила, а онъ все-таки каждый день является... Mais savez-vous qu'il es très-insupportable... ce petit monsieur-là!..

— Чудо! прелесть! смерть люблю француженокъ! жизнь! огонь! вскричалъ Накатовъ, дергая поочередно каждаго изъ своихъ пріятелей.

— Que dit monsieur?

— Il dit ce que nous pensons tous,—que vous êtes charmante! сказалъ Бѣлостоцкій, положивъ локоть на конторку и прошептавъ еще что-то сквозь зубы.

— Только-то! возразила, слегка краснѣя, Пальмира,— прошу васъ, однакожъ, господа, не мѣшать мнѣ: я сегодня очень занята...

— Кѣмъ?

— Этимъ чепцомъ.

— Извините насъ, m-lle Palmyre, произнесъ Бондаревскій, дергая Накатова, который не спускалъ съ нея глазъ и начиналъ уже издавать какіе-то неопредѣленные стоны.

— Постой, братецъ, я куплю что-нибудь.

— Ну, вотъ еще...

— Que dit monsieur?

— Il veut acheter un voile...

— Parle-t-il le français, ce monsieur? спросила Пальмира, едва удерживаясь отъ смѣху, возбуждаемаго взглядами и лицомъ Накатова.

— Non...

— Il sait donc que ça lui irait bien... un voile... задыхаясь, прибавила она.

— Что стоитъ, мадемуазель... ву зетъ жоли...

— Сесі, 30 roub. arg., сесі 15...

— Полно, зачѣмъ тебѣ?

— Да такъ, братецъ... вѣдь это бездѣлица... все лучше надо задобрить... я заплачу деньги и скажу, что пришлю

Digitized by Google

за вещами моего мажордома или грума, да и оставлю у нея... понимаешь?.. Накатовъ вынулъ бумажникъ, подошелъ съ сіяющимъ лицомъ къ Пальмирѣ и, развернувъ толстую пачку депозитокъ, заплатилъ деньги, не переставая бросать ей значительные взгляды.

Пальмира улыбнулась, но уже не насмѣшливо.

У Накатова окончательно зарябило въ глазахъ.

Поболтавъ еще нѣсколько минутъ, молодые люди вышли изъ лавки очень довольные своимъ похожденіемъ. Накатовъ былъ въ восторгѣ; онъ тутъ же объявилъ, что лучшей женщины не видывалъ и что не упуститъ ее ни за что въ свѣтѣ изъ виду... Только-что они вошли въ Пассажъ, Гвоздиковъ пересѣкъ имъ дорогу.

— Извините меня, господа... m-r Бѣлостоцкій... pardon... mille pardons...

— Что вы все ко мнѣ обращаетесь?.. возразилъ тотъ, начинавшій уже терять терпѣніе.

— Извините, господа, я, право, не понимаю, что̀ съ ней сегодня... она должно быть не въ духѣ... или что-нибудь такое...

— Э, э, любезнѣйшій! перебилъ Накатовъ, трепля его по плечу,—а говоритъ еще: другъ, другъ; вотъ вамъ и дружба... а женщина-то какая,—прелесть!..

Накатовъ приложилъ палецъ къ губамъ и сладко чмокнулъ.

Гвоздиковъ началъ было снова свои оправданія, но молодые люди прошли мимо, стараясь показать, что хотятъ гулять одни. Не знаю, замѣтилъ ли это наконецъ Гвоздиковъ, или удержало его позорное пораженіе у Пальмиры, но только онъ пошелъ одинъ, и, вставивъ стеклышко въ глазъ, безпечно сталъ оглядывать окна магазиновъ.

— Мнѣ однакожъ пора, господа, сказалъ Накатовъ,— прощайте...

— Куда ты?

— Да нужно до обѣда побывать еще кое-гдѣ...

— О, злодѣй! опять вѣрно какая-нибудь испанка.— Ну, признайся...

Накатовъ побагровѣлъ отъ досады.

— Что жъ мудренаго, продолжалъ Бондаревскій какъ можно серьезнѣе,—съ твоимъ-то состояніемъ, вотъ славно! Да, господа, adieu les amours!.. Накатовъ съ своими милліонами того и смотри заберетъ все къ себѣ... кончено...

Digitized by Google

Накатовъ испустилъ истерическій хохотъ, ударилъ Бондаревскаго по плечу и, повторивъ пріятелямъ, что ждетъ ихъ обѣдать къ пяти часамъ, повернулся на каблучкѣ; закинувъ назадъ голову, раздувъ щеки, направился онъ къ выходу Пассажа, не переставая снова подносить къ носу батистовый платокъ съ гербами.

У дверей Пассажа его остановилъ Гвоздиковъ.

— Извините, m-r Накатовъ, сказалъ онъ, робко взявъ его за руку, — я, право, не виноватъ, что она на меня сердится...

— Кто? спросилъ Накатовъ, глядя во всѣ глаза.

— Пальмира, m-r Накатовъ.

— А! славная!

— Я вѣдь, ей-Богу, очень хорошо съ нею знакомъ... у насъ вышли маленькія непріятности... вотъ отчего все это...

— Гм! перебилъ Накатовъ, выставляя грудь и охорашиваясь;—постойте, я съ нею познакомлюсь и помирю васъ... ха, ха, ха!.. у насъ уже кое-что... того...

— Она уже мнѣ давно говорила про васъ...

— Неужто?

— Разумѣется, m-r Накатовъ, отвѣчалъ Гвоздиковъ, скромно опуская глаза,—съ вашимъ состояніемъ, конечно... то-есть, конечно, лучше сказать... имѣя милліоны, можно все... это не то...

— Да скажите пожалуйста, душа моя, кто же вамъ сказалъ, что у меня милліоны? спросилъ Накатовъ полушутливо, полу-покровительственно.

— Всѣ-съ, отвѣчалъ тотъ голосомъ невинности.

— Ну, а Пальмира знаетъ, что я... очень богатъ?

— Помилуйте, m-r Накатовъ, да кто жъ этого не знаетъ... весь городъ...

Накатовъ пожалъ руку Гвоздикову, но опять-таки съ такою силой, что тотъ снова вскрикнулъ и поднялъ лѣвую ногу.

— Пріѣзжайте же обѣдать сегодня... мы поговоримъ объ этомъ... главное—ни слова никому вы...

— Какъ рыба! кончилъ Гвоздиковъ, догадавшись, что дѣло шло о скромности.

— Въ такомъ случаѣ мы, надѣюсь, сойдемся... прощайте!..

— Enchanté... m-r Накатовъ... au revoir!..

Въ то время, какъ этотъ разговоръ происходилъ на

Digitized by Google

одномъ концѣ Пассажа, въ другомъ разыгралась довольно забавная сцена.

— Стойте, господа, сказалъ Бондаревскій, удерживая на мѣстѣ своихъ пріятелей, — посмотрите наверхъ... на галлерею... правѣе, правѣе...

— Э, да это, кажется, Черницкій, подхватилъ Бѣлостоцкій.—Куда онъ бѣжитъ?..

— Ха, ха, ха! развѣ ты не видишь, что за нимъ гонятся Бирбауеръ и Тарасенко?... бѣдный Черницкій,—вотъ steple-chasse!.. Сережа, ты англоманъ, долженъ это любить...

— Кто эти два? спросилъ Сережа.

— Два мошенника, дающіе подъ залогъ деньги...

— А!..

Не прошло минуты, какъ Черницкій показался въ полномъ блескѣ на галлереѣ, преслѣдуемый двумя скверными рожами, съ которыхъ потъ лилъ ручьями.

— Однакожъ, господа, если мы здѣсь останемся, онъ насъ сію минуту увидитъ, и намъ придется...

— Да, я уже имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ нимъ сегодня, сказалъ Бѣлостоцкій,—встрѣчу еще разъ у Накатова, и, право, кажется, довольно... пойдемте ближе къ магазинамъ; къ тому же мнѣ надо еще до обѣда отдать два визита... Ахъ, Боже мой! Гвоздиковъ идетъ опять навстрѣчу; кажется, онъ побился объ закладъ, что не отстанетъ отъ насъ сегодня...

— Постой, смѣясь, перебилъ Бондаревскій,—я сыграю съ нимъ отличную штуку... М-г Гвоздиковъ! крикнулъ онъ, подзывая рукою юношу,—вы не встрѣтили Черницкаго?..

— Нѣтъ-съ...

— Онъ, кажется, ищетъ васъ здѣсь; вы найдете его наверху.

— Мегсі, m-r Бондаревскій, отвѣчалъ Гвоздиковъ, пожимая ему трепетно руку,—au revoir!..

Онъ вставилъ стеклышко въ глазъ и побѣжалъ отыскивать Черницкаго.

— М-г Гвоздиковъ! М-г Гвоздиковъ! послышался сиповатый голосъ сверху.

Гвоздиковъ поднялъ голову и увидѣлъ Черницкаго, который перегнулся черезъ перила и махалъ ему рукою.

— Bonjour!..

— Подождите меня, Гвоздиковъ, я сейчасъ сойду внизъ...

И Черницкій стремглавъ пустился съ лѣстницы, преслѣдуемый Бирбауеромъ и Тарасенко.

Digitized by Google

— Здравствуйте, другъ мой, началъ онъ, подавая за спиною знакъ двумъ рожамъ, чтобъ онѣ осадили.—Вотъ случай, продолжалъ Черницкій, простодушно пожимая руку Гвоздикова.—Я васъ искалъ, чтобы... отдать вамъ... помните въ кафе... ахъ, да кстати... я узналъ отъ Пальмиры — она шьетъ моей женѣ платья — что вы перевели драму съ французскаго, и уже говорилъ объ этомъ одному знакомому литератору; меня очень обрадовало, что вы выбрали эту пьесу; пьеса отличная.

— Ахъ, mercі, mercі, m-r Черницкій; я не знаю, какъ васъ благодарить, сказалъ Гвоздиковъ, вспыхнувъ до ушей.

— Не за что, не за что... одолженіе за одолженіе; дѣло въ томъ, что пьеса-то хороша; вы отлично-умно сдѣлали, что перевели ее... я видѣлъ ее нѣсколько разъ у французовъ и плакалъ какъ ребенокъ... особенно монологъ одинъ... а также весь характеръ Эрнестины... помните ли, когда она говоритъ... гм! гм!.. ну, да все равно... Не знаю, какъ вамъ удалось передать это по-русски, впрочемъ, вы должны хорошо владѣть языкомъ, вашъ дѣдушка... Ну, да мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе... вѣдь вы, разумѣется, обѣдаете сегодня съ нами у Накатова? — (Черницкій съ безпокойствомъ оглянулся на стороны)—Я нарочно устрою такъ, чтобъ Бѣлостоцкій пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать... тамъ будетъ пріятель мой литераторъ, и дѣло у насъ пойдетъ ладно... не пренебрегайте только, прошу васъ убѣдительно, искусствомъ, умоляю васъ объ этомъ, ничто такъ не возвышаетъ человѣка, какъ искусство!..

Тутъ Черницкій, говорившій съ большимъ жаромъ, снова оглянулся на стороны и вдругъ, сдѣлавъ отчаянное движеніе, прильнулъ къ Гвоздикову и шепулъ ему въ ухо:

— Нѣтъ ли у васъ пятидесяти цѣлковыхъ?..

Гвоздиковъ радостно засунулъ руку въ боковой карманъ. Встревоженное лицо Черницкаго просіяло мгновенно; онъ тотчасъ же принялъ видъ безпечнаго, разсѣяннаго человѣка и презрительно взглянулъ на ростовщиковъ. Тѣ вздохнули свободнѣе и обтерли клѣтчатыми платками лицо...

VII.

Новоселье.

— Смотри же, Гаврила, чтобъ все исполнено было, какъ я приказывалъ, заботливо говорилъ Накатовъ старому

своему камердинеру, одѣтому точь-въ-точь, какъ обѣщалъ баринъ: въ широкій фракъ, обшитый пестрыми гербами, бѣлый, длинный жилетъ, высокое жабо и черные брюки, доходившіе до колѣнъ.—Смотри же, чтобъ ни въ чемъ не было задержки, продолжалъ онъ, стараясь скрыть волненіе, кидавшее его то въ жаръ, то въ холодъ,—а главное, повтори имъ еще разъ, чтобы не стучали ногами и не суетились: это нейдетъ... ты здѣсь мажордомъ... твое дѣло смотрѣть за этимъ...

Разсуждая такимъ образомъ, Накатовъ одѣвался въ самое старое платье, придавая ему какъ можно больше небрежности и запущенности. Ему хотѣлось, во что бы ни стало, показать передъ пріятелями равнодушіе къ новому положенію; замѣнивъ сюртукъ старымъ пальто, придавъ туалету встрепанный видъ, онъ былъ въ полномъ убѣжденіи выразить, что нимало не удивляется окружающей его роскоши, что привыкъ къ богатству еще съ дѣтства и только вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ не пользовался имъ ранѣе.

— Ахъ, да, вотъ еще что, Гаврила, продолжалъ онъ, охорашиваясь передъ зеркаломъ и взъерошивая дрожащею рукою волосы, — помни, пожалуйста, что я тебѣ говорилъ насчетъ стола: какъ только увидишь, что кончили супъ, сейчасъ же вели подавать хересъ, да повтори еще Ивану и Петру, чтобъ не смѣли спрашивать: „прикажете хересу?“ а просто бы наливали въ рюмку... Ну, а какъ только начнутъ жаркое, подавать шампанское... да чтобъ не смѣли хлопать пробками: теперь это не дѣлается... ты мажордомъ, это твое дѣло; слышишь, Гаврила Петровъ?..

— Слушаю-съ, отвѣчалъ старикъ, опуская какъ бы въ изнеможеніи голову.

— Не забудь также, чтобъ камины не переставали горѣть... приставь тамъ кого-нибудь... да прикажи накурить хорошенько въ комнатахъ и швейцарской...

— Ужъ и такъ два раза курили, Борисъ Борисычъ, со вздохомъ отвѣчалъ мажордомъ.

— Эка бѣда! пусть еще покурятъ,— это не мѣшаетъ... Который часъ?

Мажордомъ вынулъ изъ кармана свою луковицу и произнесъ:

— Четверть пятаго.

— Позови ко мнѣ швейцара! или нѣтъ, я лучше самъ

Digitized by Google

скажу. Распорядись же, смотри, насчетъ каминовъ и куренья.

Сказавъ это, Накатовъ вышелъ изъ кабинета.

Онъ прошелъ нѣсколько комнатъ, великолѣпно убранныхъ, оглядываясь направо и налѣво и кивая головою лакеямъ, которые вскакивали какъ пружинныя куклы, какъ только онъ проходилъ мимо.

— А гдѣ Иванъ? спросилъ Накатовъ, останавливаясь на верхней ступени парадной лѣстницы.—Иванъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ высокому, плечистому человѣку въ богатой ливреѣ, — помнишь ли, что я тебѣ приказывалъ?.. Возьми звонокъ и стань на свое мѣсто.

Накатовъ поспѣшно сошелъ по ковру, устилавшему лѣстницу, и подошелъ къ швейцару, стоявшему у дверей съ булавой въ рукѣ.

— Помнишь, что я тебѣ приказывалъ? спросилъ Накатовъ, оглядывая его съ головы до ногъ.

— Какъ же, сударь.

— Полно, такъ ли?.. будь внимателенъ... ну, вотъ я, положимъ, гость, вхожу въ переднюю и отдаю шубу,—что ты дѣлаешь?..

Швейцаръ бросился какъ угорѣлый къ звонку, привѣшенному къ периламъ, и началъ трезвонить изо всѣхъ силъ. Вверху, надъ швейцарской, послышался другой звонокъ, который мгновенно распространился по всѣмъ остальнымъ комнатамъ.

— Довольно! хорошо! прикнулъ Накатовъ, отвернувшись, чтобы скрыть самодовольную улыбку, которая, вопреки усилій выдержать во все это время строгую, величавую физіономію, задрожала на губахъ его.

Онъ снова поднялся на лѣстницу и пошелъ въ столовую, высокую комнату, оклеенную лакированной бумагой подъ цвѣтъ корельской березы. Оглянувъ столъ, Накатовъ повторилъ еще разъ лакеямъ наставленія, сообщенныя мажордому.

— А приготовлены ли другіе канделябры и вазы для шампанскаго? спросилъ онъ неожиданно. — Смотрите же, какъ только прикажу взять со стола эти и поставить другіе, чтобы тотчасъ же было исполнено!.. да не зѣвать у меня и не суетиться.

Съ этими словами онъ вышелъ въ другую комнату и, очутившись наединѣ, вдругъ подпрыгнулъ на воздухъ, сдѣлалъ что-то въ родѣ антраша и радостно потеръ руки.

Въ самую эту минуту въ швейцарской послышался звонокъ, звонокъ вверху подхватили, и вмигъ квартира наполнилась пронзительнымъ трезвономъ. Накатовъ встрепенулся какъ заяцъ, заслышавшій выстрѣлъ; онъ кинулся въ гостиную, окинувъ себя въ зеркало, схватилъ со стола романъ графини Дашъ, котораго не забылъ приберечь на всякій случай, и поспѣшно развалился на диванѣ, спиною къ двери, но такъ, однакожъ, чтобы было видно, кто войдетъ въ комнату. Положивъ ноги на бархатную спинку дивана и упершись нарочно каблукомъ въ рѣзьбу, онъ развернулъ книгу и направилъ глаза къ двери. Въ дверяхъ послышались робкіе шаги.

— Кто тамъ пріѣхалъ?.. не графъ ли Хивцовъ? спросилъ Накатовъ, не поворачивая головы и какъ бы обращаясь къ лакею.

— Нѣтъ-съ... это я-съ, произнесъ позади нѣжный, взволнованный голосъ.

— Ахъ! это вы, Гвоздиковъ! воскликнулъ Накатовъ, закрывая книгу и медленно подымаясь съ дивана. — Простите... я думалъ... очень радъ, очень радъ васъ видѣть... Садитесь, присовокупилъ онъ, подавая ему руку.

— Ахъ, какъ у васъ прекрасно, m-r Накатовъ! вымолвилъ Гвоздиковъ, оглядывая съ преувеличеннымъ изумленіемъ комнату и принимая видъ человѣка, попавшаго не на свое мѣсто и потому неловкаго.

Накатовъ засмѣялся и сказалъ, какъ бы стараясь ободрить гостя:

— Э! нѣтъ, какое... очень обыкновенно... это только, знаете ли, съ перваго разу такъ кажется... впрочемъ, можетъ-быть, потому, что я привыкъ. Много неудобствъ: нѣтъ зимняго сада, зелени, банановъ, скромно продолжалъ Накатозъ, — я очень люблю бананы... Пойдемте, я вамъ покажу другія комнаты... Я знаю, у васъ очень много вкуса, прибавилъ онъ, вставая и направляясь въ гостиную.

— Вотъ гдѣ будетъ у меня зимній садъ, сказалъ онъ, махнувъ рукою.

— Ахъ, какіе обои! неужели, m-r Накатовъ, вы ихъ не пожалѣете? спросилъ Гвоздиковъ, чуть не со слезами.

— Неужели они вамъ нравятся? помилуйте, что вы! это дрянь!.. тутъ по-настоящему слѣдовало бы быть бархату!..

— Какъ, цѣлыя стѣны бархатомъ! воскликнулъ юноша, всплеснувъ руками.

Digitized by Google

Накатовъ засмѣялся.

— Разумѣется, что жъ такое!.. вотъ эта комната останется какъ есть, она дѣйствительно удобна...

— Ахъ, m-r Накатовъ! чудо, чудо!

Гвоздиковъ снова всплеснулъ руками.

— О, да вы, какъ я вижу, человѣкъ съ большимъ вкусомъ!.. въ такомъ случаѣ, пойдемте же, я вамъ покажу мой кабинетъ... войдите сюда...

Накатовъ ввелъ гостя въ небольшую комнату, устланную мягкимъ ковромъ и драпированную пестрою шелковою матеріею, наподобіе шатра; кругомъ лѣпились низенькіе триповые диваны; въ одномъ углу стоялъ столъ изящной работы; въ другомъ углу мраморный каминъ съ часами, канделябрами и бронзой; неподалеку висѣла рѣзная этажерка; на ней возвышалась прекрасная ваза; рядомъ съ нею на стѣнѣ висѣли казачья нагайка и двѣ-три уздечки.

— Боже мой, гдѣ я? гдѣ я? говорилъ Гвоздиковъ, подымая то одну ногу, то другую, какъ бы боясь испортить коверъ.—М-r Накатовъ, ахъ, m-r Накатовъ... какое великолѣпіе!..

— Что съ вами? возразилъ тотъ, — да не бойтесь же, не провалитесь, полъ крѣпокъ, подхватилъ онъ, заливаясь смѣхомъ и ударяя, что есть силы, каблукомъ въ коверъ.— Вотъ часы, купленные въ англійскомъ магазинѣ; они въ самомъ дѣлѣ замѣчательны, удивительно тонкая работа...

— О! сколько я думаю все это стоитъ! вымолвилъ Гвоздиковъ, закрывая лицо руками, какъ бы очутившись прямо передъ солнцемъ.

— Да, тысячи двѣ или три, а впрочемъ не помню, кажется, что-то около этого... Вотъ и канделябры также отличной работы... одни только и были такіе въ цѣломъ Петербургѣ...

— Одного шелку, я думаю, пошло на нѣсколько тысячъ! воскликнулъ юноша, скрестивъ руки и оглядывая стѣны.

— Ну, пойдемте, пойдемте, перебилъ Накатовъ, обнявъ его за плечи,—покажется ли вамъ теперь моя столовая...

Гвоздиковъ прижался къ Накатову, какъ птенецъ подъ крылышко матери, порываясь, однакожъ, изъ его объятій передъ каждымъ стуломъ или подсвѣчникомъ.

Они вошли въ столовую.

— Я вѣдь, батюшка, нужно вамъ сказать, ни...

Digitized by Google

люблю дѣлать вполовину, вымолвилъ Накатовъ, восторженно трепля Гвоздикова по плечу,— у меня, чтобъ все, знаете ли, было анъ-гранъ! Эй! крикнулъ онъ, обращаясь къ людямъ, — зачѣмъ поставили эти канделябры?.. какъ будто другихъ нѣтъ! давай на мѣсто ихъ другіе—съ завитками; да и вазы для шампанскаго также перемѣнить!..

Накатовъ, приготовившій этотъ эффектъ для обѣда, увлекся и не выдержалъ, желая въ конецъ поразить Гвоздикова; онъ спохватился было, да ужъ поздно: приказаніе его тотчасъ же исполнили. Онъ взглянулъ украдкою на Гвоздикова: Гвоздиковъ стоялъ, растопыря руки; лицо его выражало удивленіе, недоумѣніе... Накатовъ мгновенно расправилъ нахмурившіяся брови, дружески взялъ его подъ руку и повелъ въ гостиную.

— Ну, другъ мой, вымолвилъ онъ, обнимая гостя, — позвольте называть васъ этимъ именемъ, я, знаете ли, ужасно скоро привязываюсь; я васъ очень полюбилъ: вы, какъ видно, человѣкъ со вкусомъ, съ тактомъ; мы, надѣюсь, сойдемся... Пожалуйста пріѣзжайте ко мнѣ когда угодно, каждый день, пріѣзжайте запросто, обѣдать... Вѣдь видите сами мою жизнь—мнѣ это, конечно, можетъ только доставлять удовольствіе; я живу, какъ видите — широко, широко живу; однимъ человѣкомъ больше, однимъ меньше, все равно,—всегда найдется пять-шесть лишнихъ приборовъ.

Гвоздиковъ на этотъ разъ въ самомъ дѣлѣ прослезился и, жадно схвативъ обѣ руки Накатова, замоталъ головою, какъ бы показывая, что не можетъ говорить отъ избытка чувствъ.

— Ба! вскрикнулъ Накатовъ, взглянувъ на часы,—еще и пяти нѣту. Знаете ли, душа моя, не заняться ли дѣломъ до обѣда, еще успѣемъ, я съ вами не стану церемониться... я васъ считаю уже домашнимъ человѣкомъ...

— Да, m-r Накатовъ! да я... я все готовъ исполнить, все, что хотите, бормоталъ гость, горячо пожимая жирныя ладони Накатова.

— А вотъ мы сейчасъ... сейчасъ... постойте...

Накатовъ юркнулъ въ кабинетъ и минуту спустя вернулся съ огромнымъ пучкомъ ассигнацій. Гвоздиковъ почелъ нужнымъ покачнуться, раскрыть ротъ и всплеснуть руками.

— Сдѣлайте милость, дружокъ, произнесъ Накатовъ простодушно и какъ бы не замѣчая изумленія гостя,—

Digitized by Google

будьте такъ добры, пособите сосчитать деньги; считалъ-считалъ цѣлое утро, едва успѣлъ досчитать половину. Вотъ что еще осталось, присовокупилъ онъ, бросая деньги на столъ и усаживая Гвоздикова.

— Боже мой! Боже мой! повторялъ тотъ, оглядывая съ ужасомъ пачку,—какое богатство!.. Сколько тутъ?

— Немного, отвѣчалъ Накатовъ равнодушно.—Приступимъ къ дѣлу; возьмите вотъ эту пачку.

Онъ подалъ ему самую толстую.

Гвоздиковъ началъ считать, нарочно придавая рукамъ лихорадочное движеніе. Накатовъ презрительно, какъ бы съ неудовольствіемъ, бросалъ пачку за пачкой, не упуская случая взглядывать каждый разъ на пріятеля.

— Сколько у васъ? Боже мой! Боже мой! спросилъ Гвоздиковъ.

— Пять тысячъ! Неужели пять тысячъ?.

— Что-жъ такое?..

— Страшно подумать... страшно!..

— Э, помилуйте, дружокъ, присовокупилъ Накатовъ, обнаруживая явное намѣреніе расцѣловать гостя, — что это за деньги! э! э!.. вѣдь вотъ завтра ужъ ничего не будетъ...

— Какъ, что̀ вы говорите!.. Можетъ ли быть?..

— Эхе-хе, да такъ, лошади, экипажи, содержаніе дома. Повѣрьте, душа моя, у богачей часто меньше денегъ, чѣмъ у людей съ посредственнымъ состояніемъ: тамъ идутъ грошевые счеты, здѣсь—тысячи отваливай... такъ-то-съ...

Трезвонъ на лѣстницѣ внезапно прервалъ рѣчь Накатова; услыша громкій хохотъ нѣсколькихъ человѣкъ, раздавшійся тотчасъ же вслѣдъ за звонкомъ, Накатовъ поспѣшно сунулъ деньги въ карманъ, бросился въ близъстоявшее кресло, придавъ лицу спокойное, равнодушное выраженіе, и произнесъ, проводя рукою по вспыхнувшимъ щекамъ:

— А! вотъ и они наконецъ!

Гвоздиковъ стоялъ уже въ это время у зеркала, поправляя галстукъ и стараясь принять пріятную, одушевленную физіономію.

— Каковъ Накатовъ! а? Il fait les choses en grand! послышался голосъ Бондаревскаго, прерываемый поминутно смѣхомъ товарищей.

— Въ самомъ дѣлѣ, очень хорошо, присовокупилъ Бѣлостоцкій.

Digitized by Google

— Charmant! tout à fait aristocratique! подхватили Лушкевичъ и Сережа.

Смущеніе и досада, овладѣвшія Накатовымъ по поводу смѣха, раздавшагося вслѣдъ за звонкомъ, мгновенно исчезли; широкая улыбка появилась на губахъ его.

— Но гдѣ же хозяинъ дома? А! вотъ онъ, а-а-а!.. произнесъ Бондаревскій, входя въ комнату и постепенно возвышая голосъ.—Вотъ онъ! продолжалъ онъ, указывая на него торжественнымъ жестомъ.

— Охъ, ты, шутникъ, шутникъ, произнесъ Накатовъ, самъ не зная, смѣяться ему или сердиться.—Здравствуйте, господа, очень радъ... очень радъ васъ видѣть...

— А! М-г Гвоздиковъ, вотъ пріятный сюрпризъ! Какъ ваше здоровье, mon cher Гвоздиковъ?..

Гвоздиковъ колебался какъ жимолость, показывая изумрудные свои зубы поочередно каждому изъ вошедшихъ.

— Ну, Накатовъ, поздравляю, произнесъ Бѣлостоцкій, подходя къ нему,—домъ у тебя отличный!..

— Восхитительный! очаровательный! воскликнулъ Гвоздиковъ, бросаясь чуть не на шею Бѣлостоцкому, и, вѣроятно, онъ исполнилъ бы это, если бъ тотъ не удержалъ его слегка рукою.

— Очень мило! очень, очень!.. Много вкуса, повторили сіамскіе близнецы.

— Не правда ли? простодушно сказалъ Накатовъ, пожимая руки то одному, то другому.—Но это еще ничего, я еще не успѣлъ устроиться...

— Все хорошо, перебилъ Бондаревскій, — да плохо только, что ужъ черезчуръ накурено много: задыхаешься!.. Посмотри, братецъ, вѣдь цѣлыя облака курева разгуливаютъ по комнатѣ; оно, конечно, прекрасно, но дѣло въ томъ, что недолго получить головную боль... Гдѣ у тебя форточки?.. Погоди, я сейчасъ отворю...

— Полно, полно, закричалъ Накатовъ, удерживая Бондаревскаго, — на это есть, братецъ, люди.... Мажордомъ... эй!..

Накатовъ бросился къ звонку, но, столкнувшись съ Гвоздиковымъ, летѣвшимъ предупредить его, чуть не грохнулся со всего размаху на-земь. Бондаревскій упалъ на диванъ и залился звонкимъ, дребезжащимъ хохотомъ.

— Ну, что жъ, Накатовъ, крикнулъ онъ, когда вышелъ лакей, — давай скорѣй обѣдать!.. смерть ѣсть хочется...

Digitized by Google

Зная, что всякая мало-мальски циническая или безцеремонная выходка должна была оскорблять въ настоящемъ положеніи Накатова, выбившагося изъ силъ, чтобы придать своему дому характеръ аристократическаго отеля, Бондаревскій старался вести себя нарочно какъ можно менѣе прилично и натянуто; разумѣется, это дѣлалось не изъ чего другого, какъ чтобы посмѣяться и побѣсить новаго „мѣщанина во дворянствѣ“, — названіе, которымъ успѣлъ уже окрестить Бондаревскій Накатова. Выходки эти казались тѣмъ болѣе оскорбительны Накатову, что онъ считалъ Бондаревскаго образчикомъ свѣтскаго человѣка.

— Да, пора бы, вымолвилъ Бѣлостоцкій, садясь въ кресло противъ камина и глядя на часы, — безъ двухъ минутъ пять часовъ... вели-ка подавать супъ...

— Сейчасъ, господа, подождите немножко: еще Черницкаго нѣту, сказалъ Накатовъ, стараясь улыбнуться.

— Ну, если Черницкаго нѣту, это другое дѣло; къ тому же и ждать придется недолго... онъ, конечно, не замедлитъ явиться къ обѣду, замѣтилъ Бондаревскій, бросивъ выразительный взглядъ Бѣлостоцкому.

Бѣлостоцкій закурилъ сигару; остальные придвинулись къ камину, подлѣ котораго распоряжался Бондаревскій, укладывая уголья.

— Полно, mon cher! какъ тебѣ не стыдно, говорилъ Накатовъ съ явнымъ неудовольствіемъ,—оставь это; я прикажу мажордому.

— Сдѣлай милость, не мѣшай мнѣ съ своимъ ма-жордо-момъ! отвѣчалъ Бондаревскій, садясь на полъ у рѣшетки, — притомъ я боюсь, ты опять сшибешься съ m-r Гвоздиковымъ, который, чего добраго, не выдержитъ второго толчка, разобьется, что, конечно, можетъ разрушить всеобщее веселье.

— Дорого тебѣ стоила окончательная отдѣлка квартиры? спросилъ Бѣлостоцкій.

— Нѣтъ, братецъ, такъ, не очень, отвѣчалъ Накатовъ, раздувая ноздри.—Да что тутъ! пойдемъ, я тебѣ покажу остальныя комнаты; отгадай самъ... Полно, Бондаревскій, вставай! пойдемъ... Эхъ, охота, братъ, тебѣ...

— Ну, вотъ нашелъ время показывать комнаты! закричалъ тотъ,—вѣримъ на словахъ... твой вкусъ извѣстенъ! состояніе твое также!.. право, вели-ка подавать лучше обѣдать: это будетъ интереснѣе... и кто держитъ, право,

этого Черницкаго! бьюсь объ закладъ, опять жена у него родитъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Всѣ засмѣялись.

— Ну, а что, Накатовъ, какова Пальмира? вѣдь мы потомъ еще разъ заходили туда... Она спрашивала, почему тебя нѣтъ, сказалъ Бѣлостоцкій.

Накатовъ, огорченный тѣмъ, что мало обнаруживаютъ желанія осмотрѣть комнаты, принялъ это извѣстіе гораздо равнодушнѣе, чѣмъ ожидали пріятели. Онъ однакожъ насторожилъ уши, раздулъ щеки и произнесъ: „шутишь“ съ такимъ тономъ, который ясно показывалъ, что ему было не совсѣмъ непріятно.

— Серьезно, подтвердилъ Лушкевичъ, — чудная женщина! какіе глаза, какая талія,—прелесть!..

— Я не понимаю, чего ты думаешь, Накатовъ, воскликнулъ Бондаревскій. — На твоемъ мѣстѣ я бы... ну, что тебѣ стоитъ бросить какихъ-нибудь пять-шесть тысячъ,— вздоръ...

— Не въ деньгахъ сила, душа моя, возразилъ серьезно Накатовъ,—это, конечно, вздоръ... А вѣдь въ самомъ дѣлѣ великолѣпная женщина...

— Волосы-то, волосы... chevelure какая! запищалъ Гвоздиковъ, неожиданно появляясь у камина. — Я ее очень давно знаю... у насъ были маленькія непріятности, вотъ отчего вышла сцена сегодня утромъ.

Снова раздался хохотъ.

— Что вы смѣетесь, господа! перебилъ Бондаревскій,— развѣ вы не знаете, что она выпроводила вонъ Гвоздикова, чтобы не подать намъ подозрѣній... О, Пальмира хитра! „Выгоню его вонъ, говоритъ, они и въ самомъ дѣлѣ примутъ это за чистыя деньги!“

Гвоздиковъ вытянулъ голову, прищурилъ глазки, заколыхался и рѣшительно не зналъ, чѣмъ выразить свою благодарность. На лѣстницѣ раздался еще звонокъ.

— А, вотъ и Черницкій! закричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Сдѣлай милость, Накатовъ, прикажи своему швейцару тише звонить! закричалъ Бондаревскій. — Смерть, братецъ, вѣдь этакъ, право, легко оглохнуть!

Накатовъ сдѣлалъ видъ, какъ будто не слышалъ замѣчанія, и чтобы скрыть краску, вспыхнувшую на щекахъ, повернулся какъ можно скорѣе на каблукѣ и поспѣшилъ навстрѣчу Черницкому, который только-что появился въ дверяхъ.

Digitized by Google

VIII.

Продолженіе.

Хотя наружность Черницкаго представляла на этотъ разъ, въ отношеніи одежды, болѣе претензій—волосы его были приглажены, синяя борода тщательно выбрита, воротнички рубашки чисты и накрахмалены,—но при всемъ томъ лицо его выражало всѣ признаки самаго мрачнаго, недовольнаго состоянія духа. Молча, какъ бы черезъ силу, подалъ онъ Накатову руку, окинулъ презрительнымъ взглядомъ сверху до-низу стѣны комнаты, бросилъ на стулъ шляпу и, сухо раскланявшись съ пріятелями, опустился въ кресло противъ Бѣлостоцкаго. Все это сдѣлано было такъ поспѣшно, что Гвоздиковъ и Накатовъ, кинувшіеся къ нему навстрѣчу, очутились совершенно неожиданно другъ противъ друга, посреди гостиной.

— Ну, господа, будемъ ли мы наконецъ обѣдать сегодня? сказалъ Бондаревскій, подымаясь на ноги. — Накатовъ, полно тебѣ шептаться съ m-г Гвоздиковымъ; наговоритесь досыта во время обѣда... Черницкій налицо, препятствій, кажется, нѣтъ, ради Бога давай обѣдать! скоро половина шестого! умираемъ съ голоду!..

— Обѣдать! обѣдать! закричали въ одинъ голосъ сидѣвшіе у камина, принимаясь шумѣть щипцами и каблуками.

— Господа! провозгласилъ Накатовъ, хлопая въ ладоши и стараясь быть по возможности развязнымъ. — Господа! пойдемте пить водку!..

— Bravo! Bravissimo! пойдемте пить водку! повторилъ Бондаревскій, ударяя съ намѣреніемъ на послѣднія слова.

— Пойдемте, господа, вкусить скромнаго моего обѣда, заключилъ Накатовъ замирающимъ отъ восхищенія голосомъ.

— Пойдемте, пойдемте вкусить его скромнаго обѣда, повторилъ Бондаревскій, указывая украдкой на хозяина дома, который, вытянувъ спину и задравъ торжественно голову, повелъ гостей къ дверямъ столовой.

Войдя въ столовую, Гвоздиковъ снова увидѣлъ на столѣ старые канделябры и вазы; но не успѣлъ онъ сдѣлать своихъ заключеній, какъ уже Накатовъ закричалъ:

— Эй! зачѣмъ поставили вы эти вазы? возьмите ихъ прочь! развѣ нѣтъ другихъ? поставьте другія!..

Digitized by Google

Но такъ какъ въ эту минуту вниманіе гостей исключительно обращено было къ закускѣ, никто рѣшительно не замѣтилъ продѣлки, и эффектъ, къ великому неудовольствію Накатова, снова не удался.

— Бѣлостоцкій, совѣтую тебѣ попробовать вотъ этого сыру: настоящій честеръ, отличный, братецъ, вымолвилъ онъ, отдувая побагровѣвшія щеки. — Ну-ка, Черницкій, что ты скажешь, душа моя, насчетъ селедокъ? чудо, братецъ, не правда ли?..

— Гм! порядочныя! отвѣчалъ тотъ, нанизывая на вилку нѣсколько кусковъ селедки и отправляя ихъ въ ротъ съ большимъ удовольствіемъ.

— Какъ, порядочныя! сказалъ Накатовъ обиженнымъ голосомъ. — Помилуй, братецъ! Елисѣевъ говоритъ, что лучшихъ нѣтъ въ цѣломъ Петербургѣ... самыя лучшія селедки!.. Сережа, Лушкевичъ! попробуйте икры, удивительная икра! смотрите, какія крупныя зерна,—объѣденье!. Елисѣевъ говоритъ... Гвоздиковъ, прибавилъ онъ, обращаясь довольно небрежно къ юношѣ,—что жъ вы?..

Накатовъ очевидно старался обнаруживать передъ своими товарищами какъ можно больше равнодушія и холодности къ Гвоздикову; тотъ, замѣтивъ это еще съ самаго начала, и бившійся, напротивъ того, изо всей мочи, чтобы показать остальнымъ лицамъ дружбу съ хозяиномъ дома и Черницкимъ, окончательно приходилъ въ недоумѣніе, и не зная уже, какую принять физіономію, не переставалъ восторгаться безусловно всѣмъ, что только попадало ему въ ротъ или на глаза.

— Господа! супъ на столѣ! торжественно провозгласилъ Накатовъ,—сядемъ...

Обѣдъ начался довольно тихо; каждый усердно занялся своимъ дѣломъ; одинъ лишь Накатовъ не смолкалъ ни на минуту.

— Ну, что, Бѣлостоцкій, каковъ супъ? нравится ли тебѣ? кажется, недуренъ: тортю, братъ, тортю; я нарочно велѣлъ сдѣлать: знаю, что ты его любишь... Бондаревскій, другъ мой, возьми еще пироговъ: это, кажется, твои любимые... Что ты скажешь насчетъ моего повара, Черницкій? ты вѣдь знатокъ въ этомъ дѣлѣ! по мнѣ, кажется, очень недуренъ; главное—умѣетъ, братъ, отлично подать и уложить блюдо; а это уже много говоритъ въ пользу его вкуса... Господа, неужели кто изъ васъ любитъ черствый хлѣбъ? я, просто, не понимаю, какъ можно ѣсть

Digitized by Google

что-нибудь съ черствымъ хлѣбомъ... кажется, этотъ довольно свѣжъ? а? Черницкій, свѣжъ ли онъ? кажется, свѣжъ? а? а?.. ты вѣдь знатокъ, братецъ, гастрономъ!.. э! ты, братъ, взялъ дурной кусокъ!.. Сережа, еще супу, сдѣлай милость, ты вѣдь, говорятъ, охотникъ до тортю... Эй, хересу! отличный хересъ, господа,—отъ Рауля, десять рублей серебромъ бутылка,—совѣтую... Рауль сказалъ, что отдаетъ мнѣ послѣднія бутылки... ну, что, каковъ? а? Черницкій, что ты скажешь?..

Но такъ какъ гости частію ничего не отвѣчали, частію кивали только головою или бормотали сквозь зубы, кромѣ Гвоздикова, повторявшаго безпрестанно: „отлично! превосходно! объяденье!"—краснорѣчіе Накатова вскорѣ охладѣло, потому что возгласы послѣдняго не имѣли для него никакого значенія передъ похвалами такихъ знатоковъ, какъ Черницкій и Бѣлостоцкій. Онъ потупилъ голову и рѣшился не тратить попустому словъ; молча, движеніемъ руки или глазъ отдавалъ онъ приказанія мажордому и лакеямъ, указывая имъ на бутылку, пустое блюдо или тарелку. Изрѣдка лишь, когда на столѣ появлялась бутылка или блюдо, на эффектъ которыхъ заранѣе разсчитывалъ Накатовъ, лицо его какъ бы оживлялось, и, поднявъ голову, онъ снова возвышалъ голосъ:

— Ну, что, господа, какъ вамъ нравится?.. гм! гм!..

— Да, порядочно... доброе вино! отвѣчали гости.

И Накатовъ, ожидавшій, что стѣны столовой дрогнутъ отъ восторженныхъ кликовъ, что половина пріятелей по крайней мѣрѣ бросится обнимать его за такое вино, снова падалъ духомъ, хмурилъ брови и сердито потуплялъ голову: „стоитъ покупать послѣ этого хорошія вина, думалъ онъ, отправляя въ ротъ кусокъ за кускомъ;—восемь цѣлковыхъ за лафитъ! Рауль, самъ Рауль сказалъ, что лучшаго вина нѣтъ въ цѣломъ Петербургѣ... а ужъ онъ вѣрно больше ихъ знаетъ толкъ въ винѣ... Стоило также нанимать отличнаго повара, платить ему двадцать пять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ... ну, гдѣ подадутъ имъ столько трюфелей?.. ужъ не у Дюссо ли? какъ бы не такъ! Дюссо, конечно, станетъ соблюдать свой расчетъ; вѣдь однихъ трюфелей Богъ знаетъ на сколько тутъ! да ужъ и сервировка не та, что въ какихъ-нибудь трактирахъ. Ну, пусть бы еще Бѣлостоцкій: онъ самъ въ состояніи задавать блистательные обѣды, хотя Богъ его знаетъ, надо еще спросить, откуда у него это состояніе,—положимъ даже Бон-

Digitized by Google

даревскій: онъ поминутно обѣдаетъ у богачей и аристократовъ... имъ это не въ диковинку; но досадно видѣть, что Черницкій и Лушкевичъ туда же лѣзутъ... корчатъ, какъ будто все это имъ очень обыкновенно... бѣдняки, голыши,—и больше ничего! просто, не стóитъ давать имъ такіе обѣды... и, притомъ, они меня не замѣчаютъ, какъ будто меня здѣсь вовсе и не было, какъ будто они забыли, что у меня обѣдаютъ... Какъ бы тамъ ни было, я все-таки здѣсь, такъ сказать, главное лицо... это даже, кажется, вовсе неучтиво, и хотя, конечно, мы товарищи... но все же... нѣтъ, рѣшительно не стóитъ давать обѣдовъ!.." Размышляя такимъ образомъ, Накатовъ не замѣтилъ, что между гостями, разговорившимися къ концу обѣда, воцарилось внезапное мертвое молчаніе. Бондаревскій, не спускавшій съ него глазъ, остановилъ говоръ движеніемъ руки и указалъ имъ на Накатова, который сидѣлъ, погруженный въ свои думы.

Громкій, единодушный хохотъ, отъ котораго дѣйствительно дрогнули стѣны, раздался подъ самымъ его носомъ.

Накатовъ поднялъ голову и побагровѣлъ.

— Бьюсь объ закладъ, знаю, о чемъ ты думаешь! крикнулъ Бондаревскій, стуча ложкою по столу.

— Что такое? что?.. я вовсе не думалъ... что вы смѣетесь?.. возразилъ обиженнымъ тономъ Накатовъ и, взявъ бокалъ, поспѣшно поднесъ его къ губамъ, чтобы сохранить какое-нибудь положеніе.

— Ну, вотъ, съ какой стати смѣяться! смѣшного ничего тутъ нѣтъ; дѣло, напротивъ, очень серьезное, даже скорѣе плачевное, чѣмъ смѣшное...

— Да что жъ такое? съ досадою спросилъ Накатовъ.

— Ты, конечно, думалъ о бабушкѣ?

— Вовсе нѣтъ... а развѣ ты что-нибудь слышалъ? спросилъ онъ, обнаруживая свое безпокойство.

— Да, по городу носятся слухи, что помѣшательство ея не совсѣмъ надежно... то-есть, собственно для тебя... говорятъ, будто довольно самой ничтожной причины, чтобы привести ее снова въ разсудокъ; такіе примѣры, впрочемъ, очень обыкновенны... Ну, что, Накатовъ, какъ вдругъ...

Накатовъ побѣлѣлъ какъ известь, поднялся на ноги, пошатнулся и чуть не сѣлъ мимо стула.

— Что съ тобою, братецъ? спросилъ Бондаревскій, едва удерживаясь отъ смѣху. — Впрочемъ, продолжалъ онъ

Digitized by Google

серьезно, — трудно предположить, чтобы это могло случиться съ твоей бабушкой...

— Разумѣется, она, во-первыхъ, слишкомъ уже стара, замѣтилъ Бѣлостоцкій.

Лицо Накатова прояснилось.

— Сколько ей лѣтъ?

— Девяносто восемь, отвѣчалъ онъ съ болѣзненнымъ вздохомъ.

— Какъ! говорили, ей всего восемьдесятъ, сказалъ Бѣлостоцкій.

— Нѣтъ, девяносто восемь... ей-Богу, девяносто восемь,— отвѣчалъ Накатовъ, накидывая восемнадцать лѣтъ.

— Все равно, если даже и придетъ въ себя, такъ вѣрно не захочетъ лишить тебя состоянья. Узнавъ, какое ты сдѣлалъ изъ него употребленіе, она, конечно, увидитъ, что наслѣдство попало въ достойныя руки... Ты тратишь, правда, очень много, но все это пошло на дѣло: поваръ, экипажи, мажордомъ, швейцаръ, лошади... вѣдь, кстати, лошади, говорятъ, у тебя отличныя; я еще не видалъ ихъ...

— Ну, вотъ, какія лошади! отвѣчалъ съ наивной ироніей Накатовъ.—Онѣ, конечно, заплачены пять тысячъ... да васъ вѣдь ничѣмъ не удивишь... впрочемъ, пожалуй, если хотите, я вамъ покажу ихъ послѣ обѣда...

— Ладно! да скажи на-милость, къ чему все это? для кого?.. ну, хорошо, пріѣдемъ мы къ тебѣ—товарищи,—и только... Вотъ, если бъ ты выѣзжалъ въ свѣтъ, имѣлъ бы обширный кругъ знакомства; ну, тогда другое дѣло...

— Да вѣдь то-то и есть, душенька, нѣжно перебилъ Накатовъ, забывая мгновенно свою досаду,—то-то и бѣда, что я не люблю большого свѣта... Эй, человѣкъ! шампанскаго! Господа, что жъ такое? вы меня обижаете... не пьете... Черницкій! Бѣлостоцкій! господа! а! а! а! съ упрекомъ повторилъ амфитріонъ.—Да, я не люблю большого свѣта, продолжалъ онъ, качая отрицательно головою,—что можетъ быть лучше такой жизни? не правда ли, Черницкій?..

— Конечно, пробормоталъ Черницкій, становившійся мрачнѣе и мрачнѣе, по мѣрѣ того, какъ обѣдъ близился къ концу и наступало время разговора.

Но мрачность Черницкаго была только видимая, внѣшняя и въ сущности нисколько не соотвѣтствовала его настоящему расположенію духа; положеніе его, что говорить, было не изт[illegible]ріятныхъ во время это-

Digitized by Google

обѣда: за столомъ, кромѣ хозяина дома, не находилось человѣка, которому бы онъ не былъ долженъ и которому бы, къ довершенію несчастія, не назначилъ второпяхъ именно этого дня и обѣда для срока платежа. Другой на его мѣстѣ, предупрежденный заранѣе, конечно, подавилъ бы въ себѣ гастрономическія побужденія и не явился бы на обѣдъ Накатова; но Черницкій былъ слишкомъ опытенъ, чтобы не знать дурного впечатлѣнія, производимаго въ такихъ случаяхъ продѣлками, имѣющими видъ невиннаго побѣга и лавированія; къ тому же такого рода поступокъ отзывался слишкомъ сильнымъ мѣщанствомъ, чтобы джентльменъ Черницкій рѣшился привести его въ исполненіе въ дѣлѣ съ джентльменами, каковы были Бѣлостоцкій и другіе; послѣ этого всякая возможность близкихъ сношеній и кредита (хотя послѣдняго было уже очень не много) окончательно могли бы разрушиться между ними. Итакъ, Черницкій явился на обѣдъ, но прежде задалъ себѣ программу, какъ дѣйствовать и вести себя во время этого обѣда. „Буду веселъ, говорливъ, подумалъ онъ,—сейчасъ: короткость обращенія, товарищеская безцеремонность; чего добраго, заберутъ себѣ въ голову, что я веселъ потому, что есть деньги, и если не Бѣлостоцкій, такъ уже, конечно, Бондаревскій, Лушкевичъ и Гвоздиковъ начнутъ намекать о срокѣ платежа и деньгахъ... Буду мраченъ, недоволенъ, серьезенъ, молчаливъ, огорченъ,—подумаютъ, во-первыхъ, что у меня какое-нибудь горе, домашняя непріятность, или можетъ-быть мысль, что я терзаюсь угрызеніями совѣсти въ эту минуту, потому что не могу заплатить имъ долга, заставитъ ихъ быть совѣстливѣе, деликатнѣе со мною... Въ томъ, что я пріѣхалъ на обѣдъ, несмотря на такое щекотливое положеніе, увидятъ они черту товарищескую и въ уваженіе этого посовѣстятся заикнуться о деньгахъ...“ Не мѣшаетъ замѣтить, что въ дурномъ расположеніи духа, такъ искусно наброшенномъ на Черницкаго, была также частичка правды; ничто такъ не бѣсило его, особенно въ послѣднее время, какъ зрѣлище чужого благосостоянія; уже довольно было простого слуха о полученіи кѣмъ-нибудь, даже вовсе неизвѣстнымъ и незнакомымъ человѣкомъ, наслѣдства, чтобы возбудить въ немъ сильные порывы желчи и озлобленія; онъ никакъ не могъ переварить новое положеніе Накатова, и если презиралъ его прежде, теперь рѣшительно ненав

Digitized by Google

— Да, господа, продолжалъ Накатовъ, окончательно расчувствовавшись, чему не мало способствовало шампанское,—я хотѣлъ бы всю жизнь прожить въ кругу товарищей... съ вами.., мы вѣдь товарищи съ дѣтства, вмѣстѣ росли... эхъ, эхъ!.. да вѣдь вы-то вотъ какіе, сегодня пріѣхали, а завтра и нѣтъ... А то бы просто расположились у меня... видите, просторъ! широко живу... лихо зажили бы всѣ вмѣстѣ.

Гвоздиковъ отдалъ бы въ эту минуту полъ-жизни, чтобы только быть товарищемъ дѣтства Накатова.

— Все это прекрасно, возразилъ Бондаревскій съ комическимъ участіемъ, — да дѣло въ томъ, что тебѣ теперь никакъ нельзя ограничиваться одними товарищами; твое богатство, твое положеніе...

Накатовъ пріосанился.

Черницкій сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Твое положеніе, говорю я, продолжалъ тѣмъ же тономъ Бондаревскій, — невольно, братецъ, принуждаетъ тебя занять мѣсто въ обществѣ. Есть, душа моя, извѣстныя общественныя положенія, въ которыхъ человѣкъ противъ воли иногда дѣлается, такъ сказать, рабомъ общества... Всѣ знали твою бабушку, всѣ знаютъ теперь Накатова, знаютъ, что у тебя сотни тысячъ дохода. Гдѣ же этотъ Накатовъ? спроситъ общество. Согласись самъ, это нѣкоторымъ образомъ смѣшно.

— Я самъ, дружокъ Бондаревскій, это понимаю, возразилъ Накатовъ, хмуря брови и заботливо потирая лобъ,— да, право, какъ-то, знаешь, не хочется... Я даже часто думаю объ этомъ, да лѣнь такая, что смерть...

— Стыдись!..

— Конечно, стыдись, перебилъ Черницкій съ замѣтною злобою,—ты можешь быть украшеніемъ общества...

— Нѣтъ, это опять другая статья, сказалъ Бондаревскій, подымая бокалъ къ губамъ, чтобы не засмѣяться,— дѣло въ томъ, что тебѣ нельзя жить медвѣдемъ... у меня уже во многихъ домахъ спрашивали о тебѣ...

— Что ты! воскликнулъ Накатовъ, разражаясь смѣхомъ, отъ котораго запрыгали его жирныя наливныя щеки.

— И еще какія хорошенькія дамы спрашивали!.. если бъ ты зналъ только, конечно, бросилъ бы свою лѣнь...

— Кто-жъ такія? кто?.. скажи пожалуйста!

— Не далѣе, какъ княгиня Зинзивѣева?

Digitized by Google

— Что ты!..

— Ей-Богу!

— Какая это княгиня Зинзивѣева? презрительно спросилъ Черницкій.

— Ну, Боже мой! та самая, у которой хорошенькая дочь.

— И пара вороныхъ? съ любопытствомъ спросилъ Сережа.

— Да, пара вороныхъ и голубая карета, отвѣчалъ Лушкевичъ, поправляя воротнички рубашки,—ты ее знаешь...

— Это та самая-съ, что живетъ въ Караванной, произнесъ Гвоздиковъ, вертясь и кривляясь на стулѣ.

— А развѣ вы съ ней знакомы? спросилъ Бондаревскій.

— Какъ же-съ, очень хорошо.

— То-есть бываете въ домѣ?

— Да-съ, мы съ ней сосѣди по деревнѣ...

— Вотъ подите же послѣ этого! смѣясь сказалъ Бондаревскій. — Ну, m-r Гвоздиковъ, намъ должно быть не судьба встрѣчаться съ вами: вѣдь я также бываю тамъ очень часто... Вы когда были у нея въ послѣдній разъ?

Присутствующіе, кромѣ Черницкаго, расположившагося на диванѣ съ коньякомъ и сигарой, обратились къ Гвоздикову.

— Въ послѣдній разъ? позвольте... отвѣчалъ тотъ, сморкаясь,—да, кажется, это было... именно... это было въ четвергъ на прошлой недѣлѣ...

— Въ которомъ часу? настойчиво спросилъ Бондаревскій.

— Въ которомъ часу? повторилъ Гвоздиковъ, задыхаясь,—кажется, это было въ три, именно въ три...

— Просто удивительно! я тоже тамъ былъ въ это время.

— Ахъ, нѣтъ, pardon, m-r Бондаревскій, я ошибся... это было въ среду...

— Въ которомъ часу?

— Вечеромъ... сквозь слезы произнесъ Гвоздиковъ.

— Значитъ послѣ театра?

— Да-съ... я только зашелъ на минуту...

— Какъ же мы не встрѣтились?

Гвоздиковъ побагровѣлъ какъ раздавленная клюква.

— Я у швейцара... только спросилъ... княгиня была еще въ театрѣ...

— А! ну, это другое дѣло, возразилъ Бондаревскій, пристально вгляд[illegible]ношу съ изумрудными зубами,

Digitized by Google

который, казалось, желалъ провалиться въ эту минуту къ антиподамъ.—Ну, Накатовъ, если бъ ты только видѣлъ дочь княгини, то-есть, братецъ, просто съ ума бы спятилъ; это не чета Пальмирѣ...

— Да вѣдь я ее знаю... братецъ, чудо!..

— Будто?

— То-есть, такъ, встрѣчалъ на улицѣ.

— Хочешь я тебя представлю?

— Разумѣется, хочетъ; полно, Накатовъ, поѣзжай съ Бондаревскимъ, присовокупилъ Бѣлостоцкій.

— Я не прочь, пожалуй, очень радъ... говорилъ Накатовъ смущеннымъ голосомъ, но въ то же время охорашиваясь.—Когда же мы ѣдемъ?.. Надо, братецъ, послать прежде къ Іохиму, сказать, чтобы поторопился съ каретой...

— Какъ, еще карета!

— Да, я заказалъ теперь голубую... иначе, братецъ, какъ-то неловко ѣхать... всякой знаетъ, что у меня...

— Вотъ вздоръ какой! именно поэтому-то, что знаютъ твое состояніе, ты можешь теперь ѣздить въ чемъ хочешь... Вотъ развѣ въ другомъ отношеніи я совѣтовалъ бы повременить тебѣ, по крайней мѣрѣ, какъ человѣкъ близкій тебѣ и товарищъ; мой совѣтъ былъ бы непремѣнно подождать.

— Что такое? спросилъ тотъ испуганнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, лучше послѣ скажу тебѣ, въ другое время, завтра, когда хочешь, только не въ эту минуту...

Бондаревскій перемигнулся съ товарищами; на этотъ разъ взглядъ не ускользнулъ отъ Накатова. Горя нетерпѣніемъ узнать, что хотѣлъ сказать Бондаревскій, и увѣренный, что онъ не утерпитъ сообщить это товарищамъ, какъ скоро его не будетъ, Накатовъ привсталъ со стула и, объявивъ, что идетъ въ кабинетъ за какими-то особенными сигарами, поспѣшно вышелъ изъ столовой. Притворивъ осторожно за собою дверь, онъ прошелъ нѣсколько шаговъ, съ намѣреніемъ стуча каблуками, потомъ остановился, хлопнулъ какъ можно громче слѣдующею дверью и, выразивъ на лицѣ лукавую улыбку, вернулся на цыпочкахъ назадъ и приложилъ ухо къ дверямъ столовой.

— Экой, право, этотъ Накатовъ! говорилъ Черницкій, кладя въ ротъ кусокъ сахару и пропуская нѣсколько капель коньяку, — онъ въ самомъ дѣлѣ въ состояніи повѣрить тому, что ты говоришь...

Digitized by Google

— А что жъ такое? возразилъ Бондаревскій, — онъ въ правѣ вѣрить, я его не надуваю; съ его состояніемъ, онъ, разумѣется, будетъ принятъ въ какомъ угодно обществѣ. Шутишь ты двумя стами тысячъ... годового дохода...

Говоря съ Черницкимъ, Бондаревскій нарочно утроивалъ и учетверялъ доходы не только извѣстныхъ богачей, но даже самыхъ близкихъ знакомыхъ; зная, какъ особенно озлобляло его внезапное богатство Накатова, онъ всячески старался напоминать о немъ, придавая при этомъ Накатову такія достоинства, которымъ, разумѣется, не вѣрилъ самъ и которыхъ, конечно, не было.

— Полно, любезный, отвѣчалъ Черницкій, не скрывая досады,—кого ты увѣряешь! Накатовъ будетъ играть роль въ обществѣ... ха! ха! ха!.. нѣтъ, воля твоя, это уже слишкомъ...

— Кто-жъ тебѣ говоритъ объ этомъ? замѣтилъ Бѣлостоцкій, переглядываясь съ Бондаревскимъ. — Роли онъ, конечно, играть не будетъ, но принимать его станутъ все-таки всюду, и еще съ большимъ удовольствіемъ.

— И ты туда же, Бѣлостоцкій! перебилъ съ сердцемъ Черницкій.—Признаюсь, отъ тебя я этого не ожидалъ... Состояніе! богатство! сотни тысячъ доходу!.. да вѣдь одного этого мало, господа? Накатовъ, повторяю вамъ, глупъ, какъ я не знаю что, не воспитанъ, не образованъ.

— Полно, любезный, ты ужъ на него слишкомъ нападаешь, возразилъ Бондаревскій, находя удовольствіе дразнить Черницкаго. — Развѣ мало видишь ты въ свѣтѣ такихъ примѣровъ?.. притомъ ты очень ошибаешься насчетъ нашего амфитріона... онъ вовсе не такъ глупъ, какъ думаешь...

— Ну, хорошо, хорошо, пусть онъ будетъ что̀ вамъ угодно! воскликнулъ Черницкій, приподымаясь съ дивана.

— Да, онъ отличный малый, добрый, истинный товарищъ, продолжалъ Бондаревскій, слѣдя за всѣми движеніями Черницкаго, расхаживающаго взадъ и впередъ по комнатѣ и пускавшаго клубы дыма направо и налѣво.

— Однакожъ, господа, нашъ Накатовъ что-то долго ищетъ свои сигары, сказалъ Бѣлостоцкій, — ужъ не заснулъ ли онъ?..

— Пойдемте къ нему, обѣдъ конченъ... да, кажется, и въ театръ пора.

Всѣ встали и пошли къ двери. Это было

Digitized by Google

сдѣлано такъ неожиданно, что Накатовъ успѣлъ только броситься на сосѣдній стулъ и прикинуться спящимъ.

„Нѣтъ, не встану же, не встану, хоть они тутъ лопни! думалъ Накатовъ, сжимая вѣки.—Лучше скажу, что сдѣлалось дурно... съѣлъ много, выпилъ... сказать, что заснулъ, еще смѣшнѣе, да и не повѣрятъ... экое дѣло какое!..“

— Что съ нимъ? ужъ не сдѣлалось ли дурно! Накатовъ! эй! господа, на него просто столбнякъ нашелъ... воды, вотъ мы его окатимъ хорошенько... скорѣе воды! Эй, человѣкъ! люди! мажордомъ!.. послышалось въ толпѣ, окружавшей Накатова. При словѣ: „человѣкъ!“ Накатовъ испустилъ тяжелый, болѣзненный вздохъ и тотчасъ же открылъ глаза.

— Что съ тобою, братецъ? что случилось? ты спалъ? посыпалось отовсюду.

— Нѣтъ... охъ!.. я пошелъ, братецъ, за сигарами и вдругъ почувствовалъ головокруженіе, отвѣчалъ Накатовъ, вставая и въ то же время отыскивая сердитыми глазами Черницкаго.—Что жъ мы здѣсь стоимъ, господа, прибавилъ онъ, — пойдемте въ гостиную полежать на диванѣ передъ каминомъ...

— Ну, любезный, онъ все слышалъ! шепнулъ Бондаревскій на-ухо Черницкому.

Накатовъ подошелъ къ Бондаревскому и Бѣлостоцкому, обнялъ ихъ и, нѣжно взглянувъ имъ въ глаза, повелъ въ гостиную, показывая, какъ будто вовсе не замѣчаетъ Черницкаго.

— Послушай, Накатовъ, сказалъ Черницкій, когда они очутились въ гостиной,—поди-ка сюда, мнѣ надо сказать тебѣ два слова...

— Что такое?.. послѣ, братецъ, сухо отвѣчалъ Накатовъ, усаживая обоихъ пріятелей на диванъ противъ камина.

— Нѣтъ, сейчасъ... очень нужно... сдѣлай милость...

Накатовъ нехотя подошелъ къ Черницкому. Сидѣвшіе у камина пожали плечами и смѣялись.

— Что такое?

— Ну, душа моя, поздравляю, отвѣчалъ Черницкій, отводя его къ окну, — прости меня; я ошибался насчетъ Бондаревскаго и Бѣлостоцкаго... Они тебя любятъ... Когда ты ушелъ, я нарочно завелъ рѣчь и сталъ бранить тебя, думая, что они буду[illegible]ть...

Digitized by Google

— Какъ, такъ ты нарочно?..

— А развѣ ты слышалъ?

— Кое-что...

— Мнѣ хотѣлось узнать, истинно ли они къ тебѣ привязаны...

Накатовъ взглянулъ на Черницкаго; ноздри его задвигались, въ глазахъ заблистали слезы.

— Спасибо тебѣ, другъ мой! я также въ тебѣ не ошибался, произнесъ онъ, крѣпко пожимая ему руку. — Будь увѣренъ, я никогда этого не забуду... да, всѣ вы добрые товарищи... но что это? они, кажется, берутъ шляпы! Господа! жалобно воскликнулъ Накатовъ, подбѣгая къ пріятелямъ,—что вы? куда? Бондаревскій, дружокъ, развѣ ты не хочешь посидѣть? Бѣлостоцкій, Сережа, Лушкевичъ! вы, просто, меня обижаете!..

— Нѣтъ, Накатовъ, пора въ театръ!..

— Что театръ,—посидимъ вмѣстѣ, потолкуемъ о томъ, о семъ, вспомнимъ дѣтство, пансіонскія проказы!.. ты скажешь, что хотѣлъ сообщить мнѣ за столомъ...

— Изволь, да только завтра, а не сегодня... теперь пора въ театръ: видишь, семь безъ пяти минутъ; къ тому же сегодня балетъ; ты знаешь, мнѣ нельзя...

— Экіе вы какіе... вотъ бы сѣли у камина, всѣ вмѣстѣ, да потолковали... Ну, а ты куда, Черницкій? прибавилъ онъ, обнимая его...

— И мнѣ пора... есть одно дѣло...

— Эхъ, а я нарочно велѣлъ мажордому камины запалить...

— А развѣ они не цѣлый день горятъ у тебя?

— Нѣтъ, съ самаго утра, разумѣется; вѣдь это такъ только сказалъ...

— Ну, прощай, однакожъ, пора; прощай, Накатовъ... да пріѣзжай въ театръ, кто тебѣ мѣшаетъ? вѣдь ты любишь балеты? являйся же къ намъ... потомъ пойдемъ на подъѣздъ... а тамъ пустимся провожать нашихъ милыхъ... такъ что ли?..

— Хорошо, хорошо...

— Итакъ, ѣдемъ, господа! крикнулъ Бондаревскій, надѣвая шляпу,—онъ послѣ пріѣдетъ... намъ ждать некогда!

Накатовъ дернулъ сзади Гвоздикова; тотъ показалъ ему всѣ свои зубы и кивнулъ головою.

— Такъ ты пріѣдешь завтра ко мнѣ, душа моя? спросилъ Накатовъ, цѣлуя Бондаревскаго.

Digitized by Google

— Непремѣнно, завтра утромъ часу во второмъ... потому что ѣхать къ княгинѣ Зинзивѣевой нельзя, ты самъ увидишь, безъ того, о чемъ я намекнулъ за обѣдомъ... положись только на меня, и все будетъ ладно!..

— Хорошо; итакъ, не забудь же, я жду тебя завтра.

Сказавъ это, Накатовъ, въ избыткѣ восторга, заключилъ снова Бондаревскаго въ свои объятія. Гости вышли на лѣстницу. Трезвонъ раздался по всему дому.

Заслышавъ шумъ удаляющихся экипажей, Накатовъ поспѣшно поднялся наверхъ, взялъ руку Гвоздикова, прижалъ его къ груди и произнесъ:

— Да, другъ мой, есть минуты въ жизни, когда человѣкъ бываетъ совершенно счастливъ!..

Затѣмъ онъ приказалъ заложить фіолетовую карету съ золотыми гербами, прошелъ съ Гвоздиковымъ въ кабинетъ и началъ одѣваться.

IX.

Приготовленія.

Не проходитъ дня, чтобы у Накатова не являлись новыя затѣи. Распространялся ли слухъ о продажѣ необыкновенной пары рысаковъ, Накатовъ тотчасъ же покупалъ ее, не только не заботясь о цѣнѣ, но даже и о томъ, нужна ли была она ему, или нѣтъ. Глядя на него, казалось, какъ-будто вмѣстѣ съ обязанностями опекуна бабушки пала на него и другая обязанность: пріобрѣтать рѣшительно все, что получало нѣкоторую извѣстность въ Петербургѣ. Минута, когда самые богатые покупатели отступались, запуганные цѣнами, предлагаемыми Накатовымъ, была для него верхомъ блаженства. Онъ истинно торжествовалъ въ такія минуты!

На этомъ основаніи появились у него совершенно неожиданно два наемныхъ арапа, нѣсколько ненужныхъ экипажей, лошадей; прислуга его утроилась; онъ нанялъ оркестръ и былъ совершенно вознагражденъ за издержки и проказы музыкантовъ, когда спрашивали его: „Скажите, пожалуйста, это вашъ оркестръ игралъ вчера въ клубѣ?.. отличный оркестръ!“ Узнавъ, что одна очень извѣстная дама продавала мебель по случаю отъѣзда за границу, Накатовъ велѣлъ тотчасъ же позвать парикмахера. Въ то время, какъ онъ душился и завивался, мажордомъ и еще два другіе лакея носились сломя голову изъ одного ма-

Digitized by Google

газина въ другой, отыскивая какъ-то особенно вышитыя рубашки, оказавшіяся необходимыми Борису Борисычу для визита къ извѣстной дамѣ. Окончивъ свой туалетъ, Накатовъ полетѣлъ къ ней въ блистательномъ шарабанѣ съ арапомъ вмѣсто грума. Плѣненный красотою и любезностью продавщицы, а также желая показать свои свѣдѣнія по части великосвѣтскихъ приличій, онъ восторженно, безъ торга, разумѣется, согласился на всѣ условія, заплатилъ ей огромныя деньги и даже сказалъ, что считаетъ себя очень счастливымъ, или что-то въ этомъ родѣ. На другой день доложили ему, что мебели некуда было дѣвать. Взбѣшенный тѣмъ, что осмѣливаются безпокоить его такими пустяками, Накатовъ затопалъ на мажордома, приказалъ ему поставить въ кабинетъ кушетку, на которой лежала извѣстная дама во время его визита, а съ остальною мебелью распорядиться, какъ знаетъ,—отослать ее на толкучій или, попросту, запрятать на чердакъ.

Внутреннія, домашнія заботы Накатова обращены были въ то время почти исключительно къ двумъ бульдогамъ, которые составляли въ одну и ту же пору его гордость и отчаяніе. Бульдоги были дѣйствительно отличные и льстили какъ нельзя болѣе самолюбію хозяина, когда онъ гулялъ съ ними по Невскому; да дѣло въ томъ, что дома онъ никакъ не могъ пріучить ихъ лежать замертво на возвышеніяхъ, покрытыхъ ковромъ и находящихся по обѣимъ сторонамъ камина, имѣя въ виду произвести картину, которая бы сразу поражала входившаго въ гостиную. Накатовъ, какъ извѣстно, страшно любилъ эффекты. Удивленный нѣсколько тѣмъ, что къ нему не только не съѣзжается весь Петербургъ, но что даже самые близкіе пріятели являются очень рѣдко, Накатовъ не переставалъ однакожъ сыпать деньгами на уборку и устройство дома; онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что Петербургъ не ѣдетъ потому вѣроятно, что ждетъ окончанія приготовленій или сигнала.

Дѣло въ томъ, что Накатова начали въ самомъ дѣлѣ замѣчать въ городѣ. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Нѣтъ, кажется, города въ цѣломъ мірѣ, гдѣ бы такъ легко можно было произвести эффектъ и поразить внѣшнимъ блескомъ, какъ въ Петербургѣ; тутъ общій, одинъ салонъ для всѣхъ—это Невскій проспектъ, и рѣшительно нельзя показаться новому лицу, чтобы не быть замѣчену; привычники Невскаго проспекта никакъ не пропустятъ его безъ вниманія; какъ татуированный индіецъ или ка-

Digitized by Google

раибъ, онъ непремѣнно бросится всѣмъ въ глаза. Каждая мало-мальски отличительная особенность является тутъ какъ на блюдечкѣ; петербургская публика, привыкнувшая сходиться и встрѣчать каждый день на Невскомъ одни и тѣ же лица, знаетъ уже почти въ лицо другъ друга, не говорю о привычникахъ, которые узнаютъ каждаго сзади по походкѣ. Если не встрѣтишь отъ Полицейскаго моста до Аничкина хоть одного обыденнаго гуляльщика, съ которымъ между прочимъ вовсе и не знакомъ, кажется, уже какъ будто что-то не такъ на Невскомъ, не все въ порядкѣ, хотя однакожъ никакъ не опредѣлишь, чего нѣтъ и чего именно недостаетъ ему. Мудрено ли послѣ всего этого, что появленіе Накатова, прогуливавшагося то съ двумя необыкновенными бульдогами и тростью съ изумруднымъ набалдачникомъ (которую, разумѣется, старался онъ держать на виду), то въ шарабанѣ, ландо или купэ, запряженными отличными рысаками, въ англійскихъ шорахъ, съ аранами вмѣсто грумовъ, — бросалось всѣмъ и каждому въ глаза.

— Кто это? кто? кто? спрашивали поперемѣнно гуляющіе.

На это обыкновенно отвѣчали вопросомъ:

— Вы слышали исторію богатой старушки, которая съ ума сошла?

— Разумѣется, кто-жъ этого не знаетъ!

— Ну, такъ это ея внучекъ.

— А-а-а! вотъ оно что! повторяли въ одинъ голосъ спрашивавшіе, слѣдя съ особеннымъ любопытствомъ за экипажемъ счастливаго внучка.

А Накатовъ между тѣмъ, не перестававшій коситься на тротуаръ и слѣдившій за эффектомъ, произведеннымъ его появленіемъ, выламывалъ спину, выставлялъ грудь, пыхтѣлъ и самодовольно раздувалъ щеки. Онъ захлебывался отъ восторга. Но часто сіявшее лицо его вдругъ омрачалось, какъ солнце во время затменія: посреди самыхъ сильныхъ порывовъ радости, отъ которыхъ сладостно вздрагивала его селезенка, ему западали въ голову слова Христіяна Христіяныча, продолжавшаго утверждать, что положеніе бабушки не совсѣмъ еще безнадежно и болѣзнь ея легко можетъ обратиться въ „періодическую“. Смертельный холодъ мгновенно распространялся по всѣмъ его членамъ; при словѣ „періодическая“, онъ вздрагивалъ, какъ будто слышалъ роковой выстрѣлъ и чувствовалъ

уже смертельную пулю въ могучей груди своей. Нужно замѣтить, что философія нашего героя, воскликнувшаго когда-то, что все равно ему, лишь бы пожуировать хоть на время жизнью, — постепенно исчезала, по мѣрѣ того, какъ онъ болѣе и болѣе пробовалъ богатства. Мысль вернуться къ прежнему состоянію была уже такъ невыносима, что каждый разъ, какъ она приходила ему въ голову, онъ закрывалъ глаза, какъ человѣкъ, падающій въ бездну, и тутъ же для одобренія выпивалъ нѣсколько бокаловъ шампанскаго сряду.

Проживши долгое время посреди нужды и пренебреженія и потомъ сдѣлаться вдругъ обладателемъ блистательнаго дома, состоянія, давать обѣды, видѣть себя предметомъ всеобщаго любопытства, предметомъ подобострастнаго движенія въ магазинахъ, гдѣ стоитъ выставить грудь и бросить зря тысячу-другую, чтобы васъ величали: „M-r le comte“ или „ваше сіятельство!“ обращать вниманіе хорошенькихъ женщинъ, тогда какъ прежде никто и смотрѣть не хотѣлъ, — всего этого слишкомъ достаточно, чтобы вскружить голову, особенно когда въ головѣ настолько же мало здраваго смысла, насколько много чванства и мелочного самолюбія. Для полнаго блаженства, Накатову недоставало только блистать въ большомъ свѣтѣ, какъ блисталъ онъ на Невскомъ. Онъ бѣсился и проклиналъ Бондаревскаго, который обманулъ его, обѣщавъ пріѣхать на другой же день послѣ обѣда; досада эта оправдывалась безпокойствомъ, которое испытывалъ Накатовъ, не переставшій спрашивать себя: „Что бы могли значить намеки Бондаревскаго? отчего, по его мнѣнію, слѣдовало выдержать прежде, чѣмъ пуститься въ свѣтъ?...“

Встрѣтивъ его нѣсколько разъ послѣ этого, Накатовъ не намекнулъ ему однакожъ объ этомъ ни слова, частью, чтобы не показать пріятелю, что онъ слишкомъ нуждается въ его протекціи, частью опасаясь надоѣсть ему, потому что, какъ бы тамъ ни было, Накатовъ довѣрялъ вполнѣ Бондаревскому, разсчитывалъ на его покровительство и боялся его лишиться. Княгиня и княжна Зинзивѣевы не давали ему покоя.

Недѣли полторы послѣ извѣстнаго уже обѣда, часу во второмъ пополудни, домъ Накатова былъ погруженъ въ мертвое молчаніе: всѣ спали. Швейцаръ, усѣвшись на стулѣ и упершись булавою, предавался сладкому отдыху;

Digitized by Google

Иванъ, приставленный наверху лѣстницы къ звонку, также спалъ отъ печего дѣлать; арапы, прислонившись бочкомъ къ дивану, преисправно кивали другъ другу головою; бульдоги, не принуждаемые арапникомъ, какъ на зло теперь своему господину, лежали неподвижно на своихъ ковряныхъ пьедесталахъ; и, наконецъ, самъ Накатовъ спалъ непробуднымъ сномъ въ своемъ кабинетѣ. Свалившись нѣсколько на-бокъ съ высокой перины и страшно раскрывъ ротъ, онъ, казалось, съ трудомъ вдыхалъ въ себя воздухъ; мало-по-малу грудь его стѣснилась; онъ смутно почувствовалъ, что какая-то невѣдомая сила давитъ его, что дыханіе останавливается въ его горлѣ, и вдругъ чихнулъ и раскрылъ глаза; но каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ передъ собою густое облако дыму и почувствовалъ уже наяву, что кто-то его давитъ. Онъ испустилъ пронзительный крикъ, но въ ту-жъ минуту облако дыма разсѣялось, и сквозь рѣдѣвшія его струйки четко обозначилась фигура Бондаревскаго съ сигарою во рту.

— Эй! вставай! скоро два часа! кричалъ Бондаревскій, смѣясь во все горло. — Какъ тебѣ, братецъ, не совѣстно! вѣдь Невскій проспектъ давно на ногахъ и ждетъ своего яснаго солнышка... Проснись!

— А-а! это ты?.. вымолвилъ Накатовъ, протирая глаза.—Здравствуй, душа моя; что это тебя не видать такъ долго?.. Ишь, злодѣй, надулъ меня! обѣщался пріѣхать, помнишь ли когда еще?.. Гдѣ ты пропадалъ?..

— Серьезно, нельзя было; минуты свободной не выберется... утромъ то бѣгъ, то горы, то визиты, а вечеромъ и говорить нечего,—самъ знаешь... Ну, Накатовъ, я долженъ тебѣ сказать, ты, братецъ, производишь рѣшительный фуроръ на Невскомъ съ твоими лошадьми и арапами... всѣ о тебѣ спрашиваютъ...

— Да, душенька, да, да, знаю... слышалъ, перебилъ Накатовъ съ восхищеніемъ, пожимая ему руку, — мнѣ то же самое говорилъ Черницкій; онъ былъ у меня...

— А! ну что, какъ онъ? Я его давно не видалъ...

— Да что, душа моя, плохо, жаль мнѣ его... представь себѣ, прибѣжалъ ко мнѣ растрепанный, въ отчаяніи, рветъ на себѣ волосы...

— Вѣрно, жена у него родитъ?

— Ты почемъ знаешь?..

Digitized by Google

— Догадываюсь... вѣдь это случается у него, если не ошибаюсь, почти каждый мѣсяцъ...

— Тѣмъ хуже: каждый разъ нужны деньги, а у него гроша нѣтъ... ужасное, братецъ, положеніе...

— Что-жъ, ты помогъ ему?

— Какъ же, душа моя, помилуй, человѣкъ въ отчаяніи, рветъ на себѣ волосы, нельзя не помочь; притомъ въ моемъ положеніи, съ моимъ состояніемъ, согласись, могутъ ли составить счетъ какіе-нибудь триста цѣлковыхъ? Я всегда радъ пособить товарищу... ахъ, да, кстати... Ну, что-жъ, былъ ты у княгини Зинзивѣевой? неожиданно прибавилъ Накатовъ.

— Какъ же... спрашивали опять про тебя... я обѣщалъ имъ непремѣнно тебя представить...

— Что ты! вскричалъ Накатовъ, подпрыгивая на постели.—Спасибо, душенька, спасибо... Ну, а насчетъ того... помнишь, что ты хотѣлъ мнѣ сообщить за обѣдомъ?..

— Я за тѣмъ и пріѣхалъ сегодня.

— Ахъ, дружокъ, вотъ спасибо, вотъ одолжилъ!..

— Ну, вставай же скорѣе, одѣвайся, я подожду тебя въ гостиной...

— Хорошо, хорошо, посиди передъ каминомъ, я сію минуту явлюсь къ тебѣ! говорилъ Накатовъ, поспѣшно соскакивая съ постели.—Эй! кто тамъ?

Накатовъ позвонилъ. Въ комнату вбѣжали изъ одной двери арапы, изъ другой мажордомъ съ Иваномъ. Бондаревскій вышелъ изъ кабинета.

Минутъ пять послѣ этого, въ гостиной показался Накатовъ въ шелковомъ халатѣ и розовыхъ бархатныхъ туфляхъ.

— Бондаревскій, ты чего хочешь, чаю или кофе?..

— Какъ, развѣ ты утромъ пьешь чай?

— А что?..

— Охота вливать въ тощій желудокъ нѣсколько стакановъ кипятку!.. Я давно замѣнилъ это варварское обыкновеніе и дѣлаю какъ англичане...

— Ну, да вѣдь я точно такъ же... я такъ только спросилъ...

— Чѣмъ же ты завтракаешь? насмѣшливо спросилъ Бондаревскій.

Вопросъ этотъ поставилъ Накатова въ сильное затрудненіе; но чтобы не показать пріятелю своего незнанія,

Digitized by Google

онъ поспѣшно отвѣчалъ: „да такъ себѣ, какъ случится, шоколадъ...“

— Ну, это, братъ, скорѣе по-французски!.. Англичане держатся превосходной системы завтракать ростбифомъ, котлетами, яйцами всмятку, масломъ и другими болѣе или менѣе хорошими вещами... Впрочемъ, это до меня не касается въ настоящую минуту; ты, пожалуйста, не хлопочи: я уже сегодня завтракалъ... и охотно выпью теперь чашку чаю...

— Чаю! крикнулъ Накатовъ. — Ну, дружокъ, продолжалъ онъ, приближаясь къ пріятелю и нѣжно трепля его по колѣнамъ,—скажи мнѣ теперь, что̀ хотѣлъ сообщить... Признаюсь, меня это немножко безпоко... то-есть интересовало... Ты знаешь, какъ я вѣрю твоему вкусу и знанію свѣта; знаю, что ты меня любишь.

— Вотъ на этомъ-то основаніи, не иначе, и хочу сообщить тебѣ то, что̀ другой, конечно, не рѣшился бы сдѣлать.

Лицо Накатова приняло заботливое выраженіе; онъ еще ближе придвинулся къ пріятелю, который все-таки старался избѣгнуть его взглядовъ, чтобы сохранить во время разговора по возможности серьезную наружность.

— Слушай же, Накатовъ, началъ Бондаревскій, роясь въ каминѣ,—ты, братецъ, до сихъ поръ почему-то избѣгалъ общества, хотя, право, не нужно тебѣ было ждать огромнаго состоянія, чтобы бывать въ свѣтѣ...

— Знаю, знаю, душа моя; что-жъ дѣлать! дуракъ! прибавилъ Накатовъ, шлепая себя по лбу.

— Дѣло въ томъ, продолжалъ Бондаревскій, тужась, чтобы не засмѣяться.—Дѣло въ томъ, говорю я, что, живя внѣ общества, ты, конечно, не знаешь многихъ условій... Разумѣется, это мелочи, бездѣлицы, если хочешь, но все же такія бездѣлицы, безъ которыхъ никакъ нельзя обойтись... Вотъ насчетъ этого-то я и хотѣлъ поговорить съ тобою.

— Ахъ, душенька ты моя! Вотъ истинный-то другъ! Впрочемъ, я всегда ожидалъ отъ тебя...

— Хорошо, хорошо, возразилъ, смѣясь, Бондаревскій,— во-первыхъ, тебѣ нужно обратить какъ можно больше вниманія на туалетъ... Кто шьетъ тебѣ платье?.. Ты, я знаю, на этотъ счетъ философъ: ты думаешь, все равно носить толстыя рубашки или вотъ такіе носки напримѣръ (Накатовъ проворно подобралъ ноги)... Я понимаю, что

Digitized by Google

если тебѣ это все равно, никому не можетъ быть дѣла, пока ты станешь жить медвѣдемъ; но въ обществѣ, братъ, этого нельзя; ты знаешь, какіе въ этомъ случаѣ плохіе философы наши дамы и барышни,—бѣда! довольно криво надѣтыхъ перчатокъ, чтобы погубить себя окончательно въ ихъ мнѣніи!.. Онѣ рѣшительно все замѣчаютъ, все видятъ! Тамъ, братецъ, подъѣзжай сколько хочешь въ каретахъ съ арапами, скажутъ только: богачъ! милліонеръ! но этого—не правда ли?—мало! Этимъ не можетъ ограничиться самолюбіе человѣка... Ты еще молодъ, свѣжъ, притомъ не совсѣмъ дуренъ собою (Накатовъ искалъ глазами зеркала и крутилъ головою); тебѣ предстоитъ, слѣдовательно, въ свѣтѣ еще другое: тебѣ нужно стараться не уронить себя въ гостиныхъ нашихъ хорошенькихъ и модныхъ женщинъ, точно такъ же, какъ ты не роняешь себя на Невскомъ, гдѣ обратили только вниманіе на твоихъ араповъ, лошадей и карету... Повѣрь мнѣ, одежда вещь великая въ свѣтѣ, то-есть вообще внѣшность, наружность...

— Помилуй, душа моя, я это очень хорошо понимаю...

— То-то же... Ты шьешь, напримѣръ, себѣ всегда широкое платье; въ этомъ случаѣ ты раздѣляешь, точно такъ же, какъ я, англійскій вкусъ; но дѣло въ томъ, что между нами разница большая, и что хорошо для меня, тебѣ рѣшительно не годится. Я худъ какъ щепка и похожъ на скелетъ, обернутый въ яичную пленочку; мнѣ идетъ широкое платье; ты, слава Богу, награжденъ здоровьемъ и свѣжестью,—толстенекъ, и широкій сюртукъ, естественно, дѣлаетъ тебя еще толще; право, даже какъ-то неуклюже сидитъ на тебѣ широкое платье... Шей себѣ непремѣнно все въ обтяжку; чего тебѣ бояться! сложенъ ты очень хорошо, формы у тебя—хоть бы лѣпить съ нихъ статуи... это можетъ только принести тебѣ выгоду... Позови Оливье: онъ обтянетъ тебя, какъ словно въ чернила окунетъ... цѣна тебѣ все равно?..

— О, разумѣется!..

— Ну, вотъ видишь ты! Кромѣ этого, ты непремѣнно долженъ запастись батистовыми галстуками и лакированными ботинками,—слышишь, лакированными, не иначе!.. потомъ шитыми батистовыми рубашками...

— У меня уже есть... я купилъ на-дняхъ три штуки!

— Вотъ славно! Да кто же покупаетъ эти вещи поштучно! Это хорошо дѣлать какому-нибудь свѣтскому

Digitized by Google

голышу, а не тебѣ!.. Купи себѣ три-четыре дюжины! Вѣдь стòитъ только разъ толкнуться тебѣ куда-нибудь, пошли расхватывать! каждый вечеръ будешь званъ то на балъ, то на чай... А утренніе визиты! Что ты, Христосъ съ тобой! три рубашки!.. Утромъ вышелъ гулять—одну надѣлъ, визитъ—другую, вечеръ—третью, спектакль или балъ случится въ тотъ же день—четвертую... Экъ его! три рубашки!.. Да знаешь, любезный Накатовъ, сколько по-настоящему порядочный человѣкъ, денди, какимъ ты хочешь быть, долженъ носить въ день перчатокъ? Ну, какъ ты думаешь?

— Двѣ... три пары... нерѣшительно произнесъ Накатовъ.

— Стыдись! а еще джентльменъ! Ради Бога, не ляпни такой штуки предъ какимъ-нибудь великосвѣтскимъ львомъ... Какъ три! Слушай: утромъ идешь гулять—одна пара цвѣтная, то-есть смотря по цвѣту пальто или панталонъ, замѣть себѣ это; катаешься верхомъ около часу, какъ подобаетъ каждому джентльмену—другую пару замшевую, то-есть такъ же сообразно цвѣту остальной одежды или особенно масти твоего ponney, лошади, замѣть это; ѣдешь обѣдать — желтыя или палевыя: это три; въ театръ — четыре, на балъ, бѣлыя — пять; въ маскарадъ случится — шесть. Такъ вотъ какъ, любезный: вдвое ровно... Потомъ, Накатовъ, ради самого Бога, перестань такъ немилосердно намазывать себѣ голову помадой; ты же, какъ на зло, предпочитаешь гвоздичную, запахъ которой, извини, братецъ, напоминаетъ горничныхъ, да и то только провинціальныхъ! фу! Возьми себѣ куаферомъ Грильона: онъ устроитъ тебѣ все это какъ нельзя лучше... а также не прыскай на себя духовъ, особенно крѣпкихъ: это mauvais genre въ высшей степени!..

— Да помилуй же, душенька моя! воскликнулъ съ ужасомъ Накатовъ,—что-жъ мнѣ дѣлать! Я, знаешь, немножко толстенекъ и какъ-то... прибавилъ онъ таинственно, наклонившись къ Бондаревскому.

— На это есть средство, милый мой: бери, во-первыхъ, каждый день душистыя ванны; твое состоянье позволяетъ тебѣ купаться хоть по горло въ розовой водѣ; ну, и въ бѣлье вели наложить какой-нибудь sachet, — только не пачули, замѣть это; лучше всего спроси у Renommée кусокъ испанской кожи...

— Погоди! стой!.. я запишу, сказалъ Накатовъ.—Эй, человѣкъ! вели записать мажордому, чтобъ купить испан-

Digitized by Google

ской кожи!.. Ну, ну... охъ, какъ я тебѣ благодаренъ; и въ самомъ дѣлѣ, какъ дернетъ вотъ этакъ нелегкая не ѣздить въ общество, такъ ничего и не соблюдаешь... Да что прикажешь дѣлать, дуракъ! прибавилъ онъ, стукая себя по головѣ.

— Ну, теперь есть еще одно обстоятельство, продолжалъ Бондаревскій, закрывая нижнюю губу,—если хочешь, оно довольно важно, но, впрочемъ, и этого будетъ довольно...

— Нѣтъ, нѣтъ, Бондаревскій, сдѣлай милость, говори: я вѣрю тебѣ вполнѣ и совершенно во всемъ согласенъ.

— Видишь ли, Накатовъ, я бы охотно сказалъ тебѣ, но это такой предметъ!.. Я, право, боюсь, чтобъ ты не принялъ моихъ словъ въ дурную сторону... къ тому же ты немножко щекотливъ...

— Вотъ вздоръ какой! между товарищами! вскрикнулъ Накатовъ, протягивая руку пріятелю.

— Да нѣтъ, ты не знаешь, въ чемъ дѣло...

— Я и прошу тебя, чтобъ ты сказалъ мнѣ, въ чемъ дѣло.

— Ты вѣришь, что все, что я ни говорю, внушено мнѣ истиннымъ участіемъ?

— Вѣрю! клянусь, ей-Богу, вѣрю!

— Ну, когда такъ, слушай же... Скажи мнѣ напередъ, какая твоя главная цѣль бывать въ обществѣ?

— Ты же самъ говорилъ... мое положеніе, состояніе...

— Нѣтъ, нѣтъ, все это въ сторону,—еще нѣтъ ли другой цѣли?..

Накатовъ засмѣялся.

— Хочешь ли ты нравиться нашимъ женщинамъ? спросилъ Бондаревскій, устремляя на него сѣрые, насмѣшливые глаза свои.

— Отчего нѣтъ! отвѣчалъ Накатовъ, поправляя волосы.

— Въ такомъ случаѣ, совѣтую тебѣ обратить какъ можно больше вниманія... на лицо твое, сказалъ Бондаревскій, краснѣя до ушей отъ усилія удержать смѣхъ, подступившій къ горлу.

— Какъ, на лицо? Этого не понимаю. Что-жъ ты находишь такого въ моемъ лицѣ? спросилъ Накатовъ, краснѣя въ свою очередь и отыскивая безпокойными глазами зеркало.

— А вотъ что: я долженъ тебѣ сказать, прежде всего, что ты его запустилъ,—оно слишкомъ толсто (Накатовъ поспѣшно обхватилъ щеки обѣими ладонями)... самъ

Digitized by Google

знаешь, какъ это не нравится женщинамъ; и потомъ— это главное, замѣть хорошенько — оно ужъ черезчуръ красно (Накатовъ бросился къ зеркалу)... это, братецъ, не хорошо и, разумѣется глупо, если хочешь,— считается mauvais genre.

— Но что-жъ мнѣ съ нимъ дѣлать? Что будешь дѣлать, когда раздуваетъ его во всѣ стороны! возразилъ отчаяннымъ голосомъ Накатовъ, дергая себя немилосердно то за одну щеку, то за другую.—Я самъ, братъ, знаю, самъ вижу, что скверно, но какъ помочь этому... Говорятъ, барышни ѣдятъ мѣлъ, уголь, магнезію...

— Да; но замѣть, это дѣлаютъ барышни, ихъ дѣло магнезія, а ты мужчина и притомъ еще мужчина здоровый, крѣпкій: тебѣ нужны болѣе сильныя средства... на твоемъ мѣстѣ я просто-напросто велѣлъ бы приставить себѣ дюжины двѣ піявокъ или пустить кровь... Что дѣлать! самъ ты видишь, что не хорошо.

— Какой не хорошо! срамъ!.. Ишь разгорѣлись какъ!.. повторялъ Накатовъ, топая передъ зеркаломъ отъ досады.—Чего ты смѣешься, Бондаревскій, ей-Богу досадно, душа моя...

— Ну, такъ вотъ, Накатовъ, что я хотѣлъ тебѣ сообщить, по-пріятельски, продолжалъ Бондаревскій, поднося поминутно платокъ къ лицу и сморкаясь,—теперь твоя воля! можешь послѣдовать моему совѣту или нѣтъ, мнѣ, братецъ, согласись, все равно; поѣдемъ, пожалуй, хоть сейчасъ къ княгинѣ Зинзивѣевой, я готовъ... Но мнѣ хотѣлось бы, чтобъ впечатлѣніе княжны было полно... Представь, она воображаетъ тебя красавцемъ; не знаю, почему она такъ вообразила,—женщины странны, причудливы!.. Мнѣ, право, смѣшно... но что-жъ прикажешь дѣлать!.. Ужъ если женщина вобьетъ себѣ что-нибудь въ голову, кончено,—бѣда!..

— Съ чего она это взяла и вообразила... плутовочка! сказалъ, усмѣхаясь, Накатовъ.

— Ну, однакожъ, прощай, прибавилъ Бондаревскій,—я ѣду... извини, милый мой, если я высказалъ тебѣ нѣсколько истинъ; но я сдѣлалъ это, желая тебѣ успѣха и пользы отъ всего сердца... ты вступаешь на новое поприще...

— Душенька! что ты говоришь! прибавилъ Накатовъ.— Онъ еще вздумалъ извиняться! Да я не знаю, какъ благодарить тебя... повѣрь, я никогда не забуду твоей услуги... Когда же ты пріѣдешь ко мнѣ?..

Digitized by Google

— Когда хочешь... я теперь буду на нѣсколько дней свободенъ; напиши, когда будешь дома...

— Я теперь недѣли полторы никуда не хочу показываться... Что ты думаешь, дружокъ, можетъ въ это время поправиться бѣда, а? а? а?..

— Разумѣется, слишкомъ даже достаточно... Итакъ, во-первыхъ, я пришлю тебѣ Оливье... смотри же, сдѣлай такъ, какъ я тебѣ говорилъ: вели шить въ обтяжку... во-вторыхъ, пришлю Грильона...

— Хорошо, хорошо, непремѣнно; я послѣдую въ точности всѣмъ твоимъ совѣтамъ... Еще разъ спасибо, душенька, продолжалъ Накатовъ, обнимая и цѣлуя пріятеля,—спасибо, спасибо!..

— Не за что, не за что! Ну, прощай же, я еще, можетъ-быть, заверну къ тебѣ завтра... до свиданія...

Бондаревскій уѣхалъ.

Весь этотъ день Накатовъ провелъ въ страшномъ волненіи, и первый разъ въ жизни просидѣлъ дома. Онъ поминутно подходилъ то къ одному зеркалу, то къ другому, щупалъ одутловатыя свои щеки, топалъ каблукомъ, снова ходилъ по комнатѣ и снова останавливался передъ зеркаломъ. Онъ какъ будто внезапно прозрѣлъ; ему казалось теперь такъ же страшно и совѣстно показаться на Невскій, какъ наканунѣ еще было пріятно и необходимо. „Всѣ видѣли, что у меня красное лицо и пухлыя, глупыя щеки!“ безпрестанно восклицалъ онъ, ломая въ отчаяніи руки. Итакъ, Накатовъ заточился дома. Вмигъ разосланы были всѣ люди по магазинамъ, портнымъ, парикмахерамъ; мажордому поручено было сходить за цырюльникомъ. Не мало тужилъ, качалъ головою и повертывалъ мизинцами старый Гаврило, но дѣлать было нечего; онъ отправился въ полной увѣренности, что на Бориса Борисыча нашелъ такой же столбнякъ, какъ на Пелагею Антоновну. Къ вечеру Накатову выпустили двѣ чашки крови; онъ тотчасъ же велѣлъ подать зеркало, внимательно осмотрѣлъ лицо, ощупалъ щеки и приказалъ выпустить еще чашку, къ совершенному недоумѣнію цырюльника, увѣрявшаго, что и такъ ужъ слишкомъ много. На другой день первымъ дѣломъ Накатова было спросить зеркало... Онъ остался какъ будто доволенъ своею наружностью, усмѣхнулся и даже подпрыгнулъ на постели, но вдругъ вспомнилъ княжну Зинзивѣеву, и снова лицо его омрачилось. Онъ бросилъ зеркало и велѣлъ нем[illegible]ать за докторомъ.

Digitized by Google

Никто не можетъ утвердительно сказать, на что жаловался Накатовъ врачу; достовѣрно только то, что послѣ совѣщанія врачъ прописалъ лѣкарство, отъ котораго Накатовъ поблѣднѣлъ и ослабъ окончательно, такъ что цѣлые два дня не могъ приподняться съ постели. Онъ, впрочемъ, вознагражденъ былъ какъ нельзя лучше за свои страданія: щеки его значительно осунулись и побѣлѣли; когда онъ взглянулъ на нихъ дня черезъ три послѣ исполненія рецепта, тысячи благословеній полились изъ устъ его врачу и Бондаревскому. Онъ разослалъ по всѣмъ своимъ пріятелямъ, прося ихъ навѣстить больного; въ ожиданіи, Накатовъ скучалъ страшно. Лежа одинъ въ своемъ кабинетѣ, загроможденномъ теперь помощію Грильона баночками съ настоящимъ и поддѣльнымъ медвѣжьимъ жиромъ, коробочками съ притираньями и душистой пудрой, флакончиками, щеточками, порошками, онъ предавался то печальнымъ, то радостнымъ думамъ, смотря по тому, попадало ли на мысль слово: „періодическая“, или нѣтъ. Образъ мечтаній Накатова, какъ каждый можетъ легко представить, не отличался особеннымъ разнообразіемъ; даже въ хорошія минуты мысли его вертѣлись постоянно около одного и того же предмета. Большею частію онѣ ограничивались слѣдующимъ: „Что, думалъ онъ, если бъ вдругъ продать все мое имѣнье, все, что у меня есть: и домъ бабушкинъ, и деревни, все, все, даже двухъ бульдоговъ, и обратить все это въ капиталъ,—сколько бы вышло? Я думаю—страшная сумма?.. за милліонъ хватитъ, куды! за пять милліоновъ?..“ или: „Ну, а если бъ весь этотъ капиталъ размѣнять на золото, на червонцы, какъ бы велика вышла куча?.. я думаю, мало-мало, что ни съ эту комнату...“ и пр. Часто мысли его прерывались на самомъ интересномъ мѣстѣ появленіемъ кого-нибудь изъ пріятелей, чаще всего Гвоздиковымъ и Черницкимъ. Послѣдній, узнавъ, что Накатовъ завтракаетъ съ нѣкоторыхъ поръ по-англійски—ростбифомъ, котлетами и портвейномъ, является каждое утро; визиты его не были впрочемъ продолжительны; онъ входилъ въ кабинетъ хозяина, пожималъ ему руку, потомъ завтракалъ, снова пожималъ хозяину руку, говорилъ: „прощай!“ и ѣхалъ не медля ни минуты. Но появленія Гвоздикова не ограничивались завтракомъ и продолжались съ утра вплоть до поздней ночи, такъ что даже надоѣли Накатову.

Что за странный человѣкъ былъ въ самомъ дѣлѣ этотъ

Digitized by Google

маленькій Гвоздиковъ! Чего онъ юлилъ? Чего искалъ и добивался,—рѣшительно нельзя было понять. Отецъ его, богатый купецъ-откупщикъ, давалъ ему много денегъ; была у него и семья, и свой кругъ, — нѣтъ, Гвоздиковъ никакъ не уживался тамъ, гдѣ ему хорошо было. Онъ имѣлъ необъяснимую страсть знакомиться безъ всякой видимой цѣли, такъ себѣ, любилъ знакомство для знакомства; онъ, правда, замиралъ и чувствовалъ біеніе сердца, когда удавалось ему заговорить съ графомъ или княземъ, но въ то же время біеніе сердца и замираніе чувствовалъ онъ и при встрѣчѣ съ французскими и русскими актерами, съ литераторами и художниками. И главное то странно, что чѣмъ болѣе щелкали его эти знакомые, привязанность его къ нимъ усиливалась. Какъ женщины извѣстнаго разряда, онъ любилъ, что его тиранило то, къ чему онъ чувствовалъ сердечную слабость. Въ пансіонѣ, куда отдалъ его отецъ, Гвоздикова чуть было не заколотили товарищи; его взяли изъ пансіона, но Гвоздиковъ отбивался руками и ногами и рыдалъ по товарищамъ ровно тридцать дней и тридцать ночей; думали, умретъ мальчикъ. Съ младенчества онъ былъ плакса и вертлявъ, какъ маленькая собачонка; въ немъ не было ни ума, ни образованія, ни веселости, ни такта,—ну, словомъ, ровно ничего особеннаго, кромѣ развѣ искусства показывать всѣмъ и каждому свои скверные зубы. Ему такъ часто удавалось слышать истины, что наконецъ онъ самъ началъ понимать, до чего долженъ былъ быть несноснымъ, и со всѣмъ тѣмъ не могъ никакъ побѣдить въ себѣ несчастной страсти совать свой носъ и лѣзть, куда его вовсе не спрашивали. Кто же разгадаетъ послѣ этого, чего юлилъ, искалъ и добивался юноша съ изумрудными зубами!...

Накатовъ былъ совершенно счастливъ! Лицо его, походившее прежде на очищенную свеклу, приближалось постепенно цвѣтомъ и видомъ къ крупичатому, недопеченому хлѣбу,—обстоятельство, заставлявшее его не отходить отъ зеркала и принимать всевозможные роды улыбокъ и обольстительныхъ выраженій. Наконецъ насталъ счастливый день, назначенный Бондаревскимъ, чтобы ѣхать къ княгинѣ Зинзивѣевой. Съ ранняго утра поднялась тревога по всему дому, несмотря на старанія Накатова показывать людямъ спокойную, исполненную достоинства физіономію. Въ двѣнадцать часовъ явился Оливье.

Digitized by Google

Платье, дѣйствительно, оказалось такимъ, какъ совѣтовалъ Бондаревскій: пышныя формы Накатова выказывались въ немъ такъ же четко, какъ груда арбузовъ, накрытая мокрымъ полотномъ. Къ часу Накатовъ былъ уже совсѣмъ готовъ.

Оставшись одинъ, онъ вышелъ въ гостиную, оглянулъ себя еще разъ съ головы до ногъ, взялъ шляпу и приблизился на цыпочкахъ къ трюмо. Расшаркавшись нѣсколько разъ сряду и пробормотавъ привѣтствія, посреди которыхъ вырывались слова: „княгиня!“ „княжна!“, Накатовъ подпрыгнулъ кверху и произнесъ, трепля себя ласково по правой щекѣ: „Ммм... дрянь, дрянь, соблазнитель... седюкторъ! мм...“ Такъ продолжалось до половины второго. Но тутъ восторженное настроеніе духа начало постепенно измѣнять Накатову. По мѣрѣ того, какъ часовая стрѣлка приближалась къ двумъ,—часу отправленія, часу, когда въ первый разъ предстояло ему представиться въ аристократическую гостиную княгини Зинзивѣевой,—имъ начинало овладѣвать какое-то лихорадочное безпокойство, такъ что когда ударило два часа, и почти въ то же время раздался на лѣстницѣ звонокъ, возвѣстившій пріѣздъ Бондаревскаго, Накатовъ почувствовалъ внезапно такую слабость въ желудкѣ и колѣняхъ, что долженъ былъ прислониться къ дивану, чтобы удержаться на ногахъ...

X.

У княгини Зинзивѣевой.

Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ княгиня Зинзивѣева и ея дочка не пропускаютъ ни одного бала дворянскаго собранія, ни одного вечера, раута или обѣда; рѣшительно не было новаго спектакля, гулянья, празднества и бенефиса, гдѣ бы не бросались въ глаза могучія, крутыя формы старой княгини и фальшивыя букли, перехваченныя пышнымъ кружевнымъ чепцомъ съ яркими цвѣтами, и рядомъ съ ними бѣлокурое, блѣдное, но миловидное личико молодой княжны.

Княжна, несмотря на свои двадцать пять лѣтъ, умѣла еще довольно искусно сохранить всю внѣшнюю грацію и наивность молоденькой дѣвушки; правда, ночи, проводимыя на балахъ, почти каждыя сутки, въ продолженіе восьми лѣтъ, утомили ея свѣтлые, голубые глазки, обо-

Digitized by Google

значали на вискахъ желтоватыя, прозрачныя тѣни, но и это, какъ увѣряли очень многіе, придавало ея лицу что-то страстно-мечтательное и „интересное“. Первые дебюты ея въ свѣтѣ были блистательны. Никто не танцовалъ такъ граціозно и просто; никто такъ очаровательно не пѣлъ новыхъ романсовъ Loisa-Pujet и Варламова; ея гибкій станъ былъ всегда безукоризненно зашнурованъ; свѣжій, тонкій башмачокъ обтягивалъ ея стройную ножку... чего же больше? Ей аплодировали, ею восхищались всѣ безусловно, кромѣ, разумѣется, маменекъ, ловившихъ женихова своимъ дочкамъ. Три поколѣнія корнетовъ и прапорщиковъ истратили запасъ вздоховъ, любезности и остроумія. Успѣхи эти подали старой княгинѣ такія сильныя надежды въ будущемъ, что, рѣшившись было отправиться въ деревню послѣ смерти мужа, оставившаго ей тысячу заложенныхъ душъ и триста тысячъ долгу,—она вдругъ перезаложила свои помѣстья, отдѣлала великолѣпно цѣлый бель-этажъ и осталась въ Петербургѣ. Она была увѣрена, что ничто теперь не можетъ препятствовать найти дочери знатнаго и богатаго супруга. На этомъ основаніи пошли балы да вечера. Княгиня, не входившая до этого времени ни во что, не занимавшаяся рѣшительно ничѣмъ, кромѣ туалета, вскорѣ увидѣла, что сильно ошиблась въ своихъ предположеніяхъ и соображеніяхъ. На дѣлѣ оказывалось, что корнеты и прапорщики умѣютъ только вздыхать, любезничать, танцовать, восхищаться и ужинать; мало-по-малу она увѣрилась, что всѣ они по бо́льшей части люди безъ вкуса и такта, ибо для супружескаго счастія предпочитали искусству пѣть романсы, стройному стану, тоненькой ножкѣ и благозвучному имени, — кого угодно и что угодно, лишь бы находился при этомъ капиталъ или незаложенныя души. Годы шли между тѣмъ за годами, имѣнье княгини разстраивалось, дѣла запутывались... Но княгиня, къ счастію, принадлежала къ числу тѣхъ смертныхъ, которые какъ бы закаляются въ неудачахъ и энергія которыхъ возрастаетъ по мѣрѣ усиленія препятствій; каждая новая неудача заставляла ее, казалось, преслѣдовать съ бо́льшею настойчивостью свою цѣль; въ три-четыре года она пріобрѣла такія тонкія познанія въ практической жизни, что нашла средства поддерживать хоть наружный блескъ своего дома. Дочка тѣмъ временемъ продолжала танцовать и шнуроваться; она жила какъ птичка, находя вокругъ себя все нужное и готовое

Digitized by Google

для жизни; она была въ полной увѣренности, что повара, музыканты, дорогая мебель, лошади и экипажи составляютъ такую же естественную принадлежность каждаго дома, какъ плоды на деревьяхъ, цвѣтъ—на поляхъ и въ оранжереяхъ. Наконецъ, практическія свѣдѣнія старой княгини, вынуждаемыя и изощряемыя обстоятельствами, приняли такіе широкіе объемы, что сдѣлались замѣтными; въ свѣтѣ, гдѣ жила она, ничто не ускользаетъ; даже взгляды и легкія, почти неуловимыя движенія, имѣютъ тамъ сильный смыслъ и значеніе. Вскорѣ, при появленіи княгиня и ея дочки, стали шептаться; послѣдняя очевидно начинала танцовать меньше и меньше; ей минуло уже двадцать пять лѣтъ. Это обстоятельство произвело два послѣдствія: княгиня, видя близкую, вѣрную погибель своихъ надеждъ, закрыла глаза и принялась дѣйствовать съ отчаяніемъ человѣка, идущаго на приступъ; на лицѣ дочки невольно начало проглядывать досадливое выраженіе... Въ такомъ-то положеніи находилась княгиня, когда Бондаревскій выпросилъ у нея позволеніе представить Накатова...

Въ небольшой гостиной, довольно изящно убранной цвѣтами и условными бездѣлушками всѣхъ гостиныхъ извѣстнаго разряда, передъ большимъ зеркаломъ стояла княжна; она безпечно поправила складки двухличневаго шелковаго платья, перевязала бантъ галстука, оглянула себя со всѣхъ сторонъ и, сдѣлавъ маленькую гримасу, подошла къ столу, гдѣ были разбросаны журналы и нѣсколько новыхъ романовъ; не досмотрѣвъ модныхъ картинокъ, лежавшихъ тутъ же, она отбросила ихъ въ сторону, подошла къ роялю и, съ видомъ неотразимой скуки, начала наигрывать новую польку. Дверь растворилась и показалась княгиня, сопровождаемая горничной съ картономъ въ рукахъ.

Княгиня Зинзивѣева, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, была еще то, что называютъ — женщина свѣжая, видная; большого роста, она распространялась еще больше въ ширину; какъ ни были полны ея щеки, губы и подбородокъ, они все-таки не могли затопить окончательно тонкихъ чертъ лица, напоминавшихъ очень красивую наружность.

— Это вы, maman? спросила княжна, перебирая клавиши и не поворачиваясь къ ней лицомъ.

— Да, другъ [illegible] какъ устала! произнесла

Digitized by Google

гиня, переваливаясь какъ утка съ ноги на ногу и приглаживая волосы,—уфъ!

Тутъ она тяжело опустилась на диванъ и, взявъ изъ рукъ горничной картонку, углубилась въ разсматриваніе всевозможныхъ цвѣтовъ и лентъ.

Княжна насмѣшливо слѣдила за каждымъ ея движеніемъ.

— Посмотри, Соня, какая прелесть, продолжала старуха, протягивая мощную свою руку съ эѳирнымъ букетомъ искусственныхъ незабудокъ,—c'est tout-à-fait distingué... я лучше ничего не могла найти у мадамъ Споль...

Княжна взглянула изъ-за плеча на мать, быстро наклонилась къ роялю, взяла сильный аккордъ и спросила разсѣянно:

— Что мы сегодня дѣлаемъ?

— Ахъ, батюшки!.. что это ты, ma chère, развѣ забыла, что сегодня балъ у Ниловскихъ?.. возразила княгиня, приставляя незабудки къ бѣлой атласной лентѣ и наклоняя на-бокъ голову.—До бала надо еще заѣхать въ Большой театръ, присовокупила она,—говорятъ, интересный спектакль, много будетъ... Ахъ, посмотри, другъ мой, какъ мило, прелесть, charmant!.. вотъ бы тебѣ надѣть сегодня, Соня... ахъ, кстати (тутъ обратилась она къ горничной), была мадамъ Лабюсьеръ?..

— Нѣтъ-съ...

— Сію же минуту поѣзжай къ ней: скажи, чтобъ платье княжны готово было къ пяти часамъ...

Горничная вышла. Княгиня отодвинула картонку и, охая, развалилась на диванъ.

— Ужъ ты, Соничка, будь какъ можно милѣе сегодня...

— Что такъ? насмѣшливо перебила княжна.

— У Ниловскихъ вѣрно будетъ графъ Боржинскій, ma chère...

Княжна проворно повернулась къ матери; блѣдныя ея щеки ярко вспыхнули.

— Ужъ вамъ пятьдесятъ лѣтъ, maman, сказала она довольно рѣзко,—а у меня воображеніе не такъ пылко, какъ у васъ...

— Ахъ, Боже мой, ma chère, да что жъ я такое сказала? ну, не онъ, такъ будутъ другіе... comme c'est ridicule!.. à propos... вѣдь, кажется, сегодня Бондаревскій хотѣлъ представить намъ Накатова?..

— Да... кажется...

Digitized by Google

Княгиня окинула быстрымъ взглядомъ дочь.

— Повернись на минуту ко мнѣ, Соня, сказала она.

— Что вамъ угодно?

— Да, это платье очень тебѣ къ лицу; я замѣтила, къ тебѣ вообще идутъ свѣтлые цвѣта... А знаешь, прибавила она, какъ бы въ разсѣянности, — говорятъ, этотъ Накатовъ очень богатъ...

— Но страшно глупъ! замѣтила княжна, принимаясь снова перебирать клавиши.

— Но двѣсти тысячъ доходу, другъ мой, замѣняютъ очень многое, покусилась сказать медовымъ голосомъ княгиня.

Княжна опрокинулась на спинку стула и залилась звонкимъ смѣхомъ.

— Что ты? разумѣется, двѣсти тысячъ въ годъ замѣняютъ очень многое, повторила старуха.

— Вѣрю, вѣрю... вымолвила дочь. — М-me Накатовъ! М-me Накатовъ! продолжала она, смѣясь громче и громче.

На лѣстницѣ послышался звонокъ.

— Это онъ! воскликнула старуха, поспѣшно приподымаясь на ноги.—Соня, Соничка!.. Бога ради, продолжала она, становясь почти на колѣни передъ дочерью, — Бога ради, будь умна... если ты только хочешь что-нибудь сдѣлать для своей матери... если ты только любишь меня...

На лѣстницѣ послышались шаги. Княжна судорожно встала съ своего мѣста, выразительно взглянула на мать, но почти въ ту жъ минуту лицо ея смягчилось; она подошла къ креслу и опустилась туда съ видомъ тяжелой рѣшимости. Княгиня въ это время успѣла уже приподнять портьеру, бросить картонъ и ленты въ сосѣднюю комнату; потомъ кинулась она на кушетку и схватила въ руку батистовый платокъ. Все это было дѣломъ секунды.

Лакей доложилъ о пріѣздѣ Накатова и Бондаревскаго. Лица обѣихъ дамъ приняли самое пріятное, безпечное выраженіе.

Краснѣя и блѣднѣя, вошелъ Накатовъ въ гостиную княгини Зинзивѣевой, осуществлявшую для него идею общества, ему неизвѣстнаго, о которомъ онъ едва смѣлъ мечтать; и вотъ двери этого общества растворились передъ нимъ: онъ будетъ знакомъ съ княгиней Зинзивѣевой!.. будетъ раскланиваться съ ней на Невскомъ, въ виду всѣхъ, будетъ входить къ ней въ ложу. „Я былъ вчера у княгини Зинзивѣевой!“... „Мнѣ говорила это княгиня

Зинзивѣева!“ „Я ѣду вечеромъ къ княгинѣ Зинзивѣевой!“ Мысли Накатова терялись, сердце его словно хотѣло выпрыгнуть.

— Княгиня, честь имѣю представить вамъ моего друга Накатова, сказалъ Бондаревскій, взявъ его за руку и въ то же время взглядывая на княжну.

Та усмѣхнулась.

— Мм... мм... м... пробормоталъ сквозь зубы Накатовъ, почтительно опуская глаза и перенося двадцать разъ сряду свою шляпу изъ одной руки въ другую.

— Княжна, m-r Накатовъ! произнесъ Бондаревскій, обращаясь къ дочери.

— Мм... мм... м... пробормоталъ снова Накатовъ, вспыхивая мгновенно, какъ петергофская иллюминація.

Княжна граціозно поклонилась Накатову и подала руку Бондаревскому.

— Очень пріятно съ вами познакомиться, m-r Накатовъ, начала старуха, окидывая его проницательнымъ взглядомъ, — я была когда-то очень хорошо знакома съ вашей бабушкой.

— Мм... мм... м... княгиня... княгиня... мм... повторилъ Накатовъ, переминая шляпу.

Онъ взглянулъ на Бондаревскаго, опустилъ шляпу на колѣни и тотчасъ же вытянулъ ноги, положивъ ихъ одну на другую. Бондаревскій подогнулъ ноги и поставилъ шляпу на полъ; Накатовъ мгновенно поставилъ шляпу на полъ и подогнулъ ноги. Княжна и Бондаревскій переглянулись снова.

— Мы однакожъ, княгиня, явились, кажется, вовсе некстати, сказалъ Бондаревскій, придвигаясь къ старухѣ,— мнѣ показалось, что ваша карета у крыльца...

— Да, княгиня, я видѣлъ вашу карету, прибавилъ Накатовъ, также придвигаясь къ старухѣ.

— Нѣтъ, мы сегодня дома; я ѣздила кой-куда и не велѣла откладывать... Вечеромъ мы не будемъ дома: балъ у Ниловскихъ; но прежде мы еще заѣдемъ въ Большой театръ: сегодня балетъ; я очень люблю балеты...

— Княжна, вы не забыли, что обѣщали мнѣ вторую кадриль у Ниловскихъ? спросилъ Бондаревскій.

— Нѣтъ, но, пожалуйста запаситесь любезностію, чтобъ заставить меня забыть первую кадриль, которую я танцую съ...

— Знаю, знаю...

Digitized by Google

Бондаревскій поклонился.

— Вы не знаете, княгиня, происшествія, которое случилось съ Lise Ниловской на прошлой недѣлѣ? спросилъ онъ.

— Ахъ, нѣтъ, скажите пожалуйста, что такое? elle est si espiègle cette Lise...

— Вы слышали, княжна?

— Нѣтъ... скажите...

— Часовъ въ восемь вечера, приказываетъ она заложить двумѣстныя сани... вы знаете, ея страсть кататься по ночамъ... Не помню гдѣ, на Невскомъ ли, или на Литейной, замѣчаетъ она, что за нею слѣдуютъ чьи-то сани...

— Oh! mais c'est tout un roman!.. я узнаю въ этомъ Лизу Ниловскую, смѣясь произнесла княжна.

— Она приказываетъ кучеру ѣхать скорѣе; смотритъ, сани за нею... она не взяла съ собою лакея, нужно замѣтить... Вдругъ, на поворотѣ въ какую-то улицу, сани выравниваются съ нею côte à côte, и молодой человѣкъ, закутанный въ шинель, начинаетъ изъясняться съ нею... заговариваетъ о томъ, о семъ, о морозѣ наконецъ и предлагаетъ ей свою шубу...

— Что вы!

— Я васъ увѣряю, княгиня... Лиза Ниловская сначала смѣялась съ минуту, потомъ, мало-по-малу, вступила въ разговоръ... а тамъ предложила ему ѣхать за нею и проводить ее до дому...

— Ah! mais c'est une horreur!.. неужели это правда?

— Послушайте же, чѣмъ все это кончилось!.. c'est le plus curieux de la chose... она сама мнѣ разсказывала... молодой человѣкъ ѣдетъ за нею... Она проситъ его войти въ домъ.

— Неужто!

— Серьезно... И—какъ бы вы думали?—представляетъ его мужу; можете вообразить положеніе бѣднаго предлагателя услугъ... Мужъ, разумѣется, принялъ дѣло въ шутку, посмѣялся надъ нимъ, и все обошлось какъ нельзя лучше.

— Мнѣ, право, очень жаль этого бѣднаго молодого человѣка, замѣтила княжна.

— Вотъ еще есть кого жалѣть, ma chère, произнесла княгиня, — за дѣло... Какъ можно дѣлать такія вещи?.. хорошо, что такъ кончилось... oh! elle n'en fait jamais d'autres!.. Ну, а что съ ея сестрою Julie?..

Digitized by Google

— Опять новая пассія... теперешній предметъ faute de mieux, какой-то черкесъ; она каждое воскресенье ѣздитъ въ одно мѣсто, чтобы его видѣть...

Бондаревскій имѣлъ всегда наготовѣ нѣсколько подобныхъ исторій, которыми нарочно запасался для маменекъ и тетушекъ, — заботливость, вознаграждавшая его большимъ расположеніемъ съ ихъ стороны; какъ опытный человѣкъ, онъ добивался всѣми силами этого расположенія, зная, что оно служило лучшимъ проводникомъ къ достиженію нѣкоторой свободы и кредита подлѣ племянницъ и дочекъ. Княжна Зинзивѣева вовсе не нравилась Бондаревскому, но онъ все-таки старался разыгрывать передъ нею роль поклонника,—роль, которую принималъ онъ рѣшительно передъ всѣми барышнями, для того, чтобы хоть сколько-нибудь оживлять отношенія, существующія между молодыми людьми и дѣвушками на балахъ и въ гостиныхъ.

— Я не понимаю, какъ можно ѣхать на балъ или вечеръ безъ всякой цѣли, говорилъ всегда Бондаревскій,— я ни въ кого не влюбленъ, и сердце мое совершенно спокойно, но по крайней мѣрѣ все-таки пріятнѣе знать, что тебя ждутъ на балѣ, что на тебя немножко разсчитываютъ!..

Пользуясь удобнымъ случаемъ, онъ разсказалъ княгинѣ всѣ текущія новости, слышанныя имъ наканунѣ. Княгиня была очень довольна; княжна смѣялась. Накатовъ, не зная тѣхъ лицъ, о которыхъ шла рѣчь, ничего не понималъ; но это нисколько не мѣшало ему хитро улыбнуться и щурить глазки каждый разъ, какъ хозяйка дома обращалась къ нему. Въ остальное время онъ не спускалъ глазъ съ Бондаревскаго, стараясь перенять каждую его позу, каждое движеніе; онъ вообще чувствовалъ себя очень неловко, несмотря на внутреннее восхищеніе, возбуждаемое въ немъ присутствіемъ княжны. Накатова терзали двѣ мысли: „Что можетъ быть глупѣе моей фамиліи... Накатовъ! думалъ онъ, косясь на пріятеля и улыбаясь княжнѣ. — Хоть бы баронъ Накатовъ, все бы благозвучнѣе... вѣдь вотъ въ Германіи, говорятъ, продаютъ графства и баронства... чего бы, кажется, не далъ въ эту минуту за графа!.. да вотъ еще проклятый этотъ французскій языкъ... оно, конечно, съ моимъ состояніемъ, съ милліонами не бѣда... но все какъ-то неловко... по-русски рѣшительно не знаешь, что̀ сказать дамѣ... какъ бы я пустился те-

Digitized by Google

перь съ княжною, если бъ зналъ по-французски... ахъ, какъ мила! Боже, какъ мила и очаровательна! весь міръ можно отдать!..“ присовокупилъ Накатовъ, украдкою бросая страстные взгляды на княжну, живописно сидѣвшую въ креслахъ.

— Скажите, Бондаревскій, вымолвила княгиня, — что дѣлается у насъ въ театрѣ?

— Черезъ двѣ недѣли идетъ новый балетъ... Ахъ, какая прелесть, княгиня!—я былъ случайно на репетиціи,— какія группы, декораціи,—чудо!

— Какъ же это вы не сказали мнѣ прежде!.. я думаю, теперь невозможно достать бельэтажа; прошлаго года, я помню, за три недѣли мы едва добились.

Лицо Накатова просіяло.

— Княгиня... если вы позволите... я... я буду очень счастливъ... имѣю случай доставать билеты, проговорилъ онъ, поминутно прерываясь.

— Ахъ, mercі, m-r Накатовъ, вы меня этимъ очень обяжете.

— О! княгиня, м... м... м... пробормоталъ Накатовъ, покачиваясь на своемъ стулѣ, какъ свая, подмываемая потокомъ.

— М-r Бондаревскій, прервала княжна, подходя къ роялю,—слышали вы новую оперу?.. я отъ нея въ восхищеньи... какъ оригинально? n'est ce pas?..

Она сѣла и начала играть финалъ второго дѣйствія „Графа Ори“, безпрестанно сбиваясь и болтая съ Бондаревскимъ, который стоялъ наклонившись за спинкою ея стула. Накатовъ также было всталъ, но старуха удержала его подлѣ себя и начала съ нимъ разговоръ, не замѣчая взглядовъ, бросаемыхъ на нихъ дочерью и Бондаревскимъ. Минутъ черезъ двадцать, Бондаревскій подошелъ къ княгинѣ съ шляпою въ рукѣ; Накатовъ поспѣшно отыскалъ свою шляпу и сдѣлалъ то же.

— Прощайте, княгиня, à ce soir! сказалъ Бондаревскій.

— Княгиня, мм... мм... пробормоталъ Накатовъ, прижимая руками шляпу и отвѣшивая низкій поклонъ сначала княгинѣ, потомъ дочери.

— Мы, вѣроятно, будемъ имѣть удовольствіе видѣть васъ сегодня въ театрѣ, m-r Накатовъ, сказала старуха, слегка приподымаясь.

— Какъ же, княгиня, мм... вы можете быть увѣрены, что...

Digitized by Google

— Итакъ, до свиданія! надѣюсь, что вы насъ не забудете...

— Помилуйте, княгиня... произнесъ Накатовъ, почтительно наклоняя голову и въ то же время косясь назадъ, чтобы не запутаться въ стульяхъ.

Тутъ онъ поклонился еще разъ дамамъ и, выгнувъ молодецки спину, выворотивъ нòски, послѣдовалъ за Бондаревскимъ.

Какъ только шаги ихъ умолкли на лѣстницѣ, княжна упала на кушетку и, закрывъ лицо платкомъ, залилась смѣхомъ. Княгиня посмотрѣла на нее съ видомъ явнаго неудовольствія и пожала плечами.

. . . . . .

— Бондаревскій! другъ мой! какъ мнѣ благодарить тебя? кричалъ Накатовъ, метаясь какъ угорѣлый въ каретѣ и не переставая обнимать пріятеля, — это не женщина, это... это ангелъ, божество!.. Да, другъ мой, я можетъ-быть... подумай самъ... у меня огромное состояніе... что мнѣ съ нимъ дѣлать?.. Послушай, дружокъ, я хочу жениться...

— Э-ге-ге... вотъ оно что! смѣясь возразилъ Бондаревскій.

— Душенька... да... и ты будешь тогда другомъ дома, просто-таки, живи у меня... все твое!.. Какъ ты думаешь, пошла бы за меня княжна?

— Ну, братецъ, на это отвѣчать трудно; женщины капризны... а впрочемъ, отчего жъ не пойти... я пошелъ бы на ея мѣстѣ, отвѣчалъ Бондаревскій, кутая лицо воротникомъ.

— Я просто влюбленъ въ нее до безумія! произнесъ съ комическимъ жаромъ Накатовъ.—Сегодня увижу ее въ театрѣ!.. Не будетъ билета... сто, триста, пятьсотъ рублей за билетъ! И мать, братецъ, то-есть княгиня, отличная женщина... добрая, обходительная... А что, большое у нихъ состояніе?

— Нѣтъ, не очень, отвѣчалъ Бондаревскій.

— Тѣмъ лучше... Эхъ! если бъ только она пошла за меня! все отдамъ ей: на, молъ, тебѣ, дѣлай, что хочешь! Стой! стой! закричалъ онъ, дергая за шнурокъ и указывая кучеру на подъѣздъ Дюссо,—стой тамъ! Поговоримъ, душенька, объ этомъ за обѣдомъ... жаль только, что нельзя собрать пріятелей.

— Не безпокойся, они вѣрно будутъ тамъ и безъ сбора.

Digitized by Google

— Отлично... я имъ хочу сообщить свой восторгъ... о! Софи! что-то ты теперь дѣлаешь?

— Смотри, однакожъ, Накатовъ, будь осторожнѣе, замѣтилъ Бондаревскій,—ты разболтаешь и вдругъ ничего не будетъ... ты этимъ какъ разъ окомпрометируешь дѣвушку... и, наконецъ, меня... вѣдь я представилъ тебя въ домъ... сдѣлай милость, молчи лучше...

Накатовъ нахмурилъ брови и опустился на подушку на дно кареты. Карета остановилась у подъѣзда Дюссо.

XI.

Въ театрѣ.

Бѣлостоцкій, Лушкевичъ и Сережа дали себѣ нарочное слово обѣдать въ этотъ день у Дюссо. Накатовъ былъ въ восхищеніи. Несмотря на предостереженія Бондаревскаго, онъ не утерпѣлъ, однакожъ, чтобъ не сообщить каждому изъ нихъ порознь (и разумѣется по секрету) о своихъ планахъ и предположеніяхъ касательно княжны Зинзивѣевой; Бѣлостоцкому объявилъ онъ (отведя его въ другую комнату), что дѣло это уже почти рѣшено, и что со стороны княгини и княжны нѣтъ никакихъ препятствій; въ приливѣ искренности, онъ присовокупилъ къ тому, что надѣется видѣть его у себя другомъ дома, просить его распоряжаться всѣмъ и даже переѣхать къ нему жить. Затѣмъ онъ заказалъ блистательный обѣдъ. Пока готовили столъ, Накатовъ велѣлъ позвать человѣка и, вынувъ сто рублей, приказалъ ему немедленно ѣхать въ кассу Большого театра, разспросить, во-первыхъ, гдѣ должна была сидѣть княгиня Зинзивѣева, а, во-вторыхъ, достать, во что бы ни стало, противъ ея ложи бенуаръ. На возраженія человѣка, Накатовъ закрылъ уши указательными пальцами, затопалъ ногами и, наконецъ, нетерпѣливо махнулъ ему рукою на дверь. Человѣкъ вышелъ.

Къ концу обѣда посланный вернулся съ билетомъ, перекупленнымъ кассиромъ у какого-то знакомаго аферіста.

— Что стоитъ? спросилъ Бондаревскій.

— Ну, вотъ еще вздоръ, mon cher, перебилъ Накатовъ.—Осталось что-нибудь? спросилъ онъ человѣка.

Тотъ протянулъ руку съ деньгами.

— Возьми себѣ! сказалъ Накатовъ.

Человѣкъ вздрогнулъ, открылъ ротъ, поклонился и вышелъ.

Digitized by Google

— Ну, господа, пора, безъ пяти минутъ семь часовъ, сказалъ Накатовъ,—ѣдемте!..

— Что съ тобою? забылъ развѣ, что до балета идетъ водевиль?...

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ пора... нужно еще кой-куда заѣхать... прощайте!.. пріѣзжай скорѣе, Бондаревскій... надѣюсь, господа, вы завернете ко мнѣ въ ложу?..

Проговоривъ все это какъ можно скорѣе, Накатовъ взялъ шляпу и сѣлъ въ карету, приказавъ кучеру ѣхать какъ можно скорѣе въ Большой театръ. Спектакль еще не начинался; съѣздъ, какъ это бываетъ обыкновенно къ семи часамъ, былъ въ полномъ своемъ разгарѣ; коридоры театра были залиты публикою, спѣшившею освободиться отъ шинелей, шубъ, давки, шума и тѣсноты. Накатовъ былъ очень радъ потискаться между дамами; это доставляло ему случай выставлять грудь, поворачиваться бочкомъ и произносить съ пріятной улыбкой, давая дорогу:— „Pardon mesdames... pardon... посторонитесь, господа, дамы идутъ!..“ Съ другой стороны, онъ былъ очень недоволенъ, что не послушался пріятелей и пріѣхалъ слишкомъ рано: подобно многимъ любителямъ театра, онъ держался обыкновенія входить въ залу во время самаго представленія, чтобы обращать на себя вниманіе публики, сидѣвшей въ ложахъ. Прежде всего, кокетливо оправлялся онъ въ фойе или буфетѣ, потомъ укладывалъ руки наподобіе самоварныхъ ручекъ, выламывалъ спину, запрокидывалъ молодецки голову и, наконецъ, торжественно вступалъ въ залу, дѣлая gros-dos, какъ котъ, у котораго щекочутъ за ушами. На этотъ разъ, однакожъ, Накатовъ не рѣшился дожидаться начала представленія и вошелъ въ кресла.

Верхніе ярусы ложъ и партеръ были уже почти полны; въ бельэтажѣ, бенуарахъ и во второмъ ярусѣ показывались безпрестанно новыя группы дамъ, блистающихъ красотою или туалетомъ; за ними, въ темномъ углубленіи, сверкали стекла биноклей или выдвигались фигуры мужчинъ въ черныхъ фракахъ, бѣлыхъ галстукахъ и бѣлыхъ перчаткахъ. Ослѣпительный блескъ залы, роскошь туалетовъ, каменьевъ, перьевъ, обнаженныхъ плечъ и рукъ, покрытыхъ драгоцѣнными браслетами, говоръ, шопотъ, хлопанье дверей ложъ, звуки инструментовъ, которые настраиваютъ въ оркестрѣ, даже удушливая, раскаленная атмосфера залы,—все это производитъ какое-то страстно опьяняющее, одуряющее дѣйствіе, понятное и испытывае-

Digitized by Google

мое одними лишь привычниками, фанатическими любителями театра.

Накатовъ остановился посерединѣ партера и отыскалъ свой бенуаръ, потомъ мгновенно обернулся къ нему спиною и жадно обвелъ глазами бельэтажъ. Княгини Зинзивѣевой еще не было. Увѣрившись еще разъ, что не ошибается, онъ величественно опустилъ бинокль и, сдѣлавъ gros-dos, направился прямо къ первому ряду. Тутъ толпилось множество молодежи.

— А! Накатовъ, здравствуй! произнесъ красивый господинъ, въ черномъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ, рисовавшійся подлѣ перилъ оркестра.

— Здравствуй, Берестовъ.

— Тебя что-то давно не видать въ театрѣ, сказалъ Берестовъ.

— Некогда, братецъ; я бы, признаться, и сегодня не пріѣхалъ, если бъ... мм... м... пробормоталъ Накатовъ, направляя бинокль къ пустой ложѣ Зинзивѣевой.

— А! вотъ оно что! понимаю! возразилъ тотъ, обращаясь мгновенно въ ту сторону, куда смотрѣлъ пріятель.

— Нѣтъ, братецъ, ей-Богу, не то, что ты думаешь... я пріѣхалъ повидаться, для одного дѣла, съ княгиней Зинзивѣевой... произнесъ Накатовъ съ комическою важностью.

— Ба! давно ты съ нею знакомъ?..

— Да... я съ нею... знакомъ...

Сказавъ это, Накатовъ приблизился къ толпѣ молодыхъ людей, слѣдившихъ съ изступленнымъ, жаднымъ любопытствомъ за всѣми движеніями занавѣси и переглядывавшихся съ литерною ложею налѣво, изъ которой выглядывало множество суетливыхъ головъ, не спускавшихъ также глазъ съ завѣтнаго угла занавѣси, гдѣ поминутно показывались: то бѣленькая, тоненькая ручка, то ловко выгнутая ножка, обутая атласнымъ башмачкомъ и обтянутая трико, то высовывалась хорошенькая головка, убранная цвѣтами, или сверкали быстрые, плутовскіе глазки. Каждый разъ, какъ это случалось, толпа внизу, точно такъ же, какъ литерная ложа, приходила въ необыкновенное волненіе; всѣ бинокли обращались мгновенно въ ту сторону, и часто пальцы, державшіе бинокли, опускались книзу, или поднимались кверху наподобіе телеграфическихъ знаковъ, что̀ заставляло хорошенькую головку, показавшуюся въ углу, то прятаться за занавѣсь, то высовываться еще болѣе; нерѣдко, когда восторгъ молодыхъ

Digitized by Google

людей доходилъ до своего предѣла, на мѣстѣ хорошенькой головки показывалось вдругъ круглое, опухшее лицо, съ густыми бакенбардами и крупнымъ носомъ, — обстоятельство, которое тотчасъ же перемѣняло ихъ радость въ негодованіе, и особенно сердившее одного господина, высокаго роста, въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ до верху, золотыхъ очкахъ и гладко остриженнаго, который, казалось, былъ старостою господъ „театраловъ“.

— Господа! сказалъ господинъ въ золотыхъ очкахъ, обращаясь къ толпѣ и указывая на Накатова,—вотъ еще одинъ. Накатовъ, пожалуйста, шикайте какъ можно больше Ласточкиной... будете шикать?..

— О! князь, съ величайшимъ удовольствіемъ... вы знаете, я всегда радъ...

— Et demain, venez dîner chez moi... сказалъ князь.

— Извольте, извольте...

Въ то время, какъ происходило все это, Берестовъ обошелъ вторую половину перваго ряда, гдѣ находилось также много знакомыхъ Накатова, и каждому изъ нихъ пошепталъ что-то на ухо. Вскорѣ цѣлая толпа окружила Накатова, пользовавшагося каждымъ взглядомъ, обращеннымъ на него, чтобы направлять бинокль на ложу княгини Зинзивѣевой.

— „Кого это ты поджидаешь, Накатовъ?“ — „Что ты все туда смотришь?“—„Что такое, братецъ?“—„О, злодѣй! вѣрно какая-нибудь интрига!..“ посыпалось со всѣхъ сторонъ. На всѣ эти вопросы Накатовъ отвѣчалъ, принявъ сначала разсѣянный и безпечный видъ:—„Нѣтъ, братецъ... тутъ должна быть сегодня княгиня Зинзивѣева... мнѣ нужно ее видѣть... нужно ей сообщить кое-что...“

Наконецъ, за занавѣсью послышался звонокъ: два сухіе удара палочки раздались на пульпитрѣ капельмейстера, оркестръ грянулъ увертюру, и публика заколыхалась, спѣша убраться по своимъ мѣстамъ. Въ коридорѣ Накатовъ встрѣтилъ Бондаревскаго и остальную компанію, которая увлекла его, какъ онъ ни отбивался, въ литерную ложу къ „театраламъ“. Такъ какъ въ этой ложѣ происходили рѣшительно тѣ же продѣлки, та же „стрѣльба“ (выраженіе, означающее на нарѣчіи театраловъ смотрѣнье въ завѣтный уголъ, или изъ завѣтнаго угла на нихъ), что и въ первомъ ряду,—упоминать о нихъ было бы совершенно лишнее. Накатовъ просидѣлъ тутъ всю русскую пьесу, и только когда раздалась увертюра передъ балетомъ, спу-

Digitized by Google

стился внизъ и усѣлся съ Лушкевичемъ и Бондаревскимъ въ бенуаръ.

Балетъ начался; сальвы рукоплесканій и браво! огласили залу. Накатовъ ни на что не обращалъ вниманія и разъ только, взглянувъ случайно на господина съ золотыми очками, который яростно хлопалъ и неистово шикалъ въ одно и то же время, — принялся ему вторить. Онъ не спускалъ бинокля съ пустой ложи, не взирая на увѣщанія Бондаревскаго, увѣрявшаго, что онъ такимъ образомъ скоро обратитъ на себя вниманіе. Вдругъ Накатовъ побагровѣлъ и вздрогнулъ: княгиня Зинзивѣева и дочка ея показались прямо противъ него въ бельэтажѣ.

— Помилуй, братецъ, перестань, что ты дѣлаешь?.. говорилъ Бондаревскій, поспѣшно уходя въ глубину бенуара и дергая Накатова, который высовывался впередъ, стараясь всячески обратить на себя вниманіе княгини, чтобы ей поклониться.

Накатовъ откинулся на спинку креселъ, раздулъ щеки, вздрагивавшія отъ удовольствія, и принялся разсѣянно глядѣть на сцену.

— Послушайте, Накатовъ... я, однакожъ, выйду... мнѣ нужно зайти въ одну ложу, сказалъ Бондаревскій, видя, что увѣщанія его дѣйствуютъ на слишкомъ короткое время.

— Ну, вотъ! я это зналъ!.. ничего не хочешь для меня сдѣлать... ради Бога, останься.

— Нѣтъ, нельзя; я приду.

Накатовъ взглянулъ снова на княжну и, наклонившись къ уху Лушкевича, началъ повѣрять ему тайну, сообщенную Бѣлостоцкому у Дюссо, то-есть, что уже свадьба его почти рѣшена и нѣтъ никакихъ препятствій со стороны родственниковъ невѣсты. Первое дѣйствіе приближалось къ концу, когда вернулся Бондаревскій.

— Ну, вотъ, Накатовъ, направилъ ты свой бинокль на одну точку, да ужъ больше ничего и не видишь, сказалъ онъ, стараясь отвлечь его вниманіе въ другую сторону,— ты бы лучше поглядѣлъ хоть разъ направо...

— А что такое? что?..

— Да то, что Клара Петровна не спускаетъ съ тебя глазъ во все время спектакля.

— Гдѣ?.. какъ!.. гдѣ?.. ахъ, ахъ! вотъ она...

— Ей-Богу, не спускаетъ глазъ, продолжалъ Бондаревскій, кусая губы,—посмотри самъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, проговорилъ Лушкевичъ.

Digitized by Google

Накатовъ покачнулся на стулѣ, взялъ руки обоихъ пріятелей, закрылъ глаза и произнесъ нѣжнымъ голосомъ:

— Mercі, mercі...

— Да за что жъ ты благодаришь?..

— Нѣтъ, братецъ, я вѣдь такъ только... ахъ, какая прелестная женщина!.. Кто съ нею сидитъ?.. ба! да это Пальмира! вотъ прекрасно! старая знакомая...

— Да, онѣ недавно подружились.

— Очаровательная женщина! прелесть! ну, просто аристократка... Но, нѣтъ, нѣтъ, господа! посмотрите, однакожъ, въ ней есть что- то такое... взгляните, Бондаревскій, на княжну, а? какова? вѣдь просто ангелъ!.. Послушай, душенька, прибавилъ онъ, наклонившись къ уху Бондаревскаго,—я думаю, ничего, если я въ антрактѣ заверну къ княгинѣ въ ложу... я думаю, этого даже требуетъ учтивость?..

— Разумѣется; ты съ ними знакомъ...

— Mercі, mercі...

Кончилось первое дѣйствіе; публика ринулась изъ залы. Накатовъ и его пріятели вышли изъ бенуара; первый поднялся по лѣстницѣ и направился нерѣшительно по коридору бельэтажа.

— Ты знакомъ съ княгиней Зинзивѣевой? Хочешь, зайдемъ къ нимъ въ ложу... говорилъ онъ каждому попадавшемуся навстрѣчу пріятелю.

Но такъ какъ никто изъ пріятелей не изъявилъ особеннаго желанія, Накатовъ вскорѣ очутился одинъ передъ ложей. Но тутъ овладѣла имъ вдругъ такая неловкость, что онъ вѣроятно вернулся бы назадъ, если бъ не встрѣтилъ Берестова.

— Куда ты? къ княгинѣ Зинзивѣевой? спросилъ Берестовъ.

Вопросъ этотъ заставилъ Накатова войти въ ложу. Княгиня Зинзивѣева приняла его довольно привѣтливо; княжна ласково кивнула ему головою. Несмотря на то, неловкость и смущеніе Накатова нимало не уменьшились; несмотря на всѣ усилія казаться развязнымъ, онъ чувствовалъ, что находится въ положеніи человѣка, провалившагося сквозь потолокъ и попавшаго посреди совершенно чуждыхъ ему людей. Къ счастію, увертюра, раздавшаяся почти въ то же время, выручила его изъ пытки. Онъ поспѣшно раскланялся съ дамами и вышелъ изъ ложи; въ коридорѣ попался ему Бондаревскій.

Digitized by Google

— Куда же ты дѣвался, Накатовъ? я ищу тебя по всему театру...

— А я, братецъ, былъ у княгини Зинзивѣевой, громко, во всеуслышаніе, произнесъ Накатовъ.

— А! ну, а я вотъ зачѣмъ искалъ тебя: Клара Петровна непремѣнно желаетъ съ тобою познакомиться и просила меня представить тебя...

— Не можетъ быть! что ты?.. пойдемъ, пойдемъ, я очень радъ... очаровательная женщина!.. пойдемъ къ ней въ ложу...

— Пожалуй... но я бы тебѣ не совѣтовалъ.

— Отчего?

— А княгиня Зинзивѣева?

— Такъ что жъ?

— Если бъ ты не былъ сейчасъ въ ея ложѣ, другое дѣло; но теперь, согласись, какъ-то неловко... княгиня можетъ тебя увидѣть въ ложѣ Клары Петровны... ее всѣ знаютъ...

— Правда; ну, такъ когда же? нетерпѣливо спросилъ Накатовъ.

— Откладывать незачѣмъ; сегодня же, тотчасъ послѣ театра, прямо поѣдемъ къ ней чай пить; она такъ впрочемъ и просила...

Накатовъ чуть не бросился на шею Бондаревскому; во все продолженіе второго дѣйствія онъ не переставалъ глядѣть то на Клару Петровну, то на княжну. Клара Петровна начинала уже сильно занимать нашего героя. Какъ только кончился спектакль, Накатовъ бросился въ коридоръ, надѣлъ шубу, шляпу и расположился у самой двери. Сильно забилось сердце его, когда онъ увидѣлъ Клару Петровну и Пальмиру, спускавшихся по лѣстницѣ; онъ кинулся-было очищать имъ дорогу.

— Pardon, monsieur... раздалось позади его. Накатовъ обернулся и обомлѣлъ: рядомъ съ нимъ стояли княжна Зинзивѣева и ея матушка, поддерживаемая гайдукомъ.

— Господа, мѣсто, пожалуйста, пропустите дамъ, сказалъ Накатовъ, отслоняя спиною толпу.

— Marci, m-r, merci, вотъ нашъ человѣкъ, сказала княжна, подходя къ другому гайдуку, который тотчасъ же нагнулся къ ея ногамъ съ бархатными ботинками, опушенными горностаемъ. Княжна протянула узенькую свою ножку и, откинувъ локоны, обратилась къ матери, стоявшей уже въ шубѣ. Накатовъ взглянулъ на ножку

Digitized by Google

княжны и обмеръ; все разомъ помутилось въ глазахъ его; онъ мысленно цѣловалъ эту ножку и минуту цѣлую простоялъ въ какомъ-то опьянѣніи; когда онъ поднялъ голову, княжны уже не было; передъ нимъ стоялъ Бондаревскій.

Минуту спустя, оба ѣхали къ Кларѣ Петровнѣ.

— Съ кѣмъ теперь Клара Петровна? спросилъ Накатовъ, подымаясь по парадной лѣстницѣ гостиницы Кулона.

— Ни съ кѣмъ, отвѣчалъ Бондаревскій.—Если бъ было иначе, она вѣрно не жила бы у Кулона... Она, нечего сказать, теперь въ довольно плохихъ обстоятельствахъ; жаль: женщина отличная... я ее чрезвычайно люблю...

— Что говорить, что говорить, чудная женщина! такихъ женщинъ мало въ Петербургѣ... Скажи, пожалуйста, она вѣдь, кажется, говоритъ по-французски?

— Какъ же, и очень порядочно...

— Э! произнесъ Накатовъ, замедляя шагъ,—послушай, сдѣлай мнѣ дружбу...

— Что такое?

— Говори съ ней по-русски.

— Хорошо, хорошо...

Накатовъ вошелъ въ переднюю Клары Петровны гораздо свободнѣе, чѣмъ можно было ожидать; мысль, что хозяйка дома въ плохихъ обстоятельствахъ, придала ему тотчасъ же бодрости. Кругленькая, свѣженькая горничная сняла съ нихъ шубы. Услыша въ слѣдующей комнатѣ женскій говоръ и хохотъ, Накатовъ нѣсколько смутился; но это было только на минуту: онъ тотчасъ же оправился и поспѣшилъ за Бондаревскимъ, который стоялъ уже въ дверяхъ.

Они вошли въ просторную, отлично убранную комнату; Клара Петровна взяла лучшій номеръ у Кулона съ условіемъ перенести туда свою мебель. Подлѣ высокаго камина, обитаго малиновымъ трипомъ, за круглымъ столомъ, на мягкой шелковой кушеткѣ, полулежала Клара Петровна; она держала между тоненькими, прозрачными своими пальцами крошечную японскую чашечку съ чаемъ; подлѣ нея, въ фіолетовыхъ бархатныхъ креслахъ, обитыхъ бронзовыми гвоздями, сидѣла Пальмира; положивъ узенькую ножку свою, обутую щегольской ботинкой, на кушетку, она также держала въ одной рукѣ чайную чашку, въ другой папироску. Фарфоровая карсельская

Digitized by Google

лампа, покрытая бѣлымъ колпакомъ, разливала тонкій, прозрачный свѣтъ на лица обѣихъ женщинъ. Яркій, ослѣпительный блескъ падалъ только на столъ, заставленный дорогими бѣздѣлушками, папиросками и модными картинками.

Клара Петровна была прелестная женщина,—съ этимъ рѣшительно соглашался весь Петербургъ. Высокаго роста, она соединяла въ себѣ всѣ прелести рослыхъ женщинъ, не имѣя ни одного изъ ихъ недостатковъ; недостатки рослыхъ женщихъ извѣстны: излишняя худощавость и слѣдовательно сухость и шероховатость кожи, слишкомъ явная толщина и дородность, или, что всего хуже, большія руки и ноги. Талія Клары Петровны, умѣщавшаяся очень свободно между большимъ и указательнымъ пальцами, казалась выточенною изъ закаленной дамасской стали; несмотря на это, позади круглыхъ, бархатныхъ плечъ ея виднѣлись двѣ соблазнительныя родовыя ямочки; спину свою, бѣлую и чистую какъ сливки, держала она чуть-чуть согнувши, что̀ придавало ей, по словамъ знатоковъ, въ то время, какъ она ходила или танцовала, что-то невыразимо-завлекающее; шея ея, нѣсколько выгнутая, сквозившая какъ алебастръ, была верхъ совершенства; лицомъ она была не красавица, но, если можно только такъ выразиться, Клара Петровна была лучше всякой красавицы. У красавицъ чаще всего нѣтъ физіономіи; лица ихъ мертвы, какъ миніатюрные портреты, правильно-холодны и большею частію не симпатичны; наружность ея, начиная съ блѣдно-голубыхъ глазъ, окаймленныхъ темнымъ ободкомъ и кокетливо щурившихся, и кончая тоненькими, прозрачными, подвижными ноздрями, дышала въ высшей степени жизнью и чувственностью. Когда она смѣялась, трудно было сыскать что-нибудь привлекательнѣе, миловиднѣе ея кругленькаго личика; она какъ-то особенно граціозно умѣла тогда поворачивать своею шейкой, которой, казалось, уже не-въ-мочь было поддерживать шелковыя пряди сухихъ бѣлокурыхъ волосъ, гладко подобранныхъ на головѣ и закругленныхъ пышнымъ, душистымъ пучкомъ на макушкѣ. Ножка и ручка ея были историческія, кромѣ того, что онѣ на самомъ дѣлѣ послужили поводомъ многимъ исторіямъ, болѣе или менѣе извѣстнымъ, но были рѣшительно выставляемы всѣми, какъ образчикъ красоты! Правда, искусство обуваться, носить перчатки, и вообще одѣваться со вкусомъ,

Digitized by Google

данное ей въ совершенствѣ отъ природы, не мало способствовало ея славѣ и извѣстности..

Клара Петровна успѣла уже переодѣться послѣ театра и приняла нашихъ гостей въ темно-фіолетовомъ распашномъ капотѣ, обшитомъ такими же шнурками; прическа осталась та же; красный натуральный цвѣтокъ, нѣсколько поблекшій, живописно мѣшался въ ея пепельныхъ, нѣсколько взбившихся волосахъ; кружевной воротникъ, окружавшій ея шею, упадалъ волнистыми складками на плечи и заманчиво сквозилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ начиналась грудь. Увидя гостей, Клара Петровна привстала съ дивана и съ радостнымъ видомъ пошла къ нимъ навстрѣчу. Пальмира не тронулась съ мѣста, ожидая, вѣроятно, чтобы гости подошли къ ней.

— А! Бондаревскій! здравствуйте, mon cher ami! привѣтливо сказала Клара Петровна, подавая ему руку.

Тутъ сузила она свои глазки и граціозно поклонилась Накатову.

— М-г Накатовъ, очень рада видѣть васъ у себя...

Она протянула ему руку, которую тотъ поспѣшилъ поцѣловать.

— Влюбленъ въ васъ по-уши, шепнулъ ей въ это время Бондаревскій, подмигивая на пріятеля.

Клара Петровна сдѣлала, какъ будто не слышала этого.

— Если бъ вы знали, Клара Петровна, началъ Накатовъ,—какъ я давно искалъ случая... быть вамъ представленъ... но все эти господа виноваты... Потомъ я уѣхалъ въ деревню...

Въ это время Бондаревскій успѣлъ раскланяться и подсѣсть къ Пальмирѣ, съ которою онъ былъ уже хорошо знакомъ, ибо въ продолженіе трехъ недѣль, какъ она сдружилась съ Кларой Петровной, онъ встрѣчалъ ее почти каждый день у петербургской лоретки. Выслушавъ довольно нетерпѣливо тираду Накатова, Клара Петровна представила его Пальмирѣ.

— Oh! mais nous nous connaissons déjà! воскликнула та, поспѣшно подавая ему руку.

Накатовъ поцѣловалъ руку Пальмиры.

— М-г Накатовъ, сядьте сюда, подлѣ меня, сказала Клара Петровна, бросая недовольные взгляды Бондаревскому, который продолжалъ шептаться съ хорошенькой француженкой.—Вотъ вамъ папиросы, m-r Накатовъ, но, можетъ-быть, вы курите сигары?.. вотъ сигары... Господа,

Digitized by Google

васъ ждетъ чай... Бондаревскій, перестанете ли шептаться,—это неучтиво... продолжала она, устремляя на него бойкіе взгляды и усаживая подлѣ себя Накатова.

Клара Петровна, нужно замѣтить, имѣла маленькую слабость, свойственную впрочемъ почти всѣмъ женщинамъ: она, во что бы то ни стало, хотѣла первенствовать въ томъ обществѣ, которому принадлежала; она рѣшительно ссорилась или, по крайней мѣрѣ, глядѣла косо на тѣхъ молодыхъ людей, которые осмѣливались въ ея присутствіи ухаживать за другими; даже у себя дома, когда давала она вечера, никому не позволялось оказывать столько предпочтенія, сколько хозяйкѣ дома. И то сказать надо, Клара Петровна давала вечера не для того, чтобъ веселить своихъ пріятельницъ,—она мало объ этомъ заботилась: главная роль вечеровъ заключалась въ томъ, чтобы показываться передъ ними во всемъ своемъ величіи, давить ихъ на каждомъ шагу своимъ блескомъ, вкусомъ и великолѣпіемъ. Пріятельницамъ, разумѣется, это не нравилось; и вотъ почему не было бала, гдѣ бы не происходило маленькихъ ядовитыхъ сценъ между хозяйкою дома и тою или другою гостьей,—сценъ, вслѣдствіе которыхъ пріятельницы дѣлались заклятыми врагами, переставали ѣздить другъ къ другу и смѣнялись новыми.

Бондаревскій продолжалъ любезничать съ Пальмирой; Клара Петровна, задѣтая за живое, продолжала ухаживать за Накатовымъ; это обстоятельство распоясало, какъ говорится, окончательно нашего героя; поддерживаемый хозяйкою дома, онъ хохоталъ, разсказывалъ глупые анекдоты, былъ любезенъ, развязенъ, такъ что даже удивилъ Бондаревскаго. Съ нимъ случилось то же, что случается съ посредственными актерами, когда, по какому-нибудь особенному приливу счастья, публика начинаетъ имъ хлопать: они играютъ тогда отлично. Впрочемъ, для этого Клара Петровна пустила въ ходъ все свое кокетство, которое постепенно усиливалось, по мѣрѣ того какъ Бондаревскій продолжалъ любезничать съ Пальмирой. Наконецъ, Бондаревскій подсѣлъ къ хозяйкѣ дома, и разговоръ сдѣлался общимъ; но это не могло долго продолжаться; Клара Петровна уже раскусила Накатова; она поняла, что не нужно было много труда, чтобы держать его постоянно на привязи, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ слабыхъ смертныхъ, которымъ довольно позволить поцѣловать кончикъ пальчика, чтобы вскружить

Digitized by Google

имъ голову и заставить разорваться на-двое. На этомъ основаніи, она положила на столъ локоть, повертѣла обнаженною рукой нѣсколько разъ передъ Накатовымъ и мало-по-малу занялась Бондаревскимъ. Клара Петровна не ошиблась. Несмотря на всѣ старанія Пальмиры, усѣвшейся подлѣ Накатова и безпрерывно нашептывавшей ему что-то на ухо, онъ не отрывалъ тоскливо-страстныхъ взглядовъ отъ чудной руки, вертѣвшейся передъ его глазами, и только когда всѣ встали и подошли къ роялю, онъ въ первый разъ обратилъ полное вниманіе къ француженкѣ.

— Накатовъ, полноте вамъ шептаться съ m-lle Пальмирой. Я уже сказала Бондаревскому, что это не совсѣмъ учтиво, произнесла Клара Петровна, перебирая ноты. — Накатовъ, вы любите музыку?..

— Ахъ, страстно, Клара Петровна, особенно если вы будете играть... я... я... я...

— Клара Петровна, сыграйте-ка болеро изъ „Пахиты“, вымолвилъ Бондаревскій, покачивая ее слегка на стулѣ.

— Тотъ, которому выучилъ меня Черницкій?.. Ахъ, кстати, — скажите, пожалуйста, господа, куда онъ дѣвался? я его нигдѣ не вижу, спросила Клара Петровна, быстро оборачиваясь къ обоимъ мужчинамъ.

— У него большое несчастіе... опять жена... подарила его на-дняхъ новымъ наслѣдникомъ, смѣясь отвѣчалъ Бондаревскій.

Клара Петровна залилась громкимъ дребезжащимъ хохотомъ и громко ударила по клавишамъ.

— Восхитительно! божественно! ахъ, Клара Петровна! чудо! тамъ-тара-рамъ, тамъ-тара... жоли! комъ се жоли! повторялъ Накатовъ, — прелесть, Клара Петровна! чудо! тамъ-тара-рамъ!.. Охъ, братецъ, что̀ эта за женщина, продолжалъ онъ, дергая Бондаревскаго и произнося такъ громко слова, чтобы часть ихъ доходила до Клары Петровны,—я влюбленъ до безумія, рѣшительно это первая женщина въ Петербургѣ... я въ восторгѣ, въ упоеньи!..

Накатовъ въ самомъ дѣлѣ говорилъ на этотъ разъ правду: онъ находился въ томъ сладостномъ опьянѣніи, какое невольно овладѣваетъ каждымъ молодымъ человѣкомъ, попавшимъ впервые въ жаркую, распаленную атмосферу, окружающую нашихъ модныхъ красавицъ. Къ тому же въ этотъ день привелось ему однимъ залпомъ испить больше наслажденій, чѣмъ во всю жизнь; утро,

Digitized by Google

проведенное за щегольскимъ туалетомъ, посреди блистательнаго отеля и прислуги княгини Зинзивѣевой, ея дочка, надежды; тамъ тонкій обѣдъ и вина; затѣмъ обворожительный балетъ, музыка, аристократическая ложа, послѣ этого вечеръ, проведенный между двумя хорошенькими женщинами, — женщинами, о которыхъ говорилъ цѣлый городъ, за которыми ухаживала почти вся молодежь; и эти-то недосягаемыя красавицы, о которыхъ онъ прежде помышлялъ съ трепетомъ, заискивали сами его знакомства, украдкою подавали ему руку... Нужна большая привычка къ такой жизни, нужно вести ее каждый день, чтобы остаться ровнымъ и не потерять голову.

— Ну, что, Накатовъ, какъ тебѣ понравилась Клара Петровна? спросилъ Бондаревскій, когда они усѣлись въ карету.

— Другъ мой! воскликнулъ тотъ, яростно пожимая ему руки, — я ужъ и не знаю, какъ благодарить тебя!.. очаровательная женщина!.. я просто съ ума сошелъ! какъ, бишь, это она играла: трамъ-тамъ, тамъ...

Бондаревскій, смѣясь, пропѣлъ ему болеро.

— Ахъ, да, да: трамъ-тара-рамъ... а знаешь ли, душа моя... что я скажу тебѣ по секрету: эта маленькая Пальмира... гм! гм! просто-таки вѣшается мнѣ на шею; представь, братецъ, назначила мнѣ завтра свиданіе у себя... Я непремѣнно пойду... отчего-жъ не пойти,—не правда-ли? а? а? вѣдь она миленькая... ну, разумѣется, не Клара Петровна! Клара Петровна — это, это... ты только ради Бога не разсказывай мои похожденія у Пальмиры... ахъ да, какъ бишь это, я все забываю... трамъ-тамъ, трамъ?

Бондаревскій повторилъ ему снова мотивъ.

— Ну, что же, Накатовъ, княжна Зинзивѣева? спросилъ онъ, едва удерживаясь отъ смѣху, — прошла любовь? вѣдь не далѣе какъ часа четыре тому назадъ ты готовъ былъ жертвовать для нея всѣмъ состояніемъ, хотѣлъ уже жениться... и чуть не выпрыгнулъ изъ ложи, когда ее увидѣлъ...

— Ахъ, братецъ, вотъ ты всегда такой, переминаясь, отвѣчалъ Накатовъ, — ты никакъ не хочешь раздѣлить двѣ вещи... Это, это совсѣмъ другая статья: съ одной стороны общество, разныя условія, согласныя, какъ самъ же ты говорилъ, съ моимъ положеніемъ и богатствомъ (съ нѣкоторыхъ поръ Накатовъ пересталъ вовсе говорить „состояніе“); съ другой — наслажденіе, жизнь, удоволь-

Digitized by Google

ствіе!.. О! погоди, воскликнулъ онъ, какъ бы внезапно вдохновляясь, — погоди! я закачу балъ для Клары Петровны, — балъ на славу! объ этомъ балѣ будутъ говорить въ цѣломъ Петербургѣ; за это ужъ я тебѣ ручаюсь!..

Накатовъ довезъ Бондаревскаго до дому, распрощался съ нимъ и поѣхалъ къ себѣ, не переставая напѣвать вкривь и вкось болеро, игранный Кларой Петровной.

— Ахъ, какая женщина! какая женщина! трамъ, — тара-рамъ-тамъ... твердилъ онъ, подымаясь на лѣстницу.— Ну, что если бъ... а впрочемъ что-жъ мудренаго? трамъ, тара-рамъ, та... та... Эй! скорѣй свѣчей въ кабинетъ!..

Накатовъ бросился къ столу, взялъ бумагу, перо и, къ величайшему изумленію мажордома, глядѣвшаго изъ-за плеча барина на бумагу, написалъ слѣдующее: „трамъ, тара-рамъ, трамъ-тамъ, тамъ...“ и т. д.

— Слава Богу, вспомнилъ! сказалъ Накатовъ, бросая перо, — завтра встану, прочту и буду отлично знать болеро изъ „Шахиты“, которое она такъ очаровательно сыграла... Эк... чудная женщина!..

И Накатовъ легъ въ постель, перебирая въ головѣ всѣ происшествія дня и безпрерывно напѣвая въ какомъ-то изступленномъ восторгѣ болеро изъ „Шахиты“.

XII.

Клара Петровна.

— Вставай, Накатовъ! вставай! скоро часъ, говорилъ Бѣлостоцкій, дергая его за руку, — я пріѣхалъ везти тебя на бѣгъ... Мой орловскій рысакъ перескакивается сегодня съ рысакомъ Завольскаго.

— А! Бѣлостоцкій! ммм... здравствуй... неужто часъ?.. Ахъ, братецъ, какой вечеръ провелъ я вчера, — чудо! я былъ съ Бондаревскимъ у Клары Петровны... что за восхитительная женщина! всю ночь во снѣ грезилась...

— Хорошо, хорошо, ты мнѣ разскажешь это послѣ; одѣвайся поскорѣе...

Бѣлостоцкій направился къ двери, но, проходя мимо стола, онъ остановился, нагнулъ голову и вдругъ залился смѣхомъ.

— Что такое? что съ тобою?.. спросилъ Накатовъ, вскакивая съ постели.

— О... охъ!.. охъ!.. скажи на милость, что значатъ эти іероглифы? спросилъ тотъ, указывая на бумажку, гдѣ

Digitized by Google

были нацарапаны рукою Накатова: трамъ-тара-тамъ... и т. д.

— Ахъ, братецъ, оставь это; тутъ записано болеро, которое Клара Петровна играла вчера на фортепьяно.

— И ты думаешь запомнить его по этимъ новымъ нотамъ? ха! ха! ха!.. чудесно! ну-ка, ну-ка, какой же болеро?

— Трамъ-тара... началъ Накатовъ и остановился въ недоумѣніи: болеро рѣшительно вышелъ изъ его памяти.— Странно, сказалъ онъ, — я вчера нарочно записалъ его... Ахъ, братецъ, какая женщина тамъ была! также наша Пальмира... ну, душа моя, эта просто-таки вѣшается мнѣ на шею... назначила мнѣ сегодня свиданіе! пожалуйста, только не говори никому... Который часъ?..

— Скоро половина второго.

— Ахъ, Боже мой! рандеву ровно въ два часа!.. Эй! одѣваться!..

— Такъ стало-быть ты не ѣдешь со мною на бѣгъ?

— Нѣтъ, душа моя, видишь, никакъ нельзя... я не то чтобы слишкомъ дорожилъ такими побѣдами, но, согласись, не поѣхать къ ней какъ-то...

— Въ такомъ случаѣ, прощай; если rendez-vous, — и говорить нечего, причина законная.

— Да куда жъ ты? еще рано. Бѣгъ когда кончается?

— Въ четыре.

— Я подъѣду къ тому времени.

— На это надежда плохая, если только Пальмира назначила тебѣ свиданіе.

— Хочешь пари?

— Изволь, только не на то, явишься ли ты на бѣгъ, или нѣтъ. Будемъ держать попросту: чья лошадь опередитъ; я держу за своего рысака.

— А я за Завольскаго! разсѣянно отвѣчалъ Накатовъ.

— Сколько?

— Пятьсотъ рублей.

— Хорошо! сказалъ Накатовъ, ударяя въ руку Бѣлостоцкаго.—Да куда жъ ты? позавтракай у меня...

— Нѣтъ, спасибо, я уже завтракалъ; прощай!..

Накатовъ принялся по своему обыкновенію упрашивать пріятеля, но Бѣлостоцкій настоялъ на своемъ и уѣхалъ, пожелавъ ему всякаго счастія. Какъ ни мало дорожилъ Накатовъ свиданіемъ съ Пальмирой, однакожъ онъ взбудоражилъ весь домъ, чтобы поспѣть къ двумъ часамъ. За нѣсколько минутъ до назначеннаго часа, карета его

Digitized by Google

остановилась передъ Пассажемъ. Первый человѣкъ, попавшійся ему навстрѣчу, былъ Гвоздиковъ.

— А! здравствуйте! сказалъ Накатовъ нѣжно-покровительственнымъ тономъ. — Что это васъ давно не было видно?.. вы знаете, какъ я васъ люблю, какъ радъ васъ всегда видѣть... гдѣ вы пропадали?

— Со мной случилось большое несчастіе, m-r Накатовъ, отвѣчалъ тотъ, корчась и колыхаясь,—я чуть было не ослѣпъ: золотуха кинулась въ глаза...

Не дослушавъ Гвоздикова, Накатовъ оглянулся сначала вокругъ, потомъ взялъ его подъ руку и, отведя подъ колонну, сказалъ шутливо:

— Помните ли вы это мѣсто?

— Какъ же-съ, отвѣчалъ тотъ съ недоумѣвающей физіономіей.

— Ну, а на повѣрку-то вышло такъ, какъ я вамъ говорилъ здѣсь, мѣсяцъ тому назадъ: мнѣ придется помирить васъ съ Пальмирой...

— Что вы?

— Да ужъ такъ, если я говорю, смѣясь сказалъ Накатовъ.— Тутъ наклонился онъ къ уху Гвоздикова и прибавилъ таинственно.—Она назначила мнѣ свиданіе сегодня въ два часа... шт!.. ни слова только никому: это секретъ...

— Помилуйте, какъ можно... клянусь вамъ, m-r Накатовъ.

— Хорошо, хорошо... подождите же меня здѣсь, я скоро вернусь назадъ... у меня, батюшка, дѣла эти живо обдѣлываются...

Сказавъ это, Накатовъ значительно пожалъ руку Гвоздикову и, выгнувъ спину, выставивъ грудь, торжественно направился къ магазину. Терзаемый любопытствомъ, Гвоздиковъ не остался однакожъ на своемъ посту; онъ потихонечку подобрался къ стекляннымъ окнамъ магазина и, дѣлая видъ какъ бы прогуливается мимо, бросалъ туда поминутно жадные взгляды. Но сколько ни старался юноша съ изумрудными зубами, сколько ни нагибался, ни подглядывалъ и ни протиралъ своего стеклышка, ничего ровно не могъ видѣть. Окна магазина, какъ нарочно на этотъ разъ, были завѣшены непроницаемыми рядами блондъ, чепцовъ и шемизетокъ. Такимъ образомъ прошло добрыхъ четверть часа; наконецъ дверь магазина отворилась и появился Накатовъ; сіяющее лицо его напоминало какъ нельзя лучше Бахусовъ и Силеновъ, которыхъ такъ

Digitized by Google

любилъ изображать Рубенсъ. Гвоздиковъ кинулся къ нему навстрѣчу, но Накатовъ, увидя вдалекѣ Черницкаго, придержалъ его рукою: „Сейчасъ, погодите, душа моя... мнѣ нужно сказать два слова Черницкому...“ Вымолвивъ это, онъ подошелъ къ Черницкому, который издалека кивалъ Гвоздикову головою, взялъ его подъ руку и пошелъ по Пассажу.

— Сдѣлай милость, братецъ, сказалъ Черницкій, оглядываясь назадъ,—пойдемъ отсюда; я, признаться сказать, смерть не люблю встрѣчаться съ этою дрянью Гвоздиковымъ: привяжется, и тогда ужъ никакъ не отстанетъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, ужасная дрянь! вымолвилъ Накатовъ. — Я и самъ не знаю, какъ отъ него отдѣлаться... пойдемъ на Невскій... Знаешь ли, Черницкій, прибавилъ онъ, улыбаясь,—откуда я теперь?.. ну, какъ ты думаешь?

— Право, не знаю.

Тутъ Накатовъ подхватилъ еще крѣпче Черницкаго подъ руку и разсказалъ ему свиданіе съ Пальмирой. Они вышли на Невскій; было уже три часа; народу гуляло множество.

— Видишь ли ты эту барыню въ голубой шляпкѣ и бархатной шубѣ, впереди насъ? спросилъ Черницкій.

— Вижу, а что?

— Хочешь держать пари, что она хороша собою, даже очень хороша?..

— Пожалуй, разсѣянно сказалъ Накатовъ, — я держу пари, что она ни то, ни сё, такъ себѣ...

— Сколько?

— Все равно, что хочешь, небрежно отвѣчалъ Накатовъ.

— Сто рублей серебромъ... нетерпѣливо произнесъ Черницкій.

— Изволь.

Они принялись обгонять даму. Въ эту самую минуту дама обернулась: каково же было удивленіе Накатова, когда онъ увидѣлъ Клару Петровну.

— Ради Бога, не сказывай ей о нашемъ пари, шепнулъ онъ, дергая пріятеля за руку.

— Ты, однакожъ, долженъ мнѣ сто рублей?

— Разумѣется!

Оба подошли къ Кларѣ Петровнѣ.

— Ахъ, господа, какъ я рада, что встрѣтила васъ, сказала она, привѣтливо кивая имъ головою,—у меня се

Digitized by Google

годня маленькій вечеръ; я рѣшительно не знала, гдѣ васъ отыскать... Надѣюсь, вы не забудете пріѣхать, m-r Накатовъ? въ Черницкомъ я увѣрена... А! да вотъ и остальные ваши пріятели идутъ къ намъ навстрѣчу... какъ это кстати!..

Пока Черницкій и Накатовъ раскланивались, Лушкевичъ, Сережа, Бѣлостоцкій и Бондаревскій загородили имъ дорогу и подошли къ Кларѣ Петровнѣ.

— Я долженъ тебѣ сказать, Накатовъ, что ты проигралъ пари, произнесъ Бѣлостоцкій, откланиваясь на приглашеніе Клары Петровны,—мой Муфти двумя саженями обогналъ Цербера Завольскаго... поздравляю!

— Очень радъ, mon cher, очень радъ, небрежно отвѣчалъ Накатовъ, глядя на Клару Петровну съ такимъ видомъ, которымъ ясно хотѣлъ высказать, что въ ея присутствіи онъ не въ состояніи замѣтить бездны подъ ногами.

Накатовъ наклонился уже къ ея уху, чтобы сказать какой-то комплиментъ, и вдругъ, какъ бы обжегшись, отпрянулъ назадъ, побагровѣлъ страшно и растерялся окончательно.

Навстрѣчу, прямо противъ него, изъ толпы показались княгиня Зинзивѣева и ея дочка. Накатовъ сдѣлалъ какъ будто идетъ въ противоположную сторону отъ Клары Петровны, и, поровнявшись съ княгинею, суетливо раскланялся. Лушкевичъ, Бондаревскій и Бѣлостоцкій присоединились также къ княгинѣ. Клара Петровна посмотрѣла вслѣдъ двумъ барынямъ и продолжала прогулку съ Черницкимъ.

— Что, Клара Петровна, какъ вамъ нравится вообще вашъ новый знакомый? смѣясь спросилъ Черницкій.

— Кто такой?

— Накатовъ.

Вмѣсто отвѣта, Клара Петровна устремила свои глазки на Черницкаго и усмѣхнулась. Тотъ также засмѣялся.

— Знаете ли, что этотъ дуракъ женится на княжнѣ Зинзивѣевой, той самой, что сейчасъ прошла мимо насъ?..

— Что вы? воскликнула съ любопытствомъ Клара Петровна. — Нѣтъ, мнѣ этого не говорили... Скажите пожалуйста, Черницкій, неужели онъ въ самомъ дѣлѣ такъ богатъ?

— Да, болѣе ста тысячъ доходу, произнесъ Черницкій, ударяя на каждое слово и пристально глядя на Клару

Digitized by Google

Петровну,—я, право, удивляюсь, что вы этого до сихъ поръ не знали... нельзя въ этомъ упрекнуть одну изъ вашихъ пріятельницъ, прибавилъ онъ, лукаво подмигнувъ своей дамѣ.

— Какъ! какая пріятельница?

— Я говорю о Пальмирѣ...

— А что такое? живо перебила Клара Петровна.

— Да то, что она успѣла уже опутать его своими сѣтями: онъ, кажется, влюбленъ въ нее по уши...

— Въ Пальмиру?.. презрительно спросила Клара Петровна,—вотъ вздоръ...

— Да, въ Пальмиру! и, если хотите знать, не далѣе какъ сегодня, часъ тому назадъ, Накатовъ былъ у нея въ магазинѣ... вчера вечеромъ, у васъ, назначила она ему свиданіе... онъ въ восторгѣ! Вы посмотрите только, что̀ изъ этого выйдетъ... Накатовъ сыплетъ деньгами какъ пескомъ; къ тому же онъ самолюбивъ, какъ всѣ дураки, и довольно уже взгляда хорошенькой женщины, чтобы вскружить ему голову и заставить бросать тысячи... Когда я узналъ объ этомъ, мнѣ стало ужасно досадно... Клара Петровна, продолжалъ Черницкій, глядя на нее еще пристальнѣе,—мы сколько лѣтъ уже знакомы?

— Да ужъ очень давно; а что?

— Это разрѣшаетъ мнѣ, слѣдовательно, очень многое, не правда ли? Можно сказать прямо то, о чемъ я теперь думаю?..

— Говорите...

— Меня, право, удивляетъ, что вы не замѣтили продѣлокъ Пальмиры, и гдѣ же? у себя въ домѣ! тогда какъ одинъ взглядъ вашъ, одно движеніе могли бы уложить этого дурака навсегда у вашихъ хорошенькихъ ножекъ... Такими дураками нужно всегда пользоваться, присовокупилъ Черницкій, въ видѣ любезности.

— Но вы говорите, что онъ женится, перебила Клара Петровна, суживая глазки и кусая губы.

— Э! Боже мой! это когда еще! онъ всего только раза два-три былъ въ домѣ... а наконецъ, если на то пошло, такъ вамъ — особенно вамъ, замѣтьте — легко устроить такъ, чтобъ этого вовсе не было... Ну, хотите, по старой дружбѣ, я помогу вамъ въ этомъ?..

— Хорошо...

Оба засмѣялись. Какъ ни были лишни эти совѣты и предостереженія, ибо Клара Петровна знала, какъ нельзя

Digitized by Google

лучше, всѣ подробности касательно Накатова, кромѣ происшествія съ Пальмирой, о которомъ она имѣла, впрочемъ, поводъ догадываться, тѣмъ не менѣе однакожъ она осталась очень довольна. Клара Петровна въ настоящее время, какъ справедливо замѣтилъ Бондаревскій, находилась въ самыхъ плохихъ обстоятельствахъ. Туалеты, ложа въ театрѣ, первый нумеръ въ гостиницѣ Кулона, лошади и вечера ровно еще ничего не доказывали; опытный глазъ открывалъ въ этомъ наружномъ блескѣ тотъ же, часто удачный, расчетъ, который заблаговременно стараются проявлять во всемъ молодые, начинающіе практику доктора, желающіе возбудить къ себѣ кредитъ и довѣріе. Но нужно отдать справедливость Кларѣ Петровнѣ: она обнаруживала расчетъ въ крайнихъ только случаяхъ; когда же наступали благопріятныя обстоятельства, она какъ бы вдругъ обращалась въ одну безпощадную расточительность, сыпала деньгами куда ни попало, нимало не заботясь о томъ, что̀ ждало ее впереди. „Завтра“ для нея не существовало тогда; страшныя суммы, цѣлыя состоянія таяли между розовыми ея пальчиками такъ же быстро, какъ ледъ; она, кажется, была бы въ состояніи выиграть безъ малѣйшаго затрудненія пари, предлагаемый когда-то англичанами тому, кто истратитъ милліонъ въ одинъ годъ собственно на свою особу. Ея безпечность и небрежность проявлялись рѣшительно во всемъ, кромѣ туалета; въ этомъ случаѣ она не слѣдовала примѣру многихъ дамъ, которыя складываютъ обыкновенно оружіе, когда одерживаютъ побѣду; Клара Петровна, напротивъ того, какъ бы одушевляясь своимъ торжествомъ, пускала въ ходъ всю силу своего кокетства и тактики, чтобы загнать побѣжденнаго въ самыя заднія траншеи. Взявшись разъ за преслѣдованіе, она такъ же точно безпощадна и неумолима, какъ старый полководецъ, котораго уже не возмущаютъ предсмертные стоны и муки. И—странное дѣло!—жестокая для иныхъ, она въ то же время часто обнаруживала къ другимъ необыкновенную мягкость и слабость; въ ней вообще была бездна противорѣчій; она утверждала постоянно, что не можетъ рѣшительно любить никого, кромѣ богатаго человѣка, что презираетъ бѣдность; на дѣлѣ оказывалось однакожъ, что любила она (если только любила) однихъ лишь бѣдняковъ, преслѣдовала и загоняла въ заднія траншеи богачей. Накатову угрожала, слѣдовательно, большая опасность. Планъ нападенія, какъ

Digitized by Google

каждый легко себѣ представить, не трудно было составить Кларѣ Петровнѣ противъ Накатова. Атака началась въ тотъ же вечеръ. Началось съ того, что Клара Петровна отрѣзала окончательно всѣ сообщенія между Накатовымъ и Пальмирой. Она не дала имъ сказать двухъ словъ въ продолженіе всего вечера. Пальмира съ своей стороны создала, должно быть, также свой планъ нападенія; отъ этого произошла маленькая борьба, которая привела въ совершенный восторгъ Накатова. Но не по силамъ Пальмирѣ было мѣряться съ Кларой Петровной: бой былъ не равенъ; выстрѣлы послѣдней были такъ ловки и мѣтки, что Накатовъ, выходя отъ нея вмѣстѣ съ товарищами, объявилъ во всеуслышаніе, что Клара Петровна владѣетъ съ этой минуты его сердцемъ и что, наконецъ, не знаетъ онъ, какъ бы учтивѣе отдѣлаться отъ Пальмиры, преслѣдованія которой могутъ повредить ему подлѣ первой.

— Бѣда въ томъ, господа, прибавилъ онъ,—меня дернуло далеко зайти къ Пальмирѣ!.. сегодняшнее свиданіе...

— Вотъ вздоръ выдумалъ! перебилъ Бондаревскій.— Скажите пожалуйста, о чемъ хлопочетъ человѣкъ! Какъ будто въ самомъ дѣлѣ Богъ знаетъ что у нихъ тамъ было! Хочешь, я научу тебя, какъ сдѣлать? Отправляйся прямо къ Пальмирѣ и предложи ей услуги, но такія скромныя, чтобъ она выгнала тебя вонъ изъ магазина...

— Помилуйте, она знаетъ, что я богатъ, какъ это можно? возразилъ Накатовъ.—Къ тому же, ты думаешь тутъ интересъ?—Она, братецъ, просто, какъ говорится, въ меня втюрилась, прибавилъ онъ, лукаво подмигнувъ лѣвымъ глазомъ.

— Ну, какъ ты себѣ тамъ думаешь, а только, если хочешь избавиться отъ ея преслѣдованій, сдѣлай такъ, какъ я тебѣ говорю...

Оставшись наединѣ, Накатовъ составилъ параллель между двумя женщинами и нимало не поколебался пожертвовать Пальмирой для Клары Петровны. Онъ очень хорошо понялъ, что послѣдняя воспользуется, по крайней мѣрѣ, достойнымъ образомъ его богатствомъ: сумѣетъ выказать его въ учтвереннномъ видѣ, доставитъ даже чрезъ это ему, Накатову, случай задирать на каждомъ шагу голову, тогда какъ первая обнаруживала большую склонность къ порядку и устройству собственныхъ своихъ интересовъ, что подтвердилось ея магазиномъ въ Пассажѣ. „Она жить не умѣетъ! въ ней нѣтъ разгула! Ея никто

Digitized by Google

даже не замѣтитъ; да притомъ ее и не такъ знаютъ въ Петербургѣ, какъ Клару Петровну; объ Кларѣ Петровнѣ заговоритъ тотчасъ же весь городъ!..“ Обдумавъ такимъ образомъ дѣло, Накатовъ приступилъ къ его исполненію. Но, къ несчастію, онъ былъ скорѣе хорошій теоретикъ, чѣмъ практикъ: нельзя же обладать въ совершенствѣ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ! На практикѣ оказалось, что холодность, которую онъ чувствуетъ къ Пальмирѣ въ присутствіи Клары Петровны, мгновенно исчезала каждый разъ, какъ онъ сталкивался глазъ-на-глазъ съ хорошенькой француженкой. Это дѣлалось даже какъ-то совершенно противъ его воли, ибо при каждой встрѣчѣ съ Пальмирой онъ твердо рѣшался исполнить совѣтъ Бондаревскаго; выходя отъ Клары Петровны, Накатовъ покупалъ обыкновенно браслетъ или брошку и отправлялся къ француженкѣ, давъ себѣ слово воспользоваться этимъ случаемъ и разомъ порѣшить дѣло, но въ результатѣ оказывалось, что браслетъ отданъ, а толку все-таки не произошло никакого.

Исторія этихъ браслетовъ и брошекъ, разумѣется, стала вскорѣ очень извѣстна, а вмѣстѣ съ тѣмъ до Накатова дошли слухи черезъ Черницкаго, что Клара Петровна влюблена въ него по̀ уши и сохнетъ какъ порошинка. Въ порывѣ неодолимаго восторга, Накатовъ бросился на шею Черницкому и чуть не задушилъ его въ своихъ объятіяхъ.

XIII.

Первое пораженіе.

Восхищенный своими побѣдами, Накатовъ значительно сталъ охладѣвать къ княжнѣ Зинзивѣевой; мало-по-малу онъ пересталъ даже упоминать о женитьбѣ; когда спрашивали его объ этомъ пріятели, онъ отвѣчалъ, что дѣло еще не рѣшено, что онъ не любитъ большого свѣта, предпочитаетъ ему кругъ добрыхъ товарищей, чувствуетъ въ себѣ слишкомъ много огня и молодости, чтобы закабалиться подъ ярмо супружеской жизни, что домъ еще не совсѣмъ отдѣланъ, дѣла не приведены въ порядокъ,— и много другихъ причинъ приводилъ онъ въ оправданіе своего непостоянства. Взамѣнъ этого, онъ не переставалъ говорить о прелестяхъ жизни вдвоемъ съ такою женщиной, какъ, напримѣръ, Клара Петровна, восторженно по-

Digitized by Google

трясалъ при этомъ руками, сладостно закатывалъ глаза подъ лобъ, опускалъ голову и задумывался... Вѣроятно, тѣмъ бы и покончилось; княжна Зинзивѣева не увидала бы болѣе цвѣтущей наружности Накатова; розы съ его щекъ пришлось бы срывать Кларѣ Петровнѣ, если бы не случилось одного маленькаго обстоятельства, которое снова возвратило его въ гостиную старой княгини и снова повергло къ ногамъ ея хорошенькой дочки. На другой день послѣ того, какъ Черницкій повѣдалъ ему тайну Клары Петровны, рано утромъ, Накатовъ получилъ письмо. Въ этомъ письмѣ Клара Петровна убѣдительно просила его заѣхать вечеромъ; въ концѣ говорилось вскользь, что гостей не будетъ; просили отвѣта. Уже сказано было, что всякая нечаянность имѣла свойство ставить нашего героя втупикъ; но никогда, можетъ-быть, затрудненіе его не было такъ сильно, какъ въ эту минуту. Внезапная радость, точно такъ же, какъ внезапное горе, производятъ одни и тѣ же дѣйствія! Накатовъ принялся писать отвѣтъ, черкалъ, маралъ строку за строкой, вновь переписывалъ, скоблилъ, чинилъ перо за перомъ, взвалилъ по обѣимъ сторонамъ креселъ цѣлыя кучи рваной бумаги, измучился страшно и, наконецъ, произвелъ слѣдующее посланіе:

„Mamzelle!

„Я въ восторге не знаю что отвечать на ваше очаровательное приглашѣнье... пріеду, конешно пріеду, очаровательная Клара Петровна будь я въ Америке или въ Африке и тогда бы прилѣтѣлъ. Не смею еще надеятца на будущее... но я оставляю перо воображая ваше прекрасное будуще adieu, цалую ваши ручки...“

— Эхъ! воскликнулъ Накатовъ, опрокидываясь на спинку креселъ и отирая потъ съ лица,—какъ бы подписаться?.. Написать фамилію, какъ-то не то... Накатовъ! фамилія, пропади она, какая-то глупая, грубая... Хвачу Борисъ, собственное имя, да только не по-русски: по-русски неловко, грубо; напишу: taut à vous Moriz! Отлично, мягко, плавно, деликатно и бонтонно!..

Переписавши записку на розовой душистой бумажкѣ, Накатовъ вручилъ ее собственноручно лакею, одѣлся, сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ англійскій магазинъ. Въ магазинѣ находилось, по обыкновенію, множество покупателей. Накатовъ окинулъ первую залу и, подобравшись, какъ бы нечаянно, къ самой многочисленной группѣ дамъ,

Digitized by Google

сказалъ, чтобы показали ему лучшій фермуаръ. Краска удовольствія покрыла лицо его, когда онъ увидѣлъ нѣсколько любопытныхъ взоровъ, обращенныхъ на фермуаръ.

— Заверните, пожалуйста, сказалъ онъ, бросивъ небрежный взглядъ на драгоцѣнное украшеніе,—что̀ стоитъ?

— Двѣ тысячи восемьсотъ...

Нужно было видѣть радость, съ какою Накатовъ вынулъ бумажникъ и расплатился.

— Прикажите отнести это въ мою карету!

Сказавъ это, онъ задралъ кверху голову, яростно раздулъ щеки и, стуча каблуками, вышелъ изъ магазина. Проѣзжая мимо думы, онъ вспомнилъ, что у него не было свѣжихъ перчатокъ, и приказалъ остановиться противъ косметическаго магазина. Толстый, отекшій господинъ, въ енотовой шубѣ, торговалъ хрустальную вазу; передъ нимъ, за конторкой, стоялъ приказчикъ-французъ, съ жиденькою бородкой и выщипанными бакенбардами. Въ магазинѣ никого больше не было.

— Перчатки! отрывисто произнесъ Накатовъ, обращаясь къ французу.

— Tout de suite, monsieur... сейчасъ, отвѣчалъ тотъ, продолжая торговаться.

— Нѣтъ, это дорого, говорилъ отекшій господинъ,— помилуйте, неслыханная цѣна...

— Заграничное, отвѣчалъ французъ, пожимая сухощавыми, жиденькими плечами.

— Будь оно хоть сто разъ заграничное, этакой цѣны дать не могу.

— Я спрашивалъ пер...чат...ки! нетерпѣливо повторилъ Накатовъ.

— Tout de suite, monsieur... à l'instant!.. отвѣчалъ французъ, отвѣшивая поклонъ и продолжая разговаривать съ толстякомъ, который махнулъ, наконецъ, рѣшительно рукою и отошелъ прочь.

— Нѣтъ, это уже слишкомъ! закричалъ Накатовъ.

Онъ подошелъ къ конторкѣ и сбросилъ вазу на полъ, которая тутъ же разлетѣлась вдребезги.

— Ну, дадите ли вы мнѣ теперь перчатки? сказалъ Накатовъ, перемѣнивъ строгую интонацію на мягкую и шутливую.

Французъ и толстый господинъ стояли съ открытыми ртами и поднятыми руками.

Digitized by Google

— Monsieur! monsieur! вскрикнулъ приказчикъ, приходя въ себя.

— Что̀ стоитъ? смѣясь спросилъ Накатовъ, указывая величественнымъ движеніемъ руки сначала на то мѣсто, гдѣ стояла ваза, потомъ на осколки.

— Полтораста рублей!..

— Хорошо, хорошо...

Накатовъ расплатился очень весело, не забывъ при этомъ повертѣть хорошенько бумажникомъ передъ глазами приказчика и отекшаго господина, который все еще, казалось, не приходилъ въ себя.

— Дайте же мнѣ пару желтыхъ перчатокъ, сказалъ Накатовъ, обращаясь со смѣхомъ къ французу,—восьмой номеръ. Хорошо, онѣ, кажется, будутъ впору; вотъ вамъ деньги...

Онъ подалъ ему сторублевую бумажку.

— Нѣтъ ли меньше-съ? нѣжно спросилъ приказчикъ, протягивая ему еще нѣжнѣе два длинные пальца съ исполинскими ногтями, между которыми вертѣлась ассигнація.

— Помилуйте! что это такое? возразилъ Накатовъ, разводя руками и сердито пожимая плечами.—Скажите на-милость, неужели долженъ я носить въ карманахъ мѣдныя деньги, гроши да пятаки!.. Срамъ, какой безпорядокъ! Я, право, никогда не буду у васъ брать...

— Si monsieur voudrait attendre...

— Ну, вотъ прекрасно, стану я ждать!.. Я лучше пришлю дейьги съ человѣкомъ или мажордомомъ... adieu!..

Приказчикъ выпрыгнулъ изъ-за прилавка и кинулся отворить двери; Накатовъ повернулся на каблукѣ, раздулъ ноздри и вышелъ изъ магазина, не забывъ самодовольно взглянуть на отекшаго господина, который, казалось, все еще не могъ придти въ себя. Накатовъ рѣдко находился въ такомъ веселомъ расположеніи духа; онъ приказалъ каретѣ ѣхать шагомъ, а самъ пошелъ пѣшкомъ, переваливаясь съ ноги на ногу и поминутно ощупывая задній карманъ, куда запряталъ онъ фермуаръ.

Громкій хохотъ раздался за нимъ. Онъ быстро оглянулся и увидѣлъ Бѣлостоцкаго, Бондаревскаго, Лушкевича и Сережу, шедшихъ рука-объ-руку къ нему навстрѣчу.

— А! здравствуйте, друзья мои, развязно произнесъ Накатовъ, — что васъ не видно? гдѣ вы запропастились? гдѣ?..

Digitized by Google

Пріятели протянули ему руки, но вмѣсто отвѣта залились новымъ смѣхомъ.

— Что̀ съ вами?

— О-о-охъ! о-охъ! преуморительная исторія, могъ только произнести Бондаревскій, прикладывая фуляръ къ губамъ.—Пойдемъ въ кафе... я тебѣ разскажу, если хочешь... ха! ха! ха!..

— А я вамъ покажу штуку, которая вѣрно будетъ лучше всякой исторіи, возразилъ Накатовъ, подымаясь по лѣстницѣ кафе и лукаво подмигивая каждому изъ пріятелей.—Ну, какъ вамъ нравится? а? что? спросилъ онъ, открывая передъ ними неожиданно фермуаръ.

— Чудо! прелесть! отлично!..

— То-то же, вымолвилъ Накатовъ, крутя самодовольно головою.

— Что это стоитъ? Помилуй, Накатовъ, вѣдь тутъ пахнетъ тысячею...

Накатовъ засмѣялся.

— Отгадай, сказалъ онъ, сдѣлавъ бѣсовки-плутовскую мину.

— Тысячу двѣсти?

— Подымай выше!

— Двѣ?

Накатовъ снова усмѣхнулся.

— Неужто три?

— Подымай выше.

— Четыре? быть не можетъ!..

— Однакожъ такъ! ровно четыре тысячи! произнесъ Накатовъ, оглядывая присутствующихъ торжествующимъ взглядомъ.

— Развѣ ты женишься? Рѣшено, что ли? Кому это? спросили пріятели въ одинъ голосъ.

— Кларѣ Петровнѣ! таинственно отвѣчалъ Накатовъ, захлопнувъ крышку футляра и щелкнувъ языкомъ.

Страшный, оглушительный хохотъ задребезжалъ вокругъ него; онъ оглянулся: половина пріятелей лежала на стульяхъ и заливалась, ухватившись за бока.

— Что̀ это значитъ, господа? что̀ съ вами? Я, право, не понимаю... говорилъ Накатовъ, повертывая недоумѣвающее лицо свое то къ одному, то къ другому.

— О-о! о-охъ! о, бѣдный Морицъ, несчастный Морицъ! злосчастный Морицъ! повторялъ Бондаревскій, катаясь на своемъ стулѣ.

Digitized by Google

— Что такое, какой Морицъ? Богъ знаетъ, Бондаревскій, ты, братецъ, всегда сочинишь что-нибудь...

— Морицъ! Морицъ! повторили остальные пріятели, задыхаясь отъ смѣху.

— Да скажете ли вы, наконецъ, господа, какой Морицъ? что̀ значитъ этотъ Морицъ? произнесъ Накатовъ, багровѣя какъ полный мѣсяцъ на исходѣ.

— Помилуй, любезный, сказалъ Бондаревскій,—да вѣдь ты же самъ назвалъ себя этимъ именемъ.

— Какъ! когда?

— Ну, а въ письмѣ къ Кларѣ Петровнѣ... мы сейчасъ отъ нея... Ай, Морицъ, Морицъ, какъ же не совѣстно тебѣ отпираться отъ своего имени?..

— Я не понимаю, съ чего вы вздумалъ сердиться, Накатовъ? вымолвилъ Бѣлостоцкій, закусывая губы.—Я нахожу, что Морицъ очень хорошее имя...

Всѣ засмѣялись.

— Такъ стало-быть Клара Петровна показывала вамъ мое письмо? запальчиво спросилъ Накатовъ.

Хохотъ усилился цѣлою октавой. Накатовъ насунулъ на брови шляпу, положилъ въ карманъ фермуаръ, плюнулъ и, хлопнувъ дверью, вышелъ изъ кафе.

„А! она смѣется надо мною! такъ вотъ оно каково выходитъ на повѣрку! бормоталъ онъ сквозь стиснутые зубы.—А-а! ну, хорошо! Показывать мои письма! и кому же? какому-нибудь Бондаревскому! Нѣтъ, я не таковъ! надо мною трудно, моя милая... я вѣдь не то, чтобы... Посмотримъ, я тебѣ покажу... Такъ вотъ не будетъ же тебѣ фермуара! не будетъ, не будетъ, не видать тебѣ его, какъ ушей своихъ!.. Впрочемъ, это тебѣ урокъ, любезный: не связывайся впередъ съ такими женщинами... А я думалъ!.. Э! да чего же тутъ искать: извѣстно, невѣжество, необразованіе, невоспитанность, грубость чувствъ! это не то, что̀ какая-нибудь княжна Зинзивѣева... Эхъ! дуракъ, дуракъ! зачѣмъ я такъ рѣдко сталъ туда ѣздить!.. вотъ тебѣ и урокъ! А впрочемъ, можетъ-быть, это къ счастію, кто знаетъ! я даже увѣренъ, что къ счастію... Завтра же поѣду къ княгинѣ... прочь съ этой жизнію!.. товарищи дрянь на дряни,—не стоятъ они того, чтобъ объ нихъ долго думать... Рѣшено, завтра же ѣду къ княгинѣ, дѣлаю предложеніе, и фермуаръ, того...“ заключилъ Накатовъ, садясь въ карету.

Вѣроломство Клары Петровны, какъ говорилъ Накатовъ

Digitized by Google

такъ охладило его къ ней, что къ вечеру онъ уже окончательно пересталъ о ней думать. Мысли его безпрестанно носились теперь вокругъ будуара очаровательной княжны; онъ уже воображалъ себя у ея ногъ, счастливымъ супругомъ, цвѣткомъ аристократическаго круга, и, засыпая, рѣшилъ, что вовсе не дурно будетъ звучать сочетаніе двухъ фамилій: „Зинзивѣевъ-Накатовъ“.

На другой день, часа въ два, Накатовъ вошелъ къ княгинѣ, приготовивъ заблаговременно все, что̀ нужно было сказать, и увѣренный заранѣе въ успѣхѣ своего дѣла. Княжны не было въ гостиной; его приняла княгиня. Накатовъ остановился въ дверяхъ и отвѣсилъ ей почтительный поклонъ. Старуха окинула его съ головы до ногъ, потомъ кивнула головою и указала на кресло подлѣ кушетки. Сухость пріема смутила гостя. Онъ тотчасъ же опустился на край кресла и завертѣлъ шляпой.

— Что это васъ давно не видать, m-r Накатовъ? спросила какъ бы нехотя старуха.

— Дѣла, княгиня, нѣжно произнесъ Накатовъ. (Что̀ значитъ этотъ пріемъ? подумалъ онъ тутъ же, — вѣрно ей что-нибудь на меня наговорили... гм! гм!)—Я привожу свои дѣла въ порядокъ; вы не повѣрите, сколько хлопотъ, безпокойства, времени...

— Развѣ они у васъ въ безпорядкѣ? перебила старуха, бросивъ на гостя инквизиторскій взглядъ.—Мнѣ кажется, ваша бабушка...

— Нѣтъ-съ, княгиня, я въ другомъ отношеніи говорю... я преимущественно занимаюсь теперь устройствомъ дома... Я давно думаю перемѣнить образъ жизни... Да, княгиня, грустно жить, какъ всѣ мы живемъ, молодые люди... особенно если...

— Вы хотите жениться? спросила старуха, небрежно поправляя шемизетку.

„Нѣтъ, это просто удивительно, подумалъ Накатовъ,— она со мною совсѣмъ не то, что прежде... Э! была не была! ляпну ей прямо...“

— Да, княгиня! отвѣчалъ онъ, поднявъ на нее свои водянистые, на выкатѣ, глаза,—я думаю жениться,—мое состояніе, мое общественное положеніе позволяютъ мнѣ это сдѣлать... признаться сказать, княгиня, я за тѣмъ и пріѣхалъ къ вамъ...

Накатовъ потупилъ голову, голосъ его дрожалъ.

— Ко мнѣ? съ удивленіемъ спросила старуха.

Digitized by Google

— Да, княгиня, запинаясь, началъ Накатовъ,—вы знаете мою бабушку... и я думалъ...

— Конечно, я знала когда-то вашу бабушку, m-r Накатовъ, но согласитесь... зная васъ всего одинъ лишь мѣсяцъ, мнѣ, право, странно...

— Княгиня! позвольте мнѣ говорить съ вами откровенно! воскликнулъ гость, показывая ей пурпуровое лицо свое.—Вы знаете мое состояніе,—оно извѣстно цѣлому Петербургу!.. я готовъ рѣшительно на всѣ пожертвованія съ своей стороны, чтобы сдѣлать счастіе женщины, которая согласится раздѣлить его со мною...

— Позвольте мнѣ также говорить съ вами откровенно, m-r Накатовъ, перебила княгиня тономъ, который ясно показывалъ, что она намѣрена прекратить разговоръ.— Ваше предложеніе, если только оно обращается къ намъ, какъ я имѣю поводъ думать, дѣлаетъ намъ много чести, но въ положеніи, какое занимаетъ въ свѣтѣ моя дочь, мало однихъ личныхъ достоинствъ человѣка... вы сами знаете, какую роль играетъ нынче состояніе...

Накатовъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе; княгиня остановила его рукою.

— Состояніе, которымъ вы пользуетесь, продолжала старуха,—значительно, очень даже значительно, и, конечно, съ этой стороны не было бы никакихъ препятствій, но... тутъ есть одно обстоятельство... вы пользуетесь имъ временно, какъ опекунъ вашей бабушки, и оно вамъ еще не принадлежитъ; ваша бабушка не сегодня, такъ завтра можетъ выздоровѣть... вы знаете, какого рода ея болѣзнь; всѣ единогласно утверждаютъ, что болѣзнь „періодическая“...

Внутренность Накатова облилась смертельнымъ холодомъ; онъ вздрогнулъ и оглянулся на стороны; ему казалось въ эту минуту, что растворились настежь всѣ окна гостиной.

— Помилуйте, княгиня! это клевета! произнесъ онъ съ натянутою усмѣшкой, — я имѣю вѣрныя доказательства, что бабушка неизлѣчима...

— Я однакожъ слышала это изъ вѣрныхъ рукъ, сказала старуха съ убійственнымъ хладнокровіемъ, — мнѣ даже недавно говорили, что она чувствуетъ себя съ нѣкоторыхъ поръ гораздо лучше...

— Не можетъ быть! Нѣтъ, княгиня, это невозможно! воскликнулъ Накатовъ голосомъ человѣка, которому про-

чли смертельный приговоръ, — я еще вчера былъ у бабушки... она въ томъ же положеніи и окончательно неизлѣчима...

Тутъ Накатовъ сильно привралъ: съ тѣхъ поръ, какъ съ Пелагеей Антоновной приключилось несчастіе, онъ ни разу не заглянулъ къ ней.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ, конечно, лучше знать, вымолвила княгиня.—Повторяю вамъ, mon cher m-r Накатовъ, предложеніе ваше дѣлаетъ намъ много чести, и не будь этого обстоятельства, я охотно приняла бы его... я должна вамъ объявить, что состояніе наше очень ограниченно, а безъ него, вы понимаете... какъ мать, m-r Накатовъ, я ни за что не рѣшусь подвергнуть будущность дочери неизвѣстности; платя откровенностью за откровенность, скажу вамъ, что рука моей дочери никогда не будетъ принадлежать человѣку безъ вѣрнаго и прочнаго состоянія...

— Ахъ! княгиня... я несчастнѣйшій изъ людей! произнесъ Накатовъ съ комическимъ отчаяніемъ.

— Э! полноте, m-r Накатовъ, возразила княгиня, взявъ со стола платокъ и приподымаясь съ кушетки, какъ будто собираясь покинуть гостиную,—вы молоды и скоро успокоитесь... Нынѣшніе молодые люди очень вѣтрены и скоро забываютъ такого рода горести... Извините меня, если я васъ оставлю, прибавила она, поправляя складки на платьѣ,—я дала слово заѣхать въ три часа къ одной изъ моихъ кузинъ...

Накатовъ вышелъ отъ Зинзивѣевой въ совершенномъ отчаяніи. Съ одной стороны нестерпимо дребезжало въ ушахъ его слово: „періодическая“, съ другой — представлялся отказъ княгини, позорный отказъ, который не замедлитъ распространиться по всему городу, съ третьей— весь ужасъ картины выздоровленія бабушки и сокрушительнаго разрушенія его собственнаго блеска, съ четвертой—слышались уже насмѣшки и преслѣдованія пріятелей: такъ силенъ былъ толчекъ, что не будь онъ на улицѣ и притомъ поддерживаемъ двумя арапами, которые подсаживали его въ карету, онъ вѣрно не поддержалъ бы собственнаго достоинства, разразился бы воплемъ или грохнулся со всѣхъ ногъ на панели.

По пріѣздѣ домой, вмигъ разослано было нѣсколько человѣкъ къ бабушкѣ, разузнать обстоятельно—какъ было дѣло, въ какомъ положеніи ея здоровье, и разспросить

Digitized by Google

подробно Христіяна Христіяновича, вѣрны ли были свѣдѣнія, полученныя отъ Зинзивѣевой. Самъ Накатовъ не посмѣлъ ѣхать. Онъ боялся, чтобы столкновеніе съ дѣйствительностію, глазъ-на-глазъ съ горькою истиной (буде она справедлива), не лишило его самого разсудка. Онъ заперся въ кабинетъ и трепетно ожидалъ роковой вѣсти. Къ счастію, ждать пришлось не очень долго; вѣсти оказались, однакожъ, совсѣмъ несправедливыми. Христіянъ Христіяновичъ, не замедлившій явиться, объявилъ ему, покрякивая, что на прошлой недѣлѣ дѣйствительно всѣмъ имъ показалось, какъ будто Пелагеѣ Антоновнѣ стало легче, но что это была только обманчивая надежда, что она попрежнему не перестаетъ просить рожокъ, и что хотя Тиссотъ сильно напираетъ на возможность „періодическаго“ состоянія въ такого рода болѣзняхъ, однако онъ сильно сомнѣвается, взявъ въ соображеніе лѣта, чтобы предположеніе Тиссота было надежно. Это обстоятельство значительно успокоило нашего героя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, грусть, смѣшанная съ нѣкоторою досадой, не покинула его во весь день и продолжала налегать на него во весь слѣдующій; самолюбіе его было сильно оскорблено отказомъ княгини. „Она даже не просила меня продолжать къ нимъ ѣздить!..“ Мысль эта не выходила изъ его головы. Всему есть, однакожъ, конецъ; мало-по-малу мысли Накатова успокоились; грусть и досада дали мѣсто достойному пренебреженію и забвенію, такъ-что, наконецъ, на третій день онъ приказалъ заложить фіолетовую карету и отдалъ повелѣніе арапамъ надѣть самыя блистательныя ливреи. „Дай, покажу же я этой княгинѣ, какъ плохо идутъ мои дѣла!“ думалъ Накатовъ, направляясь съ шляпою на головѣ къ дверямъ—и вдругъ совершенно неожиданно столкнулся съ Черницкимъ.

XIV.

Торжество Накатова.

Лицо Черницкаго было привѣтливѣе и веселѣе обыкновеннаго, лобъ и брови пріятно разглажены; одни бѣлки сохраняли прежнюю, непріятную красноту.

— Помилуй, Накатовъ! всѣ мы давно рѣшили, что ты умеръ! вымолвилъ Черницкій, подымая обѣ руки кверху.

— Хороши пріятели, нечего сказать, отвѣчалъ тотъ съ шутливымъ упрекомъ,—мнѣ кажется, хоть въ самомъ дѣлѣ

Digitized by Google

умирай, никто не заглянетъ... я, братецъ, чувствовалъ себя какъ-то не совсѣмъ ладно всѣ эти дни...

— Ба! я не зналъ этого! да кто жъ можетъ это знать? ты бы написалъ, по крайней мѣрѣ... Ахъ, да, скажи пожалуйста, Накатовъ, произнесъ Черницкій, бросаясь на диванъ, — отчего ты не ѣздишь къ Кларѣ Петровнѣ?.. она просто въ отчаяніи, не знаетъ, что бы это могло значить...

— Полно, братецъ, полно! полно меня морочить, смѣясь, сказалъ Накатовъ,—знаю я теперь, какова эта Клара Петровна!.. Сначала я сдуру и въ самомъ дѣлѣ тебѣ повѣрилъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать? сдѣлай милость, объясни мнѣ... развѣ что-нибудь произошло между вами?..

— Просто, братецъ, прескверное дѣло; она поступила со мною очень не деликатно; признаться сказать, я даже вовсе не ожидалъ отъ нея этого; она пишетъ мнѣ записку, проситъ къ себѣ; я отвѣчалъ, разумѣется, а она въ тотъ же день показала мою записку Бондаревскому, Бѣлостоцкому и кому угодно...

— А, такъ вотъ оно что! ну, братецъ, я очень радъ, что дѣло это объяснилось... Клара Петровна нисколько не виновата.

— Какъ не виновата! вотъ прекрасно! помилуй, душа моя, показывать мои записки...

— Да нѣтъ же, нѣтъ, не виновата она, говорю тебѣ! сказалъ съ нѣкоторымъ жаромъ Черницкій.—Я знаю дѣло: изъ этого даже чуть не вышло исторіи; слушай: ея не было дома; прочитавъ письмо твое, она оставила его, по разсѣянности, на этажеркѣ; явились наши пріятели, согласились подождать ее и случайно прочли записку—вотъ и вся штука. Клара Петровна была въ отчаяніи...

— Странно какъ-то... бормоталъ Накатовъ, вставая съ дивана и принимаясь расхаживать по комнатѣ.

— Я тебѣ говорю, какъ было, и говорю потому, что мнѣ, право, жаль... ты пренебрегаешь женщиной, лучшею женщиной въ Петербургѣ, которую ты могъ бы сдѣлать счастливою, и съ которой самъ былъ бы очень счастливъ, потому что, не шутя, она расположена къ тебѣ... Гдѣ ты найдешь женщину, которая могла бы поспорить съ нею въ чемъ бы то ни было?.. Ужъ не Пальмира ли?.. Эхъ, братецъ, жить ты не умѣешь, вотъ что; дай мнѣ твое состояніе, твои средства, я тебѣ покажу какъ жить надо!

Digitized by Google

фррр!.. а то задумалъ еще жениться, правда, что̀ ли? Спросилъ бы у меня, что̀ значитъ рано жениться... эхъ-хе-хе... Жениться когда можно? во-первыхъ, по расчету, когда вовсе нѣтъ состоянія; во-вторыхъ, когда есть посредственное, кругленькое состояніе, такъ, чтобы наслаждаться супружескимъ счастіемъ припѣваючи, не нуждаясь ни въ чемъ; но спрашивается, не глупость ли жениться съ огромнымъ, колоссальнымъ состояніемъ? И притомъ, жениться тебѣ! тебѣ!.. произнесъ Черницкій, пожимая плечами.—Ты долженъ жениться не иначе, какъ на знатной дамѣ или дѣвушкѣ: таково твое положеніе, не такъ ли? Ну, хорошо, женишься ты, ну, хоть, пожалуй, на твоей княжнѣ, какъ бишь ее... Зин... Зунъ... Занъ... да, Зинзивѣевой; свѣта большого ты не любишь, жена потащитъ тебя въ свѣтъ, вздохнуть не дастъ; сегодня балъ,— завтра балъ; что̀ ты станешь тогда дѣлать? Какое назначеніе дашь ты своему состоянію? Все оно будетъ истрачиваться на балы, на обѣды, туалетъ твоей супруги... Ну, а ты-то что? молодость-то, молодость—съ нею что̀ ты будешь дѣлать? скрутишь себя по рукамъ и по ногамъ женою да общественными условіями...

— Я, душенька, совершенно согласенъ съ тобою, и признаюсь тебѣ, очень радъ, что Клара Петровна не виновата, какъ ты говоришь, произнесъ Накатовъ, плохо скрывая просіявшую на лицѣ радость.

— Разумѣется, братецъ, брось всѣ эти дрязги, поѣзжай къ ней, она будетъ въ восторгѣ... Я признаюсь, отчего такъ сильно настаиваю свести васъ вмѣстѣ: Бондаревскій, котораго, какъ ты вѣдаешь, я не очень жалую, строитъ ей куры: онъ увѣренъ, что она къ нему неравнодушна, и мнѣ смерть бы хотѣлось, чтобы ты, ну, разумѣется, человѣкъ съ состояніемъ, съ богатствомъ, далъ бы хорошенькій щелчокъ его самолюбію... это было бы отлично!.. Кромѣ этого, я долженъ тебѣ сказать, что распространяются слухи, будто бабушка твоя выздоравливаетъ...

— Кто это говоритъ? вскричалъ Накатовъ, блѣднѣя,— что̀ за вздоръ!.. Они рѣшительно посягаютъ на мою жизнь! экія подлости дѣлаются на свѣтѣ!.. Помилуй, душа моя, продолжалъ онъ успокоительнымъ голосомъ, какъ будто дѣло касалось лично Черницкаго, — я еще вчера видѣлъ бабушку, говорилъ съ ея докторомъ; кому же лучше знать...

— Ну, вотъ то-то же, — я объ этомъ и говорю; те

Digitized by Google

предстоитъ самый блистательный случай опровергнуть всѣ эти толки, которые, если будутъ продолжаться, могутъ сильно повредить тебѣ,—брось нѣсколько тысячъ, задай два-три великолѣпныхъ вечера, разумѣется, въ кругу молодежи,—и горю конецъ! Слухъ пронесется, что все, что̀ ни говорили, — сплетни, вздоръ, чепуха, и кредитъ твой снова возстановленъ какъ нельзя лучше...

— Душа моя! ты просто воскрешаешь меня! воскликнулъ Накатовъ, горячо пожимая руку Черницкому.—Рѣшено, ѣду къ Кларѣ Петровнѣ! ѣду нынче же, мирюсь съ нею! О! мы увидимъ, чья возьметъ!.. ѣдемъ сейчасъ же, ѣдемъ вмѣстѣ!..

— Нѣтъ, ужъ лучше поѣзжай одинъ, и вечеромъ, иначе ты рискуешь встрѣтиться со всею нашей компаніей.

— Эй, человѣкъ! мажордомъ! кто тамъ? завтракъ!.. закричалъ Накатовъ, хлопая восторженно въ ладоши.

— Ну, вотъ, къ чему затѣвать хлопоты! если ужъ ты непремѣнно хочешь завтракать, поѣдемъ лучше къ Дюссо, сказалъ Черницкій, зѣвая и потягиваясь на диванѣ. Ахъ, кстати, Накатовъ... о-о-о! (тутъ зѣвота одолѣла его)... нѣтъ ли у тебя до завтра... о-о-о!.. рублей двѣсти? жена больна, надо послать за лѣкарствами, а въ домѣ какъ нарочно ни гроша...

— Изволь, изволь, сколько хочешь, душенька... ты знаешь, я всегда готовъ...

— Ладно, ты отдашь мнѣ ихъ у Дюссо...

— Какъ хочешь, у Дюссо, такъ у Дюссо, говорилъ Накатовъ, застегивая сюртукъ. — Ну, я готовъ, Черницкій, вставай!

И оба, рука въ руку, вышли на лѣстницу. Часу въ восьмомъ вечера, послѣ тонкаго гастрономическаго обѣда, которымъ распорядился Черницкій, Накатовъ поѣхалъ къ Кулону и постучался дрожащимъ пальцемъ въ дверь Клары Петровны. Дверь отворилась сама собою, какъ будто тамъ уже кого-то ждали.

— Что, душенька, дома Клара Петровна? спросилъ Накатовъ у горничной.

— Дома-съ...

— Гостей нѣтъ?

— Нѣтъ-съ; онѣ никого не приказали принимать, кромѣ васъ, отвѣчала субретка, показывая ему рядъ бѣлыхъ зубовъ.

Сердце Накатова вздрогнуло; онъ запустилъ руку въ

Digitized by Google

карманъ и, какъ бы нечаянно, положилъ въ ладонь субретки крупную ассигнацію, которую та мгновенно скрыла подъ передникомъ.

— Пожалуйте, сказала она, отворяя двери въ знакомую уже залу. — Ахъ! да ихъ нѣтъ-съ здѣсь... онѣ должны быть въ гостиной, пожалуйте...

Сказавъ это, субретка заперла за собою дверь и оставила Накатова одного посреди слабо освѣщенной залы. Накатовъ, какъ уже знаютъ, былъ человѣкъ робкій и нерѣшительный въ извѣстныхъ случаяхъ. Имъ овладѣли внезапно такая неловкость и смущеніе, что онъ попятился уже къ двери, но, къ счастію, остановился: „Что скажетъ горничная?“ подумалъ онъ; мысль эта заставила его тотчасъ же приподняться на цыпочки и сдѣлать нѣсколько шаговъ къ двери гостиной. Несмотря, однакожъ, на всевозможные ободрительные доводы, онъ никакъ не могъ освободиться отъ дрожи, которая приводила въ страшное движеніе его челюсти, такъ что онъ прижалъ ихъ, наконецъ, плотно другъ къ дружкѣ, чтобы не слышно было щелканья зубовъ. Онъ вошелъ въ гостиную и вмигъ почувствовалъ, что трепетное, неловкое чувство замѣнилось неодолимо сладостнымъ разслабленіемъ, какъ будто его вдругъ окунули въ теплую паровую ванну.

Небольшая карсельская лампа, прикрытая розовымъ колпакомъ, драпировавшимся на стеклѣ какъ тончайшее кружево, разливала полусвѣтъ на коверъ, на мебель и стѣны, обтянутыя блѣдно-розовыми обоями; у рѣзного стола, подлѣ лампы, стояла низенькая оттоманка, касавшаяся почти до ковра; на ней отдыхала Клара Петровна. Головка ея, освѣщенная сполна лампою, покрытая длинными, густыми, нѣсколько взбитыми локонами, свѣсилась на атласную подушку, слабо поддерживаемую обнаженною рукою. На ней былъ легкій пеньюаръ изъ бѣлаго матоваго атласа, обшитый волнистыми оборками, въ которомъ гибкій, стройный станъ хорошенькой женщины тонулъ какъ въ морской пѣнѣ. Кругомъ царствовала тишина мертвая; ничто не могло потревожить сладкаго ея сна. Накатовъ, упоенный, очарованный, едва смѣлъ дохнуть; тонкій, благоухающій воздухъ, который окружаетъ всякую хорошенькую женщину во время сна, начиналъ уже проникать во всѣ его поры; онъ стоялъ передъ нею, чувствуя постепенно, какъ размягчалось и таяло его сердце... Онъ сдѣлалъ еще шагъ и окончательно растерялся, когда

Digitized by Google

увидѣлъ двѣ узенькія ножки, свѣсившіяся на коверъ; на одной изъ нихъ, чуть-чуть, на пальчикахъ только, держалась кокетливая синяя бархатная туфля; туфля другой ножки, обтянутой тоненькимъ шелковымъ чулкомъ à jour, лежала, опрокинутая подошвою кверху, на оттоманкѣ.

Накатовъ невольно преклонилъ передъ нею колѣна. Въ то самое мгновеніе, Клара Петровна раскрыла глазки, — вскрикнула, поспѣшно поправила волосы и пеньюаръ.

— Ахъ, Накатовъ, какъ вы меня испугали!.. Извините меня... я вовсе не ожидала... Встаньте же,—что съ вами?.. я на васъ очень, очень сердита...

— На меня! Клара Петровна... за что? что я такое сдѣлалъ?.. проговорилъ Накатовъ, едва переводя дыханіе.

— Зачѣмъ вы такъ долго не ѣздили ко мнѣ... fi! fi! какой вы дурной! Впрочемъ, я вовсе не зла и охотно прощаю вамъ...

Сказавъ это, она протянула ему душистую свою ручку. Накатовъ взялъ ручку и замеръ на ней губами. Въ глазахъ его зарябило окончательно; онъ видѣлъ только передъ собою зеленые и красные кружки, вращавшіеся съ неимовѣрною быстротою.

— Вы на меня не сердитесь?.. произнесъ надъ нимъ мелодическій голосъ, и почти въ то же время почувствовалъ онъ на щекѣ горячее дыханіе.

Онъ поднялъ голову и встрѣтилъ губами пылающую щеку Клары Петровны...

Въ гостиной раздался поцѣлуй.

XV.

Между двумя перекрестными огнями.

Недѣли три спустя послѣ описанной выше сцены, пріятели Накатова, а именно: Бѣлостоцкій, Бондаревскій, Лушкевичъ и Сережа, пообѣдавъ у Дюссо, спросили сигары и расположились на диванахъ вокругъ камина.

— Какъ бы тамъ ни было, а мнѣ, право, жаль его, господа, сказалъ Бѣлостоцкій, продолжая заранѣе начатый разговоръ,—вы увидите, что онъ плохо кончитъ.

— Полно, любезный, возразилъ Бондаревскій, пуская струю дыма въ потолокъ,—кончится очень обыкновенно; не забудь, что Накатовъ—мѣдный лобъ; на этихъ людей ничто не дѣйствуетъ слишкомъ сильно. Если хочешь, я тебѣ разскажу конецъ исторіи: Накатовъ прокутитъ, если

Digitized by Google

уже не прокутилъ, половину состоянія, бабушка его выздоровѣетъ, — что весьма вѣроятно, потому что, какъ говорятъ, она все чаще и чаще начинаетъ приходить въ себя,—лишитъ внучка наслѣдства и пожертвуетъ остатки состоянія на какой-нибудь вдовій домъ; внучекъ будетъ ревѣть какъ быкъ трое сутокъ, потомъ переѣдетъ на старую свою квартиру, велитъ запрячь рысачка и поѣдетъ по Невскому, какъ ни въ чемъ не бывало...

— Ну, я не думаю, чтобы это было совсѣмъ такъ, перебилъ Бѣлостоцкій, — во-первыхъ, прокутитъ онъ, если уже не прокутилъ, не половину состоянія, а все состояніе...

— Прекрасно! ну, что жъ изъ этого послѣдуетъ?.. ты думаешь, разница будетъ большая? — его посадятъ въ тюрьму; бабушкѣ восемьдесятъ или восемьдесятъ пять лѣтъ, — она умретъ, его выпустятъ, и все кончится все-таки катаньемъ по Невскому.

— Въ самомъ дѣлѣ, до чего глупъ этотъ Накатовъ! сказалъ Бѣлостоцкій, — онъ въ полной увѣренности, что Клара Петровна влюблена въ него; не далѣе какъ вчера онъ говорилъ мнѣ объ этомъ...

— И мнѣ также, произнесъ Сережа.

— Какое, половину состоянія! шутишь ты, Бондаревскій, подхватилъ Бѣлостоцкій. — Одинъ вчерашній балъ чего стоитъ! помилуй, mon cher, у нашихъ богачей не видывалъ я такой роскоши. Нужно быть Накатовымъ, чтобы дѣлать подобныя глупости! лѣстница, обвитая виноградомъ въ январѣ мѣсяцѣ, комнаты, запруженныя розанами, померанцевыя деревья въ цвѣту въ столовой... И замѣтьте, господа, что уже четвертый вечеръ въ этомъ родѣ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ находится подъ крылышкомъ Клары Петровны... Возьмите теперь въ соображеніе ея квартиру, экипажи, лошадей,—все это заведено вновь и притомъ вдругъ, въ какую-нибудь недѣлю,— что, какъ извѣстно, набавляетъ на все значительную цѣну; возьмите также его собственный домъ; содержаніе одного оркестра чего стоитъ; а безалаберщина во всемъ этомъ! а подарки Кларѣ Петровнѣ! дня не проходитъ безъ этого... Какое, половину состоянія! половину онъ уже брякнулъ, я увѣренъ, еще до Клары Петровны... да вотъ, чего же лучше: я знаю изъ вѣрныхъ рукъ, онъ занялъ у Гринера двадцать тысячъ.

— Что ты?.. (Бондаревскій протяжно засвисталъ).

— Серьезно, и занялъ за огромные проценты...

Digitized by Google

— А балъ, что ни говорите, былъ удивительный, господа, — лучше еще первыхъ трехъ, сказалъ Лушкевичъ.

— Не трудно угадать, почему онъ тебѣ больше нравится, замѣтилъ Бондаревскій, — тамъ были французскія актрисы, къ которымъ ты не равнодушенъ... особенно къ Делиль... По мнѣ, первый балъ былъ самый удачный...

— Ну, вотъ, отвѣчалъ Лушкевичъ, разглядывая свои ногти, — вовсе не потому, совсѣмъ не Делиль... мнѣ несравненно больше нравится Жозефина.

— Ахъ да, господа, Жозефина, какъ хотите, лучше всѣхъ! что за прелесть! какіе волосы, какіе глаза, какъ всегда одѣта! воскликнулъ Сережа, потрясая завитою, напомаженной гривой.

— Вы замѣчаете, что Пальмиры не видать у Клары Петровны?

— О! онѣ уже давно поссорились... еще до Накатова.

— Вотъ также, господа, миленькая женщина! какая талія, какой шикъ!.. подалъ голосъ Сережа.

— Но замѣчаешь ли ты, Бондаревскій, какую роль играетъ во всемъ этомъ нашъ другъ Черницкій? спросилъ Бѣлостоцкій.

— Не говори мнѣ о немъ, братецъ, отвѣчалъ Бондаревскій,—впрочемъ, надо было всегда ожидать отъ него...

— Что же онъ такое сдѣлалъ? спросили въ одно время сіамскіе близнецы.

— Во-первыхъ, онъ немилосердно обираетъ бѣднаго Накатова, занимаетъ у него безпрестанно деньги, втерся къ нему въ интимность, подличаетъ, разсказываетъ ему всякія сплетни... Ахъ, кстати: онъ увѣрилъ его, будто я ухаживаю за Кларой Петровной! Мало того, онъ занимаетъ деньги и у нея; потомъ я узналъ недавно одну штуку, которая еще лучше всего этого: онъ познакомилъ Клару Петровну гдѣ-то на Невскомъ или въ магазинѣ съ графомъ П*** (она сама проболталась), вѣроятно и у него также занимаетъ...

— Неужели! воскликнулъ Бѣлостоцкій, заливаясь смѣхомъ,—и Накатовъ этого не знаетъ?

— Разумѣется, нѣтъ... Я не считаю еще Гвоздикова, котораго Черницкій также упросилъ Накатова познакомить съ Кларой Петровной, и который, вѣроятно, за эту честь приноситъ свою дань Черницкому... Ну, словомъ, такія низости, что не знаю, какъ вы, господа, а я рѣшился прекратить съ нимъ всякаго рода сношенія...

Digitized by Google

— Господа, вы здѣсь? послышался за дверью голосъ Накатова...

— Здѣсь, здѣсь, войди! отвѣчали всѣ, перекинувшись взглядомъ.

Накатовъ влетѣлъ съ сіяющимъ лицомъ въ комнату, растопырилъ руки и бросился обнимать каждаго изъ пріятелей.

— Вотъ радъ-то, господа, что засталъ васъ! Спрашиваю у Дюссо: здѣсь ли вы? — всѣ, говорятъ, здѣсь, — я тотчасъ и прилетѣлъ сюда... А гдѣ-жъ Черницкій? что я его не вижу? продолжалъ Накатовъ, оглядываясь на стороны.—Онъ сказалъ мнѣ, что также обѣдаетъ сегодня у Дюссо... Каково, господа, я его расшевелилъ? совсѣмъ повеселѣлъ нашъ Черницкій... О! погодите, я изъ него вытрясу хандру!..

Бѣлостоцкій и Бондаревскій перемигнулись.

— Ну, что, господа, продолжалъ Накатовъ, бросаясь на диванъ,—каковъ былъ вчерашній вечерокъ, а?

— Очень хорошъ! очень! отвѣчали пріятели.

— Это еще что! перебилъ Накатовъ. — Погодите-ка, друзья мои, то ли еще будетъ! Я хочу устроить у себя въ домѣ зимній садъ; закачу просто-таки цѣлый лѣсъ изъ банановъ! Вездѣ фонтаны, гроты этакіе... освѣщу все это матовыми цвѣтными фонарями,—огонь-то въ зелени,—вѣдь это чудо какой будетъ эффектъ! да и задамъ тамъ балъ, то-есть, какъ говорится, балъ на славу!.. И то надо сказать, господа, вѣдь женщина-то какая! для нея ничего не жаль! готовъ, ей-Богу, право, отдать все свое богатство; она первая подала мнѣ мысль устроить зимній садъ,—да-съ, Клара Петровна-съ умѣетъ-таки жить!.. Посмотрите-ка, что я купилъ ей.

Накатовъ вынулъ изъ кармана зеленый футляръ и показалъ пріятелямъ великолѣпное ожерелье.

— Ну, каково-съ?

— Отлично!

— Очень хорошо!

— Сколько денегъ, я думаю, это стоитъ...

— Отгадай!

— Да что... тысячу рублей...

Накатовъ подмигнулъ глазомъ и щелкнулъ языкомъ.

— Подымай выше, произнесъ онъ, пропуская каменья между неуклюжими своими пальцами.

— Полторы тысячи?

Digitized by Google

— Двѣ съ половиною, дружокъ! двѣ съ половиною! воскликнулъ онъ восторженно.—Найдешь за полторы тысячи такіе камни? какъ бы не такъ! Но, повторяю вамъ, друзья мои, для нея ничего не пожалѣю!.. Вотъ жизнь, господа, такъ жизнь!

Накатовъ привсталъ съ дивана и, наклонившись къ пріятелямъ, произнесъ вполголоса:

— Влюблена въ меня какъ сто тысячъ кошекъ! Сердится и плачетъ, когда я ухожу отъ нея... Господа, продолжалъ онъ громко,—хотите сдѣлать мнѣ удовольствіе? пожалуйста, умоляю васъ!..

— Что такое?

— Поѣдемте сейчасъ къ ней, проведемъ тамъ вечеръ, напьемся чаю, поужинаемъ, вѣрно кто-нибудь еще забредетъ... славно убьемъ вечеръ, она будетъ очень рада...

— Помилуй, любезный, теперь рано.

— Вотъ вздоръ какой, рано! Что за рано, семь часовъ!.. къ тому же вы домашніе люди... ѣдемъ!..

Дѣлать было въ самомъ дѣлѣ нечего, сигары были докурены, пріятели послѣдовали за Накатовымъ.

— Клары Петровны дома нѣтъ-съ... сказала субретка, отворяя настежь всѣ двери.

— Какъ! быть не можетъ! воскликнулъ Накатовъ.

— Мы говорили тебѣ, что слишкомъ рано, прибавилъ Бондаревскій.

— Клара Петровна сегодня дома не кушали, прибавила субретка.

— Какъ! стало-быть у барыни прошла головная боль?

— Не знаю-съ, только онѣ уѣхали въ три часа...

— Должно быть она поѣхала къ Делиль, замѣтилъ Накатовъ.—Скажи Кларѣ Петровнѣ, какъ она пріѣдетъ, что всѣ мы явимся сегодня чай пить... Господа, продолжалъ онъ,—я попросилъ бы васъ остаться здѣсь, да скучно будетъ безъ хозяйки; притомъ и нехорошо сидѣть тотчасъ же послѣ обѣда; въ ожиданіи чаю не пошляться ли намъ гдѣ-нибудь?

— Гдѣ же?

— Ну, хоть въ Пассажѣ... Въ восемь часовъ какъ разъ будемъ здѣсь: такъ, что ли?..

— Хорошо!

Пять минутъ спустя они входили въ Пассажъ.

— Господа, зайдемте къ Пальмирѣ, сказалъ Накатовъ.

— Ну, не совѣтую, особенно тебѣ, возразилъ Бонда-

Digitized by Google

ревскій,—она, того и смотри, тебѣ глаза выцарапаетъ; знаешь ли, что она ругаетъ тебя всѣмъ и каждому?..

Накатовъ самодовольно засмѣялся.

— Ну, ну, что жъ она говоритъ, душенька? скажи, пожалуйста, это очень забавно... Понятно, зависть къ Кларѣ Петровнѣ... Ну, что жъ говоритъ она?..

— Во-первыхъ, она называетъ тебя не иначе, какъ Морицомъ...

Накатовъ побагровѣлъ какъ піонъ.

— Ахъ, она дрянь! произнесъ онъ запальчиво.

— Полно, братецъ; стоитъ сердиться за то, что несетъ изъ зависти или ревности всякая женщина, сказалъ Бондаревскій, закусывая губы.

— Да вотъ развѣ то, что она женщина, вымолвилъ сквозь зубы Накатовъ, разжимая кулаки.—Пойдемте, пожалуйста, поскорѣе мимо ея оконъ, мнѣ противно глядѣть на эту дрянь... Я вамъ предложу вотъ что: такъ какъ Пассажъ довольно пустъ, подымемся наверхъ, возьмемъ въ кафе-ресторанѣ особую комнату, спросимъ мороженаго или шампанскаго со льдомъ и посидимъ въ ожиданіи чаю...

— Вѣдь самъ же ты говорилъ, что вредно сидѣть послѣ обѣда...

— Мы уже прошлись довольно... Идемте, господа, пожалуйста, прошу васъ.

Всѣ поднялись во второй этажъ Пассажа.

— Особую комнату, сказалъ Накатовъ слугѣ, останавливаясь въ темномъ, узенькомъ коридорѣ, въ стѣнѣ котораго виднѣлось нѣсколько дверей.

— Есть-съ, пожалуйте...

— Тутъ, что ли?

— Нѣтъ-съ, эта занята, пожалуйте въ этотъ нумеръ или этотъ...

Слуга отворилъ дверь рядомъ съ дверью занятаго нумера, и всѣ вошли въ очень миленькую, свѣтлую комнатку. Затопился каминъ, явились шампанское и мороженое, и началась бесѣда.

. . . . . .

— Что съ тобою, Накатовъ? спросили почти въ одинъ голосъ пріятели, прерывая мгновенно разговоръ и устремляя на него любопытные взгляды,—дурно тебѣ, что ли?

— Нѣтъ, господа, позвольте... мнѣ послышалось одно слово... отвѣчалъ тотъ, подымаясь поспѣшно на ноги.

Digitized by Google

— Какое слово?

Не отвѣчая имъ, Накатовъ дернулъ за колокольчикъ.

— Скажи, пожалуйста, любезный, спросилъ онъ вполголоса, обращаясь къ вошедшему слугѣ,—кто у васъ въ этой комнатѣ?

Онъ указалъ налѣво.

— Не знаю, сударь, какіе-то два старые господина изволили спросить шоколаду, холодной воды и газеты; они уже здѣсь полчаса.

— Хорошо, ступай! отрывисто отвѣчалъ Накатовъ.

— Скажешь ли намъ, наконецъ, что̀ такое случилось? снова спросили его пріятели, слѣдя за каждымъ его движеніемъ.

— Нѣтъ, ничего, такъ, мнѣ почудилось, вымолвилъ развязно Накатовъ—и вдругъ поблѣднѣлъ, раскрылъ ротъ и покачнулся.

Въ эту минуту говоръ въ сосѣднемъ нумерѣ усилился.

— Помилуйте, Иванъ Петровичъ, послышался примирительный голосъ,—могу васъ увѣрить, что случаи эти не такъ рѣдки, какъ вы думаете; такого рода болѣзни очень часто обращаются въ періодическія...

— Нѣтъ, Ѳедоръ Иванычъ, какъ вы тамъ себѣ хотите, отвѣчалъ кто-то густымъ басомъ,—а случаи эти рѣдки; я по крайней мѣрѣ первый разъ вижу, чтобы субъектъ ея лѣтъ излѣчился отъ помѣшательства, чтобы помѣшательство, коснувшись разъ дряблаго и почти отжившаго организма, не дѣлалось постояннымъ, хроническимъ... повѣрьте, это не сумасшествіе, это просто продолжительный припадокъ, приливъ крови къ мозговой оболочкѣ; ручаюсь вамъ, Ѳедоръ Иванычъ, что она радикально выздоровѣла... Замѣтили вы сегодня на консиліумѣ: она говорила, какъ мы съ вами, никакого признака умственнаго поврежденія, совершенное высвобожденіе мозговой перепонки...

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, Иванъ Петровичъ, не согласенъ, совершенно не согласенъ: посмотрите, если черезъ годъ—какое! черезъ два-три мѣсяца, не повторится съ нею опять та же исторія... Я наблюдалъ за нею сегодня, также во время консиліума: глазъ ея безпокоенъ... бѣлокъ нѣсколько воспаленъ и какъ-будто прозраченъ... Что̀ она у васъ спрашивала?..

— Не знаю ли я ея внучка...

Digitized by Google

— Ахъ, да вѣдь у ней внучекъ!.. любопытно было бы посмотрѣть...

Пріятели взглянули на Накатова. На немъ лица не было; губы его поблекли и опустились, щеки судорожно подергивались; окинувъ дикимъ взглядомъ комнату, онъ вскочилъ на ноги и бросился къ двери. Пріятели обхватили его руками.

— Полно, Накатовъ, опомнись, что̀ ты дѣлаешь? шептали ему всѣ за одинъ разъ въ уши. — Это вѣрно не о тебѣ идетъ рѣчь; развѣ ты одинъ въ Петербургѣ, у котораго сумасшедшая бабушка?.. сядь, вышей... къ тому же— слышишь? кто-то подымается по лѣстницѣ...

Накатова силою усадили на диванъ и влили ему въ горло стаканъ воды. Въ самую эту минуту въ коридорѣ послышались шаги; дверь въ сосѣдній нумеръ, направо, отворилась, и почти въ то же время послышался звонкій женскій хохотъ. Накатовъ вздрогнулъ, побагровѣлъ и выкатилъ глаза; пріятели его переглянулись въ недоумѣніи.

— О, въ этомъ отношеніи, графъ, намъ не предстоитъ никакой опасности! сказала мелодическимъ голосомъ Клара Петровна.—Я объявила, что у меня мигрень, и отправила его къ пріятелямъ; онъ вѣрно у Дюссо.

— Да-съ, Клара Петровна, да, графъ, произнесъ картавый, пискливый голосишко, по которому пріятели и самъ Накатовъ узнали тотчасъ же Гвоздикова, — я видѣлъ, какъ онъ вылѣзалъ изъ кареты передъ подъѣздомъ Дюссо...

— Клара Петровна, что̀ прикажете? нѣжно спросилъ графъ.

— Позвольте, графъ, предоставьте распоряжаться Черницкому: я полагаюсь на его вкусъ.

— О, съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Черницкій. — Человѣкъ! закричалъ онъ въ коридоръ, — мороженаго, воды со льдомъ и шампанскаго! смотри только: frappé à la glace! понимаешь?..

Бондаревскій и Бѣлостоцкій должны были развязать Накатову галстукъ: онъ задыхался.

— Могу васъ увѣрить, Ѳедоръ Иванычъ, послышалось снова въ нумерѣ налѣво.

— Неужто, Иванъ Петровичъ?

— Мнѣ говорилъ это Христіянъ Христіянычъ, ея домашній врачъ, то-есть врачъ, вы понимаете... такой же, какъ мы съ вами архитекторы, но все-равно... Она рѣшительно объявила, что лишаетъ внучка наслѣдства...

Google

— Старушка-то, говорятъ, скуповата.

Накатовъ вскочилъ на ноги, но почти въ ту же минуту опустился въ изнеможеніи на диванъ, протянулъ руки, какъ будто хотѣлъ за что-то уцѣпиться, закрылъ глаза и наконецъ залился слезами.

— Пусть ужъ лучше за одинъ разъ выпьетъ чашу до дна, шепнулъ Бондаревскій на ухо Бѣлостоцкому.

Тотъ кивнулъ головою.

— Нѣтъ, господа, вы ужъ, право, кажется, слишкомъ сильно нападаете на Накатова, весело воскликнула Клара Петровна, — онъ въ самомъ дѣлѣ очень добрый человѣкъ, глупъ немножко, но что жъ дѣлать, нельзя быть безъ недостатковъ...

— Какъ! только немножко глупъ? сказалъ шутливо Черницкій, — о! о! Клара Петровна, Клара Петровна!.. если такъ, я, чего добраго, начну вѣрить, что вы къ нему неравнодушны...

— Правда-ли это, Клара Петровна? спросилъ графъ.

— Нѣсъ-съ, графъ, я ручаюсь, запищалъ Гвоздиковъ,— у Клары Петровны слишкомъ много вкуса...

— Браво, Гвоздиковъ, брррраво! закричалъ Черницкій.— Messieurs et mesdames, шампанское къ вашимъ услугамъ!..

— Злодѣи! простоналъ Накатовъ, сжимая кулаки и опускаясь на руки пріятелей...

— Полно, братецъ, что за вздоръ! смѣясь, говорилъ Бондаревскій, — неужто ты не можешь выдержать хладнокровно...

— Злодѣи! повторилъ Накатовъ, порываясь впередъ и снова опускаясь на диванъ.

— Тише, братецъ, какъ тебѣ не совѣстно! шепнулъ ему на ухо Бѣлостоцкій,—изъ этого можетъ выйти исторія; не забудь, что ты въ публичномъ мѣстѣ...

— Злодѣи, едва внятно пролепеталъ Накатовъ, жалостливо качая головою.

Наконецъ кой-какъ уговорили его, успокоили, вывели изъ нумера и усадили въ карету.

— Злодѣи! закричалъ Накатовъ, который, почувствовавъ себя въ собственной каретѣ, далъ уже полную волю слезамъ и отчаянію.—Нѣтъ, я не переживу этого! друзья мои, не покидайте меня въ такую минуту!..

Бѣлостоцкій и Бондаревскій усѣлись съ нимъ вмѣстѣ; Лушкевичъ и Сережа поѣхали сзади въ коляскѣ Бѣлостоцкаго.

Digitized by Google

XVI.

Шахъ и матъ.

Кареты вскорѣ остановились передъ парадным подъѣздомъ Накатова. При входѣ въ переднюю, пріятели тотчасъ же замѣтили перемѣну въ домѣ: люди, ходившіе всегда мѣрно и плавно, не торопясь и на цыпочкахъ, какъ строго предписывалъ взыскательный хозяинъ, заботившійся такъ усердно объ этикетѣ и комфортѣ, теперь суетились немилосердно или стояли неподвижно, вперивъ любопытный взглядъ на гостей и особенно на своего барина; швейцаръ такъ оторопѣлъ, что забылъ даже броситься къ звонку. Всѣ они какъ будто употребляли неимовѣрныя усилія, чтобы раскрыть рты и сообщить Накатову что-то особенное; но рты не раскрылись, и они стояли, вытянувъ шею и видимо страдая отъ тщетнаго усилія привести въ повиновеніе челюсти

— Ничего... кажется, нѣтъ новаго?.. кажется никто не былъ у меня сегодня, сказалъ ободрительнымъ, но нетвердымъ голосомъ Накатовъ, обращаясь къ швейцару и стараясь, по обыкновенію, показать ему спокойную, развязную наружность.

— Никакъ нѣтъ-съ... докторъ... началъ швейцаръ.

— Какъ! какой докторъ?.. воскликнулъ Накатовъ, мгновенно измѣняясь въ лицѣ.

— Христіянъ Христіянычъ, отвѣчалъ швейцаръ, запинаясь.

— Зачѣмъ?.. развѣ я его велѣлъ звать?.. спросилъ Накатовъ, лицо котораго покрылось чистѣшимъ пурпуромъ.

— Отъ Пелагеи Антоновны, присовокупилъ швейцаръ.

У Накатова зарябило въ глазахъ.

— Бондаревскій, проговорилъ онъ, теряя тутъ же всю развязность и спокойствіе, — господа... сдѣлайте милость... подите впередъ... Спросите, ради Бога, что ему нужно, прибавилъ онъ, опускаясь на руку Бѣлостоцкаго, какъ мѣшокъ, изъ котораго вытрясли разомъ мякину.

— Полно, братецъ, выдержи характеръ хоть по крайней мѣрѣ передъ людьми, шепнулъ ему Бѣлостоцкій.

Слова эти тотчасъ же придали Накатову силы; онъ обернулся къ лакеямъ, сдѣлалъ даже какое-то движеніе головою, потомъ снова подхватилъ Бѣлостоцкаго и началъ подыматься по лѣстницѣ. На послѣднемъ поворотѣ лѣстницы попался сѣдой Гаврило, переименованный когда-то въ мажордомы. Старикъ сдѣлалъ шагъ впередъ, раскрылъ

ротъ, какъ будто хотѣлъ также что-то сказать, но вмѣсто этого покривилъ плаксиво губами, опустилъ голову и завертѣлъ мизинцами. Толпа прошла мимо, не обративъ на него никакого вниманія.

Войдя въ гостиную и увидя Христіяна Христіяныча, Накатовъ ринулся назадъ и принялъ позу, какую принимаетъ актеръ, когда приходится спрашивать въ патетическую минуту: „Кто ты, грозное привидѣнье?..“ Пріятели поклонились Христіяну Христіяновичу и усадили Накатова на диванъ.

— Ну, Борисъ Борисычъ, я къ вамъ пришелъ за очень важнымъ дѣломъ, началъ Христіянъ Христіянычъ, покрякивая и усаживаясь подлѣ внучка своей благодѣтельницы, — для васъ это конечно будетъ большая непріятность, но что же дѣлать? Такъ видно Богу угодно!..

Тутъ докторъ развелъ руками, заботливо покрутилъ угловатою своею головой и вслѣдъ за тѣмъ снова крякнулъ и снова покрутилъ головой.

— Я... боленъ, докторъ... ужасно боленъ... сказалъ Накатовъ, распуская губы и схватываясь за голову.

— О-о-о-о! жалостливо произнесъ Христіянъ Христіянычъ, щупая ему пульсъ, — да, да, большой жаръ... пульсъ неровенъ...

— Охъ! докторъ, перебилъ Накатовъ,—я чувствую, что не переживу... О, злодѣи! злодѣи! прибавилъ онъ, свѣшивая въ изнеможеніи голову.

— О-о-о-о! произнесъ еще мягче Христіянъ Христіянычъ,—зачѣмъ такъ говорить! ваша бабушка...

— Что же съ ней, докторъ... что? скажите мнѣ, наконецъ... это мои пріятели... говорите при нихъ... вымолвилъ Накатовъ, подавая руку каждому изъ присутствующихъ.

— Пелагея Антоновна пришла нынче утромъ въ себя, началъ докторъ успокоительнымъ тономъ.

— Такъ это правда? спросили въ одно время пріятели.

— Да-съ, еще двѣ недѣли тому назадъ, я началъ замѣчать въ ней перемѣну... Восемь дней тому назадъ, я думалъ даже, что она совсѣмъ выздоровѣла: она приказала выгнать кормилицу, приказала продать купленныя для нея игрушки, не забыла даже велѣть принести ей деньги, и вдругъ къ вечеру ей стало опять хуже да хуже, такъ что я отложилъ было всякія надежды и, признаться, усомнился въ Тиссотѣ, который утверждаетъ, что такого рода болѣзни обращаются большею частію въ періодиче-

Digitized by Google

скія... Наконецъ, продолжалъ Христіянъ Христіянычъ, крякнувъ и поскрипѣвъ табакеркою, — нынче ночью Пелагея Антоновна присылаетъ за мною; я прихожу, щупаю пульсъ: ровный, безъ всякаго признака тревожнаго, лихорадочнаго состоянія; я говорю съ нею: она отвѣчаетъ совершенно здраво на всѣ мои вопросы; къ утру ужъ и память ея прояснилась еще болѣе; я созвалъ консиліумъ: всѣ рѣшительно утвердили, кромѣ меня, однакожъ, и еще Ѳедора Ивановича, что она радикально выздоровѣла...

Тутъ Христіянъ Христіянычъ поднялъ брови и опять-таки развелъ руками. Накатовъ, лежавшій въ совершенномъ изнеможеніи на диванѣ, но со всѣмъ тѣмъ прислушивавшійся чуткимъ ухомъ къ разговору доктора, вскочилъ на ноги и ударилъ себя кулакомъ въ голову.

— Все, кончено! произнесъ онъ отчаянно, взъерошивая на себѣ волосы.

— О-о-о! успокойтесь, Борисъ Борисычъ, сказалъ Христіянъ Христіянычъ, нѣжно прикасаясь къ его рукѣ.

— Нѣтъ! кричалъ Накатовъ, расхаживая по комнатѣ и продолжая взъерошивать волосы,—вы думаете, я послѣ этого останусь въ Петербургѣ?.. Нѣтъ! уѣду въ деревню! буду жить тамъ: ѣсть, пить, спать! обрюзгну, запущу себя, подавлю въ себѣ просвѣщеніе, одичаю... Куда все это пойдетъ? присовокупилъ онъ, протягивая руки къ стѣнамъ и карнизамъ,—кто этимъ воспользуется? Девяностолѣтняя старуха, которая не сумѣетъ оцѣнить всего этого, заведетъ тутъ богадѣльню или мелочную лавочку, напуститъ сюда всякой сволочи... все пропадетъ!..

— Успокойтесь, Борисъ Борисычъ, снова началъ докторъ, насупивъ брови и наклонивъ на-бокъ сухощавую, какъ щепка, шею.—Раздѣляя вполнѣ мнѣніе Тиссота, я рѣшительно отвергаю мнѣніе нашихъ врачей, которые увѣряютъ, будто бабушка ваша радикально выздоровѣла... Вздоръ, быть не можетъ! Тиссотъ совершенно правъ, и я съ нимъ согласенъ! Какъ это можно? Болѣзнь ея неизлѣчима и непремѣнно обратится въ періодическую...

— Нѣтъ, докторъ, теперь ужъ мнѣ все равно,—періодическая ли, хроническая ли, или вѣчная! все равно!

— Ну, не все равно, замѣтилъ Христіянъ Христіянычъ, покрякивая и поднося табакерку къ худощавому своему носу. — Конечно, для вашей бабушки большое несчастіе періодическое состояніе болѣзни, но для васъ — это совсѣмъ другое дѣло.

Digitized by Google

— Нѣтъ, докторъ, нѣтъ, все равно... Что мнѣ теперь?.. всѣ, весь городъ, весь Петербургъ утверждаетъ, что она лишаетъ меня навсегда наслѣдства!..

Христіянъ Христіянычъ поднялъ значительно брови.

— Да, примолвилъ онъ, пожимая губами, — Пелагея Антоновна очень вами недовольна... она, дѣйствительно, говорила въ томъ смыслѣ...

— Ну, однакожъ, прощай, Накатовъ, сказалъ Бѣлостоцкій, взявшись за шляпу.

— Какъ!.. ты оставляешь меня въ такую минуту?..

— Да, братецъ, нельзя иначе: я званъ на вечеръ къ Высицкимъ... къ тому же, согласись, я ничѣмъ не могу помочь въ твоемъ дѣлѣ...

— Вы куда?.. и вы также покидаете меня? горестно воскликнулъ Накатовъ, обращаясь къ сіамскимъ близнецамъ, которые тоже взялись за шляпы.

— Нельзя, Накатовъ, право, нельзя: мы оба обѣщали сегодня пріѣхать къ Жозефинѣ; у нея маленькій вечеръ; тамъ будутъ французскія актрисы... Делиль, Зюльма... Анна...

— Ступайте же, ступайте! отчаянно произнесъ Накатовъ, махая во всѣ стороны руками. — Всѣ меня оставляютъ!.. Одинъ человѣкъ, продолжалъ онъ, обнимая Бондаревскаго, — одинъ другъ, который не покидаетъ меня въ несчастіи...

— Очень ошибаешься, любезный, сказалъ Бондаревскій, схватываясь также за шляпу, — въ другое время я бы, разумѣется, сдѣлалъ это... но я званъ сегодня на вечеръ...

— Куда?...

— Къ княгинѣ Зинзивѣевой...

При этомъ имени Накатовъ выпустилъ Бондаревскаго изъ рукъ, закрылъ лицо обѣими ладонями и бросился на диванъ. Пріятели поклонились Христіяну Христіянычу и поспѣшно, на цыпочкахъ, вышли изъ гостиной.

— Успокойтесь, Борисъ Борисычъ, говорилъ докторъ, покрякивая и качая головою,—не отчаивайтесь; повѣрьте мнѣ, опытному человѣку. Пелагея Антоновна, продолжалъ онъ, наклонившись къ Накатову, — неизлѣчима; болѣзнь ея періодическая... Повѣрьте, наконецъ, Тиссоту... онъ никогда не ошибался...

Но уже Накатовъ не слушалъ Христіяна Христіяныча: онъ отчаянно моталъ головою и рыдалъ на весь домъ.

1849 г.

Digitized by Google

НЕУДАВШАЯСЯ ЖИЗНЬ.

(повѣсть.)

I.

Покупатель.

Недалеко отъ Сѣнной площади, на Екатерининскомъ каналѣ, существуетъ съ незапамятныхъ временъ лавочка, которая невольно обращаетъ на себя вниманіе наблюдателя. Она въ самомъ дѣлѣ не лишена оригинальности. Расположенная въ огромномъ домѣ, подъ старыми воротами,—лавочка эта съ перваго разу бросается въ глаза. Наружность ея облѣплена справа и слѣва, снизу и сверху пестрыми рядами лубочныхъ картинокъ и книжонокъ, прикрѣпленныхъ на бичевкахъ раздвоенными колышками и щепками. Владѣтель этихъ сокровищъ—старичокъ лѣтъ семидесяти. Его знаютъ всѣ окрестные обыватели. Лицо его, скомканное, какъ вымокшій пергаментъ, длинные, сѣдые волосы, тронутые кое-гдѣ желтизною, сгорбленная, сухая фигурка и сѣрые слезливые глазки, мутно выглядывающіе поверхъ круглыхъ оловянныхъ очковъ,—все это могло бы служить художнику отличною моделью для колдуна или алхимика среднихъ вѣковъ. Особенно хорошъ былъ старикъ, когда онъ цѣликомъ появлялся у темнаго входа воротъ, при чемъ свѣтъ падалъ на него прямо сверху. Это случалось очень часто. То вызывалъ его „Еруслanъ Лазаревичъ“, котораго вѣтеръ перегибалъ изнанкой кверху и грозилъ сбросить въ лужу, то приводилось прикрикнуть на зѣвакъ, неотступно толкавшихся

у входа и заслонявшихъ часто свѣтъ Божій. Нечего и говорить, что послѣднихъ было болѣе, чѣмъ покупателей. Ни на одной выставкѣ, можетъ-статься, не толпилось столько народу. Иначе, впрочемъ, и быть не могло.

Идетъ ли „служба“, передъ нимъ подвиги „Русскихъ съ Кабардинцами“, или картина, изображающая воина на конѣ: подъ копытомъ лошади, слѣва, копошатся, въ страшныхъ судорогахъ, изрубленные, безголовые турки, справо непоколебимо вытягиваются строи русскихъ войскъ, надъ которыми, однакожъ, патріотъ-художникъ не много трудился: мазнулъ сурикомъ — вышли воротники, мазнулъ синькой—мундиры, мазнулъ сажей съ клеемъ—сапожки, и т. д.

— Эй, тетка, говоритъ солдатъ, указывая проходящей курносой бабѣ на „Чортову мельницу“,—погляди-ка, какъ вашего брата, старухъ беззубыхъ, чортъ съ лѣкаремъ въ молоденькихъ перемолачиваютъ!..

И бабу забираетъ любопытство, и она останавливается. Грамотей-лабазникъ также не прошмыгнетъ мимо, не перечитавъ вслухъ „занятныхъ“ похожденій „Ваньки Каина, Кондрашки Булавина“ или „новѣйшаго, полнѣйшаго оракула“. Тащится ли ватага каменщиковъ, поравнявшись съ лавочкою, они тотчасъ же разсыпаются: кто таращитъ глаза на мужиковъ „Долбилу и Гвоздилу, побивающихъ французовъ“, кто на приключенія „Носа и Сильнаго мороза“... Долго стоятъ они въ какомъ-то оцѣпенѣніи, и развѣ когда товарищъ прочтетъ имъ вслухъ нѣсколько поучительныхъ изреченій изъ тутъ же вывѣшенныхъ книжонокъ: „Вредъ отъ пьянства“ или „Убѣгай кабака“, рѣшаются они промѣнять лавку на сосѣднюю распивочную.

Но часто не одни лубочныя издѣлія украшаютъ входъ знаменитой лавочки. Иногда, посреди ихъ ослѣпительной пестроты, попадается строгая античная головка или этюдъ съ натуры, писанный труженикомъ-художникомъ, или, наконецъ, древній итальянскій эстампъ съ картины великаго мастера, занесенный Богъ вѣсть какимъ случаемъ, между „Погребеніемъ кота“ и портретомъ „Кизляра-аги“...

Послѣ знойнаго іюльскаго дня, часу въ седьмомъ вечера, толпа любопытныхъ замуравливала, по своему обыкновенію, входъ въ лавочку, къ совершенному отчаянію хозяина, который сидѣлъ внутри и, вѣроятно, долженъ былъ задыхаться отъ жару. На этотъ разъ всеобщее вни-

маніе было обращено къ купчику, гнусливо читавшему во всеуслышаніе похожденія „Великаго шута и плута, Совездрала большого носа“... Почти въ то же время, молодой человѣкъ, очень бѣдно одѣтый, — на немъ было сѣренькое, твиновое пальто и порыжѣвшая шляпа, — остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ толпы. Еще издали, когда лавочка, съ облипавшими ее картинками, представлялась общимъ пятномъ, ярко блистающимъ на концѣ, онъ жадно всматривался въ ту сторону. Прекрасное, но блѣдное и нѣсколько истомленное лицо молодого человѣка озарилось радостною улыбкой, когда онъ остановился.

— Ну, слава Богу, еще не проданъ!.. произнесъ онъ вполголоса, нетерпѣливо устремляя глаза на темный, желтоватый эстампъ, покрытый по краямъ зазубринами, но все-таки отличавшійся отъ блестящихъ сосѣдей своихъ, какъ лилія посреди крапивы.

Эстампъ изображалъ одну изъ послѣднихъ мадоннъ Рафаэля. Молодой человѣкъ отошелъ нѣсколько въ сторону, повернулся лицомъ къ Екатерининскому каналу, вынулъ изъ кармана жиденькій кошелекъ и принялся считать деньги. Но видъ цѣлковаго, двугривеннаго и гривенника, оказавшихся въ кошелькѣ, повидимому, не очень его обрадовалъ. Взглянувъ еще разъ на скудную сумму, онъ уже приготовился было всыпать ее назадъ, но въ эту минуту глаза его „случайно“ встрѣтили эстампъ, и онъ снова остановился въ нерѣшимости. Наконецъ, онъ перешелъ улицу и присоединился къ толпѣ, окружавшей гнусливаго купчика.

„Что жъ, шепнулъ онъ себѣ подъ носъ, — сахару у меня покуда еще довольно... Чаю станетъ также... Сегодня ужъ пятнадцатое число,—жалованье черезъ двѣ недѣли... Что жъ касается до булочника, — онъ не можетъ не вѣрить въ долгъ—давно ли я заплатилъ ему? А наконецъ, что̀ за бѣда, если и не повѣритъ... Не въ первый разъ,—э!..“

Тутъ онъ махнулъ рукой съ такой рѣшимостью, какъ будто дѣло шло о жизни или смерти, смѣло протискался до входа лавочки и остановился передъ мадонною.

— Здравствуйте, батюшка, здравствуйте, произнесъ хриплый голосъ въ лавочкѣ и вслѣдъ за тѣмъ на порогѣ показалась сгорбленная, съёжившаяся фигура старика.— Здравствуйте, батюшка, продолжалъ онъ, обращая мутные зрачки свои на молодого человѣка,—я чай опять пришл

Digitized by Google

на эстампикъ поглядѣть... Что жъ, купите, коли понравился, важная штучка!.. присовокупилъ онъ, проводя костлявою, изрытою ладонью по нѣжнымъ, плавнымъ очертаніямъ эстампа,—я дешево съ тебя возьму, купите!..

— Дя́дя, а, дядя, что̀ стоитъ? неожиданно перебилъ дюжій, плечистый солдатъ, суя ему подъ носъ огромный листъ, изображающій „Обжору“.

— Пятакъ!

— Э!—ужъ и пятакъ!.. копейку бери...

— Пошли вы, пострѣлы, прочь! зашумѣлъ старикъ, поворачиваясь спиною къ служивому и обращаясь съ сердцемъ къ толпѣ босыхъ мальчишекъ въ затрапезныхъ халатахъ, напиравшихъ чуть не въ самую лавочку, — вотъ я васъ! ишь повадились... ну, чего уставились, окаянные...

Этимъ временемъ, молодой человѣкъ проворно отвелъ глаза отъ эстампа и, остановивъ ихъ на грубой копіи съ Орловскаго, сдѣлалъ видъ, какъ будто разсматривалъ ее съ величайшимъ вниманіемъ.

— Что жъ, „баринъ“, купите эстампикъ-то, снова приставалъ хозяинъ.

— Нѣтъ, что̀ мнѣ въ немъ, отозвался покупатель, презрительно кивая въ ту сторону,—старье!.. Скажи-ка лучше, что̀ возьмешь за эту тройку, она буде почище того... Къ тому же у меня уже есть такой... Эхъ, старикъ, старикъ, самъ не знаешь цѣны своему товару! прибавилъ онъ, стараясь придать насмѣшливое выраженіе своему голосу.

Старикъ недовѣрчиво покосился.

— А что дадите! вымолвилъ онъ, — троечка славная... ишь кони-то залихватскіе какіе... ишь... а я бы право дешево взялъ; да ужъ такъ и быть, эстампикъ-то заодно возьмите, парочка славная будетъ!

— Пожалуй, я бы и его взялъ, отвѣчалъ какъ бы нехотя покупатель, — да ты послѣдній разъ заломилъ за него цѣлковый... а что̀ въ немъ? самъ посмотри, точно тряпка!

— Меньше цѣлковаго нельзя взять, сами видите, какая работа... Вотъ за „Долбилу“ возьму, пожалуй, гривенникъ, зато разнота будетъ... меньше нельзя.

— Азбука есть? спросилъ вдругъ мужикъ, просовывая рыжую бороду.

— Есть, ступай сюда.

Старикъ и борода нырнули въ лавочку.

Молодой человѣкъ взглянулъ еще разъ на мадонну,

Digitized by Google

сжалъ рукою кошелекъ и съ грустною рѣшимостью направился къ Кокушкину мосту. Но не сдѣлалъ онъ и двадцати шаговъ, какъ опять остановился, вынулъ кошелекъ и снова принялся считать деньги. Пересмотрѣвъ и перевернувъ каждую монету, то копьемъ, то рѣшеткой, онъ, наконецъ, круто повернулъ къ лавочкѣ и нетерпѣливыми шагами подошелъ къ старичку, только что отпустившему азбуку.

— Ну, такъ и быть, сказалъ онъ шутливо, — что̀ станешь съ тобою дѣлать, давай эстампъ!.. Не тронь, не тронь, крикнулъ онъ, высвобождая мадонну изъ жесткихъ рукъ старика,—я самъ сверну. На̀, возьми, вотъ тебѣ цѣлковый...

Сказавъ это, молодой человѣкъ ухватился за эстампъ, свернулъ его въ трубочку и выбрался на улицу, чуть не прыгая отъ радости, но со всѣмъ тѣмъ тщательно обходя прохожихъ, какъ будто онъ несъ въ карманахъ хрустальную или фарфоровую посуду. Удовольствіе проглядывало во всѣхъ его движеніяхъ: то шагъ его ускорялся, онъ чуть не бѣжалъ, подвергаясь попасть подъ ноги лошадямъ или запутаться въ постромкахъ, то внезапно останавливался, бралъ свертокъ въ обѣ руки, но, не находя, вѣроятно, возможности развернуть его, не пропускалъ, однакожъ, случая заглянуть въ отверстіе. Онъ похожъ былъ на молоденькаго гимназиста, получившаго первый хорошій аттестатъ: не довольный тѣмъ, что будетъ чѣмъ похвастать передъ семьею, домашними, даже старою няней и людьми, — онъ готовъ показать его всѣмъ и каждому на улицѣ, цѣлому Петербургу, воображая въ простотѣ души, что каждый долженъ непремѣнно принимать участіе въ его гордости. На Измайловскомъ мосту молодой человѣкъ встрѣтилъ нищенку, и, въ порывѣ необдуманнаго великодушія, свойственнаго радостному чувству, отдалъ ей „цѣлый“ гривенникъ. Миновавъ мостъ, онъ пошелъ направо по набережной Фонтанки и, не доходя до Египетскаго или Цѣпного моста, свернулъ въ узенькій переулокъ, предшествующій Коломнѣ. По мѣрѣ того, однакожъ, какъ онъ удалялся отъ шумныхъ улицъ, юношескіе порывы восторга, блиставшіе въ его свѣтлыхъ глазахъ, отражавшіеся такъ чистосердечно на чистомъ, блѣдномъ лицѣ его, замѣтно стали охлаждаться. Ихъ постоянно смѣняла тихая задумчивость, согласовавшаяся, впрочемъ, какъ нельзя лучше, съ печальными, пустынными переул-

Digitized by Google

ками, составляющими предмѣстье „Новыхъ мѣстъ“, которыя, въ свою очередь, составляютъ почти предмѣстье Петербурга. Чувство одиночества и неотвязчивой грусти, ощущаемое посреди этихъ пустырей, дѣйствительно въ состояніи усмирить какое угодно воображеніе, привести въ порядокъ и сосредоточить самыя растрепанныя мысли. Но, взявъ въ соображеніе увѣренность, съ какою молодой человѣкъ огибалъ заборы и закоулки, — мѣсто, казалось, было ему слишкомъ знакомо, чтобы могло дѣйствовать своею внѣшностію на его расположеніе; а между тѣмъ, чѣмъ далѣе подвигался онъ, тѣмъ замѣтнѣе обнаруживалъ и признаки грусти.

Печальное ли воспоминаніе дѣтства такъ некстати проскользнуло въ головѣ молодого человѣка, набрели ли случайно мысли его на какой-нибудь суровый, неотразимый фактъ дѣйствительной жизни, который, хотя и вчужѣ совершился, но, тѣмъ не менѣе, тяжело ложится на душу человѣка, еще юнаго и впечатлительнаго, полнаго огня и поэзіи, смотрящаго на все сквозь розовую призму, такую же чистую и свѣтлую, какъ собственная душа его; или же, наконецъ, внезапно овладѣло имъ чувство неопредѣленной, но тревожной тоски, чувство, похожее на предчувствіе, когда самъ не знаешь, отчего вдругъ сжимается болѣзненно сердце и плакать хочется,—но, во всякомъ случаѣ, уже трудно было узнать въ немъ того юношу, который за часъ какой-нибудь скакалъ и прыгалъ какъ дитя, по поводу купленнаго имъ стараго ободраннаго эстампа. Такимъ образомъ вышелъ онъ къ Обводному каналу. Тутъ мѣсто стало еще пустыннѣе. Достигнувъ самой возвышенной точки берега, молодой человѣкъ снялъ шляпу, сѣлъ на траву и, положивъ голову на ладони, принялся глядѣть на Петербургъ, который съ этого мѣста виднѣлся на всемъ своемъ протяженіи.

Жаркое лѣтнее солнце медленно опускалось за городъ. Отдаленныя зданія, тонувшія въ огненномъ, золотистомъ облакѣ пыли, постепенно окутывались голубоватымъ туманомъ. Мѣстами, длинныя, фіолетовыя пятна неопредѣленнаго очертанія скользили надъ кровлями, то суживаясь, то расширяясь, и захватывая каждый разъ на пути своемъ башню или церковь, которыя вдругъ четко обозначались тогда на пламенѣющемъ небѣ. Слѣва, въ отдаленномъ горизонтѣ, показывалась, словно дымкой окутанная, профиль Исаакія, и только на кругломъ его куполѣ

Digitized by Google

играли и дробились послѣдніе лучи заходящаго солнца. Впереди, гдѣ сидѣлъ молодой человѣкъ, ближайшіе заборы окончательно стемнѣли. Огромное кирпичное зданіе завода, съ высокою своею трубою, похожею на египетскій обелискъ, отдѣлялось уже какъ черное пятно на сѣровато-прозрачномъ тонѣ. Стукъ экипажей сливался въ какой-то общій ослабѣвающій гулъ, напоминающій отдаленный шумъ плотины, въ которой постепенно, одинъ за однимъ, запираютъ шлюзы.

Молодой человѣкъ не отрывалъ глазъ отъ города. Но великолѣпная картина, разстилавшаяся передъ нимъ, вмѣсто того, чтобы его разсѣять, казалось, еще сильнѣе, еще сознательнѣе развила раздумье, овладѣвшее имъ на дорогѣ. Взглянувъ на бѣлокурую, кудрявую голову молодого человѣка, съ трудомъ вѣрилось, однакожъ, чтобы видъ великолѣпной столицы успѣлъ уже такъ рано пробуждать въ немъ грустныя мысли. Казалось, ничего еще общаго не могло быть между ними, кромѣ безпечнаго веселья, развлеченій и тысячи увлекательныхъ соблазновъ, щедро разсыпанныхъ въ каждомъ большомъ городѣ для человѣка молодого, неопытнаго. Ему особенно все бы должно было покуда улыбаться. Онъ былъ молодъ, хорошъ собою, много ума и мыслей отражалось на чистомъ, выгнутомъ лбу его, въ глазахъ такъ много еще блистало жизни, одушевленія... А между тѣмъ, онъ неподвижно сидѣлъ, уперши локти въ колѣна, и съ безотраднымъ, горькимъ выраженіемъ смотрѣлъ на городъ. Преданный весь какой-то неотвязчивой мысли, онъ забылъ даже о существованіи драгоцѣнной покупки; эстампъ валялся подлѣ на травѣ; онъ не глядѣлъ на него, хотя теперь можно было, не опасаясь каретъ и толпы, любоваться имъ вдоволь.

Уже стало смеркаться, когда онъ покинулъ свое мѣсто. Машинально поднялъ онъ свертокъ, взглянулъ еще разъ на городъ, покрытый свинцовою тѣнью, судорожно провелъ ладонью по блѣдному лицу и быстрыми шагами направился къ дому. Вскорѣ изъ-за заборовъ показались высокіе кирпичные дома „Новыхъ мѣстъ“, — отдаленной части города, избираемой не всегда безъ причины любителями строить „капитальныя“ зданія. Молодой человѣкъ вступилъ на дворъ одного изъ такихъ домовъ. Въ то время, какъ проходилъ онъ къ заднему углу, изъ окна, расположеннаго въ верхнемъ этажѣ того же угла, вы-

Digitized by Google

глянуло кругленькое женское личико и черные быстрые глазки устремились на молодого человѣка, который, въ свою очередь, достигнувъ середины двора, также глянулъ украдкою въ ту сторону. Но личико въ ту же минуту скрылось за занавѣскою. Такія продѣлки повторялись неоднократно, и всякій разъ одинаково удачно со стороны женщины, пока, наконецъ, предметъ такого настойчиваго любопытства не исчезъ окончательно на лѣстницѣ.

II.

Подъ кровлею.

Квартира Андреева (такъ звали молодого человѣка) состояла изъ небольшой, продолговатой комнаты объ одномъ окнѣ, выходившемъ на извѣстный уже дворъ. Двойная дверь, обитая снутри и снаружи грубой клеенкой, отворялась прямо на лѣстницу, — обстоятельство, которымъ всегда какъ-то дорожатъ молодые люди, осужденные проживать въ конуркахъ „съ отопленіемъ и прислугой“, отдаваемыхъ обыкновенно жильцами. Ничего не могло быть бѣднѣе этого жилища; но это далеко не была, однакожъ, та безалаберная, грязная, отталкивающая бѣдность, какую часто встрѣчаешь въ подобныхъ уголкахъ. Общее съ ними заключалось развѣ въ недостаткѣ свѣта. Между краемъ кровли и противоположною стѣною дома оставалась лишь тоненькая полоска неба. Въ сумерки, съ трудомъ уже можно было различать въ заднемъ углу, за ширмами, диванъ, служившій постелью, и ночной столикъ. Но чистота и порядокъ, отражавшіеся всюду, придавали все-таки комнатѣ видъ веселый и уютный. Прежде всего бросался въ глаза ветхій письменный столъ, на которомъ молодой жилецъ сосредоточилъ, казалось, всю свою роскошь. Тутъ помѣщались самыя красивыя книжки; голубая стеклянная вазочка для перьевъ и костлявая гипсовая анатомія, со вздернутою кверху рукою, возвышались на ящикѣ стародавняго фасона изъ корельской березы,—подарокъ, или, вѣрнѣе, наслѣдіе какой-нибудь провинціальной прабабушки. Надъ ними висѣло нѣсколько древнихъ эстамповъ, тщательно наклеенныхъ на папку; подлѣ, гипсовая маска Венеры, освѣщенная сбоку, четко вырѣзывалась на темной, закопченой стѣнѣ. Столъ былъ покрытъ тетрадками и бумагами, испещренными головками, фигурками, а иногда и цѣлыми эскизами, ловко набросанными

Digitized by Google

карандашомъ. По всему видно было, что столъ этотъ любили и холили, что тутъ-то преимущественно занимались и работали. Полуразвалившіяся кресла, обтянутыя красноватой, набивной байкой, показавшей мѣстами мочалку, примыкали къ столу. Далѣе, вправо, лѣпился кривой комодъ съ прорѣхами, вмѣсто замочныхъ скважинъ; на немъ чайникъ, стаканы, тарелки, прикрытыя толстымъ деревенскимъ полотенцемъ. Тутъ же на гвоздикахъ висѣла старая шинель и двѣ-три принадлежности гардероба, закутанныя разодранною простынею. Три разнокалиберные стула довершали мебель. Но комнату болѣе всего оживляли этюды съ извѣстныхъ античныхъ головъ и фигуры, рисованныя съ натуры итальянскимъ карандашомъ. Всѣ три стѣны были усѣяны ими; на каждомъ изъ этихъ рисунковъ, прикрѣпленныхъ мякотью или воскомъ, виднѣлся еще внизу красный нумеръ, свидѣтельствовавшій о ихъ академическомъ происхожденіи.

Когда Андреевъ вошелъ въ комнату, тамъ уже было совершенно темно. Не давъ даже времени снять шляпу, онъ подбѣжалъ къ окну и, притаившись за простѣнокъ, посмотрѣлъ къ сосѣдямъ. Нужно замѣтить, что окно его, вмѣстѣ съ окномъ, гдѣ была занавѣска и откуда показалась женская головка, составляли уголъ дома, такъ что легко было, и особенно вечеромъ, при внутреннемъ освѣщеніи комнатъ, наблюдать изъ одной квартиры въ другую. Не желая, вѣроятно, чтобы знали его дома, и, разумѣется, не подозрѣвая, сколько такая предосторожность была уже лишнею, онъ тщательно занавѣсилъ окно свое старымъ одѣяломъ. Убѣдясь хорошенько, что не будетъ просвѣту, Андреевъ зажегъ свѣчку, усѣлся въ кресло, вынулъ изъ бокового ящика листъ бумаги и началъ писать:

„Вотъ ровно двѣ недѣли, какъ я каждый день, каждую минуту собираюсь писать тебѣ, сестра. Мнѣ грустно, Богъ знаетъ, какъ грустно! а отчего, — самъ не знаю. Не потому ли, кажется, что было прежде слишкомъ легко и весело? Никогда еще чувства и мысли мои не находились въ такомъ тревожномъ состояніи, какъ все это время. То представляются мнѣ съ раздирающею ясностью печальныя наши обстоятельства, — я падаю духомъ и прихожу въ отчаяніе; то, самъ не знаю почему, поддаюсь сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, вопреки всякому здравому разсудку, самымъ обольстительнымъ надеждамъ, — и на душѣ дѣ-

Digitized by Google

лается вдругъ весело, какъ десятилѣтнему школьнику. Я вижу, однакожъ, всю несообразность оставить службу. Какъ это сдѣлать, когда всѣ вы нуждаетесь въ этихъ несчастныхъ ста рубляхъ, которые удѣляю я изъ годичнаго жалованья? Я понимаю, какъ нельзя лучше, что, не имѣя никакихъ залоговъ въ будущемъ, не зная даже и навѣрное, есть ли во мнѣ талантъ (ты, сестра, право, кажется, судишь пристрастно), страшно было бы рѣшиться на такое дѣло даже и тогда, если бъ не связывали меня наши домашнія обстоятельства. Согласись сама, чѣмъ сталъ бы я жить тѣ три или четыре года, которые необходимы мнѣ, чтобы добросовѣстно заняться своимъ предметомъ: учиться и работать? Кто возьмется обезпечить меня на это время хотя кускомъ хлѣба? Кому какая нужда до меня? Кто повѣритъ на слово, что я не употребляю во зло довѣрія и въ самомъ дѣлѣ готовъ неутомимо трудиться? Учиться и въ то же время зарабатывать хлѣбъ,—я самъ не хочу. Я раздѣляю твое мнѣніе. Правда, такая жизнь способна только охлаждать человѣка къ труду задушевному. Примѣровъ, къ несчастію, много. Но со всѣмъ тѣмъ, повѣришь ли, сестра, все-таки недостаетъ силъ примириться съ горькою судьбою. Внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что изъ меня могло бы что-нибудь выйти... На-дняхъ случай свелъ меня въ первый разъ съ нѣсколькими учениками нашей академіи. Мнѣ привелось обѣдать на Васильевскомъ острову за общимъ столомъ, куда они обыкновенно сходятся. Они возвращались изъ этюднаго класса; съ ними была работа. Сказать тебѣ не могу, какъ все это показалось мнѣ слабо и безцвѣтно; главное то, что въ ихъ работахъ не видно ни малѣйшей любви къ искусству; все кой-какъ писано и рисовано, какъ будто нехотя, по долгу или заказу. А между тѣмъ, всѣ эти молодые люди (ихъ было четверо) поставлены въ то положеніе, за которое я Богъ вѣсть чѣмъ бы готовъ былъ пожертвовать! Кромѣ этого, самое ихъ общество пришлось мнѣ какъ-то не по сердцу. Если бъ не Борисовъ и Петровскій,—два художника, которыхъ мнѣ показали на прошедшей выставкѣ,—я, вѣроятно, никогда бы не вернулся обѣдать на Островъ. Помнишь, съ какимъ восторгомъ описывалъ я тебѣ картину:—„Агарь въ пустынѣ“,—это работа того самаго Петровскаго. По отрывчатымъ слухамъ о немъ на выставкѣ, меня влекло уже къ нему, какъ я писалъ тебѣ, сильное сочувствіе. Это въ полномъ смыслѣ то, что называютъ: худож-

Digitized by Google

никъ. Впрочемъ, я встрѣтилъ его всего одинъ разъ у Юргенсъ (хозяйки общаго стола). Онъ и товарищъ его, Борисовъ, кажется, даже вовсе меня не замѣтили. Представить себѣ не можешь, какъ благодѣтельно подѣйствовала на меня эта встрѣча. Я никогда еще не чувствовалъ такой сильной потребности приняться за живопись. Самъ не знаю отчего, но видъ талантливаго художника или артиста всегда какъ-то увлекаетъ меня; онъ возбуждаетъ какъ будто горячее соревнованіе; невольно уважаешь тогда искусство и вѣруешь въ него. Я пришелъ домой, чертилъ эскизъ за эскизомъ, и не сомкнулъ глазъ во всю ночь. До сихъ поръ еще не совсѣмъ отрезвился, и не далѣе какъ сегодня, вѣроятно, подъ тѣмъ же вліяніемъ, не могъ устоять, чтобы не купить эстампа съ мадонны Рафаэля. Послѣ этого я былъ два раза у Юргенсъ, думая снова встрѣтить Петровскаго, но оба раза одинаково безуспѣшно. Я узналъ, однакожъ, что онъ часто тамъ бываетъ, и на этомъ основаніи завтра, въ воскресенье, снова отправлюсь туда попытать счастье, авось приведется его увидать. Ахъ, сестра, сестра, какъ грустно быть бѣднякомъ? Я бы, кажется, вынесъ безропотно свое состояніе, если бъ только оно не мѣшало мнѣ идти по дорогѣ, которую избрало мое сердце. Если нѣтъ у меня дарованія, я бы, кажется, все равно, трудомъ и любовію взялъ то, что такъ легко дается таланту; а увѣренъ, что трудъ добросовѣстный никогда не пропадаетъ даромъ. Но довольно объ этомъ. Надѣюсь, что на этотъ разъ я много говорилъ о себѣ и ты останешься довольна, хотя покуда не сказалъ тебѣ ничего утѣшительнаго. Но что жъ дѣлать! не могу писать тебѣ иначе, когда мнѣ грустно,—самъ не знаю, какъ это дѣлается. Говорятъ, будто въ веселыя минуты становишься эгоистомъ; но такъ какъ это чувство не можетъ имѣть мѣста между нами, я считаю заключеніе несправедливымъ, точно такъ же, какъ и то, что дружба и привязанность охлаждаются въ разлукѣ,—послѣднее думаю, еще несправедливѣе. Когда я сижу, какъ теперь, одинъ въ своей комнатѣ, и вспоминаю нашу прежнюю жизнь, сердце мое невольно наполняется неизъяснимою любовью ко всему прошедшему. Я даже забываю все дурное въ этомъ прошедшемъ и, право, многое бы отдалъ, чтобы прожить хоть одинъ день по-старому. Я кляну свое равнодушіе, не постигаю, какъ можно было просиживать съ тобою по цѣлымъ вечерамъ, не обнявъ тебя ни разу, не высказавъ

Digitized by Google

тебѣ все то, что̀ хотѣлось бы сказать теперь. Повѣришь ли, сестра, я даже съ любовью вспоминаю иногда пустынные переулки нашего уѣзднаго городка, нашъ ветхій домикъ подлѣ оврага, мнѣ милъ каждый камень въ этомъ оврагѣ, каждый кустъ; я часто думаю, какъ могло статься, что я не засиживался по цѣлымъ часамъ на берегу нашей чудной рѣки? Разумѣется, я не отдѣляю тебя ни отъ одного изъ этихъ воспоминаній, сестра моя; я даже думаю, что люблю ихъ потому, что они связываются такъ тѣсно съ тобою. Но, несмотря на все это, я все-таки хочу побранить тебя. Скажи пожалуйста, какъ могла придти въ твою чудесную, умную голову мысль прислать мнѣ денегъ!.. Неужели ты думаешь, что я скрылъ бы, если бъ въ самомъ дѣлѣ въ нихъ нуждался? Я бы хотѣлъ только, чтобъ ты видѣла (впрочемъ, можешь судить по рисунку, присланному прошлаго года), какая у меня славная комната, какъ много въ ней всего и даже сколько лишняго. Вы всѣ почему-то предубѣждены въ провинціи противъ дороговизны петербургской жизни, между тѣмъ какъ здѣсь все дешевле, чѣмъ у васъ: причина ясная— производства больше и покупателей больше. Помилуй, сестра, знаешь ли, что у меня теперь цѣлыхъ пятьдесятъ рублей въ кошелькѣ! Увѣряю тебя, что я ни въ чемъ не нуждаюсь; лучшимъ доказательствомъ служитъ покупка эстампа, о которомъ я тебѣ говорилъ. Чтобы прислать мнѣ этихъ пять цѣлковыхъ, ты, вѣроятно, просидѣла нѣсколько дней за работой, и это меня очень огорчаетъ. Ради Бога не дѣлай этого впередъ. Если тебѣ непремѣнно хочется прислать мнѣ что-нибудь, такъ ужъ лучше пришли еще платковъ. У меня, какъ и прежде, на нихъ какое-то особенное несчастіе. Ужъ чего, кажется: и берегу, и карманы ощупываю, — а кончается всегда тѣмъ, что затеряю. Ты меня очень обрадовала, сообщивъ, что крестный отецъ отозвался обо мнѣ отцу и матери съ хорошей стороны. Главное въ томъ, что такія похвалы набрасываютъ на тебя, на мою воспитательницу, выгодный свѣтъ въ ихъ глазахъ. Сестрамъ, я думаю, это, однакожъ, не очень пріятно... впрочемъ, можетъ ли ихъ радовать все, что̀ лично до нихъ не касается? Но что̀ намъ до нихъ, пусть себѣ дуются сколько угодно, это не помѣшаетъ намъ любить другъ друга попрежнему, — не такъ ли?.. Ахъ, кстати о крестномъ отцѣ: нельзя ли, ради Бога, устроить какъ-нибудь, чтобы отецъ и мать не надоѣли

Digitized by Google

ему безпрестанно просьбами и разспросами обо мнѣ. Онъ то и дѣло попрекаетъ меня этимъ. Прощай, пиши какъ можно скорѣе, обнимаю тебя крѣпко, крѣпко; прощай еще разъ..."

Письмо это замѣтно разсѣяло Андреева. Хотя оно ровно ничего не измѣняло изъ настоящихъ его обстоятельствъ, однакожъ,—какъ это часто бываетъ,—тяжелая тоска, давившая сердце молодого человѣка, мгновенно исчезла. Онъ даже какъ будто снова повеселѣлъ. Письмо было уже запечатано, и Андреевъ писалъ слова адреса, какъ вдругъ за стѣною кто-то постучался и вслѣдъ за тѣмъ послышался басистый голосъ хозяина квартиры.

— Григорій Петровичъ, будете пить чай? — скоро восемь часовъ,—пора!

— Да, да, крикнулъ Андреевъ, быстро подскакнувъ на своемъ креслѣ; но почти въ ту же минуту спохватился. Онъ вспомнилъ, что на днѣ кошелька оставалось только всего тридцать копеекъ; что если онъ соблазнится и будетъ пить чай, завтра не на что станетъ обѣдать у Юргенсъ и надо будетъ отказаться отъ встрѣчи съ Петровскимъ. Сообразить такіе доводы и счеты было не трудно. Андреевъ бросился къ стѣнкѣ, откуда раздался стукъ, и тутъ же объявилъ хозяину, что не чувствуетъ сильнаго голода, ибо только что напился чаю у „одного знакомаго".

Послѣ того онъ спряталъ письмо и принялся ходить по комнатѣ. Въ одну изъ тѣхъ минутъ, какъ онъ приближался къ столу, глаза его случайно упали на эстампъ. Лицо его снова просіяло. Не прошло и пяти минутъ, какъ уже Андреевъ сидѣлъ съ карандашомъ передъ гравюрой и чертилъ что-то на бумагѣ. Въ комнатѣ стало тихо. Пламя свѣчки, прикрытое бумажнымъ колпакомъ собственнаго издѣлія, обливало ослѣпительнымъ блескомъ часть стола и худощавыя руки молодого человѣка; лицо его оставалось въ тѣни, но желтоватый, горячій отблескъ бумаги, надъ которой оно склонялось, позволялъ различать оживленныя черты его. Остальная часть комнаты была въ полумракѣ, и только вздрагивавшій кругъ свѣта на потолкѣ набрасывалъ на ближайшіе предметы прозрачныя, блѣдныя пятна.

Андреевъ былъ такъ занятъ своею работою, что не замѣтилъ, какъ дверь, которую забылъ запереть второпяхъ, отворилась, и въ комнату вошла молоденькая женщина. Вытянувъ впередъ голову, на которую былъ на-

Digitized by Google

брошенъ клѣтчатый темный платокъ, и приложивъ палецъ къ губамъ, она долго не рѣшалась тронуться впередъ; увѣрившись такимъ образомъ, что не подозрѣваютъ ея присутствія, она осторожно заперла дверь и, слегка подобравъ платье, тихонько, какъ котенокъ, пробирающійся къ мышкѣ, прокралась къ самому креслу.

Андреевъ продолжалъ такъ же усердно рубить карандашомъ справа и слѣва. Молодая женщина, съ невыразимою легкостью перегнулась черезъ спинку и тихо склонила свою голову надъ работою Андреева.

Кругленькое ея личико, освѣщенное сполна пламенемъ свѣчки, выглядывающимъ поверхъ колпака, представляло самую подвижную, оживленную физіономію. Вздернутый носикъ, тоненькія, черныя какъ смоль, брови и красныя, смѣющіяся губки, сквозь которыя сверкалъ рядъ бѣлыхъ, крошечныхъ зубовъ,— придавали ей что-то лукавое, безпечное и бойкое. Черные глаза, бѣгавшіе въ одно время по всему столу, не пропускали ни одного движенія молодого человѣка. Соскучась, вѣроятно, однимъ холоднымъ наблюденіемъ, она вдругъ перевернулась всѣмъ тѣломъ черезъ кресло, прильнула губами къ его уху, вскрикнула и, откинувшись въ ту жъ секунду на середину комнаты, принялась хохотать и хлопать въ ладоши.

— Боже мой, произнесъ Андреевъ, оправившись отъ испуга и вскакивая съ мѣста,—помилуй, Катя, что тебѣ за охота шалить!.. Э! право какая... ну, смотри, что я теперь стану дѣлать?.. я испортилъ изъ-за тебя рисунокъ, прибавилъ онъ, не скрывая своей досады.

Катя упала на стулъ и залилась звонче прежняго.

— Вѣчно вздоръ затѣваешь! продолжалъ Андреевъ, бросая съ сердцемъ карандашъ на столъ и попавъ прямо въ чернильницу.

Но тутъ хохотъ Кати дошелъ до того, что Андреевъ долженъ былъ броситься къ ней и обхватить ее руками, чтобы она не упала на полъ. Катя быстро, однакожъ, вывернулась и, ставъ на ноги, принялась прыгать и дергать его то съ одной, то съ другой стороны за платье.

— Да перестань же, сдѣлай милость, говорилъ Андреевъ, поворачиваясь на одномъ мѣстѣ,—что скажутъ сосѣди?.. подумаютъ, что здѣсь какіе-нибудь сумасшедшіе...

Но, вмѣсто отвѣта, Катя приняла трагическую позу и запѣла тоненькимъ голосомъ слова извѣстнаго куплета:

Digitized by Google

Окончивъ курсъ моей науки,
Завелъ я сумасшедшій домъ,
Тра-ла—ла—ла—ла!..

— Тьфу ты пропасть, что говори ей, что не говори, все одно...

— Брррр... перебила Катя, неожиданно проводя ладонью по губамъ Андреева.—Да что вы, въ самомъ дѣлѣ, раскричались? тсс! прибавила она, внезапно останавливаясь и топнувъ ножкой.

— Я вовсе не кричу, сказалъ Андреевъ, понижая голосъ и разглаживая волосы,—да только право...

— Что такое?.. вотъ еще новости, я не смѣю смѣяться передъ нимъ!.. Да вы бы должны радоваться, что я пришла... А онъ смѣетъ еще дуться — скажите, пожалуйста! присовокупила она, хмуря брови.

— Я вовсе не дуюсь... я радъ тебя видѣть...

— Въ самомъ дѣлѣ? сказала она, перегнувъ на-бокъ голову и насмѣшливо суживая глазки,—а кто занавѣсилъ окно? Скажите, господа, это онъ хотѣлъ меня видѣть!.. славно, Григорій Петровичъ, прекрасно, нечего сказать!.. А кто сказалъ мнѣ, что придетъ въ шесть часовъ?.. гдѣ вы были, позвольте васъ спросить!..

— Я ходилъ гулять...

Андреевъ замялся.

— Знаю, знаю, перебила Катя, внезапно перемѣнивъ интонацію, — знаю, вы всегда ходите гулять, и только когда я прошу васъ пойти со мною, говорите, что вамъ надо работать. Тутъ она принялась его передразнивать, но ужъ видно было, что сердца было болѣе, чѣмъ шутки.

— Знаю, все знаю, продолжала она, — вамъ стыдно со мною ходить по улицамъ...

— Вотъ еще вздоръ выдумала, произнесъ Андреевъ, смягчая болѣе и болѣе голосъ,—какъ тебѣ не стыдно говорить такіе пустяки, ты, право, сегодня, какъ сумасшедшая!

— Да, да, я сумасшедшая, воскликнула она обиженнымъ тономъ,—я это также знаю... пожалуйста, оставьте меня, сухо сказала она, отталкивая его руку, которая протягивалась къ ея рукѣ,—не нужно мнѣ вашихъ ласкъ... совсѣмъ не нужно!..

— Полно же, вымолвилъ Андреевъ, стараясь принять веселую наружность,—вѣдь ты, чего добраго, вздумаешь разсердиться не на шутку;—глупо, право, глупо.

Digitized by Google

— Вотъ славно! онъ станетъ дѣлать разныя штуки, а я не смѣй и слова сказать; да, всегда скажу: вы для меня никогда ничего не дѣлаете, никогда никакого удовольствія, никогда, никогда! тебѣ все равно...

— Выслушай же, наконецъ, хоть разъ; ну, скажи, пожалуйста, изъ чего ты все это затѣваешь, ну, изъ чего?.. Катя, ты знаешь, откуда возьму я денегъ? У меня гроша теперь нѣтъ!..

— А это откуда? радостно воскликнула Катя, схвативъ со стола эстампъ и махая имъ по воздуху.

— Это... послушай...

— И слышать ничего не хочу, закричала она, закрывъ уши и мотая головою,—вы еще сегодня утромъ, когда я просила пойти въ Александринскій театръ, говорили, что у васъ нѣтъ денегъ... Для меня у васъ никогда ничего нѣтъ; вы скорѣе накупите всякой дряни, вашихъ глупыхъ рисунковъ, отдадите нищенкѣ какой-нибудь! Я знаю, вы любите больше ваше мерзкое рисованье, чѣмъ меня! вы только говорите, что любите, но хорошо, теперь я ничему не вѣрю, ничему, ничему; я вижу, что вы меня только обманываете, да! Вы думаете...

Катя повернулась къ двери и, закрывъ лицо руками, притворилась плачущею.

— Ну, опять начинается! сказалъ Андреевъ, отходя въ сторону и махнувъ рукою.

— Да, начинается, живо подхватила Катя, подступая къ Андрееву,—и всегда будетъ начинаться, вы сами виноваты. Я вамъ надоѣла, не правда ли?.. Работаю, работаю... (тутъ она снова принялась его передразнивать), а какая у васъ работа? такъ только, вздоръ, пустой предлогъ; не нужно мнѣ всѣхъ вашихъ хитростей, скажите лучше прямо: я надоѣла...

— Я вовсе этого не думаю, да и думать не хочу; ты сама знаешь... Я только не понимаю, какъ тебѣ не совѣстно капризничать.

— Хочу, хочу, хочу!.. перебила Катя, топая ногами и принимаясь не на шутку плакать.

Хотя Андреевъ зналъ по опыту, что лучшимъ средствомъ прекратить сцену было сохранить равнодушіе, не возражать и не обращать вниманія, однакожъ, мягкое его сердце не выдержало, теорія его, какъ это обыкновенно водится въ подобныхъ случаяхъ, ровно ни къ чему не послужила. Онъ подошелъ къ Катѣ и, нѣжно взявъ ее за

Digitized by Google

руки, принялся увѣщевать. Но Катя, какъ на зло, ничего не хотѣла слушать; она не переставала плакать и отбивалась руками и ногами. Самъ Андреевъ потерялъ, наконецъ, терпѣніе. Онъ бросился въ кресло и, повернувшись къ ней спиною, углубился въ разсматриваніе своего эстампа. Катя зарыдала еще громче прежняго.

— Я самая несчастная женщина и проклинаю тотъ день, въ который встрѣтила васъ... повторила она усиленно-отчаяннымъ голосомъ и въ то же время косясь на кресло.

Андреевъ продолжалъ, молча, что-то скоблить на бумагѣ.

— Боже мой, за что мнѣ такое несчастіе? продолжала Катя,—ничего не хочу теперь, все кончено, все брошу—все!..

Андреевъ не трогался съ мѣста. Мало-по-малу онъ склонился къ столу, карандашъ снова очутился въ рукахъ его, и, почти незамѣтно, Андреевъ увлекся своею работой.

Такъ прошло, по крайней мѣрѣ, добрыхъ полтора часа. Рисунокъ уже приближался къ концу, когда Андреевъ вспомнилъ сцену съ Катей. Онъ поднялъ голову и быстро обернулся назадъ. Но тамъ никого уже не было. Тишина мертвая царствовала въ комнатѣ, прерываемая лишь мѣрнымъ постукиваніемъ маятника за сосѣднею стѣной. Не довѣряя своему слуху, Андреевъ снялъ со свѣчки колпакъ, бережно отодвинулъ кресло и, приподнявшись на цыпочки, взглянулъ за ширмы.

Въ полусвѣтѣ, проникавшемъ за ширмы и ложившемся полосами на диванъ, онъ увидѣлъ Катю. Подогнувъ подъ себя разутыя ножки свои и положивъ обѣ ладони подъ лѣвую щеку, она спала сладкимъ сномъ ребенка, заснувшаго во время слезъ и горя. На пухленькой щекѣ виднѣлись еще слѣды крупной слезы, остановившейся въ ямочкѣ подбородка и сверкавшей тамъ, какъ капля росы на днѣ розоваго листка. Покатость подушекъ, живописно перегнувъ ей шейку, усиленно выдвинула узенькое, бѣленькое плечико, полированное какъ мраморъ и казавшееся еще бѣлѣе посреди черныхъ, смолистыхъ волосъ, разсыпавшихся въ безпорядкѣ.

У Андреева отлегло сердце. Онъ потихонечку опустился на колѣна передъ диваномъ, расправилъ ей волосы, пристально посмотрѣлъ ей въ лицо и тихо склонилъ свою голову надъ пылающею щекой Кати. Такъ кончалась у нихъ, впрочемъ, всякая ссора.

Digitized by Google

III.

Первая любовь.

Андреевъ не былъ петербургскимъ уроженцемъ. Дѣтство и юность его прошли въ глухомъ уѣздномъ городкѣ одной изъ самыхъ отдаленныхъ нашихъ губерній. Отецъ его, выслужившійся протоколистъ, въ званіи четырнадцатаго класса, занималъ въ этомъ городкѣ одно изъ самыхъ ничтожныхъ мѣстъ. Семейство старика было слишкомъ многочисленно, слишкомъ даже велико, принимая въ соображеніе средства. Оно состояло изъ старухи-жены (дочери какого-то чиновника, отставленнаго изъ земскаго суда), трехъ дочерей, сына, и находилось постоянно въ крайней бѣдности. Не входя ни въ какія обстоятельства, не разбирая бо́льшую или меньшую способность старика-отца, можно отчасти объяснить безуспѣшность его стараній улучшить благосостояніе семейства. Къ несчастію (такъ думалъ и видѣлъ отецъ Андреева), фразы: „обремененъ многочисленною семьею, дѣти маленькія, бѣдность одолѣла“... и другія въ томъ же родѣ, приправляемыя, какъ водится, пожиманіемъ плечъ, перевертываніемъ одного большого пальца руки вокругъ другого и уничиженнымъ опусканіемъ глазъ къ землѣ, — теперь уже совершенно утратили кредитъ и съ трудомъ пособляютъ добывать копейку. Нужны другія, болѣе дѣйствительныя мѣры. Вѣкъ ушелъ впередъ, — что жъ прикажете дѣлать? — на время пенять нечего!

Дѣтство молодого Андреева, какъ каждый легко себѣ представитъ, было не завидно обставлено. Старуха-мать, всѣ помыслы которой сосредоточивались на печеніи кулебякъ съ визигой и морковью; двѣ сестры,—старыя дѣвы, не многимъ опередившія мать; нѣсколько писцовъ и протоколистовъ—старыхъ товарищей отца, да засѣдатель (аристократъ этого круга)—вотъ и все. Нѣтъ сомнѣнія, что бѣдный мальчикъ, сдѣлавшись разъ юношею, захлебнулся бы въ этомъ омутѣ, если бъ не спасла его заблаговременно третья сестра, вернувшаяся къ этому времени въ домъ родительскій. Но, вѣроятно, и это не помогло бы, если бъ три года спустя, когда ему минуло девятнадцать лѣтъ, кто-то (чуть ли не засѣдатель,—умная голова!) не надоумилъ отца отправить сына въ Петербургъ, благо представлялся случай. Кто не желаетъ своему дѣтищу

Digitized by Google

пользы?.. Но когда польза, приносимая дѣтищу, можетъ, вдобавокъ, обратиться и на родителей,—желаніе пользы дѣлается еще убѣдительнѣе. Колебаться и раздумывать въ такомъ случаѣ—просто нелѣпость. Попавъ разъ на эту мысль, отецъ Андреева, не медля ни минуты, написалъ крестному отцу Гриши, служившему въ Петербургѣ, прося его снизойти къ мольбамъ бѣднаго семейства, „обремененнаго“ скорбями и несчастіями, „угнетеннаго“ и разстроеннаго. Спустя нѣсколько времени, крестный отецъ отвѣчалъ, что, пожалуй, готовъ исполнить просьбу.

Разумѣется, не много заботились о тонѣ, съ какимъ былъ написанъ отвѣтъ. Главная забота состояла въ томъ, чтобы не получить отказа. Гришу принялись снаряжать въ дорогу. Насталъ день разлуки. Старики благословили сына, снабдили его общепринятыми наставленіями, смыслъ которыхъ заключался, однакожъ, въ томъ, что онъ единственная надежда и подпора семейства, и проч., и проч. Старшія сестры въ это время сунули ему мѣшокъ съ лепешками и вотрушкой. Началось прощанье. Все прошло, какъ нельзя спокойнѣе, и только, когда бѣдный мальчикъ обнялъ въ послѣдній разъ младшую сестру свою, громкія рыданія, вырвавшіяся внезапно у обоихъ, прервали на минуту тишину дворика, посреди котораго стояла дорожная телѣжка.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, молодой человѣкъ остановился у крестнаго отца.

Какъ и всякому человѣку, вышедшему изъ ничтожества, добившемуся, помощію разныхъ лишеній и трудовъ, до кой-какого состоянія, крестному отцу тотчасъ же представилось, что тутъ мѣтятъ, вѣроятно, болѣе, чѣмъ на одно покровительство съ его стороны. Два, три водевиля, видѣнные имъ случайно въ Александринскомъ театрѣ, подтвердили его предположеніе. Въ этихъ водевиляхъ, крестный отецъ и дядя играли всегда роль положительныхъ благодѣтелей. Запугавшись не на шутку, чтобы вредная мысль господъ водевилистовъ не запала какъ-нибудь въ голову крестника или отца его,—онъ поспѣшилъ сообщить свои опасенія женѣ. Та подтвердила ихъ. Воображеніе у женщинъ еще горячѣе, нежели у мужчинъ.

На другой же день, крестный отецъ принялся допытываться у крестника истины, объясняя ему въ то же время обиняками о дороговизнѣ столичной жизни, о неудоб-

Digitized by Google

ствахъ квартиры, о заботахъ и хлопотахъ, связывающихся съ его пріѣздомъ, — словомъ, далъ ему понять, что держать у себя лишняго человѣка было бы для него крайне затруднительно. Андреевъ, заранѣе приходившій въ отчаяніе отъ мысли жить подъ одною и тою же кровлею съ крестнымъ отцомъ и его женою (такъ сильно развилось къ нимъ сочувствіе молодого человѣка послѣ перваго бѣглаго взгляда), услыша все это, чуть было не бросился на шею благодѣтелей. Это обстоятельство тотчасъ же вызвало пріятныя улыбки на лицахъ обоихъ супруговъ, и крестный отецъ началъ искать ему мѣсто въ своемъ вѣдомствѣ.

Первые дни, проведенные Андреевымъ въ той самой комнатѣ, гдѣ видѣлъ его читатель, промелькнули незамѣтно. Отсутствіе семейной зависимости, о которой такъ горячо мечтаетъ каждый юноша, какъ бы ни было хорошо въ родномъ гнѣздѣ, свобода ходить и думать, не отдавая никому отчета,—все это занимало его. Къ тому же, все окружающее было для него столько же ново, сколько самая жизнь. Бѣдное дитя скромнаго уѣзднаго городка, онъ восхищался безусловно всѣмъ, что только попадалось на глаза. Первое впечатлѣніе было такъ сильно, что онъ принялъ сначала рѣшительное намѣреніе перерисовать весь городъ, всѣ зданія, всѣ памятники, не выключая даже статуй Лѣтняго сада, передъ которыми просиживалъ онъ цѣлые часы въ нѣмомъ восторгѣ. Восторженность молодого провинціала, какъ слѣдовало ожидать, была непродолжительна. Мало-по-малу онъ началъ отрезвляться. Все вокругъ него, одно за другимъ, принимало свою обыденную, холодную, несообщительную наружность. Нѣжное сердце юноши сжималось впервые отъ какого-то темнаго, неопредѣленнаго сознанія своего сиротства посреди шумнаго, многолюднаго города.

Но когда мѣсто, отыскиваемое крестнымъ отцомъ, было найдено, и Андреевъ вступилъ въ кругъ новыхъ своихъ товарищей, разочарованіе окончательно наложило свою ледяную руку на пылающую, восторженную его голову. Какъ всѣ молодые люди съ горячимъ воображеніемъ, обманутые разъ въ своихъ ожиданіяхъ, Андреевъ почувствовалъ вдругъ тоску страшную. Къ этому, впрочемъ, не мало способствовалъ его характеръ, въ которомъ, несмотря на живость и жажду сообщительности, заключалась еще какая-то тонкая деликатность сердца, мѣшав-

Digitized by Google

шая ему скоро сближаться и заключать связи. Неохотное сближеніе это происходило частію, можетъ статься, отъ дикости, отъ непривычки жить между чужими, частію также отъ новыхъ товарищей, не возбуждавшихъ въ немъ сочувствія.

И загрустилъ бѣдный Андреевъ. Никогда еще не чувствовалъ онъ себя столько одинокимъ. Возвращаясь въ свою комнату, гдѣ отнынѣ должна была заключаться жизнь его, онъ вспомнилъ съ сожалѣніемъ глухой городишко; ему казалось, что многое было тамъ лучше, чѣмъ онъ прежде думалъ; тутъ только въ первый разъ понялъ онъ, какъ сильно любитъ сестру свою. Подавленный иногда грустью, онъ писалъ ей письмо за письмомъ, и въ этомъ проходили у него дни за днями. Изрѣдка, когда легче было на сердцѣ, онъ бралъ карандашъ и принимался чертить все, что̀ приходило въ голову. Рисованіе было съ дѣтства любимою мечтою, любимымъ занятіемъ Андреева. Руководимый въ послѣднее время младшею сестрою, прежній самоучка, чертившій мѣломъ и углемъ на стѣнахъ и заборахъ улицъ,—онъ уже ловко передавалъ свою мысль бумагѣ.

Но такія минуты увлеченія часто приносили больше горя, чѣмъ радостей. Ему тотчасъ же припоминались слова одного изъ сослуживцевъ, которому онъ какъ-то нечаянно проговорился:

— Эге-ге!.. такъ вы, батюшка, художникъ, вотъ оно что-съ!.. Что жъ вы не поступили тогда въ академію? Здѣсь, любезнѣйшій, художество вотъ какое...

При чемъ сослуживецъ выразительно черкнулъ перомъ по бумагѣ и насмѣшливо подмигнулъ лѣвымъ глазомъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, повторилъ Андреевъ,—къ чему все это?.. Развѣ затѣмъ меня сюда прислали?..

И увлеченье уже звучало въ душѣ его упрекомъ. Онъ начиналъ понимать свое назначеніе. Передъ двадцатилѣтнимъ юношею раскрывалась понемногу горькая, неотразимая дѣйствительность; сердце его обливалось смертельнымъ холодомъ, глаза отуманивались слезою, и любимый карандашъ падалъ изъ рукъ на неоконченный рисунокъ...

Уже два мѣсяца, какъ Андреевъ живетъ въ своей комнатѣ подъ кровлею. Разъ (это было лѣтомъ), поздно вечеромъ, сидѣлъ онъ у отвореннаго окна; ночь была чудесная, свѣтлая, теплая, какія бываютъ иногда въ Петербургѣ. Положивъ голову въ ладони, онъ глядѣлъ въ

Digitized by Google

раздумья на дворъ, разсѣянно прислушиваясь къ шуму засыпающаго города. Легкій кашель, раздавшійся въ нѣсколькихъ шагахъ, заставилъ его приподнять глаза. Каково было удивленіе Андреева, когда онъ увидѣлъ въ окнѣ, составляющемъ, вмѣстѣ съ его окномъ, уголъ дома, фигуру женщины, повернувшуюся къ нему лицомъ. Блескъ свѣтлаго, звѣзднаго неба позволялъ различать ея черты. Она была очень молода, хороша собою и, казалось, глядѣла прямо на него своими темными глазами. Застигнутый врасплохъ, Андреевъ сдѣлалъ невольное движеніе, чтобы откинуться назадъ, но молоденькая женщина предупредила его и еще быстрѣе скрылась за стѣною.

Открытіе хорошенькой женщины мигомъ разсѣяло раздумье молодого человѣка. Какъ робкій и неопытный мальчикъ, стоялъ онъ съ минуту въ нерѣшительности, раздумывая очень серьезно, что̀ ему дѣлать. Любопытство взяло, однакожъ, верхъ. Онъ осторожно выдвинулся за окно и бросилъ украдкою глаза къ сосѣдкѣ. Сосѣдка, появившаяся снова на прежнемъ своемъ мѣстѣ и не ожидавшая, вѣроятно, такого упорнаго преслѣдованія, опять скрылась.—„Ужъ не разсердилась ли она?.. Что̀ я надѣлалъ?..“ подумалъ Андреевъ, отскочивъ въ самый задній уголъ своей комнаты. „Но что жъ это такое, въ самомъ дѣлѣ?.. Неужели по ея милости я долженъ простоять здѣсь цѣлый вечеръ? вотъ славно! я также хочу сидѣть у окна... Ахъ, какая она, однакожъ, хорошенькая!..“ Послѣднее заключилъ онъ, стоя уже за простѣнкомъ подлѣ окна. Сосѣдка снова появилась; сначала она протянула обнаженную свою ручку, чтобы запереть окно, но тутъ же отложила намѣреніе и, откинувъ концы темнаго платка на перекладину, положила на нихъ круглые свои локти и продолжала глядѣть на дворъ. Мало-по-малу, головка ея повернулась къ стѣнѣ Андреева; выраженіе веселости и тонкаго лукавства промелькнуло на лицѣ ея. Она вытянула впередъ свою шейку, приподняла тоненькія свои брови и, суживая глазки, казалось, нетерпѣливо искала чего-то на сосѣднемъ окнѣ. Сердце Андреева никогда еще не билось такъ сильно. Онъ не отрывалъ глазъ отъ хорошенькой женщины и простоялъ за своимъ простѣнкомъ до тѣхъ поръ, пока она, потерявъ, вѣроятно, терпѣніе, не захлопнула окна и не скрылась изъ виду. Тутъ онъ зажегъ свѣчку и сталъ расхаживать по комнатѣ, удивляясь, какъ могло статься, чтобъ онъ до сихъ поръ не

Digitized by Google

замѣтилъ присутствія хорошенькой женщины, жившей съ нимъ почти стѣна объ стѣну.

Разсуждая такимъ образомъ, онъ не пропускалъ случая заглянуть къ ней каждый разъ, какъ проходилъ мимо окна. Внезапно у сосѣдки мелькнулъ свѣтъ. Андреевъ бросился сломя голову къ постели, сорвалъ одѣяло, завѣсилъ имъ окно, задулъ свѣчку и, прильнувъ къ скважинѣ между рамой и одѣяломъ, обратился весь въ зрѣніе. Онъ явственно различилъ тогда часть бѣлой стѣны, комодъ, край постели и нѣсколько юбокъ, висѣвшихъ на гвоздикѣ. Немного погодя, высокая тѣнь задрожала на потолкѣ и вдругъ вся фигурка сосѣдки цѣликомъ показалась на днѣ комнаты. Поставивъ свѣчку на комодъ, она неожиданно сбросила платокъ и, смотрясь, вѣроятно, въ зеркало, приподняла плечи, окруженныя плохо стянутой сорочкой. Вслѣдъ затѣмъ, быстрымъ движеніемъ повернула она спину къ свѣчкѣ, перегнула назадъ голову и, положивъ руку на красныя полоски, оставленныя шнурками сорочки на спинѣ и на плечахъ, принялась ихъ разглаживать. Дыханіе занялось въ груди бѣднаго Андреева; онъ прильнулъ всѣю силою къ стеклу окна; но въ эту самую минуту сосѣдка скрылась и свѣтъ угасъ въ ея комнатѣ. Какъ провелъ Андреевъ эту ночь, предоставляю судить всякому, кто только былъ молодъ и случайно видѣлъ на сонъ грядущій подобное зрѣлище.

На другое утро, первымъ дѣломъ его было броситься къ завѣтному окну; глаза его встрѣтились прямо съ глазами хорошенькой сосѣдки. Она разсмѣялась и, какъ бѣлка, прыгнула въ глубь комнаты. Въ это утро Андреевъ опоздалъ цѣлою четвертью часа къ должности, за что и получилъ нагоняй отъ крестнаго отца. Но ему уже ни по чемъ были теперь нагоняи. Онъ думалъ только, какъ бы скорѣе прибѣжать домой и взглянуть на сосѣдку. Вечеромъ того же дня онъ былъ влюбленъ по уши. Онъ весь переселился мысленно въ комнату къ хорошенькой женщинѣ; тысяча самыхъ наивныхъ плановъ и предположеній бродили въ головѣ его.

— Но кто же она, кто? повторялъ онъ, расхаживая въ волненіи взадъ и впередъ, изъ одного угла въ другой.—Прекрасно, вотъ счастливая мысль! воскликнулъ, наконецъ, юноша,—спрошу у жены моего хозяина, она вѣрно знаетъ!

Привести въ исполненіе такую мысль было не трудно.

Digitized by Google

Онъ постучался въ стѣну и, назвавъ по имени хозяйку, попросилъ ее войти.

Варвара Гавриловна, жирная, грязная тихвинская мѣщанка, глупая до безконечности, проводившая день-деньской рыская по кухнямъ и дѣвичьимъ, и наполнявшая ихъ своими жалобами на мужа, съ которымъ жила не въ ладахъ, не замедлила явиться. Она не прочь также была выпить въ трудныя минуты жизни и чувствовала (если только что-нибудь чувствовала) сильное расположеніе къ жильцу, у котораго всегда находила способъ выманивать пятачки и гривенники. Зная подноготную исторію каждаго семейства въ домѣ, она очень легко могла удовлетворить любопытство молодого человѣка. Въ нѣсколькихъ словахъ она сообщила ему, что подлѣ жилъ старикъ, выгнанный за пьянство изъ питейной конторы, что у него была старая кухарка и дочь; что кухарка, баба вострая и „пронзительная“, вотъ уже седьмой годъ, какъ держитъ хозяина въ ежовыхъ рукавицахъ. Онъ боится ея пуще огня и шагу не смѣетъ ступить безъ ея вѣдома. Дочь, по словамъ Варвары Гавриловны, терпитъ страшный загонъ. Ей житья нѣтути. Нерѣдко приходилось ей ночевать у сосѣдей или проводить цѣлые дни у знакомыхъ. Варвара Гавриловна привела разные случаи изъ частной жизни сосѣдей,—между прочимъ, какъ Катя (такъ звали дѣвушку) прибѣжала разъ къ ней ночью вся избитая и истерзанная. Она насказала много другихъ примѣровъ, но и этого было довольно Андрееву. Воображеніе его, управляемое добрымъ, впечатлительнымъ сердцемъ, уже рисовало передъ нимъ страшныя картины, передъ которыми, кажется, въ самомъ Ловласѣ должны бы были пробудиться человѣческія чувства.

Въ двадцать лѣтъ, когда сердце уже почти созрѣло и рвется впервые навстрѣчу женщинѣ, ничто не возбуждаетъ такого горячаго сочувствія, какъ женщина тихая, обиженная, загнанная, несчастная. Робкій и неопытный юноша боится всегда, какъ огня, женщинъ свободныхъ и смѣлыхъ:—такая женщина, по его мнѣнію, никогда не можетъ любить—ему непремѣнно нужна жертва. Плаксивыя барышни, сиротки, угнетенныя гувернантки,—вотъ идеалы почти каждаго неиспорченнаго, чистаго двадцатилѣтняго молодого человѣка. Тутъ, по крайней мѣрѣ, чувство его не будетъ отвергнуто; его примутъ съ благодарностью. Роль покровителя подлѣ угнетенной кажется ему

Digitized by Google

во сто разъ лучше роли счастливаго любовника. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ и чувствовалъ Андреевъ.

Въ нѣсколько дней разсказъ Варвары Гавриловны принялъ самые широкіе размѣры въ головѣ его. Каждый крикъ или шумъ за стѣною казался уже ему воплемъ несчастной Кати. Онъ бросался къ окну, и чаще всего встрѣчалъ веселое, улыбающееся личико дѣвушки. Но это обстоятельство, вмѣсто того, чтобы успокоить, казалось, еще сильнѣе возмущало его сердце. Онъ не понималъ, какъ могла она смѣяться и быть веселою посреди такой жизни. Согласно роману, созданному его фантазіей, онъ хотѣлъ, чтобы она являлась передъ нимъ не иначе, какъ въ слезахъ, съ признаками отчаянія на лицѣ. Веселый видъ придавалъ Катѣ, въ глазахъ Андреева, холодность, равнодушіе, безчувственность... Но, несмотря на то, съ каждымъ днемъ, онъ сильнѣе и сильнѣе привязывался къ мысли любить Катю и мало-по-малу начиналъ любить ее не на шутку. Время проходило не даромъ. Оба они достигли уже того періода, когда, не сказавъ еще ни слова, понимали другъ друга какъ нельзя лучше. Болѣе или менѣе сильное движеніе занавѣски, свѣчка, поставленная ниже или выше—говорили имъ лучше всякой рѣчи. Когда она долго не возвращалась домой, Андреевъ занавѣшивалъ окно и не показывался цѣлый вечеръ. Эти отлучки приводили его въ истинное отчаяніе. Полный весь своимъ романомъ, онъ уже воображалъ Катю, доведенную до крайности обращеніемъ пронзительной кухарки и искавшую убѣжища въ чужомъ домѣ; онъ видѣлъ, какъ она разсказывала свое горе, какъ брали ее за руку... Сердце Андреева кипѣло ревностью. Какъ всѣмъ влюбленнымъ, ему казалось, что онъ одинъ могъ спасти Катю, что всякій другой долженъ былъ непремѣнно обмануть и погубить ее, что всюду подвергалась она неминуемой опасности, что въ немъ одномъ заключалась способность любить горячо, съ преданностью и самоотверженіемъ. И думалъ онъ все это искренно, забывая, что самъ искалъ и требовалъ отъ Кати того, чего такъ боялся со стороны другихъ... Но таковы всѣ влюбленные! Съ нѣкоторыхъ поръ, однакожъ, Катя замѣтно рѣже стала отлучаться изъ дому. Наступила осень, полились дожди, и Катя, къ совершенному восхищенію Андреева, не покидала уже окна. Они видѣлись каждый часъ, каждую минуту. Недоставало имъ только встрѣтиться.

Digitized by Google

ся и подать другъ другу руки. Вскорѣ случай представился.

Однажды, возвращаясь изъ служебнаго мѣста, Андреевъ столкнулся подъ темными воротами дома съ Катею, которая шла гулять, а можетъ статься, попросту ожидала его. Встрѣча была такъ неожиданна, что страстные монологи, приготовленные Андреевымъ на случай перваго свиданія, разсѣялись какъ зажженный порохъ. Языкъ рѣшительно не повиновался ему. Простоявъ съ минуту передъ ней въ какой-то мучительной лихорадкѣ, онъ, наконецъ, приподнялъ дрожащею рукою шляпу и поклонился. Катя засмѣялась, посмотрѣла ему въ лицо и выбѣжала на улицу. Андреевъ проклялъ свою глупость и рѣшился прибѣгнуть къ письму, которое было уже давнымъ-давно приготовлено. Но какъ доставить его? Какимъ способомъ?

Мысль обратиться къ Варварѣ Гавриловнѣ развязала всѣ трудности. Онъ собралъ всю свою мелочь, позвалъ хозяйку и, объяснивъ ей въ чемъ дѣло, отдалъ письмо. Варвара Гавриловна охотно взяла посланіе и, выразивъ на отекшемъ лицѣ своемъ глупую улыбку, не лишенную тупого лукавства, положила деньги въ карманъ и обѣщалась сегодня же доставить отвѣтъ. Но прошли три мучительные дня, которые не принесли ничего новаго въ жизни двухъ сосѣдей. Онъ видѣлъ Катю каждую минуту, видѣлъ какъ она показывала ему письмо его, подавала какіе-то знаки, ждалъ каждую минуту отвѣта, а отвѣта все-таки не было. Щепетильный, обидчивый, какъ всѣ влюбленные, Андреевъ подумалъ, что Катя надъ нимъ потѣшается. Онъ занавѣсилъ окно и, скрѣпя сердце, рѣшился не подходить къ нему, пока не получитъ отвѣта.

Дѣло было въ такомъ положеніи, когда разъ, вернувшись домой, онъ замѣтилъ странную перемѣну въ своей комнатѣ. Все вокругъ сіяло необыкновенной чистотой и порядкомъ. Бумаги и книги были тщательно и симметрически разложены; даже на рабочемъ столѣ, къ которому строго было запрещено прикасаться хозяину, виднѣлись слѣды чьей-то руки, замѣтно постаравшейся придать всему кокетливый видъ. Андреевъ постучался въ стѣнку и позвалъ Варвару Гавриловну. Вошла хозяйка.

— Скажите, пожалуйста, что это значитъ?.. спросилъ онъ, оглядывая съ недоумѣніемъ комнату.

Варвара Гавриловна сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ

Digitized by Google

и, нагнувшись къ жильцу, произнесла съ таинственностью: „Катерина Андреевна приходила безъ васъ!..“

— Какъ, что̀ вы говорите? воскликнулъ Андреевъ. — Быть не можетъ!..

— А что съ ней станешь дѣлать? отвѣчала самодовольно хозяйка,—пришла объ утро ко мнѣ: дай, говоритъ, Гавриловна, ключъ, хочу посмотрѣть, какъ живетъ твой жилецъ... Что вы, говорю, барышня! — Ничего, говоритъ, онъ не разсердится. Ну, взяла это она, батюшка, ключъ, а я за нею... Ужъ чего только она здѣсь ни дѣлала; ни одной книжки не оставила въ покоѣ, до всего вишь ей дѣло. Что вы, говорю, барышня? Ничего, говоритъ, я теперь ему приберу все къ мѣсту. Ужъ трудилась это она, трудилась, инда измоглась сердечная... Я, говоритъ, и завтра приду, и послѣзавтра, не говори только ему, смотри, Гавриловна... Я стояла такъ-то у окна. Катерина Андреевна, говорю, баринъ идетъ! Она шмыгъ ко мнѣ, дождалась, пока вы постучались въ стѣнку,—да давай Богъ ноги, ужъ такая-то бѣдовая... Я чай, сидитъ теперь дома, да сюда поглядываетъ.

Андреевъ бросился какъ сумасшедшій къ окну и глаза его прямо встрѣтили Катю, которая, увидѣвъ его, захлопала въ ладоши, и, ухватившись за бока, принялась хохотать и выдѣлывать какія-то па. На другой день Андреевъ не пошелъ на службу. Въ девять часовъ онъ стоялъ уже подъ воротами и караулилъ минуту, когда Катя пробѣжитъ черезъ дворъ на его лѣстницу. Это не замедлило случиться. Простоявъ нѣсколько минутъ въ нерѣшимости, Андреевъ собралъ, наконецъ, всю свою бодрость, взлетѣлъ на лѣстницу, отворилъ дверь и вошелъ въ комнату.

Катя сидѣла преспокойно въ креслахъ, и, положивъ ножки на сосѣдній стулъ, разсматривала какія-то картинки. Заслыша стукъ двери, она быстро приподняла голову и, увидя Андреева, немножко смутилась. Но смущеніе было непродолжительно. Почти въ ту же секунду она оправилась, спустила на полъ ножки, весело подошла къ нему и сказала довольно бойко:

— Вы не сердитесь, что я пришла къ вамъ въ гости?..

. . . . . .

Въ тотъ же вечеръ оба сидѣли на одномъ и томъ же креслѣ и говорили другъ другу „ты“. Андреевъ, не вѣря еще своему счастью, казался нѣсколько задумчивъ. Катя,

Digitized by Google

напротивъ того, была весела, какъ птичка весною. Она скакала, смѣялась и прыгала по комнатѣ. Она была какъ дома; съ Андреевымъ обходилась какъ со старымъ другомъ. Она поминутно вытаскивала его на середину комнаты, тормошила его во всѣ стороны, поворачивала его на одномъ мѣстѣ, смѣясь и глядя ему въ глаза, проводила ладонью по лицу его и путала ему волосы, и не давала ни минуты опомниться.

Съ этого вечера Андреевъ и Катя видѣлись каждый день. Преданный весь своей любви, Андреевъ забылъ въ первое время всѣ свои горести, всѣ воспоминанія; забылъ и уѣздный городъ, и настоящее, и прошедшее. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Но въ это время многое успѣло уже измѣниться, если не въ сердцѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ головахъ обоихъ молодыхъ людей.

Андреевъ ясно увидѣлъ, что романъ, сотканный имъ вокругъ Кати, нисколько не соотвѣтствовалъ героинѣ въ дѣйствительности. Катя его фантазіи являлась окруженная ореоломъ страдалицы, существомъ глубоко страждущимъ, тогда какъ Катя настоящая была веселая, безпечная, вѣтреная дѣвушка, для которой страданія не существовали, а горе (если только и приходило) разсѣивалось какъ нельзя лучше прогулкою на Крестовскомъ, особенно когда много было народу, трескотни, шуму и давки. Веселье было такъ же необходимо ей, какъ вода для рыбы. Это была ея сфера. Внутренній міръ, со всѣми его душевными волненіями и скорбями, съ приливами и отливами тоски и радостей, былъ для нея рѣшительно недоступенъ. Когда печальныя обстоятельства Андреева подступали ему къ сердцу и онъ задумывался, Катя переставала также быть веселою, но это вовсе не потому, что она раздѣляла его горе,—ей просто становилось скучно,—онъ не забавлялъ ее, не занималъ, не бѣгалъ съ нею. Добрая по натурѣ, но не получившая никакого воспитанія и развитія, закаленная съ дѣтства среди грубой жизни и дурныхъ примѣровъ,—въ ней не было той тонкой деликатности, тѣхъ возвращеній къ нѣжности, которыя заставляютъ прощать любимой женщинѣ самыя рѣзкія, охлаждающія выходки. Ей было скучно, она начинала дразнить Андреева; если это не помогало—она бѣжала искать развлеченій къ старымъ своимъ пріятельницамъ, и все это нимало не подозрѣвая, сколько должна была она огорчать Андреева, и Боже упаси, если онъ обнаружи-

Digitized by Google

валъ, особенно не шутя, свое неудовольствіе. Сценамъ конца тогда не было; и рѣдко обходилось безъ слезъ, сопровождаемыхъ самыми жестокими упреками. Тутъ забывалось, что Андреевъ просидѣлъ тридцать ночей сряду, переписывая бумаги, чтобы заработать ей шляпку, что онъ голодалъ цѣлую недѣлю и питался, бѣдный, однимъ ячменнымъ кофе, чтобы свести ее въ театръ, и многое еще другое. А между тѣмъ она любила Андреева. Стоило только показаться веселой улыбкѣ на лицѣ его — и грозу уносило, какъ вихремъ. Она снова являлась тогда безпечною, рѣзвою, любящею; она бросалась къ нему на шею, осыпала его самыми нѣжными именами и готова была на всѣ жертвы, чтобы только какъ можно долѣе продлилось веселье.

Впрочемъ, внѣ этихъ маленькихъ сценъ, кончавшихся большею частью всегда миролюбиво и приносившихъ даже больше сердечныхъ радостей, чѣмъ ровная и тихая страсть,—они были до сихъ поръ очень счастливы. Голова Андреева только охладѣла немного; что-жъ касается до сердца, оно еще полно было огня и щедро тратило всѣ свои сокровища навстрѣчу первой женщинѣ, привѣтливо ему улыбнувшейся. Онъ любилъ, какъ любятъ въ первый разъ, когда всѣ помыслы о женщинѣ, всѣ женщины вообще, соединяются покуда въ одной.

IV.

У Юргенсъ.

На другой день послѣ того, какъ Андреевъ написалъ сестрѣ письмо, сообщенное читателю во второй главѣ, часу въ первомъ пополудни онъ сталъ готовиться въ путь. По случаю воскресенья службы не было. Онъ могъ, слѣдовательно, располагать цѣлымъ днемъ. Программа этого дня, ожидаемаго съ нетерпѣніемъ, была уже давнымъ-давно обдумана: въ два часа онъ будетъ обѣдать за общимъ столомъ у госпожи Юргенсъ, наслушается вволю разсказовъ о художникахъ, мастерскихъ, картинахъ; встрѣтится снова, можетъ статься, съ Петровскимъ. Затѣмъ, часа въ четыре, отправится на острова; толпа будетъ страшная; но онъ пройдетъ мимо, заберется въ самую глухую чащу Елагина и прорисуетъ тамъ съ натуры вплоть до вечера.

Андреевъ заранѣе потиралъ руки. Запрятавъ на самое

Digitized by Google

дно кармана оставшуюся мелочь, сунувъ подъ мышку тетрадь съ этюдами, онъ нетерпѣливо спустился съ лѣстницы и вышелъ на улицу. День былъ чудесный: на небѣ ни облачка, все вокругъ дышало весельемъ и чѣмъ-то праздничнымъ, соотвѣтствовавшимъ какъ нельзя лучше расположенію самого Андреева.

Не мѣшаетъ воспользоваться дорогою Андреева, чтобы сказать нѣсколько словъ объ общемъ столѣ госпожи Юргенсъ, который игралъ въ то время большую роль на Васильевскомъ островѣ. Сюда собирался преимущественно весь тогдашній кругъ молодыхъ художниковъ. Ни знаменитый Гейде, — Дюссо или Сенъ-Жоржъ Васильевскаго острова,—ни множество другихъ трактировъ и кухмистеровъ, разсѣянныхъ въ изобиліи по линіямъ, не въ состояніи были отвлечь привычныхъ посѣтителей Каролины Карловны Юргенсъ. Столъ ея, говоря по совѣсти, нельзя однакожъ было назвать отличнымъ. Картофель, ветчина и луковый супъ — главныя основы его — приправлялись, по нѣмецкому обычаю, такъ немилосердно перцемъ и всякими другими пряностями, что у посѣтителей по цѣлымъ часамъ болѣлъ языкъ и щипало горло; но, со всѣмъ тѣмъ, подлежитъ сильному сомнѣнію, чтобы въ блестящихъ кафе Петербурга ѣли съ такимъ хорошимъ аппетитомъ, чтобы царствовало тамъ когда-нибудь столько распашного, непринужденнаго веселья. Общество Каролины Карловны, несмотря на свои однородныя стихіи, представляло все-таки въ цѣломъ сборище самыхъ разнохарактерныхъ образчиковъ и типовъ.

Тутъ были и истинные художники—люди съ талантомъ, сосредоточившіе сознательно всю свою жизнь, всѣ помыслы въ любимомъ выше всего искусствѣ, благородные, неутомимые труженики, съ любовью жертвовавшіе ему всѣми сокровищами своего мозга и сердца; были и такіе, которымъ искусство представлялось выгоднымъ, и въ то же время не очень тяжелымъ ремесломъ; попадались, наконецъ (и это чаще всего), восторженные ребята, съ длинными, вскосмаченными гривами, широкополыми шляпами, одѣтые съ умышленною, разительною небрежностью, которымъ улыбнулось искусство потому только, что здѣсь предстояло широкое поле разгула и безнаказанно давался поводъ восторгаться всѣмъ, чѣмъ угодно. Кромѣ этого, появлялись иногда и сторонніе лица. Тамъ, гдѣ собираются художники, какъ бы ни была ничтожна ихъ сте-

Digitized by Google

пень, ужъ непремѣнно слѣдуютъ, по чутью какому-то, словно мелкорыбица за акулою, такъ-называемые „любители“, не столько художествъ, разумѣется, сколько общества художниковъ. Это неизбѣжно. Любители эти большею частію люди молодые, вертлявые, жиденькіе, заискивающіе; иногда добрые, разгульные ребята и неглупые; но чаще нестерпимо скучные и надоѣдающіе на смерть. Но никому не было особенной нужды опредѣлять тогда эти подраздѣленія, да никто объ этомъ и не думалъ. Общій колоритъ молодости сглаживалъ частныя различія и всѣмъ было одинаково хорошо и привольно у г-жи Юргенсъ.

Въ три часа, столовая была обыкновенно полнёшенька. Стукъ вилокъ, ножей, тарелокъ, покрываемый попеременно шумными возгласами и неистовымъ хохотомъ, слышались чуть ли не съ одного проспекта до другого. Лѣтомъ, Каролина Карловна, сорокалѣтняя вдова, съ бѣльмомъ на лѣвомъ глазу, съ добродушною улыбочкою и рыжими пуклями, боязливо глядѣвшими изъ-подъ вздрагивающаго чепчика, переѣзжала на „дачу“, т.-е. переставляла столы и стулья изъ столовой на маленькій дворикъ, примыкавшій непосредственно къ ея кухнѣ. Дворикъ, обнесенный съ другихъ трехъ сторонъ дырявыми барочными досками и тщательно усыпанный пескомъ, отражалъ ту же чистоту и опрятность, какими отличалось все заведеніе. По серединѣ его возвышалась тощая рябина; несмотря на свои чахлыя вѣтви, прокопченныя насквозь дымомъ, деревцо это доставляло неизъяснимое утѣшеніе посѣтителямъ. Получасомъ раньше приходили, чтобы только завладѣть мѣстомъ подъ его тѣнью, и ужъ, конечно, тощей этой рябинѣ привелось слышать на вѣку своемъ болѣе тостовъ въ честь Италіи и Рима, чѣмъ слышалъ ихъ самый Римъ. Обѣдать на этомъ дворикѣ— считалось верхомъ благополучія. Когда Каролина объявляла въ первый разъ, что съ завтрашняго дня столъ накроютъ на „дачѣ“, радостныя восклицанія неслись отовсюду, и страшный, оглушительный тостъ въ честь хозяйки дома потрясалъ стѣны, кухню и все зданіе до фундамента. На другой день она и сама уже не радовалась своей выдумкѣ. И въ самомъ дѣлѣ, веснѣ ли ради, свѣжему ли воздуху, но только гости шумѣли еще болѣе, тосты повторялись еще чаще, хохотъ раздавался звонче. курили немилосерднѣе; такъ курили, что проѣзжаю-

Digitized by Google

по Невѣ, взглянувъ въ ту сторону, могъ легко принять столбъ дыма надъ кровлей нѣмки за дымъ парохода, готовящагося къ отплытію по Малой Невкѣ. И, несмотря на всю бѣдность такой обстановки, посѣтители общаго стола были тогда счастливы, и какъ еще счастливы! Многіе, вѣроятно, и теперь вспоминаютъ о немъ съ сожалѣніемъ...

Тутъ-то беззаботно промелькнули лучшія, золотыя минуты многихъ изъ насъ! Эти сѣренькія, закопченыя комнаты, этотъ дворикъ съ его тощей рябиной, составляли для очень многихъ чуть ли не единственный теплый уголъ, какого они уже потомъ нигдѣ не встрѣчали. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, часто съ истиннымъ, непритворнымъ, ненатянутымъ увлеченіемъ говорили объ искусствѣ, возникали жаркіе литературные споры; здѣсь восторженно встрѣчалась всякая счастливая мысль собрата художника; никто не стыдился своихъ восторговъ, никто не смѣялся надъ ними. Каждый почти вѣрилъ тогда, что пылкая, страстная воспріимчивость души, что эти восторги—лучшее, драгоцѣннѣйшее сокровище юности. И что-жъ мудренаго? Сюда стекалась по большей части молодежь, сосредоточившая богатый запасъ своихъ силъ и способностей на одну благородную цѣль—любовь къ искусству, и дружно, рука въ руку, съ ребяческою безпечностью взбиравшаяся по скользкой крутизнѣ художества, сама еще не вѣдая, что̀ ожидало ее впереди!..

Итакъ, каждый день часу во второмъ, когда рука уставала упираться на муштабль *), когда натурщикъ или, какъ говорится, „натура“ начинала покрякивать и просила, чтобы отпустили ее подкрѣпить силы въ погребокъ или харчевню, большая часть художниковъ укладывали палитру и краски, покидали академію и шумною ватагой отправлялись къ доброй нѣмкѣ.

Было уже два часа, когда Андреевъ вошелъ къ Каролинѣ Карловнѣ. Онъ снялъ пальто, положилъ на стулъ тетрадь, прикрылъ шляпой и вступилъ на маленькій дворикъ, потопленный голубоватой тѣнью, бросаемой кухней. Посѣтителей было очень мало. Въ числѣ ихъ, Андреевъ увидѣлъ двухъ художниковъ, Вахрушева и Сидоренку, съ которыми уже встрѣчался оба раза, какъ обѣдалъ у Юргенсъ.

*) Длинная палочка, посредствомъ которой художники поддерживаютъ руку во время работы.

Digitized by Google

Вахрушевъ былъ малый лѣтъ двадцати-пяти, красивой, но утомленной наружности, съ глазами на выкатѣ, похожими на глаза изъ фарфору, какіе дѣлаются на фабрикѣ Корнилова для гостинодворскихъ куколъ; бѣлокурые, безобразно длинные волосы его были тщательно прилизаны и подогнуты снизу, наподобіе театральныхъ париковъ временъ рыцарства. Рѣденькіе, волнистые усики, закругленные кверху, и эспаньолка напоминали нѣсколько портретъ Вандика. (Несчастное это сходство было единственной причиной, заставившей Вахрушева перемѣнить званіе чиновника, къ которому обнаруживалъ онъ сыздѣтства большія склонности, на званіе художника, хотя къ послѣднему не было у него ни малѣйшаго призванія). На немъ былъ широкій плащъ, подбитый чернымъ бархатомъ, конецъ котораго закидывалъ онъ на спину, но такъ искусно, однакожъ, что весь бархатъ оставался на виду. Широкая сѣрая шляпа и бархатъ на плащѣ довершали сходство Вахрушева съ Вандикомъ, и потому онъ никогда не являлся въ другомъ костюмѣ. Наружность Сидоренки показывала, что онъ также билъ на эффектъ, но только иными средствами. Коренастый, приземистый хохолъ, съ раздавленной, рябой физіономіей, раздутыми ноздрями, двумя пучечками щетины подъ носомъ—онъ видимо старался соблюсти гармонію наружности съ туалетомъ. „Чтобъ сейчасъ можно было сказать: это художникъ!“—Такова была задача Сидоренки. Разодранный, покрытый пухомъ картузъ, холстяное пальто, выпачканное красками, встрепанные волосы, раскрытая напереди рубашка,—все это, по понятіямъ Сидоренки, достигало, какъ нельзя лучше, предположенной цѣли.

Оба они сидѣли подъ рябиной, въ сторонѣ отъ другихъ, за круглымъ столомъ, сдѣланнымъ въ видѣ гриба, и курили трубки. Передъ нимъ лежали въ безпорядкѣ остатки обѣда, между которыми возвышались двѣ бутылки портеру. Когда вошелъ Андреевъ, художники обернулись въ его сторону и поклонились. Отвѣтивъ тѣмъ же, Андреевъ спросилъ себѣ приборъ и сѣлъ подлѣ за другимъ столомъ.

— Фу, жара какая, смерть! произнесъ Сидоренко, обращая красное лицо свое, имѣвшее въ эту минуту большое сходство съ крошеною свеклой, сначала ко всей компаніи, потомъ къ Андрееву, который утиралъ лобъ и щеки.

— Да, градусовъ двадцать будетъ, отвѣчалъ кто-то изъ сидѣвшихъ поодаль.

Digitized by Google

— Какое! вѣрныхъ тридцать! воскликнулъ Вахрушевъ, выпустивъ длинную струю дыма.—Ужъ на-что, кажется, люблю я жаркій климатъ, а сегодня работать не могъ, даже натура не выдержала; у меня стоялъ Тарасъ: отпустите, говоритъ, силушки нѣтъ стоять! Впрочемъ, я ему и позу закатилъ, нечего сказать! прибавилъ онъ, смѣясь и самодовольно покручивая усы.

— Ну что, Вахрушевъ, что подѣлываетъ твой Прометей? спросилъ высокій художникъ, похожій на цаплю и сидѣвшій за другимъ столомъ.

— Разумѣется, не подвигается, недовольно отвѣчалъ Вахрушевъ,—да чорта ли что-нибудь сдѣлаешь! Зимою писать нельзя—свѣту нѣтъ, все выходитъ сѣро и тускло, стынетъ всякое воображеніе; лѣто придетъ—задыхаешься отъ духоты и пыли... Нѣтъ, господа, тысячу разъ нѣтъ! Достигнувъ извѣстной степени, нашъ братъ можетъ жить только въ Италіи. Заготовилъ здѣсь эскизы, набросалъ мысли,—да скорѣе въ Римъ, во Флоренцію!.. Я, право, не понимаю, какъ дѣлаетъ этотъ Петровскій,—чортъ его знаетъ!

— Что-жъ тутъ мудренаго? экъ хватилъ—Петровскій! Петровскій! возразилъ, отдувался, Сидоренко.—Дай любому изъ насъ нѣмецкое терпѣніе, которое, между прочимъ, называютъ они любовью къ искусству, прибавилъ онъ, смѣясь,—и мы то же самое сдѣлаемъ!

— Ну, нѣтъ, братъ, одного терпѣнья мало, замѣтилъ долговязый художникъ,—чтобы написать такую программу, какъ Петровскій, нуженъ талантъ, да еще какой!..

— Конечно, Петровскій талантъ, первоклассный талантъ! крикнулъ кто-то.

— Эхъ, господа! да кто-жъ это опровергаетъ? горячо перебилъ Сидоренко.—Я говорю только: нужно терпѣніе... Пусть каждый изъ насъ станетъ сиднемъ сидѣть передъ одной и той же холстиной, да „отконопачивать“ каждый пальчикъ, каждый волосокъ, разумѣется, къ концу года выйдетъ оконченная картина,—да что-жъ изъ этого? Что въ нихъ, въ этихъ картинахъ, если говорить по совѣсти? Возьмемъ хоть „Агарь въ пустынѣ“ Петровскаго. Рисунокъ, композиція, все это прекрасно, то-есть то, что именно дается высиживаніемъ, но зато живописи нѣтъ, нѣтъ размаху, все это не „широко“, не „сочно“, не „планисто“, какъ должно быть у самобытнаго таланта,—вездѣ проступаетъ отдѣлочка, да „лесировочка“—словно

Digitized by Google

у послѣдняго нѣмца! Нѣтъ, повѣрьте мнѣ, всѣ эти господа—сидни, а не самобытные, смѣлые таланты!—размаху нѣтъ!

— Помилуй, братъ Сидоренко! оконченности добивается всякій художникъ, въ ней-то вся штука! воскликнулъ снова долговязый художникъ.

— Ну, да кто жъ тебѣ говоритъ, отвѣчалъ Сидоренко,—я самъ это знаю, но оконченность оконченности рознь...

— Конечно, оконченность оконченности рознь, небрежно замѣтилъ Вахрушевъ.

— Уфъ, жара какая, перебилъ Сидоренко, раздувая пѣну портера и поднося стаканъ къ губамъ,—пьешь, пьешь, а все не утолишь жажды... Да скажи на милость, Вахрушевъ, точно ли придетъ сюда Чибезовъ? Кто тебѣ сказалъ?..

— Навѣрное, навѣрное придетъ! воскликнуло нѣсколько голосовъ,—мы сами пришли, чтобъ съ нимъ видѣться.

— Когда онъ пріѣхалъ?

— Третьяго дня, отвѣчалъ Вахрушевъ. — Чудесно, говорятъ, разсказываетъ про Италію.

— Да какимъ чортомъ занесло его туда? господа, на свой счетъ поѣхалъ онъ, что ли?

— Нѣтъ, его бралъ съ собою одинъ изъ нашихъ баричей, графъ какой-то, не помню... а впрочемъ, сказываютъ, онъ привезъ оттуда отличную копію съ Гвидо-Рени.

— Не тотъ человѣкъ, сказалъ Сидоренко, наливая стаканъ, — какъ же, станетъ онъ работать! Я думаю, онъ ровно ничего не дѣлалъ,—кутилъ только!..

Въ это самое время, въ кухнѣ, двери которой были растворены на дворъ, послышался страшный шумъ:

— Каролина Карловна, голубушка! кричалъ кто-то,—здравствуйте!.. ну что, какъ?.. да поцѣлуемтесь же!.. Матрена, здорово!.. ну что? Эхъ ты полоротая дура,—аль не узнала?.. Каролина Карловна, душенька вы моя!..

— Вотъ онъ! вотъ онъ! закричали въ одинъ голосъ художники, вставая съ своихъ мѣстъ.

Но не успѣли они сдѣлать шагу впередъ, какъ ужъ Чибезовъ, приплясывая и прищелкивая въ воздухѣ пальцами, очутился посреди двора. Увидя компанію, онъ остановился.

— А, чортъ ихъ возьми! ишь, черти, по-старому, всѣ здѣсь! произнесъ Чибезовъ.

Digitized by Google

Тутъ онъ ударилъ себя ладонями по колѣнамъ, подогнулъ ноги и залился дребезжащимъ смѣхомъ. Чибезовъ былъ человѣкъ средняго роста, съ угловатою головою, вострымъ носомъ, черными, короткими волосами, изъ которыхъ торчали во всѣ стороны вихры. На немъ была парусинная блуза, съ огромными костяными пуговицами, красный оборванный платокъ на шеѣ и скомканная соломенная шляпа. Сначала онъ бросился къ Вахрушеву, ухватилъ его за плечи, посмотрѣлъ ему въ лицо, крикнулъ: „Вандикъ!“ и, растопыривъ руки, снова залился во все горло. Такимъ же точно порядкомъ поздоровался онъ съ Сидоренко, долговязымъ художникомъ и всѣми присутствующими, — обниметъ, дастъ какую-нибудь особенную кличку, подогнетъ ноги и зальется смѣхомъ. Наконецъ, подошелъ онъ къ Андрееву:

— И вы также нашъ, произнесъ онъ, раскрывая объятія.

— Нѣтъ-съ, я не художникъ, отвѣчалъ Андреевъ, весело глядя ему въ глаза.

— Ну, извините, не зналъ!.. Эй? Каролина, Каролина!..

— Садись, Чибезовъ, ступай сюда, здѣсь, здѣсь разсказывай!.. заговорили въ одно время художники, хватая его за руки.

— Да ну, черти, чего обрадовались, стойте! дайте духъ перевести! кричалъ Чибезовъ, опускаясь съ явнымъ удовольствіемъ на руки то тому, то другому.—Эй, Каролина, Каролина! голубушка? прибавилъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ,— а нѣтъ ли, по старой памяти, бутылочки того... хереску... помните? за Чибезовымъ дѣло не станетъ, вы его знаете!

Добрая нѣмка, любившая привычныхъ посѣтителей, какъ собственныхъ дѣтей, и обрадованная не на шутку возвращеніемъ Чибезова, поспѣшила исполнить его просьбу.

Тутъ Чибезовъ вырвался изъ рукъ товарищей, закричалъ во все горло: „Ур-р-ра!“ и бросился на стулъ. Вскорѣ вино было принесено, стаканы налиты, товарищи усѣлись вокругъ Чибезова, и начались разспросы объ Италіи.

Андреевъ понялъ, что присутствіе посторонняго лица и даже цѣлой аудиторіи не могло ни въ какомъ случаѣ смутить Чибезова; онъ поспѣшилъ присоединиться къ кружку и слегка даже вмѣшался въ разговоръ, чтобы придать разсказчику еще больше развязности.

— Э, господа, что говорить,—чудно! восклицалъ поминутно Чибезовъ, обращаясь то къ тому, то къ другому, не выключая даже Андреева, котораго уже мимоходомъ

Digitized by Google

ударилъ раза два по плечу. — Представьте себѣ, братцы, небо, то-есть чистѣйшій кобальтъ! хоть бы на столько шифервейсу! (Чибезовъ положилъ на ноготь кусочекъ сургуча съ пробки и пустилъ его по воздуху). Мы ѣхали моремъ. Въ отдаленьи Неаполь... Мы всѣ на палубѣ... Стоимъ, да просто плачемъ (онъ провелъ всею пятернею отъ глазъ до подбородка) — чортъ знаетъ, что̀ дѣлается,—не выдержать! А тутъ вдругъ вѣтеръ съ берега, просто фабрика духовъ, — весь воздухъ пахнетъ померанцами да лимонами; вѣдь тамъ они круглый годъ въ цвѣту,—чудо!.. А макароны-то, ребята, макароны! „Date uno poco macaroni!“—навалятъ тебѣ на грошъ цѣлую миску... А лазарони-то,—э, э, э, э! Пиферари, чортъ ихъ подери, да и только! Лежитъ себѣ голый, чортъ его возьми, на пескѣ, поглядитъ на заливъ, опуститъ руку въ море, побарахтаетъ въ водѣ, вынетъ какой-нибудь frutto di mare,—устрицу или раковину, съѣстъ тутъ же, да опять поглядитъ на заливъ,—знать никого не хочетъ!.. Везувій, импровизаторы,—все видѣлъ! Но повѣрите ли, все это рѣшительно безхвостаго чорта не стоитъ передъ Римомъ! О, Roma! и особенно для нашего брата художника! Ватиканъ, Петръ, фонтаны... Что̀ ни шагнулъ—наступилъ на Рафаэля да Микель-Анджело, — ей-Богу! А женщины-то, братцы, римлянки-то! Высокая, стройная,—куда ни глянешь—красавица; бери палитру, пиши,—и великій человѣкъ, коли напишешь! Я сколько разъ смотрѣлъ на нихъ у фонтана: рукой подберетъ до икры красную юбку (у всѣхъ красныя юбки,—ей-Богу!),—одна икра цѣлой Флоры фарнезской стоитъ;—другою рукой поддерживаетъ на головѣ длинный мѣдный кувшинъ... волосы совсѣмъ синіе, густые, подобранные пучкомъ на затылкѣ (Чибезовъ стукнулъ себя ладонью по затылку). Нагнется зачерпать воду—съ ума спятишь: вода брызжетъ ей на обнаженныя ноги, голая шея и грудь освѣщена яркимъ солнцемъ... не наши, братцы, цвѣта: вездѣ лазурь, жженая земля, баканъ,—ей-Богу! (Чибезовъ махнулъ рукой и восторженно хлебнулъ хересу). Ну, братцы, продолжалъ онъ, крякнувъ,—какое я только пилъ тамъ красненькое винцо,—объѣденье! Меня все поилъ одинъ англичанинъ, лихой парень! Мы съ нимъ душа въ душу жили, а вѣдь ни слова другъ друга не понимали, ей-Богу, право! Скажи ему „io“ и онъ мнѣ „io“,—да и все тутъ. Бывало, все вмѣстѣ, живмя жили въ казино или аустеріи, то-есть, въ трактирѣ по-нашему!..

Digitized by Google

— Эка жизнь!.. а? воскликнулъ Сидоренко, съ восторгомъ потрясая головою.—Скажи, братецъ, Чибезовъ, правда ли, что есть въ Римѣ русскій трактиръ, куда собираются...

— Ахъ, да, торопливо перебилъ Вахрушевъ,—русскій трактиръ: маленькій живописный домикъ, заглохшій, какъ гнѣздо, въ виноградникѣ, плющѣ и цвѣтахъ?.. скажи, пожалуйста, такъ ли это?

— Ну, въ виноградникахъ-то хоть онъ и не заглохъ, потому что, если бъ и былъ виноградъ, такъ наши ребята его давно бы вытоптали, а есть такой трактиръ—Лепри: мы туда-то и захаживали съ англичаниномъ.

— Вотъ жизнь, такъ жизнь, сказалъ Вахрушевъ, вставая съ мѣста и принимаясь расхаживать нетерпѣливо по двору, вмѣстѣ съ двумя-тремя другими товарищами, восторженно махавшими руками,— ѣдемъ, братъ, Сидоренко въ Италію! тамъ только можно сдѣлаться художникомъ!

— Да, чортъ возьми! закричалъ Сидоренко, — утромъ будемъ работать въ мастерской... натурщица... римлянка... Заглянетъ какая-нибудь аристократка-путешественница, которая здѣсь и смотрѣть на тебя не хотѣла... вѣдь нашего брата художника любятъ въ Италіи,—это всѣ говорятъ; тамъ пойдемъ обѣдать къ Лепри, ляжемъ подъ какой-нибудь виноградникъ... Эхъ, славно тогда помечтать о матушкѣ-Россіи... спросимъ себѣ у Лепри щей, каши... эхъ, эхъ!

Тутъ Сидоренко восторженно налилъ стаканъ, приставилъ его къ лѣвому глазу, поглядѣлъ на свѣтъ, поднесъ его къ губамъ, залпомъ выпилъ, и, ударивъ кулакомъ по столу, закричалъ во все горло:

— Р-р-р-усскій, чортъ возьми!.. художникъ, чортъ его бери!..

— Ну, расходились... экъ ихъ! проговорилъ Чибезовъ, надрываясь со смѣху.—Да ну... къ сатанѣ... полно вамъ; разскажите-ка, что дѣлается у насъ, что новаго въ нашихъ мастерскихъ? я еще нигдѣ не былъ.

— И заходить, братецъ, не для чего, презрительно сказалъ Вахрушевъ, садясь подлѣ Чибезова,—что въ нашихъ мастерскихъ: сушь страшная...

— Что жъ они разсказываютъ? возразилъ Чибезовъ, расправляя вихры на головѣ.—Говорятъ, будто программа Петровскаго, „Агарь въ пустынѣ“, за которую онъ получилъ первую золотую медаль,—чудо изъ чудесъ!.. что жъ они толкуютъ?..

Digitized by Google

— Превосходная, превосходная картина! крикнуло нѣсколько голосовъ.

Вахрушевъ и Сидоренко подняли головы, какъ легавыя собаки, заслышавшія выстрѣлъ.

— Ну вотъ, поди-жъ ты! воскликнулъ первый.—Представь себѣ, братъ, Чибезовъ! продолжалъ Вахрушевъ скороговоркою,—во-первыхъ, маленькая картина, въ полтора аршина всего-на-все (замѣть себѣ, это они называютъ: историческая картина!); во-вторыхъ, тощая группа изъ двухъ фигуръ посреди гладкой пустыни, и все это „отконопачено", вылизано, вылощено... Ты знаешь манеру Петровскаго—нѣмецъ! Ни „плановъ", ни „лѣпки"... Наконецъ, самъ сюжетъ говоритъ за себя: ну, что въ немъ? никакого интереса; да и расходиться негдѣ, не предстоитъ даже возможности бросить яркое, сочное пятно свѣта или тѣни...

— Все это такъ, подалъ голосъ долговязый художникъ,—но каковы у него зато ракурсы, каковъ рисунокъ, каковы головы!

— Кто-жъ противъ этого! запальчиво возразилъ Сидоренко. — Ему что говори, что не говори, все равно что арапа мыть, онъ все свое поетъ: рисунокъ! тебѣ говорятъ про живопись, про сюжетъ!

— Что касается до сюжета, совершенно согласенъ съ Вахрушевымъ, сказалъ какой-то маленькій художникъ въ синихъ очкахъ,—я самъ не понимаю, что за охота брать библейскіе сюжеты; это хорошо было въ Италіи, въ четырнадцатомъ и тринадцатомъ вѣкахъ, когда вся Италія, весь міръ воодушевленъ былъ религіознымъ чувствомъ.

— Браво! брависсимо! воскликнулъ Чибезовъ. — Вотъ погодите-ка, дружки, я вамъ напишу картину, — мысль богатая: „Паденіе Ниневіи"; холстина въ десять саженъ, закачу фигуръ пятьсотъ... Что вы на это скажете... а? произнесъ онъ, обращаясь неожиданно къ Андрееву, который давно глядѣлъ на всѣхъ такими глазами, какъ будто хотѣлъ что-то сказать.

— Я съ вами не совсѣмъ согласенъ, рѣшился наконецъ произнести Андреевъ, смущаясь и краснѣя.

— Какъ! въ чемъ вы не согласны? спросилъ удивленный Чибезовъ.

— Не столько съ вами, сколько съ этими господами, продолжалъ Андреевъ, смущаясь еще болѣе и указывая на Вахрушева и Сидоренко.

Digitized by Google

— Это любопытно, пробормотали въ одно время оба художника, придвигаясь и подмигивая остальной компаніи.

— Мнѣ кажется, началъ Андреевъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ,—вы несправедливо вооружаетесь противъ библейскихъ сюжетовъ.

— А почему-жъ вы такъ думаете? спросилъ иронически Сидоренко.

— Потому, отвѣчалъ Андреевъ, тронутый на этотъ разъ за живое,—что нѣтъ такого библейскаго сюжета, въ которомъ бы не было поэтическаго лица и содержанія; Рахиль, Ревекка, Агарь, Сара, патріархи... Гдѣ, въ какой исторіи найдете вы образы, исполненные большей граціи, любви и поэзіи? Возьмите даже мѣсто дѣйствія, природу, посреди которой жили эти лица, костюмъ, наконецъ,—все изящно, живописно, и въ высшей степени способствуетъ для картины. Кромѣ этого, кажется, всѣ эти лица такъ знакомы всѣмъ и каждому, такъ сильно къ нимъ сочувствіе, такъ сроднились мы съ ними, что невольно радуешься, встрѣчая ихъ, изображенныхъ на полотнѣ, какъ будто встрѣтилъ старыхъ друзей, которыхъ привыкъ любить съ дѣтства...

— Все это прекрасно! возразилъ удивленный Чибезовъ,—но, воля ваша, я все-таки не вижу тутъ мѣста для картиннаго эффекта...

— Кромѣ того, перебилъ Вахрушевъ,—въ библейскихъ сюжетахъ слишкомъ много покоя: движенья нѣтъ, ни малѣйшаго движенья...

— По-моему, въ движеніи нѣтъ большой нужды, у всякаго искусства есть свои предѣлы, бойко возразилъ Андреевъ и вдругъ остановился.

Въ самую эту минуту въ дверяхъ кухни показались Петровскій и Борисовъ.

— А, Петровскій! произнесъ Чибезовъ, вставая и бросаясь къ Петровскому, съ меньшею однакожъ восторженностью, чѣмъ къ Вахрушеву и Сидоренко. — Какъ поживаете? Какъ радъ васъ видѣть...

— И я также, отвѣчалъ Петровскій, сухо пожимая ему руку.—Когда вы пріѣхали?

— Третьяго дня... А, Борисовъ! здравствуй! продолжалъ Чибезовъ, обращаясь къ второму художнику, и на этотъ разъ принялся душить его въ своихъ объятіяхъ.—Здорово! Ну, что, какъ тебя перевертываетъ?

— Хорошо, хорошо, голубчикъ! отвѣчалъ Борисовъ,

Digitized by Google

освобождаясь изъ тисковъ Чибезова.—Ну, радъ тебя видѣть, очень радъ.

Онъ пожалъ еще разъ руку Чибезову, суетливо раскланялся съ остальными и присоединился къ Петровскому, который усѣлся за особымъ столомъ.

Петровскій былъ высокаго роста, чрезвычайно строгой, но величавой и красивой наружности. Продолговатое лицо его было блѣдно, какъ мраморъ. Черные, какъ смоль, сухіе и кудрявые волосы, оттѣненные близъ корня синею полосою, черные, глубокіе глаза, тонувшіе въ голубоватомъ бѣлкѣ, и густыя брови, слегка нахмуренныя, придавали еще болѣе бѣлизны этому лицу, въ которомъ все вообще было какъ-то смѣло, бойко, но правильно очерчено. Высокій лобъ его былъ чистъ и покоенъ. И тогда какъ угловатыя, рѣзкія черты этого лица обозначали присутствіе страшной энергіи и душевной силы, крупныя губы, пріятно загнутыя по угламъ, тотчасъ же примиряли съ его строгой, задумчивой наружностью.

Товарищъ его, Борисовъ, былъ крошечный, сухощавый человѣкъ, съ кругленькимъ лицомъ и свѣтлыми, смѣющимися глазами. Рѣдкіе волосы, мягкіе, какъ степной ковыль, просвѣчивали до темени. Ему было уже за тридцать лѣтъ. Но еще столько нѣжнаго, добродушнаго, дѣтскаго проглядывало въ этихъ чертахъ, что нельзя было не полюбить его сразу. Разсѣянный до невѣроятности, онъ вѣчно суетился, бѣгалъ, искалъ чего-то; но никогда для себя,—всегда для другихъ.

— Жаль, Петровскій, вы немножко опоздали! сказалъ Чибезовъ, когда усѣлись оба художника.

— А что? спросилъ Петровскій, какъ бы нехотя поворачивая голову..

— Да у насъ тутъ былъ споръ; вотъ они, присовокупилъ Чибезовъ, указывая на Андреева, который побагровѣлъ до ушей и приподнялся, какъ бы желая уйти,—они утверждали...

— Нѣтъ, куда-жъ вы? Полноте, перебилъ Сидоренко, удерживая Андреева,— погодите еще; во-первыхъ, споръ нашъ еще не оконченъ...

— Помилуйте, господа! возразилъ Андреевъ, смѣясь, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря такимъ тономъ, который ясно показывалъ, что онъ не намѣренъ продолжать разговоръ,— я вовсе не спорилъ съ вами...

— Нѣтъ, но вызывали на споръ, что почти одно и то

Digitized by Google

же. Вы, кажется, отвергали движеніе въ картинѣ, прибавилъ насмѣшливо Чибезовъ.

— Если вы непремѣнно этого хотите, спокойно отвѣчалъ Андреевъ, — я и теперь повторяю, что изображеніе сильныхъ движеній въ картинѣ не есть необходимость...

— Ну, ну, извольте, докажите это... смѣясь перебилъ Сидоренко.

— Да, сильныя движенія уже потому не выгодны въ картинѣ, продолжалъ Андреевъ, — что какъ бы ни было живо передано движеніе, — воображеніе зрителя всегда будетъ въ какомъ-то недовольномъ ожиданіи, всегда опередитъ, и, слѣдовательно, пересоздастъ по-своему мысль художника... Мнѣ кажется, продолжалъ Андреевъ, робко взглянувъ на Петровскаго, который неожиданно повернулся къ нему лицомъ и сталъ внимательно вслушиваться, — мнѣ кажется, нельзя не согласиться, что, при видѣ бѣгущихъ, испуганныхъ лицъ въ картинѣ, воображенію остается еще работа: невольно ждешь, когда и чѣмъ разрѣшится это движеніе. Кромѣ того, движеніе отвлекаетъ часто вниманіе зрителя отъ истинныхъ, болѣе достойныхъ красотъ художественнаго произведенія...

— Прекрасно! прекрасно! воскликнулъ Борисовъ, внезапно бросаясь къ Андрееву и пожимая ему руку.—Какъ, господа! неужели вы спорите противъ этого? Они... (извините, пожалуйста, я не имѣю чести съ вами быть знакомымъ, но это все равно) они совершенно справедливо замѣтили...

Тутъ Чибезовъ, Сидоренко и Вахрушевъ лукаво подмигнули Петровскому, но тотъ, вмѣсто отвѣта, сурово нахмурилъ брови и повернулся съ участіемъ къ Андрееву.

— Сдѣлайте милость, подхватилъ Борисовъ, подбѣгая снова къ Андрееву, — пожалуйста, продолжайте вашъ споръ... Отлично, отлично...

Взглядъ Чибезова не ускользнулъ отъ Андреева; въ другомъ случаѣ, робость и непривычка къ спорамъ заставили бы его снести подмигиваніе Чибезова и компаніи, но искреннее, добродушное заступничество Борисова и, еще болѣе, участіе Петровскаго въ его пользу, придали ему духу. Онъ взросъ на своихъ художественныхъ убѣжденіяхъ, вѣровалъ въ нихъ, и какъ молодой дебютантъ, сробѣвшій при первомъ выходѣ, но поддержанный, смѣло обратился къ Чибезову и сказалъ ему довольно рѣзко:

- Вотъ вы, господинъ Чибезовъ, говорили, что хотите

писать „Паденіе Ниневіи“, скажите, пожалуйста, что̀ вамъ за охота?

— Отчего жъ? возразилъ Чибезовъ насмѣшливо,—что жъ, развѣ это также недостойный сюжетъ для картины?..

Улыбка, пробѣжавшая по губамъ Петровскаго, и смѣющіяся, прыгающія отъ удовольствія щеки Борисова, придали Андрееву еще болѣе бодрости.

— Я не говорю этого, сказалъ онъ, — картина ваша можетъ быть очень хороша въ отношеніи исполненія,— да что жъ изъ этого? пожалѣешь только время, употребленное на нее „даровитымъ“ художникомъ.

— Какъ! почему? спросилъ Чибезовъ, разглаживая вихры и хмуря лобъ.

— Живопись, по-моему, такое трудное искусство,—усовершенствованіе въ немъ достигается только такими усиліями, что нельзя жертвовать имъ для изображенія безусловно всего того, что видишь въ природѣ на каждомъ шагу или вычитываешь изъ книгъ. Нѣтъ, продолжалъ онъ, ободряемый болѣе и болѣе взглядами Петровскаго,— нѣтъ, предметомъ живописи должно служить изображеніе одной только идеальной, поэтической стороны природы— такихъ красотъ, передъ которыми бы въ восторгѣ останавливался зритель, чувствуя себя побѣжденнымъ силою высокаго, творческаго воображенія художника. Какое было бы тогда превосходство художника надъ толпою, что̀ бы онъ значилъ, если бъ могъ только передавать на полотнѣ то, что̀ каждый легко въ состояніи себѣ представить...

— Браво! брависсимо! кричалъ Борисовъ, суетясь вокругъ Андреева и пожимая ему восторженно руки.

Петровскій пересталъ ѣсть и весь обратился въ слухъ.

— Я сужу по собственнымъ впечатлѣніямъ, продолжалъ Андреевъ воодушевляясь, — я былъ много разъ въ Эрмитажѣ, и, признаюсь, на меня до сихъ поръ ни однѣ картины не производили такого впечатлѣнія, какъ тѣ, гдѣ изображенъ покой. Возьму, хоть для примѣра, Мадонну д'Альба, Рафаэля; тутъ воображенію, побѣжденному высокими красотами, ровно дѣлать нечего, — стоишь въ какомъ-то упоеньи, увлеченный весь идеаломъ формъ, граціею... Тутъ въ каждой головкѣ, въ каждомъ слѣдкѣ, въ пейзажѣ даже, съ его цвѣточками и облаками, виденъ великій поэтъ-художникъ, искавшій вездѣ и во всемъ одно идеально-прекрасное!..

Борисовъ неистово хлопалъ въ ладоши.

Digitized by Google

— Возьмите теперь пейзажную живопись или морскую (я все защищаю свою мысль противъ движенія въ живописи). Скажите сами, господа, что̀ сильнѣе дѣйствуетъ на васъ: буря ли, бѣгущіе валы и облака, или затишье въ минуту чистаго свѣтлаго утра, когда тихо свѣтитъ мѣсяцъ въ синемъ, прозрачномъ небосклонѣ?.. Одна картина Айвазовскаго передастъ лучше мою мысль, не знаю только, помните ли вы ее?.. Первый планъ изображаетъ холодную полосу моря; вода не шелохнется. Солнце еще не показалось. Небо чисто и прозрачно; на немъ ни облачка. Посреди моря плыветъ, едва качаясь, бочка; надъ бочкой медленно спускается какая-то темная морская птица, съ длинными ногами, — и только! Чудо! кажется, боишься дыханіемъ возмутить спокойствіе; стоишь и вполнѣ наслаждаешься именно потому, что воображеніе совершенно довольно и ничего не ждетъ... Нѣтъ, господинъ Чибезовъ! картины, изображающія груди обнаженныхъ женщинъ съ перламутровой кожей, перепутанныя драгоцѣнными тканями и жемчугами, облитыя неестественными лучами свѣта, похожими на бенгальскій огонь, недостойны кисти, точно такъ же, какъ изображеніе фраковъ, шлемовъ, париковъ, огня и дыма... Что̀ въ нихъ? Онѣ не производятъ благодѣтельнаго впечатлѣнія, не доставляютъ того мирнаго, чистаго, эстетическаго наслажденія, которое и составляетъ цѣль изящныхъ искусствъ. Я, по крайней мѣрѣ, всегда пройду мимо такихъ произведеній и съ любовью остановлюсь передъ скромнымъ пейзажемъ.

Андреевъ остановился. Всѣ присутствующіе встали однимъ движеніемъ и подошли къ нему. Борисовъ бросился обнимать его. Петровскій быстро приподнялся съ своего мѣста и протянулъ ему руку.

Въ эту самую минуту, огромная толпа художниковъ, съ крикомъ и говоромъ, ворвалась на дворикъ Каролины Карловны. На минуту все смѣшалось въ общей суматохѣ. Когда Петровскій и Борисовъ обернулись къ Андрееву, его уже не было. Испугавшись минутнаго своего увлеченія (Андреевъ, по многимъ причинамъ, долженъ былъ подавлять въ себѣ такія вспышки), онъ воспользовался всеобщей сумятицей, кинулся въ комнаты, подобралъ пальто и рисовальную книжку, сброшенную толпою, расплатился съ хозяйкой, и, полный еще тревожнаго волненія, направился быстрыми шагами къ Крестовскому острову.

Digitized by Google

V.

Встрѣча.

На Крестовскомъ есть, или, по крайней мѣрѣ, было въ то время, одно чудесное мѣсто,—это оконечность острова, обращенная къ Финскому заливу. Крестовскій, начинающійся великолѣпнымъ паркомъ, покрытымъ мохнатыми, раскидистыми и тучными купами зелени, между которыми змѣятся тоненькія желтыя дорожки, мелькаютъ свѣтлыя лужайки и маленькое озеро, — постепенно бѣднѣетъ и суживается, приближаясь къ морю. У моста, ведущаго на Крестовскій, паркъ почти прерывается; отъ него остается всего-на-все одна лишь дорожка, которая продолжаетъ островъ. Мѣстами, высокіе кусты, идущіе по обѣимъ сторонамъ дорожки, составляютъ надъ ней темный сводъ и непроницаемую стѣну зелени, мѣстами расходятся и позволяютъ различать—слѣва Малую Невку и противоположный берегъ, покрытый коренастыми соснами; справа—другой рукавъ Невы, за нимъ огороды и пустынное, кочковатое болото. Наконецъ, дорожка исчезаетъ, сырѣетъ, сглаживается съ почвой и неожиданно кончается пучкомъ вѣковыхъ, сѣровато-синихъ елей. Тутъ собственно кончается островъ, для обыкновеннаго гуляльщика; но гуляльщикъ любопытный, наблюдательный, не пропуститъ случая заглянуть за эти ели—и, право, хорошо сдѣлаетъ. За ними, непосредственно послѣ маленькаго песчанаго обрыва, исполосованнаго корнями, обмытыми вокругъ водою, остается всего-на-все нѣсколько аршинъ песку, образующаго, въ соприкосновеніи съ водою, тысячу крошечныхъ мысовъ и впадинъ. Впереди разстилается на неглядное пространство серебристый заливъ. Слѣва берегъ давно уже кончается, и только справа, сквозь дымчатый, лиловый паркъ, сѣрѣетъ плоскій берегъ Финляндіи. Кругомъ царствуетъ тишина невозмутимая; сюда уже не доходитъ шумъ заселенной части сосѣднихъ острововъ.

Андреевъ давно зналъ это мѣсто. Группа столѣтнихъ елей, брошенныхъ на произволъ судьбы, казалась ему всегда выгоднымъ этюдомъ. Покинувъ Юргенсъ, онъ отправился прямо туда, согласно съ планомъ, обдуманнымъ еще поутру. Но, несмотря на то, что прошло довольно много времени съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ художниковъ, онъ, повидимому, не прикоснулся даже къ рисовальной

Digitized by Google

книгѣ. Очиненный карандашъ показывалъ остріе свое между закрытыми листами книжки, лежавшей подлѣ. Самъ онъ сидѣлъ на пескѣ и, прислонясь локтемъ, разсѣянно глядѣлъ на море. Въ задумчивости его не было, однакожъ, грусти. Онъ, казалось, съ какою-то гордостью припоминалъ сцену у Юргенсъ. Горячая, восторженная голова его создавала самые великолѣпные планы. Счастливо настроенный встрѣчею съ Петровскимъ, онъ уносился воображеніемъ въ міръ искусства; передъ нимъ раскрывалась дружба Петровскаго, академія, а тамъ, кто знаетъ!— можетъ-быть, Италія!.. извѣстность!.. Но вдругъ, какъ бы испугавшись высоты, на которую занесло его воображеніе, онъ останавливался посреди воздушнаго полета, соображая разстояніе отъ земли или дѣйствительности. Лицо его внезапно отуманивалось. Но, вообще, это продолжалось не долго; онъ подымалъ глаза и снова свѣтлыя мечты несли его въ безпредѣльное пространство... А, между тѣмъ, приближался вечеръ. Солнце садилось. Заливъ и небо сливались въ одно багровое, пылающее зарево, перерѣзанное искристою полосою горизонта, въ которой висѣли паруса. Въ воздухѣ было такъ тихо, что можно было различать крики рыбаковъ съ отдаленной тони, подымавшейся, помощью длинныхъ свай своихъ, какъ журавль надъ поверхностью моря. Пробуждаемый чудною картиной, Андреевъ примирялся съ дѣйствительностью. Отбросивъ мечты, онъ жадно вслушивался въ тихій плескъ воды, въ едва внятный говоръ рыбаковъ, въ отдаленные звуки колокола, мѣрно звучавшіе съ какой-то фабрики, и мало-по-малу весь отдавался стройной гармоніи потухающаго вечера.

Внезапно ему послышались шаги. Онъ проворно обернулся назадъ. Но каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ надъ обрывомъ фигуры Петровскаго и Борисова.

— А, вотъ онъ, нашъ бѣглецъ! вотъ онъ, закричалъ Борисовъ, прыгнувъ съ обрыва на песокъ. — Ахъ, голубчикъ вы мой, продолжалъ онъ, торопливо подбѣгая къ Андрееву,—куда это вы отъ насъ скрылись? Ужъ я искалъ, искалъ... Ну, радъ, радъ, что встрѣтилъ... А мы вотъ только что о васъ говорили съ Петровскимъ; да скажите же, какими судьбами вы здѣсь очутились?

— Я нарочно пришелъ сюда; я люблю это мѣсто, отвѣчалъ Андреевъ, радостно пожимая ему руку.

— Какъ видно, мнѣ съ вами и въ этомъ суждено сой-

Digitized by Google

тись, весело сказалъ Петровскій, протягивая ему руку,— три года тому назадъ, я приходилъ сюда почти каждый день; я даже сдѣлалъ нѣсколько этюдовъ этихъ елей, присовокупилъ онъ, протягивая руку къ коренастымъ пнямъ, охваченнымъ послѣдними лучами солнца и казавшимся въ эту минуту какъ будто вылитыми изъ золота,— и вотъ теперь, по старой памяти, завернулъ сюда, и такъ кстати... Чудный вечеръ! продолжалъ Петровскій, снявъ шляпу, проводя ладонью по волосамъ и обращаясь къ морю, — чудный вечеръ! Нѣтъ! заключилъ онъ, бросаясь на песокъ,—напрасно бранятъ нашу петербургскую природу... Какъ будто природа, самая скудная и бѣдная, не имѣетъ своей прелести и поэзіи, — блаженъ тотъ, кто умѣетъ отыскать ее...

Слабый крикъ, раздавшійся въ эту минуту подлѣ, заставилъ его оглянуться въ ту сторону.

— Превосходно! отлично! кричалъ Борисовъ, потрясая рисовальною книжкою Андреева, — я тебѣ говорилъ, Петровскій, я тебѣ говорилъ! это не могло быть иначе...

Андреевъ протянулъ было руку, но Борисовъ предупредилъ его, проворно подвернулъ листы книжки и показалъ Петровскому рисунокъ карандашомъ, изображавшій опрокинутое дупло, перепутанное косматыми травами, нѣсколько кустовъ позади и клочокъ бурнаго неба. У Андреева дрогнуло сердце.

— Очень, очень хорошо, сказалъ, наконецъ, Петровскій, отрывая глаза отъ рисунка и обращая ихъ къ Андрееву, у котораго занималось дыханіе.

— Я тебѣ говорилъ, я тебѣ говорилъ! радостно повторялъ Борисовъ.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ вы учились? спросилъ Петровскій съ замѣтнымъ любопытствомъ.

— Нигдѣ... то-есть почти нигдѣ, отвѣчалъ Андреевъ полусмущеннымъ, полувеселымъ голосомъ.

— Странно! сказалъ Петровскій, — въ такомъ случаѣ, поздравляю васъ: вашъ карандашъ можетъ смѣло поспорить съ карандашомъ лучшихъ нашихъ молодыхъ академиковъ.

— Это мнѣ нравится! горячо перебилъ Борисовъ, — а я скажу вамъ, что никто у насъ изъ молодыхъ художниковъ не нарисуетъ такъ съ натуры, да-съ! скажу это хоть передъ кѣмъ угодно, хоть въ глаза скажу всѣмъ и каждому—да-съ!

Digitized by Google

Тутъ взялъ онъ съ недовольнымъ видомъ альбомъ изъ рукъ Петровскаго и снова принялся разсматривать рисунки.

— Но вы, по крайней мѣрѣ, много работали? продолжалъ спрашивать Петровскій, не отрывая удивленныхъ глазъ отъ Андреева, который чуть не прыгалъ отъ радости.

— Да, я довольно много работалъ, отвѣчалъ онъ, — особенно прежде... теперь мнѣ почти нѣтъ времени...

Борисовъ поднялъ голову и нетерпѣливо воткнулъ локти въ песокъ.

— Какъ, нѣтъ времени? чѣмъ вы занимаетесь?..

— Извините, нескромный вопросъ, но мнѣ не менѣе удивительно, сказалъ Петровскій, — я хотѣлъ бы знать, чѣмъ можете вы заниматься, кромѣ рисованья, достигнувъ уже такой степени?..

— Я служу, отвѣчалъ Андреевъ.

— Какъ! вскричалъ Борисовъ, вскакивая со своего мѣста, — э! голубчикъ, э! бросайте весь міръ и ступайте въ академію!

— Къ несчастію, этого нельзя сдѣлать, возразилъ Андреевъ, подавляя вздохъ.

— Э! полноте! какія обстоятельства могутъ быть въ ваши лѣта, голубчикъ! воскликнулъ Борисовъ, горячась не на шутку. — Вотъ смотрите: мнѣ далеко за тридцать, а люблю искусство,—все пошло къ сатанѣ, все бросилъ,— корка хлѣба, оборванное пальто, шляпенка — и больше ничего не надо, лишь бы было на полотно и краски... Полноте, дружокъ, бросьте все, ну, какія обстоятельства, какія? продолжалъ онъ, наступая съ жаромъ.

— Полно, Борисовъ, сказалъ Петровскій, качнувъ головою и указавъ украдкою на Андреева, который молчаливо сидѣлъ на пескѣ.—Послушайте, прибавилъ онъ, взявъ за руку молодого человѣка, — если обстоятельства заставляютъ васъ идти по другой дорогѣ, если это неизбѣжно, — по крайней мѣрѣ, не пренебрегайте искусствомъ, работайте... Кто знаетъ, можетъ-быть, со временемъ обстоятельства перемѣнятся, вы будете свободно располагать собою... Вы еще такъ молоды... У васъ есть талантъ; грѣшно имъ пренебрегать! Пожалуйста, не дѣлайте этого... Приходите ко мнѣ, я всегда буду радъ видѣться съ вами. Борисовъ, съ которымъ я живу, полюбилъ васъ съ пер[illegible]ча; въ немъ и во мнѣ найдете вы добрыхъ то-

Digitized by Google

варищей. Оба мы, если не пригодимся къ чему-нибудь другому, такъ будемъ стараться подбивать васъ къ работѣ.

— Господа! сказалъ Андреевъ, глядя на нихъ сіяющими глазами,—я не знаю, какъ благодарить васъ!.. Вы меня воскрешаете... Да, я буду работать, какъ бы ни были грустны мои обстоятельства, какъ бы они ни вредили мнѣ, я буду трудиться и не брошу искусства.

— Браво! браво! воскликнулъ Борисовъ, — ахъ, милый мой! продолжалъ онъ, бросаясь обнимать Андреева.—Петровскій! дай ему руку! онъ нашъ! Откладывать дѣло нечего: завтра же вы явитесь къ намъ въ мастерскую, принесете всѣ, всѣ ваши рисунки, всѣ до одного, и мы славно проведемъ день... такъ, что ли?

— Я такъ счастливъ, такъ счастливъ, что словъ не нахожу, какъ благодарить васъ, восторженно произнесъ Андреевъ.

— Покуда еще не за что, весело отвѣчалъ Петровскій.—Не забудьте только уговора: приносите съ собою, безъ выбора, всѣ ваши рисунки; послѣ того, что я видѣлъ, мнѣ очень любопытно было бы взглянуть на остальное... Пойдемте вмѣстѣ отсюда; кромѣ удовольствія идти вмѣстѣ, вы узнаете, гдѣ мы живемъ.

Сказавъ это, Петровскій взялъ подъ руку Андреева, Борисовъ подбѣжалъ съ другой стороны и вскорѣ всѣ трое очутились на дорожкѣ, ведущей къ Елагинскому парку.

Вечеръ смѣнился тихой, свѣтлой ночью. Темные кусты и деревья, озаренные сверху мѣсяцемъ, блиставшимъ между вѣтвями, начинали бросать сквозныя тѣни на дорожку. Небо было усѣяно звѣздами. Легкій вѣтерокъ, пробѣгая иногда между влажными листьями, производилъ нѣжный шелестъ, дополнявшій молчаливую гармонію ночи. Кругомъ было такъ тихо, что веселый говоръ трехъ молодыхъ людей раздавался звучными перекликами съ сосѣднихъ береговъ.

Андрееву было такъ легко на сердцѣ, какъ еще никогда не бывало. Подобно одинокому, осиротѣлому ребенку, обласканному въ первый разъ, ему стоило много усилій, чтобы не броситься на шею новымъ своимъ пріятелямъ. Онъ глядѣлъ на Петровскаго съ какимъ-то восторженнымъ напряженіемъ, прислушиваясь къ звуку его голоса, къ шуму его шаговъ и готовый въ эту минуту раскрыть передъ нимъ весь запасъ своихъ чувствъ и вѣрованій.

Digitized by Google

Надобно быть молодымъ, чтобы понять, сколько нѣжнаго, глубокаго чувства пробуждается иногда въ душѣ молодого человѣка, встрѣтившаго симпатичные порывы въ людяхъ, которые казались ему прежде недосягаемыми, холодными и совершенно чуждыми. Самъ Петровскій, вообще несообщительный, серьезный, чувствовалъ себя почему-то свободнымъ съ Андреевымъ. Въ словахъ его было столько простоты и непринужденности, какъ будто обращались они къ старому пріятелю.

— Ну, скажите же мнѣ теперь, Андреевъ! произнесъ Петровскій, послѣ того, какъ покинули они Тучковъ мостъ, съ котораго любовались видомъ Невы, освѣщенной мѣсяцемъ, — скажите мнѣ, только откровенно, пожалуйста, какъ понравилось вамъ общество нашихъ художниковъ у Юргенсъ?

— Какъ вамъ сказать... отвѣчалъ тотъ, — право не знаю... не очень...

— Я то же думаю, возразилъ Петровскій.

— Пожалуйста, голубчикъ! будьте впередъ осторожнѣе, сказалъ съ заботливымъ участіемъ Борисовъ,—они добрые ребята, но могутъ повредить вамъ; вы будете, Богъ дастъ, въ академіи (я даже увѣренъ въ этомъ), а тамъ не всѣ раздѣляютъ наши мысли.

— Разумѣется, вымолвилъ, Петровскій, — да вотъ чего же лучше: вы не успѣли уйти, какъ уже начали они трубить Богъ вѣсть что, насилу я и Борисовъ могли ихъ усовѣстить, особенно Вахрушевъ и Сидоренко... Въ чемъ другомъ они плохи, но распустить втихомолку нелѣпость— ихъ дѣло: общая черта всѣхъ пустыхъ головъ.

— Да! съ жаромъ возразилъ Борисовъ,—да, общая замашка пошляковъ безъ сердца и мозгу, пускающихъ съ самодовольною улыбкою тупую остроту свою навстрѣчу всякому благородному порыву души, какъ бы въ оправданіе тому, что сами они или отжили способность думать и чувствовать, или, вѣрнѣе, никогда не думали и не чувствовали!

— Скажите, господа! что же это за странный народъ? Что жъ они дѣлаютъ въ академіи; ну, напримѣръ, хоть Вахрушевъ и Сидоренко?

— Ровно ничего—живутъ себѣ сложа руки и ждутъ въ сладостномъ забвеніи первой золотой медали, то-есть то же, что моря погоды... Если хотите, я сообщу вамъ огическій очеркъ этихъ господъ, то-

Digitized by Google

есть Вахрушевыхъ, потому что не надо смѣшивать ихъ съ другими. Въ академіи, слава Богу, не всѣ на нихъ похожи...

— Пожалуйста, пожалуйста!..

— Во-первыхъ, нужно вамъ сказать, что всѣ эти Вахрушевы, незаконныя дѣти нашихъ музъ... Впрочемъ, не думайте, однакожъ, чтобъ вслѣдствіе этого музы, по примѣру иныхъ матерей, любили ихъ больше дѣтей законныхъ. Главное то, что вѣдь они, бо́льшею частію, насильно, своевольно навязываются въ дѣти музамъ. Похвалы на выставкѣ, обращенныя къ какой-нибудь картинѣ, знакомство съ художникомъ, который разскажетъ имъ, какъ живутъ русскіе художники въ Римѣ, или какъ пируютъ у Юргенсъ, подаетъ имъ первую мысль переступить порогъ академіи; но чаще всего соблазняетъ ихъ нашъ выпускной экзаменъ. Торжественность при раздачѣ медалей, звукъ цимбалъ, шумъ, который раздается, когда произносятъ имя художника, удостоившагося медали, — все это рѣшаетъ судьбу ихъ. Въ наше время особенно сильно возбуждаетъ такую рѣшимость успѣхъ К. П. Брюлова... не правда-ли, Борисовъ?

— Какъ же, помилуй, братецъ! весь гипсовый классъ на половину набитъ такими господами; я самъ многихъ знаю: тутъ есть и чиновники, и матушкины сынки, никогда не думавшіе прежде объ искусствѣ...

— Да, успѣхъ „Послѣдняго дня Помпеи“ многимъ вскружилъ голову, перебилъ Петровскій;—разумѣется, восторженная настроенность продолжалась недолго. „Послѣдняго дня Помпеи“ не удалось имъ написать въ первые два мѣсяца,—тѣмъ дѣло и кончилось. Съ академіею имъ не зачѣмъ было, однакожъ, разставаться,—художники народъ веселый. И, въ самомъ дѣлѣ, не Богъ знаетъ какъ трудно, лежа на диванѣ, создавать сотнями колоссальныя произведенія, особенно когда батюшка или матушка, настроенные сынкомъ,—видя въ немъ (все-таки, судя по успѣху Брюлова) новаго Микель-Анджело, который много-много если не черезъ два года получитъ заказовъ на полмилліона,—снабжаютъ его деньжонками. Итакъ, нашъ художникъ посѣщаетъ классы, но не ради другого чего, какъ чтобы находиться среди толпы веселыхъ товарищей, ни дать ни взять съ тою же цѣлью, какъ наши барыни ѣздятъ въ театръ. Въ классѣ время проходитъ у него не совсѣмъ, однакожъ, праздно: онъ подмѣчаетъ, какая у

Digitized by Google

профессора палка и шляпа, какъ онъ говоритъ и ходитъ. Черезъ нѣсколько времени, смотришь, и у него появилась такая же шляпа и палка; говорилъ онъ прежде чисто,— слушаешь, теперь гнуситъ или картавитъ. Они вообще заражены мыслію, что художникъ долженъ непремѣнно отличаться чѣмъ-нибудь оригинальнымъ. Для достиженія этого не щадятъ они дѣятельности. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, они покоятся въ сладкомъ far-niente, то-есть ровно ничего не дѣлаютъ. Этюды ихъ — постоянно самые плохіе и безцвѣтные, точно такъ же, какъ рисунки и эскизы, хотя на послѣднихъ никогда не бываетъ менѣе двадцати фигуръ, и содержаніе всегда сложно и замысловато.

— А между тѣмъ, замѣтьте, господа! перебилъ Борисовъ,—никто изъ истинныхъ художниковъ не говоритъ съ такимъ жаромъ объ искусствѣ...

— Это еще, впрочемъ, лучшая ихъ сторона, отвѣчалъ Петровскій,—это доказываетъ, что въ нихъ есть по крайней мѣрѣ совѣсть...

— Какъ! Какимъ образомъ?..

— Очень просто. Толкуя всѣмъ и каждому съ преувеличеннымъ энтузіазмомъ объ искусствѣ, они думаютъ оправдать въ чужихъ глазахъ свою лѣнь и тунеядство. Послушайте любого изъ нихъ; у каждаго тысяча самыхъ похвальныхъ замысловъ, плановъ, проектовъ, картоновъ, программъ и эскизовъ... (замѣтьте къ тому, что размѣръ предполагаемыхъ совершенствъ искусства не бываетъ менѣе двухъ, трехъ саженъ). Для исполненія великихъ своихъ замысловъ, ждутъ они обыкновенно весны или лѣта,— это уже всегда такъ водится; въ ожиданіи этого времени, они проводятъ мѣсяцы въ соображеніяхъ о цѣнѣ красокъ, полотна, натурщика и особенно натурщицы... Наступило лѣто, и уже сыплются всевозможныя проклятія на петербургскую природу: небо сѣро—писать нельзя; лѣто проходитъ, они ничего не дѣлали, и работа откладывается до счастливой минуты, когда первая золотая медаль откроетъ имъ путь въ Италію. Въ послѣднемъ они всѣ рѣшительно увѣрены. Они думаютъ единодушно, что уже довольно родиться отъ какой-нибудь Анны Семеновны, чтобы получать лишнія права противъ другихъ. Въ сужденіяхъ своихъ они строже всякаго другого маститаго, опытнаго профессора. Не зная труда, съ какимъ дается совершенствованіе, имъ все кажется легкимъ. По этому

Digitized by Google

самому, художника-труженика называютъ они бездарнымъ нѣмцемъ; оконченная картина отзывается для нихъ сухостію или „конопаткою“, какъ они говорятъ: „лѣпки“ нѣтъ, „плановъ, размаху“ и т. д. Такіе отзывы не мѣшаютъ имъ, однакожъ, завидовать всякому произведенію (безъ „плановъ и лѣпки“), если только оно имѣло успѣхъ. Успѣхъ приписывается тогда случаю... О! я ихъ хорошо знаю!..

— Ну, я также могу этимъ похвалиться, хотя они мнѣ никогда и не завидовали, возразилъ Борисовъ.

— Сколько общій трудъ и общая цѣль способны соединить людей, продолжалъ Петровскій,—столько же общее тунеядство, лѣнь и бездарность сближаютъ этихъ господъ другъ съ другомъ. Нигдѣ, быть можетъ, духъ товарищества не преобладаетъ такъ сильно. И не мудрено: тамъ, гдѣ связь ограничивается однѣми мечтами, сладкими грёзами да попойками, зависти и другимъ разъединяющимъ чувствамъ нѣтъ мѣста. Но самолюбіе,—котораго у нихъ, какъ вообще у всѣхъ людей, не имѣющихъ на него ровно никакого права, очень много,—не даетъ имъ покоя. Но какъ и чѣмъ взять? Отсюда эта аффектація въ одеждѣ, какъ, напримѣръ, у Вахрушева, если вы замѣтили, или у Сидоренко...

— Я самъ слышалъ, какъ Сидоренко говорилъ, размазывая пальто кистью: „чтобъ сразу, по крайней мѣрѣ, былъ виденъ художникъ, чортъ побери!“ заключилъ, смѣясь, Борисовъ.

Разговаривая такимъ образомъ, всѣ трое незамѣтно почти очутились у академіи. Тутъ Петровскій и Борисовъ разстались съ Андреевымъ, напомнивъ ему вторично обѣщаніе принести завтра рисунки и провести вмѣстѣ день.

— Да не забудьте ни одного клочка бумажки, смотрите, и приходите какъ можно раньше: мы васъ ждемъ, и кофейку сваримъ! крикнулъ Борисовъ, неожиданно выглядывая изъ калитки.

Но Андреевъ былъ уже далеко. Онъ бѣжалъ, подпрыгивая по мостовой и благословляя счастливый день, давшій ему такихъ пріятелей, какъ Петровскій и Борисовъ.

VI.

Мастерская.

„Идти мнѣ сегодня въ должность? Да или нѣтъ?“—Съ такимъ вопросомъ проснулся Андреевъ, полный свѣтлыхъ

Digitized by Google

впечатлѣній вчерашняго вечера.—„Нѣтъ, не пойду!“ заключилъ онъ, окончательно раскрывая глаза. „Что ни говори крестный отецъ, а исправнѣе меня нѣтъ у него покуда подчиненнаго... Въ полтора года я, кажется, всего два раза не явился на службу, да и то по болѣзни. Я хочу, чтобъ нынѣшній день ничто не омрачало; чтобъ былъ онъ такъ же хорошъ, какъ вчерашній“. Андреевъ одѣлся торопливо, выпилъ стаканъ чаю, и принялся собирать рисунки. Не утаивъ ни одного клочка бумаги, онъ заперъ за собою дверь, отдалъ ключъ Варварѣ Гавриловнѣ и выбрался изъ дому.

Нечего говорить, какъ длиненъ показался ему путь отъ Новыхъ мѣстъ до Васильевскаго острова и до воротъ академіи. Разспросивъ у сторожа, какъ и куда пройти въ мастерскую Петровскаго, Андреевъ очутился вскорѣ въ длинномъ, внутреннемъ коридорѣ, огибающемъ вокругъ все зданіе академіи художествъ. Тутъ, однакожъ, сердце какъ будто нѣсколько измѣнило ему. Каждый шагъ, каждый взглядъ давалъ чувствовать Андрееву неизмѣримое разстояніе, которое находилось между настоящимъ его положеніемъ и тѣмъ, что его окружало. Проходя поминутно мимо дверей, на которыхъ были начертаны имена знаменитыхъ художниковъ и профессоровъ, Андреевъ останавливался, пронятый насквозь нерѣшительностью и страхомъ.—„Сколько таланту, неусыпныхъ трудовъ, силы воли и, наконецъ, случая или счастливой обстановки нужно было, чтобы достигнуть извѣстности и славы!“ подумалъ Андреевъ. Мысль эта отнимала у робкаго его сердца послѣднюю увѣренность и силу.

Какъ путникъ, внезапно очутившійся посреди необъятно-громадной картины природы, онъ чувствовалъ все свое ничтожество въ виду именъ, гремѣвшихъ чуть ли не во всей Европѣ. Онъ бросилъ на длинный свертокъ своихъ рисунковъ грустный, безотрадный взглядъ,—взглядъ, какой бросаетъ нѣжная мать на дѣтище, оказавшееся слабымъ и никуда не способнымъ, тогда какъ она, бѣдная, увлеченная къ нему всѣми своими чувствами, возложила на него всѣ свои мечты и надежды. Съ такими чувствами постучался онъ нетвердою рукою въ клеенчатую дверь съ надписью мѣломъ: „Мастерская художника Петровскаго“.

— А, голубчикъ! закричалъ Борисовъ, отворяя дверь, обнимая Андреева и вталкивая его въ мастерскую, что

Digitized by Google

дѣлалось въ одно и то же время,—а мы ужъ думали, вы заспесивились и не придете, ну, ну... э! какой славный, честный свертокъ, присовокупилъ онъ, взявъ въ руки свертокъ и поднимая его надъ головою, — я тебѣ говорилъ, Петровскій, я тебѣ говорилъ... ну, ну, посмотримъ...

— Полно, Борисовъ! дай ему, братецъ, отдохнуть, сказалъ Петровскій, укладывая на деревянный табуретъ палитру и кисти. —Здравствуйте, Андреевъ! здравствуйте, продолжалъ онъ привѣтливо,—очень радъ васъ видѣть.

Тутъ Петровскій подошелъ къ пришедшему и съ радостнымъ чувствомъ подалъ ему обѣ руки. Послѣ первыхъ привѣтствій съ той и другой стороны, и пока Борисовъ хлопотливо приставлялъ къ свѣту столъ и стулья, освобождая ихъ отъ хлама, неизбѣжнаго спутника всѣхъ художниковъ, Андреевъ окинулъ жаднымъ взглядомъ мастерскую.

Она состояла изъ очень высокой, квадратной комнаты темно-кирпичнаго цвѣта, выходившей на уголъ и освѣщенной съ каждой стороны угла однимъ огромнымъ окномъ, закругленнымъ сверху. Окно налѣво было занавѣшено съ средины до низу красноватымъ коленкоромъ, прибитымъ гвоздями и падавшимъ густыми, пыльными складками на полъ, заваленный на этомъ мѣстѣ разбитыми гипсами, черепками и рамами. Другое окно было цѣликомъ закрыто старымъ клѣтчатымъ одѣяломъ, и заставлено сверхъ того папками и этюдами, обращенными лицомъ къ стеклу. Свѣтъ изъ перваго окна, оставленный сверху, падалъ косыми голубыми лучами прямо на картину, поставленную на мольбертъ и перегораживавшую комнату на двѣ половины. Большей части мастерской сообщался поэтому какой-то горячій, желтоватый полусвѣтъ, часто встрѣчаемый на фламандскихъ картинахъ. Въ этомъ полусвѣтѣ, на темныхъ стѣнахъ, мелькали гипсовыя головы, суровыя и улыбающіяся, угловатыя и граціозныя, маски, члены, гравюры, полотна, палитры; выгнутый шиворотъ-навыворотъ манекенъ выглядывалъ подлѣ, изъ чернаго угла, вмѣстѣ съ оборванными лохмотьями шаманскаго костюма, висѣвшими на гвоздикѣ, и посреди всего этого безпорядка спокойно вырѣзывалась строгая гипсовая фигура Германика, поставленная на деревянные подмостки и причудливо раздрапированная синею шерстяною матеріей. Въ углу, противъ картины, стояла узенькая сосновая постель Петровскаго; къ подушкамъ примыкалъ

Digitized by Google

столъ; на немъ, вмѣстѣ съ подсвѣчникомъ, чернильницею и бумагами, лежала „Иліада“, нѣсколько чертежей Флаксмана и цѣлая кипа старыхъ гравюръ съ Рафаэля, Пуссена и Лесюера. Часть комнаты позади картины принадлежала Борисову. Тутъ уже безпорядку конца не было. Одежда, краски, склянки съ масломъ, кисти, кончики сигаръ, сапоги,—все мѣшалось вмѣстѣ, какъ въ винегретѣ. Лучъ солнца, скользнувшій поверхъ картины Петровскаго, проникалъ въ этотъ хаосъ и, изломавшись, какъ молнія, по стѣнѣ, игралъ и дробился на стаканѣ съ прилипшимъ къ боку обрѣзкомъ лимона, кофейникѣ, бутылкахъ и горшкахъ, устилавшихъ поверхность небольшой желѣзной печки, служившей Борисову вмѣсто ночного столика. Посреди владѣній Борисова возвышался долговязый мольбертъ, уставленный въ одно время нѣсколькими пейзажами, одинъ на другой. Уголъ этотъ, ни дать ни взять, былъ вѣчно похожъ на прихожую женатаго художника въ минуту пожара, несмотря на суеты и хлопоты бѣднаго Борисова, проводившаго день-деньской въ уборкахъ и приведеніи всего въ лучшій, строжайшій порядокъ.

Дѣло въ томъ, что на Борисовѣ лежала хозяйственная часть мастерской, какъ-то: варенье кофе, подогрѣваніе воды, починка, штопка и проч. Надѣленный природою небольшими способностями, но весь преданный любви къ искусству и Петровскому (что для него составляло почти одно и то же), доходившей до фанатизма, добрый, какъ голубь или ягненокъ, Борисовъ ни за что въ свѣтѣ не хотѣлъ уступить хлопоты товарищу и постоянно метался, какъ маятникъ, отъ начатой картины къ кофейнику, отъ ящика красокъ къ печкѣ или иголкѣ. Послѣднее время особенно сбивало съ толку Борисова. Съ перваго же дня, какъ Петровскій началъ новую свою картину, Борисовъ принялъ на себя добровольно и съ самымъ добродушнымъ увлеченіемъ роль бабушки этой картины. Петровскій, страстно полюбившій свое произведеніе, далеко такъ не безпокоился о своемъ дѣтищѣ, какъ Борисовъ. Борисовъ ходилъ за картиною, какъ за ребенкомъ. Тысячу разъ на день подбѣгалъ къ ней, разглядывалъ, щупалъ, стиралъ пыль, щурилъ глаза, натиралъ ладонью лобъ докрасна и съ озабоченнымъ видомъ брался за собственную кисть. Сколько ни старался Петровскій успокоить своего товарища, онъ ровно ничего не могъ сдѣлать. Окинувъ

Digitized by Google

взглядомъ мастерскую, Андреевъ внезапно остановилъ глаза на картинѣ Петровскаго.

— Ага! ну что, каково мы пишемъ-съ?.. а? а? какъ вамъ нравится, дружокъ, эта картиночка? что вы скажете? говорилъ Борисовъ, обнимая Андреева и какъ бы благодаря его за восторженное выраженіе лица.

Картина изображала блуднаго сына, застигнутаго посреди угрюмаго стада, во время грозы и раскаянія. Андреевъ пожиралъ глазами каждый ударъ кисти, каждую черту.

— Думаю-съ! сказалъ Борисовъ, шутливо трепля его по плечу,—я думаю, любитель скажетъ намъ за нее спасибо?..

— Какой любитель? воскликнулъ Андреевъ.

— Любитель, заказавшій эту картину, продолжалъ Борисовъ, махая руками и не обращая вниманія на Петровскаго, который стоялъ позади и давалъ ему знаки молчать.—Петровскій, нужно вамъ сказать, крикнулъ Борисовъ,—получилъ нынѣшнею весною за „Агарь въ пустынѣ“ первую золотую медаль и долженъ былъ ѣхать въ Италію... да у Петровскаго, дружокъ мой, есть мать и сестра, которыхъ онъ хочетъ обезпечить на то время, какъ будетъ въ Италіи... вотъ потому-то онъ отложилъ поѣздку и принялъ заказъ одного любителя... Аллегорія недурна по этому поводу... а? блудный сынъ! Петровскій—блудный сынъ!.. Ну, а что вы скажете о Вахрушевѣ и Сидоренко?.. Я думаю, они не напишутъ лучше?..

Тутъ Борисовъ ухватился за бока и залился добродушнымъ своимъ смѣхомъ.

— Ну что, какъ вамъ, голубчикъ, понравилась наша мастерская, наше житье-бытье? продолжалъ Борисовъ, увлекая Андреева въ свой уголъ.

— Чудо! чудо! восклицалъ юноша, не зная, куда обратить глаза,—чудо! я даже съ наслажденіемъ вдыхаю въ себя этотъ воздухъ.

— Пропитанный терпентиномъ и красками! смѣясь присовокупилъ Борисовъ, — еще бы! запахъ этотъ долженъ быть точно такъ же милъ истинному художнику, какъ запахъ пороха настоящему воину, какому-нибудь кавказскому солдату!

Пока Борисовъ говорилъ, Петровскій откинулъ коленкоръ, занавѣшивавшій окно, придвинулъ къ нему столъ, приготовленный Борисовымъ, и разложилъ на немъ свертокъ Андреева. Андреевъ и Борисовъ подбѣжали къ столу.

Digitized by Google

— А! а! а!.. ну, ну!.. вотъ это ладно, посмотримъ, посмотримъ, говорилъ Борисовъ, прижимаясь къ Андрееву и потирая руки,—вотъ это дѣло,—что дѣло, то дѣло!..

— Можно? произнесъ Петровскій, обращаясь съ доброю улыбкою къ Андрееву и восторженно пожимая ему руку.— Но что̀ съ вами? присовокупилъ онъ, тревожно глядя ему въ лицо.

— Что̀ съ вами? повторилъ Борисовъ, испугавшись не на шутку безпокойству, показавшемуся внезапно въ чертахъ Андреева.

— Господа! отвѣчалъ юноша взволнованнымъ голосомъ, — до сихъ поръ я еще никому въ свѣтѣ не показывалъ своихъ рисунковъ; вы еще не знаете... Скажу вамъ откровенно: тутъ всѣ мои мечты, всѣ надежды... Ради Бога не шутите со мною, прибавилъ онъ, подымая на двухъ художниковъ смущенное лицо, — скажите мнѣ прямо, искренно ваше мнѣніе... Я цѣню ваши мнѣнія и пристрастный отзывъ можетъ увлечь меня... Кто знаетъ, ваши слова могутъ рѣшить судьбу мою, а я долженъ быть заранѣе твердо увѣренъ въ своихъ силахъ, чтобы пожертвовать настоящимъ положеніемъ и посвятить себя живописи... Въ противномъ случаѣ, я подвергаю гибели не только себя, цѣлое семейство... Ради Бога не шутите со мною и скажите правду!..

— Послушайте, Андреевъ! если это такъ, сказалъ Петровскій твердымъ голосомъ,—даю вамъ честное слово, что употреблю все свое вниманіе, всю свою опытность, все знаніе этого дѣла, и, отбросивъ въ сторону всѣ предразсудки, всѣ мелочи, скажу вамъ съ братской искренностью свое мнѣніе... Впрочемъ, вы можете быть увѣрены, что я не поступилъ бы иначе съ вами ни въ какомъ случаѣ: это мой обычай, прибавилъ онъ, расправляя брови и дружески пожимая ему руку.

— Клянусь вамъ честью! закричалъ въ свою очередь Борисовъ, но увидя, что лицо Андреева просвѣтлѣло, онъ взялъ его подъ руку и повелъ къ столу.

Петровскій развернулъ свертокъ. Всѣ нагнулись къ рисункамъ, и сердце Андреева снова забилось. Петровскій молча и медленно принялся пересматривать каждый рисунокъ, изрѣдка лишь прерываясь, чтобы взглянуть на Борисова, который поминутно бросалъ взгляды на Петровскаго и, уловивъ на лицѣ его одобрительное выраженіе, не могъ выдержать, чтобы не вскрикивать каждый разъ:

Digitized by Google

— Чудесно! превосходно! Я тебѣ говорилъ, Петровскій! я тебѣ говорилъ!..

Но когда рисунки пришли къ концу, Петровскій поспѣшно поднялся съ своего мѣста и подошелъ къ Андрееву.

— Вѣрите вы мнѣ? спросилъ онъ, глядя ему пристально въ лицо своими темными глазами.

— Вѣрю! твердо отвѣчалъ Андреевъ.

— Въ такомъ случаѣ, скажу вамъ, что у васъ такой талантъ, какого еще мнѣ не приводилось видѣть! Да, прибавилъ онъ,—какія бы ни были ваши обстоятельства,— смѣло жертвуйте всѣмъ для искусства, и вѣрно ни вы, ни ваше семейство не останетесь въ проигрышѣ... Чтобы разсѣять окончательно ваши сомнѣнія, позвольте мнѣ завтра же показать ваши рисунки нѣкоторымъ изъ нашихъ профессоровъ?.. Я заранѣе увѣренъ въ блистательномъ успѣхѣ... Тогда, послѣ этого, мы смѣло начнемъ дѣйствовать,— не такъ ли?

Андреевъ согласился во всемъ. Онъ не помнилъ себя отъ радости.

— Ну, Борисовъ, полно тебѣ обнимать его, сказалъ Петровскій,—успѣешь еще, теперь можно надѣяться, что часто приведется видѣться, — свари-ка намъ на радость кофею,—это будетъ лучше! вѣдь онъ у насъ хозяйка, Андреевъ,—вы еще этого не знали? смѣясь, присовокупилъ онъ, подмигивая на Борисова, который метнулся въ свой уголъ и загремѣлъ посудою.

Спустя нѣсколько времени, Петровскій раскрылъ передъ Андреевымъ всѣ свои папки, показалъ ему всѣ свои эскизы, этюды и эстампы. Слѣдствіемъ этого было то, что Петровскій окончательно растерялся въ заключеніяхъ своихъ насчетъ молодого человѣка. Свѣдѣнія послѣдняго въ изящныхъ искусствахъ, очевидно, превосходили его практическія познанія. Встрѣчая эстампы съ великихъ мастеровъ, онъ толковалъ о нихъ, какъ бы вѣкъ былъ окруженъ ими. Различіе школъ, біографическія замѣчанія, — онъ ни передъ чѣмъ не останавливался.

— Послушайте, Андреевъ, сказалъ, наконецъ, Петровскій, послѣ минутнаго молчанія, окидывая молодого человѣка удивленными глазами, — я вѣрю, что съ большимъ природнымъ талантомъ можно совершенствоваться безъ сторонняго пособія, можно даже сдѣлать значительные успѣхи, — но скажите, Бога ради, какимъ образомъ... от-

Digitized by Google

куда вы знаете все это?.. присовокупилъ онъ, указывая на кипы эстамповъ, разбросанныхъ по столу.

— Что жъ тутъ удивительнаго?.. произнесъ, краснѣя, Андреевъ.

— Я тебѣ говорилъ, я тебѣ говорилъ! крикнулъ Борисовъ, неожиданно высовывая голову изъ-за картины и размахивая руками, обнаженными до локтей.

— Какъ, что удивительно! возразилъ Петровскій.—Вы вѣроятно не знаете еще, какое чудо встрѣтить между нами человѣка съ артистическимъ образованіемъ,—но это уже другой вопросъ—скажите пожалуйста, гдѣ вы воспитывались?

— Нигдѣ.

— Можетъ ли быть?

— Серьезно.

— Тогда вы, вѣроятно, съ тѣхъ поръ, какъ ходить начали, до настоящаго времени прожили въ Эрмитажѣ или въ какой-нибудь значительной галлереѣ, наполненной, кромѣ картинъ, эстампами и книгами...

— Въ Эрмитажѣ я былъ всего три раза, смѣясь отвѣчалъ Андреевъ,—времени не было бывать чаще,—наконецъ, я вовсе и не жилъ въ Петербургѣ.

— Гдѣ же?

— Въ провинціи.

— Вы давно здѣсь?

— Скоро два года.

— У меня просто руки отнимаются! Помилуйте, я очень хорошо знаю нашу провинцію: тамъ трудно чему-нибудь научиться; если бъ вы обнаружили богатыя познанія въ собачьихъ породахъ, въ разыскиваніи заячьихъ или волчьихъ слѣдовъ, въ лошадиныхъ мастяхъ,—я бы легко вамъ повѣрилъ;—но, получить въ провинціи свѣтлыя понятія о художествахъ... согласитесь сами...

— Васъ, вѣроятно, еще больше удивитъ, если скажу вамъ, что всему этому способствовала бѣдная провинціальная дѣвушка...

— Что вы говорите?

— Я тебѣ говорилъ, Петровскій, что тутъ что-нибудь да есть такое... закричалъ Борисовъ, показываясь изъ-за картины съ кофейникомъ въ рукахъ.

— Да,—сестра моя, сказалъ Андреевъ.

— Вы простите мнѣ мое любопытство?

Digitized by Google

— Разскажите, голубчикъ, разскажите, дружокъ, заговорилъ Борисовъ, подбѣгая торопливо къ гостю.

— Исторія не очень веселая, началъ со вздохомъ Андреевъ.—Нужно вамъ сказать, что отецъ мой служитъ въ уѣздномъ городѣ. Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, кромѣ службы, онъ занимался еще дѣлами одной знатной барыни; имѣнье ея находилось въ пяти верстахъ отъ нашего города. Мы были еще тогда дѣти, т.-е., мнѣ только что минулъ шестой годъ, сестрѣ—двѣнадцатый. У меня есть еще двѣ сестры, — но тѣ были уже тогда взрослыя. Отправляясь очень часто лѣтомъ по дѣламъ графини, отецъ имѣлъ обыкновеніе брать съ собою меня или младшую сестру мою. Сестра понравилась графинѣ. Часто она оставляла ее у себя на нѣсколько дней. Мало-по-малу старушка привязалась къ дѣвочкѣ. Кончилось тѣмъ, что она взялась воспитать ее, выпросила ее у отца, и въ одинъ прекрасный день узнали мы, что старая графиня уѣхала въ Петербургъ и взяла съ собою сестру. Графиня прожила въ Петербургѣ четыре года сряду. Не думая, хорошо ли, дурно ли будетъ, она окружила ее учителями, одѣвала какъ куклу,—словомъ, сдѣлала изъ нея барышню, которая была ничѣмъ не хуже ея племянницъ и внучекъ. Необыкновенные успѣхи сестры подстрекали самолюбіе старушки. Сестра была хороша собою, — всѣ были отъ нея въ восторгѣ; графиня выставляла ее всюду, какъ свою воспитанницу. Разстроенное здоровье старухи заставило ее ѣхать за границу; она взяла съ собою сестру. Такимъ образомъ, онѣ объѣхали почти всю Европу, и, наконецъ, основались года на два въ Италіи. Графиня была женщина съ современными понятіями; она любила изящныя искусства, часто приглашала къ себѣ художниковъ и поощряла всѣми средствами врожденную склонность сестры къ живописи. Кончилось все это, однакожъ, очень печально... какъ, впрочемъ, и должно было, рано или поздно, кончиться. Графиня пріѣхала въ Петербургъ, прожила еще два года и скончалась, не успѣвъ даже сдѣлать никакихъ распоряженій насчетъ сестры. Наслѣдники отправили сестру домой. Семейство мое... да что вамъ говорить: вы поймете положеніе дѣвушки, воспитанной со всею роскошью утонченнаго аристократизма, — и вдругъ брошенной въ бѣдный уѣздный городишко, посреди круга становыхъ и засѣдателей... Много нужно было бы силы воли, терпѣнія, чтобы выдержать такую жизнь безро-

Digitized by Google

потно... Оскорбленная (невольно, разумѣется) на каждомъ шагу всѣмъ, что ее окружало, отчужденная воспитаніемъ и понятіями отъ всѣхъ близкихъ,—она невольно какъ-то искала тогда сблизиться со мною. Мнѣ было тогда четырнадцать лѣтъ, ей—двадцать два. Я былъ мальчикъ кроткій и тихій, очень любознательный, очень любопытный. Съ первыхъ же дней я полюбилъ ее со всею пылкостію дѣтскаго сердца. Къ тому же я былъ почему-то заброшенъ въ домѣ,—старшія сестры меня не любили,—это обстоятельство сблизило насъ еще болѣе. Вскорѣ мы стали неразлучны. Не могу передать вамъ, съ какимъ самоотверженіемъ, съ какою материнскою нѣжностью слѣдила она за моимъ развитіемъ. Замѣтивъ во мнѣ склонность къ рисованію (я тогда еще чертилъ мѣломъ и углемъ по заборамъ), она тотчасъ же принялась учить меня. Надо вамъ сказать, что послѣ графини остался у сестры, кромѣ тряпья и платьевъ, цѣлый сундукъ книгъ, литографій и эстамповъ, подаренныхъ ей въ разныя времена графинею. Книги были бо̀льшею частію художественныя: Лессингъ, де-Пиль, Катремеръ-де-Кенси, Зульцеръ, Лерессъ, Ватле, Альгаротти... Она окружила меня ими. Цѣлые дни проводилъ я у нея въ свѣтелкѣ, перерисовывая въ сотый разъ какой-нибудь эстампъ и заслушиваясь разсказовъ объ Италіи и художникахъ. Какъ одинокій мальчикъ, я развивался не по лѣтамъ, — общества у меня не было. Многое начинало уже тогда проясняться въ головѣ моей. Часто, въ сумерки, когда я сидѣлъ съ нею, мнѣ вдругъ становилось грустно, грустно за нее, за себя, за всѣхъ почему-то, и я бросался, рыдая, къ ней на шею. Э! да что̀ говорить, господа,—повѣрьте, грустная исторія...

— Гдѣ жъ теперь ваша сестра? что̀ съ нею?.. спросилъ съ участіемъ Петровскій.

— Да, да, гдѣ она? произнесъ Борисовъ, щуря сѣренькіе свои глазки.

— Тамъ... дома... отвѣчалъ Андреевъ, отворачиваясь къ окну.

Борисовъ взглянулъ украдкою на Андреева, потомъ на Петровскаго и вдругъ захлопалъ въ ладоши и закричалъ бѣгая и суетясь по мастерской:

— Господа, — кофе готовъ!— садитесь поскорѣе, садитесь,—не то простынетъ...

— И въ самомъ дѣлѣ, мы совсѣмъ было забыли; Ан-

Digitized by Google

дреевъ, давайте завтракать! сказалъ Петровскій, взглядывая на Андреева и стараясь улыбнуться.

— Господа! честь имѣю донести, что кофе будетъ отличный: полчаса кипѣлъ! произнесъ Борисовъ, торопливо ставя на столъ подносъ, покрытый стаканами и сухарями.—Голубчикъ, кладите сахаръ! положили?.. Петровскій, не замѣчаешь ли ты, какъ вдругъ стало у насъ мало сахару?..

— Нѣтъ.

— Ну, господа, держите теперь стаканы, хлопотливо говорилъ Борисовъ, подымая кверху кофейникъ. — Батюшки, а что это такое?.. произнесъ онъ, разглядывая стаканъ Андреева, въ который вмѣсто кофе полилась какая-то бѣловатая густая жидкость,—ахъ, батюшки, что я надѣлалъ!..

Петровскій поставилъ блюдечко на столъ и залился смѣхомъ. Андреевъ обмочилъ губы въ стаканъ и послѣдовалъ примѣру Петровскаго.

— Что такое? что это значитъ?.. повторилъ Борисовъ, стоя въ какомъ-то недоумѣніи, съ кофейникомъ въ одной рукѣ, съ полотенцемъ въ другой.

— Помилуй, Борисовъ, знаешь ли, что кипятилъ ты такъ усердно вмѣсто кофе,—ну, какъ ты думаешь?..

— Что такое?.. что я такое кипятилъ? повторилъ Борисовъ, недоумѣніе котораго возрастало съ каждой секундой,—что я кипятилъ такое?..

— Сахаръ! произнесъ, задыхаясь, Петровскій.

— Можетъ ли быть?

— Серьезно—вотъ отчего тебѣ вдругъ показалось, что его стало меньше,— я думаю, ввалилъ, вмѣсто кофе, цѣлый фунтъ сахару.

— Эхъ, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ! воскликнулъ Борисовъ, шлепая себя по лбу, — эхъ, господа, а все вы: та-та-та... заслушался я васъ, развѣсилъ уши, да и надѣлалъ дѣла... Ну, пеняйте на кого хотите, только угольевъ больше нѣтъ!..

Это обстоятельство развеселило всѣхъ присутствующихъ. Часа въ три Петровскій вызвался вести Борисова и Андреева къ Гейде. Тѣ приняли приглашеніе, и вскорѣ мастерская опустѣла. Остатокъ дня проведенъ былъ на островахъ, и веселье, начавшееся такъ внезапно въ мастерской, ни разу не прерывалось до самаго вечера.

Часу въ десятомъ Андреевъ вернулся домой.

Digitized by Google

— Ключъ у васъ? спросилъ онъ, постучавъ къ Варварѣ Гавриловнѣ.

— Катерина Андреевна взяла его, отвѣчала та.

Андреевъ подошелъ на цыпочкахъ и приложилъ ухо. За дверью раздавалась качуча, сопровождаемая щелканьемъ пальцевъ и шарканьемъ по полу. Затаивъ дыханіе, Андреевъ потихонечку вошелъ въ комнату.

На полу горѣли двѣ свѣчки и еще какой-то огарокъ, воткнутый въ чернильницу; посреди этой иллюминаціи стояла Катя. Приподнявъ слегка платье и юбку обѣими руками, она глядѣла себѣ на ноги и выдѣлывала самыя замысловатыя па, подпѣвая слова извѣстнаго куплета:

Тальони, прелесть, восхищенье,
Такъ неподдѣльно хороша-а-а-а! и т. д.

Андреевъ не далъ ей докончить и бросился обнимать ее. Но Катя рванулась впередъ, подняла свѣчки, сѣла въ кресло, надула губки и повернулась къ нему спиною; все это было дѣломъ секунды.

— Катя, душенька, ради Бога, не сердись на меня, говорилъ Андреевъ, цѣлуя сй руки, — полно ребячиться, будь весела сегодня, ты не повѣришь, какъ я нынче счастливъ, полно тебѣ...

Катя быстрымъ движеніемъ повернулась къ нему лицомъ, окинула его проницательнымъ взглядомъ и, хмуря тоненькія свои брови, сказала:

— А, вы сегодня счастливы! очень рада!.. Ступайте къ тѣмъ, кто васъ дѣлаетъ счастливымъ...

— Полно, Катя, что̀ за глупости!..

— Не хочу, не хочу, не хочу!.. закричала она, ежась на своемъ креслѣ, какъ вьюнъ на свободѣ,—не хочу! Вотъ славно, онъ оставляетъ меня одну, не видитъ по цѣлымъ днямъ и потомъ я еще и весели его... да, да, полноте... О! я васъ знаю! присовокупила она, сердито качая головою, — вы вѣчно со своими художниками, вы для нихъ готовы тысячу разъ промѣнять меня... Ну, такъ не хочу же и я скучать безъ васъ; и я сегодня весела! прибавила она, прыгнувъ внезапно на полъ и принимаясь скакать по комнатѣ.

— Давно бы такъ! весело сказалъ Андреевъ, преслѣдуя Катю, которая каждый разъ перевертывалась на одной ножкѣ и, сдѣлавъ ему гримасу, бросалась въ сторону, — проведемъ вечеръ вмѣстѣ, пойдемъ гулять; ты разскажешь

Digitized by Google

мнѣ, что ты дѣлала въ эти два дня, а я разскажу, что со мной случилось, хочешь?..

— Ну, хорошо, сказала Катя, неудовольствіе которой разсѣялось въ ту же секунду.

— Во-первыхъ, какой добрый геній принесъ тебя сюда?

— Я была у Левицкихъ! ахъ, если бъ ты зналъ, какъ тамъ было весело... сколько народу... отвѣчала она, восторженно размахивая руками.

— Опять, сказалъ Андреевъ недовольнымъ голосомъ,— ты для меня ничего не хочешь сдѣлать. О! сколько разъ я просилъ тебя бросить этихъ Левицкихъ... Скажи на милость, ну, что общаго можетъ быть между ими и тобою?.. Повѣрь мнѣ, это не поведетъ къ добру... ты никогда не хочешь мнѣ вѣрить...

— Бррр... произнесла Катя, быстро проводя ладонью по губамъ его,—пожалуйста, не говори пустяковъ?..

— Я правду говорю...

— Опять! закричала Катя, зажимая ему ротъ, приподымаясь на носки и грозя ему пальцемъ.—Ну, миленькій, ну, дружокъ, не сердись, перестань, прибавила она, передразнивая Андреева.

Оба засмѣялись.

— Давно бы такъ! сказала въ свою очередь Катя, повиснувъ у него на шеѣ,—ну, пойдемъ гулять!..

И вскорѣ оба шли рука объ руку, весело огибая пустынные заборы и переулки. Ночь была тихая и ясная. Полный мѣсяцъ медленно плылъ по синему, звѣздному небу, осеребряя дорогу, кровли и зданія.

VII.

Свѣтъ и тѣнь.

Дней пять послѣ знакомства съ Петровскимъ и Борисовымъ, Андреевъ возвращался часу въ третьемъ изъ должности домой. Проходя по двору, онъ не взглянулъ даже на окно Кати. Онъ казался какимъ-то озабоченнымъ и разсѣяннымъ. Очевидно было, что мысли его находились далеко отъ всего окружающаго. Подымаясь по лѣстницѣ, Андреевъ услышалъ за поворотомъ разговоръ, посреди котораго то и дѣло повторялось его имя. Онъ невольно остановился и сталъ прислушиваться.

— А кто его знаетъ, отецъ родной, здѣсь, кажись, нѣтъ такого... повторялъ сиповатый женскій голосъ.

Digitized by Google

— Какъ, быть не можетъ, голубушка! торопливо перебилъ мягкій ласковый голосъ, — быть не можетъ!.. Дворникъ сказалъ мнѣ, что на этой лѣстницѣ; вспомните: средняго росту, блѣдный, бѣлокурый, вы его вѣрно видѣли, — помилуйте, какъ не знать: чиновникъ Андреевъ!

— Чиновникъ! возразилъ съ увѣренностью сиповатый голосъ,—давно бы такъ сказали, отецъ родной, ступайте на самый верхъ, налѣво...

Дверь хлопнула и вслѣдъ затѣмъ послышалось нетерпѣливое шарканье чьихъ-то подошвъ по верхнимъ ступенямъ лѣстницы. Андреевъ пустился вдогонку и прямо противъ дверей своей комнаты столкнулся носъ съ носомъ съ Борисовымъ.

— А! голубчикъ, вскричалъ художникъ такъ же радостно, какъ бы встрѣтилъ родного брата послѣ трехлѣтней разлуки,—слава Богу, наконецъ-то я васъ поймалъ!.. Хорошо, нечего сказать, пять дней и глазъ не кажетъ!.. Ну, Андреевъ, что было въ это время, если бъ вы только знали, голубчикъ, что было!..

И не дожидаясь отвѣта, онъ тащилъ Андреева внизъ по лѣстницѣ. Напрасно этотъ увѣщевалъ Борисова войти въ комнату и отдохнуть, представляя ему его усталость и дальность предстоявшей дороги. Борисовъ ничего не хотѣлъ слышать; онъ ограничился только тѣмъ, что отиралъ потъ, капавшій съ лица, и тащилъ своего пріятеля вонъ изъ дому, приговаривая:

— Э! голубчикъ, какой тутъ отдыхъ! не до того теперь: скорѣй, скорѣй къ Петровскому!..

— Что же такое случилось? спросилъ Андреевъ, обнаруживая явное нетерпѣніе.

— Случилось то, что... да нѣтъ, нѣтъ, не поддѣнете... я сдержу обѣщаніе: не скажу ни слова... Узнаете... все узнаете въ свое время.

Тутъ Борисовъ поднялся на носки, глянулъ украдкою въ лицо Андреева, восторженно потрепалъ его по плечу и, взявъ его подъ-руку, снова потащилъ по улицѣ, крѣпко сжавъ, однакожъ, на этотъ разъ губы, какъ бы боясь противъ воли проронить лишнее слово. Такъ прошли они нѣсколько времени.

— Ну, Андреевъ, какія новости! началъ неожиданно Борисовъ.

Андреевъ насторожилъ слухъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, вскричалъ тотъ,—ни за что на свѣтѣ! Выдержу до конца,—Петровскій останется доволенъ!

Молчаніе Андреева видимо подстрекало болтовню Борисова. Пройдя еще нѣсколько шаговъ, онъ отошелъ въ сторону, остановился, взглянувъ на товарища, потеръ руки и засмѣялся.

— Довольно, Борисовъ, сказалъ Андреевъ,—полно вамъ меня мучить, объясните мнѣ, что̀ все это значитъ?

Борисовъ шагнулъ впередъ, быстро оглянулся на всѣ стороны и махнулъ отчаянно рукою.

— Эхъ, чортъ побери, не выдержалъ! воскликнулъ онъ.—Ну, ужъ теперь заодно, все равно...

Онъ поспѣшно пригнулся къ уху товарища и произнесъ скороговоркою:

— Всѣ профессора въ восторгѣ!.. Петровскій показывалъ имъ ваши рисунки... Ну, дружокъ, ага?.. какова новость? прибавилъ онъ, взглянувъ въ лицо Андреева, покрывшееся внезапнымъ румянцемъ,—ну, что, весело теперь? а?.. Еще бы! еще бы! продолжалъ онъ, не дождавшись отвѣта.

И желая, вѣроятно, въ конецъ обрадовать пріятеля, онъ принялся передавать ему, отъ слова, все, что̀ говорено было профессорами, не выключая ни замѣчаній, ни похвалъ, ни даже выраженій лица, движеній, интонацій, характеристики и физіономіи каждаго профессора при этомъ случаѣ. Разсказъ Борисова заключалъ въ себѣ такія подробности, такую точность, что когда Андреевъ очутился въ академіи и Петровскій передалъ ему свои четырехдневныя похожденія, онъ не услышалъ уже ничего новаго.

— Послушайте, Андреевъ, заключилъ, наконецъ, Петровскій, обнаруживая нѣкоторое удивленіе,—въ продолженіе всего времени, какъ я говорилъ съ вами, я не спускалъ глазъ съ вашего лица: скажите, съ вами вѣрно что-нибудь случилось непріятное... вы совсѣмъ не тотъ, что были пять дней тому назадъ... Что̀ съ вами?

— Да, я самъ это замѣтилъ, говорилъ Борисовъ, обращаясь мгновенно къ Андрееву, который обнаруживалъ сильное волненіе,—я самъ это замѣтилъ; чего бы кажись лучше: все ему улыбается... За четыре дня онъ съ ума сходилъ при одной мысли объ академіи, теперь академія ему открыта, то-есть сдѣлайте только милость, потрудитесь войти, а онъ нахмурился, и какъ бы глядѣть на

Digitized by Google

академію не хочетъ... Онъ насъ обманулъ. Петровскій, онъ просто не любитъ искусства.

— Въ самомъ дѣлѣ, Андреевъ, глядя на васъ въ эту минуту, и особенно при настоящихъ обстоятельствахъ, невольно согласишься съ Борисовымъ... Ну, полноте, садитесь, разскажите, почему, вмѣсто того, чтобы радоваться вмѣстѣ съ нами, вы смотрите сентябремъ?

— Вотъ видите ли, господа, сказалъ Андреевъ,—въ эти четыре дня я много обдумалъ, много пересудилъ...

— Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? нетерпѣливо перебилъ Борисовъ.

— Мы затѣваемъ страшное дѣло, отвѣчалъ Андреевъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Отчего, что̀ такое?.. спросилъ Петровскій.

— Оттого, что я не завишу отъ себя, не могу располагать собою и ни въ какомъ случаѣ не долженъ бы оставлять службы... въ послѣдній разъ я непростительно увлекся...

— Какъ вамъ не стыдно! возразилъ Борисовъ, потрясая съ комическимъ достоинствомъ свою пушистую голову.—Что̀ за слабость! Неужели какіе-нибудь шестьсотъ или семьсотъ рублей жалованья заставляютъ васъ колебаться? Нѣтъ,—быть не можетъ!—Неужели у васъ не достанетъ силы и духу потерпѣть какіе-нибудь дрянные четыре года, лишить себя на время этихъ дрянныхъ финтифлюшекъ, жилетишковъ и розовыхъ галстучковъ?.. Посмотрите, я постарѣе васъ, а вотъ видите... присовокупилъ Борисовъ, трепля съ какимъ-то азартомъ лацканы своего коричневаго, рыженькаго пальто.

— Нѣтъ, Борисовъ, вы ошибаетесь, перебилъ Андреевъ съ грустною улыбкою,—у меня хватило бы силы отказаться не только отъ розовыхъ галстуковъ, о которыхъ вы говорите, но даже и отъ самыхъ необходимыхъ вещей, если бъ на то пошло; да дѣло въ томъ, что часть изъ этихъ пятисотъ рублей жалованья (я получаю всего пятьсотъ), если не обезпечиваетъ мое семейство, такъ, по крайней мѣрѣ, служитъ ему залогомъ будущаго обезпеченья... Если я оставлю службу и брошусь въ академію, скажите пожалуйста, откуда буду я брать эти сто рублей, которые посылаю каждый годъ изъ своего жалованья домой и безъ которыхъ рѣшительно не могутъ обойтись мои родные?.. Кромѣ этого, отецъ и мать убѣждены, что въ жизни положительное одно только—служебное мѣсто.

Digitized by Google

Кто увѣритъ ихъ, не разрушивъ ихъ спокойствія, что, сдѣлавшись художникомъ, я обезпечу ихъ современемъ вдесятеро надежнѣе? Кому они повѣрятъ? Но это куда бы еще ни пошло,—положимъ, они бы повѣрили, успокоились и могли бы обойтись безъ моихъ ста рублей,—теперь другой вопросъ: въ эти четыре года, какъ я буду въ академіи, откуда я возьму денегъ, чтобы жить, съѣсть утромъ и вечеромъ кусокъ хлѣба, имѣть пристанище, покупать полотно, карандаши и краски?.. Нѣтъ, господа, продолжалъ онъ голосомъ, въ которомъ слышны были слезы,—не лучше ли намъ оставить все это? Что-жъ дѣлать!.. Разумѣется, что говорить, горько думать, сознавая въ себѣ силы, что судьба твоя зависитъ отъ какихъ-нибудь тысячи рублей въ годъ, что есть на свѣтѣ Италія, Римъ, и что придется умереть въ какомъ-нибудь глухомъ уѣздномъ городкѣ, не видавъ ни Рима, ни Италіи!.. Вы правы, Петровскій: въ эти четыре дня я много перемѣнился... повѣрите ли—я почти примирился съ своею долей...

— Нѣтъ, этому не бывать! закричалъ Борисовъ, отчаянно размахивая руками,—этому не бывать! Андреевъ! вы должны съ нынѣшняго же дня бросить всѣ пустые предразсудки; съ нами вамъ нечего церемониться;—я дѣлюсь пополамъ съ вами всѣмъ, что у меня есть!.. У Петровскаго семья,—онъ другое дѣло. Если вы не согласны,—буду имѣть честь объявить вамъ, что дѣлаю это не для васъ, а для искусства, во имя вашего таланта... Я, наконецъ, дѣлаю это изъ интереса: талантъ вашъ ручается мнѣ, что черезъ четыре года я возвращу всѣ свои убытки,—если только будутъ убытки!.. прибавилъ онъ торжественно, закинувъ руки назадъ и принимаясь расхаживать по мастерской.

— Борисовъ совершенно правъ, сказалъ съ живымъ участіемъ Петровскій,—падать духомъ и примиряться, какъ вы говорите, съ вашей долей—рѣшительно не зачѣмъ. Вы можете оставить свою должность, не нанося вреда ни себѣ, ни семьѣ своей. Борисовъ передалъ вамъ свой планъ, я предлагаю съ своей стороны также свой: съ завтрашняго же дня вы подаете въ отставку и переѣзжаете къ намъ въ мастерскую. Мастерская намъ ничего не стоитъ и потому вы можете принять наше предложеніе безъ возраженій. Что-жъ касается до денегъ, которыя вы должны посылать роднымъ,—можете быть покойны.

Digitized by Google

меня отбою нѣтъ отъ разныхъ чиновниковъ, которые просятъ портретовъ женъ и дочекъ. Сдѣлать портретъ карандашомъ,—для васъ сущій вздоръ. Я вамъ передаю свою практику. Ни я, ни Борисовъ не пострадаемъ отъ этого. Я пишу программу,—какъ видите,—и мнѣ некогда; у Борисова свои заказы. Вы, я увѣренъ, столько любите искусство, что не увлечетесь деньгами и не сдѣлаете изъ портретовъ чиновничьихъ женъ и дочерей своей спеціальности... У васъ, слѣдовательно, явится не сто рублей, а гораздо больше...

— Браво, Петровскій, браво!.. закричалъ Борисовъ, хлопая въ ладоши и подпрыгивая въ воздухѣ.—Браво! ну, что, Андреевъ,—а? попался, голубчикъ!..

— И такъ, перебилъ Петровскій,—завтра утромъ вы переѣзжаете къ намъ?

Молнія радости блеснула въ глазахъ Андреева; но онъ вспомнилъ Катю и замялся.

— Нѣтъ, я не могу этого сдѣлать, произнесъ онъ, потупляя голову и краснѣя до ушей.

— Фу, ты, пропасть! Это изъ рукъ вонъ! воскликнулъ Борисовъ, махнувъ рукою.

— Что-жъ вамъ мѣшаетъ? спросилъ Петровскій.

— Я вамъ послѣ разскажу, отвѣчалъ Андреевъ,—но только ради Бога не спрашивайте меня...

— Въ такомъ случаѣ, дайте мнѣ честное слово, что исполните въ точности то, о чемъ попрошу васъ, произнесъ Петровскій,—тутъ нѣтъ рѣшительно ничего, чего бы вы не могли исполнить.

Борисовъ насторожилъ уши.

— Даю вамъ честное слово! сказалъ Андреевъ, горячо пожимая руку художника.

— Вы должны ходить въ академическіе классы.

— Петровскій, — цѣлую тебѣ руки и ноги! вскричалъ Борисовъ.—Да, вы должны ходить въ классы, заключилъ онъ, грозно подбѣгая къ Андрееву.

— Служба ваша отъ этого нимало не пострадаетъ, продолжалъ Петровскій, — а между тѣмъ вы будете итти впередъ и усовершенствуетесь въ рисункѣ; классы, какъ вамъ извѣстно, отъ пяти до семи часовъ вечера.

— Неужели вы думаете, что я давно бы этого не сдѣлалъ, если бъ только удалось мнѣ прежде попасть между вами обоими, отвѣчалъ Андреевъ. — Меня брало всегда раздумье,—я не довѣрялъ себѣ... До сихъ поръ я жилъ

Digitized by Google

въ Петербургѣ, какъ въ лѣсу, — одинъ, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе падалъ духомъ.

— И такъ, дѣло кончено! торжественно произнесъ Борисовъ, негодованіе котораго обратилось тотчасъ же въ нѣжность. — Вы нашъ! Петровскій! обними новаго товарища!..

— Ну, Андреевъ, когда же въ классы? весело спросилъ Петровскій.

— Какъ, когда?.. разумѣется завтра же!.. перебилъ Борисовъ.—Утромъ возьметъ билетъ, запишется въ конторѣ, отобѣдаемъ вмѣстѣ, а вечеромъ всѣ трое отправимся въ классы...

— Завтра невозможно... отвѣчалъ съ явною неловкостью Андреевъ.

— Какъ! Отчего?..

— У меня денегъ нѣтъ... то-есть покуда... а впрочемъ, черезъ восемь дней я получу жалованье... и... тогда...

— Но вѣдь вы получаете пятьсотъ рублей всего, произнесъ Петровскій. — Сто должны посылать домой, останется четыреста... Сколько же вамъ придется получить въ мѣсяцъ?..

— Тридцать три съ полтиной...

— Ну, хорошо; вы возьмете билетъ,—онъ стоитъ тридцать рублей,—на житье останется, слѣдовательно, въ будущій мѣсяцъ, всего три рубля!.. Вотъ прекрасно! А карандаши, а бумага?.. сказалъ Борисовъ, горячась и не обращая вниманія на Петровскаго, который дѣлалъ ему знаки за головою Андреева. — Нѣтъ, я этого не допущу! Да, наконецъ, и невозможно; этакъ вы, пожалуй, никогда и не дождетесь академіи...

— Я возьму переписывать на домъ бумаги и сяду на ячменный кофе, отвѣчалъ Андреевъ, стараясь улыбнуться.—Есть теперь у меня славный случай: пріѣхалъ одинъ помѣщикъ и ищетъ писца... Черезъ двѣ недѣли, много-много черезъ три, я буду въ классахъ...

Петровскій и Борисовъ перемигнулись и замолчали. На этомъ дѣло покончилось.

Андреевъ вернулся домой спокойнѣе и веселѣе. Мысль о помѣщикѣ, искавшемъ писца, такъ неожиданно и счастливо мелькнувшая въ головѣ его, не давала ему покоя. На другой же день онъ принялся отыскивать случая, чтобы осуществить по возможности счастливую импровизацію. Чай и сахаръ были немедленно запрятаны —

Digitized by Google

самую глубину шкапа, къ совершенному отчаянію Кати, которая не могла надивиться такому перевороту. Ихъ замѣнилъ медъ изъ лавочки и ячменный кофе, — благодѣтельный ячменный кофе, частый гость чердачковъ и крошечныхъ конурокъ подъ кровлею, вѣрный другъ, спасшій въ свое время многихъ изъ насъ отъ голодной смерти! Въ дѣлѣ Андреева, ячменный кофе оказался, какъ и всегда, надежнѣе всякихъ обѣщаній, увѣреній и готовностей достать работу. Прошла недѣля, — и все-таки не представлялось никакого случая для переписыванья; пріѣзжій помѣщикъ рѣшительно не хотѣлъ осуществиться на дѣлѣ и съ каждымъ днемъ затеривался болѣе и болѣе въ какомъ-то туманѣ. Андреевъ не на шутку начиналъ безпокоиться. Отказаться отъ академическихъ классовъ и ждать, пока экономія, съ содѣйствіемъ ячменнаго кофе, дастъ ему сорокъ или пятьдесятъ рублей,—казалось уже теперь Андрееву жестокою мѣрой.

Но безпокойство Андреева ровно еще ничего не значило передъ безпокойствомъ и суетами Борисова. Нуженъ былъ весь спокойный, здравый смыслъ Петровскаго, чтобы охлаждать Борисова, который подбѣгалъ къ нему каждыя пять минутъ съ новымъ планомъ или проектомъ, для освобожденія Андреева отъ переписыванья и ячменнаго кофе.—„Ну, что помѣщикъ? Какъ идетъ переписыванье?..“ нетерпѣливо спрашивалъ Борисовъ каждый разъ, какъ встрѣчался съ Андреевымъ. — „Пишу, пишу“, отвѣчалъ тотъ, „да какъ-то медленно... Дѣло помѣщика тянется: на мою долю достается всего по три листа въ день...“— „Эхъ, плохо, чортъ возьми, плохо... И что, право, за охота этимъ чиновникамъ такъ долго тянуть производство дѣла...“ отвѣчалъ обыкновенно Борисовъ, потрясая своей головой, при чемъ рѣденькіе и мягкіе его волосы становились торчмя и волновались, какъ сухая трава отъ вѣтра.—„Нельзя ли какъ-нибудь этакъ... эхъ...“ заключалъ художникъ.

Тутъ онъ щурился, искоса поглядывалъ на Андреева, потомъ на Петровскаго и отходилъ въ сторону, свирѣпо потирая руки.

Въ одно прекрасное утро Борисовъ, долго рывшись въ своемъ углу, вынырнулъ наконецъ изъ-за картины Петровскаго, таща подъ мышкою огромный свертокъ. Праздничный видъ сіялъ по всей его наружности. На немъ было его рыженькое неизмѣнное пальто; фуражка съ ободран-

Digitized by Google

нымъ козырькомъ покрывала голову. На шеѣ красовался, къ совершенному изумленію Петровскаго, красный фуляръ.

— Куда ты? спросилъ Петровскій, оглядывая его съ головы до ногъ.

— Въ этюдный классъ... пробормоталъ несвязно Борисовъ, стараясь отвернуться какъ можно скорѣе къ двери.

Спустя два часа, Борисовъ вернулся въ мастерскую. Свертка уже не было въ рукахъ его. Онъ снялъ пальто и началъ вертѣться вокругъ Петровскаго, переминаясь съ ноги на ногу.

— Ты, Борисовъ, вѣрно что-нибудь да напроказилъ? спросилъ Петровскій, ставя на табуретъ палитру и кисти и устремляя на пріятеля черные глаза свои.

Вмѣсто отвѣта, Борисовъ вынулъ изъ кармана сорокъ рублей и разсказалъ ему какую-то плачевную, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень фантастическую и запутанную исторію о настойчивомъ покупателѣ, отъ котораго нельзя будто бы было отдѣлаться, прибавивъ въ скобкахъ, что деньги могутъ пригодиться на билетъ Андрееву. На повѣрку, къ вечеру, оказалось, что онъ продалъ въ Перинной линіи Гостинаго двора, въ картинной лавкѣ, два залежавшіеся пейзажа собственнаго издѣлія.

Дня два послѣ этого въ мастерскую явился Андреевъ, рѣшившійся наконецъ возложить окончательно всѣ свои надежды на ячменный кофе, и потому не очень веселый. Борисовъ и Петровскій, какъ каждый легко себѣ представитъ, не долго оставили его въ такомъ расположеніи духа.

— Вотъ, сказалъ Петровскій, подавая ему академическій билетъ,—возьмите, Андреевъ; случай доставилъ мнѣ его отъ профессора... Онъ ничего не стоитъ... прибавилъ Петровскій, взглянувъ на Борисова, который рылся суетливо въ какихъ-то бумагахъ.—Карандашей и бумаги покупать не зачѣмъ,—берите покуда у меня; вамъ, слѣдовательно, остается только сходить въ контору, объявить вашъ адресъ,—и дѣлу конецъ. Обѣдайте сегодня съ нами, чѣмъ Богъ послалъ,—а вечеромъ отправимся въ классы. Сегодня къ счастью дежуритъ въ классахъ профессоръ, который болѣе другихъ восхищался вашими рисунками, и вы смѣло можете надѣяться сѣсть прямо въ гипсовыя фигуры...

Предсказанія Петровскаго сбылись даже сверхъ ожиданія. Вечеромъ, когда Андреевъ вошелъ въ классы, сопро-

Digitized by Google

вождаемый двумя пріятелями, ихъ тотчасъ же окружила толпа любопытныхъ. Слухъ объ эскизахъ и рисункахъ Андреева успѣлъ уже распространиться по академіи: рисовальныя книги его, переходя отъ одного профессора къ другому, перебывали въ рукахъ учениковъ, которые, въ свою очередь, обѣгали съ ними всѣ мастерскія. Каждый наперерывъ старался протиснуться впередъ, чтобы познакомиться съ Андреевымъ. Вахрушевъ, Сидоренко и Чибезовъ кричали громче всѣхъ; они первые подбѣжали къ Андрееву, засыпали его восторженными похвалами и уже трепали его по плечу, какъ старые друзья и пріятели. Появленіе его производило рѣшительный эффектъ. Вскорѣ оно распространилось по классамъ. Каждый хотѣлъ видѣть новое лицо; даже тѣ, которые не слыхали объ Андреевѣ, бросали карандаши и спѣшили, подстрекаемые всеобщимъ любопытствомъ, навстрѣчу новому товарищу,— такъ что, когда Петровскій представилъ Андреева профессору и тотъ повелъ его въ гипсовый классъ,—огромная толпа, прибывшая со всѣхъ концовъ, повалила за ними шумною вереницей. Борисовъ ликовалъ, торжествовалъ, какъ будто его самого вѣнчали въ это время лаврами въ Капитоліи.

Успѣхъ Андреева, казалось, выразилъ будущее его академическое поприще. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ уже всѣ, начиная съ профессоровъ и кончая учениками, признали въ немъ единодушно талантъ, выходившій изъ ряду обыкновенныхъ. Въ продолженіе этого времени, Андреевъ подавалъ каждый мѣсячный экзаменъ, кромѣ рисунка, нѣсколько эскизовъ, которые сряду удостоились первыхъ нумеровъ. Это обстоятельство охладило нѣсколько къ Андрееву пріязненныя отношенія Вахрушева и Сидоренки. Хотя попрежнему они и продолжали трепать его дружески по плечу, обнаруживая передъ нимъ самое закадычное запанибратство, но тѣмъ не менѣе оставаясь промежъ своихъ, значительно пожимали плечами и дѣлали разныя заключенія о дружбѣ Петровскаго съ Андреевымъ, относя успѣхи Андреева къ сотрудничеству Петровскаго. Но слухи эти не могли найти отголоска—какъ недоносокъ или уродъ, они умирали тотчасъ же послѣ своего рожденія. Андреевъ, предупрежденный Петровскимъ и Борисовымъ, блистательно опровергалъ каждый вечеръ, въ виду всѣхъ, маленькія сплетни, пущенныя съ утра Сидоренкомъ и всѣми вообще Вахрушевыми.

Digitized by Google

Но сколько былъ счастливъ и доволенъ Андреевъ, своимъ положеніемъ въ академіи, столько же, казалось, непріятнаго готовилось ему каждый разъ, когда онъ возвращался домой. Катя какъ будто заключила тайное условіе мучить его и не давать ему покоя. Съ той минуты, какъ Андреевъ разсказалъ ей свои успѣхи, думая, наконецъ, возбудить въ ней, если не сочувствіе, то, по крайней мѣрѣ, терпимость къ его занятіямъ,—академія, искусство и всѣ художники безусловно сдѣлались окончательно смертельными ея врагами.

Первый пылъ любви давно уже угасъ въ ея сердцѣ; оставалась одна лишь привычка. Чувство это, заключающее въ себѣ столько прелести и поэзіи между людьми съ развитымъ сердцемъ, рѣдко бываетъ понятно такимъ женщинамъ, какова была Катя. Имъ доступна одна только страсть и вообще крайнія чувства. Страсть, если только западаетъ въ сердце такой женщины, охватываетъ ее всю, развиваетъ въ ней мгновенно тысячу тончайшихъ чувствъ и инстинктовъ; она отдается вся съ полнымъ довѣріемъ и любитъ, можетъ-быть, сильнѣе всякой другой. Но стоитъ только пройти порыву, и вся мелочность души и сердца, подавленная на время, выплываетъ снова наружу. Жизнь вдвоемъ, обратившаяся уже въ привычку, даетъ ей на каждомъ шагу поводъ къ безчисленному множеству маленькихъ ядовитыхъ сценъ; отсутствіе деликатности и тонкаго чувства заставляетъ ее пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы присвоивать себѣ разныя матеріальныя права домашняго управленія, человѣкъ въ ея сердцѣ становится уже какою-то положительною собственностію, и жизнь обращается въ безпрерывную тиранію. Вообще можно сказать, что взаимныя отношенія между мужчиной и женщиной дѣлаются ясными тогда только, когда страсть смѣнилась привычкою; привычка въ этомъ случаѣ—пробный камень истинныхъ привязанностей, душевнаго сродства и симпатіи.

И такъ, Катя не переставала надоѣдать Андрееву. Ей досадно было видѣть, что между нею и имъ помѣстилось какое-то третье существо,— академія,— которое привязывало его столько же, сколько она сама. Она принялась ревновать его къ Петровскому, карандашамъ и рисункамъ. Ненависть къ Борисову, съ которымъ случайно встрѣтилась она какъ-то разъ у Андреева, давала поводъ къ безчисленнымъ ссорамъ. Она осыпала Андреева упре-

Digitized by Google

ками. Каждый разъ, какъ онъ, засидѣвшись въ классахъ или у товарищей, приходилъ поздно домой, Катя находила особенное удовольствіе дразнить его, разсказывая, какъ провела она день у знакомыхъ Левицкой. Свѣтлыя минуты въ комнатѣ подъ кровлей становились рѣже и рѣже.

Мало-по-малу, Андреевъ сталъ замѣчать перемѣну въ Катѣ. Она вдругъ сдѣлалась задумчивѣе и покойнѣе. Спокойствіе это, при ея характерѣ, не предвѣщало ему ничего добраго. Въ послѣднее время, Андреевъ также далеко не былъ влюбленъ въ Катю, но при мысли объ измѣнѣ или о потерѣ Кати, сердце его невольно обливалось кровью, и чувства его какъ бы съ новою силою пробуждались къ дѣвушкѣ. Обращеніе Кати, переставшей надоѣдать ему, сдѣлавшейся равнодушною къ его занятіямъ, даже оставившей въ покоѣ Борисова,—все давало ему чувствовать, сколько она къ нему охладѣла. Вскорѣ ко всѣмъ этимъ непріятностямъ присоединились еще и другія.

Крестный отецъ пронюхалъ какимъ-то образомъ связь „облагодѣтельствованнаго“ имъ крестника съ академіею. Этого уже было довольно, чтобы вооружить его противъ молодого человѣка. Люди, сосредоточившіе въ продолженіе многихъ лѣтъ всю свою умственную и жизненную дѣятельность на столѣ, покрытомъ бумагами и чернильными пятнами, вообще смотрятъ всегда какъ-то недоброжелательно на художниковъ. Артистъ въ ихъ понятіяхъ осуществляетъ типъ праздности и тунеядства. Въ продолженіе этихъ трехъ мѣсяцевъ, Андреевъ, спѣшившій окончить къ экзамену свои эскизы, не явился нѣсколько дней сряду въ должность. По этому случаю, крестный отецъ, старавшійся прежде отдалять по возможности родственныя отношенія между собою и крестникомъ, вдругъ, ни съ того ни съ сего, какъ будто муха какая его ужалила, вооружился всѣми правами стараго друга отца Андреева и благодѣтеля его семейства.

Попавъ разъ на этого конька, онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ осыпать его упреками въ неблагодарности, представляя ему бѣдственное состояніе обманутыхъ родителей, возложившихъ на единственнаго сына всѣ свои надежды. Иногда, нравоученія крестнаго отца, доходившія до трогательнаго пафоса, когда онъ былъ не въ духѣ, перемѣняли тонъ и обращались въ язвительныя шуточки, когда ему было весело. И онъ трунилъ, трунилъ

Digitized by Google

до поту лица надъ крестникомъ передъ подчиненными, которые, въ свою очередь, обрадовавшись случаю сдѣлать угодное своему начальнику, трунили надъ товарищемъ вперегонку,—кто лучше.

У всѣхъ женатыхъ людей, не имѣющихъ дѣтей и доживших уже до извѣстнаго возраста, тѣ же почти наклонности, что у старыхъ дѣвъ. Какъ ни черствѣетъ сердце тѣхъ и другихъ отъ недостатка живительнаго чувства, однакожъ, въ ихъ груди все-таки остается что-то похожее на высохшій стручокъ. Въ этомъ стручкѣ шевелятся обыкновенно два чувства: любовь къ болонкамъ и моськамъ и тайная, досадливая ненависть ко всему, что молодо и порывается къ жизни. Моська крестнаго отца Андреева была его собственная жена, къ кому же было обратить другое чувство, какъ не къ родному, облагодѣтельствованному крестнику, въ глазахъ котораго свѣтилось столько огня и одушевленія?..

Все это способствовало, однакожъ, тому, что Андреевъ, раздосадованный въ домашней своей жизни, съ большею еще страстью привязался къ академіи и искусству. Онъ рѣшился сбросить съ себя, разъ навсегда, всѣ ребяческія, юношескія побужденія и укрѣпиться волею и разсудкомъ возмужалаго человѣка, понимающаго здраво, ясно свое положеніе. Принявъ такое намѣреніе, онъ рѣшился молча сносить капризы и выходки Кати, точно такъ же, какъ поучительныя наставленія крестнаго отца; далъ себѣ клятву являться въ должность исправнѣе всякаго другого, остальное время посвящать любимому искусству, работать и трудиться, а будущее—предоставить волѣ Провидѣнія... Такъ прошло нѣсколько времени, единственнаго, можетъ-быть, счастливаго времени въ жизни Андреева, пока, наконецъ, одинъ случай не поколебалъ въ основаніи благородную его рѣшимость.

Онъ сидѣлъ однажды вечеромъ въ классѣ. Мѣсячный экзаменъ только что кончился; работающихъ было очень мало. На темныхъ ступеняхъ, расположенныхъ амфитеатромъ съ середины залы почти до потолка, мелькало вразбросъ какихъ-нибудь двадцать головъ, наклоненныхъ на папки, куда устремлялся яркій свѣтъ лампъ, прикрытыхъ жестяными колпаками. Въ классѣ царствовала тишина не совсѣмъ обыденная. Изрѣдка лишь скрипъ карандаша или шелестъ бумаги прерывался тихимъ говоромъ или отрывчатымъ восклицаніемъ.

Digitized by Google

Андреевъ сидѣлъ на самой верхней ступени, прямо противъ группы двухъ натурщиковъ, освѣщенной сверху и ярко блистающей на темно-красной стѣнѣ, составлявшей фасадъ амфитеатра. Онъ усердно чертилъ на бумагѣ и, казалось, весь преданъ былъ своей работѣ. Внезапно рука его остановилась; онъ отодвинулъ нетерпѣливо папку и нагнулся черезъ перила. Окинувъ быстрымъ взглядомъ амфитеатръ, глаза его остановились на Вахрушевѣ и еще какомъ-то художникѣ съ длинными волосами, лежавшими какъ щепки на воротникѣ и плечахъ блузы. Оба они сидѣли отъ него наискось и говорили вполголоса. Андреевъ затаилъ дыханіе и сталъ вслушиваться.

— Можетъ ли быть? говорилъ длинноволосый художникъ.

— Ей-Богу!.. отвѣчалъ Вахрушевъ.

— Когда же это было?

— Двѣ недѣли тому назадъ.

— Какъ же ты съ нею познакомился?

— Видишь ли ты: у меня есть одинъ пріятель,—золотопромышленникъ, недавно пріѣхавшій изъ Сибири, — бочка золота! отвѣчалъ „Вандикъ", самодовольно покручивая усы,—онъ рекомендовалъ меня одной дамѣ, то-есть дамѣ, гм! понимаешь... m-me Левицкой, и просилъ написать съ нея портретъ (сущая, братъ, Клеопатра); я тамъ познакомился съ нею... Я тебѣ говорю, прелесть что за дѣвочка! Глаза черные-черные... какъ владимірская вишня, такъ вотъ и прыщутъ страстью! кипятокъ! Сухенькая, нервная (ты знаешь, я люблю такихъ), зовутъ ее Катя... Екатерина Андреевна; то-есть, я тебѣ говорю,—восхитительная дѣвочка... Какія формы, какія ножки,—объяденье! Я съ нея непремѣнно напишу вакханку!..

— Ну, братъ, погоди еще, перебилъ волосатый художникъ,—скоро больно хочешь...

— Вотъ славно! произнесъ Вахрушевъ,— давай пари!.. чего тутъ скоро,—не далѣе, какъ вчера вечеромъ, я проводилъ ее до дому...

— Гдѣ же она живетъ?

— Чертовски, братъ, далеко,—на Новыхъ мѣстахъ!..

Андреевъ не дослушалъ Вахрушева и выбѣжалъ изъ академіи. Какое дѣйствіе произвелъ на него разговоръ двухъ художниковъ,—предоставляю судить тѣмъ, кто когда-нибудь любилъ съ истинною страстью. Чья взаимная любовь проходила ровно и постепенно, тотъ не можетъ

Digitized by Google

себѣ представить, какъ страшно потрясаетъ внезапный, неожиданный ударъ. Часто, до такой минуты живешь въ невѣдѣньи счастливомъ и самъ не знаешь, да и не заботишься знать, любишь ли еще или нѣтъ. Кажется даже иной разъ, какъ будто пересталъ вовсе любить. А между тѣмъ, когда настигнетъ одинъ изъ тѣхъ неожиданныхъ случаевъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, ясно, въ первый разъ, можетъ статься, заглянешь къ себѣ въ сердце, — поймешь, подобно Андрееву, какъ много еще было въ немъ любви и привязанности къ любимой женщинѣ.

По мѣрѣ того, однакожъ, какъ Андреевъ приближался къ дому, злоба и ревность, раздиравшія на части его сердце, постепенно смѣнялись нѣмымъ отчаяніемъ. Онъ чувствовалъ, какъ силы покидали его; несмотря на всѣ усилія сохранить хоть по крайней мѣрѣ наружное спокойствіе,—онъ измѣнялъ себѣ на каждомъ шагу; часто, не успѣвъ обойти прохожаго, онъ долженъ былъ повернуться къ нему спиною, чтобы утереть украдкою слезу. Поднявшись къ себѣ на лѣстницу, Андреевъ остановился въ нерѣшимости противъ двери. Катя могла быть въ его комнатѣ... При этой мысли, сердце его застучало сильнѣе прежняго.

Наконецъ, онъ отворилъ дверь и прямо очутился противъ Кати, которая расхаживала взадъ и впередъ по комнатѣ, напѣвая какую-то веселую пѣсню. Андреевъ остановился и не могъ произнести ни слова; ноги его тряслись какъ въ лихорадкѣ; онъ чувствовалъ, что поблѣднѣлъ какъ полотно. Катя едва взглянула на него, подошла къ окну и притворно засмѣялась. Андреевъ не въ силахъ былъ долѣе владѣть собою; онъ бросился къ ней, судорожно схватилъ ее за руку и произнесъ дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ:

— Гдѣ ты была вчера?..

— Вы съ ума сошли! вскричала Катя, вырвавъ руки.— Что вамъ отъ меня надо? чего вы хотите?.. Я пришла сюда за работою, которую оставила вчера, а вовсе не къ вамъ...

Задыхаясь отъ бѣшенства, Андреевъ снова подбѣжалъ къ ней, но въ эту самую минуту кто-то сильно застучалъ въ дверь.

— Опять ваши проклятые художники!.. съ досадою прошептала Катя, видимо очень довольная, потому что не на шутку начинала пугаться Андреева.—Вы меня ни-

Digitized by Google

сколько ни жалѣете, заключила она, притворно-обиженнымъ тономъ,—хотите, чтобъ всѣ срамили меня...

Стукъ въ дверяхъ прервалъ ее, она бросилась за ширмы. Андреевъ не успѣлъ подойти къ двери, какъ она отворилась настежь и въ комнату вошелъ его крестный отецъ.

Это былъ человѣкъ апоплексическаго свойства, наглаго вида, грязный, толстый, съ лысиной и серьгами въ ушахъ. Онъ медленно снялъ шляпу, оглянулъ комнату, отдулся и, обративъ къ Андрееву багровое лицо свое, покрытое красными и синими жилками, произнесъ хрипливо:

— А я, батюшка, пришелъ, уфъ! уфъ!—пришелъ объясниться съ тобою.

Тутъ только Андреевъ пристально посмотрѣлъ на толстяка и замѣтилъ, что онъ былъ краснѣе обыкновеннаго.

— Что вамъ угодно?.. спросилъ смущеннымъ голосомъ Андреевъ, бросая робкій взглядъ на ширмы.

— Какъ, что угодно! я думаю, самъ знаешь, спрашивать кажется нечего...

Андреевъ хотѣлъ подать ему кресло, стоявшее спиною къ ширмамъ, но глаза его упали прямо на шляпу Кати, забытую на днѣ креселъ, и онъ поспѣшилъ подать стулъ.

— Не въ этомъ дѣло, любезный, сказалъ крестный отецъ, отталкивая стулъ,—я получилъ письмо отъ твоего отца... Скажи, пожалуйста, батюшка, ты не на шутку вбилъ себѣ въ голову, что ты художникъ и можешь шаламберничать?.. продолжалъ крестный отецъ, закидывая толстыя руки за жирную спину. —Да покажи мнѣ, наконецъ, прибавилъ онъ съ возрастающимъ азартомъ, — покажи мнѣ этихъ мерзавцевъ, которые подбиваютъ тебя заниматься всякимъ вздоромъ и бросать дѣло... покажи мнѣ ихъ!..

— Прошу васъ никого не упрекать, отвѣчалъ отрывисто Андреевъ,—меня никто ни къ чему не подбиваетъ... Если я дѣлаю что-нибудь, такъ самъ отъ себя, по собственному произволу...

— Что? вскричалъ апоплексическій господинъ, багровѣя какъ клюква,—что-о-о?.. ахъ, ты, мальчишка! Вздумалъ еще учить меня!.. Я тебѣ благодѣтельствовалъ, далъ тебѣ кусокъ хлѣба, а ты еще грубіянить вздумалъ... Да знаешь ли, что твой отецъ Христомъ-Богомъ просилъ меня о твоемъ опредѣленіи; а ты, вмѣсто того, чтобы благодарить, да чувствовать, что для тебя сдѣлали, свя-

Digitized by Google

зался съ какими-то мерзавцами, да только баклуши бьешь!.. Тебѣ вѣрно ни по чемъ, что у семьи врядъ ли есть кусокъ хлѣба... Ты шаламберничать хочешь... То-то, я разспрашивалъ у дворника: и красотки разныя повадились ходить къ тебѣ,—денегъ, знать, у тебя много... э! э! да вона, вона... произнесъ онъ съ какимъ-то радостнымъ азартомъ, указывая на шляпу,—одна мерзавка и то здѣсь... Что притаилась, голубушка,—выходи! прибавилъ онъ, дѣлая шагъ къ ширмамъ.

— Не подходите!.. закричалъ Андреевъ, отуманенный бѣшенствомъ.

— Какъ! ахъ, ты, негодяй! крикнулъ было толстякъ, но взглянулъ на блѣдное, дрожащее лицо Андреева и невольно отступилъ къ двери.

— Ахъ, ты, разбойникъ! разбойникъ! продолжалъ толстякъ, взявшись за ручку замка и отступая въ сѣни.— Погоди жъ, голубчикъ, я тебѣ это припомню!..

Андреевъ захлопнулъ дверь и какъ сумасшедшій бросился за ширмы. Но Катя уже предупредила его. Она стояла посреди комнаты и торопливо надѣвала платокъ. Щеки ея горѣли, глаза сверкали неподдѣльною злобой. Движеніе руки ея, завязывавшей бантъ шляпки, казалось, довершило отчаяніе Андреева. Рыданіе вырвалось изъ груди его; онъ бросился къ дѣвушкѣ, но та какъ кошка вывернулась изъ рукъ его и подбѣжала къ двери.

— Катя! крикнулъ Андреевъ, — выслушай меня, ради Бога... хоть одно слово...

— Что мнѣ ваши слова! произнесла она, дѣлая нетерпѣливое движеніе головою. — Пожалуйста не притворяйтесь такимъ отчаяннымъ,—я знаю, вамъ все равно... Надѣюсь, однакожъ, все теперь между нами кончено. Здѣсь всякій будетъ приходить оскорблять меня... а я должна молчать... Слышите ли,—все кончено между нами... ноги моей не будетъ у васъ послѣ этого!..

— Катя! Катя! закричалъ Андреевъ, протягивая къ ней руки.

— Ничего не хочу, ничего! ничего!.. отвѣчала она, отворачиваясь.—Мнѣ уже давно надоѣла такая жизнь, продолжала она, взявшись за ручку двери, — ступайте къ художникамъ,—я сама теперь, слава Богу, кое-что понимаю, вижу, какъ вы мною пренебрегаете... ну, да что объ этомъ,—прощайте!.. прощайте,—будьте счастливы!.. заключила она, выходя на лѣстницу и хлопнувъ дверью.

Digitized by Google

Андреевъ опустилъ голову, закрылъ лицо руками и, рыдая, бросился на диванъ.

VIII.

Сестра.

На другой день Андреевъ не пошелъ въ должность. Утро цѣлое просидѣлъ онъ за письмомъ Катѣ. Вечеромъ того же дня Варвара Гавриловна возвратила ему письмо: оно было не распечатано. Такъ повторилось нѣсколько дней сряду, пока, наконецъ, Варвара Гавриловна не объявила Андрееву, что Катя уѣхала гостить къ Левицкой. Черезъ недѣлю, Андрееву не зачѣмъ уже было ходить въ должность. Ему отказали отъ мѣста. Раздумывать было нечего. Андреевъ отправился слѣдомъ въ академію и разсказалъ Петровскому обо всемъ случившемся. Разсказъ произвелъ два послѣдствія: Петровскій настоятельно потребовалъ, чтобы Андреевъ переѣхалъ немедленно къ нему; Борисовъ бросился къ Андрееву на шею и чуть не задушилъ его отъ радости.

Тяжелая тоска невольно овладѣла сердцемъ Андреева, когда вынесли постепенно, одну за одной, мебель, и онъ остался одинъ посреди опустѣлой комнаты, въ которой провелъ три года своей юности. Человѣку, глубоко чувствующему, никогда не бываетъ легко разстаться съ привычнымъ жилищемъ; кажется, какъ будто покидаешь что-то родное и близкое сердцу. Легче сродниться съ закоптѣлыми четырьмя стѣнами, чѣмъ съ великолѣпными чертогами или природой. Тутъ разсѣивается всякое чувство,— тамъ все сосредоточивается между этими четырьмя стѣнами, свидѣтельницами самыхъ сокровенныхъ тайнъ нашей частной, задушевной жизни и часто единственными друзьями нашими...

Еще грустнѣй стало Андрееву, еще неотвязчивѣй заныло его сердце, когда, очутившись на дворѣ, онъ взглянулъ въ послѣдній разъ на окно Кати. Уголъ занавѣски уже не приподнялся, какъ прежде. Занавѣску даже вовсе сняли. На подоконникѣ, вмѣсто двухъ горшковъ бальзамина и герани, подымалась цѣлая груда тряпья и домашней рухляди. Подавленный тоскою, онъ покинулъ дворъ и, взваливъ на плечи свой узелокъ, медленнымъ шагомъ направился на Васильевскій островъ.

Несмотря на всѣ старанія Петровскаго и Борисова, впе-

Digitized by Google

чатлѣнія, испытанныя Андреевымъ, такъ глубоко потрясли его душу, что онъ не могъ скоро забыть ихъ. Мало-помали, однакожъ, усиленная работа и успѣхи, которые день-ото-дня обращали на себя всеобщее вниманіе, разсѣяли Андреева. Этому также способствовалъ блистательный переходъ его изъ гипсоваго класса въ „натурный“. Переходъ этотъ составляетъ чуть ли не главную эпоху въ жизни художника. Тутъ уже карандашъ смѣняется кистью, бумага—полотномъ, раскрывается обольстительный міръ цвѣтовъ и красокъ,—и природа—гордая, недоступная красавица для робкаго и незрѣлаго художника,—тронутая, наконецъ, настойчивымъ, упорнымъ преслѣдованіемъ, протягиваетъ ему въ первый разъ свою руку.

Андреевъ принялся за работу со всею страстью и увлеченіемъ, понятнымъ только истинному художнику, — художнику по призванію. Петровскій, получившій первую золотую медаль, поставившій на выставку программу, возбудившую всеобщее восхищеніе, не пропускалъ ни одного натурнаго класса; признанный всѣми за даровитѣйшаго художника академіи между молодежью, удостоившійся быть отправленнымъ на казенный счетъ въ Италію,— Петровскій не отрывался ни на минуту отъ работы, спалъ пять часовъ въ сутки, просиживалъ цѣлые дни въ академической библіотекѣ, перелистывая художественныя книги и эстампы... Примѣръ такой любви къ искусству увлекалъ еще сильнѣе Андреева. Портреты съ чиновничьихъ женъ и дочекъ отрывали его иногда отъ занятій, но онъ не пенялъ на это. Согласно желаніямъ папенекъ и маменекъ, онъ сглаживалъ ловкою рукою грубыя черты нѣжно-любимыхъ чадъ, обращалъ тупые или немилосердно заостренные носы въ римскіе и греческіе, не щадилъ румянъ на зелено-желтоватыя щеки, и былъ счастливъ Богъ знаетъ какъ, когда отправилъ домой первые сто рублей, заработанные карандашомъ и кистью.

Кромѣ этихъ денегъ, Андрееву покуда не нужно было другихъ. Петровскій открылъ ему безграничный кредитъ въ красочной лавкѣ: краски, кисти, полотно доставлялись ему въ изобиліи,—работай только! И Андреевъ работалъ и работалъ, во сколько хватало силъ. Къ концу года, онъ сталъ на первомъ планѣ. Годичный экзаменъ приближался, и вся академія, упираясь на слова профессоровъ, единодушно утверждала, что первая серебряная медаль за рисунокъ достанется Андрееву. Борисовъ, при-

Digitized by Google

бѣжавшій впопыхахъ какъ-то утромъ, первый сообщилъ ему эти слухи.

— Да это еще не все! заключилъ художникъ, подпрыгивая передъ Андреевымъ,—есть у меня еще одна штука, которая тоже не будетъ тебѣ менѣе пріятна; ну, какъ ты думаешь, что бы это такое было?.. угадай!..

И, спрятавъ руки за спину, Борисовъ принялся отступать отъ Андреева, не отрывая отъ него узенькихъ, смѣющихся глазъ своихъ.

— Ей-Богу не знаю! отвѣчалъ Андреевъ.

Но въ эту минуту, Петровскій, подкравшись къ Борисову, дернулъ его за руку. На полъ упало письмо.

— Письмо отъ сестры? закричалъ Борисовъ, подавая его Андрееву,—я узналъ его по почерку.

Андреевъ схватилъ письмо, прочелъ надпись на конвертѣ, радостно сломалъ печать и принялся читать.

Оба товарища подсѣли къ нему и, устремивъ на него нетерпѣливые взгляды, казалось, хотѣли узнать заранѣе, что говорило письмо. Послѣ разсказовъ Андреева о своемъ дѣтствѣ, дополненныхъ Петровскому и Борисову во время житья вмѣстѣ,—оба художника принимали каждую вѣсть о сестрѣ его съ живѣйшимъ участіемъ. Но радостно-нетерпѣливое выраженіе на ихъ лицахъ, понемногу, смѣнилось тревожнымъ и безпокойнымъ. Лицо Андреева внезапно омрачилось. Онъ повернулъ дрожащею рукою страницу и опустилъ голову.

— Что она пишетъ? спросили въ одно время художники.

— Прочтите! отвѣчалъ Андреевъ, подавая письмо Петровскому и обращая на двухъ товарищей блѣдное лицо свое, исполосанное слезами.

Петровскій прочелъ слѣдующее:

„Добрый братъ и другъ! ты не перестаешь увѣрять меня, что перемѣнился! Въ каждомъ письмѣ твоемъ я встрѣчаю слѣдующую фразу: „Съ каждымъ днемъ чувствую, какъ отрезвляюсь отъ всѣхъ ребяческихъ помысловъ и мечтаній; ты не узнаешь меня, сестра,—я уже смотрю на жизнь положительно, какъ подобаетъ человѣку въ мои лѣта и особенно въ моемъ положеніи“... Никогда, быть-можетъ, не представится тебѣ случая доказать свое благоразуміе, какъ теперь. Докажи же мнѣ на дѣлѣ, что ты не ребенокъ и, мнѣ кажется, я буду тогда любить тебя еще сильнѣе,—если это только возможно. Слушай: насъ всѣхъ постигло... большое несчастіе... Страшно ска-

Digitized by Google

зать, что̀ случилось: отецъ нашъ по какому-то важному дѣлу лишился своего мѣста!.. Никто еще не знаетъ, чѣмъ дѣло это можетъ для него кончиться. Всѣ мы въ горѣ. Отецъ не вынесъ удара: онъ слегъ въ постель, и, если вѣрить нашему лѣкарю, — очень опасенъ. Не стану утѣшать тебя,—это ни къ чему не ведетъ. Прочитавъ письмо до конца, ты увидишь, что много отчаиваться еще не зачѣмъ. Впереди не такъ туманно, какъ можно ожидать. Собери все твое вниманіе и слушай. Ты понимаешь, что мы не можемъ оставаться въ настоящемъ положеніи. У отца, какъ тебѣ извѣстно, нѣтъ никакого состоянія, кромѣ нашего полуобвалившагося домика. Мы жили однимъ его жалованьемъ. Много, много, если мѣсяцъ еще можемъ прожить безъ посторонней помощи. Твои сто рублей то же теперь, что капля въ морѣ, и значатъ развѣ что-нибудь для одной меня, да и то въ другомъ смыслѣ: каждый рубль твой—цѣлое сокровище для меня; мнѣ жаль тратить эти деньги, какъ будто онѣ присылаются на память; но мать, отецъ и сестра иначе смотрятъ. Имъ нужны средства, положительныя средства... Теперь скажу тебѣ, что̀ я придумала. Напередъ прошу: не создавай себѣ, по обыкновенію, тысячу воображаемыхъ страстей и несчастій; не приписывай этому дѣлу самопожертвованіе съ моей стороны, не возмущай себя Бога ради тѣмъ, что все это вынуждено, что я рѣшаюсь на это съ отчаяньемъ въ сердцѣ и т. д., — будь разсудителенъ, обдумай хорошенько,—словомъ, докажи, что ты не ребенокъ, пора бы кажется!.. Вотъ въ чемъ дѣло: ты знаешь, что еще четыре года тому назадъ, Иванъ Петровичъ Куницынъ (помнишь, тотъ самый, у котораго три дома,—одинъ еще такой хорошенькій, на самомъ берегу рѣки) просилъ руки моей. Тогда я ребячилась и не хотѣла итти за него, несмотря, что тяжело было мнѣ жить въ собственномъ домѣ. Не думай, однакожъ, чтобъ и тогда былъ онъ мнѣ очень не по сердцу, но въ то время я была еще слишкомъ молода и довольно было пятидесяти лѣтъ Куницына, чтобы я отъ него отказалась. Теперь я сужу иначе. Къ тому же я разузнала кое-что о немъ:—онъ человѣкъ добрый. Говорятъ, будто онъ скупъ, — но что̀ мнѣ до этого! я не мотовка, не прихотлива,—ты это знаешь. Главное въ томъ, что Иванъ Петровичъ обѣщаетъ пристроить все наше семейство въ случаѣ, если я буду его женою. Я съ радостію отдаю ему свою руку. Надо же когда-нибудь этимъ кон-

Digitized by Google

чить. Можешь судить по сестрамъ, что значитъ остаться въ дѣвушкахъ. Обстоятельства наши, какъ видишь, не такъ еще плохи. Я даже надѣюсь избавить тебя отъ этихъ несчастныхъ ста рублей, которые тебѣ такъ нужны въ Петербургѣ. Да, я счастлива, дружокъ, когда думаю, что разсѣяла страшную тучу, которая чуть было не разразилась грозою надъ бѣдною твоею головкой. Въ первую минуту нашего несчастія думали вытребовать тебя сюда и даже начали было довольно успѣшно хлопотать о твоемъ опредѣленіи на какое-то вакантное мѣсто,—чуть ли даже не въ здѣшнемъ почтамтѣ,—какъ тебѣ это нравится! Но одного моего слова довольно было, чтобы разрушить такой блистательный планъ. Нужно тебѣ сказать, что съ той минуты, какъ я дала обѣщаніе Ивану Петровичу, вся семья смотритъ на меня другими глазами... Крестный отецъ не писалъ еще ни слова о твоей отставкѣ; ты представить себѣ не можешь, съ какимъ страхомъ смотрѣла я на каждое письмо, получаемое отцомъ. Вотъ, вотъ, думаю, пришло роковое извѣстіе... Но теперь, говорю тебѣ, я уже ничего не боюсь! Пусть пишетъ крестный отецъ свои жалобы, я защищу тебя, и мнѣ повѣрятъ. Если бъ не грѣхъ было оторвать тебя, на время, отъ мольберта, я непремѣнно потребовала бы, чтобъ ты явился на мою свадьбу. Но, Христосъ съ тобой, работай! Я такъ рада, что теперь, авось, ничто уже не помѣшаетъ тебѣ. Ты представить себѣ не можешь, какъ восторженно бьется мое сердце, я представляю тебя сидящимъ въ мастерской за картиной. Мнѣ кажется, я тогда вполнѣ счастлива. (Пожми крѣпко-крѣпко отъ меня руку Петровскому и Борисову; если бъ у меня было послѣ тебя еще два брата, я не любила бы ихъ болѣе). Итакъ, видишь, дружокъ, что обстоятельства не такъ дурны, какъ можно было ожидать. Не будь Ивана Петровича, и Богъ вѣсть, чѣмъ бы все это кончилось, особенно для тебя. Ты былъ бы истинно несчастливъ, тогда какъ я... э! да что говорить обо мнѣ!.. Подумай только, какая разница между тѣмъ, что сдѣлалъ бы ты, пріѣхавъ сюда, и тѣмъ, что я теперь дѣлаю. Съ твоей стороны было бы самопожертвованіе съ горькимъ сознаніемъ вѣрной погибели; передъ тобою блестящая будущность, слава, деньги, а я-то? суди самъ: бѣдная дѣвушка, вся будущность которой должна заключаться въ жалкомъ, тѣсномъ кругу, посреди такихъ же, какъ я, бѣдныхъ родителей, слышать охи и жалобы

Digitized by Google

матери, вѣчное ворчанье не очень любезныхъ сестрицъ... Скажи самъ, не завиднѣе ли будетъ предстоящая доля и не должна ли я ей радоваться! Не жалѣй же меня попустому, не приходи въ отчаяніе. Работай, работай! не падай духомъ, не унывай! вотъ о чемъ проситъ тебя твоя сестра. Во всемъ этомъ одно только горе: когда-то приведется намъ свидѣться?.. Прощай, братъ и другъ, прощай! Пиши мнѣ скорѣе; ты сталъ что-то лѣниться. Не трать цѣлаго часа на письмо, я не требую такой жертвы. Возьми просто листъ бумаги (только побольше) и каждый день приписывай мнѣ по нѣсколько строчекъ, да пиши подробнѣе о самомъ себѣ, что̀ дѣлаешь, какъ живешь; о Петербургѣ и петербургскихъ новостяхъ я знать не хочу. Совѣтую тебѣ также написать отцу, это порадуетъ больного. Не говори ему только ни слова объ академіи; предоставь это мнѣ,—я обдѣлаю лучше дѣло. Объясненія живымъ голосомъ, съ-глазу-на-глазъ, убѣждаютъ лучше всякаго письма. Прощай еще разъ! Дай тебя обнять крѣпко, крѣпко... ну, теперь хорошо, поцѣлуй меня еще разъ. Твоя сестра и другъ.

„PS. У меня еще просьба: пришли мнѣ свой портретъ. Не прошу теперь,—теперь, я знаю, ты занятъ,—но когда кончится экзаменъ. Попроси объ этомъ кого-нибудь изъ товарищей. Портретъ, который ты нарисовалъ съ себя когда-то съ зеркала, вовсе меня не удовлетворяетъ, хотя гляжу на него по сто разъ въ день. Прошу тѣмъ настойчивѣе, что въ эти четыре года, самъ ты говоришь, много перемѣнился, особенно нравственно“...

Чтеніе письма произвело три различныя дѣйствія на трехъ художниковъ. Андреевъ, блѣдный, разстроенный, ходилъ взадъ и впередъ по мастерской, обнаруживая всѣ признаки глубокаго отчаянія. Борисовъ сидѣлъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ и не переставалъ какъ-то неловко щуриться, какъ будто смотрѣлъ на солнце. Петровскій стоялъ съ письмомъ въ рукахъ, поднявъ кверху кудрявую свою голову; восторгъ сіялъ въ его черныхъ глазахъ и рѣзкія черты блѣднаго лица его отражали воодушевленіе.

— Ну, что̀ вы на это скажете? воскликнулъ Андреевъ, отчаянно всплеснувъ руками.

— Скажу, что такихъ женщинъ, такихъ благородныхъ созданій, какъ сестра твоя, не много на свѣтѣ! восторженно отвѣчалъ Петровскій.

Digitized by Google

— Какая женщина, это... это ангелъ, ангелъ, а не женщина! закричалъ Борисовъ, вскакивая съ мѣста и потрясая въ воздухѣ руками.—Послушай, Андреевъ... на будущій годъ тебѣ вѣрно зададутъ программу, ты ее кончишь, поѣдешь домой и возьмешь меня съ собою... я хочу видѣть твою сестру!..

— Скажу, кромѣ того, продолжалъ Петровскій,—что она въ тысячу разъ умнѣе и благоразумнѣе тебя! Полно ломать руки и приходить въ отчаяніе, ты долженъ во всемъ ея слушаться...

— Какъ! и ты можешь думать, что я приму такую жертву съ ея стороны?..

— Ты можешь судить по тону ея письма, что она совсѣмъ не такъ несчастлива... Наконецъ, она довольно ясно, кажется, говоритъ тебѣ, что жертвы нѣтъ ровно никакой...

— И ты вѣришь этому! вскричалъ Андреевъ. — Да знаешь ли, что этотъ господинъ Куницынъ негодяй, мерзавецъ первой руки, накравшій себѣ состояніе самыми подлыми поступками. И она... она, сестра моя, умная, воспитанная, съ возвышенною душою, будетъ его женой... и все это ради меня и спасенія моего семейства, — возможное ли это дѣло!.. Меня въ отчаяніе приводитъ только то,. что я могу опоздать...

— Что жъ ты хочешь дѣлать? спросили оба художника.

— Разумѣется, ѣду туда... Кто знаетъ еще, что̀ ожидаетъ меня здѣсь...

— Какъ, что̀ ты? вскричали въ одинъ голосъ Петровскій и Борисовъ,—образумься, тебѣ ли не надѣяться на себя, слава Богу!.. Укажи намъ человѣка во всей академіи, который бы такъ блистательно подвигался впередъ? Не забудь, Андреевъ, что много-много, если осталось еще потерпѣть три года, и тогда твое семейство не будетъ знать, какъ благодарить тебя...

— Да и въ эти три года сестра моя, вышедъ замужъ за мерзавца и негодяя, успѣетъ, можетъ статься, зачахнуть съ горя!..

Петровскій и Борисовъ принялись снова увѣщевать Андреева, призывая на помощь всю свою дружбу; — все было напрасно. Андреевъ ничего не слушалъ; онъ бросилъ кисти и сталъ готовиться въ дорогу. Но, къ счастію, за нѣсколько дней до отъѣзда, онъ получилъ отъ сестры вторичное письмо, въ которомъ объявляла она ему, что уже вышла замужъ.

Digitized by Google

Извѣстіе это страшно подѣйствовало на Андреева. Сначала Петровскій и Борисовъ не отходили отъ него ни на шагъ, думая, что все это разрѣшится какою-нибудь опасною болѣзнью; все прошло, однакожъ, благополучно. Черезъ нѣсколько дней Андреевъ принялся даже ходить въ классы. Мало-по-малу, оба пріятеля стали замѣчать въ немъ большую перемѣну; карандашъ его ходилъ какъ-то вяло и безжизненно по бумагѣ; самъ онъ видимо худѣлъ; глаза его окружились темною, прозрачною каймою. Въ наружности его начало выказываться невниманіе къ самому себѣ, во всемъ, — въ одеждѣ, прическѣ, пріемахъ. Онъ сдѣлался молчаливъ, несообщителенъ, и рѣдко удавалось пріятелямъ вырвать у него слово. Часто заставали его сидящаго неподвижно и погруженнаго въ мрачную меланхолію. За нѣсколько дней до экзамена, Петровскому и Борисову показалось, какъ будто Андреевъ нѣсколько оживился; онъ принялся дѣятельнѣе за работу. Искра вдохновенія и прежней горячности снова какъ будто промелькнула на блѣдномъ лицѣ его. День этотъ былъ для нихъ истиннымъ праздникомъ. Оба рѣшили въ сердцѣ, что успѣхъ, который ожидалъ Андреева, медаль и поощренія возвратятъ имъ прежняго товарища, и каждый, оставя его на время въ покоѣ, потиралъ себѣ руки, ожидая экзамена.

IX.

Самопожертвованіе.

Вскорѣ, однакожъ, Петровскій и Борисовъ увидѣли, что сильно ошиблись въ своихъ предположеніяхъ. Экзаменъ кончился, слухи, носившіеся въ академіи объ Андреевѣ, оправдались даже сверхъ ожиданія: онъ получилъ первый нумеръ и серебряную медаль; кромѣ этого, ему назначили программу и выдали вспомогательную сумму денегъ — и все это нимало не произвело на Андреева благодѣтельнаго дѣйствія, котораго такъ нетерпѣливо ожидали его пріятели. Онъ, правда, принялся за работу; каждый вечеръ отъ пяти до семи часовъ являлся въ классы, — но уже трудно было не замѣтить въ немъ какого-то охлажденія,—какъ будто работалъ онъ противъ собственной воли. Иногда по цѣлому часу не сводилъ онъ глазъ съ одной точки, и вдругъ потомъ, какъ бы спохватившись, быстро нагибался къ папкѣ; но минуту спустя, рука его

Digitized by Google

снова чертила разсѣянно и мысли видимо отвлекали его отъ занятій. Борисовъ приходилъ въ совершенное отчаяніе. Онъ не спускалъ глазъ съ Андреева и ухаживалъ за нимъ, какъ нянька. Разъ какъ-то (это случилось мѣсяца два послѣ экзамена), Борисовъ невольно удвоилъ свое вниманіе.

Оба они сидѣли въ натурномъ классѣ; рѣзкій свѣтъ лампы, прикрытый бѣлымъ колпакомъ, падалъ прямо на голову Андреева, такъ что Борисовъ, сидѣвшій ступенью ниже, могъ легко различать малѣйшее движенье на лицѣ товарища. Андреевъ показался ему еще блѣднѣе обыкновеннаго; несмотря на это, во всѣхъ чертахъ его замѣтно было какое-то спокойствіе, что-то строгое, схожее съ выраженіемъ твердой, непоколебимой рѣшимости. Съ самаго начала класса, онъ не дотронулся до карандаша и, скрестивъ на груди руки, медленно переносилъ задумчивые взгляды изъ одного конца залы въ другой. Наконецъ, онъ неожиданно закрылъ папку и принялся затягивать завязки съ тѣмъ стараніемъ, какое прикладываетъ гробовщикъ, завинчивая крышку гроба.

Движеніе это, сопровождаемое подавленнымъ вздохомъ и слезою, внезапно блеснувшею на рѣсницахъ, не ускользнуло отъ Борисова. Мягкое сердце бѣднаго художника сжалось отъ предчувствія чего-то недобраго. Онъ поспѣшно спряталъ свои рисунки и вышелъ изъ класса, давъ себѣ слово дождаться Андреева въ коридорѣ и заговорить съ нимъ. У воротъ академіи онъ остановилъ его.

— Ну, что, голубчикъ, какову группу поставилъ профессоръ?.. Много ты сдѣлалъ сегодня?.. спросилъ Борисовъ, взявъ Андреева подъ руку и стараясь принять свою обыденную, суетливо-смѣющуюся физіономію.

— Нѣтъ, я сегодня ничего не дѣлалъ, отвѣчалъ тотъ, проводя ладонью по лицу,—ты знаешь, я смерть не люблю неоконченныхъ работъ, а такъ какъ эту врядъ ли придется мнѣ кончить,—я и не начиналъ.

— Вотъ славно!.. такая чудная группа!.. Я тебя не понимаю... перебилъ Борисовъ, измѣняя своему голосу.

— Я ходилъ прощаться съ академіею, присовокупилъ Андреевъ, судорожно пожимая ему руку.

Голосъ Андреева обдалъ холодомъ всю внутренность Борисова.

— Что ты говоришь?.. спросилъ онъ, останавливаясь

Digitized by Google

какъ пригвожденный на одномъ мѣстѣ.—Помилуй, Андреевъ, что это ты съ нами дѣлаешь?..

— Пойдемъ домой... все узнаешь...

Борисовъ окончательно растерялся. Тысяча мыслей осадили слабую его голову. Онъ не зналъ, что сказать, что думать, и какъ шальной бѣжалъ въ притруску за Андреевымъ.

Вскорѣ достигли они мастерской. Борисовъ бросился къ Петровскому, который сидѣлъ противъ оконченной картины своей и радостно ее осматривалъ.

— Не вѣрь ему, Петровскій, не вѣрь,—онъ съ ума сошелъ!.. крикнулъ Борисовъ, задыхаясь на каждомъ словѣ и указывая на Андреева, который готовился что-то сказать.—Такой вздоръ несетъ, что просто уши вянутъ; говоритъ, что ходилъ нынче въ классы, чтобы проститься съ академіей, что не думаетъ, удастся ли ему окончить рисунокъ...

— Что ты говоришь? весело спросилъ Петровскій, приподымаясь съ мѣста и слегка удерживая Борисова рукою.

— Нѣтъ, Петровскій, онъ говоритъ правду, сказалъ Андреевъ,—Борисовъ ошибся въ томъ только, что счелъ меня за сумасшедшаго. Повторяю, я ходилъ нынче въ классы, чтобы проститься съ академіею, и нынѣшній вечеръ будетъ послѣдній, который я проведу съ вами, прибавилъ онъ, устремляя мокрые глаза свои на Петровскаго, потомъ на Борисова.

Слова эти и движеніе, которое ихъ сопровождало, обледенили сердце обоихъ художниковъ. Они были сказаны тѣмъ спокойнымъ голосомъ, въ которомъ явственно звучала рѣшимость непреклонная и обдуманная.

— Что же все это значитъ?.. что такое?.. вымолвилъ Петровскій, хмуря брови и подходя къ Андрееву.—Помилуй, братецъ, опомнись, что ты говоришь,—подумай...

— Полно, Петровскій, спокойно отвѣчалъ Андреевъ,—не трать попустому увѣщаній, продолжалъ онъ, протягивая ему руку,—теперь они рѣшительно ни къ чему не послужатъ,—поздно!.. заключилъ Андреевъ, вынимая изъ кармана скомканное письмо.—Сядьте-ка лучше, прочтите, и потомъ оба скажите: правъ я или нѣтъ...

Петровскій развернулъ письмо, Борисовъ придвинулся ближе, и оба прочли слѣдующее:

„Любезный сынъ! Не знаю, чѣмъ прогнѣвили мы Творца Небеснаго, что Онъ такъ горько наказываетъ насъ: мать

Digitized by Google

того несчастія, которое случилось съ отцомъ твоимъ, и въ тебѣ не видимъ утѣшенія на старости лѣтъ нашихъ. Твое безпутное поведеніе дошло до нашего слуха; стыдно тебѣ противъ насъ, родныхъ твоихъ, и грѣшно передъ Господомъ Богомъ не помнить благодѣяній добрыхъ людей. Мы все узнали отъ твоего крестнаго отца, и извѣстіе это такъ опечалило отца (который и безъ этого уже еле живъ), что мы думали, оно сведетъ его въ могилу. Къ тому же, несчастіе еще другое постигло насъ въ мужѣ сестры твоей Софьи. Горько обманулись мы въ немъ! Онъ вышелъ подлый человѣкъ и что̀ ни на есть обманщикъ и наглецъ. Онъ формально отказался теперь давать намъ пособіе, какъ по уговору до Сонюшкиной свадьбы, а мы, какъ ты знаешь, съ тѣмъ только и отдавали ее. Теперь, какъ самъ видишь, мы лишены всякой надежды на пропитаніе, и если ты не отступишься отъ развратныхъ друзей своихъ, не бросишь безпутной жизни,—мы принуждены будемъ идти по-міру. Послѣ несчастія съ отцомъ, всѣ отъ насъ отступились и знать не хотятъ. Одинъ только Никаноръ Акимычъ, нашъ засѣдатель,—добрый человѣкъ,—не оставляетъ насъ своими совѣтами и утѣшеніями. Если ты не захочешь заслужить проклятія нашего родительскаго, исполни волю матери и отца. По полученіи этого письма, отецъ съ смертнаго одра приказываетъ тебѣ не медля ѣхать сюда, и всѣ мы убѣдительно и слезно о томъ тебя просимъ. Тебѣ пріискалъ здѣсь отецъ хлѣбное мѣсто на почтѣ, благодаря заботамъ Никанора Акимыча. Ты теперь вся наша надежда и спасеніе, и вѣрно не захочешь своею волею уморить родныхъ съ голоду и печали. Сестры твои, Лизавета и Дарья, и всѣ мы просимъ тебя со слезами исполнить нашу общую волю. Получишь это письмо, продай, что̀ есть у тебя, да подумай объ насъ и не допусти безпутныхъ твоихъ товарищей отнять у тебя эти деньги,—а привези сюда. Проклятый лѣкарь (оказался злодѣемъ) сказалъ, что ходить не станетъ къ отцу, если денегъ давать не будутъ, а отецъ при-смерти. Скоро и въ аптекѣ лѣкарствъ отпускать не будутъ. Злодѣй и то пригрозился намъ этимъ. Прощай, любезный сынъ нашъ, молимъ всѣ Творца милосерднаго, чтобы навелъ тебя на путь спасенія и не попустилъ оставить безъ крова и призрѣнія бѣдныхъ родителей твоихъ. Бѣлье только не продавай, смотри, а то дома надо будетъ покупать, да шить,—а чай у васъ въ Петербургѣ и дадутъ-то дешево. Сестры

всѣ тебѣ кланяются, кромѣ Софьюшки, которую мы, по причинѣ ссоры нашей съ ея наглецомъ-мужемъ, уже мѣсяцъ какъ не видали. Таетъ она, бѣдная, какъ свѣчка. Прощай, молю Бога о спасеніи души твоей. Многолюбящая твоя мать, Анна Андреева".

Окончивъ чтеніе, оба художника молча опустили головы. Возражать было нечего; утѣшать также. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда несчастіе слишкомъ явно, неотклонимо,— утѣшенія раздражаютъ еще сильнѣе раны и безъ того уже истерзаннаго сердца.

. . . . . .

Дня три послѣ прочтенія письма, около полудня, Андреевъ, одѣтый по-дорожному, ѣхалъ на дрожкахъ, сопровождаемый Петровскимъ и Борисовымъ, сидѣвшими на другомъ извозчикѣ. Оба художника, казалось, избѣгали разговора. Петровскій, повернувшись нѣсколько бокомъ къ колесамъ, не отрывалъ грустнаго, задумчиваго взгляда отъ мостовой; Борисовъ смотрѣлъ въ противоположную сторону и изрѣдка лишь жмурившіеся глазки его, не сходившіе съ Андреева, устремлялись искоса на Петровскаго. Молчаливое раздумье товарища видимо начинало безпокоить Борисова. Въ эту минуту, болѣе чѣмъ когда-нибудь, мягкая душа его, подавленная грустью, искала сообщительности. Онъ пытался уже нѣсколько разъ завести разговоръ, но глаза его встрѣчали каждый разъ стиснутыя брови Петровскаго, и Борисовъ, подавивъ глубокій вздохъ, поневолѣ продолжалъ молчать. Къ концу дороги онъ, однакожъ, не выдержалъ, подвинулся ближе къ Петровскому и сказалъ, переминаясь на своемъ мѣстѣ, какъ курица, которая боится раздавить яйца: „Кажется, будто дождичекъ собирается..." Петровскій окинулъ холоднымъ взглядомъ мутно-свинцовое небо и молча повернулся въ сторону. Немного погодя, Борисовъ снова началъ: „Скажи пожалуйста, куда это валитъ отовсюду народъ?.. должно-быть сегодня какой-нибудь праздникъ..." На этотъ разъ Петровскій не поднялъ даже головы, и Борисовъ послѣ этого не рѣшился пускаться въ объясненія.

А между тѣмъ, дорога отъ Васильевскаго острова до Ямской, куда направлялись художники, проходя по самымъ шумнымъ улицамъ Петербурга, дѣлалась съ часу на часъ многолюднѣе. Пестрыя толпы народу, коляски, омнибусы, дрожки, наполненныя разряженными обывателями, катили имъ прямо навстрѣчу и поминутно загра-

Digitized by Google

ждали путь. Все это скакало и толкалось, несмотря на пасмурное ненадежное небо, по направленію къ островамъ, гдѣ должно было произойти въ этотъ день гулянье и фейерверкъ. Весь городъ какъ будто заодно пробудился въ это утро. Во всѣхъ концахъ его раздавался грохотъ экипажей, слышались восклицанія, хохотъ и гулъ толпы, напиравшей изо всѣхъ улицъ длинными, волнующимися полосами. Медленно тащились дрожки нашихъ художниковъ, пробираясь между народомъ и рядами экипажей: веселыя лица мѣщанъ, принужденныхъ давать имъ иногда дорогу, останавливались съ любопытствомъ на печальныхъ лицахъ трехъ художниковъ, какъ бы не понимая, на какого чорта могли тащиться люди куда-нибудь, кромѣ Крестовскаго или Елагина. Наконецъ, кой-какъ, пріятели наши достигли Ямской. Извозчикъ, нанятый наканунѣ Андреевымъ, уже давно дожидался. Андреевъ уложилъ чемоданъ, сѣлъ въ телѣжку, и протянулъ въ послѣдній разъ руки двумъ товарищамъ. Прощанье совершилось такъ же молчаливо, какъ и проводы. Каждый сознавалъ въ глубинѣ души свою потерю, и нѣмые признаки скорби на лицахъ говорили краснорѣчивѣе всякихъ словъ и нѣжныхъ изліяній. Одинъ Борисовъ рыдалъ какъ ребенокъ.

. . . . . .

Вечеромъ того же дня, послѣ того, какъ прошло первое тяжелое впечатлѣніе, Петровскій и Борисовъ оставили мастерскую и пошли бродить по острову. Преданные оба грустнымъ своимъ мыслямъ, они не замѣтили, какъ очутились въ первой линіи. Лѣтомъ, подъ вечеръ, и особенно въ праздничные дни, первая линія Васильевскаго острова представляетъ самую оживленную панораму. Она служитъ самымъ близкимъ сообщеніемъ между Петербургомъ и островами, заселенными въ лѣтнее время почти половиною городского люда. Въ такіе дни, мостовая ея не перестаетъ гремѣть подъ тысячами колесъ и сотнями тысячъ ногъ. Тутъ встрѣтите вы денежную и родовую аристократію, летящую въ каретахъ, кабріолетахъ, ландо и шарабанахъ на Каменный островъ, застроенный великолѣпными дачами и виллами; встрѣтите купцовъ въ вычурныхъ расписныхъ телѣжкахъ или на бѣговыхъ дрожкахъ; колоссальнымъ извозчичьимъ каретамъ, не мытымъ со времени наводненія 1824 года,— нѣсть числа; начиненныя розовыми бантами, чепцами, платочками и коленкоровыми шляпками, покрывающими плеча и головки женъ и дочекъ средняго купеческаго и

Digitized by Google

чиновничьяго сословія,—онѣ медленно ползутъ, какъ неуклюжіе морскіе раки, между тѣсными рядами жиденькихъ извозчичьихъ дрожекъ, которыя, въ свою очередь, кажутся подлѣ нихъ какими-то муравьями. Между омнибусами, напоминающими Ноевъ ковчегъ, часто попадаются фаэтоны и экипажишки особеннаго устройства, дешевенькіе, но комфортабельные, принадлежащіе петербургскимъ нѣмцамъ и французамъ: хозяевамъ магазиновъ, зажиточнымъ мастерамъ, ремесленникамъ,—счастливымъ обывателямъ дачъ, величиною съ карточный домъ, въ Чухонской или Новой деревнѣ. Тротуары запружены народомъ. Мелочные чиновники—женатые съ зонтиками, холостые съ тросточками,—щеголи писаря, размалеванныя красавицы, гостинодворцы съ супругами, мѣщане, подмастерья въ затрапезныхъ халатахъ, съ „гармоніею“ подъ мышкою,—все это тискается, давится и суетится, спѣша на Крестовскій, осуществляющій для нихъ Эльдорадо.

Петровскій и Борисовъ, затертые толпою, какъ два крупичатыя зерна жерновомъ мельницы,—послѣдовали общему направленію и, почти противъ воли, очутились на шумныхъ островахъ. Свѣжій водяной воздухъ, шумъ пестрой толпы, волнующейся по живописнымъ берегамъ, покрытымъ зеленью, отдаленные звуки музыки, открытые балконы и террасы, наполненные женщинами, стукъ экипажей, движеніе, — все это произвело свое обаяющее дѣйствіе на двухъ художниковъ и мало-по-малу взяло верхъ надъ упорною тоскою. Согласившись провести здѣсь остатокъ вечера, они пробирались уже на Елагинъ, центръ увеселеній,—какъ вдругъ на самой серединѣ Крестовскаго моста столкнулись совершенно неожиданно съ толпою художниковъ, предводительствуемыхъ Чибезовымъ, Вахрушевымъ и Сидоренко. Всѣ они были нѣсколько на-веселѣ.

— А! Петровскій, Борисовъ! куда? какими судьбами?.. закричали они въ одинъ голосъ, окружая товарищей, которые употребляли всѣ усилія, чтобы скорѣе пробраться впередъ. — Куда жъ вы, господа?.. пойдемте съ нами, я вамъ покажу дочь канатнаго плясуна Вейнарда, — сейчасъ должно кончиться представленіе, — чудо дѣвчонка! ноги, руки, торсъ,—хоть сейчасъ пиши вакханку... произнесъ Вахрушевъ, бойко черкнувъ указательнымъ пальцемъ по воздуху.

— Эхъ, господа... эхъ, Петровскій... лихо! веселись душа!.. просто римскій карнавалъ, чортъ побери... Roma!

Digitized by Google

Napoli!.. кричалъ Чибезовъ, махая картузомъ во всѣ стороны. — Ну, а гдѣ же Андреевъ, что жъ я не вижу Андреева?

— Андреевъ уѣхалъ нынче утромъ, сухо отвѣчалъ Петровскій.

— И въ самомъ дѣлѣ... вѣдь я совсѣмъ забылъ... экъ я!.. воскликнулъ Чибезовъ, шлепнувъ себя по лбу.

— А жаль, право жаль, перебилъ Вахрушевъ, дѣлая строгую, задумчивую физіономію, — онъ былъ съ талантомъ; я недавно еще смотрѣлъ его послѣдній этюдъ съ натуры,—сочно, чертовски сочно и планисто сталъ было писать...

— Да, и лѣпка и планы дались ему какъ-то въ послѣднее время, мрачно сказалъ Сидоренко, въ которомъ вино производило всегда нѣчто въ родѣ меланхоліи.—Но какой же лѣшій вселѣлъ ему бросить академію и ѣхать въ печальную нашу провинцію?..

Петровскій и Борисовъ, вмѣсто отвѣта, раскланялись съ пріятелями и готовились уже пробраться на другую сторону моста, но въ эту самую минуту извозчичья коляска пересѣкла имъ дорогу и снова заставила ихъ втереться въ толпу художниковъ. Борисовъ поднялъ глаза кверху и остолбенѣлъ; удивленіе бѣднаго художника увеличилось втрое болѣе, когда Вахрушевъ рванулся, сломя голову, и принялся раскланиваться съ хорошенькой женщиной, сидѣвшей въ колескѣ, которая, въ свою очередь, послала ему съ веселою улыбкою нѣсколько поклоновъ.

— Кто это? кто такая?.. спросили въ одинъ голосъ художники, окружая Вахрушева, который не переставалъ кланяться вслѣдъ давно исчезнувшему экипажу.

— Какова! произнесъ „Вандикъ“, надѣвая на-бокъ бѣлую свою шляпу и самодовольно забрасывая за лѣвое плечо бархатные отвороты плаща.

— Чудо! прелесть! Но кто же она?.. Охъ, злодѣй, султанъ! кого онъ только не знаетъ, чортъ его возьми... Ну, да говори же, кто она?.. зашумѣли вокругъ Вахрушева.

Борисовъ затаилъ дыханіе.

— Это одна изъ добрыхъ моихъ знакомыхъ, отвѣчалъ „Вандикъ“, трепля себя за усы. — Она живетъ у одного моего знакомаго — золотопромышленника; я, впрочемъ, давно ее знаю; она ходила прежде къ одной, Левицкой, которая тоже нѣсколько мнѣ знакома... прибавилъ онъ, выразивъ на лицѣ безпечную, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, де-

монски-плутовскую улыбку. — Ее зовутъ Катерина Андреевна, — да что говорить, вотъ на-дняхъ или когда-нибудь, если хотите, можете увидать ее у меня въ мастерской, — я обѣщалъ написать ея портретъ въ видѣ вакханки...

Петровскій и Борисовъ обмѣнялись взглядами и молча разстались съ художниками. Обстоятельство это мигомъ возвратило имъ всѣ грустныя мысли. Они вспомнили Андреева, который тащился теперь по пустынной дорогѣ, и, полные тяжелой тоски, достигли мастерской, не дождавшись окончанія праздника.

X.

Заключеніе.

Пять лѣтъ спустя послѣ описанныхъ выше происшествій, имя Петровскаго было уже извѣстно во всѣхъ почти академіяхъ Европы. Новая картина, написанная имъ въ Италіи, была привезена, послѣ парижской выставки, въ Петербургъ. Съ ней вмѣстѣ пріѣхалъ и Петровскій. Окруженный славою, осажденный со всѣхъ сторонъ блистательными заказами, Петровскій не забылъ, однакожъ, стараго своего товарища Борисова. Онъ отыскалъ его гдѣ-то въ восемнадцатой линіи Васильевскаго острова, на чердакѣ, и, тронутый бѣдностію пріятеля, предложилъ ему работу. Работа заключалась въ томъ, что надо было исполнить по эскизамъ Петровскаго иконостасъ и куполъ собора въ одной изъ южныхъ нашихъ губерній. Каждый легко себѣ представитъ, съ какою радостію принялъ Борисовъ такое предложеніе. Онъ получилъ задаточную сумму денегъ, накупилъ кистей и красокъ, взялъ мѣсто, простился съ Петровскимъ и уѣхалъ.

Вотъ отрывокъ изъ письма Борисова, полученнаго Петровскимъ по прошествіи нѣсколькихъ дней.

„Итакъ, голубчикъ, согласно уговору нашему передъ моимъ отъѣздомъ, я завернулъ въ городокъ, гдѣ живетъ нашъ бѣдный Андреевъ. Передать тебѣ не могу чувство, которое овладѣло мною, когда я увидѣлъ этотъ городокъ. Мысли ли мои были такъ настроены, но онъ показался мнѣ въ высшей степени печальнымъ и унылымъ. Было около полудня, когда я въѣхалъ въ полуобвалившуюся заставу. Тишина мертвая царствовала на улицахъ, какъ будто жители, запугавшись, наконецъ, ветхости своихъ

лачужекъ, перебрались заблаговременно въ другое мѣсто. Хозяинъ постоялаго двора,—что-то среднее между мѣщаниномъ и мужикомъ, — на вопросъ мой: „здѣсь ли почтмейстеръ Андреевъ!“ отвѣчалъ утвердительно; онъ объяснилъ мнѣ, какъ пройти къ нему. Результатомъ этого объясненія было, однакожъ, то, что, сдѣлавъ два или три поворота, я очутился между двумя заборами, которые примыкали къ огромному оврагу; на днѣ бѣжалъ потокъ и высился колодезь, прикрытый часовней. Я сталъ рѣшительно втупикъ. Если приводилось тебѣ испытывать минуты, предшествующія свиданію, даже самому радостному, ты долженъ понимать, какою невыносимо тяжелою тоскою давятъ онѣ сердце; кажется даже, что въ поспѣшности человѣка, который бѣжитъ на свиданіе, заключается столько же желанія скорѣе освободиться отъ этого тягостнаго чувства, сколько нетерпѣніе обнять друга или пріятеля. Не знаю, долго ли простоялъ бы я такимъ образомъ между заборами, если бъ не выручила меня баба, явившаяся у колодца на днѣ оврага. Я спустился къ ней и она указала мнѣ домъ Андреева, выступившій однимъ бокомъ надъ пропастью. Съ этой стороны нельзя было подойти къ нему; требовалось сначала обогнуть весь оврагъ и выбраться на улицу. Когда я поровнялся съ домомъ, сердце мое почему-то сильно забилось. Я заглядывалъ въ каждое окно, но окна были занавѣшены полинявшимъ ситцемъ: въ домѣ, казалось, было такъ же тихо, какъ и на улицѣ. Я вошелъ въ растворенныя настежь ворота, на небольшой дворикъ, окруженный сараями, заросшій полынью и крапивой, покрытый обручами и сушившимися кадочками. Кое-гдѣ бѣгали куры. На кривомъ крылечкѣ сидѣлъ сѣдой старикъ въ солдатской шинели и чинилъ на солнцѣ какія-то лохмотья.

„— Здѣсь живетъ Андреевъ? спросилъ я.

„— Григорій Петровичъ?“—„Да“.—„Здѣсь,—да его теперь дома нѣтъ, съ должности не пришелъ, нынѣ почта...“

„Минутъ десять спустя, я входилъ въ низенькія сѣни почтовой конторы; отворивъ дверь, я очутился въ тѣсной толпѣ мужиковъ и кучеровъ. На днѣ комнаты, за небольшимъ столомъ, уставленнымъ конвертами и пятаками, сидѣлъ Андреевъ. Согнувшись въ три погибели, онъ записывалъ одною рукою въ книгу, другою считалъ деньги... Трудно тебѣ разсказать, какъ онъ измѣнился. Сердце замерло во мнѣ. Я подошелъ къ нему и тронулъ его по плечу.

Digitized by Google

„— Сейчасъ, подождите, проговорилъ онъ, продолжая писать, но вдругъ поднялъ глаза, смутился, всталъ съ своего мѣста, схватилъ меня за руки и съ радостнымъ крикомъ бросился обнимать меня.

„— Григорій Петровичъ, произнесъ грубый голосъ изъ-за другого стола,—почта ждетъ...

„— Сейчасъ, сейчасъ... подождите немножко...

„И онъ снова кинулся мнѣ на шею. Чрезъ пять минутъ почта была отправлена, и мы очутились оба на улицѣ.

„— Что, какъ? откуда? Какими судьбами!.. вскричалъ Андреевъ, не помня себя отъ радости.

„Я разсказалъ ему цѣль своего путешествія; мы разговорились о тебѣ. Онъ слушалъ меня съ восторгомъ и боялся, кажется, пропустить слово; но только что подошли мы къ его дому,—восторженность и вниманіе какъ рукой сняло. Онъ растерялся. Сдѣлавъ движеніе, какъ будто внезапно пробуждался отъ сна, онъ боязливо оглянулъ окна, остановилъ меня подъ калиткою и попросилъ Христа ради не обнаруживать передъ домашними настоящаго моего званія.

„— Слова: художникъ и живописецъ производятъ на нихъ по сію еще пору самое неблагопріятное дѣйствіе... Скажи имъ, что ты чиновное лицо, и все будетъ прекрасно...

„Говоря это, Андреевъ не переставалъ оглядываться во всѣ стороны.

„Съ стѣсненнымъ сердцемъ поднялся я за нимъ на крылечко. Въ сѣняхъ меня обдало запахомъ утюга, мыла, жареной рыбы. Въ перекосившихся дверяхъ мелькнула женская фигура, съ засученными по локоть рукавами, и почти въ то же время чьи-то два глаза сверкнули въ скважинѣ. Мы вошли въ крошечную, душную комнатку, съ кривымъ потолкомъ, усѣяннымъ до-черна мухами. Ободранный диванъ, два стула и надъ ними пыльная ландкарта лѣпились криво и косо вдоль стѣнъ грязно-молочнаго цвѣта. Отъ всего этого за версту пахло нищетою. Между простѣнками болтались на гвоздикахъ холстяные мѣшечки, вѣроятно съ сушившимися сѣменами. На подоконникѣ лежала крошечная подушка, съ пришпиленною къ ней ситцевой наволочкой. Мѣдный наперстокъ, игольникъ и ножницы показывали, что комната не совсѣмъ принадлежала Андрееву. Пустившись въ разспросы, я узналъ, что онъ женатъ, отецъ его и сестра

Digitized by Google

Софья умерли. Разговоръ происходилъ шопотомъ. Андреевъ не переставалъ коситься на дверь.

„— Ну, да что тебѣ говорить, произнесъ онъ, наклонившись къ моему уху,—пробудь здѣсь нѣсколько часовъ и лучше узнаешь мою настоящую жизнь, чѣмъ если бъ я сталъ тебѣ ее описывать.

„— Григорій Петровичъ! произнесъ чей-то кисленькій голосъ за дверью.

„Андреевъ пожалъ мнѣ руку и поспѣшно скрылся. Мнѣ послышался тогда шелестъ платья и вслѣдъ за тѣмъ шопотъ нѣсколькихъ голосовъ. Минуту спустя, Андреевъ ввелъ въ комнату высокую, сухощавую, нѣсколько сгорбленную старуху, въ очкахъ и въ затасканномъ траурномъ чепцѣ на головѣ.

„— Вотъ, матушка, рекомендую вамъ моего стараго петербургскаго пріятеля, сказалъ Андреевъ, стараясь придать своему голосу самую мягкую и нѣжную интонацію.

„Старуха опустила сухощавыя руки свои кофейнаго цвѣта, и, прищурившись на меня сквозь мутное стекло очковъ, сказала нерѣшительнымъ, черствымъ голосомъ:

„— Очень рада, батюшка,—прошу покорно садиться,—просимъ милости... вы давно изъ Петербурга-то?

„— Съ недѣлю.

„— Ась?.. не слышу я, батюшка.

„Я повторилъ отвѣтъ.

„— А чѣмъ изволите заниматься, батюшка?..

„Не трудно было замѣтить, что одна мысль о томъ, что я былъ, можетъ статься, одинъ изъ тѣхъ пріятелей, которые сбили съ толку ея сына, предубѣждала противъ меня старуху; я смѣло назвался чиновникомъ, не помню уже какого вѣдомства.

„— Охъ, батюшка, произнесла старуха плаксиво-несчастнымъ тономъ,—какъ же вы это запамятовали Гришу?.. Стоитъ ли онъ, чтобы вы, должностной и важный человѣкъ, о немъ думали?.. вы, я чай, знали же его въ Петербургѣ?

„Тутъ старуха, къ величайшему моему удивленію, начала бранить сына, укорять его въ лѣности, въ безпутномъ поведеніи, присовокупивъ, что если бъ онъ только захотѣлъ, то вѣрно достигъ бы, подобно мнѣ, почетнаго доходнаго мѣста; что своимъ прежнимъ безпутствомъ заставилъ ихъ всѣхъ глаза выплакать, и проч., проч. Бѣдный нашъ Андреевъ стоялъ во все это время потупя го-

Digitized by Google

лову, краснѣлъ и мялся. Я поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

„— Надолго ли вы, батюшка, остановились въ нашемъ городѣ?

„— Нѣтъ, всего на одинъ день, отвѣчалъ Андреевъ, ласково обращаясь къ матери.

„— Не тебя спрашиваютъ, сурово произнесла старуха,— развѣ не видишь, я говорю съ ними...

„Я удовлетворилъ ее отвѣтомъ.

„— Я пригласилъ „ихъ“ обѣдать у насъ, робко сказалъ Андреевъ.

„Старуха быстро подняла голову и, бросивъ на сына нетерпѣливый взглядъ, сказала довольно грубо, но стараясь, однакожъ, придать черствому лицу своему жалостливое выраженіе:

„— Не взыщите, батюшка, вы, я чай, въ Петербургѣ-то привыкли къ хорошему столу... у насъ не то... не взыщите, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады...

„Старуха встала и вышла въ дверь, которая съ трудомъ уступила ей, потому что на нее, вѣроятно, напирали изнутри любопытные. Не успѣлъ я подойти къ Андрееву, какъ тотъ же кисленькій голосъ снова позвалъ его. Я услышалъ тогда въ сосѣдней комнатѣ стукъ тарелокъ, который не помѣшалъ мнѣ разслышать отрывчатый, недовольный шопотъ. Андреевъ вернулся ко мнѣ окончательно растерянный. Мы пошли обѣдать. Комната, въ которую мы вступили, была нѣсколько просторнѣе первой, но до того завалена всякою рухлядью, что оставалось только посрединѣ мѣсто для стола. Кромѣ матери, тутъ находились еще три женщины. Одна изъ нихъ толстая, расплывшаяся, съ лицомъ похожимъ на плохо выпеченное яблоко, съ взглядомъ дерзкимъ; другая помоложе, лѣтъ тридцати-пяти, длинная, рябая,—весь портретъ матери, съ пучкомъ рыжихъ волосъ на затылкѣ, въ видѣ рѣдьки; третьей было всего лѣтъ двадцать съ небольшимъ. Лицо ея, бѣлое и пухлое, отражало всѣ признаки глупости и тупости непроходимой.

„— Рекомендую тебѣ: жена моя... сказалъ Андреевъ, протягивая къ ней руку,—а это сестры, продолжалъ онъ, указывая на первыхъ двухъ.

„Всѣ три жеманно поклонились, и мы сѣли за столъ.— Разговоръ, какъ можешь себѣ представить, не былъ очень пріятенъ; сказано было, между прочимъ, съ явною иро-

Digitized by Google

ніею, что столичному жителю скучно должно быть въ ничтожномъ уѣздномъ городкѣ, что всѣ столичные люди стараются всегда подмѣчать, что̀ и какъ говорятъ провинціалы; потомъ постепенно рѣчь зашла о погодѣ, и жена Андреева, молчавшая все время, сказала, покраснѣвъ до ушей, точно такъ же, какъ и мужъ ея, что погода стоитъ нынче „прикрасная“, и т. д. Словомъ, грустно, голубчикъ Петровскій.—Въ продолженіе этого злосчастнаго обѣда, я успѣлъ замѣтить, что всѣ члены семейства, кромѣ самого Андреева, разумѣется, ненавидѣли другъ друга, или, по крайней мѣрѣ, каждый изъ нихъ имѣлъ противъ другого хоть временную „контру“. Не легко было также видѣть, что съ Андреевымъ обращались съ какою-то невнимательностью и пренебреженіемъ. Въ эти полчаса настоящая жизнь его раскрылась передо мною во всемъ своемъ безобразіи. Онъ видимо находился подъ вліяніемъ всей этой сволочи. Что-жъ мудренаго? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, это понятно: страхъ, который овладѣваетъ всякимъ порядочнымъ человѣкомъ при одной мысли о ссорѣ, скандалѣ или сценѣ,—особенно въ семействѣ,—заставляетъ его иногда невольно терпѣть и смалчивать; люди грубыхъ свойствъ, невоспитанные, никогда не въ состояніи оцѣнить такого чувства, оно, напротивъ того, служитъ какъ бы потачкою ихъ дерзости. Объясняя терпѣніе робостью или трусостью, они всегда воспользуются ими, чтобы сѣсть человѣку на шею.

„Наконецъ обѣдъ, или вѣрнѣе сказать: мука моя—кончилась. Я и Андреевъ снова очутились въ первой комнатѣ. Передать тебѣ не могу, голубчикъ, тяжелое, стѣсненное чувство, въ какомъ я находился: грусть, тоска, досада кипѣли въ одно и то же время въ моемъ сердцѣ. Я слышалъ за дверью ворчливый шопотъ, видѣлъ взгляды сквозь щели и трещины, и думалъ только, несмотря на удовольствіе встрѣтиться съ Андреевымъ,—какъ бы поскорѣе вырваться на волю. Мнѣ душно становилось въ этомъ домѣ. Андреевъ понялъ, вѣроятно, что̀ во мнѣ происходило. Онъ подошелъ ко мнѣ:—„пойдемъ отсюда“, шепнулъ онъ, наклоняясь, какъ бы нечаянно, къ моему уху. Какъ воры, вышли мы украдкою изъ дому. Миновавъ дома и заборы, мы обогнули городъ и очутились на самой возвышенной точкѣ крутого берега, омываемаго широкою рѣкою. Подъ ногами у насъ, въ страшной глубинѣ, лѣпились вдоль берега лачужки рыбаковъ, окруженныя ветлами и сушив-

Digitized by Google

шимися бреднями. За рѣкою стлались Богъ вѣсть куда необозримые луга, пересѣченные кой-гдѣ темными клиньями сосноваго лѣса. Вправо, къ оврагу, за небольшимъ пустыннымъ валомъ, виднѣлось городское кладбище. Андреевъ повелъ меня прямо туда.

„— Вотъ, сказалъ онъ, указывая на глинистый бугорокъ, прикрытый плитнякомъ и осѣненный тщедушною ветелкой,—и ты любилъ ее когда-то... О! если бъ ты зналъ только, Борисовъ, до какой степени потеря сестры осиротила меня!.. прибавилъ онъ, проводя пальцами по глазамъ.—Смерти отца я почти не замѣтилъ,—мнѣ стало только грустно;—насъ связывали одинъ долгъ и привычка,—но тутъ я сталъ какъ одинъ на свѣтѣ.

„Мы сѣли на траву подлѣ могилки и долго говорили. Я замѣтилъ, что Андреевъ перемѣнился, когда мы вышли изъ его дому; но теперь, мало-по-малу, перемѣна эта сдѣлалась еще замѣтнѣе; онъ сталъ совсѣмъ какъ бы другимъ человѣкомъ.

„— Да, Борисовъ, для меня все уже кончено!.. говорилъ онъ.—Я уже далеко не тотъ, какимъ зналъ ты меня пять лѣтъ тому назадъ; давно угасла во мнѣ внутренняя борьба, когда вопросы: быть, или не быть? поперемѣнно смѣняются одинъ другимъ. Переломъ въ судьбѣ моей уже совершился,—я умеръ, умеръ для жизни. И, что всего хуже, чувствую, что выбиваюсь изъ послѣднихъ силъ. Не обвиняй меня! Возьми какого хочешь человѣка, перенеси его въ уѣздный городъ, окружи его моими обстоятельствами,—повѣрь, не выдержитъ и кончитъ тѣмъ же, чѣмъ и я; ни убѣжденія, ни воля не помогутъ. Бой будетъ неравенъ, и рано или поздно обстоятельства возьмутъ свое... А вѣдь было же время, когда и мнѣ улыбалась такъ привѣтливо жизнь! Часто думаю я: за что было судьбѣ такъ жестоко подшутить надо мною?.. Какъ часто, сидя вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, обернувшись лицомъ за рѣку, къ сѣверу, къ Петербургу,—какъ теперь,—припоминаю я свои восторги, свои надежды, нашу мастерскую, бѣдную мою комнату на Новыхъ мѣстахъ, гдѣ былъ я такъ счастливъ... Катю... Посреди жизни, какую я веду, даже воспоминанія страданій доставляютъ душѣ неизъяснимыя наслажденія... Скажи, не слыхалъ ли ты чего-нибудь объ Катѣ? гдѣ-то она теперь? что съ нею?..

„Я увѣрилъ его, что ничего не знаю о ней; что съ той

Digitized by Google

поры, какъ мы разстались, мнѣ не удалось уже ни разу встрѣтить ее.

„— И, право, Богъ знаетъ какъ горько дѣлается на душѣ, Борисовъ, когда подумаешь, что̀ могло бы ожидать меня при другихъ обстоятельствахъ, прибавилъ онъ со вздохомъ.—Какъ не говори, судьба моя, судьба всей моей жизни разрѣшилась отъ того, что не было какихъ-нибудь пятисотъ рублей или тысячи, одной тысячи? Но кто повѣритъ, да и кому какая нужда до несчастій, въ какія ввергаетъ нашего брата недостатокъ. Несчастіе, совершающееся втиши, между четырьмя стѣнами, несчастіе, прикрытое жиденькимъ, но чистымъ пальто, въ шляпѣ безъ видимаго разрушенія,—никого не трогаетъ; оно не возбуждаетъ даже довѣрія: „Какъ можно, чтобы молодой человѣкъ, во всемъ порядочный, образованный и воспитанный, не нашелъ себѣ мѣста или куска хлѣба!.. Вздоръ!—значитъ не хочетъ, когда нѣтъ!“—Вотъ что̀ говорятъ обыкновенно люди, которые могли бы подать руку помощи. Они не трудятся вникнуть поглубже въ дѣло и разобрать, что часто есть другія потребности, кромѣ куска хлѣба. Есть, конечно, добрые люди, для которыхъ помощь ближнему обратилась въ долгъ и убѣжденіе, — но, со всѣмъ тѣмъ, они смотрятъ почти такъ же близоруко, какъ и первые. Горе въ одномъ. Подобно первымъ, они довѣряютъ только несчастію живописному, эффектному, покрытому безобразными лохмотьями, съ исковерканными членами, ползущему по грязной мостовой и просящему подаянія хриплымъ голосомъ... Попробуй разсказать имъ, пожалуй, хоть мою собственную исторію; особенно не забудь, въ видѣ предисловія, сообщить, что дѣло идетъ о служащихъ въ провинціальномъ городѣ,—и всякое участіе, какъ рукой сняло! Имъ покажется до невѣроятности забавенъ провинціальный писецъ,—„писецъ Вертеръ и Руссо!..“ Да на что̀ же это въ самомъ дѣлѣ похоже? А намекни, что у этого писца мать, сестры, семейство, да еще вдобавокъ „домъ“, собственный домъ, оставшійся въ наслѣдство послѣ отца, такъ они тебѣ въ глаза засмѣются и скажутъ: „Чего-жъ ему еще надо?..“ Тебя, вѣроятно, удивляетъ, какъ могъ я, сознавая ясно свое положеніе, примириться со всѣмъ тѣмъ, что меня окружаетъ? Тебя, кажется, удивляетъ моя женитьба? продолжалъ Андреевъ.—Но вникни поглубже, и ты увидишь, что каждый на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же самое.

Digitized by Google

Сестра умерла. Тоска овладѣла мною страшная. Не съ кѣмъ было даже подѣлиться горемъ. Въ такомъ состояніи глубокаго одиночества сочувствіе друга или брата недостаточно. Въ эти минуты сердце инстинктивно проситъ излиться въ женское сердце; кажется тогда,—и часто ошибаешься, что будто въ немъ только источникъ истиннаго, нѣжнаго сочувствія. Я встрѣтилъ теперешнюю жену мою, она показалась мнѣ дѣвушкою доброй, простой... и я женился, чтобы скорѣе вырваться изъ глухого одиночества; я не очень несчастливъ... прибавилъ Андреевъ, краснѣя до ушей.—Съ живописью я разстался почти такъ же, какъ съ покойною сестрою,—невозвратно! Сохраняю старые рисунки свои, какъ незабвенную память всего минувшаго, какъ залогъ, что и у меня былъ когда-то талантъ. Я часто смотрю на нихъ... Меня утѣшаетъ мысль, что не добровольно заглушилъ я въ себѣ дарованіе, что не растратилъ его на вѣтеръ, и, если бъ не обстоятельства, я былъ бы художникъ!..

„Онъ еще ничего не знаетъ о существованіи „Общества поощренія художниковъ"—я не рѣшился (ты понимаешь отчего?) заговорить о немъ съ Андреевымъ, но втайнѣ благословилъ благородное учрежденіе, осѣнившее благодѣтельнымъ крыломъ своимъ нашихъ молодыхъ художниковъ! Да, Петровскій, теперь уже, вѣроятно, никого изъ насъ не постигнетъ жалкая участь нашего бѣднаго Андреева!..

„И долго еще говорилъ такъ-то Андреевъ. Грустны были рѣчи его; еще грустнѣй и безотраднѣй раскрылась предо мною жизнь этого бѣднаго товарища, страдающаго втиши, безъ ропота и ненависти, съ полнымъ сознаніемъ своего горя,—жизнь полная высокаго самопожертвованія,—и для кого все это?.. Для семьи, которая не только не понимала высокой жертвы, но старалась еще отравлять каждую секунду такой жизни... И сколько разъ самопожертвованіе Андреева казалось мнѣ выше всякаго другого, сдѣланнаго въ минуту увлеченія, передъ восторженно-плещущей толпою. Тотъ, кто способенъ на великое въ минуту воспаленныхъ чувствъ и мозга, не всегда, въ минуту холоднаго разсудка, найдетъ въ себѣ энергію и на половину такого дѣла! Уже вечерѣло, когда мы кончили нашу бесѣду.

„Кругомъ, въ городѣ и за рѣкою, уже стихло. Чуть внятные звуки колокола съ отдаленнаго монастыря, при-

носимые легкимъ вѣтромъ, пробѣгали надъ необозримымъ пространствомъ. Мы молча прошли кладбище... Уныло глядѣли глинистые бугорки, покрытые тѣнью, и только жиденькая ветелка надъ могилою сестры Андреева, да кругомъ ея нѣсколько желтыхъ цвѣтковъ, подымали свои головки, освѣщенныя багровымъ блескомъ тихо заходящаго солнца... Черезъ часъ я простился съ Андреевымъ и пожалъ ему, можетъ статься, въ послѣдній разъ руку...“

1849 г.

Digitized by Google

СВѢТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНЬЕ.

(ПРОСТОНАРОДНОЕ ПОВѢРЬЕ.)

— —

I.

Было около десяти часовъ ночи, когда прозвучалъ первый ударъ колокола. Звукъ этотъ, разливаясь волнистыми кругами, посреди полночнаго затишья, не замедлилъ проникнуть въ избушки, къ совершенной радости старушекъ и дѣдовъ, давно уже ждавшихъ заутрени. Не было, впрочемъ, человѣка, который не встрѣтилъ бы съ радостнымъ сердцемъ благовѣста. Въ эту минуту, за пять верстъ въ окружности, въ самыхъ дальнихъ лачужкахъ, все разомъ встрепенулось и сотворило крестное знаменіе. То же самое сдѣлалъ пахарь Андрей — изъ Выселокъ, лежавшій въ какомъ-то забытьи на своей печкѣ. Заслышавъ говоръ сосѣдей, сбиравшихся на улицѣ, онъ сбросилъ овчину, спустился на-земь, сѣлъ на лавку и началъ приготовляться въ дорогу.

Угасающій, чуть вздрагивавшій свѣтъ лучины озарялъ тусклымъ блескомъ стѣны и лавки избушки. Кругомъ было мрачно и холодно. Черный земляной полъ, голыя заплѣснѣвшія стѣны, подпертыя кое-гдѣ осиновыми плахами, кой-гдѣ вымазанныя глиной, недостатокъ тепла, столь любимаго мужичкомъ, отсутствіе горшечковъ, домашняго обиходнаго хлама и всего того, что̀ свидѣтельствуетъ присутствіе хлопотливой хозяйки, или бабушки-радѣльницы, показывало, что Андрей далеко не принадлежалъ къ числу мужиковъ зажиточныхъ. Наружность самого хозяина, длиннаго, худого, прикрытаго ветхимъ кожухомъ

и сутуловато-пригнувшагося къ лучинѣ, еще краснорѣчивѣе подтверждала такое мнѣніе. Все это было совершенно справедливо; но со всѣмъ тѣмъ, тяжелое чувство, возбуждаемое окружавшею бѣдностію, мгновенно исчезало, какъ только пахарь подымалъ голову. Блѣдное, продолговатое лицо его дышало такою добротою, такимъ тихимъ, невозмутимымъ покоемъ, что невольно становилось легче на сердцѣ. Движеніе мужика, точно такъ же, какъ и глаза его, спокойно обращавшіеся вокругъ, обличали нравъ тихій и терпѣливый. Свѣтлое выраженіе, съ какимъ прислушивался онъ къ благовѣсту, казалось, ясно передавало состояніе мягкой и кроткой души его и еще сильнѣе располагало въ его пользу.

Тишина въ избушкѣ, перерываемая говоромъ народа, спѣшившаго къ заутренѣ, мало-по-малу распространилась надъ всей деревней. Стало вдругъ такъ тихо, что можно было слышать, какъ вѣтеръ шумѣлъ соломой на макушкѣ кровли. Изрѣдка звуки колокола, то умолкавшіе и какъ-будто пропадавшіе въ отдаленіи, то внятно звучавшіе, какъ серебряная струна, проносились надъ избушкой...

Андрей поднялся на ноги, провелъ ладонью по лбу и бережно подошелъ къ печкѣ. Мѣрное, легкое дыханіе, раздававшееся съ печи, вызвало улыбку на губахъ его; онъ вернулся къ свѣтцу, взялъ лучину и, заслоняя свѣтъ рукою, сталъ потихоньку подыматься по стремечкамъ. Ослѣпительный блескъ лучинки упалъ тогда прямо на дѣвочку лѣтъ четырехъ, свернувшуюся клубкомъ между трубой и перекладиной; подложивъ обѣ ручки подъ щечку, слегка закраснѣвшуюся, пригнувъ худенькія, длинныя ножки къ локтямъ, она казалась миловидною даже подъ лохмотьями. Продолговатое личико, которому бѣлокурые, курчавые и взбитые, какъ пухъ, волосы придавали еще болѣе худобы, было схоже во всемъ съ лицомъ Андрея. Каждая черта дѣвочки напоминала пахаря. Замѣтивъ, что свѣтъ безпокоилъ сонъ ребенка, Андрей поспѣшно отвелъ руку съ лучиной за уголъ, потомъ нагнулся къ лицу дѣвочки и, прикоснувшись слегка къ плечу ея, произнесъ нерѣшительно:

— Проснись, Ласточка... слышь, благовѣстятъ... пора къ заутренѣ...

Она медленно протянула ножки и вздохнула; вслѣдъ за тѣмъ, не открывая глазъ, перевернулась она на спину, закинула тоненькія свои ручки за голову и снова вздох-

Digitized by Google

нула. Секунду спустя, ровное дыханіе ребенка извѣстило Андрея, что Ласточка заснула еще крѣпче прежняго. Ему стало жаль будить ее. Спустившись на-земь, Андрей прикутался потеплѣе въ кожухъ, снялъ съ шестка старый зипунъ, взлѣзъ на печь, завернулъ въ него дѣвочку и, уложивъ ее между своею овчинкою и грудью, сошелъ на полъ. Онъ погасилъ лучину и вышелъ на улицу, плотно заперевъ за собой калитку.

Деревушка, къ которой принадлежалъ Андрей, была не что иное, какъ выселки изъ большого села, лежавшаго верстъ за пять. Выселки состояли всего-на-все изъ десятка лачужекъ, брошенныхъ въ кучу, посреди неоглядныхъ полей и болотъ, глухихъ и топкихъ, безъ признака кусточка, или дерева. Слѣва только, по дорогѣ къ селу, подымалась высокая гора, усѣянная рѣдкими стеблями тощаго хвороста и перерѣзанная оврагами. Но гора эта уединяла еще болѣе равнины, тянувшіяся къ Выселкамъ. Мертвыя во всякое время года, кромѣ развѣ лѣта, когда оживляли ихъ хоры болотныхъ лягушекъ, крики коростелей и дикихъ утокъ, или сѣрыя долговязыя цапли, появлявшіяся кой-гдѣ на кочкахъ, равнины не представляли покуда ни малѣйшаго одушевленія.

Андрею немного нужно было времени, чтобы оставить за собой деревню: изба его стояла второю отъ околицы. Пройдя по шаткой доскѣ, перекинутой въ видѣ моста черезъ канавку, огибавшую гумна, онъ вскорѣ очутился на проселкѣ, извивавшемся по направленію къ горѣ. Ночь была свѣтлая. Мѣсяцъ еще не зарождался, но взамѣнъ его міріады звѣздъ дрожали въ темносинемъ, безоблачномъ небѣ. Хотя, по всѣмъ примѣтамъ, ждали теплой весны, морозъ, однакожъ, былъ порядочный. Овражки и колеи, обращенныя во время дня въ веселые, журчащіе ручьи, были наполнены ледяными иглами, звонко хрустѣвшими подъ ногами. Было такъ тихо, что шаги Андрея, ступавшаго по мерзлой дорогѣ, отдавались за цѣлую версту.

II.

По мѣрѣ того, какъ Андрей приближался къ горѣ, шагъ его замѣтно становился медленнѣе; свѣтлое выраженіе на лицѣ его смѣнялось грустью—чувствомъ, согласовавшимся какъ нельзя болѣе съ пустынною мѣстностью. Казалось даже, что самые звуки колокола, долгіе и дре-

Digitized by Google

безжащіе, къ которымъ прислушивался онъ съ такою радостію, потеряли для него свою прелесть. Да, тяжелыя воспоминанія долженъ былъ пробуждать въ немъ этотъ вечеръ!

Годъ тому назадъ, не болѣе, шелъ онъ къ той же заутренѣ, по той же дорогѣ, и все улыбалось ему. Онъ, правда, былъ точно такъ же бѣденъ: бѣднѣй его тогда не было во всемъ околоткѣ; но что до этого! Бѣдность свою перемогалъ онъ терпѣливо и безропотно. Онъ зналъ, что иначе не могло статься, трудно было тянуть въ уровень съ сосѣдями. Въ какомъ домѣ не сыщешь, кромѣ хозяина, хозяйки, да малыхъ ребятъ, подмогу: гдѣ братъ—лишнія руки, гдѣ старикъ со старухой, гдѣ батракъ наемный; у Андрея—ни того, ни другого; онъ да жена на все, про все. Оба они не любили сидѣть сложа руки или обжигаться на печкѣ; Андрей и покойная жена его работали дружно день-деньской, норовя ни въ чемъ не упустить: ни въ полѣ, ни въ хозяйствѣ. Онъ доволенъ былъ малымъ: скирда ржицы, возка два сѣна для лошадки, и слава тебѣ Господи! А какъ придетъ съ поля домой, возьметъ на руки трехлѣтнюю Ласточку, здоровенькую и крѣпенькую, сядетъ съ нею за столъ супротивъ горячихъ щецъ, которыя приготовитъ бывало хозяйка,—такъ куда! и веселъ нашъ Андрей, не натѣшится! Смиренъ былъ. Легче ему было потерять лишній клокъ соломы или хвороста, чѣмъ взять то и другое нахрапомъ да поднять шумъ на улицѣ. „Э; Господь съ ними! моимъ добромъ не разживутся!..“ скажетъ бывало, махнетъ рукой, да и поплелъ въ избу съ легкимъ сердцемъ. Кроткой душѣ его скорѣе сродни были тяжелыя работы по хозяйству, непокорная соха и кляча, чѣмъ міровыя ссоры да выпивки. Хотя въ крестьянскомъ быту, точно такъ же, какъ во всякомъ другомъ (если еще не болѣе), трудно взять кротостію... какъ разъ прослывешь простосплетеннымъ и сядутъ тебѣ на шею, но съ Андреемъ жили, однакожъ, ладно и безобидно. Рѣдкій, впрочемъ, не былъ въ долгу у него: тому подсобилъ ось подвести, другому смастерилъ, всѣмъ на удивленье, конька на макушку кровли, или подвелъ узорочье подъ окно, третьему клячу на ноги поставилъ. На все былъ гораздъ, и будь сила въ семьѣ, вытянулъ бы не хуже другого.

Итакъ, Андрей жилъ счастливо, какъ вдругъ, неожиданно, сразило его страшное горе: онъ овдовѣлъ. Без-

Digitized by Google

печный и веселый, онъ совсѣмъ упалъ духомъ; съ потерею жены онъ впервые почувствовалъ всю свою бѣдность. Къ счастію еще, время было такое, что не долго позволяло горевать: пора стояла лѣтняя, рабочая; что ни сутки—лишняя копна въ скирдѣ, а оплошалъ — ея какъ бы и вовсе не бывало. (Не топоръ кормитъ мужика—іюльская работа!) Андрей поднялъ на руки дѣвчонку свою, проводилъ покойницу на погостъ, да скорѣй за серпъ и косу; некогда было, горькому, кулакомъ слезъ отереть. Клонитъ онъ, сердяга, свою голову, приближаясь вечеркомъ къ лачужкѣ. Уже не слышится ему знакомый шумъ веретена, не летитъ навстрѣчу ласковое слово, или веселая пѣсня, не вьется надъ горшечкомъ трубы сизой струйкой дымъ... нѣтъ! уже не согрѣетъ ему души привѣтливый огонекъ лучины, когда, возвращаясь позднимъ зимнимъ вечеркомъ, покрытый снѣгомъ и инеемъ, устремитъ онъ глаза на мелькающую вдалекѣ избенку! Одинъ сталъ, сирота круглый; и пуще еще клонитъ онъ свою голову, войдя въ пустынное жилище. Какое житье мужику безъ хозяйки!.. то же, что одна лучина горитъ въ избѣ—много ли свѣту въ ней?.. Кто жъ этого не знаетъ: какъ одѣтъ тепло, да поѣшь хорошо, да лошадка сыта — на душѣ покойно и сработаешь лишнее: безъ этого человѣкъ безъ духа, что вино безъ хмеля; сколько ни надсажайся, никакой спорины въ рукахъ не будетъ.

Минуло лѣто, минула и осень. Не успѣлъ Андрей и горе свое выплакать, какъ, смотритъ, ужъ и Матрена зимняя пришла—встала зима на ноги. Подули вѣтры сѣверные, принесли съ собой стужу и вьялицу. Лютый вихрь крутитъ опавшіе звонкіе листья, шипитъ и воетъ, обѣгая помертвѣлыя поля и овражки, врываясь въ ворота и потрясая до заваленокъ смоченную ливнемъ избушку. Тоска еще неотступнѣе запала въ душу Андрея, когда лачужку его занесло сугробами снѣга, когда наступила зима съ своими трескучими морозами.

Въ эту пору всѣ поселяне сбиваются подъ одну кровлю, въ одно родное гнѣздо, подъ одинъ кожухъ, на одну печку. И тогда какъ лѣсъ, занесенный снѣгомъ, трещитъ подъ бременемъ инея, въ поляхъ темно и холодно, въ теплыхъ избушкахъ каждая семейка — ребята, старики, отцы и матери — усаживаются вокругъ лучины, начинаются длинные розсказни, — Андрей одинъ, какъ воробышко, забился въ темный уголъ на холодной печкѣ и

Digitized by Google

сидитъ себѣ нахохлившись. Къ тому же, къ тоскѣ начала одолѣвать его не на шутку бѣдность. Рубашонка пообносилась, кафтанишко худенькій; Ласточку не во что стало прикутать, да и самому-то совѣстно въ люди показаться. И видитъ Андрей близкую свою гибель, видитъ, что придется грызть окна, да просить милостыню...

Было, правда, въ тѣхъ же Выселкахъ одно доброе существо, которое старалось, и часто не безуспѣшно, отвести душу Андрея. Дарья (такъ звали это существо) была бѣдная дѣвушка, сирота круглая, проживавшая, въ качествѣ батрачки, у одного изъ зажиточныхъ мужиковъ деревушки. Общая почти доля, близкое сосѣдство (избы ихъ отдѣлялись всего-на-все однимъ плетнемъ) какъ-то невольно сблизили ее съ Андреемъ. Оба смирные, работящіе, они легко пришлись по нраву другъ другу. Хотя до сихъ поръ не было между ними близкаго разговора, Андрей зналъ, однакожъ, что дѣвушка не прочь была выйти за него замужъ, и самъ частенько объ этомъ думалъ. Но какъ уладить это дѣло? Онъ ясно видѣлъ всю несбыточность такихъ помысловъ. И въ самомъ дѣлѣ, до свадьбы ли людямъ, которые, какъ говорится, крыты свѣтомъ да обнесены вѣтромъ, когда обоимъ надо было думать о томъ только, какъ бы прожить день Господень!..

Такъ всегда думалъ Андрей, такъ думалъ онъ и теперь, приближаясь къ горѣ, отдѣлявшей приходское село отъ полей Выселокъ. То забываясь въ прошломъ, то переходя къ настоящему, мысли его остановились, наконецъ, на Дарьѣ; это обстоятельство усилило только тоску пахаря. Преданный весь своимъ думамъ, онъ не замѣтилъ, что началъ уже подыматься въ гору. Холодъ становился, однакожъ, ощутительнѣе; при поворотѣ дороги изъ рытвины на ровный скатъ вѣтеръ пахнулъ съ такой силой въ лицо Андрея, что онъ невольно остановился поправить шапку. Ощупавъ Ласточку, которая спала крѣпкимъ сномъ, и, увѣрившись, что ей было тепло, онъ окинулъ глазами мѣстность, исполосованную темными колеями и оврагами; измѣривъ мысленно то, что оставалось ему пройти въ гору, онъ снова пустился было въ путь, когда до слуха его нежданно коснулись шаги, звонко раздавшіеся въ тишинѣ ночи. Андрей повернулся назадъ. Немного погодя, изъ-за крутого поворота, недавно имъ покинутаго, показалось бѣлое пятно, которое замѣтно вырастало на темной дорогѣ. Думая, что это какая-нибудь

Digitized by Google

баба изъ Выселокъ, запоздавшая къ заутренѣ, Андрей рѣшился выждать ее. Баба замѣтила, съ своей стороны, мужика и, обрадованная, вѣроятно, случаю напасть на проводника въ такую позднюю пору, спѣшила къ нему навстрѣчу.

III.

Андрей не мало удивился, когда женщина поровнялась съ нимъ и онъ узналъ въ ней Дарью. Дѣвушка, съ своей стороны, казалось, также была не менѣе удивлена неожиданной встрѣчей.

— Вотъ не чаялъ, не гадалъ! воскликнулъ Андрей, невольно обнаруживая радость въ голосѣ и движеніи, съ какимъ поспѣшилъ онъ приподнять шапку,—гляжу... кто бы, думаю, такая?... а это ты... Ну, здорово, здорово...

— Здравствуй, Андрей! весело отвѣчала дѣвушка.

Дыханіе, спиравшееся въ груди ея отъ быстрой ходьбы въ гору, заставило ее на минуту остановиться; она приподняла довольно полновѣсный узелокъ, висѣвшій у нея за плечами, и бережно поставила его на-земь. Послѣ этого она взглянула на пахаря и, приложивъ руку къ груди своей, сказала:

— А я и вовсе не думала съ тобой встрѣтиться; иду: ужъ какъ-то страшно показалось мнѣ одной-то... подняла голову, вижу—идетъ человѣкъ: должно-быть изъ нашихъ стариковъ запоздалъ за дорогой, думаю, гляжу, а это ты...

— Я развѣ молодой, по-твоему?... пробормоталъ, усмѣхаясь, мужикъ.

Онъ надѣлъ шапку, взглянулъ на дѣвушку и прибавилъ:

— Что такъ поздно собралась?

— И сама не рада, да что̀ станешь дѣлать! раньше нельзя никакъ. Хозяева велѣли нести въ церковь куличъ, пасху и яйца, велѣли да ушли... Я дожидалась, пока куличъ испечется... послѣ обѣда только поставили.

— Ну, ладно, пойдемъ вмѣстѣ.. все веселѣе будетъ!

— Пойдемъ!...

Дѣвушка торопливо подняла узелокъ, Андрей поправилъ шапку, и оба, ставъ рядышкомъ, продолжали взбираться на гору. Крутизна ли дороги, или тяжесть ноши на груди Андрея тому способствовали, но только сердце его билось почему-то сильнѣе; грустныя мысли, бросавшія тѣнь на лицо его, мигомъ разсѣялись; свѣтлѣй и свѣтлѣй становилось въ душѣ пахаря.

Digitized by Google

— Что ты несешь? спросила послѣ минутнаго молчанія Дарья, кинувъ головою на грудь своего спутника, приподнятую спавшимъ подлѣ нея ребенкомъ,

Андрей взглянулъ на дѣвушку и засмѣялся.

— Что ты смѣешься?...

— Угадай! произнесъ онъ, прикоснувшись слегка къ полушубку.

Дѣвушка остановилась, сдѣлала шагъ къ мужику и съ любопытствомъ пригнулась къ полушубку: въ эту минуту ребенокъ проснулся, открылъ глаза, протянулъ ножки и, взглянувъ въ лицо Дарьи, молча обвилъ ея шею ручонками. Андрей поневолѣ долженъ былъ наклониться къ своей спутницѣ.

— А! такъ вотъ это кто!... сказала Дарья, разглаживая одной рукой волосы дѣвочки, тогда какъ другая рука ея старалась, но тщетно, отвести руки ребенка.—Ну, полно, Ласточка, пусти меня... Послушай, Андрей, прибавила она, очутившись на свободѣ,—дай мнѣ, я понесу ее...

Ребенокъ потянулся къ дѣвушкѣ и сказалъ, что хочетъ къ ней на руки.

— А развѣ тебѣ тетушку Дарью не жаль? сказалъ отецъ убѣдительно,—вишь мы теперь въ какую гору идемъ; и безъ тебя ей тяжело, съ тобою—и совсѣмъ умается... Пойдемъ подъ гору—ступай къ ней, слова тогда не скажу.

Ласточка свернулась попрежнему клубочкомъ подъ кожухомъ, но такъ, однакожъ, чтобы можно было глядѣть на дорогу.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія, въ продолженіе которыхъ Андрей раздумывалъ, что бы такое сказать своей спутницѣ. Дарья также не говорила ни слова, думая, вѣроятно, о томъ же. Обоимъ, видно, стало почему-то неловко.

— Ты что это, Дарья, несешь? спросилъ наконецъ Андрей не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ.

— Куличъ, пасху и яйца несу святить, отвѣчала дѣвушка, поднявъ голову.—А гдѣ же твоя пасха? спросила она, оглядывая Андрея.

— Гдѣ моя пасха?... возразилъ, вздохнувъ, пахарь.

— Что жъ, развѣ нѣтъ у тебя? Экой ты какой! да ты бы къ намъ понавѣдался, попросилъ бы мою хозяйку... Она не стала бы перечить. У насъ много творогу осталось.

— Нѣтъ, Дарья, тошно ходить по людямъ, я и такъ, кажись, всѣмъ прискучилъ своею бѣдностью: нынче попро-

Digitized by Google

сишь, завтра попросишь, а напослѣдяхъ и языкъ не повернется... Тошно такъ-то канючить, когда самъ, бывало, ни въ чемъ не нуждался!... Что говорить, своей доли не переможешь; такъ, знать, Творцу угодно... А давно ли, кажись, давно ли, вотъ шелъ я, какъ нынче иду съ тобою къ святой заутренѣ? были у меня и куличъ, и пасха, хошь и не больно велики, а все же не безъ нихъ шелъ, было чѣмъ встрѣтить праздникъ Господень! Шла со мной тогда и хозяйка... Помнишь? добрая была, дай ей Господь Богъ царствіе небесное! А теперь все отошло отъ меня, остался сиротка круглый... Тяжко, что говорить! а все, кажись, легче, коли кой-какъ самъ собой перемогаешься... Горекъ чужой хлѣбъ! ты чай и сама это вѣдаешь? прибавилъ онъ, взглянувъ на дѣвушку, которая шла подлѣ него молча, опустивъ голову.—Вотъ, повѣришь ли, до чего дошелъ, продолжалъ Андрей, придерживая Ласточку, которая не отрывала темныхъ глазъ отъ блѣднаго лица пахаря,—до того дошелъ, что нынче не было чѣмъ печь истопить: хворостина вся вышла, солома также, а купить не на что... Да чего! гроша нѣтъ на свѣчку; какъ вернусь домой съ заутрени, нечего будетъ поставить передъ образомъ...

Рука Дарьи быстро опустилась за пазуху и, секунду спустя, вынула клинушекъ холста, плотно связанный узломъ; она торопливо развязала зубами узелокъ, въ которомъ оказались два гроша, и, подавая одинъ изъ нихъ Андрею, сказала:

— Возьми... у меня два...

— Зачѣмъ?... пробормоталъ Андрей, останавливаясь въ недоумѣніи.

— Пригодится на свѣчку, отвѣчала Дарья, положивъ грошъ въ руку Андрея и принимаясь поправлять узелокъ на плечахъ.

Андрей хотѣлъ что-то сказать, взглянулъ на сиротку, замялся, махнулъ рукою и, сжавъ грошъ въ ладони, продолжалъ подыматься.

Минуту спустя, оба они очутились на вершинѣ горы, откуда открывались необозримыя поля, посреди которыхъ чернымъ, неопредѣленнымъ пятномъ раскидывалось село. Избушки, сараи и ветлы, ихъ осѣнявшія, сливались въ одну темную, непроницаемую массу, и только въ маленькихъ окнахъ деревянной церкви, которой остроконечная кровля четко вырѣзывалась на свѣтломъ небѣ, мелькало

Digitized by Google

и бѣгало несмѣтное множество огоньковъ. Когда Андрей и Дарья остановились, первый, чтобы передать сиротѣ свою дочку, вторая, чтобы принять ее, звуки колокола, смолкнувшіе на время, снова охватили окрестность.

IV.

Вскорѣ достигли они села, обогнули его задами, чтобы избавиться отъ собакъ, и очутились на топкомъ, хворостинномъ мосту. Направо отъ моста, за поворотомъ рѣчки, сверкавшей какъ лезвіе косы, въ крутыхъ берегахъ, подымалась мельница, казавшаяся съ своими ветлами какою-то черною глыбой; налѣво, изъ-за небольшого косогора выглядывали кресты сельскаго погоста; прямо вела дорога на бугоръ съ возвышавшеюся на немъ церковью, мрачною и старинною; ее окружали со всѣхъ сторонъ крытые навѣсы и выступы, изъ-подъ которыхъ ярко свѣтились окна. Дарья передала Андрею Ласточку, взяла свой узелокъ, и, немного погодя, оба поднялись на паперть, а оттуда проникли въ церковь.

Церковь раздѣлялась пополамъ на два придѣла и вторая половина, въ которой совершалось богослуженіе, залитая ослѣпительнымъ блескомъ свѣчей и паникадилъ, рѣзко отдѣлялась отъ первой, оставшейся въ полумракѣ. Народу собралось такое множество, что нечего было и думать пробраться ко второму придѣлу. Отдѣленный толпою отъ Дарьи, Андрей кой-какъ протискался, однакожъ, между рядами прихожанъ, купилъ на грошъ тоненькую, желтую свѣчку, и достигнулъ угла, откуда можно было видѣть часть алтаря и своды, увѣшанные иконами. Не мало стоило также трудовъ Андрею, чтобы угомонить Ласточку; обвивъ ручонками шею отца и устремивъ глаза на ярко блиставшую часть церкви, она не переставала его засыпать вопросами. „Это что?... это что?...“ спрашивала она поминутно, ласково поворачивая за подбородокъ голову отца. Мало-по-малу, однакожъ, головка дѣвочки опустилась на отцовское плечо, и сладкій сонъ оковалъ ея члены. Андрей бережно опустилъ дочку на полъ, прислонилъ ее къ углу, зажегъ свѣчку, перекрестился и сталъ вслушиваться въ чтеніе Евангелія.

Тишина, царствовавшая въ первомъ придѣлѣ, располагала какъ нельзя лучше къ молитвѣ. Изрѣдка лишь прерывала Андрея старушка-сосѣдка, которая, постучавъ ему плечу свѣчкой, просила его передать ее сосѣду и по-

Digitized by Google

ставить ее къ образу. Андрей бралъ свѣчку, стучалъ такимъ же порядкомъ въ плечо сосѣда, передавалъ ему просьбу старухи и снова углублялся въ молитву. Опустившись на колѣни и устремивъ глаза въ пропадавшую глубину церковнаго свода, Андрей, казалось, одно время забылъ все окружающее. Усердно молился бѣдный пахарь. Онъ молилъ Бога укрѣпить его духомъ, чтобы вынести терпѣливо и безропотно бѣдность и горе, его постигшее, молилъ Его ниспослать ему утѣшеніе и радость въ родномъ дѣтищѣ, молилъ не покидать его, горькаго, въ тоскѣ и кручинѣ сердечной...

Внезапно радостное, торжественное пѣніе послышалось съ клироса; свѣчи въ рукахъ прихожанъ угасли, какъ будто однимъ дуновеніемъ, и дымъ отъ нихъ, смѣшиваясь съ дымомъ ладана, потянулся легкимъ, фіолетовымъ облакомъ въ темную даль свода. Народъ задвигался и заволновался. Веселье проглядывало на всѣхъ лицахъ; торжественное пѣніе, смѣшиваясь съ радостными восклицаніями „Христосъ воскресъ!“ раздалось во всѣхъ концахъ и огласило всю церковь. Всѣ цѣловались и обнимали другъ друга. Не мало поцѣлуевъ пришлось также на долю Андрея. Едва-едва поспѣвалъ онъ отвѣчать тѣмъ же. Всѣ почему-то тѣснились вокругъ него. Зная его бѣдность, каждый почти навязывалъ ему кусокъ кулича, пасхи или красное яйцо. Было теперь чѣмъ разговѣться бѣдняку!...

Андрей провелъ ладонью по глазамъ своимъ, поднялъ на руки дочку, перекрестилъ ее, вышелъ изъ церкви и вскорѣ очутился на дорогѣ. Вездѣ попадались веселыя лица сосѣдей, возвращавшихся семьями по домамъ; отовсюду раздавались радостныя, привѣтливыя восклицанія брата брату, мужа женѣ, отца или дѣда къ дочери, или сыну... Спускаясь съ горы къ Выселкамъ, Андрей увидѣлъ ряды огоньковъ, блиставшихъ въ избушкахъ; онъ обратилъ глаза къ околицѣ: одна его лачужка глядѣла темнымъ пятномъ...

V.

Когда онъ пришелъ домой, внутренность избушки показалась ему еще непривѣтливѣе ея наружности. Мрачно и холодно! Андрей снялъ съ себя кожухъ, закуталъ въ него спавшую Ласточку и уложилъ ее на лавочку. Уставивъ столъ обломками кулича и пасхи, полученными въ церкви, онъ нащупалъ кончикъ желтой восковой свѣчки, тщательно

Digitized by Google

сбереженной имъ послѣ заутрени, и, подавивъ вздохъ, подошелъ къ печкѣ. Онъ отодвинулъ заслонку и принялся шарить въ загнеткѣ *). Тутъ только вспомнилъ Андрей, что печь его не топилась нѣсколько дней, и что нечѣмъ было ему засвѣтить свѣчки передъ образомъ. Тоска одолѣла имъ. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ въ какой-то тяжелой нерѣшимости и наконецъ покинулъ избу.

Улица, исполосованная свѣтомъ, выходившимъ изъ оконъ, ярко выступала изъ мрака; говоръ и восклицанія, раздававшіеся внутри избушекъ, придавали Выселкамъ что-то праздничное. Очутившись на улицѣ, Андрей направился прямо къ сосѣдней избѣ. Онъ приблизился къ завалинкѣ и постучался въ окно.

— Кто тамъ? отозвался хриплый, разбитый голосъ.

— Я... Андрей...

— Чего тебѣ?

— Ссуди огонькомъ, тётушка Анна, нечѣмъ лучины вздуть...

Окно поднялось; изъ него выглянуло сморщенное лицо старушонки.

— Вишь нашелъ время огня просить! нешто не вѣдаешь, нонѣ день какой?... Самъ, небось, не топилъ печки, да на сторону ходишь!...

— Что жъ, тетушка Анна, не убудетъ у тебя,—полно! произнесъ Андрей, качнувъ головой.

— То-то не убудетъ, не убудетъ! подхватила старушка полушутливо, полуворчливо,—а ты, касатикъ, поди къ сосѣдямъ, что они тебѣ скажутъ... Словно, право, новый ты человѣкъ, не знаешь...

— Ну, Господь съ тобой, коли такъ, отвѣчалъ Андрей, повернулся и пошелъ на противоположный конецъ улицы—стучаться въ другое окно.

Но изъ этого окна вышелъ тотъ же отвѣтъ. Онъ постучался въ третье, въ четвертое—никто не рѣшался исполнить его просьбу, каждый отсылалъ его къ сосѣду **).

---

*) Такъ называютъ лѣвый уголъ въ печкѣ, куда обыкновенно загребаютъ жаръ.

**) Въ большіе праздники и особенно наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенья рѣдкій поселянинъ рѣшится дать сосѣду огня, изъ опасенія, чтобы требуемое въ заемъ не вывелось изъ дому. То же соблюдается и въ тѣ дни, когда въ полѣ въ первый разъ засѣваютъ. Если у кого-нибудь изъ сѣющихъ недостанетъ хотя одного гарнца сѣмени, будь онъ братъ родной, другой не одолжитъ ему зерна на полѣ, боясь, чтобы не вывелся у него хлѣбъ и не перешелъ къ другому.

Digitized by Google

Понуривъ голову, съ стѣсненнымъ сердцемъ возвращался Андрей домой; онъ уже подходилъ къ воротамъ, когда, поднявъ голову, остановился и невольно устремилъ глаза за околицу.

Тамъ, далеко-далеко, въ темной, пустынной равнинѣ, дрожалъ огонекъ.

„Должно-быть, чумаки какіе, либо обозники собрались на ночевье, подумалъ Андрей.—А что, пойду-ка я къ нимъ, авось не отгонятъ!“ присовокупилъ онъ, направляясь къ свѣтящейся точкѣ, которая между тѣмъ разгоралась и увеличивалась.

Андрей ускорилъ шагъ и вскорѣ очутился подлѣ огня. Десятка два подводъ, съ пригнутыми кверху оглоблями, обступали серпомъ костеръ изъ древесныхъ сучьевъ, надъ которымъ висѣлъ котелъ. Подлѣ подводъ и немного поодаль лежали волы, казавшіеся огромными мѣловыми глыбами посреди глубокой тѣни, наброшенной на нихъ подводами и спинами чумаковъ, заслонившихъ пламя. Чумаки сидѣли рядышкомъ и, поджавъ подъ себя ноги, тѣсно окружили костеръ. Смуглые, усатые, покрытые загаромъ и дегтемъ, они не трогали ни однимъ членомъ, не произносили ни одного слова, и только движеніе пламени, бросая поперемѣнно свѣтъ, или черныя тѣни, оживляло ихъ лица съ мрачно нависнувшими бровями. Погруженные въ молчаливое раздумье, они, казалось, не замѣчали посторонняго лица.

— Здравствуйте, братцы! произнесъ Андрей, подходя ближе.

— Здравствуй и ты! отозвались въ одинъ голосъ сидѣвшіе.

— Хлѣбъ да соль, братцы! Христосъ воскресъ! присовокупилъ Андрей, нагибаясь къ первому, сѣдому какъ лунь, старику съ бѣлыми какъ снѣгъ усами.

Старикъ медленно приподнялся съ своего мѣста, сотворилъ крестное знаменіе, произнесъ:—„Воистину воскресъ!“ провелъ ладонью по усамъ и поцѣловался съ Андреемъ. Такимъ образомъ Андрей обошелъ весь кружокъ и, перецѣловавшись съ каждымъ, вернулся снова къ старику, который сидѣлъ уже передъ огнемъ.

— А я, братцы, вотъ зачѣмъ, началъ онъ, оглядывая присутствующихъ, которые попрежнему стали недвижны,— я вотъ зачѣмъ: не ссудите ли вы меня огонькомъ?...

— Изволь! отрывисто сказалъ старикъ.

Digitized by Google

Вслѣдъ затѣмъ онъ засучилъ по-локоть прорванные рукава рубахи, запустилъ жилистыя, обнаженныя руки въ самую середину костра, который яростно трещалъ, метая золотыя искры въ темносинее небо, и набравъ полныя пригоршни пылающаго угля, подалъ ихъ Андрею, промолвивъ:

— Держи полу!

„Что-жъ, подумалъ Андрей,—коли Христовъ человѣкъ своими руками, творившими крестное знаменіе, жаръ загребаетъ и не обжигается, бояться знать нечего; и моя грѣшная пола не прожжется!...“

Онъ подставилъ полу подъ руки старика; старикъ высыпалъ въ нее пылающій уголь и снова повернулся къ костру.

— Спасибо вамъ, братцы, за добро ваше! сказалъ Андрей, кланяясь.

— Съ Богомъ! отвѣчалъ старикъ.

— Съ Богомъ! повторили въ одинъ голосъ остальные чумаки.

Андрей поклонился еще разъ и бѣгомъ, безъ оглядки, пустился домой.

VI.

Войдя въ избу, Андрей высыпалъ уголь подлѣ заслонки и, убѣдившись хорошенько, что полà его была цѣла, вздулъ лучину. Минуту спустя, кончикъ желтой восковой свѣчи затеплился въ красномъ углу передъ иконой и, смѣшавшись съ свѣтомъ лучинки, озарилъ избушку яркимъ блескомъ. Все вокругъ какъ бы улыбнулось и повеселѣло. Даже у самого Андрея отлегло отъ сердца. Вѣрный святому обряду, онъ разбудилъ Ласточку, усадилъ ее на лавку противъ обломковъ кулича и пасхи, перекрестилъ ребенка, самъ перекрестился, и оба принялись разговляться. Трапеза приближалась уже къ концу, когда кто-то неожиданно постучался въ дверь.

— Кто тамъ? спросилъ Андрей.

— Я, я, касатикъ! отвѣчалъ разбитый голосъ.

Дверь скрипнула, и въ избу вошла сгорбленная, сморщенная старушонка.

— Это ты, тётушка Анна!.. добро пожаловать!.. Ну, тётушка: „Христосъ воскресъ!“ весело произнесъ Андрей, подходя къ сосѣдкѣ и принимаясь обнимать ее.

— „Воистину воскресъ!“ касатикъ... воистину. Охъ, родной ты мой!.. а я чаяла, ты серчать на меня станешь...

Digitized by Google

— Съ чего жъ серчать: всякъ властенъ въ добрѣ своемъ, тетушка Анна; ты пожалѣла ссудить огонькомъ— ссудили другіе... Видитъ Богъ, я на тебя не серчаю... Скажи, зачѣмъ пришла?

— Касатикъ! начала старушка, скрестивъ руки на груди и наклонивъ на-бокъ голову.—Касатикъ, продолжала она заискивающимъ голосомъ, — одолжи кочергу, родной: ребятёнки затащили нашу не вѣсть куда; бились, бились,— не найдемъ; хлѣбы поспѣли, а вынуть нечѣмъ...

— Только-то!.. э!.. есть о чемъ разговаривать!.. бери...

— Охъ, касатикъ ты мой! да гдѣ жъ она у тебя?

— А вонъ, тамъ, у печки.

Старушка подошла къ печкѣ и начала шарить. Вдругъ она всплеснула руками, нагнулась къ заслонкѣ, вскрикнула, опять всплеснула руками и заметалась какъ угорѣлая.

— Батюшки! касатики вы мои!.. Охъ, Андрей! подь сюда; погляди-ка, что̀ это у тебя!.. Охъ, родные вы мои!.. ахъ!.. ахти, Господи!..

— Что ты, тетушка?.. что̀ съ тобой? произнесъ Андрей, подбѣгая къ сосѣдкѣ.

— Погляди-кась, продолжала она, указывая на то мѣсто, куда Андрей высыпалъ уголь.

— Ну, что жъ? уголь!.. Что ты?

— Какой уголь!.. Ахъ, ты, простой сынъ!.. погляди-ка, погляди... деньги! Батюшки, касатушки... ворохъ... цѣлый ворохъ денегъ.

Андрей подошелъ ближе и остановился какъ вкопанный. На мѣстѣ золы и угля сверкали двѣ добрыя пригоршни золота!

— Я, тётушка, не знаю... пробормоталъ пахарь, крестясь и отступая,—видитъ Богъ, не знаю...

— Какъ не знаешь?.. да отколь же у тебя? слышь ты... охъ! воскликнула старушка, снова всплеснувъ руками.

— Видитъ Богъ, не знаю, тётушка Анна!.. пошелъ я за огнемъ... чумаки стоятъ у насъ въ полѣ... они мнѣ насыпали... двѣ пригоршни насыпали...

— Чумаки! батюшки! двѣ пригоршни!.. ахти, Господи!.. касатики вы мои! воскликнула старушка и, не договоривъ остального, бросила кочергу и кинулась со всѣхъ ногъ изъ избы.

Всѣ мысли заходили кругомъ въ головѣ Андрея; нѣсколько минутъ стоялъ онъ какъ прикованный къ полу;

Digitized by Google

наконецъ, подошелъ къ печкѣ, перекрестился и притронулся къ блистающей горкѣ, которая зазвенѣла подъ руками его: точно, передъ нимъ лежали цѣлыхъ двѣ пригоршни золотыхъ червонцевъ, одинъ другого краше и лучше. Холодный потъ выступилъ на блѣдномъ лицѣ пахаря; крики и шумъ, раздававшіеся на улицѣ, заставили его, однакожъ, скоро опомниться; полный неопредѣленнаго страха, онъ плотно заперъ за собою дверь и выбѣжалъ за ворота.

На улицѣ происходила какая-то суматоха и сутолока; всѣ бѣгали изъ конца въ конецъ какъ шальные; всѣ кричали и суетились. Посреди всеобщаго гама раздавались пронзительныя восклицанія Анны: — „Батюшки, свѣтики мои! Чумаки въ полѣ у насъ! охъ!.. чумаки деньгами обдѣляютъ... Андрею... сама видѣла... двѣ пригоршни насыпали!..“ Только и слышно было:—„Гдѣ? какіе чумаки? ой ли? пойдемъ туда!.. скорѣй!.. тащи рѣшето! тащи ведро!.. бери горнушку!.. скорѣй, вотъ они!.. туда! туда!..“

Андрей провелъ ладонью по головѣ, потомъ протеръ глаза и взглянулъ за околицу. Посреди темной равнины все еще пылалъ костеръ.

— Что такое, Андрей? что они? произнесъ тихій голосъ за спиною пахаря.

Андрей обернулся. Передъ нимъ стояла Дарья.

— Куда это бѣжитъ народъ? продолжала сиротка,—что̀ съ ними?.. слышь, слышь, твое имя поминаютъ... вонъ... ну, всѣ ударили за околицу!..

— Чумаки! могъ только проговорить Андрей, указывая дрожащею рукою на костеръ, пылавшій въ отдаленіи.— Я пошелъ къ нимъ за огнемъ... они насыпали мнѣ двѣ пригоршни угля, пришелъ домой, смотрю: деньги!..

— Что ты, какія деньги?..

— Деньги... всѣ на подборъ золотыя... Ступай, погляди сама, коли не вѣришь...

Сиротка оглянулась на стороны и, сопровождаемая Андреемъ, вошла въ избу.

— И взаправду!.. вотъ диковинка, сколько ихъ! воскликнула дѣвушка.—А гдѣ же Ласточка?.. Ласточка, Ласточка! подь сюда скорѣй, продолжала она, поднявъ на руки ребенка и подходя съ нимъ къ печкѣ.—Погляди-ка, погляди, что̀ у тятьки!.. Батюшки, и не пересчитаешь!.. Плакался ты, Андрей, на свою бѣдность: вотъ Богъ и послалъ тебѣ... теперь ты богатъ!.. Богаче тебя у насъ

Digitized by Google

въ Выселкахъ не будетъ! прибавила она, устремляя блиставшіе отъ радости глаза на лицо пахаря.

Сердце сильно застучало въ груди Андрея; онъ взглянулъ на золото, потомъ на дѣвушку, отступилъ шагъ и произнесъ несовсѣмъ увѣреннымъ голосомъ:

— А пойдешь за меня замужъ, Дарья?..

— Пойду!.. отвѣчала она, опустивъ голову и принимаясь перебирать съ необыкновенною поспѣшностью окраину передника.

. . . . . .

Народъ изъ Выселокъ успѣлъ между тѣмъ давно очутиться подлѣ костра.

— Батюшки, родные вы наши, касатики, ненаглядные! кричали наперерывъ двадцать человѣкъ, тискаясь другъ на дружку и обступая чумаковъ, которые сидѣли, попрежнему, такъ же неподвижно, — не оставьте насъ: ссудите огонькомъ, родные вы наши!..

— Изволь! произнесъ наконецъ старшій изъ чумаковъ, тотъ самый, къ которому обращался Андрей.

— Батюшки, касатики, родные! закричали въ одинъ голосъ выселовцы, громоздясь какъ угорѣлые другъ на дружку и подставляя кто руки, кто рѣшето, кто ведро.

Старикъ засучилъ рукава и, не поворачивая головы къ обступившему его народу, прибавилъ:

— Много васъ... не хватитъ помногу, мы думали одинъ...

— Золотой ты мой, хоть пригоршенку! закричала Анна, просовывая отчаянно между руками и головами сосѣдей подолъ новой понявы.

— Хошь уголечекъ, касатикъ! крикнула другая, подставляя рѣшето.

— Сюда, сюда, дѣдушка!..

— Охъ, мнѣ не досталось! пропустите!.. ой, касатики, пропустите!..

— Держи полу! сказалъ старый чумакъ, запуская руки въ костеръ и выгребая остатокъ горячаго угля въ подставленные зипуны, подолы и шапки.

Такимъ образомъ всѣ были надѣлены.

— Съ Богомъ! произнесъ отрывисто старый чумакъ, насупивая брови и поворачиваясь къ костру.

— Съ Богомъ! промолвили другіе чумаки.

Но выселовцы ничего уже не слышали. Они стремглавъ бѣжали къ околицѣ, поддерживая руками полы зипуновъ

и кармановъ. Очутившись на улицѣ, выселовцы поубавили шагъ.

— Ой, батюшки! воскликнула неожиданно тетка Анна, останавливаясь посреди тѣснившихся вокругъ нея сосѣдей.

— Охъ, касатики, внезапно послышалось съ другой стороны бѣжавшей толпы.

— Что тамъ?

— Ухъ! пронзительно взвизгнулъ кто-то въ другомъ концѣ.

— Обманули, разбойники! заголосила вдругъ Анна, выпуская полу, изъ которой валилъ чадъ и сыпался уголь.

— Батюшки, горю! крикнула другая баба.

— Тушите! тушите! понява горитъ!.. ой, зипунъ! новый зипунъ! обманули!.. туши! туши! ахъ! заголосили въ одинъ голосъ на улицѣ Выселокъ.

И всѣ, сколько ни было народу, опустили подолы, побросали шапки и запрыгали другъ подлѣ друга.

Какъ только прошелъ первый страхъ, всѣ оглянулись къ околицѣ. Но костра уже не было. Вдалекѣ лишь, посреди темной равнины, слышался скрипъ телѣгъ и мѣрный топотъ воловъ, который постепенно умолкалъ и терялся...

— Держи ихъ! крикнулъ кто-то изъ толпы.

Но никто не послушался этого крика. Ощупывая полы прожженой одежды и повѣсивъ головы, выселовцы печально расходились по домамъ.

Можно смѣло утверждать, что одинъ Андрей былъ счастливъ и веселъ въ этотъ вечеръ. Онъ не сомкнулъ глазъ во всю ночь, никогда не встрѣчалъ онъ такъ радостно Свѣтлаго праздника! Едва блеснулъ день, Андрей не выдержалъ и вышелъ за ворота. Утро было чистое и ясное. Народъ сбирался на улицѣ. Длинная плетеница парней и дѣвушекъ, впереди которыхъ шла Дарья, выходила за околицу выкликать весну. Звонкая пѣсня огласила окрестность:

Весна, весна, красная!
Приди, весна, съ радостью!
Весна, красна,
На чемъ пріѣхала?
На сошечкѣ,
На боровочкѣ!..

И никогда еще ни одна пѣсня не отзывалась такъ радостно въ кроткой душѣ Андрея!

1850 г.

Digitized by Google

СВИСТУЛЬКИНЪ.

(повѣсть.)

I.

Поверхностныя наблюденія.

Съ нѣкоторыхъ поръ, на Невскомъ проспектѣ сталъ показываться одинъ молодой человѣкъ, совершенно никому неизвѣстный. А такъ какъ нѣтъ возможности показаться на Невскомъ нѣсколько разъ сряду, чтобы не быть замѣченнымъ привычными посѣтителями этой замѣчательной улицы, то, естественнымъ образомъ, и молодой человѣкъ былъ замѣченъ. Въ наружности его и пріемахъ не было ничего, особенно рѣзко бросающагося въ глаза; одно развѣ: онъ поминутно оглядывалъ свои сапоги и перчатки и вообще казался очень довольнымъ своею физіономіею и туалетомъ—очевидно, однакожъ, пріобрѣтеннымъ по случаю и въ разные сроки. Но это ничего не значитъ. Уже довольно было явиться новому лицу, чтобы возбудить вниманіе. Послѣднее обстоятельство покажется страннымъ и даже, въ нѣкоторой степени, невѣроятнымъ провинціальному жителю; мудренаго нѣтъ: усердно перечитывая петербургскіе фельетоны и по нимъ составляя себѣ понятіе о Петербургѣ, легко оставаться въ заблужденіи касательно этого города.—Какъ! воскликнетъ читатель фельетоновъ,—какъ! и посреди этого „шумно волнующагося моря головъ“, въ этомъ „пестромъ цвѣтникѣ, движущемся отъ Полицейскаго моста до Аничкина!“ — въ этомъ „великолѣпномъ каскадѣ, составленномъ изъ нѣсколькихъ тысячъ

Digitized by Google

шляпокъ, шалей, бантовъ, галстуковъ, хорошенькихъ личекъ, жилетовъ и бакеновъ?“ — и вы хотите, чтобы посреди всего этого можно было замѣтить новое лицо, и притомъ лицо, не имѣющее въ себѣ ничего особеннаго! Да это просто невозможно—это явная нелѣпица!.. Все это приводитъ меня только къ заключенію, что вы незнакомы съ Петербургомъ, или, по крайней мѣрѣ, знаете его по однимъ фельетонамъ. Я вообще какъ-то не склоненъ къ фантастическому и потому никакъ не могу сравнить гуляющихъ по Невскому съ океаномъ, клубящимъ свои атласныя, бархатныя и шляпныя волны. Не знаю, какъ это дѣлается, но мнѣ казалось всегда, какъ будто весь людъ, гуляющій по Невскому проспекту, составленъ неизмѣнно изъ однихъ и тѣхъ же лицъ—право такъ. Сколько разъ случалось разставаться съ Петербургомъ, и разставаться надолго. Пріѣзжаешь назадъ, выходишь на Невскій—и повѣрите ли?—заранѣе знаешь, кого встрѣтишь, и даже на какомъ мѣстѣ. Не знаю, какъ съ другими, но со мною вотъ что постоянно происходитъ: едва повертываешь изъ Караванной, тотчасъ же и наталкиваешься на господина съ желчной физіономіей, портфелемъ подъ мышкой, и руками, глубоко запрятанными въ карманы; не знаешь, разумѣется, кто онъ и откуда, хотя радуешься ему какъ пріятелю—и онъ, кажется, узналъ васъ и улыбнулся; далѣе, попадается высокая статная дама съ орлинымъ носомъ, величавою поступью, дама съ мохнатой желтой муфтой и такими бровями, какія встрѣчаются на портретахъ персидскихъ шаховъ; слѣдомъ за нею выступаетъ кругленькій, гладкоостриженный толстякъ, съ добродушной улыбкой на добродушномъ лицѣ: фамилія его и занятія вамъ незнакомы, но вы давно уже прозвали его „именинникомъ“, и вамъ пріятно его встрѣтить на своемъ мѣстѣ.—„Боже! какъ посѣдѣлъ этотъ старичокъ!“ думаете вы, покачивая головою и слѣдя глазами за новымъ знакомымъ-незнакомцемъ, который, припадая съ ноги на ногу и склонивъ кудрявую сѣдую голову къ плечу, проплелся мимо.—„Ужъ не случилось ли съ нимъ несчастія въ мое отсутствіе?.. Болѣзнь, можетъ-быть?... параличъ?..“ И снова новыя встрѣчи, и т. д. до безконечности, или, вѣрнѣе, до Полицейскаго моста. Но вы еще не досчитались: вамъ какъ словно недостаетъ кого-то... вы заботливо начинаете перебирать въ памяти знакомыя лица... Точно, недостаетъ старичка, постоянно, лѣтъ де-

Digitized by Google

сять, прогуливающагося съ двумя пожилыми дочками въ розовыхъ шляпкахъ.—„Неужто онъ умеръ?“ думаете вы, и сердце ваше сжимается. Но опасенія ваши неосновательны: какъ разъ противъ Большой Морской вы сталкиваетесь съ почтеннымъ старцемъ и его пожилыми дочками въ розовыхъ шляпкахъ, и онѣ васъ узнали; едва вы прошли дальше, онѣ пригнулись другъ къ другу, какъ бы бесѣдуя о долгомъ вашемъ отсутствіи и благополучномъ возвращеніи. Кому знакомъ Невскій проспектъ и его публика, тотъ вѣрно испытывалъ то же самое. Въ этихъ встрѣчахъ, повѣрьте, есть даже что-то трогательное, умиляющее душу и невольно заставляющее вѣрить въ привязанность и память сердца. Что жъ мудренаго, послѣ всего сказаннаго, если появленіе новаго незнакомаго лица заинтересовало привычныхъ посѣтителей тротуара солнечной стороны?

Наружность его, какъ я уже замѣтилъ, ничѣмъ уже не отличалась; она была непривлекательна—вотъ и все. Никто не удивится послѣ этого, если онъ старался придать ей нѣкоторую пріятность; но выходило всегда, что чѣмъ больше стремился онъ къ такой цѣли, тѣмъ меньше достигалъ ея. Ступивъ на тротуаръ Невскаго проспекта, онъ выпрямлялъ спину и голову, проявлялъ на блѣдноватомъ лицѣ улыбку, покачивался раза два корпусомъ, какъ бы для пробы, и наконецъ смѣшивался съ гуляющими. Во все время прогулки онъ не переставалъ покачиваться, постоянно держалъ правую руку и крючокъ тросточки въ правомъ карманѣ пальто и кивалъ глазами направо и налѣво съ самымъ разсѣяннымъ, безпечнымъ видомъ. Но какъ только издали показывались дамы, онъ замедлялъ шагъ; за десять шаговъ до встрѣчи, тусклоголубоватые глаза его, окруженные красными вѣками — онъ, какъ узналъ я впослѣдствіи, мылъ ихъ мыломъ каждый день по нѣсколько разъ, въ томъ убѣжденіи, что отъ этого они пріобрѣтаютъ особенный блескъ и свѣжесть—глаза его начинали постепенно суживаться, а въ минуту самой встрѣчи дѣлались чрезвычайно похожими на глаза умирающаго теленка: вся его фигура принимала тогда необычайное сходство съ вертлявой фигуркой англійской левретки, прыгающей на заднихъ лапкахъ. Лицо его, напротивъ, дѣлалось чрезвычайно серьезнымъ и даже строгимъ при встрѣчахъ съ особами мужского пола; выраженіе строгости смягчалось не иначе, какъ когда встрѣ-

Digitized by Google

тившійся мужчина принадлежалъ къ высшему обществу, носилъ громкое имя или одѣвался съ особенною изысканностью.

Онъ приходилъ на Невскій регулярно каждый день въ два часа и пробывалъ здѣсь до пяти включительно; иногда являлся даже по вечерамъ; изъ этого я смѣло заключилъ, что онъ не былъ ни приказчикомъ изъ моднаго магазина, ни комедіантомъ, ни парикмахеромъ; не могъ онъ также служить въ конторѣ—словомъ, былъ безъ должности. Мнѣ никогда не приходилось видѣть его съ пріятелемъ, или вступающимъ въ разговоръ съ кѣмъ бы то ни было; онъ часто, однакожъ, раскланивался съ дамами, проѣзжавшими въ каретахъ, хотя дамы эти никогда не отвѣчали ему на поклонъ и казались скорѣе удивленными, чѣмъ обрадованными такимъ изъявленіемъ учтивости; легко было догадаться, что кругъ его знакомства довольно тѣсенъ. Время свое проводилъ онъ очень однообразно: сдѣлавъ одинъ конецъ по Невскому, онъ становился на верхнюю ступень при входѣ въ Пассажъ и, закинувъ правую ногу за лѣвую, стоялъ такимъ образомъ минутъ пять; потомъ дѣлалъ новый конецъ и снова возвращался на ступеньки Пассажа; но, какъ мнѣ казалось, все это происходило въ тѣхъ только случаяхъ, когда у него были новые сапоги и онъ могъ похвастать ими съ высоты пассажныхъ ступеней: въ другихъ случаяхъ, онъ не покидалъ тротуара и, сколько могъ я высмотрѣть, видъ его былъ тогда какъ-то раздражительно-грустенъ.

Жилеты свои мѣнялъ онъ часто, но часовая цѣпочка оставалась неизмѣнно одна и та же; самъ не знаю почему, но цѣпочка эта, съ нѣкоторыхъ поръ, стала казаться мнѣ подозрительною; разъ я подошелъ къ нему и попросилъ сказать, который часъ; онъ торопливо отвернулся въ другую сторону и сдѣлалъ видъ, какъ будто ничего не слышитъ; я снова повторилъ вопросъ; „извините... отвѣчалъ онъ съ сожалѣніемъ, сквозь которое проглянуло явное неудовольствіе,—извините, часы мои остановились...“ и быстрыми шагами пошелъ впередъ. Что-жъ мнѣ оставалось дѣлать, посудите сами? что-жъ оставалось дѣлать, если не пожалѣть объ отсутствіи часовъ въ карманѣ молодого человѣка? Я никогда не видалъ его въ галошахъ и постоянно изумлялся искусству, съ какимъ переходилъ онъ грязную улицу; онъ выворачивалъ какъ-то особенно ноги и ставилъ ихъ съ неподра-

Digitized by Google

жаемою ловкостью въ слѣды прошедшихъ прежде него людей; въ крайнихъ случаяхъ, когда грязь или мокрый снѣгъ лежали сплошною массою, онъ отчаянно, со всѣхъ ногъ кидался впередъ, разбивалъ подошвами грязь—и выходилъ всегда на тротуаръ съ чистыми почти сапогами. Трогательно было видѣть, какъ обходился онъ съ своей шляпой: онъ никогда не прикасался пальцами къ передней части борта, но всегда приподымалъ ее, взявшись за боковые края; публичныя увеселенія, какъ-то выставки и концерты, гдѣ при входѣ снимаютъ шляпы, которыя при выходѣ оказываются превращенными въ блинъ, рѣдко посѣщались молодымъ человѣкомъ. Шляпные эти эпизоды болѣе важны, чѣмъ думаютъ; всѣ части туалета, начиная съ сапогъ, жилетовъ, галстуковъ и кончая завивкой, часто обманываютъ насъ касательно финансоваго состоянія ихъ владѣльца; шляпа, замѣтьте, никогда не обманетъ; шляпа единственный предметъ мужского туалета, который нельзя взять въ долгъ; онъ покупается не иначе, какъ на чистыя деньги. Внимательность къ шляпѣ, естественнымъ образомъ, привела меня къ мысли, что молодой человѣкъ далеко не въ блестящемъ положеніи; вскорѣ явились еще и другія подтвержденія такой мысли.

Я самъ былъ когда-то бѣденъ и съ тѣхъ поръ у меня остался особенный тактъ узнавать бѣдняка подъ самой джентльменской оболочкой: шармеровское пальто, гордая осанка, щегольская карета, изящная небрежность пріемовъ меня не озадачиваютъ. Скажу болѣе: на меня слабо дѣйствуютъ даже нѣкоторые люди, разъѣзжающіе на кровныхъ рысакахъ и въ собственныхъ каретахъ; я остаюсь равнодушнымъ къ такимъ зрѣлищамъ; но потому, можетъ-быть, что знавалъ владѣтелей рысаковъ и каретъ, которые кругомъ были должны своему кучеру и камердинеру. Они, разумѣется, не занимаютъ денегъ — нѣтъ: кто-жъ унизится до того, чтобы просить взаймы у слуги или кучера! Они задерживаютъ только ихъ жалованье, а иногда вовсе даже не отдаютъ его. Самые неуловимые признаки бѣдности, самые тонкіе маневры, пускаемые въ ходъ, чтобы скрыть эти признаки, извѣстны мнѣ въ совершенствѣ; чутьемъ своимъ я вижу рожки жалкой улитки тамъ, гдѣ часто другіе видятъ одну блистательную, переливающуюся всѣми цвѣтами раковину; бѣдность имѣетъ свои пріемы, свои движенія, свои знаки, которыхъ ничѣмъ

Digitized by Google

не скроешь, которыхъ нѣтъ даже надобности скрывать по-моему; но не всѣ философы! Для многихъ неудобная сторона бѣдности заключается въ томъ именно, что ее трудно скрыть.

Несмотря на разные пріемы нашего молодого человѣка, несмотря на его новое пальто, жилетъ, часовую цѣпочку и лаковыя ботинки, я тотчасъ же догадался въ чемъ дѣло. Воображеніе мигомъ перенесло меня въ его квартиру.

Передо мной предстала тѣсная комната въ пятомъ этажѣ, отдаваемая отъ жильцовъ,—комната, выкрашенная сѣро-молочной краской, украшенная сосновою кроватью, издающею скрипъ при первомъ прикосновеніи, двумя стульями съ Апраксина двора и окномъ съ форточкой; въ углу комодъ; нѣтъ въ немъ ни простынь, ни наволочекъ, но тщательно уложены три миткалевыя рубашки съ передами, воротничками, нарукавниками—словомъ, всѣми тѣми частями, которыя видны—изъ тончайшаго голландскаго полотна; тутъ же въ сосѣднемъ ящикѣ находился пиджакъ: въ одномъ карманѣ пиджака тонкій и чистый носовой платокъ, въ другомъ—подобіе тряпки: послѣдняя служитъ для стиранія пыли съ сапоговъ — украдкою, разумѣется, когда готовишься повернуть на Невскій. Хотя молодой человѣкъ въ моемъ присутствіи обнаруживалъ очевидное отвращеніе къ дыму жуковскаго табаку и курилъ однѣ благовонныя папиросы, но я отсюда вижу на окнѣ его табачный пепелъ и коротенькую трубку самаго жалкаго свойства; на столѣ возвышается небольшое складное зеркальце—частый свидѣтель, это не подлежитъ сомнѣнію,—отчаянно-свирѣпыхъ выходокъ своего владѣльца въ минуты неудачнаго наверчиванія галстучнаго банта, что составляетъ, какъ извѣстно, камень преткновенія каждаго щеголя; тутъ же завивальные щипцы, бронзовое кольцо въ видѣ змѣи — въ то время такія кольца были въ большомъ ходу; банки съ помадой, пудра въ аптекарской коробочкѣ и роговой гребень... Роговой гребень!.. Но что за бѣда! вѣдь гребень не привѣшивается къ петличкѣ пальто во время прогулки, онъ можетъ быть изъ чего угодно—лишь бы хорошо расчесывалъ волосы. Дѣйствіемъ воображенія переношу, наконецъ, и самого молодого человѣка въ его комнату: вижу, съ какою тревожною заботливостью осматриваетъ онъ воротникъ своего пальто, полошвы и кожу своихъ боти-

Digitized by Google

нокъ; боязливо оглянувшись кругомъ, онъ вынимаетъ изъ кармана булку и, отправивъ корку въ ротъ, начинаетъ чистить мякотью перчатки; во время этой операціи, часто смотритъ онъ въ зеркало, ласково прищуриваетъ глаза, и съ ужасомъ откидывается назадъ каждый разъ, какъ чудится ему прыщикъ на носу или пятно на лицѣ. Окончивъ дѣло, онъ торопливо выпиваетъ стаканъ холоднаго чаю, оставленный въ его отсутствіе хозяйкой, жадно доѣдаетъ булку, и снова одѣвается и снова покидаетъ комнату, въ которой остается тогда ровно на два гроша имущества. Все это, какъ оказалось впослѣдствіи, было совершенно справедливо.

Въ четыре часа пополудни, когда публика на Невскомъ начинаетъ рѣдѣть, нашъ молодой человѣкъ входилъ обыкновенно въ кафе Пассажа. Если мало было посѣтителей, онъ спрашивалъ всегда порцію макаронъ и съѣдалъ при этомъ такое множество хлѣба, которое служило несомнѣннымъ доказательствомъ, что макароны были лишь предлогомъ и спрашивались съ единственною цѣлью—съѣсть какъ можно больше хлѣба. Если-жъ много было посѣтителей, онъ ограничивался двумя пирожками и съѣдалъ ихъ медленно, какъ бы отъ нечего дѣлать. Въ пять часовъ являлся онъ въ одномъ изъ лучшихъ кафе-ресторановъ, располагался въ креслахъ, углублялся въ чтеніе карты и говорилъ человѣку: „Нѣтъ... что-то не хочется ѣсть... подожду немного...“ И въ ожиданіи спрашивалъ чашку кофе. Если представлялась возможность завладѣть хлѣбомъ на сосѣднемъ приборѣ, онъ завладѣвалъ имъ; если же нѣтъ, то довольствовался своимъ кофе. Замѣчено было, однакожъ, что въ послѣднемъ случаѣ онъ дольше останавливался на ступенькахъ при выходѣ изъ кафе-ресторана, вынималъ изъ жилетнаго кармана зубочистку и долго чистилъ зубы.

Когда погода была скверная, онъ изъ кафе-ресторана прямо направлялся въ кафе Пассажа, но уже ничего не съѣдалъ: въ это время въ кафе мало посѣтителей и ѣсть рѣшительно не для кого. Онъ садился къ окну и принимался читать газеты. Чтеніе это, нужно замѣтить, было совсѣмъ особеннаго рода: политика, фельетоны, заграничныя извѣстія—все это нисколько его не занимало. Онъ читалъ лишь заднія страницы и преимущественно останавливался на объявленіяхъ о продажѣ домовъ. Ничего, кажется, не было общаго между нимъ и покупкою

Digitized by Google

дома, а между тѣмъ, могу васъ увѣрить, онъ ни о чемъ другомъ никогда не читывалъ. Отыскавъ объявленіе, онъ вынималъ изъ кармана жиденькій бумажникъ и подробно, цѣликомъ вписывалъ туда прочитанное объявленіе. Послѣ этого онъ возвращался домой, одѣвался со всевозможною тщательностью, осыпалъ лицо пудрой, даже завивался— и отправлялся отыскивать продающійся домъ. Осмотрѣвъ его съ улицы, онъ звонилъ обыкновенно въ колокольчикъ или стучалъ въ дверь дворника. Тогда между нимъ и дворникомъ происходилъ всегда разговоръ слѣдующаго рода:

— Скажи пожалуйста, любезный, домъ этотъ продается?

— Продается.

— То-то... Я вотъ тутъ гулялъ, такъ ужъ кстати зашелъ посмотрѣть. Домъ порядочный... да; немножко вотъ тутъ какъ-будто... присовокуплялъ онъ, неопредѣленно возводя глаза къ зданію, — но это ничего... Сколько за него просятъ?

Дворникъ произносилъ довольно полновѣсную сумму, но это обстоятельство встрѣчало всегда страшное равнодушіе со стороны покупщика, и онъ снова завязывалъ разговоръ:

— Отчего же продаютъ его?

— А не могу знать; сказано только: продается.

— Хозяинъ у себя, дома?

— Здѣсь.

— Можно его видѣть?

— Можно.

— Да... А какъ, бишь, его фамилія?..

— Иванъ Андреевичъ...

— Нѣтъ, нѣтъ—фамилія какъ?

Если же фамилія была довольно извѣстная, и по дальнѣйшимъ справкамъ оказывалось, что человѣкъ, ее носившій, былъ богатъ или имѣлъ значительный титулъ, нашъ молодой человѣкъ какъ бы мгновенно откладывалъ намѣреніе вступать съ нимъ въ совѣщаніе; онъ говорилъ дворнику:

— Хорошо, братецъ, я еще зайду, — послѣ чего уходилъ и никогда уже больше не возвращался.

Если фамилія была темнаго происхожденія, онъ продолжалъ бесѣду уже въ слѣдующемъ духѣ:

— Такъ, стало быть, я могу его застать теперь дома?

Digitized by Google

— Можно.

— Ты мнѣ скажи, братецъ, навѣрное, потому что, что жъ я пойду даромъ... и, наконецъ, я могу побезпокоить... можетъ-быть, хозяинъ человѣкъ женатый, семейный... множество дѣтей...

Если дворникъ говорилъ, что хозяинъ холостякъ, результатъ былъ тотъ же, что и въ первомъ случаѣ: покупатель уходилъ и никогда уже больше не возвращался. Если же хозяинъ дома былъ человѣкъ семейный и, особенно, если имѣлъ много дочерей, молодой человѣкъ поспѣшно запускалъ пальцы въ карманъ жилета и говорилъ:

— Тебѣ, братецъ, надо, однакожъ, дать на водку... Экая досада! Никакой мелочи!.. ну, видно не твое счастье, присовокуплялъ онъ шутливо,—знать до другого случая... Ну, вотъ видишь ли, и неловко, стало-быть, пойти къ хозяину, не зная, что онъ дѣлаетъ... можетъ-быть, онъ теперь обѣдаетъ... неловко притти, особенно если большія у него дочери... А что, дочери-то ужъ большія?

— Да вотъ одна, Марья Ивановна, невѣста.

— Ну, вотъ видишь ли—и неловко... (Истина, которой мы поклоняемся, заставляетъ насъ сказать, что при такомъ извѣстіи лицо молодого человѣка проявляло всѣ признаки величайшей радости). — Можетъ-быть и другія дочери также взрослыя? присовокуплялъ онъ.

— Никакъ и второй шестнадцатый пошелъ.

— Спасибо, любезный, спасибо... Такъ я пойду, переговорю съ хозяиномъ... помни же, двугривенный за мною!

Когда хозяинъ помѣщался въ продающемся домѣ, молодой человѣкъ шелъ прямо туда, или же разспрашивалъ его квартиру и направлялся въ ту сторону; но большею частью онъ заходилъ по дорогѣ въ кондитерскую и не прежде рѣшался предстать въ качествѣ покупщика, какъ осмотрѣвъ себя внимательно въ зеркалѣ кондитера. Въ денежное время—этого почти никогда не бывало—онъ нанималъ извозчика и подкатывалъ къ крыльцу хозяина дома на пролеткѣ. Войдя въ квартиру, онъ приказывалъ доложить о себѣ какъ о покупщикѣ. Хозяинъ выходилъ навстрѣчу, и естественно радовался найти молодого человѣка: съ молодыми, неопытными людьми всегда какъ-то пріятнѣе вести дѣла. Молодой человѣкъ разсыпался передъ хозяиномъ въ учтивостяхъ; говорилъ, что осматривалъ домъ, что домъ пришелся ему по вкусу во всѣхъ статьяхъ, что о немъ много говорилъ ему одинъ знако-

Digitized by Google

мый — тутъ онъ придумывалъ всегда самую звонкую фамилію, — что цѣль его при покупкѣ дома заключается единственно въ томъ, что хочется ему навсегда поселиться въ Петербургѣ и что время, наконецъ, пришло остепениться и зажить хозяйственнымъ образомъ, — прибавлялъ онъ въ видѣ шутки; затѣмъ онъ просилъ хозяина потрудиться и пойти съ нимъ снова осмотрѣть зданіе. При этомъ осмотрѣ, молодость и неопытность покупателя дѣлались еще очевиднѣе: обстоятельство, которое окончательно еще располагало хозяина дома къ покупщику. Они возвращались въ квартиру; хозяинъ предлагалъ чашку чаю, знакомилъ его съ женою и представлялъ дочерямъ. По уходѣ покупщика, и послѣ того какъ дочери удалялись въ свою комнату, передавать другъ другу впечатлѣнія о новомъ знакомцѣ, хозяинъ дома придвигался къ женѣ и держалъ обыкновенно такого рода рѣчь:

— Ну что, душенька, что́ ты на это скажешь... а?.. Вотъ если бъ такого жениха нашей Оленькѣ... а? Чего кажется лучше: ужъ когда покупаютъ домъ, и притомъ не торгуются, повѣрь мнѣ, значитъ есть состоянье! Молодой человѣкъ такъ еще неопытенъ, что, дѣлая покупку, не умѣетъ даже скрывать своихъ средствъ... Истинная была бы находка, если бъ только домъ продали, и Оленьку выдали бы замужъ... а?

На это жена отвѣчала:

— Ну что жъ, другъ мой, я не прочь, ты знаешь, я всегда желала счастья моимъ дѣтямъ!

А нашъ молодой человѣкъ, возвращаясь назадъ, думалъ между тѣмъ слѣдующее:

— Очень миленькая дѣвушка... право... и отецъ того... совершеннѣйшій добрякъ... и мать тоже... Что жъ, не худо бы? Средства ихъ мнѣ неизвѣстны, но если продаютъ домъ съ тѣмъ, чтобы выстроить новый вдвое больше, стало-быть средства хорошія... Главное дѣло надо понравиться матери и дочери — въ этомъ вся штука... Потому что, потомъ, когда дѣло будетъ улажено и насъ обвѣнчаютъ, если и окажется тогда, что я не могу купить дома... потому что... ну, потому что не могу — дѣло ужъ будетъ сдѣлано... изъ-за этихъ пустяковъ не лишать же дочери, и, какъ кажется, еще любимой дочери, назначеннаго приданаго... Да, главное дѣло, надо понравиться ей и матери...

Digitized by Google

На слѣдующій день, молодой человѣкъ завивался еще тщательнѣе и снова являлся въ знакомое семейство. Проникнутый своей цѣлью, онъ мало говорилъ о покупкѣ дома, больше любезничалъ съ дамами. День за день покупка дома откладывалась. Всѣ жили пока надеждой— и молодой человѣкъ, и почтенное семейство. Все шло изрядно, пока не являлся новый покупщикъ. Тутъ наступала драма. Новый покупщикъ выкладывалъ деньги и предлагалъ задатокъ. Наступала критическая минута... Молодой человѣкъ не могъ дать задатка и удалялся, съ тѣмъ, чтобы никогда ужъ больше не возвращаться!

Такія происшествія приключались съ нимъ довольно часто; онъ каждый почти день вписывалъ въ бумажникъ адресы продающихся домовъ, и часто въ одно и то же время велъ переговоры со многими семействами, но результатъ былъ всегда одинаковъ. Неудачи не ослабляли, однакожъ, его духа и энергіи, и неустанно продолжалъ онъ читать газеты, выписывать адресы, бесѣдовать съ дворниками и являться въ дома. Замѣчательнѣе всего то, однакожъ, что неудачи свои нимало не приписывалъ онъ появленію настоящаго покупщика или недостачѣ денегъ въ собственномъ карманѣ; нѣтъ, онъ питалъ въ душѣ твердую увѣренность, что дѣло рушилось потому лишь, что не сумѣлъ онъ понравиться—въ томъ было все дѣло. Такое убѣжденіе, какъ вы можете себѣ представить, должно было повергать его въ глубокое отчаяніе.

II.

Эпизоды изъ дѣтства и юности.

Что-жъ такое, если бъ и на самомъ дѣлѣ оно было такъ: если бъ онъ хотѣлъ нравиться — и приходилъ въ отчаяніе, когда ему не удавалось? Не всѣ ли мы подвержены той же слабости? Не всѣ ли, болѣе или менѣе, желаемъ нравиться? Я, по крайней мѣрѣ, не встрѣчалъ человѣка, который не старался бы, тѣмъ или другимъ способомъ, развить въ себѣ средства для вѣрнѣйшаго достиженія такой цѣли. Но бо́льшая часть изъ насъ, въ скорбныя минуты неудачъ, имѣетъ, по крайней мѣрѣ, хоть какія-нибудь утѣшенія: Нолинскому предстоятъ развлеченія большого свѣта; Богучаровъ утѣшается покупкою славнаго рысака; Тетюшинъ возвращается къ балету и записывается въ число театраловъ: Кузулкинъ получаетъ

Digitized by Google

наслѣдство; утѣшеніе Пейпусова заключается въ справедливомъ сознаніи красоты своей: онъ увѣренъ, что если она не произвела дѣйствія въ настоящемъ случаѣ, то непремѣнно произведетъ въ другомъ, и т. д. Кромѣ того, неудачи Пейпусова, Богучарова, Бузулкина и Тетюшина не должны повергать ихъ въ отчаяніе, или заставлять ихъ считать себя пораженными въ голову ударомъ булавы; желаніе нравиться не составляетъ еще, сколько мнѣ кажется, главной основы ихъ существованія. Дѣло нашего героя совсѣмъ другого рода; желаніе производить пріятное впечатлѣніе составляло главную, и въ то же время единственную потребность его умственной и нравственной природы; это выходило у него совершенно естественно — дѣйствіемъ внутренняго неодолимаго побужденія; онъ хотѣлъ нравиться, какъ только что оперившаяся птица хочетъ летѣть, котенокъ, открывшій глаза, хочетъ ловить мышей, и т. д. Отчего же, скажите на милость, нестерпимо вилялъ онъ корпусомъ и сѣменилъ всѣмъ существомъ своимъ, какъ только замѣчалъ, что смотрятъ на него дамы? Какъ объяснить теперь это безпокойство, это внутреннее сомнѣніе, если можно такъ выразиться, которое испытывалъ онъ даже въ присутствіи мужчинъ? Какое ему было дѣло до того, что скажутъ или подумаютъ о немъ совершенно посторонніе, вовсе незнакомые люди, попадавшіеся на улицѣ, въ кафе, въ театрѣ и проч.? Что заставляло его заискивать знакомство, вступать въ разговоръ, предлагать газету, уступать мѣсто на гуляньѣ, предостерегать прохожаго касательно лужи или апельсинной корки, украшающей тротуаръ? Что заставляло его, наконецъ, дѣлать глазки въ то время, когда другіе сосутъ еще грудь или, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ еще твердо стоятъ на ногахъ? Отчего же все это?

Надо было видѣть, когда покойная маменька спрашивала его: „Ваня, ты хорошенькій?“ — надо было видѣть, говорю я, съ какою увѣренностью отвѣчалъ онъ: „хорошенькій!“ Это происходило, надо вамъ сказать, на третьемъ году отъ рожденія. — „Ваня, кто лучше, я — или ты?“ спрашивала его мать; „я лучше!“ отвѣчалъ всегда Ваня, а между тѣмъ, могу васъ увѣрить, покойная маменька Вани была очень недурна собой. Мать скоро умерла, и Ваня перешелъ въ домъ дяди, единственнаго близкаго родственника. Дядя былъ управителемъ какого-то дома; къ нему ѣздило много гостей, привозившихъ и дѣтей своихъ.

Digitized by Google

Но Ваня—ему было тогда около восьми лѣтъ—чуждался дѣтей. Онъ предпочиталъ сидѣть въ гостиной, и не было для него лучшаго удовольствія, какъ когда ласкали его женщины. Случалось пріѣзжимъ гостямъ заговориться и забыть о существованіи Вани. Ваня садился тогда въ уголъ гостиной, скрещивалъ ножки, свѣшивалъ на бокъ голову и прикидывался спящимъ; картина спящаго ребенка вызывала всегда трогательную улыбку на губахъ дамъ, которыя обыкновенно будили его поцѣлуемъ: то были сладчайшія минуты въ дѣтствѣ Вани. Первый гривенникъ, полученный имъ отъ дяди, пошелъ на покупку складного гребешка съ зеркальцемъ, и хотя зеркальце показывало одинъ только глазъ или часть носа, но Ваня былъ въ такомъ восхищеніи, что клалъ гребешокъ даже подъ свою подушку, когда ложился спать.

Тринадцати лѣтъ его отдали въ школу. Для вытверживанія уроковъ онъ преимущественно выбиралъ мѣсто у окна, книга бралась за тѣмъ собственно, чтобы прятать лицо отъ учителя; глаза ученика не отрывались отъ оконъ противоположнаго дома, гдѣ жило многочисленное семейство. Въ свободное отъ занятій время, онъ наводилъ глянецъ на пуговицы своего коротенькаго фрачка, или же чистилъ самое платье маленькой щеточкой, купленной какъ только завелось тридцать копеекъ серебромъ. Любимымъ удовольствіемъ его было попросить маленькаго товарища выбросить на улицу книжку или тетрадь въ то время, когда барышни противоположнаго дома глазѣли у своихъ оконъ; онъ весь тогда какъ-то подбирался, подтягивался: выступая пѣтушкомъ по улицѣ и самодовольно покручивая напомаженной головкой, онъ переходилъ улицу, ловко нагибался, подымалъ брошенную книгу и, дѣлая видъ, какъ будто не замѣчаетъ барышень, возвращался тѣмъ же порядкомъ въ классную комнату. Какая мысль воодушевляла его при этомъ — неизвѣстно; надо полагать, уже тогда безпокоило его желаніе возбуждать вниманіе прекраснаго пола.

Весьма натурально, что съ возрастомъ и безпокойство это шло возрастая; въ восемнадцать лѣтъ онъ былъ зачисленъ тогда въ какую-то контору, откуда скоро вышелъ по негодности: обстоятельство, послѣ котораго дядя совсѣмъ почти отступился отъ племянника; время проходило въ наблюденіяхъ надъ окнами, гдѣ сидѣли дамы, и въ прогулкахъ мимо этихъ оконъ. Въ Испаніи, можетъ-статься,

Digitized by Google

что-нибудь и вышло бы изъ этого, но въ холодномъ Петербургѣ похожденія юноши остались безъ послѣдствій. Эта эпоха его молодости можетъ назваться вообще—эпохою неудачъ. Есть дни, въ которые ничего не удается, есть также и люди, которымъ ничего не удается. Невозможно перечесть всѣхъ неудачъ нашего героя: лелѣялъ ли онъ, напримѣръ, мысль пріобрѣсти модныя панталоны съ большими клѣтками — точь-въ-точь какія видѣлъ на знаменитомъ львѣ, — выходило всегда, что какъ только мысль его осуществлялась, мода на такія панталоны уступала мѣсто другимъ панталонамъ, а именно—съ полосками или зубчиками. Та же самая исторія происходила съ жилетами, штрипками, штиблетами, воротничками рубашки и проч., и проч.: онъ всегда опаздывалъ. А между тѣмъ, если бъ кто зналъ, сколькихъ пожертвованій стоило ему пріобрѣтеніе этихъ предметовъ!

Разъ, цѣлые три мѣсяца отказывался онъ отъ обѣда, довольствуясь въ три часа одною французскою булкой или пеклеваннымъ хлѣбомъ, когда черезчуръ уже надоѣдала булка; немногіе, падѣюсь, въ состояніи обнаружить такую твердость характера, особенно если дѣло пойдетъ на составленіе капитала, необходимаго для покупки *брелоковъ* къ часовой цѣпочкѣ. Но дѣло сдѣлано, брелоки куплены; насталъ день, когда прицѣпилъ онъ ихъ къ часовой цѣпочкѣ, замирая отъ внутренняго самодовольствія, и вышелъ на Невскій. Но каково же было изумленіе его, когда въ это утро не увидѣлъ онъ брелоковъ ни на одномъ истинно франтовскомъ жилетѣ! Онъ рѣшился даже разспросить объ этомъ обстоятельствѣ. Увы! ему сообщили, что брелоковъ никто уже не носитъ, кромѣ парикмахеровъ!

Въ другой разъ съ нимъ произошло еще лучше. (Онъ пренебрегалъ тогда заглядываніемъ въ окна глухихъ переулковъ своего квартала; гулялъ по Невскому, и зналъ наизусть фамиліи всѣхъ почти знаменитыхъ щеголей). Узналъ онъ какъ-то, что въ одномъ аристократическомъ *отелѣ* устроился базаръ въ пользу неимущихъ вдовъ и сиротъ. На этомъ базарѣ каждое утро сходился весь цвѣтъ изящной молодежи; самыя хорошенькія женщины лучшаго круга, стоя за прилавками, продавали лимонадъ, мороженое, вафли и проч.; носились слухи, что всѣ эти дешевые предметы продавались неслыханно дорого. Извѣстіе это, конечно, не устрашило пылкаго юношу: ему

Digitized by Google

такъ давно хотѣлось побывать въ аристократическомъ домѣ, потолкаться между знаменитыми денди, и особенно хотѣлось посмотрѣть вблизи на первыхъ красавицъ города. Какъ нарочно, въ ту пору дядя далъ денегъ; капиталъ состоялъ изъ двадцати пяти цѣлковыхъ: не много, конечно, но что значило бросить пять рублей для такого удовольствія! — „Э! была не была!“ подумалъ онъ, и, одѣвшись какъ можно изящнѣе, отправился. Не станемъ описывать его впечатлѣній, скажемъ только, что онъ затрепеталъ отъ восхищенія съ головы до ногъ, когда очутился почти лицомъ къ лицу съ одною изъ самыхъ хорошенькихъ графинь и услышалъ ея мелодическій голосъ, приглашавшій купить пирожокъ. Онъ тотчасъ же подошелъ къ прилавку и, граціозно изогнувъ корпусъ, взялъ пирожокъ. Говорятъ, въ эту минуту имъ овладѣло такое волненіе, что онъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ своимъ пріобрѣтеніемъ: съѣсть его казалось ему крайне неучтивымъ; спрятать въ карманъ, какъ бы на память, онъ не рѣшился; наконецъ, онъ поднесъ его ко рту и, взглянувъ не безъ особеннаго выраженія на прелестную продавщицу, медленно сталъ его ѣсть. Въ головѣ его мелькнула между тѣмъ игривая мысль взять еще пирожокъ; за вторымъ послѣдовалъ третій, за третьимъ четвертый и, наконецъ, дошло до пятаго. Ему хотѣлось уже теперь, во что бы ни стало, возбудить вниманіе графини, и точно, графиня обратилась къ нему, улыбнулась и сказала, что онъ долженъ ей двадцать пять цѣлковыхъ. Такимъ-то образомъ лишился онъ въ одно утро всего капитала и, обезпечивъ на цѣлый мѣсяцъ убогую вдову, принужденъ былъ безконечное время питаться однѣми булками. Эти несчастные пирожки были, можно сказать, первымъ основнымъ камнемъ его долговъ въ мелочную лавочку.

Но долгъ въ мелочную лавочку ничего еще не значилъ сравнительно съ долгомъ портному Шамбахеру. „Шамбахеръ, портной изъ Лондона“, гласила вывѣска, вызывавшая всегда добродушную улыбку на лицахъ родственниковъ портного, знавшихъ, что Карлъ Шамбахеръ уроженецъ изъ Митавы. Этотъ долгъ пуще всего сокрушалъ молодого человѣка: мало того, что Шамбахеръ отказался напрямикъ шить платье до уплаты долга, но немилосердно даже преслѣдовалъ своего должника. Герой нашъ еще не вполнѣ усвоилъ себѣ даръ смягчать к

Digitized by Google

торовъ, не отдавая имъ денегъ; онъ не имѣлъ ни надлежащаго дара слова, ни сноровки. Шамбахеръ прямехонько врывался въ его комнату и подымалъ страшную тревогу, такъ что хозяйка и жильцы ея выбѣгали въ коридоръ съ испуганными лицами.

Мы не ошибемся, если скажемъ, что такія же точно отношенія существовали между интереснымъ юношей и сапожникомъ Шамбахеромъ, роднымъ братомъ лондонскаго Шамбахера. Въ цвѣтущія времена нашего героя, портной Карлъ Шамбахеръ поспѣшилъ доставить его практику брату своему, Готлибу Шамбахеру. Но обстоятельства перемѣнились, и теперь оба Шамбахера съ остервенѣніемъ преслѣдовали прежнюю свою практику. Онъ боялся ихъ пуще огня, и потому-то, я полагаю, такъ рѣдко сидѣлъ въ своей квартирѣ, предпочитая прогулку по Невскому, гдѣ такое множество дверей, воротъ и выходовъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, онъ страшно тяготился своимъ положеніемъ. Вотъ именно въ одну изъ этихъ скорбныхъ минутъ и пришла ему вдохновенная мысль являться въ качествѣ покупателя домовъ въ семейства съ невѣстами. Но мы видѣли, что это ни къ чему не повело.

Разореніе, оборванное пальто, скомканная шляпа съ рыжими краями, лопнувшіе сапоги, начинали глядѣть ему прямо въ глаза; отчаяніе стало являться къ его изголовью, и нѣтъ сомнѣнія, онъ кончилъ бы трагически и лишилъ бы насъ удовольствія описывать дальнѣйшія его похожденія, если бъ не умеръ скоропостижно дядя. Наслѣдство оказалось незначительнымъ, хотя дядя и управлялъ домомъ: найдена была всего тысяча рублей серебромъ, которую и препроводили къ законному наслѣднику. Можете представить себѣ восторгъ молодого человѣка! Лучше всего было то, что деньги пришли кстати: наступала осень, жители переѣзжали съ дачъ, и Невскій проспектъ наполнялся гуляющими; у нашего героя не было между тѣмъ теплаго пальто, да и вообще, если правду сказать, остального платья, соотвѣтственнаго сезону.

„Но какъ! неужели снова обратиться къ Шамбахеру изъ Лондона? думалъ онъ.—Шамбахеръ дѣлалъ мнѣ всевозможныя дерзости, отравлялъ, можно сказать, каждый часъ, что я говорю!—каждую секунду моего существованія,—и за все это я снова дамъ ему свою практику... нѣтъ! ни за что въ свѣтѣ! Онъ, чего добраго, захочетъ еще отмстить мнѣ. Я отдамъ ему тѣ триста рублей, ко-

Digitized by Google

торые долженъ, онъ возьметъ да и откажется на меня работать... Нѣтъ, не бывать этому! воскликнулъ онъ съ ожесточеніемъ.—Пускай же знаетъ онъ, что я не позволю себѣ безнаказанно говорить дерзости; закажу платье Альфреду Коко, портному изъ Парижа,—вотъ и все тутъ! Всѣ рѣшительно говорятъ, что Альфредъ Коко шьетъ еще лучше Шамбахера... Кончено!"

Тутъ разгоряченному его воображенію представилась фигура другого Шамбахера—Готлиба-сапожника—и негодованіе овладѣло имъ окончательно; онъ рѣшился разомъ покончить дѣло и прекратить всякія сношенія съ этими грубыми братьями. Затѣмъ, не медля ни минуты, отправился онъ къ Альфреду Коко.

Коко взялъ очень дорого, но, надо правду сказать, одѣлъ его по послѣдней модѣ, или въ послѣднемъ стилѣ, какъ принято говорить: панталоны — fantaisie; жилетъ— idem; пальто-сакъ—à la midschman anglais; все это сидѣло превосходно; на каждой пуговицѣ было даже выбито: Alfred Coco, successeur de ci-devant Dindonet. Затѣмъ, по рекомендаціи того же Коко, молодой человѣкъ отправился къ французскому сапожнику и накупилъ обуви. Затѣмъ, явилась необходимость зайти въ магазинъ: „au petit maître", куда привезенъ былъ большой ассортиментъ галстуковъ. Французъ, къ которому обратился онъ, взглянулъ сначала на лицо его, потомъ на жилетъ, далъ замѣтить, что галстукъ долженъ быть непремѣнно средняго цвѣта между цвѣтомъ лица и жилета и, сказавъ: „je sais ce qu'il vous faut", выложилъ передъ нимъ ассортиментъ съ такою поспѣшностью, какъ будто показывалъ фокусъ. Выбраны два галстука—одинъ à la Colin, другой à la Montpensier; французъ предлагалъ еще третій: à la Jean-Jacques, но молодой человѣкъ былъ настолько благоразуменъ, что отказался. Рядомъ съ магазиномъ „au petit maître"—находилась стеклянная дверь съ золотою надписью: „Alménor,—coiffeur"; тутъ молодой человѣкъ вспомнилъ, что, примѣряя часъ тому назадъ платье, долженъ былъ встрепать себѣ волосы, и пошелъ къ куаферу.

— Un petit coup de ciseau; un petit coup de fer,—rien que pour rafraichir les pointes... M-r, a-t'il lu les Mystères de Paris?.. un soupçon de pomade, une idée de bandoline,— и нашъ молодой человѣкъ вышелъ изъ рукъ de l'artiste en cheveux, въ прическѣ à la petite polka!

При выходѣ изъ парикмахерской, глаза его случайно

Digitized by Google

упали на окна съ изображеніемъ, красками на стеклѣ, перчатокъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ. Онъ вошелъ, и вскорѣ явился на Невскомъ въ такомъ блескѣ, въ какомъ никогда еще не являлся. Завернувъ въ Пассажъ и оглянувъ себя въ зеркалѣ, онъ пришелъ въ такой восторгъ, что рѣшился тотчасъ же снять съ сѣбя дагеротипъ, и точно уже совсѣмъ было отправился, но, сдѣлавъ двадцать шаговъ, пожалѣлъ разстаться съ Невскимъ проспектомъ и отложилъ свое намѣреніе до другого раза.

Такъ блисталъ онъ нѣсколько дней сряду, и эти дни, можно сказать съ увѣренностью, были лучшими днями его жизни. Но нѣтъ такого яснаго неба, которое не омрачилось бы тучами. Туча на ясномъ небѣ нашего героя предстала въ образѣ Карла Шамбахера. Встрѣтивъ прежнюю свою практику въ совершенно новомъ костюмѣ, и основательно заключивъ изъ этого, что практика получила деньги, но заблагоразсудила обратиться къ новому портному прежде, чѣмъ расплатиться съ прежнимъ, — Шамбахеръ пришелъ въ такую ярость, что чуть-было не погибъ отъ паралича. Но этимъ еще не кончилось; въ тотъ же день герой нашъ встрѣтился съ сапожникомъ Шамбахеромъ, который, какъ только взглянулъ на новые сапоги должника, поднялъ кулаки и закричалъ: Donner Wetter! такимъ громовымъ голосомъ, что нашъ молодой человѣкъ кинулся стремглавъ въ сосѣднія ворота, пробѣжалъ безъ оглядки дворъ, вышелъ въ заднія ворота и бѣжалъ до тѣхъ поръ, пока не уткнулся въ какой-то заборъ.

Съ этого дня, братья Шамбахеры начали преслѣдовать его съ особеннымъ, какимъ-то злобнымъ, неукротимымъ остервенѣніемъ. Нашъ герой готовъ былъ отдать имъ долгъ; онъ подъ конецъ пламенно даже желалъ этого, и денегъ оставалось у него ровно настолько, чтобы удовлетворить Шамбахеровъ, но дѣло въ томъ, что тутъ явилось одно обстоятельство, которое рѣшительно стало поперекъ его желаній: блестящее положеніе нашего героя было временно, онъ самъ это чувствовалъ, и потому, нисколько не увлекаясь улыбкою фортуны, благоразумно продолжалъ читать объявленія о продающихся домахъ и посѣщалъ семейства съ невѣстами.

Весьма недавно познакомился онъ съ однимъ почтеннымъ и, повидимому, богатымъ булочникомъ Беккеромъ. Беккеръ продавалъ домъ съ цѣлью купить другой, сосѣдній домъ, огромнѣйшаго размѣра. У Беккера была дочь

Digitized by Google

единственная дочь, и какъ человѣкъ, нажившій большое состояніе въ Россіи, онъ изъ чувства благодарности, вѣроятно, хотѣлъ выдать ее замужъ непремѣнно за русскаго. Нашъ герой явился, познакомился и—сказать ли?—кажется даже понравился. — Мы говоримъ: кажется, потому что ничего еще не обнаруживалось рѣшительно, кромѣ того развѣ, что госпожа Беккеръ сказала послѣ перваго визита его:—„очень учтивый молодой человѣкъ"; отецъ сказалъ: „ja wohl", а дочка примолвила: „ganz comme il faut!" Но нашъ герой былъ уже опытнѣе; бесѣдуя съ дамами, онъ не пропускалъ случая занимать отца разговорами о покупкѣ дома. Та же самая житейская опытность воспрещала ему платить до поры до времени Шамбахерамъ.

„Ну, а какъ явится вдругъ покупатель дома, и Беккеръ спроситъ у меня задатокъ?.. думалъ онъ.—Нѣтъ, пускай ужъ лучше подождутъ Шамбахеры; они все получатъ въ свое время, все, даже проценты... но теперь... теперь главное дѣло понравиться дѣвицѣ, отцу, матери и—покончить скорѣе съ Беккерами!.."

При такихъ мыслях и въ такомъ положеніи застали мы нашего героя гуляющимъ по Невскому въ началѣ этого правдиваго разсказа.

III.

Встрѣча за встрѣчей.

Что, если бъ вдругъ сдѣлалось извѣстнымъ, что такого-то числа, всѣ портные, существующіе въ Петербургѣ, будутъ прогуливаться, отъ двухъ часовъ пополудни до пяти включительно, по Невскому проспекту?.. Какъ вы думаете, произвело бы такое извѣстіе впечатлѣніе на Невскомъ проспектѣ, или не произвело бы никакого впечатлѣнія? Что до меня касается, я имѣю основаніе думать, что было бы произведено нѣкоторое впечатлѣніе. Можно по крайней мѣрѣ держать сто противъ одного, что въ означенное утро васъ крайне бы озадачило отсутствіе многихъ, весьма милыхъ молодыхъ людей, которыхъ привыкли вы встрѣчать здѣсь каждый день; говоря откровенно, я сомнѣваюсь даже въ появленіи большей части этихъ молодыхъ милыхъ людей. Но такъ какъ прогулка портныхъ принадлежитъ къ разряду самыхъ фантастическихъ, несбыточныхъ предположеній, то

Digitized by Google

на Невскомъ проспектѣ не было замѣтно никакого измѣненія.

Въ три часа не было такой плитки тротуара, по которой не ступала бы, вкусная, какъ пирожное, прюнелевая ботинка, или узкій лакированный сапогъ; попадалась, конечно, и неуклюжая обувь, но мы питаемъ къ послѣдней глубочайшее равнодушіе и—прошу замѣтить—никогда о ней не упоминаемъ. Джентльмены, львы и денди попадались на каждомъ шагу, какъ простые смертные. Они выступали съ тою увѣренностью, съ тѣмъ непринужденіемъ, какъ будто прогуливались по собственнымъ владѣніямъ; лица ихъ выражали безпечность и вмѣстѣ съ тѣмъ дышали какъ бы сознаніемъ, что это было лучшее мѣсто и лучшій часъ для прогулки. Съ послѣднимъ легко согласиться, дѣйствительно это былъ лучшій часъ: въ это время портные—не говоря уже о другихъ мастеровыхъ, которымъ могутъ быть должны денди,—утомленные бѣготнею по долгамъ, или предаются отдыху, или все еще бѣгаютъ, отыскивая должниковъ своихъ; а такъ какъ по множеству визитовъ такого рода, они по большей части ѣздятъ на извозчикахъ—иначе имъ бы никакъ не угоняться, то и я нахожу съ своей стороны, что это самый лучшій часъ для прогулки.

Несмотря на страшно холодный вѣтеръ, дувшій прямо съ моря, хорошенькихъ женщинъ было по обыкновенію очень много, и всѣ онѣ старались казаться веселыми. Замѣчательно, однакожъ, что истинно веселыя лица принадлежали одной только половинѣ публики, именно той, которая шла отъ Полицейскаго моста къ Аничкину, то-есть спиною къ вѣтру; лица другой половины, шедшей отъ Аничкина моста къ Полицейскому, принимали только веселый видъ, но въ сущности были синеваты, нахмурены и напоминали выраженіе на лицахъ актеровъ, которые играютъ веселую роль, между тѣмъ какъ утромъ схоронили ближайшаго родственника. Но это продолжалось недолго; едва лишь достигали они Полицейскаго моста и снова поворачивались къ Аничкину—лица ихъ оживлялись неподдѣльною веселостью, на губахъ появлялось даже что-то насмѣшливое, саркастическое при встрѣчѣ съ лицами, шедшими навстрѣчу и, за минуту передъ тѣмъ, казавшимися столь торжествующими. Эта маленькая игра физіономій, которая споконъ вѣку существуетъ на Невскомъ проспектѣ и которую можно бы назвать игрою въ

Digitized by Google

маленькое мстительное пересмѣиванье, составляетъ одну изъ самыхъ разнообразныхъ сторонъ этой безспорно прекрасной прогулки.

Около этого времени, то-есть въ три часа, на Аничкиномъ мосту показался и нашъ молодой человѣкъ. Но пора, однакожъ, сказать настоящее его имя: его звали Иваномъ Александровичемъ; что-жъ касается до фамиліи—я, право, робѣю... фамилія его: Свистулькинъ!.. Тутъ, безъ сомнѣнія, многія особы пожмутъ плечами, отвернутся и скажутъ: фи!.. Но, скажите пожалуйста, отчего не стали бы вы отворачиваться и не сказали бы фи! если бы вамъ пришлось встрѣтить въ разсказѣ брюссельскаго изданія имя m-r Siffleur или m-r Siflottin! Отчего это? Держу какое угодно пари, что фамилія m-r Siflottin показалась бы вамъ очень забавною—право такъ!

Странное дѣло: какой-нибудь Ѳедоръ Сапогъ приводитъ въ содроганье, а m-r Soulié возбуждаетъ пріятную улыбку: чѣмъ же сапогъ хуже башмака? Вы отворачиваете взоръ отъ Горшкова или Корешкова, и готовы подать руку и танцовать мазурку съ m-r Potier или m-r Racine, даже если бъ они не были потомками знаменитыхъ людей, а попросту назвались m-r Potier или m-r Racine? Развѣ m-r Corneil не тотъ же Галочкинъ? m-r Poiret не тотъ же Горохинъ или Грушкинъ? Потѣевъ не тотъ же Sue?.. и т. д. Рѣшительно не понимаю такого предубѣжденія и не знаю, право, до чего оно можетъ дойти; впрочемъ, если хотите, оно уже и дошло вотъ до чего: я зналъ одну даму, которая говорила очень свободно: „Pierre, ne salissez pas vorte pantalon“, и скорѣе умерла бы, чѣмъ сказала: „Pierre, не марай своихъ панталонъ“. Я положительно даже знаю, что она во всю свою жизнь ни разу не произнесла этого неблагозвучнаго слова. Но такъ какъ, несмотря на всѣ возможныя разсужденія, большинство будетъ стоять всегда скорѣе за слово: pantalon, чѣмъ за слово панталоны, то оставимъ это, и обратимся лучше къ нашему дѣлу.

Иванъ Александровичъ былъ такъ же изященъ, какъ вчера и третьяго дня. Къ сожалѣнію, несмотря на изящество, несмотря даже на то, что лицо его сохраняло постоянную улыбку, хотя и было обращено къ вѣтру, Ивана Александровича менѣе чѣмъ когда-нибудь можно было принять за джентльмена. Не туалетъ былъ тому причиной: благодаря Альфреду Коко, туалетъ сидѣлъ без-

Digitized by Google

укоризненно; не лицо Ивана Александровича измѣняло ему—нѣтъ: его выдавала походка! Онъ выступалъ съ какою-то принужденною торопливостью и поминутно оглядывался назадъ, какъ будто боялся чьего-то преслѣдованія. Походка составляетъ такой важный предметъ въ общественной жизни, что требуетъ глубокаго изученія. Выраженіе походки давнымъ-давно опредѣлено на Невскомъ, гдѣ наблюдательность развита больше, чѣмъ думаютъ; такъ, напримѣръ, если вы шагаете такъ же быстро, какъ Свистулькинъ, но вмѣсто того, чтобы оборачиваться назадъ, бросаете разсѣянные взгляды направо и налѣво, скажутъ, что вы ни о чемъ не думаете; вы можете впрочемъ прослыть тогда за очень милаго молодого человѣка; вы размышляете о настоящемъ вашемъ положеніи, когда устремляете взоръ впередъ; о прошедшемъ—когда смотрите внизъ, о будущемъ—когда смотрите вверхъ; медленные, ровные и какъ бы вымѣренные шаги обозначаютъ солидность и нѣкоторую независимость состоянія; перекачиванье съ ноги на ногу—нерѣшительность и запутанныя обстоятельства; походка съ припрыжкою выражаетъ глупое самодовольство и вѣтреность, и т. д. Но, Боже упаси, если вы, подобно Свистулькину, будете оглядываться поминутно назадъ: всякій тотчасъ же заключитъ, что васъ преслѣдуетъ кредиторъ.

Иванъ Александровичъ выдавалъ себя еще тѣмъ, что слишкомъ ужъ часто улыбался и старался показать видъ, что ему вовсе не холодно: всѣмъ, между тѣмъ, въ глаза бросались его синія щеки, красный носъ и слезы на рѣсницахъ; онъ черезчуръ также распахивалъ пальто и выставлялъ напоказъ жилетъ; но послѣднюю продѣлку я прощаю ему отъ всей души: онъ только что велѣлъ прикрѣпить къ жилету круглыя пуговки изъ крашеной кости, весьма искусно, впрочемъ, поддѣланныя подъ цвѣтной камень, и такъ какъ пуговицы стоили три цѣлковыхъ, то, весьма натурально, ему хотѣлось показать ихъ всему свѣту.

Подвигаясь такъ скоро, онъ, безъ сомнѣнія, достигнулъ бы въ четверть часа до адмиралтейства, если бъ не задержало его одно обстоятельство; обстоятельство было благопріятное, одно изъ тѣхъ, на которыя мы сами очень охотно наталкиваемся. Противъ сквера Александринскаго театра онъ встрѣтился съ дѣвицею Беккеръ и ея маменькой.

Digitized by Google

Хотя Иванъ Александровичъ не шутя начиналъ чувствовать влеченіе къ своей невѣстѣ даже мимо ея приданаго—онъ называлъ ее своею невѣстой, потому что, на другой день послѣ этой встрѣчи, рѣшился объясниться серьезно и просить ея руки,—но въ настоящемъ случаѣ, надо отдать ему справедливость, поступилъ истиннымъ джентльменомъ: онъ не далъ воли своимъ чувствамъ, не бросился ей навстрѣчу, но пріостановился и быстрымъ взглядомъ окинулъ туалетъ обѣихъ дамъ. Нельзя же было господину въ новомъ пальто, новой шляпѣ, галстукѣ à la Montpensier и новыхъ сапогахъ рискнуть идти рядомъ съ дурно одѣтыми дамами! Въ подобныхъ случаяхъ, будь эти дамы родныя тетки или сестры, Ивану Александровичу надо быть всегда готовымъ броситься въ первый магазинъ или юркнуть подъ сосѣднія ворота. Иванъ Александровичъ, конечно, сдѣлалъ бы то же самое, но это оказалось лишнимъ; дамы были одѣты очень удовлетворительно; госпожа Беккеръ, мать, обращала даже на себя вниманіе. Улыбка мгновенно заиграла на губахъ Ивана Александровича; онъ покрутилъ головкой, провелъ языкомъ по губамъ и пошелъ навстрѣчу, сохраняя на лицѣ выраженіе пріятнаго удивленія.

Госпожа Беккеръ, точно, заслуживала вниманія. Она принадлежала къ разряду такъ-называемыхъ „маменекъ“, то-есть была женщина коротенькая, но значительно распространившаяся въ ширину; она пыхтѣла какъ самоваръ подъ своимъ бархатнымъ фіолетовымъ бурнусомъ, обшитымъ бахромою и стеклярусомъ въ видѣ гранатъ; шляпка ея, изъ розоваго крепа, украшалась изнутри пышными махровыми розанами, снаружи виноградными листьями съ ихъ завитками и такою роскошною виноградною кистью, что, будь она только не поддѣльная, а настоящая, изъ нея легко вышла бы бутылка добраго вина. Но цвѣтъ шляпки значительно блѣднѣлъ передъ пурпуровымъ, жирнымъ лицомъ Вильгельмины Беккеръ; туалетъ ея довершался голубымъ платьемъ съ волнами и таліей, тѣмъ самымъ платьемъ, въ которомъ явилась она, прошлую зиму, послѣдній разъ на вечерѣ шустеръ-клуба; потому что, хотя Вильгельмина Карловна и доживала свою пятидесятую весну—что составляло, въ сущности, уже изрядное начало зимы—она охотно посѣщала общественныя увеселенія, больше, впрочемъ, для дочки, для Лотхенъ, какъ она говорила.

Digitized by Google

Дочка была одѣта несравненно проще: темный бурнусъ, обшитый тесьмою, темное шелковое платье, бѣлая шляпка—вотъ и все. Наружность ея опровергала совершенно понятіе, которое составилось почему-то о дочеряхъ булочниковъ. Щеки ея, конечно, представили бы привлекательную смѣсь крови съ молокомъ и отличались бы округлостью, свойственною вообще булочницамъ, если бъ она находилась въ положеніи этихъ обыкновенныхъ смертныхъ; но отецъ ея разбогатѣлъ и не имѣлъ никакой надобности держать Лотхенъ въ пекарнѣ, заставлять ее обсыпать сахаромъ плюшки или мѣсить выборгскіе кренделі, которые, скажемъ мимоходомъ, называются выборгскими потому лишь, что пекутся въ Петербургѣ. Съ десяти лѣтъ она воспитывалась въ школѣ, откуда вышла только годъ назадъ; она съ успѣхомъ рисовала греческую профиль, свободно могла прочесть „La laitière de Montfermeil“, и разыгрывала какую угодно музыкальную пьесу à livre ouvert; съ наклонностью къ музыкѣ, свойственною всѣмъ нѣмцамъ, она судила даже о музыкѣ и восклицала не хуже другихъ барышень: „Oh, Chopin! Oh, Rossini!“ когда рѣчь заходила объ этихъ композиторахъ. Все это, какъ можете себѣ представить, приводило въ восторгъ отца ея; одно не нравилось Андрею Андреевичу: Лотхенъ, съ пріобрѣтеніемъ драгоцѣнныхъ талантовъ, утратила свой прежній цвѣтъ лица, свою свѣжесть! Лицо ея было блѣдно-тусклаго цвѣта съ зеленоватымъ отливомъ. Это не мѣшало, однакожъ, личику Лотхенъ быть очень миловиднымъ: оно сдѣлалось еще миловиднѣе, когда встрѣтилось съ лицомъ Ивана Александровича: улыбка тотчасъ же заиграла на блѣдныхъ губахъ Лотхенъ.

— Ахъ! Иванъ Александровичъ! Mutterchen, Иванъ Александровичъ! воскликнула она, кивая головою Свистулькину, который приподнялъ шляпу и шаркнулъ, но получивъ сзади толчокъ, торопливо посторонился, бросивъ гордый взглядъ на неучтиваго господина.

Онъ закинулъ руки за спину и пошелъ рядомъ съ дамами.

— Ваше здоровье, Вильгельмина Карловна? спросилъ онъ, выдвигая на ходу правый носокъ и наклоняя впередъ голову.

— Мое очень хорошо, слава Богу, благодарю васъ... привѣтливо отвѣчала госпожа Беккеръ съ сильнымъ нѣмецкимъ выговоромъ.

Digitized by Google

„Ничего, мысленно разсудилъ нашъ герой,—подумаютъ, еще баронесса какая-нибудь...“

— Здоровье Андрея Андреича? примолвилъ онъ громко.

— Не совсѣмъ хорошо... голова болитъ! простодушно отвѣчала Вильгельмина Карловна, — сегодня большой обѣдъ въ Морской и ужинъ въ Гороховой, заказано сто хлѣбовъ и печенье къ чаю... такъ онъ...

— Ахъ, маменька! съ упрекомъ шепнула Лотхенъ, толкая ее локтемъ.

Иванъ Александровичъ сдѣлалъ видъ, какъ будто идетъ самъ по себѣ, но это продолжалось секунду.

— Ну, что жъ такое?.. Was noch?... простодушно спросила мать.

— О вашемъ здоровьѣ я не спрашиваю, Шарлотта Андреевна, поспѣшилъ замять Свистулькинъ, — это было бы совершенно лишнее... но... прибавилъ онъ, понижая голосъ,—вы, какъ и всегда... цвѣтущи...

— Совсѣмъ напротивъ... я...

— Отчего же напротивъ?.. повѣрьте мнѣ... впрочемъ, я ужъ вамъ передалъ мои мысли... вы... Ахъ! неожиданно заключилъ Иванъ Александровичъ, раскланиваясь съ первой дамой, проѣхавшей въ каретѣ.

— Кому вы поклонились? спросила Лотхенъ.

— А это... это графиня... Су... Суздальцева...

— Скажите, Иванъ Александровичъ, отчего вы у насъ вчера не были? проговорила мать, — мы васъ ждали, думали придете кофе пить.

— Невозможно было, никакъ невозможно! подхватилъ Свистулькинъ,—вы знаете, Вильгельмина Карловна, если бъ это отъ меня зависѣло хоть на волосъ, я, конечно, радъ бы всей душою... но вчера какъ на зло былъ вечеръ...

Тутъ Иванъ Александровичъ снова поклонился проѣхавшей каретѣ.

— Кто такая? спросила Лотхенъ.

— Княгиня Бабуева, рѣшительно произнесъ Иванъ Александровичъ, — да, такъ я говорилъ вамъ, что былъ на балѣ... Ахъ, если бъ вы только знали, mesdames, что это за скука! страшно даже подумать!.. Но что прикажете дѣлать!.. Сами знаете, когда принадлежишь къ обществу, невольно подчиняешься его условіямъ; хочешь-не-хочешь, долженъ подчиняться... Нельзя, никакъ нельзя! А, право, Вильгельмина Карловна, право, радъ бы душою бросить все это и жить спокойно и тихо... надоѣло все это· —

Digitized by Google

стота, страшная пустота!.. и для души рѣшительно ничего...

— Полноте, полноте, вы совсѣмъ не то думаете... сказала Лотхенъ,—вы всегда съ такимъ удовольствіемъ разсказываете о балахъ и вечерахъ этого общества...

— Я?.. ха-ха-ха! хорошо же вы меня знаете послѣ этого! съ горечью возразилъ Иванъ Александровичъ; — тутъ онъ снова понизилъ голосъ и даже наклонился къ дѣвушкѣ.— Вѣрьте мнѣ или нѣтъ, Шарлотта Андреевна, но вотъ вамъ признаніе тоскующей души моей: все это великолѣпіе свѣта, всѣ эти раззолоченные салоны, — все это отдалъ бы я — и какъ еще охотно отдалъ бы! — за скромный уголокъ и добраго, любящаго друга... Въ этомъ вся цѣль моей жизни! добавилъ онъ съ грустной улыбкой, направленной къ Гостиному двору.

Легкая краска заиграла на щекахъ Лотхенъ, и она украдкою взглянула на мать; но та гордо выступала съ своей виноградной лозой на головѣ и ни о чемъ, казалось, не думала.

— Когда же вы къ намъ придете?.. робко спросила Лотхенъ, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Завтра, непремѣнно завтра... возразилъ Иванъ Александровичъ,—о! завтра великій день, завтра все должно рѣшиться...

— Зачѣмъ же такъ скоро?.. пролепетала Лотхенъ.

— Скоро?.. вы находите, что это скоро?.. замѣтилъ герой нашъ тономъ упрека.

— Да... подхватила краснѣя Лотхенъ, голосъ ея слегка даже дрогнулъ. — Вы купите завтра нашъ домъ, и тогда ужъ не будете съ нами знакомы... забудете насъ...

— О, вы все говорите о домѣ! Боже, Боже! шепнулъ съ жаромъ Иванъ Александровичъ, —что мнѣ домъ! Домъ— вздоръ и ничтожество!.. Я говорю о такой вещи, которая гораздо... въ милліонъ... что я говорю!—въ тысячи, тысячи милліоновъ разъ выше всякаго дома... Можетъ ли домъ что-нибудь для меня значить! подхватилъ онъ съ большею еще горячностью, — то, о чемъ я говорю вамъ, рѣшитъ судьбу всей моей жизни, — тутъ все... все... слышите ли: все! заключилъ онъ, бросивъ выразительный взглядъ на дѣвушку, которая снова покраснѣла и потупила глаза.

Иванъ Александровичъ вздохнулъ, грустнымъ взглядомъ обвелъ вокругъ себя, снова вздохнулъ, и наконецъ, обратившись къ матери, сказалъ съ принужденною веселостью:

Digitized by Google

— Славная нынче погода, Вильгельмина Карловна, и много гуляющихъ!..

— Да, очень много, отвѣчала та съ невозмутимымъ своимъ добродушіемъ,—да, очень много и такъ всѣ хорошо выглядятъ... ganz elegant... prächtig-schön!..

Ведя такой пріятный разговоръ, всѣ трое дошли до Аничкина моста. Тутъ Иванъ Александровичъ, жадно искавшій случая дѣлать таинственные намеки Лотхенъ, готовился уже предложить дамамъ сдѣлать повый конецъ по Невскому, какъ вдругъ, глаза его, смотрѣвшіе прямо и весело, запрыгали во всѣ стороны и, казалось, посоловѣли заодно съ лицомъ.

Точно было отчего; еще одна минута, еще десять шаговъ—и онъ бы погибъ, погибъ навсегда вмѣстѣ съ своими надеждами. Дѣло въ томъ, что въ толпѣ, шедшей навстрѣчу, неожиданно выставилась во всемъ рельефѣ своемъ толстая фигура Карла Карловича Шамбахера. Къ счастію еще, Шамбахеръ смотрѣлъ въ другую сторону и не замѣтилъ Ивана Александровича. Герой нашъ судорожно схватилъ руку Лотхенъ и, не давъ ей опомниться, исчезъ въ толпѣ. Лотхенъ была до того взволнована пожатіемъ—это было первое пожатіе — что не бросила даже взгляда въ ту сторону, куда онъ скрылся.

— А вотъ и брудеръ Карлъ! неожиданно воскликнула Вильгельмина Карловна. Восклицаніе это привело въ себя Лотхенъ; она подняла глаза и увидѣла передъ собою дядю, портного Шамбахера, родного брата матери.

— Вотъ и я, киндерхенъ! Was macht ihr da?.. Ге, ге! весело произнесъ Шамбахеръ, человѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, имѣвшій одну изъ тѣхъ наружностей, которая, такъ сказать, предвѣщала апоплексическій ударъ, на что, замѣтимъ мимоходомъ, разсчитывали многіе, въ томъ числѣ, разумѣется, и Свистулькинъ; на немъ было гороховое пальто, худо скрывавшее его кривыя ноги—недостатокъ, отличающій всѣхъ портныхъ, которые, подобно Шамбахеру, провели тридцать лѣтъ сидя на турецкій манеръ съ иглою и ножницами.

— Прекрасная погода, вымолвила по-нѣмецки Вильгельмина Карловна, — вышли прогуляться... вотъ нашъ кавалеръ... но гдѣ же онъ? присовокупила она, озираясь во всѣ стороны.

— Его встрѣтилъ какой-то знакомый... пролепетала Лотхенъ, все еще находившаяся подъ вліяніемъ пожатія руки

— Какой же это кавалеръ? спросилъ Шамбахеръ,— ужъ не тотъ ли, о комъ вы намедни говорили? прибавилъ онъ, прищуривая правый глазъ на племянницу.

— Да, да, тотъ самый, подхватила мать,—жаль, Карлъ, что онъ ушелъ, мы бы тебя познакомили... очень милый молодой человѣкъ... ganz comme il faut!..

— Да, братъ Андрей говорилъ мнѣ... что жъ: pojaluj; надо сперва спросить у Лотхенъ, можетъ она не хочетъ... ге! довершилъ портной изъ Лондона, лукаво подмигивая племянницѣ.

Лотхенъ потупила глаза и улыбнулась, а дядя разразился веселымъ, добродушнымъ хохотомъ; Шамбахеръ— дядя и Шамбахеръ портной изъ Лондона, особенно когда ему не платили долга,—были два существа, далеко не похожія другъ на друга: первый Шамбахеръ, по всей справедливости, заслуживалъ названіе шутника, весельчака и добраго малаго; во второмъ случаѣ, Шамбахеръ являлся строгимъ, неумолимымъ и вполнѣ заслуживалъ названіе звѣря или verfluchter Kerl!

— Ну, что жъ мы стоимъ какъ какія-нибудь вѣшалки?.. Wollen wir noch ein Tour aufs Nefsky!.. заключилъ весельчакъ Шамбахеръ и, ставъ между сестрою и племянницей, пошелъ по направленію къ адмиралтейству.

IV.

Приключеніе въ Пассажѣ.

Герой нашъ, тѣмъ временемъ, давно успѣлъ пройти Итальянскую, миновалъ площадь, гдѣ возвышалась когда-то панорама Палермо, и приближался къ Пассажу.

„Вѣдь надо же, чтобъ это всегда такъ случалось! Шагу не успѣешь ступить, ужъ непремѣнно да ввернется какая-нибудь гадость... и всегда, какъ нарочно, въ такую именно минуту, когда... э!—разсуждалъ Иванъ Александровичъ,— право, если бъ не страхъ, что къ Беккерамъ того и смотри явится покупщикъ дома; если бъ не надо было беречь денегъ для задатка — отдалъ бы, такъ ужъ и быть, отдалъ бы долгъ обоимъ Шамбахерамъ! право, отдалъ бы!.. Но невозможно; никакого средства!.. съ одной стороны— задатокъ, съ другой... вдругъ получу согласіе: необходимо тотчасъ же сдѣлать подарокъ невѣстѣ: серьги ли, или браслетку... ужъ это такъ заведено вѣками... скверныя обстоятельства... Слава Богу, что Шамбахеръ меня не

замѣтилъ... вотъ была бы штука... ухъ!.. прощайся тогда со всѣмъ... и какъ подумаешь, право, на какомъ волоскѣ виситъ иногда судьба человѣка... ахъ, ахъ! (при этомъ Свистулькинъ началъ дышать такъ тяжело, какъ будто грудь его, и безъ того узенькая и впалая, уменьшилась вдругъ на половину). Что жъ касается до моего исчезновенія, пріищу отговорку для старухи... проговорилъ онъ, какъ только дыханіе его пошло ровнѣе.—Лотхенъ скажу: „я такъ былъ взволнованъ, что не могъ дольше продолжать разговора съ вами...“ хорошо еще, что я нашелся и пожалъ ей руку... а то, право, не зналъ бы чѣмъ оправдать свое исчезновеніе... Эхъ-хе! скверно, скверно, все это скверно?.. Эти два брата Шамбахера просто-таки отравляютъ мое существованіе, рѣшительно — отравляютъ!..“

Ведя самъ съ собою такую бесѣду, Иванъ Александровичъ поднялся на ступеньки Пассажа, оглянулся съ этой высоты направо и налѣво и, повторивъ такой маневръ въ третій разъ, вступилъ въ кафе. Былъ четвертый часъ въ началѣ, тотъ часъ, въ который Свистулькинъ привыкъ съѣдать два пирожка *или порцію макаронъ*, смотря по обстоятельствамъ. На этотъ разъ онъ долженъ былъ довольствоваться пирожками, хоть чувствовалъ нестерпимый голодъ — необходимое слѣдствіе сильныхъ ощущеній. Нельзя сказать, чтобы много было посѣтителей. Въ числѣ ихъ, и это была главная причина, заставившая Ивана Александровича отказаться отъ макаронъ, находился графъ Слапачинскій; Свистулькинъ втайнѣ благоговѣлъ передъ графомъ; графъ былъ его идеаломъ. Онъ всматривался въ жилеты графа, и если были деньги, не успокоивался до тѣхъ поръ, пока не заказывалъ себѣ такой же; наблюдалъ за галстучными бантами графа, затверживалъ въ своей памяти его пріемы, движенія и даже нѣкоторыя отрывчатыя фразы, схваченныя на лету. Нечего говорить, что Иванъ Александровичъ не былъ знакомъ съ Слапачинскимъ, никогда даже не перемолвилъ съ нимъ слова.

Не удостоивъ взглядомъ двухъ плѣшивыхъ старичковъ, читавшихъ газеты, Свистулькинъ подошелъ къ конторкѣ, кивнулъ головою приказчику, взялъ пирожокъ и, не снимая шляпы, прислонился спиною къ периламъ. Подлѣ перилъ, вмѣстѣ съ графомъ, стояли другіе джентльмены; въ числѣ ихъ находились двое, трое, очень молоденькихъ, лѣтъ семнадцати, никакъ не старше, но представлявшихъ

изъ себя людей возмужалыхъ и по этому случаю пившихъ absinthe; несмотря на увядшія ихъ лица, дѣйствительно свидѣтельствовавшія объ ихъ образѣ жизни, они секунды не оставались въ покоѣ и болтали безъ умолку; рѣчи ихъ преимущественно обращались къ итальянцу-конторщику, котораго называли они: mon cher monsieur Ulysse. Разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ, сопровождался хохотомъ молодыхъ людей и частыми per bacco! ah-bah! diavolo, fichtre и тому подобными.

— Eh! dites donc, mon cher m-r Ulysse, et l'opéra, per bacco!—comment q'ça va? bien?..

— Ma je vous zé deza dit, je né sais pas moa! отвѣчалъ Улиссъ съ такою интонаціею, которая ясно показывала, что онъ начиналъ терять терпѣніе.

— Et la Grizi, per bacco, a? Vous l'avez entendu? приставали юноши.

— O! divina, pourquoi moa zé lé antandou zanté...

— Et Tamberlic,—est-ce un bon chanteur?..

— Eh jé sais pas moa, pourquoi, zé né l'ai pas antandou... отвѣчалъ нетерпѣливо Улиссъ, поворачиваясь къ нимъ спиною и накладывая макароны.

„И въ самомъ дѣлѣ, на-дняхъ открывается итальянская опера, а я хоть бы зналъ имя одного какого-нибудь пѣвца или пѣвицы,—не хорошо“, подумалъ Свистулькинъ, не спускавшій до того времени глазъ съ Слапачинскаго, который улыбался, слушая молодыхъ людей.

Иванъ Александровичъ доѣлъ пирожокъ, подошелъ къ столу, гдѣ лежали афишки, отыскалъ объявленіе объ оперѣ и углубился было въ чтеніе; но такъ какъ почти въ ту же минуту Слапачинскій заговорилъ съ сосѣдомъ, Иванъ Александровичъ снова подошелъ къ конторкѣ; вскорѣ вниманіе его привлечено было другимъ предметомъ: графъ вынулъ изъ кармана папиросы, заключенныя въ простой бумажной пачкѣ, и принялся курить.

„Куда же дѣвалась его кожаная папиросочница? да еще другая, изъ слоновой кости, съ медальономъ?.. сказалъ самъ себѣ Свистулькинъ. — Надо полагать, теперь уже брошены папиросочницы... Если Слапачинскій ходитъ съ пачкой въ карманѣ, такъ ужъ это значитъ... Охъ, досадно, что я купилъ папиросочницу... напрасно только убилъ два цѣлковыхъ!..“

— Вамъ не нужна, кажется, афишка? спросилъ графъ, неожиданно обращаясь къ Свистулькину.

Digitized by Google

— Ахъ, нѣтъ-съ, сдѣлайте одолженіе... торопливо вымолвилъ Иванъ Александровичъ, подавая ему листъ.

На языкѣ его вертѣлась фраза, онъ хотѣлъ уже прибавить: „какая нынче многочисленная труппа!"—но оробѣлъ почему-то, ничего не сказалъ, и чтобы поправиться, взялъ второй пирожокъ. Дочитавъ афишку, Слапачинскій бросилъ ее на столъ, затопталъ окурокъ папиросы, расплатился и вышелъ изъ кафе. Иванъ Александровичъ тотчасъ же расплатился и послѣдовалъ за нимъ. Графъ направился въ галлерею Пассажа—и Свистулькинъ пошелъ туда же.

Давнишнимъ желаніемъ нашего героя, можетъ даже быть, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ посѣщать Невскій, гдѣ впервые увидѣлъ Слапачинскаго, было—найти случай заговорить съ графомъ. Отъ разговора одинъ шагъ до знакомства; а тамъ, ничего нѣтъ мудренаго, если ихъ увидятъ гуляющихъ дружелюбно рука объ руку по Невскому проспекту. Пройтись по Невскому съ графомъ Слапачинскимъ!.. Мысль эта не давала заснуть Ивану Александровичу. Но до сихъ поръ не представлялось еще случая завязать знакомство, а можетъ-быть, и представлялись случаи, но духу не хватало: пальто съ обтертыми швами, сапоги съ измѣнчивыми подошвами, шляпа подкрашенная кой-гдѣ чернилами,—хоть у кого отнимутъ смѣлость! Но теперь обстоятельства перемѣнились; теперь пальто, шляпа, галстукъ Ивана Александровича ничѣмъ не отличались отъ пальто, шляпы и сапоговъ Слапачинскаго.

Слапачинскій подошелъ къ окну и началъ разсматривать фарфоровыя бездѣлушки, выставленныя за стекломъ. Иванъ Александровичъ приблизился къ тому же окну и для начала усмѣхнулся: начало было не дурно, но Слапачинскій, къ сожалѣнію, ничего не замѣтилъ.

— Чего только не выдумаютъ эти французы! проговорилъ, наконецъ, Иванъ Александровичъ, щелкнувъ пальцемъ по стеклу, передъ куклой, изображавшей женщину съ опущенной головкой.

Онъ снова усмѣхнулся и поглядѣлъ на графа. Слапачинскій посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и отодвинулся дальше.

— Графъ, графъ, не становитесь сюда! заботливо произнесъ Свистулькинъ, — лампы эти не газовыя, спиртовыя, и тутъ часто каплетъ... посмотрите, какой кругъ полу...

Digitized by Google

— Покорно васъ благодарю, возразилъ графъ, и взглянувъ на Свистулькина съ бо́льшимъ еще удивленіемъ, повернулся спиною и пошелъ дальше.

— Странный, однакожъ, человѣкъ, этотъ Слапачинскій... могъ бы, наконецъ, сказать что-нибудь... не сто́итъ, какъ я вижу... пролепеталъ обиженно-сконфуженнымъ тономъ Свистулькинъ.

Но такъ какъ мимо проходили дамы, онъ быстро провелъ языкомъ по губамъ, повернулся на каблукѣ и запѣлъ вполголоса что-то похожее на бравурную арію.

Ему пришла даже мысль послѣдовать за дамами. Слапачинскій, точно, не сто́итъ вниманія: къ тому же, онъ не уйдетъ: не въ первый, не въ послѣдній разъ встрѣчаются! Свистулькинъ опередилъ да́мъ, потомъ далъ имъ пройти впередъ, потомъ снова опередилъ ихъ; онъ готовился уже сдѣлать первый приступъ, и поднялъ уже голову, но въ эту самую минуту глаза его прямехонько встрѣтились съ глазами другого Шамбахера — Готлиба, Шамбахера - сапожника. Иванъ Александровичъ имѣлъ ровно настолько времени, чтобы кинуться на сосѣднюю лѣстницу, ведущую въ верхній этажъ. Но съ Готлибомъ онъ былъ далеко не такъ счастливъ, какъ съ Карломъ; Готлибъ замѣтилъ его, и не успѣлъ Иванъ Александровичъ перескочить пятокъ ступеней, какъ услышалъ за собою торопливые шаги, и знакомый голосъ прокричалъ:

— Господинъ Свистулькинъ!.. Господинъ Свистулькинъ!..

Отвѣчать было, разумѣется, некогда; Иванъ Александровичъ отмѣривалъ ступеню за ступеней, иногда даже по три разомъ. Очутившись на верху лѣстницы, онъ пустился по второй галлереѣ, потомъ ринулся въ первое встрѣтившееся углубленіе, взвился въ третій этажъ, пробѣжалъ коридоръ и снова спустился во второй этажъ; все это было дѣломъ двухъ минутъ, затѣмъ, переведя духъ, перебрался онъ чрезъ мостикъ на другую половину галлереи, такъ же быстро спустился внизъ и приготовился соскочить съ послѣдней ступени, какъ снова увидѣлъ Готлиба Шамбахера, который тотчасъ же крикнулъ, но только сильнѣе прежняго:

— Господинъ Свистулькинъ!..

Тутъ уже нашимъ героемъ, пуще всего боявшимся скандала, овладѣло словно какое-то отчаяніе, и неизвѣстно, наконецъ, куда бы забѣжалъ онъ, если бъ, очу-

Digitized by Google

тившись въ сѣняхъ, не увидѣлъ дверей кафе-ресторана Бренфо.

Случись, что въ этихъ самыхъ дверяхъ столкнулся онъ съ Слапачинскимъ, который, нимало не подозрѣвая его крайнихъ обстоятельствъ, отворялъ дверь съ непостижимою медленностью; все сошло, однакожъ, благополучно, и дверь захлопнулась за графомъ и Иваномъ Александровичемъ прежде, чѣмъ подоспѣлъ Шамбахеръ.

— Ну, теперь все равно, теперь не уйдешь! вымолвилъ, стискивая зубы, сапожникъ. — Обѣдать не пойду, весь день просижу здѣсь на одномъ мѣстѣ, а ужъ, Potz-Tausend, не выпущу тебя отсюда!..

— Ба! Готлибъ! Was machst du da? раздался за нимъ голосъ.

Готлибъ обернулся и увидѣлъ полное лицо своего роднаго брата Карла; это замѣтно облегчило сапожника.

— Тсс... schweig still!.. сказалъ онъ, указывая на дверь кафе-ресторана,—я здѣсь поймалъ птицу!

— Какую птицу?.. спросилъ Карлъ, съ удивленіемъ глядя на Готлиба.

— А ужъ такая птица, что ты самъ будешь благодарить, восторженно возразилъ Готлибъ. — Здѣсь сидитъ: junger Swistulkin!

— Э! радостно произнесъ Карлъ.

— Право; онъ бѣжалъ отъ меня и скрылся здѣсь, но, Potz-Tausend! теперь не уйдетъ!..

Карлъ сказалъ, однакожъ, что не лучше ли будетъ прямо войти въ кафе, и тамъ захватить бѣглеца.

— У него есть теперь деньги, знаю навѣрно, сказалъ онъ.—Онъ въ новомъ пальто и новыхъ панталонахъ...

— И въ новыхъ сапогахъ! злобно подхватилъ Готлибъ.

— Наконецъ, хозяйка его говорила мнѣ, что у него есть деньги, продолжалъ Карлъ.—Онъ долженъ мнѣ триста рублей, saperlot!

— А мнѣ семьдесятъ два, Potz-Tausend!

— Я непремѣнно возьму свое, перебилъ Карлъ, — непремѣнно! Я ужъ распорядился этими тремястами: сейчасъ только что встрѣтилъ на Невскомъ сестру Вильгельмину; кажется, дѣло у нихъ ладится съ женихомъ; я ассигновалъ эти триста рублей на свадебный подарокъ Лотхенъ... Говорятъ, очень хорошій молодой человѣкъ... Wunderbar schöne Partie... Право, пойдемъ лучше въ кафе, Готлибъ: онъ тамъ скорѣе отдастъ деньги... Мы пристv-

Digitized by Google

пимъ къ нему передъ ganzen Publicum,—сейчасъ отдастъ... я ихъ знаю!..

— Pojaluy, возразилъ Готлибъ, и оба вошли въ первую комнату кафе-ресторана.

Но тамъ сидѣла за конторкой одна пожилая женщина. Шамбахеры поклонились и вступили во вторую комнату, составляющую съ этой стороны Пассажа всю принадлежность кафе Бренфо. Тутъ находились всего-на-все старикъ, да еще графъ, курившій сигару.

— Что вамъ угодно, обѣдъ?.. спросилъ, обращаясь къ вошедшимъ, слуга, съ жестянымъ номеромъ на рукавѣ фрака.

— Bitte um Verzeihung, началъ Карлъ, раскланиваясь передъ графомъ съ учтивостью, свойственною однимъ лишь портнымъ.—Сюда вошелъ одинъ молодой человѣкъ?..

— Да, но онъ ушелъ, кажется, въ буфетъ... на другую половину, отвѣчалъ посмѣиваясь графъ, между тѣмъ какъ Готлибъ всматривался въ комнаты и разъ даже взглянулъ подъ столъ.

— Послушай, любезный, проговорилъ Карлъ, обращаясь къ другому лакею, неожиданно явившемуся изъ буфета,— тамъ, на той половинѣ, молодой человѣкъ, который сейчасъ былъ здѣсь...

— Средняго роста, худощавый, съ хлыстикомъ? спросилъ лакей.

— Да, да, да! живо подхватили оба Шамбахера.

— Сейчасъ былъ, да вышелъ, отвѣчалъ лакей.

— Какъ, вышелъ? Куда вышелъ?..

— Въ Пассажъ; тамъ вѣдь у насъ другой выходъ.

При этомъ извѣстіи, оба Шамбахера скорчили такія рожи, что графъ, за нимъ старикъ, за старикомъ хозяйка, привлеченная изъ буфета, и, наконецъ, лакеи, разразились смѣхомъ.

— Да это, просто, verfluchter Kerl! закричали Шамбахеры въ одинъ голосъ.

— Долженъ мнѣ за три пары сапоговъ! яростно подхватилъ Готлибъ.

— Мнѣ триста рублей за пальто, жилетъ Napoléon и панталоны fantaisie! подхватилъ Карлъ съ пѣною у рта.

Графъ, старикъ, дама изъ буфета и, за ними, слуги разразились новымъ хохотомъ.

— Donner Wetter! воскликнули окончательно уже освирѣпѣвшіе Шамбахеры, подняли кулаки, вышли изъ кафе и вскорѣ покинули Пассажъ.

Digitized by Google

V.

Какъ обѣдаютъ иные.

Лишнимъ было бы, кажется, распространяться о томъ, какъ Иванъ Александровичъ вступилъ на вторую половину кафе Бренфо, какъ прошелся раза два мимо буфета и далъ замѣтить двумъ сидѣвшимъ за конторкою француженкамъ, что онъ только что отобѣдалъ въ первой половинѣ, какъ поглядѣлъ на извѣстный фонтанъ и бассейнъ, величиною съ соусникъ, — бассейнъ, въ которомъ, съ основанія кафе, лежатъ двѣ устричныя раковины и плаваетъ рыба (я полагаю, не искусственная ли)—и какъ затѣмъ отворилъ дверь и вышелъ въ Пассажъ. Тутъ, конечно, не обошлось безъ необходимыхъ предосторожностей, и не одинъ взглядъ направленъ былъ къ двери, кверху, впередъ, словомъ, во всѣ стороны. Увѣрившись, что нигдѣ не было ничего похожаго на Шамбахеровъ, Иванъ Александровичъ вздохнулъ свободнѣе: точно пудовая гиря свалилась съ сердца; тѣмъ не менѣе, принялся онъ отмѣривать шаги, которымъ позавидовалъ бы любой тамбурмажоръ.

„Ну ужъ денекъ, вотъ такъ денекъ!"—вотъ все, казалось, о чемъ думалъ онъ въ настоящее время; ему приходила, можетъ-статься, мысль и о томъ, какъ иногда благодѣтельны двойные ходы, но мы не можемъ сказать объ этомъ утвердительно.

Шагъ его замедлился не прежде, какъ очутился онъ на Невскомъ, противъ думы. Иванъ Александровичъ зашелъ подъ арки нюренбергскихъ лавокъ и справился передъ окномъ часового мастера о ходѣ времени. Стрѣлка показывала половину пятаго; давно, по-настоящему, слѣдовало сидѣть въ одномъ изъ лучшихъ кафе-ресторановъ за чашкою кофе. Свистулькинъ самъ подумалъ объ этомъ, но прежде необходимо было купить папиросъ; папиросы были у него, но онѣ заключались въ папиросочницѣ, а ему нужна была обертка, въ которой продаютъ папиросы: графъ Слапачинскій носилъ въ карманѣ обертку; мода не была разорительна и Свистулькинъ поспѣшилъ ей послѣдовать. Изъ табачной лавки онъ направилъ шаги свои въ Большую Морскую и, немного погодя, входилъ въ круглую комнату одного изъ многочисленныхъ ресторановъ этой улицы. Посѣтителей было мало; за однимъ

Digitized by Google

только столомъ сидѣли трое мужчинъ, которые, повидимому, сами только что вошли. Иванъ Александровичъ занялъ другой столъ, между окномъ и дверью, опустился въ кресло и спросилъ карту.

— Погоди, братецъ, мнѣ что-то еще не хочется ѣсть... я подожду... безпечно сказалъ онъ слугѣ, который ждалъ приказанія.—Дай-ка мнѣ газеты... а впрочемъ... въ ожиданіи... принеси, пожалуй, чашку кофе...

Произнося это съ видомъ пресыщеннаго человѣка, онъ вынулъ папиросу, положилъ пачку на столъ, спросилъ огня и, разсѣянно поглядывая на карту, принялся наблюдать посѣтителей.

— Вотъ еще новенькое!.. да у нихъ, вмѣсто галстуковъ, ленточки, обыкновенныя дамскія ленточки!.. Какъ же я не замѣтилъ этого прежде!.. стало-быть, только начали носить... досадно: а я только что накупилъ себѣ галстуковъ! мысленно произнесъ Иванъ Александровичъ и, внимательно осмотрѣвъ ленточки на шеѣ каждаго джентльмена, далъ себѣ слово купить точно такія же, при выходѣ изъ кафе.

— Жоржъ, сказалъ, обращаясь къ слугѣ Егору, одинъ изъ гостей, господинъ уже не первой молодости, въ черномъ парикѣ, черныхъ, повидимому, крашеныхъ усахъ и такихъ же бакенбардахъ.—Жоржъ, позови сюда Фурно!

Минуту спустя, явился хозяинъ ресторана, французъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ: аппетитная наружность его шла какъ нельзя болѣе къ содержателю трактира; лицо его, пухлое, какъ дутый малиновый пирогъ, и, очевидно, созданное для веселости, приняло однакожъ задумчивое, нахмуренное выраженіе, какъ только увидѣлъ онъ трехъ собесѣдниковъ. Онъ отвѣсилъ такой сухой поклонъ, какого не отвѣшивалъ еще ни одинъ смертный.

— Bonjour, mon cher Fourneau! необычайно весело и пріятно воскликнулъ господинъ въ черномъ парикѣ. — Voyons, что̀ дадите вы намъ нынче хорошенькаго?.. quelque chose de fin... hein? Что̀ у васъ есть... Постойте, дайте-ка карту... Voyons: potage aux quénelles à la Ménéhoult... Что-жъ, не дурно... а? Какъ вы думаете, господа, а? Вѣдь не дурно?.. Слѣдовательно: potage à la Ménéhoult, идетъ! ça va, hein! Смотрите только, mon cher Fourneau, сами наблюдайте! Послѣдній разъ, какъ будто le fumet... ну, словомъ, вы меня понимаете. Есть ли у васъ добрый кусокъ филе?..

Digitized by Google

— Oui... отвѣчалъ какъ-то принужденно Фурно.

— Хорошо; такъ сдѣлайте же намъ une bonne culotte de bœuf à la duc d'Enghien... а впрочемъ, постойте, можно и à l'estoufade... велите только хорошо обложить зеленью... вареной попросту, въ водѣ... Ну, а какую подливку?.. что жъ вы, господа?.. Voyons, un petit effort!.. да, соусъ... ну хоть: aigrelette à la bourgeoise, а впрочемъ, какъ знаете; можно, пожалуй, une petite piquante au grand Condé... Артишоки есть?

— Oui... возразилъ, нахмуривая брови и вздыхая Фурно, лицо котораго все сильнѣе и сильнѣе изображало тоскливое безпокойство.

— Такъ entrée сдѣлайте изъ артишокъ, знаете, какъ я люблю—à la bérigoule, съ соусомъ à la Soubise...

„Ахъ, Боже мой, Боже мой! подумалъ краснѣя Свистулькинъ,—хоть бы зналъ я одно изъ этихъ блюдъ! срамъ! просто срамъ!.. придется обѣдать гдѣ-нибудь, начнутъ заказывать или говорить о кушаньяхъ... того и смотри станешь втупикъ, какъ оселъ какой-нибудь!.."

— Послѣ артишоковъ, продолжалъ между тѣмъ крашеный господинъ, поглядывая въ карту и задумчиво почесывая переносицу,—дайте намъ une bonne poularde en timballe... пирожное macédoine aux fruits... къ водкѣ—canapé.

„Хоть бы одно блюдо! хоть бы одно единое блюдо, подумалъ уже съ безпокойствомъ Свистулькинъ, — рѣшительно ничего не знаю, фу, даже въ краску бросило! такъ нельзя однакожъ... невозможно..." Тутъ онъ торопливо вынулъ изъ кармана бумажникъ и записалъ на скорую руку нѣкоторыя изъ названныхъ выше блюдъ; но это, повидимому, не удовлетворило его и онъ сказалъ себѣ:—„Нѣтъ, вздоръ, ни къ чему не поведетъ; нечего видно дѣлать, придется соблюдать экономію и, на сбереженныя деньги, спрашивать по картѣ каждый день хоть одно блюдо... по крайней мѣрѣ узнаешь тогда, изъ чего оно дѣлается... и вкусъ также узнаешь... Удивляюсь, какъ прежде не пришла мнѣ такая мысль..."

— Вино, mon cher Fourneau, подхватилъ крашеный господинъ,—дайте намъ слѣдующее: три бутылки лафиту... знаете, того, что я обыкновенно беру...

— А huit roubles? съ испугомъ произнесъ Фурно.

— Да, безпечно отвѣчалъ крашеный господинъ, — потомъ бутылку хересу... и приготовьте шампанскаго, только frappé! Все запишете на мой счетъ!.. заключилъ онъ

Digitized by Google

какъ бы мимоходомъ, и тотчасъ же обратился къ собесѣдникамъ.

Мы сказали, что Свистулькинъ расположился подлѣ двери; дверь, по уходѣ Фурно, осталась полурастворенною, и потому, можетъ-быть, что Фурно слишкомъ сильно ею хлопнулъ, Свистулькинъ могъ, слѣдовательно, видѣть, какъ Фурно, войдя въ буфетъ, упалъ въ кресло подлѣ жены и отчаянно схватилъ себя обѣими руками за волосы. Иванъ Александровичъ ничего почти не слышалъ изъ разговора супруговъ; онъ видѣлъ только, какъ жена старалась всѣми мѣрами успокоить мужа и какъ мужъ, въ отвѣтъ на ея ласки, схватывалъ себя за волосы и восклицалъ на чистѣйшемъ парижскомъ парѣчіи: „Счетъ! вѣчно счетъ! и никогда гроша денегъ!.. они рѣшительно хотятъ моего разоренія, sapristi!..“

Наблюденія Свистулькина были прерваны слугою, который поставилъ передъ нимъ кофе.

— Замѣтилъ ли ты, какъ будто Фурно сегодня не въ духѣ! сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, обращаясь съ улыбкою къ господину въ крашеныхъ бакенахъ.

— Очень натурально, замѣтилъ смѣясь другой собесѣдникъ,—какъ ты хочешь, чтобъ онъ былъ въ духѣ, когда подъ самымъ его носомъ расположился новый ресторанъ! Каждый день Фурно видитъ изъ своихъ оконъ, какъ Жамбонъ отнимаетъ у него посѣтителей!..

— Отчасти правда, возразилъ джентльменъ съ крашеными бакенами,—но главная причина совсѣмъ не въ томъ; я сегодня завтракалъ здѣсь, и Фурно разсказалъ мнѣ свое горе: его огорчаетъ Пейпусовъ, примолвилъ онъ посмѣиваясь.

— Какимъ образомъ?

— А такимъ образомъ, что Пейпусовъ ходилъ къ Фурно два года сряду, задолжалъ ему двѣ тысячи—вдругъ исчезъ—и оказалось, что онъ обѣдаетъ теперь каждый день у Жамбона...

— Можетъ ли быть?.. ха-ха, бѣдный Фурно! ха-ха-ха!.. разразились два собесѣдника.

— Что жъ тутъ удивительнаго?.. спокойно проговорилъ крашеный господинъ, который имѣлъ полное право не удивляться поступку Пейпусова по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что истинный джентльменъ ничему не долженъ удивляться, это необходимый законъ du comme il faut; во-вторыхъ, потому, что, сколько извѣстно, кра-

Digitized by Google

шеный господинъ находился къ Жамбону въ такихъ же точно отношеніяхъ, какъ Пейпусовъ къ Фурно.

Какъ бы тамъ ни было, но не прошло четверти часа послѣ ухода Фурно, и супъ à la Ménéhoult явился передъ тремя собесѣдниками.

— Человѣкъ, сказалъ Свистулькинъ, успѣвшій въ это время перечесть нѣсколько разъ карту и замѣтить замысловатыя имена нѣкоторыхъ блюдъ, которыми думалъ начать свое гастрономическое воспитаніе. — Человѣкъ, дай мнѣ... вотъ этотъ номеръ... номеръ шестидесятый...

— Пломбьеръ-съ? спросилъ удивленный лакей.

— Да, пломбьеръ... отвѣчалъ нерѣшительно Иванъ Александровичъ, и взгляпулъ украдкою на трехъ собесѣдниковъ, но тѣ не обращали на него вниманія.

Лакей вышелъ заказывать пломбьеръ, и Свистулькинъ, закрывъ лицо картой, принялся еще усерднѣе наблюдать джентльменовъ, съ цѣлью узнать, изъ чего состоитъ супъ Ménéhoult; въ случаѣ надобности, онъ не станетъ теперь втупикъ и завтра же сообщитъ семейству Беккера, что супъ этотъ принадлежитъ къ числу его любимыхъ. Наблюденія Ивана Александровича ограничились однимъ супомъ, потому что, вмѣстѣ со вторымъ блюдомъ, въ комнату явилось новое лицо, которое мгновенно приковало его любопытство.

Новое это лицо представляло изъ себя непомѣрно долговязаго и тощаго господина, насквозь, казалось, прошпигованнаго скукой и апатіей; вытянутыя черты его, острый засушеный носъ и утомленные глаза уныло смотрѣли въ землю, что̀ придавало ему необычайное сходство съ куликомъ, у котораго только что убили самку.

— А! Берендѣевъ, здравствуй, cher! воскликнули три собесѣдника.

Берендѣевъ флегматически протянулъ имъ руку, зѣвнулъ и медленно опустился съ кресло.

— Откуда? спросилъ господинъ съ бакенами.

— Съ Англійской набережной...

— Много народу?

— Ску-у-ка! зѣвая, какъ бы нехотя, проговорилъ Берендѣевъ, и вытянулъ длинныя ноги, при чемъ каблуки его пришлись прямо въ центръ круглой комнаты.

— Вѣчно одна и та же пѣспя; да гдѣ жъ, братецъ, весело-то?

— Нигдѣ...

Digitized by Google

— Давно ли изъ деревни! давно ли въ Петербургѣ— и уже скучаешь!.. Съ чего бы, кажется?.. общество начинаетъ съѣзжаться, городъ оживляется, каждый день балъ или вечеръ... Время безподобное... Нынче, напримѣръ, такое небо, такое солнце, хоть бы въ іюлѣ—право!

— Мнѣ солнце надоѣло до смерти! простоналъ Берендѣевъ и, какъ бы въ подтвержденіе, зажмурилъ глаза.

— Что жъ тебѣ не надоѣло?

— Все-о-о! зѣвая отвѣчалъ Берендѣевъ.

Три собесѣдника засмѣялись.

— Тѣмъ не менѣе, однакожъ, сказалъ господинъ въ парикѣ,—надѣюсь, ты будешь на балѣ у княгини Z. на будущей недѣлѣ?

— Нѣтъ... о-о! зѣвнулъ Берендѣевъ.

— Но отчего же?

— Скука!

— Да что скука-то? Этакъ, братецъ, жить не стоитъ, право! Я не вижу причины, почему тебѣ не ѣхать: во-первыхъ, будетъ весь городъ; ты встрѣтишь всѣхъ знакомыхъ, съ которыми не видался почти два года... хорошенькихъ будетъ гибель... право поѣзжай!

— Одно то, что надо ѣхать прежде съ визитомъ, съ усиліемъ проговорилъ Берендѣевъ,—я еще у нея не былъ.

„Ахъ, Господи! вѣдь существуютъ же такіе чудаки на свѣтѣ! съ досадою подумалъ Иванъ Александровичъ,— какъ! можетъ ѣхать на балъ къ княгинѣ Z. и не хочетъ... Ахъ, Боже мой, Боже мой!“ заключилъ онъ, бросая почти презрительный взглядъ на Берендѣева; но тотчасъ же перенесъ глаза къ пломбьеру, который явился передъ нимъ на столѣ.

„А, такъ вотъ онъ шестидесятый-то номеръ! пломбьеръ! разсуждалъ Свистулькинъ,— да это, какъ я вижу, попросту сливочное мороженое... только фрукты внутри... а я думалъ не вѣсть что такое... не стоило спрашивать“.

Оставалось узнать вкусъ; Иванъ Александровичъ, конечно, не оставилъ бы на тарелкѣ чѣмъ угостить сороку, если бъ поблизости случился хлѣбъ, потому что былъ адски голоденъ, но хлѣба не нашлось; пломбьеръ безъ хлѣба показался ему до того приторнымъ, особенно на тощій желудокъ, что онъ оставилъ его почти нетронутымъ. Во все это время, слухъ его не пропускалъ ни слова изъ того, что говорилось подлѣ.

— Никакой нѣтъ надобности дѣлать тебѣ визита, по-

Digitized by Google

вѣствовалъ все тотъ же крашеный господинъ,— если ты только намѣренъ ѣхать на балъ, что я тебѣ совѣтую, заѣзжай къ княгинѣ въ три часа: ни ея, ни князя въ эту пору не бываетъ дома... Отдай швейцару карточку; онъ запишетъ твой адресъ, а дня за два, за три до бала, какъ это водится, тебѣ пришлютъ по адресу приглашеніе; вотъ и все тутъ.

„Я не зналъ этого, сказалъ самъ себѣ ошеломленный Иванъ Александровичъ,—неужто это такъ просто?.. записавшись у швейцара, можно слѣдовательно..."

Но тутъ Берендѣевъ спросилъ адресъ княгини, и Свистулькинъ затаилъ дыханіе, чтобы не проронить ни слова, прислушиваясь къ названію дома и улицы; онъ вынулъ бумажникъ, записалъ адресъ княгини, и тутъ же, кстати, приписалъ для памяти:—„Пломбьеръ: сливочное мороженое съ плодами внутри, пахнетъ ромомъ". Положивъ бумажникъ на столъ, чтобы въ случаѣ надобности не лазить за нимъ въ карманъ, онъ закурилъ новую папироску и снова приготовился слушать джентльменовъ, но дверь отворилась и въ комнату вошелъ графъ Слапачинскій. Щеки Свистулькина мгновенно покрылись румянцемъ; но это тотчасъ же прошло, когда, обсудивъ всѣ обстоятельства происшествія съ Шамбахеромъ, онъ пришелъ къ заключенію, что Слапачинскій ничего не могъ подозрѣвать.

Слапачинскій, точно, ничего не подозрѣвалъ; но едва только Иванъ Александровичъ вышелъ въ буфетъ,—Свистулькинъ всегда лично разсчитывался въ заведеніяхъ, гдѣ находилась хорошенькая хозяйка или dame de comptoir—графъ Слапачинскій залился хохотомъ. Хохотъ этотъ дошелъ до Свистулькина въ ту самую минуту, какъ онъ выкладывалъ деньги на конторку и обворожительно улыбался m-me Фурно. Иванъ Александровичъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на веселость графа; онъ сказалъ даже какую-то любезность госпожѣ Фурно и, безъ сомнѣнія, не замедлилъ бы вернуться въ сосѣднюю комнату, если бъ вслѣдъ за хохотомъ не услышалъ слѣдующаго:

— Ты развѣ его знаешь? спросилъ знакомый голосъ, очевидно принадлежавшій господину съ крашеными бакенами.

— Не имѣю понятія, смѣясь отвѣчалъ графъ, — знаю только, что это господинъ, который не платитъ своему сапожнику... сегодня утромъ, часа въ три...

Но Свистулькину уже въ совершенствѣ извѣстно было

Digitized by Google

происшествіе утра; оно такъ даже надоѣло ему, что онъ тутъ же рѣшился скорѣе избавиться отъ дальнѣйшихъ свѣдѣній.

— Человѣкъ, сказалъ онъ, запрятывая сдачу въ карманъ и торопливо поворачиваясь къ вошедшему слугѣ,— пожалуйста, любезный, возьми въ круглой комнатѣ, рядомъ, возьми мою шляпу и пальто... дай ихъ сюда... но скорѣе... я тороплюсь...

Вслѣдъ за тѣмъ, Иванъ Александровичъ запѣлъ незнакомую какую-то арію, повернулся на каблукѣ передъ конторкой, торопливо надѣлъ пальто и шляпу, поклонился Фурно и такъ же торопливо отворилъ стеклянную дверь, уставленную рядами банокъ съ вареньемъ и страсбургскими пирогами. На первой ступени подъѣзда, противъ котораго стояли три кареты со спавшими на козлахъ кучерами, Свистулькинъ остановился; къ подъѣзду подходили двѣ дамы, и это обстоятельство, казалось, мгновенно привело въ порядокъ его встревоженныя мысли.

— Иванъ! крикнулъ онъ, все еще держась на верхней ступени.

Всѣ три кучера разомъ встрепенулись и схватили вожжи, но, увидя незнакомаго господина, снова улеглись на козлы.

Иванъ Александровичъ терпѣливо выждалъ минуту, когда подходившія дамы очутились въ трехъ шагахъ отъ подъѣзда.

— Иванъ! закричалъ онъ тогда звучнымъ, внятнымъ голосомъ.— Иванъ! вѣчно запаздываетъ! Эй, кучера, скажите когда пріѣдетъ моя карета — кучера зовутъ Иваномъ,—чтобъ онъ ѣхалъ въ Англійскій клубъ!

Иванъ Александровичъ бросилъ ласковый взглядъ проходившимъ дамамъ, спустился съ подъѣзда и, закинувъ руки за спину, съ видомъ разсѣяннымъ и безпечнымъ пошелъ по тротуару Морской.

VI.

Бенефисный спектакль.

Иванъ Александровичъ не былъ злопамятенъ; въ десяти шагахъ отъ кафе-ресторана злополучнаго Фурно, вы не нашли бы на лицѣ его признака неудовольствія, онъ какъ будто забылъ о происшедшей непріятности. Улыбка, появившаяся на губахъ его при видѣ двухъ дамъ, не по-

Digitized by Google

кидала лица; на Невскомъ проспектѣ въ чертахъ Ивана Александровича появилось даже что-то восторженное; чѣмъ далѣе подвигался онъ впередъ, тѣмъ менѣе можно было догадаться, чтобы, за три минуты, душа этого юноши подвержена была сильному потрясенію. Прошу еще замѣтить, во всемъ этомъ не было тѣни принужденія, и, наконецъ, не для кого было подавлять настоящія свои чувствованія: на Невскомъ встрѣчались лишь рѣдкіе пѣшеходы, да и тѣхъ едва можно было разсмотрѣть въ густомъ, сѣромъ туманѣ; наступавшія сумерки сырого осенняго вечера усиливали мракъ; фонари только что зажигались.

Мгновенно вспыхнувшій рожокъ газа за зеркальнымъ окномъ, увѣшаннымъ галстуками, невольно привелъ Свистулькину на мысль трехъ пріятелей съ ленточками на шеѣ; за этимъ воспоминаніемъ, послѣдовало бы, безъ сомнѣнія, другое, менѣе пріятное, если бъ онъ не поспѣшилъ войти въ магазинъ; его вовлекло также отчасти и любопытство; хотѣлось освѣдомиться, много ли покупаютъ галстуковъ въ видѣ ленточекъ, въ большомъ ли они ходу и какъ ихъ называютъ. Названіе à la papillon, сообщенное французомъ, не удовлетворило любопытства Ивана Александровича; онъ захотѣлъ испробовать на своей собственной шеѣ дѣйствіе ленточки, и, пылкій, нетерпѣливый во всѣхъ случаяхъ жизни, приказалъ завернуть пару; расположеніе его духа сдѣлалось вдругъ какъ словно еще лучше, и встрѣться онъ при выходѣ изъ магазина съ Слапачинскимъ, я увѣренъ, онъ дружески протянулъ бы ему руку.

Скучно, однакожъ, на Невскомъ въ началѣ сумерекъ; куда дѣваться? Въ кафе Пассажа идти нѣтъ охоты, да и не зачѣмъ! Съ тѣхъ поръ какъ Иванъ Александровичъ познакомился съ Беккерами, объявленія о продающихся домахъ находятъ въ немъ равнодушнаго читателя. Что же дѣлать?.. Куда дѣваться?.. Этакая скука!.. Размышляя такимъ образомъ, Свистулькинъ машинально перешелъ на другую сторону тротуара, противъ зданія Публичной библіотеки, и такъ же машинально послѣдовалъ за пѣшеходами, направлявшимися къ Александринскому театру

Окна театра и арки, его окружающія, блистали огнями подлѣ замѣтно было нѣкоторое движеніе: кой-гдѣ, въ тусклыхъ лучахъ свѣта, прорѣзывающихъ туманъ и темноту, мелькали пѣшеходы, иногда даже цѣлыя семейства,

Digitized by Google

прикрывающіяся однимъ зонтикомъ; по площади, кряхтя и фыркая, тащились извозчичьи клячи; все это, проходя или проѣзжая мимо лотковъ съ яблоками, мимо извозчичьихъ дрожекъ, уже доставившихъ публику, направлялось къ освѣщеннымъ подъѣздамъ театра.

„Странно, какъ мало сегодня публики... почти ни одной кареты!“ сказалъ самъ себѣ Иванъ Александровичъ.

Отсутствіе каретъ тотчасъ же объяснилось, какъ только Свистулькинъ прочелъ при свѣтѣ фонаря объявленіе о нѣмецкомъ спектаклѣ. Афиша возвѣщала какой-то Abendunterhaltung, въ пользу какой-то госпожи; затѣмъ слѣдовалъ безконечный рядъ пьесъ, съ названіемъ каждаго акта порознь: ein Trauerspiel, въ пяти актахъ; два Lustspiel, каждый въ двухъ дѣйствіяхъ, двѣ Posse и двѣ драматическія Lecture заканчивали Soirée.

Свистулькинъ зналъ по-нѣмецки всего нѣсколько словъ; онъ, весьма натурально, ничего почти не понялъ изъ афиши, хотя прочелъ ее до конца.

„Все равно, подумалъ онъ,—зайду въ театръ, послушаю музыку, погляжу на публику... между нѣмками много хорошенькихъ... погляжу на актрисъ... вѣдь въ театръ ходятъ всегда скорѣе глазѣть, чѣмъ слушать: все равно, значитъ, на какомъ бы языкѣ ни была пьеса... главное дѣло, вечеръ пройдетъ все-таки во сто разъ пріятнѣе, чѣмъ дома... къ Беккерамъ пойду завтра... О, завтра! завтра— великій день!..“

И въ самомъ дѣлѣ, почему жъ не доставить себѣ невиннаго удовольствія, особенно когда оно ничего не стоитъ. Ему (такъ говорилъ онъ мнѣ, а я всегда привыкъ ему слѣпо вѣрить, и нѣтъ, наконецъ, причины поступать иначе)—ему всѣ знакомы были въ театрѣ, рѣшительно всѣ, начиная съ кассира и кончая послѣднимъ сторожемъ; не помню хорошенько, кажется онъ сказывалъ мнѣ, что главный смотритель театра приходился ему сродни... именно такъ! И точно, войдя въ сѣни, онъ миновалъ кассу, прямо направился ко входу въ кресла и, отдавъ пальто капельдинеру, спросилъ только: „Начали?..“

Получивъ утвердительный отвѣтъ и не желая, вѣроятно изъ чувства деликатности, безпокоить публику, онъ поднялся въ буфетъ и началъ прогуливаться изъ угла въ уголъ; такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не наступилъ антрактъ и публика не разбрелась по коридорамъ. Онъ снова сошелъ тогда внизъ и сталъ прогуливаться,

Digitized by Google

стараясь держаться какъ можно ближе ко входу въ кресла. Публика входила и выходила, но Свистулькинъ мало обращалъ на нее вниманія: во-первыхъ, она состояла больше изъ мужчинъ; во-вторыхъ, онъ не зналъ ни одного нѣмца въ Петербургѣ, кромѣ Беккеровъ и Шамбахеровъ.

Наконецъ раздалась увертюра; со всѣхъ сторонъ послышалось: man fängt an! начинаютъ! Коридорная публика ринулась къ дверямъ креселъ и повлекла за собою Свистулькина съ такою быстротой, что не успѣлъ онъ опомниться, какъ сидѣлъ уже въ покойныхъ креслахъ, и чуть ли, кажется, не въ третьемъ ряду. Приведя въ порядокъ галстучный бантъ и тряхнувъ головою, Иванъ Александровичъ повернулся спиною къ сценѣ и, граціозно выгнувъ спину на спинкѣ креселъ, окинулъ взоромъ дамъ, сидѣвшихъ въ ложахъ.

— Позвольте, сказалъ ему въ ту же минуту по-нѣмецки какой-то господинъ,—вы заняли мое мѣсто...

— Ахъ, виноватъ, сто разъ виноватъ! проговорилъ Свистулькинъ съ утонченною деликатностью, поспѣшно пересѣлъ на сосѣднее кресло и принялся глядѣть на бельэтажъ.

— Милостивый государь, вы сѣли на мое мѣсто, сказалъ ему другой господинъ, показывая билетъ.

— Ахъ, виноватъ, виноватъ, сто разъ виноватъ... вымолвилъ Иванъ Александровичъ и, наступивъ второпяхъ на три, четыре сосѣднія ноги, расположился далѣе.

Но едва успѣлъ онъ бросить взглядъ на ложи, какъ снова услышалъ:

— Позвольте, это мое мѣсто.

Встрѣтилась уже надобность перейти въ другой рядъ, потому что подлѣ не оказывалось свободныхъ мѣстъ.

Неизвѣстно, сколько мѣстъ перемѣнилъ онъ такимъ образомъ во все продолженіе увертюры и даже въ началѣ Trauerspiel, извѣстно только, что, во время этихъ кочеваній нашего героя, какой-то высокій господинъ, сидѣвшій съ самаго начала спектакля у входа, не спускалъ съ него глазъ; куда бы ни двинулся Иванъ Александровичъ, куда бы ни сѣлъ — пронзительные глаза незнакомца бѣгали за нимъ, какъ кошка за мышью. Наконецъ, какъ только опустился занавѣсъ послѣ дѣйствія Trauerspiel, высокій господинъ привсталъ съ мѣста, приблизился къ Ивану Александровичу и расположился подлѣ.

— Удивительно, какъ мало сегодня публики, сказалъ незнакомецъ послѣ минутнаго молчанія.

Digitized by Google

— Да... жаль, очень мало! поспѣшилъ замѣтить Иванъ Александровичъ, съ тою любезностью, какую обнаруживаемъ мы, когда видимъ, что заискиваютъ нашего знакомства.—Впрочемъ, это потому, присовокупилъ онъ,—что сегодня нѣмецкій спектакль; у нѣмцевъ всегда мало публики, особенно въ бенефисы... вѣдь двойная цѣна! заключилъ онъ съ насмѣшливою улыбкой.

— Вы часто вѣрно бываете въ театрѣ? спросилъ незнакомецъ.

— Всякій день, безпечно отвѣчалъ Свистулькинъ,— скучно, знаете... надо же какъ-нибудь убить время отъ семи часовъ до десяти! Вечера начинаются у насъ такъ поздно... Впрочемъ, здѣсь, у нѣмцевъ, я бываю довольно рѣдко... скука!.. прибавилъ онъ, случайно припомнивъ одно изъ движеній флегматическаго джентльмена, видѣннаго имъ въ кафе,—я больше бываю въ итальянской оперѣ.

— Шт! шт!.. зашипѣло вокругъ, и нѣсколько раскраснѣвшихся лицъ, съ выраженіемъ далеко не ласковымъ, обратились къ разговаривающимъ.

— Это намъ... шепнулъ незнакомецъ, углубляясь въ кресло.

Свистулькинъ послѣдовалъ его примѣру, и оба молчали до тѣхъ поръ, пока не опустилась занавѣсь.

— Вы говорили, кажется, что предпочитаете нѣмецкому спектаклю итальянскую оперу, началъ незнакомецъ,— о, разумѣется, какое же сравненіе!.. Но знаете, не всякому доступно, дорого...

— Смотря по тому, какъ!.. отвѣчалъ Свистулькинъ.— Вотъ мнѣ такъ и опера ничего не стоитъ... и если я плачу иногда, такъ это собственно потому, что совѣстно, наконецъ, всегда пользоваться...

— У васъ вѣрно знакомые? сказалъ невиннымъ голосомъ незнакомецъ, но устремилъ однакожъ пытливый взглядъ на собесѣдника.

— Да какъ вамъ сказать, всѣ знакомы! смѣясь подхватилъ Иванъ Александровичъ.

— Это очень пріятно... очень!.. вѣроятно, и здѣсь также есть знакомые? продолжалъ разспрашивать незнакомецъ.

— Здѣсь, всѣ — и кассиръ, и остальные... а впрочемъ больше мнѣ здѣсь знакомъ старшій смотритель.

На лицѣ незнакомца изобразилось удивленіе; но это продолжалось секунду, и онъ снова обратился къ сосѣду:

Digitized by Google

— Давно вы съ нимъ знакомы? спросилъ онъ, при чемъ лицо его какъ-то особенно исказилось, какъ у человѣка, силящагося удержать смѣхъ.

— Съ дѣтства... мы съ нимъ вмѣстѣ воспитывались... добрый малый... поспѣшилъ сообщить Иванъ Александровичъ.

Тутъ лицо незнакомца неожиданно расширилось, ротъ открылся и удушливый хохотъ вырвался изъ его горла. Иванъ Александровичъ взглянулъ на него съ удивленіемъ. Смѣхъ незнакомца усилился, такъ что многія лица, оставшіяся въ креслахъ, обратили на него вниманіе.

— Покорно васъ благодарю, сказалъ онъ Свистулькину, какъ только прошелъ неожиданный порывъ его веселости.

— За что-съ? спросилъ Иванъ Александровичъ, почувствовавшій вдругъ, ни съ того, ни съ сего, страшную неловкость.

— Да какъ же, сказалъ незнакомецъ, — тутъ онъ наклонился къ уху сосѣда и добавилъ шопотомъ:—какъ же, вы сдѣлали обо мнѣ такой лестный отзывъ... вѣдь старшій-то смотритель—я!..

— Какъ, помилуйте... это не то... совсѣмъ не то... пробормоталъ Свистулькинъ съ такимъ замѣшательствомъ, какъ-будто люстра сорвалась съ потолка и упала къ его ногамъ.

— Могу васъ увѣрить, спокойно возразилъ смотритель.

— Ахъ, Боже мой... какъ же это... какъ же такъ... бормоталъ Иванъ Александровичъ, у котораго вдругъ пересохъ языкъ и горло,—я ничего... право я только такъ, и наконецъ, можетъ-быть... вы здѣсь недавно...

— Какъ вамъ сказать, я уже здѣсь безъ малаго пятнадцать лѣтъ смотрителемъ, возразилъ смотритель,—пойдемте въ коридоръ, вы увидите, что я васъ не обманываю, добавилъ онъ, приглашая къ дверямъ Свистулькина, который торопливо за нимъ послѣдовалъ, не смѣя поднять глазъ.

Вся эта сцена была замѣчена нѣсколькими зрителями, не только въ креслахъ, но даже и въ ложахъ; Ивана Александровича обжигали направленные на него взгляды; сквозь туманъ, застилавшій глаза его, онъ видѣлъ улыбки; пробираясь за смотрителемъ, онъ услышалъ даже, какъ нѣмецъ, которому наступилъ онъ на ногу, смѣясь произнесъ подъ самымъ его носомъ: Mit Skandal und Trompeten!

Digitized by Google

И точно: едва Иванъ Александровичъ достигнулъ середины залы, грянула увертюра. Еще минута — и нашему герою сдѣлалось бы дурно, но минуты этой было довольно, чтобы очутиться въ коридорѣ.

— Господинъ смотритель... я васъ умоляю... Бога ради!.. торопливо прошепталъ Иванъ Александровичъ, возводя умоляющіе глаза на смотрителя и стараясь схватить его руку, какъ только они очутились въ коридорѣ и ихъ окружили капельдинеры.—Господинъ смотритель... пощадите!.. подхватилъ Свистулькинъ, находившійся въ полной увѣренности, что его тотчасъ же схватятъ, повлекутъ и предадутъ какому-нибудь постыдному наказанію,—я вѣдь это такъ только... молодость... неопытность... я... я никогда больше не буду... клянусь вамъ!..

Смотритель засмѣялся.

— Ну, теперь прощайте, сказалъ онъ,—а впрочемъ, вы, можетъ-быть, хотите вернуться въ кресла? Въ такомъ случаѣ совѣтую вамъ прежде зайти въ кассу и взять билетъ...

Сказавъ это, смотритель повернулся спиною и пошелъ своею дорогой.

Иванъ Александровичъ, какъ можете себѣ представить, не долго оставался на одномъ мѣстѣ; полминуты достало ему, чтобы отыскать пальто; еще половина минуты — и онъ удалялся отъ наружныхъ сводовъ, окружающихъ зданіе театра. Досада его была на этотъ разъ столько же сильна, сколько продолжительна, и, казалось, даже переходила въ бѣшенство; онъ шелъ съ сжатыми губами и стиснутыми кулаками. Отойдя на нѣкоторое разстояніе отъ извозчиковъ и продавцовъ яблокъ, онъ вдругъ остановился и нанесъ себѣ такой ударъ въ шею, потомъ въ плечо и потомъ въ ногу, что будь эти удары нанесены чужимъ кулакомъ, а не собственнымъ, они бы непремѣнно свалили съ ногъ нашего героя. — „Дуракъ! дрянь! лгунишка!.. подѣломъ тебѣ!.. подѣломъ!..“ произнесъ въ то же время Иванъ Александровичъ и, оглянувшись назадъ, принялся снова надѣлять себя пинками. Самый кроткій человѣкъ способенъ придти въ нѣкоторую степень остервенѣнія, когда, въ забывчивости мгновенно вспыхнувшаго негодованія, дойдетъ до того, что начнетъ драться; и нѣтъ сомнѣнія, Свистулькинъ кончилъ бы тѣмъ, что прижалъ бы себя въ темный уголъ и разбилъ бы себя вдребезги, если бъ не очутился заблаговременно на

Digitized by Google

Невскомъ проспектѣ. Невскій сіялъ теперь тысячами огней; народа гуляло множество; поневолѣ надо было укротить внѣшніе порывы гнѣва; негодованіе, остановленное такимъ образомъ въ самомъ сильномъ своемъ пароксизмѣ и не находя выхода, должно было, натурально, устремиться въ глубину и безъ того уже взволнованной души нашего героя.

Не могу сказать утвердительно, что̀ болѣе всего на него подѣйствовало: блистательное ли освѣщеніе Невскаго проспекта, веселыя ли толпы гуляющихъ, или же, наконецъ, по свойственной ему добротѣ сердца, стало жаль ему самого себя, — но только гнѣвъ его началъ постепенно смягчаться, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прояснились и самыя мысли.

„Вѣдь бываютъ же такіе дни, что ничего, рѣшительно ничего не удается! подумалъ онъ съ замѣтнымъ снисхожденіемъ,—одна непріятность за другою! И зачѣмъ дернула меня нелегкая пойти въ этотъ театръ!.. добро бы въ самомъ дѣлѣ было тамъ что-нибудь такое... балетъ какой-нибудь... а то бенефисъ какой-то!—Очень нужно... невидаль какая! и за все это столько неудовольствія... Вотъ день! я ужъ и не знаю, что такое... встрѣча съ Шамбахерами... потомъ этотъ графъ... потомъ здѣсь въ театрѣ...“

— Ахъ, виноватъ, сударыня! — сто тысячъ разъ виноватъ!

Послѣднее восклицаніе, сдѣланное громко, обращалось къ дамѣ, которую нечаянно задѣлъ онъ локтемъ.

— Ничего, не безпокойтесь... промолвила дама, ускоряя шагъ.

— Какъ!.. помилуйте... я васъ толкнулъ... подхватилъ Свистулькинъ, грустныя мысли котораго мгновенно перевернулись вверхъ-дномъ, какъ перевертываются билеты лотереи-аллегри при поворотѣ колеса.

Ему пришло даже на умъ предложить дамѣ свои услуги; онъ намекнулъ что-то о позднемъ времени и неудобствѣ прогуливаться въ такую пору, но, къ сожалѣнію, дама исчезла въ первыхъ же воротахъ, и Свистулькинъ снова остался одинъ посреди тротуара. Но все равно, мысли его, благодаря этому толчку, прояснились и приняли далеко уже не такой мрачный характеръ, какимъ отличались при выходѣ изъ театра.

„Впрочемъ, разсуждалъ онъ, поворачивая съ Невскаго

Digitized by Google

на Владимірскую, — я очень радъ, что зашелъ сегодня къ Фурно... право радъ! Этотъ черноволосый господинъ сообщилъ мнѣ очень хорошую новость... я прежде не зналъ этого... никакъ даже не подозрѣвалъ! Завтра же отправлюсь... Онъ сказалъ, въ три часа... Именно онъ такъ и сказалъ: въ это время князь и княгиня Z. не бываютъ дома... Вечеромъ пойду къ Беккерамъ... Страшный, однакожъ, этотъ завтрашній день! завтра! — рѣшительный ударъ... За Лотхенъ можно ручаться... нынѣшнее пожатіе руки мнѣ много доказало... я не сомнѣваюсь... въ матери я также увѣренъ... что же касается до отца... а впрочемъ и отецъ ничего... И тогда, тогда... все разомъ перемѣнится! Грустно, однакожъ, какъ подумаешь обо всемъ этомъ... право грустно!.. Итакъ, завтра въ три часа! присовокупилъ онъ послѣ минутнаго раздумья, — въ три часа непремѣнно буду!" заключилъ неожиданно Иванъ Александровичъ.

При этомъ онъ сильно потеръ руками и просвистѣлъ какую-то трель, и уже потомъ, во все время какъ подходилъ къ дому, не переставалъ напѣвать и насвистывать разныя аріи; такъ что, встрѣться кто-нибудь съ Свистулькинымъ на лѣстницѣ его квартиры, всякій остался бы въ полномъ убѣжденіи, что Свистулькинъ провелъ этотъ вечеръ съ неизъяснимымъ наслажденіемъ!

VII.

Хлопотливое утро.

На другой день, несмотря на отвратительную погоду: вѣтеръ, туманъ, изморось, которая серебрила кровли и тротуары и надѣляла насморкомъ каждаго, кто только покушался высунуть носъ на улицу, — несмотря на все это, можно было видѣть Ивана Александровича, прогуливающагося взадъ и впередъ по набережной Фонтанки, въ двадцати шагахъ отъ дома княгини Z. Было около двухъ часовъ пополудни. Онъ явился такъ рано не изъ нетерпѣнія или излишней аккуратности: ему хотѣлось лично присутствовать при отъѣздѣ князя и княгини. Въ основаніи такого намѣренія лежало больше обуманности, чѣмъ можно полагать съ перваго разу: что было бы хорошаго, если бъ Иванъ Александровичъ, подкативъ ровно въ три часа къ княжескому дому и войдя въ швейцарскую, столкнулся бы на лѣстницѣ съ хозяевами, которые гото-

Digitized by Google

вились ѣхать гулять или, вѣрнѣе, отдавать визиты? Могло также случиться, что на вопросъ Свистулькина: „дома ли княгиня“, швейцаръ отвѣчалъ бы: „дома!“ Еще легче могло случиться, что Иванъ Александровичъ, влетѣвъ опрометчиво въ швейцарскую, былъ бы застигнутъ хозяевами, вернувшимися съ прогулки раньше обыкновеннаго, по случаю скверной погоды. Не лучше ли придти часомъ раньше и избѣгнуть всѣхъ этихъ столкновеній?

Спора нѣтъ, не весело ходить взадъ и впередъ по скользкой мостовой, придерживать каждую секунду шляпу и думать, что, при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи, ее унесетъ въ Фонтанку. Не всякій также рѣшится провести болѣе часу подъ изморосью и на холодномъ вѣтрѣ безъ крайне-побудительной причины. Но человѣкъ человѣку рознь; что̀ значило, напримѣръ, для Ивана Александровича, у котораго достало энергіи и характера питаться три мѣсяца сухими булками для пріобрѣтенія брелоковъ,—что̀ значило, говорю я, для такого человѣка простоять часъ на вѣтрѣ и претерпѣть стужу? Послѣдствія одни: насморкъ—это всѣмъ извѣстно; у Ивана Александровича перебывало уже столько насморковъ, что однимъ больше, однимъ меньше—все равно. И наконецъ, что̀ такое насморкъ, когда впереди предстоитъ балъ у княгини Z.? Если разсудить хорошенько, окажется, что ни одно удовольствіе, какъ бы оно ни казалось съ перваго взгляда ничтожнымъ, даровымъ или дешевымъ, ни одно удовольствіе не обходится безъ жертвы; жертва кроется въ основаніи каждой радости, каждаго увеселенія.

Свистулькинъ прошелся, однакожъ, ужъ разъ сто мимо дома, а князь и княгиня все еще не выѣзжали; не было даже признака къ выѣзду; дверь, или, лучше сказать, подъѣздъ отеля, устроенный въ видѣ готическаго фонаря, былъ глухо запертъ; карета не стояла подлѣ тротуара.

„Ужъ полно, поѣдутъ ли они въ такую погоду?..“ Иванъ Александровичъ пожалѣлъ въ тысячный разъ, что у него не было часовъ,—какъ знать, можетъ быть теперь далеко еще до трехъ часовъ? Извѣстно, ничто такъ не затягиваетъ время, какъ ожиданіе.

Несмотря на свою твердость и терпѣніе, Свистулькинъ началъ чувствовать нестерпимый холодъ. Напрасно ходилъ онъ ускореннымъ шагомъ; напрасно подымалъ воротникъ; напрасно просовывалъ руку между пуговицами

Digitized by Google

пальто и старался прижать ее какъ можно плотнѣе къ груди—вѣтеръ пробирался всюду. Особенно сильно донимало ему горло, украшенное ленточкой à la papillon, съ красиво откинутыми воротничками рубашки; онъ началъ уже каяться, что не надѣлъ cache-nez, славнаго шерстянаго платка, пріобрѣтеннаго въ голландскомъ магазинѣ и выбраннаго по образцу cache-nez графа Слапачинскаго: тѣ же клѣтки, тотъ же цвѣтъ, та же матерія. Точно, онъ поступилъ на этотъ разъ необдуманно. Никто, конечно, не станетъ спорить противъ удовольствія гулять съ ленточкой на шеѣ; но для этого нужна хорошая погода, нуженъ Невскій проспектъ, наполненный публикой; теперь же улицы пусты, изрѣдка попадаются синіе и зеленые зонтики, изъ-подъ которыхъ выглядываютъ загрязненные сапоги и галоши; очевидно, не стоитъ подвергать свою шею простудѣ!

„Нѣтъ, такъ ужъ и быть, все равно! подумалъ Иванъ Александровичъ, схватываясь за горло, начинавшее щемить не на шутку; — ждалъ цѣлый часъ, подожду заодно ужъ; уйдешь пожалуй, а тутъ какъ разъ дѣло и сдѣлается... все равно, ужъ лучше подождать!..“

Едва заключилъ онъ, какъ изъ-за угла показалась великолѣпная карета, запряженная парою сѣрыхъ коней, которыми правилъ чудовищно-толстый кучеръ съ черною крашеной бородой, доходившей чуть не до пояса.— „Это карета княгини Z.“, внутренно сказалъ себѣ Иванъ Александровичъ, отходя немного поодаль и принимая наблюдательную позу. Онъ не ошибся; карета, сдѣлавъ кругъ, подкатила къ готическому подъѣзду и остановилась.

Въ ту же минуту, на подъѣздѣ явился швейцаръ въ гороховомъ сюртукѣ, такихъ же штиблетахъ и темной, обшитой позументомъ портупеѣ, которая закрывала его широкую грудь; за швейцаромъ выступилъ лакей въ богатой ливреѣ. Отворивъ дверцы кареты и откинувъ ступеньки съ поспѣшностью, лакей и швейцаръ, торопливо вернувшись къ подъѣзду, подхватили подъ руки даму въ лиловой шляпкѣ и посадили ее въ экипажъ; такимъ же порядкомъ подхватили они полнаго господина въ синей бекешѣ и посадили его подлѣ дамы; послѣ этого лакей вскочилъ на козлы, и карета помчалась впередъ, оставивъ швейцара, который принялся отдувать щеки и оглядывать улицу съ самодовольствіемъ человѣка, добросовѣстно исполнившаго свои обязанности.

Digitized by Google

Иванъ Александровичъ, конечно, не столь былъ глупъ, чтобы дать себя замѣтить швейцару: онъ понялъ очень хорошо, что видъ молодого человѣка, прогуливающагося подъ изморосью, не только произведетъ дурное впечатлѣніе на швейцара, но легко даже возбудитъ въ немъ подозрѣніе, повредитъ репутаціи молодого человѣка. Свистулькину хотѣлось только лично удостовѣриться въ отъѣздѣ князя и княгини, и едва показались они на подъѣздѣ, онъ быстрыми шагами удалился. Достигнувъ конца набережной, Иванъ Александровичъ повернулъ за уголъ и, не теряя времени, направился къ биржѣ, гдѣ стояли извозчичьи экипажи. Несравненно было бы дешевле нанять пролетку, если ужъ на то пошло; Иванъ Александровичъ взялъ однакожъ карету: дѣло въ томъ, что швейцаръ сильно озадачилъ нашего героя, и онъ невольно подумалъ: „Неловко какъ-то... къ тому же, не Богъ знаетъ какое разоренье! Все лучше: иначе даже какъ-то смотрятъ, когда подъѣдешь въ каретѣ“... Минуть пять спустя, онъ подкатывалъ къ подъѣзду, и не безъ волненія, весьма, впрочемъ, извинительнаго, вступилъ во внутренность готическаго фонаря; неловкость его, очень натурально, должна была увеличиться, когда онъ увидѣлъ себя окруженнымъ тремя дверями и не зналъ, которая изъ нихъ была настоящая: толкнулся въ переднюю дверь—не поддается, толкнулся направо—тотъ же результатъ... Что же это такое?

— Пожалуйте... здѣсь-съ! произнесъ позади его баситый голосъ.

Свистулькинъ обернулся и увидѣлъ швейцара.

— Дома князь? спросилъ онъ съ непринужденностью, которой вовсе нельзя было ожидать.

— Только-что изволили уѣхать...

— Какая досада! произнесъ Иванъ Александровичъ, входя въ переднюю, обшитую дубомъ, и отыскивая глазами зеркало. Ему хотѣлось скорѣй удостовѣриться, не было ли въ туалетѣ его какого-нибудь разстройства, которое могло бы непріятно поразить швейцара.—Какая досада, подхватилъ онъ,—я только-что пріѣхалъ изъ... изъ Одессы... и очень желалъ бы видѣть...

— Пожалуйте въ четыре часа, ихъ сіятельство будетъ дома, сказалъ швейцаръ.

— Никакъ нельзя... я тотчасъ же ѣду въ Петергофъ.

Digitized by Google

— Какъ прикажете записать? спросилъ швейцаръ.

— Запиши... проговорилъ Иванъ Александровичъ, у котораго дрогнуло сердце,—запиши... Кабинетская улица... домъ Мурашкина...

— Мурашкина? спросилъ швейцаръ, развертывая книгу и придвигая чернильницу.

— Да... Мурашкина... отвѣтилъ Свистулькинъ, досадливо тряхнувъ головою.

— Напиши: Иванъ Александровичъ... мм... м... Свис... тулькинъ...

Послѣднее слово Иванъ Александровичъ пробормоталъ скороговоркою и безсвязно.

— Графъ? вопросительно промычалъ швейцаръ.

— Нѣтъ... графъ это мой двоюродный братъ... напиши просто: Свистулькинъ... Иванъ Александровичъ...

Проговоривъ это, Свистулькинъ надѣлъ шляпу — въ замѣшательствѣ своемъ онъ имѣлъ неосторожность снять ее, только потомъ уже догадался онъ, какъ поступилъ неосторожно—и снова очутился въ готическомъ фонарѣ.

— Не безпокойся, любезный, я самъ... я всегда самъ, произнесъ онъ, опираясь однакожъ очень охотно на руки швейцара, который посадилъ его въ карету.

— Куда прикажете ѣхать? спросилъ извозчикъ.

— Пошелъ на Невскій! крикнулъ Иванъ Александровичъ.

„Глупѣйшая фамилія!.. подумалъ онъ съ досадою,— Свистулькинъ!—даже выговорить не хочется! Хотя бы Свистяковъ или Свистуляковъ—что-ли!.. Мало ли фамилій... можно, наконецъ, Свистулинской... Свистокинъ... Свистулякинъ! а то Свистулькинъ... глупо, просто глупо! какъ-то даже не благозвучно, право!.. Нечего сказать, хорошъ также и домъ: Мурашкина—какъ словно одно къ одному... напрасно не переѣхалъ я... впрочемъ, не долго остается жить: еще мѣсяцъ—и заживу, можетъ быть, въ собственномъ!“ заключилъ Иванъ Александровичъ, мысленно переносясь къ Беккерамъ.

Неудовольствіе, отпечатавшееся въ чертахъ его, стало мало-по-малу проясняться; лицо его повеселѣло и приняло даже выраженіе гордости, когда карета выѣхала на Невскій.

Несмотря на сильный вѣтеръ, дувшій прямо навстрѣчу и немилосердно хватавшій за горло, и безъ того уже сильно щемившее, Иванъ Александровичъ ни разу не от-

Digitized by Google

кинулся на дно кареты, голова его цѣликомъ почти выставлялась изъ каретнаго окна. У Аничкина моста онъ приказалъ остановиться, выпрыгнулъ на тротуаръ, сдѣлалъ шаговъ двадцать, кивнулъ пальцемъ извозчику, снова сѣлъ и поѣхалъ далѣе. У Гостинаго двора онъ опять остановился; не стоило вылѣзать изъ кареты, чтобы пройтись подъ арками Гостинаго двора; Иванъ Александровичъ зашелъ въ первую попавшуюся лавку, и, самъ не зная, какъ и зачѣмъ, купилъ прессъ-папье. Подозвавъ пальцемъ извозчика, онъ покатилъ далѣе.

Противъ Милютиныхъ лавокъ повторилась та же исторія; онъ выпрыгнулъ на тротуаръ и, чтобы придать цѣль остановкѣ, вошелъ въ первую попавшуюся дверь. Было бы, разумѣется, крайне неловко спросить одинъ фунтъ сыру у купца, высадившаго его изъ кареты. Свистулькинъ потребовалъ пять фунтовъ, давъ замѣтить при этомъ, что беретъ единственно для пробы, и беретъ въ этой лавкѣ потому собственно, что многіе его знакомые хвалили ему и хозяина, и качество его сыра.

Снова указательный палецъ Свистулькина задвигался въ воздухѣ и снова поѣхалъ онъ далѣе. На Невскомъ онъ выходилъ безсчетное число разъ и возвращался въ карету всегда съ одинаковымъ пріемомъ: кивнетъ указательнымъ пальцемъ, минуты полторы постоитъ на тротуарѣ, и какъ только кто-нибудь покажется въ окнѣ или на улицѣ, отворитъ дверцы, сядетъ, крикнетъ: „пошелъ“ и ѣдетъ дальше. Наконецъ, онъ велѣлъ повернуть на Екатерининскій каналъ, выбралъ довольно уединенное мѣсто и приказалъ остановиться.

— Сколько тебѣ слѣдуетъ? отрывисто спросилъ онъ у извозчика, какъ будто былъ имъ недоволенъ.

Странно было бы, если бъ извозчикъ запросилъ менѣе трехъ цѣлковыхъ; такъ и случилось, и это обстоятельство мгновенно возбудило негодованіе Ивана Александровича.

„Вотъ славно“, подумалъ онъ, стискивая губы, „три цѣлковыхъ прессъ-папье, два съ половиною цѣлковыхъ сыръ... Теперь этому еще три цѣлковыхъ... да это просто разоренье — просто мошенничество!“ Иванъ Александровичъ началъ бранить извозчика и, нѣтъ сомнѣнія, затѣялъ бы исторію, но въ это время мимо проходила какая-то нищая баба; Иванъ Александровичъ, не желая, вѣроятно, компрометировать свое достоинство, тотчасъ же заплатилъ требуемую сумму.

Digitized by Google

Чтобы попасть въ кафе—было уже четыре часа и желудокъ Свистулькина настоятельно требовалъ обычныхъ двухъ пирожковъ или порціи макаронъ — ему слѣдовало вернуться на Невскій. Но какъ явиться на этой улицѣ съ двумя полновѣсными пакетами подъ мышкой? Нельзя, очевидно нельзя! Особенно сильно смущалъ Ивана Александровича сыръ; прессъ-папье все-таки вещь благородная; прессъ-папье ни въ какомъ случаѣ не можетъ компрометировать; но сыръ! Когда же видано, чтобъ человѣкъ съ модною ленточкой на шеѣ, словомъ, порядочный человѣкъ, несъ сыръ въ рукахъ своихъ! Рѣшительный въ крайнихъ случаяхъ, Иванъ Александровичъ не долго колебался: улучивъ минуту, когда никого не было поблизости, онъ швырнулъ сыръ подъ ворота — не лучше ли было поступить такимъ образомъ съ прессъ-папье?—и торопливо пошелъ своею дорогой.

На Невскомъ лицо его снова просіяло. Одинъ я могу знать, какъ хотѣлось Свистулькину имѣть въ это утро обширный кругъ знакомства и какъ было бы ему пріятно встрѣтить теперь всѣхъ своихъ знакомыхъ! Каждый, безъ сомнѣнія, встрѣтилъ бы его вопросомъ *откуда?* и каждому бы, безъ сомнѣнія, Иванъ Александровичъ отвѣтилъ: „отъ княгини Z.“ Какой лгунъ не испытывалъ сладости сказать иногда правду. Надоѣстъ, наконецъ, лгать; самые злодѣи, мнѣ кажется, должны чувствовать удовольствіе, произнося фразу, проникнутую съ начала до конца истиной!

Вѣтеръ подувалъ однакожъ попрежнему, и не было человѣка во всемъ Петербургѣ, который, шествуя теперь по улицѣ, не прикутывалъ бы горла и не морщился. Дома и фонарные столбы отражались на скользкомъ тротуарѣ, какъ въ озерѣ. На всемъ Невскомъ не было, казалось, двадцати извозчиковъ; да и то, трое изъ нихъ—одинъ на Полицейскомъ мосту, другой на Казанскомъ, третій на Аничкиномъ—возились съ лошадьми, лежавшими въ растяжку на торцовомъ помостѣ.

„Скверпѣйшая погода—бу...ррр!.. ни на что рѣшительно не похоже!“ думалъ Иванъ Александровичъ, запрятывая шею въ воротникъ пальто и придерживая воротникъ рукою; „глупо сдѣлалъ я, очень даже глупо, что не взялъ cache-nez... Долго ли простудиться! Вѣдь вотъ и теперь ужъ болитъ горло... такъ болитъ, какъ будто проглотилъ зубную щетку или ложку...“ подхватилъ онъ, кашляя съ

Digitized by Google

напряженіемъ, „ужасъ какая боль!.. даже глотать невозможно... Весь нынѣшній день катился какъ по маслу, все повидимому улыбается... и вдругъ бы все это разстроилось... Надо поспѣшить въ кафе, авось, пройдетъ, какъ обогрѣюсь... Ухъ! какъ вдругъ защемило!.. нестерпимо... просто ужасъ, какая досада!..“

VIII.

Свинка.

Въ кафе Пассажа, куда отправился Свистулькинъ, было такъ же пусто, какъ и въ самомъ Пассажѣ. Публику кафе составляли два какихъ-то господина; но такъ какъ наружность ихъ была далеко не привлекательна, Иванъ Александровичъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія; онъ подумалъ только, куда дѣвался фешенебельный Петербургъ и чѣмъ могла заниматься та часть его обитателей, которые, подобно ему, проводятъ день или въ кафе, или на улицѣ. Въ другое время такая мысль могла опечалить нашего героя, любившаго общество и вообще склоннаго къ развлеченіямъ всякаго рода: но въ настоящую минуту онъ даже обрадовался бездѣлью. Онъ былъ голоденъ и ничто, слѣдовательно, не мѣшало ему теперь спросить порцію макаронъ; сверхъ того, отсутствіе посѣтителей значительно обогащало конторку кафе ломтиками хлѣба: обстоятельство, имѣвшее также свою выгодную сторону.

Увы! радость Ивана Александровича прошла съ первымъ же глоткомъ; онъ почувствовалъ вдругъ такое колотье въ горлѣ, что слезы брызнули изъ глазъ его и онъ принужденъ былъ оставить макароны, которыя привлекательно лоснились на блюдечкѣ. Разстроенный до-нельзя, онъ подошелъ къ окну и бросился на диванъ.

Мы уже сказали въ своемъ мѣстѣ, что съ нѣкоторыхъ поръ газеты потеряли свое значеніе для Свистулькина. Въ самомъ дѣлѣ, не къ чему уже было утруждать себя чтеніемъ. Не далѣе какъ сегодня вечеромъ пойдетъ онъ къ Беккерамъ и сдѣлаетъ рѣшительный приступъ, въ результатѣ котораго смѣшно даже сомнѣваться. Беккеры, всѣмъ извѣстно, только и ждутъ этого приступа: пламенное желаніе Андрея Андреича заключается въ томъ, чтобъ выдать дочь за человѣка, который владѣлъ бы своимъ домомъ въ Петербургѣ — Иванъ Александровичъ торгуетъ

Digitized by Google

домъ; Лотхенъ мечтаетъ выйти за человѣка ganz comme il faut, который посѣщалъ бы хорошее общество и былъ бы молодъ — Иванъ Александровичъ молодъ и не далѣе какъ въ пятницу поѣдетъ на балъ къ княгинѣ Z.; любимѣйшая мечта Вильгельмины Карловны выдать дочь скорѣе, чтобы скорѣе няньчить внучатъ и печь имъ каждый день сахарные кренделькн — Иванъ Александровичъ предлагаетъ хоть сейчасъ же руку и сердце ея дочери. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что дѣло Ивана Александровича почти въ шляпѣ и ему не къ чему читать газеты. Отъ нечего дѣлать, онъ курилъ папироску, полулежа на диванѣ, и время отъ времени пощупывалъ горло, которое продолжало нестерпимо колоть.

Два господина, находившіеся въ кафе, успѣли между тѣмъ познакомиться и вели разговоръ; Иванъ Александровичъ, сидѣвшій у противоположнаго окна и занятый исключительно своею болью, не обратилъ никакого вниманія на бесѣду незнакомцевъ; мало-по-малу, однакожъ, онъ сталъ прислушиваться и вскорѣ весь превратился въ слухъ.

— Неужто эта болѣзнь распространяется все сильнѣе и сильнѣе? проговорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, человѣкъ съ волосами, зачесанными за уши, острымъ длиннымъ носомъ и выдавшеюся впередъ физіономіей, что, вмѣстѣ взятое, придавало его наружности выраженіе глупаго испуга, смѣшаннаго съ любопытствомъ, — неужто распространяется? это ужасно!

— Ужасно, именно ужасно! энергически подхватилъ другой собесѣдникъ, плотный, съ бойкими глазами на выкатѣ и черными какъ смоль, жирными и курчавыми волосами, — да-съ, скажу вамъ, это ужасно! промолвилъ онъ, производя руками пояснительные жесты самаго отчаяннаго свойства.—Мало того, что болѣзнь эта распространяется, я вамъ скажу, свирѣпствуетъ, да, свирѣпствуетъ! заключилъ онъ, бросая рѣшительный взглядъ на собесѣдника, больные глаза котораго моргали и щурились.

— Ахъ, Боже мой!.. но отчего же это?.. какія же причины?..

— Причины? воздухъ! — очень натурально, возразилъ пучеглазый господинъ, выразительно махнувъ рукою.— Другіе приписываютъ это повѣтрію — вздоръ, чепуха! Воздухъ — воздухъ, и больше ничего! я знаю это изъ вѣрныхъ источниковъ...

Digitized by Google

— Но скажите, пожалуйста, отчего же прежде воздухъ не производилъ такого дѣйствія?

— Отчего? очень натурально... изволите ли видѣть: нынѣшнюю осень постоянно дуетъ сѣверо-восточный вѣтеръ... такъ или нѣтъ? хорошо! Вѣтеръ этотъ — я знаю это изъ вѣрныхъ источниковъ—пропитанъ, такъ сказать, зловредными міазмами... очень хорошо; вы понимаете, слѣдовательно — все это дѣйствуетъ на дыхательные органы,—я разумѣю горло; иначе быть не можетъ: раздраженіе верхней оболочки! довершилъ онъ, тыкая себя пальцемъ по галстучному банту.

Иванъ Александровичъ машинально схватилъ себя за горло; лицо его изобразило безпокойное волненіе.

— Вы говорили, кажется, о какомъ-то опытѣ... въ чемъ же онъ состоитъ? спросилъ моргающій собесѣдника.

— Любопытный фактъ! возразилъ тотъ съ горячностью,— изволите видѣть: къ шесту, на высокой горѣ, прикрѣпили кусокъ стекла, прикрытый растворомъ изъ воды и меда; стекло, обращенное къ вѣтру, весьма натурально, не замедлило сдѣлаться тусклымъ; думали—пыль, ничуть не бывало! приставили къ стеклу микроскопъ. Что бы, вы думали, оказалось, а?.. Стекло оказалось усѣяннымъ тысячами, что я говорю! милліонами, сотнями тысячъ милліоновъ мелкихъ инфузорій синяго цвѣта и, очевидно, самаго ядовитаго свойства! подхватилъ онъ, скорчивши такую ужасную физіономію, что тощій собесѣдникъ, и безъ того уже напуганный, невольно пошатнулся. — Вы ясно, слѣдовательно, видите, продолжалъ онъ воодушевляясь, — ясно видите, что воздухъ наполненъ, такъ-сказать, этими ядовитыми насѣкомыми. Очень натурально: человѣкъ, идущій противъ вѣтра съ открытымъ горломъ или ртомъ, что совершенно все равно, вы понимаете— долженъ наглотаться этихъ насѣкомыхъ; тутъ нѣтъ сомнѣнія...

При этомъ Свистулькинъ почувствовалъ страшную горечь во рту и нестерпимое щекотанье въ горлѣ, холодный потъ выступилъ на лбу и щекахъ его.

— Очень натурально; вы понимаете послѣ этого, какого слѣдуетъ ожидать дѣйствія, продолжалъ между тѣмъ пучеглазый господинъ, производя такіе жесты, какъ будто вѣрный источникъ, о которомъ говорилъ онъ, находился въ груди его и онъ принужденъ дѣлать неимовѣрныя усилія, чтобы черпать изъ нея свѣдѣнія.—Инфузоріи эти

распложаются, какъ вамъ, я полагаю извѣстно, съ баснословной быстротою: стоитъ проглотить двухъ, и не пройдетъ часу, какъ ихъ явится уже милліонъ! Въ горлѣ, весьма натурально, холоднѣе, чѣмъ въ легкихъ; инфузоріи летятъ съ востока и, слѣдовательно, любятъ тепло... вы понимаете; они, слѣдовательно, распространяются далѣе... и наконецъ, это всего ужаснѣе, кидаются въ желудокъ...

Отъ дѣйствія ли воображенія, или отъ макаронъ, или наконецъ отъ излишняго куренія папиросъ, но только Свистулькинъ почувствовалъ въ эту минуту тошноту и сильные спазмы; холодный потъ струился уже подъ жилетомъ его и обдавалъ Ивана Александровича съ головы до ногъ; о горлѣ и говорить нечего: оно было во сто разъ хуже больного зуба.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! воскликнулъ тощій господинъ, который пересталъ моргать и глядѣлъ на разсказчика притупленными глазами;—что-жъ когда они попадутъ въ желудокъ... тогда-то?.. значитъ ужъ кончено!

— Кончено! съ увѣренностью подтвердилъ пучеглазый разсказчикъ,—кончено... параличъ желудка—и смерть!

— Смерть?

— Неминуемо, если только не возьмете вы заблаговременно предосторожностей, подхватилъ онъ весьма кстати, потому что Свистулькинъ не шутя началъ уже терять голову. Послѣднія слова курчаваго господина привели его въ сознаніе.

— Какія же это средства? торопливо спросилъ моргунъ.

— Очень простыя, проще быть не можетъ, такъ же поспѣшно отвѣчалъ собесѣдникъ, посматривая на буфетъ; при чемъ глаза его выкатились еще замѣтнѣе. — Я, который говорю вамъ, подхватилъ онъ,—тысячу разъ испытывалъ ихъ на себѣ... Не далѣе какъ вчера и сегодня... и наконецъ, всякій день чувствую я адскую боль въ горлѣ... какъ только это случится, надо, не медля ни минуты, выпить добрый стаканъ портвейну... или другого крѣпкаго напитка...

— Человѣкъ! мальчикъ! закричалъ тощій собесѣдникъ, — стаканъ портвейну!.. позвольте мнѣ также предложить вамъ стаканъ?

— Очень охотно, это всегдашнее мое средство, отвѣчалъ курчавый господинъ, съ удовольствіемъ потирая носъ, который не оставлялъ сомнѣнія, что сказанное его владѣльцемъ проникнуто истиной.

Digitized by Google

Тощій собесѣдникъ стремглавъ бросился къ буфету, но Иванъ Александровичъ успѣлъ уже предупредить его.

Стаканъ портвейну, выпитый залпомъ, дѣйствительно принесъ ему облегченье; но это продолжалось одну минуту; онъ почувствовалъ вдругъ, какъ будто весь кафе съ его шкапами, потолкомъ и даже мальчикомъ за конторкой, зашатались и закружились; онъ безсознательно почти положилъ сдачу въ карманъ и едва-едва могъ разслышать, какъ одинъ изъ собесѣдниковъ предложилъ новый стаканъ портвейну, и какъ другой охотно принялъ предложеніе, повторивъ, что это было всегдашнее его средство. Какъ Свистулькинъ вышелъ изъ кафе и сѣлъ на извозчика, какъ доѣхалъ до дому, какъ расплатился съ извозчикомъ — расплатился онъ или нѣтъ, этого онъ рѣшительно уже не помнилъ — и какъ потомъ очутился въ своей комнатѣ, во всемъ этомъ онъ не могъ дать ни себѣ, ни другимъ яснаго отчета; онъ помнилъ, однакожъ, что, войдя въ комнату, снялъ съ себя лучшее платье и уложилъ его въ комодъ, послѣ чего упалъ на кровать и лишился чувствъ.

Открывъ глаза, онъ почувствовалъ необыкновенный ломъ въ головѣ; къ этому присоединился адскій жаръ въ горлѣ, и онъ поспѣшилъ ощупать больное мѣсто. Представьте себѣ ужасъ Свистулькина, когда рука его, вмѣсто знакомаго мѣста, встрѣтила что-то похожее на подушку; шея его распухла и сравнялась съ подбородкомъ; все снова помрачилось передъ глазами Ивана Александровича; сердце его обмерло, и онъ снова потерялъ сознаніе.

Первый предметъ, который увидѣлъ онъ, пришедши вторично въ себя, была хозяйка квартиры съ огаркомъ въ рукахъ.

— Доктора!.. Анна Ивановна... поскорѣе! я наглотался, проглотилъ милліонъ насѣкомыхъ... скорѣе доктора, умираю! могъ только простонать Свистулькинъ.

Всѣ возможные роды ожиданія мучительны; но самые мучительные часы безспорно тѣ, когда ждешь доктора; много такихъ часовъ провелъ Иванъ Александровичъ, потому что, какъ извѣстно, доктора рѣдко отыскиваются въ минуты крайней необходимости. Наконецъ явился докторъ. Онъ былъ еще въ дверяхъ, когда Свистулькинъ протянулъ ему руку и высунулъ языкъ. Докторъ началъ съ того, что оглянулъ комнату, потомъ медленно и какъ можно комфортабельнѣе расположился на стулѣ; устроивъ

Digitized by Google

себя такимъ образомъ, докторъ взглянулъ при свѣтѣ огарка на языкъ больного, потомъ обратилъ глаза на кончики своихъ сапоговъ, потомъ снова на языкъ, потомъ пощупалъ пульсъ и, снова обратившись къ сапогамъ своимъ, произнесъ спокойно:

— Ничего... легкая простуда... покажите горло... больно? промолвилъ онъ, тыкая пальцемъ въ больное мѣсто такъ же безцеремонно, какъ если бъ оно было изъ дерева.

Свистулькинъ закричалъ благимъ-матомъ.

— Зачѣмъ же такъ кричать! сказалъ докторъ голосомъ, который ясно свидѣтельствовалъ, что онъ былъ врагъ шума.—Это ничего... просто простуда... у васъ свинка...

— Нѣтъ... докторъ... нѣтъ! съ ужасомъ прокричалъ Свистулькинъ.

— Свинка и больше ничего! проговорилъ медикъ съ обычною ему невозмутимостью.

— Я проглотилъ насѣкомыхъ... пояснялъ между тѣмъ Свистулькинъ,—ихъ множество въ воздухѣ!.. синія... ядовитаго свойства... весь воздухъ наполненъ ими...

Тутъ докторъ въ первый разъ, можно сказать, обратилъ свое вниманіе на больного.

— У больного жаръ, бредъ, это часто бываетъ при свинкѣ, проговорилъ онъ, повернувшись къ хозяйкѣ,— обложить его горчичниками!..

Сказавъ это, докторъ всталъ и, не слушая криковъ больного, вышелъ въ сосѣднюю комнату прописывать рецептъ; минуты три спустя, онъ оставилъ квартиру.

Горчичники произвели свое дѣйствіе; на другой день Ивану Александровичу стало легче. Здѣсь, конечно, надо разумѣть физическое облегченіе; моральная сторона Ивана Александровича была разстроена выше всякаго описанія. Главная причина разстройства заключалась не столько въ самой болѣзни, которая, какъ самъ онъ догадался, не была опасна, сколько въ ея названіи:—„свинка! свинка!“ думалъ онъ, съ ужасомъ оглядывая въ зеркальцѣ свою шею, значительно, однакожъ, уменьшившуюся,—„отчего же свинка, а не другая болѣзнь? отчего свинка у меня именно! И чѣмъ занимаются эти доктора... о чемъ думаютъ эти факультеты! какъ, наконецъ, не облагородить названія... свинка, вѣдь выдумаютъ же!“

Не мало также смущало Свистулькина и то, что наканунѣ обѣщалъ онъ провести вечеръ у Беккеровъ. Что подумаетъ Лотхенъ? Что скажутъ ея отецъ и мать? Хо-

Digitized by Google

рошо, если проклятая свинка пройдетъ скоро, какъ сказалъ докторъ; но доктора такіе же человѣки, несмотря на всю ихъ ученость, и не всегда сбываются ихъ предсказанія. Ивана Александровича пуще всего пугала мысль, что въ его отсутствіе къ Беккеру можетъ явиться покупщикъ дома; стоитъ только покупщику дать задатокъ, превышающій тѣ триста рублей, которые Свистулькинъ бережетъ пуще глаза и предназначаетъ для той же цѣли— все пропало тогда! Сообщить Беккерамъ о болѣзни нѣтъ никакой возможности! Добрый Андрей Андреичъ сейчасъ же явится навѣстить больного; письмо можетъ быть безъ адреса, но нынче заведены адресные столы и, стоитъ булочнику узнать о болѣзни знакомаго, онъ непремѣнно отыщетъ его. Другое дѣло, если бъ Иванъ Александровичъ занималъ богатую квартиру, обставленную отличной мебелью, и имѣлъ тѣхъ слугъ, которыми былъ такъ недоволенъ и на которыхъ столько разъ жаловался Беккерамъ. Впрочемъ, тогда Иванъ Александровичъ не имѣлъ бы надобности переписываться съ Беккеромъ, тогда между нимъ и булочникомъ не было бы ничего общаго; онъ врядъ ли даже пустилъ бы тогда какого-нибудь Беккера на порогъ своей квартиры.

Свистулькина тревожила также мысль о предстоящемъ балѣ у Z. Балъ назначенъ въ пятницу: нынче понедѣльникъ, остается всего четыре дня. Ну, какъ не пройдетъ опухоль? Будь другая болѣзнь, онъ не сталъ бы сокрушаться, отправился бы, несмотря ни на какія послѣдствія. Но свинка!.. есть ли возможность явиться въ большой свѣтъ съ признаками болѣзни, у которой такое неблагородное названіе.

При такихъ мысляхъ засталъ его докторъ. Изъ словъ медика оказалось, что дня черезъ три опухоль пройдетъ окончательно и больной будетъ совершенно здоровъ. Иванъ Александровичъ принялся убѣдительно просить доктора навѣстить его черезъ два дня для окончательнаго приговора. Докторъ прописалъ новыя припарки и удалился, обѣщавъ исполнить просьбу. Опухоль уменьшалась съ каждымъ часомъ, прошелъ еще день—и галстукъ à la papillon свободно уже могъ обхватывать шею Свистулькина; отъ свинки оставалась одна лишь слабая тѣнь. Вечеромъ Иванъ Александровичъ вынулъ изъ комода всѣ свои галстуки и, сѣвъ передъ зеркальцемъ, началъ упражняться въ повязываніи бантовъ.

Digitized by Google

„Но послужитъ ли это къ чему-нибудь? пришлютъ ли еще приглашеніе?..“ подумалъ онъ, послѣ чего оставилъ свое занятіе и впалъ въ задумчивость.

Тѣмъ не менѣе, онъ сообщилъ Аннѣ Ивановнѣ, что если, паче чаянія, придетъ лакей съ запиской, то чтобы не впускали его въ комнату; слѣдовало только взять записку и сказать: „хорошо!“

Предоставляю вамъ судить о томъ, что̀ долженъ былъ ощутить нашъ герой, когда на другой день, утромъ, хозяйка квартиры подала ему тщательно-свернутую записку, запечатанную облаткой. Сердце Ивана Александровича забилось сильно и, блѣдный отъ природы, онъ покраснѣлъ какъ клюква, когда глаза его встрѣтили слѣдующія строки, писанныя канцелярскимъ почеркомъ:

„Князь и княгиня Z. покорнѣйше просятъ Ивана Александровича Свистулькина сдѣлать имъ честь, пожаловать къ нимъ въ пятницу на вечеръ...“

Было около четырехъ часовъ пополудни, ровно за два часа до того времени, когда Свистулькинъ просилъ доктора пожаловать. Въ пять часовъ Иванъ Александровичъ торопливо одѣлся и направился къ Беккерамъ...

Помнится мнѣ, докторъ, пользовавшій когда-то Ивана Александровича, очень любилъ разсказывать анекдотъ о томъ, какую штуку сыгралъ съ нимъ одинъ молодой человѣкъ, одержимый свинкой. Докторъ охотно всегда присовокуплялъ къ анекдоту слѣдующее:

— Свинка, говорилъ онъ, — свинка, конечно, опасна: но не знаю, какъ объяснить это—одолженъ ли я особенно какому-нибудь счастью, или чему другому, но только ручаюсь вамъ чѣмъ угодно за свинку! Разъ приглашаютъ меня къ одному весьма значительному человѣку; представьте себѣ—вотъ! присовокупилъ докторъ, показывая на аршинъ отъ горла, — совсѣмъ было задавила его... и что жъ! На третій день утромъ онъ гулялъ по Невскому, какъ ни въ чемъ не бывало, а вечеромъ танцовалъ на балѣ—и танцовалъ, надо замѣтить, до пяти часовъ утра!..

IX.

У Беккеровъ.

Беккеры жили въ собственномъ домѣ и занимали квартиру надъ булочной. Не думайте, чтобы прежнее ихъ но-

Digitized by Google

мѣщеніе, находившееся въ нижнемъ этажѣ и служившее продолженіемъ булочной, оставлено было изъ чувства, свойственнаго разбогатѣвшимъ людямъ—вовсе нѣтъ: Бекерамъ пришлось бы тогда переѣхать двадцать лѣтъ назадъ; а сообразно съ ихъ теперешнимъ состояніемъ, слѣдовало бы занимать бельэтажъ въ двадцать оконъ на улицу. Перемѣщеніе произошло съ весьма недавняго времени, а именно, вскорѣ послѣ выхода Лотхенъ изъ пансіона.

Не слѣдуетъ также заключать, чтобы отдаленіе отъ булочной совершилось вслѣдствіе какихъ-нибудь мечтаній касательно дочери. Вильгельмина Карловна была, можетъ статься, заражена кой-какими аристократическими мыслями, возбужденными тѣмъ, что одна изъ соученицъ Лотхенъ была княгиня, а другая графиня; но Андрей Андреичъ смотрѣлъ на это равнодушно: онъ любилъ дочь, вышедшую изъ пансіона и рисовавшую греческую профиль, ничуть не менѣе того, какъ любилъ ее, когда она чистила миндаль для пряниковъ. Переѣздъ совершился совсѣмъ по другимъ причинамъ: Лотхенъ поминутно жаловалась, что звяканье колокольчика, раздававшееся съ утра до вечера изъ булочной, препятствовало ей заниматься музыкой. Андрей Андреичъ и его супруга, любившіе въ сумеречный часъ послушать вальсъ и поминутно тревожимые колокольчикомъ, раздѣлили мнѣніе дочери; къ этому присоединилось и то еще, что Лотхенъ, отвыкнувшая отъ запаха печенаго хлѣба и жженаго миндаля, начала съ нѣкоторыхъ поръ жаловаться на головную боль. Рѣшено было переѣхать во второй этажъ, который какъ нарочно освободился отъ жильцовъ. Новая квартира была отдѣлана, или, лучше сказать, обставлена съ необычайной простотой, но безъ всякаго вкуса: въ пяти комнатахъ одинъ рояль заслуживалъ вниманія: остальное все заслуживало названія хлама, хоть и отличалось чистотою.

„Непостижимое дѣло! частенько думалъ Иванъ Александровичъ.—И это люди, имѣющіе тысячъ триста въ ломбардѣ! Кто бы повѣрилъ этому! Надо быть я не знаю чѣмъ, чтобы при такомъ состояніи жить хуже всякаго человѣка, получающаго двѣ тысячы жалованья, и вдобавокъ еще, продолжать печь булки и крендели!... Эхъ! эхъ!.. Будь у меня эти деньги, будь половина этихъ денегъ... Квартира—великолѣпіе! вездѣ Гамбсъ и Туръ...

Digitized by Google

бархатъ, ковры, люстры; на конюшнѣ шесть лошадей въ сѣрыхъ яблокахъ, такихъ лошадей, чтобы пѣна такъ вотъ и хлестала подъ удилами!.. карета—просто: фуррр!.. эхъ, да что̀ тутъ толковать, только раздразнить!..“ заключилъ онъ съ досадой.

Но Андрей Андреичъ былъ нѣмецъ, къ тому же человѣкъ простой, необразованный, не понимавшій толку въ кровныхъ лошадяхъ и дорогой мебели; и потому, весьма естественно, не могъ онъ раздѣлять мыслей людей образованныхъ.

Кто-то сказалъ, что описывать квартиру скучно, а читать такія описанія—еще скучнѣе; основываясь на этомъ, перейдемъ къ дѣйствующимъ лицамъ.

Начало смеркаться. Лотхенъ только что встала изъ-за рояля, на которомъ играла безъ умолку три часа; пьесы, выбираемыя ею, съ нѣкоторыхъ поръ отличались необыкновенною меланхоліею; то были по большей части morceaux на слова:—Oh, mon coeur! mon pauvre coeur!—Entends-tu les souffrances de mon âme?—Jeune chevalier, и проч. Весьма натурально, эти morceaux расположили ее сѣсть къ окну и пробудили въ ней желаніе глядѣть, какъ мрачныя осеннія сумерки окутывали улицу и какъ небо постепенно покрывалось зловѣщими облаками. Отдавшись созерцанію облаковъ, она ни разу не взглянула на мать, которая сидѣла на диванѣ въ этой же комнатѣ и вязала перчатки à jour, съ отверстіемъ для каждаго пальца.

— Лотхенъ, сказала Вильгельмина Карловна по-нѣмецки,—о чемъ это ты, мой другъ, задумалась?.. ты бы лучше сыграла что-нибудь... поди, мой ангелъ, сыграй мнѣ „Du lieber Augustin...“ ты знаешь, какъ я это люблю...

— Ахъ, маменька, вы вѣчно съ своими... Лотхенъ не договорила, и прекрасно сдѣлала; нервическое раздраженіе, въ которое повергаетъ молодыхъ дѣвицъ игра меланхолическихъ morceaux, рѣдко внушаетъ пріятныя мысли, и еще рѣже—пріятные отвѣты.

Снисходительная Вильгельмина Карловна замолкла и снова принялась вязать; такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока кухарка не поставила на столъ свѣчей.

— Не понимаю, отчего это такъ долго не идетъ къ намъ Иванъ Александровичъ?.. начала снова мать.

Лотхенъ сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Вотъ пять дней, какъ онъ у насъ не былъ, продолжала мать.—Помнишь, какъ мы встрѣтили его на Невскомъ;

Digitized by Google

онъ сказалъ, что придетъ на другой день... и не пришелъ... ужъ не боленъ ли онъ?..

Лотхенъ положила локти на окно, опустила лицо въ ладони и прижала головой стекло съ такою силой, что еще немножко—и оно бы разлетѣлось вдребезги. Въ самую эту минуту въ передней раздался звонокъ.

— Ну вотъ... не онъ ли!.. произнесла Вильгельмина Карловна, оставляя вязанье, между тѣмъ какъ Лотхенъ оторвалась отъ окна и устремила нетерпѣливые глаза на дверь.

Голосъ Ивана Александровича послышался въ прихожей: „Дома?"—Дома!—и секунду спустя онъ явился въ комнатѣ, занимаемой дамами.

— Вильгельмина Карловна, я совершенно счастливъ... какъ ваше здоровье? произнесъ онъ, ловко расшаркиваясь —Здравствуйте, Шарлотта Андреевна, подхватилъ онъ съ особеннымъ удареніемъ, и протянулъ руку Лотхенъ. Лотхенъ подала ему руку, стараясь принять тотъ совершенно равнодушный видъ, который, по-настоящему, давно бы слѣдовало оставить барышнямъ, ошибочно думающимъ, что равнодушіе это кого-нибудь обманываетъ.

— Скажите пожалуйста, Иванъ Александровичъ, что̀ съ вами было? спросила Вильгельмина Карловна послѣ того, какъ молодой человѣкъ настоятельно потребовалъ свѣдѣнія объ ея здоровьѣ.

— Вѣрно всѣ эти дни были балы и обѣды и Ивану Александровичу было некогда, замѣтила Лотхенъ, дѣлая ударѐніе на послѣднее слово.

— Позвольте васъ поблагодарить за такое мнѣніе обо мнѣ! произнесъ обиженнымъ тономъ гость.—Вы полагаете, что какой-нибудь обѣдъ или балъ могли... еще разъ поблагодарю васъ... позвольте, однокожъ, сказать вамъ... вы ошиблись... я былъ боленъ...

— О?... произнесла мать, качая головою,—видишь ли, Лотхенъ, я говорила тебѣ...

— Да-съ, я былъ боленъ, можно даже сказать, былъ въ двухъ шагахъ отъ смерти, довершилъ Свистулькинъ, выразительно взглядывая на дѣвушку, которая вспыхнула.

— Фуй, фуй!.. какъ это можно... какимъ же это манеромъ? вымолвила мать.

— Я былъ... у меня было... я простудился, жестоко простудился, подхватилъ гость, съ ужасомъ помышляя о свинкѣ.—Доктора̀—ихъ было четверо, цѣлый консиліумъ—

Digitized by Google

единодушно сказали: еще день—и все кончено! Я былъ на волосокъ отъ смерти... да-съ!

— Фуй, фуй, какъ же это такъ, Иванъ Александровичъ?..

— Очень просто-съ, отвѣчалъ гость съ веселостью, которая доказывала, что онъ очень доволенъ былъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на молодую дѣвушку.—Въ тотъ день, какъ имѣлъ я удовольствіе встрѣтить васъ на Невскомъ, я поѣхалъ вечеромъ на балъ къ княгинѣ... N. Жаръ нестерпимый... выхожу, на лѣстницѣ попадается пріятель... нѣкто N. N., я попросилъ его довезти меня домой... мы живемъ другъ подлѣ друга... Мы сѣли и такъ заболтались дорогой, что не замѣтили окна, которое во все время было отворено... должно быть, мнѣ надуло въ грудь...

— Какая неосторожность!.. ахъ, Иванъ Александровичъ! Иванъ Александровичъ!

— Что такое, Вильгельмина Карловна?

— Эти балы и вся эта жизнь, которую вы ведете, не кончатся добромъ... я и мужъ сколько разъ говорили вамъ объ этомъ... замѣтила нѣмка съ родственнымъ участіемъ.

— Кому вы это говорите! со вздохомъ вымолвилъ гость.—Кому вы это говорите, почтеннѣйшая Вильгельмина Карловна! подхватилъ онъ, устремляя грустный взглядъ сначала на мать, потомъ на дочь.—Что-жъ можетъ быть хорошаго въ этихъ ночахъ, проведенныхъ безъ сна!.. и хорошо если въ одну, двѣ, три такихъ ночи, но нѣтъ: каждая ночь проводится въ душныхъ залахъ, освѣщенныхъ тысячами свѣчей, наполненныхъ народомъ! Впрочемъ, надо правду сказать, продолжалъ онъ, какъ бы смягчаясь,—балы еще ничего, они не такъ разрушительно дѣйствуютъ, какъ обѣды... Вотъ, Вильгельмина Карловна, что̀ губитъ нашего брата! подхватилъ онъ съ ожесточеніемъ.—Всѣ эти тонкія, изысканныя блюда... какой-нибудь подадутъ вдругъ супъ à la Ménéhoult, или пломбьеръ: все это яды, да — яды, потому что на этихъ гастрономическихъ обѣдахъ рѣшительно ѣшь иногда—ядъ! Все искусство, ни одного кусочка нѣтъ натуральнаго... подаютъ ли говядину — требуютъ, чтобъ она непремѣнно имѣла вкусъ рыбы; подаютъ рыбу—требуютъ вкусъ говядины... Вотъ это-то именно и губитъ нашего брата!.. Позвольте закурить папироску! добавилъ онъ неожиданно, на что тотчасъ же получилъ позволеніе.

Digitized by Google

— O Gott! o Gott! произнесла госпожа Беккеръ, съ участіемъ глядя на гостя.

— Скажите, какъ здоровье Андрея Андреича?.. началъ Свистулькинъ.—Да вотъ кажется и онъ... сказалъ онъ, подымаясь съ дивана.

И точно, въ сосѣдней комнатѣ послышались тяжелые шаги, и не успѣлъ гость пустить двухъ клубовъ дыма, какъ хозяинъ появился на порогѣ и протянулъ ему руку.

Мы никогда не видали и не увидимъ такого громаднаго булочника, какъ Андрей Андреичъ Беккеръ; ростъ, сила и здоровье десятерыхъ рослыхъ, сильныхъ и здоровыхъ людей соединились въ этомъ человѣкѣ съ короткой, бѣлой какъ мука шеей, съ круглой головою, покрытой густыми бѣлокурыми кудрями. На немъ была бѣлая холстяная куртка, такой же жилетъ и панталоны, изъ-подъ которыхъ выглядывали монументальныя ступни, обутыя въ башмаки; все это, вмѣстѣ взятое, дѣлало Андрея Андреича чрезвычайно похожимъ на знаменитаго бѣлаго слона, которымъ такъ справедливо гордился сіамскій король. Добродушіе выглядывало изъ каждой черты его широкаго, румянаго лица; толстыя губы его, постоянно оживленныя улыбкой, краснорѣчиво подтверждали доброту и мягкость его нрава; Андрей Андреичъ былъ дѣйствительно добръ и мягокъ, какъ неклеванный хлѣбъ, только что вынутый изъ печки.

— Вотъ, почтеннѣйшій Андрей Андреичъ, произнесъ Свистулькинъ, горячо пожавъ руку Беккера и усѣвшись подлѣ него на диванѣ,—вотъ ваши дамы, Андрей Андреичъ, не перестаютъ бранить меня... онѣ рѣшительно на меня нападаютъ...

— О! проговорилъ Беккеръ, выпучивая оловянные глаза и улыбаясь.

— Да, нападаютъ, подхватилъ любезничая гость,—дѣло въ томъ, однакожъ, что онѣ справедливо нападаютъ... Согласитесь сами, могу ли я въ настоящемъ своемъ положеніи бросить общество, не ѣздить на вечера, отказываться отъ обѣдовъ?.. Я уже сколько разъ говорилъ вамъ объ этомъ: мое положеніе таково; никакъ нельзя! Все зависитъ отъ положенія, подхватилъ онъ, неожиданно принимая спокойно-разсудительный топъ.—Будь я человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, или женатый... другое дѣло! Но молодому человѣку невозможно жить иначе... мы зависимъ отъ общества! да, зависимъ!.. Да вотъ, чего же еще лучше,

Digitized by Google

я сейчасъ могу доказать вамъ, присовокупилъ онъ, вынимая изъ кармана приглашеніе княгини, — вотъ, взгляните сами, если не вѣрите... Я еще болѣнъ... чувствую, что далеко еще не поправился, а долженъ ѣхать, непремѣнно долженъ, и поѣду; зоветъ... Какъ же не ѣхать, какъ не ѣхать, когда прежде бывалъ у ней почти каждый день! добавилъ Иванъ Александровичъ и подалъ записку.

Приглашеніе, переходя изъ рукъ въ руки, произвело на каждаго изъ присутствующихъ различное дѣйствіе: Вильгельмина Карловна оставила свое вязанье и, потряхивая бантами на головѣ, съ гордостью посматривала на гостя; Андрей Андреичъ, говорившій вообще очень мало, неопредѣленно улыбался и потряхивалъ головою; Лотхенъ старалась принять видъ глубокаго равнодушія, но пальцы ея, досадливо комкавшіе записку, измѣнили ей.

— Да, боленъ, чувствую, что еще боленъ, а долженъ ѣхать, и поѣду! продолжалъ между тѣмъ Иванъ Александровичъ, съ грустью, весьма близкою къ досадѣ,— поѣду, несмотря на страшную скуку, которая меня тамъ ожидаетъ... Но что скука? я боленъ, боленъ душевно и физически, и все-таки поѣду... таковы условія нашего общества!..

Андрей Андреичъ неодобрительно тряхнулъ головою и пропустилъ сквозь зубы какой-то жалобный звукъ; взгляды Вильгельмины Карловны, устремившіеся на молодого человѣка, выражали участіе; Лотхенъ бросила записку на окно, отвернулась и задумчиво наклонила голову.

Иванъ Александровичъ украдкою обвелъ глазами отца, мать и дочь, и вдругъ повеселѣлъ. Къ такому благопріятному расположенію не мало подѣйствовалъ чай и превосходная сдобная баба съ миндалемъ и коринкой, которую поставила на столъ кухарка. Во все продолженіе чайной операціи онъ былъ разговорчивъ и любезенъ, какъ только можетъ быть любезенъ человѣкъ, который, чувствуя свое превосходство надъ людьми, пользуется тѣмъ не менѣе случаемъ произвести на нихъ самое выгодное впечатлѣніе. Старикъ Беккеръ слушалъ однакожъ разсѣянно разсказы своего гостя; онъ, конечно, улыбался и одобрительно потряхивалъ головою, но чаще потиралъ лобъ, какъ бы обдумывая что-то.

— Иванъ Александровичъ. сказалъ онъ наконецъ, вы-

Digitized by Google

бравъ минуту, когда разсказчикъ остановился,—намъ надо поговорить о дѣлѣ...

— Ахъ, съ величайшимъ удовольствіемъ, почтеннѣйшій Андрей Андреичъ, произнесъ Свистулькинъ, посылая ему одну изъ тѣхъ очаровательныхъ улыбокъ, которыя служатъ всегда прикрытіемъ внутренняго волненія.

— Безъ васъ приходилъ ко мнѣ покупщикъ, сказалъ булочникъ.

— А! вымолвилъ Свистулькинъ, лицо котораго побагровѣло и омрачилось, но онъ поспѣшилъ кашлянуть и показалъ видъ, что проглотилъ слишкомъ большой кусокъ бабы.

— Да, и я очень радъ, что вы пожаловали сегодня, продолжалъ Беккеръ, — мнѣ хотѣлось узнать ваше намѣреніе... покупщикъ желаетъ кончить скорѣе... и даже предлагалъ вчера задатокъ...

— Если только въ этомъ дѣло, торопливо сказалъ Свистулькинъ,—мы сейчасъ же... сію минуту... напрасно вы прежде не сказали мнѣ... Не знаю только, взялъ ли я съ собою столько денегъ...

При этомъ, Иванъ Александровичъ, мысленно благословлявшій тѣ триста рублей, которые удалось ему сберечь для этого случая и которые находились теперь въ его карманѣ, вынулъ бумажникъ.

— Все равно, Иванъ Александровичъ, все равно... въ другое время... мнѣ хотѣлось только знать ваше намѣреніе... сказалъ Беккеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, почтеннѣйшій и многоуважаемый Андрей Андреичъ, съ живостью перебилъ гость, — не думайте, чтобъ я въ самомъ дѣлѣ былъ такъ вѣтренъ и опрометчивъ... я знаю, вы такого мнѣнія обо мнѣ, вы и Вильгельмина Карловна... и... но въ дѣлахъ я аккуратенъ... нѣтъ, пожалуйста... прошу васъ... Все равно, рано или поздно, надо же будетъ отдавать деньги... не знаю только, сколько у мена здѣсь... мм... м... сто... мм... двѣсти... мм... триста рублей, бездѣлица... и этого недостаточно для задатка...

— О! очень довольно... мнѣ хотѣлось только узнать ваше намѣреніе... довольно вашего слова... проговорилъ булочникъ, складывая деньги и благодаря гостя.

Каждый пойметъ, что это обстоятельство сильно способствовало къ тому, чтобы всѣ развеселились; каждый

Digitized by Google

изъ присутствующихъ имѣлъ свои причины радоваться окончанію дѣла; но болѣе всѣхъ, конечно, радовался Иванъ Александровичъ. Онъ разсказалъ множество анекдотовъ и представилъ нѣсколько комическихъ сценъ, совершившихся преимущественно на знаменитыхъ балахъ и обѣдахъ большого свѣта, а такъ какъ Иванъ Александровичъ всегда былъ дѣйствующимъ лицомъ, то, естественно, анекдоты и сцены получали еще больше интереса; въ числѣ анекдотовъ, разсказанныхъ имъ, особенно понравился тотъ, который имѣлъ предметомъ Пейпусова и Фурно. Иванъ Александровичъ описалъ наружность дѣйствующихъ лицъ, ихъ костюмъ, голосъ, выраженія, пріемы, и съ такимъ неподражаемымъ комизмомъ описалъ отчаяніе Фурно, обманутаго Пейпусовымъ, что добродушный Андрей Андреичъ чуть не задохнулся отъ смѣха. Затѣмъ Свистулькинъ, любезность котораго усиливалась вмѣстѣ съ веселостью, началъ просить Лотхенъ сыграть что-нибудь на роялѣ; Лотхенъ долго отказывалась; она, казалось, все еще не могла простить Ивану Александровичу дружбу его съ княгиней; но отецъ взялъ ее подъ одну руку, мать подъ другую и силою почти повлекли ее къ роялю.

Съ утонченною услужливостью, свойственною лишь молодымъ людямъ того круга, который посѣщался Свистулькинымъ, онъ кинулся со всѣхъ ногъ къ инструменту, открылъ его, поставилъ свѣчки по бокамъ и пододвинулъ табуретъ молодой дѣвушкѣ; послѣ этого перешелъ онъ на другой конецъ рояля, опустился на локти, украдкою провелъ нѣсколько разъ языкомъ по губамъ и впился глазами въ глаза Лотхенъ, которая тотчасъ же отвернулась, но взяла однакожъ меланхолическій аккордъ. Свистулькинъ мгновенно выпрямился, обернулся къ Беккеру и его супругѣ, извинился, что сталъ къ нимъ спиною, и граціозно выступая на цыпочкахъ подъ тактъ музыки, расположился за стуломъ виртуозки и скорчилъ восторженную физіономію.

Воцарилось мертвое молчаніе. Лотхенъ взяла еще аккордъ, потомъ еще аккордъ, который былъ несравненно слабѣе перваго; потомъ пальцы ея неопредѣленно какъ-то скользнули по клавишамъ, и въ ту минуту, какъ кавалеръ, стоявшій за ея стуломъ, думалъ услышать страстный музыкальный намекъ, долженствовавшій выразить чувства прекрасной виртуозки къ кавалеру, стоявшему за ея сту-

Digitized by Google

ломъ,—Лотхенъ закрыла вдругъ лицо руками и залилась истерическимъ воплемъ.

Иванъ Александровичъ сдѣлалъ отчаянный прыжокъ, сопровождавшійся не менѣе отчаяннымъ жестомъ, и вдругъ закричалъ: „спасите!“ такимъ голосомъ, который рѣдко даже удается слышать на трагическихъ сценахъ; послѣ этого мгновенно вынулъ онъ изъ кармана платокъ и приложилъ его къ глазамъ своимъ. Вильгельмина Карловна и Андрей Андреичъ давно уже были подлѣ дочери. На крикъ и шумъ прибѣжала кухарка, а слѣдомъ за ней явился подмастерье изъ булочной, который ловилъ каждую удобную минуту, чтобы сидѣть съ кухаркой: рыдающую Лотхенъ подняли на руки и торжественно понесли въ спальню. Андрей Андреичъ закрывалъ шествіе. Но Свистулькинъ, успѣвшій въ это время натереть глаза до-красна и встрепать себѣ волосы, остановилъ его въ дверяхъ.

— Андрей Андреичъ, сказалъ онъ, дыша съ особеннымъ напряженіемъ и дико блуждая глазами,—Андрей Андреичъ, я долженъ съ вами объясниться!..

— Извините... Иванъ Александровичъ... вы видите was für ein... o Gott! o Gott... я сейчасъ приду...

— Нѣтъ, Андрей Андреичъ, теперь — или никогда! энергически произнесъ Иванъ Александровичъ.—Теперь или никогда! добавилъ онъ съ твердостью, внушенною сознаніемъ, что теперь именно настала рѣшительная минута. — Андрей Андреичъ, успокойтесь, умоляю васъ... ваше сердце, я понимаю... успокойтесь, сядьте и выслушайте меня... Вы можете дунуть и убить человѣка...

Въ этомъ не было сомнѣнія, особенно если человѣкъ, о которомъ шла рѣчь, былъ такъ же жалко надѣленъ физически, какъ Иванъ Александровичъ. Андрей Андреичъ, недоумѣвающіе глаза котораго переходили отъ двери, куда унесли Лотхенъ, къ отчаянному лицу гостя, повиновался и сѣлъ.

— Андрей Андреичъ, началъ Свистулькинъ, садясь подлѣ и схвативши его руку, — вы, можетъ-быть, ужъ замѣтили, можетъ-быть, даже знаете... и Вильгельмина Карловна также... и всѣ... Андрей Андреичъ!.. Я люблю, я страстно люблю вашу дочь!.. Я обожаю ее... и имѣю, скажу откровенно, имѣю причины думать, что она раздѣляетъ мои чувства... Вы были свидѣтелемъ... эти слезы... это... все это вамъ доказываетъ... О! не убивайте!.. не

Digitized by Google

убивайте!.. подумайте о послѣдствіяхъ... вспомните только, сколько погибло молодыхъ людей... молодыхъ дѣвушекъ, которымъ препятствовали вступить въ брачный союзъ... Все это говорю я не для себя... что я?—что мнѣ?.. Говорю для нея... у ней такая слабенькая грудь... такіе нервы, вы знаете...

— O Gott! o Gott! простоналъ Андрей Андреичъ, едва переводя духъ.

— Спасите ее и меня... она и я, мы оба можемъ погибнуть... Андрей Андреичъ! Я прошу у васъ руки вашей дочери! заключилъ Иванъ Александровичъ, вскакивая съ дивана и дѣлая движеніе человѣка, который готовъ поразить себя смертельнымъ ударомъ въ случаѣ неудачи.

Потрясеніе, испытанное Андреемъ Андреичемъ въ эти десять минутъ, было единственнымъ потрясеніемъ въ его мирной жизни, и потому, весьма натурально, ему потребовалось нѣсколько минутъ, чтобы придти въ себя; наконецъ, онъ тяжело поднялся на монументальныя ступни свои и, потирая лобъ, сказалъ съ замѣтнымъ смущеніемъ:

— Позвольте мнѣ переговорить съ женою...

— Такъ, стало-быть, вы согласны? воскликнулъ Свистулькинъ, приготовляясь броситься въ объятія булочника.

— Надо переговорить съ женою, повторилъ Андрей Андреичъ,— вы понимаете, Иванъ Александровичъ, это такое важное дѣло... надо посовѣтоваться, подумать...

— Подумать!.. конечно... впрочемъ и безъ того уже не слишкомъ ли мы долго думали! возразилъ Иванъ Александровичъ, выразительно указывая на дверь, куда вынесли Лотхенъ.—Андрей Андреичъ, повторяю вамъ, я прошу руки вашей дочери!.. Согласны вы—да или нѣтъ... заключилъ онъ, снова принимая трагическую позу.

— Вы понимаете, Иванъ Александровичъ, если бъ это отъ меня... я... но мнѣ, право, нельзя сказать... надо посовѣтоваться... ваше предложеніе дѣлаетъ намъ большую честь... но надо подумать... промолвилъ Беккеръ, перепося свои мысли къ женинымъ братьямъ, Карлу портному и Готлибу сапожнику, свѣтскою опытностью которыхъ онъ всегда дорожилъ.

— Ну, хорошо, проговорилъ Иванъ Александровичъ примирительно,—хорошо; сегодня четвергъ, завтра пятница... въ субботу я приду за отвѣтомъ!.. Подумайте о послѣдствіяхъ, почтеннѣйшій Андрей Андреичъ; одно повторяю: подумайте о ея слабомъ здоровьѣ... вы видѣли...

Digitized by Google

сами видѣли... Но довольно; я васъ не задерживаю... я понимаю какъ нельзя лучше теперешнее ваше положеніе... а, наконецъ, и самъ—вы понимаете—самъ слишкомъ взволнованъ!.. До свиданія, до субботы!..

Проговоривъ все это торопливо-взволнованнымъ голосомъ, Свистулькинъ взялъ шляпу, горячо пожалъ руку Беккера, все еще стоявшаго на мѣстѣ въ оцѣпенѣніи, и выбѣжалъ изъ квартиры его. Въ томъ состояніи чувствъ, въ какомъ находился нашъ герой, свѣжій воздухъ долженъ былъ принести ему значительную пользу; и точно, едва очутился онъ на тротуарѣ, какъ волненіе его мгновенно уступило мѣсто самой неукротимой восторженности.

— Дѣло въ шляпѣ! произнесъ онъ почти громко, махнулъ рукою и сдѣлалъ прыжокъ.—А ты, любезный, подхватилъ онъ неожиданно, поворачиваясь къ дому и направляя глаза къ золотому кренделю, который висѣлъ надъ дверьми и блисталъ передъ фонаремъ,—тебѣ существовать не долго! Ужъ какъ они себѣ тамъ хотятъ, а чтобъ кренделя этого не было! развѣ наймутъ намъ другую квартиру!..—Извозчикъ! заключилъ Иванъ Александровичъ такимъ громовымъ голосомъ, что пѣшеходы, шедшіе въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ улицы, вздрогнули и повернулись въ его сторону.

Свистулькинъ нанялъ извозчика безъ торгу, сѣлъ, сказалъ ему улицу, гдѣ жилъ, и, запрятавъ лицо въ cache-nez, закрылъ глаза и приказалъ ѣхать.

Никогда еще воображеніе нашего героя не работало такъ сильно подъ вліяніемъ восторженныхъ ощущеній; оно, казалось, теперь только вполнѣ созрѣло и распустило крылья. Воображеніе Ивана Александровича, сорвавъ ненавистный золотой крендель, воздвигло на его мѣстѣ какой-то пестрый гербъ, который прямо пришелся надъ чугуннымъ великолѣпнымъ подъѣздомъ, заступившимъ мѣсто дверей въ булочную; дѣйствіемъ того же воображенія, булки, сухари и ватрушки, украшавшіе окно нижняго этажа, превратились въ тучнаго швейцара съ булавою, расхаживающаго по прихожей Z.; Иванъ Александровичъ увидѣлъ себя потомъ въ магазинѣ Тура; потомъ въ собственномъ домѣ дающимъ великолѣпный обѣдъ господину въ черныхъ бакенахъ, встрѣченному когда-то у Фурно, его тремъ собесѣдникамъ и графу Слапачинскому. Воображеніе, пущенное такимъ образомъ во весь карьеръ, не могло, конечно, скоро остановиться: оно понесло Ивана

Digitized by Google

Александровича по Невскому, сначала въ каретѣ, потомъ пѣшкомъ; носило его по аллеямъ Лѣтняго сада и по Елагину острову, представляло ему залу Большого театра, сотню биноклей, устремленныхъ исключительно на его брильянтовую булавку, величиною съ грецкій орѣхъ, представляло ему Карла и Готлиба Шамбахеровъ, трепетно ожидающихъ въ передней и униженно просящихъ возвратить имъ его практику; онъ наслаждался уже раскаяньемъ враговъ своихъ и готовился произнести грозное, безпощадное „вонъ!"—когда извозчикъ остановился и сказалъ, что пріѣхали.

X.

Балъ.

Весь слѣдующій день посвященъ былъ приготовленіямъ къ знаменитому балу. Приготовленія со стороны Свистулькина требовали сильнаго умственнаго напряженія: надлежало привести въ память всѣ впечатлѣнія, собранныя въ парикмахерскихъ—единственномъ мѣстѣ, гдѣ приводилось ему встрѣчать великосвѣтскихъ людей, готовящихся отправиться на балъ; зажмуривъ глаза и насупивъ лобъ, Иванъ Александровичъ истощалъ всѣ силы своего воображенія, повѣряя эти впечатлѣнія и представляя себѣ ясно и отчетливо бальный костюмъ. Легко было спутаться въ своихъ воспоминаніяхъ и сдѣлать грубѣйшую, непростительную ошибку; ничего не значило, напримѣръ, сбиться въ покроѣ жилета или принять галстучный бантъ, повязанный такимъ способомъ, за галстучный бантъ, повязанный другимъ способомъ и предназначенный совсѣмъ для другой цѣли. Но не одинъ туалетъ тревожилъ нашего героя; слѣдовало также обдумать пріемы.

Всякій, кому случалось являться первый разъ на многолюдномъ вечерѣ или случалось играть безъ привычки на домашнемъ театрѣ, помнитъ, вѣроятно, въ какое страшно затруднительное положеніе ставятъ всегда собственныя руки и ноги. Иванъ Александровичъ провелъ большую часть утра, дѣлая мимическія упражненія; поставивъ посреди комнаты, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, стулъ и столъ, долженствовавшіе изображать дверь бальной залы, онъ совершилъ нѣсколько торжественныхъ входовъ и выходовъ, сопровождавшихся граціозными поклонами; затѣмъ, онъ опускалъ руку на спинку стула,

Digitized by Google

закидывалъ правую ногу назадъ и, слегка покачиваясь корпусомъ, наклонялъ голову, какъ бы разговаривая съ кѣмъ-то, сидѣвшимъ на стулѣ. Проведя такимъ образомъ минуты двѣ, онъ ловко придвигалъ стулъ и садился, соблюдая при этомъ, чтобы лѣвая нога его вытягивалась наискось отъ правой. Поставленный въ нѣкоторое замѣшательство касательно роли, которую должны были играть руки, онъ вооружился шляпой и, найдя это весьма удобнымъ, далъ себѣ слово не разлучаться со шляпой во все продолженіе предстоящаго вечера. Рѣшивъ такимъ образомъ трудную задачу бальнаго костюма и великосвѣтскихъ пріемовъ, Иванъ Александровичъ перешелъ къ разговору и началъ обдумывать изящныя фразы. На этотъ разъ, къ великому удивленію своему, онъ сталъ въ совершеннѣйшій тупикъ и сколько ни бился, ничего не придумалъ удовлетворительнаго.

— Но что жъ я за дуракъ, что жъ я за оселъ, что стану пускаться въ разговоры! воскликнулъ онъ, потерявъ наконецъ терпѣніе.—Меня никто тамъ не знаетъ; я также никого не знаю... наконецъ, пятьсотъ человѣкъ, можетъ быть, больше... гдѣ тутъ замѣтить! какіе тутъ разговоры!.. Главная вещь попасть туда и посмотрѣть... посмотрѣть, что и какъ у нихъ тамъ на этихъ балахъ.

Успокоивъ себя такимъ доводомъ, Иванъ Александровичъ началъ одѣваться; было около пяти часовъ пополудни; въ восемь часовъ, то-есть ровно за три часа до начала бала, Свистулькинъ былъ готовъ; оставалось сходить къ куаферу завиться и надѣть перчатки. Бросивъ испытующій взглядъ въ зеркальце, Иванъ Александровичъ высунулъ голову изъ дверей своей комнаты и позвалъ хозяйку: заслышавъ шаги Анны Ивановны, онъ торопливо поставилъ свѣчку на столъ, взялъ шляпу въ правую руку и, ставъ въ самомъ выгодномъ мѣстѣ, принялъ позу.

— Ахъ, батюшка! да что жъ это вы всѣ въ черномъ! неужто такъ и поѣдете?.. воскликнула Анна Ивановна.— Хоть бы галстучекъ пестренькій повязали... словно на похороны собрались...

— Такъ принято, Анна Ивановна, такъ принято... проговорилъ жилецъ, выставляя правую ногу впередъ и стараясь придать каждому слову, каждому движенію, особенную какую-то пріятность. Онъ опустилъ правую руку на спинку стула и покачнулся корпусомъ.

Digitized by Google

— Вы извините меня, Анна Ивановна, если я васъ побезпокоилъ, подхватилъ Свистулькинъ съ такою любезностью, какъ будто передъ нимъ стояла не Анна Ивановна, а сама княгиня Z.,—извините меня... мнѣ хотѣлось узнать, какая погода... сухо или сыро?..

— Сухохонько, батюшка... никакъ даже морозъ... да что это съ вами, батюшка?.. прибавила хозяйка, оглядывая съ удивленіемъ жильца.

— А что? спросилъ Свистулькинъ, граціозно изгибая корпусъ и пріятно улыбаясь.

— Да вы, Иванъ Александровичъ, и говорите-то совсѣмъ по-другому: не узнать васъ никакъ... совсѣмъ другой стали.

— Это вамъ такъ кажется, Анна Ивановна... туалетъ точно измѣняетъ человѣка... я говорю впрочемъ такъ, какъ говорятъ тамъ у насъ всѣ... вы къ этому, конечно, не привыкли и потому васъ это удивляетъ... заключилъ жилецъ, отвѣшивая церемонный поклонъ и прижимая шляпу къ груди.

Послѣ этого онъ сказалъ, что Анна Ивановна ему больше не нужна и можетъ идти.

„Нѣтъ, дѣло, кажется, пойдетъ на ладъ, подумалъ онъ, какъ только вышла хозяйка; — и наконецъ я не ослѣпъ—буду наблюдать: какъ другіе дѣлаютъ, такъ и я буду дѣлать... скверно, однакожъ, что морозно!.. опять бы не застудить горла... надѣть платокъ нѣтъ уже теперь возможности, воротнички сомнешь... авось, сойдетъ... Пора однакожъ, пора!“

Надѣвая пальто, Свистулькинъ обнаружилъ такую осторожность, какъ-будто малѣйшее движеніе должно было лишить его жизни: не поворачивая головы, не трогаясь ни однимъ членомъ, онъ вышелъ изъ комнаты, локтемъ толкнулъ дверь и вступилъ въ коридоръ. Двѣ, три головы, принадлежавшія остальнымъ жильцамъ Анны Ивановны, высунулись изъ разныхъ дверей; но Иванъ Александровичъ сдѣлалъ видъ, какъ-будто не замѣчаетъ ихъ, и гордо прошелъ мимо. Онъ остановился однакожъ подлѣ комнаты хозяйки и, давъ ей замѣтить, что вернется домой не раньше пятаго часа утра, исчезъ на лѣстницѣ.

Морозъ былъ точно порядочный, но Свистулькинъ принялъ свои мѣры противъ холода; онъ заблаговременно вооружился терпѣніемъ; что жъ касается до звѣздъ, которыя сверкали на небѣ, онъ не взглянулъ на нихъ; и

Digitized by Google

въ самомъ дѣлѣ, что̀ значили эти звѣзды, которыми могъ любоваться каждый извозчикъ, что̀ могли значить онѣ, передъ звѣздами, которыя надѣялся увидѣть Иванъ Александровичъ на балѣ у Z.!

Онъ прямо направился къ парикмахеру; а такъ-какъ въ Петербургѣ столько же парикмахеровъ, сколько въ Москвѣ трактировъ—ему пришлось искать недолго.

— Monsieur va sans doute au bal?.. Такимъ вопросомъ встрѣтилъ его куаферъ.

— Да... подлѣ... тутъ на Фонтанкѣ... небрежно отвѣчалъ Свистулькинъ, оглядывая себя въ зеркало.—Большой такой домъ съ подъѣздомъ... вы вѣрно знаете... домъ княгини Z... у ней балъ сегодня...

— Connais pas m-sieur... mais ça ne fait rien, tout de même... veuillez prendre place, monsieur... мальшикъ—шипси! довершилъ куаферъ, подавая стулъ и ловко окутывая посѣтителя холстянымъ балахономъ.

Французъ загремѣлъ ножницами и, безъ сомнѣнія, сообщилъ бы много интереснаго, касательно Рашели и современной политики, если бъ Свистулькинъ, проникнутый въ этотъ вечеръ чувствомъ собственнаго достоинства, не освѣдомился свысока о томъ, много ли въ Парижѣ парикмахеровъ. Вопросъ этотъ озадачилъ куафера; онъ отступилъ шагъ, тряхнулъ напомаженной головой и возразилъ рѣзко:

— Oui, monsieur, il y a beaucoup d'artistes en cheveux!

Послѣ чего артистъ снова приблизился къ посѣтителю, потребовалъ щипцы и принялся завивать его; но не проронилъ уже слова и во все время обнаруживалъ столько же почти достоинства, сколько самъ Свистулькинъ.

Отъ куафера Иванъ Александровичъ зашелъ къ перчаточницѣ.

— Quelle couleur désire monsieur... blanc? paille? beurre frais?..

— Monsieur va sans doute au bal? спросила француженка, расправляя перчатки.

— Да... подлѣ... тутъ на Фонтанкѣ... пояснилъ Иванъ Александровичъ... Большой домъ... съ подъѣздомъ... вы вѣрно знаете... домъ княгини Z... у ней балъ сегодня... вы вѣрно знаете...

— Comment donc... très-bien... la princesse vient tout les jours chez nous... любезничая возразила француженка, хотя не знала навѣрное, о комъ шла рѣчь.

Digitized by Google

На Думѣ било девять, когда Иванъ Александровичъ вышелъ на улицу. Было еще рано ѣхать; но Свистулькинъ, движимый нетерпѣливымъ безпокойствомъ, которое усиливалось по мѣрѣ приближенія дома, направился къ биржѣ и нанялъ карету. Онъ приказалъ ѣхать къ княгинѣ, но далъ замѣтить извозчику, чтобъ онъ не слишкомъ однакожъ торопился. Подъѣхавъ къ дому, онъ увидѣлъ, что тамъ царствовалъ совершенный мракъ; въ одномъ только окнѣ бельэтажа, сквозь кисейныя занавѣси, мелькалъ рядъ огней, которые свидѣтельствовали, что начали зажигать первую люстру. Иванъ Александровичъ успокоился; тѣмъ не менѣе сидѣлъ онъ какъ истуканъ и рѣшительно не зналъ, что̀ ему дѣлать и куда дѣваться до начала бала. Ждать за угломъ условнаго часа онъ не могъ: онъ и безъ того уже страшно прозябъ и принужденъ даже былъ крѣпко стискивать зубы, чтобы они не щелкали. Пальцы его, обтянутые перчаткой, окоченѣли, горло и грудь ныли отъ холода. Нечего было думать прибѣгнуть къ какому-нибудь согрѣвающему моціону; одно неосторожное движеніе могло смять воротнички рубашки или повредить галстучному банту. Какъ быть? куда дѣваться?.. Свистулькинъ приказалъ вернуться на Невскій и остановился противъ Пассажа. Войдя въ кафе, онъ спросилъ стаканъ чаю и расположился за особымъ столомъ.

— Посмотрите, шепнулъ какой-то лысоголовый господинъ, нагибаясь къ своему сосѣду, сидѣвшему неподалеку отъ Свистулькина.—Посмотрите, подхватилъ онъ, не замѣчая, что каждое его слово доходитъ до слуха Свистулькина,—вотъ этотъ молодой человѣкъ... видите... судя по костюму, онъ ѣдетъ на балъ... похоже ли на то, а? Помните, мы ѣзжали на балъ — вчужѣ радовались, на насъ глядя!.. чуть не до потолка скакали отъ радости! настоящіе были молодые люди!.. Нѣтъ, нынче не то; точно право старики какіе-то... ѣдетъ на балъ и зѣваетъ...

Иванъ Александровичъ поспѣшилъ зѣвнуть, протянулъ лѣниво ноги и скорчилъ сонливую, недовольную физіономію.

— Ей Богу, зѣвнулъ! подхватилъ тотъ-же лысоголовый господинъ.—Вотъ молодежь-то, а?.. просто какіе-то разочарованные, преждевременно отжившіе люди...

При этомъ Иванъ Александровичъ испустилъ глубокій вздохъ, потянулся, окинулъ мрачнымъ взоромъ, позвонилъ мальчика, расплатился и, [illegible] чѣмъ довершить ре-

Digitized by Google

путацію Чайльдъ-Гарольда, покинулъ кафе, дѣлая видъ, какъ бы съ трудомъ волочитъ за собою ноги. Онъ оживился однакожъ, когда вступилъ въ Пассажъ и очутился посреди гуляющихъ; но оживленіе его не было продолжительно; мысль, что воротнички, жилетъ и галстучный бантъ пострадаютъ въ толпѣ, заставила его скорѣе подняться во второй этажъ; тамъ царствовала, какъ и всегда, смертная скука; взволнованный ожиданіемъ, Свистулькинъ то и дѣло смотрѣлъ на часы; онъ рѣшилъ наконецъ, что пора ѣхать, покинулъ Пассажъ, сѣлъ въ карету и направился къ Фонтанкѣ.

Окна Z. горѣли уже огнями; но не было еще ни одной кареты у подъѣзда.

„Нѣтъ, видно рано еще! съ отчаяніемъ подумалъ Свистулькинъ.—Ахъ, Боже мой! Боже мой!.. куда-жъ дѣваться?"—Пошелъ къ Симеону! заключилъ онъ, выражая досаду свою голосомъ, потому что самъ не смѣлъ пошевельнуться.

На этотъ разъ кондитерская Рязанова приняла подъ гостепріимный кровъ свой простодушнаго Свистулькина. Онъ провелъ тутъ цѣлыхъ полтора часа, разнообразя время тѣмъ лишь, что каждыя пять минутъ подходилъ къ камину и смотрѣлъ на часы. Наконецъ пробило одиннадцать. „Пора!" промолвилъ Иванъ Александровичъ, и вдругъ почувствовалъ, что сердце его какъ будто дрогнуло. Онъ поспѣшилъ побѣдить въ себѣ такую слабость. Карета его покатила въ третій разъ къ Фонтанкѣ. Прошло десять минутъ неловкаго ожиданія, и вдругъ карета остановилась, задержанная другими каретами, которыя тѣснились у готическаго подъѣзда.

Съ этой минуты вплоть до того времени, когда дошла до него очередь, Иванъ Александровичъ сохранилъ присутствіе духа; и если зубы его щелкали немилосерднѣйшимъ образомъ, по всему тѣлу пробѣгала дрожь и дрожали колѣни, такъ это происходило единственно отъ холода. Онъ точно смутился, можно даже сказать, почувствовалъ сильную робость, но это случилось не прежде, какъ когда онъ вошелъ въ швейцарскую, снялъ пальто и очутился во фракѣ.

Подобно влюбленному, который бѣжитъ на свиданье, обдумывая монологи и страстныя объясненія самаго побѣдительнаго свойства, и вдругъ становится тупѣе пробки въ критическую минуту, Иванъ Александровичъ расте-

Digitized by Google

рался совершенно; куда дѣвались тѣ граціозныя движенія и щегольскіе пріемы, которые такъ восхищали его утромъ и такъ справедливо изумляли Анну Ивановну! Ноги его словно приросли къ полу: швейцарская, освѣщенная множествомъ лампъ, обставленная растеніями и наполненная лакеями въ блестящихъ ливреяхъ, мелькала передъ нимъ какъ въ туманѣ.

„Ужъ не пойти ли лучше назадъ?“ подумалъ Иванъ Александровичъ, боязливо оглядывая широкую и безконечно длинную парадную лѣстницу.

По обѣимъ сторонамъ этой лѣстницы, на каждой почти ступени стояли лакеи; за спинами ихъ подымался цѣлый лѣсъ цвѣтовъ и зелени, сквозь которую просвѣчивали блестящіе шары лампъ, повторявшіеся въ зеркалахъ; по ступенямъ живописными группами всходили дамы, барышни, молодые люди и почтенныя особы со звѣздами на груди; страхъ какой-то оковалъ Ивана Александровича, чему не мало способствовали звуки оркестра, неожиданно раздавшіеся въ отдаленіи.

„Право не уйти ли ужъ мнѣ назадъ?.. повторилъ онъ, перенося безъ всякой цѣли шляпу свою изъ одной руки въ другую.—Нѣтъ же, нѣтъ! что въ самомъ дѣлѣ такое! промолвилъ онъ, замѣтивъ нѣсколько лакейскихъ взглядовъ, устремленныхъ на его особу. — Пойду, все равно... никто меня не съѣстъ... что за вздоръ, постою тамъ у дверей, погляжу на танцующихъ... а тамъ, если... ну и назадъ!..“

Свистулькинъ перенесъ шляпу въ лѣвую руку и началъ подыматься по лѣстницѣ: онъ старался однакожъ не смотрѣть на стороны; и даже опускалъ глаза каждый разъ, какъ проходилъ мимо лакея. Немного погодя, вступилъ онъ въ большую бѣлую комнату, украшенную мраморнымъ каминомъ и обставленную зеркалами; тутъ толпилось еще больше лакеевъ, чѣмъ на лѣстницѣ и въ швейцарской, но оставалось свободное мѣсто подлѣ большой двери въ бальную залу; Свистулькинъ самъ не могъ надивиться смѣлости, съ какою завладѣлъ онъ этимъ мѣстомъ. Прислонившись къ косяку, онъ робкимъ взглядомъ окинулъ залу, наполненную танцующими. Почти въ ту же минуту въ ушахъ его раздался знакомый голосъ; онъ невольно попятился и поднялъ голову... Но кто опишетъ трепетъ Ивана Александровича, когда въ трехъ шагахъ увидѣлъ онъ графа Ст[illegible]инскаго, который огля-

Digitized by Google

дывалъ его изумленными глазами: по правую руку графа стояла княгиня Z., по лѣвую руку—князь. Свистулькинъ мгновенно узналъ ихъ; ужасъ разлился по всѣмъ суставамъ и жилкамъ Ивана Александровича; взгляды князя и княгини слѣдовали одному направленію со взглядами Слапачинскаго. Одной секунды достаточно было, впрочемъ, Свистулькину, чтобы откинуться назадъ и затесаться въ густую толпу лакеевъ; но лакеи тотчасъ же посторонились. „Пропалъ! пропалъ!“ могъ только подумать Свистулькинъ, и снова ринулся въ толпу лакеевъ, которые снова посторонились.

— Спросите этого господина, кого ему угодно? произнесъ голосъ у порога залы.

— Кого вамъ угодно? спросилъ басистый голосъ надъ самымъ ухомъ Свистулькина, который комкалъ въ замѣшательствѣ шляпу свою и блуждалъ глазами во всѣ стороны.

— Я... мнѣ... мнѣ хотѣлось узнать... гдѣ Варвара Петровна?.. спросилъ неожиданно Свистулькинъ.

— Какая Варвара Петровна? спросилъ съ удивленіемъ лакей.

— Варвара Петровна... повторилъ сквозь слезы Иванъ Александровичъ.

— Вы вѣрно ошиблись... здѣсь нѣтъ никакой Варвары Петровны.

— Ахъ, виноватъ... я вѣрно ошибся... это подлѣ... также балъ... я ошибся домомъ...

— Сюда пожалуйте... здѣсь-съ... произнесъ тотъ же лакей, видя, что Свистулькинъ мечется изъ угла въ уголъ, отыскивая выходную дверь.

Иванъ Александровичъ кинулся вонъ и торопливо спустился съ лѣстницы, повторяя на каждой почти ступени, что онъ ошибся. Видъ знакомаго швейцара возвратилъ его къ сознанію. „У меня ужасно разболѣлась голова...“ пробормоталъ онъ въ отвѣтъ на удивленный взглядъ швейцара; послѣ чего онъ надѣлъ пальто и поспѣшно оставилъ домъ князя Z.

— Это ужасно! ужасно! отчаянно повторялъ онъ, удаляясь быстрыми шагами отъ готическаго подъѣзда.— Срамъ! опозоренъ!.. показаться никуда нельзя теперь... А все ты! чего недоставало еще! нѣтъ, лѣзешь, лѣзешь, дрянь ты этакая—лѣзешь! подхватилъ онъ, осыпая себя совершенно неожиданно градомъ ударовъ.—Сколько хлопотъ, сколько приготовленій. Боже мой! продолжалъ онъ

Digitized by Google

сквозь слезы, — и все это пошло прахомъ, все погибло! проклятый Слапачинскій!..

Такъ заключилъ Свистулькинъ, и, странно, нечаянное восклицаніе это какъ будто нѣсколько успокоило его.

Благодаря быстрой ходьбѣ и особенно кулакамъ, которые успѣшнѣе всякаго моціона согрѣвали его тѣло, онъ долго не чувствовалъ холода. Холодъ взялъ однакожъ свое; по мѣрѣ того, какъ остывала внутренняя горячка, побуждавшая Ивана Александровича къ сильнымъ порывамъ и тѣлодвиженіямъ, рѣзкій вѣтеръ и морозъ дѣйствовали сильнѣе и сильнѣе. Мысль о простудѣ овладѣла душою Свистулькина съ первымъ же щипаньемъ въ горлѣ и мгновенно вытѣснила всѣ остальныя мысли; онъ прибавилъ шагу и, не переставая придерживать рукою шею, не замедлилъ достигнуть квартиры.

Появленіе его въ такую пору, конечно, удивило Анну Ивановну, ждавшую его не ранѣе пятаго часа утра; все объяснилось, однакожъ, когда онъ объявилъ ей о своей головной боли. Онъ точно чувствовалъ сильное разстройство; но мало-по-малу все прояснилось, какъ въ душѣ его, такъ и въ головѣ; онъ вспомнилъ даже объ извозчикѣ, котораго нанялъ на всю ночь и который вѣрно будетъ ждать его до шести часовъ утра; къ сожалѣнію, онъ вспомнилъ объ этомъ, когда уже лежалъ въ постели. Онъ задулъ свѣчку, закуталъ голову въ одѣяло и закрылъ глаза. Тѣмъ дѣло и кончилось.

XI.

Черный день.

— При всемъ томъ, надо правду сказать, балъ былъ въ самомъ дѣлѣ очень хорошъ! Я не знаю какъ... но... по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе три, четыре года, у насъ не было такого бала... Вамъ, можетъ быть, кажется, что я увлекаюсь, потому что друженъ съ Z.? Вовсе нѣтъ... и наконецъ всѣмъ распоряжался князь... а я особенно друженъ только съ княгиней. Я зналъ ее еще въ дѣтствѣ, мы однихъ почти лѣтъ... и когда были дѣтьми, всегда играли въ Лѣтнемъ саду; мы часто вспоминаемъ это время... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я говорю безпристрастно... Не далѣе, какъ вчера, за ужиномъ, одинъ изъ секретарей французскаго посольства сказалъ мнѣ: „Клянусь, говоритъ, клянусь вамъ честью, что даже въ Парижѣ не видалъ

Digitized by Google

такого бала!" Наконецъ—я слышалъ это своими ушами—самъ посланникъ сказалъ то же самое... онъ игралъ въ преферансъ... а я подошелъ какъ-то... Представьте, играли всего какихъ-нибудь четверть часа, посланникъ проигралъ восемь тысячъ,—просто страшно!.. Впрочемъ, не мудрено: играли по сто рублей серебромъ поэнъ!.. Однимъ словомъ, объ этомъ балѣ будутъ говорить въ Петербургѣ!.. Разумѣется, этому великолѣпію много способствовало состояніе Z. Но я говорю вамъ не столько о роскоши, сколько о вкусѣ; что роскошь! роскошь—вздоръ; вкусъ, вотъ что̀ главное! Они особенно хорошо распорядились съ лѣстницей; удивительно какъ это было мило, такой пріятный видъ: весь потолокъ обвитъ былъ виноградомъ... куда ни взглянешь, висятъ гроздья, вотъ... вотъ этакія!.. просто пеловко даже какъ-то: думаешь, того и смотри еще оборвется, да на голову еще грохнется... на каждой ступени, по обѣимъ сторонамъ, вездѣ статуи. Бальная зала немножко не соотвѣтствовала какъ будто лѣстницѣ, по невозможно, впрочемъ, рѣшительно невозможно: представьте себѣ, три этажа вышины, я думаю сажень двадцать, не считая хоровъ: въ ней свободно танцуютъ пятьсотъ человѣкъ, вчера было больше, и замѣтьте, при всемъ томъ, просторно... Вы можете судить послѣ того, каковы должны быть стѣны этой залы... недостанетъ никакого состоянія, чтобы убрать ихъ съ роскошью... разумѣется, все усѣяно было розанами, вездѣ, вездѣ, но это очень обыкновенно... Зала графини N. несравненно лучше, надо правду сказать... Она меньше, но какъ-то... совершенно другое. Но это ничего не значитъ; зала лучше, но балы у N. во сто разъ хуже... я не знаю, но тамъ всегда какая-то скука, смертельная скука... хандра даже какая-то... все принужденно, все натянуто... Балы Z. тѣмъ именно и отличаются, что тамъ встрѣчаешь радушіе; все улыбается, все весело, а это, какъ хотите, зависитъ ужъ собственно отъ хозяевъ... Надо тоже сказать и объ ужинахъ Z.: ихъ ужины несравненно лучше; вчера, напримѣръ, къ десерту за ужиномъ вдругъ подаютъ... земляникуземляника, легко сказать! Но вы посудите, во-первыхъ: конецъ октября; во-вторыхъ: пятьсотъ человѣкъ гостей? Все бы это ничего, если бъ земляника была оранжерейная—съ деньгами все можно достать; наконецъ у Z. свои оранжереи, и тутъ ничего бы не было удивительнаго, но штука въ томъ, что намъ подавали лѣсную землянику, вотъ что̀ удиви

Digitized by Google

тельно! Какъ? откуда? какимъ образомъ ухитрились они достать ее? вотъ что всѣхъ поразило!.. Я, признаюсь, самъ даже удивился и говорю графу Слапачинскому (школьный товарищъ, очень добрый малый): „Скажи, братецъ, говорю, что за фантазія пришла Z.? Сколько денегъ стоитъ имъ эта земляника? и, наконецъ, откуда могли они достать ее?“—„Этого, братецъ, говоритъ онъ, не могу сказать, знаю только, что хотѣли этимъ подпустить шпильку княгинѣ Х.“—„Какимъ образомъ?“ говорю я.—„А такимъ образомъ, говоритъ, что у Х. подавали въ январѣ прошлаго года шпанскую вишню, такъ вотъ теперь Z. и хотѣли...“ Ну, понимаете... Въ большомъ свѣтѣ только и думаютъ о томъ, какъ бы перещеголять другъ друга... У Х. подавали вишню въ январѣ, Z. надо, слѣдовательно, удивить лѣсной земляникой въ октябрѣ... это очень натурально... а все-таки, какъ подумаешь объ этомъ, такъ даже грустно какъ-то дѣлается... Охо-хо!.. заключилъ разсказчикъ, меланхолически улыбаясь.

Такъ передавалъ свои впечатлѣнія Свистулькинъ, сидя у Беккеровъ на другой день послѣ знаменитаго бала. Иванъ Александровичъ былъ очень веселъ: по крайней мѣрѣ, онъ казался такимъ; во всякомъ случаѣ, намъ остается удивляться ему.

Онъ проснулся въ это утро съ сильною головною болью; голова его нестерпимо болѣла даже теперь; къ этому присоединилось колотье въ груди и горлѣ; онъ чувствовалъ, что жестоко простудился наканунѣ и трепетно ожидалъ свинки; онъ почувствовалъ сверхъ всего безпокойство, невольно пробуждаемое перспективой визита къ Беккерамъ; онъ, разумѣется, не сомнѣвался въ благопріятномъ результатѣ этого визита; но все-таки не могъ освободиться отъ волненія, которое овладѣваетъ самымъ мужественнымъ сердцемъ въ минуты подобныхъ ожиданій. При всемъ томъ, какъ видите, Ивану Александровичу достало силы приготовить матеріалы для пріятной бесѣды; побѣдивъ въ себѣ головную боль, колотье въ груди и горлѣ и внутреннее безпокойство, онъ одѣлся со всевозможнымъ тщаніемъ, завился даже, и отправился къ Беккерамъ.

Изъ всего этого, а также изъ приведенныхъ выше разсказовъ Ивана Александровича — разсказовъ, оживленныхъ веселостью и приправленныхъ блестками самаго игриваго воображенія — мы можемъ заключить, сколько

Digitized by Google

еще жизни, сколько молодости и энергіи сохранялъ въ душѣ своей этотъ истинно замѣчательный молодой человѣкъ!

Беккеры отчасти также способствовали пріятному расположенію своего гостя; онъ съ перваго взгляду прочелъ въ лицахъ отца, матери и дочери счастливое рѣшеніе судьбы своей; это ободрило его, и онъ рѣшился немедленно приступить къ главной цѣли своего посѣщенія. Обстоятельства нашего героя были таковы въ самомъ дѣлѣ, что никакъ не слѣдовало откладывать: послѣ задатка, отданнаго Беккеру, у него оставалось всего сто двадцать рублей ассигнаціями; сто рублей предназначались, какъ уже извѣстно, на подарокъ невѣстѣ; что-жъ касается до двадцати остальныхъ—сами знаете—не далеко съ ними уѣдешь, особенно ведя свѣтскую жизнь. И такъ, Иванъ Александровичъ рѣшился приступить къ рѣшенію вопроса; для этого, прежде всего, слѣдовало скорчить серьезную, проникнутую чувствомъ физіономію; первое дѣло было уже сдѣлано; оставалось теперь завязать разговоръ, при чемъ требовалось соблюсти нѣкоторую постепенность при переходѣ отъ предыдущаго монолога; основываясь на этомъ, Иванъ Александровичъ продолжалъ въ слѣдующемъ тонѣ:

— Да, почтеннѣйшій Андрей Андреичъ, да! несмотря на всю эту роскошь, несмотря на то, что вчерашній балъ былъ въ самомъ дѣлѣ великолѣпенъ—я не знаю, что происходило со мною... Странно: во всю мою жизнь не чувствовалъ я такой скуки... странно, даже знаете—грустно какъ-то... О! вы не знаете еще, почтенная Вильгельмина Карловна—вы не знаете, и давай вамъ Богъ никогда не знать!—какъ эта жизнь, эти балы и вечера большого свѣта, какъ они старѣютъ человѣка! Вотъ я, напримѣръ, я еще молодой человѣкъ,—что мнѣ! какихъ-нибудь двадцать-три года!—а чувствую, что старъ... меня уже не веселятъ ни танцы, ни все это... Повѣрите ли, я не могъ даже протанцовать вчера ни одной кадрили... чувствую, что неучтиво, а между тѣмъ не могу, просто не могу; такая какая-то душевная тоска, грусть—ужасъ! Весь вечеръ просидѣлъ я подлѣ бальной залы и глядѣлъ на танцующихъ; неужто, думалъ я, вся наша жизнь должна проходить въ этомъ!.. Надо вамъ сказать, эта комната подлѣ бальной залы всегда располагаетъ меня къ такимъ мыслямъ... Это моя любимая комната изъ

Digitized by Google

всѣхъ нарядныхъ комнатъ въ домѣ Z... Представьте себѣ, Шарлотта Андреевна, она устроена въ видѣ сада—вездѣ деревья, клумбы, дорожки... Вокругъ стѣнъ померанцы, на потолкѣ плющъ, посреди фонтанъ... такъ, небольшой, но все равно — пріятно прислушиваться къ журчанью воды... кругомъ птички летаютъ, подъ деревьями вездѣ скамеечки... все это такъ мило... Я всегда сижу тамъ, когда прихожу къ княгинѣ... Я, впрочемъ, больше люблю, когда меня оставляютъ тамъ одного, особенно, знаете, во время бала: въ отдаленьи музыка, говоръ, танцуютъ... а я одинъ посреди зелени... славно! Я ужасно люблю зелень и... цвѣты; это моя слабость! Вы знаете, Андрей Андреичъ, я ненавижу карты, ненавижу вина; меня не увлекаютъ ни балы, ни роскошь... неужто, послѣ этого, нельзя себѣ позволить какой-нибудь слабости! Признаюсь вамъ откровенно: я не могу видѣть равнодушно хорошенькаго цвѣтка; я никогда не пропускаю цвѣточника и ужъ всегда накуплю у него Богъ знаетъ сколько!.. Что-жъ дѣлать! у всякаго человѣка есть своя слабость!.. Въ моей квартирѣ вы не найдете ни дорогой мебели, ни картинъ—все очень просто; но зато—вездѣ цвѣты. У меня всего пять комнатъ, больше мнѣ не къ чему, да и то много, я нахожу... Я провожу жизнь въ кабинетѣ и очень мило его устроилъ... особенно одинъ уголъ: у меня тамъ каминъ, кругомъ цвѣты, противъ два банана, и листья ихъ падаютъ на самое кресло—это любимый мой пріютъ... я непремѣнно перенесу все это сюда, когда мы устроимъ наше дѣло и я войду во владѣніе этимъ домомъ... Я думаю устроить лучше всего каминъ въ этой комнатѣ... вонъ тамъ въ углу...

Андрей Андреичъ, его жена и Лотхенъ слушали разсказчика съ замѣтнымъ удовольствіемъ; Лотхенъ казалась особенно восхищенною; съ послѣдними словами Ивана Александровича она опустила глазки, и щеки ея зардѣлись отъ удовольствія; желая, вѣроятно, скрыть свое смущеніе отъ отца и матери, которые часто поглядывали на нее съ улыбкой, она повернулась къ окну и взглянула на улицу; но личико ея почти въ ту же секунду обратилось къ присутствующимъ, и она радостно объявила, что по тротуару идутъ дядя Карлъ и дядя Готлибъ.

— А, очень радъ, сказалъ Андрей Андреичъ, тяжело приподымаясь на монументальныя ступни свои,—очень радъ, я нарочно позвалъ ихъ... мнѣ хочется познакомить

Digitized by Google

васъ съ ними, Иванъ Александровичъ... это добрые наши родственники, женины братья...

— Помилуйте, почтеннѣйшій Андрей Андреичъ, я въ восхищеніи... поспѣшилъ возразить Свистулькинъ.—Повѣрьте, все, что вамъ близко... для меня... мм... я очень радъ познакомиться и заранѣе... я даже люблю ихъ... добавилъ онъ, горячо пожимая руку старика.

И чтобы доказать, вѣроятно, какъ нетерпѣливо желалъ онъ увидать братьевъ своей будущей тещи, Иванъ Александровичъ поспѣшилъ выглянуть въ окно; но едва только глаза его устремились на улицу, онъ испустилъ слабый крикъ, отпрянулъ назадъ и какъ безумный забѣгалъ по комнатѣ, отыскивая свою шляпу. Андрей Андреичъ и Вильгельмина Карловна оглядывали его удивленными глазами; лицо Лотхенъ, обращенное къ Ивану Александровичу, выразило безпокойство.

— Что съ вами? спросилъ Андрей Андреичъ.

— Я нездоровъ... это у меня вдругъ... я всегда такъ... Ахъ, Боже мой!.. безсвязно бормоталъ Свистулькинъ, пробѣгая нѣсколько разъ мимо шляпы и не замѣчая ея.

Звонокъ, раздавшійся неожиданно въ дверяхъ, подкосилъ ноги Ивану Александровичу, и онъ упалъ на ближайшій стулъ; онъ мгновенно однакожъ оправился, быстро поднялся на ноги и стремительно ринулся къ своей шляпѣ; но въ эту самую минуту дверь отворилась, и на порогѣ показались Карлъ и Готлибъ Шамбахеры. Иванъ Александровичъ остановился какъ вкопанный.

— Junger Swistulkin! воскликнули оба Шамбахера, съ недоумѣніемъ взглядывая другъ на друга.

Иванъ Александровичъ хотѣлъ что-то сказать, но растерялся окончательно и выронилъ шляпу, которая покатилась подъ рояль.

— Что все это значитъ? произнесъ Андрей Андреичъ, блуждая глазами.

— Что случилось? воскликнула госпожа Беккеръ.

— Какъ вы сюда попали?.. зачѣмъ вы здѣсь? Ага!.. нѣтъ теперь мы васъ не выпустимъ! прокричали вмѣсто отвѣта оба Шамбахера, заграждая дорогу Свистулькину, который бросился было къ двери.

— Я ничего не понимаю... проговорилъ Андрей Андреичъ, разводя руками.—Развѣ вы знакомы?

— Мы?... очень хорошо! Ага, saperlott! снова прокричали Шамбахеры, но взглянули другъ на друга и неожиданно разразились громкимъ смѣхомъ.

Digitized by Google

— Я точно... мы знакомы... они... я... мы... вышло недоразумѣніе... Карлъ Карлычъ, я все устрою, клянусь вамъ... Готлибъ Карлычъ, увѣряю васъ... бормоталъ Иванъ Александровичъ, возводя умоляющіе взгляды то на портного, то на сапожника.

— Мы все это уже слышали сто разъ! съ сердцемъ перебилъ Карлъ,—теперь насъ не проведешь.

— Деньги, Donner-Wetter, деньги! а то не выпустимъ! подхватилъ раздраженный Готлибъ, яростно выпучивая глаза.

— Разскажете ли вы мнѣ, наконецъ, что̀ все это значитъ! вымолвилъ Андрей Андреичъ, освобождаясь, можетъ статься, первый разъ въ жизни отъ своей апатіи, чему сильно способствовалъ отчаянный видъ Лотхенъ, которая тряслась всѣмъ тѣломъ, между тѣмъ какъ мать старалась всячески успокоить ее.

— Это значитъ, злобно воскликнулъ Готлибъ,—значитъ, что этотъ господинъ—verfluchter Kerl!—и больше ничего.

При этомъ Вильгельмина Карловна всплеснула руками и выпустила Лотхенъ, которая упала на стулъ и зарыдала; Андрей Андреичъ раскрылъ глаза еще шире и на секунду превратился въ совершеннаго истукана.

— Да, подхватилъ Карлъ,— это verfluchter Kerl! Онъ насъ обманулъ; два года, какъ обманываетъ! Даже третьяго дня, какъ мы встрѣтились съ Вильгельминой на Невскомъ, онъ убѣжалъ отъ насъ въ кафе, убѣжалъ черезъ задній ходъ.

— Фуй, фуй... проговорилъ Андрей Андреичъ, самъ не зная, къ кому отнести такое изъявленіе своего неудовольствія.

Положеніе Ивана Александровича становилось невыносимымъ: спастись бѣгствомъ—не было возможности; оставалось одно средство выйти изъ тисковъ; средство заключалось въ томъ, чтобы предложить Шамбахерамъ тѣ триста рублей, которые даны были Беккеру въ видѣ задатка. Сквозь туманъ, застилавшій мысли Свистулькина, онъ чувствовалъ, что все погибло; все подавлялось, однакожъ, желаніемъ выбраться скорѣе на улицу. Онъ готовился уже открыть ротъ, чтобы сообщить булочнику свое намѣреніе, но Карлъ Шамбахеръ предупредилъ его; онъ обратился къ Андрею Андреичу и неожиданно спросилъ его, какъ случилось, что junger Swistulkin находится въ его квартирѣ.

Digitized by Google

— Онъ пришелъ покупать домъ, торопливо отвѣчалъ булочникъ, начинавшій бояться, чтобы братья не догадались о настоящей причинѣ посѣщеній молодого человѣка.

— Какой домъ?

— Этотъ домъ.

Карлъ и Готлибъ взглянули съ удивленіемъ другъ на друга, потомъ на Свистулькина и разразились новымъ смѣхомъ.

— Was noch? спросила Вильгельмина Карловна, издавая жалобные вздохи.

— Да у него гроша нѣтъ! заговорилъ Карлъ,—онъ долженъ мнѣ два года триста рублей за жилетъ Napoléon, панталоны fantaisie...

— Мнѣ за три пары сапоговъ — и отдать не можетъ! энергически подхватилъ Готлибъ.

— Онъ далъ мнѣ задатокъ третьяго дня... триста рублей, пробормоталъ Беккеръ.

— Задатокъ! триста рублей! воскликнули изумленные Шамбахеры.

— Андрей Андреичъ! закричалъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства Свистулькинъ, — я рѣшительно не понимаю... послѣ того, что здѣсь случилось... эти... господа... я не привыкъ къ такимъ сценамъ... Андрей Андреичъ, отдайте имъ эти триста рублей!

Сказавъ это, Иванъ Александровичъ сдѣлалъ шагъ къ двери, но Готлибъ загородилъ ему дорогу.

— А мнѣ кто заплатитъ? спросилъ онъ...

— Я... я заплачу... только пустите... заходите ко мнѣ... все отдамъ... возразилъ Свистулькинъ, снова порываясь къ двери.

— Нѣтъ, Potz-Tausend, нѣтъ, отдавайте сейчасъ! заревѣлъ Готлибъ, защищая дверь.

Тутъ Готлибъ, въ груди котораго снова закипѣло негодованіе, принялся разсказывать съ ужасающими подробностями продѣлки, употребленныя Свистулькинымъ, чтобы не платить ему денегъ; несмотря на то, что голосъ, лицо и движенія Готлиба дышали прямотою; несмотря на то даже, что Карлъ подтвердилъ показанія Готлиба касательно жалкой обстановки и даже нищеты Ивана Александровича — Андрей Андреичъ и супруга его все еще не хотѣли вѣрить; они вмѣшались въ разговоръ и заикнулись о лакеяхъ Ивана Александровича, его пяти ком-

Digitized by Google

натахъ, каминѣ и бананахъ. Но Готлибъ, а за нимъ и Карлъ объявили наотрѣзъ, что все это ложь, вздоръ и, перебивая другъ друга, представили во всей наготѣ своей житье-бытье нашего героя.

Во все это время Свистулькинъ покушался нѣсколько разъ прорваться въ прихожую, но всякій разъ Готлибъ распространялъ руки поперекъ двери и, подкрѣпляемый Карломъ, останавливалъ Ивана Александровича. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бъ подлѣ окна, у котораго находилась Лотхенъ, не раздалось внезапно пронзительнаго крика и Лотхенъ не упала бы въ обморокъ. Вильгельмина Карловна стремительно побѣжала къ дочери; Андрей Андреичъ послѣдовалъ ея примѣру; дядя Карлъ послѣдовалъ примѣру Беккера; дядя Готлибъ побѣжалъ въ кухню за свѣжею водою.

Когда, десять минутъ спустя, опасность миновала, и члены почтеннаго семейства, начинавшіе оправляться отъ испуга, обратили полные негодованія взоры къ Ивану Александровичу, глаза ихъ встрѣтили совершенно пустое мѣсто. Ивана Александровича давно уже не было.

XII.

Заключеніе.

Не знаю, приводилось ли какому-нибудь смертному находиться въ томъ самомъ положеніи, какое испытывалъ Иванъ Александровичъ въ предыдущей главѣ. Нѣтъ, однакожъ, никакой возможности ручаться, чтобы происшествіе съ Свистулькинымъ принадлежало къ разряду самыхъ рѣдкихъ, исключительныхъ фактовъ. Такія происшествія должны случаться — рѣдко, можетъ-быть, но должны, непремѣнно должны случаться;—мнѣ, по крайней мѣрѣ, такъ кажется. Несомнѣнно то только, за что отвѣчаю головою, что изъ числа моихъ читателей — все равно, сколько бы ихъ ни было — ни одинъ не испытывалъ ничего подобнаго. Мало того, читатели мои далеки даже отъ мысли, чтобы могли существовать люди, которые лгутъ на каждомъ шагу, прячутся подъ ворота при встрѣчѣ съ кредиторами, не платятъ извозчикамъ и тому подобное; такой человѣкъ кажется имъ чудовищнымъ вымысломъ. Нечего и говорить, слѣдовательно, что моральное состояніе, въ которое можетъ быть ввергнутъ человѣкъ, поставленный въ теперешнее положеніе Свистуль-

Digitized by Google

кина, совершенно ново и незнакомо моимъ читателямъ. Основываясь на этомъ, мнѣ необходимо сказать еще нѣсколько словъ о моемъ героѣ.

Въ первую минуту, какъ только освободился онъ изъ тисковъ Шамбахеровъ, и во все время, какъ спускался съ лѣстницы Беккера, душа его находилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ страха, который придавалъ необычайную живость ногамъ. Но живость эта прошла вмѣстѣ съ опасностью. Степень унынія Ивана Александровича достаточно, кажется, выразится, если мы скажемъ, что онъ прошелъ длинную улицу и ни разу не поднялъ головы, ни разу даже не провелъ языкомъ по губамъ, даромъ что мимо его поминутно проносились кареты съ дамами.

Имъ овладѣло вдругъ какое-то убійственное равнодушіе. Равнодушіе это распространялось съ одинаковой силой какъ на самую жизнь, такъ и на людей; при мысли о братьяхъ Шамбахерахъ, мысль, которая не покидала его ни на секунду, родъ человѣческій казался ему до того злобнымъ, что онъ зажмуривалъ даже глаза при встрѣчѣ съ пѣшеходами. Онъ шелъ, самъ не зная куда и зачѣмъ. Онъ оставался безчувственнымъ ко всему окружающему; даже къ холоду и вѣтру, который дулъ съ такою силой, что все, начиная съ вывѣсокъ и кончая людьми, принимало наклоненное положеніе; холодъ превратилъ снѣгъ въ обледенѣлую крупу, которая обсыпала Ивана Александровича съ головы до ногъ и таяла за его галстукомъ; онъ не подумалъ даже поднять воротникъ.

Безчувственность эта, признакъ самаго глубокаго отчаянія, овладѣла, казалось, всѣмъ существомъ его. Въ головѣ его царствовалъ безпорядокъ. Одна только мысль, мысль горькая, которую могла породить одна только страшная безнадежность положенія, брала иногда верхъ надъ другими; мысль заключалась въ томъ, что снова приходится читать заднія страницы газеты, снова приходится записывать адресы и дѣйствовать на трудномъ поприщѣ покупщика домовъ безъ гроша денегъ въ карманѣ. Самая эта мысль мелькала въ головѣ его какъ-то неопредѣленно, смутно, какъ потухающій фонарь въ вечернемъ туманѣ; и если онъ повиновался ей, если направилъ шаги къ знакомой кондитерской, то сдѣлалъ это почти машинально.

Ничто уже не въ силахъ было занять его на улицѣ. Разъ только поднялъ онъ голову и обратилъ вниманіе на

Digitized by Google

одного господина, но и то потому лишь, что господинъ представлялъ въ самомъ дѣлѣ поразительное зрѣлище: на немъ было новенькое пальто, доходившее чуть не до пятокъ. „Этакій уродъ!“ пробормоталъ съ раздражительностью Свистулькинъ.

И нѣтъ сомнѣнія, онъ пересталъ бы думать объ этомъ предметѣ, если бъ, вслѣдъ за тѣмъ, глаза его не встрѣтили другого господина въ такомъ же точно длинномъ пальто; за вторымъ господиномъ послѣдовалъ третій, за третьимъ — четвертый, и т. д.— всѣ до единаго были въ длинныхъ пальто, доходившихъ чуть не до пятокъ.

„Странно!“ подумалъ Иванъ Александровичъ.

Это обстоятельство дало на минуту новое направленіе его мыслямъ: не могу сказать утвердительно, въ чемъ состояло новое это направленіе; знаю только, что оно незамѣтно, шагъ за шагомъ, привело его въ магазинъ, гдѣ продавалось готовое платье. Онъ самъ не могъ дать себѣ отчета, что̀ именно привело его туда; пріобрѣтеніе новомоднаго пальто, конечно, мало занимало его мысли; онъ дѣйствовалъ совсѣмъ безсознательно, и, всего вѣроятнѣе, имъ управляли въ этомъ случаѣ отчаянье и полная увѣренность въ безнадежности настоящаго своего положенія.

„Э! что ужъ тутъ!..“ разсудилъ онъ самъ съ собою, машинально ощупавъ карманъ и подавивъ вздохъ, — „будь у меня тысяча, я бы, конечно, сталъ беречь ее; но что значатъ какіе-нибудь сто рублей!.. стоитъ ли на нихъ разсчитывать! есть они, нѣтъ ихъ, одно и то же; остаться безъ гроша днемъ раньше, днемъ позже, все равно, пропадай ужъ заодно!..“

Иванъ Александровичъ вошелъ въ магазинъ готоваго платья. Надо было видѣть, съ какою убійственною холодностью отсчиталъ онъ восемьдесятъ рублей, надо было видѣть, съ какимъ невозмутимымъ спокойствіемъ вышелъ онъ въ новомодномъ пальто на улицу. Трудно было узнать въ немъ человѣка, который радостно трепеталъ, бывало, съ головы до ногъ, прогуливаясь въ новомъ галстукѣ или чистыхъ перчаткахъ!

Путаясь въ длинныхъ полахъ новаго пальто, Свистулькинъ направился къ знакомой кондитерской. Войдя туда, онъ ни на кого не взглянулъ, мрачно забился въ отдаленный уголъ и положилъ голову на ладонь. Груда газетъ лежала подлѣ него; но самая мысль взглянуть на нихъ, казалось, тяготила его; наконецъ, онъ принужденно

Digitized by Google

придвинулъ къ себѣ первый попавшійся листъ. Но едва пестрая страница объявленій зарябила въ глазахъ его, всѣ улегшіяся было воспоминанія снова пробудились въ душѣ Ивана Александровича; онъ словно совсѣмъ даже упалъ духомъ и поспѣшилъ отвернуться, чтобы скрыть слезы, которыя навернулись сами собою.

По прошествіи нѣкотораго времени, онъ успокоился и снова положилъ голову въ ладонь; глаза его съ явнымъ отвращеніемъ окинули страницу объявленій. Извѣстій о продающихся домахъ было достаточно; но Свистулькинъ не остановился ни на одномъ изъ нихъ; онъ торопливо переводилъ глаза на сосѣднія строчки, гдѣ говорилось о сбѣжавшихъ собакахъ, говорилось о каретахъ, лошадяхъ, помадѣ, учителѣ ищущемъ мѣста, и проч. Въ числѣ этихъ объявленій, одно особенно обратило на себя его вниманіе; это случилось потому, я полагаю, что объявленіе заключалось въ великолѣпной рамкѣ и напечатано было необыкновенно крупными буквами: „Великолѣпныя голландскія рубашки!“

Строчка эта прежде всего бросалась въ глаза. — „Въ исторіи туалета, гласило дальше объявленіе: бѣлье также имѣло свои періоды; достигнувъ неслыханной роскоши во время Людовика XIV, роскоши, которая разсыпалась кружевами и блондами изъ-подъ бархатныхъ кафтановъ, шитыхъ серебромъ и золотомъ, впослѣдствіи, даже въ самой столицѣ вкуса, бѣлье скрывалось подъ безобразнымъ призракомъ одежды — манишкою, пока, наконецъ, мода, примиривъ роскошь съ комфортомъ, красоту съ экономіей, опредѣлила, какую роль *рубашка*, предметъ первой необходимости, играетъ въ составѣ туалета... Этотъ предметъ и стараюсь я довести до всевозможнаго совершенства!..“ Затѣмъ слѣдовалъ адресъ знаменитаго торговаго дома, пріобрѣтшаго лестное довѣріе публики въ самое короткое время, и подпись: Альфонсъ Флуеръ.

Ивану Александровичу было, разумѣется, не до рубашекъ; онъ прочелъ, однакожъ, объявленіе до конца, и къ этому, безъ сомнѣнія, побуждало его одно любопытство, которое, какъ извѣстно, не покидаетъ насъ въ самыя критическія минуты жизни. Онъ разсѣянно пробѣжалъ нѣсколько сосѣднихъ объявленій, въ числѣ которыхъ находились два-три извѣстія о продающихся домахъ, но не записалъ ни одного изъ нихъ; послѣ этого онъ поднялся съ мѣста и, не съѣвъ макаронъ, не прикоснувшись даже

Digitized by Google

къ пирожку—былъ, однакожъ, уже четвертый часъ—вышелъ изъ кафе въ такомъ душевномъ разстройствѣ, какого никогда уже не чувствовалъ.

Тоска и уныніе, казалось, еще сильнѣе овладѣли Иваномъ Александровичемъ, когда онъ вошелъ въ Пассажъ. Видъ двери кафе Бренфо и зеркальнаго окна, за которымъ все еще лежали три устричныя раковины и плескалась рыба, до того показались противными Свистулькину, что онъ тотчасъ же оставилъ зданіе Пассажа и вышелъ на Невскій. Вѣтеръ свирѣпѣлъ попрежнему, и едва Иванъ Александровичъ ступилъ на тротуаръ, какъ нѣсколько крупинокъ мерзлаго снѣга снова попали ему за галстукъ; онъ попрежнему не обратилъ на это вниманія и вообще оставался такъ же безчувственнымъ ко всему окружающему. Такъ добрелъ онъ до Полицейскаго моста и повернулъ въ Морскую.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился и машинально оглянулся вокругъ. Онъ стоялъ противъ огромнаго зеркальнаго окна, за которымъ, въ привлекательной симметріи, висѣли и лежали ослѣпительной бѣлизны рубашки; на каждомъ стеклѣ окна, сверкающими золотыми буквами, изображено было имя „Альфонса Флуера“. Свистулькинъ сдѣлалъ безотрадный жестъ рукою, и медленными шагами поднялся въ магазинъ.

— Всего сорокъ рублей остается, двѣнадцать цѣлковыхъ все равно, что ничего! не стоитъ даже и думать объ этомъ, пробормоталъ онъ, отворяя дверь Альфонса Флуера.

Четверть часа спустя, онъ снова явился на улицѣ. Новомодное пальто Ивана Александровича было разстегнуто и позволяло любоваться новой рубашкой съ вышитой манишкой. Но рубашка такъ же мало занимала его, повидимому, какъ и все остальное; онъ повернулся на Невскій и прямо пошелъ противъ вѣтра.

Съ каждымъ шагомъ впередъ, лицо Свистулькина значительно синѣло отъ стужи и сверхъ того принимало все болѣе и болѣе мрачное выраженіе; онъ точно искалъ смерти. И въ самомъ дѣлѣ, при мысли, что въ карманѣ его осталось всего два съ полтиной, мысли, которая явилась во всемъ ослѣпляющемъ блескѣ своемъ, какъ только вышелъ онъ изъ магазина Флуера,—онъ понялъ, что ему не было уже никакой возможности продолжать существованіе. Проникаясь вѣрно все сильнѣе и сильнѣе такою

Digitized by Google

мыслью, онъ ни разу не застегнулъ пальто, и, что всего ужаснѣе, выступалъ съ умышленною медленностью къ Аничкину мосту, выставляя всѣмъ напоказъ свою вышитую рубашку. Такъ прошелся онъ безчисленное множество разъ взадъ и впередъ, и всякій разъ норовилъ задерживать шагъ, когда обращался грудью къ вѣтру. Давно уже смерклось, а Иванъ Александровичъ все еще не покидалъ тротуара Невскаго проспекта. Наконецъ, онъ окоченѣлъ уже до того, что едва могъ передвигать ногами; удушливый кашель, овладѣвшій его горломъ, помѣшалъ даже ему объяснить извозчику улицу своего дома: онъ махнулъ только рукою, сѣлъ безъ торгу и поѣхалъ.

Войдя въ квартиру, Свистулькинъ едва-едва нашелъ силы, чтобы отказаться отъ чаю, предложеннаго Анной Ивановной; не дожидаясь возраженій, онъ раздѣлся и бросился въ постель. Часа два спустя, Иванъ Александровичъ началъ бредить, бредилъ всю ночь страшную чепуху, такъ что Анна Ивановна, подходившая нѣсколько разъ къ его изголовью, рѣшила уже, что жилецъ ея снова нажилъ себѣ свинку. Но предположенія Анны Ивановны оказались неосновательными: на другое утро не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что Иванъ Александровичъ лежалъ въ жесточайшей горячкѣ.

Болѣзнь Ивана Александровича продолжалась очень долго; не могу сказать, сколько именно дней и недѣль длилась она, знаю только, что времени этого достаточно было, чтобы измѣнить судьбу многихъ лицъ, которыхъ случай сталкивалъ съ Иваномъ Александровичемъ на пути жизни.

На-дняхъ, напримѣръ, получили мы скорбное извѣстіе о совершеннѣйшемъ разореніи трактирщика Фурно. Въ этомъ единодушно почти обвиняютъ господина съ крашеными бакенами; но обвиненіе это — я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ — не совсѣмъ основательно; точно, джентльменъ въ крашеныхъ бакенахъ обѣдалъ у Фурно два года сряду, не заплатилъ ему ни гроша и даже, если хотите, перешелъ въ другой трактиръ при первомъ настоятельномъ требованіи долга; справедливость заставляетъ сказать, однакожъ, что гибели Фурно, столько же, если не больше, способствовали три собесѣдника господина съ крашеными бакенами: всѣ трое отказались платить; сумма ихъ долга въ три раза превышала счетъ господина въ крашеныхъ бакенахъ; Фурно не выпесъ [illegible]

Digitized by Google

слѣдняго удара. Джентльмены перешли теперь къ Жамбону, куда не замедлилъ переселиться и крашеный господинъ; они всякій день славно обѣдаютъ и вообще, какъ слышно, славно проводятъ время.

Не менѣе пріятно проводитъ также время и господинъ, напугавшій когда-то Свистулькина въ кафе Пассажа; онъ продолжаетъ повѣствовать всѣмъ и каждому о распространеніи злокачественныхъ инфузорій и положительно доказываетъ, что единственное спасеніе отъ нихъ заключается въ добромъ стаканѣ портвейна; доводы его всякій разъ увѣнчиваются успѣхомъ, что и подтверждается его носомъ, который съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе краснѣетъ.

Болѣе всего насъ поразилъ однакожъ переворотъ, происшедшій съ Готлибомъ Шамбахеромъ; мрачная лавка его, помѣщавшаяся въ подвальномъ этажѣ, уже не существуетъ; Готлибъ переселился въ Гороховую. Когда вы пойдете по этой улицѣ, совѣтую вамъ обратить вниманіе на его магазинъ; особенно совѣтую вамъ обратить вниманіе на его вывѣску; впрочемъ, вы сдѣлаете это и безъ моего совѣта, потому что такой огромной ботфорты, какая качается надъ дверью сапожника Шамбахера, никто еще не видалъ, и она по всей справедливости должна изумлять пѣшехода.

Карлъ Шамбахеръ (изъ Лондона) распорядился иначе и превосходно сдѣлалъ. Собравъ остальные долги свои— что, мимоходомъ сказать, было легче, чѣмъ получить долгъ Ивана Александровича—онъ прекратилъ мастерство и живетъ теперь припѣваючи: каждое утро, заложивъ руки за спину, прогуливается по Невскому въ гороховомъ пальто, пьетъ передъ обѣдомъ шнапсъ, а вечеромъ играетъ въ шашки. Мрачный, отчасти даже свирѣпый нравъ, заслужившій ему названіе verfluchter Kerl, оставилъ его, какъ только раздѣлался онъ съ послѣднимъ должникомъ; его зовутъ теперь не иначе, какъ весельчакъ Карлъ. Не далѣе какъ на свадьбѣ племянницы его, Лотхенъ, онъ уморилъ всѣхъ со смѣху, танцуя гросъ-фатеръ съ сестрой Вильгельминой.

Андрей Андреичъ продалъ домъ; лучше всего то, что онъ продалъ его господину, который недѣли черезъ двѣ предложилъ руку его дочери. Новый домъ Беккера принадлежалъ къ числу лучшихъ частныхъ домовъ Петербурга. Андрей Андреичъ продолжаетъ однакожъ попрежнему печь булки и сухари, и вообще перемѣна состоянія

Digitized by Google

и постепенное увеличеніе капитала нимало не измѣняетъ его мирныхъ привычекъ; единственная перемѣна, которую онъ позволилъ себѣ, заключалась въ томъ, что при переѣздѣ въ новый домъ онъ велѣлъ заново вызолотить крендель, замѣняющій ему вывѣску.

Съ нѣкоторыхъ поръ Вильгельмина Карловна все чаще и чаще заговариваетъ о какихъ-то сахарныхъ крендельках, которые намѣревается печь; вмѣстѣ съ этими крендельками, въ головѣ ея непосредственно вяжется мысль о внучкѣ; надо полагать, послѣдняя эта мысль на чемъ-нибудь основывается... Что-жъ! будемъ надѣяться...

Какъ видите, болѣзнь Ивана Александровича должна была долго продолжаться. Не знаю рѣшительно, что происходило съ нимъ во все это время и какія мысли волновали его умъ и душу; я совершенно потерялъ его изъ виду съ того самаго дня, какъ онъ въ послѣдній разъ гулялъ по Невскому въ новомъ пальто и новой рубашкѣ. Въ послѣднее время, признаюсь, я какъ-то охладѣлъ къ нему и мало о немъ заботился... Дѣло въ томъ, что на слѣдующее утро, послѣ того какъ онъ занемогъ, я встрѣтилъ на Невскомъ нѣсколько молодыхъ людей, которые представляли такое разительное сходство съ Иваномъ Александровичемъ, что я тотчасъ же утѣшился — и сказать ли? — забылъ даже о существованіи прежняго Свистулькина. Недавно только, и то стороною, узналъ я, что онъ умеръ въ какой-то больницѣ и похороненъ въ новомъ пальто и новой рубашкѣ.

Сознаюсь вамъ чистосердечно, извѣстіе это произвело на меня слабое дѣйствіе. И въ самомъ дѣлѣ, не изъ чего было много огорчаться: во-первыхъ, Свистулькиныхъ такое множество на свѣтѣ, что умирай они хоть десятками, все-таки останется ихъ довольно; во-вторыхъ... но и во-вторыхъ, не стоитъ много огорчаться... одного развѣ жаль: жаль новаго пальто и новой рубашки, которыя унесъ онъ съ собою въ могилу... А впрочемъ, разсудивъ хорошенько, не стоитъ даже жалѣть и объ этомъ.

1850 г.

Digitized by Google

МАТЬ и ДОЧЬ.

(РАЗСКАЗЪ.)

Я вышелъ изъ дому около полудня и, миновавъ деревню, миновавъ столѣтнія, головастыя вѣтлы, окаймлявшія прудъ, миновавъ мельничную плотину, выбрался вскорѣ на узенькій проселокъ, изгибавшійся посреди темныхъ полей.

Была глухая, суровая осень; ненастье смѣнилось уже морозами. Вода, оставленная послѣднимъ ливнемъ въ колеяхъ проселка, давнымъ-давно обратилась въ ледяныя иглы, звонко хрустѣвшія подъ ногами. Наступало то время, когда заботливый поселянинъ, полный тревожнаго опасенія за свои озими, нетерпѣливо ждетъ перваго снѣга. Но снѣгъ еще не выпадалъ. Небо было тускло и мрачно; длинныя тучи, чернильнаго цвѣта, медленно подымались на сѣверѣ, придвигаясь ближе и ближе, вырастали грозными хребтами, окаймленными бѣлою бахромою, и, перегоняя другъ друга, проносились такъ быстро, такъ низко надъ головою, что слышалось, казалось, какъ шумѣли онѣ, пробѣгая воздушное пространство. Несмотря на раннюю пору утра, окрестность сохранила такой видъ, какъ будто день приближался къ вечеру и сумерки начинали окутывать промерзшую землю. Впрочемъ, этотъ тусклый, свинцовый оттѣнокъ неба придаетъ всегда окрестности, и особенно въ это время, какой-то меланхолическій характеръ, который соотвѣтствуетъ какъ нельзя болѣе обнаженному виду сжатаго поля, помертвѣлому проселку; мягче обозначаются въ немъ пожелтѣвшая опушка рощи

Digitized by Google

и блѣдная зелень озимаго хлѣба, и черныя полоски межей съ мелькающими еще кое-гдѣ пучками сѣрой бѣловатой полыни.

Меня окружалъ просторъ необъятный; сперва только смутно мелькали темно-синіе лѣса, перерѣзанные темными клиньями полей. Со всѣмъ тѣмъ до слуха моего не доносилось ни одного звука, который напомнилъ бы присутствіе живого существа.

Трудно было представить себѣ, чтобъ тутъ, на этихъ самыхъ нивахъ, обращенныхъ теперь морозомъ въ мертвыя кочковатыя пустыни, могли кипѣть, мѣсяца два тому назадъ, жизнь и дѣятельность,—чтобы все это пространство, залитое жаркими лучами солнца и покрытое золотымъ моремъ колосьевъ, оглашалось когда-нибудь веселыми пѣснями жницъ, которыя, не зная куда дѣваться отъ зноя, тѣснятся въ голубой тѣни, бросаемой высокими подводами, навьюченными снопами... Трудно было повѣрить, чтобъ этотъ мрачный лѣсъ, отчаянно простирающій голые свои сучья къ сѣрому небу, былъ нѣкогда густой зеленой рощей, распускавшей запахъ свѣжей листвы, наполненной звонкими хорами птицъ и жужжаніемъ насѣкомыхъ, покрывающихъ мшистые сучья, листья, кору и росистыя лужайки, охваченныя кой-гдѣ золотымъ лучомъ солнца...

Мертвый проселокъ издавалъ подъ ногами какой-то сухой, металлическій звукъ, который, вмѣстѣ съ шелестомъ вѣтра, былъ единственнымъ нарушителемъ окружающаго спокойствія. Вѣтеръ дулъ изрѣдка, но сильно и порывисто; то падалъ онъ совершенно и наступала вдругъ такая тишина, что ни одна сухая былинка не колыхалась на окраинѣ дороги,—то снова заводилъ свою пѣсню, сначала глухую и жалобную, похожую на отдаленный плескъ моря, потомъ дикую и постепенно торжественную, и, наконецъ, съ ревомъ и грохотомъ проносился мимо...

Не веселы эти напѣвы; но я люблю ихъ и жадно всегда прислушиваюсь къ осеннему вѣтру. Есть что-то невыразимо сладостное въ чувствѣ, какое овладѣваетъ нами въ минуты самаго полнаго одиночества, посреди безграничныхъ полей, опустошенныхъ позднею осенью. Не берусь передать точно и ясно впечатлѣнія, какія производятъ всегда на душу блѣдныя картины осени; знаю только, что по поводу ихъ душа обрѣтаетъ необычайную ясность и спокойствіе. Въ эти минуты сердце нево-

Digitized by Google

МАТЬ

Я вышелъ изъ
ревню, миновавъ
шія прудъ,
вскорѣ на узк
ныхъ полей

Была гл
морозами.
леяхъ п
иглы, з
когда
нія з
снѣг
дли
на
ни
го
р

все су-
ной ти-
дадете въ

давъ голову въ
я бережно вы-
отошелъ я уже
поднявъ неожи-
двѣ женскія фигуры,
показалось мнѣ, что
по мѣрѣ того, какъ
пространство, я явственно
отдалялись въ нѣкоторомъ раз-
были, очевидно, однакожъ,
мѣстѣ.

поминутно останавливалась,
что-то говорить, но, видя,
каждый разъ спиною и
отчаянный жестъ, нѣсколько
раздумьи и, повторивъ тотъ же
продолжала подвигаться впередъ.

маленькая, сгорбленная ста-
Одежда ея показывала страш-
лохмотья сѣраго зипуна неуклюже лѣпи-
старухи и съ трудомъ прикрывали ея
перехваченную толстой бичевой, на кон-
прикрѣплена была дырявая сума. Полураз-
свидѣтельствовали о дальней дорогѣ.
повязанная бѣловатымъ платкомъ,
того укутана какимъ-то темнымъ тряпьемъ,
нѣсколько разъ вокругъ шеи. Изъ-подъ гу-
этого тряпья выглядывало желтое лицо,
глубокими морщинами; тусклые глаза ста-
были красными вѣками, лишенными почти
страшно распухшими отъ слезъ, слѣды кото-
видѣлись еще на щекахъ. Глубокая, безнадежная
была главнымъ и въ то же время единственнымъ
этого лица, изрытаго временемъ и изнемо-
всѣми лишеніями. Старуха подпиралась березо-
сучкомъ, такимъ же искривленнымъ и изношен-
какъ рука, которая держала его.

со мною, она остановилась и снова по-

Digitized by Google

вернулась къ своей спутницѣ; но та тотчасъ укоротила шагъ, отошла нѣсколько въ сторону, стала къ намъ спиною и, сердито уткнувъ конецъ длинной палки въ землю, уперлась на другой конецъ грудью.

Старуха покачала головою.

— Маша, сказала она надорваннымъ отъ слезъ голосомъ.—Маша!.. Маша!.. повторила старуха съ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ укоризны.

Та, къ которой обращалось это воззваніе, сдѣлала нетерпѣливое движеніе, но не тронулась съ мѣста.

Старуха обратила тогда ко мнѣ заплаканное лицо свое и спросила, какъ пройти въ село Беззубово.

Мы стояли на перекресткѣ, гдѣ сходилось нѣсколько проселковъ; я указалъ на одинъ изъ нихъ старухѣ и разсказалъ ей, какого должна она держаться пути, чтобъ достигнуть цѣли своего путешествія.

Она слушала меня разсѣянно: видно было по всему, что горе ея было слишкомъ сильно и противъ воли подавляло въ ней остальныя чувства. Наконецъ она подняла голову и спросила:

— А далече ли будетъ, касатикъ?

До Беззубова оставалось безъ малаго верстъ тридцать.

— Тридцать? повторила старуха такимъ сокрушеннымъ голосомъ, какъ будто ей предстояло пути по крайней мѣрѣ на двое сутокъ.

— Развѣ ты не „беззубовская"? спросилъ я.

— Нѣтъ, родимый: мы изъ Комарева.

Комарево было мнѣ очень хорошо извѣстно: оно лежало по ту сторону Оки и отстояло отъ того мѣста, гдѣ мы находились, верстъ за семьдесятъ.

— А та женщина—тоже изъ Комарева?

— Изъ Комарева, касатикъ.

— Отчего же вы не вмѣстѣ идете? Сколько ни смотрѣлъ я на васъ, она все отъ тебя отставала,—да и теперь какъ словно кого-то чуждается.

Старуха подавила вздохъ, тоскливо покачала головою и сказала:

— Она, касатикъ, ничего не разумѣетъ.

— Какъ такъ?

— Разума нѣтъ у нея: извели, родимый... о-охъ! и всего-то съ прошлой Святой, касатикъ, примолвила она, свѣсивъ голову и заливаясь слезами.

Я взглянулъ еще пристальнѣе на ея спутницу.

Digitized by Google

Она стояла къ намъ въ полуоборотѣ, и темная профиль ея фигуры четко вырѣзывалась на мутно-сѣроватомъ горизонтѣ.

То была женщина лѣтъ двадцати двухъ, высокая, блѣдная, худая, съ продолговатымъ лицомъ и необыкновенно тонкими чертами; длинныя пряди бѣлокурыхъ волосъ въ безпорядкѣ разсыпались изъ-подъ дыряваго клѣтчатаго платка; въ голубоватыхъ глазахъ ея, опущенныхъ книзу, не было ничего дикаго и тревожнаго; одна одежда могла развѣ обращать на себя вниманіе: на всемъ ея тѣлѣ не было цѣлаго куска. Лохмотья эти показывали, однакожъ, что не время, а рука придала имъ настоящій безобразный видъ. Она была босикомъ; тонкія сухія ноги ея нимало, казалось, не чувствовали холода. Упершись обнаженнымъ локтемъ лѣвой руки въ конецъ палки, положивъ щеку въ ладонь, она неподвижно стояла на одномъ мѣстѣ, смотрѣла въ землю и оставалась, повидимому, нечувствительною къ яростнымъ порывамъ вѣтра, который развѣвалъ во всѣ стороны ея лохмотья.

Я снова обратился къ старухѣ и спросилъ, съ какою цѣлью предприняла она такое далекое путешествіе. Принимая въ соображеніе осеннюю пору, я предполагалъ, что старуха, подобно бо̀льшей части нашихъ поселянъ, воспользовалась свободнымъ временемъ, чтобы навѣстить дальнихъ родственниковъ.

— Нѣтъ, родимый: сродственниковъ нѣтъ у меня никакихъ въ Беззубовѣ, да и въ Комаревѣ, отколь идемъ, также нѣтъ никого: были, да померли всѣ! отвѣчала она со вздохомъ.—Изъ всей родни одна она только у меня и осталась, продолжала старуха.—О-охъ, о ней-то я вотъ и хлопочу, касатикъ; добрые люди научили понавѣдаться съ нею въ Беззубово: тамъ, сказываютъ, живетъ, вишь, какой-то мужичокъ—порчу, говорятъ, отводитъ всякую... О-охъ, дожила до какого горя, родимый!.. А баба-то, баба-то какая была! подхватила она, тоскливо раскачивая головою по направленію къ дочери.—Какъ услыхала я, что есть, молъ, такой мужичокъ въ Беззубовѣ, взяла я свою дочку, помолилась Господу Богу, да и пошли мы съ нею; авось либо, думаю, чѣмъ и поможетъ; свѣтъ не безъ добрыхъ людей! Вотъ, кормилецъ, боюсь только, съ ней бы чего не попритчилось... Дорога дальняя, время студеное, а одеженка на ней, самъ видишь, какая!.. Да что̀ ты съ ней станешь дѣлать? вишь она безотвѣтная какая...

Digitized by Google

Что ни надѣнь на нее, все такъ вотъ съ себя и рветъ: словно одежда-то душу ей давитъ... Дорога, думаю, студёная: на послѣдній пятакъ лаптёнки ей купила... Такъ нѣтъ: побросала ихъ—такъ пошла! Однимъ хороша: смирна больно,—куда какая смирная! Лаской промолвишь слово—вѣстимо, свое дѣтище, — она и слушается; чужихъ вотъ только не любитъ, особливо мужниныхъ родныхъ! Да она съ ними почитай теперь и не живетъ: все со мной да со мной. Какъ сказала я ей: „пойдемъ, говорю, Маша, въ Беззубово“, взяла это она, одѣлась, сломила сукъ и пошла за мною; слова не говоритъ, а все идетъ; и шла все время рядышкомъ; а коли, вотъ, чужой какой человѣкъ встрѣнется, ни за что не останется, отойдетъ въ сторону, подопрется вотъ такъ-то палочкой и нахохлится... Вѣстимо, о-охъ, вѣстимо, нѣтъ разума... А баба-то, касатикъ, баба-то была какая! О-охъ, извели мою Машу, извели, родимый!

Тутъ старуха снова повернулась къ дочери, молча устремила на нее распухнувшіе глаза свои и принялась медленно раскачивать сѣдою головою; слезы между тѣмъ струились по изрытымъ щекамъ ея, скользили по морщинамъ и капали ей на грудь и на руки.

— Маша, сказала наконецъ старуха, проведя ладонью по глазамъ.—Маша, пойдемъ, касатка! Полно тебѣ! пора, родная, пойдемъ!

Маша подняла голову, сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла слѣдовать за матерью, но, увидя меня, тотчасъ же остановилась, нетерпѣливо опустила голову и принялась водить концомъ палки по проселку.

Я подалъ знакъ старухѣ, и мы пошли по направленію къ Беззубову. Маша послѣдовала за нами.

Нѣсколько минутъ мы шли молча; старуха была до того подавлена своимъ горемъ, что вовсе, казалось, забыла о моемъ присутствіи. Я старался, однакожъ, возобновить разговоръ. Мало-по-малу старуха сдѣлалась словоохотливѣе, и, слово за словомъ, разсказала слѣдующее:

— Лѣтъ пятокъ, касатикъ, кажись, — не больно давно (такъ начала она), — Маша моя была первою дѣвкою во всемъ Комаревѣ, и не только въ Комаревѣ, во всемъ околоткѣ знали ее! Бывало, праздникъ придетъ, у насъ ли, у сосѣдей, отбою нѣтъ моей дѣвкѣ: первая была веселуха, первая хороводница,—да и красавица была, касатикъ! И не то, чтобы была она у меня пропастная какая.

Digitized by Google

озорная... оборони Богъ! Ужъ на что сосѣди—чужіе люди: бывало, дивуются, на нее глядя! А ужъ насчетъ дѣловъ какихъ — вѣстимо нашихъ, крестьянскихъ, — на что ни укажи, все ей рука: на жнитьѣ, кормилецъ, всѣхъ позади оставляла; первая начнетъ жать полосу, первая и кончитъ! Товарки-то, бывало, упарятся, упыхаются, а ей ничегохонько: сама жнетъ да пѣсни поетъ! Тоже вотъ и насчетъ миткалю — у насъ народъ фабричный, миткалемъ пробавляется,—и въ этомъ слыла она мастерицей. Коли тонкую основу, либо платки для набойки выткать, никому не давали помимо нея. И жили мы, касатикъ, смирнёхонько; ни въ чемъ нужды у насъ не было! Встаючи и ложаючи благодарила Господа, что послалъ мнѣ такую дочку,—одна она только и была у меня! Вотъ, касатикъ ты мой, смотрю: стали засылать ко мнѣ сватовъ: то одинъ понравѣдается, то другой, а пуще всѣхъ сваталъ сосѣдскій мужичокъ за сына; другихъ сыновей поженилъ онъ, одинъ только молодякъ оставался холостъ. „Что-жъ, думаю, люди хорошіе, живутъ въ достаткѣ, и дѣвка, думаю, въ порѣ, на выданьѣ; обдѣлить мнѣ ее нечѣмъ, а коли берутъ безо всего, стало, больно имъ по нраву пришлась и любить станутъ!“ Вижу и дѣвка моя не прочь. „Ну, думаю, знать на роду написано ей быть за сосѣдскимъ сынóмъ!“ И выдала я ее замужъ. Поплакала, разстались... о-охъ, и теперь-то тяжко вспомянуть, какъ разставалась я съ нею, словно сердце мое чуяло въ ту пору... Жила она въ мужниной семьѣ ладно и безобидно; худа я отъ нихъ на первыхъ-то порахъ не видала... Прошелъ годикъ, родила она мнѣ внучка; другой годикъ прошелъ, родила дочку. Видѣлись мы почитай каждый день; на дню-то, ину пору, разъ пятокъ забѣжитъ провѣдать съ ребятишками. „Того, молъ, матушка, не надо ли тебѣ, другого!“ заботливая была такая! А ужъ ихъ-то, касатикъ, ребятъ-то своихъ, какъ любила, такъ даже раздумье иной разъ возьметъ. Оттого ли, что жить-то ей поплоше стало, либо такъ, съ горя какого припало на нее... ума не приложу! Бывало, отцу родному не дастъ взять ихъ на руки; а коли изъ родни его какой подойдетъ—оборони Господи: такъ вся и затрясется — не тронь, да и полно! Шагу не ступитъ изъ дому, все съ ними. На работу пойдетъ, и не смѣй ей перечить! Поля у насъ дальнія; время ину пору тугое, и одной-то мочь не въ мочь, а она тащитъ съ собой ребятишекъ; вѣстимо, бабёнка молодая, сила не вѣсть какая,

Digitized by Google

жалость возьметъ: „Маша, скажешь,—шутка тяготу какую на себя берешь, оставила бы ихъ въ избѣ съ бабкой".— „Ничего, говоритъ, мамушка! мнѣ съ ними любо, работа не въ работу!.." Такъ бывало и оставишь... о-о-хо-хо! И прожили мы такъ-то до прошлой Святой. И грѣха бы не прилучилось, родимый, кабы да не нашъ народъ,—народъ фабричный, гуляющій; пошли у нихъ пиры да угощенья; къ тому времени и праздникъ приходскій подоспѣлъ. Вотъ, въ пятницу, какъ теперь помню, отгуляли гулянки, да и разошлись всѣ по избамъ. Въ Машиной семьѣ народу было много: три брата женатыхъ, окромѣ ея мужа. Задули лучину и полеглись. Спятъ, касатикъ... (А меня, какъ на грѣхъ, въ ту пору не было въ избѣ: ночевала я у сосѣдки). Время подходило къ полуночи: гораздо ужъ смерклось, пѣтухи давно пропѣли. Вотъ, родимый, и случись такой грѣхъ съ одной изъ золовокъ моей Маши — звали ее Дарьей: ворочалась съ боку на бокъ, да и заспи своего ребенка, а ребенокъ былъ однолѣтокъ съ моимъ внучкомъ, Машинымъ сынкомъ, и, какъ на грѣхъ, было имъ одно прозвище: какъ тотъ Петрушка, такъ и этотъ Петрушка. Дарья всполохнулась, да и давай кричать, что было мочи: „Батюшки, кричитъ, Петрушка померъ!" Машинъ мальчикъ лежалъ особнячкомъ въ зыбкѣ. Ей и покажись съ просонья-то, сердечной, что померъ ея парнишко: какъ полоумная бросилась она съ полатей; съ перепугу-то зыбки не найдетъ; да и гдѣ найти: давка, тѣснота! опричь того, темно—хоть глазъ выколи: она и давай метаться, какъ угорѣлая; ударилась со всего маху объ земь, мечется, кричитъ: вѣстимо, касатикъ, запужалась больно съ просонья-то! Они-то этого въ толкъ тогда и не взяли, да зачали ее бить; она еще пуще; они взяли, родной, связали ее, да и стащили въ сѣни... И не то, чтобы изъ злобы какой, касатикъ: народъ съ похмелья, къ тому же и грѣхъ такой прилучился... Ну, какъ пришли это они опосля въ сѣни, смотрятъ: Маша моя сидитъ посередь поля, сидитъ да бормочетъ не вѣсть что... никого не признаетъ... Съ той самой поры и повредилась, родимый! И не знать, что съ ней сталось такое: никого къ себѣ не подпускаетъ, отъ людей, отъ дому отбивается, ни съ кѣмъ слова не промолвитъ: словно языкъ отнялся у нея!.. День за день плоше да плоше: стала такая непокорливая; пошлешь куда, нейдетъ; скажутъ слово, не слушаетъ. Она роднымъ-то, касатикъ, и опротивѣла. Вѣ-

Digitized by Google

стимо, кабы лаской да бережью брали, оно, можетъ-статься, и такъ бы прошло, отлегло бы помаленьку; ну, а какъ противна стала, и давай они поѣдомъ ѣсть ее... Знамо, дурость-то наша крестьянская! И говорила я имъ тогда, не мало говорила, да рѣчи мои взабыть пошли!.. Меня вотъ только теперь и слушаетъ; а скажи другой слово, особливо изъ мужниной родни, такъ вся вотъ и затрясется... Дѣтей своихъ не признаетъ, да ихъ и не даютъ ей: боятся, не нагрѣшила бы какъ... Вѣстимо, долго ли! о-о-охъ!

Рыданія заглушили голосъ старухи, и она замолкла.

Я взглянулъ украдкою на Машу.

Она медленно шла за нами на разстояніи тридцати шаговъ. Руки ея крѣпко прижимали къ груди палку, которую спеленала она тряпьемъ, наподобіе грудного младенца. Жадно устремивъ глаза на предметъ своей ласки, она тихо кивала ему головою, улыбаясь, бормотала что-то несвязное и не замѣчала вѣтра, который попрежнему яростно развѣвалъ ея лохмотья.

— Вотъ и все такъ-то, касатикъ, начала снова старуха, кивая головою по направленію къ дочери,—что ни попадется ей подъ-руку, обернетъ тряпьемъ и давай няньчить да укачивать. Иной разъ день-деньской такъ-то забавляется; дѣтокъ, что-ли, вспоминаетъ—кто ее знаетъ!..

— Что, она у тебя всегда такая смирная? спросилъ я.

— Почитай что всегда; развѣ раздосадуетъ чѣмъ.

— Что-жъ тогда?

— И не вѣсть отколь только сила возьмется: рветъ все на себѣ, да мечетъ по сторонамъ; либо уйдетъ въ поле, въ лѣсъ, на погостъ: ляжетъ на-земь, колотитъ себя въ грудь: „Господи! кричитъ, голосомъ кричитъ,—Господи, возьми меня къ Себѣ, отними Ты мою жизнь!“ только и слышишь. Маешься, маешься съ нею... только вотъ и присмирѣетъ, какъ приведешь ее въ церковь... О-охъ, родимый, а баба-то, баба была какая! Да нѣтъ, тебѣ и въ умъ не вскинется, какая она была прежде! заключила старуха, отчаянно мотая головою и заливаясь слезами.

Немного погодя, мы подошли къ одной часовнѣ. Тутъ старуха остановилась и стала молиться. Когда она встала, я повторилъ ей, какъ пройти въ Беззубово, и разстался съ нею. Оберпувшись назадъ, я увидѣлъ, что Маша свернула уже съ проселка и, прижимая попрежнему палку къ груди своей, пробиралась полемъ. Сдѣлавъ изряд-

Digitized by Google

ный полукругъ, она снова ступила на проселокъ и нагнала мать.

Я возвращался домой далеко уже не съ тѣмъ беззаботно-легкимъ чувствомъ, подъ вліяніемъ котораго началась моя прогулка. Впрочемъ, и самое время перемѣнилось. Осеннія сумерки ложились на землю, окутывая мѣстность сѣрымъ туманомъ, сквозь который смутно уже начинали мелькать темные клинья лѣсовъ и полей; сизыя тучи окончательно заволокли небо; съ приближеніемъ ночи вѣтеръ поднимался сильнѣе и сильнѣе и уныло завывалъ въ мерзлыхъ колеяхъ проселка.

Было уже совершенно темно, когда навстрѣчу мнѣ замигали огоньки мельницы; другой рядъ огоньковъ, показавшійся изъ-за вѣтелъ, возвѣстилъ мнѣ, что я былъ дома.

Три дня спустя, я снова встрѣтилъ старуху и ея дочь, и вотъ именно по какому случаю.

Мнѣ необходимо было побывать въ одной деревушкѣ, расположенной на другомъ берегу Оки. Такъ какъ съ часу на часъ слѣдовало ожидать мороза, который могъ покрыть льдомъ поверхность рѣки и остановить на нѣкоторое время сообщеніе съ другимъ берегомъ, я поспѣшилъ воспользоваться послѣдними переправами на паромѣ. Часу въ восьмомъ утра я находился уже верстахъ въ трехъ отъ дому и приближался къ Окѣ. Утро было безподобное. Въ ночь выпалъ первый снѣгъ. Нѣжная бѣлизна окрестности смягчалась тускло-матовымъ отливомъ неба, которое синѣло по мѣрѣ того, какъ опускалось къ горизонту. Въ воздухѣ чувствовалась какая-то свѣжесть, которая, казалось, проникала васъ, но со всѣмъ тѣмъ не знобила членовъ. Направо и налѣво отъ проселка попадались одинокія столѣтнія сосны, съ длинными красноватыми стволами, узловатыми искалѣченными сучьями и темно-зелеными неправильными макушками, убранными снѣгомъ какъ бахромою; воздухъ былъ до того чистъ и прозраченъ, что мельчайшіе сучья на вершинахъ этихъ сосенъ обозначались четко, какъ бы нарисованные тонкою кистью. Галки и вороны кружились несмѣтными полчищами надъ вершинами деревъ. Было такъ тихо, что каждый разъ, какъ которая-нибудь изъ этихъ птицъ, отставъ отъ своихъ подругъ, опускалась на дерево, слышался трескъ сучка и вслѣдъ за тѣмъ паденіе снѣга, оторваннаго отъ погнувшейся вѣтки.

Я приближался къ Окѣ по нагорной сторонѣ и потому

Digitized by Google

не могъ увидѣть ее прежде, чѣмъ очутился на окраинѣ самаго берега. Берегъ спускался неправильными, каменистыми уступами, покрытыми кустарникомъ и полынью. Съ этой точки открывалась необозримая панорама. На первомъ планѣ — рѣка, изгибающаяся темно-синей лентой посреди бѣлоснѣжныхъ береговъ. За рѣкой, подлѣ самаго перевоза, нѣсколько лачугъ, которыя казались черными точками, дальше кругозоръ расширялся; лѣса и села мелькали фіолетовыми пятнами, перерѣзанными кой-гдѣ длинными озерами; далѣе все сливалось въ одну необъятную гладь, которой и конца-краю не было.

Я поспѣшилъ присоединиться къ группѣ мужиковъ, которые тѣснились у перевоза. Тутъ происходила страшная суматоха. Благодаря снѣгу, рѣка выступила нѣсколько изъ своихъ береговъ, такъ что слѣдовало пройти шаговъ двадцать по колѣни въ водѣ, прежде чѣмъ достигнуть дощатаго плота, служившаго прямымъ, непосредственнымъ сообщеніемъ съ паромомъ. Это обстоятельство смущало, повидимому, особенно сильно лошадей, которыя, не взирая на усердное тпруканье и понуканье своихъ хозяевъ, упорно мотали кудластыми головами и упирались ногами. Народъ, стоявшій на паромѣ, перекликался поминутно съ народомъ, находившимся на берегу.

— Эй, Ѳалалей! или какъ те звать? разнуздай лошадь-то—легче пойдетъ! кричалъ хозяинъ парома, жирный мужчина въ синей чуйкѣ и рыжихъ, рыбацкихъ сапогахъ.

— Подбери ей хвоста-тъ: замочитъ, сердечная, — не просушишь потомъ! кричалъ другой, съ клинообразной бородкой и трубкой въ зубахъ.

— Не учи, братъ, самъ знаю, откликнулся владѣлецъ лошади, приземистый, коренастый мужичокъ, находившійся очевидно въ самомъ затруднительномъ положеніи.

— Эй, ребята! крикнулъ снова парень съ трубкой.— Эй, сгоните его съ энтаго мѣста: оно хвастливо!

— Здорово, сватъ! подалъ голосъ четвертый, высокій, костистый мужикъ, упрямаго вида, стоявшій на берегу.

— Здорово, коли нечего дѣлать! отозвался хозяинъ парома.—Эй, вы, долго ли васъ ждать? Небось—не утонешь, ступай...

Упрямый мужикъ почесалъ затылокъ, взялъ лошадь подъ-уздцы и пошелъ отхватывать по водѣ.

Наконецъ, кой-какъ, послѣ многихъ толковъ, споровъ

Digitized by Google

и совѣщаній, изъ которыхъ трудно было вынытать слово, перемѣщеніе отъ берега къ парому начало приходить къ вожделѣнному концу. На берегу оставалась еще одна подвода. Къ счастью, успѣлъ я прицѣпиться къ ней прежде, чѣмъ оставила она берегъ; послышался взмахъ кнута, крики: „Эй, гой! о! у-уу!“ Подвода съ трескомъ бултыхнулась въ воду; толчокъ—и я очутился вмѣстѣ съ нею на грязномъ помостѣ парома, заставленномъ лошадьми и телѣгами. Отвязали причалъ, и мы двинулись по направленію каната.

— Ну, ребятушки, подсобляй, о-о-о! тащи дружнѣй! кричалъ хозяинъ, нахлобучивая одною рукою на глаза баранью свою шапку, тогда какъ другая рука его, одѣтая въ лохмотья кожаной перчатки, тянула канатъ.

Онъ стоялъ вмѣстѣ съ парнемъ, державшимъ трубку въ зубахъ, по колѣни въ водѣ, которая просачивалась сквозь плохо засмоленныя щели, текла съ каната и грозила затопить въ скоромъ времени самый помостъ, на которомъ стояли лошади. Несмотря на то, хозяинъ не унывалъ духомъ и продолжалъ перекидываться словами съ близъ-стоявшими мужиками, приглашая ихъ раздѣлить его трудъ.

— Вишь, смышленъ больно! отозвался приземистый мужичокъ.

— А что жъ! нешто у тебя руки-то купленыя? сказалъ курившій трубку, осклабляя зубы и отплевывая на сажень.

— Вишь какой... гм! купленыя! Небось видалъ? на базарѣ былъ?

— Подсобите, братцы, снова заговорилъ хозяинъ,— право-ну, тяжко.

— Знамо, что тяжко, возразилъ костистый мужикъ упрямаго вида,—за то ты съ насъ за провозъ берешь.

— Ахъ ты а-л-тынникъ! А много ли я съ васъ за провозъ-то беру?

— Много ли, мало ли, а парома-то небось не починишь, должно-быть въ прибыль живешь.

— Въ чужой мошнѣ—не въ своей квашнѣ: не смекнешь, гдѣ тѣсно, гдѣ пусто.

— Вишь какой!.. э! Толкуй, толкуй, а парома-то небось все не чинишь.

— А что мнѣ чинить-то?

— Какъ что?.. Того и смотри, на дно пойдет

Digitized by Google

какъ пятую недѣлю сулишься отдать въ починъ... То-то обѣщалъ, братъ, лапти сплесть не надравши лыкъ!

— Ладно, довезетъ! отвѣчалъ хозяинъ, тряхнувъ шапкой.—Нонѣ до завтра, понѣ до завтра ждемъ—Господь Богъ морозцу создастъ.. Что его чинить-то? заодно пропадать ему... авось либо помилуетъ: не потонемъ!.. Эй, гой, у-у, ребятушки! тащи дружнѣй, не робѣй... Эй, тётка, эй! что нахохлилась сидишь? хоть бы ты подсобила! заключилъ хозяинъ, выпрямляясь во весь ростъ и подмигивая на противоположный конецъ парома.

Я посмотрѣлъ въ ту сторону и нимало обрадовался, увидѣвъ знакомую мнѣ старушку. Она сидѣла на окраинѣ парома; подлѣ нея стояла Маша; свѣсивъ голову черезъ перила, она задумчиво водила по водѣ концомъ длинной своей палки.

Я покинулъ корму и пробрался къ старухѣ.

Она тотчасъ же признала меня, встала и поклонилась.

Съ перваго же взгляда я увидѣлъ, что лицо ея далеко не сохранило выраженія того глубоко-безнадежнаго отчаянія, какимъ отличалось оно во время первой нашей встрѣчи. Но когда я подошелъ-ближе и всмотрѣлся пристальнѣе, меня даже удивила счастливая перемѣна, происшедшая на лицѣ ея. Любопытство затронуло меня за живое. Мнѣ хотѣлось узнать результатъ ея совѣщанія съ беззубовскимъ знахаремъ, который—какъ говорила мнѣ тогда сама старуха—брался отводить всякую порчу и нечисть.

— Ну, что, бабушка, спросилъ я, усаживаясь подлѣ нея,—была ты въ Беззубовѣ?

— Ходила, касатикъ, отвѣчала она, подавляя вздохъ.

— Говорила съ тѣмъ мужичкомъ?

— Говорила, родимый...

— Ну, что, какъ? сказалъ я, указывая на Машу, которая не обращала на насъ ни малѣйшаго вниманія и продолжала водить концомъ палки по водѣ.

— Ничего, касатикъ, поглядѣлъ, пошепталъ...

— Сказалъ что-нибудь?

— Сказалъ, касатикъ...

Тутъ старуха медленно подняла голову, взглянула сначала на дочь, потомъ на небо и произнесла протяжнымъ голосомъ:

— Сказалъ: „Не отъ человѣка—говоритъ—отъ Господа Бога! Тутъ—говоритъ—человѣкъ не властенъ, на то Его святая воля!...“

Digitized by Google